Polon. Katkov

133 7 (2

<36605834970017

<36605834970017

Bayer. Staatsbibliothek

ND

М. Н. Катковъ.

1863 годъ.

СОБРАНІЕ СТАТЕЙ

ПО ПОЛЬСКОМУ ВОПРОСУ

помѣщавшихся

въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, Русскомъ Вѣстникѣ

и

Современной Лѣтописи.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1887.

S.n.5176

BAYERISCHE
STAATS-
BIBLIOTHEK
MUENCHEN

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

НАПРАВЛЕНО
В ОБМЕННЫЙ ФОНД

9941
24

ТИП. Т. И. ГАГЕНЪ МОСКВА

М. Катков

VII.

СЕНТЯБРЬ.

I.

ПЕРЕДОВАЯ СТАТЬЯ ВЪ № 189 „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ" (1-ГО СЕНТЯБРЯ).

Мы принуждены были волей-неволей вступить въ полемику по польскому вопросу съ газетой *День*, а черезъ нее и съ тѣми петербургскими газетами которыя почему-то съ особеннымъ увлеченіемъ заговорили въ защиту системы приведшей Царство Польское въ его теперешнее положеніе. Согласіе такой газеты какъ *Голосъ*, отличающейся направленіемъ достаточно опредѣлившимся (она считала своею обязанностью рыцарски защищать молодыхъ русскихъ кандидатовъ на профессорскія каѳедры, позволившихъ себѣ самыя неприличныя выходки противъ знаменитѣйшихъ ученыхъ Германіи и заявившихъ въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, что имъ нечему учиться въ нѣмецкихъ университетахъ), или такой газеты какъ *С.-Петербургскія Вѣдомости*, которыя не далѣе какъ въ мартѣ мѣсяцѣ печатали язвительныя статьи противъ православнаго духовенства, заводившаго безъ казенной поддержки народныя школы въ Кіевской епархіи, и одобряли попытку отвлекать народъ отъ этихъ школъ посредствомъ учрежденія другихъ школъ на казенныя деньги, согласіе такихъ газетъ съ газетой *День* по вопросу о политической системѣ

дѣйствовавшей въ послѣднее время въ Царствѣ Польскомъ есть литературное явленіе заслуживающее серіознаго вниманія. Мнѣнія, по собственному сознанію газеты *День*, не раздѣляемыя большинствомъ русскаго общества, и въ то же время находящія себѣ защитниковъ въ литературныхъ органахъ имѣющихъ между собой очень мало общаго, настоятельно требовали разбора, а разбирать эти мнѣнія значило оспаривать ихъ. Но спорить—дѣло вообще крайне непріятное; гораздо пріятнѣе соглашаться, и мы очень рады, что при всемъ разногласіи русской журналистики относительно Царства Польскаго, въ ней установилось согласіе по крайней мѣрѣ на счетъ западнаго края. Зная космополитизмъ русской журналистики, нельзя не подивиться что, повидимому, нѣтъ ни одной русской газеты которая не соглашалась бы что нашъ западный край есть русскій край и что онъ долженъ быть русскимъ краемъ, что къ этой цѣли должны клониться всѣ принимаемыя въ немъ мѣры, и что Россія обязана воспользоваться теперешнимъ польскимъ мятежомъ открывшимъ ей глаза, и серіозно подумать о приближеніи къ этой цѣли. Съ разныхъ сторонъ была высказана вѣрная мысль, что польскій вопросъ совершенно измѣнитъ свой характеръ когда русскій элементъ въ западномъ краѣ сдѣлается господствующимъ элементомъ. Даже планъ дарованія политической самостоятельности Царству Польскому одобрялся нѣкоторыми изъ нашихъ журналистовъ (газетой *День*, если мы не ошибаемся) преимущественно потому что политическая самостоятельность Царства Польскаго представляется имъ какъ одно изъ условій могущихъ облегчить и какъ бы оправдать нашу борьбу съ польскимъ элементомъ въ западныхъ губерніяхъ. Мы, съ своей стороны, не видимъ чтобы политическая самостоятельность Царства Польскаго могла быть тутъ хоть сколько-нибудь полезна; мы напротивъ знаемъ, что въ дѣйствительности она имѣла совершенно противоположныя послѣдствія. Мы, пожалуй, готовы согласиться, что еслибы западный край сдѣлался вполнѣ русскимъ краемъ, то *послѣ такой перемѣны,—послѣ*, а *не прежде*, самостоятельность Царства Польскаго уже не была бы для Россіи такимъ

существеннымъ и жизненнымъ вопросомъ какъ теперь; но тогда врядъ ли и пожелаетъ само Царство какой-либо политической самостоятельности. Польскіе элементы западнаго края, поддерживающіе мысль о возстановленіи Польши въ предѣлахъ 1772 года, служатъ главнымъ и почти единственнымъ затрудненіемъ въ польскомъ вопросѣ. Это затрудненіе такъ важно что никакія опасенія внѣшняго вмѣшательства не могутъ перевѣсить его. При теперешнемъ положеніи западнаго края, Россія не должна уклоняться ни отъ какихъ жертвъ чтобъ отвратить опасность, которая потребовала бы въ послѣдствіи еще бо́льшихъ жертвъ и можетъ-быть напрасныхъ. Но что̀ теперь составляетъ величайшую опасность для Россіи, политическая самостоятельность Царства Польскаго, то потеряетъ свою вредоносную силу когда западный край сдѣлается тѣмъ чѣмъ онъ долженъ быть — вполнѣ русскимъ краемъ. Тогда, — но только тогда, — еслибы встрѣтились событія подобныя тѣмъ которыми намъ еще такъ недавно угрожала дипломатія, мы могли бы въ дружеской бесѣдѣ между собой разсуждать о томъ, что̀ для насъ хуже, европейская ли война съ ея рискомъ или потеря стратегической позиціи на Вислѣ. Но теперь западный край еще не настолько связанъ съ Россіей чтобы польскіе мечтатели не могли думать объ его отторженіи отъ Россіи. Теперь намъ не время хладнокровно разсуждать о политической самостоятельности Царства Польскаго.

Все дѣло — въ западномъ краѣ, или, говоря общѣе, въ единствѣ Россіи. Въ этомъ согласны всѣ Русскіе; за это дѣло, какъ мы уже упомянули, стоитъ даже вся наша журналистика, служащая въ другихъ отношеніяхъ такимъ несоотвѣтственнымъ отраженіемъ общественнаго мнѣнія Россіи. Разногласіе относится лишь къ преемственности мѣръ. Огромное, можно сказать несмѣтное, большинство русскаго общества говоритъ: прежде всего надобно упрочить единство Россіи, надобно связать съ нею западный край неразрывными узами; пока это дѣло еще не сдѣлано, до тѣхъ поръ всякая тѣнь сепаратизма была бы крайне опасна даже по отношенію къ Царству Польскому, потому что сообщала бы польской національности ту

отраву которая такъ опасна для насъ. Такъ несомнѣнно думаетъ огромное, несмѣтное большинство русскаго общества. Варшавскіе приверженцы системы маркиза Велёпольскаго и русскіе журналы склоняющіеся къ этой системѣ или желающіе одобрять вытекающій изъ нея образъ дѣйствій смотрятъ на дѣло иначе. По ихъ мнѣнію, Россія сама по себѣ, а Царство Польское само по себѣ. Иные изъ нихъ употребляютъ какъ уловку, а другіе серіозно увѣрены что предоставленіе политической самостоятельности Царству Польскому можетъ не только идти параллельно съ мѣрами относящимися къ западному краю и вообще къ Имперіи, но даже предшествовать этимъ мѣрамъ. Тѣ для кого эта мысль есть только уловка придуманная ради прикрытія сепаратистическихъ видовъ, особенно же тѣ для кого программа маркиза Велёпольскаго есть только ступенька къ програмтѣ графа Старжинскаго, тѣ поступаютъ совершенно послѣдовательно когда указываютъ на серіозность польскаго мятежа и величаютъ его то всеобщимъ народнымъ возстаніемъ, то польскою революціей. Но кто всѣми силами готовъ бороться противъ обособленія нашихъ западныхъ губерній, тотъ крайне ошибается и обнаруживаетъ большую непредусмотрительность когда вторитъ защитникамъ теперешней системы управленія Польшей. При теперешнихъ обстоятельствахъ, политическая отдѣльность Царства Польскаго неизбѣжно должна вызывать польскій сепаратизмъ въ западномъ краѣ, а это не можетъ не быть помѣхой тѣмъ мѣрамъ относительно западнаго края которыхъ единодушно желаютъ всѣ Русскіе. Итакъ, прежде всего эти мѣры, а никакъ не политическая самостоятельность Царства. Съ этимъ, повидимому, теперь согласна и газета *День*, которая указываетъ сегодня на политическую самостоятельность Царства Польскаго лишь какъ на отдаленный планъ перспективы. Но если такъ, то никакъ уже нельзя говорить будто политическая самостоятельность Царства Польскаго нужна намъ для умиротворенія западнаго края и слѣдовательно должна предшествовать умиротворенію; нельзя также говорить что тотъ образъ дѣйствій котораго мы до сихъ поръ держались въ Царствѣ

есть единственно возможный тамъ образъ дѣйствій, нельзя наконецъ говорить что надобно бить повстанцевъ, но отнюдь не касаться тѣхъ «правъ и преимуществъ» которыя ведутъ къ насильственной вербовкѣ повстанцевъ и отдаютъ мирныя населенія во власть измѣнникамъ и революціонерамъ.

Преемственность мѣръ важнѣе въ политикѣ чѣмъ ихъ свойство или ихъ выборъ; по крайней мѣрѣ она можетъ значительно измѣнить ихъ свойство и придать совершенно иное значеніе ихъ выбору. Читатели найдутъ ниже замѣтку *Journal de St.-Pétersbourg*,* вызванную разными пущенными по Европѣ слухами о перемѣнахъ въ русской внутренней и внѣшней политикѣ. *Journal de St.-Pétersbourg* возражаетъ противъ иностранной журналистики, говорящей о коренныхъ преобразованіяхъ которыя будто бы должны быть немедленно введены въ Царствѣ и Имперіи. Нельзя не порадоваться что *Journal de St.-Pétersbourg* опровергаетъ эти слухи. Замѣтьте смыслъ этихъ выраженій: немедленное введеніе *коренныхъ* преобразованій, и притомъ *въ Царствѣ и Имперіи*, то-есть вопервыхъ и преимущественно въ Царствѣ, а вовторыхъ, и какъ бы въ придатокъ, въ Имперіи. Польша волнуется; въ Польшѣ господствуетъ мятежъ еще не подавленный, и вотъ въ этой странѣ нуждающейся прежде всего въ возстановленіи порядка, будто бы предстоитъ немедленное введеніе коренныхъ преобразованій, а Россія, по мѣткому для этого случая выраженію газеты *День*, будетъ пристегнута къ этому несчастному краю, надолго испортившему свое будущее! Какъ будто бы въ Царствѣ возможны и желательны теперь тѣ мѣры которыя полезны и необходимы въ Имперіи! Какъ будто это несчастное Царство можетъ служить нормой для Россіи! Въ Царствѣ теперь нужно возстановленіе вещественнаго порядка, а для этого нужна диктатура; чѣмъ болѣе длился или будетъ длиться мятежъ, благодаря приверженцамъ польской автономіи, тѣмъ продолжительнѣе должно быть диктаторское управленіе этимъ краемъ. Не о какихъ-либо политическихъ

* Въ томъ же нумерѣ *Моск. Вѣд.*

льготахъ приходится теперь думать въ Царствѣ; даже управленіе мирнаго времени не можетъ быть тамъ немедленно возстановлено. Затѣмъ все, повидимому, указываетъ, что ближайшею политическою мѣрой въ Царствѣ Польскомъ, по возстановленіи тамъ вещественнаго порядка, должно послѣдовать окончательное разрѣшеніе крестьянскаго вопроса, возбужденнаго во всей его силѣ самими мятежниками. По причинамъ очевиднымъ, это окончательное разрѣшеніе крестьянскаго вопроса возможно не иначе какъ посредствомъ диктаторскихъ, то-есть исключительныхъ и чрезвычайныхъ мѣръ, а не посредствомъ той автономіи, которая и въ 1846 и въ 1861 году умѣла обдѣлать крестьянскій вопросъ въ интересѣ враждебномъ крестьянамъ и Россіи. Права крестьянъ на землю, которую всѣ помѣщики Царства согласились подарить имъ безвозмездно, а также права крестьянъ на самоуправленіе, основывающіяся на вопіющихъ злоупотребленіяхъ совершаемыхъ гминными войтами,—всѣ эти права, возникшія изъ атмосферы мятежа, могутъ быть установлены не въ атмосферѣ растворенной политическими льготами; а такъ какъ всѣ эти права должны быть установлены, и такъ какъ ихъ установленіе есть первое условіе порядка и спокойствія въ Царствѣ Польскомъ, то не очевидно ли что Царство Польское должно дожидаться нѣсколько времени, пока можно будетъ распространить на него дѣйствіе тѣхъ мѣръ и льготъ которыя въ Имперіи оказались бы и возможными, и полезными, и необходимыми?

Откровенные и добросовѣстные органы иностранной журналистики принуждены теперь сознаться что дипломатія западныхъ державъ понесла рѣшительное пораженіе въ своемъ походѣ на Россію. Но понятно, что иностранной журналистикѣ было бы очень пріятно—это было бы ей столько же пріятно сколько намъ унизительно—еслибъ оказалось что не внутренній ходъ дѣлъ, не собственная польза Россіи, не интересы престола, нераздѣльные съ народными интересами, вызываютъ въ Россіи то или другое важное улучшеніе, а что Россія обязана тѣми или другими льготами польскому мятежу и,

слѣдовательно, иностранному вмѣшательству, которое поддерживало этотъ мятежъ. Западныя державы и западная журналистика имѣли бы тогда полное право оправдывать то вмѣшательство которое оскорбило и взволновало Россію до самой сокровенной глубины народнаго чувства. Это чувство, сказавшееся теперь съ небывалою въ русской исторіи силой, это чувство, о которомъ, какъ свидѣтельствуютъ пріѣзжіе изъ разныхъ краевъ Россіи, мы даже здѣсь, въ Москвѣ, не можемъ составить себѣ вѣрнаго понятія,—это чувство было бы отравлено навсегда сознаніемъ что тѣ или другія льготы суть не что иное какъ уступка мятежу и его патронамъ, — сознаніемъ, которое хочетъ навязать намъ теперь иностранная журналистика въ свое утѣшеніе. Если польскій мятежъ можетъ имѣть какое-нибудь вліяніе на ходъ нашихъ преобразованій, то единственно тѣмъ что онъ возбудилъ это неоцѣненное патріотическое чувство, при которомъ все трудное облегчается и всѣ недоразумѣнія должны исчезнуть какъ дымъ.

Когда мы, русскіе люди, еще при самомъ началѣ иностраннаго вмѣшательства, говорили о политическомъ соединеніи Царства Польскаго съ Имперіей, мы никакъ не разумѣли немедленнаго распространенія льготъ возможныхъ въ Россіи на Царство Польское, еще объятое мятежомъ или страдающее отъ его непосредственныхъ послѣдствій. Равенство можетъ быть между вѣрными подданными; равенства быть не можетъ между подданными вѣрными и мятежными, между краемъ спокойнымъ и преуспѣвающимъ и краемъ метущимся и потрясеннымъ въ своихъ основахъ. Что̀ хорошо для Россіи, то не можетъ быть теперь же хорошо для Польши, и лишь въ послѣдствіи, когда польскій край успокоится, льготы которыми будетъ пользоваться Россія могутъ быть распространены, или лучше онѣ не могутъ не быть распространены и на Польское Царство, состоящее подъ русскимъ скипетромъ. Это само собой разумѣется и безъ особенныхъ обѣщаній. Самые придирчивые защитники трактатовъ должны преклониться предъ молчаливымъ обѣщаніемъ этого рода. Только изъ желанія

поддерживать существующія смуты или полагать сѣмена будущимъ смутамъ можно ссылаться на трактаты съ тою цѣлію чтобы мятежъ былъ вознаграждаемъ льготами или обѣщаніемъ льготъ. Но Россія уже показала что она готова дать самый рѣшительный отпоръ всякому притязанію вызываемому явнымъ недоброжелательствомъ. Итакъ, если иностранныя державы подъ видомъ доброжелательства къ Польшѣ хотятъ вредить намъ, то ихъ притязаніямъ будетъ данъ отпоръ; никогда еще въ Русской исторіи, ни даже въ 1812 году, Русскій народъ не имѣлъ столько силъ и столько рвенія устранить подобныя притязанія какъ теперь, и мы конечно не упустимъ этого благопріятнѣйшаго для насъ момента. Мы ничего не уступимъ,—не только ни одной пяди Русской земли, но и ни одной буквы возможно благопріятнаго для насъ толкованія трактатовъ....

II.

Передовая статья въ № 190 „Московскихъ Вѣдомостей" (3-го Сентября).

Послѣдніе нумера французскихъ журналовъ, болѣе или менѣе связанныхъ съ офиціальнымъ міромъ, разъясняютъ намъ откуда взялись всѣ эти слухи о преобразованіяхъ, замышляемыхъ будто бы С.-Петербургскимъ кабинетомъ для Польши, а *кстати* уже и для цѣлой Россіи, слухи, которые уже опровергнуты въ *Journal de St.-Pétersbourg*.

Какъ не разъ уже говорили мы, дѣло Польши съ самаго начала было только средствомъ, а отнюдь не цѣлью для всѣхъ европейскихъ державъ, за исключеніемъ только Россіи, которая одна принимала и принимаетъ его близко къ сердцу, видя въ нынѣшнемъ возстаніи указаніе на существованіе зла, которое требуетъ кореннаго уврачеванія. Австрія, между прочимъ, желала имъ воспользоваться для того чтобы подъ шумокъ преобразовать Германію въ своихъ интересахъ, обезпечивъ себѣ и рѣшительное преобладаніе надъ Пруссіей, и воен-

ную помощь со стороны всего Германскаго Союза, на случай опасности для какихъ-либо ея владѣній, хотя бы они и не входили въ составъ этого Союза. Успѣхъ которымъ *повидимому* увѣнчался предложенный ею проектъ реформы побудилъ Пруссію искать сближенія съ Франціей, а для этого надлежало склонить С.-Петербургскій кабинетъ къ какимъ бы то ни было уступкамъ по польскому вопросу. Съ согласія будто бы самой Россіи, какъ увѣряетъ газета *Patrie* (отъ 7-го сентября), Берлинскій кабинетъ взялъ на себя неофиціальное, дружественное посредничество между Франціей и Россіей, опредѣливъ самъ уступки, на которыя, по его предположеніямъ, могла бы согласиться Россія. Главная попытка, какъ разказываетъ та же газета, была сдѣлана въ концѣ августа, во время аудіенціи данной Наполеономъ III прусскому послу, графу фонъ-деръ-Гольцу; но тутъ же и оказалось, что Пруссія нисколько не уполномочена Россіей ни опредѣлять размѣра уступокъ, ни ручаться за ихъ непреложность; представители же самой Россіи за границей, по предписанію своего правительства, какъ увѣряетъ *Patrie*, все время держались въ сторонѣ, и нисколько не измѣнили прежняго своего положенія. Такимъ образомъ Франція, поддавшись преждевременнымъ надеждамъ, только еще болѣе компрометтировала и безъ того непрочныя свои отношенія къ Австріи, и плодомъ этой новой дипломатической уловки можетъ быть только окончательное распаденіе того искусственнаго союза который съ такимъ трудомъ успѣлъ было установиться между тремя державами по поводу польскаго мятежа.

Въ настоящее время, какъ можно заключить изъ отзывовъ полуофиціальныхъ журналовъ, усилія Франціи направлены къ тому чтобы съ одной стороны, сколько возможно, возстановить дружественныя отношенія къ Австріи и къ Англіи, а съ другой—при посредствѣ Пруссіи склонить Россію къ уступкамъ. Таковъ смыслъ помѣщаемой ниже замѣтки изъ газеты *Constitutionnel* *, съ которою на этотъ разъ вполнѣ согласна и

* Въ томъ же нумерѣ *Моск. Вѣд.*

газета *La France*. Послѣдняя въ свою очередь увѣряетъ (9-го сентября), что «болѣе или менѣе плодотворное вмѣшательство Пруссіи не могло повлечь за собою измѣненія въ отношеніяхъ Франціи къ державамъ которыя доселѣ присоединялись къ ней въ опредѣленномъ указаніи на практическіе способы для умиротворенія Польши», и что хотя «Австрія, повидимому, уже разсѣяла сомнѣнія которыя могли возникнуть насчетъ ея германской политики, и остается въ наилучшемъ расположеніи относительно Польши и общаго равновѣсія Европы, тѣмъ не менѣе однакоже Пруссія не отказывается отъ своихъ усилій въ пользу миролюбиваго рѣшенія вопроса»; но, прибавляетъ этотъ журналъ, «должно сознаться, что эти усилія встрѣчаютъ въ С.-Петербургѣ сопротивленіе со стороны партіи которая не хочетъ ничего уступать ни правамъ Польши, ни интересамъ Европы, ни потребностямъ времени», и «если Россія, слѣдуя худымъ совѣтамъ, или будучи худо вразумлена, откажется теперь же вступить на этотъ путь справедливости и свободы, то ей придется оплакивать свое ослѣпленіе.»

Этотъ «путь справедливости и свободы», о которомъ говоритъ *La France* и на который, по ея словамъ, Россія не рѣшается вступить въ своемъ ослѣпленіи и подъ вліяніемъ реакціонной партіи, не признающей потребностей настоящаго времени, этотъ путь былъ довольно подробно обозначенъ этимъ же журналомъ, въ видѣ слуховъ о коренныхъ преобразованіяхъ готовящихся будто бы разомъ и для Польши, и для Россіи. Если эти слухи имѣли какое-либо фактическое основаніе, то изъ предыдущаго слѣдуетъ что они вѣроятно порождены только усиліями прусской дипломатіи сблизиться съ Франціей и проектами придуманными для насъ не въ Петербургѣ, а въ Парижѣ. Нерусское ихъ происхожденіе видно уже изъ того что они придумывались по поводу польскихъ дѣлъ и разчитаны были главнѣйшимъ образомъ на Польшу, что они представляли собою копію съ новаго государственнаго устройства Австріи, которое можетъ-быть и хорошо для Австріи, но было бы нелѣпостью въ Россіи, именно что они направлены бы-

ли не къ тѣснѣйшему внутреннему единенію, и слѣдовательно усиленію земли Русской, а предварительно къ раздѣленію ея на какія-то особыя области, со своими особыми центрами—въ Петербургѣ, въ Варшавѣ, въ Вильнѣ, въ Кіевѣ, въ Одессѣ, въ Москвѣ, въ Казани, и т. д., съ какими-то областными представительными собраніями, изъ которыхъ потомъ уже являлись бы уполномоченные въ общій правительственный центръ, словомъ, точь-въ-точь какъ въ Австріи, которая искони состояла изъ такихъ отдѣльныхъ областей, въ которой всѣ эти области сознательно тянутъ врознь и только чуть не силой могли быть притянуты (и то далеко не всѣ) къ общему имперскому сейму, тогда какъ въ Россіи политическая обособленность областей давно уже канула въ вѣчность, и возсозданія ея могутъ желать только тѣ немногіе, которые, какъ бы согласясь заодно съ Поляками, мечтаютъ о самостоятельномъ процвѣтаніи малороссійскаго говора и даже объ изданіи, какъ мы слышали, особаго офиціальнаго журнала на бѣлорусскомъ нарѣчіи. Да, нужно было бы не малое ослѣпленіе и рѣшительное отрицаніе потребностей времени для того чтобы Россія рѣшилась вступить на подобный «путь справедливости и свободы», который тотчасъ же оказался бы путемъ лжи и бѣдствій для Россіи.

Да и вообще, можно ли было вообразить себѣ что Россія рѣшится на какое-либо существенное преобразованіе ради удовлетворенія польскимъ притязаніямъ, и совершитъ по указаніямъ иностранныхъ державъ, въ угоду Франціи, или для дипломатическихъ удобствъ Пруссіи, такое дѣло которое могло служить отвѣтомъ лишь на ея собственныя потребности? Только непомѣрное тщеславіе Франціи могло внушить ей странную мысль что какое-либо существенное преобразованіе въ Россіи можетъ быть плодомъ ея вмѣшательства въ наши дѣла по поводу польскаго мятежа.

III.

Вторая передовая статья въ томъ же нумерѣ „Московскихъ Вѣдомостей“.

Нельзя сказать, чтобы правительственнымъ лицамъ Царства Польскаго было мало дѣла. Въ канцеляріяхъ работаютъ цѣлые дни, переписка огромная. А между тѣмъ на медленность дѣлопроизводства всѣ жалуются, и отъ нея страдаетъ дѣло. Поэтому не излишне, кажется, обращать вниманіе на то, что́ можетъ облегчить чиновниковъ.

Либеральное направленіе допустило подачу прошеній объ освобожденіи арестованныхъ лицъ. И вотъ Варшавянки и провинціалки забрасываютъ прошеніями всѣ канцеляріи. Управляющіе этими канцеляріями, столоначальники и писаря теряютъ драгоцѣнное время за пустымъ и даже вреднымъ дѣломъ. Такой-то арестованъ, его допрашиваютъ, и онъ оказывается виновнымъ; конечно, въ этомъ случаѣ не спасетъ его отъ наказанія стереотипная фраза прошеній, что „такой-то ни въ чемъ не виноватъ, и что онъ дѣйствовалъ по принужденію.“ Если же арестованный окажется не виноватымъ, скажемъ болѣе, виноватымъ не въ значительной мѣрѣ, то его выпускаютъ сами начальства изъ-подъ ареста въ самый короткій срокъ, такъ какъ тюрьмы переполнены, а число арестантовъ все возрастаетъ. Спрашивается теперь; для чего же допускается подача прошеній? Она плодитъ пустую переписку, потому что бо́льшая часть прошеній вызываетъ только отвѣты, что „при настоящемъ положеніи края помилованъ быть не можетъ“, или что „впредь до окончанія дѣла удовлетвореніе по просьбѣ не можетъ быть сдѣлано“. Но чтобы дойти до такого результата необходима длинная процедура, утомляющая должностныя лица. Сначала прошенія поступаютъ въ отдѣленіе прошеній, оттуда передаются въ особую канцелярію по дѣламъ военнаго положенія, изъ которой разсылаются или въ полевой аудиторіатъ, если дѣло тамъ находится, или къ военнымъ начальникамъ отдѣловъ, или въ слѣдственныя и

военносудныя коммиссіи, съ вопросами: за что̀ и съ котораго времени преступникъ содержится, въ какомъ положеніи дѣло его, и заслуживаетъ ли онъ помилованія и въ какой степени? Не успѣютъ приступить къ суду, а уже запрашиваютъ нельзя ли помиловать! Разумѣется, отвѣты бываютъ также стереотипные: или дѣло не кончено, или преступникъ не заслуживаетъ помилованія. Отвѣты объявляются чрезъ полицію, а чрезъ недѣлю, смотришь, поступаетъ новая просьба о томъ же самомъ мятежникѣ. Между тѣмъ канцеляріи, аудиторіатъ, слѣдственныя коммиссіи, военные начальники отдѣловъ и полиція, отрываются отъ серіознаго дѣла.

Поляки поняли сущность дѣла и находятъ полезнымъ утомлять канцеляріи и плодить переписку. Въ Варшавѣ и провинціяхъ подачею прошеній занимаются Польки; онѣ храбро штурмуютъ начальство, хотя прекрасно знаютъ какой получатъ отвѣтъ.

Но этого мало. Подача прошеній образовала цѣлый промыселъ. Есть особыя дамы, обыкновенно недурныя собой, и нерѣдко принадлежащія къ *demi-monde*, которыя берутъ на себя ходатайство по дѣламъ, и берутъ съ своихъ кліентовъ большія деньги. Наши корреспонденты видали письма, въ которыхъ эти ходатаицы требовали большихъ денегъ на томъ основаніи что въ такихъ дѣлахъ „каждый шагъ нужно оплачивать". Такимъ образомъ, къ утомленію присоединяется еще оскорбленіе подобными клеветами.

IV.

передовая статья въ № 191 „московскихъ вѣдомостей" (4-го сентября).

Мы намѣрены сегодня сказать два слова объ одномъ обстоятельствѣ, которое очень не важно само по себѣ и не заслуживало бы особой статьи, но которое тѣмъ не менѣе ведетъ къ объясненіямъ не совсѣмъ лишеннымъ значенія въ нынѣшнее смутное время.

Дѣло касается украйнофильскихъ затѣй и г. Костомарова, который, назадъ тому недѣли двѣ, напечаталъ въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* еще одну статейку, и въ ней сослался на письмо свое къ намъ отправленное около того же времени.

Г. Костомаровъ встрѣчаетъ какія-то неудобства защищаться печатно по поводу возбужденнаго нами вопроса объ украйнофильствѣ, и даетъ знать объ этомъ публикѣ, приглашая насъ предать тисненію письмо его къ намъ, которое будто бы можетъ послужить удовлетворительнымъ объясненіемъ по этому дѣлу. Еслибъ это было такъ, то г. Костомаровъ могъ бы самъ напечатать содержаніе этого письма въ той самой газетѣ гдѣ онъ противъ насъ пишетъ. А потому, предоставляя ему самому печатать его статьи и письма тамъ гдѣ онъ знаетъ, мы скажемъ только что онъ въ этомъ письмѣ жалуется на стѣсненія которымъ онъ будто бы подвергается въ своей дѣятельности вслѣдствіе поднятаго нами вопроса о смыслѣ его украйнофильскихъ попытокъ. Онъ собралъ деньги на изданіе разныхъ ученыхъ и учебныхъ книгъ на новосочиняемомъ украинскомъ языкѣ, и вотъ теперь, пишетъ онъ намъ, послѣ нашихъ статей встрѣчены имъ административныя затрудненія въ его предпріятіи. Къ тому же, добавляетъ онъ, ему не удается напечатать въ одной изъ петербургскихъ газетъ какую-то большую статью, написанную имъ въ свою защиту. Онъ требуетъ чтобы мы поспѣшили уничтожить всѣ эти неблагопріятныя послѣдствія публично возбужденнаго нами вопроса. Онъ хочетъ чтобы все стало попрежнему и чтобъ онъ могъ успѣшно продолжать свою дѣятельность. Онъ даже обязываетъ насъ ко всевозможнымъ усиліямъ для того чтобы склонить власти къ облегченію всѣхъ путей для его дѣятельности; онъ полагаетъ въ этомъ весьма важный для насъ вопросъ, замѣчая что лишь при такомъ съ нашей стороны образѣ дѣйствій онъ можетъ спорить съ нами, сохраняя къ намъ уваженіе.

Мы не имѣемъ никакой надобности спорить съ г. Костомаровымъ, и еще менѣе имѣемъ надобности въ его уваженіи.

Намъ немножко обидно только то что онъ такъ разчитываетъ на нашу малосмысленность. Онъ воображалъ что мы очень огорчимся при вѣсти о непріятностяхъ и неудобствахъ встрѣчаемыхъ имъ на его поприщѣ, и что мы бросимся опрометью помогать ему. Но какое намъ дѣло до затрудненій которыя онъ встрѣчаетъ? и изъ какихъ побужденій стали бы мы способствовать устраненію ихъ? Мы отъ всей души желали и желаемъ чтобы дѣло его не имѣло успѣха: какъ же онъ хочетъ чтобы мы вдругъ, потерявъ всякій смыслъ, стали пособлять ему? Да и какимъ образомъ могли бы мы пособлять ему? Правительственныя распоряженія отъ насъ не зависятъ. Мы дѣйствуемъ единственно посредствомъ печати. Мы докаызвали вредъ и ложь того направленія которому служитъ г. Костомаровъ: должны ли мы теперь доказывать противное? Нѣтъ, ужь этого-то онъ не дождется отъ насъ. Мы повторимъ съ полнымъ убѣжденіемъ что сознательно или безсознательно украйнофилы служатъ очень дурному и вредному дѣлу, что сознательно или безсознательно они служатъ орудіемъ самой враждебной интриги. Есть въ самомъ дѣлѣ какая-то враждебная сила у насъ, которая, пользуясь нашею неурядицей, недостаточнымъ сосредоточеніемъ нашихъ общественныхъ интересовъ, разбродомъ мыслей и мнѣній, отыскиваетъ и поддерживаетъ все что̀ только можетъ послужить матеріаломъ для какихъ-нибудь смутъ въ нашей народной жизни и вообще въ нашемъ отечествѣ. Мы не видимъ этой враждебной силы въ лицо, но вездѣ видна ея подталкивающая и пособляющая рука.

Мы знаемъ что во многихъ общественныхъ интересахъ правительственное вмѣшательство часто ведетъ къ послѣдствіямъ противнымъ ожиданію. Вотъ почему, съ развитіемъ гражданственности, все яснѣе и отчетливѣе опредѣляются задачи правительства по отношенію къ общественной жизни. Но только глупость можетъ смѣшивать общее правило съ частнымъ случаемъ и руководствоваться при рѣшеніи какого-нибудь практическаго вопроса отвлеченною точкой зрѣнія. Еслибы мы жили въ мірѣ идей, то дѣла шли бы очень легко и просто: все опредѣлялось бы и обозначалось бы само собою; но къ

сожалѣнію мы живемъ въ мірѣ дѣйствительномъ гдѣ все до такой степени перепутывается что часто бываетъ трудно добраться до какого-нибудь смысла. Мы находимся въ мірѣ случайностей и произвольныхъ человѣческихъ дѣйствій, и вся сила практическаго смысла въ томъ и состоитъ чтобъ умѣть найтись въ этомъ лабиринтѣ и не даться въ обманъ. При практической оцѣнкѣ надобно брать въ разчетъ обстоятельства мѣста и времени. Еслибы г. Костомаровъ дѣйствовалъ въ Германіи, во Франціи или Англіи, то никто не обратилъ бы вниманія на его попытки создать языкъ изъ мѣстнаго нарѣчія: никто не сталъ бы запрещать ему издавать ученыя и учебныя книжки на этомъ языкѣ, — именно потому что тамъ подобныя попытки не имѣли бы серіознаго значенія и свидѣтельствовали бы только о забавной странности человѣка который посвящаетъ имъ свое время. Нигдѣ въ Европѣ ни правительство, ни общество не могли бы оказывать пособія такого рода предпріятіямъ, и потому не было бы и надобности принимать противъ нихъ съ другой стороны какія бы то ни было стѣснительныя мѣры. Нигдѣ въ общественныхъ или административныхъ средахъ не могла возникнуть мысль о преподаваніи въ казенныхъ школахъ на какомъ-нибудь другомъ языкѣ, кромѣ языка общенароднаго, и нигдѣ нѣтъ надобности протестовать противъ безвредныхъ, ни къ чему не ведущихъ попытокъ чудачества. Но тамъ, гдѣ нужно толковать, и долго толковать о предметахъ самыхъ понятныхъ, какъ будто о какихъ-то мудреныхъ умозрительныхъ задачахъ, гдѣ можно сюрпризомъ и исподтишка надѣлать много всякихъ дѣлъ, гдѣ еще нужно доказывать изо всѣхъ силъ что, напримѣръ, естествовѣдѣніе отнюдь не можетъ служить основаніемъ для гимназій, — гдѣ нужно доказывать что мущина есть мущина, а женщина женщина,—гдѣ нужно доказывать что людямъ несвойственно ходить на головѣ, а что для этого есть ноги, — тамъ серіозная опасность можетъ произойти отъ ничтожныхъ причинъ. Г. Костомаровъ встрѣчаетъ теперь затрудненія въ своей дѣятельности по нѣкоторымъ правительственнымъ вѣдомствамъ: ему не желательно встрѣчать эти затрудненія, ему

Библиотека Социалистической Академии

было бы желательнѣе встрѣчать пособія. Это очень естественно; но людямъ считающимъ задуманное имъ дѣло вреднымъ, естественно въ свою очередь желать чтобъ онъ не встрѣчалъ пособій или чтобы пособія обезсиливались по возможности затрудненіями. Правительство не есть отвлеченное понятіе. Правительство состоитъ изъ разныхъ вѣдомствъ, дѣйствующихъ самостоятельно и отдѣльно одно отъ другаго, а часто и совершенно врознь. Правительство состоитъ изъ лицъ, которыя на многіе предметы часто смотрятъ съ точки зрѣнія совершенно противоположной. Одинъ и тотъ же предметъ со стороны того или другаго вѣдомства, того или другаго лица, можетъ пользоваться сознательнымъ или безсознательнымъ содѣйствіемъ: за то не должны ли другіе, смотрящіе на дѣло съ противоположной точки зрѣнія, усилить, сколько возможно, свое противодѣйствіе? Подождемъ другаго, болѣе благопріятнаго времени, когда всевозможная ложь, глупость и сумасбродство рѣшительно потеряютъ всякую надежду на сильную поддержку,—и тогда поговоримъ о ненадобности какихъ-либо отрицательно-противодѣйствующихъ мѣръ; да тогда онѣ, по всему вѣроятію, устранятся и сами собою.

Но какъ бы то ни было, мы не можемъ отвѣчать за распоряженія правительственныхъ вѣдомствъ или лицъ. Лица находящіяся у дѣлъ лучше нашего знаютъ какія и въ какое время требуются распоряженія; они могутъ руководствоваться разными соображеніями, которыхъ основанія могутъ быть совершенно неизвѣстны намъ. Мы обращаемся къ публикѣ, и можемъ дѣйствовать только гласно, дѣйствовать только на общественное мнѣніе и чрезъ его посредство. Есть великіе предметы, есть интересы важные для цѣлаго общества, и всякій живой членъ общества обязанъ охранять ихъ или способствовать имъ по мѣрѣ своихъ силъ и въ предѣлахъ своей дѣятельности. Только при живомъ участіи всѣхъ и каждаго въ дѣлахъ общественной важности общество оказывается способнымъ къ самостоятельной жизни; только при такомъ условіи общественное мнѣніе становится дѣйствительною силой, только при такомъ условіи наступаетъ для общества та пора

зрѣлости которая дѣлаетъ излишними и административную опеку, и разныя предупредительныя мѣры. Послѣ горькихъ опытовъ, которымъ въ продолженіе послѣднихъ лѣтъ подвергалось наше общество, мы съ большею чѣмъ когда-нибудь силой чувствуемъ свою обязанность дѣйствовать на своемъ поприщѣ съ полною рѣшимостью и откровенностью. Мы должны разъ навсегда освободиться отъ ребяческой мысли будто какія-либо соображенія должны удерживать насъ отъ исполненія нашихъ обязанностей предъ обществомъ, будто мы должны скрывать наши сужденія о вредныхъ дѣйствіяхъ изъ опасенія какъ-нибудь повредить этимъ вреднымъ дѣйствіямъ или стѣснить ихъ виновниковъ. Ловкіе люди увѣрили нашихъ либераловъ будто долгъ рыцарства требуетъ жмуриться при видѣ общественнаго зла и лжи, и не называть ихъ собственнымъ именемъ. Они выдумали ученіе въ силу котораго будто бы нельзя противодѣйствовать тому что̀ по нашему убѣжденію есть несомнѣнное зло, и этотъ разчетъ на глупость русскаго общества доходитъ до того что недавно изъ Кіева (да, изъ Кіева!) получили мы письмо за подписью «Полякъ», въ которомъ русскому обществу поставляется въ неискупимую вину то что оно высказывается столь рѣшительнымъ образомъ противъ польскихъ притязаній, а польскимъ притязаніямъ не даетъ высказываться въ русской литературѣ съ должною энергіей и полнотою. Этотъ странный корреспондентъ добавляетъ что польскіе патріоты отказываются теперь ото всякихъ надеждъ на Русскій народъ, и что имъ остается только надѣяться на администрацію. Въ добрый часъ! Пусть надѣются. Но хорошо уже и то, если эти господа убѣдились крѣпко что русское общество при первомъ серіозномъ испытаніи, которому оно подверглось, обнаружило достаточную зрѣлость, и что отнынѣ трудно будетъ поймать его на ловкія штуки.

Люди могутъ ошибаться въ своихъ сужденіяхъ и оцѣнкахъ, но всякій долженъ судить и дѣйствовать по убѣжденію и совѣсти. Чего мы не знаемъ, того не должны касаться. Но молчать изъ какихъ бы то ни было соображеній, при видѣ зла которое совершается на глазахъ у всѣхъ, которое вовсе

и не думаетъ скрывать себя, а напротивъ ищетъ расположить въ свою пользу всѣхъ и каждаго, было бы глупостью или подлостью. Мы можемъ не вмѣнять вредныхъ результатовъ намѣреніямъ людей, которые своими дѣйствіями приготовляютъ ихъ; дѣйствія людей могутъ быть не намѣренныя; но обществу отъ этого не легче. Со злымъ ли умысломъ, или по глупости, или въ припадкѣ сомнамбулизма, человѣкъ поджигаетъ домъ, — пусть это разыскиваютъ свѣдущіе люди; но всякій обязанъ предупреждать очевидное зло. Люди сами не понимающіе чтò дѣлаютъ должны убѣдиться во вредѣ своихъ дѣйствій, а понимающіе — должны убѣдить общество въ ихъ безвредности. Противники наши жалуются что лишены возможности защищаться удовлетворительнымъ образомъ. Но въ чемъ они полагаютъ свою защиту? Въ томъ ли что они не имѣютъ въ виду тѣхъ дѣйствій которыя имъ приписываются, или что вредъ который ожидается отъ этихъ дѣйствій есть очень хорошее дѣло? Для защиты перваго рода, по всему вѣроятію, никто и нигдѣ не встрѣтитъ себѣ препятствій. Что же касается до защиты втораго рода, то надобно слишкомъ разчитывать на глупость общества чтобы надѣяться на ея успѣшность. Доказывайте что въ дѣйствіяхъ вашихъ нѣтъ того значенія которое имъ приписывается, — на это имѣетъ всякій право, и въ этомъ дай Богъ всякому успѣха. Но не смѣйте разчитывать на успѣхъ если вздумаете доказывать обществу что зло которое видно въ вашихъ дѣйствіяхъ и котораго вы сами не скрываете есть хорошее дѣло. Доказывайте сколько угодно что ваши старанія выкроить изъ Русскаго народа нѣсколько особыхъ народностей могутъ только укрѣпить и усилить его единство; но конечно нельзя среди Русскаго народа проводить съ успѣхомъ мысль что единство и цѣлость Русскаго народа есть обстоятельство ничтожное, или что Россія есть призракъ который долженъ исчезнуть.

Итакъ, мы считаемъ долгомъ объявить нашимъ противникамъ, кто бы они ни были, что мы не будемъ стѣснять себя никакими соображеніями при изобличеніи дѣйствій которыя считаемъ вредными или ложными. Наши сужденія не имѣютъ

ни для кого обязательной силы, наши сужденія могутъ быть отрицаемы и оспариваемы; но пусть никто не разчитываетъ на наше молчаніе.

Впрочемъ украйнофилы могутъ еще утѣшать себя разными надеждами, подобно упомянутому выше «Поляку», почтившему насъ письмомъ изъ Кіева. Если они встрѣтили нѣкоторыя маленькія затрудненія и задержки, то очень можетъ-быть что съ другой стороны они найдутъ себѣ тѣмъ вящее пособіе. Мысль одушевляющая ихъ стремленія не умерла, а кажется здравствуетъ. Можетъ-быть въ скоромъ времени къ украйнофиламъ присоединятся еще какіе-нибудь *филы*. Намъ пишутъ изъ Петербурга что нарождается еще какая-то партія бѣлоруссофиловъ. Петербургъ до такой степени преисполненъ жизненныхъ силъ, что во что̀ бы то ни стало хочетъ оплодотворить всѣ наши *жаргоны* и создать столько русскихъ народностей и языковъ сколько окажется у насъ годныхъ къ отсѣченію частей. Кто бы подумалъ что даже и бѣлорусское нарѣчіе нѣкоторые любители хотятъ возвести въ литературный языкъ? Какая жатва для будущаго! Насъ увѣряютъ довольно положительно что предполагается основать въ Вильнѣ изданіе газеты на бѣлорусскомъ нарѣчіи. Газета на бѣлорусскомъ нарѣчіи! Пусть же утѣшится г. Костомаровъ, — пусть онъ порадуется: значитъ дѣло которому онъ служитъ ничего не потеряло. Польскіе «націоналы» въ западномъ краю могутъ также порадоваться этой новой попыткѣ отдѣлить нравственно бѣлорусскій край отъ Россіи.

V.

ПЕРЕДОВАЯ СТАТЬЯ ВЪ № 192 „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“ (4-ГО СЕНТЯБРЯ).

Чѣмъ дѣло выше и лучше тѣмъ болѣе зла въ его фальшивомъ подобіи. Что̀ можетъ быть краше житья въ мирѣ, взаимной терпимости, братскомъ согласіи? Къ чему лучше могутъ быть направлены усилія государства какъ не къ установленію такого порядка при которомъ было бы возможно для

всѣхъ его гражданъ это счастливое житіе вкупѣ? Но эти усилія будутъ только тогда хороши, они только тогда не будутъ сопровождаться вредными послѣдствіями, когда ихъ цѣлію будетъ не кажущееся, а дѣйствительное установленіе такого порядка. Въ противномъ случаѣ они не вели бы къ цѣли, а отдаляли бы отъ нея.

Между русскою народностью и польскими людьми было болѣе мира, пока не было ни заботъ, ни даже рѣчи о ихъ примиреніи. Они уживались между собой, въ одномъ случаѣ болѣе, въ другомъ случаѣ менѣе ладно, и съ теченіемъ времени враждебность ослабѣвала сама собой. Примирительная политика, желавшая ускорить естественный ходъ, прервала правильное дѣйствіе силы вещей и, сообщивъ дѣлу примиренія искусственное направленіе, сама создала себѣ искусственныя препятствія, которыхъ прежде не было. Искусственными попытками къ примиренію было нарушено естественное тяготѣніе къ примиренію. Что̀ было дѣйствительно желательно и полезно, то уступило свое мѣсто призраку, за которымъ скрывалось нѣчто совсѣмъ другое, нисколько не желательное и не полезное. Призракъ примиренія былъ чреватъ вооруженнымъ возстаніемъ и всяческою измѣною, и теперь взаимныя отношенія между русскою и польскою національностью стоятъ хуже чѣмъ пять лѣтъ тому назадъ, и интересы примиренія должны прокладывать себѣ дорогу сызнова.

Этотъ урокъ не долженъ пропасть для насъ. Ничѣмъ не можемъ мы такъ повредить дѣйствительному замиренію польской племенной вражды съ нами какъ фантастическою надеждой на возможность достигнуть этой цѣли искусственнымъ способомъ. Если намъ дорого самое дѣло примиренія, если мы желаемъ сохранить въ чистотѣ правду этого дѣла, если мы не хотимъ внести въ него ложь все отравляющую, то мы должны безъ страха и робости смотрѣть прямо въ глаза истинѣ, какъ бы она ни была сурова и въ какое бы она ни повергала уныніе наше доброжелательство. Мы должны откровенно сказать себѣ что примиреніе между Русскими и Поляками невозможно ни на другой, ни на

третій день послѣ польскаго мятежа. Это дѣло не зависитъ ни отъ нашего миролюбія, ни отъ нашего великодушія; какъ отдѣльные люди, въ своихъ частныхъ дѣлахъ мы можемъ давать полную волю этимъ похвальнымъ чувствамъ, но какъ народъ мы не въ правѣ великодушничать на свой счетъ или своимъ миролюбіемъ возбуждать ожиданіе что мы способны въ угоду Полякамъ пожертвовать интересами и даже жизнію своего народа. Никакой народъ имѣющій право на существованіе жертвовать собой не можетъ. Отрекаются отъ себя только тѣ народы которые сходятъ съ историческаго поприща. Потому, какъ народъ, мы не имѣемъ права великодушничать. А не налагая рукъ на себя, Русскій народъ можетъ обнаруживать миролюбіе къ Полякамъ только подъ тѣмъ условіемъ чтобъ они совершенно отказались отъ своихъ притязаній на русскія земли. Только тотъ Полякъ кто будетъ такимъ же искреннимъ русскимъ патріотомъ какъ напримѣръ многіе состоящіе въ русскомъ подданствѣ Нѣмцы, только такой Полякъ имѣетъ право на примирительный образъ дѣйствій съ нашей стороны, но относительно такого Поляка нѣтъ надобности въ примирительныхъ дѣйствіяхъ, потому что примиреніе его съ нами уже совершилось съ тѣхъ поръ какъ онъ сталъ русскимъ патріотомъ. Но быть русскимъ подданнымъ и не имѣть русскаго патріотизма и въ то же время заявлять притязанія на примирительный образъ дѣйствій со стороны русскихъ людей, это такое противорѣчіе которое не можетъ быть терпимо, и еслибы мы стали терпѣть его, то мы сдѣлали бы рѣшительно невозможнымъ примиреніе польской національности съ русскою.

Пусть же всякій самъ отвѣтитъ себѣ на вопросъ, можно ли ожидать чтобы завтра или послѣзавтра польскіе жители нашего западнаго края, въ большинствѣ своемъ, сдѣлались русскими патріотами, стали гордиться именемъ русскаго подданнаго, полагать выше жизни долгъ вѣрноподданнаго? Всѣ эти условія вещь сама собой разумѣющаяся во всякомъ подданномъ Имперіи; еслибъ эти условія были только исключеніемъ изъ общаго правила, то Русское государство не могло бы существовать, какъ не могло бы существовать и никакое другое

государство не только при враждебности, но даже при равнодушiи къ нему большинства его подданныхъ или большинства цѣлыхъ классовъ его подданныхъ. Если же цѣлые классы западнаго края сомнительны въ этомъ отношенiи, и если мы не хотимъ допустить чтобы принадлежность этого края къ Россiи оставалась предметомъ вопроса, если мы сознаемъ что нашъ долгъ относительно Россiи не позволяетъ намъ допускать это, то мы обязаны сказать прямо и открыто что существованiе этихъ классовъ, въ томъ видѣ какъ теперь, несовмѣстно съ интересомъ Россiи, которымъ мы не въ правѣ жертвовать. Прибѣгать къ уверткамъ, маскировать истину, служить отечеству притворяясь что забываемъ о немъ, было бы нечестно. Это былъ бы iезуитскiй образъ дѣйствiй, приличный заговорщикамъ боящимся дневнаго свѣта. Мы, Русскiе, не должны принимать такого положенiя относительно Поляковъ западнаго края. Своею двуличностью мы только усилили бы ихъ ненависть къ намъ. А боясь высказать истину открыто, мы принуждены были бы дѣйствовать двулично, еслибы не рѣшились грѣшить противъ долга предъ отечествомъ.

Не такъ давно одинъ русскiй помѣщикъ купилъ имѣнiе въ Виленской губернiи; его грозили убить при первомъ удобномъ случаѣ и заставили продать имѣнiе Поляку. У другаго русскаго помѣщика Поляки почти вырвали имѣнiе въ Волынской губернiи, и купилъ это имѣнiе родовитый Полякъ. «Русскiе чиновники, пишутъ въ газету *День* изъ Волыни, преслѣдуются здѣсь всѣми возможными способами, и въ случаѣ увольненiя отъ должности никогда почти не получатъ мѣста. Полякъ же уволенный отъ должности вездѣ найдетъ покровителей и защитниковъ». Въ виду такихъ фактовъ можно ли говорить о примиренiи, не устранивъ предварительно ихъ возможности? «Почти въ каждомъ селенiи западнаго края, пишутъ намъ изъ Кiева, есть у Поляковъ свой кремль; все что̀ къ нему льнетъ (а къ нему льнетъ все *земское*, въ видѣ писарей, экономовъ, арендаторовъ, шинкарей, винокуровъ и т. п.) окрашивается польскимъ колоритомъ, а ничто окрашенное польскимъ колоритомъ не надежно для государства». Оставлять этотъ поря-

докъ какъ онъ есть нельзя, не навлекая серіозной опасности на Россію. Пока онъ въ силѣ, до тѣхъ поръ нелѣпо мечтать и о примиреніи Поляковъ съ Русскими. Поэтому въ интересѣ Русскаго государства и въ интересѣ примиренія русскаго народа съ польскимъ надобно противодѣйствовать этому порядку, — противодѣйствовать ему либо скрытно, либо явно. Нѣтъ сомнѣнія что во всѣхъ отношеніяхъ и достойнѣе, и выгоднѣе явно говорить о необходимости противодѣйствовать ему. Эта необходимость есть вопіющая государственная необходимость. Подчиняясь ей, мы можемъ быть совершенно свободны отъ племенной ненависти или мести. Мы можемъ заботиться о томъ чтобы, дѣйствуя въ силу этой необходимости, всячески смягчать свои дѣйствія и щадить все что̀ только можетъ быть пощажено безъ вреда государству. Мы можемъ дѣйствовать въ предѣлахъ права, не допуская іезуитскаго правила что цѣль освящаетъ средства. Но съ другой стороны мы выдали бы интересы отечества, мы нарушили бы свой долгъ еслибы не воспользовались вполнѣ всѣмъ тѣмъ на что̀ имѣемъ право и упустили бы какой-либо изъ случаевъ, или оставили бы безъ вниманія какое-либо изъ средствъ, представляющихся намъ для достиженія цѣли имѣющей характеръ государственной необходимости.

Сплошное польское землевладѣніе есть главная язва западнаго края. Противъ этой язвы одно средство — по возможности разрѣдить польское землевладѣніе, увеличить число русскихъ помѣщиковъ въ этомъ краѣ. Такова должна быть открытая цѣль нашей внутренней политики, и мы должны всячески изыскивать средства для законнаго достиженія этой цѣли. Недавній мятежъ представляетъ къ тому случай который не долженъ быть упущенъ. Наказанія за участіе въ мятежѣ, имѣющія характеръ кары, могутъ быть смягчаемы милосердіемъ, но еслибы мятежъ не имѣлъ своимъ послѣдствіемъ значительныхъ измѣненій въ землевладѣніи, то политическое положеніе края осталось бы то же самое какое было прежде, и Россіи угрожали бы тѣ же самыя опасности отъ которыхъ мы теперь только что успѣли—да и успѣли ли?—уйти. Говоря такъ, мы

не имѣемъ въ виду говорить въ пользу конфискацій. Хотя мы не можемъ придавать большаго значенія крикамъ иностранной журналистики что конфискаціи будто бы несогласны съ духомъ нашего времени, — эти крики доходятъ къ намъ изъ странъ не отказывающихся отъ права прибѣгать къ конфискаціямъ въ случаѣ надобности,—но мы не полагаемъ чтобы намъ было необходимо прибѣгать къ конфискаціямъ въ обширныхъ размѣрахъ, а если нѣтъ необходимости, то весьма желательно чтобы кара закона по возможности не касалась невиннаго потомства виновныхъ лицъ. Къ этому соображенію, основанному на юридической точкѣ зрѣнія, присоединяется еще экономическое соображеніе. Конфискаціи неизбѣжно ведутъ къ учрежденію ликвидаціонныхъ коммиссій, а управленіе имѣніями посредствомъ этихъ коммиссій крайне невыгодно для народнаго богатства. Сверхъ того, вслѣдствіе конфискацій увеличиваются лишь государственныя имущества, между тѣмъ какъ потребность западнаго края заключается не въ увеличеніи количества государственныхъ имуществъ, а въ усиленіи русскаго элемента между помѣщиками края. Государственныя имущества—плохая поддержка русской національности. Мало ли государственныхъ имуществъ въ западномъ краѣ,—но не розданы ли тамъ Полякамъ всѣ казенныя арендныя земли? Даже раздача конфискованныхъ имѣній посредствомъ пожалованія не приноситъ особенной пользы. Возбуждая враждебныя чувства въ сосѣднихъ помѣщикахъ, она не снабжаетъ края предпріимчивыми хозяевами, способными расширять свои владѣнія и свое вліяніе на мѣстныя дѣла. По всѣмъ этимъ соображеніямъ желательна не конфискація, а принудительная продажа имѣній принадлежащихъ лицамъ замѣшаннымъ въ мятежѣ, и притомъ продажа исключительно русскимъ помѣщикамъ. Замѣна заслуженной конфискаціи принудительною продажей была бы актомъ милосердія безвреднымъ для государства.

Но одна принудительная продажа имѣній этого рода была бы недостаточна. Она встрѣтила бы много затрудненій. Можно облегчить ее и вмѣстѣ отвратить упадокъ продажныхъ цѣнъ на имѣнія, который былъ бы непремѣннымъ слѣдствіемъ огра-

ниченнаго числа покупателей. Съ этою цѣлію надобно было бы учредить безотлагательно земскій банкъ для выдачи ссудъ исключительно русскимъ помѣщикамъ западнаго края. Это учрежденіе, о необходимости котораго просятъ насъ заявить мѣстные помѣщики русскаго происхожденія, было бы дѣломъ первостепенной государственной важности; оно оживило бы край послѣ понесенныхъ имъ бѣдствій; оно помогло бы ему выйти изъ затрудненій причиненныхъ одновременнымъ переходомъ отъ барщины къ вольнонаемному труду; наконецъ, оно возстановило бы справедливость относительно тѣхъ русскихъ помѣщиковъ которые безъ вины со своей стороны подверглись общей мѣрѣ обязательнаго выкупа и поземельной контрибуціи. Эти помѣщики не могутъ понять за что̀ они подверглись наказанію. Въ польскомъ движеніи они не виновны; они не виновны и въ тѣхъ послабленіяхъ благодаря которымъ оно развилось съ такою пагубною силой; когда мятежъ вспыхнулъ, ихъ жизнь была въ опасности; они сильно пострадали отъ мятежа и въ хозяйственномъ отношеніи. Несмотря на все это они подверглись не только общей мѣрѣ обязательнаго выкупа, но и контрибуціи. Послѣднее особенно приводитъ ихъ въ недоумѣніе. Но какъ бы то ни было, они ожидаютъ справедливости, и нѣтъ, повидимому, лучшаго и болѣе выгоднаго для государства средства удовлетворить ихъ справедливымъ ожиданіямъ какъ выдача имъ ссудъ для поправленія ихъ хозяйствъ и для расширенія ихъ землевладѣнія. Избранный правительствомъ способъ обязательнаго выкупа дѣлаетъ возможнымъ учрежденіе земскаго банка безъ опасенія что его бумаги произведутъ затрудненіе на денежномъ рынкѣ. Число обращающихся выкупныхъ свидѣтельствъ и пятипроцентныхъ билетовъ не увеличится вслѣдствіе обязательнаго выкупа, въ особенности въ губерніяхъ Кіевскаго генералъ-губернаторства; поэтому нѣтъ причины опасаться какихъ-либо вредныхъ послѣдствій отъ банка, котораго учрежденіе мы предлагаемъ. Порядокъ учрежденія можетъ быть тотъ самый который предположенъ во временныхъ правилахъ приложенныхъ къ проекту о земскихъ банкахъ, то-есть подписка на ссуды могла бы быть

немедленно открыта въ приказахъ общественнаго призрѣнія. Необходимое пособіе правительства для первоначальныхъ издержекъ и для образованія запаснаго капитала могло бы быть дано пятипроцентными билетами. Еслибы на всѣ губерніи гдѣ введенъ обязательный выкупъ былъ данъ одинъ милліонъ рублей въ пятипроцентныхъ билетахъ, то это пособіе было бы совершенно достаточно, и существованіе патріотическаго земскаго банка было бы упрочено. Наконецъ, такъ какъ право на ссуды имѣли бы только русскіе помѣщики этихъ губерній и тѣ лица русскаго происхожденія которыя вновь пріобрѣли бы имѣнія въ этихъ губерніяхъ, то размѣры дѣйствій западно-русскаго земскаго банка были бы довольно ограничены и въ ихъ успѣхѣ нельзя было бы сомнѣваться. Еслибы потребовалось еще большее обезпеченіе дѣйствій банка, то можно было бы ограничить срокъ подписки на ссуды извѣстнымъ числомъ лѣтъ со времени ея открытія.

Если мы не ошибаемся, подобное учрежденіе составляетъ безотлагательную потребность, политическую и экономическую, настоящей минуты. Русскіе помѣщики западнаго края имѣютъ самое ясное, самое безспорное право на вознагражденіе за тѣ общія мѣры которыя были вызваны польскимъ мятежомъ и отъ которыхъ они пострадали безъ малѣйшей вины со своей стороны. Было бы невознаградимою потерей для Россіи еслибы хоть кто-нибудь изъ этихъ помѣщиковъ оказался въ необходимости продать свое имѣніе. Невознаградимою потерей для Россіи было бы также и то еслибы мятежъ нынѣшняго года прошелъ безъ серіозныхъ измѣненій въ составѣ землевладѣльческаго сословія западныхъ губерній. Это было бы невознаградимою потерей для всей Россіи, потому что польскій вопросъ остался бы вопросомъ висящимъ надъ Россіей, и кромѣ того еще потому что безъ увеличенія числа русскихъ помѣщиковъ въ западномъ краѣ этотъ край не могъ бы быть управляемъ иначе какъ бюрократически. При отсутствіи или слабости русскихъ помѣщиковъ, правительство было бы принуждено опираться на крестьянъ, а управленіе опирающееся преимущественно на крестьянъ непремѣнно должно имѣть

бюрократическій характеръ. Опытъ показалъ совершенную невозможность сохраненія въ западномъ краѣ прежнихъ порядковъ, сосредоточивавшихъ управленіе въ рукахъ мѣстныхъ жителей польскаго происхожденія. Эти лица во многихъ мѣстахъ уже замѣнены русскими чиновниками, и нельзя сомнѣваться что сила обстоятельствъ принудитъ замѣщать русскими чиновниками все большее и большее число должностей. Но при такомъ громадномъ передвиженіи чиновниковъ нельзя надѣяться на удовлетворительность ихъ дѣйствій. Необходимая теперь мѣра призыва русскихъ чиновниковъ въ западный край должна отозваться не совсѣмъ выгодно на дальнѣйшемъ ходѣ тамошнихъ дѣлъ, особенно когда нѣсколько охладѣетъ тотъ патріотизмъ который побуждаетъ теперь многихъ изъ числа этихъ чиновниковъ къ усиленной дѣятельности и къ поддержанію чести русскаго имени. Но такъ какъ невозможно опять отдать весь западный край въ польскія руки, то единственнымъ средствомъ уравновѣсить бюрократію можетъ быть увеличеніе числа русскихъ землевладѣльцевъ. Смотря съ этой точки зрѣнія, сами Поляки должны желать чтобы часть польскихъ земель перешла въ русскія руки. Безъ этого условія бюрократическое управленіе осталось бы навсегда единственно возможнымъ управленіемъ всего западнаго края, а это должно быть столь же мало выгодно мѣстнымъ польскимъ жителямъ сколько и всѣмъ Русскимъ.

Таковъ образъ дѣйствій который можетъ послужить основой дѣйствительнаго, а не кажущагося замиренія польской національности. Пока русскіе элементы въ дворянствѣ западнаго края будутъ столько же слабы какъ теперь, до тѣхъ поръ примиреніе польской національности останется мечтой не только несбыточною, но и крайне вредною; до тѣхъ поръ никакого другаго управленія не можетъ быть въ западномъ краѣ кромѣ диктатуры, и чѣмъ суровѣе будетъ эта диктатура тѣмъ менѣе будетъ жертвъ.

VI.

Нѣсколько словъ въ отвѣтъ г. Костомарову, въ № 24 „Современной Лѣтописи“.

Г. Костомаровъ протестовалъ, въ газетѣ *День*, противъ сдѣланныхъ нами (*Моск. Вѣд.* № 136) замѣчаній объ украйнофильствѣ и объ открытой имъ подпискѣ въ пользу изданія учебныхъ книгъ на малороссійскомъ нарѣчіи (онъ хочетъ чтобы мы говорили *языкъ*, но мы оставляемъ *нарѣчіе*). Къ сожалѣнію, въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* не находилось мѣста для объясненія по этому предмету, и мы отложили нашъ отвѣтъ до перваго выпуска *Воскресныхъ Прибавленій*. Впрочемъ и не было особенной надобности спѣшить: г. Костомарову желательно чтобы мы возстановили его гражданскую честь, но мы не роняли его гражданской чести, а потому и возстановлять намъ нечего. Мы коснулись факта и произнесли о немъ наше мнѣніе. Все что̀ мы сказали объ этомъ фактѣ, остается въ полной силѣ, и мы не имѣемъ ни малѣйшаго основанія отказаться ни отъ одного нашего слова послѣ объясненій г. Костомарова. Намъ кажется, что г. Костомаровъ сдѣлалъ бы лучше еслибы безъ всякихъ протестовъ и объясненій просто бросилъ дѣло, изъ котораго не можетъ выйти ничего хорошаго.

Напрасно г. Костомаровъ защищается отъ обвиненія котораго мы на него не взводили. Это значитъ отвѣтъ не на вопросъ, это значитъ заминать дѣло, это просто значитъ вывертываться. Ему оскорбительно и вмѣстѣ смѣшно предположеніе что онъ состоитъ въ какой-нибудь связи съ Поляками, и онъ торжественно увѣряетъ что ни въ какихъ сношеніяхъ съ Поляками не находится. Мы охотно вѣримъ ему; но какое намъ до этого дѣло, и какое дѣло публикѣ? Да и что̀ за безчестіе находиться въ сношеніи съ Поляками? До послѣднихъ событій въ Россіи между Поляками и Русскими не было никакой разности, да и теперь, безъ сомнѣнія, есть между нами люди польскаго происхожденія которыхъ мы не чуждаемся и съ которыми находимся въ безпрерывныхъ сношеніяхъ. Но г. Костомаровъ

хочетъ собственно сказать, что онъ не принималъ отъ Поляковъ никакихъ тайныхъ внушеній, что онъ не вступалъ ни въ какія соглашенія съ Поляками повстанцами. Какіе ужасы! Мы очень рады, что г. Костомарову самому показалось смѣшнымъ такое обвиненіе. Что касается насъ, то наше обвиненіе не столь ужасно, но болѣе серіозно. Мы совершенно вѣримъ ему, что онъ ни въ какихъ сношеніяхъ съ польскими повстанцами не находится, вѣримъ что онъ со своими ближайшими друзьями дѣйствуетъ совершенно независимо отъ польскихъ повстанцевъ, и точно также вѣримъ что у него совсѣмъ другія цѣли чѣмъ у этихъ послѣднихъ. Они хотятъ одного, а онъ хочетъ совсѣмъ другаго: мы этому вполнѣ вѣримъ, и не слыхали чтобы кто-нибудь обвинялъ г. Костомарова въ такого рода солидарности съ Поляками. Мы сказали что дѣло которымъ занимается г. Костомаровъ въ сущности нисколько не лучше, а можетъ-быть и хуже чѣмъ польское дѣло. Вотъ что̀ мы сказали, и это мы скажемъ еще и еще. Кому кежется что украйнофильскія попытки безсильны, ничтожны и безнадежны, что изъ нихъ ничего не выйдетъ, что ими тѣшатся люди которымъ нечего болѣе дѣлать, тотъ можетъ не обращать никакого вниманія на это дѣло, не считать его заслуживающимъ никакой оцѣнки и не называть его ни дурнымъ, ни хорошимъ. Но мы никакъ не думаемъ чтобы такъ представлялось это дѣло съ точки зрѣнія самого г. Костомарова. Г. Костомаровъ занимается серіозно этимъ дѣломъ; онъ стало-быть увѣренъ въ его успѣхѣ, и какъ надобно думать, онъ не сталъ бы собирать общественныя деньги и тратить ихъ завѣдомо на пустяки. Становясь на собственную его, г. Костомарова, точку зрѣнія, мы находимъ, что дѣло которымъ онъ занимается никакъ не лучше чѣмъ польское дѣло. Г. Костомаровъ полагаетъ однако, что онъ занимается прекраснѣйшимъ и полезнѣйшимъ дѣломъ, которому общество должно всячески способствовать; по нашему мнѣнію, онъ занимается дѣломъ очень не прекраснымъ, очень не полезнымъ, и общество отнюдь не должно ему способствовать ни нравственною, ни матеріальною поддержкой. Мы не препятствуемъ г. Костомарову

имѣть свой взглядъ на украйнофильство, да позволитъ же онъ и намъ имѣть свой взглядъ на это дѣло. Нѣтъ сомнѣнія, кто-нибудь изъ насъ не правъ. Мы убѣждены что не правъ онъ. Но намъ пріятно вѣрить, что онъ не правъ только потому что ошибается, что не отдаетъ себѣ яснаго отчета въ смыслѣ своей дѣятельности. Очень часто случается, что люди, думая сдѣлать что-нибудь очень полезное, дѣлаютъ напротивъ нѣчто очень вредное. Что касается намѣреній, то г. Костомаровъ можетъ сказать для очистки ихъ только то что виды его не простираются очень далеко, что онъ вовсе не думаетъ о томъ что̀ можетъ послѣдовать съ теченіемъ времени изъ его книгъ на новосочиняемомъ языкѣ, изъ украйнофильскихъ школъ, изъ практическаго примѣненія доктрины о двухъ русскихъ народностяхъ и двухъ русскихъ языкахъ, — что онъ не хочетъ думать о чемъ-либо сверхъ самыхъ простыхъ и невинныхъ результатовъ. Пусть онъ не думаетъ, пусть онъ не хочетъ думать; но другіе думаютъ, другіе хотятъ думать. Ему понятна и пріятна мысль о двухъ русскихъ народностяхъ, но другіе не могутъ выносить такой мысли, другіе знаютъ и хотятъ знать только одну русскую народность, только одинъ русскій языкъ, и знаютъ что еслибы могли явиться двѣ русскія народности, то одна изъ нихъ тотчасъ же перестала бы быть русскою. Другіе не могутъ допустить мысли о возможности какого бы то ни было разъединенія между южною Россіей и сѣверною, о какомъ бы то ни было соперничествѣ между ними,—и къ этимъ-то другимъ принадлежимъ мы всею душою, и эти другіе, какъ мы крѣпко убѣждены, все русскіе люди любящіе свой народъ и преданные своему отечеству, гдѣ бы они ни жили, въ Кіевской, Харьковской или Архангельской губерніяхъ. Мы говоримъ не съ какой-либо мѣстной точки зрѣнія, мы говоримъ не въ интересахъ какой-либо народности, стремящейся къ преобладанію надъ другою,—мы говоримъ въ интересахъ цѣлой русской народности; мы въ этомъ отношеніи служимъ органомъ какъ сѣверныхъ русскихъ людей, такъ и южныхъ, и для южныхъ это отчужденіе должно быть еще чувствительнѣе и губительнѣе. Мы не полагаемъ между ними никакого различія,

и южные относятся къ сѣвернымъ «яко равные къ равнымъ, яко свободные къ свободнымъ, яко бывшій издревле истинный и главный членъ Россійскаго народа»: такъ выразилось малороссійское дворянство по присоединеніи этого «истиннаго главнѣйшаго члена Русскаго народа» къ его «первому тѣлу, въ сообщество единаго закона» (наказъ Черниговскаго дворянства 1767 года); такъ точно говоримъ и мы. Мы видимъ въ южнорусскомъ народѣ «издревле истинный членъ Россійскаго народа»; мы безъ всякаго чувства соперничества, съ радостью прибавимъ «и главнѣйшій членъ Россійскаго народа», если принять въ основаніе ту древнюю пору, когда эта истинная и главнѣйшая часть нашего народа не находилась еще подъ чуждымъ враждебнымъ игомъ, оторвавшимъ ее отъ роднаго корня. Тамъ было первое средоточіе Русской земли и туда восходятъ всѣ наши народныя преданія, наши народныя былины, которыя еще поются на отдаленномъ сѣверѣ, уже забытыя на югѣ,—тамъ положены первыя основы нашей исторической жизни и тамъ мы впервые стали христіанскимъ народомъ. Мы увѣрены что съ дальнѣйшимъ развитіемъ судебъ возрождающейся нынѣ Россіи, все сильнѣе будутъ заявлять себя силы тѣхъ первоначальныхъ основъ русской народности, которыя связаны съ воспоминаніями о Кіевѣ, и южная Кіевская Русь получитъ несравненно большее значеніе въ судьбахъ нашего отечества чѣмъ когда-либо имѣла.

Для насъ, какъ и для всякаго русскаго человѣка, повторимъ, не можетъ быть никакого соперничества между южною и сѣверною частью одной и той же народности, какъ не можетъ быть соперничества между двумя руками, между двумя глазами одного и того же живущаго организма. Всякій намекъ на *мое* и *твое* въ политическомъ бытѣ, между этими двумя частями Русскаго народа возмутителенъ, откуда бы ни шелъ этотъ намекъ и какими бы намѣреніями ни сопровождался. Обыкновенно указываютъ на многія рѣзкія особенности и противоположности между такъ-называемыми великороссійскими и малороссійскими народонаселеніями. Но какъ бы ни были глубоки и рѣзки эти отличія и противоположности, они

незначительны въ сравненіи съ тѣми которыя мы видимъ въ другихъ великихъ историческихъ народахъ, составляющихъ тѣмъ не менѣе каждый особую, цѣльную и нераздѣльную народность. Различія и противоположности между многими элементами германской или французской народности гораздо болѣе рѣзки, чѣмъ различіе не только между особенностями великороссійскими и малороссійскими, но между разными славянскими народностями, и однакоже ни во Франціи, ни въ Германіи, на основаніи этихъ особенностей, нѣтъ безсмысленной рѣчи о двухъ французскихъ народностяхъ или языкахъ, о двухъ нѣмецкихъ народностяхъ или языкахъ. Сколько нужно имѣть отваги или сколько нужно имѣть презрѣнія къ здравому смыслу общества, чтобы проповѣдывать о возможности двухъ русскихъ народностей, или о возможности двухъ русскихъ языковъ!

Особенности которыми отличаются южно-русскія населенія вовсе не проистекли изъ какого-нибудь первоначальнаго племеннаго антагонизма относительно сѣверныхъ населеній. Пусть украйнофилы покажутъ хоть какіе-нибудь слѣды такого антагонизма въ нашей древнѣйшей исторіи. Преподобный Несторъ оставилъ намъ довольно яркую характеристику славяно-русскихъ племенъ,—и что̀ же? — самыя рѣзкія характеристическія особенности раздѣляютъ не южныя населенія съ сѣверными, а южныя съ южными. Самую рѣзкую противоположность видимъ мы у Нестора между Полянами и Древлянами; но Поляне и Древляне равно относятся къ южно-русской или малороссійской половинѣ народа; ихъ заурядъ называютъ теперь Малороссами и хотятъ видѣть въ нихъ особую народность, искони отличавшуюся отъ великороссійской. Между тѣмъ Славяне Новгородскіе, главные колонизаторы сѣвера, по описанію Нестора, совершенно сходствовали съ кіевскими Полянами, и между тѣми и другими не оказывается ни одной черты розни или антагонизма.

Итакъ, въ первоначальныхъ основахъ нашего народа нѣтъ никакихъ сѣменъ раздѣленія на двѣ народности, великороссійскую и малороссійскую, сѣверную и южную. Пусть покажутъ

намъ слѣды какой-нибудь первоначальной глубокой діалектической розни языка на сѣверѣ и на югѣ. Безъ сомнѣнія, въ славяно-русскихъ племенахъ были нѣкоторыя особенности въ языкѣ, но въ этихъ особенностяхъ не было зародыша для развитія отдѣльныхъ языковъ. Если въ настоящее время на югѣ говорятъ особымъ нарѣчіемъ, которое г. Костомарову угодно честить языкомъ малороссійскимъ, то все что̀ въ этомъ нарѣчіи рѣзко отличается отъ общерусскаго языка выросло не изъ народной почвы, образовалось не изъ первоначальныхъ племенныхъ особенностей, а внесено было ненавистнымъ польскимъ игомъ. Всѣ чуждые русскому языку элементы, вошедшіе въ малороссійскій говоръ, были навязаны нашему южно-русскому народу долговременною зависимостью его отъ Польши. Нѣтъ ничего легче какъ отличить на первоначальной русской основѣ эти пришлые элементы, неорганическіе наросты. Что̀ останется за исключеніемъ этихъ чуждыхъ, насильственно вошедшихъ элементовъ, то все не представляетъ никакой существенной розни съ нарѣчіями сѣверными. Большая часть оставшихся за тѣмъ особенностей южнаго говора окажется по разнымъ мѣстамъ и на сѣверѣ. Помышляя о развитіи особаго малороссійскаго языка, украйнофилы лелѣютъ и развиваютъ ту неорганическую примѣсь которая на югѣ вошла въ русскій языкъ изъ польскаго. Особый малороссійскій языкъ, доразвитый, дополненный, досочиненный украйнофилами, былъ бы точно такимъ же промежуточнымъ уродливымъ явленіемъ между русскимъ и польскимъ языками, какой представляетъ собою унія между православіемъ и латинствомъ. Польское вліяніе въ южномъ краѣ ознаменовалось порчею нашей вѣры и порчею нашего языка. Отъ уніи мы освободились; за то украйнофилы хотятъ польскую порчу нашего языка возвести въ особый языкъ какъ знаменіе и выраженіе особой народности.

Г. Костомаровъ протестуетъ противъ солидарности своего дѣла съ польскимъ. Но почему онъ такъ увѣренъ что между его дѣломъ и польскимъ нѣтъ никакой солидарности? Онъ не находится въ сношеніи съ Поляками,—вѣримъ; онъ не получаетъ отъ нихъ внушеній,—вѣримъ. Но изъ этого не слѣдуетъ

чтобы дѣло которымъ онъ занимается не находилось въ самой тѣсной солидарности съ дѣломъ враговъ русской народности, и изъ его увѣреній нисколько не слѣдуетъ чтобы враги русской народности не занимались тѣмъ же самымъ дѣломъ какимъ онъ занимается. Враги русской народности были бы очень глупы еслибы не стали желать полнаго успѣха дѣлу г. Костомарова и всячески способствовать ему. Можно a priori заключать что враги русской народности схватятся за украйнофильство какъ за самое лучшее орудіе для своихъ замысловъ. Расколоть Русскій народъ, обособить ту часть его на которую Поляки имѣютъ свои виды, да еще и обособить-то ее на основаніи польской примѣси которая уже внесена въ южнорусское нарѣчіе,—чего лучшаго могутъ желать польскіе націоналы, враждебные русской народности?

Такъ можно заключать a priori, и точно то самое оказывается на дѣлѣ. Есть Поляки которые ревностно занимаются украйнофильскимъ дѣломъ и это дѣло совершенно логически вяжется съ ихъ враждою къ русской народности, и съ ихъ притязаніями на эти края; но въ русскомъ человѣкѣ, сѣверномъ или южномъ, дѣло это съ чѣмъ вяжется? конечно не съ любовью къ русской народности, не съ обязанностями которыя она возлагаетъ. Мы знаемъ, что и Поляки ревностно участвуютъ въ этомъ дѣлѣ и направляютъ его, что они возбуждаютъ мѣстный малороссійскій патріотизмъ, и нисколько не уступаютъ въ украйнофильствѣ ни г. Костомарову, ни кому бы то ни было изъ его ближайшихъ друзей. Намъ очень жаль что г. Костомаровъ не знаетъ этого обстоятельства,—хотя какъ бы кажется не знать ему обстоятельствъ того дѣла которое такъ интересуетъ его и на которое онъ собираетъ общественныя деньги? Онъ утверждаетъ въ своемъ протестѣ что украйнофильскія тенденціи, къ его прискорбію, встрѣчаютъ сильное сопротивленіе въ Полякахъ, и что заведеніе малороссійскихъ школъ и малороссійской литературы послужило бы лучшимъ средствомъ противъ ополяченія края. Смѣемъ увѣрить его что тамъ находитъ онъ себѣ весьма дѣятельныхъ сотрудниковъ, которые успѣли уже предупредить его, и начали печатать тѣ малороссійскія книжки

которыми онъ собирается надѣлить свою родину. Выпишемъ кстати нѣсколько строкъ изъ *Вѣстника юго-западной и западной Россіи.* Это голосъ съ мѣста, изъ самаго Кіева:

«Кто же хлопочетъ о заведеніи обученія въ сельскихъ школахъ на малорусскомъ нарѣчіи? скажемъ не обинуясь вопервыхъ *Поляки.* Это можно видѣть изъ отчета, напечатаннаго въ *Кіевскомъ Телеграфѣ* (№ 35, 1863) за 1862 годъ о рукописяхъ и книгахъ написанныхъ на малорусскомъ нарѣчіи, представленныхъ въ кіевскую цензуру. Ихъ было всѣхъ 39 (ни одна не напечатана въ Кіевѣ) и бо́льшая часть ихъ написана Поляками. Намъ весьма понятны эти затѣи польской партіи: мечтая сами и желая увѣрить легковѣрныхъ что страна эта есть страна польская, а не русская, они весьма естественно хлопочутъ о томъ чтобъ ослабить здѣсь русскій языкъ, или даже совсѣмъ вывести его изъ употребленія, замѣнивъ его полу-польскимъ нарѣчіемъ, малорусскимъ, придавъ ему названіе особаго языка и тѣмъ положить начало раздѣленію Малой Руси отъ Великой. Полякамъ весьма выгодно поддерживать, а то пожалуй и больше ополячивать то нарѣчіе которое ими же выработано, напоминаетъ эпоху подчиненія русскихъ областей Польшѣ и при услугѣ котораго легче ополячить здѣшній народъ. Хлопоты, конечно, безполезныя. Живая рѣчь простолюдина Малоросса, постоянно сталкиваясь съ русскою рѣчью, весьма много ввела уже въ свой разговоръ русскихъ словъ; но хохломаны дѣйствуютъ наоборотъ: всякое вошедшее въ нарѣчіе чисто русское слово они стараются выбросить, а вводя новыя слова, польскія, не трудно потомъ приблизить малорусское нарѣчіе къ польскому, до того по крайней мѣрѣ дабы оба языка подошли къ возможности слитія ихъ въ одинъ говоръ, — а самое названіе Руси замѣнить польскою Украйной.

«Затѣмъ слѣдуютъ такъ-называемые *хохломаны.* Какая ихъ цѣль? Они прикрываются желаніемъ пользы народу, который будто-бы *не понимаетъ русскаго языка.* Такъ-ли на самомъ дѣлѣ? До 1831 года здѣсь только, въ Кіевѣ, да въ духовныхъ заведеніяхъ преподаваніе шло на русскомъ языкѣ, во всѣхъ же свѣтскихъ заведеніяхъ русскій языкъ почти не былъ въ

употребленіи, даже на правахъ иностраннаго. Надо сказать, что въ ту пору здѣшнее духовенство русское, будучи крайне бѣдно и стѣсняемо латино-польскою пропагандой и панскимъ гнетомъ, было плохо образовано, за исключеніемъ немногихъ личностей. Въ быту своемъ оно мало чѣмъ отличалось отъ крестьянъ; во вседневной жизни, оно вело рѣчь одинаковымъ съ крестьянами выговоромъ, малорусскимъ, особенно церковные причетники; но обучалось на обыкновенномъ русскомъ языкѣ и никогда не было и вопроса о томъ чтобъ этотъ языкъ былъ не понятенъ, не былъ бы *роднымъ*, и чтобы его нужно было замѣнить малорусскимъ, — Полякамъ же въ то время не приходило и на мысль хлопотать объ обособленіи малорусскаго нарѣчія...» (*В. Ю. З.* и *З. Р.* Апрѣль).

Странно что г. Костомарову оставалось неизвѣстнымъ это обстоятельство. Мы имѣемъ много другихъ свѣдѣній, которыми не преминемъ подѣлиться съ нимъ въ послѣдствіи времени. Итакъ пусть г. Костомаровъ будетъ какого ему угодно мнѣнія объ украйнофильствѣ; но да позволитъ же онъ и намъ имѣть объ этомъ предметѣ свое мнѣніе. Мы видимъ въ украйнофильствѣ ловкую интригу, видимъ въ немъ печальное заблужденіе, наконецъ видимъ въ немъ жалкую наивность и неразуміе. Вотъ элементы изъ которыхъ слагается украйнофильское дѣло. У однихъ это интрига, у другихъ наивность или пожалуй заблужденіе. Ничего болѣе не видимъ мы въ этомъ дѣлѣ. Ни злонамѣренной интригѣ, ни заблужденію, ни глупости, не можемъ мы сочувствовать и способствовать. Люди наивные могутъ не подозрѣвать интриги, но тѣмъ не менѣе они служатъ ей усердно и ревностно. Пусть ихъ намѣренія хороши, но дѣло ихъ по нашему убѣжденію не чисто и дурно; дѣло это есть дѣло враговъ Русскаго народа, кто бы они ни были и какія бы цѣли ни имѣлись у нихъ.

Современно съ протестомъ г. Костомарова въ газетѣ *День*, протестомъ написаннымъ очень скромно, въ петербургскихъ газетахъ появились противъ насъ яростныя выходки вызванныя тѣмъ же предметомъ. Кто бы ни написалъ эту брань на насъ намъ все равно, и мы очень рады что насъ бранятъ въ

петербургскихъ газетахъ. Мы просимъ ихъ бранить насъ какъ можно крупнѣе и чаще. Но *С.-Петербургскія Вѣдомости* и другія подобныя имъ изданія должны бы, кажется, убѣдиться что хлопоты ихъ обратить насъ на путь истинный пропадаютъ даромъ. Эти газеты тщатся запугать насъ и заставить насъ молчать. Напрасно, мы все-таки будемъ говорить. Эти господа упрекаютъ насъ въ недостаткѣ либеральности: что̀ жь? мы хотимъ имѣть этотъ недостатокъ, и увѣряемъ ихъ что не сдѣлаемъ ни шага, ни полшага, не напишемъ ни слова, ни полслова, съ цѣлью заслужить отъ нихъ титулъ либеральныхъ или «зрѣлыхъ» публицистовъ. Мы хотимъ остаться и не либеральными и не зрѣлыми.

Вѣроятно г. Костомарову было бы пріятнѣе еслибы мы смотрѣли полиберальнѣе на его дѣло, по крайней мѣрѣ такъ, какъ газета *День*, которая въ одномъ столбцѣ находитъ украйнофильскія попытки полезными, а въ другомъ находитъ ихъ вредными. Къ сожалѣнію, мы чувствуемъ себя совершенно лишенными этого пріятнаго свойства. Однако, посмотримъ въ чемъ могутъ состоять самыя либеральныя требованія, если только подъ либеральностью не разумѣть глупости или слабодушія? Г. Костомаровъ имѣетъ свой взглядъ на малороссійское нарѣчіе и на особенности южно-русскаго народа. Онъ считаетъ это нарѣчіе языкомъ и эти особенности народностію. Что̀ жь? ему не запрещается имѣть этотъ взглядъ и высказывать его. Почему же долженъ быть запрещенъ противоположный взглядъ на это дѣло? Мы не желали бы чтобъ у него или у его друзей отнимали право высказывать и развивать свои мнѣнія. Права этого никто у нихъ не отнимаетъ. Мы желали бы, напротивъ, чтобъ они пользовались самымъ широкимъ и полнымъ правомъ высказывать свои мнѣнія. Вотъ какъ мы либеральны! Но хотя мы и очень глупы и очень не зрѣлы, однако не настолько чтобы желать процвѣтанія тѣмъ взглядамъ которые считаемъ ошибочными, ложными и вредными. Мы желаемъ чтобъ эти взгляды высказывались, чтобъ они выходили на свѣтъ, но не съ тѣмъ чтобъ они жили, а съ тѣмъ чтобъ они вѣрнѣе и основательнѣе умерли. Только для этого и желаемъ мы полной

свободы хотя бы ложному и вредному мнѣнію, и считаемъ своимъ долгомъ противодѣйствовать ему по мѣрѣ силъ нашихъ.

Украйнофилы хотятъ заводить малороссійскія школы, издавать малороссійскія книги для обученія народа. Имъ не запрещается дѣлать это, и мы отнюдь не желаемъ чтобъ ихъ дѣятельность подвергалась преслѣдованіямъ и гоненіямъ. Мы не желаемъ этого, но ужь конечно не потому чтобы считали эту дѣятельность полезною. Гоненія и преслѣдованія могутъ изъ пустяковъ создать серіозное дѣло; гоненія и преслѣдованія, какъ свидѣтельствуетъ опытъ всѣхъ вѣковъ, большею частію возбуждали жизнь и силу въ томъ что̀ само по себѣ не имѣло ни жизни, ни силы. Мы стало-быть не желаемъ гоненій и преслѣдованій вовсе не изъ уваженія къ фальшивому, не въ угоду, не въ пользу ему, а напротивъ въ ущербъ ему, чтобы не придать ему бо́льшаго значенія и силы.

Устраняя съ этою цѣлью отрицательныя мѣры, мы съ тою же цѣлію рекомендуемъ мѣры положительнаго противодѣйствія. Если находятся любители областныхъ нарѣчій, которые пишутъ на нихъ — пусть они пишутъ; если тотъ или другой изъ нихъ захочетъ завести школу для обученія крестьянскихъ дѣтей на мѣстномъ нарѣчіи—пусть заводятъ. Но изъ этого не слѣдуетъ чтобы всѣ другіе должны были помогать этимъ любителямъ въ ихъ дѣлѣ или сложа руки любовались на нихъ. Еще менѣе слѣдуетъ изъ этого чтобы правительство должно было употреблять народныя или государственныя деньги на дѣло противонародное и противогосударственное,—чтобъ общество должно было дѣлать добровольную складчину на тотъ же конецъ. Общество не вдругъ отдаетъ себѣ отчетъ въ томъ или другомъ направленіи. У него просятъ денегъ на полезное дѣло, и оно, не разобравъ дѣйствительно ли оно полезное, можетъ снабдить средствами самое вредное предпріятіе и послужить для цѣлей самой коварной интриги. А потому требуется чтобы всякое дѣло разбиралось, разсматривалось и обсуждалось со всѣхъ сторонъ. Мы считаемъ украйнофильство дѣломъ вреднымъ, и обязаны заявить это. Горсть такъ-называемыхъ украйнофиловъ не опасна. Ихъ частныя усилія ничтожны. Но они

ничтожны только въ томъ случаѣ когда люди понимающіе дѣло иначе будутъ не дремать, а дѣйствовать въ противоположномъ смыслѣ. Серіозная опасность начинается тогда когда интригѣ удастся вызвать какія-нибудь административныя мѣры способствующія ея цѣлямъ, или усыпить общество сказками. Мы не опасаемся той школы гдѣ какой-нибудь завзятый украйнофилъ будетъ учить крестьянскихъ мальчиковъ на сочиненномъ имъ языкѣ. Но мы опасаемся чтобы пользуясь потемками, въ которыхъ мы ходимъ и которыя способствуютъ всякимъ проискамъ, украйнофильство не пріобрѣло какого-нибудь офиціальнаго штемпеля, или не превратилось въ общественное дѣло и не стало въ обширныхъ размѣрахъ и систематически проводить свои цѣли, не встрѣчая себѣ противодѣйствія.

Г. Костомаровъ говоритъ въ своемъ объясненіи что онъ ограничивается весьма скромными цѣлями и не сочувствуетъ попыткамъ писать малороссійскія повѣсти и пѣснопѣнія. Отъ повѣстей и пѣснопѣній онъ отказывается, и хочетъ употребить собираемыя имъ деньги на полезныя книги и книжки, на учебники для народа писанные по-малороссійски. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ писать безполезныя повѣсти и пѣснопѣнія? Лучше издавать полезныя книги на малороссійскомъ нарѣчіи, возводимомъ въ учебно-литературный языкъ. Это очень добродѣтельно; но пусть г. Костомаровъ будетъ поменѣе добродѣтеленъ, пусть онъ лучше будетъ поразмашистѣе, пусть лучше онъ издаетъ (только не на казенный и не на общественный счетъ) романы въ родѣ *Черной Рады*. Мы ни слова не скажемъ противъ изданія такихъ романовъ: ихъ никто не читаетъ, а читая никто не понимаетъ. Но учебники назначаются для учащихся, а учащіеся волею или неволею будутъ читать и усваивать себѣ языкъ на которомъ они написаны, а написаны они будутъ на языкѣ никогда не существовавшемъ, который будетъ сработанъ нарочито на этотъ предметъ. На малороссійскомъ нарѣчіи говорилъ доселѣ простой народъ, выражая на немъ лишь очень скудный запасъ обиходныхъ понятій. Но для понятій отвлеченныхъ простонародное нарѣчіе не имѣетъ выраженій. Никакая наука еще не выражалась по-малороссійски. Нужно,

стало-быть, создать цѣлый лексиконъ и образовать правильную методическую ученую рѣчь, словомъ, нужно создать языкъ. Вотъ тогда-то наше южное нарѣчіе и приблизится къ тому что̀ Костомарову хочется видѣть въ немъ уже теперь; остается сдѣлать еще два - три шага, и выйдетъ настоящій языкъ, и будетъ этотъ языкъ обязанъ своимъ происхожденіемъ общественной апатіи и интригѣ ловкихъ людей. Если теперь, когда еще нѣтъ ни особой народности, ни особаго языка, находятся люди, которые осмѣливаются предъявлять права особой народности и особаго языка, — что̀ же будетъ тогда, когда дѣйствительно явится нѣчто похожее на особый языкъ? И когда, благодаря неразумію общества, этотъ нарочито сочиненный языкъ будетъ навязанъ одиннадцати милліонамъ народа, — оно спохватится тогда,—но тогда придется уже силою искоренять существующее и бороться со зломъ окрѣпшимъ и возмужавшимъ. Желателенъ ли такой результатъ, слѣдуетъ ли способствовать предпріятіямъ которыя направляются къ такому результату? Умное, чуткое, бодрое общество предупреждаетъ зло когда оно еще въ зародышѣ, и не пренебрегаетъ его начатками, какъ-бы они ни были незначительны.

Сепаратисты какого бы то ни было свойства, размаха и цвѣта всегда будутъ встрѣчать въ насъ противниковъ самыхъ рѣшительныхъ, которыхъ они не заставятъ молчать ни бранью, ни ласками. Мы не пойдемъ ни на какую сдѣлку съ ними, и чѣмъ далѣе, тѣмъ рѣшительнѣе будемъ изобличать ихъ.

VII.

по поводу объясненій г. костомарова, въ № 26 „современной лѣтописи.“

Г. Костомарову уже извѣстно наше мнѣніе о дѣлѣ надъ которымъ онъ трудится, и о подпискѣ которую онъ открылъ. Теперь мы должны сказать ему наше мнѣніе о средствахъ которыми онъ защищаетъ свое дѣло, о способѣ этой защиты. Онъ знаетъ что по нашему мнѣнію дѣло которымъ онъ занимается есть нехорошее дѣло; мы теперь должны сказать ему что способъ которымъ онъ защищаетъ свое дѣло утвер-

ждаетъ насъ въ этомъ мнѣнiи, и какъ мы смѣемъ думать, съ нами согласится и публика, узнавъ о характерѣ того способа какимъ г. Костомаровъ защищаетъ свое дѣло.

Г. Костомаровъ самъ, какъ надобно думать, чувствуетъ что дѣло его не такого свойства чтобы могло выдерживать надлежащее испытанiе въ своихъ побужденiяхъ и цѣляхъ; онъ самъ повидимому сознаетъ что дѣло его должно бояться свѣта и избѣгать испытующаго обсужденiя. Говоря о своемъ дѣлѣ, онъ ограничивается самыми неопредѣленными отговорками, уклоняется отъ объясненiй, не отвѣчаетъ на возраженiя, проходитъ молчанiемъ самые важные пункты, и какъ мы выразились въ нашей послѣдней замѣткѣ по этому дѣлу *(Современная Лѣтопись № 24)*, старается замять его. Такъ не поступаютъ люди убѣжденные въ правотѣ своего дѣла. Такiе люди сами, напротивъ, стараются выставить на видъ сущность дѣла со всею точностiю и отчетливостiю, не уклоняясь въ сторону и не пускаясь въ общiя мѣста.

Г. Костомаровъ можетъ сердиться и негодовать на насъ, можетъ имѣть о насъ самое дурное мнѣнiе; но между его дѣломъ и нашими личными свойствами нѣтъ ничего общаго, нѣтъ никакой солидарности ни въ прямомъ, ни въ обратномъ смыслѣ. Оттого что мы люди невѣжественные и незрѣлые дѣло его не становится лучше. Пусть мы люди безъ твердыхъ убѣжденiй и мѣняемъ ихъ хоть каждыя сутки, отъ этого дѣло его ничего не выигрываетъ. Если оно подвергается серiозному обвиненiю, то оно нисколько не очистится оттого что есть на свѣтѣ такiе-то люди, дурные, плохiе, измѣнчивые и незрѣлые. Мы до послѣдняго времени не теряли надежды что г. Костомаровъ отстанетъ отъ своего дѣла, броситъ его, плюнетъ на него: мы бы очень порадовались этому и никакъ не стали бы упрекать его въ измѣнчивости мнѣнiй; напротивъ, мы увидѣли бы чрезъ это истинный прогрессъ въ его убѣжденiяхъ и сказали бы что мысль его очищается и зрѣетъ. Онъ увлекался, онъ заблуждался, онъ дѣйствовалъ необдуманно, онъ подчинялся не свѣдома себѣ влiянiю разныхъ интригановъ, онъ не принялъ къ свѣдѣнiю разныхъ обстоятельствъ,—

но вотъ теперь онъ освободился, созрѣлъ, узналъ, обдумалъ и понялъ всю тщету и весь вредъ своихъ украйнофильскихъ предпріятій: вотъ что̀ сказали бы мы, и отъ души поздравили бы его съ такою доброю перемѣной. Люди могутъ и должны измѣняться, но только къ лучшему, а не къ худшему. Человѣку свойственно ошибаться, но упорствовать въ заблужденіяхъ не свойственно.

Г. Костомаровъ, чтобъ очистить себя, объявляетъ въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, что мы совершенно иначе смотрѣли на украйнофильскія попытки въ началѣ 1861 года, и приводитъ изъ *Русскаго Вѣстника* того времени нѣсколько строкъ для убѣжденія публики въ томъ что мы съ того времени совершенно измѣнили наши мнѣнія. Ставя такимъ образомъ насъ въ противорѣчіе съ самими собою, онъ думаетъ очистить себя и оправдать свое дѣло. Но что̀ такое противорѣчіе? Законъ противорѣчія, какъ извѣстно, самый основной законъ человѣческаго мышленія, гласитъ, что невозможно утверждать и отрицать одно и то же въ одно и то же время, объ одномъ и томъ же предметѣ, въ одномъ и томъ же отношеніи. Г. Костомарову кажется что мы измѣнились въ нашихъ мнѣніяхъ о дѣлѣ которымъ онъ занимается; но еслибъ это было и такъ, то ему слѣдовало бы подумать, не измѣнился ли предметъ этихъ мнѣній. Мнѣнія хороши только тогда когда они соотвѣтствуютъ предмету. Если люди которыхъ вы имѣли основаніе считать прямыми оказываются потомъ людьми кривыми—обязаны ли вы хранить о нихъ прежнее ваше мнѣніе? Объ одномъ и то̀мъ же предметѣ нынче говоримъ мы одно, а завтра, можетъ-быть, придется намъ сказать совсѣмъ другое, и было бы, можетъ-быть, нелѣпостью и ложью повторить о немъ завтрашній день то что̀ должно быть сказано сегодня. Кто же этого не понимаетъ, и много ли нужно умственной зрѣлости чтобы понять эти совершенно простыя и обиходныя вещи? А потому мы не будемъ объяснять странную выходку г. Костомарова умственною незрѣлостью. Г. Костомаровъ не такъ наивенъ: онъ самъ безъ сомнѣнія хорошо понимаетъ что̀ мы сейчасъ сказали. Нѣтъ, тутъ не

наивность! Г. Костомаровъ употребляетъ дурное оружіе на защиту такого же дѣла. Хорошее дѣло къ дурнымъ средствамъ не прибѣгаетъ, а г. Костомаровъ употребляетъ дурныя средства.

Читатели удивятся, если мы скажемъ что г. Костомаровъ приводитъ, въ укоръ намъ и въ доказательство нашего противорѣчія съ самими собою, слова выхваченныя имъ изъ статей нашихъ свидѣтельствующихъ напротивъ что образъ мыслей нашихъ относительно спорнаго вопроса совершенно одинъ и тотъ же какъ теперь, такъ и прежде. Читатели удивятся, узнавъ что цитованныя г. Костомаровымъ слова выхвачены имъ изъ статей вызванныхъ точно такимъ же споромъ между нами и имъ или его друзьями, и что точь-въ-точь тѣ же самые аргументы употребляли мы противъ этихъ господъ тогда, какіе употребляемъ теперь по вопросу о малороссійскомъ языкѣ и малороссійской литературѣ. Вся разница между тогдашнею и нынѣшнею полемикой состоитъ только въ томъ, что прежде с.-петербургскіе украйнофилы смиренно заводили журналецъ, для того чтобы помѣщать въ немъ, между прочимъ, малороссійскія сказочки и стишки и трепетали чтобы какія-нибудь неосновательныя подозрѣнія не помѣшали имъ въ этомъ невинномъ и добродушномъ занятіи; а теперь эти господа берутъ подъ свою опеку десять милліоновъ Русскаго народа и хотятъ навязать имъ особую народность, переводятъ на вновь сочиняемый ими языкъ законы Россійской Имперіи и Священное Писаніе, открываютъ общественную подписку на изданіе малороссійскихъ учебниковъ, затѣваютъ издавать въ Кіевѣ народную газету на этомъ вновь сочиняемомъ языкѣ и питаютъ надежду что правительство окажетъ имъ свое могущественное пособіе на образованіе малороссійскихъ школъ, которыхъ малороссійскій народъ не хочетъ и которыхъ могутъ хотѣть только заклятые враги русской народности.

Какъ тогда, такъ и теперь, мы говорили одно и то же, и вся разница только въ тонѣ нашихъ словъ, совершенно соотвѣтствующая разницѣ въ самихъ явленіяхъ.

Разкажемъ какъ было дѣло. Въ *Современной Лѣтописи* 1861 года № 4 мы упрекнули петербургскихъ любителей мало-

россійскаго нарѣчія за ихъ стремленіе обособить это нарѣчіе, вмѣсто того чтобы стараться сближать его съ обще-русскимъ, единственнымъ русскимъ языкомъ, выработаннымъ исторіей, и въ укоръ имъ сослались на русскихъ людей завязнувшихъ въ Австрійской имперіи, которые, несмотря на политическое отчужденіе свое отъ Русскаго народа, стараются въ своихъ писаніяхъ сохранить типъ русскаго языка. Вотъ что̀ мы сказали:

«Языкъ употребляемый южно-русскими писателями въ Галиціи гораздо ближе къ нашему литературному языку чѣмъ то малороссійское нарѣчіе какимъ пишутъ наши украинскіе литераторы. Каждый изъ насъ совершенно легко можетъ читать все что̀ пишется на южно-русскомъ нарѣчіи, равно какъ и русскіе люди въ Галиціи совершенно свободно и съ особенною охотою читаютъ русскія книги. Писатели Червонной Руси стараются болѣе о томъ чтобы сблизить свое нарѣчіе съ литературнымъ, не слѣдуя примѣру нашихъ украинскихъ литераторовъ, которые передразниваютъ всѣ оттѣнки и тоны народнаго говора.»

Замѣчаніе наше вызвало сердитую полемическую выходку въ *Основѣ*. Тогдашніе украйнофилы упрекнули насъ, не хуже нынѣшнихъ, въ самыхъ нелюбезныхъ свойствахъ, и посовѣтовали намъ не вмѣшиваться не въ свое дѣло. Такой задоръ по поводу нашего безобиднаго замѣчанія объясняется тѣмъ, что оно все-таки коснулось больнаго мѣста, что украйнофилы не ожидали его, и что въ цѣлой русской литературѣ нашелся только одинъ голосъ предостерегавшій ихъ серіозно, хотя и издалека. Русская литература, да и вообще русское общество представляли тогда удивительное зрѣлище. Не было такой нелѣпости и такого безумства которыя не могли бы разчитывать на успѣхъ. Что̀ значили украйнскія статейки *Основы* посреди этихъ сатурналій, о которыхъ невозможно и вспомнить безъ омерзѣнія? Это было время такъ-называемыхъ *свистуновъ*, время всевозможныхъ безобразій по части соціализма, коммунизма, матеріализма, нигилизма, эманципаціи простиравшейся на всѣ виды глупости и разврата, время поруганія всего чѣмъ дорожатъ народъ и человѣкъ, — время

невѣроятной терроризаціи, которая производилась надъ цѣлымъ обществомъ шайкою писакъ, захватившихъ въ свои руки публичное слово; это было время позорнаго господства надъ умами гг. Герцена и К°,—время когда какая-то дама, имя которой теперь не припомнимъ, мимически представляла предъ пермскою публикой Клеопатру *Египетскихъ Ночей* Пушкина, и когда петербургское образованное общество чуть-чуть не готово было признать эту даму за провозвѣстницу новыхъ началъ жизни и устроить для нея тріумфальное шествіе. Это было возмутительное время, когда люди не вовсе потерявшіе смыслъ хватали себя за голову, протирали глаза, и не вѣрили глазамъ, и поневолѣ считали себя посреди громаднаго сумашедшаго дома. Никакого просвѣта не было видно, и можно было нешутя ожидать какого-нибудь катаклизма, который снесъ бы всю эту мерзость съ лица земли. Посреди этого дикаго хаоса что̀ значили малороссійскія пѣсенки и статейки *Основы?* Въ этихъ пѣсенкахъ и статейкахъ не было ничего безсмысленнаго, развратнаго и безобразнаго. Нѣсколько любителей малороссійскаго нарѣчія сложились издавать эту *Основу*, съ цѣлію обратить вниманіе русской публики на южный край нашего отечества, съ его поэзіей, съ его прекрасною природой, съ его свѣжими силами, причемъ весьма естественно было увлечься и самымъ языкомъ его пѣсенъ и сказокъ. Журналъ въ которомъ допускались между прочимъ разказцы на малороссійскомъ нарѣчіи былъ новостью въ нашей литературѣ, и редакторъ *Основы* не безъ нѣкотораго труда исходатайствовалъ себѣ право издавать этотъ журналъ. Напирать на нихъ не было никакой причины; можно было только порадоваться разумному и просвѣщенному взгляду правительства, которое сняло запретъ съ такого невиннаго дѣла какъ писаніе литературныхъ статеекъ на областномъ нарѣчіи. Въ самомъ дѣлѣ, какъ запрещать людямъ думать и выражаться на какомъ-либо существующемъ или несуществующемъ нарѣчіи! Лишь бы только правительство не вмѣшивалось въ это дѣло ни своими поощреніями, ни своими запрещеніями, запрещеніями, которыя иногда въ сущности тѣ же поощренія.

Вотъ въ какую минуту, и посреди какихъ обстоятельствъ, обращались мы тогда къ украйнофиламъ со словомъ увѣщанія, въ надеждѣ подѣйствовать на ихъ русское чувство и здравый смыслъ. Мы не обвиняли ихъ за то что они увлекались обаяніемъ мѣстнаго народнаго говора и старались возвести его въ литературный языкъ. Вину этого увлеченія искали мы не въ нихъ, а въ тѣхъ обстоятельствахъ которыя препятствуютъ матеріальному и нравственному развитію русской народности. Французу или Нѣмцу не приходитъ въ голову посвящать свою дѣятельность обработкѣ какого-нибудь мѣстнаго нарѣчія и лелѣять мечту создать изъ него литературный языкъ, какъ символъ или органъ особой народности. Ни Французъ, ни Нѣмецъ не чувствуютъ такого позыва, потому что образованный языкъ, служа органомъ народности сознающей свое достоинство и уважающей себя, не дастъ ни въ комъ развиться подобному стремленію. Мы говорили: «Какъ бы ни были рѣзко обозначены мѣстныя нарѣчія, какъ бы сильно ни чувствовалась въ нихъ жизнь, они или вовсе умолкнутъ, или потеряютъ всякую охоту къ развитію, всякій инстинктъ особой жизни, когда закипитъ жизнь въ цѣлой странѣ, когда единство народности будетъ выражаться не въ одной внѣшней силѣ, а въ неисчислимыхъ и разнообразныхъ интересахъ жизни.»

Итакъ, мы не обвиняли украйнофиловъ предававшихся мирному и невинному занятію. Но все направленіе нашей статьи клонилось къ тому чтобы настроить ихъ мысли на другой ладъ и возвысить ихъ надъ сепаративными попытками. Въ общемъ краткомъ очеркѣ старались мы показать имъ значеніе русскаго языка, въ которомъ не слѣдуетъ видѣть какое-либо племенное нарѣчіе подъ названіемъ великорусскаго, а слѣдуетъ видѣть такой же историческій языкъ, созданный трудомъ вѣковъ, какъ и языки французскій, нѣмецкій, англійскій; мы старались показать что онъ есть общая принадлежность всѣхъ отраслей Русскаго народа какъ южныхъ, такъ и сѣверныхъ, какъ восточныхъ, такъ и западныхъ. Можетъ-быть,—таковъ былъ смыслъ нашихъ замѣчаній,—это историческое дѣло еще не совсѣмъ

готово, и какъ нашему языку, такъ и нашей народности можетъ-быть предстоитъ какая-нибудь новая фаза, можетъ-быть явятся новые элементы, которые могущественно измѣнятъ самую организацію нашего народа; но если Русскому народу суждена будущность, если онъ не призракъ, то онъ долженъ имѣть одинъ языкъ, какой бы то ни было, и одну цивилизацію, какъ бы ни были разнообразны ея элементы. Въ самомъ дѣлѣ, если вы сѣтуете на теперешнее положеніе нашей цивилизаціи, если вы недовольны проявленіями нашей народности, старайтесь измѣнить ихъ къ лучшему, но имѣйте въ виду интересъ цѣлаго, а не дѣлайте попытокъ къ его растор женію,—заботьтесь о замѣненіи дурнаго и недостаточнаго лучшимъ и совершеннѣйшимъ, создавайте, если хотите, новый русскій языкъ для русскаго народа, и склоните всѣхъ насъ говорить на томъ русско-польскомъ нарѣчіи, которое вслѣдствіе несчастныхъ историческихъ обстоятельствъ образовалось въ Малороссіи. Все это, по всей вѣроятности, окажется смѣшнымъ и наивнымъ, эксцентрическимъ и сумасброднымъ, но все это несравненно предпочтительнѣе попытокъ создать рядомъ съ русскимъ языкомъ еще другой русскій языкъ, рядомъ съ Русскимъ народомъ создать еще другой русскій народъ.

Вотъ смыслъ нашихъ первыхъ объясненій съ украйнофилами? И что̀ же? Г. Костомаровъ рѣшился сослаться на тогдашнія статьи наши, чтобъ уличить насъ въ противорѣчіи съ самими собой и почерпнуть въ нихъ аргументъ для себя! Онъ приводитъ наши слова выхваченныя отрывочно объ официальномъ языкѣ, который, равно какъ и официальный энтузіазмъ, прока не имѣетъ. Что̀ же? мы и теперь это думаемъ. Мы не хотѣли, тогда мы и теперь не хотимъ, чтобы русскій языкъ въ Малороссіи былъ только официальнымъ языкомъ; какъ тогда мы хотѣли такъ, и теперь хотимъ, чтобы русскій языкъ всѣмъ русскимъ людямъ какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ былъ *свой*, *родной* языкъ, а не официальный. Намъ была прискорбна мысль что обстоятельства нашей цивилизаціи дозволяютъ еще нѣкоторымъ людямъ помышлять о созданіи особаго малороссійскаго языка. Мы сожалѣли что жизнь высказывающаяся на русскомъ

языкѣ еще не такъ сильна чтобъ уничтожить подобныя попытки. Точно такъ же теперь, какъ и тогда, считали мы вреднымъ противодѣйствовать подобнымъ попыткамъ отрицательными средствами запрещенія и преслѣдованія, полагая что единственно успѣшное противодѣйствіе этому злу, злу разложенія можетъ оказать могущественное развитіе жизни цѣлаго.

Наши увѣщанія не подѣйствовали на редакторовъ *Основы*. Съ вящимъ жаромъ продолжали они свои упражненія на малороссійскомъ языкѣ. Не прошло и нѣсколькихъ мѣсяцевъ какъ изъ жалкихъ и невинныхъ жертвъ они вдругъ стали гонителями и устрашителями. Два-три слова сказанныя противъ малороссійскаго сепаратизма въ еврейскомъ журналѣ *Сіонъ* издававшемся въ Одессѣ, вызвали въ *Основѣ* ожесточенную нападку на Евреевъ, которые были всячески обруганы и обозваны «доносщиками». Мы вынуждены были высказаться по поводу этого скандала и выразились уже гораздо рѣзче противъ украйнофильскихъ тенденцій. Между тѣмъ, благодаря плачевнымъ обстоятельствамъ, украйнофилы уже успѣли воспользоваться разными административными пособіями для своихъ цѣлей, которыя все болѣе и болѣе обозначались. Протестуя противъ невыгоднаго имъ офиціальнаго вмѣшательства въ ихъ дѣло, они старались воспользоваться всѣми выгодными для нихъ офиціальными пособіями. Въ одномъ направленіи съ ними дѣйствуютъ польскіе Конрады Валленроды, и насколько украйнофиловъ обманываютъ или насколько они сами хитрятъ, мы не беремся разбирать; но интрига въ настоящее время обозначилась такъ ясно что было бы нечестно долѣе смотрѣть на нее сквозь пальцы или кокетничать съ нею.

Г. Костомаровъ свидѣтельствуетъ о чистотѣ своихъ видовъ и приравниваетъ себя и своихъ друзей ко христіанамъ первыхъ вѣковъ, претерпѣвавшимъ гоненія и муки среди закоснѣлаго языческаго общества, которое не хотѣло выждать плодовъ ихъ новаго ученія. Г. Костомаровъ находитъ, что и мы, закоснѣлые, грубые, непросвѣщенные, нелиберальные и незрѣлые люди, гонимъ его, не понимая чистоты его намѣреній, и не хотимъ дождаться сладкихъ плодовъ его ученія. Мы

надѣемся что Богъ и не приведетъ насъ дождаться этихъ плодовъ, но мы не имѣемъ никакой надобности испытывать чистоту намѣреній г. Костомарова. Каковы бы ни были его намѣренія, дѣло его говоритъ само за себя. Мы не хотимъ знать никакихъ намѣреній; намъ достаточно знать что въ виду имѣется отдѣлить отъ Русскаго народа существенную и кровную часть его призракомъ особаго языка и особой народности. Намъ достаточно этого факта, и вотъ этого-то факта мы не хотимъ, противъ этого-то факта мы протестуемъ, въ этомъ-то фактѣ видимъ мы зло, не судя и не рѣшая о чистотѣ или нечистотѣ намѣреній тѣхъ господъ которые дѣйствуютъ въ этомъ смыслѣ. Вы хотите чтобы наши южно-русскія народонаселенія имѣли свой общій имъ языкъ, отдѣльный отъ русскаго, чтобъ они составили особое отдѣльное отъ Русскаго народа цѣлое: намъ нѣтъ надобности знать зачѣмъ вы этого желаете, что̀ васъ къ этому побуждаетъ. О дальнѣйшемъ мы не спрашиваемъ. Что̀ бы далѣе ни вышло, будетъ уже все равно. Всякій, кто къ этому результату стремится, съ какими бы то ни было намѣреніями, долженъ ожидать противодѣйствія, и противодѣйствіе это должно быть тѣмъ рѣшительнѣе чѣмъ настойчивѣе идетъ работа, и чѣмъ замѣтнѣе въ ней систематическое единство и обдуманность. Аргументы г. Костомарова и вообще украйнофиловъ могутъ имѣть вѣсъ только для людей слабоумныхъ. Нигдѣ, ни въ одной странѣ цивилизованнаго міра, невозможно что-либо подобное планамъ этихъ господъ. Нигдѣ подобныя попытки не посмѣли бы разчитывать на какой-либо успѣхъ ни со стороны правительства, ни со стороны общественнаго мнѣнія. Мы жалѣемъ и досадуемъ только на то что эти господа считаютъ общественную среду среди которой они дѣйствуютъ до такой степени слабоумною и разслабленною что надѣются встрѣтить въ ней пособіе себѣ. Гдѣ, скажите, возможно ожидать чтобы само общество, своими средствами, помогало фабриковать во вредъ себѣ особую народность? Дѣлайте сами что̀ хотите, дѣйствуйте на свой счетъ, пишите на какомъ хотите языкѣ, обучайте сами кого хотите этому языку, излагайте на немъ какія хотите истины; но не смѣйте разчитывать на глу-

пость цѣлаго общества, въ надеждѣ придать вашимъ затѣямъ серіозный характеръ, обширные размѣры и даже офиціальное значеніе. Въ васъ горитъ непреодолимое влеченіе сочинять особый языкъ,—сочиняйте его. Пусть г. Костомаровъ, влекомый творческимъ инстинктомъ, заводитъ гдѣ-нибудь въ малороссійскомъ краѣ школу и самъ съ ближайшими друзьями своими трудится въ ней надъ просвѣщеніемъ крестьянскихъ мальчиковъ, и на свои деньги снабжаетъ ихъ учебными книжками писанными на новосочиненномъ языкѣ. Но г. Костомаровъ предпочитаетъ вести дѣла en grand и распоряжаться сочувствіемъ общества, его деньгами и можетъ-быть правительственными пособіями. Онъ хочетъ чтобы его дѣло было дѣломъ цѣлаго общества; онъ хочетъ чтобы всѣ сочувствовали, содѣйствовали и никакъ не перечили ему; онъ хочетъ чтобы многое множество людей, волею или неволею, работали надъ исполненіемъ его плана; онъ хочетъ чтобы нѣсколько милліоновъ народа были предоставлены ему въ качествѣ матеріала для его опытовъ: онъ хочетъ чтобы весь малороссійскій край покрылся школами съ преподаваніемъ на языкѣ сдѣланномъ ad hoc изъ простонароднаго жаргона и тщательно обособленномъ отъ русскаго языка. Онъ хочетъ чтобы по всѣмъ предметамъ были издаваемы на общественный счетъ учебныя книги. Впрочемъ, онъ великодушно увѣряетъ что не имѣетъ въ виду вводить новый создаваемый его друзьями языкъ въ гимназіи и университеты для высшаго преподаванія; онъ ограничивается народными школами и изложеніемъ на этомъ новомъ языкѣ первоначальныхъ элементовъ науки. Это очень благоразумно; нельзя же вдругъ сдѣлать все! Еще бы вдругъ понудить профессоровъ заговорить съ университетской каѳедры на небываломъ языкѣ! Въ какомъ безвыходномъ положеніи очутились бы профессоры университета Св. Владиміра! Но они могутъ успокоиться: г. Костомаровъ щадитъ ихъ до времени. Основательное практическое соображеніе требуетъ обучить сначала десять милліоновъ простаго народа новому языку, собрать всю массу населенія говорящую разными оттѣнками простонароднаго малороссійскаго говора въ одну

46*

цѣльную группу, у которой будетъ свой органъ цивилизаціи, отдѣльный отъ остальнаго Русскаго народа. Замѣтьте, рѣчь идетъ не о томъ чтобы предоставить народу, уже имѣющему такой органъ, право пользоваться имъ; нѣтъ, рѣчь идетъ о томъ чтобы впервые создать такой органъ, и навязать его народу пользуясь всеобщимъ неразуміемъ и апатіей,—навязать его народу который не только ничего подобнаго не требуетъ, но будетъ еще отбиваться отъ подобныхъ затѣй, и который можно привлечь къ нимъ только силою правительственнаго авторитета. Нѣтъ сомнѣнія что всякому въ южномъ краѣ полезнѣе обучаться правильному употребленію существующаго русскаго языка, который уже выработанъ и служитъ органомъ образованія, органомъ политической, умственной и нравственной жизни всего Русскаго народа, нежели заучить множество новыхъ реченій которыя сфабрикуютъ украйнофилы и Поляки подъ именемъ литературнаго малороссійскаго языка. Спрашивается, зачѣмъ ему учиться катихизису, ариѳметикѣ и другимъ полезнымъ предметамъ на этомъ новомъ для него языкѣ? «Чтобъ обученіе въ приходскихъ или народныхъ училищахъ малороссійскаго и вообще западно-южнаго края Россіи»,—это пишемъ не мы, Москвичи, это пишутъ Малороссіяне въ Кіевѣ (см. *Прилож.* къ 9-й книжкѣ *Вѣстника юго-западной и западной Россіи*),—«было производимо на малороссійскомъ жаргонѣ, надобно прежде всего чтобы народъ того края находилъ въ этомъ нужду и самъ требовалъ этого—не такъ ли? Но тамошній народъ,—можно сказать подъ присягою,—не нуждается въ этомъ и не требуетъ этого, а напротивъ того съ величайшею охотою берется за славяно-русскую грамотность и требуетъ обученія на церковно-славянскомъ и чистомъ русскомъ языкѣ, почитая тотъ и другой языкъ, вмѣстѣ съ православною вѣрою, самымъ драгоцѣннымъ наслѣдіемъ доставшимся ему отъ предковъ, наслѣдіемъ, котораго хотѣли лишить его Поляки. За что же и вы хотите у этого добраго народа отнять часть наслѣдства его — русскій языкъ? Изъ какихъ побужденій вы хотите усилить поль-

ско-русское нарѣчіе, называемое вами *украинскимъ* или *малороссійскимъ* языкомъ?»

Но допустимъ, наконецъ, что волею или неволею всѣмъ этимъ десяти милліонамъ народа, живущаго въ такъ-называемыхъ малороссійскихъ губерніяхъ, навяжутъ языкъ котораго они теперь не имѣютъ,—потому что простонародное нарѣчіе никакъ не можетъ быть названо языкомъ, — и что для всѣхъ этихъ людей русскій языкъ будетъ языкъ *иностранный*, а всякій человѣкъ говорящій по-русски будетъ *иностранецъ*, — къ чему мы тогда приблизимся? Тогда не будутъ ли *въ правѣ* эти милліоны людей, которымъ мы дадимъ особый языкъ, требовать чтобъ у нихъ и въ гимназіяхъ, и въ университетахъ преподаваніе шло на этомъ ихъ собственномъ языкѣ, а не на иностранномъ? Не будутъ ли они тогда *въ правѣ* требовать чтобъ и въ судахъ у нихъ судили на этомъ ихъ собственномъ, а не на чужомъ языкѣ, чтобъ и законы для нихъ издавались тоже не на чужомъ языкѣ? Не будутъ ли они наконецъ имѣть нѣкоторое основаніе желать автономіи и отдѣльности отъ *иностраннаго* народа? Положимъ что не всѣ en masse будутъ предъявлять такія права,—но если теперь нашлась горсть такъ-называемыхъ хохломановъ или украйнофиловъ, требующихъ для простонароднаго нарѣчія правъ особаго языка, какъ органа особой народности, — что̀ же послѣдуетъ въ то время, когда, благодаря нашей любезности, это нарѣчіе дѣйствительно станетъ болѣе или менѣе обработаннымъ языкомъ, отдѣльнымъ отъ русскаго и находящимся къ нему въ такомъ отношеніи, какъ напримѣръ польскій или чешскій? Что̀ вышло бы, еслибъ осуществилась хоть часть фантазіи г. Костомарова и его друзей? Положимъ что несмотря на всѣ наши усилія помочь осуществленію этой фантазіи, она все-таки не стала бы плотію и кровію народа, все-таки не могла бы образоваться какая-либо особенная *вкраинская* народность со *вкраинскимъ* языкомъ,—положимъ, что этотъ языкъ и эта народность все-таки останутся призракомъ. Но если этотъ призракъ ужъ и теперь смущаетъ нѣкоторыя головы, ужъ и теперь служитъ орудіемъ враждеб-

ныхъ замысловъ противъ Русскаго народа, что̀ же будетъ въ то время когда этотъ призракъ пріобрѣтетъ въ тысячу разъ болѣе силы, и когда онъ во многихъ тысячахъ людей станетъ томительною, ничѣмъ неудовлетворимою жаждой? Каково будетъ тогда взаимное отношеніе двухъ сосѣдей-*иностранцевъ*? И относительно себя, и для другихъ прежде всего требуется искренность: если мы надѣемся дать Малороссіи особое политическое существованіе, если мы увѣрены что она не должна и не можетъ оставаться въ единствѣ съ остальною Россіей, что она не часть Русскаго народа, а особый народъ, которому суждена историческая будущность, то намъ ничего не остается дѣлать какъ уступать призванію этой народности. Если малороссійскія населенія дѣйствительно составляютъ особый народъ и чувствуютъ это, и обнаруживаютъ это съ непобѣдимою творческою силой, то намъ остается только преклониться предъ фактомъ. Но если такого факта не имѣется, если вмѣсто того имѣется призракъ и интрига, которая этимъ призракомъ пользуется, и если этотъ призракъ мутитъ умы, и смута эта, благодаря нашему неразумію, будетъ все рости и рости, и враждебной интригѣ будетъ все больше и больше раздолья, — то какую же, спрашивается, радость готовимъ мы украинскому люду, отдавая его на жертву этимъ интригамъ? На кого падетъ отвѣтственность за всѣ тѣ бѣдствія которыя будутъ послѣдствіемъ нашей апатіи и безсмысленнаго пособничества? Неужели не ясно обозначается обязанность всякаго, и на сѣверѣ и на югѣ, — всякаго кто не желаетъ роковыхъ и гибельныхъ смутъ для своего отечества?

Г. Костомаровъ очень хорошо знаетъ что мы не можемъ имѣть къ нему никакой личной вражды и ни въ какихъ столкновеніяхъ съ нимъ не находились. Напротивъ, мы очень рады находиться съ нимъ въ дружелюбныхъ отношеніяхъ, и благодаримъ его за то что онъ самъ повидимому желаетъ того же. О такомъ желаніи его мы имѣемъ право заключать изъ его готовности участвовать въ нашихъ изданіяхъ. Г. Костомаровъ былъ такъ добръ и внимателенъ къ намъ, что даже послѣ нашей рѣшительной статьи въ № 136 *Московскихъ Вѣдо-*

мостей, которая вызвала и бранную выходку въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, и протестъ его въ *Днѣ*, онъ прислалъ намъ обширный историческій трудъ свой изъ эпохи Іоанна Грознаго для напечатанія въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. Какой журналъ не радъ даровитому сотруднику, — но это не мѣшаетъ намъ крѣпко оставаться при своемъ мнѣніи относительно украйнофильскихъ тенденцій г. Костомарова, противодѣйствовать имъ и изобличать тѣ способы которыми онъ старается защитить или лучше сказать замять и прикрыть ихъ.

Г. Костомаровъ обвинилъ насъ въ противорѣчіи: мы показали какъ основательно это обвиненіе. Жалѣемъ что у г. Костомарова не нашлось другихъ лучшихъ средствъ для защиты; но ему по крайней мѣрѣ есть что̀ защищать. Чего онъ хочетъ, мы понимаемъ; но чего хочетъ газета *День*, это мы не совсѣмъ понимаемъ. Два слова объ этой газетѣ, сказанныя нами безо всякаго дурнаго умысла по поводу объясненій съ г. Костомаровымъ, напечатавшимъ свой первый протестъ въ ней, не даютъ ей покоя. Они какъ будто сорвали печать съ давно-накопившагося, какого-то непонятнаго намъ неудовольствія противъ *Московскихъ Вѣдомостей*, и оно изливается теперь въ каждомъ нумерѣ *Дня* и въ открытыхъ выходкахъ, и въ замаскированныхъ намекахъ. Почтенная редакція этой газеты увѣрилась изъ разныхъ петербургскихъ газетъ и изъ показанія г. Костомарова въ крайней зыбкости и измѣнчивости нашихъ мнѣній, и то и дѣло упрекаетъ насъ въ противорѣчіи. Въ сегодняшнемъ нумерѣ г. Самаринъ развиваетъ эту тему по поводу статьи г. Пенскаго объ извѣстномъ заявленіи самарскихъ дворянъ,—статьи давнымъ-давно напечатанной въ *Современной Лѣтописи*. Печатая эту статью, съ которою мы были не совсѣмъ согласны, но которой не имѣли никакого основанія отказать въ помѣщеніи, мы никакъ не подозрѣвали, что она можетъ задѣть когонибудь за живое. Полемическая выходка г. Самарина удивила насъ. Онъ перетолковываетъ наши мнѣнія, выставляетъ ихъ въ ложномъ свѣтѣ, дѣлаетъ изъ нихъ произвольныя заключенія,—и изъ чего все это, мы рѣшительно не понимаемъ.

Вообще, если редакція *Дня* дѣйствительно заинтересована нашими мнѣніями въ видахъ общей пользы, то мы просимъ ее выйти изъ области двусмысленныхъ намековъ на наши противорѣчія. Если она желаетъ разъясненія дѣла, а не побуждается какимъ-нибудь затаеннымъ чувствомъ, то пусть она выскажетъ намъ прямо, въ чемъ она находитъ у насъ противорѣчія.

По всему вѣроятію, газета *День* имѣла въ виду насъ, говоря о какомъ-то *одномъ* русскомъ публицистѣ, который, по игривому выраженію этой газеты, сначала «пристегивалъ» Россію къ Польшѣ, слѣдуя какой-то системѣ Эмиля де-Жирардена, а потомъ «пристегивалъ» Польшу къ Россіи въ духѣ какихъ-то древнихъ русскихъ началъ. Если *День* имѣлъ при этомъ въ виду насъ, какъ надобно заключать изъ его намековъ, то намъ очень жаль что газета, повидимому, питающая къ себѣ очень большое уваженіе, ведетъ себя такъ непохвально. До сихъ поръ мы не имѣемъ никакого понятія о системѣ г. Эмиля де-Жирардена относительно Россіи и Польши. Что̀ же касается до нашихъ мнѣній по польскому вопросу, то ходъ событій не заставилъ насъ ни въ чемъ измѣнить ихъ. Польшу пристегнула къ Россіи исторія, и мы въ этомъ нисколько не виноваты; пристегиванье же Россіи къ Польшѣ есть продуктъ остроумія *Дня*, и мы не думаемъ чтобы кто-нибудь сталъ оспаривать у него право авторства на эту оригинальную мысль. Что же касается до насъ, то мы высказывали и высказываемъ до крайности простую мысль: мы находили и находимъ что Польша должна быть соединена съ Россіей если она должна быть соединена съ нею. Эта мысль такъ проста, что даже не заслуживаетъ и названія мысли: это тавтологія, и мы продолжаемъ твердить ее съ самаго начала польскаго вопроса по сей день. Мы были очень рады что нѣкоторые изъ иностранныхъ публицистовъ также приняли эту простую мысль. Но мы не дожидались указаній иностранцевъ въ дѣлѣ болѣе близкомъ къ намъ нежели къ нимъ, и не мы ссылались на нихъ, а они ссылались на наши мнѣнія въ подкрѣпленіе своихъ теоретическихъ соображеній. Для насъ интересно особенно то что

иностранцы, относясь къ общественному мнѣнію своей страны, такъ неблагопріятно расположенному къ Россіи и возставашему на насъ за права Польши, находили эту простую комбинацію не только не противною интересамъ Польши, но единственно выгодною и возможною для нея, между тѣмъ какъ русскіе публицисты готовы упрекать насъ за нее въ какомъ-то національномъ эгоизмѣ, и находятъ искреннее соединеніе Польши съ Россіей дѣломъ выгоднымъ только для одной Россіи. Не зная системы г. Эмиля Жирардена касательно соединенія Россіи съ Польшей, мы не можемъ и судить о ея удобоисполнимости и пригодности, не можемъ ни соглашаться, ни не соглашаться съ нею. Что̀ же касается до какого-то древняго русскаго государственнаго устройства, то мы смѣемъ успокоить газету *День* и увѣрить ее что мы никогда не воображали и уповательно никогда не будемъ въ состояніи вообразить себѣ возможность примѣненія нашего древняго государственнаго быта къ нынѣшней Россіи, соединенной или не соединенной съ Польшей.

VIII.

ПЕРЕДОВАЯ СТАТЬЯ ВЪ № 193 „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ" (5-ГО СЕНТЯБРЯ).

Говорятъ, Россію бережетъ Богъ. Довѣримся же Его святой охранѣ! Никогда, быть-можетъ, не была эта охрана такъ нужна намъ какъ въ настоящее время. Необозримая страна, громадное государство, которое создавалось такъ долго и такъ трудно, переживаетъ теперь одну изъ самыхъ критическихъ эпохъ своего существованія.

Что̀ такое разумъ, что̀ такое мудрость, что̀ такое сила человѣческая? Значитъ ли это смотрѣть и не видѣть? Значитъ ли это не соображать средства съ цѣлію, начало съ концомъ? Значитъ ли это довольствоваться грубыми наружными очертаніями вещей, не входя въ ихъ основанія и подробности, не разбирая ихъ смысла, не проникая въ ихъ душу, не соображая что̀ къ чему относится, что̀ изъ чего слѣдуетъ и что̀ къ

чему пригодно? Дѣйствовать значитъ ли поступать безъ системы, твердой и неизмѣнной въ своихъ основаніяхъ, гибкой и тонкой въ своихъ примѣненіяхъ? Или напротивъ мудрость и сила человѣческая значитъ быть зоркимъ и чуткимъ ко всѣмъ измѣненіямъ въ тонѣ и цвѣтѣ явленій, умѣть находиться въ самыхъ сложныхъ и запутанныхъ сплетеніяхъ, умѣть во всякой мелочи открыть существенное значеніе и связь ея съ цѣлымъ, поспѣвать за ходомъ событій, быть неистощимымъ въ разнообразіи своихъ способовъ и примѣненій, и быть незыблемымъ въ единствѣ своихъ плановъ и цѣлей? Мудрость великое дѣло, сила характера тоже великое дѣло: онѣ нужны вездѣ; онѣ всего болѣе нужны въ дѣлахъ великаго народа, переживающаго трудныя минуты своего существованія, когда все у него преобразуется и приходитъ въ движеніе.

Всѣмъ извѣстно что̀ значилъ въ былыя времена осмотръ казеннаго заведенія важнымъ начальствующимъ лицомъ. Все въ исправности, все чисто и гладко, все причесано и подтянуто, все хорошо, все обстоитъ благополучно,—all right! Но какой духъ таится подъ этою прилизанною наружностью, что̀ за этимъ парадомъ происходитъ въ дѣйствительности, какъ идетъ ежедневная жизнь заведенія, что̀ въ немъ вырабатывается, хорошо или дурно оно исполняетъ свое истинное назначеніе,—это отдавалось на волю случая, если не призритъ самъ Богъ. Что̀ за бѣда, если воспитанники учебнаго заведенія ничему серіозно не учатся и никакъ не воспитываются? Какая надобность, если вмѣсто воспитанія и образованія они кореннымъ образомъ портятся умственно и нравственно! Была бы только декорація, былъ бы внѣшній порядокъ, была бы наружная тишина и спокойствіе. Замазать, прикрыть, навести лоскъ и отвлечь вниманіе отъ докучнаго зрѣлища дѣйствительности съ ея заботами и нуждами, и успокоить взоръ и чувство на декораціи,—это тоже своего рода система; но всякій знаетъ чего сто́итъ эта система и чего можно ожидать отъ нея.

Намъ не страшны ни возстанія, ни войны; все открытое и явное, хотя бы самое опасное и самое злое, намъ не страшно. Намъ страшно наружное спокойствіе; намъ всего опаснѣе

тишина, намъ всего опаснѣе опасности скрытыя подъ декораціей спокойствія и примиренія. Пусть полный свѣтъ открываетъ картину какихъ угодно золъ: лучше самое непріятное зрѣлище нежели наипріятнѣйшій обманъ.

Зачѣмъ намъ обманывать себя мыслію что всѣ опасности миновали, что спокойствіе возстановлено, что суровая вражда бросаетъ мечъ и бѣжитъ предъ лицомъ весело грядущаго, спокойнаго, яснаго, добраго генія мира? Зачѣмъ намъ обманывать себя! Можемъ ли мы сказать себѣ: «ну, слава Богу» теперь все кончено» и разбрестись по домамъ съ тѣмъ чтобы предаться у своихъ очаговъ трудамъ и занятіямъ невиннымъ?

Мы убѣждены что всего опаснѣе для нашего общества уснуть въ настоящую минуту. Нѣтъ! общественныя силы должны теперь бодрствовать болѣе чѣмъ когда-нибудь и не довѣряться обманчивой наружности и успокоительнымъ повѣствованіямъ. Мы должны быть внимательны, чутки и неусыпны, и тѣмъ болѣе чѣмъ спокойнѣе повидимому все становится вокругъ; мы теперь менѣе чѣмъ когда-либо должны щеголять нашею примирительностію и благодушіемъ; мы не должны успокоиваться и предоставлять дѣйствовать нашимъ врагамъ. Чѣмъ все повидимому спокойнѣе тѣмъ болѣе мы должны бодрствовать, тѣмъ настойчивѣе дѣйствовать. Мы должны дѣйствовать по твердому и ясному плану, не забывая ничего и не оставляя ничего безъ вниманія, пользуясь каждымъ благопріятнымъ условіемъ, не упуская изъ вида никакой неблагопріятной возможности.

Не уступками можемъ мы примирить съ собою то что̀ коренныиъ образомъ враждебно намъ, что̀ въ тайнѣ и въ явѣ злоумышляетъ противъ насъ; мы должны не мириться съ враждой, а усмирять ее. Враждебное усмирится когда мы покажемъ ему нашу непреклонную рѣшимость, нашу твердую волю не мириться съ нимъ,—когда оно убѣдится что мы понимаемъ его, что мы знаемъ всѣ его входы и выходы, что мы держимъ его въ своихъ рукахъ.

Возможно ли думать о примиреніи со враждебною намъ стихіей тамъ гдѣ она не покидаетъ своихъ надеждъ, не ослаб-

ляетъ своихъ притязаній? Въ этомъ самомъ нумерѣ нашей газеты помѣщаемъ мы интересный документъ появившійся въ *Днѣ* *. Читателямъ нашимъ извѣстно что въ концѣ іюля, близь Житоміра, былъ захваченъ польскій революціонный агентъ, у котораго оказались очень важныя бумаги. Въ вышеупомянутомъ документѣ содержатся свѣдѣнія объ открытыхъ при этомъ планахъ польской партіи въ нашихъ юго-западныхъ областяхъ. Если эти господа могутъ строить подобные планы послѣ энергическаго и быстраго подавленія мятежа самимъ народомъ, если послѣ всего доселѣ происходившаго эти господа еще не увѣрились что все что̀ есть въ Россіи живаго и русскаго знаетъ хорошо ея государственную область и готово всею своею силой отстаивать ее,—если эти господа и теперь еще какъ ни въ чемъ не бывало продолжаютъ питать свои замыслы, то значитъ они въ самомъ дѣлѣ на что-нибудь надѣются, значитъ они дѣйствительно разчитываютъ на какія-нибудь сильныя симпатіи ихъ дѣлу, ускользающія отъ вниманія Русскаго народа; значитъ они увѣрены въ скоромъ успокоеніи русскаго общества и въ возобновленіи примирительной политики. Положимъ что ихъ планы относительно возстанія обратятся на ихъ же головы; положимъ что ихъ жандармы-вѣшатели будутъ сами перевѣшаны, что ихъ свинецъ и порохъ, которыхъ австрійскіе таможенные чиновники не пропускаютъ къ нашимъ мятежникамъ чрезъ галицкую границу, но которые наши мятежники надѣются получать чрезъ Одессу, разчитывая на болѣе гуманныя и примирительныя свойства русской администраціи,—положимъ что эти боевые припасы много бѣдъ не надѣлаютъ и будутъ захвачены,—но сила не въ этомъ: сила въ томъ что эти господа все еще не теряютъ своихъ надеждъ. Если эти надежды не исчезли, то онѣ могли стать только глубже и ядовитѣе. Значитъ эти надежды убѣдились въ своей основательности. Если неудачи не убили этихъ надеждъ, то значитъ онѣ ихъ усилили и возвысили; значитъ есть очень сильная поддержка духу враждебному Россіи, если онъ не

* См. ниже.

исчезъ даже и теперь, когда чувство и мнѣніе Русскаго народа стали извѣстны цѣлому міру какъ никогда прежде. Открытымъ возстаніемъ и вооруженною борьбой враги не могутъ повредить намъ; напротивъ, ихъ попытки дѣйствовать такимъ образомъ обнаружатъ только неразуміе нашихъ враговъ, и тѣхъ изъ нихъ которые надѣются на успѣхъ подобнаго дѣйствія мы можемъ, пожалуй, считать своими пособниками. Но не всѣ наши враги отличаются такими выгодными для насъ свойствами; есть изъ нихъ и благоразумные, хорошо понимающіе какъ надобно дѣйствовать въ извѣстныхъ обстоятельствахъ чтобы добиться успѣха.

Что̀ же можетъ успокоить русскихъ людей по прекращеніи видимыхъ признаковъ мятежа, когда остается нетронутымъ самый корень зла? Какія обезпеченія можетъ имѣть русское общество въ томъ что все это множество людей польскаго происхожденія живущихъ въ его средѣ,—и не просто живущихъ, но дѣйствующихъ, занимающихъ государственныя должности, участвующихъ въ управленіи страной,—какія обезпеченія что всѣ эти люди не враги Россіи, что они не будутъ пользоваться всѣми потаенными способами вредить Русскому народу, держась правилъ извѣстнаго польскаго катихизиса? Какъ отличить между ними врага отъ неврага, добросовѣстнаго отъ недобросовѣстнаго, благонадежнаго отъ неблагонадежнаго? Въ общественныхъ дѣлахъ невозможно основываться на личномъ чувствѣ. Политическая благонадежность не можетъ основываться на словесныхъ изъявленіяхъ; требуются несомнѣнныя вещественныя обезпеченія. Какія же обезпеченія могутъ успокоить русское общество, содержащее въ нѣдрахъ своихъ людей враждебной ему національности? Только тѣ которыя отнимутъ у этой національности враждебныя свойства. Но ея враждебныя свойства заключаются въ ея притязаніяхъ, а притязанія питаются надеждами, а надежды раждаются изъ какихъ-либо существующихъ условій. Чтобъ освободить польскую національность отъ свойствъ враждебныхъ, которыя отравляютъ ее и дѣлаютъ ее отравою, чтобы людей этой національности вывести изъ фальшиваго положенія и дѣйствительно

примирить ихъ съ русскимъ обществомъ, чтобы дать русскому обществу вѣрное обезпеченіе въ ихъ благонадежности, надобно пресѣчь всякую возможность питать несбыточныя надежды въ западномъ и юго-западномъ краѣ. Но прекратится эта возможность не отъ примирительныхъ и не отъ карательныхъ мѣръ, не отъ послабленія и не отъ диктатуры, а только вслѣдствіе мѣръ болѣе или менѣе измѣняющихъ то положеніе вещей изъ котораго раждаются фальшивыя притязанія и несбыточныя надежды. Эти мѣры должны преимущественно относиться къ нашему западному и юго-западному краю. Здѣсь вся сила польскаго вопроса, которая такъ губитъ Поляковъ и такъ вредитъ Россіи. Мы съ особенною настойчивостію указываемъ на необходимость измѣнить существеннымъ образомъ условія землевладѣнія въ этомъ краѣ по горячимъ слѣдамъ недавняго мятежа. Польская національность будетъ терять свои вредныя и для Поляковъ, и для Россіи свойства лишь по мѣрѣ того какъ будетъ исчезать въ этомъ краѣ всякая возможность здравомысленно надѣяться на возстановленіе старой Польши; а ближайшее средство къ тому—способствовать введенію значительнаго числа русскихъ элементовъ въ тамошніе землевладѣльческіе классы. Пока этого не будетъ, притязанія и надежды будутъ поддерживаться и становиться чѣмъ далѣе тѣмъ ядовитѣе и вреднѣе. Пока этого не будетъ,—и правительство, и мѣстная администрація края, и тамошнія населенія, и сами Поляки, какъ тамъ такъ и повсюду, будутъ находиться въ положеніи ложномъ.

Изъ нашего юго-западнаго края, изъ Кіевскаго генералъ-губернаторства, постоянно получаемъ мы извѣстія самаго неутѣшительнаго свойства. Мы не печатаемъ и сотой доли ихъ; можетъ-быть они не совсѣмъ точны въ нѣкоторыхъ частностяхъ; но ихъ многочисленность и искреннее чувство которое дышетъ въ получаемыхъ оттуда письмахъ служатъ вѣрнымъ свидѣтельствомъ о настроеніи умовъ и положеніи общественныхъ интересовъ въ тѣхъ мѣстахъ. Польскіе «националы» въ юго-западномъ краѣ не теряютъ надеждъ, это вѣрно; точно также вѣрно и то что русское чувство въ тѣхъ

мѣстахъ справедливо раздражено и оскорблено, и не безъ основанія опасается всевозможныхъ темныхъ интригъ, болѣе пагубныхъ чѣмъ вооруженный мятежъ...

IX.

передовая статья въ № 194 „московскихъ вѣдомостей“ (6-го сентября).

Прискорбныя извѣстія доходящія до насъ изъ Кіевскаго генералъ-губернаторства такъ серіозны что не позволяютъ говорить ни о чемъ другомъ кромѣ юго-западнаго края. Не желая однакоже навлекать на нашихъ корреспондентовъ обвиненіе въ преувеличеніи опасности, мы обратимся на этотъ разъ къ документу на который не можетъ быть взведено подобное обвиненіе. Этотъ документъ — брошюра изданная въ началѣ августа всѣми профессорами университета Св. Владиміра, находившимися тогда въ Кіевѣ. Мы рекомендуемъ эту брошюру вниманію читателей. Она носитъ заглавіе: *Возстаніе Поляковъ въ юго-западной Россіи въ 1863 году* и основана на офиціальныхъ данныхъ. Она изображаетъ положеніе дѣлъ до іюля мѣсяца; образъ дѣйствій польскихъ помѣщиковъ заклейменъ въ ней выраженіемъ *безсовѣстность*. «Ихъ стремленіе, сказано въ приведенномъ кіевскими профессорами отрывкѣ письма одного лица занимающаго немаловажный постъ въ краѣ, ихъ стремленіе — вынудить начальство употребить принудительныя мѣры противъ крестьянъ и тѣмъ возстановить ихъ противъ правительства.» Какъ же смотрятъ авторы брошюры на вѣроятный исходъ этихъ стремленій? «Мы въ правѣ думать, говорятъ профессоры университета Св. Владиміра, что игра затѣянная (польскими) помѣщиками не будетъ имѣть успѣха.» Мы въ правѣ думать! Эти сомнительныя и условныя слова ужасны. Сказанныя послѣ блистательнаго подавленія мятежа, и сказанныя въ Кіевѣ, центральномъ мѣстѣ администраціи края, эти слова достаточны для того чтобы внушить серіозную заботу о тамошнемъ положеніи дѣлъ. Въ юго-западномъ краѣ, благодаря сильному русскому духу крестьянскаго

населенія, администрація находилась въ самомъ выгодномъ положеніи, и если тамъ будущее сомнительно, то какихъ еще намъ ожидать благопріятныхъ условій чтобы будущее русскаго дѣла не было сомнительно? Можно навѣрное сказать что болѣе благопріятныхъ условій, болѣе выгоднаго положенія никогда не будетъ, потому что и быть не можетъ. Народъ сдѣлалъ со своей стороны все что̀ могло быть сдѣлано. Бо́льшаго нельзя ожидать отъ народа. Если послѣ всего этого заговорщики разчитываютъ на успѣхъ въ юго-западномъ краѣ, если они не только надѣются на интригу, но не оставляютъ даже своихъ мятежническихъ затѣй (это не подлежитъ сомнѣнію послѣ перепечатаннаго нами вчера извѣстія изъ Житоміра), то невольно приходишь въ уныніе. Русское дѣло одержитъ верхъ, что̀ бы ни ожидало насъ впереди,—въ этомъ невозможно сомнѣваться. Но какія потрясенія предстоятъ намъ въ будущемъ, если мы не успѣемъ или не захотимъ воспользоваться тѣмъ блистательнымъ положеніемъ въ которое поставлено русское дѣло на юго-западѣ, благодаря энергіи тамошнихъ крестьянъ?

Русская публика должна быть очень благодарна профессорамъ университета Св. Владиміра за изданіе упомянутой нами брошюры. Сдержанный тонъ этой брошюры, очевидная основательность собранныхъ въ ней свѣдѣній, совершенное отсутствіе желанія умалить чью-либо заслугу въ подавленіи мятежа, возвышаютъ значеніе того факта который явственно выступаетъ изо всего изложеннаго въ брошюрѣ. Нѣтъ сомнѣнія что распоряженія администраціи въ нѣкоторой степени содѣйствовали подавленію мятежа. Нѣтъ сомнѣнія что войско дѣйствовало самымъ лучшимъ образомъ вездѣ гдѣ приходилось ему дѣйствовать. Но тѣмъ не менѣе быстрота съ которою мятежъ былъ подавленъ есть слѣдствіе единственно той энергіи съ которою крестьяне, какъ одинъ человѣкъ, поднялись противъ мятежниковъ, предлагавшихъ имъ землю и волю отъ имени будущаго польскаго государства. При кратковременности мятежа, администрація могла распоряжаться преимущественно въ ближайшихъ окрестностяхъ Кіева. Но именно объ уѣздахъ

Кіевскомъ, Васильковскомъ, Таращанскомъ, Сквирскомъ и Каневскомъ генералъ Кренке, командовавшій войсками въ этихъ уѣздахъ, говоритъ что *честь уничтоженія мятежныхъ шаекъ принадлежитъ крестьянамъ*. Крестьяне сами собой вооружились поголовно; въ каждомъ селеніи были выставлены пикеты, караулы, разъъзды, и всѣмъ этимъ распоряжались сами крестьяне съ удивительною находчивостью. Крестьянскіе отряды выѣзжали въ числѣ до 1500 человѣкъ. Эти отряды не имѣли ничего общаго съ учрежденными въ мартѣ мѣсяцѣ крестьянскими караулами. Полиція не принимала никакихъ предупредительныхъ мѣръ когда готовилось возстаніе, не дѣлала никакихъ распоряженій на случай возстанія. Крестьяне были *изумлены* появленіемъ «Ляховъ», и не имѣя распоряженія отъ начальства, на первыхъ порахъ не рѣшались дѣйствовать противъ нихъ. Полицейскіе чиновники сами свидѣтельствуютъ въ своихъ донесеніяхъ, что не давали никакихъ приказовъ крестьянамъ, что они сами собой, безо всякаго руководства, взялись за преслѣдованіе вооруженныхъ шаекъ, а полиція только сдерживала пылкость крестьянъ угрозой гнѣва Царя-Освободителя за всякое излишнее насиліе. Точно также и обязанность войскъ, по свидѣтельству генерала Кренке, состояла преимущественно въ укрощеніи справедливаго гнѣва крестьянъ и въ охраненіи жизни тѣхъ мятежниковъ которые перестали сопротивляться.

«Что касается участія крестьянъ въ мятежѣ, сказано въ брошюрѣ, то дѣйствительно въ донесеніяхъ упоминается о *нѣсколькихъ крестьянахъ* схваченныхъ вмѣстѣ съ мятежниками, именно о двухъ взятыхъ въ Каневскомъ уѣздѣ и объ одномъ арестованномъ крестьянами же въ Радомысльскомъ уѣздѣ. Всѣ трое завербованы *силой*... То же самое должно замѣтить о золотыхъ грамотахъ. Ихъ читали народу нерѣдко при обстановкѣ которая не требовала со стороны правительства никакихъ контръ-прокламацій. Священники отказывались читать ихъ своимъ прихожанамъ, мятежники грозили за непринятіе грамотъ старшинамъ и держали крестьянскихъ выборныхъ подъ арестомъ или уводили ихъ съ собой въ лѣса;

мѣстами (напримѣръ въ Турбовѣ) грамоты были объявлены при обнаженныхъ сабляхъ, съ требованіемъ поднесенія хлѣба и соли, подкрѣпленнымъ угрозами (въ с. Киріевкѣ); иногда за взятіе грамотъ выдавались крестьянамъ деньги (два рубля въ Насташкѣ). По удаленіи мятежниковъ, крестьяне вооружались и представляли золотыя грамоты полиціи. Крестьяне хорошо понимали что предоставленіе имъ земли безвозмездно въ собственность и вознагражденіе *дѣдичей* (помѣщиковъ) изъ *народоваго скарба* (народной казны)—грубый обманъ. *Що се за народовый скарбъ*, говорили нѣкоторые изъ нихъ, *то зъ насъ же и гроши брать будуть*. Генералъ Багговутъ приводитъ слѣдующее весьма характеристическое разсужденіе крестьянъ по поводу золотыхъ грамотъ: *Добре, земля вже наша, рекрутъ даваты не треба, грошей платыты не треба, пану выробляты не треба; то на що жъ мы имъ потребны, що воны насъ такъ до себе пидмовляютъ? — Ни, хлопцы! То воны намъ дурятъ головы.*»

Прозорливость крестьянъ, оградившая ихъ отъ опасности даться въ обманъ, и обнаруженная ими способность дѣйствовать не только съ полнымъ единодушіемъ, но и съ удивительною находчивостью и сообразительностью, — вотъ главная причина того что возстаніе въ юго-западномъ краѣ не имѣло никакого успѣха, «если не считать побѣдами, прибавляетъ брошюра, истинно-азіятской казни станціоннаго смотрителя повѣшеннаго за ноги, разграбленія почтовой конторы и акцизнаго управленія въ Полонномъ, наконецъ уничтоженія нѣсколькихъ шкаповъ съ дѣлами въ ненавистныхъ мятежнымъ Полякамъ волостныхъ правленіяхъ.»

Польскія корреспонденціи обвиняютъ крестьянъ въ грабежѣ и звѣрствѣ. Вотъ отвѣты на эти извѣты: во Владимірволынскомъ уѣздѣ крестьяне приняли самое дѣятельное участіе въ стычкѣ войскъ съ мятежниками, и когда имъ предлагали долю въ раздѣлѣ отбитаго обоза, то они отвѣчали что для нихъ важна не добыча, а что Царь объ этомъ узнаетъ (донесеніе генералъ-адъютанта графа Ржевусскаго отъ 6-го мая); всѣ винокурни и склады вина не оплаченнаго акцизомъ оберега-

лись крестьянскими караулами, и все сохранилось неприкосновеннымъ; у 120 мятежниковъ, взятыхъ крестьянами и препровожденныхъ генераломъ Кренке въ Кіевъ, оказалось по обыскѣ денегъ 1.110 р. и пять часовъ съ цѣпочками и много другихъ вещей; у мятежниковъ задержанныхъ крестьянами въ Волынской губерніи оказалось денегъ 3.833 р. 76 к. и семь часовъ. Особенно много жалобъ возбудилъ арестъ 70-лѣтняго помѣщика Хоецкаго въ селѣ Соловьевкѣ; крестьяне посадили его въ погребъ при корчмѣ, спустивъ его впрочемъ на руки къ его служителямъ. Но тотъ самый становой приставъ, который въ донесеніи отъ 7-го мая предлагалъ отобрать у крестьянъ оружіе данное имъ полковникомъ Исаевымъ, *потому что они могутъ нечаянно убивать себя*, тотъ самый становой приставъ доносилъ отъ 2-го мая что при арестѣ Хоецкаго найдено въ его экипажѣ: штановъ суконныхъ и триковыхъ 29 штукъ, простынь и рубахъ грязныхъ съ маленькими стоячими воротниками малороссійской формы, какія носятъ инсургенты, на которыхъ воротники и пазухи вышиты красною бумагой, полный чемоданъ; картузовъ разной формы 9, въ томъ числѣ одна конфедератка; платковъ носовыхъ до 50 штукъ; денегъ въ кредитныхъ билетахъ 273 р. и въ мелкой серебряной монетѣ мѣрой до двухъ квартъ, векселей на 120.000 р. Что̀ же сдѣлали крестьяне съ г. Хоецкимъ? Они все-таки выпустили его и притомъ со всѣми вещами, кромѣ ножа и нагайки; самъ Хоецкій далъ имъ росписку въ томъ что къ нимъ никакой претензіи не имѣетъ и предлагаетъ имъ денегъ 3 р., которыхъ они взять не согласились. Между тѣмъ именно объ этихъ Соловьевскихъ крестьянахъ Поляки говорили съ особеннымъ ужасомъ какъ о людяхъ чрезвычайно буйныхъ. Любопытны жалобы на этихъ крестьянъ мироваго посредника Могильницкаго. Предшественникъ г. Могильницкаго, мировой посредникъ Рудзкій, сказано въ брошюрѣ, сѣкъ немилосердно этихъ крестьянъ за неуваженіе къ волостному старшинѣ (его креатурѣ), не соблюдая никакихъ формальностей. Крестьяне требовали чтобы старшина далъ отчетъ въ общественныхъ деньгахъ и оставилъ должность. За это

Рудзкій, по указанію старшины и своего писаря Блоцкаго (всею душой преданнаго мятежу и подговаривавшаго крестьянъ къ возстанію еще въ февралѣ мѣсяцѣ), арестовалъ 20 человѣкъ и, называя ихъ бунтовщиками, наказалъ тогда же розгами въ своемъ присутствіи. Ихъ били въ два пучка розогъ, которыя мѣняли по два и по три раза на каждомъ, такъ что кровь текла на одежду подстилаемую подъ истязуемыми. Нѣкоторые изъ крестьянъ получили по 200 и по 300 розогъ. Одиннадцать человѣкъ были забиты въ деревянныя колодки, потомъ въ лошадиныя путы, и просидѣвъ такимъ образомъ около трехъ недѣль, подверглись такому же жестокому наказанію. Все это оказалось по слѣдствію и видно изъ донесенія губернатора отъ 5-го апрѣля. Въ этой же волости, въ продолженіи пяти лѣтъ, были постоянные пожары, въ причиненіи которыхъ не открыто виновныхъ, а крестьяне подозрѣваютъ помѣщика. Одинъ изъ крестьянъ преданъ суду за то что въ присутствіи начальника полиціи выражалъ подозрѣніе на помѣщика. Къ этимъ-то крестьянамъ вечеромъ 27-го апрѣля пожаловала шайка въ 21 человѣкъ конныхъ мятежниковъ или, какъ выражается мировой посредникъ въ своемъ офиціальномъ донесеніи, — *молодыхъ людей, объявлявшихъ что идутъ съ добрымъ для крестьянъ намѣреніемъ дарить усадебные и полевые надѣлы.* Крестьяне потребовали чтобы *молодые люди* положили оружіе, что̀ и было исполнено; у одного изъ нихъ сидѣвшаго на повозкѣ осталось однакоже ружье, которое *съ намѣреніемъ или случайно* выстрѣлило. Тогда крестьяне бросились на *молодыхъ людей* и 11 изъ нихъ легли на мѣстѣ, а 9 были ранены. Мировой посредникъ прибылъ въ Соловьевку 30-го апрѣля. Онъ нашелъ народъ *сильно взволнованнымъ, но при всемъ томъ слушающимъ и исполняющимъ его распоряженія, безъ малѣйшаго неуваженія къ званію мироваго посредника.* Первымъ дѣломъ посредника было похоронить убитыхъ; *этому христіанскому скромному обряду ничего не помѣшало:* посредникъ распорядился чтобы *нѣсколько дней былъ содержимъ караулъ на могилѣ*, и крестьяне держали караулъ на могилѣ мятежниковъ. Описавъ все это въ своемъ

донесеніи (все напечатанное курсивомъ—подлинныя слова донесенія), мировой посредникъ пришелъ однакоже къ слѣдующему заключенію: «При всемъ наружномъ повиновеніи крестьянъ, замѣчено мною *въ ихъ глазахъ и физіономіи ужасную готовность (sic) на всякаго рода безчинства; воздержать ее отъ исполненія насильственныхъ мѣръ можетъ развѣ только одна военная сила*». Черезъ пять дней послѣ того крайне недовольный тѣмъ что военная сила противъ крестьянъ, имѣвшихъ ужасную физіономію, не приходитъ, тотъ же мировой посредникъ позволилъ себѣ написать кіевскому губернатору слѣдующее: «Ваше превосходительство, настроеніе умовъ Соловьевскихъ крестьянъ, вышедшихъ совершенно изъ подчиненности и *готовыхъ* на всякаго рода безчинства, заставляетъ меня *вторично* донести вашему превосходительству, что ихъ *дальнѣйшія* дѣйствія, если не будутъ прекращены начальствомъ, *породятъ* гибельныя послѣдствія для цѣлаго края.» Эта наглость сопровождалась еще устрашеніемъ. Соловьевскій волостной старшина ѣздилъ въ Кіевъ, и по этому поводу мировой посредникъ говоритъ губернатору слѣдующую любезность: «Крѣпко убѣжденъ что ваше превосходительство, какъ *совѣстный* начальникъ губерніи, волостнаго старшины не требовали.» Въ силу этого крѣпкаго убѣжденія, что губернаторъ не захочетъ оказаться въ польскихъ глазахъ *безсовѣстнымъ* начальникомъ губерніи, мировой посредникъ настаивалъ или на присылкѣ войска, или по крайней мѣрѣ на присылкѣ жандармскаго штабъ-офицера, а въ противномъ случаѣ угрожалъ выходомъ въ отставку. Вотъ какъ польскіе мировые посредники обращались съ русскими губернаторами. Это лишь одинъ изъ эпизодовъ того хода дѣлъ который былъ вызванъ примирительною политикой, убѣждавшею Поляковъ только въ томъ что на каждаго Русскаго они имѣютъ право смотрѣть какъ на безсмысленнаго и пугливаго ребенка, обязаннаго безпрекословно повиноваться имъ, чтобы не подвергаться ихъ окрикамъ. Въ брошюрѣ не сказано что̀ сталось съ этимъ посредникомъ, а также и съ 70-тилѣтнимъ старцемъ Хоецкимъ; мы узнаемъ однакоже что скарбъ находившійся

въ его экипажѣ скоро превратился въ *нѣсколько ливрейныхъ шапокъ*.

X.

Передовая статья въ № 195 „Московскихъ Вѣдомостей" (7 сентября).

Наши читатели очень хорошо знаютъ придирчивы ли мы къ чужимъ мнѣніямъ, обращаемъ ли мы вниманіе на брань, которой безпрерывно подвергаемся въ нашей журналистикѣ, пускаемся ли безъ крайней надобности въ полемическія объясненія. Откровенно признаемся (можетъ-быть это и большое упущеніе съ нашей стороны), мы мало слѣдимъ за мнѣніями которыя высказываются въ нашихъ газетахъ; очень рѣдко прочитываемъ ихъ передовыя статьи по разнымъ современнымъ вопросамъ, и не годимся въ оцѣнщики явленій нашей литературы. Не хвалимся этимъ, и готовы будемъ согласиться съ тѣми кто такую небрежность нашу къ явленіямъ нашей литературы припишетъ причинамъ непохвальнымъ. Что̀ дѣлать! Мы во всякомъ случаѣ утѣшаемъ себя тѣмъ что и кромѣ наблюденія за нашею журналистикой, кромѣ изученія образа мыслей и направленія нашихъ публицистовъ, есть коечто, по крайней мѣрѣ, не менѣе заслуживающее вниманія и изученія. Намъ даже казалось возможнымъ, при событіяхъ которыя совершались, совершаются и быть-можетъ готовятся, забыть о существованіи нашихъ литературныхъ кружковъ, о великихъ мыслителяхъ и публицистахъ нашей литературы. Ихъ личности, ихъ faits et gestes, ихъ высокое значеніе для Русскаго народа или для человѣчества, никогда не были предметомъ нашей спеціальности; тѣмъ паче казалось намъ извинительнымъ потерять ихъ изъ виду въ настоящее важное время. Намъ тоже кажется что въ настоящее время для людей сколько-нибудь мыслящихъ, сколько-нибудь способныхъ дѣйствовать, есть много такого въ чемъ, безъ особеннаго героизма, можно забыть свою драгоцѣнную особу и освободиться отъ разныхъ страстишекъ самолюбія. Никогда еще на Руси не обсуждались

печатнымъ словомъ текущія дѣла столь великой важности какъ въ настоящее время. Не какія-либо превыспреннія качества, а простой долгъ побуждаетъ теперь всякаго заниматься этими дѣлами серіозно и дѣльно, безъ примѣси личныхъ вопросовъ, безъ пустомыслія и фантазій, которыя плодятся за недостаткомъ серіознаго дѣла и надмеваютъ праздный умъ.

Мнѣніе газеты *День*, вызвавшее наше полемическое замѣчаніе, обратило на себя наше вниманіе не потому что оно противорѣчило нашему. Мало ли въ нашихъ газетахъ появляется такого что̀ противорѣчитъ нашему мнѣнію или даже прямо направлено противъ насъ? Если мы обратили вниманіе на статейку *Дня*, то причиной тому было вовсе не какое-либо желаніе показать несостоятельность мнѣній этой газеты или слабость ея политики; были причины совсѣмъ иного свойства, которыя понятны всякому читателю слѣдящему за дѣлами. Согласіе трехъ журналовъ, обыкновенно мало согласныхъ между собою, въ одинъ и тотъ же знаменательный пунктъ времени, по одному и тому же вопросу, относительно котораго въ цѣлой Россіи нѣтъ и не можетъ быть ни малѣйшаго разногласія, съ одной стороны показывало какъ мало наша печать соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ интересамъ и настроеніямъ общества, а съ другой заставляло невольно опасаться какой-нибудь новой смуты, которая могла проникнуть и въ общество при такомъ странномъ совпаденіи разноцвѣтныхъ газетъ. И не совпаденіе разноцвѣтныхъ органовъ нашей журналистики испугало и встревожило насъ: мы знаемъ что противоположности нашей журналистики очень легко переходятъ одна въ другую, что очень часто тѣ литературныя направленія которыя, повидимому, жестоко борются между собою въ сущности разрѣшаются въ одно и то же. Были же мы свидѣтелями страннаго случая, какъ одинъ русскій литераторъ хотѣлъ заявить свой патріотизмъ и нежданно возмутилъ все русское общество, со славянофилами включительно, которые, смѣшавшись на этотъ разъ съ толпой, нашли его мнѣнія подозрительными и двусмысленными. Такія странности бываютъ у насъ сплошь и рядомъ. Вы думаете что предъ

вами противники: присмотритесь, прислушайтесь ближе—и вы убѣдитесь что споръ только въ словахъ или личностяхъ, а на дѣлѣ противники совершенно сходятся между собой, тянутъ въ одну сторону и работаютъ въ одномъ смыслѣ. Мы могли бы привести много весьма интересныхъ въ этомъ отношеніи примѣровъ еслибы не опасались слишкомъ уклониться въ сторону и не были стѣснены размѣрами нашей статьи. Итакъ, насъ встревожило не то что нѣкоторыя русскія газеты, исходя изъ разныхъ началъ, вдругъ пришли къ однимъ результатамъ и обнаружили удивительную гармонію во взглядахъ на текущій горячій вопросъ: мы невольно поддались опасенію чтобы такое единогласіе вдругъ появившееся въ нашей журналистикѣ не послужило основаніемъ для неправильныхъ заключеній объ общественномъ мнѣніи въ Россіи. До насъ и прежде доходили толки о какихъ-то партіяхъ, между которыми будто бы раздѣляется русское общество при взглядѣ на нынѣшнія польскія дѣла, тогда какъ, напротивъ, сколько мы знаемъ, все что̀ есть въ Россіи русскаго, мыслящаго и чувствующаго по-русски, имѣетъ одно мнѣніе по этимъ такъ существеннымъ въ Россіи дѣламъ. Во всякомъ случаѣ мы сочли не лишнимъ разъяснить возникшій вопросъ, и весьма естественно воспользовались для этого мнѣніемъ газеты *День*, тѣмъ болѣе что она къ намъ же и обращалась. Мы ничего не говорили о самой газетѣ *День*, о ея достоинствахъ или недостаткахъ, о ея значеніи, о ея политикѣ; всѣ эти, можетъ-быть и очень интересные, вопросы не были ни съ какой стороны нашимъ предметомъ. Какъ о газетѣ *День*, такъ и о нашей газетѣ не было никакого вопроса; никто не поднималъ его, ни Европа, ни Польша. Что̀ такое *День*? Что̀ такое *Московскія Вѣдомости*? Что̀ мы за рыцари? Какъ велики наши добродѣтели? Сколько въ насъ благородства и глубокомыслія? Какъ мы вырабатываемъ наши мнѣнія? Гдѣ мы родились, какъ воспитались, какъ дѣйствовали и дѣйствуемъ, какъ другъ къ другу относимся? Обо всемъ этомъ, повторяемъ, не было и нѣтъ рѣчи. Вмѣсто всего этого была рѣчь только о такъ-называемомъ польскомъ вопросѣ, о томъ какъ слѣдуетъ намъ поступать въ

Польшѣ для усмиренія мятежа, о томъ что̀ такое самый этотъ мятежъ, отъ какихъ причинъ онъ произошелъ, чѣмъ онъ питается, и что̀ наконецъ держитъ Россію въ этомъ положеніи такъ опасномъ для нея и такъ оскорбительномъ для ея достоинства: вотъ вопросъ который занималъ всѣхъ, вотъ вопросъ который былъ предметомъ нашей полемики со *Днемъ*. Статья подавшая поводъ къ этой полемикѣ содержала въ себѣ мнѣнія противоположныя тѣмъ которыя кажутся намъ единственно вѣрными и основательными, и мы высказались съ полною опредѣленностію и ясностію. *День* теперь отвѣчаетъ намъ, и изъ сегодняшней статьи его оказывается что по отношенію къ предмету спора, по отношенію къ дѣйствительному вопросу занимающему всѣхъ, онъ согласенъ съ тѣмъ самымъ мнѣніемъ которое и мы считаемъ единственно вѣрнымъ, справедливымъ и основательнымъ. Мы находимъ то мнѣніе вѣрнымъ и основательнымъ которое въ вопросѣ о политической самостоятельности Польши видитъ вопросъ совершенно праздный и невозможный, и *День* въ своемъ послѣднемъ нумерѣ подтверждаетъ это мнѣніе, находя что вопросъ о самостоятельности Польши не можетъ и не долженъ быть задаваемъ въ настоящее время, что это вопросъ будущаго, и притомъ, судя по смыслу статьи, будущаго весьма отдаленнаго. Кто, кромѣ людей праздныхъ, кромѣ пустослововъ, можетъ спорить о вопросѣ принадлежащемъ къ отдаленному будущему? Кто знаетъ будущее? Отдаленное будущее есть дѣло фантазіи: можетъ ли фантазія стать предметомъ практическаго обсужденія? Кому нужно знать какъ фантазируетъ *День* или какъ фантазируютъ *Московскія Вѣдомости?* Во всякомъ случаѣ этотъ вопросъ совершенно частнаго свойства, и для него нѣтъ мѣста когда требуется говорить о насущномъ, о практическомъ, и служить органомъ дѣйствительнаго русскаго мнѣнія, дѣйствительнаго русскаго чувства. Далѣе, мы находили единственно вѣрнымъ то мнѣніе которое приписываетъ возникшій и продолжающійся въ Царствѣ Польскомъ мятежъ системѣ управленія тамъ принятой, и полагаетъ что первою обязанностію власти есть охраненіе мирнаго народонаселенія отъ убійцъ и устрашеній революціи, что

не какими-либо либеральными мѣрами можно бороться съ мятежомъ, а рѣшительными и послѣдовательными дѣйствіями власти, которая должна перестать быть игрушкой измѣнниковъ. И вотъ *День* въ нынѣшнемъ нумерѣ объясняетъ что онъ не видитъ другаго исхода въ Польшѣ кромѣ диктатуры. Мы находили то мнѣніе единственно вѣрнымъ, которое не признаетъ за польскимъ мятежомъ характера народнаго возстанія, и указывали на громадное большинство польскаго населенія, на его сельскій людъ отданный въ жертву мятежникамъ, которые усиливаются и плодятся вслѣдствіе бездѣйствія власти, или лучше сказать, вслѣдствіе такого направленія ея агентовъ которое прямо способствуетъ развитію революціи въ краѣ. И вотъ *День* теперь находитъ тоже что на сельскій людъ въ Царствѣ Польскомъ слѣдуетъ обратить все вниманіе, что польскихъ крестьянъ мы не должны угодливо отдавать подъ власть мятежникамъ, что Россія должна озаботиться ихъ участію и обезпеченіемъ ихъ независимости, и для этой цѣли должна крѣпко взять въ свои руки бразды правленія. Вотъ и все; вопросъ исчерпанъ. О чемъ же спорить? Если газета *День* совершенно согласна съ нами (или, пожалуй, если мы согласны съ нею) по всѣмъ пунктамъ спорнаго вопроса, то чего же лучше? Что̀ можетъ быть пріятнѣе согласія въ дѣлѣ такого общаго значенія и такой важности? Только этотъ вопросъ предстояло рѣшить, и онъ рѣшенъ. О чемъ же далѣе можетъ быть рѣчь? Газета *День* нашла о чемъ можетъ быть рѣчь. Она призываетъ вниманіе публики на свою и на нашу особу. Надобно чтобы публика знала что мы люди пустые, надменные, тщеславные, и чтобы публика чувствовала что газета *День* представляетъ собою людей несравненно болѣе достойныхъ, гораздо лучше чувствующихъ и лучше мыслящихъ. Публицистъ *Дня* такъ занятъ этимъ вопросомъ что польскій вопросъ является въ его статьѣ мелкимъ эпизодомъ. Все тревожно пріурочивается къ тому чтобы выставить на видъ важное значеніе газеты *День* и достоинство ея мыслителей и публицистовъ. Эта газета не можетъ ошибаться, она не можетъ увлекаться въ сторону, не можетъ высказывать фальшивыхъ мнѣній; оспаривать ея мнѣ-

нія не должно и грѣшно. Это убѣжденіе чувствуется въ каждой строчкѣ статьи *Дня.* Если нѣсколько дней тому назадъ онъ высказывалъ мнѣнія отъ которыхъ теперь такъ рѣшительно отказывается, то это произошло только отъ неясности изложенія, и онъ негодуетъ на насъ за то что мы сочли его способнымъ къ этимъ самымъ мнѣніямъ, хотя они и очень ясно были высказаны имъ нѣсколько дней томъ назадъ. Онъ обвиняетъ насъ за то что мы не *изучаемъ* (sic) его мнѣній добросовѣстно и основательно. Изучать! Но мы изучили, кажется, основательно мнѣніе высказанное этою газетой, которое обратило на себя наше вниманіе, и доказали это двумя статьями которыя посвятили ему. Мы ничего не исказили, ничего не желали представить въ фальшивомъ свѣтѣ, не могли имѣть къ тому ни малѣйшихъ побужденій, и, ссылаемся на читателей, мы имѣли цѣлію не журнальную полемику, а пользовались ею только какъ удобнымъ поводомъ для того чтобы привести въ ясность главные пункты спорнаго вопроса, дѣйствительно важнаго и имѣющаго практическое значеніе. Какого же еще изученія требуетъ отъ насъ газета *День?* Лица пишущія въ этой газетѣ не хотятъ ли чтобъ, изучая ихъ, мы прониклись чувствомъ такого уваженія къ нимъ что не вѣрили бы глазамъ и ушамъ своимъ, и какое бы мнѣніе они ни высказывали, хотя бы самое ошибочное, не считали бы его таковымъ и разумѣли бы статьи ихъ не въ томъ смыслѣ въ какомъ онѣ писаны и всѣми поняты, а какъ прикажутъ писавшіе?

Теперь редакція газеты *День* находитъ нужнымъ прибѣгнуть къ диктатурѣ для усмиренія мятежа; этого мало: она совѣтуетъ правительству совершенно преобразовать Польшу, ввести самоуправленіе въ польское крестьянство, совершенно измѣнить существующія тамъ отношенія, словомъ, сдѣлать то что̀ потребуетъ самаго энергическаго развитія власти и продолжительнаго времени, и потомъ предоставить будущему рѣшить останется ли Польша въ добровольномъ соединеніи съ Россіей или отдѣлится особымъ государствомъ. Оставляя въ сторонѣ вопросъ этого отдаленнаго будущаго, мы ничего не имѣемъ сказать противъ мнѣнія излагаемаго теперь газетой *День*, о

развитіи сильной власти для подавленія террора и для введенія полезныхъ преобразованій. Еслибы *Денъ* прежде высказывалъ эти мнѣнія, то мы не имѣли бы ни малѣйшаго повода спорить съ нимъ.

Но эти мнѣнія представляютъ совершенную противоположность тому что̀ назадъ тому двѣ недѣли было высказано въ газетѣ *Денъ*. Мы очень жалѣемъ что эта почтенная газета прибѣгаетъ къ уловкамъ которыя не совсѣмъ свойственны взрослымъ людямъ, и отпирается отъ того что̀ было высказано ею съ полною опредѣлительностію и ясностью. Она обвиняетъ насъ въ недостойномъ искаженіи ея мыслей и подозрѣваетъ въ насъ какія-то очень дурныя побужденія. Что̀ дѣлать! Намъ уже не въ первый разъ доводится слышать, что мы очень дурные и недостойные люди. Что мы дурные люди, это уже для насъ не новость. Мы также не будемъ оспаривать убѣжденія почтенной редакціи газеты *Денъ*, что она состоитъ изъ людей болѣе достойныхъ насъ во всѣхъ отношеніяхъ; но мы приведемъ нѣсколько мѣстъ изъ нынѣшней статьи публициста *Дня* и нѣсколько строкъ изъ прежней, и попросимъ его хладнокровно обсудить, имѣли ли мы право оспаривать его мнѣнія съ той самой точки зрѣнія которую и онъ теперь считаетъ единственно вѣрною:

«Для подавленія мятежа и для избавленія страны отъ террора военная диктатура оказывается необходимою. Польша будетъ усмирена, но польскій вопросъ останется неразрѣшеннымъ, и мы можемъ постоянно ожидать новаго мятежа. Признавая въ настоящее время необходимымъ усмиреніе мятежа, слѣдовательно признавая необходимость диктатуры, мы держимся мысли что, по избавленіи страны отъ террора, по возвращеніи ей свободы мнѣнія и голоса и по введеніи въ гражданскую жизнь Польши новаго элемента—полноправнаго польскаго крестьянства,—было бы полезно предоставить Польшѣ полную политическую самостоятельность.»

Итакъ, требуется ввести военную диктатуру и совершить въ Польшѣ одно изъ самыхъ существенныхъ преобразованій какія когда-либо совершались въ этой странѣ. Всякій согла-

сится что обернуть этого вокругъ пальца нельзя, что для этого потребуется значительное время, что для этого придется принимать всякаго рода общія мѣры, и что прежде всего необходимо будетъ прочистить всю гражданскую администрацію и ввести въ нее элементы благонадежные, на которые правительство могло бы вполнѣ положиться. Что же касается до политической самостоятельности, то нынѣшній нумеръ *Дня* заявляетъ «что такое разрѣшеніе вопроса предстоитъ будущему» и продолжаетъ:

«А въ настоящее время необходимо прежде всего, посредствомъ военной диктатуры, усмирить мятежъ, избавить страну отъ террора, надѣлить крестьянъ землею, крестьянскимъ самоуправленіемъ и вообще гражданскими правами.»

Высказывая все это, *День* восклицаетъ: «а *Московскія Вѣдомости* увѣряютъ что мы предлагаемъ то же что̀ уже *было* и *есть*!» Но *День* предлагалъ не это, онъ говорилъ въ № 34 слѣдующее:

«Къ Польшѣ невозможно и едва ли было бы справедливо примѣнять систему управленія принятую генераломъ Муравьевымъ въ западномъ краѣ: здѣсь, въ западной Россіи, на сторонѣ Русскаго правительства, кромѣ полнаго сознанія своей правоты и того особеннаго ощущенія что здѣсь мы у себя дома—весь Русскій народъ, все русское духовенство, русскіе законы и русскій языкъ; на сторонѣ Польши одинъ только классъ помѣщичій, къ которому генералъ Муравьевъ и отнесся совершенно, по нашему мнѣнію, основательно, какъ къ *цѣлому* враждебному намъ классу, безъ разбора личностей, и принялъ касательно его общія мѣры.»

Если мы не поняли или умышленно исказили политическія соображенія *Дня*, какъ онъ обвиняетъ насъ, то можетъ ли быть хотя малѣйшее сомнѣніе относительно этихъ простыхъ и совершенно ясныхъ, не допускающихъ никакого перетолкованія словъ? Правленіе генерала Муравьева въ западномъ краѣ есть конечно диктатура, но диктатура неизбѣжная и совершенно справедливая, какъ доказали послѣдствія, въ чемъ соглашается и газета *День*, которая настоятельно требуетъ теперь для

Царства Польскаго военной диктатуры. Генералъ Муравьевъ принимаетъ въ Литвѣ нѣкоторыя общія мѣры относящіяся къ цѣлымъ сословіямъ; *Денъ* двѣ недѣли тому назадъ находилъ подобныя мѣры несправедливыми въ Царствѣ Польскомъ, а теперь предлагаетъ принять тамъ общія мѣры простирающіяся на цѣлые классы народонаселенія. Прежде въ статьѣ своей *Денъ* считалъ польскихъ крестьянъ за ничто и не находилъ никакихъ средствъ къ тому чтобъ избавить ихъ отъ власти мятежниковъ, которыхъ они ненавидятъ и которымъ не довѣряютъ какъ злѣйшимъ врагамъ своимъ. Изъ его статьи выходило что крестьянамъ ничего не оставалось дѣлать какъ слѣдовать за знаменемъ Польши поднятымъ повстанцами. Но вотъ кстати: въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ газеты *Times* краковскій корреспондентъ пишетъ о глубокой и непримиримой враждѣ между польскою шляхтой и польскимъ крестьянствомъ въ Галиціи. Свидѣтельство иностраннаго корреспондента, притомъ не очень пріязненно расположеннаго къ намъ и склоннаго придавать какъ можно больше значенія польскому возстанію, имѣетъ въ этомъ случаѣ особенный вѣсъ. Онъ разказываетъ какъ польскіе повстанцы ходили по деревнямъ въ Галиціи (и не русской, а польской, западной) и старались возбуждать крестьянъ къ возстанію, и какъ крестьяне ловили ихъ и выдавали властямъ. «Посмотрите,» говорили имъ повстанцы, «Русскіе говорятъ по-русски, Нѣмцы по-нѣмецки, но вѣдь вы говорите по-польски, кто же вы такіе?»—«Мы имперцы,» отвѣчали имъ крестьяне. Вотъ отношеніе сельскаго народа во всѣхъ польскихъ областяхъ къ польскому возстанію. *Денъ* очевидно забылъ о крестьянахъ, разсуждая въ своей прежней статьѣ о различныхъ способахъ къ рѣшенію польскаго вопроса. Онъ вспомнилъ о нихъ въ слѣдующемъ нумерѣ, а вотъ теперь уже основываетъ на нихъ всю систему которая должна быть принята нами въ Польшѣ, и предлагаетъ правительству одну изъ самыхъ трудныхъ задачъ, которая потребуетъ великихъ усилій и средствъ. Но для этого приходится совершенно покинуть тотъ путь такъ-называемыхъ либеральныхъ мѣръ который быстрыми переходами ведетъ къ полному обособленію

Польши. Для того чтобы произвести всѣ тѣ реформы которыя предлагаетъ *День*, Русское правительство должно быть въ Польшѣ полнымъ хозяиномъ, и даже еще больше чѣмъ при императорѣ Николаѣ,—и нашъ публицистъ требуетъ военной диктатуры въ Царствѣ Польскомъ. Какъ ни строга, какъ ни крѣпка была власть въ Царствѣ Польскомъ назадъ тому семь-восемь лѣтъ, но она еще далеко не была военною диктатурой. Слѣдовательно, по нынѣшнему взгляду газеты *День*, Польша должна быть лишена даже и той доли самостоятельности которою она все-таки пользовалась въ прежнее время. Практическое рѣшеніе предлагаемое *Днемъ* есть отнятіе у Польши не только всякой политической или административной самостоятельности, но и подчиненіе ея военной диктатурѣ. Военная диктатура предлагаемая *Днемъ* не ограничивается только подавленіемъ мятежа: она оказывается необходимою на долгое время, пока не будутъ совершены всѣ тѣ преобразованія которыя эта газета считаетъ теперь крайне необходимыми. И вотъ такимъ образомъ военная диктатура вводится въ Польшу какъ порядокъ вещей единственно возможный для этой страны. О какой же самостоятельности Польши толкуетъ еще газета *День*? О самостоятельности для Польши будущаго, для Польши еще не существующей. Мы не знаемъ, удовольствуются ли этимъ Поляки; но для нѣкоторыхъ публицистовъ, которые любятъ казаться идеальными рыцарями, людьми гуманными и либеральными, гнушающимися всякаго грубаго факта, такіе подарки въ будущемъ служатъ очень удобнымъ средствомъ высказать самое суровое мнѣніе и въ то же время оставить за собою репутацію гуманности, рыцарства, либеральности. Газетѣ *День* очень хочется, напримѣръ, сказать чтобы Поляковъ изъ западнаго и юго-западнаго края какъ-нибудь «сбыть»; она приближалась къ этому щекотливому пункту, тихонько затрогивала его, но, какъ обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ, не рѣшилась высказаться съ полною опредѣленностью, откровенностію, то-есть честностію. Пусть другіе совершаютъ грубое дѣло, а мы ограничимся только намекомъ исподтишка, и тотчасъ же завернемся въ широкія фразы объ общественности, о государ-

ственности, о народности, о самостоятельности, о свободѣ, да еще будемъ потомъ, съ чувствомъ своего нравственнаго превосходства, говорить объ исполнителяхъ тяжкаго дѣла требующаго силы характера, самоотверженія, твердаго убѣжденія въ пользѣ и государственной важности совершаемаго подвига. Теперь газета *День* хвалитъ мѣры генерала Муравьева, а нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, когда русскіе люди поспѣшили подкрѣпить его своимъ одобреніемъ и сочувствіемъ, эта почтенная газета морщилась и говорила объ этихъ заявленіяхъ почти съ негодованіемъ. Пусть же теперь эта газета спроситъ у генерала Муравьева, были ли ему полезны и отрадны эти заявленія, которыя неслись къ нему со всѣхъ концовъ Россіи, въ то время какъ онъ боролся со всевозможными трудностями и препятствіями, и когда вся Европа съ умысломъ осыпала его ругательствами?

Въ видахъ тоже должно-быть либеральныхъ, *День*, говоря о старой Польшѣ, спрашиваетъ насъ, не думаемъ ли мы что судьбы ея могли бы измѣниться еслибы за тысячу лѣтъ предъ симъ туда былъ посланъ «хорошій генералъ съ правомъ диктатуры»? Мы не знаемъ что̀ было бы еслибы Польша въ началѣ прошла добрую школу диктатуры какую проходили всѣ историческіе народы безъ исключенія; но мы знаемъ что такимъ образомъ покончили съ Польшей: пришли генералы австрійскіе, прусскіе и русскіе, и призракъ самостоятельной Польши исчезъ.

День находитъ неприличнымъ что мы для объясненія истинной сущности польскаго возстанія сослались на происходившую у насъ назадъ тому года два революціонную комедію. Мы не знаемъ почему это неприлично, и кому это обидно—Полякамъ или намъ? Какъ тамъ, такъ и тутъ, главная причина одна, при всемъ различіи размѣровъ и послѣдствій. И тамъ и тутъ въ основаніи одна и та же интрига; и тамъ и тутъ главными виновниками были люди которые ускользали и ускользаютъ отъ кары, между тѣмъ какъ несчастныхъ повстанцевъ, загоняемыхъ изъ селъ въ лѣса, бьютъ войска безпощадно, и шестнадцатилѣтніе юноши, бѣдныя жертвы гнусныхъ

продѣлокъ, губили у насъ свою будущность. Наступитъ время, оно не далеко, когда эта гнусная интрига будетъ выведена наружу. Напрасно *День*, который такъ заботится чтобъ его мнѣнія не истолковывались лживо, на той же самой страницѣ очень лживымъ образомъ толкуетъ мнѣнія другихъ. Мы упомянули о нашей революціонной комедіи именно съ тѣмъ чтобы показать какъ надъ здоровымъ, цѣльнымъ, могущественнымъ народомъ, вовсе не заключающимъ въ себѣ революціонныхъ элементовъ, могъ разыграться призракъ сумятицы, которая многихъ заставляла опасаться чтобъ и въ самомъ дѣлѣ чего-нибудь не вышло, и между этими многими, какъ намъ помнится, была и газета *День*, которая очень не двусмысленно выражалась объ этомъ въ передовыхъ статьяхъ своихъ того времени.

День упрекаетъ насъ, зачѣмъ мы сказали что голосъ нашъ, при началѣ польскаго матежа, раздавался одиноко. Онъ видитъ въ этомъ похвальбу, и тутъ же съ жаромъ обращается къ публикѣ, настаивая что и онъ имѣетъ право участвовать въ этой похвальбѣ. Боже мой! Есть чѣмъ хвалиться! Хвалиться тѣмъ что русскіе журналисты подняли голосъ въ защиту русскаго дѣла! Не хвалиться этимъ можно, а огорчаться при мысли о печальномъ явленіи которое дѣйствительно представляла наша журналистика въ то время когда поднять голосъ въ защиту русскаго дѣла казалось со стороны Русскаго удивительною отвагой. Мы помнимъ какъ пріятели поздравляли насъ за первыя статьи наши по польскому дѣлу, какъ удивлялись нашей смѣлости! И это было посреди Русскаго Царства! Кто видѣлъ насъ въ тѣ, слава Богу, навсегда прошедшія минуты, тотъ знаетъ радостно ли было у насъ на душѣ, и о лаврахъ ли мы помышляли.... Мы нисколько не думали обидѣть газету *День*. Но просимъ ее припомнить, какъ сама же она въ тѣ времена жаловалась что во всей русской журналистикѣ по польскому дѣлу раздается только голосъ *Московскихъ Вѣдомостей*. Она ссылалась на какія-то препятствія замыкавшія ея уста, и указывала на пустой квадратъ во главѣ своихъ нумеровъ, гдѣ большими буквами значилось: «Москва,

такого-то числа.» Препятствія всегда были и всегда бываютъ; но когда поднимаются вопросы великіе, вопросы народные, отъ которыхъ содрагается каждая фибра въ живомъ человѣкѣ, тогда препятствія сглаживаются сами собою, а наконецъ если нѣкоторыя наши фантазіи или даже и зрѣлыя мнѣнія не могутъ быть вполнѣ высказаны, то неужели та торжественная и вмѣстѣ такъ скорбная минута не могла пересилить самолюбія, не могла заставить отложить до другаго времени то что̀ встрѣчало себѣ препятствія? Не все же въ русскомъ чувствѣ, которое тогда просилось наружу, не все же встрѣчало препятствія и не могло высказаться! Вѣдь нашла же газета *День* въ послѣдствіи возможность говорить и о польскомъ вопросѣ, и о русскомъ народномъ чувствѣ....

Странныя существа люди! Древняя мудрость назвала человѣка ложью; новѣйшія наблюденія не опровергли этой истины. И ложь человѣческая состоитъ главнымъ образомъ въ томъ что человѣкъ никогда въ дѣйствительности не бываетъ тѣмъ чѣмъ хочетъ казаться въ своихъ ли, въ чужихъ ли глазахъ. Какъ скоро человѣкъ хочетъ чѣмъ-нибудь казаться, будьте увѣрены въ немъ именно того-то и нѣтъ что̀ выставляется имъ на видъ. Выставляемое людьми на видъ, въ усладу себѣ или другимъ, большею частію служитъ обозначеніемъ того чего въ дѣйствительности у людей не имѣется. Кто щеголяетъ своимъ образованіемъ, у того, повѣрьте, не глубоки корни образованія, у того только лоскъ прикрывающій варварство. Кто красуется либерализмомъ, тотъ, повѣрьте, по большей части бываетъ деспотъ въ душѣ. Сентиментальность есть не что̀ иное какъ неспособность къ истинному чувству. Увы! желаніе *казаться* правдивымъ, то и дѣло, бываетъ признакомъ внутренней лживости. Такъ бываетъ en grand, въ общихъ свойствахъ человѣческой природы, такъ точно бываетъ и en petit, въ разныхъ сферахъ дѣятельности людей, въ ихъ маленькихъ интересахъ, занятіяхъ и мысляхъ. Такъ бываетъ въ литературѣ, въ журнальныхъ статьяхъ, въ передовыхъ или руководящихъ статейкахъ русскихъ газетъ,—говоримъ, русскихъ, потому что и русскіе журналисты не изъяты отъ общаго за-

кона человѣческихъ дѣлъ, и ихъ статьи и статейки подлежатъ тому же неумолимому закону. У насъ въ литературѣ очень часто раздавались суровые голоса вѣщавшіе о правдѣ, о дѣйствительности, о народной почвѣ, о томъ что личное начало есть начало проклятое, буйствующее на Западѣ, что русская народность чиста и свободна отъ этого начала. Личность, какъ извѣстно, есть начало и дурное и хорошее, смотря по тому какъ она держится и что̀ она дѣлаетъ. Личность есть и на Западѣ, и на Востокѣ; и хорошія проявленія личности столько же цѣнятся на Западѣ сколько на Востокѣ осуждаются дурныя. Но дѣло не въ этомъ, а въ томъ что литераторы, проповѣдывающіе смиреніе и «приниженіе» личности, весьма часто представляютъ собою разительный примѣръ того, какъ у людей на дѣлѣ именно того-то и не бываетъ что̀ у нихъ на вывѣскѣ, и какъ они тѣми самыми дѣйствіями, которыми хотятъ доказать что-либо, доказываютъ нѣчто совершенно противное. Люди, напримѣръ, хотятъ доказать что они глубоко и серіозно заняты общимъ дѣломъ, что они совершенно забываютъ себя въ немъ и совершенно свободны ото всякихъ заботъ о своей особѣ, — и что̀ же? — какъ всегда бываетъ, въ силу печальнаго закона человѣческой природы, эти-то самые люди и оказываются по преимуществу занятыми своею особой и мало готовыми заняться общимъ дѣломъ, какъ бы оно ни было важно, безъ примѣси личнаго чувства.

XI.

Передовая статья въ № 196 „Московскихъ Вѣдомостей" (9 сентября).

Считаемъ долгомъ своимъ, отъ лица всѣхъ нашихъ читателей, благодарить г. вице-канцлера за доставленную намъ возможность обнародовать послѣдніе акты дипломатической переписки нашего правительства, одновременно съ появленіемъ ихъ въ *Journal de St. Pétersbourg*. Изъ этихъ актовъ, исполненныхъ достоинства и силы, русская публика увидитъ что дипломатическая кампанія кончена. Дѣло иностранной

политики совершено блистательно; дай Богъ такого же успѣха и дѣйствіямъ нашей внутренней политики! Дай Богъ чтобы мы обрѣли въ себѣ полную рѣшимость, соотвѣтствующую нашимъ истиннымъ силамъ, привести къ концу возникшія у насъ замѣшательства и выйти побѣдоносно изо всѣхъ нашихъ затрудненій! Зло уже довольно запущено; оно съ теченіемъ времени укоренилось довольно глубоко и приняло значительные размѣры; теперь бороться съ нимъ труднѣе чѣмъ было въ началѣ. Но успѣхъ борьбы тѣмъ не менѣе вполнѣ зависитъ отъ самой Россіи, отъ ея рѣшимости, твердости, ясности взгляда и послѣдовательности дѣйствій. Телеграмма изъ Варшавы, полученная нами вчера и нынче дополненная новою о покушеніи на жизнь графа Берга, еще разъ свидѣтельствуетъ о необходимости дѣйствовать рѣшительно и безо всякаго земедленія. Каждая минута въ настоящихъ обстоятельствахъ имѣетъ цѣну, каждая минута есть сила, а силъ терять не должно. Чѣмъ менѣе будемъ мы колебаться въ нашемъ образѣ дѣйствій, тѣмъ менѣе потребуется жертвъ и крови и тѣмъ вѣрнѣе будетъ сохранено спокойствіе Европы.

Блистательное изложеніе польскаго вопроса въ *меморандумѣ* князя Горчакова, находящемся теперь предъ глазами читателей, бросаетъ яркій свѣтъ на первый источникъ тѣхъ затрудненій съ которыми мы теперь боремся. Историческія данныя, сопоставленныя въ этомъ документѣ, заключаютъ въ себѣ важные уроки политической мудрости. Между Европой и Россіей стоитъ теперь вопросъ о Польшѣ: какъ возникъ этотъ вопросъ, кто его поставилъ, кто его создалъ? Вопросъ этотъ, мы видимъ, не на радость Россіи, не въ пользу ей; мы видимъ какія для нея трудности заключаются въ этомъ вопросѣ; мы видимъ, сколькихъ бѣдствій былъ онъ виною, и сколькихъ бѣдствій быть-можетъ станетъ виною. Мы видимъ что вопросомъ этимъ другія державы пользуются какъ готовымъ орудіемъ, чтобы въ разныхъ видахъ своихъ тревожить, обезсиливать и унижать наше отечество. Мы видимъ что этотъ вопросъ есть наша слабость, и что онъ есть сила нашихъ враговъ. Очевидно, что создать этотъ вопросъ могли только

враги Россіи. И дѣйствительно, его создали враги,—враги скрытные, враги дѣйствующіе потаенными путями,—самые опасные и самые злые изо всѣхъ враговъ какіе только могутъ быть у человѣка, или у цѣлаго народа, у цѣлаго государства,—враги дѣйствующіе издалека, потихоньку, шагъ за шагомъ, мѣняя личины, прикидываясь нашими друзьями, служа намъ, угождая намъ, занимаясь нашими дѣлами, играя на нашемъ сердцѣ и извлекая изъ него искусною рукой доброгласные аккорды великодушія, рыцарства, самоотверженія и тому подобныхъ мотивовъ. Да сохранитъ насъ Богъ отъ этихъ враговъ, отъ этихъ друзей со сладкою физіономіей и вкрадчивымъ голосомъ! Да пошлетъ намъ Богъ и на нынѣшнія, и на грядущія времена враговъ истинныхъ, настоящихъ враговъ, добрыхъ, открытыхъ враговъ, такихъ враговъ которые не казались бы друзьями.

Съ каждымъ днемъ въ политическомъ мірѣ все болѣе и болѣе утверждается правило что для правительствъ нѣтъ другаго долга какъ польза, только польза, и ничего кромѣ пользы своего народа, своей страны. Человѣкъ есть существо слабое; на всѣхъ ступеняхъ своего величія онъ есть существо слабое. Въ своихъ дѣйствіяхъ, съ которыми сопряжено благо другихъ людей или благо какого-либо великаго цѣлаго, человѣкъ долженъ соблюдать величайшую осторожность не только предъ лицомъ очевидныхъ враговъ, но и по отношенію ко внутреннимъ движеніямъ своей души, и быть строгимъ критикомъ даже лучшихъ порывовъ своего сердца. Святые отшельники, спасавшіеся въ пустыняхъ, боялись не столько грубыхъ чувственныхъ искушеній сколько тѣхъ тонкихъ и незамѣтныхъ которыми врагъ старался уловить ихъ на высотѣ духовныхъ помысловъ, во глубинѣ ихъ нравственной чистоты и святости. Великодушіе, милость, щедроты, все это великія и прекрасныя слова, и также чувствованія прекрасныя, прекрасныя движенія души. Нельзя не дорожить ими, нельзя не прославлять ихъ. Но всякому человѣку надобно помнить что на высотѣ этихъ чувствованій сторожитъ его врагъ, что на высотѣ этихъ чувствованій пуще всего бываетъ

нужна человѣку чуткая бдительность надъ самимъ собою. А потому-то въ дѣлахъ общаго блага первое правило—не допускать никакихъ побужденій, хотя бы самыхъ возвышенныхъ и прекрасныхъ, не посовѣтовавшись прежде всего и крѣпче всего съ чувствомъ долга: щедроты—дѣло прекрасное, но они хороши не прежде какъ по уплатѣ долговъ. Потому-то, съ развитіемъ опытности, политическіе люди стараются руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ исключительно интересами своей страны и народа, и отнюдь не допускаютъ никакихъ соображеній въ видахъ какой-либо отвлеченной справедливости или какихъ-нибудь великодушныхъ идей.

Теперь Европа попрекаетъ насъ Польшей. Цѣлому міру извѣстно что державы поддерживающія теперь знамя Польши совсѣмъ не заботятся о ней, а дѣйствуютъ каждая въ своемъ интересѣ. Всѣ это знаютъ, всѣмъ это очевидно, и нападающія на насъ иностранныя державы нисколько не стараются скрывать это. Но тѣ же самыя державы болѣе всего противились нашимъ великодушнымъ планамъ поднять это польское знамя, воскресить въ Европѣ это имя, оживить призракъ этого погибшаго существованія. Тогда Европа чуть не дошла до войны съ нами въ своемъ сопротивленіи нашимъ великодушнымъ планамъ возобновить имя Польши. Державы соглашались на приращеніе государственной области Россіи, и уступали ей тѣ области изъ которыхъ Наполеонъ I сдѣлалъ герцогство Варшавское, лишь бы только не возобновлялся призракъ Польши. Но императоръ Александръ I „хотѣлъ явить примѣръ самоотверженія и безкорыстія". Онъ сказалъ: „я хочу возродить Польшу". Императоръ Александръ I, „великодушно забывая что герцогство Варшавское было завоевано единственно русскимъ оружіемъ у врага, въ рядахъ котораго находились еще Пруссія и Австрія, поставилъ себѣ за правило чтобъ участь завоеванныхъ областей была въ послѣдствіи устроена на конгрессѣ долженствовавшемъ собраться въ Вѣнѣ." Послѣ великой войны, которою Россія спасла Европу и въ которой понесла самыя тяжкія жертвы,—Россія хотѣла поступить не только безкорыстно, но и великодушно;

она не хотѣла ограничиться видами на благо своего народа, который такъ много работалъ, такъ много страдалъ, и такъ несомнѣнно былъ призванъ къ великой исторической будущности,—она хотѣла, въ ущербъ себѣ, призвать къ жизни еще другой народъ, уже умершій и похороненный, и возсоздать государство доказавшее свою неспособность къ самостоятельному существованію, искони бывшее заклятымъ врагомъ Россіи,—государство котораго жизнь была ея пагубой, умерщвленіемъ ея народа, разореніемъ ея церкви, уничтоженіемъ ея силы.

Наши теперешніе противники, чуть-чуть не объявившіе намъ войны изъ-за Польши, говорили тогда на конференціи созванной нами:

„Къ несчастію, можно предвидѣть войну, если, какъ предполагаютъ, Императоръ Александръ имѣетъ намѣреніе привести въ исполненіе идеи нѣскольких Поляковъ, наименовавъ свои новыя пріобрѣтенія Польшей. Этотъ вопросъ еще важнѣе территоріальнаго. Онъ заключаетъ въ себѣ сѣмена смутъ и совершенно противорѣчитъ существующимъ трактатамъ, такъ какъ въ свое время три двора участвовавшіе въ раздѣлѣ обязались впредь не употреблять этого наименованія.“

Такъ говорили намъ въ то время державы которыя теперь нападаютъ на насъ изъ-за Польши; мы тогда не слушались ихъ увѣщаній, мы готовы были рѣшиться даже на войну съ ними для исполненія плановъ подсунутыхъ намъ „нѣсколькими Поляками“, упоминаемыми въ вышеприведенныхъ словахъ князя Меттерниха,—и вотъ цѣлая исторія, которая родилась почти изъ ничего, родилась изъ происковъ этихъ „нѣсколькихъ Поляковъ“, умѣвшихъ тронуть нѣкоторыя сладкозвучныя струны. Одно имя,—казалось бы что̀ такое имя?—одно имя, и вотъ какія послѣдствія: вызванъ мертвецъ изъ могилы, и во власть ему отданы милліоны живыхъ людей,—Россія подвергается замѣшательствамъ и бѣдствіямъ, спокойствію Европы угрожаетъ опасность. И вотъ также что̀ значитъ интрига, вотъ что̀ значатъ эти тонкія, незамѣтныя, повидимому, ничтожныя

дѣйствія, изъ которыхъ она слагается! Нѣтъ, не въ шумныхъ и грубыхъ проявленіяхъ опасно зло; оно опаснѣе всего тамъ гдѣ можетъ дѣйствовать тонкими и незамѣтными вліяніями интрига. И люди, и народы въ своемъ развитіи болѣе всего должны стараться обезпечить себя „отъ всякой вещи во тьмѣ преходящей".

Мы оставляемъ до завтрашняго дня обзоръ дипломатическихъ документовъ какъ иностранныхъ, такъ и нашихъ. Теперь же мы должны перенести на минуту наше вниманіе на другой предметъ.

Финляндскій сеймъ открытъ. Въ этомъ же самомъ листкѣ русская публика прочтетъ рѣчь произнесенную Великимъ Княземъ Финляндскимъ при открытіи сейма. Событіе это не есть событіе русское, и документъ этотъ есть для насъ документъ иностранный; однако онъ имѣетъ для насъ особое значеніе, потому что Великій Князь Финляндскій есть въ то же время Императоръ Всероссійскій.

Финляндское княжество есть страна заселенная народомъ финскаго племени, говорящимъ внизу по-фински, вверху по-шведски и образованнымъ по-шведски,—страна присоединенная къ Россіи, имѣющая свой особый представительный сеймъ, котораго засѣданія открыты рѣчью ея государя на французскомъ языкѣ. Государственное представительство Финляндіи заимствовано ею отъ Швеціи и основано на сословномъ устройствѣ. Финляндія радостно привѣтствуетъ возобновленіе своей политической жизни, и мы, Русскіе, поздравляемъ ее съ этимъ событіемъ. Несмотря на нѣкоторую аномалію своего положенія относительно Россіи, Финляндія, слава Богу, никогда не была причиной серіозныхъ замѣшательствъ и затрудненій для Русскаго народа. Съ именемъ Финляндіи не соединяется для Русскаго народа никакихъ дурныхъ воспоминаній; отъ Великаго Княжества Финляндскаго Россія пока не видала зла; оно держалось мирно, законно и честно, не употребляя во зло своего особаго положенія. Пожелаемъ чтобъ и впредь со стороны Финляндіи ничто не напоминало Русскому народу о невыгодахъ соединенія разныхъ отдѣльныхъ

государствъ подъ державой одного государя. Испытанная *честность* этой страны, ея непритязательность, ея спокойный нравъ мирятъ русское чувство съ характеромъ тѣхъ отношеній въ которыхъ она находится къ Россіи. Но этихъ отношеній нельзя признать нормальными, и ужь никакъ нельзя принять ихъ въ образецъ, никакъ нельзя пожелать чтобы нѣчто подобное могло еще съ какой-нибудь другой стороны образоваться для Россіи. Этого рода отношенія очень опасны,— опасны не только тѣмъ что могутъ вести къ разнымъ внѣшнимъ замѣшательствамъ и затрудненіямъ, а еще болѣе тѣмъ что они вносятъ во внутреннюю государственную жизнь такое начало которое въ своемъ развитіи можетъ разстроить самое цѣльное государственное тѣло и повести къ ослабленію основныхъ связей соединяющихъ народъ съ верховною властью. Это начало вредно еще тѣмъ что въ своемъ развитіи можетъ дать ходъ одной изъ самыхъ пагубныхъ государственныхъ формъ, такъ-называемой „федеральной" или союзной формѣ, которою, какъ всякимъ разлагающимъ началомъ, успѣли уже воспользоваться революціонныя ученія. Нѣтъ ничего противнѣе здравому политическому смыслу какъ эта „федеральная" или „федеративная" форма, выдаваемая за идеалъ государственнаго устройства. Не только полное осуществленіе и развитіе этой формы, но и все что́ напоминаетъ ее, всякая тѣнь этой формы, все что́ хоть сколько-нибудь отзывается ею, грозитъ государству серіозною опасностію. Для государства лучше, вслѣдствіе несчастной войны, утратить ту или другую изъ своихъ областей нежели пріобрѣсти новую на основаніи такъ-называемаго „личнаго" соединенія или этой „федеральной" связи. Какъ же допустить, хоть на минуту, мысль которую навязываютъ Россіи разные благопріятели ея въ иностранной журналистикѣ,—мысль о раздробленіи ея на многія государственныя области, изъ которыхъ каждая должна имѣть свое особое представительство и которыя должны находиться между собою въ союзныхъ отношеніяхъ? Злѣйшій врагъ не можетъ придумать для Россіи ничего хуже этой мысли, ничего болѣе противнаго политическому чувству Русскаго народа,

которое онъ воспиталъ и выстрадалъ всею своею исторіей. При одномъ помышленіи о чемъ-либо подобномъ становится больно.... Нѣтъ, сохранимъ полную надежду, что съ дальнѣйшимъ предстоящимъ намъ политическимъ развитіемъ Россія еще крѣпче утвердитъ свою государственную цѣлость, еще глубже, еще сильнѣе, еще могущественнѣе почувствуетъ свое единство, за которое все чтó ни есть на землѣ Русской русскаго отдастъ послѣднюю каплю своей крови...

Заговоривъ о финляндскомъ сеймѣ, мы позволимъ себѣ остановиться на одной чертѣ въ описаніи относящихся къ этому событію церемоній—чертѣ которую навѣрное замѣтитъ каждый Русскій, которую оцѣнитъ русское чувство, на которой оно пріятно остановится, съ благодарностію за тонкую внимательность къ нему такъ любимаго всею Россіей, такъ дорогаго ей Государя. При принесеніи присяги ландмаршаломъ сейма, Государь Императоръ обратился къ нему съ привѣтствіемъ—не на французскомъ, не на шведскомъ, но на русскомъ языкѣ. И это не было случайностію: Его Величество вслѣдъ за тѣмъ изволилъ обратиться и къ архіепископу абовскому также на русскомъ языкѣ, хотя и ландмаршалъ сейма и архіепископъ почему-то предпочли отвѣчать не по-русски, даже не по-шведски, а по-французски.

ДИПЛОМАТИЧЕСКІЕ ДОКУМЕНТЫ ПО ПОЛЬСКИМЪ ДѢЛАМЪ.

ГРАФЪ РЕХБЕРГЪ ГРАФУ ТУНУ, АВСТРІЙСКОМУ ПОВѢРЕННОМУ ВЪ ДѢЛАХЪ ПРИ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ ДВОРѢ.

Вѣна, 12-го августа 1863 года.

Вамъ уже извѣстенъ текстъ депеши князя Горчакова, которую 17-го минувшаго іюля мнѣ прочелъ г. Балабинъ, оставивъ у меня съ нея копію.

Какъ я уже сообщилъ вамъ, правительство императора очень сожалѣетъ что Россія не дала болѣе удовлетворительнаго отвѣта на предложенія которыя Австрія, совокупно съ Франціей и Великобританіей, предъявила въ С.-Петербургѣ.

Дѣйствительно, князь Горчаковъ заявляетъ лишь въ самыхъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ согласіе на шесть пунктовъ, которые предложены какъ основаніе для переговоровъ. Онъ оспариваетъ умѣстность ихъ немедленнаго примѣненія прежде чѣмъ будетъ вполнѣ возстановленъ матеріальный порядокъ. Г. вице-канцлеръ полагаетъ, повидимому, что и простое обсужденіе этихъ основныхъ пунктовъ можетъ помѣшать введенію въ силу тѣхъ мѣръ которыя приняты съ цѣлью возстановить власть правительства въ Польшѣ. Притомъ, по его мнѣнію, содѣйствіе державъ сообщило бы мѣрамъ какія были бы приняты характеръ вмѣшательства во внутреннія дѣла Россіи, которое С.-Петербургскій кабинетъ не желалъ бы допустить. Поэтому Русскій дворъ не соглашается на конференцію изъ восьми державъ подписавшихъ общій актъ Вѣнскаго конгресса. Считая не относящимися къ дѣлу общія начала упоминаемыя въ этомъ актѣ, Русское правительство желало бы вступить въ непосредственное соглашеніе только съ дворами Австрійскимъ и Прусскимъ, дабы сообразить относительное положеніе польскихъ областей, на которыя простираются условія 1815 года, съ нынѣшними ихъ потребностями и успѣхами времени. Сверхъ того, князь Горчаковъ поставляетъ намъ на видъ что этотъ образъ дѣйствія былъ бы согласенъ съ тѣмъ который былъ избранъ въ 1815 году.

Императорское правительство обязано заявить что относительно большей части этихъ пунктовъ оно не раздѣляетъ мнѣній Русскаго правительства.

Вопервыхъ, мы полагаемъ, напротивъ, что настоитъ надобность теперь же приступить къ дѣлу примиренія, столь необходимому въ общемъ интересѣ. Воспользовавшись добросовѣстнымъ и безкорыстнымъ содѣйствіемъ которое предлагаютъ Австрія, Франція и Великобританія,

Русскій дворъ обезпечилъ бы себѣ самое могущественное средство къ доставленію въ Польшѣ торжества умѣреннымъ идеямъ, и такимъ образомъ положилъ бы основаніе прочному миру. Можетъ-статься что органы самыхъ крайнихъ партій отвергаютъ какъ недостаточную, программу предложенную тремя державами. Но было бы ошибочно предполагать что въ такихъ случаяхъ существуютъ только двѣ партіи: съ одной стороны—правительство старающееся подавить возстаніе, а съ другой—вожди инсургентовъ, поддерживающіе безпорядокъ и предъявляющіе самыя преувеличенныя притязанія. Внѣ этихъ двухъ лагерей есть еще огромная колеблющаяся масса, которая была бы удовлетворена безопасностію лицъ и имуществъ подъ кровомъ справедливой и благотворной администраціи. Пріобрѣтя довѣренность этой части населенія, Россія сдѣлала бы значительный шагъ къ умиротворенію страны.

По мнѣнію князя Горчакова, однимъ изъ главныхъ препятствій ко всякой примирительной попыткѣ служитъ нравственное поощреніе которое самыя безсмыленныя притязанія инсургентовъ почерпаютъ въ надеждѣ на матеріальное вмѣшательство извнѣ. Правда, польскія событія возбудили живѣйшее сочувствіе въ Европѣ. Это сочувствіе обнаружилось почти во всѣхъ государствахъ гдѣ существуетъ народное представительство. Подобныя заявленія, соединенныя даже съ матеріальнымъ пособіемъ, которое инсургенты могли получать изъ сопредѣльныхъ государствъ, несмотря на самый бдительный надзоръ тамошнихъ правительствъ, не составляетъ однакожь единственнаго препятствія къ возстановленію порядка въ Польшѣ. Если возстаніе, какъ говоритъ князь Горчаковъ, сосредоточило всѣ свои усилія въ Царствѣ Польскомъ, то это лишь потому что оно нашло тамъ благопріятную почву, на которой можно было возбудить основательныя жалобы и гдѣ существуютъ поводы къ неудовольствію, устранить которые мы именно предлагаемъ. Еслибы Русскій дворъ болѣе соображался съ обязательствами которыя принялъ на себя въ 1772 и 1815 годахъ въ пользу охраненія религіозной свободы и національныхъ учрежденій, то подстреканія извнѣ не могли бы такъ легко возбуждать безпорядки, которыхъ частое возобновленіе основательно тревожитъ сосѣднія государства и всю Европу.

Равнымъ образомъ мы не ясно понимаемъ возраженія предъявляемыя княземъ Горчаковымъ противъ созванія формальной конференціи для обсужденія польскихъ дѣлъ.

Какъ скоро С.-Петербургскій кабинетъ допускаетъ что другія державы имѣютъ право истолковывать смыслъ нѣкоторыхъ условій относящихся къ Польшѣ, то само собою разумѣется что онъ признаетъ за этими державами право ихъ выражать мнѣнія объ исполненіи мѣръ которыя составляютъ лишь прямое слѣдствіе тѣхъ условій.

Мы не можемъ признать чтобъ участіе восьми державъ, подписавшихъ вѣнскіе акты, въ совѣщаніяхъ о положеніи Царства Польскаго имѣло значеніе прямаго вмѣшательства во внутреннія дѣла Россіи, ибо очевидно что Царство Польское поставлено Вѣнскимъ трактатомъ въ особое положеніе, совершенно отличное отъ того въ которомъ находятся провинціи Россійской Имперіи. Поэтому даже съ точки зрѣнія князя Горчакова мы не видимъ почему бы Россія не могла согласиться на созваніе конференціи изъ восьми державъ. Мы уже протестовали противъ истолкованія которое С.-Петербургскій кабинетъ далъ въ этомъ отношеніи одному мѣсту нашей депеши отъ 18-го іюня.

Императорскій кабинетъ заявилъ тогда только очевидную истину. Дѣйствительно, не подлежитъ сомнѣнію что созваніе конференціи для переговоровъ съ Россіей становится невозможнымъ если сторона самымъ прямымъ образомъ заинтересованная въ дѣлѣ, та именно съ которою слѣдуетъ переговариваться, не хочетъ участвовать въ конференціи. Но этою оговоркой мы нисколько не думали одобрить отказъ Россіи участвовать въ конференціи.

Что касается предложенія о прямомъ соглашеніи между Австріей, Пруссіей и Россіей, то со своей стороны императорское правительство не можетъ почитать такое предложеніе удобопріемлемымъ. По этому поводу мы можемъ только повторить что согласіе установившееся между кабинетами Вѣнскимъ, Лондонскимъ и Парижскимъ, съ цѣлью облегчить мирное рѣшеніе польскаго вопроса, составляетъ между этими кабинетами связь отъ которой Австрія теперь не можетъ отрѣшиться, чтобы приступить къ отдѣльнымъ переговорамъ съ Россіей и Пруссіей.

Сверхъ того, мы должны были отвергнуть уподобленіе которое, казалось, устанавливало это предложеніе между территоріями просто включенными въ Австрійскую имперію, и частью древней Польши изъ которой составлено въ 1815 году государство присоединенное къ Россіи, но пользующееся особенною администраціей. Императоръ, нашъ августѣйшій государь, безо всякаго колебанія, добровольно даровалъ своимъ польскимъ областямъ учрежденія согласныя съ настоящими потребностями и успѣхами вѣка. Со своей стороны императорское правительство не имѣло такимъ образомъ надобности договариваться объ этомъ предметѣ съ сопредѣльными правительствами, и мѣры которыя оно совѣтовало Россіи не были въ противорѣчіи съ примѣрами которые оно подало въ собственномъ государствѣ. Впрочемъ, спѣшимъ съ удовольствіемъ принять къ свѣдѣнію объявленіе заключающееся въ депешѣ отъ 15-го (27-го) іюля, прочтенной мнѣ г. Кноррингомъ, въ которой князь Горчаковъ протестуетъ противъ истолкованія которое мы могли дать его предложенію.

Наконецъ, примѣръ 1815 года не можетъ, кажется, быть удачно примѣненъ къ теперешнимъ обстоятельствамъ, ибо державы подписавшія вѣнскіе акты не имѣли тогда тѣхъ правъ на вмѣшательство въ рѣшеніе польскаго вопроса, на которыя онѣ теперь ссылаются и которыя истекаютъ именно изъ этихъ самыхъ актовъ.

Сообщивъ такимъ образомъ наши виды князю Горчакову, мы находимъ что намъ остается еще исполнить настоятельный долгъ, именно обратить его вниманіе на важность положенія и на ту отвѣтственность которую оно возлагаетъ на Россію.

Австрія, Франція и Великобританія указали на безотлагательную необходимость положить конецъ порядку вещей прискорбному и полному опасностей для Европы; вмѣстѣ съ тѣмъ эти державы обозначили и средства какія по ихъ мнѣнію должны быть употреблены для достиженія этой цѣли, и для болѣе вѣрнаго достиженія ея предложили свое содѣйствіе.

Если Россія не сдѣлаетъ всего отъ нея зависящаго для споспѣшествованія умѣреннымъ и примирительнымъ намѣреніямъ трехъ державъ, если она не вступитъ на путь указанный ей дружескими совѣтами, то она подвергнетъ себя важнымъ послѣдствіямъ которыя можетъ повлечь за собою продолженіе безпорядковъ въ Польшѣ.

Предлагаю вамъ, графъ, прочесть эту депешу князю Горчакову и передать ему копію съ нея.

Г. ДРУЭНЪ-ДЕ-ЛЮИСЪ ГЕРЦОГУ ДЕ-МОНТЕБЕЛЛО, ФРАНЦУЗСКОМУ ПОСЛУ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Парижъ, 3-го августа 1863.

Когда правительство императора, въ согласіи съ кабинетами Лондонскимъ и Вѣнскимъ, рѣшилось обратиться къ Русскому двору со своими сообщеніями отъ 10-го апрѣля и 17-го іюня, то оно руководствовалось соображеніями общаго интереса и человѣколюбія, которыя мы и изложили съ полною откровенностью. Оно имѣло цѣлію побудить эту державу къ прiисканію средствъ для возстановленія спокойствія на прочныхъ основаніяхъ и для предупрежденія новыхъ волненій, взрывъ которыхъ всегда тревожилъ умы въ Европѣ и грозилъ опасностью общему миру. Сначала Русское правительство какъ будто признавало законность нашихъ замѣчаній. Оно нѣкоторымъ образомъ пригласило насъ заявить ему наши виды, и мы должны были полагать что оно расположено приступить къ совѣщаніямъ, открыть которыя считали мы умѣстнымъ.

Такъ какъ убѣжденіе это раздѣляли съ нами дворы Англійскій и Австрійскій, то мы съ общаго согласія установили основанія которыя могли послужить исходною точкой для переговоровъ, и программа отно-

сительно которой мы согласились, сообразная съ самыми простыми началами справедливости, служитъ блистательнымъ свидѣтельствомъ умѣренности.

Поэтому-то мы съ такимъ же удивленіемъ, какъ и прискорбіемъ, узнали что С.-Петербургскій кабинетъ, измѣнивъ свое прежнее положеніе, формально отклонилъ наши предложенія и замѣнилъ ихъ другими, неудобопріемлемыми.

Въ самомъ дѣлѣ, какова его рѣчь въ тѣхъ сообщеніяхъ которыми онъ отвѣчалъ на одновременныя представленія трехъ державъ?

По словамъ князя Горчакова, положеніе Польши есть только слѣдствіе подстреканій извнѣ, безъ которыхъ волненіе стихло бы отъ дѣйствія законовъ, въ виду равнодушія и отвращенія массъ. Только этотъ революціонный характеръ и придаетъ вопросу интересъ европейскій; онъ только и составляетъ предметъ о которомъ Россія согласилась обмѣняться идеями съ другими державами. С.-Петербугскій кабинетъ объясняетъ что шесть пунктовъ, на которые указано было какъ на зародышъ рѣшеній способныхъ умиротворить Польшу, не имѣютъ въ себѣ ничего противорѣчащаго намѣреніямъ Его Величества Императора Александра относительно Поляковъ; но прежде чѣмъ принять ихъ во вниманіе, онъ требуетъ чтобы возстановленъ былъ матеріальный порядокъ и уваженіе ко власти.

Прекращеніе военныхъ дѣйствій было бы неудобоисполнимо. Единственнымъ исходомъ согласнымъ съ достоинствомъ Россіи, а равно и съ чувствами Русскаго народа и войска, была бы предварительная покорность Поляковъ.

Русское правительство нисколько не оспариваетъ у державъ подписавшихъ Вѣнскій трактатъ право толковать его выраженія согласно съ ихъ собственнымъ убѣжденіемъ; но все уже было высказано объ этой статьѣ трактата и не привело къ практическимъ результатамъ, а созваніе конференціи далеко перешло бы за предѣлы права толкованія. Слѣдовало бы избрать тотъ же самый путь которымъ шли во время переговоровъ въ Вѣнѣ. Одни лишь общія начала интересующія Европу были включены въ общій актъ конгресса. Въ настоящее время вопросъ не въ этихъ общихъ началахъ; административныя же подробности и внутреннія распоряженія могли бы съ пользой стать предметомъ переговоровъ между тремя дворами, заключившими между собою отдѣльные трактаты 3-го мая 1815 года.

Доводы которые я здѣсь привелъ со всевозможною точностью совершенно разногласятъ съ самыми достовѣрными фактами, и равно далеки отъ буквы и духа трактатовъ. Польскій вопросъ, по словамъ князя Горчакова, есть вопросъ европейскій только по своимъ революціоннымъ стремленіямъ и своему происхожденію, и нынѣшнія событія представляются исключительно дѣломъ всесвѣтной демагогіи.

Нашъ вѣкъ былъ свидѣтелемъ самыхъ различныхъ движеній, волновавшихъ современныя общества, и уже потому онъ не можетъ смѣшивать подъ однимъ и тѣмъ же именемъ отчаянныя усилія народа, отстаивающаго свою національность, и безпорядочныя пожеланія разстроенныхъ умовъ, стремящихся подкопать самыя основы общественнаго порядка. Волненія Польши происходятъ отъ причинъ не имѣющихъ въ себѣ ничего искусственнаго, ничего случайнаго.

Они составляютъ результатъ положенія которому вскорѣ минетъ столѣтіе и которое содѣйствовало, быть-можетъ, болѣе всѣхъ другихъ обстоятельствъ возникновенію и поддержанію революціи въ Европѣ. Возстаніе совершающееся теперь предъ нашими глазами и заранѣе возвѣщенное несомнѣнными признаками вызвано было мѣрой которая, при извѣстномъ настроеніи умовъ, не могла не повести къ самымъ пагубнымъ послѣдствіямъ. Польша отвѣчала на нее воззваніемъ не къ революціоннымъ страстямъ, но къ тому что̀ есть самаго высокаго въ сердцѣ человѣческомъ, къ идеямъ справедливости, отечества и религіи. Не есть ли это дѣло неоспоримое и общеизвѣстное, что польская нація вся вполнѣ—каждое отдѣльное въ ней лицо и каждый классъ, насколько позволяютъ ему его средства,—дѣятельно или страдательно, смотря по мѣсту и обстоятельствамъ, душой и тѣломъ предана возстанію?

Что̀ значатъ, въ виду подобнаго явленія, агитаціи какихъ-нибудь комитетовъ эмигрантовъ? Поэтому-то кабинеты и не обманулись относительно настоящаго характера этого возстанія. Они заявили всю важность его Русскому двору. Во французскихъ палатахъ, въ англійскомъ парламентѣ, въ австрійскомъ имперскомъ совѣтѣ, общественное мнѣніе трехъ государствъ высказалось устами своихъ наиболѣе уважаемыхъ органовъ, поощряя правительства неуклонно слѣдовать путемъ на который они вступили. Повсюду въ Европѣ гдѣ существуютъ конституціонныя собранія слышались тѣ же мнѣнія. За предѣлами коституціонныхъ палатъ, повсюду свободныя и добровольныя демонстраціи свидѣтельствовали о живости общественныхъ впечатлѣній, единодушіе которыхъ ежедневно подтверждаетъ печать.

Побуждаемые чувствомъ своей отвѣтственности къ большей сдержанности и осмотрительности, почти всѣ европейскіе кабинеты, отъ Римскаго двора до Оттоманской Порты, отъ Стокгольма до Лисабона, заявили депешами, содержаніе которыхъ извѣстно Русскому кабинету, мнѣнія согласныя съ тѣми истолкованіе которыхъ преимущественно приняли на себя три двора.

Можно утвердительно сказать что правительства далеко не опережали общественнаго мнѣнія, а только слѣдовали за нимъ, умѣряя его. Такъ поступало со своей стороны правительство императора, и исполнивъ этотъ долгъ, оно, не колеблясь, утверждаетъ что продолжать

объяснять причинами столь несогласными со свидѣтельствомъ исторіи и современными фактами, страшныя потрясенія, окровавляющія Польшу, значило бы упорствовать въ роковомъ заблужденіи.

С.-Петербургскій кабинетъ расположенъ, какъ говоритъ онъ, принять въ соображеніе шесть пунктовъ предложенныхъ ему какъ основаніе для переговоровъ; но онъ поставляетъ условіемъ для этого предварительное подавленіе мятежа. Мы же, напротивъ того, полагаемъ что самымъ вѣрнымъ средствомъ для успокоенія умовъ было бы немедленное примѣненіе и развитіе широкой системы уступокъ дѣйствительно способныхъ удовлетворить національное чувство. Ежедневныя столкновенія, въ которыхъ пролито уже столько крови, безконечно продолжаясь могутъ только еще сильнѣе ожесточить вражду и закрыть всѣ пути къ примиренію.

Глубоко затронутые этимъ зрѣлищемъ, три двора ласкали себя надеждой что когда смолкъ бы шумъ брани, то могли бы быть заключены условія удобныя для обѣихъ сторонъ, и что временное прекращеніе враждебныхъ дѣйствій предшествовало бы окончательному умиротворенію. С.-Петербургскій кабинетъ устраняетъ это предложеніе отъ имени Русскаго народа и войска. Но развѣ достоинство великой Имперіи заинтересовано продолженіемъ неравной борьбы? Мы не предполагали также чтобъ идея о перемиріи, предназначенномъ для облегченія переговоровъ, оказалась неудобоисполнимою на практикѣ. Самые непримиримые противники Россіи не осмѣлились бы отказаться отъ этого перемирія или нарушить его. Въ противномъ случаѣ на нихъ пала бы вся отвѣтственность. Такую попытку стоило сдѣлать, и еслибы даже она не удалась, то, по мнѣнію нашему, честь и выгода были бы на сторонѣ того кто прибѣгъ бы къ ней.

Мы не можемъ ожидать такихъ же результатовъ отъ амнистіи, которая была бы въ зависимости отъ политическихъ удобствъ Русскаго правительства, и на которую его сіятельство князь Горчаковъ указываетъ въ будущемъ, послѣ заявленія совершенной покорности инсургентами. По послѣдней амнистіи можно судить о томъ вліяніи какое можетъ имѣть на расположеніе Поляковъ простое обѣщаніе милосердія.

Наконецъ С.-Петербургскій кабинетъ замѣняетъ согласіе, которое онъ повидимому заявлялъ въ своихъ предшествовавшихъ сообщеніяхъ на собраніе конференціи державъ подписавшихъ вѣнскіе трактаты, предложеніемъ переговоровъ между Россіей, Австріей и Пруссіей о вопросахъ внутренней администраціи, возбужденныхъ положеніемъ дѣлъ въ Польшѣ. Впрочемъ державы имѣли бы только право толкованія, которое не могло бы обязать Россію, и нечего было бы ожидать какой-либо пользы отъ новаго обсужденія условій, которыя столько разъ

уже были предметомъ преній и не приводили ни къ какому соглашенію.

Я не имѣю намѣренія приступать въ настоящую минуту къ подробному разсмотрѣнію теоріи С.-Петербургскаго кабинета относительно переговоровъ предметомъ которыхъ были польскія дѣла въ 1815 году, и объ условіяхъ трактата 9-го іюня того же года, которыми конгрессъ полагалъ устроить участь польской націи. Я прилагаю къ этой депешѣ мемуаръ напоминающій факты и уясняющій мысль уполномоченныхъ. Ссылаюсь на нее и ограничиваюсь здѣсь заявленіемъ существенныхъ данныхъ которыя, по мнѣнію моему, вытекаютъ изъ этого мемуара до очевидности.

Правда, подписанію общаго акта Вѣнскаго конгресса предшествовало заключеніе отдѣльныхъ трактатовъ между тремя державами сопредѣльными съ Польшей. Но эти трактаты были подготовлены продолжительными и трудными переговорами, за которыми нельзя не признать именно европейскаго характера. Сверхъ того, конгрессъ не провелъ столь рѣзкаго различія, какъ предполагаетъ С.-Петербугскій кабинетъ, между общими условіями и частными распоряженіями. Если первыя внесены буквально въ заключительный актъ, то вторыя поименованы въ немъ и приложены къ нему. Впрочемъ задача державъ состоитъ не въ томъ чтобы подвергать пересмотру подробности административныхъ уставовъ и приводить ихъ въ большее согласіе съ успѣхами времени. Вопросъ идетъ о самыхъ общихъ началахъ, и цѣль кабинетовъ состоитъ въ томъ чтобы возвратить миръ Польшѣ, или опредѣливъ примѣненіе которое допускаютъ Вѣнскіе трактаты, или предложивъ видоизмѣненія, которыя могли бы они получить для лучшаго удовлетворенія потребностямъ будущаго. Державы подписавшія акты конгресса имѣютъ стало-быть право обсуждать вмѣстѣ съ Россіей вопросы международнаго права и общаго интереса, которые польское возстаніе ставитъ въ извѣстной степени па очередь. Австрійскій дворъ, который Русское правительство приглашало къ участію въ этихъ отдѣльныхъ переговорахъ, отъ которыхъ мы были бы устранены такъ же какъ правительство ея британскаго величества, какъ Испанія, Португалія и Швеція, призналъ первый, что это предложеніе не можетъ быть принято, и не колеблясь отвергъ его, какъ несообразное съ его достоинствомъ.

Правительство императора со своей стороны не можетъ одобрить ни комбинацію представленную С.-Петербургскимъ кабинетомъ, ни соображенія изложенныя, въ опору ей, въ депешѣ князя Горчакова. Мы убѣждены что слѣдуя путемъ на который вступилъ Русскій дворъ, онъ удаляется какъ отъ внушеній мудрой политики, такъ и отъ постановленій трактатовъ. Но такъ какъ мы не успѣли передать ему убѣжденіе которымъ мы проникнуты, то можемъ только заявить въ

настоящее время о безполезности нашихъ усилій. Не отъ державъ зависѣло что рѣшеніе польскаго вопроса, столь тѣсно связаннаго со спокойствіемъ Европы, не подверглось теперь же обсужденію съ обдуманностію и зрѣлостію необходимыми въ этомъ дѣлѣ. Не имѣя никакихъ видовъ личнаго честолюбія, безъ страсти и безъ предначертанныхъ идей, державы руководствовались только желаніемъ содѣйствовать успокоенію нынѣшнихъ волненій и помочь Россіи, посредствомъ основательнаго разсмотрѣнія положенія Польши, въ дѣлѣ устраненія причины постоянно возрождающихся замѣшательствъ. Мы должны были предполагать что Русское правительство, одушевленное намѣреніями одинаковыми съ намѣреніями державъ, не откажется усвоить себѣ ихъ мысли. Подавъ имъ прежде эту надежду, оно заблагоразсудило потомъ отвергнуть ихъ предложенія и отрицать ихъ право на сужденіе по этому дѣлу. Требуя себѣ безусловной независимости своихъ рѣшеній и полнаго употребленія своей верховной власти, С.-Петербургскій кабинетъ возвращаетъ и намъ самимъ полную свободу нашихъ сужденій и нашего образа дѣйствій, и мы не можемъ сдѣлать ничего менѣе какъ принять это къ свѣдѣнію.

Правительству императора вмѣстѣ съ тѣмъ остается еще исполнить настоятельный долгъ,—именно обратить самое серіозное вниманіе его сіятельства князя Горчакова на важность положенія и на отвѣтственность которую оно возлагаетъ на Россію.

Франція, Австрія и Великобританія указали на безотлагательную необходимость положить конецъ порядку вещей прискорбному и полному опасностей для Европы; вмѣстѣ съ тѣмъ эти державы обозначили и средства какія, по ихъ мнѣнію, должны быть употреблены для достиженія этой цѣли, и для болѣе вѣрнаго достиженія ея предложили свое содѣйствіе.

Если Россія не сдѣлаетъ всего отъ нея зависящаго для споспѣшествованія умѣреннымъ и примирительнымъ намѣреніямъ трехъ державъ, если она не вступитъ на путь указанный ей дружескими совѣтами, то она подвергнетъ себя важнымъ послѣдствіямъ которыя можетъ повлечь за собою продолженіе безпорядковъ въ Польшѣ.

Прошу васъ, герцогъ, прочесть эту депешу князю Горчакову и оставить ему копію какъ съ нея, такъ и съ прилагаемаго при ней документа.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ДЕПЕШѢ АДРЕСОВАННОЙ Г. ДРУЭНЪ-ДЕ-ЛЮИСОМЪ КЪ ГЕРЦОГУ ДЕ-МОНТЕБЕЛЛО, ФРАНЦУЗСКОМУ ПОСЛУ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Парижъ, 3го августа 1863.

Въ преніяхъ къ которымъ подалъ поводъ польскій вопросъ, Французское правительство воздерживалось до сихъ поръ отъ прямаго указанія на постановленія 1815 года. Мы съ самаго начала спрашивали

себя: можетъ ли тотъ порядокъ вещей для котораго эти постановленія послужили исходною точкой обезпечить Польшѣ въ настоящее время то спокойствіе котораго онъ не доставилъ ей въ прошедшемъ. Съ другой стороны, мы считали преждевременнымъ заводить споръ объ истинномъ значеніи тѣхъ постановленій. По нашему мнѣнію, опредѣлить ихъ смыслъ приличествовало державамъ подписавшимъ трактатъ; и во всякомъ случаѣ, пришлось ли бы возвратиться къ точному исполненію трактатовъ, или была бы признана необходимость замѣнить ихъ новыми комбинаціями, мы желали дѣйствовать заодно съ державами принимавшими участіе въ составленіи главнаго Вѣнскаго трактата, и даже со всею Европой, еслибъ это было возможно.

Но такъ какъ С. Петербургскій кабинетъ, въ своихъ послѣднихъ депешахъ, придалъ постановленіямъ опредѣляющимъ его права на Польшу значеніе которое намъ кажется не точнымъ, то мы считаемъ необходимымъ въ короткихъ словахъ изложить взглядъ правительства императора на эти постановленія.

Извѣстно что уполномоченные, почитавшіе, повидимому, участь Поляковъ важнѣйшимъ изъ ввѣренныхъ имъ интересовъ, поставили во главу документа, который представляетъ собою сводъ различныхъ рѣшеній Вѣнскаго конгресса, статьи относившіяся къ Полякамъ.

Эти статьи подвергнуты были предварительнымъ преніямъ тѣмъ же порядкомъ какъ и всѣ другіе вопросы подлежавшіе разсмотрѣнію конгресса, что̀ и доказывается документами того времени. Такимъ образомъ пренія о нихъ имѣли неоспоримо общеевропейскій характеръ.

И въ этомъ вопросѣ, какъ во всѣхъ прочихъ, какъ только установлено было на конгрессѣ согласіе относительно главныхъ началъ, были заключены отдѣльные акты между дворами особенно заинтересованными въ вопросѣ. Но основныя постановленія спеціальныхъ трактатовъ заключенныхъ между Россіей, Австріей и Пруссіей внесены были въ главный трактатъ 1815; сверхъ того, постановленія оставленныя въ сторонѣ какъ второстепенныя присоединены были, въ силу 118 статьи окончательнаго акта, къ общимъ постановленіямъ конгресса. Рѣшено было признавать за ними ту же силу и то же значеніе какъ еслибъ они внесены были въ трактатъ отъ слова до слова. Съ этой точки зрѣнія нѣтъ важности опредѣлять степень вліянія которое Россійскій дворъ оказалъ тогда на принятіе этихъ статей; нѣтъ важности и въ томъ что самая редакція ихъ, какъ говоритъ князь Горчаковъ, въ депешѣ своей къ Англійскому правительству, принадлежала собственному побужденію императора Александра. Постановленія о Польшѣ составляютъ нераздѣльную часть главнаго Вѣнскаго трактата. Державы участвовавшія въ его подписаніи имѣютъ положительное право наблюдать за ихъ исполненіемъ. Въ этомъ отношеніи не можетъ быть никакого сомнѣнія.

Между тѣмъ вотъ что́ гласитъ первая статья трактата:

„Герцогство Варшавское, за исключеніемъ провинцій и округовъ подлежащихъ, по нижеслѣдующимъ статьямъ, особому распоряженію, присоединяется къ Россійской Имперіи, и будетъ съ нею неразрывно связано своею конституціей, оставаясь во владѣніи Его Величества Всероссійскаго Императора, его наслѣдниковъ и преемниковъ на вѣчныя времена. Его Императорское Величество предоставляетъ себѣ даровать этому государству, при отдѣльной администраціи, такое внутреннее расширеніе какое сочтетъ пригоднымъ. Его Величество присоединитъ къ прочимъ титуламъ своимъ титулъ царя Польскаго, согласно съ протоколомъ, употребительнымъ для титуловъ связанныхъ съ его другими владѣніями.

„Поляки, подданные Россіи, Австріи и Пруссіи, получатъ представительство и національныя учрежденія, согласованныя съ образомъ политическаго существованія какой каждое изъ этихъ правительствъ сочтетъ полезнымъ и пригоднымъ даровать имъ."

Другими словами, Вѣнскій конгрессъ опредѣлилъ что самая бо́льшая часть прежняго Варшавскаго герцогства составитъ государство связанное съ Россійскою Имперіей посредствомъ своей конституціи; что это государство будетъ имѣть отдѣльную администрацію и получитъ внутреннее расширеніе какое Государь сочтетъ удобнымъ. Подъ этими выраженіями, ясно истекающими изъ § 1 статьи которую мы напомнили, государственные люди договаривавшіеся въ 1815 году разумѣли что Царство Польское будетъ соединено съ Россіей только личною связью; что его положеніе будетъ обезпечено конституціей; что администрація этого Царства не будетъ имѣть ничего общаго съ русскою администраціей; словомъ, что новое государство, котораго границы очертилъ конгрессъ, будетъ пользоваться существованіемъ истинно національнымъ подъ охраной державъ и съ обезпеченіемъ обѣщанной ему хартіи. Еслибъ эти условія имѣли надобность въ поясненіяхъ, то мы нашли бы ихъ въ словахъ самого императора Александра I, который открывая, 27-го марта 1818 года, первый Варшавскій сеймъ, сказалъ Полякамъ: „Возстановленіе вашего отечества опредѣлено торжественно трактатами и обезпечено конституціонною хартіей. Эти внѣшнія обязательства и этотъ основной законъ—ненарушимы; они упрочиваютъ впредь за Польшей почетное мѣсто между европейскими націями."

Естественнымъ слѣдствіемъ политическаго устройства присвоеннаго Польшѣ было то что императоръ Александръ далъ ей польскую армію. Хотя самая форма хартіи, хотя учрежденіе національной арміи не предписаны прямо условіями Вѣнскаго трактата, хотя въ этомъ отношеніи Россія не приняла на себя положительныхъ обязательствъ

предъ Европой, однакожъ она приняла обязательства нравственныя, имѣющія столь же много силы предъ общественнымъ мнѣніемъ.

Намѣренія явно высказанныя Императоромъ Александромъ, увѣренія данныя имъ какъ Полякамъ, такъ и уполномоченнымъ державъ, не остались безъ вліянія на заключеніе сдѣлки, вслѣдствіе которой ему предоставлена верховная власть надъ Польшей.

Кабинеты не такъ бы легко согласились на эту сдѣлку, Поляки нашли бы болѣе причинъ возражать противъ нея, еслибы тѣ и другіе не были уполномочены обѣщаніями императора Александра надѣяться на дѣйствительно широкое и либеральное примѣненіе условій трактата.

Этотъ государь далъ даже уразумѣть что возстановленіе Царства Польскаго на этихъ условіяхъ не составляетъ послѣдняго слова его политики относительно Поляковъ; что онъ хотѣлъ болѣе полнаго возстановленія ихъ отечества; что государство изъ собственныхъ своихъ развалинъ устроенное трактатами было не болѣе какъ средоточіемъ для агломераціи болѣе обширной, и что самъ можетъ-быть онъ присоединитъ къ этому государству часть древнихъ польскихъ провинцій. На эту мысль даже указано въ параграфѣ 1-мъ статьи 1-й. Иначе нельзя толковать слова „внутреннее расширеніе“. Правда, Русскій дворъ предоставлялъ себѣ рѣшить, какой объемъ будетъ прилично дать распространенію территоріи, на которое намекается этими словами; но принципъ былъ объявленъ, и державы подписавшія Вѣнскіе трактаты приняли его къ свѣдѣнію.

Въ той же статьѣ, по первому параграфу которой изъ Польши образуется государство конституціонное пользующееся національною администраціей и въ нѣкоторой мѣрѣ предназначенное къ распространенію, въ той же статьѣ вторымъ ея параграфомъ установлено что Поляки, подданные Россіи, Австріи и Пруссіи, получатъ представительныя и національныя учрежденія. Подъ именемъ Поляковъ кабинеты разумѣли въ этомъ случаѣ жителей древней польской территоріи, оставшейся внѣ предѣловъ новаго Царства. Согласно съ этимъ условіемъ, Галиція получила отъ Австрійскаго правительства сеймъ, которому даны права обычно присваиваемыя собраніямъ этого рода. Вмѣстѣ съ тѣмъ Галиція высылаетъ въ имперскій совѣтъ своихъ представителей, которые участвуютъ въ обсужденіи бюджета и въ изданіи законовъ для всей Австрійской монархіи. Въ Вѣнскомъ трактатѣ подразумѣвалось что подобныя же учрежденія будутъ дарованы и польскимъ провинціямъ принадлежащимъ къ Россіи, но не присоединеннымъ къ Царству Польскому.

Мы признаемъ что въ этомъ отношеніи, а также касательно территоріальнаго распространенія, статья 1-я трактата предоставляетъ очень много на произволъ Россіи. Эта держава предоставила себѣ право опредѣлить образъ существованія своихъ польскихъ провинцій,

и сообразно съ тѣмъ назначить форму учрежденій, какія слѣдуетъ дать имъ; однакожь эти формы должны имѣть представительный и національный характеръ.

Таково вообще значеніе статьи о которой въ настоящее время идутъ пренія. Она не представляетъ ничего темнаго, неопредѣленнаго, особенно если сопоставить условія въ ней изложенныя съ тѣмъ что̀ говорилъ во время заключенія трактата императоръ Александръ I, и съ намѣреніями этого государя всѣмъ извѣстными. Возвышенные виды, подъ вліяніемъ которыхъ онъ дѣйствовалъ въ 1815 году, служатъ неопровержимымъ свидѣтельствомъ въ пользу самаго либеральнаго истолкованія.

Какова бы ни была впрочемъ его мысль, намѣренія большей части уполномоченныхъ не подлежатъ сомнѣнію. Представители Франціи и Англіи, съ самаго начала переговоровъ, явно высказались въ пользу возстановленія независимой Польши въ предѣлахъ 1772 года.

Австрія со своей стороны объявляла много разъ въ офиціальныхъ документахъ что это рѣшеніе она предпочитаетъ другимъ, какъ наиболѣе согласное съ началами справедливости и съ общими интересами Европы. Державы, поддерживая комбинацію, которая не вполнѣ соотвѣтствовала чувству ихъ добраго расположенія къ Польшѣ, желали по крайней мѣрѣ искренняго исполненія этой комбинаціи. Выраженія трактата онѣ понимали въ смыслѣ самомъ широкомъ и наиболѣе благопріятномъ для Поляковъ.

Сверхъ того, еслибъ и была дѣйствительно неточность и двусмысленность выраженій, то не слѣдовало ли бы прибѣгнуть къ тому правилу которое принято новѣйшими публицистами и римскими юристами при истолкованіи трактатовъ?

„Когда смыслъ сомнителенъ, говоритъ Ваттель, онъ истолковывается противъ того кто предписывалъ условія при заключеніи трактата; потому что, прибавляетъ онъ, эта сторона такъ-сказать диктовала трактатъ. На нее падаетъ вина если она не выразилась яснѣе, а потому, расширяя или суживая значеніе словъ въ смыслѣ наименѣе для нея благопріятномъ, другіе или не причиняютъ ей вовсе вреда, или причиняютъ тотъ вредъ которому она подвергла себя добровольно; при толкованіи противоположномъ была бы опасность обратить неопредѣленныя или неточныя выраженія въ западню для болѣе слабаго контрагента, который былъ вынужденъ принять то что̀ предписывалъ ему болѣе сильный.“ Хотя, собственно говоря, Поляки не были договаривающеюся стороной на Вѣнскомъ конгрессѣ, однако эти соображенія вполнѣ прилагаются къ положенію въ которомъ они находились при переговорахъ имѣвшихъ предметомъ судьбу ихъ страны, и державы взявшія на себя заботу объ интересахъ Польши въ правѣ требовать

для нея преимуществъ того правила которое выводится изъ высшихъ началъ справедливости и освящено юриспруденціей всѣхъ странъ и всѣхъ временъ.

ГРАФЪ РОССЕЛЬ ЛОРДУ НЕПИРУ, ПОСЛУ ЕЯ БРИТАНСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Лондонъ, министерство иностранныхъ дѣлъ, 11го августа 1863.

Милордъ!

18-го минувшаго іюля баронъ Брунновъ сообщилъ мнѣ депешу, полученную имъ наканунѣ вечеромъ отъ князя Горчакова.

Депеша эта, съ которой прилагаю при семъ копію, далеко не служитъ удовлетворительнымъ отвѣтомъ на представленіе сдѣланное правительствомъ ея величества С.-Петербургскому кабинету, въ согласіи съ Франціей и Австріей.

Дѣйствительно, депеша начинается заявленіемъ что „Императорскій „кабинетъ признаетъ право каждой изъ державъ подписавшихъ тра„ктатъ толковать его смыслъ со своей точки зрѣнія, насколько по „крайней мѣрѣ это толкованіе держится въ предѣлахъ смысла допу„скаемаго подлинными словами трактата.“ Князь Горчаковъ присовокупляетъ: „Въ силу этого принципа, Императорскій кабинетъ не отри„цаетъ упомянутаго права ни у одной изъ восьми державъ участвовав„шихъ въ составленіи главнаго акта Вѣнскаго конгресса 1815 года.“

Между тѣмъ князь Горчаковъ, значительно удаляясь отъ вопроса о толкованіи Вѣнскаго трактата, приписываетъ продолженіе возстанія въ Польшѣ нравственной и матеріальной поддержкѣ получаемой имъ извнѣ; въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ принимаетъ шесть пунктовъ; отвергаетъ предложеніе о прекращеніи военныхъ дѣйствій; отказывается принять конференцію восьми державъ подписавшихъ трактатъ, и въ заключеніе объявляетъ что возстановленіе порядка должно предшествовать всякому серіозному примѣненію мѣръ предназначенныхъ для умиротворенія Польши.

Правительство ея величества намѣрено со спокойствіемъ разсмотрѣть главные пункты отвѣта князя Горчакова на соображенія предложенныя ему въ моей депешѣ.

I. Князь Горчаковъ, соглашаясь что довѣріе со стороны управляемыхъ и господство закона надъ произволомъ власти должны быть основаніемъ порядка и прочности, прибавляетъ что необходимымъ соотвѣтствіемъ имъ служитъ уваженіе ко власти. Но Русскій кабинетъ не можетъ не знать что милосердіе и примирительный образъ дѣйствій часто сильнѣе способствуютъ такому уваженію чѣмъ матеріальная сила. Было бы прискорбною ошибкой стараться возстановить это уваженіе одною силой оружія, безъ соотвѣтствующаго обезпеченія политическихъ

и религіозныхъ правъ подданныхъ Царя Польскаго. Такое обезпеченіе для Россіи и для Польши вмѣстѣ заключалось въ предложеніяхъ европейскихъ державъ. С.-Петербургскому кабинету не угодно было воспользоваться этимъ способомъ возстановленія уваженія ко власти.

II. Князь Горчаковъ утверждаетъ,—и эта точка зрѣнія выставлена въ началѣ и въ концѣ его депеши,—что возстановленіе порядка въ Польшѣ зависитъ отъ условія „на которое", говоритъ князь Горчаковъ, „мы призывали уже вниманіе правительства ея британскаго величества, и которое не только не выполнено, но даже и не упомянуто въ депешѣ лорда Росселя: мы говоримъ о матеріальномъ содѣйствіи и о нравственныхъ поощреніяхъ которыя возстаніе почерпаетъ извнѣ."

Правительство ея величества желало не касаться этого предмета и, вмѣсто того чтобы разсуждать о прошедшемъ, желало заняться только средствами врачеванія пригодными для будущаго. Но вынужденное княземъ Горчаковымъ упомянуть объ этомъ предметѣ, правительство ея величества, не колеблясь, объявляетъ что возстановленію порядка въ Польшѣ препятствуетъ не помощь получаемая инсургентами извнѣ, а образъ дѣйствій самого правительства Русскаго. Императрица Екатерина II въ 1772 году обѣщала Полякамъ сохраненіе ихъ религіи: императоръ Александръ I въ 1815 году обѣщалъ имъ національное представительство и національную администрацію. Обѣщанія эти не были исполнены. Въ теченіе многихъ лѣтъ религія Поляковъ подвергалась нападеніямъ, и до сихъ поръ еще они не пользуются политическими правами которыя обезпечены за ними трактатомъ 1815 и конституціей того же года. Нарушеніе этихъ торжественныхъ обязательствъ со стороны Русскаго правительства возбудило общее раздраженіе въ Польшѣ, а внезапное вторженіе въ дома варшавскихъ жителей въ одну изъ ночей минувшаго января послужило непосредственною причиной нынѣшняго возстанія.

Еслибъ общее чувство Поляковъ не было враждебно настроено къ Россіи, то нравственная и матеріальная помощь извнѣ мало помогла бы инсургентамъ. Справедливо впрочемъ что въ Европѣ возбуждено было живое сочувствіе къ Полякамъ. Въ каждомъ значительномъ государствѣ гдѣ только существуетъ національное представительство, въ Англіи, Франціи, Пруссіи, Италіи, Испаніи, Португаліи, Швеціи, Даніи, вездѣ проявлялось это сочувствіе. Вездѣ гдѣ есть національное правительство, это правительство раздѣляло, хотя съ осторожностью и умѣренностью въ выраженіяхъ, чувствованія палатъ и націй.

Россія должна бы принять во вниманіе эти симпатіи и воспользоваться урокомъ который онѣ даютъ.

III. Князь Горчаковъ придаетъ большое значеніе факту, котораго отрицать нельзя, что „мятежники не требуютъ ни амнистіи, ни авто-

номіи, ни болѣе или менѣе широкаго представительства.“ Но было бы ошибкой предполагать, что въ подобныхъ случаяхъ существуютъ только двѣ партіи: правительство, занятое подавленіемъ возстанія, и предводители инсургентовъ, раздувающіе и распространяющіе мятежъ. Въ подобныхъ случаяхъ всегда бываетъ между этими двумя партіями огромная колеблющаяся масса людей, которая была бы вполнѣ удовлетворена еслибы видѣла что личность и имущество обезпечены подъ кровомъ правосудной и благотворной администраціи.

Довѣріе этой массы не было пріобрѣтено, и едва ли можно разчитывать что продолжится ея бездѣйствіе.

Правительство ея величества считаетъ своею обязанностью еще разъ указать на крайнюю настоятельность теперь же приступить къ дѣлу примиренія, которое необходимо въ общемъ интересѣ.

Воспользовавшись добросовѣстнымъ и безкорыстнымъ содѣйствіемъ которое предлагаютъ Австрія, Франція и Великобританія, Русскій кабинетъ обезпечилъ бы себѣ самое могущественное средство къ доставленію въ Польшѣ торжества умѣреннымъ идеямъ, и такимъ образомъ положилъ бы основаніе прочному миру.

IV. Касаясь Вѣнскаго трактата, князь Горчаковъ говоритъ: „Мы „не уклонились бы отъ истины еслибы сказали что редакція первой „статьи трактата есть дѣло личной иниціативы его величества императора Александра I.“

Правительство ея величества охотно допускаетъ вѣроятность такого предположенія. Въ 1815 Великобританія, Австрія, Франція и Пруссія предпочли бы тому порядку, который окончательно былъ одобренъ, возстановленіе прежняго королевства Польскаго въ томъ видѣ въ какомъ оно было до перваго раздѣла въ 1772 или даже учрежденіе новаго независимаго королевства Польскаго въ границахъ нынѣшняго Царства.

Сильная армія которую держалъ тогда императоръ Александръ въ Польшѣ, важныя услуги оказанныя Россіей союзникамъ, а болѣе всего страхъ возобновленія европейской войны, способствовали тому, что Великобританія, Австрія и Пруссія рѣшились принять порядокъ вещей предложенный императоромъ Александромъ, хотя въ ихъ глазахъ изъ трехъ предположеній имѣвшихся въ виду, этотъ порядокъ наименѣе могъ обезпечить постоянный миръ и безопасность Европы.

Но чѣмъ болѣе правительство ея величества видитъ въ принятомъ тогда рѣшеніи преобладающее вліяніе Россіи, тѣмъ болѣе оно убѣждается что Россійскій Императоръ болѣе всѣхъ другихъ государей долженъ былъ бы стремиться къ соблюденію условій установленнаго тогда порядка вещей. Нельзя было бы допустить чтобы Россія пользовалась всѣми выгодами значительнаго расширенія своей государствен-

ной области и въ то же время отказывалась держаться выраженій документа на которомъ основывается ея право.

Подтверждая эти выраженія, князь Горчаковъ говоритъ что единственное постановленіе этихъ трактатовъ которое могло бы породить сомнѣніе въ томъ что Россійскій Императоръ владѣетъ Царствомъ Польскимъ на одинаковыхъ правахъ съ остальными своими областями, единственное постановленіе которое могло побудить связывать эти права съ какимъ-либо условіемъ, заключается въ двухъ параграфахъ, которые онъ и приводитъ. Но есть еще другой параграфъ котораго не приводитъ князь Горчаковъ. Онъ находится въ началѣ первой статьи и гласитъ такъ:

„Герцогство Варшавское, за исключеніемъ провинцій и округовъ о которыхъ иначе постановлено въ нижеслѣдующихъ статьяхъ, присоединяется къ Россійской Имперіи, съ которою оно будетъ неразрывно связано своею конституціей, оставаясь во владѣніи Его Величества Всероссійскаго Императора, его наслѣдниковъ и потомства на вѣчныя времена.“

Еслибы въ этомъ параграфѣ не подразумѣвалось національное представительство, то достаточно было бы сказать, *съ которою оно будетъ неразрывно связано*, безъ всякаго упоминовенія о конституціи.

Очевидно, значитъ, что конституція служитъ связью, посредствомъ которой Польша соединена съ Россіей. Важно знать, какова эта конституція связующая Польшу съ Россіей. Она не предписывалась трактатомъ; она не была провозглашена тремя державами. Ея составленіе предоставлено было вполнѣ императору Александру; тѣмъ не менѣе, разъ данная, она пріобрѣла характеръ конституціи предположенной участниками Вѣнскаго трактата. На этомъ-то основаніи правительство ея величества вторымъ изъ шести пунктовъ представленныхъ Русскому правительству предложило ему „національное представительство съ правами подобными тѣмъ которыя указаны хартіей 15-го ноября 1815“.

V. Переходя къ спеціальнымъ предложеніямъ правительства ея величества, князь Горчаковъ говоритъ, по поводу шести пунктовъ, „что бо́льшая часть указанныхъ тремя державами мѣръ или узаконены уже, или изготовляются по инціативѣ Августѣйшаго Монарха“. Въ концѣ депеши сдѣланъ опять намекъ на мѣры „которыя сохраняетъ Его Величество, какъ въ зачаткахъ уже положенныхъ, такъ и въ дальнѣйшемъ развитіи которое онъ далъ предчувствовать.“

Слова эти, хотя далекія отъ положительнаго обѣщанія національнаго представительства съ дѣйствительнымъ правомъ контроля, или національной администраціи, подаютъ нѣкоторую надежду что Императоръ Александръ склонится наконецъ на доброжелательныя внушенія своего сердца на и совѣты Европы.

Предложеніе остановить военныя дѣйствія отвергнуто, „во вниманіе „къ вѣрной арміи борющейся для возстановленія порядка, къ мирно„му большинству Поляковъ, страдающихъ отъ этихъ прискорбныхъ „смутъ, и къ Россіи, на которую онѣ налагаютъ тяжелыя пожертво„ванія.“

Предложеніе относительно конференціи державъ подписавшихъ Вѣнскій трактатъ также отвергнуто, а съ нимъ и надежда на немедленное и дружеское соглашеніе. На мѣсто этого добросовѣстнаго и справедливаго предложенія, Русскій кабинетъ ставитъ другое, а именно чтобы три державы, которыя прежде общаго Вѣнскаго трактата представили конгрессу отдѣльные трактаты Россіи съ Австріей и Пруссіи съ Россіей, договорились между собою, и чтобы Франція съ Великобританіей извѣщены были въ послѣдствіи о результатѣ ихъ совѣщаній.

Вотъ двѣ причины изъ которыхъ каждая была бы достаточна для отстраненія этого предложенія:

1. Упомянутые договоры, взятые отдѣльно отъ постановленій внесенныхъ въ общій Вѣнскій трактатъ, касаются лишь матеріальныхъ вопросовъ, каковы: пользованіе берегами рѣкъ, опредѣленіе пути для бичевниковъ, свободный пропускъ товаровъ изъ одной провинціи въ другую, и другіе подобные же вопросы касающіеся матеріальныхъ потребностей и торговли. Они не заключаютъ въ себѣ никакихъ разъясненій или подробностей политическаго свойства.

2. Очевидно что подобная конференція поставила бы Австрію въ ложное положеніе и была бы несогласна съ ея отношеніями ко Франціи и Великобританіи. Поэтому его величество, императоръ Австрійскій, въ ясномъ сознаніи собственнаго достоинства, тотчасъ же отвергъ русское предложеніе.

По сообщеніи этихъ соображеній князю Горчакову, правительству ея величества остается еще исполнить настоятельный долгъ, а именно обратить вниманіе его сіятельства на важность положенія и на отвѣтственность которую оно возлагаетъ на Россію.

Великобританія, Австрія и Франція указали на безотлагательную необходимость положить конецъ порядку вещей прискорбному и полному опасностей для Европы; вмѣстѣ съ тѣмъ эти державы обозначили и средства какія, по ихъ мнѣнію, должны быть употреблены для достиженія этой цѣли, и для болѣе вѣрнаго достиженія ея предложили свое содѣйствіе.

Если Россія не сдѣлаетъ всего отъ нея зависящаго для споспѣшествованія умѣреннымъ и примирительнымъ намѣреніямъ трехъ державъ, если она не вступитъ на путь указанный ей дружескими совѣтами, то она подвергнетъ себя важнымъ послѣдствіямъ которыя можетъ повлечь за собою продолженіе безпорядковъ въ Польшѣ.“

РУССКІЯ ОТВѢТНЫЯ ДЕПЕШИ.

ВИЦЕ-КАНЦЛЕРЪ КНЯЗЬ ГОРЧАКОВЪ ПОВѢРЕННОМУ ВЪ ДѢЛАХЪ ПРИ ВѢНСКОМЪ ДВОРѢ, Д. С. С. КНОРРИНГУ.

26го августа (7го сентября) 1863. Царское Село.

Вы найдете при семъ копію съ депеши графа Рехберга сообщенной мнѣ г. австрійскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ.

Эта депеша содержитъ въ себѣ замѣчанія г. австрійскаго министра иностранныхъ дѣлъ на сообщенія заключавшіяся въ моей депешѣ отъ 1-го (13-го) іюля, и къ нашему живѣйшему сожалѣнію она свидѣтельствуетъ о томъ, что правительство его императорско-королевскаго апостолическаго величества расходится съ нами во мнѣніи относительно большей части упомянутыхъ нами пунктовъ.

Наши предложенія имѣли въ виду дѣло примирительнаго соглашенія, настоятельность котораго заявляется намъ графомъ Рехбергомъ.

Цѣль моей депеши отъ 18го іюля состояла въ томъ чтобы яснѣе выразить эту мысль и предотвратить возраженія или недоразумѣнія которымъ она могла дать мѣсто.

Мы сожалѣемъ что эта мысль не встрѣтила сочувствія со стороны Вѣнскаго кабинета.

Насколько мы дорожили бы соглашеніемъ съ этимъ кабинетомъ по вопросу въ которомъ считаемъ наши интересы тождественными, настолько же мы далеки отъ желанія длить пренія которыя вели бы только къ обнаруженію разногласія въ нашихъ мнѣніяхъ.

Мы убѣждены что этотъ взглядъ раздѣлитъ съ нами и графъ Рехбергъ.

Мы предпочитаемъ остановиться лишь на тѣхъ существенныхъ пунктахъ его депешъ въ которыхъ мы сходимся по крайней мѣрѣ по намѣреніямъ.

Правительство его императорско-королевскаго апостолическаго величества желаетъ видѣть въ Царствѣ Польскомъ скорое возстановленіе такого положенія дѣлъ которое возвратило бы этой странѣ миръ, Европѣ—спокойствіе и отношеніямъ между кабинетами—надежность.

Мы вполнѣ раздѣляемъ это желаніе, и все зависящее отъ насъ будетъ сдѣлано для его осуществленія.

Нашъ Авустѣйшій Государь попрежнему проникнутъ самыми благосклонными намѣреніями относительно Польши и самыми примирительными чувствами ко всѣмъ иностраннымъ державамъ.

Забота о благосостояніи Его подданныхъ всѣхъ племенъ и всѣхъ вѣроисповѣданій есть долгъ который Его Императорское Величество возложилъ на Себя предъ Богомъ, предъ Своею совѣстью и предъ

Своими народами. Государь Императоръ посвящаетъ всю Свою заботливость исполненію этого долга.

Что же касается до той отвѣтственности которую можетъ принять на Себя Его Величество въ Своихъ международныхъ отношеніяхъ, то эти отношенія опредѣляются международнымъ правомъ. Лишь нарушеніе основныхъ началъ этого права можетъ навлечь отвѣтственность. Нашъ Августѣйшій Государь постоянно уважалъ и соблюдалъ эти начала относительно другихъ государствъ. Его Величество имѣетъ право ожидать и требовать того же уваженія со стороны другихъ державъ.

Покорнѣйше прошу ваше превосходительство прочесть эту депешу графу Рехбергу и передать ему съ нея копію.

ВИЦЕ-КАНЦЛЕРЪ КНЯЗЬ ГОРЧАКОВЪ ИМПЕРАТОРСКОМУ ПОСЛУ ПРИ ФРАНЦУЗСКОМЪ ДВОРѢ, Т. С. БАРОНУ БУДБЕРГУ.

Царское Село. 26го августа (7го сентября) 1863.

Имѣю честь препроводить при семъ къ вашему превосходительству копію съ депеши г. Друэнъ-де-Люиса, которую герцогъ де-Монтебелло имѣлъ порученіе сообщить намъ.

Императорскій кабинетъ разсмотрѣлъ ее со всѣмъ вниманіемъ какого только она заслуживаетъ, и съ искреннимъ желаніемъ довести этотъ обмѣнъ мыслей до соглашенія.

По зрѣломъ разсмотрѣніи, мы не нашли въ этой депешѣ основаній которыя могли бы побудить насъ уклониться отъ воззрѣній сообщенныхъ вамъ мною въ депешѣ отъ 1го (13го) іюля.

Мы полагаемъ что предупредимъ желаніе г. французскаго министра иностранныхъ дѣлъ, воздерживаясь отъ продолженія преній которыя не могли бы соотвѣтствовать примирительной цѣли имѣющейся у насъ въ виду, еслибы вслѣдствіе ихъ оба правительства только утвердились въ собственныхъ мнѣніяхъ по вопросу въ которомъ, къ нашему живѣйшему сожалѣнію, мы не сходимся съ Тюльрійскимъ кабинетомъ.

Мы укажемъ лишь на одинъ пунктъ депеши г. Друэнъ-де-Люиса, желая заранѣе устранить всякій новый поводъ къ недоразумѣніямъ. Я говорю о повторенномъ нѣсколько разъ и въ различныхъ видахъ намекѣ г. французскаго министра иностранныхъ дѣлъ на западныя области Россіи, какъ бы причастныя въ нѣкоторой степени международнымъ договорамъ, опредѣлившимъ въ 1815 году участь герцогства Варшавскаго.

Императорское правительство не можетъ допустить эту точку зрѣнія ни въ какихъ размѣрахъ, даже самыхъ органиченныхъ, и я прошу ваше превосходительство повторить г. Друэнъ-де-Люису сдѣланное мною и въ прежней депешѣ заявленіе что Его Величество Государь Императоръ, всегда готовый строго выполнять свои обязательства по

отношенію ко всѣмъ державамъ, считаетъ долгомъ рѣшительно исключить даже изъ дружескаго обмѣна мыслей всякій намекъ на тѣ части Его Имперіи къ которымъ не прилагается никакое постановленіе международнаго договора.

Относительно прочихъ пунктовъ депеши г. французскаго министра иностранныхъ дѣлъ, мы предпочитаемъ остановиться лишь на тѣхъ изъ нихъ въ которыхъ мы сходимся по крайней мѣрѣ по намѣреніямъ.

Французское правительство желаетъ чтобы въ Царствѣ Польскомъ было вскорѣ возстановлено такое положеніе дѣлъ которое возвратило бы этой странѣ миръ, Европѣ—спокойствіе и отношеніямъ между кабинетами—надежность.

Мы вполнѣ раздѣляемъ это желаніе, и все зависящее отъ насъ будетъ сдѣлано для его осуществленія.

Нашъ Августѣйшій Государь попрежнему проникнутъ самыми благосклонными намѣреніями относительно Польши и самыми примирительными чувствами ко всѣмъ иностраннымъ державамъ.

Забота о благосостояніи Его подданныхъ всѣхъ племенъ и всѣхъ вѣроисповѣданій есть долгъ который Его Императорское Величество возложилъ на Себя предъ Богомъ, предъ Своею совѣстью и предъ Своими народами. Государь Императоръ посвящаетъ всю Свою заботливость исполненію этого долга.

Что же касается до той отвѣтственности которую можетъ принять на Себя Его Величество въ Своихъ международныхъ отношеніяхъ, то эти отношенія опредѣляются международнымъ правомъ. Лишь нарушеніе основныхъ началъ этого права можетъ навлечь отвѣтственность. Нашъ Августѣйшій Государь постоянно уважалъ и соблюдалъ эти начала относительно другихъ государствъ. Его Величество имѣетъ право ожидать и требовать того же уваженія со стороны другихъ державъ.

Покорнѣйше прошу ваше превосходительство прочесть эту депешу г. французскому министру иностранныхъ дѣлъ и передать ему съ нея копію.

ВИЦЕ-КАНЦЛЕРЪ КНЯЗЬ ГОРЧАКОВЪ ИМПЕРАТОРСКОМУ ПОСЛУ ПРИ ВЕЛИКОБРИТАНСКОМЪ ДВОРѢ, Д. Т. С. БАРОНУ БРУННОВУ.

Царское Село. 26го августа (7го сентября) 1863.

Лордъ Непиръ сообщилъ мнѣ, по распоряженію своего правительства, депешу лорда Росселя, копія съ которой при семъ прилагается.

Она служитъ отвѣтомъ на мою депешу отъ 1 (13) минувшаго іюля, которую я просилъ ваше высокопревосходительство сообщить главному государственному секретарю ея британскаго величества.

Сообщенія заключавшіяся въ нашей депешѣ были намъ внушены желаніемъ достигнуть соглашенія.

Принимая вызванныя ими замѣчанія лорда Росселя съ тѣмъ вниманіемъ которое мы постоянно обращаемъ на мнѣнія Британскаго правительства, мы можемъ только сожалѣть что принуждены вывести изъ нея заключеніе что предположенная нами цѣль не была нами достигнута.

Коль скоро эта полемика можетъ вести лишь къ заявленію и подтвержденію разногласія въ нашихъ воззрѣніяхъ, то было бы несоотвѣтственно нашимъ миролюбивымъ желаніямъ стараться длить ее, и мы не полагаемъ чтобы въ этомъ отношеніи мы расходились съ мыслію г. главнаго государственнаго секретаря ея британскаго величества.

Мы предпочитаемъ остановиться лишь на тѣхъ существенныхъ пунктахъ его депешъ въ которыхъ мы сходимся по крайней мѣрѣ по намѣреніямъ.

Правительство ея британскаго величества желаетъ видѣть въ Царствѣ Польскомъ скорое возстановленіе такого положенія дѣлъ которое возвратило бы этой странѣ миръ, Европѣ—спокойствіе, отношеніямъ между кабинетами—надежность.

Мы вполнѣ раздѣляемъ это желаніе, и все зависящее отъ насъ будетъ сдѣлано для его осуществленія.

Нашъ Августѣйшій Государь попрежнему проникнутъ самыми благосклонными намѣреніями относительно Польши и самыми примирительными чувствами ко всѣмъ иностраннымъ державамъ.

Забота о благосостояніи Его подданныхъ всѣхъ племенъ и всѣхъ вѣроисповѣданій есть долгъ который Его Императорское Величество возложилъ на Себя предъ Богомъ, предъ Своею совѣстью и предъ Своими народами. Государь Императоръ посвящаетъ всю Свою заботливость исполненію этого долга.

Что же касается до той отвѣтственности которую можетъ принять на Себя Его Величество въ Своихъ международныхъ отношеніяхъ, то эти отношенія опредѣляются международнымъ правомъ. Лишь нарушеніе основныхъ началъ этого права можетъ навлечь отвѣтственность. Нашъ Августѣйшій Государь постоянно уважалъ и соблюдалъ эти начала относительно другихъ государствъ. Его Величество имѣетъ право ожидать и требовать того же уваженія со стороны другихъ державъ.

Покорнѣйше прошу ваше высокопревосходительство прочесть эту депешу главному государственному секретарю ея британскаго величества и передать ему съ нея копію.

ДЕПЕША КНЯЗЯ ГОРЧАКОВА КЪ ИМПЕРАТОРСКИМЪ ПОСЛАМЪ ПРИ ЛОНДОНСКОМЪ И ФРАНЦУЗСКОМЪ ДВОРАХЪ, Д. Т. С. БАРОНУ БРУННОВУ И Т. С. БАРОНУ БУДБЕРГУ, И КЪ ПОВѢРЕННОМУ ВЪ ДѢЛАХЪ ПРИ ВѢНСКОМЪ ДВОРѢ, Д. С. С. КНОРРИНГУ.

Царское Село. 26го августа 1863 года.

Изъ депеши моей отъ сего же числа вы усмотрите, что Императорскій кабинетъ руководимый миролюбивымъ желаніемъ воздерживается отъ продолженія полемики, которая въ глазахъ его имѣла бы цѣну только въ такомъ случаѣ еслибы могла привести къ соглашенію.

Но депеши трехъ дворовъ и меморандумъ приложенный къ депешѣ г. Друэнъ-де-Люиса содержатъ въ себѣ такія заявленія на которыя мы никакъ не можемъ ни согласиться, ни даже отвѣчать молчаніемъ, тѣмъ болѣе что по всей вѣроятности они предназначены для обнародованія во всеобщее свѣдѣніе.

Вызванныя этими заявленіями замѣчанія изложены мною въ особомъ меморандумѣ, который при семъ прилагается.

Онъ послужитъ вамъ руковоодствомъ при объясненіяхъ, и если вы признаете удобнымъ и полезнымъ, то можете прочесть его г. министру иностранныхъ дѣлъ.

МЕМОРАНДУМЪ.

Державы выразившія С.-Петербургскому кабинету свои желанія и мнѣнія относительно происходящихъ въ Царствѣ Польскомъ безпорядковъ приняли за точку отправленія трактатъ 1815 года.

По всѣмъ общепризнаннымъ правиламъ международнаго права и даже въ силу болѣе новаго начала невмѣшательства, ихъ дипломатическія дѣйствія не могли бы имѣть другаго основанія.

Итакъ обсужденіе всѣхъ вопросовъ права относящихся къ Царству Польскому должно заключаться единственно въ предѣлахъ этого трактата.

Трактаты должны быть объясняемы по ихъ буквальному смыслу и по ихъ духу.

Трактатъ 1815 — несмотря на сдержанность проистекавшую изъ желанія уважить и согласить между собою различныя мнѣнія и интересы,—тѣмъ не менѣе настолько опредѣлителенъ въ своихъ выраженіяхъ что оставляетъ лишь ограниченное мѣсто разногласіямъ въ его истолкованіи.

Что же касается духа этого акта, то желая сдѣлать изъ него выводы для уясненія смысла его постановленій, мы должны судить о немъ на основаніи тѣхъ идей и отношеній которыя господствовали въ

моментъ заключенія трактата, а отнюдь не тѣхъ которымъ стараются дать перевѣсъ въ настоящее время.

Вопросъ же о герцогствѣ Варшавскомъ представлялся на конгрессѣ въ слѣдующемъ видѣ:

Въ 1812 году Россія завоевала и заняла герцогство Варшавское исключительно своими войсками въ силу неоспоримаго права войны. Она отняла его у Саксоніи, союзницы той державы съ которою Россія находилась въ открытой борьбѣ.

Она тѣмъ болѣе могла считать герцогство законнымъ и неподлежащимъ возврату завоеваніемъ, что оно не только было театромъ войны, но и принимало въ ней дѣятельное участіе въ первыхъ рядахъ враговъ Россіи; оно выставило значительныя силы на помощь державѣ вторгнувшейся въ предѣлы Имперіи и служило операціонною линіей для ея военныхъ дѣйствій. Съ точки зрѣнія какъ нравственной и политической, такъ и юридической, Россія была совершенно въ правѣ желать устраненія навсегда этой постоянной угрозы ея спокойствію.

Два соображенія остановили, однакоже, императора Александра I.

Вопервыхъ, во враждебности Поляковъ онъ видѣлъ преимущественно зло нравственное, для искорененія котораго требовались мѣры не матеріальныя.

По общему въ человѣчествѣ закону, чувства и стремленія подъ вліяніемъ которыхъ дѣйствуетъ одно поколѣніе не рѣдко забываются поколѣніемъ послѣдующимъ. Оно, становясь на противоположную точку зрѣнія, нерѣдко увлекается желаніемъ разрушать все сдѣланное его предшественниками. Императрица Екатерина II, царствовавшая въ эпоху болѣе близкую къ великимъ бореніямъ между Польшей и Россіей, проникнутая преданіями этой борьбы и проистекавшими изъ нихъ обязанностями, бывшая свидѣтельницею ея бѣдствій, была доведена до политики раздѣла Польши, какъ до неумолимой необходимости. Императоръ Александръ I, очевидецъ послѣдствій этой политики, раздраженія и волненій Поляковъ, приписывалъ ихъ исключительно раздѣлу и пришелъ къ мысли исправить этотъ порядокъ вещей.

Эта мысль, родившаяся еще въ его молодости, росла вмѣстѣ съ нимъ; въ концѣ 1812 года онъ уже думалъ о томъ, не настало ли для Россіи время потушить въ своемъ сосѣдствѣ это пламя ненависти и безпорядковъ, посредствомъ возстановленія Польши, съ тѣмъ чтобъ обратить ее въ націю примиренную и дружественную. Но онъ не хотѣлъ приступить къ этому, не окончивъ предпринятаго имъ великаго дѣла. Таковъ смыслъ словъ сказанныхъ имъ Полякамъ: „Мои намѣренія не измѣнились, но я подожду исхода борьбы. Я желаю совершить возрожденіе Польши, какъ побѣдитель.“

Великимъ дѣломъ—и въ немъ заключается вторая причина имѣвшая вліяніе на его рѣшенія относительно герцогства Варшавскаго,—было

освобожденіе Европы и установленіе въ ней солидарности между всѣми странами: великая мысль, которая родилась въ умѣ Александра I вслѣдствіе двадцатипятилѣтнихъ бѣдствій войны; могущественная сила этой мысли была рѣшительною двигательницей всѣхъ событій 1813, 1814 и 1815 годовъ.

Подъ вліяніемъ этой идеи императоръ Александръ I хотѣлъ подать примѣръ самоотверженія и безкорыстія, и исключить всѣ элементы раздора изъ того единодушнаго согласія которое онъ желалъ установить между великими державами.

Уже 16 (28) февраля 1813 года, вслѣдствіе переговоровъ съ Берлинскимъ кабинетомъ въ Калишѣ, было условлено „соединить старую Пруссію съ Силезіей посредствомъ территоріи которая вполнѣ соотвѣтствовала бы этой цѣли въ военномъ и географическомъ отношеніи.“

Во время переговоровъ съ Австріей въ Герлицѣ, 1 (13) мая 1813 года эта держава выговаривала „уничтоженіе герцогства Варшавскаго“.

По Теплицкому трактату 28 августа (9 сентября) 1813 года было условлено, „что судьба герцогства Варшавскаго будетъ рѣшена посредствомъ дружественнаго соглашенія между тремя дворами.“

Наконецъ, во всѣхъ послѣдующихъ трактатахъ, дополнившихъ и пояснившихъ союзъ между державами, императоръ Александръ I, великодушно предавая забвенію что герцогство Варшавское было завоевано единственно русскимъ оружіемъ отъ врага, въ рядахъ котораго находились еще тогда Пруссія и Австрія,—допустилъ принципъ: „что участь завоеванныхъ странъ будетъ рѣшена въ послѣдствіи конгрессомъ, который соберется въ Вѣнѣ.“

Вотъ въ какомъ положеніи явился на конгрессъ императоръ Александръ I, по совершеніи того великаго дѣла которому онъ посвятилъ себя.

Предположеніе, будто бы польскій вопросъ занималъ первое мѣсто на этихъ достопамятныхъ совѣщаніяхъ, вовсе не точно. Если онъ и занималъ тамъ опредѣленное мѣсто, то лишь благодаря безкорыстію императора Александра I; но этотъ вопросъ не былъ ни единственнымъ, ни первымъ. Дѣло шло объ устройствѣ участи всей Европы и почти всего земнаго шара. Если же вопросы саксонскій и польскій возбудили много шума, то это произошло единственно отъ того что Россія и Пруссія не позаботились выразить свои условія еще въ 1814 году, въ самомъ Парижѣ, вслѣдъ за одержанною побѣдой, и забыли о своихъ интересахъ при заботѣ о благѣ общемъ; это произошло также и по той причинѣ что эти державы вовсе не думали противодѣйствовать желаніямъ Англіи и Австріи, тогда какъ вопросы ихъ самихъ интересовавшіе встрѣчались недоброжелательно.

При устройствѣ общихъ дѣлъ, Англія сдѣлала важныя пріобрѣтенія: она получила Мальту, мысъ Доброй Надежды, Иль-де-Франсъ, островъ

Гельголандъ; ей уступлено было еще множество важныхъ колоній. Сверхъ того, она доставила торжество своимъ видамъ и интересамъ въ Европѣ, въ особенности учрежденіемъ королевства Нидерландскаго, чѣмъ разрѣшался первостепенный для нея вопросъ объ Антверпенѣ.

Австрія распространила свои владѣнія въ Тиролѣ, Ломбардіи, Венеціи, Далматіи и получила преобладающее вліяніе въ Италіи. Сама Пруссія достигла возстановленія предѣловъ какіе имѣла въ 1805 съ болѣе округленными и правильными очертаніями границъ въ географическомъ отношеніи. Было бы странно еслибы въ то время когда европейскія великія державы дѣлали подобныя пріобрѣтенія, одна Россія, которая первая потрясла завоевательную державу, тяготѣвшую надъ всею Европой,—еслибъ одна Россія, которая начала борьбу за всеобщую независимость, принесла этому дѣлу огромныя жертвы и служила главнымъ звеномъ великаго европейскаго союза,—была лишена всякаго рода выгодъ и вознагражденія.

Она требовала даже не расширенія своихъ предѣловъ, а только возможности осуществить мысль о примиреніи и исправленіи прошедшаго, возможности залѣчить вѣковую язву, возвративъ примиренной Польшѣ національное бытіе подъ скипетромъ Русскихъ государей.

Противодѣйствіе которое императоръ Александръ I встрѣтилъ на этомъ пути со стороны своихъ союзниковъ было, конечно, однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ для него разочарованій.

Это противодѣйствіе было весьма сложнаго свойства.

Разсматривая внимательно документы того времени, не можемъ не придти къ убѣжденію что державы противившіяся осуществленію видовъ императора Александра I вовсе не руководились при этомъ заботливостію о Польшѣ. Она имѣла тогда очень мало значенія въ ряду общихъ интересовъ, и шумъ который было возбудила ея судьба совершенно замолкъ среди громаднаго переворота совершившагося тогда въ Европѣ.

Союзники опасались единственно расширенія предѣловъ державы которая только-что обнаружила съ такимъ блескомъ свои силы; они боялись что присоединеніе Польши, собравъ подъ однимъ скипетромъ бо́льшую часть народовъ славянскаго племени, удвоитъ матеріальныя и нравственныя силы Россіи и выдвинетъ ея передовые посты въ самое сердце Германіи и всей Европы. Послѣдствія не оправдали этихъ опасеній, которыя однакоже проявляются безпрерывно во всѣхъ документахъ того времени.

Державы такимъ образомъ предпочли бы возстановленіе совершенно независимой Польши, но это было съ ихъ стороны не болѣе какъ теоретическое желаніе, такъ какъ осуществить его можно было бы только въ ущербъ тремъ дворамъ, участвовавшимъ въ раздѣлѣ Польши, а мѣжду тѣмъ невозможно было допустить чтобы вслѣдъ за славною вой-

ной, успѣху которой такъ энергически содѣйствовала Россія, и въ то время когда другія побѣдоносныя державы пріобрѣтали столь большія выгоды, было предложено этому государству согласиться на раздробленіе его владѣній.

Лордъ Кассльри заявилъ „что подобная мѣра потребовала бы столь большихъ жертвъ, что Англійскій кабинетъ и не подумаетъ предложить ее, что единственное средство къ предупрежденію новыхъ смутъ есть продолженіе системы раздѣла, и что Россія болѣе другихъ державъ должна желать сохраненія этой системы“.

Пруссія и Австрія противились возстановленію даже самаго имени Польши.

Въ конференціи 15го (27го) сентября князь Меттернихъ сказалъ: „Къ несчастію, можно предвидѣть войну, если, какъ преополагаютъ, Императоръ Александръ имѣетъ намѣреніе привести въ исполненіе идею нѣкоторыхъ Поляковъ, наименовавъ свои новыя пріобрѣтенія Польшей. Въ этомъ случаѣ мы должны считать Галицію для насъ потерянною, и такимъ образомъ этотъ вопросъ еще важнѣе территоріальнаго. Онъ заключаетъ въ себѣ сѣмена смутъ и совершенно противорѣчитъ существующимъ трактатамъ, такъ какъ въ свое время три двора участвовавшіе въ раздѣлѣ обязались впредь не употреблять этого наименованія.“

Въ той же конференціи канцлеръ Гарденбергъ, съ своей стороны, въ особенности распространялся о той опасности которую представляетъ и для Пруссіи мысль назвать Польшей владѣнія пріобрѣтаемыя Россіей.

Лишь въ послѣдствіи, когда императоръ Александръ I заявилъ свою рѣшимость не отступить даже и передъ войной, и когда онъ чтобъ избѣгнуть этой крайности довелъ примирительность до послѣднихъ предѣловъ возможнаго и согласился на уступки по вопросамъ о Познани, о Краковѣ, о Величскихъ соляныхъ копяхъ и о Саксоніи,—лишь тогда прочія державы не желавшія отстать въ выраженіи сочувствія къ Полякамъ окончательно согласились на предложенія императора, ограниченныя, впрочемъ, размѣрами далеко не соотвѣтствовавшими его первоначальной мысли.

Что касается условій опредѣлившихъ присоединеніе Польши, то было бы важною ошибкой утверждать, будто бы эти условія въ либеральномъ ихъ значеніи были внушены Россіи путемъ предварительныхъ переговоровъ имѣвшихъ общеевропейскій характеръ.

Вопервыхъ, можно повторить что императоръ Александръ I, въ высшей степени проникнутый чувствомъ своего царственнаго достоинства, никогда не допустилъ бы подобнаго вмѣшательства во внутреннее управленіе одною частью его владѣній, и особенно въ то время когда Россія только-что оказала столь великое и рѣшительное вліяніе на дѣла

Европы и когда она всѣми своими силами наклоняла въ свою сторону вѣсы всемірной политики.

Напротивъ, онъ рѣшительнымъ образомъ воспротивился всякому обсужденію той конституціи которую намѣревался даровать Полякамъ соединеннымъ подъ его скипетромъ.

Но этого мало. Можно утвердительно сказать что инцціатива либеральныхъ намѣреній принадлежала самому императору Александру I, а противодѣйствіе этимъ намѣреніямъ истекало отъ другихъ державъ.

Кромѣ Англіи, въ которой съ давнихъ поръ уже существовалъ конституціонный образъ правленія, бóльшая часть державъ не благопріятствовали этимъ идеямъ. Опыты конституціоннаго правленія сдѣланные въ нѣкоторыхъ германскихъ государствахъ были весьма не полны. Пруссія отложила до будущаго времени всякое преобразованіе въ этомъ направленіи. Что же касаетс Австріи, то не было правительства болѣе далекаго отъ началъ конституціонныхъ.

При такомъ положеніи вещей нельзя допустить чтобъ эти начала были вмѣнены въ обязанность или даже присовѣтованы императору Александру I въ отношеніи къ Польшѣ.

Напротивъ, державы были весьма озабочены обширностію замысловъ Императора и тѣмъ вліяніемъ которое ихъ выполненіе могло имѣть на ихъ польскія владѣнія.

Въ запискѣ переданной 2го декабря князю Меттерниху, канцлеръ Гарденбергъ говоритъ:

„Дѣло о Польшѣ сводится къ тому чтобъ устранить наступательный образъ дѣйствій и сдѣлать политическое существованіе новаго Царства безвреднымъ для спокойствія его сосѣдей и Европы, и даже, напротивъ, обратить его въ ихъ пользу. Для этого должно спросить у императора Александра, какого свойства будутъ самое существованіе и конституція новаго царства, какія обезпеченія онъ пожелаетъ дать сосѣдственнымъ державамъ и какихъ обезпеченій онъ потребуетъ въ свою очередь отъ нихъ?“

Императоръ Александръ I пожелалъ имѣть отъ своихъ сосѣдей то обезпеченіе чтобъ они предоставили Полякамъ находящимся подъ ихъ властію учрежденія сообразныя съ желаніями народа.

Это требованіе было выражено графомъ Разумовскимъ въ проектѣ 10-го декабря, въ которомъ сказано: „Исключая.... остальная часть герцогства Варшавскаго отходитъ къ Россіи, какъ соединенное съ нею государство, которому Его Величество предоставляетъ себѣ дать національную конституцію и такое распространеніе предѣловъ какое признаетъ удобнымъ. Императоръ Всероссійскій, желая чтобы всѣ Поляки могли пользоваться выгодами національнаго управленія, *предстательствуетъ* предъ своими союзниками въ пользу ихъ подданныхъ этой

націи, съ цѣлью доставить имъ областныя учрежденія обезпечивающія ихъ народность и участіе въ управленіи этими областями".

Контръ-проектъ, представленный Австріей 3-го января 1815 года, показываетъ образъ мыслей этой державы. Въ немъ значилось: „Герцогство Варшавское.... будетъ присоединено къ владѣніямъ Его Величества Императора Всероссійскаго, чтобы состоять въ его обладаніи на правахъ полной собственности и верховной власти."

Итакъ этотъ проектъ тщательно отстраняетъ всякій намекъ на Царство Польское, *какъ на государство соединенное съ Россіей, на національную конституцію и на областныя учрежденія,* которыя русскій проектъ предлагалъ даровать Полякамъ, подданнымъ трехъ державъ.

Эти объясненія происходили за нѣсколько дней до тѣхъ нотъ лорда Кассльри и князя Меттерниха, изъ которыхъ желаютъ сдѣлать выводъ, будто бы государства представляемыя этими двумя уполномоченными выражали свое сочувствіе къ Полякамъ и настаивали предъ императоромъ Всероссійскимъ на соблюденіи ихъ народности.

Это обстоятельство дѣлаетъ очевиднымъ что инціатива сочувствія къ Полякамъ проистекала отъ императора Александра I. Если же другія державы присоединились къ ней, то это было лишь слѣдствіемъ тогдашнихъ политическихъ правилъ побуждавшихъ не оставлять за одною Россіей чести этой инціативы, а принять въ ней участіе, дабы тѣмъ самымъ ограничить увеличеніе силъ Россіи, котораго они такъ опасались въ будущемъ и которому помѣшать не могли въ прошедшемъ.

Онѣ, безъ сомнѣнія, не предвидѣли еще тогда затрудненій ожидавшихъ Россію со стороны тѣхъ направленій которыя Поляки могли найти въ Европѣ.

Было выражено мнѣніе, *что послѣ того какъ обязательства относительно Польши были приняты императоромъ Александромъ I нельзя уже придавать особеннаго значенія тому факту что они произошли отъ его собственной инціативы.*

Напротивъ, этотъ фактъ существенно важенъ. Имъ съ точностію опредѣляются и свойство принятыхъ императоромъ Всероссійскимъ обязательствъ, и объемъ тѣхъ правъ которыя теперь стараются вывести въ пользу договаривавшихся державъ изъ духа договоровъ 1815 года.

Этимъ же фактомъ опровергается мнѣніе, будто бы причиной согласія прочихъ правительствъ на присоединеніе Царства Польскаго къ Россіи было заявленіе со стороны императора Александра I его либеральныхъ намѣреній. Все изложенное, очевидно, приводитъ къ противоположному выводу: императоръ Александръ I встрѣтилъ бы менѣе препятствій еслибъ онъ отказался отъ мысли возстановленія имени Польши и польской народности, еслибъ онъ настаивалъ только на вопросѣ территоріальномъ, который именно въ глазахъ Вѣнскаго кабинета

имѣлъ второстепенное значеніе, и еслибъ онъ требовалъ безусловнаго присоединенія герцогства Варшавскаго къ его владѣніямъ.

Утверждали также что *нежеланіе возобновлять войну много содѣйствовало согласію державъ.* Это весьма возможно и даже вѣроятно. Но это желаніе сохранить миръ вполнѣ согласовалось съ ихъ интересами. Онѣ только что выдержали 25лѣтнюю борьбу; онѣ въ значительной степени были обязаны Россіи своимъ освобожденіемъ; онѣ знали какъ много вѣсило участіе Россіи въ этой войнѣ, а также понимали какой она могла бы опять имѣть вѣсъ, еслибы было потрясено дѣло умиротворенія которому она такъ энергически содѣйствовала.

Что касается желанія найти въ намѣреніяхъ императора Александра основаніе для нынѣшнихъ требованій, то это желаніе не въ состояніи, какъ намъ кажется, выдержать внимательную критику. Эти увлеченія великодушія и послѣдовавшее за ними разочарованіе заключаютъ въ себѣ полезный урокъ, но не могутъ заключать въ себѣ обязательства.

Императоръ Александръ I сдѣлалъ попытку къ примиренію. Онъ не имѣлъ успѣха. Онъ остановился предъ препятствіемъ возникшимъ при исполненіи и доказавшимъ ему что дарованныя имъ Царству учрежденія служатъ для Поляковъ лишь орудіемъ къ достиженію цѣли ихъ мечтательныхъ стремленій, то-есть возстановленія независимой Польши въ самыхъ обширныхъ предѣлахъ, и цѣною отторженія владѣній отъ трехъ сосѣдственныхъ державъ.

Поляки нравственно уничтожили данное имъ обѣщаніе, показавъ на дѣлѣ какъ они пользуются милостями императора. Матеріально, международное обязательство заключенное имъ сохранилось въ предѣлахъ трактата 1815 года.

Эти предѣлы были ясно обозначены особеннымъ условіемъ о которомъ теперь не любятъ упоминать, а именно тѣмъ условіемъ которое предоставляетъ тремъ державамъ опредѣлить представительныя и національныя учрежденія для ихъ польскихъ подданныхъ сообразно тому насколько державы будутъ находить эти учрежденія полезными и удобными.

Императоръ Александръ I, одушевленный въ то время либеральными намѣреніями которыя не останавливались на рубежѣ Царства Польскаго, повидимому, не самъ вздумалъ предложить это ограниченіе. Онъ былъ побужденъ къ тому затрудненіями со стороны Вѣнскаго кабинета. Австрійскіе уполномоченные, представляя свой контръ-проектъ въ конференцію, присовокупили словесныя объясненія, которыя, по предложенію императора, были изложены въ формѣ статьи: въ ней говорится что „Поляки разумѣются въ качествѣ подданныхъ каждой изъ высокихъ договаривающихся сторонъ и признаются таковыми подъ своимъ отличительнымъ наименованіемъ (Поляковъ); въ этомъ качествѣ

и соотвѣтственно той формѣ политическаго существованія которую каждое изъ правительствъ найдетъ удобнымъ двровать имъ, они получатъ учрежденія опезпечивающія сохраненіе ихъ народности“.

Это и было началомъ той оговорки которая была помѣщена въ послѣдствіи въ 1й статьѣ окончательнаго трактата.

Легко угадать мысль руководившую императоромъ Александромъ I.

Этотъ государь никогда не хотѣлъ производить революцію, а напротивъ желалъ дѣйствовать охранительно. Его убѣжденіе было, что революцію можно обезоружить, удовлетворяя законныя желанія народовъ посредствомъ благоразумнаго и благодѣтельнаго управленія. Онъ желалъ чтобы любовь народа была залогомъ уваженія ко власти. Всѣ дѣйствія императора Александра I носятъ на себѣ отпечатокъ этого убѣжденія. Даже въ 1820 году, когда его вѣра въ осуществленіе этихъ идей начала колебаться и когда онъ энергически содѣйствовалъ подавленію революціонаго движенія въ Неаполѣ, онъ совѣтовалъ королю Обѣихъ Сицилій ввести благоразумно-либеральную конституцію и приглашалъ италіянскихъ государей къ общему между собою соглашенію для принятія таковыхъ же началъ въ управленіи ихъ владѣніями.

При такомъ образѣ мыслей, намѣренія императора Александра I не могли клониться къ какому-либо ослабленію верховной власти ни въ его, ни въ чужихъ владѣніяхъ, а между тѣмъ это ослабленіе произошло бы неминуемо еслибы державы владѣющія частями Польши были обязаны управлять своими польскими подданными на основаніи началъ не признаваемыхъ этими державами за совмѣстныя съ положеніемъ ихъ остальныхъ владѣній.

Такъ какъ Царство Польское было неразрывно соединено съ Россіей, а Познань и Галиція безвозвратно присоединены къ Пруссіи и Австріи, то всѣ эти владѣнія должны были подчиняться условіямъ необходимымъ для единства той изъ державъ которой они принадлежали. Пруссія и Австрія потребовали этихъ обезпеченій, и императоръ Александръ I не могъ имъ въ томъ отказать. Итакъ, онъ ограничился тѣмъ что выговорилъ для польскихъ подданныхъ трехъ дворовъ представительныя и національныя учрежденія; онъ предполагалъ примѣнить эти учрежденія у себя и надѣялся что они будутъ примѣнены и у другихъ въ самомъ широкомъ смыслѣ, но онъ самымъ опредѣлительнымъ образомъ сохранилъ за правительствами право вводить эти учрежденія въ томъ видѣ который они признаютъ полезнымъ и пригоднымъ.

Эти же соображенія вполнѣ примѣняются и къ предположенному императоромъ Александромъ I внутреннему расширенію предѣловъ Царства Польскаго. Стараться извлекать изъ этихъ предположеній какое-либо обязательство значило бы искажать самый характеръ постановленій трактата, которыя хотя и свидѣтельствуютъ о великодуш-

ныхъ намѣреніяхъ, но также доказываютъ до какой степени въ то время высоко ставились достоинство и независимость державъ.

Не подлежитъ сомнѣнію что мысль расширеніи границъ Царства Польскаго временно занимала умъ императора, но приведеніе ея въ исполненіе зависѣло оттого въ какой мѣрѣ оправдали бы со своей стороны Поляки тѣ надежды которыя онъ возлагалъ на новое устройство Царства, и императоръ опредѣлительнымъ образомъ предоставилъ себѣ судить объ этомъ и сдѣлать то что́ признаетъ полезнымъ и пригоднымъ *по обстоятельствамъ*. Иначе и быть не могло.

Совершенно неосновательно притязаніе примѣнить къ Полякамъ живущимъ въ западныхъ областяхъ Россіи ту часть 1й статьи которая выговариваетъ для *польскихъ подданныхъ* представительныя и національныя учрежденія. Въ этихъ областяхъ Поляки составляютъ едва седьмую часть населенія, слѣдовательно очевидно, что тамъ *національныя учрежденія* должны относиться къ большинству населенія. Сверхъ того, 1я статья Вѣнскаго трактата ясно опредѣляетъ что всѣ ея постановленія исключительно относятся къ прежнему герцогству Варшавскому, *увеличенному въ своемъ внутреннемъ объемѣ насколько признаетъ удобнымъ императоръ Всероссійскій*, и потому Императорское правительство должно самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергнуть всякій намекъ на области не входившія въ составъ прежняго герцогства и слѣдовательно находящіяся совершенно внѣ международныхъ обязательствъ которыя могутъ быть выводимы изъ Вѣнскаго трактата.

Изъ всего изложеннаго очевидно что какъ бы ни былъ истолковываемъ трактатъ 1815 года, сообразно ли его духу или буквальному смыслу, невозможно извлечь изъ него другіе правильные выводы кромѣ нижеслѣдующихъ:

Царство Польское неразрывно присоединено къ Россіи съ такимъ внутреннимъ расширеніемъ его объема какое Императоръ Всероссійскій найдетъ удобнымъ даровать ему.

Поляки, подданные трехъ дворовъ, будутъ имѣть представительныя и національныя учрежденія согласованныя съ образомъ политическаго существованія какой каждое изъ правительствъ, въ подданствѣ котораго они находятся, признаетъ удобнымъ и полезнымъ имъ даровать.

Права и обязанности всѣхъ сторонъ причастныхъ этому вопросу ясно обозначены выраженіями этихъ условій.

Поляки Царства должны уважать связь соединяющую ихъ съ Россіей.

Иностранныя державы обязаны не дѣлать ничего для ослабленія этой связи.

Три двора обязаны даровать своимъ польскимъ подданнымъ представительныя и національныя учрежденія устроенныя по ихъ собственному усмотрѣнію.

Вотъ положеніе дѣла основанное на Вѣнскомъ трактатѣ.

Императоръ Александръ I призналъ полезнымъ и удобнымъ даровать своимъ подданнымъ Царства Польскаго учрежденія исчисленныя конституціей 1815 года. Онъ могъ признать полезнымъ и удобнымъ облечь эти учрежденія въ другую форму, придать имъ бо́льшіе или меньшіе размѣры лишь бы они сохранили характеръ представительный и національный. Самыя же постановленіи этой конституціи не были и не могли быть обязательными.

Это было признано Вѣнскимъ конгрессомъ, который мудрымъ образомъ предоставилъ государямъ свободу дѣйствій.

Выводъ дѣлаемы изъ текста 1-й статьи, что будто бы Царство Польское присоединено къ Россіи лишь посредствомъ своей конституціи,—не можетъ быть допущенъ. Совершенно ошибочно заключеніе, что еслибы державы не имѣли въ виду *извѣстную опредѣленную конституцію*, то онѣ сказали бы только что Царство Польское *присоединяется къ Россіи*, а не прибавили бы словъ: *посредствомъ своей конституціи.*

Не говоря уже о томъ что слово *конституція* не имѣло тогда того смысла который придается ему нынѣ,—было бы гораздо правильнѣе заключить что еслибы дѣйствительно державы имѣли въ виду извѣстную конституцію, то онѣ позаботились бы точнѣйшимъ ея опредѣленіемъ, потому что въ такомъ случаѣ онѣ были бы обязаны поручиться за ея сохраненіе.

Приводимые въ доказательство предварительные переговоры касались только общихъ началъ; они не касались и не могли касаться подробностей внутренняго управленія, или той или другой формы конституціи, неизбѣжно подвергающейся измѣненіямъ сообразно мѣстности и времени. Это было бы совершенно противно идеямъ того времени. Ни одинъ изъ трехъ государей не допустилъ бы, ни одна изъ иностранныхъ державъ не предложила бы этого.

Доказательствомъ этого служитъ то что конституція 1815 года была обнародована черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ конгресса, но не была сообщена ни одному изъ кабинетовъ. Можно было бы прибавить, что когда она была обнародована, то многіе находили ее слишкомъ либеральною.

Итакъ сомнѣніе не возможно относительно этого вопроса, но еслибы даже оно было возможно, то все-таки въ этомъ случаѣ трудно примѣнить выраженіе Ваттеля: „что въ случаѣ сомнѣнія истолкованіе дѣлается противъ того *кто предписывалъ условія при заключеніи трактата*“.

Императоръ Александръ I не имѣлъ ни притязанія предписывать законы другимъ, ни намѣренія подчиняться чьимъ-либо законамъ.

Достаточно извѣстно что́ произошло въ послѣдующіе годы. Поляки вовсе не были удовлетворены конституціей дарованною императоромъ

Александромъ I. Они мечтали о возстановленіи и о независимости Польши въ ея старинныхъ предѣлахъ. Ихъ сеймы имѣли столь мятежный характеръ что было необходимо отсрочивать ихъ созваніе, а тайныя общества постоянно умножались. Императора Александра I упрекаютъ въ постепенномъ ограниченіи тѣхъ политическихъ правъ которыя онъ даровалъ Полякамъ. Не подлежитъ сомнѣнію что начавшіяся съ 1820 года въ Европѣ волненія глубоко разочаровали этого государя. Весьма возможно что новость конституціоннаго порядка и обыкновенно проистекающей изъ него парламентской борьбы произвела сильное на него впечатлѣніе, въ особенности по причинѣ противоположности этого порядка съ образомъ правленія въ остальныхъ частяхъ Имперіи. Но если мы и допустимъ существованіе этого впечатлѣнія, которое впрочемъ проявилось тогда во всѣхъ европейскихъ государствахъ и затрудняло вездѣ отношенія между правительствами и народами,—то во всякомъ случаѣ невозможно не признать двухъ фактовъ:

Вопервыхъ, что не взирая на эти внутреннія столкновенія, Царство Польское пользовалось съ 1815 по 1825 такимъ спокойствіемъ и благосостояніемъ которыя никогда прежде не были ему извѣстны.

Вовторыхъ, что Поляки весьма дурно воспользовались дарованными имъ правами и обнаружили тотъ же мятежный духъ который довелъ ихъ до утраты политической независимости.

Произошла французская революція 1830 года. Вліяніе ея на Польшу доказываетъ ту истину что не Польша нарушаетъ спокойствіе Европы, а напротивъ положеніе Европы всегда отзывается на спокойствіи Польши.

Когда вспыхнуло возстаніе въ Царствѣ, то обнаружились почти тѣ же самые факты которые мы видимъ тамъ и въ настоящее время. Инсургенты призывали къ себѣ на помощь сочувствіе либеральной Европы. Кабинеты предложили свое дипломатическое вмѣшательство. Оно было отвергнуто. Императоръ Николай имѣлъ твердую рѣшимость усмирить мятежъ, который былъ подавленъ. Западныя державы возражали противъ этого подавленія во имя трактата 1815 года и настаивали на томъ чтобы польская конституція, какъ международное обязательство была возстановлена. Это требованіе было отклонено. Императорское правительство указывало на то что возмущеніе Поляковъ уничтожило всѣ прежнія обязательства, что Россія вынужденная прибѣгнуть къ войнѣ пріобрѣла тѣмъ самымъ всѣ права предоставляемыя завоеваніемъ.

Этотъ взглядъ не былъ принятъ кабинетами. Русское правительство настаивало на немъ.

Международное преніе не имѣло другихъ послѣдствій.

Нынѣ было бы безплодно возобновлять эти споры. Нынѣ предстоитъ не обвинять прошедшее, а разрѣшить затрудненія настоящаго и приготовить лучшее будущее.

Для этой цѣли очень важно опредѣлить настоящее положеніе дѣла.

Его Величество Государь Императоръ Александръ II, съ самаго вступленія Своего на престолъ, далъ неоспоримыя доказательства Своихъ либеральныхъ и преобразовательныхъ намѣреній.

Царство Польское уже получило учрежденія запечатлѣнныя этимъ духомъ.

Какъ бы ни судили объ этихъ учрежденіяхъ, но всѣ должны сознаться, что вопервыхъ, ими предоставлены Царству административная автономія, національное правительство и основанное на избирательномъ началѣ представительство. Императоръ пользовался Своимъ правомъ, ограничивая эти учрежденія такими предѣлами которые Онъ признавалъ наиболѣе согласными съ благомъ самого Царства, гдѣ было желательно избѣгнуть печальныхъ примѣровъ прошедшаго, а равно и съ благомъ Имперіи, которой развитіе, предуготовленное Монаршею заботливостію, долженствовало совершаться съ надлежащею зрѣлостію.

Вовторыхъ, всѣ должны сознаться что эти учрежденія составляли значительное улучшеніе въ настоящемъ и открываютъ путь къ усовершенствованію въ будущемъ.

Между тѣмъ именно этотъ моментъ польскіе возмутители избрали чтобы поднять знамя мятежа.

Съ этой точки зрѣнія достаточно ясно опредѣляются причины и цѣль настоящаго возстанія.

Тѣмъ не менѣе три двора, Великобританскій, Французскій и Австрійскій, тревожно отозвались на смуты Царства Польскаго во имя Вѣнскихъ трактатовъ и спокойствія Европы. По соглашенію между собою они сдѣлали Русскому правительству представленія и выразили желаніе чтобы Царство было умиротворено скорымъ и прочнымъ образомъ.

Императорскій кабинетъ, со своей стороны, согласился на дружественный обмѣнъ мыслей, на основаніи и въ предѣлахъ трактата 1815 года. Несмотря на то, примирительныя сообщенія сдѣланныя Императорскимъ кабинетомъ, въ отвѣтъ на предложенія трехъ дворовъ, встрѣтили съ ихъ стороны возраженія заключающіяся въ ихъ послѣднихъ депешахъ и содержащія слѣдующія соображенія:

I. Было замѣчено что *если уваженіе ко власти есть необходимое условіе довѣрія и законности, то было бы ошибкой полагать, что уваженіе ко власти можетъ быть возстановлено единственно силой оружія, безъ соотвѣтствующаго обезпеченія политическихъ и религіозныхъ правъ подданныхъ.*

Императорскій кабинетъ всегда раздѣлялъ эти убѣжденія. Государь Императоръ не только не искалъ основы уваженія ко Своей власти въ одной лишь силѣ оружія, но по Своему изволенію даровалъ Царству Польскому учрежденія предоставлявшія ему административную

автономію, основанную на представительно-избирательномъ началѣ. Его Величество открыто заявилъ Свое намѣреніе сохранить и развить эти учрежденія.

Между тѣмъ эти-то учрежденія и были сигналомъ къ возстанію и даже послужили средствомъ для его устройства и распространенія. Это очевидно доказываетъ что зло заключается не въ приписываемомъ правительству намѣреніи ограничиться употребленіемъ силы оружія, а равно и не въ отсутствіи законныхъ обезпеченій для подданныхъ, а въ нравственномъ волненіи и въ безразсудныхъ стремленіяхъ которыя поддерживаются въ Царствѣ посредствомъ постояннаго заговора внѣ его предѣловъ. Эти причины воспрепятствовали приведенію въ дѣйствіе преобразованій дарованныхъ Его Императорскимъ Величествомъ. Польскіе мятежники желающіе совершенной независимости и границъ 1772 года не довольствуются этими учрежденіями, какъ не довольствуются они и шестью пунктами предложенными въ депешахъ трехъ державъ. Они громко это объявляютъ.

Итакъ прежде всего необходимо чтобы былъ усмиренъ мятежъ и возстановлено уваженіе ко власти. Нѣтъ ни одного правительства въ Европѣ которое дѣйствовало бы иначе и допустило бы возможность уступокъ вооруженному мятежу. Исторія всѣхъ государствъ и даже тѣхъ державъ которыя нынѣ обращаются къ Россіи представляетъ тому многочисленныя и недавнія доказательства.

II. Заявленіе Русскаго правительства о томъ, что возстаніе въ Царствѣ Польскомъ поддерживается матеріальною и нравственною помощью извнѣ,—подверглось возраженію, имѣющему въ виду доказать *что главное препятствіе къ возстановленію порядка въ Польшѣ происходитъ отъ невыполненія Русскимъ правительствомъ обѣщаній данныхъ Полякамъ императрицей Екатериною II въ 1772 году и императоромъ Александромъ I въ 1815, касательно сохраненія ихъ вѣроисповѣданія и ихъ политическихъ правъ на національное представительство и національное управленіе.*

Мы не понимаемъ на чемъ основано мнѣніе будто бы *въ продолженіи многихъ лѣтъ вѣроисповѣданіе Поляковъ было притѣсняемо.* Въ этомъ мнѣніи очевидна невѣрная оцѣнка фактовъ.

Въ Царствѣ Польскомъ господствующая религія, то-есть католическая, пользуется такою свободой какая встрѣчается не во многихъ государствахъ Европы. Этой свободѣ не дозволяется лишь переходить въ пропаганду. Но кромѣ этой заботливости составляющей для Россіи мѣру законнаго самосохраненія, свободѣ католическаго вѣроисповѣданія поставлены лишь такія ограниченія которыя существуютъ во всѣхъ европейскихъ государствахъ, даже въ тѣхъ гдѣ религія католическая есть господствующая. Эти ограниченія, находящіяся почти во всѣхъ конкордатахъ, предназначены для поставленія предѣловъ ду-

ховной юрисдикціи и прямымъ сношеніямъ съ Римскимъ дворомъ. Причина этихъ ограниченій заключается въ принадлежащей папскому престолу верховной свѣтской власти, такъ какъ ни одинъ государь не можетъ допустить чтобъ его подданные были подчинены власти иностраннаго государя.

Что же касается до учрежденій политическихъ, то опытъ уже показалъ къ какимъ результатамъ привели учрежденія которыя императоръ Александръ I даровалъ Царству Польскому.

Его Величество Императоръ Александръ II даровалъ своимъ подданнымъ Царства Польскаго представительныя и національныя учрежденія въ томъ объемѣ который, на основаніи опыта, онъ находилъ полезнымъ и удобнымъ, имѣя въ виду благоденствіе этой страны, общія начала своего правительства относительно прочихъ частей Имперіи и въ предѣлахъ своихъ международныхъ обязательствъ.

Эти либеральныя учрежденія не только не остановили возстанія, но были сигналомъ для его начала.

Рекрутскій наборъ, который выставляютъ причиной возмущенія, былъ только его послѣдствіемъ.

Обращающіяся къ Русскому правительству три державы имѣютъ достаточную возможность убѣдиться въ томъ что польское движеніе было давно возбуждаемо эмиграціей, что оно ожидало только благопріятнаго случая и что уже за два года до рекрутскаго набора все было подготовляемо ко взрыву. Мѣра рекрутскаго набора была не нарушеніемъ закона, а лишь примѣненіемъ прежняго обычая, который еще не былъ окончательно замѣненъ новымъ закономъ; эта мѣра имѣла лишь цѣлью противодѣйствіе происканъ и обезоруженіе ихъ: она могла послужить предлогомъ къ возстанію, но было бы неправильно утверждать, что она была его причиной.

III. Настоящую причину должно искать глубже, и она существовала уже гораздо ранѣе. Она заключается отчасти *въ томъ сочувствіи на которое теперь ссылаются и которое было обнаружено къ Полякамъ, хотя и съ осторожностью, въ Англіи, Франціи, Пруссіи, Италіи, Испаніи, Португаліи, Швеціи, Даніи, однимъ словомъ вездѣ гдѣ только существуетъ независимое управленіе.*

Хотя и нельзя не признать что эти заявленія были послѣдствіемъ весьма настойчивыхъ дипломатическихъ вліяній, и что благоразуміе и осторожность ихъ отличающія были со стороны нѣкоторыхъ правительствъ доведены до того что ихъ заявленія не переходили за границу общихъ человѣколюбивыхъ желаній и были сопровождаемы выраженіями довѣрія къ правительству Его Императорскаго Величества, тѣмъ не менѣе неоспоримо, что эти заявленія имѣли на Царство Польское вліяніе о которомъ нельзя не сожалѣть.

IV. Старались объяснить возстаніе различными причинами. Устанавливали различіе *между усиліями народа отстаивающаго свою народность, взывающаго къ самымъ возвышеннымъ человѣческимъ чувствамъ, къ идеямъ справедливости, патріотизма и религіи, и между безпорядочными пожеланіями болѣзненныхъ умовъ, стремящихся подкопать самыя основы общественнаго порядка.*

Съ другой стороны замѣчали что, *хотя въ борьбѣ участвуютъ только двѣ стороны, то-есть правительство старающееся усмирить возстаніе, и начальники возставшихъ, старающіеся развить мятежъ и распространить его, но что между этими сторонами находится всегда колеблющаяся масса, которая была бы вполнѣ довольна, еслибы лица и имущества были обезпечены справедливымъ и благотворнымъ управленіемъ.*

Если на польскихъ инсургентовъ, которые грабятъ, вѣшаютъ, убиваютъ, мучатъ, разоряютъ и терроризируютъ свое отечество, смотрѣть какъ на людей защищающихъ самыя священныя чувства человѣческаго сердца, любовь къ отечеству, народность и вѣру, то послѣ того было бы уже совершенно безполезно разсуждать объ идеяхъ права основанныхъ на трактатахъ. Тогда между правительствами имѣющими въ своихъ владѣніяхъ подданныхъ разныхъ племенъ и вѣроисповѣданій, и народами стремящимися освободиться отъ узъ созданныхъ исторіей и трактатами, всякій вопросъ пришлось бы разрѣшать лишь матеріальною силой. Тогда пришлось бы передѣлать карту всего міра во имя началъ совершенно новыхъ, ускользающихъ отъ положительной оцѣнки, потому что они еще не были испытаны въ примѣненіи.

Что же касается до дѣлаемаго различія между нарушителями общественнаго спокойствія и массами живущими мирнымъ трудомъ и исключительно консервативными, то это различіе совершенно основательно. Русское правительство именно разчитывало и продолжаетъ разчитывать на эту „огромную колеблющуюся массу" для приведенія Царства Польскаго къ условіямъ порядка и спокойствія, условіямъ необходимымъ для его благоденствія и для примѣненія полезныхъ преобразованій. Но даже и въ этомъ отношеніи усиліямъ правительства препятствовали внѣшнія вліянія.

Невозможно видѣть безъ удивленія что правительства которыя не могутъ быть заподозрѣны въ желаніи поощрять революцію поддерживаютъ дѣло, которое въ то же время поддерживается самыми несомнѣнными органами и самыми пламенными поборниками революціи; что правительства дорожащія сохраненіемъ основаннаго на трактатахъ 1815 года европейскаго равновѣсія и опирающіяся въ своемъ дипломатическомъ вмѣшательствѣ на текстъ этихъ трактатовъ, — оказываются поборниками того самаго дѣла которому служатъ польскіе инсургенты и вся партія всесвѣтной революціи открыто мечтающая о

возстановленіи независимой Польши въ предѣлахъ 1772 года и о всеобщемъ переворотѣ Европы,—что слѣдовательно эти правительства защищаютъ отрицаніе и разрушеніе того положенія дѣлъ которое установлено трактатами.

Эти неправильности неизбѣжно должны были смутить умы уже крайне напряженные и взволнованные пробужденіемъ воспоминаній о національной независимости, воспоминаній всего легче возбуждаемыхъ. Эти же неправильности содѣйствовали распространенію мечтаній о крестовомъ походѣ почти всѣхъ европейскихъ государствъ для достиженія цѣли діаметрально противоположной интересамъ и видамъ большинства этихъ государствъ.

Это-то именно заблужденіе и подѣйствовало на *огромную колеблющуюся массу*, имѣющую вездѣ отвращеніе отъ смутъ и составляющую ту здоровую и прочную среду на которой справедливое и просвѣщенное правительство можетъ основать благосостояніе страны посредствомъ обезпеченія безопасности лицъ и имуществъ.

Этой массѣ не неизвѣстно что подобнаго обезпеченія она можетъ ожидать лишь отъ правительственной власти, а отнюдь не отъ безпорядочныхъ властей оспаривающихъ другъ у друга право грабить и угнетать страну. За весьма немногими исключеніями, эта масса нигдѣ не содѣйствовала мятежу если не была къ тому принуждаема силой, казнями и устрашеніемъ. Она осталась и останется твердою опорой Русскаго правительства, не взирая на революціонное давленіе которое надъ ней тяготѣетъ.

Но въ этой же массѣ есть умы робкіе и легковѣрные, которые легко поддаются увлеченію и на которые неизбѣжно должны были оказать вліяніе возбужденіе извнѣ, подстреканія печати и въ особенности распространяемые толки о дипломатическомъ положеніи и намѣреніяхъ иностранныхъ державъ.

Возмутители Царства Польскаго конечно не пренебрегли этимъ средствомъ для увлеченія слабыхъ и колеблющихся, указывая имъ на предстоящее будто бы дѣятельное вмѣшательство иностранныхъ державъ въ пользу самыхъ крайнихъ ихъ притязаній. Съ одной стороны эти обольщенія, а съ другой—терроризмъ центральнаго комитета не отступающаго ни предъ какимъ преступленіемъ содѣйствовали усиленію рядовъ инсургентовъ и умноженію числа жертвъ.

Такимъ образомъ державы, сами того не желая, были доведены до того что дѣйствовали совершенно противъ той цѣли которую имѣли въ виду. Въ то самое время когда онѣ домогались отъ Русскаго правительства скораго умиротворенія Царства Польскаго, ихъ дипломатическое вмѣшательство, которое извращалось и употреблялось въ собственную пользу предводителями мятежа, стало главнымъ препятствіемъ къ возстановленію спокойствія, потому что это вмѣшательство благо-

пріятствовало попыткамъ лишить Русское правительство содѣйствія массы народа.

Слѣдовательно, вмѣсто того чтобъ утверждать, что *нравственная и матеріальная поддержка извнѣ имѣла бы мало вліянія на возстаніе, еслибы чувства всего народа не были столь враждебны Россіи*,—было бы болѣе справедливо признать что народное чувство не было бы вовлечено въ заблужденіе еслибъ инсургенты не извлекли нравственной поддержки изъ дипломатическаго вмѣшательства державъ.

Вліяніе этого вмѣшательства неоспоримо. На него ясно указываютъ тѣ перемѣны которыя происходятъ въ расположеніи умовъ въ Царствѣ смотря по тому поддерживаетъ ли или ослабляетъ надежды революціи ходъ дипломатическихъ сношеній. Оно еще яснѣе видно въ настоящее время когда массы народа, разочарованныя, утомленныя смутами, преступленіями и терроризмомъ центральнаго комитета, болѣе и болѣе выражаютъ свое отвращеніе къ этимъ врагамъ общественнаго спокойствія.

Итакъ, не подлежитъ сомнѣнію что задача волнующая Польшу, озабочивающая Россію и интересующая Европу, будетъ весьма близка къ разрѣшенію какъ только дѣйствія и слова державъ, желающихъ лишь блага Царству, мира и спокойствія Европѣ, примутъ такое направленіе которое убѣдитъ Поляковъ что державы не намѣрены благопріятствовать мечтѣ о возстановленіи великой независимой Польши, могущей осуществиться лишь вслѣдствіе раздробленія трехъ великихъ государствъ и путемъ всеобщаго европейскаго потрясенія;—что державы намѣрены сохранить порядокъ вещей основанный на трактатахъ, и что Поляки должны ожидать своего національнаго благоденствія лишь отъ своего неразрывнаго соединенія съ Россіей подъ скипетромъ справедливаго и благодушнаго Монарха, отъ примѣненія и правильнаго дѣйствія дарованныхъ имъ учрежденій, отъ постепеннаго ихъ развитія, которое Государь далъ предчувствовать и несомнѣннымъ залогомъ котораго служатъ всѣ дѣйствія Его царствованія и настоящее направленіе Его правительства и Его народа.

V. Было бы безполезно разсматривать вновь вопросы объ амнистіи и о прекращеніи военныхъ дѣйствій предложенные тремя дворами. *Утверждаютъ что прекращеніе военныхъ дѣйствій не было неудобоисполнимо, что великое государство не можетъ полагать свое достоинство въ продолженіи неравной борьбы; что самые непримиримые противники Россіи не посмѣли бы нарушить перемиріе, что эту мѣру стоило бы испытать на дѣлѣ и что она сдѣлала бы честь тѣмъ кто прибѣгнулъ бы къ ней; наконецъ что амнистія ограниченная политическими удобствами Русскаго правительства не могла бы произвесть должнаго впечатлѣнія на Поляковъ, какъ свидѣтельствуетъ послѣдняя амнистія оставшаяся недѣйствительною.* Достаточно ука-

зать что въ вопросахъ о достоинствѣ можно расходиться во мнѣніяхъ, но что каждое правительство должно быть само единственнымъ судьей въ дѣлѣ собственнаго достоинства. Еслибы даже польскіе инсургенты не нарушили перемирія, они навѣрное воспользовались бы имъ для пополненія своего вооруженія и для усовершенствованія своей организаціи.

Отвѣтственность каждаго правительства такъ велика что оно не можетъ вмѣнять себѣ въ честь производство опытовъ, которые повели бы только къ продолженію бѣдственной борьбы и къ пролитію драгоцѣнной крови.

Если амнистія добровольно дарованная Государемъ Императоромъ не подѣйствовала на расположеніе Поляковъ, то почему бы предложенная теперь амнистія была дѣйствительнѣе? Если только потому что она была бы предложена и гарантирована иностранными державами, то должно признать что Русское правительство было совершенно въ правѣ подчинить дарованіе этой амнистіи скорѣе своимъ собственнымъ удобствамъ чѣмъ удобствамъ иностранныхъ державъ.

VI. Что касается до конференціи, то утверждаютъ что *если Русское правительство признаетъ за державами подписавшими какой-либо трактатъ право толковать его, то оно должно признать за ними и право собираться для пользованія правомъ толкованія. Фактическая невозможность этого собранія въ случаѣ отказа Русскаго правительства въ немъ участвовать есть единственная уступка его свободѣ дѣйствія.*

Еслибы дѣло шло объ основныхъ измѣненіяхъ въ началахъ постановленныхъ въ Вѣнскомъ трактатѣ, то не подлежитъ сомнѣнію что этимъ долженъ былъ бы заняться конгрессъ. Но вопросъ заключался лишь въ примѣненіи этихъ началъ, и невозможно не признать что всякое разсужденіе по этому предмету затронуло бы самыя такъ-сказать домашнія подробности внутренняго управленія. Пришлось бы съ точностію обозначать свойства *національныхъ* учрежденій, способъ и степень представительства, кругъ и размѣръ дѣйствій представительныхъ собраній, избирательный цензъ и пр. и пр. Между тѣмъ нельзя представить себѣ ни вопросовъ болѣе щекотливыхъ, ни вмѣшательства болѣе прямаго. То правительство которое подчинилось бы подобному вмѣшательству на дѣлѣ отреклось бы отъ своей власти и передало бы ее конференціи.

Сдѣланное вмѣсто этого Русскимъ правительствомъ предложеніе о соглашеніи между тремя сосѣдственными дворами, результаты котораго были бы сообщены державамъ подписавшимъ трактатъ 1815 года,— кажется не было хорошо понято. Было выражено мнѣніе, будто *это предложеніе уклонялось отъ примѣра поданнаго въ 1815 году и что тогда державы не могли еще основывать свои права на этихъ*

самыхъ трактатахъ которые теперь служатъ исходною точкой для ихъ дипломатическихъ дѣйствій. Припомнили что *отдѣльные трактаты заключенные въ то время между тремя дворами касались только вопросовъ второстепенныхъ, торговли, судоходства, бечевниковъ* и пр., и пр., и что сверхъ того *постановленія этихъ отдѣльныхъ трактатовъ были окончательно включены въ общій актъ, какъ входящія въ его составъ и какъ имѣющія ту же силу и то же значеніе.* Наконецъ дали замѣтить что *Вѣнскій кабинетъ отвергъ всякое предварительное соглашеніе подобнаго рода, какъ противное его достоинству.*

Такъ какъ депеша г. австрійскаго министра иностранныхъ дѣлъ не содержитъ въ себѣ никакого намека на послѣдній пунктъ, то безполезно и возражать на него. Ему одному принадлежитъ право оцѣнивать то что̀ можетъ затрогивать достоинство его государства. Достовѣрно то что Императорскій кабинетъ, предлагая мысль о соглашеніи между тремя сосѣдственными дворами на основаніи историческихъ примѣровъ, не можетъ быть заподозрѣнъ въ желаніи нарушить чье-либо достоинство. Впрочемъ достаточно и того что Австрійское правительство признало подобное соглашеніе несовмѣстнымъ съ новыми связями въ которыя оно вступило.

Что же касается до сущности самаго вопроса, то Русское правительство имѣло единственною цѣлію напомнить объ установленномъ на Вѣнскомъ конгрессѣ различіи между началами общими, касающимися всей Европы, и вопросами внутренними принадлежащими къ исключительному вѣдѣнію сопредѣльныхъ государствъ. Государства владѣющія частями прежней Польши могли согласиться на извѣстныя уступки въ своихъ верховныхъ правахъ, вступая между собою въ переговоры съ цѣлію введенія нѣкотораго однообразія въ управленіи польскими областями на основаніи общихъ началъ постановленныхъ конгрессомъ, но государства эти никогда не согласились бы на передачу своихъ верховныхъ правъ Европѣ.

Это различіе прямо истекаетъ изъ постановленій 1815 года. Если въ то время отдѣльные договоры заключенные между тремя дворами касались только вопросовъ второстепенныхъ, торговли, судоходства, бечевниковъ и пр., то это произошло лишь оттого что только эти вопросы и требовали тогда разрѣшенія. Тѣмъ не менѣе должно замѣтить что эти второстепенные вопросы были не маловажны. Напримѣръ вопросы касавшіеся границъ имѣли весьма важное значеніе. Трактаты заключенные между тремя дворами въ 1818 и 1825 годахъ о таможняхъ, о выдачѣ дезертировъ и пр., имѣли до нѣкоторой степени значеніе и въ политическомъ отношеніи. Наконецъ трактаты заключенные между ними въ 1833 и потомъ въ 1846 годахъ касательно вольнаго государства Краковскаго были еще важнѣе. Однакоже всѣ эти трактаты

были заключены безъ участія державъ подписавшихъ окончательный актъ Вѣнскаго конгресса.

Это основное различие вполнѣ примѣняется и къ настоящему положенію. Нынѣ начала постановленыя общимъ Вѣнскимъ трактатомъ никѣмъ не оспариваются, потому что съ одной стороны три державы сдѣлавшія Россіи представленія о Польшѣ приняли за основаніе договоры 1815 года, а съ другой—Русскій кабинетъ заявилъ свое желаніе соблюсти эти договоры.

Слѣдовательно, дѣло идетъ только о примѣненіи этихъ постановленій, но при этомъ оно касается тѣхъ внутреннихъ и какъ бы домашнихъ вопросовъ въ которыхъ три сосѣдственныя державы всегда видѣли вопросы зависящіе отъ ихъ верховной власти и принадлежащіе исключительному ихъ вѣдѣнію.

Переходя въ заключеніе изъ области разсужденій на практическую почву на которой только и можетъ быть разрѣшена столь важная задача, мы получимъ слѣдующій выводъ.

Три двора желаютъ возвращенія Царства Польскаго къ условіямъ прочнаго мира. Это также составляетъ предметъ постоянныхъ и искреннихъ желаній Императора Всероссійскаго.

Три двора объявили что по ихъ мнѣнію средства къ достиженію этой цѣли должны заключаться въ предѣлахъ обязательствъ 1815 года. Императоръ Всероссійскій объявляетъ свою рѣшимость соблюсти эти обязательства въ полномъ ихъ объемѣ.

Для выполненія этихъ обязательствъ Его Величество даровалъ Польшѣ учрежденія основанныя на началахъ административной автономіи и избирательнаго представительства. Государь Императоръ сохраняетъ эти учрежденія и предоставляетъ себѣ придать имъ дальнѣйшее развитіе.

Съ своей стороны, три двора предложили какъ средство могущее содѣйствовать умиротворенію Царства Польскаго шесть пунктовъ, изъ которыхъ большая часть уже и нынѣ примѣнены въ Царствѣ, а другіе или подготовляются или совпадаютъ съ видами Императора Всероссійскаго и съ тѣмъ развитіемъ которое Онъ далъ предчувствовать.

Но въ то же время три двора думаютъ что примѣненіе этихъ видовъ должно было бы произойти немедленно и что оно обезпечило бы возстановленіе порядка и спокойствія въ Царствѣ.

Русское правительство, вслѣдствіе уже пріобрѣтенной опытности, полагаетъ что напротивъ эти мѣры не могутъ быть приводимы въ дѣйствіе во время вооруженнаго возстанія, что имъ должно предшествовать возстановленіе порядка, и что онѣ тогда только будутъ дѣйствительны когда будутъ непосредственно проистекать отъ верховной власти пользующейся вполнѣ своею силой и свободой, и внѣ всякаго иностраннаго дипломатическаго давленія.

Вотъ тѣ оттѣнки которые составляютъ различіе во мнѣніяхъ.

Но повидимому эти оттѣнки не такого свойства чтобы могли произвести важное несогласіе между кабинетами, а тѣмъ менѣе быть поводомъ къ нарушенію мира Европы.

Эти оттѣнки могли бы получить такое свойство лишь въ томъ случаѣ еслибы руководителямъ польскаго возстанія было дозволено развить очевидный ихъ планъ: съ одной стороны тяготить общественное мнѣніе Европы зрѣлищемъ борьбы, бѣдствія которой они стараются размножить и усилить,—и въ то же время поддерживая и распространяя смуты, лишить Русское правительство возможности принять и привести въ исполненіе мѣры нравственнаго умиротворенія, которыя столько же соотвѣтствовали бы его собственнымъ намѣреніямъ сколько желаніямъ кабинетовъ и требованіямъ общественнаго мнѣнія.

Ожидать подобной терпимости къ планамъ польскихъ революціонеровъ можно было бы лишь со стороны тѣхъ державъ которыя подъ видомъ дипломатическихъ сношеній и въ сферѣ международныхъ обязательствъ рѣшились бы искать осуществленія самыхъ крайнихъ желаній польской революціи, неразрывныхъ съ ниспроверженіемъ трактатовъ и европейскаго равновѣсія.

Но этой терпимости очевидно нельзя ожидать со стороны кабинетовъ которые дорожатъ соблюденіемъ этого равновѣсія и которые приняли въ основаніе своего вмѣшательства строгое исполненіе трактатовъ 1815 года.

XII.

передовая статья въ № 197 „московскихъ вѣдомостей“ (10 сентября).

Черта общая депешамъ трехъ европейскихъ дворовъ, предпринявшихъ дипломатическій походъ противъ насъ, есть та что послѣ рѣшительныхъ отвѣтовъ нашего правительства они прекращаютъ тѣ требованія съ которыми въ началѣ такъ шумно и грозно обратились къ Россіи. Они уже не настаиваютъ на неслыханномъ требованіи чтобы наше правительство заключило перемиріе съ какимъ-то подземнымъ комитетомъ, который дѣйствуетъ мятежомъ, грабежомъ и тайными убійствами и который возымѣлъ силу единственно потому что правительство, слѣдуя своимъ доброжелательнымъ видамъ относительно Польши, ступило на путь оказавшійся теперь такъ мало надежнымъ,—на тотъ путь по которому эти три двора, по

дружбѣ къ намъ, приглашаютъ его идти далѣе. Они не возобновляютъ и требованій своихъ о созваніи европейской конференціи для устройства Польши. Послѣ русскихъ отвѣтовъ, отвергшихъ всякое вмѣшательство, новыя депеши иностранныхъ державъ не имѣютъ уже никакого значенія: это выстрѣлы холостымъ зарядомъ. Отказываясь отъ всякаго дѣятельнаго вмѣшательства въ чужія дѣла, три двора, каждый со своей точки зрѣнія, стараются только оправдать свои побужденія и свой взглядъ на вещи. Послѣднія депеши Австріи, Англіи и Франціи имѣютъ характеръ болѣе оборонительный нежели наступательный; онѣ не нападаютъ, а защищаются и оправдываются: вотъ результатъ того рѣшительнаго и исполненнаго достоинства тона который былъ принятъ нашимъ правительствомъ. Всѣ три депеши оканчиваются одинаково: прекращая объясненія, которыя не повели ни къ чему и не успѣли наложить на Россію никакихъ обязательствъ, депеши заявляютъ фактъ, ясный безо всякихъ заявленій, именно тотъ что отъ Россіи зависитъ благопріятный или неблагопріятный исходъ ея собственныхъ затрудненій. Всѣ три кабинета естественно полагаютъ что указанный ими Россіи путь есть наилучшій, и что если Россія этимъ путемъ не пойдетъ, то подвергнетъ себя серіознымъ послѣдствіямъ «которыя могутъ повлечь за собою продолженіе безпорядковъ въ Польшѣ». Нѣтъ никакого сомнѣнія что послѣдствія для Россіи будутъ тѣмъ неблагопріятнѣе чѣмъ болѣе будутъ длиться эти безпорядки. Безпорядки должны быть прекращены во что̀ бы то ни стало: со справедливостію этой мысли нельзя не согласиться; но отъ Россіи, единственно отъ самой Россіи, зависитъ это прекращеніе, и это-то признано наконецъ нашими противниками.

Однако, при общемъ заключеніи и при одинаковой такъ-сказать юридической силѣ или безсиліи этихъ депешъ, онѣ разнятся между собою въ нѣкоторыхъ очень интересныхъ чертахъ, характеризующихъ положеніе каждаго изъ трехъ дворовъ по отношенію къ Россіи и польскому дѣлу. По тону и взгляду, несмотря на рѣзкость нѣкоторыхъ выраженій, менѣе неблагопріятны депеши австрійская и англійская; что же

касается французской то въ ней, какъ и слѣдовало ожидать отъ французской политики по польскому вопросу, господствуетъ воззрѣніе коренным образомъ непріязненное и лукавое. Австрійская и англійская депеши, указывая на безпорядки, въ то же время указываютъ на большинство населенія которое называютъ онѣ колеблющимся (floating), совѣтуя Русскому правительству имѣть преимущественно въ виду этотъ нейтральный, средній элементъ, расположить его въ свою пользу и опереться на него. Каковы бы ни были мѣры предлагаемыя этими обоими дворами для того чтобы Русское правительство могло привлечь къ себѣ и утвердить за собою этотъ колеблющійся элементъ въ Царствѣ Польскомъ, интересно то что обѣ державы настолько вѣрно понимаютъ и оцѣниваютъ положеніе дѣлъ что не считаютъ польскаго мятежа какимъ-либо всеобщимъ возстаніемъ, обнимающимъ собою всѣ классы населенія, а видятъ въ немъ дѣйствительно то что̀ видятъ и люди находящіеся на мѣстѣ, то-есть, всевозможные элементы безпорядка возбужденные въ странѣ и привлеченные въ нее особыми обстоятельствами, въ какихъ страна эта находится. Оба двора болѣе или менѣе ошибаются въ объясненіи причинъ и способовъ которые должны быть приняты; но важны не объясненія и указанія, а заявленіе того факта что Русское правительство въ Польшѣ борется съ элементами дурными, и что для подавленія этихъ элементовъ, столько же враждебныхъ Русскому правительству сколько и населеніямъ польскаго края, необходимо такъ или иначе дѣйствовать для привлеченія къ себѣ лучшихъ элементовъ, не причастныхъ мятежу и поневолѣ колеблющихся между законною властью и властью подземнаго комитета. Таковъ основной взглядъ Австрійскаго и Англійскаго кабинетовъ на событія происходящія въ Польшѣ. Съ ними стало-быть поладить не трудно. При такомъ взглядѣ эти державы должны были бы вполнѣ удовольствоваться, еслибы Русское правительство благоразумными, энергическими, хорошо разчитанными мѣрами успѣло оградить мирныя населенія отъ насилій и устрашеній революціи, успокоило бы ихъ, подавило бы мятежъ, вырвало бы

его корни и вмѣстѣ съ тѣмъ даровало бы странѣ миръ, спокойствіе и благосостояніе. Не такъ смотритъ на дѣло французская политика. Ея цѣль состоитъ не въ томъ чтобы привести дѣло къ какому-нибудь окончательному результату въ которомъ былъ бы удовлетворительно разрѣшенъ затруднявшій Европу вопросъ. Французская политика желаетъ чтобы революціонный зажигательный вопросъ принялъ сколько возможно бóльшіе размѣры, а потому и интересъ ея состоитъ въ томъ чтобы преувеличивать значеніе возстанія. Главныя силы управляющія этимъ движеніемъ находятся въ самомъ Парижѣ. Планы двигателей извѣстны: имъ не нужны какія-либо улучшенія въ управленіи польскимъ краемъ,—имъ нужно невозможное, и Польскій вопросъ въ этомъ смыслѣ принадлежитъ къ кругу тѣхъ политическихъ идей которыя составляютъ арсеналъ французской политики. Вотъ почему французскій министръ иностранныхъ дѣлъ особенно старается выставить на видъ національный, всеобщій характеръ польскаго востанія. Онъ не допускаетъ никакого средняго или колеблющагося элемента въ населеніи Царства Польскаго. По возрѣнію французскаго двора, возстаніе будто пожаръ охватило всѣ сословія польскаго народонаселенія сверху до низу. На это особенно напираетъ французская дипломатія; въ этомъ заключается главнѣйшій доводъ ея.

Характеръ народный имѣетъ общественное движеніе только когда въ немъ безразлично сливаются всѣ состоянія, всѣ классы, высшіе и низшіе, городскіе и сельскіе, люди образованные и необразованные. Только при такомъ полномъ и безразличномъ сліяніи всѣхъ въ одно обнаруживается народная сила. Особенно характеристическимъ признакомъ въ этомъ отношеніи служитъ энергическое участіе простонародныхъ и притомъ сельскихъ массъ. Если движеніе ограничивается образованными элементами общества, его высшими классами, то оно никогда не можетъ имѣть чисто народнаго характера, изъ какихъ бы источниковъ оно ни происходило, къ чему бы оно ни стремилось, какъ бы ни было оно уважительно, какія бы силы въ немъ ни дѣйствовали;

оно будетъ все что̀ хотите, только не народное движенiе; въ немъ будетъ своя какая-нибудь общественная или политическая идея которая и сообщитъ ему характеръ и дастъ ему имя. Но коль скоро движенiе съ равною силой идетъ отъ общественныхъ вершинъ до послѣднихъ основанiй, захватывая равно ученаго и неуча, знатнаго барина и крестьянина, богатаго капиталиста и оборвыша, и притомъ иногда такъ, что чѣмъ глубже проникаетъ оно, тѣмъ становится горячѣе, то тутъ уже дѣйствуетъ простая, безпримѣсная, народная сила, и движенiе безспорно имѣетъ характеръ народный. Таково, напримѣръ, было народное движенiе у насъ въ 1612 году, когда Поляки сидѣли въ московскомъ Кремлѣ, а польскiй король чествовалъ себя царемъ Русской Земли, и когда по всей тогдашней Руси, бѣдной, растерзанной, безо всякой организацiи, безъ правительства, безъ администрацiи, безъ путей сообщенiя, безъ телеграфовъ, безъ типографскихъ станковъ, безъ орсинiевскихъ бомбъ, безъ жандармовъ-вѣшателей и другихъ новѣйшихъ удобствъ, прошелъ одинъ кличъ, и все поднялось на ноги, и все пошло никѣмъ не гонимое, уливая путь своею кровiю и устилая его своими костями, и до тѣхъ поръ не успокоилось пока Москва не была выручена и Русская Земля не была спасена. Вотъ это—народное движенiе, и какъ бы оно ни было просто, или пожалуй грубо, оно есть то что́ есть,—оно есть движенiе народное. Могутъ дѣйствовать и собирать людей разныя силы, болѣе или менѣе уважительныя, но народная сила есть особая сила, и характеръ ея нельзя смѣшивать ни съ чѣмъ другимъ. Но французскому министру нѣтъ нужды добираться до корней. Характеръ народности который онъ приписываетъ возстанiю, не только вопреки Русскому правительству, но и вопреки мнѣнiю другихъ державъ, служитъ только выраженiемъ исключительно французской политики по этому вопросу. Съ той же точки зрѣнiя она приписываетъ польскому движенiю нацiональность даже и въ западныхъ губернiяхъ, куда и мѣтитъ г. Друэнъ-де-Люисъ въ особой запискѣ, приложенной имъ къ депешѣ. Оба другiе кабинета намекаютъ также о западномъ краѣ; но ихъ цѣли очевидно

другія, и графъ Рехбергъ ссылаясь на Галицію клонитъ рѣчь конечно не въ сторону польскихъ притязаній. Вообще оба двора, Австрійскій и Англійскій, не прочь досадить намъ, не прочь надѣлать намъ побольше затрудненій, но они и въ мысляхъ не имѣютъ удовлетворенія польскихъ притязаній.

Вообще, мы ясно видимъ теперь отъ какихъ опасностей избавилъ насъ энергическій и рѣшительный тонъ принятый нашимъ правительствомъ. Малѣйшая уступка имѣла бы своимъ послѣдствіемъ не сближеніе и соглашеніе, а новыя, несравненно болѣе горячія и опасныя объясненія. При первой уступкѣ нашей относительно Царства Польскаго, державы замышлявшія какъ-нибудь разстроить Россію не преминули бы дать дальнѣйшій ходъ своему назойливому вмѣшательству.

Вся сила нынѣшнихъ отвѣтныхъ депешъ нашего правительства заключается именно въ томъ что онѣ не пускаются ни въ какія объясненія. Всякій доводъ могъ бы только ослабить ихъ значеніе. Все кончено послѣ этихъ немногихъ, краткихъ и выразительныхъ словъ. Никакое новое дипломатическое нашествіе на насъ, никакая новая мистификація теперь уже не возможны. Искусственное и фальшивое соединеніе трехъ державъ потеряло всякую силу. Отнынѣ Россія вышла на широкій и прямой путь, и наше правительство можетъ дѣйствовать у себя внутри совершенно свободно, не развлекаясь и не затрудняясь посторонними соображеніями. Заключительныя слова, одинаковыя во всѣхъ трехъ депешахъ князя Горчакова, окончательно пресѣкаютъ путь дальнѣйшему вмѣшательству въ наши дѣла и вполнѣ возстановляютъ оскорбленное достоинство Россіи. Этими словами сказано все, и все что̀ отнынѣ будетъ совершено Русскимъ правительствомъ по чувству того священнаго долга, который верховная власть возложила на себя «предъ Богомъ, предъ своею совѣстію и предъ своимъ народомъ», будетъ свободно отъ искажающихъ вліяній, и только то что̀ выйдетъ изъ этого источника, при полной свободѣ отъ всякихъ понужденій и такъ-называемыхъ дружескихъ совѣтовъ, послужитъ ко благу. Чѣмъ независимѣе ото всякихъ вліяній это чувство высшаго долга,

чѣмъ менѣе примѣшивается къ нему какое-либо постороннее соображеніе, тѣмъ сильнѣе, тѣмъ безопаснѣе мы будемъ, и тѣмъ лучше пойдутъ наши дѣла.

Итакъ, главная сила нашихъ отвѣтныхъ депешъ, какъ замѣчено выше, есть та что въ нихъ нѣтъ никакихъ объясненій. Справедливы или несправедливы мнѣнія иностранныхъ дворовъ, во всякомъ случаѣ Россія отвергаетъ ихъ совѣты, не давая никому права вмѣшиваться въ ея дѣла. Даже самое рѣшительное возраженіе на мнѣнія иностранныхъ дворовъ послужило бы только подтвержденіемъ за ними права продолжать или начать снова дипломатическое объясненіе. Однако князь Горчаковъ не хотѣлъ и оставить безъ возраженія высказанныя тремя кабинетами мнѣнія, и этому возраженію посвящена особая записка, не имѣющая офиціальнаго характера, и сообщенная нашимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ въ видѣ руководства дипломатическимъ представителямъ Россіи при дворахъ: Англійскомъ, Австрійскомъ и Французскомъ. Эта записка не оставляетъ безъ вниманія ни одной подробности дѣла, ни одного довода безъ полнаго и рѣшительнаго опроверженія. Въ этомъ меморандумѣ пройденъ весь поднятый вопросъ, и всѣ сужденія имъ вызванныя подвергнуты тонкому анализу. Если самыя депеши устраняются ото всякихъ объясненій, то этотъ дополнительный документъ, не имѣющій офиціальнаго значенія, напротивъ не упускаетъ изъ виду ни одной подробности дѣла и беретъ его во всей его широтѣ. Кромѣ своего дѣловаго значенія, документъ этотъ важенъ какъ превосходная характеристика поднятаго вопроса. Надобно надѣяться что онъ будетъ имѣть благотворное вліяніе на общественное мнѣніе для котораго онъ собственно и предназначается, какъ видно изъ сопровождающей его депеши.

XIII.

ПЕРЕДОВАЯ СТАТЬЯ ВЪ № 198 „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“ (11-ГО СЕНТЯБРЯ).

Мы только-что получили нѣсколько подробностей о покушеніи на жизнь графа Берга и передаемъ ихъ ниже въ ожиданіи дальнѣйшихъ извѣстій. Это покушеніе есть конечно главное событіе въ Царствѣ Польскомъ за послѣднее время. Мятежники принялись за военныхъ и начали съ начальника войскъ. Покушеніе по счастію не удалось. Но на Русскихъ въ Варшавѣ оно не могло не произвести сильнѣйшаго впечатлѣнія; раздраженіе войскъ и самихъ начальствъ военныхъ можетъ дойти до крайнихъ предѣловъ; жители Варшавы очень могутъ пожалѣть что военное положеніе не соблюдалось тамъ до сихъ поръ во всей строгости. Гдѣ нуженъ строгій порядокъ и гдѣ вмѣсто того допускаются послабленія, тамъ неизбѣжны взрывы которые обходятся тяжелѣ чѣмъ самый строгій но все-таки правильный и законный порядокъ.

Въ объясненіе этого злодѣйскаго покушенія замѣтимъ что графъ Бергъ въ короткое время успѣлъ уже издать нѣсколько строгихъ постановленій относительно сбора податей съ варшавскихъ обывателей, относительно найма дворниковъ и содержанія домовыхъ воротъ днемъ и ночью запертыми на ключъ, наконецъ относительно исполненія нѣкоторыхъ правилъ военнаго положенія.

Для исполненія всѣхъ этихъ распоряженій даны были сроки; для найма дворниковъ семидневный. Семидневные сроки въ такое время когда каждый день приноситъ съ собою извѣстія о нѣсколькихъ убійствахъ! Жондъ воспользовался этимъ временемъ для умерщвленія чиновника написавшаго проектъ найма дворниковъ и запиранія воротъ,—мѣръ очень ненавистныхъ ему. Проектъ былъ написанъ начальникомъ отдѣленія въ управленіи варшавскаго оберъ-полицеймейстера, мирзою Туганъ-Барановскимъ, изъ Татаръ Августовской губерніи. Онъ принадлежалъ къ числу образованнѣйшихъ и преданнѣйшихъ правительству чиновниковъ; такихъ уже болѣе въ полицей-

скомъ управленіи едва ли найдется. Въ убійствѣ Туганъ-Барановскаго наиболѣе виновато само его начальство. Какимъ образомъ погибъ Барановскій? Онъ то и дѣло просилъ у оберъ-полицеймейстера квартиры, просилъ какой бы то ни было квартиры въ казенномъ охраняемомъ зданіи, хотя онъ былъ женатъ и имѣлъ восемь человѣкъ дѣтей. Но въ квартирѣ ему рѣшительно было отказано. Барановскій просилъ полицейской охраны, ему обѣщали дать эту охрану лишь по приведеніи въ исполненіе новаго положенія о полиціи. А между тѣмъ есть полицейскіе чиновники которые получили большія квартиры въ зданіяхъ занимаемыхъ «циркулами». Барановскій узналъ что ему угрожаютъ убійствомъ за проектъ, и видя себя оставленнымъ властію, просилъ возвратить ему обратно его рукопись, но она затерялась. 31 августа Барановскій предъ своими друзьями выражалъ опасеніе что подвергнется мести за проектъ. 1 сентября, въ воскресенье, какой-то незнакомецъ предостерегалъ его что своимъ проектомъ онъ подписалъ себѣ смертный приговоръ. Въ понедѣльникъ утромъ какой-то ремесленникъ бросился за нимъ въ чуланъ, но Барановскій захлопнулъ дверь и погрозилъ револьверомъ; незнакомецъ бѣжалъ. Барановскій отправился къ генералу Левшину и снова просилъ о квартирѣ и поліціантѣ для охраны. Но въ квартирѣ ему было опять отказано, а къ вечеру былъ къ нему присланъ одинъ изъ вновь-назначенныхъ въ полицію солдатъ, человѣкъ неопытный и нерасторопный. Въ семь часовъ вечера вошелъ къ Барановскому какой-то поліціантъ, за нимъ еще человѣкъ пять-шесть; солдатъ ни слова имъ не сказалъ и продолжалъ себѣ стоять у воротъ, а потомъ услышавъ у Барановскаго шумъ поспѣшилъ въ циркулъ. Но когда пришли изъ циркула, то на мѣстѣ никого уже не оказалось кромѣ убитаго Барановскаго и израненыхъ его жены и семнадцатилѣтней дочери. Въ этотъ промежутокъ времени успѣла произойти слѣдующая ужасная сцена: полицейскій «дозорца» Яросинскій постучался къ Барановскому и сказалъ вышедшей къ нему женѣ что присланъ отъ оберъ-полицеймейстера. Гжа Барановская, хорошо знавшая Яросинскаго,

пошла за мужемъ въ его кабинетъ. Мужъ не хотѣлъ было выходить, но жена успокоила его, сказавъ что пришелъ именно тотъ самый «дозорца» который постоянно ходилъ къ нимъ. Барановскій вышелъ, Яросинскій во мгновеніе подскочилъ къ нему и поразилъ его кинжаломъ въ самое сердце. Жена и дочь бросились на помощь; но злодѣй выхватилъ палашъ, рубнулъ одну и другую и спокойно вышелъ къ товарищамъ которые ждали его въ корридорѣ, и потому никѣмъ кромѣ солдата не могли быть замѣчены. Барановскій умеръ на мѣстѣ; жена его и на другой день не могла быть приведена въ чувство; воспоминаніе о катастрофѣ, мысль о томъ что она вызвала мужа на смерть, убиваетъ ее и сомнѣваются чтобъ она пережила ударъ.

Въ донесеніи оберъ-полицеймейстера объ этомъ происшествіи сказано что убійство совершилъ «неизвѣстный человѣкъ одѣтый въ полицейское платье», и что если это дѣйствительно былъ Яросинскій, то онъ «есть отставной» полицейскій служитель.

Итакъ вотъ что̀ значитъ народное возстаніе въ Польшѣ!...

Вотъ уже семь жертвъ изъ управленія оберъ-полицеймейстера: 1) коммиссаръ Дроздовичъ (выздоровѣвшій), 2) дозорца Бялый, 3) дозорца Блоу, и чиновники: 4) Рихтеръ (выздоровѣвшій), 5) Скавронскій, 6) Боссакевичъ и 7) Барановскій. Это доказываетъ конечно что полиція начала дѣйствовать. Но пора подумать и о томъ чтобы не перебили остальныхъ; иначе придется оберъ-полицеймейстеру остаться безъ чиновниковъ или предаться вполнѣ въ руки тѣхъ сомнительныхъ чиновниковъ которые теперь еще служатъ въ его канцеляріи. Несомнѣнные факты наводятъ на предположеніе что при оберъ-полицеймейстерѣ есть лица знающія родъ занятій его чиновниковъ и передающія свои свѣдѣнія той разбойничьей шайкѣ которая называется «жондъ народовый». Пока лица занимающія важные посты начальника варшавскаго военнаго отдѣла и варшавскаго оберъ-полицеймейстера не будутъ соотвѣтствовать положенію дѣлъ и занимаемому мѣсту, до тѣхъ поръ перерѣжутъ всѣхъ вѣрныхъ законному правительству

чиновниковъ на ихъ квартирахъ, и перерѣжутъ полицейскіе служители самого правительства.

Убійство Барановскаго произвело сильнѣйшее впечатлѣніе не только на русскую но и на польскую публику. Есть даже свѣдѣніе что въ народномъ жондѣ сказали: «Полно ужь убивать польскихъ *гицлей*, пора приняться за московскихъ: теперь ихъ очередь». И въ самомъ дѣлѣ очень можетъ быть что въ Варшавѣ начнется рядъ покушеній на Русскихъ. Конечно русскіе офицеры не покинутъ своихъ постовъ, однакожь имъ не можетъ не быть горько на сердцѣ когда они враговъ и убійцъ, отъ которыхъ должны оберегать жителей, могутъ подозрѣвать въ рядахъ служителей администраціи носящей титулъ законной.

Кромѣ того, непріятное впечатлѣніе производитъ на русскую публику въ Варшавѣ сборъ податей производимый въ этомъ городѣ. Жондъ народовый, въ виду правительственнаго распоряженія о сборѣ податей экзекуціоннымъ порядкомъ, издалъ 31-го августа прокламацію къ жителямъ Царства въ которой сказано что плата Москвѣ податей тогда только извинительна когда она вынуждена «разбойничьимъ» нападеніемъ войскъ на домъ, но и тогда отнюдь не должна считаться взносомъ податей, а простымъ грабежемъ которому сопротивляться нѣтъ возможности. За добровольную же уплату податей каждый виновный по мѣрѣ преступленія будетъ подвергнутъ: а) денежному штрафу въ двойномъ противъ уплаченной суммы размѣрѣ; б) тому же штрафу и публичному позору; в) тому же и лишенію правъ состоянія; г) тому же и изгнанію изъ края. Такое распоряженіе «жонда» не вызвало никакихъ дополнительныхъ мѣръ со стороны правительства, и вотъ Русскимъ въ Варшавѣ приходится присутствовать при зрѣлищѣ какъ народъ стоитъ на улицѣ и смотритъ насмѣшливо на офицера который ходитъ съ солдатами изъ дома въ домъ и разставляетъ солдатъ по комнатамъ и магазинамъ. Правда владѣльцы домовъ и заведеній не заставляютъ долго просить себя о податяхъ; напротивъ они сидятъ въ готовности съ отсчитанными деньгами и ждутъ секвестратора для врученія ему

слѣдуемой суммы. Но неужели такимъ порядкомъ придется собирать подати съ 3.000 домовъ и нѣсколькихъ десятковъ тысячъ заведеній? Неужели плательщикъ податей правъ вручивъ подати лишь тогда когда къ нему ввалилась толпа солдатъ? Неужели наказаніе плательщика будетъ состоять только въ пятіалтынномъ на солдата за то что онъ вызвалъ экзекуцію и не оказалъ должнаго повиновенія закону? Странное, удивительное положеніе дѣлъ! «Жондъ» собираетъ подати страхомъ своего имени, и дѣйствительно распоряжается полновластно и диктаторски посредствомъ самихъ же чиновниковъ законнаго правительства; «жондъ» нещадно казнитъ ослушниковъ иногда посредствомъ служителей законнаго правительства; а законное правительство должно прибѣгать къ такимъ мѣрамъ которыя только роняютъ его значеніе и соотвѣтствуютъ именно тѣмъ видамъ которые высказаны «жондомъ» въ его прокламаціи! Кажется было бы необходимо заставить жителей приносить подати безъ экзекуціи, заставить страхомъ тѣхъ взысканій которыя разрѣшено употреблять въ томъ случаѣ когда владѣлецъ не уплачиваетъ податей при экзекуціи. Лучше совсѣмъ очистить край чѣмъ водворять такой порядокъ при которомъ придется посылать роту солдатъ для наблюденія за каждымъ жителемъ въ исполненіи его законныхъ обязанностей. 3-го сентября собрали подати только съ одной части Сенаторской улицы.

Есть слухъ что по случаю сбора податей экзекуціоннымъ порядкомъ президентъ города Варшавы графъ Сигизмундъ Велёпольскій получилъ письмо отъ «жонда» съ угрозою смерти. Это письмо послужило для президента города Варшавы поводомъ просить графа Берга объ увольненіи его отъ этого званія. Но истинная причина отставки графа Сигизмунда по всему вѣроятію иная. Велёпольскій сынъ достаточно смѣлъ чтобы не очень бояться угрозъ «жонда», но онъ особенно привержень къ той программѣ которую проводилъ его отецъ и первымъ условіемъ которой было назначеніе въ Варшаву намѣстника изъ Царскаго Дома.

Съ отъѣздомъ Великаго Князя сошелъ со сцены и статсъ-

секретарь совѣта управленія Юліанъ Энохъ. 31 августа онъ уѣхалъ за границу. Съ отъѣздомъ г. Эноха личный составъ гражданскаго управленія бывшій при маркизѣ Велёпольскомъ совершенно измѣнился. Если еще можно сказать что-либо благопріятное о смѣлой дѣятельности графовъ Велёпольскихъ, отца и сына, то едва ли что̀ можно привести въ пользу дѣятельности г. Эноха. Вся его изворотливость и ловкость носитъ на себѣ такой характеръ что его не помянетъ добромъ и партія Велёпольскихъ, не говоря уже о Русскихъ.

Должности увольняемыхъ теперь лицъ весьма важны, и надобно отдать справедливость что по своимъ способностямъ выбывшія лица соотвѣтствовали должностямъ. Теперь въ замѣнъ выбывшихъ предстоитъ задача найти такихъ людей которые бы годились на открывающіяся вакансіи. Надобно желать чтобы новыя должностныя лица были внѣ всякаго сомнѣнія относительно своей политической честности (это самое главное, и малѣйшая тѣнь сомнѣнія можетъ повредить дѣлу) и чтобъ они прониклись убѣжденіемъ въ необходимости энергической дѣятельности, пользующейся всѣми законными средствами для водворенія порядка и прекращенія террора. Военное положеніе даетъ имъ громадныя средства, но чтобъ употреблять эти средства не выходя изъ предѣловъ законности, нужна неусыпная бдительность. Иногда бываетъ нужно показывать грозные примѣры, но вѣрнѣе и полезнѣе дѣйствовать ровно и вмѣстѣ непреклонно, безъ вспышекъ и обыкновенно слѣдующаго за ними упадка силъ. Кто сознаетъ отвѣтственность лежащаго на немъ серіознаго дѣла, тотъ не можетъ ни на минуту ослаблять свою дѣятельность, а кто ежеминутно исполняетъ свой долгъ тотъ не можетъ нуждаться ни въ какихъ средствахъ кромѣ законныхъ. Мы желаемъ новымъ варшавскимъ должностнымъ лицамъ того искусства которое умѣетъ найти средину между бездѣйствіемъ и превышеніемъ власти. Администраторы обладающіе такимъ искусствомъ непобѣдимы.

Въ заключеніе упомянемъ что 6-го сентября н. ст. появился въ Варшавѣ листокъ подпольнаго изданія *Wiadomości*

Polityczne, въ которомъ между прочимъ приведена выдержка изъ передовой статьи № 167 *Московскихъ Вѣдомостей*. Варшавская официіальная газета упорно держится правила вовсе не знакомить польской публики съ настроеніемъ умовъ въ Россіи. Это очень жаль и ужь конечно нисколько не улучшаетъ положенія власти въ Варшавѣ. Но шила въ мѣшкѣ не утаишь, и вотъ упомянутая нами подземная газетка восполняетъ пробѣлъ. Она сообщаетъ читателямъ что въ то время когда весь цивилизованный міръ клеймитъ изверга Муравьева и его правленіе, *Московскія Вѣдомости* восхищаются тѣмъ результатомъ который по ихъ мнѣнію достигнутъ звѣрскимъ варварствомъ Муравьева и говорятъ за перенесеніе подобной политики въ Царство Польское. Но подземная газета приводитъ наши слова со значительными пропусками, очевидно на основаніи *цензурныхъ соображеній*. Любопытно видѣть что̀ вычеркиваетъ цензура «народнаго жонда». Чтобы позабавить читателей, мы перепечатываемъ сполна то мѣсто изъ нашей передовой статьи которое подверглось урѣзкамъ революціонной цензуры. Тѣ слова нашей статьи которыя выпущены варшавскою подземною газеткой мы печатаемъ курсивомъ.

«Ничтожество элементовъ поддерживающихъ мятежъ въ Царствѣ Польскомъ не подлежитъ сомнѣнію. Съ ними легче справиться чѣмъ съ литовскимъ возстаніемъ которое *(опиралось на Царство и)* почерпало силы въ энергіи литовскихъ Поляковъ. *(Этой энергіи)*, какъ всѣмъ извѣстно, *(вовсе не имѣютъ)* Поляки Царства *(которые)* славятся (*между своими литовскими соплеменниками)* только хвастливостью и задоромъ. Между тѣмъ революція подавлена въ Литвѣ съ меньшими *(военными)* силами *(чѣмъ тѣ которыя находятся въ распоряженіи варшавскаго правительства, и прибавимъ съ меньшимъ кровопролитіемъ и даже съ меньшими казнями, и всѣмъ этимъ Литва обязана тому что*) генералъ Муравьевъ (*захотѣлъ и)* сумѣлъ освободить ее отъ террора. Онъ не побоялся крика клеветниковъ; онъ не оробѣлъ предъ угрозами что *(дѣйствуя согласно своему долгу предъ Государемъ и Отечествомъ)* онъ навлечетъ проклятіе на свое

имя и европейскую войну на Россію, и никто не оказалъ такихъ услугъ дѣлу европейскаго мира, и никто теперь не поставилъ такъ высоко свое имя какъ генералъ Муравьевъ вырвавшій Литву изъ когтей революціи и отнявшій у польскаго мятежа его главную цѣль. Неужели (*и теперь, послѣ того какъ блистательно оправдалась политика генерала Муравьева,)* варшавская автономія не подчинится ей? Неужели тамошняя администрація будетъ ждать той минуты когда придется бомбардировать Варшаву? *(Краснымъ это можетъ-быть желательно, но этого не можетъ желать ни Россія, ни Польша и этого конечно не одобрятъ европейскіе миротворцы.)*»

Приведя эту выписку съ означенными урѣзками, *Wiadomości Polityczne* восклицаютъ:

«Статья не требуетъ комментарій; слѣдуетъ только указать что редакторы *Московскихъ Вѣдомостей* считаются за просвѣщеннѣйшихъ представителей европейской цивилизаціи въ Россіи. Что̀ же сказать объ остальномъ народѣ?»

Варшавская газетка оскорбляется тѣмъ что въ Москвѣ читаютъ только рапорты генерала Муравьева, а не *Вѣдомости съ поля битвы* и другія народныя газеты. Но изъ того же № 167 *Московскихъ Вѣдомостей* подземные писатели могли бы узнать что въ Москвѣ не мало удивляются и той образцовой лжи которая появляется на страницахъ варшавской подземной печати. На насъ лежитъ къ сожалѣнію обязанность читать не только рапорты генерала Муравьева, но и ту нахальную дребедень которою позоритъ себя такъ-называемая польская *народная справа*. Мы можетъ-быть высказывались бы объ этой *справѣ* менѣе презрительно еслибы вся эта дребедень, свидѣтельствующая о ничтожествѣ вождей возстанія, не доходила до насъ.

XIV.

ПЕРЕДОВАЯ СТАТЬЯ ВЪ № 199 „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“ (12-ГО СЕНТЯБРЯ).

Перечитывая депеши трехъ державъ, нельзя не подивиться тому какъ быстро и рѣшительно измѣнилось въ Европѣ обще-

ственное мнѣніе по польскому вопросу: съ небольшимъ мѣсяцъ прошелъ съ тѣхъ поръ какъ были написаны эти депеши, а между тѣмъ ихъ теперь даже странно видѣть на страницахъ журналовъ; такъ онѣ устарѣли по своему тону, такъ онѣ похожи на историческій документъ относящійся къ давнопрошедшему времени. Но еще удивительнѣе въ этихъ депешахъ коренное разногласіе между собой трехъ державъ предпринявшихъ общую дипломатическую интервенцію. Это уже не дипломатическое нападеніе на Россію дѣлаемое общими силами: пора согласія, хотя и прежде условнаго и двусмысленнаго, миновала. Теперь три державы какъ бы другъ предъ другомъ хлопочутъ о томъ, какъ бы осязательнѣе заявить предъ Россіей совершенное различіе своихъ взглядовъ. Теперь онѣ могли сойтись только въ одномъ, что̀ разумѣлось само собой: отвѣтственность за образъ дѣйствій Россіи лежитъ не на трехъ державахъ, а на Россіи. Но помимо этой непреложной истины, и помимо обязательной защиты прежнихъ предложеній, три державы не могутъ согласиться между собой ни по одному существенному пункту польскаго вопроса. Зачѣмъ, казалось бы, заявлять это разногласіе? Развѣ нельзя было удовольствоваться заявленіемъ того что̀ могло быть сказано сообща? Видно, державы очень интересовались случаемъ завести между собой полемику по польскому вопросу, когда онѣ безъ всякой нужды стараются отличиться другъ предъ другомъ возможно явственнымъ выраженіемъ своего разногласія.

Французская депеша рѣзко отдѣляется отъ другихъ двухъ; о ней нечего и говорить. Австрійская и англійская на первый взглядъ кажутся очень сходными. Кромѣ общаго тремъ депешамъ заключенія, въ нихъ есть нѣсколько мѣстъ выраженныхъ одними и тѣми же словами. Но наружность обманчива: по внимательномъ разсмотрѣніи окажется что даже и Австрія съ Англіей не могли сойтись въ самыхъ существенныхъ пунктахъ вопроса. И та и другая держава напримѣръ совѣтуютъ умѣренность въ образѣ дѣйствій и употребленіе мирныхъ политическихъ средствъ на ряду съ военною силой.

Англія говоритъ по этому поводу о милосердіи. Повидимому Австрія, предлагавшая полную и всеобщую амнистію, какъ одинъ изъ шести пунктовъ, очень могла бы присоединиться къ англійской фразѣ о милосердіи, а между тѣмъ Австрія нашла нужнымъ отстать отъ Англіи по этому пункту и говорить только объ умѣренномъ образѣ дѣйствій, не упоминая о милосердіи. Обѣ державы сошлись только въ томъ что̀ для насъ безвредно; онѣ выставляютъ на видъ, что большинство населенія въ Царствѣ Польскомъ было удовлетворено безопасностію лицъ и имуществъ подъ кровомъ справедливой и благотворной администраціи.

Самое злое мѣсто въ австрійской депешѣ есть ссылка на обязательства 1772. Это мѣсто выражено со стремительностью и задоромъ, вообще чуждыми языку австрійской депеши. По всему видно, что Австрія очень дорожила этою ссылкой и хотѣла произвести ею эффектъ, — не на насъ, конечно, для этого уже прошла пора,— а на Поляковъ, которыхъ Австрія старается всячески задобрить, стараясь въ то же время сказать въ ихъ пользу какъ можно меньше для нея самой неудобнаго. Царство Польское есть край сопредѣльный Австріи и опасный для нея. Поэтому Австрія тщательно устранила въ своей депешѣ всѣ намеки на отдѣльность Царства Польскаго и даже всѣ воспоминанія о намѣреніяхъ императора Александра I даровать Царству политическую самостоятельность. Лордъ Россель посвящаетъ особый пунктъ своей депеши напоминанію о конституціи 1815. Онъ употребляетъ выраженіе: *подданные Царя Польскаго*, и вообще дѣлаетъ нѣсколько намековъ на политическую отдѣльность Польши, хотя рѣшительно воздерживается отъ рѣзкихъ указаній, заключающихся во французской депешѣ, гдѣ Царство Польское называется государствомъ и упоминается объ отдѣльной польской арміи. Но какъ ни уклончиво разсуждаетъ лордъ Россель о конституціи 1815 года, Австрія не захотѣла вторить ему и совершенно вычеркнула изъ своей депеши весь этотъ пунктъ, а въ замѣнъ того указала не безъ похвальбы на свой образъ дѣйствій относительно Галиціи. Этимъ она какъ бы прямо

протестуетъ противъ политической отдѣльности Царства Польскаго. О конституціи 1815 года она не говоритъ ни слова; она упоминаетъ только о трактатахъ 1815 года. Гдѣ затронутъ ея интересъ, тамъ она не считаетъ нужнымъ популярничать. Если она упоминаетъ не только объ обязательствахъ 1815 года, на которыя она имѣетъ право ссылаться, но и объ обязательствахъ 1772 года, до нея нисколько не касающихся, то и тутъ она руководствуется своимъ интересомъ. Все что̀ похоже на политическую самостоятельность въ Царствѣ Польскомъ, все это противно Австріи, но она была бы не прочь перенести театръ борьбы въ наши западныя губерніи: этотъ край вопервыхъ дальше́ отъ нея, а вовторыхъ увлекать Поляковъ на востокъ значитъ отвлекать ихъ отъ Галиціи, наталкивать ихъ на борьбу съ Россіей, значитъ облегчать Нѣмцамъ борьбу съ ними. Вотъ почему графъ Рехбергъ такъ оживился когда дошелъ до того мѣста, гдѣ у него упоминаются обязательства 1772 года. Вотъ почему Австрія сдѣлала все возможное чтобы навязать и Англіи упоминаніе этихъ обязательствъ. Но подчиняясь настояніямъ графа Рехберга, лордъ Россель нашелъ нужнымъ дать почувствовать что онъ подчиняется имъ какъ бы нехотя. «Правительство ея величества не хотѣло касаться этого предмета», говоритъ онъ, приступая къ щекотливому пункту, и затѣмъ протестантскій министръ, принадлежащій къ тому политическому клубу въ Лондонѣ который имѣетъ своимъ девизомъ религіозную свободу all over the world, начинаетъ не шутя рыцарствовать за римскую церковь, исполненную духа самой фанатической нетерпимости и подчинившую дѣло религіи цѣлямъ ей чуждымъ и противнымъ. Подобной оговорки, разумѣется, нѣтъ въ австрійской депешѣ. Австрія, какъ видно, всего болѣе желала коснуться этого пункта, хотя и не рѣшилась коснуться его съ тою безцеремонностью которую позволила себѣ Франція и за которую получила она нѣсколько назидательныхъ строкъ въ отвѣтной депешѣ князя Горчакова.

Еслибы можно было не обращать вниманія на тонъ депеши графа Росселя, тонъ до неприличія наставническій, то мы,

Русскіе, могли бы читать эту депешу съ меньшимъ неудовольствіемъ чѣмъ двѣ остальныя. Существенно враждебнаго и злонамѣреннаго въ ней нѣтъ ничего. Даже въ ссылкѣ на конституцію 1815 года тщательно устранены выраженія которыя могли бы повести къ заключенію что Англія желаетъ для Польши отдѣльнаго отъ Россіи представительства. Если сличить послѣднюю депешу лорда Росселя съ его рѣчами въ палатѣ лордовъ, то относительно его взгляда на конституціонную сторону польскаго вопроса не можетъ быть сомнѣнія. Англійская дипломатія, какъ извѣстно, строго соблюдаетъ формальности и тщательно ими пользуется. Она имѣетъ право говорить только о Царствѣ Польскомъ; въ трактатахъ, дающихъ ей это право, она находитъ выраженія: *представительство*, *конституція*. Она привязывается къ этимъ выраженіямъ и на ихъ основаніи высказываетъ свои мысли. Но высказывая ихъ, она принуждена держаться того предмета о которомъ только и имѣетъ право говорить. Она принуждена ограничиваться упоминаніемъ политической конституціи Царства Польскаго, потому что не имѣетъ права говорить о политическихъ учрежденіяхъ которыя могутъ связать Царство съ Имперіей, простираясь и на Царство, и на Имперію. Но уклоняясь, какъ и слѣдуетъ, отъ всякаго намека на эти учрежденія, она тщалельно воздерживается отъ всего того что̀ наговорено г. Друэнъ-де-Люисомъ въ пользу политической отдѣльности Царства Польскаго. Въ англійской ссылкѣ на конституцію 1815 года нѣтъ ни тѣни той зловредности которою проникнуты обѣ іезуитскія диссертаціи адресованныя въ Петербургъ изъ Тюильри.

Сообразно съ этимъ положеніемъ державъ депеши и меморандумъ князя Горчакова должны непріятнѣе подѣйствовать въ Парижѣ и Вѣнѣ чѣмъ въ Лондонѣ. Всего болѣе испортятъ они крови въ Парижѣ. По всѣмъ пунктамъ особенно интереснымъ для французской политики Россія даетъ рѣшительный отказъ. Всякій намекъ на западныя губерніи исключается совершенно даже изъ дружескаго обмѣна мыслей. Въ отвѣтъ на указанія относящіяся къ политической отдѣльности

Царства, меморандумъ, съ очевиднымъ намѣреніемъ, нѣсколько разъ употребляетъ, относительно Царства Польскаго, выраженіе: *административная автономія* (autonomie administrative), и этимъ устраняетъ всякіе виды на автономію политическую.

Діалектика меморандума, побѣдоносно разбивающая каждое изъ лжетолкованій притязательной дипломатіи, производитъ на русскаго читателя отрадное ободряющее впечатлѣніе. Еще съ большею силой дѣйствуетъ на русскаго человѣка рѣшительный, исполненный достоинства тонъ: тонкость ума есть личное качество, но твердость воли, высказывающаяся въ дипломатическомъ актѣ той или другой страны, есть выраженіе ея могущества, есть свидѣтельство о національномъ духѣ дипломатіи, о ея вѣрѣ въ свой народъ. Вотъ почему рѣшительный тонъ депешъ князя Горчакова производитъ всеобщій восторгъ въ Россіи; вотъ гдѣ источникъ той безпримѣрной популярности которою пользуется теперь имя нашего вице-канцлера во всѣхъ слояхъ Русскаго народа. Но всего выше и важнѣе политическая мудрость рѣшеній истолкованныхъ княземъ Горчаковымъ, — мудрость, поставившая административную автономію Царства на мѣсто имѣвшейся прежде въ виду политической автономіи. Царство Польское можетъ сохранять свою вѣру, свой языкъ, свои обычаи, свои административные и судебные порядки, но малѣйшая политическая отдѣльность Царства отъ Имперіи, малѣйшій признакъ того что Царство составляетъ особое государство, только находящееся подъ русскимъ скипетромъ, повели бы къ самымъ пагубнымъ послѣдствіямъ.

Читатели найдутъ ниже извѣстіе о статьѣ одной финской газеты, дошедшее до насъ черезъ Берлинъ. * Мы не увѣрены въ точности этого извѣстія и сообщаемъ его только къ свѣдѣнію читателей. Впрочемъ, еслибъ оно было и точно, оно относилось бы ко взглядамъ одной изъ газетъ, не имѣющимъ особенной важности, и говорить по его поводу не значило бы говорить о взглядахъ финляндскаго населенія. Тѣмъ не

* Въ томъ же нумерѣ *Моск. Вѣд.*

менѣе это извѣстіе заслуживаетъ вниманія. Въ немъ сообщается о предположеніи исходатайствовать для Финляндіи право нейтралитета, съ тѣмъ чтобы финляндское войско употреблялось исключительно на защиту Финляндіи, а финляндскія суда ходили бы подъ финляндскимъ флагомъ, который, въ случаѣ войны Россіи съ какою-либо націей, защищалъ бы ихъ отъ захвата. Вотъ какія мысли могутъ возникать въ атмосферѣ политической отдѣльности! Какъ будто Финляндія находится въ тѣхъ же отношеніяхъ къ Россіи въ какихъ находился Гановеръ къ Англіи, какъ будто Финляндія не есть пріобрѣтеніе Россіи, стоившее ей разныхъ уступокъ по Тильзитскому миру и потомъ войны 1809 года! Гановеръ былъ соединенъ съ Англіей единственно въ лицѣ короля. Это было чисто династическое соединеніе, не имѣющее ничего общаго съ тѣми въ которыхъ находится къ Россіи Великое Княжество Финляндское, не составляющее, какъ извѣстно, династическаго достоянія царствующаго въ Россіи Дома. Но таковъ характеръ политическаго сепаратизма, что онъ повсюду ведетъ къ притязаніямъ на такъ-называемую *unio personalis*, то-есть чисто-династическое соединеніе. Мы иронически и не безъ горькаго чувства называемъ Финляндію иностраннымъ краемъ, а въ Гельсингфорсѣ, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ вообразятъ себя иностранною державой. Нужна большая осторожность и со стороны правителей, и со стороны управляемыхъ, чтобы лишить силы подобныя притязанія и не допустить ихъ до перехода въ явную враждебность. Относительно Финляндіи, мы можемъ еще надѣяться на то политическое благоразуміе, о которомъ на дняхъ говорилъ въ своей сеймовой рѣчи Государь Императоръ. Но въ Полякахъ мы не въ правѣ предполагать подобное благоразуміе, а потому всякая тѣнь политической отдѣльности Царства Польскаго ставила бы Поляковъ въ фальшивое положеніе и вызывала бы въ нихъ только враждебность къ Россіи.

XV.

ПЕРЕДОВАЯ СТАТЬЯ ВЪ № 200 „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“ (14-ГО СЕНТЯБРЯ).

Объ насъ заботятся, насъ хотятъ устроить. Объ этомъ узнаемъ мы изъ замѣтки появившейся на дняхъ въ *Journal de St.-Pétersbourg* и сообщаемой ниже. * Мы узнаемъ что гдѣ-то кто-то ожидалъ, что Россія, для пріобрѣтенія популярности, сожжетъ великолѣпный фейерверкъ и воспользуется для этой цѣли патріотическимъ жаромъ своихъ населеній. Въ отвѣтъ на такія странныя ожиданія, *Journal de St.-Pétersbourg* замѣчаетъ что хотя Россія, при всеобщемъ воодушевленіи, собравшемъ всѣ классы Русскаго народа вокругъ престола, легко могла бы поразить воображеніе массъ и пріобрѣсти благорасположеніе общественнаго мнѣнія въ Европѣ какою-нибудь политическою импровизаціей лишенною правды и жизни, но что ея правительство не подастся на такія искушенія, не пожертвуетъ будущимъ настоящему, не пожертвуетъ существенными интересами страны для пріобрѣтенія эфемерной популярности. Мы рады что *Journal de St.-Pétersbourg* думаетъ такимъ образомъ; но не напрасны ли эти отрицанія предположеній явно невозможныхъ? Заслуживаютъ ли всякія случайно сказанныя нелѣпости такого серіознаго и даже нѣсколько торжественнаго объясненія? Сто́итъ ли увѣрять что правительство народа великаго, исполненнаго силы и вѣры въ свое историческое призваніе,—народа еще такъ недавно показавшаго такое безпримѣрное единодушіе на защиту величія и цѣлости своего государства, такую мужественную преданность престолу,—что правительство этого народа можетъ хоть на минуту употребить его въ видѣ декораціи, дать ему фальшивыя учрежденія, обмануть его довѣріе, оскорбить святое чувство его любви къ отечеству, для сниканія гдѣ-то популярности, для эффекта разчитаннаго на воображеніе какихъ-то массъ?

* Въ томъ же нумерѣ *Моск. Вѣд.*

Правда, мы знаемъ что за послѣднее время въ заграничной журналистикѣ вдругъ расплодились проекты наилучшаго устройства Россіи. Мы читали превосходныя предположенія раздробить Россію на нѣсколько государственныхъ областей, снабдить каждую особымъ представительствомъ, и такимъ образомъ подъ видомъ прогресса произвести то что̀ можетъ быть лишь послѣдствіемъ величайшихъ бѣдствій, какія когда-либо поражали народъ въ полной силѣ и цвѣтѣ жизни,—возвратить могущественное, долго и трудно слагавшееся государство къ скуднымъ и жалкимъ начаткамъ, когда его почти не было, или когда оно колебалось между жизнію и смертью,—наконецъ, говоря проще и рѣшительнѣе, склонить его къ самоубійству. Но всѣ такіе проекты нисколько не серіознѣе разныхъ ландкартъ Европы проектируемыхъ политическими аферистами для потѣхи публики и для уловленія глупцовъ.

Откидывая въ сторону разныя нелѣпыя и злоумышленныя сочиненія на пользу Россіи, мы не можемъ не согласиться что въ наше время дѣйствительно есть вообще наклонность къ политическимъ сочиненіямъ. Создавать (создавать!) учрежденія, писать уставы и регламенты теперь особенно въ модѣ. Люди всѣмъ затрудняются, надо всѣмъ думаютъ, при всемъ оглядываются; только по части сочиненія и писанія политическихъ учрежденій часто полагается достаточнымъ имѣть нѣсколько отвлеченныхъ мыслей, доброе желаніе, да авторское самолюбіе. Въ виду этой маніи *сочинять* учрежденія и проекты всякаго рода реформъ, заявленія французской петербургской газеты имѣютъ нѣкоторое значеніе и заслуживаютъ вниманія. Нельзя не сочувствовать высказанному въ ней убѣжденію что наше правительство, при совершеніи задуманныхъ имъ законодательныхъ мѣръ, будетъ идти путемъ «изученія желаній и потребностей страны». Этими словами сказано много. Лучше нельзя опредѣлить истинную задачу правительства, лучше нельзя обозначить путь которымъ оно должно слѣдовать, лучше нельзя выразить всеобщее, сильное, глубокое желаніе и потребности Русскаго народа въ настоящее время. Подите куда угодно, спросите кого хотите, вездѣ услышите

вы это желаніе. Намъ кажется что этими словами можно было бы и начать замѣтку и ими же кончить. Въ нихъ вся сила, а оправданія правительства отъ нелѣпыхъ предположеній кажутся намъ излишними. Точно также не было, какъ намъ кажется, надобности выставлять, въ видѣ контраста, два обвиненія, которымъ подвергалось наше правительство за границей: обвиненія въ соціализмѣ, демократическомъ направленіи и революціонномъ духѣ съ одной стороны, и обвиненія въ неумолимомъ сопротивленіи прогрессу и свободѣ съ другой стороны. Мало ли какимъ обвиненіямъ подвергается Россія или ея правительство? Но намъ кажется что еслибы въ Европѣ высказывались противъ насъ вышеупомянутыя обвиненія, то въ нихъ нѣтъ никакой противоположности, и они могли выходить никакъ не съ двухъ сторонъ, а только съ одной. Соціализмъ, демократизмъ, революціонный духъ, то-есть духъ разрушенія и ломки, духъ неуваженія къ существующему, къ законнымъ правамъ и интересамъ, духъ насильственныхъ перерывовъ въ развитіи народа, духъ грубаго вмѣшательства въ жизнь и порабощенія ея силъ отвлеченнымъ формуламъ,— все это духъ враждебный прогрессу и свободѣ; и наоборотъ, что̀ противно прогрессу и свободѣ, то непремѣнно окажется въ томъ или въ другомъ видѣ, и соціализмомъ, и демократизмомъ, и революціей—по крайней мѣрѣ неуклонно ведущимъ къ революціи. Противъ всѣхъ этихъ золъ есть одно вѣрное средство, и это средство кратко и просто, но выразительно и ясно заявлено въ *Journal de St.-Pétersbourg* словами что правительство понимающее долгъ свой не иначе приступаетъ къ совершенію преобразованій какъ съ помощію тщательнаго «изученія желаній и потребностей страны».

Въ замѣткѣ очень справедливо сказано что освобожденіе крестьянъ въ Россіи есть основное преобразованіе, которымъ неизбѣжно начинается цѣлый рядъ преобразованій, объемлющихъ всю нашу государственную жизнь. Отмѣна крѣпостнаго права была дѣломъ самымъ труднымъ; но какъ трудно было приступить къ этому великому дѣлу, такъ трудно и остановиться на немъ и не предпринять вслѣдъ за нимъ, какъ

сказано, цѣлаго ряда другихъ преобразованій не менѣе существенныхъ и важныхъ. Законодательный актъ которымъ совершено было освобожденіе крѣпостныхъ еще не перешелъ въ область исторіи, а потому было бы преждевременно обсуждать и оцѣнивать его и разбирать его достоинства и недостатки. Тѣмъ не менѣе, соображая значеніе и размѣры этой реформы, ея особенности, ея характеръ и трудности которыя предстояли ей, мы не можемъ не сказать что это трудное и великое дѣло совершилось благополучно. Чему же преимущественно были мы обязаны такимъ благопріятнымъ исходомъ? Конечно тому способу который отчасти приняло правительство для рѣшенія этого вопроса,—тому способу который отчасти подходитъ подъ характеристику представленную въ *Journal de St.-Pétersbourg*. Вспомнимъ что это преобразованіе было первымъ шагомъ на новомъ пути, что наконецъ изо всѣхъ возможныхъ реформъ отмѣна крѣпостнаго права, по преимуществу, должна была имѣть характеръ диктаторскій, потому что въ ней сталкивались противоположные интересы двухъ главныхъ общественныхъ элементовъ, двухъ коренныхъ сословій государства. Какъ же однако правительство поступило при разрѣшеніи этого вопроса? Припомнимъ въ общихъ чертахъ тотъ ходъ который данъ былъ этому дѣлу. Вопервыхъ, начинаніе предоставлено было самому обществу, то-есть тому общественному классу который по преимуществу имѣетъ характеръ политическій, землевладѣльческому, дворянству. Вслѣдствіе заявленій землевладѣльческаго дворянства, были обозначены верховною властью общія черты предположенной реформы. Затѣмъ разработка проекта во всѣхъ его частяхъ и подробностяхъ была предоставлена тому же самому политическому классу общества, и во всѣхъ губерніяхъ составлены были дворянскими собраніями, по крестьянскому дѣлу, комитеты для правильнаго обсужденія всѣхъ сторонъ предпринятаго дѣла, а съ тѣмъ вмѣстѣ было допущено и обсужденіе его въ печати. При нѣкоторомъ содѣйствіи воображенія можно сказать что вся Россія, то-есть вся политическая часть ея общества, превратилась тогда въ громадное обсуж-

дающее собраніе, которое дѣйствовало посредствомъ отдѣльныхъ комитетовъ по губерніямъ, между тѣмъ какъ все остальное общество Россіи слѣдило за ходомъ работъ и подавало свой голосъ въ печати со всѣхъ концовъ страны, заявляя недоразумѣнія, напоминая о томъ или другомъ забытомъ интересѣ, о томъ или другомъ упущенномъ обстоятельствѣ, возвращаясь много разъ къ одному и тому же пункту и доводя его до всевозможной ясности и зрѣлости представленія. Историческія свѣдѣнія, экономическіе разчеты, юридическіе вопросы,—все находило себѣ выраженіе, и все появлялось не въ одиночку, не случайно, не монографически, а представляло до нѣкоторой степени видъ общихъ преній, въ которыхъ одно вызывается другимъ, одно другому отвѣчаетъ, одно другимъ дополняется, и все вмѣстѣ ведетъ къ разъясненію дѣла во всѣхъ его основаніяхъ и подробностяхъ. Многимъ этого было недостаточно; многіе желали и въ то время болѣе обширнаго и плодотворнаго примѣненія системы принятой правительствомъ при этомъ еще первомъ опытѣ земской разработки законодательнаго вопроса. Правительство руководствовало преніями: инымъ казалось что оно слишкомъ руководствовало, что изданныя для губернскихъ комитетовъ программы были слишкомъ подробны и слишкомъ обязательны, что губернскіе комитеты дѣйствовали бы успѣшнѣе еслибъ имъ предоставлена была бо́льшая свобода въ дѣйствіяхъ, и что разнообразные интересы соприкосновенные вопросу высказались бы въ печати откровеннѣе и полнѣе и тѣмъ содѣйствовали бы болѣе правильной и тщательной разработкѣ его элементовъ, еслибы не было недоразумѣній и перерывовъ, еслибы гласное обсужденіе вопроса не было слишкомъ рано прекращено, и еслибы редакціонныя коммиссіи не нашли нужнымъ слишкомъ плотно затворить свои двери. Многимъ казалось и многимъ еще кажется что дѣло вышло бы гораздо лучше еслибы данъ былъ полный ходъ принятой правительствомъ системѣ, еслибы дворянскимъ депутатамъ приглашеннымъ въ Петербургъ дана была возможность принять болѣе правильное и болѣе дѣятельное участіе въ окончательномъ обсужденіи

дѣла. Не будемъ спорить съ тѣми которые такъ думали или такъ думаютъ; но напомнимъ имъ что, какъ сказано выше, это былъ первый опытъ общественной разработки законодательнаго вопроса; а главное—припомнимъ то весьма важное обстоятельство что политическій классъ нашего общества, землевладѣльческое дворянство, былъ въ этомъ дѣлѣ одною изъ заинтересованныхъ сторонъ. Дворяне-землевладѣльцы были и адвокатами, и въ нѣкоторомъ смыслѣ судьями въ своемъ дѣлѣ. Изо всѣхъ возможныхъ вопросовъ, которые когда-либо возникали и когда-либо возникнутъ, отмѣна крѣпостнаго права есть вопросъ исключительный въ этомъ отношеніи. Правда, наше землевладѣльческое дворянство вполнѣ заслуживало оказаннаго ему довѣрія. Если когда-нибудь, въ чемъ-нибудь, то именно въ этомъ вопросѣ оно обнаружило зрѣлость своего политическаго духа и полную способность составляющихъ его элементовъ послужить ядромъ политической жизни народа: вспомнимъ громадность реформы, вспомнимъ что она захватывала всѣ интересы землевладѣльческаго дворянства, колебала всѣ отношенія, разомъ измѣняла всѣ привычки, затрогивала всѣ предубѣжденія, расшевеливала всѣ страсти, возбуждала всякаго рода опасенія, и сообразимъ что землевладѣльческое дворянство наше тѣмъ не менѣе дѣятельно способствовало рѣшенію дѣла и что оно же приводитъ его въ исполненіе, несетъ на себѣ всю тяжесть задачи мировыхъ учрежденій. Правда и то что несмотря на весьма естественный ропотъ и жалобы, главные двигатели крестьянскаго дѣла явились изъ среды самого же землевладѣльческаго класса, и въ преніяхъ, которыя шли по всей Россіи по этому дѣлу, горячіе адвокаты крестьянскихъ интересовъ нашлись въ этой же средѣ. Тѣмъ не менѣе однако правительство не могло упускать изъ виду что политическій классъ нашъ въ этомъ случаѣ представлялъ собою сторону тяжебнаго дѣла, а потому нельзя и сѣтовать на нѣкоторую мнительность и осторожность со стороны правительства при рѣшеніи этого вопроса. Правительство, слѣдуя указанію верховной власти, дѣйствовало путемъ «изученія желаній и потребностей страны»; но въ этомъ вопросѣ оно

весьма естественно считало себя обязаннымъ поступать съ крайнею осторожностью и не ставило себѣ въ грѣхъ излишнюю мнительность.

Но трудное дѣло совершено. Оно совершено съ переходомъ Россіи въ новое тысячелѣтіе. Оно легло гранью между окончившимся старымъ и открывшимся новымъ; оно заключило собою прошедшее, оно начало собою будущее. Черты прежней системы, весьма естественно, совмѣстились въ немъ съ чертами новой; но отнынѣ полное развитіе этой системы не можетъ уже встрѣчать никакого разумнаго препятствія. «Изученіе потребностей страны»—вотъ эта новая система! Все заключается въ этихъ немногихъ, но полновѣсныхъ словахъ.

Теперь на очереди у насъ находятся вопросы не менѣе, если еще не болѣе, важные чѣмъ крестьянское дѣло. Укажемъ на то же, на что̀ указываетъ и *Journal de St.-Pétersbourg* въ своей замѣткѣ,—на преобразованіе судоустройства и земскихъ учрежденій, и оставимъ въ сторонѣ всѣ другія дѣла въ которыхъ также нужно знать желанія и потребности страны и въ которыхъ ея голосъ можетъ также служить самымъ надежнымъ и могущественнымъ пособіемъ. Судоустройство,— легко сказать! Какъ много заключается въ этомъ словѣ! Проектъ хорошаго судоустройства конечно можетъ быть составленъ очень искусно и умно свѣдущими юрисконсультами. Судоустройство, равно какъ и судопроизводство, принадлежатъ къ самымъ разработаннымъ вопросамъ, и проектъ, какъ сочиненіе, можетъ выйти очень удачнымъ сочиненіемъ. Но нѣтъ сомнѣнія что для страны требуется не уставъ судоустройства, а самые суды. Устроить хорошо изъ существующихъ въ странѣ элементовъ хорошій и удовлетворительный судъ дѣло великое; но для этого необходимо тщательное изученіе средствъ, желаній и потребностей страны. Точно также, а можетъ-быть еще и болѣе, необходимо это изученіе при устройствѣ мѣстнаго самоуправленія, которое имѣется въ виду въ проектѣ такъ-называемыхъ земскихъ учрежденій. Эта новая законодательная мѣра должна проникнуть во всѣ ячейки нашего политическаго тѣла и совершенно измѣнить ихъ строеніе. Представьте себѣ

что въ одно прекрасное утро мы вдругъ проснемся въ странѣ совершенно намъ неизвѣстной,—въ Россіи, но не въ той въ которой мы уснули, а въ другой, которой мы вовсе не знаемъ. Одинъ какой-нибудь незамѣтный элементъ, не доложенный или переложенный разомъ во всѣхъ клѣточкахъ нашего политическаго тѣла, можетъ мгновенно, и самымъ кореннымъ образомъ, перестроить всю его конституцію,—къ лучшему или къ худшему, Богъ одинъ знаетъ. Какъ не повторить съ особеннымъ сочувствіемъ слова выше цитованной замѣтки въ *Journal de St.-Pétersbourg*, что правительство, при рѣшеніи всѣхъ вопросовъ, должно полагать своею главною задачей «изученіе желаній и потребностей страны»!

Къ намъ иногда обращаются съ вопросами, почему мы не довольно дѣятельно обсуждаемъ разныя приготовляемыя у насъ законодательныя мѣры и проекты законовъ. Но что̀ такое мы, и какимъ образомъ, для чего, къ чему будемъ мы обсуждать всѣ эти предметы? Въ газетѣ всегда можетъ быть сказано болѣе или менѣе дѣльное слово. Но что̀ она за арена для обсужденія вопросовъ? Можно напечатать въ ней разборъ того или другаго проекта, можно напечатать въ ней какой-нибудь новый проектъ. Но что̀ изъ этого толку? Что̀ толку изъ этихъ новыхъ проектовъ, хотя бы ихъ являлось по десятку въ недѣлю? Къ кому обращались бы эти проекты, или къ кому обращались бы эти замѣчанія на проекты? Съ кѣмъ пришлось бы объясняться, чьи возраженія выслушивать, кому отвѣчать? Неужели нѣтъ другаго способа для обсужденія важныхъ общественныхъ вопросовъ какъ только путемъ полемики между газетами? Неужели политическая жизнь общества, общественное мнѣніе по законодательнымъ и административнымъ вопросамъ должны быть исключительнымъ удѣломъ редакторовъ газетъ? И кто эти господа? Почему на нихъ должна пасть забота объ общественныхъ интересахъ? Неужели заявленіе желаній и потребностей страны можетъ быть привилегіей людей которымъ случайно выпалъ жребій издавать газету или писать въ газетахъ? Печать становится полезною силой въ обсужденіи общественныхъ вопросовъ не иначе какъ служа

непосредственнымъ отраженіемъ мнѣній и желаній самого общества. Только примыкая къ чему-либо, печать можетъ нормально способствовать ходу важныхъ дѣлъ, которыми занимается правительство въ видахъ удовлетворенія желаній и потребностей страны.

Россія не можетъ желать какихъ-либо импровизацій и фабрикованныхъ учрежденій. Будетъ съ насъ этихъ фабрикованныхъ учрежденій! Все фабрикованное, все сочиненное, все не выработанное изъ желаній и потребностей самой жизни, болѣе причиняетъ вредъ нежели приноситъ пользу. Для того чтобы начать изученіе желаній и потребностей страны нѣтъ надобности прибѣгать къ сочиненію какихъ-нибудь новыхъ учрежденій ad hoc. Мы можемъ начать съ того что̀ есть. Еслибы потребовалось общественное обсужденіе вопросовъ занимающихъ правительство съ цѣлію изучить должнымъ образомъ потребности страны, то намъ вовсе не нужно было бы прибѣгать къ политическимъ импровизаціямъ. Намъ стоило бы только воспользоваться тѣмъ что̀ уже есть. Прежде чѣмъ можетъ потребоваться какое-либо измѣненіе въ нашемъ политическомъ организмѣ, надобно взять этотъ организмъ какъ онъ есть, надобно взять тѣ силы которыми онъ живетъ, воспользоваться ими и съ ихъ помощію производить перемѣны.

Что̀ напримѣръ у насъ есть? У насъ есть государственные люди, члены государственнаго совѣта, синода, сената, сами управлявшіе или управляющіе дѣлами, обладающіе политическою опытностью; изъ нихъ многіе несомнѣнно отличаются высокими достоинствами. Голосъ всякаго журнальнаго крикуна раздается на весь народъ, а голосъ этихъ лицъ никому не слышенъ; ихъ голосъ который могъ бы направлять общественное мнѣніе и политически воспитывать умы пропадаетъ для общества. Что̀ еще есть у насъ? У насъ есть многія сотни людей выборныхъ уже занимавшихся дѣлами и пользующихся довѣріемъ какъ правительства, такъ и общества. Взятые вмѣстѣ эти люди, конечно, представятъ собою вѣрную характеристику нынѣшняго общества, со всѣми оттѣнками и разнообразіемъ его мнѣній; они представятъ собою духъ страны. Нѣтъ

сомнѣнія что въ числѣ этихъ людей найдется не мало такихъ которые могли бы сдѣлать честь любому политическому собранію, и во всякомъ случаѣ окажется много людей практическихъ, зрѣлыхъ, знающихъ по опыту условія разнообразныхъ мѣстностей нашего отечества; что̀ же касается большинства, то оно вездѣ бываетъ массой, а въ массѣ важенъ общій духъ, въ достоинствѣ же общаго духа, которымъ проникнуто большинство выборныхъ людей изъ нашихъ политическихъ классовъ, сомнѣваться невозможно: онъ всѣмъ извѣстенъ.

Природа удивляетъ насъ простотою своихъ способовъ. Великіе результаты достигаются всегда простыми способами, и мудрость состоитъ не въ томъ чтобы придумывать какія-нибудь запутанныя и сложныя формулы, а въ томъ чтобы понять находящееся у насъ предъ глазами и пользоваться тѣмъ что̀ у насъ подъ рукою.

XVI.

Передовая статья въ № 201 „Московскихъ Вѣдомостей“ (17-го сентября).

Мы продолжаемъ получать изъ западнаго края письма, указывающія на его экономическое положеніе. Многолѣтнее приготовленіе къ мятежу и потомъ самый мятежъ съ его непосредственными послѣдствіями нанесли сильный ударъ хозяйству польскихъ помѣщиковъ. Они никогда и прежде не жили разчетливо и бывали по большей части въ долгу у Евреевъ, а теперь для весьма многихъ наступила совершенная несостоятельность. Они продаютъ за безцѣнокъ разную движимость и даже необходимый инвентарій хозяйства, занимаютъ деньги за неслыханные проценты, доходящіе, говорятъ, до 25% въ мѣсяцъ; наконецъ, когда и это не помогаетъ, сдаютъ свои фольварки въ аренду Евреямъ, предлагающимъ уплату впередъ наличными. Польскій элементъ, поднявъ возстаніе въ надеждѣ восторжествовать надъ русскимъ, нанесъ себѣ жестокую рану. Съ самаго присоединенія западныхъ губерній

къ Россіи едва ли было время такой слабости польскаго элемента какъ теперь. Для правительства это время чрезвычайно важно и тѣмъ болѣе слѣдуетъ воспользоваться имъ, что Поляки должны винить не насъ, а себя въ свой теперешней безпомощности. Наша задача—оборонительная. Мы обязаны удерживать свой постъ. Мы не въ правѣ оставлять для будущаго тѣ затрудненія которыя теперь, благодаря польскому возстанію, могутъ быть устранены немедленно и притомъ навсегда. Мы навлекли бы на себя справедливый упрекъ потомства, еслибы не воспользовались какъ слѣдуетъ этимъ временемъ для водворенія въ западномъ краѣ болѣе прочныхъ основъ государственнаго порядка. Никогда еще не было болѣе удобной минуты для окончательнаго закрѣпленія связей соединяющихъ этотъ край съ Россіей. Теперь дѣло, при другихъ обстоятельствахъ чрезвычайно трудное, такъ-сказать само дается намъ; теперь въ короткое время можетъ быть совершено то что̀ при обыкновенномъ ходѣ дѣлъ потребовало бы труда многихъ поколѣній. Поляки со своей стороны сдѣлали все возможное чтобы натолкнуть насъ на ту политическую задачу о которой мы совсѣмъ было забыли; они не только натолкнули насъ на эту задачу, но и всячески облегчили намъ ея рѣшеніе. Тѣмъ не менѣе, если мы будемъ сидѣть сложа руки, мы можемъ потерять всѣ выгоды нашего теперешняго положенія. Но какова будетъ тогда наша отвѣтственность предъ потомствомъ? Развязка дѣла, можно сказать, навязана намъ помимо нашей воли; всѣ обстоятельства сложились такъ чтобъ указать намъ всю важность и настоятельность развязки. Будемъ ли мы заслуживать извиненія если мы не захотимъ со своей стороны употребить усилій чтобы взять то безъ чего мы жить не можемъ и что̀ сама сила вещей отдаетъ намъ?

Польскій элементъ въ западномъ краѣ слабѣетъ по собственной винѣ своей; какъ вреденъ Россіи этотъ элементъ—показали недавнія событія. Въ чемъ же состоитъ нашъ долгъ предъ Россіей какъ не въ томъ чтобы воспользоваться ослабѣваніемъ польскаго элемента дабы усилить элементъ русскій?

Этотъ русскій элементъ есть коренной элементъ края; онъ былъ подавленъ пришлымъ польскимъ элементомъ. Онъ увидѣлъ зарю своего освобожденія, когда западный край былъ присоединенъ къ Россіи. Эта заря еще болѣе возсіяла, когда было отмѣнено крѣпостное право. Но это только заря и, хотя менѣе чѣмъ прежде, русскій элементъ и теперь еще подавленъ въ западномъ краѣ. Онъ подавленъ даже тамъ, гдѣ онъ численностью вдесятеро сильнѣе польскаго элемента. Почему это такъ? Единственно потому что польское населеніе составляетъ въ этомъ краѣ почти сплошной высшій классъ. Вотъ та причина нашего униженія противъ которой мы должны дѣйствовать. Пока теперешній порядокъ будетъ въ силѣ, до тѣхъ поръ мы будемъ принуждены быть свидѣтелями того недостойнаго и невѣроятнаго зрѣлища, что коренная и господствующая народность находится подъ гнетомъ пришлаго и побѣжденнаго меньшинства. Польское государство перестало существовать; Русское государство достигло высокой степени могущества. Между тѣмъ въ одномъ изъ краевъ этого Русскаго государства польская народность остается высшею и господствующею, а русская—низшею и служащею. Такая несообразность не можетъ не поддерживать въ Полякахъ притязательности, а у русскаго простонародья она должна отнимать духъ. Что̀ бы мы ни дѣлали, какія бы мѣры мы ни принимали для поднятія русскаго народнаго духа въ западномъ краѣ, ничто не будетъ, ничто не можетъ имѣть успѣха, пока сохранятся общественныя отношенія существующія тамъ между двумя народностями, то-есть пока польская народность будетъ лежать верхнимъ слоемъ на русской народности, и пока Поляки будутъ въ правѣ сказать что они одни, какъ они выражаются, составляютъ интеллигенцію края.

Не подлежитъ сомнѣнію что не въ одной интеллигенціи дѣло: одни ксендзы и помѣщики, безъ мелкой шляхты, не могли бы произвести возстаніе. Безъ нея они были бы какъ безъ рукъ. Если польское землевладѣніе есть источникъ возстанія, то орудіемъ его служатъ эти, по большей части бездомные, люди живущіе воспоминаніями о своемъ прежнемъ господствѣ надъ

Русскимъ народомъ. Мелкая шляхта есть страшная язва западнаго края, самый опасный изо всѣхъ возможныхъ пролетаріатовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она составляетъ главный предметъ ненависти русскаго населенія, и сама ненавидитъ его на смерть. Лишившись правъ дворянства, эти люди сохраняютъ однакоже притязанія основанныя на шляхетскомъ происхожденіи. Унижаясь предъ панами, исправляя въ ихъ домахъ лакейскія должности, они въ то же время смотрятъ на русское населеніе съ высокомѣріемъ и затаенною злобой, тѣмъ болѣе сильною чѣмъ хуже ихъ общественное положеніе. Трудно представить себѣ до какой степени дошло ожесточеніе во взаимныхъ отношеніяхъ между русскими крестьянами и польскою мелкою шляхтой. Оно копилось и росло вѣками; оно проникло каждаго человѣка до мозга костей; повидимому, оно не ограничилось даже людьми и перешло на животныхъ. Шляхтичи ходятъ въ черномъ платьѣ чтобъ отдѣлиться отъ крестьянъ носящихъ сѣрое платье. Пріѣзжій долженъ избѣгать въ своемъ костюмѣ этого шляхетскаго чернаго цвѣта, если хочетъ уйти отъ преслѣдованія не только людей, но и ихъ скота. Нигдѣ на свѣтѣ, сколько извѣстно, кромѣ западнаго края, быки не боятся чернаго цвѣта и не показываютъ къ нему особенной непріязни; только въ западномъ краѣ человѣкъ въ черномъ платьѣ рискуетъ подвергнуться ихъ нападенію. Но какъ бы ни объяснять этотъ куріозный фактъ что крестьянскій скотъ нападаетъ какъ на своего врага на всякаго кто только покажется въ шляхетской одеждѣ, непримиримая вражда между крестьянами и шляхтичами не подлежитъ сомнѣнію. Всякая попытка развести враждующихъ содѣйствовала бы дѣлу спокойствія и порядка въ западномъ краѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ была бы благодѣяніемъ для самихъ бездомныхъ шляхтичей, которыхъ она вывела бы изъ ихъ теперешняго фальшиваго и невыносимаго положенія. Но какъ достигнуть этой цѣли, какъ развести людей живущихъ на одной землѣ? До насъ доходитъ извѣстіе что въ Вильнѣ возникла мысль замѣнить болѣе строгія кары, заслуженныя мелкою шляхтой (которая почти вся безъ исключенія участвовала въ

мятежѣ), такою общею мѣрой, съ которою было бы сопряжено переселеніе бездомныхъ шляхтичей во внутреннія губерніи Россіи, гдѣ они были бы безвредны. Намъ кажется что это былъ бы лучшій способъ развязать узелъ, не разсѣкая его. Послѣ неудачныхъ опытовъ нынѣшняго года, при упадкѣ нравственныхъ силъ, при видахъ на нищету угрожающую въ будущемъ, мелкая шляхта вѣроятно безъ большаго сопротивленія подчинилась бы мѣрѣ переселенія. На новыхъ мѣстахъ эти люди могли бы заняться хозяйствомъ и промыслами, а западный край освободился бы хотя отъ нѣкоторой доли изъ числа этихъ паразитовъ, пригодныхъ только на то чтобы служить готовымъ матеріаломъ для мятежа. Безъ нѣкотораго принужденія дѣло конечно не можетъ обойтись, но еслибы новыя мѣста жительства хотя до нѣкоторой степени соотвѣтствовали привычкамъ переселяемыхъ, то принужденіе потеряло бы значительную долю тягости, а чрезъ нѣсколько лѣтъ переселенцы стали бы благословлять свою судьбу. Въ политическомъ отношеніи всѣ русскія губерніи, кромѣ смежныхъ съ западнымъ краемъ, могли бы кажется представить равно удобное мѣсто для переселенія, если только новыя колоніи не будутъ скучены въ немногихъ пунктахъ.

Чѣмъ менѣе останется въ западномъ краѣ бездомныхъ людей, тѣмъ менѣе будетъ тамъ матеріала для революціонныхъ движеній. Какъ мы уже сказали выше, безъ этого матеріала помѣщики и ксендзы не могли бы задумать ничего подобнаго вооруженному возстанію. Удалить изъ западнаго края мелкую бездомную шляхту значитъ отнять солдатъ у революціонной арміи, значитъ лишить польскую интеллигенцію того орудія которымъ она дѣйствуетъ. Но какъ ни важна эта задача, ею одною еще не исчерпывается предстоящее намъ дѣло. Вооруженное возстаніе есть опасность, это правда. Сдѣлать вооруженное возстаніе невозможнымъ значило бы достигнуть важнаго политическаго успѣха. Но опасность не въ одномъ вооруженномъ возстаніи. Мятежъ можетъ потребовать отъ насъ тяжкихъ жертвъ, можетъ ввести насъ въ серіозныя внѣшнія затрудненія, но онъ не можетъ имѣть продолжительнаго

успѣха и ранѣе или позднѣе долженъ быть подавленъ. Гораздо серіознѣе опасность со стороны мирной пропаганды, имѣющей цѣлію ополяченіе края. Мы должны имѣть также въ виду что чѣмъ льготнѣе будетъ наша внутренняя политика, тѣмъ бо́льшими средствами будетъ располагать эта мирная пропаганда. Поэтому были бы недостаточны мѣры отнимающія такъ-сказать солдатъ у вооруженнаго возстанія, еслибы не было принято мѣръ лишающихъ польскій элементъ въ западномъ краѣ того положенія которымъ облегчается ополяченіе края. Теперь революція находитъ солдатъ въ мелкой шляхтѣ; если эти элементы будутъ устранены, но если ополяченіе края будетъ идти успѣшно, то не окажутся ли въ скоромъ времени новые элементы которые замѣнятъ собой выбывшую шляхту и послужатъ новымъ орудіемъ революціи въ рукахъ польскаго землевладѣльческаго класса и польскаго духовенства? Не русскіе ли люди по крови почти всѣ тѣ которые дѣйствовали теперь въ западномъ краѣ противъ Россіи съ такимъ ожесточеніемъ?

Польское населеніе западнаго края такъ немногочисленно что Поляки не только не могли бы ополячивать Русскихъ, но должны были бы сами обрусѣть, еслибы не занимали относительно Русскихъ привилегированнаго положенія. Полонизація западнаго края основывается на томъ что высшій классъ состоитъ тамъ почти исключительно изъ Поляковъ, а потому все что̀ хочетъ возвыситься надъ простонародьемъ принуждено принимать польскій характеръ. Православный семинаристъ, православный священникъ говорили, а отчасти и теперь еще говорятъ по-польски не изъ вражды къ своей матери Россіи, а только для того чтобы говорить языкомъ образованнаго общества. Многіе изъ нихъ, даже огромное большинство, отнюдь не считали себя за Поляковъ, но тѣмъ не менѣе говорили по-польски. Мы надѣемся что отнынѣ этого не будетъ, но нельзя и винить православное духовенство за употребленіе польскаго языка: оно подчинялось общему положенію дѣлъ въ краѣ, гдѣ высшій классъ представляетъ собою сплошную массу людей польскаго языка. Патріотизмъ можетъ воздержать православныхъ священниковъ отъ употребленія польскаго языка,

но ихъ зарокъ будетъ прочен только въ томъ случаѣ если польскій языкъ перестанетъ быть единственнымъ языкомъ мѣстнаго образованнаго общества. Для этого нужно внести русскій элементъ въ высшіе классы края, дабы въ краѣ была не только польская, но и русская интеллигенція. Безъ этого условія русскій элементъ никогда не поравняется съ польскимъ и никогда не выйдетъ изъ своего теперешняго униженія; безъ этого условія не могутъ имѣть большаго успѣха всѣ тѣ мѣры которыя были бы приняты съ цѣлію возвысить духъ русскаго крестьянскаго населенія и русскаго православнаго духовенства.

Содѣйствовать переходу польскихъ имѣній въ русскія руки есть поэтому дѣло высшей государственной необходимости. Мы уже говорили однажды, что для этой цѣли всего болѣе могли бы послужить земскіе банки выдающіе ссуды исключительно русскимъ покупщикамъ. Учрежденіе въ западномъ краѣ земскихъ банковъ съ этою политическою цѣлію есть одна изъ самыхъ безотлагательныхъ потребностей. Чтобъ увеличить число русскихъ покупщиковъ на имѣнія западнаго края, было бы кажется возможно предоставить имъ извѣстныя преимущества, напримѣръ освобожденіе отъ крѣпостныхъ пошлинъ и даже сословное повышеніе, смотря по размѣрамъ покупаемыхъ имѣній. Особенно при этомъ послѣднемъ условіи число русскихъ помѣщиковъ разомъ значительно увеличилось бы въ западномъ краѣ, потому что весьма многіе русскіе купцы обратились бы къ покупкѣ имѣній, дабы пріобрѣсти дворянство. Дѣло это такъ серіозно, отъ него въ такой мѣрѣ зависитъ будущее спокойствіе Россіи, что нельзя останавливаться ни предъ какими льготами, лишь бы привлечь въ западный край наибольшую массу русскихъ покупщиковъ и привлечь ее какъ можно скорѣе, пока еще не ушло время.

Для всего этого необходимы общія государственныя мѣры, но въ ожиданіи ихъ частные люди могутъ уже теперь приняться за дѣло. Сколько можно судить по всѣмъ доходящимъ до насъ извѣстіямъ, русскіе денежные люди отправившись немедленно въ западныя губерніи, сдѣлали бы блистательныя дѣла въ своемъ частномъ интересѣ, принесли бы важную

пользу русскому дѣлу въ политическомъ отношеніи и въ то же время облегчили бы положеніе разорившихся польскихъ помѣщиковъ, которымъ трудно найти покупателей на свои имѣнія. Теперь все, и движимость, и недвижимыя имѣнія, упали въ западномъ краѣ на полцѣны, и цѣны продолжаютъ еще падать. Чтобы читатели могли судить какъ силенъ кризисъ происходящій въ западномъ краѣ, считаемъ не лишнимъ привести одинъ примѣръ изъ Могилевской губерніи, которая еще менѣе другихъ пострадала отъ мятежа. Намъ пишутъ что въ томъ мѣстѣ этой губерніи, гдѣ заливные луга цѣнились обыкновенно по 50 р. за десятину, пашня по 25 р., лѣсъ строевой по 75 р. и дровяной по 30 р., теперь продается за 15.000 р. имѣніе, въ которомъ за крестьянскій надѣлъ, съ уступкой крестьянамъ 20 к. на рубль, слѣдуетъ получить 7.700 р., и сверхъ того остается 150 дес. строеваго лѣса, 150 дес. дровянаго лѣса, 150 дес. пахатной земли, 50 десятинъ заливныхъ луговъ и 100 дес. пустопорожней, но удобной земли.

XVII.

Передовая статья въ № 202 „Московскихъ Вѣдомостей“ (18-го сентября).

Время правительственныхъ союзовъ кончилось; возможны только союзы основанные на ясно-сознаваемыхъ интересахъ самихъ странъ. Но Россія для Европы остается до сихъ поръ terra incognita,—страною невѣдомою, народомъ никому неизвѣстнымъ. Россія въ Европѣ имѣетъ значеніе только какъ извѣстное правительство. Вотъ ближайшая причина непріязни встрѣчаемой нами въ Европѣ, которая придирается и будетъ придираться къ намъ при всякомъ случаѣ. Невозможно и думать о какомъ-либо союзѣ между Россіей и напримѣръ обѣими германскими державами вмѣстѣ или порознь. Всякая попытка къ сближенію Россіи съ тою или другою изъ нихъ кончится не сближеніемъ, а напротивъ усиленіемъ непріязни; потому что всякая попытка къ сближенію съ нашей стороны служила бы только напоминаніемъ о Священномъ Союзѣ и возбуждала бы

противъ насъ и народное чувство въ Германіи, и общественное мнѣніе въ цѣлой Европѣ.

Враждебная намъ стачка трехъ державъ по польскому дѣлу сама по себѣ была бы не опасна; но она служитъ дурнымъ признакомъ нашего положенія въ Европѣ. А потому мы не должны успокаиваться при видѣ благопріятнаго окончанія дипломатической кампаніи и считать себя въ благонадежномъ положеніи. Опасность не умалится даже въ томъ случаѣ если мы успѣемъ въ скоромъ времени подавить мятежъ въ Царствѣ Польскомъ. Неудобство заключается въ нашемъ разобщенномъ положеніи, въ совершенной отчужденности нашей. Пока Европа не узнаетъ Русскаго народа, пока она не услышитъ его голоса, она будетъ чуждаться Россіи, и намъ останется только напрягаться и развивать наши военныя силы чтобы поддерживать свое значеніе.

Бѣдная Россія! И внѣшніе, и внутренніе враги видятъ въ ней несмысленную массу съ которою можно распорядиться какъ угодно и надъ которою всякая попытка можетъ легко имѣть успѣхъ. Весь рядъ послѣднихъ событій служитъ тому доказательствомъ,— печальнымъ и горькимъ, но несомнѣннымъ. Вспомнимъ что̀ происходило въ Польшѣ, вспомнимъ что̀ происходило въ Европѣ, что̀ еще происходитъ вокругъ насъ, и мы съ грустію убѣдимся что Россія въ общемъ мнѣніи своихъ враговъ, внѣшнихъ и внутреннихъ, есть страна безпомощная, отданная на произволъ всякой интригѣ, страна съ которою можно сдѣлать все что̀ кому ни заблагоразсудится. Грустно что о Россіи имѣется такое мнѣніе.

Что̀ кромѣ самой обидной для насъ увѣренности въ нравственномъ безсиліи Россіи могло вызвать странную угрозу, которую мы и прежде слышали, и теперь снова слышимъ въ Европѣ,—угрозу признать мятежниковъ въ Царствѣ Польскомъ воюющею стороной? Это признаніе за мятежомъ правъ воюющей стороны выпускается противъ насъ какъ послѣдній, самый сильный аргументъ, который долженъ окончательно рѣшить дѣло,—долженъ заставить наше правительсво подписать всякую сдѣлку и согласиться на какія угодно условія. Всякій,

сколько-нибудь знающій положеніе дѣлъ, пойметъ что аргументъ этотъ есть не болѣе какъ шутка, что этою угрозой только издѣваются надъ Россіей, предполагая что она не пойметъ ея смысла, или понявъ не посмѣетъ воспользоваться тѣми очевидными выгодами которыя прямо возникли бы для нея вслѣдствіе признанія за мятежомъ въ Царствѣ Польскомъ правъ воюющей стороны. Россія понимающая свои интересы, Россія сильная и дѣйствующая съ полнымъ сознаніемъ своихъ силъ, не могла бы вызвать противъ себя такую угрозу; никому и въ голову не могла бы придти подобная мысль еслибы не обидное мнѣніе, будто правительство Русское не имѣетъ достаточно яснаго сознанія интересовъ своей страны или достаточной увѣренности въ ея силахъ. Исполненіе этой угрозы, которою предполагается смутить Россію, въ сущности только развязало бы ей руки и облегчило бы ея задачу. Для Россіи не можетъ быть ничего выгоднѣе какъ приведеніе такой угрозы въ исполненіе. Благодаря своему великодушію въ 1815 году, Россія попала подъ международное обязательство которое стало для нея источникомъ затрудненій и бѣдствій. Теперь враги предполагаютъ снять съ Россіи это роковое обязательство наложенное на нее происками друзей. Чего же лучше? Враги всегда надежнѣе друзей: это старая истина. Признать за нынѣшнимъ польскимъ мятежомъ право воюющей стороны значитъ вычеркнуть изъ Вѣнскаго трактата статью относящуюся до Царства Польскаго и уничтожить самый этотъ титулъ выдуманный нами въ угоду интригѣ, но вопреки Европѣ и во вредъ Россіи и самимъ населеніямъ польскимъ. Еслибы въ самомъ дѣлѣ европейскія державы сочли возможнымъ признать подземное правительство въ Царствѣ Польскомъ за воюющую сторону, то усмиреніе мятежа, которое находится вполнѣ въ рукахъ Россіи, было бы равносильно новому завоеванію этого края, и отношенія къ нему Россіи были бы окончательно очищены отъ всякой международной регламентаціи. Всякій сколько-нибудь мыслящій человѣкъ въ Россіи, и въ то же время не злоумышляющій противъ нея, и также не склонный къ великодушному пожертвованію ея дѣйстви-

тельными интересами, которые для всякаго Русскаго должны быть дѣломъ святымъ,—всякій такой человѣкъ согласится что между Россіей и Польшей не могутъ продолжаться тѣ отношенія, которыя такъ лукаво и двусмысленно намѣчены въ Вѣнскомъ трактатѣ.

Въ будущности Россіи сомнѣваться мы не можемъ;—и мы не сомнѣваемся что она возьметъ свое, что изо всѣхъ затрудненій она выйдетъ съ торжествомъ; но сердце сжимается при мысли о томъ рядѣ потрясеній и бѣдствій который ожидаетъ ее впереди прежде чѣмъ она выйдетъ изъ этой области темныхъ интригъ и недоразумѣній, которыя играютъ ея судьбами.

XVIII.

Передовая статья въ № 204 „Московскихъ Вѣдомостей" (19-го сентября).

И въ Европѣ, и въ Россіи толкуютъ о Царствѣ Польскомъ. Но что̀ такое Царство Польское? Соотвѣтствуетъ ли оно когда-то бывшему Польскому государству? Нѣтъ, нынѣшнее Царство Польское есть только малая часть этого государства; къ тому же Польское государство во всѣхъ отношеніяхъ принадлежитъ къ области прошедшаго, и не только не можетъ быть возстановлено въ своихъ предѣлахъ, но и не можетъ быть возстановлено съ тѣмъ духомъ, устройствомъ и порядкомъ, которые составляли его сущность. Ни государственная область, ни государственное устройство старой Польши не могутъ быть возстановлены; объ этомъ никто не помышляетъ, и даже тѣ изъ Поляковъ которые полагаютъ возможнымъ возстановить государственную область старой Польши не могутъ серіозно думать о возстановленіи ея государственнаго устройства. Мечтающіе о возстановленіи старой Польши мечтаютъ стало-быть не о возстановленіи Польскаго государства, которое возстановлено быть не можетъ, а о созданіи новаго государства на мѣстѣ прежней Польши. Въ этомъ отношеніи нынѣшнее польское возстаніе никакъ не можетъ быть названо національнымъ, и не можетъ имѣть инаго характера кромѣ чисто революціоннаго.

Но не служитъ ли нынѣшнее Царство Польское символомъ народности польской? Посмотримъ.

Старое Польское государство пало; части его вошли въ составъ трехъ государствъ. Нѣкоторыя изъ этихъ частей старой Польши заселены народомъ не польскимъ и входили въ составъ Польскаго государства не въ силу народности своихъ обитателей, а въ силу завоеванiй или династическаго присоединенiя: таковы наши западныя и юго-западныя области. Другiя части старой Польши, хотя издревле заселены польскимъ народомъ, но давно уже утратили свой характеръ и совершенно онѣмечились. Наконецъ есть еще части старой Польши, вошедшiя въ составъ другихъ государствъ, которыя хотя и не совсѣмъ онѣмечились, но гдѣ съ каждымъ годомъ слабѣетъ польская народность и смолкаетъ польскiй языкъ, и гдѣ народъ, то-есть крестьянство, въ противоположность такъ-называемой шляхтѣ, готовъ причислить себя къ какой угодно народности, лишь бы только не составлять одного политическаго цѣлаго съ польскою шляхтой. Что̀ видимъ мы во всѣхъ областяхъ нѣкогда входившихъ въ составъ старой Польши, то самое мы видимъ и въ нынѣшнемъ Царствѣ Польскомъ. Части составляющiя это Царство Польское не отличаются ни чѣмъ существеннымъ въ сравненiи съ разными другими областями входившими въ составъ стараго Польскаго государства. Какъ въ Царствѣ Польскомъ, такъ и въ другихъ бывшихъ польскихъ областяхъ, патрiотизмъ польскiй сосредоточенъ въ шляхтѣ, которая представляетъ собою какъ бы особое народонаселенiе, какъ бы особую народность, уродливо образовавшуюся въ Польшѣ и погубившую ее. Эта шляхта разбросана по всѣмъ городамъ и селамъ во всѣхъ областяхъ старой Польши, какъ въ тѣхъ которыя искони были заселены другою народностью, людьми иной вѣры и иного языка, такъ и въ тѣхъ, гдѣ народъ всегда говорилъ по-польски, но гдѣ крестьянство тѣмъ не менѣе относится къ шляхтѣ какъ къ чуждой породѣ, и нисколько не чувствуетъ въ себѣ польскаго духа, готово отказаться не только отъ Польскаго государства, но и отъ польской народности и, какъ напримѣръ въ Австрiи, гораздо

охотнѣе называетъ себя имперцами нежели Поляками. Почему же только тѣ части старой Польши которыя случайно были собраны воедино и получили названіе Царства Польскаго, могутъ претендовать на исключительное положеніе? Почему только эти части признаны польскими и имъ предоставлено быть особымъ политическимъ цѣлымъ подъ титуломъ Царства Польскаго? Если брать въ разчетъ притязанія польско-шляхетскаго патріотизма, то нѣтъ никакого основанія останавливаться на нынѣшнемъ Царствѣ Польскомъ; притязанія этого патріотизма равно простираются на всѣ части старой Польши,—и если признать ихъ въ Царствѣ Польскомъ, то было бы непослѣдовательно и несправедливо не признать ихъ и повсюду. Если же нѣтъ никакой возможности ни политически, ни логически допустить требованія польско-шляхетскаго патріотизма и удовлетворять ихъ въ нашихъ западныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ или въ прусскихъ областяхъ, или въ областяхъ вошедшихъ въ составъ Австріи, то нѣтъ также никакой возможности считаться съ ними и на почвѣ такъ-называемаго Царства Польскаго. Царство Польское есть только имя, области же собранныя подъ это имя, какъ выше сказано, ничѣмъ не разнятся отъ другихъ бывшихъ польскихъ земель, и принадлежатъ либо къ одной, либо къ другой категоріи этихъ земель по отношенію къ народности польской. Въ частяхъ составляющихъ Царство Польское, также какъ и повсюду на пространствѣ старой польской государственной области, проходитъ глубокое, неизгладимое раздѣленіе между крестьянствомъ и шляхетскою породою. Кромѣ того, онѣ мало похожи одна на другую и ничуть не имѣютъ больше права называться Польшей чѣмъ многія изъ бывшихъ польскихъ земель не вошедшихъ въ Царство Польское. Опредѣленіе границъ Царства Польскаго основывалось на случайныхъ обстоятельствахъ и на соображеніяхъ внушенныхъ не чисто принципомъ національности. Нѣкоторыя части нынѣшняго Царства Польскаго заселены людьми не польскаго языка и даже отчасти не католической религіи.

Если въ этомъ краѣ войдетъ наконецъ въ полную силу законная власть, если она оградитъ тамошнихъ людей отъ революціонныхъ устрашеній, если она выведетъ ихъ изъ того неестественнаго горячечнаго состоянія въ которомъ они находятся, благодаря возникшему въ странѣ двоевластію, то многіе изъ самихъ Поляковъ поднимутъ голосъ противъ нѣкоторыхъ плановъ сочиняемыхъ въ Россіи подъ предлогомъ осчастливить народонаселенія обитающія въ разныхъ губерніяхъ оффиціально названныхъ Царствомъ Польскимъ, благодаря случайности, которая не имѣетъ ничего общаго съ польскою народностію.

Въ подтвержденіе вышесказаннаго, намъ всего лучше сослаться на слова кореннаго Поляка, изъ чистаго польскаго крестьянства, но человѣка образованнаго и совершенно способнаго судить о положеніи польскаго дѣла въ Царствѣ Польскомъ. Вотъ что̀ пишетъ этотъ *польскій крестьянинъ* изъ глубины Царства Польскаго, и слова его мы передаемъ въ точности, ручаясь за ихъ подлинность:

«Коренное сельское народонаселеніе Царства Польскаго состоитъ изъ Поляковъ, Литовцевъ и Русскихъ. Уѣзды Сейненскій, Кальварійскій и Маріампольскій, Августовской губерніи, населены Литовцами. Юго-восточную часть Сейненскаго уѣзда и сѣверную половину уѣзда Августовскаго, то-есть Домбровскій округъ вплоть до Райгорода и рѣки Элка, занимаютъ Русскіе (отчасти уже полуополяченные). Русскими населена также восточная половина Люблинской губерніи отъ Дорогичина (Гродненской губерніи) до впаденія рѣки Сана въ Вислу. И польское народонаселеніе столько вѣковъ изнемогаетъ подъ тягостнымъ убійственнымъ шляхетско-ксендзовскимъ гнетомъ: каково же положеніе Русскихъ и Литовцевъ! У нихъ отнимаютъ самое дорогое достояніе—вѣру и языкъ. Пора прекратить панско-ксендзовскія козни, и части Царства Польскаго населенныя Литовцами и Русскими совсѣмъ присоединить къ Русской Имперіи; или, по крайней мѣрѣ, ввести въ нихъ русское начальство и русскій языкъ въ училищахъ и присутственныхъ мѣстахъ. Въ уѣздахъ: Маріампольскомъ, Кальварійскомъ и Сейненскомъ (исключая мѣстности населенныя Русскими), перво-

начальное обученіе народа должно производиться на литовскомъ языкѣ. Въ Сувалкской гимназіи и Маріампольскомъ уѣздномъ училищѣ надобно преподавать литовскій языкъ по крайней мѣрѣ два или три часа въ недѣлю. Крестьянъ Царства Польскаго надо надѣлить землею, крестьянскимъ самоуправленіемъ, гражданскими правами. Пора отнять у пановъ феодальныя права, особенно такъ-называемое *право пропинаціи*, по которому крестьянинъ не можетъ варить на праздникъ пиво или брагу, а долженъ пить панскую сивуху. Введеніе въ Царствѣ Польскомъ питейнаго сбора (на тѣхъ же началахъ какъ на Руси) увеличитъ государственные доходы, упроститъ управленіе и освободитъ жителей Царства, особенно крестьянъ, отъ тлетворнаго панскаго вліянія и отъ богомерзкой толпы *стражниковъ*, окружающихъ города, мѣстечки и села. Велёпольскій рѣшительно изгналъ изъ училищъ русскій языкъ. Лѣкаря Катковскаго назначилъ онъ въ Главную Школу лекторомъ старославянскаго языка и русскихъ лѣтописей, съ цѣлію доказывать что кириллицу слѣдуетъ замѣнить латинскою азбукой, и что Несторъ и его продолжатели писали по-старопольски. Въ гимназіи и уѣздныя училища необходимо назначить дѣльныхъ учителей русскаго языка, и обезпечить ихъ положеніе, назначивъ имъ годовое жалованіе отъ 800 до 1.200 рублей серебромъ и 25-лѣтній срокъ службы. Въ Главной Школѣ, вмѣсто какихъ-то придуманныхъ Велёпольскимъ каѳедры библіографіи и лектората польскаго языка (независимо отъ каѳедры польскаго языка и словесности), учредить каѳедру русской исторіи и другихъ полезныхъ предметовъ. Удалить сторонниковъ системы Велёпольскаго, и каѳедры въ Главной Школѣ дать дѣльнымъ ученымъ, преданнымъ законному порядку и Русскому Царю, не питающимъ ненависти къ Руси и всему русскому....»

XIX.

Передовая статья въ № 205 „Московскихъ Вѣдомостей“ (20 Сентября).

Въ эпоху преобразованій, все охватывающихъ и все измѣняющихъ, не худо иногда войти въ себя и спросить, куда мы идемъ, что̀ мы дѣлаемъ, что̀ мы оставляемъ позади, что̀ мы беремъ съ собою.

Мы оставляемъ позади государство единое, крѣпкое, несокрушимо-цѣлое, могущественное, слагавшееся долго, слагавшееся трудно и носившее на себѣ знаменіе великой будущности того народа который выстрадалъ его и положилъ на него столько жизни и силъ. Каковы бы ни были преобразованія, задуманныя нами, къ чему бы они ни клонились, что̀ бы они намъ ни обѣщали, они должны быть совершены не въ какомъ-нибудь воздушномъ царствѣ, но въ Россіи, въ этомъ намъ всѣмъ извѣстномъ Русскомъ государствѣ, гдѣ жили наши предки, гдѣ живемъ мы сами,—въ этомъ государствѣ такъ дорого купленномъ, что всѣ эти милліоны людей его населяющіе какъ въ былыя времена, такъ и теперь,—и теперь еще болѣе чѣмъ когда-либо прежде,—готовы стать за него какъ одинъ человѣкъ, отдать за него все достояніе и всю кровь свою. Когда весь народъ даетъ такую страшную цѣну этому великому организму называемому Русскимъ государствомъ, когда все и самая жизнь, такъ легко, съ такимъ усердіемъ, съ такимъ энтузіазмомъ, отдается каждымъ для сохраненія его въ невредимости и цѣлости, то не слѣдуетъ ли намъ прежде всего согласить всѣ наши мысли и планы съ этою первою, коренною, безспорною необходимостію, необходимостію сохранить для народа невредимымъ и цѣлымъ то что̀ онъ купилъ такъ дорого и за что̀ онъ всѣмъ готовъ пожертвовать и все готовъ вытерпѣть? Мы всѣ хотимъ лучшаго (кто не хочетъ лучшаго?), но мы должны помнить что лучшее должно быть лучшимъ не для чего-либо иного, а именно для этой великой единицы, называемой съ одной стороны Русскимъ народомъ, а съ другой Русскимъ государствомъ. Какъ

бы ни были хороши наши планы, хороши они могутъ быть только въ томъ случаѣ если будутъ удовлетворять требованіямъ этого политическаго организма и будутъ способствовать его крѣпости и здоровью.

Итакъ, мы оставляемъ позади крѣпкій и могущественный государственный составъ, который прошелъ побѣдоносно чрезъ всѣ испытанія. Это мы оставляемъ позади. Это тотъ суровый, строгій, но могущественный и колоссальный образъ, который представляется намъ сразу какъ только мы оглянемся назадъ. Что̀ жь? Должны ли мы и въ самомъ дѣлѣ оставить позади эту силу, въ которой замкнулось все наше прошедшее? Или мы должны взять эту силу съ собою, въ тотъ новый путь который намъ открылся,—бережно и свято сохранить все сильное въ этой силѣ, отбросивъ все негодное, вредное или опасное для нея, все утратившее жизнь и преданное неудержимому разложенію? Мы хотимъ измѣнить формы нашей жизни, измѣнить ихъ разумѣется къ лучшему, а не къ худшему; но измѣняя къ лучшему формы нашей жизни, не должны ли мы сохранить то существованіе для котораго мы ищемъ новыхъ лучшихъ условій,—и сохраняя его, не должны ли мы сберечь всѣ условія его здоровья и крѣпости,—ибо кому же нужно хилое, безсильное существованіе и къ чему послужили бы всѣ лучшія изобрѣтаемыя нами формы если уничтожится сила для принятія и усвоенія ихъ? А если мы хотимъ сберечь его здоровье и крѣпость, то не должны ли мы обратить строжайшее вниманіе на производимыя нами новыя сочетанія элементовъ? То ли мы дѣлаемъ что̀ хотимъ? Нѣтъ ли какой неточности въ тѣхъ понятіяхъ которыми мы руководствуемся? Не смѣшиваемъ ли мы случайнаго съ существеннымъ? Не откидываемъ ли мы то въ чемъ заключается наша дѣйствительная сила, выросшая вѣками и долженствующая служить залогомъ нашей будущности? Не удерживаемъ ли мы напротивъ того что̀ было и прежде элементомъ нашей слабости, и что̀ при дальнѣйшемъ развитіи можетъ привести насъ къ конечному разстройству?

Въ Россіи прежней, оставшейся позади, мы видимъ крѣпкое единство двухъ самыхъ основныхъ, самыхъ коренныхъ эле-

ментовъ народной и государственной жизни. Мы видимъ самое тѣсное, самое непосредственное единство между материкомъ на которомъ все стоитъ и все держится—крестьянствомъ—и тѣмъ высшимъ классомъ народа—землевладѣльческимъ дворянствомъ, въ которомъ заключалась главная дѣйствующая сила нашей государственной жизни. Вся крѣпость Русскаго государства держалась на этомъ единствѣ двухъ коренныхъ земскихъ элементовъ. Двадцать слишкомъ милліоновъ людей находились въ непосредственной зависимости у дворянъ-землевладѣльцевъ подъ ихъ непосредственнымъ управленіемъ и составляли съ ними одно политическое и хозяйственное цѣлое. Это единство выражалось въ крѣпостномъ правѣ; эта земская крѣпость Русскаго государства была закрѣпощеніемъ крестьянства. Мы отдѣлались отъ крѣпостнаго права; оно осталось позади. Это условіе нашего государственнаго быта сдѣлало свое дѣло и отжило свое время; долѣе существовать оно не могло, и день 19-го февраля 1861 года былъ великимъ днемъ обновленія Россіи. Милліоны получили свободу и начало гражданской полноправности. Русскій народъ въ своихъ сельскихъ массахъ сталъ наконецъ народомъ свободнымъ. Начатое продолжается, и по прошествіи недолгаго времени изгладятся Богъ дастъ всѣ слѣды крѣпостной неволи въ крестьянскомъ быту и всѣ дурные навыки крѣпостнаго права въ быту помѣщичьемъ; полная гражданская свобода войдетъ во всѣ части и подробности народнаго быта, подниметъ и оживитъ всѣ его силы.

Итакъ, крѣпостная неволя кончилась; крѣпостное право отмѣнено. Но съ тѣмъ вмѣстѣ не отмѣнена ли пожалуй и крѣпость нашего народнаго организма? Не сочтетъ ли и ее ктонибудь негоднымъ отжившимъ свой вѣкъ условіемъ?

Крѣпость нашего народнаго организма мы не хотимъ оставить позади; мы хотимъ удержать ее. Но чѣмъ замѣнимъ мы то единство двухъ коренныхъ земскихъ элементовъ на которомъ она основывается? Какія новыя условія представляются

намъ на видъ для того чтобы наша государственная сила не только не была ослаблена, а напротивъ возрасла согласно съ новыми потребностями? Вмѣсто потрясеннаго и разорваннаго единства, не возникнетъ ли между сельскими классами двойство? А если тутъ, въ нашемъ сельскомъ быту возникнетъ рознь, колебаніе и борьба, то куда же перемѣстится центръ тяжести нашего государства? Объ этомъ сто́итъ подумать.

Крестьянство, крѣпостное крестьянство не было особою юридическою единицей: оно заступалось помѣщиками и составляло съ ними нераздѣльную единицу. Весь крестьянскій бытъ, всѣ интересы крестьянъ находились въ рукахъ помѣщиковъ. Теперь этого нѣтъ. Теперь крестьяне освобождены и стоятъ на своихъ ногахъ. Въ какихъ же отношеніяхъ свободное крестьянство должно находиться къ землевладѣльческому дворянству, съ которымъ все-таки оно живетъ дворъ-объ-дворъ съ которымъ все-таки соединены всѣ его интересы, съ которымъ все-таки оно находится въ самой тѣсной связи? Въ какихъ отношеніяхъ должны находиться эти два главные элемента нашего земства которые не могутъ оторваться другъ отъ друга еслибъ и захотѣли, которыхъ благосостояніе, и порознь и вмѣстѣ взятое, есть дѣло равно имъ общее? Желать ли чтобы въ эти отношенія проникла откуда-нибудь рознь, чтобъ они запутались, или желать напротивъ чтобъ они установились возможно согласнѣе и чище? Стараго единства быть не можетъ, крестьянинъ отнынѣ принадлежитъ не кому-либо другому, а самому себѣ. Итакъ, старое единство въ которомъ исчезала личность и собственность крестьянина невозможно; оно отошло навсегда, оно исчезло безвозвратно. Но вмѣсто стараго единства должно ли непремѣнно утвердиться раздвоеніе, должна ли установиться рознь какъ начатокъ новаго будущаго, какъ характеристическая черта новой ожидающей насъ исторіи? Неужели нѣтъ другаго исхода? Неужели нельзя ожидать что вмѣсто стараго единства возникнетъ что-нибудь другое, а не раздвоеніе, не рознь? Неужели нельзя ожидать что нашъ земскій миръ съ которымъ неразрывно связана крѣпость нашего

государства останется миромъ въ полномъ значеніи этого слова? Нѣтъ, вмѣсто одного единства можетъ и должно возникнуть другое; вмѣсто стараго брошеннаго единства можетъ и должно установиться новое лучшее во благо обѣихъ сторонъ и во благо великаго цѣлаго въ которомъ обѣ стороны имѣютъ столь существенное, столь коренное значеніе.

Зловѣщія предсказанія не сбылись. Злоумышленныя попытки воспользоваться преобразованіемъ крестьянскаго быта чтобы поколебать Русское государство не удались. Ошибки неизбѣжныя во всякомъ дѣлѣ и односторонности канцелярскаго доктринерства не подсобили, слава Богу, этимъ злоумышленнымъ попыткамъ и не порадовали нашихъ враговъ. Все обошлось благополучно. Благодаря могучему здоровью Русскаго народа, его великому здравому смыслу, это великое преобразованіе обошлось легко, безъ потрясеній и несмотря на всевозможныя дурныя вмѣшательства которыя могли возмутить его ходъ, приняло самое лучшее направленіе. Исторія отдастъ справедливость тѣмъ правительственнымъ лицамъ которыя въ послѣднее время сумѣли мало-по-малу, вопреки дурнымъ противоборствующимъ вліяніямъ, устранить изъ этого дѣла фальшивую примѣсь и оказать пособіе внутренней врачующей силѣ жизни, подвергшейся перелому и испытанію. Извѣстія получаемыя нами изнутри Россіи, особенно изъ ея черноземныхъ губерній, свидѣтельствуютъ о возрастающемъ сближеніи обоихъ элементовъ нашего сельскаго быта, крестьянъ и помѣщиковъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ послѣднее время въ отношеніяхъ крестьянъ къ помѣщикамъ не только не оказывается никакой вражды, но и никакой существенной розни. За исключеніемъ отдѣльныхъ столкновеній, происходящихъ тамъ и тутъ, мы видимъ вообще духъ соглашенія и сближенія. Благотворители изъ чужаго кармана, чиновники-прогрессисты, всякаго рода добродѣтельные демагоги и разные Кайи Гракхи, которыхъ расплодилось у насъ такое множество, притихли (болѣе всего пугнулъ эту сволочь высокій патріотическій духъ которымъ мы обязаны польскому дѣлу: какова иронія!—того ли хотѣли Поляки?). Крестьяне гонятъ отъ себя этихъ благодѣтелей своихъ, и иному

крестьянскому адвокату было бы не совсѣмъ безопасно показаться теперь въ тѣхъ селахъ гдѣ онъ еще такъ недавно, изъ любви къ человѣчеству и справедливости, натравливалъ крестьянъ на помѣщика. Между обѣими сторонами сами собою налаживаются дружелюбныя отношенія обѣщающія установить единство между ними,—единство несокрушимое потому что оно основано уже не на рабствѣ, но на взаимности интересовъ.

Такъ и должно быть, и всѣ друзья Русскаго народа не могутъ не порадоваться новому миру который водворяется на нашихъ нивахъ. Будетъ здѣсь согласіе и миръ, пойдетъ и все согласно и мирно. Но тѣмъ осторожнѣе должны мы поступать въ дальнѣйшихъ нашихъ преобразованіяхъ чтобы какъ-нибудь не нарушился этотъ ново-возникающій строй нашей народной и государственной жизни. Дальнѣйшія преобразованія должны имѣть пуще всего въ виду потребность прочнаго единенія между этими двумя коренными элементами нашего государственнаго благосостоянія. Мы должны съ полною ясностію представить себѣ эту потребность и ничего не допускать чтò можетъ уклонить насъ въ противную сторону.

Теперь на очереди вопросъ о новомъ устройствѣ нашего земства. Предполагаются новыя учрежденія въ которыхъ примутъ участіе всѣ элементы земства, сельскаго и городскаго. Нѣтъ сомнѣнія что эти учрежденія могутъ быть задуманы лишь съ тою цѣлію чтобы сблизить и соединить земскіе элементы, а не разрознить ихъ и не подвергнуть колебанію нашъ земскій миръ. Согласно съ этою цѣлію чего же слѣдуетъ желать? Того ли чтобы между крестьянствомъ и землевладѣльческимъ дворянствомъ прошла черта которая навсегда раздѣлитъ ихъ и внесетъ въ нашу земскую жизнь элементъ ей чуждый и быть-можетъ враждебный? Объ этомъ стóитъ подумать. Слѣдуетъ ли желать чтобы крестьянство отдѣлилось и стало особою корпораціей рядомъ съ корпораціей землевладѣльцевъ-некрестьянъ, то-есть *de facto* дворянъ-землевладѣльцевъ, и чтобы между ними стала еще третья (третье сословіе, здравствуй!)— корпорація городская? Какую бы тонкую черту ни провели мы

между крестьянствомъ и дворянствомъ въ этомъ новомъ устройствѣ, несомнѣнно послѣдуетъ рознь и измѣнится весь характеръ нашей земской жизни. Двойство будетъ рости, плодиться и выражаться во всевозможныхъ символахъ и мы ежеминутно будемъ въ опасности утратить самую почву на которой должно совершаться наше государственное развитіе.

Нѣтъ, всѣ усилія наши должны быть направлены къ тому чтобъ устранить всякій поводъ къ розни между двумя сословіями, предупредить всякій символъ который можетъ разобщить ихъ. Нашими новыми учрежденіями должны мы оказать пособіе собственнымъ усиліямъ жизни къ возстановленію потрясеннаго единства. Что̀ произошло бы еслибы мы, не уваживъ этой потребности и увлекшись сцѣпленіями чуждыхъ нашей жизни понятій, успѣли внести и упрочить какими-нибудь новыми учрежденіями рознь между коренными элементами нашего земскаго быта? Смѣло можно сказать что не успѣло бы сойти со своего поприща нынѣ дѣйствующее поколѣніе, какъ ему пришлось бы горько раскаяться въ своей непредусмотрительности. Здоровый инстинктъ народной жизни можетъ-быть побѣдилъ бы рознь, которую мы внесли бы въ нее новыми учрежденіями, и какъ часто бывало, жизнь быть-можетъ обошла бы ихъ проселкомъ и въ концѣ концовъ взяла бы свое; но подобныя смуты вносимыя въ народную жизнь никогда не обходились безъ вредныхъ послѣдствій, а впредь при новыхъ условіяхъ жизни эти смуты будутъ становиться все глубже, все чувствительнѣе и опаснѣе.

Объ этомъ сто́итъ подумать,—сто́итъ озаботиться изысканіемъ способовъ какъ бы устроить наше земство не ослабляя его и не внося въ него элементовъ розни и смутъ. И чѣмъ проще мы посмотримъ на дѣло, тѣмъ легче найдемъ мы этотъ желанный способъ устроить наше земство соотвѣтственно новымъ потребностямъ жизни и съ сохраненіемъ всѣхъ элементовъ ея здоровья и силы.

XX.

Передовая статья въ № 206 „Московскихъ Вѣдомостей" (21 сентября).

Послѣднія депеши князя Горчакова и вскорѣ послѣдовавшее за ними появленіе въ *Мониторъ* революціоннаго польскаго манифеста на имя князя Чарторыйскаго надѣлали не мало шума въ Вѣнѣ, въ Лондонѣ, особенно въ Парижѣ, и породили множество толковъ о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ трехъ державъ въ польскомъ вопросѣ. Повидимому Франція дѣйствительно оскорбилась сильнымъ отпоромъ на ея притязанія простиравшіяся и на тѣ области Россіи которыя не подлежатъ никакимъ международнымъ трактатамъ; повидимому ей сильно не понравилось напоминаніе тѣхъ прискорбныхъ для нея обстоятельствъ при которыхъ состоялся Вѣнскій трактатъ. Она не прочь была бы завоевать Россію, но не иначе какъ въ союзѣ съ Австріей и Англіей, а послѣднія не чувствуютъ къ тому ни малѣйшаго расположенія, и еще 27-го сентября, въ рѣчи которую мы приводимъ ниже, *) лордъ Россель съ новою силой заявилъ что «ни долгъ, ни интересы, ни честь не побуждаютъ Англію предпринимать войну за Польшу». Объ Австріи и говорить нечего. Тѣмъ не менѣе всѣ усилія Франціи направлены теперь къ тому чтобы настроить обѣ другія державы на тонъ сколь можно болѣе непріязненный Россіи. Такъ между прочимъ принцъ Наполеонъ отправился самъ въ Лондонъ; на мѣсто барона Гро въ посла при Лондонскомъ дворѣ прочатъ все съ большею силой графа Валевскаго. Въ Вѣнѣ, какъ говоритъ *Ostdeutsche Post* въ приведенной ниже статьѣ,**) получена французская депеша въ которой высказывается неудовольствіе на Англію и Австрію какъ виновницъ непріятнаго для Франціи оборота дѣлъ.

*) Въ томъ же нумерѣ *Моск. Вѣд.*

**) Тамъ же.

Франція, говорятъ далѣе, желала бы чтобы пресловутые шесть пунктовъ были представлены Россіи въ видѣ ультиматума для немедленнаго приведенія ихъ въ дѣйствіе; она желала бы еще чтобы Поляки признаны были воюющею стороной. Англіи приписывается намѣреніе, которому рѣчь лорда Росселя можетъ отчасти служить подтвержденіемъ—намѣреніе объявить статью Вѣнскаго трактата, подтвердившую права Россіи на Польшу, упраздненною, и говорятъ будто бы подобное предложеніе уже сдѣлано ею въ Вѣнѣ. Но Австрія благоразумно не желаетъ ни ультиматума, ни признанія Поляковъ воюющею стороной, ни даже нанесенія новаго удара Вѣнскому трактату, который и безъ того уже понесъ столько ударовъ и который тѣмъ не менѣе дорогъ Австріи по воспоминанію о томъ вліяніи, выгодахъ и преимуществахъ которыя онъ ей доставилъ. Все на что̀ могла бы еще склониться Австрія заключается въ составленіи такого общаго документа въ которомъ всѣ три державы высказали бы С.-Петербургскому кабинету что онѣ принимаютъ къ свѣдѣнію объявленіе Россіи о томъ что она беретъ на себя всю отвѣтственность, предоставляя себѣ въ свое время воспользоваться тѣмъ что Россія не захотѣла тотчасъ же приступить къ предложеннымъ ей конференціямъ.

Такимъ образомъ, парижскій корреспондентъ *Indépendance Belge* едва ли не правъ говоря въ своемъ письмѣ отъ 27-го сентября что въ послѣдніе дни въ Парижѣ очень много шумѣли изъ ничего и что польскій вопросъ во всякомъ случаѣ не будетъ снова выдвинутъ впередъ до возвращенія императора Наполеона изъ Компьеня, то-есть до ноября: тогда только могутъ возобновиться болѣе настоятельнымъ образомъ переговоры между тремя державами въ видахъ соглашенія насчетъ дальнѣйшаго образа дѣйствій, а соглашеніе это еслибъ и состоялось, состоится не прежде какъ къ январю будущаго года. Такимъ образомъ, разчитываетъ корреспондентъ, прежде февраля ничего не можетъ быть рѣшено между Россіей и тремя другими державами.

Во всякомъ случаѣ можно смѣло сказать, что Европа воевать,—то-есть настоящимъ образомъ воевать,—изъ-за Польши

не хочетъ и не можетъ, если только не примѣшаются къ дѣлу какіе-либо новые элементы. Собственно польскіе интересы не имѣютъ никакого значенія на вѣсахъ европейской политики. Польша, какъ извѣстно, есть не болѣе какъ удобный предлогъ для придирокъ къ Россіи. Европейскія державы несомнѣнно будутъ пользоваться этимъ предлогомъ пока мы не устранимъ его. Но если европейская война изъ-за Польши невозможна, то, какъ неоднократно было замѣчено, отъ этого намъ не легче. Войны бояться намъ нечего ни въ какомъ отношеніи; война пожалуй была бы для насъ, въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, дѣломъ желательнымъ, да только она ускользнула бы отъ насъ еслибы мы и сами стали искать ее. Весь смыслъ принятой противъ насъ системы дѣйствій состоитъ единственно въ томъ чтобы какъ можно болѣе обезсиливать насъ въ Европѣ, какъ можно болѣе смущать насъ внутри. Теперь, когда дипломатическіе переговоры на основаніи Вѣнскаго трактата прекратились,—политика принятая противъ насъ въ Европѣ будетъ дѣйствовать еще сильнѣе чѣмъ прежде, политика направленная къ тому чтобы разжигать страсти, затруднять и смущать наше правительство.

Отмѣна статьи въ Вѣнскомъ трактатѣ относящейся къ польскому вопросу, признаніе правъ воюющей стороны за польскими мятежниками, вотъ чѣмъ пугаютъ насъ въ Европѣ въ отвѣтъ на послѣднія депеши нашего правительства. Европейскіе политики прибѣгающіе къ этимъ аргументамъ, очень хорошо знаютъ чего эти аргументы сто̀ятъ; но они разчитываютъ не на внутреннюю силу этихъ аргументовъ, а на ихъ воображаемую, мнимую стоимость, на то дѣйствіе которое могутъ они произвести на настроеніе умовъ, съ одной стороны возвышая тонъ польскихъ притязаній, съ другой—подвергая вопросу и сомнѣнію то что̀ въ Россіи не можетъ подлежать никакому вопросу, не можетъ подвергаться ни малѣйшему сомнѣнію. Всѣ политическіе люди въ Европѣ, и лордъ Россель не менѣе всякаго другаго, знаютъ, что возстановленіе старой Польши есть не только несбыточная, но

и немыслимая химера; но никто и не говоритъ чтобъ осуществленіе этой химеры входило какимъ-нибудь образомъ въ планъ европейской политики, никто не говоритъ даже чтобы въ этотъ планъ входило отдѣленіе нынѣшняго Царства Польскаго отъ Россіи. Этого не говорятъ,—но находятъ нелишнимъ, какъ лордъ Россель въ упомянутой выше рѣчи произнесенной имъ на дняхъ въ одномъ шотландскомъ городкѣ, высказываться тономъ сомнѣнія о правахъ Россіи на ея западныя области. Довольно и одного полуслова чтобы гальванизовать въ польскихъ патріотахъ самую невозможную изо всѣхъ возможныхъ химеръ, и поддержать раздраженіе страстей, хотя бы онѣ не имѣли никакого опредѣленнаго предмета, да лишь бы клонились къ смущенію Русскаго правительства.

Можно съ полнымъ убѣжденіемъ сказать что польскій вопросъ есть во всѣхъ отношеніяхъ внутренній вопросъ Россіи. Мы можемъ сказать это Европѣ; мы должны сказать это и самимъ себѣ. Какъ всѣ дѣйствія испытующей насъ европейской политики направлены не къ тому чтобы вызвать насъ на европейскую войну, а къ тому чтобы довести насъ, буде возможно, до совершенной несостоятельности въ нашихъ внутреннихъ дѣлахъ, такъ точно и наше вниманіе, въ отпоръ этой враждебной намъ политикѣ, должно быть направлено главнымъ образомъ не на внѣшнюю а на внутреннюю нашу политику,—на изысканіе внутреннихъ способовъ выйти побѣдоносно изъ затрудненій и замѣшательствъ, не смущаясь ни мыслію объ европейской войнѣ, ни сомнѣніемъ во внутреннихъ силахъ Россіи, и ставя выше всего ея интересы. Мы должны искренно повѣрить въ призваніе и достоинство нашего народа; мы должны искренно почувствовать, что Россія дѣйствительно сильна, и сильна не только числомъ своихъ штыковъ и пушекъ, но и элементами внутренней государственной жизни.

Затрудненія возбужденныя польскимъ вопросомъ важны не потому чтобъ этотъ вопросъ самъ-по-себѣ имѣлъ какое-нибудь серіозное значеніе. Съ польской стороны эти затрудненія для

насъ не опасны въ сущности; но они имѣютъ двѣ стороны, и если съ польской они не важны, то они очень важны для насъ съ русской. Съ этой послѣдней стороны, они и важны, и прискорбны: съ этой стороны они подставляютъ намъ зеркало.

Несчастные Поляки! Они разоряются, гибнутъ тысячами, поднимаютъ съ шумомъ на цѣлый міръ свой вопросъ, подкупаютъ европейскія газеты, интригуютъ при всѣхъ дворахъ, ссылаются на трактаты, грозятъ намъ европейскою войной, и никакого толка изъ ихъ дѣла не выходитъ, и чѣмъ болѣе они будутъ поднимать шуму тѣмъ менѣе удастся имъ выгадать что-нибудь для себя. Шумъ и угрозы будятъ наши народныя силы, и только въ подобныхъ случаяхъ слышится отдаленный гулъ ихъ въ Европѣ, а гдѣ онѣ поднимаются и бодрствуютъ тамъ гораздо труднѣе вырвать что-нибудь у Россіи. Гораздо было бы выгоднѣе имъ продолжать дѣйствовать втихомолку...

XXI.

ПЕРЕДОВАЯ СТАТЬЯ ВЪ № 207 „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“ (23-го СЕНТЯБРЯ).

Французамъ ли оскорбляться чѣмъ-нибудь по поводу польскаго вопроса, или Русскимъ? Для Русскаго польскій вопросъ есть свое домашнее, кровное дѣло; для Русскаго этотъ вопросъ есть еще болѣе русскій чѣмъ польскій, а для Француза онъ ровно ничего не значитъ. Французская журналистика забрасывала Россію грязью; русское имя на всѣхъ парижскихъ перекресткахъ предавалось поруганію; во французскомъ сенатѣ принцъ Наполеонъ осыпалъ Россію неслыханными оскорбленіями. Въ Россіи тогда была могильная тишина, и только мало-по-малу поднялось наконецъ русское народное чувство, которое, какъ извѣстно, вело себя очень скромно, никакихъ излишествъ не дѣлало, хотя его на каждомъ словѣ попрекали

въ буйствѣ и звѣрствѣ. При всей своей скромности, оно все-таки однако дало почувствовать себя; его появленіе удивило Европу и значительно измѣнило положеніе дѣлъ. На депеши иностранныхъ дворовъ, которыя безцеремонно затрогивали самые неприкосновенные интересы Россіи, и глубоко оскорбляли русское чувство, Россія послала отвѣты, въ которыхъ не было ни одного рѣзкаго слова, никому никакой обиды, въ которыхъ она только благоразумно отказалась продолжать объясненія не ведущія ни къ какимъ положительнымъ результатамъ, и позволила себѣ изложить свой взглядъ на дѣло въ которомъ никто не имѣетъ столько права быть судьею какъ Россія. Вотъ всѣ наши провинности; да еще случайно, къ слову, безъ всякаго умысла, излагая исторію вопроса, упомянули мы о 1812, 1813 и 1814 годахъ. И вотъ находятся за границей люди которые истолковываютъ наше благоразумное поведеніе въ смыслѣ будто бы крайне оскорбительномъ для французскаго народа, и редакція нашей французской газеты, издаваемой въ Петербургѣ, спѣшитъ заранѣе успокоить могущія произойти во Французахъ раздраженіе и волненіе. *Journal de St.-Pétersbourg* напоминаетъ Французамъ что если въ теченіе временъ былъ 1814 годъ, то были также битвы подъ Фридландомъ и Аустерлицемъ. Онъ объясняетъ Французамъ что дипломатическая переписка происходившая по польскому дѣлу не была турниромъ, и слѣдовательно не могла сопровождаться побѣдой или пораженіемъ которой-либо изъ двухъ сторонъ.

Назадъ тому съ небольшимъ недѣля, та же газета старалась успокоить общественное мнѣніе,—не знаемъ только въ Европѣ или въ Россіи,—относительно какихъ-то политическихъ импровизацій, для произведенія которыхъ будто было бы легко воспользоваться патріотическимъ одушевленіемъ всѣхъ классовъ русскаго общества. Увы! Сочиненіе импровизацій никогда не нуждалось въ живомъ участіи всѣхъ классовъ общества; импровизаціи дѣлались, напротивъ, безъ всякаго патріотическаго одушевленія и безъ пособія со стороны народнаго чувства. Что же касается до патріотизма и народнаго чувства,

то по мнѣнію многихъ, мы такъ богаты ими, что намъ нечего ловить минуты ихъ проявленія, спѣшить ими пользоваться или стараться продлить ихъ и заботиться чтобы ничего не пропало отъ нихъ, а все пошло бы въ дѣло на славу, величіе и благоденствіе Россіи.

Дай Богъ чтобы мы и въ самомъ дѣлѣ были такъ богаты, чтобы наше народное чувство являлось на зовъ всегда какъ только въ немъ окажется надобность. Но съ тѣмъ по крайней мѣрѣ нельзя не согласиться, что это великое, истинное, святое чувство, къ которому дѣйствительно способенъ Русскій народъ, не можетъ, не должно служить декорацiей, и что грѣшно было бы употреблять его единственно только съ цѣлію произвести впечатлѣніе на иностранную публику, для поддержки дипломатическаго дѣйствія. Никогда подобное чувство не можетъ навести на мысль о сочиненіи лживыхъ импровизацій. Это чувство открываетъ, напротивъ, тайники народнаго духа, оно поднимаетъ силы народной жизни, оплодотворяетъ всякую мысль, даетъ ростъ всякому сѣмени и самое трудное дѣлаетъ легкимъ. Только въ подобныя минуты совершаются благотворно великіе историческіе повороты. Пройдутъ онѣ, и самое легкое станетъ труднымъ, самый лучшій замыселъ превратится въ безплодную и смѣшную импровизацію, самое доброе сѣмя дастъ вредные отпрыски. Нѣтъ, тѣ минуты, когда народъ чувствуетъ себя единымъ и цѣлымъ существомъ, исполненнымъ вѣры въ свое призваніе, должны быть высоко цѣнимы; надо пользоваться имъ, грѣхъ упускать ихъ даромъ.

Journal de St.-Pétersbourg успокоиваетъ народное самолюбіе Французовъ и находитъ что имъ не слѣдуетъ обижаться результатами недавнихъ дипломатическихъ объясненій. Журналъ этотъ очень справедливо замѣчаетъ что на эти объясненія не слѣдуетъ смотрѣть какъ на состязаніе въ дипломатической ловкости. Но едва ли можно думать, чтобъ Англичане или Французы были очень щекотливы по части дипломатической ловкости своихъ министровъ иностранныхъ дѣлъ. Дипломатическая ловкость въ подобныхъ случаяхъ есть второстепенное дѣло, и нигдѣ народное самолюбіе не заботится о большей или

меньшей ловкости въ изложеніи дипломатической аргументаціи. Дѣло совсѣмъ не въ ловкости, и очень часто депеши на видъ самыя неуклюжія, исполненныя очевидныхъ противорѣчій и небрежно написанныя, производятъ удивительное дѣйствіе. Дѣло въ силѣ и рѣшимости правительства, дѣло въ способности правительства понимать свое положеніе, быть истиннымъ органомъ интересовъ своей страны и дѣйствовать въ духѣ и смыслѣ своего народа. Если депеши нашего правительства произвели во Франціи чувство раздраженія, то виною тому никакъ не можетъ быть чувство оскорбленнаго самолюбія вслѣдствіе меньшей дипломатической ловкости г. Друэнъ-де-Люиса въ сравненіи съ княземъ Горчаковымъ. Французская политика надѣялась достигнуть извѣстныхъ результатовъ, и разчеты ея не удались; эта политика надѣялась захватить Россію въ состояніи полнаго разложенія, а правительство ея лишеннымъ народной опоры, колеблющимся, безсильнымъ; она надѣялась на отсутствіе въ Россіи зрѣлаго общественнаго мнѣнія и крѣпкаго народнаго чувства, на недоразумѣнія и полумракъ въ которыхъ мы живемъ, и она ошиблась въ этихъ разчетахъ. Отвѣтныя депеши нашего правительства послужили доказательствомъ что политика державъ, надѣявшихся застать насъ въ расплохъ, обманулась въ своихъ разчетахъ: вотъ въ чемъ истинная сила этихъ отвѣтовъ и вотъ что̀ можетъ показаться досаднымъ въ Тюильрійскомъ дворцѣ, въ Парижѣ, или на Доунингъ-Стритѣ въ Лондонѣ. Но это чувство досады и разочарованія въ виновникахъ непріязненной намъ политики должно радовать, а не смущать насъ, и намъ нѣтъ надобности успокоивать ихъ взволнованное чувство. Мы не умиротворимъ ихъ никакими извиненіями, никакою любезностію, никакою мягкостію въ оборотахъ нашей рѣчи; мы умиротворимъ ихъ только тѣмъ уваженіемъ которое внушитъ имъ наше народное достоинство. Если у нихъ остается хоть тѣнь сомнѣнія въ нашей силѣ и нашемъ достоинствѣ, они будутъ придираться къ намъ, они будутъ наступать на насъ; если же въ нихъ такого сомнѣвія не останется, если они совершенно убѣдятся что слова наши не про-

сто слова, что имъ сопутствуетъ дѣло, то мы можемъ считать всякое объясненіе конченнымъ, нашихъ противниковъ пораженными, а себя побѣдителями.

Но мы живемъ въ скептическое время. Люди въ наше время не скоро убѣждаются въ достовѣрности факта. Наши противники опасны намъ не раздраженіемъ своего національнаго чувства, до котораго намъ нѣтъ ни малѣйшаго дѣла: они гораздо опаснѣе своимъ хладнокровіемъ и разчетливостію, скептическимъ складомъ своего ума. Они, конечно, не имѣютъ причины сомнѣваться въ искренности и силѣ нашего народнаго чувства, они, конечно, ошиблись въ своихъ разчетахъ на апатію и разстройство нашихъ общественныхъ силъ. Но они люди хитрые и настойчивые; они думаютъ: не удалось съ одной стороны, не удастся ли съ другой? не удалось теперь, не удастся ли послѣ? Мы полагали что намъ очень выгодно затягивать дѣло, дабы имѣть время изготовиться надлежащимъ образомъ на случай непріятельскаго нашествія; а они думаютъ что это, напротивъ, для нихъ очень выгодно. Они думаютъ что народное чувство, не находя себѣ выраженія, не переходя ни въ какое дѣло, мало-по-малу упадаетъ, что чувство безпредметное и обращенное въ пустое пространство, мало-по-малу испарится и разсѣется, и что какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, послѣдуетъ реакція, полный упадокъ силъ, непробудная апатія, безчувствіе ко всему: тогда-то, говорятъ они себѣ, будетъ и на нашей улицѣ праздникъ. Они разчитываютъ также на силу всевозможныхъ недоразумѣній, на всемогущую силу интриги дѣйствующей въ потемкахъ,—интриги, которая можетъ заставить насъ дѣлать то что̀ противно нашимъ собственнымъ видамъ, и принимать враговъ за друзей, а друзей за враговъ. Они разчитываютъ на разногласія, которыя не замедлятъ возникнуть, на недовѣріе, которое возьметъ верхъ надъ самыми лучшими побужденіями. Вотъ тогда-то, думаютъ они, явимся мы за новыми отвѣтами, и посмотримъ, какіе-то тогда будутъ даны намъ отвѣты. Здѣсь въ Москвѣ мы, въ простотѣ нашего сердца, думали что наши противники такъ тотчасъ и пой-

дутъ на насъ войною, и мы готовились отражать ихъ, собирались устраивать волонтерскія дружины и городскія стражи; мы не замѣчали что наши противники не прибавляли ни одного солдата къ своимъ арміямъ, ни одной канонерской шлюпки къ своимъ флотамъ, ни однимъ франкомъ, ни однимъ шиллингомъ не усиливали своихъ военныхъ бюджетовъ, не дѣлали ни одного шага въ приготовленіи къ войнѣ, которая своими размѣрами и ожесточеніемъ должна была бы превзойти все что̀ только можетъ запомнить новѣйшая исторія Европы и перевернуть въ ней все вверхъ дномъ. Мы не сообразили что Франція, Англія и Австрія никакъ не союзники между собой въ фантастической войнѣ за Польшу, что цѣль этой стачки трехъ державъ вовсе не та чтобы вызывать насъ на ожесточенную войну, а чтобы раздѣлаться съ нами безъ войны, чтобъ изнурить и ослабить насъ, или чтобъ испытать насъ и посмотрѣть дѣйствительно ли Россія есть что-нибудь живое, или она призракъ, какъ говорятъ ея измѣнники—призракъ, который исчезнетъ отъ собственнаго ничтожества. Вотъ смыслъ этой стачки; вотъ ея политика. Мы въ теченіе зимы будемъ готовиться къ ожесточенной войнѣ, а они готовиться не будутъ, но они будутъ дѣятельно продолжать свою политику, испытывать наши нравственныя силы, запугивать насъ, сбивать насъ съ толку, и возлагать свои надежды на наши внутреннія недоразумѣнія.

Кстати объ импровизаціяхъ, которыя припомнились намъ по поводу замѣтки *Journal de St.-Pétersbourg:* въ *Русскомъ Инвалидѣ* напечатана обширная статья о предполагаемыхъ у насъ новыхъ земскихъ учрежденіяхъ. Статья эта содержитъ въ себѣ много интереснаго, хотя со многимъ въ ней нельзя согласиться. Но изъ многаго что̀ можно было бы замѣтить по поводу высказанныхъ въ ней мнѣній, мы ограничимся теперь немногимъ. Статья начинается объясненіемъ той роли которую литература должна играть при обсужденіи законодательныхъ вопросовъ. По мнѣнію автора означенной статьи, литература должна заботиться о раскрытіи общихъ началъ, не пускаясь

въ практическія подробности и не сочиняя проектовъ. Намъ также кажутся явленіемъ не совсѣмъ нормальнымъ всѣ наши литературные проекты законоподательныхъ мѣръ. Но мы не совсѣмъ ясно понимаемъ и другую задачу предоставляемую литературѣ,—задачу разрабатывать общія начала. Что̀ такое литература? Мы, право, не знаемъ. Литература все и ничто. Въ нее входитъ все на свѣтѣ; это receptaculum, готовое принять безъ разбора все что̀ угодно: и общности и подробности, и теорію и практику, и философскій трактатъ и поваренную книгу, и поэму Мильтона и рецептъ для истребленія клоповъ. Точно также разнообразны значеніе и качество лицъ дѣйствующихъ въ литературѣ. Наука, конечно, есть самостоятельная область, и занимается по праву раскрытіемъ общихъ началъ. Искусство также имѣетъ самостоятельную область и отнюдь не должно быть протоколомъ того что̀ говорится или дѣлается вокругъ. Но что̀ такое ежедневная печать, журналистика? Можетъ ли она съ пользою заниматься разъясненіемъ общихъ началъ безъ прямаго отношенія къ данному практическому вопросу? Не должна ли, напротивъ, примыкать къ чему-нибудь и быть отраженіемъ, быть вѣрнымъ органомъ практическихъ обсужденій вопроса, подвигающихъ ее впередъ? Можно ли сказать что-нибудь умное и дѣльное, не представляя себѣ въ полной ясности всѣхъ подробностей вопроса? Исторія европейскихъ цивилизацій представляетъ намъ разительные примѣры какъ безплодны и, увы! какъ неблагонадежны газетныя отвлеченности. Припомнимъ французскія газеты даже въ тѣ времена когда онѣ пользовались несравненно большею противъ нынѣшней свободою. Какіе превыспренніе трактаты излагались въ ихъ *premiers-Paris!* Сколько фразъ, сколько общностей, сколько громкихъ теорій, безъ малѣйшаго приложенія къ дѣлу! И мы знаемъ, какъ мало проку было во всѣхъ этихъ разлагольствіяхъ; мы знаемъ какъ мало пользы вынесъ изъ нихъ французскій народъ; мы знаемъ даже какой печальный конецъ имѣли всѣ эти разглагольствія; съ отвращеніемъ отзываются сами Французы о своемъ навыкѣ къ отвлеченностямъ, о своемъ навыкѣ

не заботиться о практической повѣркѣ своихъ воззрѣній. Мы видимъ, напротивъ, что у тѣхъ народовъ гдѣ печать служитъ органомъ здоровой политической жизни, она настроена практически, она служитъ органомъ дѣйствительныхъ обсужденій— и тамъ никто не позволитъ себѣ явиться предъ публикой съ какими-нибудь общностями, безъ яснаго представленія дѣла въ его практическихъ условіяхъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, могутъ ли серіозные люди пускаться въ обсужденіе вопросовъ которыхъ практическій ходъ имъ не извѣстенъ? Могутъ ли серіозные люди довольствоваться общностями, не имѣя живаго и яснаго представленія дѣйствительныхъ условій посреди которыхъ рѣшается вопросъ? Авторъ вышеозначенной статьи собственнымъ примѣромъ доказываетъ что серіозные люди не могутъ, предъ лицомъ какого-нибудь важнаго практическаго вопроса, забавлять себя развитіемъ общностей, не заботясь о практической сторонѣ вопроса. Авторъ статьи, начавъ съ того что литературѣ несвойственно пускаться въ составленіе проектовъ, самъ въ заключеніе представилъ обстоятельный проектъ предполагаемой реформы нашихъ земскихъ учрежденій. Со многимъ въ этомъ проектѣ не могли бы мы согласиться, но тѣмъ не менѣе литература нашихъ проектовъ увеличилась еще однимъ.

XXII.

ПЕРЕДОВАЯ СТАТЬЯ ВЪ № 209 „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“ (25 СЕНТЯБРЯ).

Обращаемъ вниманіе читателей на извѣстія изъ Гельсингфорса, которыя найдутъ они ниже въ этомѣ самомъ нумерѣ нашей газеты.

Три финляндскіе дворянина находящіеся во главѣ своихъ родовъ и потому имѣющіе право голоса на сеймѣ имѣютъ въ то же время несчастіе находиться на службѣ иностраннаго правительства. Одинъ служитъ вице-адмираломъ, другой капитаномъ въ русскомъ флотѣ, третій въ собственной Его Импе-

раторскаго Величества канцеляріи въ Петербургѣ. Возникъ вопросъ: могутъ ли эти три финляндскіе уроженца, находясь на русской службѣ, участвовать въ представительствѣ на финляндскомъ сеймѣ? Самимъ имъ казалось что находясь на русской службѣ они вполнѣ могутъ пользоваться правами присвоенными ихъ званію въ Финляндіи; имъ казалось что находясь на русской службѣ они отнюдь не стали иностранцами по отношенію къ Финляндіи. И вотъ они предъявили свои требованія, но они горько ошиблись. Въ дворянской камерѣ возникли горячія пренія по этому поводу и гельсингфорская публика собравшаяся въ трибунахъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за ихъ ходомъ. Лишь нѣсколько голосовъ оказались въ ихъ пользу и то больше въ томъ смыслѣ чтобъ отложить до будущаго сейма рѣшеніе этого капитальнаго вопроса. Гельсингфоргскіе юристы перерыли законы своего новорожденнаго государства и открыли что его статуты воспрещаютъ Финляндцамъ жительствующимъ за границей, то-есть въ Россіи, пользоваться политическими правами въ Финляндіи. Послѣ долгихъ и оживленныхъ преній, рѣшено семьюдесятью восемью голосами противъ тридцати трехъ не допускать финляндскихъ дворянъ находящихся на русской службѣ къ пользованію политическими правами въ Финляндіи.

Вотъ какъ быстро идутъ дѣла на свѣтѣ! Только-что успѣли мы поздравить Финляндію съ сеймомъ какъ ея дворяне уже торопятся разчесться съ Россіей. Не слишкомъ ли они торопятся? «Festina lente», говоритъ латинская пословица: «спѣши не торопясь». Финляндскимъ дворянамъ слѣдовало бы припомнить что они всѣмъ обязаны только тому что вели себя тихо и благоразумно, народнаго чувства въ Россіи не будили, такъ что добрый Русскій народъ почти и не зналъ объ ихъ существованіи. Имъ слѣдовало бы продолжать вести себя такъ же благоразумно; имъ бы слѣдовало, хотя для приличія, повременить нѣсколько своею демонстраціей, и сколько-нибудь обратить вниманіе на настроеніе общественнаго мнѣнія въ той сосѣдней державѣ гдѣ отнынѣ финляндскіе дворяне не

могутъ находиться на службѣ не теряя своихъ политическихъ правъ дома.

Вотъ что̀ значитъ сепаратизмъ! Сто́итъ только дать ему одинъ палецъ, онъ потребуетъ всей руки; дайте ему руку, онъ обхватитъ все тѣло. Всякое проявленіе сепаратизма, гдѣ бы то ни было, есть печальный признакъ всегда свидѣтельствующій о какой-либо ненормальности.

Въ разныхъ областяхъ можетъ быть различіе въ администраціи и законахъ, но связь ихъ отъ того не разрушается, если онѣ остаются подъ одною и тою же верховною властію и въ одной и той же государственной организаціи. Но коль скоро одна изъ этихъ областей, хотя бы и при одной верховной власти, получаетъ особое политическое представительство, она чувствуетъ себя отрѣзаннымъ ломтемъ. Не только въ Финляндіи, но даже при совершенной одноплеменности народонаселенія, при единствѣ вѣры и обычаевъ, отдѣльное политическое представительство неизбѣжно ведетъ къ сепаратизму.

Финляндскимъ дворянамъ, вмѣсто того чтобы рыться въ древнихъ статутахъ своего новаго государства, слѣдовало бы вспомнить что̀ такое сама Финляндія, откуда она взялась и можетъ ли она считаться съ Россіей. Они не могутъ опереться даже на призракъ какой-нибудь международной гарантіи. Европа совсѣмъ не знаетъ Финляндіи, и все что̀ она есть и все чѣмъ она можетъ быть зависитъ единственно отъ Россіи. Находясь подъ Русскою державой, Финляндія не несла никакой государственной тяготы, вслѣдствіе своего соединенія съ Россіей (при какой другой державѣ было бы это возможно?), и пользовалась только удобствами этого соединенія. Она была единственнымъ уголкомъ въ цѣлой Европѣ гдѣ налоги не возрастали, и до сихъ поръ нигдѣ налоги такъ не легки какъ въ Финляндіи. Она была обезпечена и ограждена даромъ подъ сѣнію могущественной державы съ которою соединила ее судьба. Что̀ такое Финляндія? Финляндскимъ дворянамъ не слѣдуетъ забывать что Россія присоединившая къ себѣ Финляндію въ свою очередь присоединила къ ней часть прежнихъ своихъ

владѣній. Конечно, Россія велика, но и Выборгская губернія не нуль, и финляндскимъ дворянамъ слѣдуетъ все-таки помнить что уроженцы Выборгской губерніи были русскими подданными задолго прежде чѣмъ Гельсингфорсъ, гдѣ теперь засѣдаетъ сеймъ, поступилъ подъ Русскую державу. Неужели они могутъ думать что судьба только затѣмъ и присоединила ихъ къ Россіи чтобъ они могли на ея счетъ округлить свою территорію и потомъ считать себя совершенно отдѣльнымъ государствомъ... Финляндскіе дворяне—большею частью Шведы; но имъ не слѣдовало бы забывать что большинство финляндскаго народонаселенія вовсе не Шведы, а Финны, и что въ Финляндіи живетъ не мало природныхъ Русскихъ и православныхъ. Императоръ Александръ I, присоединившій Финляндію къ Россіи, обѣщалъ Финляндцамъ что они будутъ пользоваться тѣми преимуществами какими пользовались они въ соединеніи со Швеціей; но финляндскимъ дворянамъ слѣдуетъ помнить о томъ что̀ такое была Финляндія въ соединеніи со Швеціей и пользовалась ли она когда-нибудь правами самостоятельнаго государства. Во всякомъ случаѣ имъ слѣдуетъ сообразить что Швеція растеряла Финляндію и наконецъ совсѣмъ утратила ее, а Россія собрала ее и присоединила къ ней свое. Какъ же ей считаться съ Россіей?

Кое-что еще хотѣлось бы намъ сказать по этому случаю; но лучше прервать на этомъ нашу краткую рѣчь.

XXIII.

Передовая статья въ № 210 „Московскихъ Вѣдомостей" (28 сентября).

Въ напечатанную у насъ во вчерашнемъ нумерѣ кореспонденцію изъ Гельсингфорса *) вкралась неточность, которую мы и спѣшимъ исправить сегодня. Вопросъ о трехъ финляндскихъ дворянахъ, находящихся на русской службѣ, по заключеніи

*) См. выше.

преній былъ поставленъ такимъ образомъ: могутъ ли они быть допущены къ участію въ *нынѣшнемъ* сеймѣ, и 75-ю голосами противъ 33 было рѣшено допустить ихъ къ участію въ нынѣшнемъ сеймѣ, впредь до окончательнаго рѣшенія вопроса о политическихъ правахъ финляндскихъ уроженцевъ постоянно проживающихъ за границей.

Итакъ вопросъ о политическихъ правахъ финляндскихъ дворянъ постоянно жительствующихъ въ Россіи отсроченъ. На нынѣшній разъ три лица, права которыхъ подверглись спору, могутъ ими пользоваться. Но будутъ ли эти права признаны на будущее время, объ этомъ должны быть еще сужденія. Права эти признаны временно, а въ своемъ принципѣ они подлежатъ еще сомнѣнію и спору. Намъ пріятно узнать, что лица застигнутыя сеймомъ на постоянномъ жительствѣ въ Россіи, не потеряли на этотъ разъ своего права; но вопросъ тѣмъ не менѣе остается открытымъ,—вопросъ непріятный для финляндскихъ уроженцевъ находящихся на русской службѣ, или на постоянномъ жительствѣ въ Россіи, и тяжелый для русскаго народнаго чувства. Жаль что онъ былъ поднятъ; очень жаль также что дѣло осталось еще подъ сомнѣніемъ. Такой вопросъ не можетъ быть поднимаемъ въ Финляндіи. Въ немъ можетъ выражаться только духъ отчужденія отъ Россіи, несовмѣстный съ дѣйствительными отношеніями Финляндіи къ Россійской Имперіи. Вопросъ не въ томъ, сохраняетъ ли финляндскій дворянинъ право засѣдать въ сеймѣ если онъ вообще находится на коронной службѣ: это совсѣмъ другой вопросъ, который не имѣетъ ничего общаго съ открывшимся на финляндскомъ сеймѣ вопросомъ. Въ Финляндіи существуетъ даже мысль образовать палату такъ-называемыхъ «способностей» (capacités) со включеніемъ въ нее чиновничества всякаго рода. Что же касается финляндскихъ дворянъ, то въ своей палатѣ они служатъ представителями не по выбору, а по наслѣдству; члены же верхней палаты вездѣ, даже въ Англіи, могутъ занимать коронную должность безъ ущерба своимъ правамъ.

Итакъ, повторимъ, сила поднятаго финляндскими дворянами вопроса состоитъ не въ томъ, могутъ ли участвовать въ сеймѣ

лица находящіяся на коронной службѣ въ самой Финляндіи, а въ томъ, могутъ ли они пользоваться своими политическими правами если имѣютъ свое постоянное жительство за границей. Нѣтъ сомнѣнія что лица находящіяся на иностранной службѣ не могутъ въ то же время участвовать въ такомъ политическомъ правѣ какъ земское представительство. Нѣтъ никакого сомнѣнія что финляндскій подданный, попавшій на государственную службу напримѣръ въ Швеціи, или имѣющій тамъ свою осѣдлость, былъ бы неспособенъ засѣдать въ финляндскомъ сеймѣ. Но подвергать сомнѣнію и спору права финляндскихъ дворянъ находящихся на русской службѣ или жительствующихъ въ Россіи, дѣло непонятное, странное и прискорбное. Финляндія находится къ Россіи не въ отношеніяхъ личнаго соединенія (unio personalis), въ какихъ напримѣръ Ганноверъ находился къ Англіи. Основный законъ Россійской Имперіи гласитъ что престолъ великаго княжества Финляндскаго неразрывно соединенъ съ престоломъ Россійской Имперіи. Слѣдовательно никогда, ни въ какомъ случаѣ, ни въ какомъ отношеніи, Россійская Имперія не можетъ быть державою иностранною, краемъ заграничнымъ для великаго княжества Финляндскаго, и жительство въ Россіи ни въ какомъ случаѣ не можетъ стѣснять пользованіе политическими правами въ Финляндіи.

Но можно надѣяться что этотъ ни съ чѣмъ несообразный вопросъ, открытый на финляндскомъ сеймѣ, не долго останется открытымъ; можно надѣяться что испытанное благоразуміе, здравый смыслъ и тѣ добрыя чувствованія которыя еще такъ недавно были изъявлены всѣми слоями финляндскаго народонаселенія Государю Императору, отъ котораго Русскій народъ ни въ чемъ себя не отдѣляетъ, одержатъ верхъ надъ духомъ отчужденія, для котораго не можетъ быть почвы въ великомъ княжествѣ Финляндскомъ. Русскимъ людямъ отрадно было слышать объ этихъ изъявленіяхъ преданности, которыми Финляндцы встрѣчали и провожали Его Величество. Мы желаемъ видѣть въ этихъ искреннихъ изъявленіяхъ самый лучшій

залогъ крѣпкой связи Финляндіи съ Россіей, надежный залогъ добрыхъ отношеній Финляндцевъ къ Русскому народу. Преданность Русскому Императору предполагаетъ преданность Россіи и значитъ доброе единеніе съ Русскимъ народомъ. Что же касается Русскаго народа, то исторія свидѣтельствуетъ что добрымъ людямъ не трудно ужиться съ нимъ.

XXIV.

Передовая статья въ № 211 „Московскихъ Вѣдомостей“ (29 сентября).

Наступаетъ осенняя пора. Въ Царствѣ Польскомъ водворяется нѣкоторая тишина. О большихъ шайкахъ нѣтъ никакихъ извѣстій. О вооруженномъ вмѣшательствѣ западныхъ державъ въ нынѣшнемъ году нѣтъ и рѣчи.

Но необходимо видѣть дѣло въ его истинномъ видѣ. Борьба пріостановилась; она не прекратилась. Наступающая зима будетъ употреблена инсургентами на подготовленіе возстанія весною, посредствомъ развитія революціонной организаціи и распространенія извѣстныхъ идей между крестьянами для возмущенія ихъ противъ правительства. Если, утѣшаясь наружнымъ спокойствіемъ, мы не воспользуемся наступившимъ затишьемъ для предупрежденія всякихъ приготовленій къ веснѣ, то въ будущемъ году мы легко можемъ имѣть дѣло не только съ «жондомъ народовымъ», но и съ простымъ народомъ.

Конечно, однѣми мѣрами строгости трудно достигнуть благопріятнаго результата, да не въ мѣрахъ строгости и все дѣло: намъ необходимо не только карать партію мятежа, но и поддержать ту силу которая составляетъ надежнѣйшую опору русскаго управленія въ Царствѣ. Эта опора—четыре милліона крестьянъ. Неужели мы не освободимъ эти и до сихъ поръ еще преданныя законной власти народонаселенія изъ-подъ гнета и вліянія польскихъ чиновниковъ-революціонеровъ? Неужели мы и въ продолженіе зимы оставимъ крестьянъ подъ

властью враждебныхъ намъ элементовъ? Вотъ серіозные вопросы на которые должно спѣшить отвѣтомъ.

Освобожденіе крестьянъ изъ-подъ власти нынѣшней польской администраціи и подчиненіе ихъ лицамъ преданнымъ законной власти,—вотъ наша задача въ Царствѣ Польскомъ. Собственно говоря, въ этомъ должна была состоять и вся предыдущая дѣятельность правительства съ января мѣсяца. Сами крестьяне въ началѣ возстанія искали военныхъ начальниковъ чтобы представить имъ мятежниковъ, которые подговаривали ихъ къ возстанію. Агенты жонда сѣкли и вѣшали крестьянъ на свободѣ, а гражданскія власти съ сочувствіемъ смотрѣли на эту патріотическую педагогію. Многимъ начинало казаться что все это въ порядкѣ вещей и что мы обязаны все это терпѣть съ гуманностію если не хотимъ показаться варварами и навлечь на себя европейскую войну.

Европейская война! Что жь? Мы можетъ-быть и не избѣжимъ ея, если не сумѣемъ оградить и защитить преданныя Россіи народонаселенія, и если вообще не сумѣемъ внушить Европѣ и Полякамъ должнаго уваженія къ намъ.

Теперь видятъ это всѣ, но многіе спрашиваютъ въ чемъ же должны заключаться мѣры освобожденія крестьянъ изъ-подъ вліянія измѣннической администраціи? Должно ли правительство насылать въ Царство русскихъ чиновниковъ, или пытаться создать новую администрацію изъ Поляковъ? Въ первомъ случаѣ устроить администрацію было бы очень трудно, въ короткое время рѣшить эту задачу невозможно, а быстрота въ ея рѣшеніи есть одно изъ главныхъ условій успѣха. Что же касается составленія новой администраціи изъ Поляковъ, то въ настоящее время говорить объ этомъ много не приходится.

Конечно, можно пригласить способныхъ русскихъ администраторовъ; конечно, слѣдуетъ давать мѣста преданнымъ законной власти Полякамъ, замѣняя ими предателей; но возводить то и другое въ систему при настоящемъ состояніи Царства не возможно. Притомъ всѣ административныя назначенія производятся обыкновенно съ убійственною медленностію.

Между тѣмъ время идетъ... Непрерывныя злодѣйства, чинимыя мятежниками надъ крестьянами преданными законной власти, немедленныя наказанія за всякое, хотя бы ничтожное содѣйствіе войскамъ, не встрѣчаютъ со стороны гражданскихъ властей никакого противодѣйствія, не вызываютъ съ ихъ стороны даже сожалѣнія. Мы представимъ здѣсь читателямъ только одинъ изъ безчисленнаго множества фактовъ, повторяющихся на всемъ пространствѣ Царства. Всей Россіи извѣстенъ поступокъ крестьянъ гмины Зыпле, Маріампольскаго уѣзда, Августовской губерніи, отправившихъ депутацію къ генералу Муравьеву въ Вильну, съ просьбой принять ихъ подъ свое покровительство. Какъ же отозвался объ этомъ августовскій гражданскій губернаторъ, г. Корытковскій? Представивъ главному директору правительственной коммиссіи внутреннихъ дѣлъ Царства Польскаго, 23-го августа (4-го сентября) за № 58, выписку изъ № 177 *Русскаго Инвалида* съ адресомъ крестьянъ онъ говоритъ о немъ какъ о необыкновенномъ происшествіи и присовокупляетъ, что такъ какъ иниціатива адреса приписывается крестьянамъ: Іоникайтесу, «безпрестанно ссорящемуся съ помѣщикомъ» и Буришайтису, «бродягѣ, таскающемуся вездѣ съ войсками», то онъ назначилъ по этому предмету строгое слѣдствіе. Намъ неизвѣстенъ любопытный исходъ этого слѣдствія, но намъ извѣстны слѣдующіе факты: 4 августа шайка мятежниковъ прибыла въ гмину Зыпле, повѣсила солтыса (старосту) Давида Бормана и наказала тѣлесно шинкаря Шиллера и колониста Тресдорфа. Ночью напали они на вновь-учрежденную сельскую стражу, тяжело ранили двухъ Нѣмцевъ, Броберта и Ланге, и отстегали нѣсколько человѣкъ плетьми. Затѣмъ послѣдовалъ рядъ злодѣйствъ въ томъ же уѣздѣ. Мы упомянемъ только о нападеніи инсургентовъ на домъ мѣщанина города Прены, Маріампольскаго уѣзда, Гинтера. Онъ подлежалъ смертной казни; но такъ какъ его не нашли дома, то злодѣи разграбили его имущество. Гражданскій начальникъ Августовской губерніи, сообщая объ этомъ поступкѣ повстанцевъ, прибавляетъ что Гинтеръ «человѣкъ безпокойнаго характера и авантюристъ».

Удивительное совпаденіе взгляда администраціи съ образомъ дѣйствій повстанцевъ! Должно ли Русское правительство терпѣть подобный порядокъ вещей, когда повстанцы рѣжутъ крестьянъ выразившихъ свою преданность правительству, а начальство клеймитъ ихъ ругательными названіями и сулитъ произвести надъ ними строгое слѣдствіе, которое, какъ надобно думать, началось бы тюремнымъ заключеніемъ на неопредѣленное время. Несчастный крестьянинъ! Увернется отъ ножа повстанца—попадетъ подъ правосудіе мѣстнаго начальства.

Пора, пора прекратить такое положеніе дѣлъ, и въ средствахъ для этого нѣтъ недостатка! Необходимо развить и устроить военное управленіе вызываемое военнымъ положеніемъ страны. Теперь существуютъ въ Царствѣ военные начальники для нѣкоторыхъ уѣздовъ, по одному на уѣздъ и даже по два, съ большимъ числомъ городовъ и мѣстечекъ. А Варшава до сихъ поръ не имѣетъ военнаго уѣзднаго начальника и гражданское начальство визируетъ паспорты всѣмъ повстанцамъ. Необходимо разбить военныя управленія на болѣе мелкія части. Теперь, кромѣ военныхъ начальниковъ уѣздовъ, существуетъ еще гражданская администрація, и не видно границы правамъ и обязанностямъ той и другой власти, столь враждебно поставленныхъ другъ къ другу. Необходимо упростить эти отношенія. Къ чему платить жалованье чиновникамъ продающимъ правительство? Затѣмъ, если можно еще терпѣть чиновничество въ городахъ, то отнюдь не слѣдуетъ допускать его вліяніе на деревни и села; крестьянское населеніе во всѣхъ отношеніяхъ должно быть подчинено власти которая могла бы возстановить довѣріе поселянъ къ правительству.

Этими мѣрами усмирена Литва, этими мѣрами можетъ быть усмирена и бо́льшая часть Августовской губерніи, подчиненная теперь, вслѣдствіе адреса крестьянъ гмины Зыпле, генералу Муравьеву. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ уѣзды Маріампольскій, Августовскій, Кальварійскій и Сейненскій отошли къ литовскому управленію. Совершившійся административный передѣлъ былъ положительно необходимъ. Самое очертаніе Августовской губерніи оправдываетъ его.

Отдѣленіе цѣлой губерніи нѣсколько облегчитъ усмиреніе Царства. Но полезно имѣть также въ виду что графу Бергу необходимы дѣятельные и способные помощники по администраціи. Мы съ особою силой настаиваемъ на этотъ пунктъ. Время не терпитъ, до весны всего остается пять мѣсяцевъ; отъ употребленія этихъ мѣсяцевъ все зависитъ, а при неудачномъ личномъ составѣ варшавскаго военнаго управленія старанія графа Берга не принесутъ тѣхъ плодовъ какихъ можно было бы ожидать отъ нихъ. Поляки сами мастера на эффекты, и мы эффектами не удивимъ ихъ. Но для борьбы со спокойною и энергическою администраціей у нихъ не станетъ характера.

ПИСЬМА КОРРЕСПОНДЕНТОВЪ МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ.

I.

ИЗЪ ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО, ВЪ № 189 „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ".

24-ГО АВГУСТА.

23-го августа, въ 7 часовъ вечера, возвратился въ Варшаву Великій Князь Намѣстникъ, послѣ десятидневной поѣздки въ Петербургъ.

Того же числа, въ 9 часовъ утра, повѣшены на гласисѣ Александровской цитадели: сапожный мастеръ Осипъ Бахлинскій, подмастерья его: Игнатій Янковскій и Иванъ Голъэмбёвскій за участіе въ убійствѣ Вихерта, его сестры и служанки, и портной подмастерье Іосифъ Каминскій за убійство чиновника Скавронскаго. Кромѣ того, Бахлинскій состоялъ помощникомъ революціоннаго начальника одного изъ отдѣловъ города Варшавы „для исполненія приговоровъ" и укрывалъ у себя въ продолженіе нѣкотораго времени одного изъ жандармовъ-вѣшателей. Всего въ теченіе года съ прошлаго августа повѣшено въ Варшавѣ 13 человѣкъ.

Между тѣмъ народовый жондъ продолжаетъ дѣйствовать безостановочно. Настоящія замѣтки послужатъ тому лучшимъ доказательствомъ. Каждое распоряженіе законнаго правительства вызываетъ соотвѣтственный декретъ народоваго жонда, и притомъ въ весьма скоромъ времени.

Коллекцію подземныхъ распоряженій мы начнемъ съ предписанія всѣмъ чиновникамъ Варшавскаго цензурнаго комитета и городоваго магистрата представить немедленно свои просьбы объ отставкѣ. И чиновники подали требуемыя просьбы. Отставку магистратскихъ чиновниковъ успѣлъ удержать президентъ города графъ Велёпольскій (сынъ), объявивъ чиновникамъ что коллективная подача просьбъ есть актъ бунта, за который чиновники будутъ преданы военному суду; чиновники магистрата взяли поэтому свои прошенія назадъ. Но цензурныхъ чиновниковъ никто не удерживалъ ни просьбами, ни страхомъ наказанія; они уволены отъ службы, только безъ правъ на эмеритуру; но эмеритуру обѣщаетъ имъ жондъ. Подобныя увольненія приводятъ къ тому что требованія террористовъ будутъ исполняться безпрекословно. У чиновниковъ не будетъ никакого основанія оставаться на службѣ: гораздо болѣе пріятно и особенно болѣе безопасно получать безъ службы деньги отъ жонда.

А между тѣмъ цензура польскихъ изданій необходима. И вотъ законное правительство обращается въ трудный часъ къ забытымъ въ счастливое время русскимъ чиновникамъ и намѣревается составить изъ нихъ цензурный комитетъ, подъ предсѣдательствомъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Павлищева. Вѣроятно, варшавское правительство еще не знаетъ что многія изъ нашихъ газетъ, такъ внезапно начавшія поддерживать его прежнюю систему дѣйствій, особенно сильно въ своей защитѣ напираютъ на то что отнюдь не слѣдуетъ насильственно вводить чиновничій русскій элементъ въ Царствѣ, а что нужно держаться образованныхъ классовъ населенія.

За чиновниками цензуры слѣдуетъ сказать еще объ одномъ распоряженіи касающемся варшавской журналистики, помѣщенномъ въ дневномъ приказѣ начальника *мяста* отъ 1-го сентября н. ст. за № 22.

„Доводится до всеобщаго свѣдѣнія“, гласитъ приказъ, „что, по волѣ народоваго жонда, ежедневный политическій журналъ, подъ названіемъ: „*Всеобщій Дневникъ*“ (*Dziennik Powszechny*), бывшій съ начала его изданія официальнымъ московскимъ органомъ, съ 1-го будущаго октября запрещается (zostaje zakazanem).“

Если кто желаетъ знать какимъ способомъ официальный органъ законнаго правительства будетъ запрещенъ и перестанетъ издаваться съ 1-го октября по волѣ правительства подземнаго, тотъ долженъ только дочитать статью приказа, относящуюся до *Всеобщаго Дневника*:

„Вслѣдствіе этого объявляется, что:

„—Редижированіе *Дневника Повшехнаго*, составленіе или переводъ статей для этого журнала, корректура, разсылка и прочія обязанности до этого журнала относящіяся,

„Доставка типографскихъ принадлежностій, туши, бумаги и т. п., заключеніе контрактовъ на изданіе этого журнала, съ торговъ или по прямому условію,

„Работы: набора, печатанія и прочія при изданіи этой газеты,

„Содержаніе конторъ для подписки или разноски, равно какъ и самая подписка и разноска,

„Присылка объявленій разнаго рода, для помѣщенія во *Всеобщемъ Дневникѣ*,

Съ 1-го октября сего года строжайше воспрещается, подъ страхомъ наказанія, которое не замедлитъ назначить революціонный трибуналъ.“

Вотъ будетъ скандалъ, когда прекратится офиціальный органъ правительства! Въ Варшавѣ въ этомъ уже не сомнѣваются, если только до того времени не перемѣнится система дѣйствія. Рабочіе и подрядчики откажутся, подписчики также, и *Dziennik Powszechny*, пожалуй, къ 1-му октября и умретъ. Удалось же центральному комитету запретить лоттерею, сломку домовъ на Краковскомъ предмѣстьѣ, подряды для войскъ, требованіе барщины и чинша! И теперь въ Варшавѣ Поляки не скрываютъ что, по ихъ выраженію, „нашъ“ жондъ сильнѣе русскаго, и что его необходимо нужно слушаться.

Въ томъ же приказѣ начальника *мяста* за № 22 находятся еще слѣдующія любопытныя объявленія:

„Два обывателя Варшавы, именно:

„Юліанъ Фухсъ, владѣлецъ двухъ дистилларень спиртныхъ напитковъ, на улицѣ Братской и Трехъ-Крестовъ, и

„Зыся Ульрихъ, владѣлецъ дома при улицѣ Багно, несмотря на неоднократныя личныя требованія и объявленіе, въ дневномъ приказѣ № 20, нумера авизаціи Ульриху, не только не уплатили народовой офяры, но даже, во избѣжаніе уплаты, уѣхали за границу, безъ народныхъ паспортовъ и только уплативъ московскія подати.

„Одновременно съ настоящимъ объявленіемъ предприняты экзекуціонныя мѣры для полученія съ упомянутыхъ контрибуэнтовъ причитающихся съ нихъ податей; до времени же окончанія сбора ихъ, воспрещается, подъ личною отвѣтственностію всѣмъ гражданамъ города и края поставлять какіе бы то ни было предметы для дистилларни Фухса, а равно покупать и употреблять продукты этой дистилларни; кредиторамъ обоихъ названныхъ обывателей, равно жильцамъ дома Зыси Ульриха, платить долги, квартирныя деньги и вообще производить всякія слѣдующія съ нихъ уплаты; адвокатамъ и судебнымъ коморникамъ давать ходъ ихъ процессамъ или взыскивать долги.

„Лица имѣющія свѣдѣнія о другомъ имуществѣ обывателей Фухса и Ульриха обязаны донести о томъ, путемъ народной организаціи, для наложенія на оное запрещенія и обращенія въ народную подать.

„Кромѣ того, за самовольный выѣздъ изъ края и за уплату московскихъ податей, обыватели Юліанъ Фухсъ и Зыся Ульрихъ предаются суду революціоннаго трибунала города Варшавы.“

Въ томъ же приказѣ начальникъ *мяста* требуетъ, чтобы тѣ обыватели, которые не внесли еще народной подати, увѣдомили о томъ сами, путемъ народной организаціи, чѣмъ докажутъ свой патріотизмъ и предохранятъ себя отъ излишнихъ потерь, потому что съ *15-го сентября никакія рекламаціи не будутъ принимаемы въ уваженіе* (курсивъ въ подлинникѣ), и сборъ податей отъ запоздавшихъ контрибуэнтовъ будетъ произведенъ съ помощію понудительныхъ мѣръ; оттягивающіе же взносъ податей подвергнутся всей строгости законовъ.

Въ томъ же № 22 приказа объявлено о совершеніи всѣхъ послѣднихъ смертоубійствъ, т.-е. „казней“, въ Варшавѣ. Къ числу извѣстныхъ читателямъ жертвъ приказъ присоединяетъ жену „шпіона“ Новицкаго, казненнаго смертью въ отрядѣ Янковскаго; соучастница „преступленій“ мужа, не исправившаяся примѣромъ его смерти, она также казнена. Мѣсто казни не обозначено; оно неизвѣстно и официальнымъ представителямъ законнаго правительства.

Говорится также что „бывшій дозорца московской полиціи, Фричъ, успѣвшій убѣжать изъ Варшавы въ Петербургъ отъ исполненія надъ нимъ приговора, казненъ смертію въ Петербургѣ“. Извѣстно что Фричъ заарестовалъ въ іюлѣ четырехъ жандармовъ-вѣшателей, которымъ поручено было его убить. Эти четыре жандарма были наказаны повѣшеніемъ на гласисѣ Александровской цитадели. Послѣ этого Фрича перевели для безопасности въ петербургскую полицію. Очень интересно знать, принадлежитъ ли объявленіе объ убійствѣ Фрича въ Петербургѣ къ числу лживыхъ изобрѣтеній начальника мѣста, или оно имѣетъ основаніе въ какомъ-либо покушеніи на его жизнь.

Слѣдующія распоряженія жонда мы заимствуемъ изъ официальнаго журнала революціи, *Niepodległości*, котораго вышли два нумера: № 4 отъ 16-го августа ст. ст. и № 5 отъ 20-го августа ст. ст.

На засѣданіи народнаго жонда, бывшемъ 25-го іюля ст. ст., состоялось постановленіе объ учрежденіи во всѣхъ восьми воеводствахъ бывшаго королевства конгрессоваго, властей приходскихъ и окружныхъ, кромѣ существующихъ властей воеводскихъ, уѣздныхъ и городскихъ. Жондовые коммиссары въ воеводствахъ получаютъ право устранять отъ должностей каждаго гражданскаго чиновника, кромѣ гражданскаго начальника воеводства, и могутъ предавать ихъ суду революціоннаго трибунала.

Отъ 27-го іюля ст. ст. жондъ объявляетъ что наѣздъ московскій, подъ предлогомъ сбора „такъ-называемыхъ“ податей, вознамѣрился вооруженною рукой нападать на имѣнія обывателей и грабить ихъ. „Цѣль этого разбоя“, объясняетъ жондъ, „состоитъ еще въ томъ, что-

бы принудить помѣщиковъ сбирать съ крестьянъ чиншъ, уничтоженный декретомъ жонда отъ 22-го января, наравнѣ со всѣми казенными податями. Въ видахъ общественной безопасности, народовыя войска получили приказаніе истреблять экзекуціонные московскіе отряды вмѣстѣ съ секвестраторами и безъ суда предавать смерти всѣхъ тѣхъ которые примутъ участіе въ этомъ разбоѣ.“ Далѣе жондъ объявляетъ, что помѣщикъ объявившій „наѣзду“ что крестьяне не вносятъ чинша или не отбываютъ барщины будетъ считаться врагомъ ойчизны, соучастникомъ разбойниковъ и будетъ отданъ подъ судъ революціоннаго трибунала. Таковъ отзывъ жонда на распоряженіе правительства о взысканіи податей.

Изъ объявленій жонда обращаютъ также на себя вниманіе слѣдующія: „Жители города Домачева надъ Бугомъ, пострадавшіе отъ военныхъ дѣйствій майора Крысинскаго, получили отъ жонда вознагражденіе въ 10 тысячъ злотыхъ. Одинъ изъ медиковъ города Піотркова, призванный для пользованія раненыхъ соотечественниковъ, потребовалъ себѣ уплаты за издержки изъ городскихъ суммъ 260 злотыхъ (39 р. с.); заявляется о немъ какъ о дурномъ сынѣ отечества. Дабы очистить память покойнаго Михаила Бобровскаго, надъ которымъ приведенъ въ исполненіе, въ Опатовскомъ уѣздѣ, въ іюлѣ мѣсяцѣ, мнимый смертный приговоръ повѣшенія, доводится симъ до всеобщаго свѣдѣнія что упомянутый Михаилъ Бобровскій не совершилъ никакого преступленія противъ ойчизны. Настоящіе виновники невинной его смерти до сихъ поръ не могли быть отысканы.“ Подобныхъ Бобровскому жертвъ не мало; повѣсятъ людей отъ имени жонда, а потомъ извиняются въ ошибкѣ косвеннымъ образомъ.

Кромѣ этого доводится до всеобщаго свѣдѣнія, что въ городѣ Сѣрадзѣ, близь Калиша, „москва“ разстрѣляла Юзефа Жиглинскаго, „начальника города Кутно“, одного изъ „достойнѣйшихъ, усерднѣйшихъ и первыхъ дѣятелей въ справѣ народовой“. Значитъ приговоръ суда не былъ ошибоченъ.

Все предыдущее касалось Царства. Но жондъ не могъ остаться равнодушнымъ зрителемъ „измѣны Литвы“. По этому случаю онъ издалъ слѣдующій приказъ:

„Нѣкоторое число заблудшихъ и злоумышленныхъ помѣщиковъ въ Литвѣ дерзнули подписать адресъ съ выраженіемъ вѣрности и подданства московскому царю. Такое дѣйствіе, будучи явнымъ отступничествомъ отъ справы народовой и измѣною ойчизнѣ, не можетъ остаться безъ справедливаго возмездія. Главный двигатель преступленія, Александръ Домейко, приговоромъ революціоннаго трибунала осужденъ уже на смерть; о виновныхъ въ участіи въ преступленіи назначено строжайшее слѣдствіе, и наказаніе ихъ будетъ совершено по всей строгости законовъ.“

На Литвѣ это „строжайшее слѣдствіе“ имѣло послѣдствіемъ повѣшеніе главныхъ подкупленныхъ „слѣдователей“, и покушеніе на жизнь г. Домейка еще разъ доказало въ комъ Литва можетъ видѣть своего дѣйствительнаго правителя.

Неподлеглость въ № 5 отъ 1-го сентября н. ст. объявляетъ что въ Кіевѣ вышелъ, въ послѣднихъ числахъ іюля, № 2 „официальной“ газеты *Walka* (Борьба). Содержаніе нумера слѣдующее: Распоряженія отдѣла Руси относящіяся до устройства народной жандармеріи, взаимныя сношенія начальнаго водза (главнокомандующаго) земель Русскихъ съ отдѣломъ, нѣсколько перепечатанныхъ декретовъ и прокламацій народоваго жонда, и наконецъ прокламація полномочнаго на Руси отъ народоваго жонда къ обывателямъ своей провинціи. Такимъ образомъ въ Кіевѣ все еще поддерживаются попытки революціонеровъ къ развитію въ странѣ организаціи. Въ Литвѣ нѣтъ ни отдѣловъ, ни полномочныхъ; есть только „слѣдователи“.

Кромѣ двухъ нумеровъ *Неподлеглости*, въ концѣ августа появились еще въ Варшавѣ: *Wiadomości z placu boju* № 9 отъ 28-го, № 10 отъ 31-го августа и № 11 отъ 2-го сентября, *Wiadomości Polityczne* № 3 отъ 31-го августа н. ст. и кромѣ того различные плакаты.

Наиболѣе интересны, по новости и оригинальности, фотографіи возмутительнаго содержанія, которыя можно пріобрѣтать путемъ организаціи народовой. Между ними двѣ, предназначенныя для нашихъ солдатъ, снабжены надписями, которыя мы передаемъ буквально: „1) Ну, ребята, не бойтесь, пайдіомъ на бунтовщыковъ? — Нѣтъ, ваше благородѣ, мы такъ не пайдіомъ, дайте намъ косы“; 2) Гей панъ бунтовщикъ, скажы ты своему цару, што я прынялъ бы у него службу: у васъ 30 капѣекъ въ день, а у насъ ни въ годъ таво“. Какова соблазнительная рѣчь!

Въ № 4-мъ *Niepodległości* передовая статья исполнена іереміадъ противъ безплоднаго дипломатическаго вмѣшательства, и кстати старается провести параллель между Россіей и Польшей.

„Европейская дипломатія думала“, говоритъ статья, „что Польша приметъ все что̀ ей дадутъ и съ благодарностью поцѣлуетъ руку своихъ благодѣтелей. Польша — это нищій (Lazarz) народовъ, думала дипломатія, и не сообразила того что, противодѣйствуя нашей политической самобытности, Европа отнимаетъ у Польши вѣру въ искренность выраженной къ ней симпатіи.

„Мы были въ теченіе десяти вѣковъ могущественнымъ народомъ; мы могущественны и до сихъ поръ!

„Москва всегда была нашимъ врагомъ.... Въ XV столѣтіи мы не могли придти на помощь упадавшимъ Новгороду и Пскову, но за то мы пріютили всѣхъ которые спасались отъ смерти. Въ XVII вѣкѣ польскій штандартъ подъ Клушиномъ, на Дѣвичьемъ полѣ, на стѣнахъ

самой Москвы, подъ Озерищами, несъ свободу народу, но послѣдній лучъ ея утонулъ безслѣдно въ страшной, черной и мрачной безднѣ: москва хотѣла остаться монгольскою.“ (Объясненіе превосходное!) Въ XVIII столѣтіи Москва имѣла Екатерину II, а Польша—Костюшку. Господство Москвы на развалинахъ Государства Польскаго уничтожило сразу дѣло человѣчества и политическаго прогресса.

„И нынѣ мы возстали противъ москвы не вслѣдствіе юношеской горячности и увлеченія, не вслѣдствіе столѣтнихъ страданій, но по холодномъ, зрѣломъ соображеніи, безъ отчаянія, съ трезвою мыслію, съ жаждою политическаго быта, съ прочными формами его въ будущемъ, съ вѣрою въ собственныя силы и въ историческую необходимость возрожденія Государства Польскаго.

„Теперь не безсильная мученица, а грозный рыцарь выступилъ на историческую сцену!

„Сто лѣтъ рабства выработали въ Польшѣ новое чувство быта, новые элементы общественной, экономической и политической жизни: на этомъ фундаментѣ будетъ создана *Новая Польша*.

„Москва—это ядъ, истребляющій и разстраивающій семью европейскихъ народовъ; это туча, заслоняющая свѣтило прогресса. Какъ проклятіе, тяготѣетъ она надъ Европой, проникла въ грудь ея какъ гвоздь, чтобы распространить ржавчину въ цѣломъ.

„Одно только воскресеніе Польши можетъ и должно на будущее время удержать распространеніе рабства въ Европѣ.

„Такое только разумѣніе дѣла Польши было бы въ состояніи увѣрить насъ въ симпатіи Запада. Но Польша совершила бы преступленіе, еслибъ основывала свое возрожденіе на этой симпатіи. Польша безъ Европы, минуя ее, пойдетъ впередъ путемъ жертвъ и крови, добудетъ свои права и упрочитъ свое существованіе.“

Такова передовая статья въ № 4. Передовая статья № 5 еще болѣе жалостнаго содержанія: въ ней изображены чувства революціонеровъ по случаю адреса Литвы. Главные удары падаютъ на генерала Муравьева и на подписавшихъ. „Когда подписавшіе возвратились домой и въ семейномъ кругу сознались въ своемъ позорѣ, то жены бросили ихъ, дѣти отреклись отъ нихъ, и остались они одни, лицомъ къ лицу со своимъ безчестіемъ и угрызеніями совѣсти.“ „Муравьевъ явился въ Литвѣ совершенно явнымъ выраженіемъ московской цивилизаціи, безъ маски, безъ приличія, заимствованнаго у Запада, съ петлей палача въ одной рукѣ и головнею поджигателя въ другой: истинный герой москвы!“ Кто жь сомнѣвался что этимъ господамъ были бы гораздо болѣе любы такіе русскіе государственные люди которые представляли бы собой не московскую, а варшавскую цивилизацію!

Wiadomości Polityczne № 3 представляютъ собою компиляцію изъ газетныхъ статей въ которыхъ говорится хотя одно какое-нибудь слово въ пользу Польши. Кромѣ того, тамъ можно найти нападенія на газеты враждебныя Польшѣ, на русскую журналистику и ея „безстыдныя статьи“. Особенно нападаютъ на *Виленскій Вѣстникъ* за статьи объ иллюминаціи 26 го августа и объ участіи народа въ праздничномъ веселіи.

Wiadomości z placu boju, въ трехъ нумерахъ, истощаются въ описаніяхъ своихъ побѣдъ и нашихъ пораженій. О неудачахъ въ нихъ говорится очень тонко. Вотъ образчикъ послѣдняго:

„14-го августа отряды Круковецкаго и Абихта, въ 350 человѣкъ, перейдя австрійскую границу близь Шицъ, Олькушскаго уѣзда, подъ огнемъ австрійскихъ патрулей, прибыли 15-го числа въ деревню Чаіовице; тамъ они встрѣтились съ одною московскою ротой и 20 казаками, убили 11 москалей, и потерявъ 2 человѣка, „*цофнулися въ поржондку*“, изъ Улинскихъ до Имбрамовицкихъ лѣсовъ; поржондку удивлялись даже москали. Отряды бились „*якъ на Поляковъ пришистало!*“ Потомъ атаковали ихъ сильнѣйшіе московскіе отряды, но къ нимъ присоединился Хмѣлинскій съ 70 человѣками, и бой продолжался еще часъ. Поляки *цофнулись въ найвенкшемъ поржондку* въ глубину Имбрамовицкихъ лѣсовъ, потерявъ 60 человѣкъ убитыми, изъ которыхъ 40 пало на мѣстѣ, а 20 добиты врагомъ, и уведя съ собою 30 раненыхъ москалей. За то москва потеряла 120 человѣкъ убитыми и вдвое болѣе ранеными. Кромѣ того убиты: полковникъ, 6 офицеровъ и раненъ генералъ князь Шаховской.“

Вотъ и утѣшеніе за пораженіе!

Краковскій *Часъ* продолжаетъ восхищаться побѣдами генерала Крука, особенно Жиржинскою, и при этомъ случаѣ все болѣе и болѣе увеличиваетъ число убитыхъ офицеровъ, такъ что въ № 195 отъ 28-го августа насчитываетъ ихъ 11. При этомъ приводится слѣдующее письмо „генерала“ Крука къ начальнику Люблинскаго отдѣла генералу Хрущову:

„Увѣдомляю васъ, генералъ, что русскихъ солдатъ, взятыхъ мною въ плѣнъ подъ Жиржиномъ въ числѣ 150 человѣкъ, двухъ офицеровъ и одного военнаго медика, я приказалъ немедленно освободить; однако же нѣсколько десятковъ изъ нихъ изъявило желаніе служить въ нашихъ рядахъ, въ чемъ я не могъ имъ отказать. Всѣхъ раненыхъ, поднятыхъ на полѣ сраженія, велѣлъ я размѣстить въ госпиталяхъ и заботиться о нихъ. Нашъ лагерный докторъ перевязалъ ихъ и имѣетъ надъ ними попеченіе. Сумѣете ли, генералъ, въ виду постояннаго мученія русскими войсками нашихъ раненыхъ и плѣнныхъ, понять и оцѣнить этотъ поступокъ? Да буду я сѣятелемъ не на безплодной почвѣ! Да удастся мнѣ хотя немного измѣнить васъ!

„Прискорбный для меня случай произошелъ по выступленіи отряда моего изъ Баранова: одинъ изъ русскихъ солдатъ, освобожденный изъ плѣна, хотѣлъ вырвать ружье у одного изъ моихъ больныхъ и убить имъ нашего солдата; при этомъ грозился поджечь городъ. Это такъ озлобило уланъ, высланныхъ за подводами, что они его связали и бросили въ рѣку Вѣпржъ, гдѣ онъ и утонулъ. Хотя за поступокъ этотъ я отвѣтственности на себя принять не могу и его не оправдываю, но тѣмъ не менѣе вижу въ немъ дѣло правосудія Божія.

„Хотя я имѣлъ бы право требовать въ обмѣнъ нашихъ плѣнныхъ, содержащихся въ вѣдѣніи вашемъ, генералъ, въ Люблинѣ, но не дѣлаю этого и предоставляю это вашему усмотрѣнію и правиламъ чести, которыми будете вы руководствоваться.

„Генералъ *Крукъ*."

Присоединяемъ нѣсколько подробностей о новой реформѣ варшавской полиціи.

По штату варшавской полиціи, утвержденному въ 1861 году, городъ въ полицейскомъ отношеніи дѣлился на два отдѣленія: первое занимало пространство въ 7 квадр. верстъ при 97 тыс. жителей, второе — пространство въ $10^1/_2$ квадр. верстъ при 118 тыс. жителей. Затѣмъ городъ раздѣлялся на 12 циркуловъ, въ которыхъ было отъ 8 до 31 тыс. жителей, и на 234 ревира, причемъ число жителей въ ревирѣ измѣнялось отъ 148 до 2.300. Для наблюденія за улицами была устроена полицейская стража изъ 921 человѣка, которая содержала въ городѣ 221 постъ. Такъ какъ длина всѣхъ улицъ Варшавы составляетъ болѣе 107 верстъ, то для наблюденія за улицами города необходимо было разставлять посты на полуверстномъ разстояніи между ними, или, сблизивъ ихъ въ однихъ мѣстахъ, имѣть безъ надзора остальную часть города. Этимъ обстоятельствомъ объясняется отчасти та легкость съ которою уличные убійцы скрываются отъ правосудія. Кромѣ недостатка въ числѣ постовъ, однимъ изъ главныхъ неудобствъ было недостаточное число ревировыхъ, наблюдающихъ непосредственно за жителями; одному человѣку трудно было услѣдить за 2.300 при настоящемъ состояніи города.

По новымъ правиламъ Варшава раздѣлена на 4 отдѣленія, за исключеніемъ предмѣстья Праги, которая составитъ особый циркулъ. Число ревировъ съ 234 увеличивается до 387. Посты полицейской стражи увеличены до 519, болѣе нежели вдвое; разчетъ сдѣланъ такимъ образомъ чтобы всѣ улицы, площади и проходные дома были наблюдаемы день и ночь и чтобы разстояніе между постами было около 200 шаговъ. Сообразно новымъ правиламъ въ штатъ полиціи прибавляется два полицеймейстера: къ 27 полицейскимъ офицерамъ прикомандировывается отъ войскъ еще 35 оберъ-офицеровъ. Число нижнихъ чиновъ назначено въ 2.110, при чемъ составъ стражи увеличивается вдвое; недо-

стающая тысяча назначается отъ войскъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ статья положенія о полиціи 1861 года, на основаніи которой могли быть принимаемы въ полицію только знающіе польскій языкъ, отмѣняется.

На все время военнаго положенія въ Варшавѣ предоставлены права оберъ-полицеймейстеру—начальника дивизіи, полицеймейстерамъ — полковыхъ командировъ, циркуловымъ коммиссарамъ—командировъ неотдѣльныхъ батальйоновъ. Ревировые дозорцы переименованы въ начальниковъ ревировъ, и мѣста эти разрѣшено занимать военнымъ офицерамъ.

Офицеры прикомандированные къ полиціи отъ войскъ сохраняютъ свое содержаніе и довольствіе и кромѣ того получаютъ по рублю въ сутки изъ суммъ полиціи. Нижніе чины получаютъ содержаніе полицейскихъ и помѣщаются вблизи своихъ постовъ.

При управленіи оберъ-полицеймейстера учрежденъ адресный столъ, и возобновляется должность капеллана для полицейской службы, для чего и назначается одинъ изъ дивизіонныхъ капеллановъ отъ войскъ. На негласные расходы отпускается оберъ-полицеймейстеру до 15 тыс.; отчетъ въ нихъ онъ представляетъ лично намѣстнику.

Такова сущность преобразованія. Оно вызываетъ новые расходы на сумму во 187.983 р. 75 к., которую предполагается выручить изъ слѣдующихъ источниковъ. Вопервыхъ, изъ сбора съ прописки паспортовъ на выѣздъ изъ Варшавы за границу, въ Имперію, провинціи и окрестности Варшавы и на пріѣздъ въ Варшаву; далѣе изъ новаго сбора съ временнопроживающихъ за всякій день: съ рабочихъ по 1½ к., а съ прочихъ по 20 коп. въ день; наконецъ будетъ взыскиваться штрафъ по 1 руб. сер. за неисполненіе правилъ относительно установленныхъ легитимаціонныхъ книжекъ и съ домовладѣльцевъ за неправильныя и несовременныя отмѣтки жильцовъ (въ первый разъ 50 руб., а во второй 100 руб.).

Кромѣ того, положено обязать домовладѣльцевъ имѣть въ каждомъ домѣ дворника, который постоянно долженъ находиться въ домѣ, не исполняя домашнихъ услугъ. Въ 9 часовъ дворникъ долженъ запирать ворота и не впускать неизвѣстныхъ ему лицъ. За неисполненіе этихъ правилъ взыскивается 50 р., а въ случаѣ упорства въ пріисканіи дворника назначается хозяину военная экзекуція.

Всѣ эти рѣшенія приготовлены особою коммиссіей и приводятся теперь въ исполненіе. Полезно было бы обратить вниманіе на вооруженіе полицейскихъ нижнихъ чиновъ, въ виду непрерывныхъ политическихъ убійствъ. Они имѣютъ однѣ сабли.

II.

По прямымъ извѣстіямъ изъ Царства Польскаго въ № 192 „Московскихъ Вѣдомостей".

28-го августа.

Великій Князь-Намѣстникъ выѣхалъ изъ Царства Польскаго.

Годъ тому назадъ маркизъ Велёпольскій просилъ Государя Императора о томъ чтобы Царство Польское управлялось Царскимъ братомъ. Партія Велёпольскаго, поддерживаемая многими Поляками, увѣряла правительство что волненіе умовъ прекратится немедленно съ пріѣздомъ Великаго Князя въ Варшаву и съ приведеніемъ въ исполненіе тѣхъ реформъ, которыя носятъ общее названіе административной автономіи. Согласно желанію Поляковъ, Великій Князь отправился въ Варшаву, отправился воодушевленный искреннимъ намѣреніемъ успокоить край, дать ему всевозможныя льготы, дать ему все за исключеніемъ войска и представительства при иностранныхъ державахъ. И Великій Князь не остался при одномъ намѣреніи; цѣлый рядъ законовъ, изданныхъ въ 1862 году, доказываетъ намъ что Польша могла бы пріобрѣсти добромъ, безо всякихъ возстаній, все то что̀ имѣетъ теперь Финляндія. Но Поляки не желали и не искали хорошаго управленія: революціонная партія, дѣйствовавшая рѣшительно въ виду либеральнаго управленія Великаго Князя, гонялась за мечтой о возстановленіи цѣлой Польши отъ моря до моря. Вспыхнуло возстаніе; Великій Князь принужденъ былъ оставить въ сторонѣ всѣ вопросы законодательные, административные, и долженъ былъ все вниманіе свое устремить на возстановленіе матеріальнаго порядка. Въ это время пришлось русскимъ людямъ въ Варшавѣ быть свидѣтелями того какъ лица гражданскаго управленія, принявшія программу Велёпольскаго, обѣщавшія помогать Великому Князю въ успокоеніи края,—какъ эти лица стали отставать отъ варшавскаго правительства, какъ они, занимая важныя мѣста, становились равнодушными къ умиротворенію края. Этого мало: многіе изъ нихъ стали явно высказывать что уступки въ родѣ программы Велёпольскаго недостаточны, и начали въ мартѣ мѣсяцѣ позволять себѣ дѣлать разныя оскорбительныя для Великаго Князя предложенія. За исключеніемъ бытьможетъ Велёпольскихъ, всѣ остальные отвергнулись отъ дарованныхъ реформъ. Пусть поймутъ это наши русскія газеты, такъ внезапно начавшія расхваливать гражданское управленіе Царства! Между тѣмъ Великій Князь все еще старался видѣть въ такихъ господахъ искреннихъ приверженцевъ его правительства и они, къ несчастію Польши, держались въ управленіи. Революціонное движеніе развивалось все болѣе и болѣе, и сомнѣваться въ причинахъ его распространенія становилось невозможнымъ.

Наши варшавскіе корреспонденты сообщаютъ намъ подробныя свѣдѣнія объ отъѣздѣ Августѣйшаго Намѣстника и разныя извѣстія до 28 августа, которыя мы и передаемъ здѣсь въ краткомъ изложеніи.

26 августа, въ день коронаціи Государя, при Варшавскомъ дворѣ былъ большой выходъ, и послѣдній, 27 августа въ 10½ часовъ, въ православномъ соборѣ было отслужено варшавскимъ архіепископомъ Іоанникіемъ напутственное молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Высочествъ. Послѣ молебствія Великій Князь съ семействомъ отправился на путевой дворъ Варшавско-Вѣнской дороги. Во время проѣзда Ихъ Высочествъ къ собору и къ станціи желѣзной дороги народъ толпился на улицахъ; проѣздъ пришелся въ самое время окончанія службы въ костелахъ, происходившей по случаю праздника Рождества Пресвятыя Богородицы. Изъ оконъ также выглядывало много любопытныхъ. Мущины снимали шляпы и низко кланялись Ихъ Высочествамъ; гробовая тишина царствовала на улицахъ. Положительно извѣстно что теперь Поляки поняли свою безтактность; безмолвные проводы были яснымъ доказательствомъ того сожалѣнія которое они питаютъ по случаю отъѣзда Великаго Князя.

Этотъ отъѣздъ есть самое чувствительное для нихъ наказаніе, и наказаніе заслуженное.

На путевомъ дворѣ желѣзной дороги, Ихъ Высочества были встрѣчены всѣми генералами, штабъ- и оберъ-офицерами варшавскаго гарнизона, высшими чинами гражданскаго правленія и консулами въ парадной формѣ. Началось прощаніе. Ихъ Высочества были очень тронуты. Въ половинѣ двѣнадцатаго часа поѣздъ двинулся. Изъ дѣтей Великаго Князя поѣхали съ Августѣйшими родителями въ Крымъ Великая Княжна Ольга Константиновна, и Великіе Князья: Константинъ, Димитрій и Вячеславъ Константиновичи. Послѣдняго Ея Высочество держала во все время отъѣзда на рукахъ. Великій Князь Николай Константиновичъ отправился въ тотъ же день поутру въ 7 часовъ въ Петербургъ. Великая Княжна Вѣра Константиновна уже два мѣсяца тому назадъ уѣхала съ супругою начальника штаба войскъ въ Царствѣ, генерала Минквица, къ заграничнымъ минеральнымъ водамъ.

Въ свитѣ ихъ Высочествъ состояли: директоръ дипломатической канцеляріи въ Царствѣ д. с. с. Тенгоборскій, адъютантъ Е. В. капитанъ-лейтенантъ Арсеньевъ, и комендантъ главной квартиры, инженеръ-штабсъ-капитанъ Вжесніовскій *. Послѣдній—одинъ изъ главныхъ представителей партіи Велёпольскаго.

Царство Польское находится теперь подъ управленіемъ графа Берга.

* Въ телеграммѣ изъ Варшавы помѣщенной въ № 189 *Московскихъ Вѣдомостей*, это имя было искажено телеграфистами.

Есть слухъ что графъ Бергъ переселяется въ Брюлевъ дворецъ, изъ котораго выѣзжаетъ семейство Велёпольскихъ.

Графъ Бергъ приказалъ объявить въ газетахъ, что лица желающія обращаться къ нему съ просьбами будутъ принимаемы по вторникамъ и пятницамъ отъ 10 часовъ утра. Утверждено постановленіе совѣта управленія отъ 27 августа, которымъ положено сборъ денегъ съ майоратовъ принадлежащихъ Русскимъ собирать посредствомъ экзекуцій, наравнѣ съ казенными податями. Вѣроятно арендаторы не хотятъ платить владѣльцамъ.

Чиновники цензурнаго комитета остались на службѣ и взяли назадъ свои прошенія объ отставкѣ. Побудило ихъ къ тому приказаніе графа Берга выслать ихъ въ 24 часа въ Россію. Узнавъ объ этомъ приказаніи, чиновники бросились къ графу съ повинною, униженно просили не высылать ихъ въ Россію и клялись что готовы скорѣе погибнуть подъ ножомъ тайныхъ убійцъ чѣмъ покинуть свои должноти. Его сіятельство, принявъ во вниманіе чистосердечное раскаяніе, позволилъ цензорамъ временно остаться на своихъ мѣстахъ. Такимъ образомъ нѣкоторая рѣшимость, приложенная кстати, позволила варшавскому правительству выиграть въ этомъ случаѣ партію.

Согласно новому положенію о полиціи въ должности полицеймейстеровъ назначены: полковникъ л.-гв. Волынскаго полка Россинскій и ротмистръ л.-гв. Гродненскаго гусарскаго Коссинскій, которые вступили въ исправленіе своихъ обязанностей 22-го августа. Первыя дѣйствія новыхъ полицеймейстеровъ были удачны. Ими схвачено 13 человѣкъ жандармовъ-рѣзуновъ, изъ числа безпаспортныхъ, и въ томъ числѣ Коханьскій, убійца Вихерта. Онъ скрывался уже подъ третьимъ именемъ, но его узнали. Кромѣ Коханьскаго, найдены въ числѣ этихъ тринадцати и убійцы Боссакевича. Содержательница той пивной лавки гдѣ произведено было нѣсколько убійствъ, Гудзинская, допрошенная въ ратушѣ, созналась во всемъ и назвала убійцъ которымъ она помогала. Всѣ они ремесленники; фамиліи ихъ Вагнеръ, Ковальскій и Сѣдлецкій. Они арестованы съ кинжалами съ которыхъ нарочно не смыта кровь; конецъ одного кинжала согнутъ въ крюкъ; такіе кинжалы должны были служить для „жонда" доказательствомъ совершеннаго преступленія. Теперь всѣ эти убійцы и Гудзинская отданы подъ полевой военный судъ.

Изъ вышеупомянутыхъ 13 человѣкъ полиція приводила нѣкоторыхъ къ Рихтеру, раненому 19-го августа; но жена Рихтера объявила что мужъ ея въ горячкѣ, а еслибъ и былъ здоровъ, то никогда не укажетъ своего убійцы, потому что это не приходится (nie wypada). Боятся мести. Рихтеръ поправляется.

27 августа ротмистръ Коссинскій арестовалъ на Уѣздовскомъ плацу шесть человѣкъ, производившихъ подъ руководствомъ придворнаго берей-

тора разныя эволюціи. Всѣ они богатые купцы, и быть-можетъ разъѣзжали безо всякой цѣли. Странно только, что берейторъ поспѣшилъ ускакать.

Убійства въ Варшавѣ сдѣлались явленіемъ ежедневнымъ; убійцы начинають бросаться даже на военныхъ. 24-го августа, въ 6 часовъ пополудни, тяжело раненъ ударомъ кинжала въ спину, ниже лопатки, старшій лѣкарь 3-й гвардейской и гренадерской артиллерійской бригады докторъ медицины Мессершмидтъ. Убійца ждалъ доктора на Маршалковской улицѣ и сейчасъ убѣжалъ. Мессершмидтъ не далъ Полякамъ никакого повода къ подозрѣнію. Поляки говорятъ что это была ошибка, что хотѣли убить не его. Тѣмъ не менѣе эта „ошибка" сильно раздражила общество офицеровъ...

На другой день послѣ этого покушенія, также въ 6 часовъ пополудни, въ мясныхъ рядахъ на Новомъ Свѣтѣ зарѣзанъ полицейскій „дозорца". Разбойникъ ударилъ его сзади кинжаломъ въ шею и половину ея отрѣзалъ; несчастный успѣлъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, обнажить на половину саблю, но упалъ и умеръ. Убійцы извѣстны, но еще не отысканы.

До сихъ поръ всѣ жандармы-убійцы оказываются по большей части изъ ремесленниковъ и людей ничего не имущихъ. Ремесленная челядь рѣшительно не исправима. Изъ интересныхъ случаевъ, подтверждающихъ этотъ выводъ, приведемъ слѣдующій. Недѣлю тому назадъ, подмастерье сапожника Уманскій былъ помилованъ Его Высочествомъ и выпущенъ изъ цитадели въ 10 часовъ утра. Но въ 5 часовъ пополудни онъ былъ уже снова арестованъ за какой-то безпорядокъ, причемъ оказалось что Уманскій успѣлъ уже набить себѣ карманы разными подпольными газетами и пасквилями. При допросѣ онъ показалъ что только сейчасъ какой-то неизвѣстный сунулъ ему въ руку бумаги, и онъ не знакомъ съ ихъ содержаніемъ, такъ какъ не успѣлъ ихъ пробѣжать. Между тѣмъ у хозяина своего онъ еще не былъ. Хозяинъ объявилъ полиціи что взять Уманскаго не желаетъ и что радъ былъ его сбыть. Оказалось что Уманскій былъ безпріютнымъ бродягой. Онъ отправленъ въ 1 циркулъ подъ надзоръ полиціи, къ великому огорченію коммиссара у котораго подъ надзоромъ уже есть до 700 такихъ молодцовъ. А потому варшавская полиція желаетъ сдать нѣкоторое число этихъ голодныхъ челядниковъ въ Россію, въ отдаленныя губерніи. Держать безпаспортныхъ бродягъ въ Варшавѣ подъ надзоромъ полиціи не время. Эти молодцы имѣютъ на своей квартирѣ какой-нибудь тюфякъ, да иногда кинжалъ, живутъ и кочуютъ по разнымъ мѣстамъ; а иногда содержатся публичными женщинами для прогулокъ въ праздничные дни; въ будни же они носятъ дрова, воду и т. п.; когда у нихъ спрашиваютъ о средствахъ существованія, то они всегда показываютъ что живутъ собственными средствами. Но эти собственныя средства (własne fundusze) состоятъ преимущественно изъ 50 к. въ день отъ жонда за готовность къ убійствамъ. А потому для Варшавы было бы полезно очищеніе ея

отъ безпріютныхъ молодцовъ, содержащихъ себя изъ „власныхъ фундушей“.

27 августа въ Варшавѣ хоронили съ почестями умершихъ отъ ранъ офицеровъ л.-гв. Гродненскаго гусарскаго полка Граббе и Ермолова. Тѣла ихъ провезены по городу и отправлены въ Петербургъ. Геройская смерть ихъ описана въ рапортѣ барона Клодта и извѣстна теперь всей Россіи. Тачановскій неоднократно говорилъ своей бандѣ, указывая на казаковъ: „вотъ какъ слѣдуетъ сражаться, если желаете одерживать побѣды! Учитесь: примѣръ предъ глазами!“ Граббе разказывалъ что онъ изрубленный, изстрѣленный, лежалъ безъ чувствъ, однако еще слышалъ какъ одинъ мятежникъ рубилъ ему правую руку, до тѣхъ поръ пока не отрубилъ ее выше кисти. Изъ 14 линейныхъ казаковъ, израненыхъ въ дѣлѣ Граббе и доставленныхъ въ Уяздовскій госпиталь, трое умерли, а остальные сомнительны.

Увѣщанія Тачановскаго не подѣйствовали. Отрядъ его былъ совершенно разбитъ барономъ Клодтомъ. Тѣмъ не менѣе № 200 *Часа* называетъ дѣло Тачановскаго побѣдой и говоритъ что Тачановскій „по тымъ свѣтнымъ звыцѣнствѣ цофнулся въ поржондкѣ“, потерявъ ранеными и убитыми вдвое менѣе противъ русскаго отряда. *Часъ* еще не хочетъ знать что Тачановскій въ порядкѣ отступилъ въ Пруссію и что онъ не желаетъ возвращаться оттуда, чтобы одерживать побѣды въ Царствѣ.

Къ характеристикѣ положенія края могутъ быть пригодны слѣдующія данныя: къ 28 августа было въ цитадели 139 политическихъ преступниковъ. За двѣ недѣли поступили въ полицейскій арестъ за нарушеніе правилъ военнаго положенія и за обыкновенныя преступленія 263 человѣка, въ томъ числѣ 182 женщины. 25 августа вывезено въ Имперію 68 человѣкъ политическихъ преступниковъ и плѣнныхъ.

III.

из житоміра, въ № 193 „московскихъ вѣдомостей“.

Частный приставъ г. Житоміра Тамочкинъ нѣсколько дней тому назадъ замѣтилъ въ городѣ неизвѣстнаго ему Поляка, который показался ему лицомъ подозрительнымъ. Собирая негласно о немъ свѣдѣнія, онъ узналъ что этотъ незнакомецъ есть помѣщикъ Подольской губерніи, Дружбацкій, кандидатъ мироваго посредника, что отецъ его сидитъ въ Каменецъ-Подольскѣ въ тюрмѣ за участіе въ мятежѣ, что самъ онъ остановился въ домѣ помѣщицы Червинской и что о прибытіи его въ Житоміръ полиціи заявляемо не было.

Предложивъ незамѣтно слѣдить за Дружбацкимъ, приставъ Тамочкинъ узналъ что лица коихъ посѣщалъ Дружбацкій сами давно уже наводили на себя подозрѣніе если не въ содѣйствіи, то въ явномъ сочувствіи мятежу. Наконецъ 24-го іюля, поутру, Тамочкинъ получилъ увѣдомленіе что Дружбацкій въ слѣдующую ночь уѣзжаетъ изъ города на почтовыхъ, но куда—не было извѣстно, такъ какъ подорожная была выдана неопредѣленно на проѣздъ изъ Кіева въ Житоміръ, въ Подольскую губернію и обратно. Поэтому, куда и по какой дорогѣ предполагалъ Дружбацкій направить свой путь, оставалось тайной. Считая задержаніе Дружбацкаго и произведеніе у него обыска необходимымъ, Тамочкинъ немедленно какъ о своихъ подозрѣніяхъ, такъ и о своихъ наблюденіяхъ доложилъ начальнику губерніи и получилъ разрѣшеніе взять съ собою нѣсколько жандармовъ, задержать Дружбацкаго по выѣздѣ его изъ города и обыскать, такъ какъ предполагалась что обыскъ его квартиры едва ли бы привелъ къ полезнымъ результатамъ. Такъ и было сдѣлано: въ пяти верстахъ отъ города, въ селеніи Станищевкѣ Дружбацкій былъ арестованъ и со всѣми своими вещами отведенъ въ волостное правленіе, гдѣ въ присутствіи волостнаго старшины, добросовѣстныхъ и жандармовъ, произведенъ у него самый тщательный обыскъ.

Этотъ обыскъ вполнѣ подтвердилъ и подозрѣнія Тамочкина. У Дружбацкаго найдены, между прочимъ, слѣдующіе предметы: двѣ желтой мѣди печати, съ вырѣзаннымъ на нихъ гербомъ, составленнымъ изъ изображеній одноглаваго орла, всадника на конѣ и образа Божіей Матери. На одной печати была слѣдующая польская надпись: „Komisarz Rządowy Podola" (Коммиссаръ подольскаго управленія), а на другой было написано также по-польски: „Rząd Narodowy—Zarząd Podola" (Народное правительство—отдѣлъ подольскаго управленія), денегъ 2.757 р., и портфель съ разными письмами и бумагами. Наконецъ въ сапогѣ, на лѣвой ногѣ, найденъ особый запечатанный канвертъ съ бумагами.

Разумѣется портфель и конвертъ были тотчасъ же представлены начальнику губерніи, въ присутствіи котораго они и были формально разсмотрѣны и описаны разными подлежащими властями. Въ пакетѣ отысканномъ въ сапогѣ у Дружбацкаго оказались офиціальныя бумаги польскаго революціоннаго правительства, обнаружившія что Дружбацкій былъ одинъ изъ главныхъ агентовъ этого правительства, принимавшій самое дѣятельное участіе во вновь затѣваемомъ мятежѣ.

Означенныхъ бумагъ найдено шесть. Къ нимъ были приложены гербовыя печати найденныя у Дружбацкаго: всѣ бумаги имѣли видъ предписаній и отзывовъ народнаго правительства и установленныхъ имъ коммиссаровъ. Число ихъ составленія, именно 23-го іюля, когда Дружбацкій находился въ Житомірѣ, указываетъ прямо что онѣ тутъ были и написаны! Вотъ оглавленіе этихъ бумагъ:

1) Отзывъ народнаго правительства, отдѣленія исполнительнаго на Руси, къ членамъ бывшаго подольскаго комитета, 23-го іюля 1863, № 42.

2) Предписаніе о назначеніи помѣщика Станислава Ломжинскаго прокураторомъ при народномъ подольскомъ трибуналѣ 23-го іюля 1863, № 19.

3) Отзывъ коммиссара, уполномоченнато на Руси, къ подольскому коммиссару, 23-го іюля 1863, № 18.

4) Отзывъ народнаго правительства, исполнительнаго отдѣленія на Руси, къ подольскому управленію, 23-го іюля 1863, № 43.

5) Отзывъ къ коммиссару чрезвычайнаго народнаго правленія въ восточной Галиціи, 23-го іюля 1863, № 16.

6) Копія съ письма посланнаго въ Галицію, къ главнокомандующему генералу Эдмунду (вѣроятно Ружицкому).

Изъ содержанія этихъ бумагъ обнаружено слѣдующее:

1) Въ скоромъ времени предполагается вторженіе Поляковъ изъ Галиціи въ предѣлы западныхъ губерній. Одновременно съ этимъ вторженіемъ вспыхнетъ мѣстное возстаніе. Благопріятнымъ для того временемъ считается время уборки хлѣба съ полей, когда крестьяне занятые жатвой не въ состояніи будутъ препятствовать возстанію.

2) Перевозка оружія черезъ австрійскую границу, какъ предполагаетъ революціонное правительство, будетъ воспрещена, а потому сдѣлано распоряженіе о доставленіи оружія чрезъ Одессу. Въ одномъ извѣстномъ торговомъ домѣ въ Одессѣ приготовлено значительное количество оружія; перевозить же это оружіе на Волынь, Подолію и Украйну подрядились Евреи въ Житомірѣ и Бердичевѣ, съ обязательствомъ представить залоги равняющіеся стоимости оружія.

3) Народная власть распространяется все болѣе на Волыни и въ Подоліи, и есть надежда основанная на фактахъ что на Волыни и въ Подоліи всѣ распоряженія этой власти будутъ исполняться со скоростію и энергіей (??!).

4) Главная станція народныхъ сообщеній находится въ Бердичевѣ, въ домѣ банкира Макса Шафнагеля.

5) „Провинціальная власть“ отправила уже агентовъ для осмотра пограничныхъ мѣстъ, съ цѣлію сдѣлать въ нихъ нужныя приготовленія для облегченія дѣйствій повстанцевъ.

6) Въ пограничныхъ пунктахъ Голочинцахъ, Кутыче, Стшремыльче предполагается учредить арсеналы.

7) Въ уединенныхъ мѣстахъ отдаленныхъ отъ селеній, какъ-то: пасѣкахъ, хуторахъ и фольваркахъ, предполагается завести пороховые заводы. Преимущественно рекомендуется открыть такіе заводы въ Полѣсьѣ и на границахъ Подольской губерніи съ Кіевскою.

8) Въ самомъ Кіевѣ учреждена уже лабораторная школа для обученія выдѣлкѣ пороха.

9) Учреждается народная почта. Съ этою цѣлью въ каждомъ уѣздѣ должно находиться довѣренное лицо, которому отдавалась бы корреспонденція какъ приходящая, такъ и отходящая.

10) Во всѣхъ уѣздахъ назначены уже гражданскіе чиновники, которые будутъ вспомоществовать народу во всемъ до окончанія военныхъ дѣйствій.

11) Предполагается учредить жандармовъ-вѣшателей изъ отчаянныхъ молодыхъ людей, которые должны исполнять порученія революціоннаго комитета.

12) Генералу Эдмунду (т.-е. Ружицкому *), бѣжавшему за границу послѣ пораженія мятежниковъ на Волыни) предоставлено составить планъ военныхъ дѣйствій, какъ знающему отлично мѣстность здѣшняго края.

13) Народное правительство имѣетъ уже въ виду офицеровъ готовыхъ принять начальство надъ отдѣльными отрядами. Списокъ этихъ офицеровъ посылается генералу и отъ него будетъ ожидаться назначеніе ихъ въ должности.

14) Собраны нужныя свѣдѣнія во всѣхъ мѣстахъ гдѣ расположены русскія войска и открыто уже агентство въ штабѣ Кіевскаго военнаго округа.

15) Получены свѣдѣнія о движеніи 4-го корпуса къ берегамъ Чернаго Моря и Прута. Корпусъ этотъ захватитъ и часть Украйны.

16) Всѣ повстанцы должны быть обмундированы эффектно, чтобы произвесть впечатлѣніе на крестьянъ.

17) Въ Варшаву вызванъ изъ Кіева представитель *русской интеллигенціи* (!!). Ему вмѣнено въ обязанность избѣгать всякихъ недоразумѣній съ Русскими, а напротивъ совѣтуется войти въ дружескія сношенія съ ними, и такимъ способомъ узнавать все то что необходимо для пользы народа. Подобное распоряженіе послѣдуетъ въ Подоліи и Волыни.

18) Предполагается во что бы то ни стало снискать расположеніе православныхъ священниковъ.

19) Упоминается о содѣйствіи польскому дѣлу *какихъ-то сановниковъ*

20) Золотыя грамоты предписывается объявлять со всею торжественностью и вмѣстѣ съ осторожностію и не иначе какъ только послѣ одержанія повстанцами какой-либо побѣды.

Кромѣ того, во время содержанія Дружбацкаго подъ арестомъ, замѣчено было часовымъ что къ голому тѣлу Дружбацкаго привязанъ былъ какой-то пакетъ. Пакетъ этотъ былъ тотчасъ снятъ и въ немъ

*) Ружицкій былъ начальникомъ дивизіоннаго штаба въ нашихъ войскахъ.

оказались революціонныя газеты: 1) „Walka“ (98 экземпляровъ), 2) газета „Polska“ и 3) газета „Wiadomości z pola bitwy“.

Изо всего этого видно что Поляки упорно и съ энергіей преслѣдуютъ свою преступную революціонную цѣль, а мы въ западномъ краѣ въ отпоръ имъ противопоставляемъ только рутинную отписку бумагъ и совершенное бездѣйствіе. Побили повстанцевъ и успокоились на лаврахъ. Даже теперешнее, весьма важное, открытіе пристава Тамочкина есть только счастливая случайность не болѣе, а не послѣдствіе правильной, постоянной и серіозно-направленной къ извѣстной цѣли полицейской дѣятельности. Самое это изложенное мною открытіе служитъ тому доказательствомъ. Въ Житомірѣ, въ небольшомъ городкѣ, гдѣ всѣхъ знаютъ наперечетъ—существуетъ исполнительное отдѣленіе революціоннаго комитета; а мы до сихъ поръ и не подозрѣвали этого и не знаемъ изъ кого оно состоитъ! Бездѣйствіе полиціи очевидно. Да и какъ дѣйствовать полиціи, когда она сидитъ въ канцеляріяхъ и упражняется въ отпискѣ бумагъ большею частью ни къ чему не ведущихъ, когда она бѣгаетъ на посылкахъ, когда она занята чрезвычайно важнымъ дѣломъ—крашеніемъ заборовъ и тротуарныхъ столбиковъ, когда для открытія какого-нибудь подозрительнаго лица ей, подобно какъ Тамочкину, нужно тратить собственныя деньги для разныхъ разъѣздовъ и для найма агентовъ? Съ другой стороны, развѣ посмѣли бы Поляки учреждать пороховые заводы и школы для обученія какъ составлять порохъ, еслибы не надѣялись вполнѣ на польскую администрацію всего края? Пусть кто-нибудь донесетъ что тамъ-то или тамъ токрытъ пороховой заводъ — пошлютъ для изслѣдованія донесенія чиновника-Поляка, и донесеніе окажется клеветой, и все дѣйствительно будетъ скрыто! У насъ же всѣ отрасли управленія и суда буквально въ рукахъ Поляковъ. Канцелярія губернатора и губернское управленіе преимущественно состоятъ изъ Поляковъ или, что̀ еще хуже, изъ ополяченныхъ Русскихъ. Секретныя бумаги, прежде чѣмъ поднесутъ ихъ къ подписи начальнику губерніи, уже дѣлаются извѣстными Полякамъ. При обыскахъ у пановъ неоднократно находили копіи съ такихъ секретныхъ бумагъ. Управленіе государственныхъ имуществъ состоитъ изъ Поляковъ; акцизное управленіе тоже польское; казенная палата преимущественно состоитъ изъ Поляковъ и уѣздные казначеи — всѣ почти Поляки; на почтѣ, въ приказѣ общественнаго призрѣнія, въ судебныхъ палатахъ и уѣздномъ судѣ также преобладаетъ польскій элементъ; вся врачебная управа состоитъ изъ Поляковъ; всѣ мировые посредники Поляки, всѣ уѣздные стряпчіе, за исключеніемъ двухъ—Поляки, судебные слѣдователи на половину Поляки. Въ Житомірскомъ сиротскомъ домѣ начальница заведенія и надзирательницы Польки и самое заведеніе служитъ только къ тому чтобы на русскія деньги русскихъ дѣвочекъ обращать въ Полекъ. Вся эта администрація

враждебная Россіи, служитъ могущественнымъ орудіемъ при настоящихъ польскихъ замыслахъ и вообще для усиленія польскаго элемента въ краѣ. Укажу, въ доказательство послѣдняго, на слѣдующее обстоятельство. Велѣно было по вѣдомству государственныхъ имуществъ устроить фермы на казенныхъ земляхъ и отдать ихъ въ аренду желающимъ на долгіе сроки. Несмотря на просьбы государственныхъ крестьянъ, рѣдко кто изъ нихъ получилъ фермы, большею частью онѣ розданы Полякамъ. Вотъ дѣйствіе польскаго управленія, и такъ вездѣ. Русскіе чиновники преслѣдуются здѣсь всѣми возможными способами, и въ случаѣ увольненія отъ должности никогда почти вновь не получатъ мѣста; Полякъ же уволенный отъ должности вездѣ найдетъ покровителей и защитниковъ. Изъ многихъ примѣровъ приведу одинъ. Нѣкто Шостатскій, служившій при дѣйствіи откупной системы акцизнымъ надзирателемъ, человѣкъ, по собраннымъ мною свѣдѣніямъ, знающій дѣло, честный, остался за штатомъ по упраздненіи откупа. Онъ обратился съ просьбою къ управляющему акцизнымъ управленіемъ о принятіи его въ службу по его вѣдомству и получилъ отказъ. Отказъ этотъ можно объяснить только тѣмъ что Шостатскій—Русскій, а Русскихъ въ акцизное управленіе мѣстная власть вовсе не принимаетъ. Напротивъ, Полякъ Горскій, дубенскій уѣздный казначей, человѣкъ, по собраннымъ о немъ свѣдѣніямъ генераломъ Семякинымъ и чиновникомъ особыхъ порученій министра финансовъ Казинымъ *), самый неблагонадежный, тотчасъ по увольненіи его, Горскаго, отъ должности казначея, вновь получаетъ мѣсто въ казенной палатѣ, и получаетъ по предложенію изъ Кіева, написанному на имя предсѣдателя казенной палаты!

Священники православные, которыхъ теперь стараются привлечь Поляки на свою сторону, находятся въ крайне незавидномъ положеніи. Они не смѣютъ объяснить крестьянамъ никакого ихъ недоразумѣнія относительно Положенія 19-го февраля. Случись это, паны тотчасъ шлютъ доносъ что священникъ пьяница и подстрекаетъ крестьянъ къ неповиновенію. Были примѣры что по такимъ доносамъ, вслѣдствіе настоянія административной власти, невинные священники удалены отъ приходовъ... (*День.*)

*) Г. Казинъ былъ посылаемъ въ Волынскую губернію для свидѣтельствованія уѣздныхъ казначействъ.

IV.

ИЗЪ ВАРШАВЫ ПО ПРЯМЫМЪ ИЗВѢСТІЯМЪ, ВЪ № 194 „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“.

31-го августа.

Настоящее положеніе въ Варшавѣ чрезвычайно натянуто. Поляки находятся въ тревожномъ, лихорадочномъ состояніи, ждутъ какихъ-то строгихъ мѣръ и готовы исполнять ихъ. По всему видно что народъ радъ бы возвратиться къ порядку, но боится террористовъ, и потому хотѣлъ бы чтобы законное правительство понудило его къ этому. Особыхъ понудительныхъ мѣръ даже не нужно было бы употреблять. Мятежный *жондъ* ничего еще не дѣлаетъ и только высматриваетъ на что̀ рѣшится правительство. По слухамъ даже самъ *жондъ* сознается что подобнаго страннаго положенія еще не существовало въ краѣ съ самаго начала безпорядковъ, т.-е. съ 1861 года. А что народъ готовъ возвратиться къ порядку, тому служатъ доказательствомъ безпрестанные вопросы: „Когда же запретятъ трауръ? Правда ли что въ день тезоименитства Государя Императора приказано будетъ зажечь иллюминацію? Правда ли что не послѣ 10, а послѣ 9 часовъ вечера нельзя будетъ никому выходить изъ дому?“ и т. п. Кажется *жондъ* распорядился чтобы въ случаѣ приказанія снять трауръ Польки нарядились въ народный малиновый цвѣтъ; но другіе опять увѣряютъ, и даже ручаются, что одновременно съ запрещеніемъ траура воспрещены будутъ и народные цвѣта. Полькамъ, повидимому, очень бы хотѣлось покрасоваться въ цвѣтныхъ, и особливо малиновыхъ платьяхъ покуда еще тепло, можно ходить въ одномъ платьѣ и сбросить грязный трауръ, который носятъ онѣ три года и который развилъ между ними неряшество, несвойственное щеголеватости Полекъ и ихъ изящному вкусу. Поэтому ни одна не запасается осеннимъ гардеробомъ, не зная что̀ именно можно будетъ носить; въ модныхъ магазинахъ застой: портнихи не знаютъ также какой готовить туалетъ—траурный, народный или цвѣтной? Разумѣется положеніе это долго длиться не можетъ. Если мы будемъ долго собираться съ силами, то *жондъ* непремѣнно воспользуется настоящею благопріятною минутой для какой-нибудь новой пакости, а мы опять, по обыкновенію, *опоздаемъ*. Быть-можетъ кавказскіе горцы и справедливо говорятъ о насъ: „Русскій *завтра* уменъ“. Впрочемъ и у насъ есть про себя пословица: „русскій заднимъ умомъ крѣпокъ“. Но кажется опытовъ было уже довольно; много пережили мы *завтрашнихъ* дней. Между тѣмъ варшавская полиція издала уже два дѣльные приказа, одинъ о соблюденіи полицейскаго порядка въ домахъ и цѣлодневномъ закрытіи воротъ и дверей, дабы разбойники,

по совершеніи убійства, не могли вскакивать въ любой домъ и пропадать въ немъ, а другой—о подчиненіи строгому полицейскому контролю всѣхъ военныхъ издѣлій на фабрикахъ и у ремесленниковъ. Дай Богъ только чтобы полиція строго наблюдала за неупустительнымъ исполненіемъ этихъ мѣръ, подвергала ослушниковъ наказанію не на бумагѣ, а на самомъ дѣлѣ, и чтобы всѣ распоряженія вообще не оставались только пустою формальностью: „подписано, и съ плечъ долой“. При наказаніи немедленномъ и энергическомъ жонду не удастся заставить кого бы то ни было быть *добровольнымъ мученикомъ* „за ойчизну“, какъ заставлялъ онъ тѣхъ отъ кого правительство требовало взноса податей прежде полученія паспорта на выѣздъ изъ мѣста жительства. Всякій возразитъ: „поди-ка попробуй самъ! хорошо сидѣть подъ поломъ и кричать: не слушайся!“

Въ приказѣ войскамъ въ Царствѣ Польскомъ обнародованы утвержденныя Его Императорскимъ Высочествомъ намѣстникомъ, 12-го (24-го) августа, правила о сборѣ, посредствомъ контрибуціи, съ платою по утвержденнымъ цѣнамъ—71.010 четвертей овса и 696.840 пуд. сѣна, ежели не состоятся торги. Торги разумѣется не состоятся, потому что *жондъ*, подъ смертною казнію, запретилъ всѣмъ и каждому имѣть дѣло съ правительствомъ и войсками. Притомъ и помѣщики рады будутъ сбыть фуражъ изъ первыхъ рукъ, не чрезъ *кулаковъ* но не иначе какъ подъ видомъ *принужденія*, реквизиціи; деньги тутъ вѣрныя, а если возьмутъ повстанцы, то ищи вѣтра въ полѣ, да и брать съ нихъ деньги самъ патріотизмъ не позволяетъ. Въ глазахъ *жонда* помѣщикъ будетъ правъ вѣшать не за что. Мѣра эта хороша во всѣхъ отношеніяхъ.

Поляки такъ избалованы милостями, которыя съ Высочайшаго соизволенія расточали имъ прежніе намѣстники въ высокоторжественные дни, что 26-го и 30-го августа безпрестанно спрашивали: „Что слышно? Нѣтъ ли амнистіи? Нѣтъ ли конституціи?“ Разумѣется, на это получали одинъ и тотъ же отвѣтъ: „Развѣ вы приняли амнистію когда вамъ ее давали? Развѣ также не отвергнете вы и дара конституціи?“—„Да безъ войскъ и для одного конгрессоваго королевства, конечно, *народъ (?)* ея не приметъ.“ Смѣшнѣе всего польская хвастливость даже въ безсиліи; напримѣръ, не разъ случается слышать, даже отъ солидныхъ и умныхъ Поляковъ, что народъ *не хочетъ* вооруженнаго вмѣшательства со стороны Франціи.... Почему бы вы думали?... Потому что Наполеонъ навсегда оставитъ оккупаціонный корпусъ въ Варшавѣ, какъ въ Римѣ!

Поляки ставятъ ровно ни во что всякую ссылку ихъ за политическія преступленія на житье въ Россію или въ Сибирь; они считаютъ это ни болѣе ни менѣе какъ комедіей, до перваго манифеста,—комедіей при которой производится большое чернилопролитіе и бумагомараніе. Это видно изъ большаго числа писемъ присылаемыхъ официальнымъ путемъ (незапечатанными) отъ политическихъ преступниковъ къ ихъ

родственникамъ въ Польшѣ. Увѣренность (не просто надежда) въ скоромъ возвращеніи домой до того нагла и дерзка что даже преступники сосланные на 20 лѣтъ въ каторгу въ рудникахъ просятъ родныхъ о присылкѣ имъ *скорѣе* своихъ адресовъ, на случай перемѣны мѣста жительства, „дабы я, по возвращеніи, могъ немедленно отыскать васъ". Словами: „*до скораго свиданія*" кончается каждое письмо; тоски или раскаянія нѣтъ ни въ одномъ письмѣ, всякій убѣжденъ что *скоро увидится при самыхъ лучшихъ для отчизны обстоятельствахъ.*

30-е августа, день тезоименитства Государя Императора, Русскіе въ Варшавѣ провели весело и торжественно. Въ 10½ часовъ утра всѣ военные и высшіе гражданскіе чины, равно какъ и заграничные консулы собрались въ за́мкѣ для принесенія поздравленія графу Бергу. Въ то же время получена была телеграмма изъ Вѣны, отъ Великаго Князя Константина Николаевича, въ которой Его Высочество, извѣщая о своемъ благополучномъ прибытіи въ Вѣну, поздравлялъ съ торжественнымъ праздникомъ отъ имени своего и августѣйшей супруги, и просилъ графа Берга объявить всѣмъ служащимъ Русскимъ что Его Высочество съ пріятностію воспоминаетъ время проведенное въ ихъ кругу какъ въ родномъ семействѣ. Въ 11 часовъ было торжественное молебствіе въ православномъ соборѣ, и потомъ всѣ пошли на завтракъ къ преосвященному Іоанникію. При этомъ провозглашены были тосты за здравіе Государя Императора, Государя-Намѣстника и наконецъ за здоровье графа Берга, который со своей стороны сказалъ: „Господа! Я молю Бога, чтобъ Онъ далъ мнѣ силъ быть начальникомъ васъ достойнымъ!"

Въ 5 часовъ вся русская семья обѣдала въ своемъ клубѣ. Тутъ пили за здравіе Государя Императора и Великаго Князя Константина Николаевича и его семейства, за благоденствіе Россіи, за короля Прусскаго, графа Берга. Шестой тостъ предложилъ графъ за здоровье штабъ- и оберъ-офицеровъ и нижнихъ чиновъ несущихъ тяжелую службу въ настоящей войнѣ не нами вызванной. Седьмой за здравіе храбраго прусскаго воинства, восьмой за прусскаго консула тутъ же находившагося. Консулъ видимо былъ тронутъ и сказалъ: „Господа! честь, которую оказываете вы мнѣ, относится не ко мнѣ, а къ тому народу который я представляю, и потому изъявленіе чувствъ вашихъ передамъ по принадлежности." По отъѣздѣ графа Берга долго и радушно угощали еще консула и пили за здравіе Прусскаго короля, войска, народа и самого консула. Зданіе клуба было роскошно иллюминовано. Двѣ полковыя музыки играли на дворѣ, часто повторяя, по единодушному требованію, народные гимны—нашъ и прусскій.

Но праздникъ этимъ не окончился: по окончаніи обѣда приступлено было къ подпискѣ на устройство Русской школы въ Варшавѣ, согласно заявленію объ этомъ *Московскихъ Вѣдомостей*, перепечатанному въ

приказѣ войскамъ. Участіе въ подпискѣ было принято всѣми съ живѣйшимъ удовольствіемъ.

— Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству Царства Польскаго, объявленнымъ 28-го августа (9-го сентября), люблинскій гражданскій губернаторъ *Бодушинскій*, по прошенію и по слабости здоровья, увольняется отъ этой обязанности, а на мѣсто его назначается могилевскій вице-губернаторъ д. ст. сов. *Буцьковскій*.

— Изъ Люблинскаго военнаго отдѣла, отъ генерала Хрущова, получено донесеніе объ упорной битвѣ нашихъ войскъ, подъ начальствомъ майора *Штернберга* и подполковника *Іолшина*, 25-го августа (6-го сент.), близь Тересполя и потомъ близь деревень Отроча, Баторжа и Быхавы, съ бандами *Лелевеля*, который на одномъ изъ трехъ заваловъ взятыхъ войсками убитъ. Въ Быхаву привезено 180 раненыхъ мятежниковъ и 30 плѣнныхъ. Число убитыхъ огромно и шайки разсѣяны. У насъ убитъ Вологодскаго пѣхотнаго полка поручикъ *Россовъ* и 4 солдата; ранено нижнихъ чиновъ 8. Въ д. Туманѣ (Плоцкой губ.) разбита, 27-го августа, шайка изъ 300 чел. Взято 31 лошадь, 20 пудовъ свинцу, знамя и пр. Дѣло войсковаго старшины Щербакова со 180 казаками.

V.

Изъ Царства Польскаго по прямымъ извѣстіямъ, въ № 197 „Московскихъ Вѣдомостей“.

11-го сентября.

Изъ наиболѣе важныхъ задачъ, разрѣшеніе которыхъ будетъ зависѣть отъ дѣйствій варшавскихъ властей, выдается особенно одна: возстановленіе правильныхъ отношеній правительства къ католическому духовенству, которое составляетъ въ настоящее время главную опору возмущенія. Въ Польшѣ мы видимъ рѣдкій примѣръ союза духовенства съ революціонною партіей. Союзъ этотъ закрѣпленъ особымъ договоромъ, изъ статей котораго обращаетъ на себя вниманіе выговоренное духовенству право имѣть одного изъ своихъ членовъ въ народовомъ жондѣ.

Съ удивительнымъ единодушіемъ оставило католическое духовенство Царства свои обязанности по отношенію къ правительству. Во всѣхъ 8 епископствахъ изъ 3.300 лицъ духовнаго званія, не считая клериковъ и новиціантовъ, въ 1862 году правительство могло указать только на 18 лицъ ему преданныхъ, но и въ этомъ числѣ было нѣсколько такихъ лицъ которыя любили въ правительствѣ преимущественно право раздачи денегъ и отличій. Высшее духовенство почти столько же компрометтировано какъ и низшее. Съ начала движенія, епископства дѣйствуютъ согласно, и слѣдуютъ примѣру подаваемому Варшавскою архі-

епархіей. Духовное начальство старается прикрывать всѣ дѣйствія своихъ подчиненныхъ, и непрерывно протестуетъ противъ арестовъ ксендзовъ, замѣшанныхъ въ политическихъ дѣлахъ.

Положеніе духовенства въ Царствѣ особенно рѣзко выдается при сравненіи его съ духовенствомъ литовскихъ губерній, гдѣ генералъ Муравьевъ успѣлъ сдѣлаться самостоятельнымъ по отношенію къ ксендзамъ. Не только въ Вильнѣ, но и въ Ковнѣ ксендзы служатъ молебствія по случаю царскихъ дней, а въ Плоцкой губерніи викарій Липновскаго прихода ксендзъ Смолинскій, возвращенный недавно изъ Перми, отслужилъ въ день рожденія Государыни Императрицы панихиду съ выставкою гроба на катафалкѣ, а на сдѣланное замѣчаніе отвѣчалъ, что совсѣмъ забылъ о высокоторжественномъ днѣ.

Такихъ фактовъ теперь бездна. Мы приведемъ рядъ данныхъ, относящихся къ дѣйствіямъ духовенства за послѣдніе $1^1/_2$ мѣсяца.

Читателямъ извѣстно, что администраторъ Варшавской епархіи ксендзъ Ржевусскій наложилъ трауръ на костелы по случаю ссылки монсиньйора Фелинскаго въ Ярославль. Не успѣло правительство рѣшить (впрочемъ на это рѣшеніе пошло много времени) какимъ образомъ поступить съ Ржевусскимъ, какъ уже начало получать увѣдомленія о томъ, что и въ другихъ епископствахъ костелы приняли траурную службу и также по распоряженію своихъ прелатовъ. Изъ нихъ бискупы Келецко-Краковскій, Люблинскій и Сандомірскій приказали объявить духовенству извѣстный циркуляръ Ржевусскаго; другіе сами сочинили свои посланія. Мы приведемъ здѣсь въ переводѣ пастырское посланіе бискупа Подляссной епархіи, резиденція которой м. Яновъ, Бѣльскаго уѣзда.

№ 389. Веніаминъ, Петръ, Павелъ Шиманскій,
ордена меньшихъ братій Св. Франциска Капуциновъ, Божіею и столицы апостольской милостію,
епископъ епархіи Подляской,
генеральный коммиссаръ Капуциновъ въ Царствѣ Польскомъ.

Всему духовенству, бѣлому и монашествующему, равно всѣмъ благочестивымъ Подлясской епархіи—пастырскій привѣтъ и благословеніе!

Съ глубочайшимъ прискорбіемъ обязаны мы извѣстить васъ, любезнѣйшіе братья, что Господу Богу угодно было ниспослать новый тяжкій ударъ на костелъ Польскій. Достойнѣйшій архіепископъ Варшавскій Фелинскій, получивъ приказаніе явиться въ Гатчину, былъ оттуда, по распоряженію Императорско-Россійскаго правительства, высланъ въ глубину Россіи, въ городъ Ярославль. Осиротѣвшій архіепископскій престолъ покрылся тяжелымъ трауромъ, и голосъ заступающаго мѣсто архипастыря, провозгласившій объ этой печали всѣмъ благочестивымъ въ архіепархіи, достигъ и до насъ!

Событіе это, которому подобное весьма рѣдко можно встрѣтить въ исторіи церкви, не можетъ пройти среди насъ незамѣченнымъ, потому что достопочтенный архипастырь, какъ глава цѣлаго края, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и нашимъ духовнымъ отцомъ; а несчастіе постигшее отца должно глубоко отразиться и въ сердцахъ преданныхъ ему дѣтей.

Мы же какъ поставленные, по пастырскому званію нашему, на стражѣ свободы и привилегій святаго костела нашего, должны видѣть что арестованіе вседостойнѣйшаго Варшавскаго архіепископа нарушаетъ въ основаніяхъ своихъ правила immunitatis Ecclesiae, и потому обязаны стать на защиту правъ церковныхъ, руководствуясь каноническимъ уставомъ (Clem. de poenis), равно польскими синодальными постановленіями. (Const. Synod. Lib. IV, de poenis, Decret. Synod. Buddan. in Libro Cons. V. Synod. Antiquissim. editio Hube.) Основываясь на этомъ и слѣдуя примѣрамъ всеобщей церкви и Варшавской архіепархіи, поручаемъ почтенному духовенству, какъ бѣлому такъ и монашествующему, чтобы со времени провозглашенія настоящаго посланія впредь до дальнѣйшаго по сему предмету распоряженія нашего, во всей Подлясской епархіи умолкли колокола, органы, музыка и пѣніе; святыя же таинства, святыя миссы читанныя, проповѣди и поученія, должны быть совершаемы обыкновеннымъ порядкомъ.

Но такъ какъ молитва составляетъ вѣрнѣйшее средство пріобрѣтенія милосердія Божія, по словамъ Христа „просите и дастся вамъ", то приходское духовенство да заохочиваетъ въ это исключительное время народъ къ горячимъ молитвамъ и особенно къ воздержанію отъ грѣховъ, потому что только молитва Творцу можетъ испросить для насъ спасительную Его помощь и покровительство.

Настоящее распоряженіе прочитать во время обѣдни народу съ каѳедры.

Яновъ, 4-го августа 1863.

Подписали: *Бискупъ Беньяминъ*.

Секр. кс. *Мыстковскій*.

Въ этомъ циркулярѣ обращаетъ на себя особенное вниманіе призывъ приходскаго духовенства къ заохочиванію народа къ молитвѣ. А какого рода эти молитвы въ Царствѣ, — тому служатъ свидѣтельствомъ особо изданные сборники, въ которыхъ еще умѣренною можно считать литію изъ которой мы сдѣлаемъ слѣдующія выдержки:

„Боже, буди милостивъ къ намъ грѣшнымъ — отпусти намъ!

„Боже, буди милостивъ къ намъ грѣшнымъ — услыши насъ!

„Отъ тирановъ нашихъ,
„Отъ измѣнниковъ края,
„Отъ шпіоновъ святаго дѣла,
„Отъ невѣрія въ освобожденіе края,
„Отъ неразумной торопливости,
„Отъ сомнѣнія въ нашу будущность,
„Отъ партій вредныхъ дѣлу освобожденія народа,
„Отъ выродковъ ойчизны,
„Отъ всякихъ бѣдствій.“
} Избави нас Господи!

Но интереснѣе всего то, что бискупъ Беньяминъ на дѣлѣ не вѣритъ въ дѣйствительность однѣхъ молитвъ и непрерывно благословляетъ своихъ подчиненныхъ на борьбу съ Москалями. Въ м. Яновѣ существуетъ католическая семинарія, — источникъ изъ котораго шайки черпаютъ себѣ ксендзовъ. Одинъ изъ пойманныхъ въ шайкѣ, клерикъ Яновской семинаріи Добровольскій, показалъ между прочимъ что старшіе клерики: Стасюкевичъ, Жуковскій, Развадовскій, Дражичевскій, Калицкій и ксендзъ Развадовскій, *по полученіи* увольненія, отправились въ шайки, уговаривая и Добровольскаго оставить семинарію; послѣдній явился къ ректору ксендзу Ячевскому и объявилъ ему свое желаніе вступить въ шайку, на что̀ Ячевскій изъявилъ свое полное согласіе, и одобривъ намѣреніе клерика, самъ написалъ Добровольскому просьбу объ увольненіи и выдалъ свидѣтельство за подписью епископа Беніамина. Изъ того же клерикальнаго мѣстечка клерикъ Стасюкевичъ завѣдуетъ шайкой появляющеюся въ Литвѣ и окрестностяхъ роднаго города, а ксендзъ каѳедральнаго собора Развадовскій арестованъ при распущеніи шайки Гржималло, въ свѣтскомъ платьѣ, съ усами и бородою. Не ясно ли что одною молитвой духовенство Подлясской епархіи не ограничивается?

Такимъ образомъ епископы наложили трауръ на костелы. Правительство потребовало объясненій въ Варшавѣ; ему отвѣтили что трауръ наложенъ на основаніи извѣстныхъ церковныхъ постановленій. Въ провинціяхъ подобные вопросы предложены военнымъ начальствомъ; отвѣты были получены такого же рода, но написанные съ нѣкоторою рѣзкостью. Мы приведемъ здѣсь отвѣтъ епископа Куявско-Калишской епархіи Маршевскаго, человѣка который до 1863 года былъ преданъ правительству и потерпѣлъ за это даже гоненія въ 1861 году отъ толпы занимавшейся въ то время непрерывными манифестаціями. Вотъ переводъ отношенія епископа:

Епископъ епархіи Куявско-Калишской
$^{13}/_{25}$ августа 1863 года,
№ 619.
Влоцлавскъ.

Господину военному начальнику отдѣла Варшавско-Бромбергской желѣзной дороги.

„На отзывъ вашъ, г. военный начальникъ, отъ сего числа, № 2547, имѣю честь отвѣтствовать что церковный трауръ наложенъ не только на здѣшніе мѣстные костелы, но и во всей епархіи, и даже вездѣ, во всѣхъ епархіяхъ цѣлаго края, по причинѣ вызова изъ края его высокопреосвященства архіепископа варшавскаго Фелинскаго.

„Общій законъ церкви нашей, а равно уставы синодовъ польскихъ повелѣваютъ чтобы въ случаѣ арестаціи или высылки архіепископа или кого-нибудь изъ епископовъ, богослуженіе было немедленно прекращено во всей провинціи.

„На основаніи этихъ регламентовъ и уставовъ, церковный трауръ наложенъ во всемъ здѣшнемъ Царствѣ, и будучи чисто-релегіознаго свойства, состоя изъ тихаго совершенія богослуженія, безъ музыки, пѣнія и употребленія колоколовъ, не имѣетъ никакого политическаго значенія, ни въ чемъ не нарушаетъ общественнаго порядка и спокойствія и ни мало не можетъ содѣйствовать раздраженію умовъ, а напротивъ располагаетъ еще къ возношенію пламенныхъ молитвъ къ Богу и возбуждаетъ къ покаянію и исправленію жизни.

„Въ этомъ духѣ приказано духовенству объявить о трауpѣ и обращаться съ рѣчами къ собирающемуся въ костелы народу.“

Подписалъ: *Епископъ Маршевскій.*

Такимъ образомъ въ отвѣтѣ все сводится къ чисто-духовной точкѣ зрѣнія, и чисто-политическая манифестація объясняется каноническими правилами. Но на такой почвѣ препираться военному вѣдомству не приходится. Необходимо лишить духовенство этого основанія, необходимо заставить его признавать и общіе законы. Каноническія правила весьма часто допускаютъ измѣненія. Такъ въ 1831 году не было наложено траура на костелы, когда правительство рѣшило отправить въ Бобруйскъ подляскаго епископа Гутковскаго за неповиновеніе правительству и Люблинскаго епископа Вояховскаго за приказаніе всѣмъ клерикамъ Люблинской епархіи идти въ военную службу. Еще лучшій примѣръ представляетъ собою Вильна; отъѣздъ епископа Красенскаго не былъ сопровождаемъ манифестаціями со стороны духовенства.

Чтобы нѣсколько поправить дѣло, необходимо выводить духовныя сановныя лица на открытую борьбу; необходимо требовать отъ нихъ отчета: сочувствуютъ ли они всѣмъ дѣйствіямъ подвластнаго духовенства? Нѣкоторыя правительственныя лица въ Варшавѣ были убѣждены что администраторъ Ржевусскій не терпитъ революціи и вмѣшатель-

ства духовенства въ политику, и что онъ наложилъ трауръ на костелы изъ видовъ чисто-духовныхъ, для защиты церкви, — словомъ что онъ принадлежитъ къ ультрамонтанамъ. Между тѣмъ агентскія донесенія неоднократно указывали на сношенія Ржевусскаго съ революціонными властями и прямо приписывали наложеніе траура требованію народнаго правленія. Такимъ образомъ не было положительно опредѣлено направленіе даже главнаго духовнаго лица въ Варшавѣ, и изъ всего ясны были только враждебныя дѣйствія духовенства. Извѣстно только то что ксендзы бѣгутъ въ шайки, какъ это сдѣлалъ недавно викарный ксендзъ Сандомірскаго каѳедральнаго костела Парко. Извѣстно только то, что ксендзы непрерывно подговариваютъ солдатъ къ измѣнѣ. Въ Варшавѣ за подговоръ арестованы 14-го августа нѣсколько клериковъ ордена Кармелитовъ, предлагавшихъ солдатамъ по 25 р. сер. за переходъ въ шайки съ оружіемъ и патронами; въ Плоцкѣ нижніе чины Муромскаго полка показали что викарій каѳедральнаго Плоцкаго костела ксендзъ Шумовскій подговаривалъ ихъ 21 іюля присоединиться къ шайкамъ; ксендзъ этотъ до распоряженія объ арестованіи успѣлъ скрыться. Наконецъ извѣстно и то что проповѣди католическаго духовенства отличаются и до сихъ поръ особенною рѣзкостію. Такъ 28-го прошлаго іюля въ Люблинскомъ-Доминиканскомъ монастырѣ ксендзъ Бернардинскаго ордена Левчакъ произнесъ проповѣдь которою прямо призывалъ народъ къ возстанію. Когда сдѣлано было распоряженіе объ его арестованіи, то онъ успѣлъ скрыться.

Обращиками проповѣдей мы закончимъ настоящія замѣтки.

27-го апрѣля (8-го мая) сего года, въ Свентоянскомъ костелѣ ксендзъ въ проповѣди, между прочимъ, сказалъ слѣдующее:

„Сначала нашъ архипастырь Фелинскій согрѣшилъ, держась стороны правительства; но нынѣ совершенно преданъ народу, приготовился на мученическую смерть и готовъ погибнуть за родимую землю вмѣстѣ со своими соотечественниками.“

13-го (25) мая, была проповѣдь въ костелѣ ксендзовъ Паулиновъ, слѣдующаго содержанія:

„Іисусъ Христосъ сказалъ своимъ апостоламъ: идите и проповѣдуйте Слово Божіе, и Я пребуду съ вами во вѣки! Религія, какъ несокрушимый штандартъ, предводитъ въ вашихъ военныхъ походахъ. Не теряйте духа и не слабѣйте въ силахъ, и врагъ нашъ вскорѣ погибнетъ,— я вамъ это пророчествую съ сей каѳедры. За его варварства, совершаемыя ежедневно на братьяхъ нашихъ, предаю анаѳемѣ ...и... предаю анаѳемѣ московскій край и всѣхъ тѣхъ, даже до двѣнадцатаго поколѣнія, которые держатъ сторону московскаго правительства и сочувствуютъ ему.“

19-го (31) мая, въ Свентоянскомъ костелѣ были сказаны въ проповѣди слѣдующія слова:

„Братья! какъ подло поступаете вы продавая кровь братьевъ вашихъ за нѣсколько рублей! Потому мы и не удостоились донынѣ благословенія Божія, что столько паршивыхъ овецъ еще находится въ Польскомъ народѣ; но бойтесь, правосудіе достигнетъ васъ! Перестаньте унижаться предъ московскимъ правительствомъ, иначе орудіе правосудія Божія приготовлено уже для лишенія васъ жизни, какъ тому было много примѣровъ. Еслибы не моя священническая риза, которая меня связываетъ, я собственными руками спровадилъ бы не одного съ этого свѣта. Польскій народъ умѣетъ выдержать характеръ: онъ не успокоится до тѣхъ поръ пока не сброситъ съ себя ига которое гнететъ его, — пока не истребитъ до послѣдняго изъ своихъ единоземцевъ которые поступками своими безчестятъ такое благородное поколѣніе. Человѣкъ возстающій противъ своего отечества—хуже злодѣя, а потому очищать общество отъ такихъ людей не только не преступно, но составляетъ заслугу предъ лицомъ Бога и людей."

Проповѣдники за это не были арестованы и до сихъ поръ продолжали говорить подобныя же проповѣди.

VI.

Письмо варшавскаго корреспондента въ № 198 „Московскихъ Вѣдомостей".

7-го сентября.

Отправивъ къ вамъ телеграмму о покушеніи на жизнь графа Берга, спѣшу сегодня же послать по почтѣ наскоро нѣсколько словъ о подробностяхъ этого событія.

Въ 5 часовъ пополудни, въ графа Берга, въ проѣздъ его по Новому Свѣту изъ одного госпиталя, брошены орсиніевскія бомбы*, изъ третьяго этажа дома графа Андрея Замойскаго. Провидѣніе спасло графа Берга; онъ не раненъ; только его пальто повреждено. Изъ сопровождавшихъ его восьми казаковъ-линейцевъ также никто не раненъ; ранены только почти всѣ казачьи лошади и обѣ экипажныя; экипажъ также поврежденъ, сукно и кожа въ нѣсколькихъ мѣстахъ разорваны. Въ одинъ моментъ домъ былъ окруженъ, сначала конвойными линейцами, а потомъ пѣхотою и уланами съ Саксонской площади. Кара послѣдовала немедленно: жильцы всѣ до одного арестованы, бо́льшая часть имущества ихъ выкинута изъ оконъ на улицу и сожжена, домъ обращенъ въ казарму. Женщины отпущены на свободу, а мущины отправлены въ цитадель, впредь до дальнѣйшаго разбирательства. Женщинамъ дозволено взять свое бѣлье, гардеробъ и деньги; уцѣлѣвшая мебель обращена для

* Потомъ оказалось, что кромѣ бомбъ былъ выстрѣлъ изъ двухствольнаго ружья, о чемъ и сообщила намъ телеграмма третьяго дня.

устройства солдатскихъ квартиръ. Лавки и магазины запечатаны съ съ тѣмъ чтобы завтра ихъ тамъ уже не было. Догадываются что въ этомъ домѣ скрывался *жондъ:* найдена его печать и жестяная коробочка съ синею типографскою тушью. Много захвачено бумагъ, но содержаніе ихъ еще неизвѣстно. Взято нѣсколько ружей, сабель, патронныхъ сумъ съ патронами, разной военной польской одежды и пр. Это только то что̀ оказалось на виду, а сколько еще найдутъ солдаты, когда осмотрятся! Мятежники никакъ не предполагали чтобы громъ грянулъ надъ ними такъ мгновенно и такъ безпощадно. Кара жестокая, правда, но заслуженная; она тѣмъ болѣе въ пору теперь, когда мирные жители стали громко проклинать руководителей мятежа и даже слышно, будто образовалась контръ-революціонная партія, рѣшившаяся выдать членовъ жонда и переловить подпольныхъ жандармовъ. Тѣ изъ жителей, которые, стоя подъ карауломъ на дворѣ, смотрѣли какъ все ихъ имущество добытое трудами цѣлой жизни летитъ изъ оконъ и обращается въ пепелъ, тѣ изъ нихъ, которые горько плакали видя себя нищими, пусть благословляютъ свой подпольный *жондъ!* Урокъ страшный для цѣлой Варшавы; народъ увидѣлъ что настаетъ конецъ шуткамъ.

Пора, давно пора положить конецъ возмутительному террору. Много пролилось невинной крови.

Еще прошлою ночью, четыре человѣка вооруженные косами напали, на Военномъ Плацу (Plac Broni), между цитаделью и Повонзковскою заставой, на ѣхавшаго верхомъ казака и нанесли ему нѣсколько ранъ онъ успѣлъ отбиться и ускакалъ. Виноватые не пойманы.

Вообще, кажется, не на шутку замышляютъ здѣсь посягательства на жизнь Русскихъ.

Раненыя лошади въ конвоѣ графа Берга были обсыпаны фосфоромъ отъ бомбъ, особенно на ранахъ, и еще въ семь часовъ вечера фосфоръ издавалъ блескъ. Это наблюдали многіе изъ насъ. Нѣсколько осколковъ издырявленныхъ пистонными стержнями мы сохранили себѣ на память.

VII.

ИЗЪ ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО ПО ПРЯМЫМЪ ИЗВѢСТІЯМЪ, ВЪ № 199 „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“ 7-го (19-го) СЕНТЯБРЯ.

Погребеніе несчастнаго Барановскаго совершено въ среду, 4-го (16-го) сентября, въ 4 часа по полудни, съ надлежащими почестями. Графъ Бергъ строго приказалъ оберъ-полицеймейстеру, чтобы почести эти непремѣнно были соблюдены. Всѣ чиновники полиціи и магистрата собрались на погребеніе. Русскіе хотѣли также почтить память этого достойнаго человѣка, но и тутъ враждебный элементъ помѣшалъ: всѣ ожидали что похороны совершатся въ четвергъ, а они состоялись днемъ ранѣе.

Успѣли быть только тѣ офицеры которые случайно увидѣли погребеніе. Обо всякомъ почти умершемъ объявляется въ *Варшавскомъ Курьерѣ* и назначается мѣсто, день и часъ выноса, а о жертвахъ мятежной партіи никогда еще не было объявлено въ газетахъ, потому что того *жондъ не позволяетъ*. И всѣ его боятся, начиная съ полиціи. Неудовольствіе за это между Русскими большое. Развѣ нельзя было, развѣ *не слѣдовало* объявить, что такая-то жертва—*невинная жертва* разбойничей шайки пала тогда-то отъ ножа наемнаго убійцы и тогда-то совершится погребеніе, на которое приглашаются друзья и знакомые? А сколько уже пало этихъ жертвъ! Уста журналистики запечатаны печатью жонда, и ни одинъ, ни даже офиціальный голосъ не отзовется въ защиту несчастныхъ, даже не вспомнитъ о нихъ, и погребенія ихъ донынѣ совершались на разсвѣтѣ, подъ надзоромъ полиціи, тайно; тѣло вывозили какъ тѣло самоубійцы, ни одинъ ксендзъ не хотѣлъ хоронить и шелъ только по наряду—и то гдѣ-то впереди, бѣжалъ украдкою, стыдясь своего дѣла. Такъ похоронили Манишевскаго, такъ похоронили многихъ. Только Скавронскаго и Барановскаго похоронили какъ слѣдуетъ, и то лишь потому, что графъ Бергъ это строго приказалъ. Раздирающая душу картина представилась на кладбищѣ, когда опустили гробъ Барановскаго въ могилу. Семеро дѣтокъ, малъ-мала-меньше, горько начали плакать на краю могилы и протягивая къ гробу ручонки, кричали: „Тятя! Тятя!..“ Не было мущины который бы не заплакалъ также горько, какъ и дѣти!

Неужели столько пролитой крови не падетъ на голову революціонной партіи тяжкою небесною карой!

5-го (17-го) сентября, заперты ворота домовъ въ цѣлой Варшавѣ. Агитаціонная партія употребляла всѣ усилія чтобы помѣшать этому распоряженію, подземные жандармы бѣгали изъ дома въ домъ, угрожая сторожамъ и владѣльцамъ домовъ смертію, однако ничто не помогло: законное правительство показало силу и энергію, и имѣло разумѣется, успѣхъ. Правда, что нѣсколько сторожей бѣжало: но какъ съ 10 или 15 домохозяевъ былъ немедленно взысканъ штрафъ по 50 р., и какъ многимъ пришлось самимъ стоять у воротъ вмѣсто дворниковъ, то появились и дворники, и ворота начали запираться. Мы только боимся, что эта мѣра чрезъ два-три дня ослабнетъ. И теперь двери нигдѣ не заперты на ключъ и только притворяются дворникомъ при приближеніи полицейскаго; но по крайней мѣрѣ теперь дворники безотлучно еще находятся у воротъ. А на долго ли это? Вотъ вопросъ. Измѣнники дозорцы постараются скрыть отступленіе, а подпольное правительство опять выкинетъ какое-нибудь колѣно.

Того же числа, въ 9 ч. утра, повѣшенъ на гласисѣ цитадели, по приговору полеваго военнаго суда, убійца апликанта Босакевича, типографскій ученикъ Михаилъ *Вагнеръ*. Въ конфирмаціи, напечатанной въ офи-

ціальной газетѣ, опять не объявлено, какъ поступлено съ соучастниками Вагнера и особенно съ содержательницей кофейни, которая была въ заговорѣ съ убійцами и сама завлекла къ себѣ для этого Босакевича, какъ, говорятъ, видно изъ сознаній ея при слѣдствіи.

Сборъ податей въ Варшавѣ, посредствомъ экзекуцій, идетъ успѣшно. Когда увидѣли что правительство не шутитъ, то многіе не захотѣли чтобы войска наводняли жилыя комнаты ихъ домовъ, и сами пошли въ магистратъ; туда принесли подати до 2 тысячъ человѣкъ. До кассы нельзя было добраться. Сегодня говорили, будто почти всѣ подати уже собраны. Говоримъ *почти*, потому что магистратъ, вопреки постановленію, по которому отсрочка назначается не болѣе какъ на 12 дней, даетъ отсрочки на 2 мѣсяца, и потому еще что и до сихъ поръ случается видѣть дома окруженные экзекуціонными командами.

Европейскій отель, самый большой въ Варшавѣ, дѣйствительно европейскій, принадлежитъ извѣстному мятежнику Вамбаху; вотъ уже два дня какъ это превосходное зданіе занято цѣлою ротой и туда никого не пускаютъ.

Европейскій отель игралъ большую роль въ революціонныхъ безпорядкахъ. Въ немъ стояли гробы первыхъ офяръ: въ немъ угощались крестьяне и т. п.

4-го (16-го) сентября, въ Варшавѣ совершилась новая покража казенныхъ денегъ, 40.000 рублей серебромъ. Кредитное земское общество размѣняло на эту сумму купоны отъ украденныхъ изъ главнаго казначейства *заставныхъ листовъ* на 31 милліонъ злотыхъ. Купоны представлены были отъ банкирскаго дома *Левенберга* во Влоцлавскѣ, за подписью Левенберга и управляющаго его конторою *Моргенбессера* (завтра-лучше). Ясно, что послѣдняя фамилія вымышлена. Фамилія Левенберговъ весьма велика и извѣстна въ Варшавѣ; но во Влоцлавскѣ, какъ оказалось по телеграммѣ, вовсе нѣтъ банкирскаго дома, и фирмы Левенберга тамъ не существуетъ. Ясно, что воры воспользовались этимъ извѣстнымъ именемъ. Предсѣдатель кредитнаго общества, Кретковскій, размѣнявъ купоны, тотчасъ же донесъ объ этомъ главному директору финансовъ, который доложилъ объ этомъ графу Бергу. Призванный къ графу, Кретковскій не могъ дать отвѣта ни на одинъ вопросъ: стоялъ блѣдный и не могъ произнести ни одного слова. Графъ Бергъ приказалъ удалить его отъ должности и назначилъ слѣдствіе. Остается рѣшить: имѣло ли Общество право само размѣнять купоны, или сдѣлано это съ разрѣшенія предсѣдателя? Въ послѣднемъ случаѣ, сдѣлано ли имъ это по собственной инпціативѣ, или подъ угрозою смерти со стороны террористовъ, все равно; Кретковскій виноватъ безусловно. Вѣроятно примутъ мѣры, чтобы подобныя воровства не повторялись. А кто виноватъ! Уже давно говорили, что кредитное общество непремѣнно размѣняетъ билеты, вотъ оно начинаетъ оправдывать предположенія.

31-го августа (12-го сентября), арестованъ вечеромъ, за неимѣніе фонаря, работникъ съ желѣзно-плавильной фабрики Эванса, находящейся въ Варшавѣ на Свѣнтогорской улицѣ. Зовутъ его Вильгельмомъ Альгеръ. При обыскѣ въ его карманѣ найдено восемь штукъ ручныхъ гранатъ, величиною въ картечь самаго большаго калибра, съ пустотой въ серединѣ. Онъ показалъ, что отлилъ ихъ 60 штукъ, по заказу какого-то *неизвѣстнаго ему человѣка*, заставившаго его, подъ угрозою смерти, отливать такое число гранатъ какое будетъ требоваться, и отдавать закащику, при встрѣчахъ; это обыкновенная отговорка Поляковъ; разумѣется, мы не умѣемъ заставить ихъ *познакомиться* съ подобными людьми, и на томъ обыкновенно кончаемъ допросы. Альгеръ присовокупилъ, что о работѣ его никто не зналъ и что онъ работалъ ночью, когда всѣ уходили съ фабрики и управляющій запиралъ ее. Значитъ онъ отливалъ гранаты безъ огня. Стало-быть наука изобрѣла новое средство лить чугунъ безъ огня? Иначе огонь былъ бы замѣченъ управляющимъ. Самъ Эвансъ (Англичанинъ) находится за границей. Теперь производится по этому предмету строгое слѣдствіе.

На предпрошлой недѣлѣ въ полицейскій арестъ поступило 99, въ томъ числѣ 52 безфонарныхъ; уволено 76, а о 10 дѣла представлены.

На прошлой недѣлѣ въ полицейскій арестъ поступило 54, въ томъ числѣ 38 безфонарныхъ. Уволено 38, а о 30 представлено начальству.

Пріѣхало 2.423, выѣхало 1.840.

VIII.

ИЗЪ ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО ПО ПРЯМЫМЪ СВѢДѢНІЯМЪ ДО 7 СЕНТЯБРЯ, ВЪ № 200 „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“.

Въ предлагаемой статьѣ мы представляемъ рядъ данныхъ о состояніи провинцій Царства Польскаго. Въ провинціяхъ разыгрывается возстаніе, и всѣ акты революціи, совершающіеся въ видѣ одиночныхъ явленій въ Варшавѣ, находятъ себѣ разнообразныя и многочисленныя примѣненія въ провинціяхъ. Каждый день возстанія стóитъ жизни многимъ жертвамъ, давшимъ поводъ подозрѣвать ихъ въ расположеніи къ законной власти; каждый день возстанія ведетъ за собою разореніе края и, нѣтъ сомнѣнія, развиваетъ все бóльшую ненависть между Поляками и Русскими. Забывать провинціи значитъ способствовать развитію мятежа, и потому всѣ колебанія, полумѣры, отсрочки, сроки,— всѣ эти результаты нерѣшительности варшавской администраціи, восхищавшейся тишиной на варшавскихъ улицахъ, прелестію прогулокъ въ Лазенкахъ и тому подобною поэзіей,—всѣ они губили край.

Возстаніе имѣетъ въ провинціи два вида: организованныя шайки и революціонную организацію. Русскимъ войскамъ порученно было усмирять возстаніе въ видѣ шаекъ, гражданской администраціи—въ видѣ организаціи. Русскія войска безукоризненно исполняли и исполняютъ первую задачу: экспедиціямъ нѣсть числа, офицеры и солдаты, особенно гвардейскіе, обвѣшены орденами, а между тѣмъ возстаніе длится. Длится оно потому, что на другой видъ революціи не было обращено должнаго вниманія измѣнническою администраціей, дозволившею укрѣпиться тому безпримѣрному терроризму, при которомъ шаекъ никогда не уничтожить, потому что онѣ постоянно будутъ формироваться. *Московскія Вѣдомости* тысячу разъ указывали на это обстоятельство. Войскамъ приходится самимъ заняться по преимуществу полицейскою службой. Иначе не будетъ конца революціи.

Представляемыя свѣдѣнія касаются состоянія провинцій къ концу августа. Читателямъ извѣстно, что разгорѣвшаяся въ августѣ „война" окончилась уничтоженіемъ шаекъ. Дѣйствительно, съ этой стороны дѣла идутъ удовлетворительно. Поляки служащіе въ шайкахъ теряютъ надежду на успѣхъ „справы", бѣгутъ за границу или покидаютъ польскую службу. Предводители шаекъ мѣняются непрерывно, и изъ именъ попадавшихся въ реляціяхъ за іюль и августъ остается теперь очень мало.

Тачановскій бѣжалъ за границу изъ Калишскаго воеводства, Каллье изъ Мизовецкаго; многіе предводители пали въ сраженіяхъ въ Люблинской губерніи, и между ними Лелевель, полковникъ Лелевель, военный начальникъ Подлясскаго воеводства, съ его „начальникомъ штаба" барономъ Валисомъ (Wallis). Въ *Часъ* помѣщена біографія Лелевеля, изъ которой мы узнаемъ, что это извѣстное имя служило псевдонимомъ варшавскому ремесленнику жестяныхъ издѣлій и мастеру колодезныхъ помпъ Мартину Бореліовскому. Не захотѣлъ человѣкъ выбрать себѣ названіе въ родѣ Цвѣка (гвоздя), Топора, Крука (воронъ), Багнета (штыка); захотѣлось ему компрометтировать знаменитое въ Польшѣ, хотя не очень-то чистое и свѣтлое имя. *Часъ* поетъ Бореліовскому панегиркъ, особенно за обращеніе съ крестьянами. Читатели найдутъ ниже образчики этого обращенія, столь понравившагося крестьянамъ.

Кромѣ всѣхъ вышеприведенныхъ, имѣется положительное свѣдѣніе что въ Стелницкомъ уѣздѣ Радомской губерніи взятъ войсками извѣстный своими злодѣйствами атаманъ Муха, который оказался чиновникомъ табачной администраціи—Радзѣевскимъ. Наконецъ въ Ловичѣ явился добровольно одинъ изъ предводителей шаекъ—Янковскій. Объ этомъ господинѣ получены изъ Ловича интереснѣйшія свѣдѣнія, совершенно вѣрныя, которыя мы особенно рекомендуемъ читателямъ: они въ значительной мѣрѣ способствуютъ разъясненію настоящаго положенія

края и рисуютъ характеръ предводителя бывшаго одною изъ главныхъ подпоръ возстанія.

Янковскій, распустивъ шайку, явился, 29 августа, въ Ловичъ къ военному начальнику. Въ два часа пополуночи подъѣхала къ заставѣ по шоссейной дорогѣ изъ Кутна бричка, запряженная парою лошадей. Изъ брички вышелъ Янковскій и потребовалъ чтобы казаки представили его на главную гауптвахту караульному офицеру. Дежурный по карауламъ, вмѣстѣ съ начальникомъ отряда, военнымъ начальникомъ и начальникомъ жандармской команды, приняли отъ него показанія. Янковскій, Іосифъ-Милославъ, 31 года, холостъ, родомъ изъ Калиша; служилъ онъ до возмущенія въ Варшавскомъ губернскомъ правленіи безъ жалованія, діетаріусомъ, и при производствѣ рекрутскаго набора былъ командированъ въ Лъэнчицу. Оттуда онъ бѣжалъ въ маѣ мѣсяцѣ въ шайки, вмѣстѣ съ полковымъ штабъ-лѣкаремъ Ладожскаго пѣхотнаго полка Сыревичемъ. Сначала они поступили въ шайку Липпнскаго, гдѣ пробыли нѣсколько недѣль; потомъ оба отправлены въ шайку Каллье, гдѣ и состояли до разбитія его подъ Клечевымъ; Сыревичъ былъ при штабѣ, а Янковскій назначенъ былъ начальникомъ обозовой кавалеріи; затѣмъ мѣсяца два Янковскій былъ начальникомъ Гостынинскаго уѣзда по военной части, до 22 августа, когда сдалъ начальство бывшему офицеру русской службы Орловскому, а самъ былъ назначенъ въ ротные командиры и отправленъ 28-го августа въ одну деревню для привода оттуда людей-охотниковъ, размѣщенныхъ на квартирахъ. Воспользовавшись этою командировкой, онъ рѣшился сдаться русскимъ войскамъ. Ясно что рѣшеніе это было вызвано разбитіемъ его шайки, и смѣщеніемъ изъ начальниковъ уѣзда въ ротные командиры. Трудно было повѣрить что Янковскій объяснитъ свою сдачу другимъ и изумительнымъ образомъ. „Я рѣшился, говоритъ онъ, исполнить намѣреніе, имѣвшееся съ самаго начала поступленія въ шайку, намѣреніе, для котораго я и поступилъ, а именно: быть на такомъ посту, гдѣ бы я былъ допущенъ до всѣхъ тайнъ и свѣдѣній, чтобы въ послѣдствіи быть полезнымъ законному правительству въ сообщеніи свѣдѣній о мятежническихъ дѣйствіяхъ начальниковъ шаекъ и вооруженіи инсургентовъ.“ Какова наглость! Этотъ господинъ вѣрноподданный рѣзалъ русскихъ солдатъ подъ Жиржиномъ, вѣшалъ преданныхъ правительству крестьянъ, и теперь оказывается, что онъ все это дѣлалъ съ цѣлію помогать законному правительству. Дѣйствительно Янковскій сдѣлалъ весьма важныя показанія и представилъ многіе письменные документы. Изъ свѣдѣній имъ сообщенныхъ и доступныхъ для печати особенно интересны показанія, что жондъ распорядился формировкой въ каждомъ уѣздѣ возможно бóльшаго числа шаекъ, и что для мятежниковъ приготовлены по деревнямъ у помѣщиковъ тулупы и сапоги на зиму. Янковскій сообщилъ также о несогласіяхъ между начальниками и жондомъ: такъ Сыревичъ

уволенъ отъ командованія шайкой и имѣетъ намѣреніе бѣжать за границу; Каллье уѣхалъ, Добровольскій приговоренъ рѣшеніемъ жонда къ смертной казни за освобожденіе полковника Нелидова, захваченнаго на желѣзной дорогѣ, и повѣшеніе чиновника Папроцкаго, котораго гомбинскій ксендзъ Луковскій оклеветалъ предъ Добровольскимъ, желая отомстить за отбитую Папроцкимъ коханку. Въ заключеніе своихъ показаній, Янковскій проситъ правительство принять его подъ свое покровительство, и чтобъ избѣгнуть непріятностей, которыя могли бы ему встрѣтиться въ Польшѣ, онъ проситъ—*назначить его чиновникомъ* въ отдаленныя губерніи Россіи!

Офиціальныя извѣстія въ *Русскомъ Инвалидѣ* сообщали между прочимъ слухъ, что въ Файславицкомъ лѣсу погибъ и главнокомандующій за послѣднее время генералъ Крукъ. Повидимому, показаніе это не вѣрно, такъ какъ въ *Часѣ* появилось отношеніе (!) „генерала" Крука къ генералъ-лейтенанту Хрущову, отъ 3-го сентября 1863 года, № 402, въ которомъ этотъ начальникъ вооруженныхъ силъ Подлясскаго и Люблинскаго воеводствъ, между прочимъ объявляетъ начальнику россійскихъ войскъ расположенныхъ въ воеводствахъ Подлясскомъ и Люблинскомъ, генералу Хрущеву, слѣдующее:

„Я буду стараться всѣми мѣрами повторять Жиржинскую битву, и съ солдатами вашими буду всегда обходиться одинаково; офицеровъ же какъ только они попадутся мнѣ въ руки, какъ виновниковъ всего зла, несмотря на ихъ чинъ, буду разстрѣливать."

Итакъ генералъ Крукъ уцѣлѣлъ. Но дѣла постанцевъ все-таки плохи. По всѣмъ извѣстіямъ шайки предпочитаютъ отдыхать по деревнямъ на квартирахъ.

Не въ такомъ видѣ представляется другая сторона возстанія—революціонная организація. Жондъ справедливо видитъ въ ней главную основу возстанія и хлопочетъ осѣтить ею Польшу; благодаря преступному бездѣйствію гражданскихъ властей, дѣло это удалось, и жандармы жонда держатъ народонаселеніе въ страхѣ и покорности. Никто конечно не можетъ лучше объяснить значеніе жандармовъ, чѣмъ объясняютъ сами члены жонда въ запискѣ въ которой излагается организація тайной исполнительной полиціи или жандармскаго управленія. Записка эта наконецъ попалась въ руки военныхъ властей, и теперь разослана изъ Варшавы всѣмъ военнымъ начальникамъ. Содержаніе ея въ переводѣ съ польскаго языка слѣдующее:

Такъ какъ главную основу возстанія составляетъ правильная, систематическая организація прежде всего администраціи, а потомъ, въ тѣсной связи съ нею, устройство тайной исполнительной полиціи, на которой, можно смѣло сказать, покоится судьба возстанія, то, по волѣ народнаго правленія, издается слѣдующая инструкція, служащая для Пршаснышскаго, Остроленскаго и Пултускаго уѣздовъ, отъ которой ни

подъ какимъ видомъ не позволяется уклоняться, подъ личною за то отвѣтственностью.

Артикулъ 1. Во главѣ полиціи цѣлаго уѣзда стоитъ комендантъ или начальникъ жандармовъ уѣзда, который назначается и увольняется, по взаимному согласію, начальниками гражданскимъ и военнымъ уѣзда.

Артикулъ 2. Для болѣе энергическаго исполненія, въ каждомъ уѣздѣ устанавливаются два или три окружные коменданта, несущіе службу въ поручаемыхъ имъ округахъ; каждый округъ долженъ быть раздѣленъ на нѣсколько участковъ, изъ которыхъ каждый поручается завѣдыванію вахмистра; кромѣ того должно быть избрано въ каждой деревнѣ одно лицо которое доносило бы о всемъ происшедшемъ своему вахмистру.

Артик. 3. Вахмистръ обязывается имѣть въ помощь себѣ нѣсколько довѣренныхъ, усердныхъ и трезвыхъ лицъ, которыя будутъ именоваться постоянными членами полиціи и обязаны нести ежедневно свою службу.

Артик. 4. Всякій изъ членовъ тайной полиціи обязанъ принести присягу въ сохраненіи строжайшей тайны и въ послушаніи своимъ начальникамъ.

Артик. 5. Начальникъ жандармовъ въ уѣздѣ во всемъ сносится съ уѣзднымъ гражданскимъ начальникомъ и обязанъ сообщать послѣднему всѣ донесенія; самъ же обязывается собирать таковыя отъ подчиненныхъ.

Артик. 6. Начальникъ жандармовъ въ уѣздѣ обязанъ еженедѣльно представлять комитету подробное донесеніе.

Артик. 7. Уѣздный жандармскій начальникъ долженъ наблюдать надъ всѣми членами полиціи, чтобъ они не дѣлали злоупотребленій, за которыя и самъ также отвѣчаетъ.

Артик. 8. Для неисправныхъ по службѣ и позволяющихъ себѣ злоупотребленія установлено, въ видѣ наказанія, въ первый разъ напоминаніе, во второй разъ отсылка въ партію, увольненіе отъ службы, или смертная казнь.

Артик. 9. Дѣйствія тайной полиціи заключаются въ слѣдующемъ:

§. 1. Заниматься удаленіемъ измѣнниковъ отечества и вообще не сочувствующихъ народному дѣлу, не иначе впрочемъ какъ по полученіи на то разрѣшенія высшей власти.

§. 2. Собирать всевозможныя свѣдѣнія о лицахъ неблагонамѣренныхъ или сочувствующихъ наѣзжему правительству.

§. 3. Строго наблюдать за лицами посторонними, а нашедши таковыхъ тотчасъ слѣдить за ними, совмѣстно съ жителями, съ величайшимъ вниманіемъ; если окажется, что такое лицо агентъ московскаго правительства, то арестовать его и представить ближайшему отряду, и вмѣстѣ съ тѣмъ доносить о томъ рапортомъ уѣздному гражданскому начальству.

§ 4. Наблюдать за всѣми дѣйствіями отдѣльныхъ лицъ имѣющихъ цѣлью собственныя выгоды, равнымъ образомъ за воровствами и грабежами; поймавъ подобныхъ лицъ на мѣстѣ преступленія, и заявивъ о томъ первой же власти, исполнять установленный ею приговоръ.

§ 5. Людей бродящихъ или укрывающихся, и назначенныхъ въ шайку, немедленно доставлять начальнику соотвѣтсвующаго отдѣла при посредствѣ сосѣднихъ тайныхъ полицій, если отдѣлъ не находится въ мѣстѣ его службы, съ описаніемъ его вины, еслибъ она была, заключалась ли вина въ разговорахъ роняющихъ духъ народонаселенія вообще, или въ бродяжничествѣ и т. п. поступкахъ.

§ 6. Приводить въ исполненіе всѣ распоряженія административныхъ властей, исполнять пересылку аммуниціи и оружія, не иначе, впрочемъ, какъ по собраніи свѣдѣній отъ сосѣдней полиціи о положеніи и направленіи непріятельскихъ войскъ, равно о свободномъ отъ непріятеля проѣздѣ по дорогамъ и не далѣе притомъ какъ въ чертѣ назначенной для службы одного отряда.

§ 7. Изыскапіе скрытаго оружія, отправленіе таковаго въ наивозможной поспѣшности въ отдѣлъ, равно какъ наблюденіе за людьми продающими оружіе, одежду и т. п. вещи, принадлежащія народному правленію, и пользующимися вырученными деньгами.

§ 8. Установить, чтобы каждый осѣдлый житель, въ случаѣ спроса его отрядомъ наѣзжаго правительства о положеніи повстанческихъ войскъ, давалъ нерѣшительный отвѣтъ и объяснялъ только утвердительно, что въ такомъ-то отдѣлѣ, котораго названія не знаетъ, были вмѣстѣ и солдаты съ офицерами Русскихъ войскъ и Поляки.

§ 9. Тревожить непріятельскіе отряды, отвлекая ихъ вниманіе въ сторону совершенно противоположную расположенію повстанцевъ.

§ 10. Содержать въ постоянномъ разъединеніи пути сообщенія, придуманные непріятелемъ, между однимъ и другимъ отрядами, уничтожать телеграфныя линіи, перехватывать депеши, истреблять курьеровъ.

§ 11. Истреблять форпосты, патрули, непріятельскіе разъѣзды.

Артик. 10. Уѣздный жандармскій начальникъ обязывается имѣть постоянную квартиру, въ которой одинъ кто-либо долженъ дежурить для пріема донесеній и распоряженій или указанія мѣстонахожденія его.

Артик. 11. Донесенія о происшествіяхъ, равно и проекты исполненія какого-либо намѣренія не иначе могутъ представляться, какъ по начальству.

Артик. 12. Всѣ члены тайной полиціи должны безпрекословно повиноваться уѣздному начальнику жандармовъ,—ослушаніе будетъ караемо властью.

Мая 27-го дня 1863 года.

Подписано: *Лудовикъ Бялый.*

(М. П.).

Таковъ наказъ народной жандармеріи, главной опорѣ народоваго жонда. И неудивительно что жондъ стоитъ за своихъ исполнителей. По поводу послѣднихъ казней жандармовъ-вѣшателей появился въ Варшавѣ слѣдующій декретъ жонда:

ЖОНДЪ НАРОДОВЫЙ.

Имѣя въ виду, что:

Исполнительныя наѣздническія власти схваченныхъ ими членовъ организаціи народовой приговариваютъ къ смерти безъ суда, потому что слѣдственныя коммиссіи и полевые военные суды, какъ нарушающіе всякія права, не могутъ почитаться судами правильными; для обезпеченія безопасности членовъ организаціи народовой противъ такого своеволія московскихъ агентовъ,—по представленіи департамента полиціи, постановляетъ:

Ст. 1. Слѣдственныя коммиссіи, установленныя для раскрытія такъ-называемыхъ политическихъ преступленій, полевые военные суды, жандармы, занимающіеся политическими слѣдствіями и шпіонствомъ, военные начальники въ губерніяхъ, уѣздахъ и округахъ, вмѣстѣ съ ихъ гражданскими помощниками, варшавская исполнительная полиція, за исключеніемъ администраціонныхъ отдѣленій—лишаются покровительства законовъ.

Ст. 2. Исполненіе настоящаго декрета возлагается на военныя и гражданскія власти.

Постановлено на засѣданіи жонда народоваго, въ Варшавѣ,
25-го августа 1863 года.

(Печать жонда народоваго).

Изъ этого ясно, что нужно ожидать покушеній со стороны тайныхъ убійцъ противъ Русскихъ, и что поэтому необходимо заняться разысканіемъ жандармовъ въ Варшавѣ и провинціяхъ. Съ паденіемъ этого установленія край освободится отъ ужасной язвы.

Въ самомъ дѣлѣ, чего ни дѣлаютъ такъ-называемыя гражданскія власти при пособіи жандармовъ? Мы представляемъ длинный рядъ подвиговъ этихъ „властей“ въ различныхъ губерніяхъ Царства. Свѣдѣнія извлекаемъ изъ извѣстій полученныхъ въ Варшавѣ въ послѣднюю половину августа.

Изъ Варшавской губерніи приведены въ извѣстность слѣдующія злодѣйства: 5-го іюля, въ деревнѣ Бѣжевицѣ, Гостынинскаго уѣзда, повѣшенъ колонистъ за то что не хотѣлъ или не могъ указать другаго отыскиваемаго колониста; но на платьѣ его прибита была записка: „Осужденъ за шпіонство“; того же числа въ лѣсу близъ города Гомбина найденъ повѣшеннымъ неизвѣстный колонистъ; 13-го іюля въ деревнѣ Червонкѣ, Станиславскаго уѣзда, повѣшенъ экономъ Венжовскій,

причемъ разграблено все его имущество; 14-го іюля въ деревнѣ Брудне, Ловичскаго уѣзда, повѣшенъ крестьянинъ, который добровольно явился въ шайку и сознался что съ отрядомъ войскъ ходилъ на поиски мятежниковъ; несчастный получилъ благодарность за свое раскаяніе; 18-го іюля, въ лѣсу деревни Ярахова, Лэнчицкаго уѣзда, найдено тѣло повѣшеннаго неизвѣстнаго человѣка, съ надписью: „на основаніи приговора полеваго военнаго суда, казненъ смертію за измѣну"; 19-го іюля, при Радзиминскомъ шоссе въ гминѣ Марка, Варшавскаго уѣзда, найдено тѣло повѣшеннаго варшавскаго обывателя Зѣлинскаго, съ запиской на груди: „за шпіонство"; 22-го іюля, близь деревни Островки, Велюньскаго уѣзда, повѣсили крестьянина; того же числа и въ томъ же уѣздѣ, четыре вооруженные мятежника прибыли ночью въ деревню Хрущино, и начали искать солтыса (старосту), который со страху влѣзъ съ чердака на кровлю дома и спрятался за трубу; мятежники, замѣтивъ это, начали въ него прицѣливаться; испугавшійся солтысъ оступился и упалъ съ кровли; тогда мятежники подхватили его, и успокоивая жену, повели его съ собою, а за деревней повѣсили; 25-го іюля, найдено тѣло повѣшеннаго неизвѣстнаго человѣка въ лѣсу Суфчинской Воли, Варшавскаго уѣзда. Главный директоръ правительственной коммиссіи юстиціи *догадывается*, что несчастный повѣшенъ *повстанцами* за то, что будто бы принималъ участіе въ грабежахъ въ тамошнихъ окрестностяхъ. Догадливый директоръ! 5-го августа, въ лѣсу близь Минска повѣсили *подрядчика при. войскахъ* Давида Корнфельда, того же числа войтъ гмины Ключно-Велюньскаго уѣзда донесъ, что найдены повѣшенными на одномъ деревѣ колонистъ Янъ Цукеръ и работникъ Юзефъ Киндерманъ, изъ которыхъ послѣдній бродяга и *негодяй*; „но неизвѣстно сами ли они повѣсились или былъ другой поводъ къ ихъ смерти" (!); 6-го августа, близь деревни Бабицы, Варшавскаго уѣзда, найденъ заколотымъ работникъ Лучакъ; того же числа, въ деревнѣ Барженв Влоцлавскаго уѣзда повѣшенъ лѣсничій Яглинскій; 8-го августа, въ Станиславовскомъ уѣздѣ, шайка конныхъ мятежниковъ повѣсила крестьянина; того же числа и въ томъ же уѣздѣ мятежники схватили помѣщика деревни Рувне, Михаила Буттъ, и повѣсили его; того же числа въ лѣсу деревнѣ Домбицы, Влоцлавскаго уѣзда, найденъ повѣшенный человѣкъ, съ запискою на груди: „Николай Стаховскій, за то что былъ проводникомъ москалей"; 9 августа, въ деревнѣ Заборовѣ Варшавскаго уѣзда, четыре неизвѣстные человѣка, пріѣхавшіе въ бричкѣ, схватили отставнаго солдата Здульскаго, который пасъ господскихъ овецъ, увезли его въ лѣсъ, нанесли ему тамъ ножемъ нѣсколько смертельныхъ ранъ и повѣсили; того же 9-го августа, въ Заборовскомъ лѣсу, Варшавскаго уѣзда, найденъ повѣшеннымъ отставной солдатъ; 12 августа въ гминѣ Пражновъ, Варшавскаго уѣзда, найденъ повѣшеннымъ неизвѣстный человѣкъ; того же 12-го числа, въ мѣстечкѣ

Озарковѣ, Лъэнчицкаго уѣзда, повѣшенъ сапожникъ; 16-го августа, въ лѣсу деревни Глогово, Варшавскаго уѣзда, найденъ повѣшеннымъ неизвѣстный человѣкъ; того же числа, четыре неизвѣстные человѣка напали на домъ жителя деревни Грабе, Гостынскаго уѣзда, Нуренберга, и убили его въ сараѣ; 17-го августа, въ лѣсу города Добржинова, Влоцлавскаго уѣзда, четыре неизвѣстные человѣка убили палками колониста; тамъ же найдено тѣло неизвѣстнаго человѣка, прикрытое мхомъ; 18-го августа, въ 10 часовъ вечера, въ деревнѣ Замосцѣ, Ловичскаго уѣзда, выстрѣломъ изъ ружья убитъ 60-лѣтній крестьянинъ, 20-го августа, въ лѣсу гмины Трембна, Влоцлавскаго уѣзда, найдены тѣла двухъ повѣшенныхъ; того же числа, въ лѣсу Юзефково Гостынинскаго тѣзда найдены также два повѣшенные неизвѣстные человѣка.

IX.

Изъ Царства Польскаго, по прямымъ извѣстіямъ до 11-го сентября, въ № 201 „Московскихъ Вѣдомостей“.

Продолжаемъ списокъ убійствъ совершенныхъ мятежниками въ Царствѣ Польскомъ.

Переходимъ къ Плоцкой губерніи. Іюня 23 колонистъ Яворай, гмины Маляново, Липновскаго уѣзда, ѣхалъ съ мукою, былъ недалеко отъ мельницы встрѣченъ мятежниками, убитъ и брошенъ въ рѣку Скрву, а возъ съ мукою уведенъ ими въ лѣсъ. Черезъ день, 25 іюня, три конные повстанца привезли на телѣгѣ и лошадяхъ принадлежавшихъ Яворскому какого-то неизвѣстнаго человѣка, сказали мельнику что это убійца невиннаго Яворскаго, повѣсили виновнаго на мѣстѣ преступленія, а сами уѣхали, оставивъ телѣгу и лошадей. Какова политика! 9-го іюля, въ гминѣ Страженцынъ, Млавскаго уѣзда, повѣсили крестьянина, и вручили солтысу записку: „именемъ народоваго жонда Юзефъ Шепетовскій приговоренъ къ повѣшенію“; 18 іюля, близъ колоніи Дзержензно, Плоцкаго уѣзда, мѣщанинъ города Плонска, Краевскій, повѣшенъ на деревѣ, близъ шоссе; 19 іюля, въ деревнѣ Барковѣ, Млавскаго уѣзда, повѣшенъ неизвѣстный крестьянинъ; 21 іюля, въ лѣсу деревни Вильдна, Липновскаго уѣзда, найденъ повѣшеннымъ мѣщанинъ мѣстечка Збуйна, Терскій, съ запискою на груди: „казненъ по приговору революціоннаго трибунала“; 26-го іюля въ колоніи Цѣликовъ, Плоцкаго уѣзда, повѣсили отставнаго солдата Кирхера; 27-го іюля въ лѣсу деревни Гуйско, Липновскаго уѣзда, найденъ повѣшеннымъ исправляющій должность войта гмины Конаржевскій; 28-го іюля, въ лѣсу деревни Плоніены, Пултусскаго уѣзда, найдена повѣшенною неизвѣстная женщина; 30-го іюля въ лѣсу деревни Жоховъ, Липновскаго уѣзда, найденъ повѣшеннымъ неизвѣстный человѣкъ; того же числа и въ томъ же уѣздѣ,

въ городѣ Бобровники вытащенъ изъ Вислы утопленный въ оной неизвѣстный человѣкъ; 5-го августа въ лѣсу гмины Корвачь, Пшаснышскаго уѣзда, повѣшены прусскій подданный Газе и его сынъ; того же числа и въ томъ же уѣздѣ въ лѣсу имѣнія Униковъ повѣшенъ неизвѣстный; 7-го августа нѣсколько конныхъ людей прибыли ночью въ дер. Любовецъ, Липновскаго уѣзда, схватили отставнаго солдата Хмѣленскаго и повѣсили его въ ближайшемъ лѣсу; въ то же время схваченъ и повѣшенъ колесникъ Блехертъ изъ той же деревни; 8-го августа въ лѣсу гмины Бобровники, Липновскаго уѣзда, найденъ повѣшеннымъ неизвѣстный человѣкъ; того же числа и въ томъ же уѣздѣ, въ лѣсу деревни Домбе найденъ повѣшеннымъ человѣкъ, на груди котораго найдена записка: „Николай Стаховскій за указаніе дороги Москалямъ". Того же 8-го августа, въ Липновскомъ же уѣздѣ, случилась исторія, которая наводитъ на мысль что бургомистръ мѣстечка Кикеля находится въ связяхъ съ повстанцами: онъ арестовалъ какого-то человѣка и отдалъ его на руки тремъ вооруженнымъ повстанцамъ, пріѣхавшимъ черезъ нѣсколько часовъ въ мѣстечко и потребовавшимъ арестованнаго; когда бургомистръ его выдалъ, то повстанцы повѣсили его съ запискою: „за воровство воловъ". Затѣмъ бургомистръ успѣлъ арестовать другаго человѣка и снова выдалъ его пріѣхавшимъ повстанцамъ, которые, подозрѣвая его въ соучастіи въ воровствѣ воловъ, наказали 30 ударами плетей. 10-го августа въ лѣсу дер. Смогоржево, Пултусскаго уѣзда, повѣшенъ крестьянинъ; 12-го августа въ лѣсу деревни Бавичинѣ, Плоцкаго уѣзда, повѣшена неизвѣстная женщина 24 лѣтъ; 13-го августа, въ лѣсу дер. Бржозе, Липновскаго уѣзда, найденъ повѣшеннымъ пастухъ Угановскій; 20-го августа въ лѣсу деревни Кравенчина, Полоцкаго уѣзда, найденъ повѣшеннымъ неизвѣстный человѣкъ.

Въ Августовской губерніи совершены слѣдующія злодѣйства:

3-го августа, мятежники, ѣхавшіе на двухъ подводахъ, встрѣтили въ въ полѣ исправляющаго должность войта гмины Лопене, Ломжинскаго уѣзда, Венцковскаго, привезли его въ деревню, и повѣсили на воротахъ его дома; 7-го августа, въ деревнѣ Жирвины, Сейнскаго уѣзда, повѣшены крестьяне Малярчикъ и Язвинскій, который отчаянно защищался косою, во время бѣгства упалъ въ ровъ, и былъ убитъ коломъ; 15-го августа, въ деревнѣ Лепопаты, Кальварійскаго уѣзда, повѣшенъ крестьянинъ, котораго предварительно тяжело ранили выстрѣломъ изъ ружья; того же числа до 10 вооруженныхъ человѣкъ напали въ гминѣ Бартники, Кальварійскаго уѣзда, на дворъ сельскаго хозяина Буркаса и повѣсили его; 20-го августа шайка конныхъ мятежниковъ повѣсила въ деревнѣ Конюхи, Кальварійскаго уѣзда, поселянина Урбановичъ.

Изъ Люблинской губерніи получены извѣстія о томъ, что 20 іюля, въ лѣсу гмины Стружи, Замосцьскаго уѣзда, найдено повѣшенными 5 неизвѣстныхъ; что 27 іюля въ деревнѣ Волосской Волѣ, Люблинскаго

уѣсда, повѣшенъ крестьянинъ за то что водилъ войска противъ мятежниковъ и помогъ поймать двухъ, что 18-го августа въ мѣстечкѣ Юзефовѣ, Замосцьскаго уѣзда, шайка Лелевеля повѣсила Еврея. Наконецъ изъ Радомской губерніи есть извѣстіе, что 21-го іюля, двѣнадцать вооруженныхъ человѣкъ, прибывъ въ городъ Пилицу, Олькушскаго уѣзда, увезли съ собою въ лѣсъ бургомистра Довбара и его сына, гдѣ отца убили. Донесеніе Піотрковскаго наивно говоритъ, что „по дошедшимъ свѣдѣніямъ, Довбаръ въ лѣсу умеръ".

Но картина состоянія края была бы не полна, еслибы мы пропустили другія данныя, кромѣ убійствъ. Въ категоріи случаевъ въ провинціи получилъ право гражданства такъ-называемый уводъ въ лѣсъ. Что̀ въ лѣсу происходитъ, остается до времени неизвѣстнымъ; вѣроятно взятыя лица не возвратятся домой. Такимъ образомъ 25-го іюля изъ гмины Старый Замосць, Замосцькаго уѣзда, уведены въ лѣсъ двое поселянъ и жена работника; 7-го августа четыре вооруженные человѣка напали на деревню Вельголязъ, Пултусскаго уѣзда, забрали съ собою двухъ нѣмецкихъ колонистовъ Мартца и Шульца, и сожгли нѣсколько хозяйственныхъ строеній съ хлѣбомъ и скотомъ: 8-го августа изъ мѣстечка Могильницы, Варшавскаго уѣзда, полиціанта Смѣховскаго; 17-го августа изъ Жаркова, Олькушскаго уѣзда, почтальйона; того же числа изъ мѣстечка Кросневицъ, Гостынскаго уѣзда, бургомистра и писца; 17-го же числа изъ мѣстечка Здунской Воли, Сѣрадзскаго уѣзда, колонистовъ: Цайги, Гитлера и Шимона; наконецъ 23-го августа, изъ почтовой кареты между станціями Жабянкою и Гончицею, Люблинской губерніи, отставнаго полковника Гайковича, у котораго отняли при этомъ 60.000 р. сер. его денегъ въ заставныхъ листахъ. Чтобы сохранить деньги безъ укора совѣсти, въ *Часъ* объявлено, что взятъ въ плѣнъ переодѣтый московскій полковникъ съ 30.000 р. въ заставныхъ листахъ. Спрашивается куда же дѣвалась остальная сумма?

Далѣе намъ приходится говорить о грабежахъ. До сихъ поръ еще шайки достаютъ мелкія суммы изъ городскихъ кассъ, и болѣе значительныя чрезъ продажу соли. Такъ въ городѣ Гурѣкальваріи, въ 30 верстахъ отъ Варшавы, 11-го августа было продано 693 бочки соли на сумму 4.851 р., а 23-го августа 360 бочекъ соли на 2.520 р. Такимъ образомъ сумма заграбленная изъ правительственныхъ мѣстъ, за исключеніемъ денегъ похищенныхъ изъ главнаго казначейства, доходитъ до 376.483 рублей. Другой видъ грабежа казеннаго имущества—разграбленіе почтъ. За описываемый періодъ времени получено донесеніе о разграбленіи почты въ 71 мѣстѣ, причемъ захвачена была казенная корреспонденція и посылки. Мы уже не разъ говорили, что гораздо удобнѣе было бы совершенно прекратить почтовыя сношенія, дабы лишить и мятежниковъ средствъ сообщаться взаимными извѣстіями. Мѣра эта была бы раціональнѣе и законнѣе чѣмъ та которая, кажется, принята

теперь въ Царствѣ, и заключается въ томъ, что военному вѣдомству приказано отъ времени до времени распечатывать письма.

Въ значительной степени начинаетъ распространяться и грабежъ частнаго имущества, которое уже не отдаютъ изъ любви къ ойчизнѣ. Что всего интереснѣе, такъ это то, что непріятностямъ подверглись ксендзы. 20 іюля въ мѣстечкѣ Изерцовѣ, Сѣрадзскаго уѣзда, мѣщане Майхеренъ и Пушкевичъ напали на своего приходскаго ксендза Домбровскаго въ его домѣ, нанесли ему три раны ножемъ въ руки и бокъ; начальству удалось схватить ихъ. 30-го іюля, въ дер. Корчинъ-Шарый, Стопницкаго уѣзда, четыре вооруженные человѣка напали на домъ приходскаго ксендза и отняли у него 30 р. сер. и лошадь; искали также денегъ у викарія, но не нашли. 19-го августа ограбленъ на 800 рублей въ деревнѣ Нѣкошевѣ, Колецкаго уѣзда, пробощъ ксендзъ-каноникъ Гнуткевичъ. Еще менѣе церемонятся съ имуществомъ свѣтскихъ лицъ. Такъ по послѣднеполученнымъ свѣдѣніямъ, 7-го августа, четыре вооруженные человѣка напали ночью на корчму въ гминѣ Млоцины, Варшавскаго уѣзда, заперли содержателя ея, жену его и брата, въ погребъ, а сами забрали вещи и 900 р. денегъ; 11-го августа вооруженные люди напали на помѣщичій домъ въ деревнѣ Кавенчинѣ, Варшавскаго уѣзда, забрали наличными деньгами 225 р. с., 6 лошадей, вещей на 400 руб., и потомъ уѣхали въ деревню Сломгинъ, гдѣ ограбили содержателя корчмы на 450 р. с.; 14-го августа, 6 человѣкъ вооруженныхъ, прибывъ въ деревню Кады, Варшавскаго уѣзда, связали солтыса, сына его и корчмаря, разными пытками вынудили у нихъ сознаніе, гдѣ находятся ихъ деньги, и забрали 664 р. с., пару лошадей и разныхъ вещей на 24 р. сер.

Духъ разрушенія обуялъ инсургентовъ. Они жгутъ колоніи, деревни, лѣса, ординаціи Замойскаго; 3-го іюля нѣсколько злоумышленниковъ пробовали даже поджечь Ново-Александровскій лѣсной институтъ, но попытка была скоро замѣчена. Спрашивается, къ чему же все это нужно?

Жизнь человѣческая мятежникамъ ни почемъ. За то что содержательница корчмы Стшельковская въ д. Галковѣ, Варшавскаго уѣзда, не хотѣла дать даромъ водки, повстанцы собирались ее повѣсить. Она едва успѣла спастись бѣгствомъ и состоитъ теперь подъ покровительствомъ войскъ.

Но всѣ эти злодѣйства, всѣ эти рискованныя предпріятія мятежниковъ не приведутъ ни къ чему. Войскъ они такимъ путемъ не выживутъ изъ Царства, а, напротивъ того, численное состояніе войска вѣроятно будетъ еще усилено, съ тѣмъ чтобы усмирить зимою одну губернію за другою. До сихъ поръ войска, кромѣ тяжелой службы, не терпѣли никакихъ неудобствъ. Въ теченіе 8 мѣсяцевъ непрерывныхъ экспедицій едва ли 1.500 человѣкъ выбыло изъ строя убитыми и ранеными.

Народное возстаніе, въ которомъ Поляками русскихъ солдатъ убито, по крайней мѣрѣ, вдвое менѣе, чѣмъ самихъ Поляковъ!

Разумѣется, однимъ подчиненіемъ страны своей власти жондъ довольствоваться не можетъ; онъ ищетъ успѣха въ борьбѣ съ войсками. И потому приложены ревностныя заботы къ пополненію рядовъ повстанцевъ и организованію ихъ возможно-военнымъ образомъ.

Съ этою цѣлію идетъ непрерывная посылка писемъ къ офицерамъ католикамъ русской арміи; при письмахъ прилагается извѣстный читателямъ декретъ жонда о лишеніи всѣхъ правъ Поляковъ состоящихъ въ русской службѣ, къ 1-му августа. Письма довольно разнообразны, но содержаніе ихъ заставляетъ думать что дѣйствіе разчитано не столько на угрозы, сколько на убѣжденія, на призывъ національности. Мы приведемъ образецъ такого письма:

Коммиссаръ войсковой въ воеводствѣ Плоцкомъ № 321.

10 августа 1863

къ (чинъ, фамилія) въ Пржаснышѣ.

Тебѣ, гражданину, конечно извѣстенъ декретъ жонда народоваго, отъ 21-го іюня, призывающій всѣхъ Поляковъ, состоящихъ въ московскомъ войскѣ къ выходу изъ него и ко вступленію въ братскіе ряды. Допуская однако, что декретъ могъ до тебя не дойти, и не желая чтобы соотечественникъ и сынъ общей нашей матери подвергся послѣдствіямъ изданнаго декрета по причинѣ, быть-можетъ, незнанія,—постановляемъ призвать тебя, капитанъ, къ исполненію приказа жонда народоваго и заявляемъ, что еще нѣсколько помедлимъ съ донесеніемъ объ именахъ тѣхъ которые, несмотря на призывъ, не оставляютъ рядовъ московскихъ. Притомъ въ убѣжденіи, что въ жилахъ твоихъ течетъ кровь польская, и что хочешь отмстить за убитыхъ твоихъ братій, въ убѣжденіи, что какъ добрый Полякъ ты поспѣшишь исполнить настоящій призывъ, посылаемъ братское привѣтствіе:

(Мѣсто печати) подп. Яновскій.

Въ другомъ письмѣ, къ офицеру болѣе молодому, говорится между прочимъ, что смертельная борьба, при Божіей помощи, неутомимости и самоотверженіи, доставитъ отчизнѣ вольность и независимость, счастіе и свободу дѣтямъ, которыя будутъ благословлять память отцовъ; наконецъ говорится, что и исторія не забудетъ багатырскихъ ихъ подвиговъ, и что офицеръ долженъ показать свѣту что въ немъ течетъ кровь Собѣсскихъ и Косцюшекъ.

Въ послѣднее время подобныхъ писемъ расплодилось весьма много. Офицеры представляютъ ихъ по начальству, и письма эти сжигаются. Пропаганда не имѣетъ успѣха.

Другая пропаганда обращена на крестьянское населеніе. Пассивное положеніе принятое крестьянами не удовлетворяетъ революціонеровъ;

между крестьянами надѣются они выбрать людей для своей арміи. Крестьянская пропаганда производится преимущественно духовенствомъ, которое силится убѣдить народъ въ томъ, что католическая религія угнетена, и что даже государемъ приказано убивать всѣхъ католиковъ. Мы представляемъ въ переводѣ интересный образчикъ воззванія къ сельскимъ обывателямъ. Читатели обратятъ особенное вниманіе на іезуитскую хитрость сочинителя, который силится увѣрить народъ что изъ среды его послышался уже ропотъ на то, почему народное правительство не требуетъ отъ него денегъ, и что уступая такому направленію умовъ крестьянства, жондъ рѣшился постановить нѣкоторыя правила для сбора пожертвованій. Листокъ интересенъ еще тѣмъ, что напечатанъ въ Плоцкѣ.

Воззваніе къ крестьянамъ.

„Братья! Извѣстно вамъ, да и вы уже, конечно, не разъ видѣли нашихъ братій раненыхъ, жестоко замученныхъ разъяренными московскими солдатами. Слышали также конечно, не разъ, что наши борются,—за что̀ же?! за нашу святую вѣру, такъ постыдно угнетаемую Москвою, за вольность!—такъ какъ мы страшно угнетены. Но бытьможетъ не знаете вы того, что царь московскій издалъ приказъ (который и публикованъ былъ повсюду) которымъ велѣно убивать всѣхъ католиковъ, какъ враговъ православія. Что̀ же станется со всѣми вами? Что̀ со стариками—отцами вашими, женами, дѣтьми, всѣмъ вашимъ имуществомъ? Что̀ станется если мы позволимъ такъ безнаказанно ругаться надъ нами? Братья-земляки! Соединимся всѣ вмѣстѣ, соберемъ всѣ средства, которыя только въ нашихъ рукахъ; и между нами многіе подаютъ такой голосъ: „Почему отъ насъ ничего не требуютъ? Конечно и мы имѣемъ нѣсколько грошей и руки; никто насъ не призываетъ, а то вмѣстѣ бы пошли на Москалей“. Благословенны такія ваши рѣчи, любезные братья! Вы не призывались до сихъ поръ къ денежнымъ пожертвованіямъ, или къ инымъ большимъ тягостямъ, потому что было опасеніе что Москаль извратитъ наши слова; но когда уже вы сами говорите о пожертвованіяхъ, то видно что вы почувствовали въ сердцѣ что мы всѣ польскія дѣти равны, что въ каждомъ течетъ польская кровь, что желаемъ мы нашей милой Польшѣ быть безъ малѣйшей опеки Москвы; и такъ содѣйствуйте добровольно, сколько можете, и будетъ въ сердцахъ нашихъ радость, что какъ говоритъ Священное Писаніе, и послѣднимъ грошемъ дѣлитесь.

„Польское народное правленіе, увѣдомленное о вашихъ добрыхъ пожеланіяхъ, относительно сборовъ вашихъ постановило: чтобы каждое село отдѣльно, по мѣрѣ своего состоянія, отдавало на руки своего

солтыса, отъ котораго собранныя пожертвованія возьметъ чиновникъ уполномоченный для выдачи росписокъ, снабженныхъ печатью правленія.

„Посылаемъ вамъ, братья, привѣтствіе и братскій поклонъ.

„Плоцкъ 9-го августа 1863 года."

Но подобныя увѣщанія мало дѣйствительны, и нужно особенное терпѣніе дождаться отъ нихъ результатовъ. А потому начальники шаекъ дѣйствуютъ рѣшительнѣе и забираютъ силою поселянъ. Вслѣдствіе того во многихъ мѣстахъ крестьяне являются къ военному начальству съ жалобами, что повстанцы насильно вербуютъ ихъ въ свои ряды. Такихъ крестьянъ оставляютъ обыкновенно при войскахъ, для сохраненія имъ жизни. Насильственный наборъ былъ произведенъ въ большихъ размѣрахъ въ августѣ мѣсяцѣ. 31-го іюля изъ деревни Бискупицъ, Люблинскаго уѣзда, забрано шайкой 18 человѣкъ; 1-го августа изъ города Пяски, того же уѣзда, нѣсколько человѣкъ; того же числа и въ томъ же уѣздѣ изъ гмины Быхова 28 человѣкъ, 2-го августа изъ города Фирлей, того же уѣзда, 13 человѣкъ, 4-го изъ города Тарногура, Красноставскаго уѣзда, 28 человѣкъ, 9-го изъ города Ужендова, Замосцьскаго уѣзда, 5 чел.; 10-го изъ дер. Піотроковице, Стопницкаго уѣзда, 2 чел.; 17-го изъ мѣстечка Енджеіова, Кѣлецкаго уѣзда, 24 человѣка; 20-го августа, шайка Лелевеля, при проходѣ чрезъ мѣст. Юзефовъ, Замосцьскаго уѣзда, забрала насильно 36 молодыхъ людей; 24-го, прибывшая въ мѣст. Радошице, Опочинскаго уѣзда, шайка какого-то Искры забрала съ собой 40 человѣкъ; 28-го августа, изъ м. Жолкевки, Красноставскаго уѣзда, шайка увела съ собою насильно 23 человѣка.

Если прибавить къ этимъ несчастнымъ повстанцевъ расквартированныхъ по мѣстечкамъ, то изъ ничего вдругъ сформируется шайка, которую приходится уничтожать. Такой процессъ необходимо вызываетъ на слѣдующія мѣры: на поимку жандармовъ, и на раздачу поспортовъ на особыхъ основаніяхъ и на предписаніе осматривать отрядами деревни и села.

Поимка жандармовъ необходима въ томъ отношеніи, что, какъ свидѣтельствуютъ донесенія, они разъѣзжаютъ по уѣздамъ, составляютъ списки годныхъ людей, перевозятъ волонтеровъ изъ-за границы, а также и оружіе. Во второй половинѣ августа удалось арестовать нѣсколько жандармовъ. 21-го августа привезенъ въ Ивангородъ, проживающій въ дер. Дембово, Люблинскаго уѣзда, нѣкто Малыяски, который въ качествѣ жандарма грабилъ почты, и повѣсилъ бургомистра мѣст. Стенжицъ Буйвида. 15-го августа, въ мѣст. Журоминѣ, Млавскаго уѣзда, арестована переодѣтая въ мужское платье женщина Мальвина Суповская, которая находилась прежде въ рядахъ повстанцевъ, участвовала въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, а потомъ поступила въ шайку жандармовъ-вѣшателей. При обыскѣ у нея нашли сигнальный свистокъ и медаль съ изображеніемъ императора и императрицы Французовъ.

Столь же серіозно слѣдуетъ озаботиться и отысканіемъ расквартированныхъ повстанцевъ. Надо думать что жондъ хочетъ выиграть время и расквартированіемъ мелкими частями дать возможность повстанцамъ укрыться до весны, чтобы тогда опять довести мятежъ до размѣровъ настоящаго года. Тамъ, гдѣ войска часто размѣщены, возможно обнаружить наѣзжихъ жителей. Недавно отрядами изъ Равы и Нове-Място, Варшавской губерніи, арестовано 60 мятежниковъ, расквартированныхъ правильнымъ постоемъ. Постояльцы эти имѣютъ видъ батраковъ, усердно помогаютъ сельскимъ хозяевамъ въ полевыхъ работахъ, и запуганные крестьяне не смѣютъ ни выгнать непрошенныхъ помощниковъ, ни обнаружить обманъ.

Обыкновенно близь подобныхъ пунктовъ находятся запасы оружія и аммуниціи. Такъ при вышесказанномъ арестѣ найдены въ лѣсу запасы сѣделъ, мундировъ, пороху, знамя и т. п.

Оканчивая наши замѣтки о возстаніи въ провинціяхъ, мы обращаемъ еще вниманіе на вредъ происходящій отъ непрерывныхъ сношеній провинцій съ Варшавой. Недавно разрѣшено военному начальству распечатывать пакеты. При этомъ начали задерживать цѣлые тюки революціонныхъ газетъ и воззваній. Тюки эти подаваемы были въ Варшавскій почтамтъ съ надписями что въ немъ заключается шерсть, канва и т. п., и чиновники принимали ихъ, и принимаютъ даже и теперь, хотя самый объемъ тюковъ, укупорка и видъ ихъ убѣждаютъ что въ нихъ заключаются не тѣ предметы которые обозначены на адресахъ. Мало того,—принимаются даже посылки запечатанныя печатью жонда. Такимъ образомъ варшавскіе почтовые чиновники разсылаютъ тюки во всѣ стороны. Но хороши и провинціальные! Посылки адресуются обыкновенно на имя несуществующихъ лицъ, но чиновники знаютъ кому слѣдуетъ ихъ передавать. При ревизіи почтъ въ Августовѣ, 14-го августа, и въ Сувалкахъ 17-го задержаны тюки съ адресами вымышленныхъ лицъ; но еслибъ они не были задержаны, то попали бы по адресу. Спрашивается къ чему поддерживать почтовыя сношенія, когда онѣ служатъ только революціонной пропагандѣ.

X.

ПИСЬМО ВАРШАВСКАГО КОРРЕСПОНДЕНТА ВЪ № 202 „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“.

11-го сентября.

„Съ отъѣздомъ Великаго Князя Константина, Москва рѣшила начать „новую эпоху, преслѣдованій, грабежей, ссылокъ и казней. Бросивъ на „пищу европейской печати обѣщаніе мнимой конституціи для всѣхъ „земель вѣрноподанныхъ, хотятъ начать въ конгресувкѣ другое изданіе „Муравьевскихъ управленій, какъ основаніе и гарантію либеральныхъ

„реформъ будущаго. Обыватели Варшавы! Такая тактика Москвы не „съ нынѣшняго дня вамъ знакома.“ Таково начало дневнаго приказа начальника города, за № 23, отъ 11-го августа н. ст. Обѣщаніе конституціи, говоритъ приказъ, это „мишурный фарсъ“, который можетъ снискать терпимость Европы для грабежей Москвы, „который даже „можетъ Европу соединить союзомъ съ деспотами, но который не ку„питъ ни подданства Польши, ни повиновенія Варшавы“. Никто изъ насъ, говоритъ приказъ, никоимъ образомъ неприложитъ рукъ къ дѣлу Москвы, никто изъ васъ не внесетъ ни малѣйшей части своего достоянія на пополненіе „пустыхъ кассъ наѣзда“, никто изъ васъ не отступитъ отъ неоконченной работы, и каждый охотно пойдетъ на жертву тамъ, гдѣ она потребуется. Жондъ народовый разчитываетъ на безусловное повиновеніе и безграничную довѣренность жителей Варшавы и провинцій,—„а на такихъ основаніяхъ есть полная возможность противодѣйствовать всѣмъ конвульсіямъ умирающей царской власти“.

Конвульсивныя движенія умирающей власти! Вотъ уже болѣе 6 мѣсяцевъ русскіе корреспонденты газетъ говорятъ о конвульсіяхъ жонда; теперь противная сторона также начинаетъ указывать на конвульсіи.

И дѣйствительно съ отъѣздомъ Великаго Князя началась эпоха—эпоха покушенія на русскихъ офицеровъ. Началась она покушеніемъ, къ счастію неудачнымъ, на жизнь графа Берга. Несмотря на строгость наказанія, посягательства на жизнь Русскихъ не прекратились: 9-го сентября на Краковскомъ предмѣстьѣ, противъ самой гауптвахты, тяжело раненъ въ бокъ кинжаломъ дежурный штабъ-офицеръ X округа внутренней стражи полковникъ Любушинъ. Несчастный умеръ отъ раны чрезъ нѣсколько дней. Любушинъ имѣлъ мало дѣло съ Поляками, не былъ съ ними знакомъ, не зналъ языка, и кромѣ церкви и присутствія никуда не выходилъ. Ударъ нанесенъ въ 6 часовъ пополудни, среди бѣла дня, на людномъ тротуарѣ. Убійцы своего онъ не замѣтилъ, и едва дошелъ до полиціанта, который усадилъ его въ дружку.

Убійство Любушина однако не отвлекло вниманія русскаго общества отъ толковъ о покушеніи на жизнь графа Берга. Мы сообщаемъ нѣкоторыя подробности. Впередъ графа ѣхалъ верхомъ и далъ знакъ платкомъ купецъ Крупецкій. Вслѣдъ затѣмъ при проѣздѣ коляски графа Берга раздались три штуцерные выстрѣла изъ оконъ: одна пуля, какъ пущенная сверху, пробила пальто графа сзади, подъ воротникомъ, прошла около тѣла, не контузивъ и не ранивъ, и вылетѣла въ спинку экипажа пробивъ дыры въ пальто и экипажѣ. Графъ показывалъ офицерамъ пальто. Другая пуля, пробивъ спинку экипажа, ударилась въ пружину подушки, на которой сидѣлъ адъютантъ, ротмистръ фонъ-Валль, контузила его немного и осталась въ волосахъ подушки. Вслѣдъ за пулями, полетѣли послѣдовательно *пять* орсиніевскихъ бомбъ, которыя всѣ и разорвались со страшнымъ звукомъ; за

бомбами выброшены были изъ оконъ двѣ или три тарелки съ горючим матеріалами, которые не причинили впрочемъ никакого вреда и только обсыпали лошадей фосфорнымъ составомъ. Ранено было 7 казачьихъ лошадей, изъ которыхъ 3 на другой день пали, и обѣ экипажныя, но не тяжело. Экипажъ получилъ *семнадцать* пробоинъ. Изъ проходившихъ людей никто не убитъ и не раненъ. Изъ этого заключаютъ, что въ данный моментъ никого на улицѣ не было, а это очень подозрительно: вѣроятно народовые жандармы стояли на углахъ ближайшихъ улицъ и направляли въ нихъ народъ, не дозволяя проходить мимо дома Замойскаго. Но еще вѣроятнѣе что виноватые не схвачены, въ числѣ арестованныхъ, потому что они заблаговременно приготовили себѣ лазейку къ свѣнтокшижскимъ ксендзамъ живущимъ смежно. Изъ дома Замойскихъ есть много ходовъ къ этимъ ксендзамъ, а отъ нихъ нѣсколько ходовъ и наружныхъ и подземныхъ въ отдаленныя улицы города. Ксендзамъ этимъ принадлежитъ самая большая территорія въ Варшавѣ, которая тянется отъ Новаго Свѣта до Іерусалимской заставы. Доказательствомъ тайнаго сообщенія служитъ пожаръ случившійся на другой день въ домѣ Замойскаго и возникшій изъ виннаго подвала купца *Крупецкаго*. Тамъ зажженъ ромъ, и огонь показался изъ подвальныхъ оконъ, но прибывшею пожарною командой потушенъ безъ особеннаго вреда. Поляки увѣряютъ будто туда залѣзли солдаты, перепились мертвецки и зажгли ромъ. Но это гнуснѣйшая клевета: солдаты не имѣли бы надобности ходить въ подвалъ, имѣя въ лавкѣ на верху всѣ напитки, а въ лавку никого не пустили потому что всѣ магазины и лавки были опечатаны и къ каждой двери приставлены по двое часовыхъ, въ подвалъ же попасть можно не иначе какъ чрезъ лавку. Пьянаго солдата не было ни одного; даже во время тушенія пожара лавка не была разграблена,—нѣсколько бутылокъ было разбито пожарною стражей,—дѣло неизбѣжное при всякомъ тушеніи пожара. Между тѣмъ въ подвалѣ, о которомъ идетъ рѣчь, найденъ былъ огромный отворенный сундукъ, принадлежащій, какъ говорятъ, графу Замойскому,—сундукъ, для взлома котораго потребовалась бы цѣлая рота саперъ,—изъ него унесено все что̀ было. Ясно что кто-то знакомый забрался туда съ ключомъ, вынулъ что̀ нужно и зажегъ ромъ.

Вообще по городу ходитъ не мало сказокъ самыхъ нелѣпыхъ, которыя, безъ сомнѣнія, повторитъ, съ прибаутками, безчестный *Часъ* и вся подпольная печать. Говорятъ что солдаты выкидывали дѣтей за окна съ колыбелками и за ноги; что офицеры срывали съ шеи женщинъ часы и рвали изъ ушей серьги, рубили пальцы, чтобы завладѣть кольцами, вынимали деньги изъ кармановъ, возами отсылали къ себѣ разные товары; что солдаты набивали чаемъ тюфяки и спали на нихъ, продавали фунтъ по 10 грошей, голову сахару по полтиннику, турецкія шали по 2 рубля, картины по злотому, ковры по 2 злота. А сколько

изнасиловали женщинъ и офицеры и солдаты, а сколько закололи на мѣстѣ штыками и разумѣется *утопили въ Вислѣ*, такъ и счету нѣтъ! Всѣ эти клеветы такъ безчестны, такъ низки, что не заслуживаютъ возраженія.

Вообще ясно что теперь въ Царствѣ Польскомъ обратились къ тѣмъ рецептамъ которые изложены въ брошюрѣ Wtyl. Всѣ увѣрены что брошюра эта написана подъ вліяніемъ Мѣрославскаго, и что теперь этотъ атаманъ сталъ во главѣ мятежа. Полагаютъ поэтому что жондъ перемѣнился, а что начальникомъ города назначенъ новый, говорятъ болѣе энергическій. Ясно также что жондъ хлопочетъ о томъ чтобы произвести рѣзню въ Варшавѣ. Ксендзы говорятъ ужасныя проповѣди, захочивая къ рѣзнѣ, а народъ плачетъ отъ этихъ проповѣдей. Въ кляшторѣ свѣнтокшижскихъ ксендзовъ пришлось поставить военный постой, и мѣра эта будетъ приведена въ исполненіе во всѣхъ кляшторахъ. Домъ Замойскаго именно тѣмъ и виноватъ что онъ находился въ близкомъ сосѣдствѣ съ Главною Школой и костеломъ Св. Креста.

При такомъ расположеніи жонда, Русскіе ежеминутно ждутъ убійствъ. Угрозы продолжаются. Нѣсколько дней тому назадъ старшій ординаторъ Варшавскаго Александровскаго госпиталя, г. Павловъ, получилъ приказъ отъ народоваго жонда чтобъ онъ не далѣе какъ чрезъ двѣ недѣли уѣхалъ совершенно изъ Польши, потому что „вредитъ справѣ народовой, если не оружіемъ, то словами (?!); въ противномъ случаѣ его ни стѣны цитадели, ничто не спасетъ отъ неминуемой смерти“.

10 сентября генералъ Треповъ вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей.

Убѣжденный въ высокой степени въ расположеніи жителей Варшавы, начальникъ города 11 августа н. ст. опубликовалъ посланіе къ дворникамъ и сторожамъ, въ которомъ говоритъ, что Москва, несмотря не многочисленность войскъ, не могла побѣдить на полѣ битвы, и теперь хочетъ выловить всѣхъ „добрыхъ Поляковъ“; но такъ какъ сама глупа, то хочетъ изъ дворниковъ сдѣлать шпеговъ. „Но вы того не сдѣлаете, потому что то запрещаетъ благо нашего отечества и святой нашей религіи. Каждый добрый шагъ вашъ будетъ награжденъ, каждый злой наказанъ сурово и даже смертію.“

XI.

ПИСЬМО ВИЛЕНСКАГО КОРРЕСПОНДЕНТА ОТЪ 6 СЕНТЯБРЯ, ВЪ № 202 „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“.

Озлобленіе польской революціонной партіи, и въ особенности руководящаго ею мнимаго польскаго народнаго правленія въ Варшавѣ, достигло своего крайняго предѣла когда распространилось извѣстіе о

желаніи дворянства Виленской губерніи представить, чрезъ своего губернскаго предводителя, дѣйствительнаго статскаго совѣтника, камергера Домейка, адресъ съ выраженіемъ вѣрноподданнѣйшей преданности и заявленіемъ: „что составляя одно цѣлое и нераздѣльное съ Россіею, они остаются навсегда вѣрными подданными Государя Императора, и ввѣряютъ судьбу дворянства Его неограниченному монаршему милосердію". *

Подобное торжественное попраніе мечтаній ярыхъ революціонеровъ о единствѣ Литвы съ Польшей, мечтаній, которыя, несмотря на ихъ нелѣпость, служили однако постояннымъ предлогомъ для распространенія крамолы и мятежа въ областяхъ составляющихъ нераздѣльное цѣлое съ Россіей, вызвало отчаянныя усилія крамольниковъ къ тому чтобы воспрепятствовать исполненію этого намѣренія, и самою великостію и смѣлостію злодѣйства устрашить людей слабодушныхъ и еще колеблющихся въ исполненіи своего долга.

Съ этою цѣлію, не ограничиваясь составленною въ Вильнѣ посредствомъ агентовъ варшавскаго революціоннаго комитета шайкою убійцъ, подъ названіемъ полиціантовъ, посланы были изъ Варшавы вновь агенты съ приказаніемъ убить виленскаго губернскаго предводителя дворянства и тѣмъ остановить великое дѣло заявленія единства литовскихъ губерній съ Россій въ самомъ его началѣ. Но прежде чѣмъ рѣшиться на открытое злодѣйство революціонные дѣятели употребили угрозы, къ которымъ они постоянно прибѣгали для устрашенія.

$^{13}/_{25}$ іюня А. Ѳ. Домейко получилъ подметное письмо, въ которомъ самозванный революціонный трибуналъ увѣдомлялъ что г. Домейко „принявшій вновь временно оставленную имъ должность предводителя дворянства, стремится нынѣ тайкомъ составить отъ имени дворянства вѣрноподданническій адресъ къ Царю, и становится, по этой причинѣ, отступникомъ народнаго дѣла". За это революціонный трибуналъ объявилъ г-на Домейка „измѣнникомъ отечеству и находящимся внѣ закона".

Предвидя что предстоящее празднованіе 27-го іюля подастъ новый поводъ къ выраженію чувствъ одушевляющихъ жителей Вильны, крамольники безуспѣшно пытались помѣшать торжеству разбрасываніемъ 25-го іюля (6-го августа) объявленій, въ которыхъ выговаривали за то что 22-го іюля „неразумная народная масса, радующаяся всякому зрѣлищу, толпилась среди яркаго освѣщенія, не заботясь о томъ что принимая участіе въ зрѣлищѣ устроенномъ пришельцами они безумно заявляли себя противъ народнаго дѣла". Вмѣстѣ съ тѣмъ „разъ навсегда строго запрещалось выходить изъ домовъ или прогуливаться во время иллюминаціи. Пусть приказанная иллюминація 27-го іюля (8 августа) застанетъ улицы также пустыми, какъ были онѣ во время въѣзда Царя

* Всеподданнѣйшее письмо представленное 27-го іюля.

въ Вильну; всѣ имѣющіе какія-либо неотлагательныя надобности должны окончить ихъ до наступленія вечера“.

Но время угрозъ и устрашенія прошло безвозвратно: 27-го іюля народонаселеніе Вильны все слилось въ одну ликующую семью; радость была общая въ особенности потому что утромъ въ этотъ же день было представлено А. Ѳ. Домейкою главному начальнику края всеподданнѣйшее письмо, столь давно ожидаемое всѣмъ, преданнымъ Государю и отечеству, литовскимъ народонаселеніемъ.

Тогда злодѣи рѣшились на послѣднюю отчаянную попытку.

30 іюля, въ 8½ часовъ утра, неизвѣстный человѣкъ, придя на квартиру къ А. Ѳ. Домейко, домогался, подъ видомъ подачи прошенія, пріема наединѣ. Будучи допущенъ, онъ подалъ лѣвою рукою конвертъ, и схватя ею Александра Ѳадеевича за кисть правой руки, въ то же мгновеніе нанесъ ему выхваченнымъ изъ-подъ сюртука кинжаломъ семь ранъ въ лѣвую руку выше локтя. Когда г. Домейко упалъ, злодѣй бросился на вбѣжавшаго въ комнату лакея и ранивъ его въ грудь и руки скрылся.

Въ конвертѣ, поданномъ убійцею, находилась слѣдующая записка:

„Народное правительство, № 88, 7-го августа. *

„Принимая во вниманіе что Александръ Домейко, уже объявленный внѣ закона, несмотря на то употребляетъ каждую минуту своего существованія на гибель края, вышеупомянутый Александръ Домейко приговаривается къ смертной казни.

„Начальникъ города Вильно, Бонкъ.“

Раны г-на Домейка по счастію не опасны. Радость по этому случаю и негодованіе противъ столь дерзко совершеннаго злодѣянія выразились общимъ участіемъ къ А. Ѳ. и восторгомъ при извѣстіи что успѣли попасть на слѣдъ злодѣевъ и въ тотъ же день арестовали главнѣйшихъ изъ агентовъ такъ-называемаго революціоннаго правительства. Въ іюлѣ мѣсяцѣ имъ розданы были кинжалы и револьверы отъ присланнаго изъ Варшавы агента, опредѣлена плата, и они приведены къ присягѣ на совершеніе убійствъ по приказанію ихъ начальниковъ.

Убійца и трое изъ его соучастниковъ скрылись, но приняты были энергическія мѣры для поимки злодѣевъ: городъ былъ тотчасъ же оцѣпленъ, во всѣхъ подозрительныхъ домахъ сдѣланы мѣстные обыски; всюду были разосланы примѣты убійцы; словомъ, преступникъ не могъ избѣжать заслуженной кары, агенты же варшавскаго революціоннаго комитета, считая свое злодѣйство оконченнымъ, дерзнули сообщить о совершившемся въ слѣдующемъ воззваніи:

„11 утромъ, въ 8½ часовъ, исполнено опредѣленное наказаніе смертью Александра Домейко.

* 26 іюля, день подписанія г-мъ Домейко адреса. Записка эта, покрытая кровью, сохраняется, какъ историческій документъ.

„Жители Вильна! Сегодня мы избавились отъ проклятія потомковъ и вѣчнаго безславія, которыя должны были пасть на весь польскій край за измѣну ничтожнаго Домейка. Этотъ злодѣй, во сто разъ подлѣйшій руководителей Тарговицкой конфедераціи, готовилъ новую продажу Польши, новый раздѣлъ, новое мученіе нашего любимаго отечества въ адскомъ союзѣ съ Муравьевымъ и иными подобными себѣ“ (имена 14-ти лицъ участвовавшихъ въ начальномъ составленіи адреса Виленской губерніи включены въ это объявленіе).

„Братья, мы вѣримъ, что участники преступленія виновны по легкомыслію въ содѣйствіи измѣнѣ Домейка; дадимъ имъ время одуматься, но если и на будущее время этотъ голосъ не будетъ ими услышанъ, то насъ не остановитъ видъ крови, такъ какъ ихъ не остановила благороднѣйшая кровь нашихъ сражающихся братій и слезы стенающихъ въ тюрьмахъ и далекой Сибири.“

Божеское правосудіе постигло злодѣевъ въ ту самую минуту когда они думали избѣгнуть всякаго преслѣдованія. 6-го августа взятъ на станціи желѣзной дороги въ Вильнѣ присланный изъ Варшавы для совершенія разныхъ убійствъ агентъ тамошняго такъ-называемаго революціоннаго комитета варшавскій житель Беньковскій; онъ схваченъ въ то время когда раскрашенный и переряженный собирался бѣжать.

Беньковскій, послѣ самаго настойчиваго долговременнаго запирательства, наконецъ сознался въ покушеніи на жизнь и нанесеніи кинжаломъ ранъ А. Ѳ. Домейкѣ и защищавшему его камердинеру. Много стоило труда отмыть волосы Беньковскаго, совершенно измѣнявшіе его физіономію; но когда, посредствомъ химическаго раствора, краска разложилась и злодѣй вылинялъ, то его вполнѣ признали г. Домейко и камердинеръ его, доселѣ нѣсколько затруднявшіеся измѣненіемъ физіономіи Беньковскаго отъ перекраски его волосъ и бровей въ черный цвѣтъ изъ рыжаго.

6-го же числа взято еще двое соучастниковъ Беньковскаго, также посланныхъ изъ Варшавы въ Вильну для убійствъ, и затѣмъ арестованы еще три агента варшавскаго революціоннаго комитета, изъ коихъ одинъ распорядитель литовскаго возстанія. Вслѣдъ за симъ взято нѣсколько лицъ присланныхъ изъ Варшавы для организаціи секретной революціонной полиціи въ Литвѣ.

Изъ числа арестованныхъ съ 30-го іюля, какъ было объявлено прежде, четверо преступнѣйшихъ виленскихъ революціонныхъ полиціантовъ уже казнены; извѣстно также, что 28-го августа казненъ и Беньковскій, съ двумя главнѣйшими своими соучастниками, Марчевскимъ и Чаплинскимъ; ихъ, какъ отъявленныхъ злодѣевъ, везли къ мѣсту казни на позорной колесницѣ; тысячи народа слѣдовали за колесницей изъ любопытства чтобы видѣть этихъ извергов, для которыхъ убійство было простымъ ремесломъ. На мѣстѣ казни, Беньковскій сознался еще въ

одномъ преступленіи, въ убійствѣ Ротайскаго, совершенномъ имъ въ Варшавѣ, по повелѣнію того же подземнаго польскаго правительства. Другой же закоренѣлый преступникъ, Чаплинскій, ни въ тюрьмѣ, ни на эшафотѣ не принялъ отъ католическаго священника послѣдняго напутствія, дерзко отвергая его просьбы облегчить свою совѣсть чистосердечнымъ покаяніемъ и принять Св. Причастіе.

Таковы клевреты такъ-называемаго польскаго жонда. Всѣ другіе преступники, по окончаніи слѣдствія и суда, получатъ достойное наказаніе по военно-уголовнымъ законамъ. Имена этихъ людей и обнародованіе слѣдствія покажутъ что подобные отверженцы общества были вполнѣ достойными членами мнимаго польскаго народнаго правительства, которое путемъ злодѣяній хочетъ принудить мирныхъ жителей къ содѣйствію и достиженію преступной своей цѣли.

XII.

ИЗЪ ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО ПО СВѢДѢНІЯМЪ ДО 14 СЕНТЯБРЯ. № 204 «МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ»

Продолжаемъ сообщать читателямъ описаніе той борьбы которая происходитъ теперь въ Варшавѣ между властями: законною и подземною. Борьба эта начинаетъ принимать болѣе и болѣе характеръ борьбы между русскимъ и польскимъ элементами, и удары со стороны подземной власти начинаютъ падать преимущественно на Русскихъ.

Тяжело раненый полковникъ Любушинъ умеръ на другой день. Кинжалъ убійцы былъ отравленъ. 13-го сентября происходили съ особою торжественностію похороны Любушина; самъ преосвященный Іоанникій совершилъ погребеніе; военные чины провожали покойнаго въ большомъ числѣ. По этому случаю была подана въ редакціи варшавскихъ газетъ особая статья съ тою цѣлію чтобы польскія газеты, хотя бы офиціальныя, заявили что въ Варшавѣ бываютъ политическія убійства. Содержаніе замѣтки слѣдующее: „Товарищи и друзья полковника Любушина, невинно и злодѣйски зарѣзаннаго изъ-за угла на одной изъ „варшавскихъ улицъ убійцею нанятымъ мятежною партіей, симъ заявляютъ глубочайшую свою благодарность православному духовенству, „которое, имѣя во главѣ высокопреосвященнаго архипастыря, отдало „безкорыстно послѣдній христіанскій долгъ несчастной жертвѣ злобы „къ русскому элементу, а также и гг. военнымъ всѣхъ чиновъ и прочимъ лицамъ удостоившимъ проводить смертные останки мученика къ „мѣсту вѣчнаго успокоенія.“ Замѣтка не была принята редакторами польскихъ газетъ какъ позорящая польскую націю. Однако составители замѣтки обратились къ графу Бергу, и по приказанію графа замѣтка была послана къ редакторамъ снова съ приглашеніемъ напечатать ее немедленно.

Послѣ убійства Любушина произошли еще слѣдующіе случаи. 11 сентября, въ 9 часовъ вечера, стоявшій на полицейскомъ посту на улицѣ Лѣшно, близь городскаго вала, прикомандированный къ полиціи, рядовой л.-гв. Волынскаго полка Филиппъ Ефремовъ раненъ, но не опасно, въ ляшку желѣзнымъ орудіемъ, насаженнымъ на древко. Неизвѣстный злодѣй успѣлъ скрыться. Это обстоятельство доказываетъ снова что вооруженіе полицейской стражи одними тесаками недостаточно, что необходимо снабдить ихъ револьверами. Въ Петербургѣ розданы пистолеты, а въ Варшавѣ ихъ нѣтъ!

12-го сентября за поручикомъ гвардейской артиллеріи Оноприенкомъ, прикомандированнымъ къ полиціи, слѣдилъ какой-то подозрительный человѣкъ. Проходившій мимо панъ моргнулъ Оноприенку на преслѣдователя его. Офицеръ пошелъ вдоль Подвальной улицы, а незнакомецъ, соединясь съ другимъ, слѣдовалъ позади; не доходя до улицы Рыцерской, злодѣи разошлись въ разныя стороны, и одинъ изъ нихъ притаился за дверью лавки. Когда Оноприенко повернулъ въ Рыцерскую улицу, къ стоявшему тамъ полиціанту, незнакомецъ къ нему приблизился, но офицеръ повернулся и влѣпилъ ему пощечину такъ быстро что тотъ ошеломѣлъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ офицеръ съ полиціантомъ схватили злодѣя, и вытащили у него изъ-за пазухи огромный кинжалъ, за который онъ уже хватался. Негодяй пренаивно сознался, что онъ не думалъ убить военнаго, а хотѣлъ зарѣзать цивильнаго. Фамилія его Ягодзинскій; принадлежитъ онъ къ ремесленному классу. Теперь онъ сидитъ въ цитадели.

Такіе признаки были достаточными побудительными причинами къ принятію мѣръ предупреждающихъ преступленія. Наиболѣе важною мѣрой слѣдуетъ считать предписаніе данное начальнику варшавскаго военнаго отдѣла, обратить вниманіе на людей, преимущественно изъ ремесленнаго класса, которые не имѣя въ столицѣ осѣдлости, опредѣленныхъ занятій, средствъ къ существованію, проводятъ все время праздно на улицахъ, въ шинкахъ, кофейняхъ и другихъ публичныхъ мѣстахъ Въ послѣднее время такихъ людей набралось въ Варшавѣ особенно много, и такъ какъ за каждымъ изъ нихъ особый полицейскій присмотръ невозможенъ, то предположено дѣлать о нихъ дознанія, и если обнаружится ненадежность ихъ, если найдутся причины къ подозрѣніямъ, то высылать ихъ на жительство въ Имперію. Мѣра эта вызвана тѣмъ что цѣлый рядъ совершенныхъ въ Варшавѣ убійствъ и обстоятельства раскрытыя изслѣдованіями совершенно убѣждаютъ что подобныя личности за ничтожную плату служатъ орудіемъ для исполненія преступныхъ замысловъ революціонеровъ.

Кромѣ такого распоряженія появился еще цѣлый рядъ приказовъ оберъ-полицеймейстера: Отъ 10-го сентября.

„Совершившіяся въ послѣднее время покушенія и убійства убѣдили что какъ домовладѣльцы такъ ихъ жильцы не только уклоняются отъ

подачи помощи полиціи къ задержанію преступниковъ, но даже способствуютъ ихъ побѣгу или укрываютъ ихъ отъ поисковъ полиціи. По повелѣнію высшей власти, заявляется во всеобщее свѣдѣніе: 1) что въ случаѣ смертоубійства или покушенія на жизнь кого бы то ни было на улицѣ, если убійца не будетъ схваченъ, свидѣтели происшествія, не оказавшие зависѣвшей отъ нихъ помощи къ задержанію убійцы, будутъ считаться соучастниками преступленія и подвергнутся наказанію по всей строгости законовъ военнаго положенія; 2) если преступникъ, по совершеніи смертоубійства или посягательства на чью-либо жизнь, скроется въ домъ и не будетъ тамъ задержанъ ни домовладѣльцемъ ни жильцами, то такой домъ будетъ немедленно занятъ, безъ всякаго вознагражденія, для помѣщенія нижнихъ чиновъ, а жильцы будутъ изъ него выведены; 3) въ случаѣ смертоубійства или покушенія на жизнь въ домѣ или на дворѣ онаго, если разбойникъ не будетъ схваченъ и отданъ въ руки правосудія ни домохозяиномъ, ни жильцами, то какъ домовладѣлецъ, такъ и жильцы, подвергнутся отвѣтственности по всей строгости законовъ, а домъ, со всѣмъ въ немъ находящимся, будетъ предоставленъ въ распоряженіе военной власти; 4) той же самой отвѣтственности подвергнутся домовладѣльцы и жильцы, въ случаѣ убійства или покушенія на оное выстрѣломъ изъ какого-либо дома, или инымъ какимъ образомъ.

От 12-го сентября:

„Замѣчено, что во многихъ лавкахъ и магазинахъ имѣющихъ выходы на дворы домовъ, таковые не только бываютъ открыты, но и служатъ для прохода лицъ къ лавкамъ или магазину не принадлежащихъ; наружныя же двери отворены настежь.

„А потому съ разрѣшенія высшей власти, торговцы обязываются выходныя на дворы двери имѣть постоянно запертыми, и въ таковыя, кромѣ лицъ принадлежащихъ къ магазину, не пропускать никого; ключи отъ таковыхъ дверей хранить у самого владѣльца. Кромѣ того наружныхъ дверей не открывать настежь ни въ какомъ случаѣ, подъ личною отвѣтственностію владѣльцевъ лавокъ и магазиновъ. Причемъ предупреждается, что въ случаѣ еслибы кто-либо изъ отыскиваемыхъ полиціей злоумышленниковъ успѣлъ скрыться вслѣдствіе несоблюденія кѣмъ-либо изъ торговцевъ настоящихъ правилъ, владѣлецъ магазина, кромѣ строжайшей личной отвѣтственности, по всей строгости военныхъ законовъ, лишится всего что̀ будетъ находиться въ магазинѣ“.

Отъ 12-го сентября:

„По повелѣнію высшей власти объявляется во всеобщее свѣдѣніе что съ завтрашняго числа кофейни, лавки съ газовыми напитками, шинки, пивные погреба, такъ-называемыя баваріи, и находящіеся при подобныхъ заведеніяхъ буфеты или трактиры, а равно отдѣльныя кухни для

простонародья, должны быть открываемы не ранѣе 7 часовъ утра, и закрываемы не позже 7 часовъ вечера.“

Всѣ эти распоряженія имѣютъ конечно значеніе, если они будутъ исполняться; въ противномъ случаѣ они причинятъ только вредъ, какъ поддразниванія. Поэтому и требовать слѣдуетъ только то чтó исполнимо.

По случаю наступленія раннихъ вечеровъ, на улицахъ для идущихъ обязательны фонари съ 7 часовъ вечера, а въ 10 часовъ всякое движеніе по улицамъ воспрещается.

12-го сентября, въ 9 часовъ утра, на гласисѣ цитадели повѣшенъ по приговору военнаго суда подмастерье пекаря Матвѣй Вильчинскій. Онъ скрывался въ Варшавѣ подъ именемъ Владислава Коханьскаго, оказался главнымъ убійцей семейства Вихерта и держалъ при себѣ особой конструкціи отравленный ножъ. Карьера его такова: выходецъ изъ Галиціи, участвовалъ въ шайкѣ, попался въ плѣнъ, бѣжалъ и поступилъ въ жандармы-вѣшатели.

12-го сентября уѣхалъ изъ Варшавы графъ Сигизмундъ Велёпольскій, президентъ города. Должность его занялъ генеральнаго штаба генералъ-майоръ Витковскій, бывшій предсѣдатель одной изъ слѣдственныхъ коммиссій въ цитадели; должность эта перешла къ полковнику Тухолкѣ.

Получено извѣстіе изъ Лодзи что въ день еврейскаго Новаго Года, 2-го сентября, нѣсколько казаковъ влетѣли въ городъ и произвели тревогу по поводу появленія вблизи шайки. Тревога подѣйствовала на Евреевъ бывшихъ въ синагогѣ. Они толпой бросились изъ синагоги, а за ними и Еврейки, со 2-го этажа; но вдругъ перила обломились, и женщины полетѣли внизъ. При этомъ убились до смерти 4 женщины и 7 дѣвицъ, и до 30 Евреекъ получили раны и переломы.

XIII.

ИЗЪ ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО ПО ПРЯМЫМЪ ИЗВѢСТІЯМЪ. № 206 „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“.

16-го сентября.

Революціонная печать даетъ намъ возможность очертить тотъ планъ котораго намѣрены придерживаться на будущее время члены тайнаго правительства. Планъ этотъ состоитъ въ продленіи возстанія на неопредѣленное время посредствомъ развитія терроризма. Въ этомъ развитіи террора жондъ находитъ лучшій способъ парализовать дѣйствія графа Берга. Такія намѣренія беззастѣнчиво высказаны въ особомъ декретѣ, въ которомъ угрожаютъ смертію „родакамъ“ исполняющимъ приказы наѣзжаго правительства, и присовокупляютъ что

обыватели не должны возмущаться строгими мѣрами народоваго жонда, такъ какъ онъ обязанъ дѣйствовать энергически для истребленія „терроромъ терроризма Москвы“. Такимъ образомъ то многочисленное „колеблющееся населеніе“ о которомъ говорятъ лордъ Россель и графъ Рехбергъ въ своихъ нотахъ, подвергнется двойному гнету, и послабленія и заискиванія одной стороны будутъ имѣть непосредственнымъ результатомъ подчиненіе нерѣшительной, колеблющейся массы требованіямъ другой стороны, развивающей болѣе терроризма. Нерѣшительная, колеблющаяся масса плохая опора въ трудномъ дѣлѣ!

Мысль жонда выразилась въ слѣдующемъ приказѣ начальника народовой стражи:

„Начальникъ народной стражи къ гражданамъ города Варшавы.

„Одновременно съ усиленіемъ средствъ варшавскаго гнета Москвы, жондъ народовый поручилъ мнѣ усугубить дѣятельность для парализованія замысловъ враговъ нашихъ.

„Граждане! отъ вашей мужественной и твердой поддержки зависитъ теперь уничтоженіе гнета и обезсиленіе врага. Въ единомысліи и стойкости заключается огромная сила наша и потому-то взываю къ вамъ требуя безусловнаго повиновенія и мужества.

„Да не устрашатъ васъ московскія угрозы и насилія; на угрозу вѣтимъ мы грознымъ дѣломъ, а на насиліе мщеніемъ.

„Стражѣ моей ввѣрено охраненіе нашего дѣла въ Варшавѣ, и потому-то я буду блюсти за нимъ, какъ внушаетъ святость его и какъ будутъ требовать обстоятельства.

„Теперь мы боремся съ самымъ страшнымъ, истинно звѣрскимъ терроромъ, и потому-то противъ террора мы должны выставить терроръ. Къ услугамъ Москвы всегда готовы: тюрьмы, Сибирь и кнутъ; этого у насъ нѣтъ; слѣдовательно, смерть за каждую вину. Поэтому виновные въ малѣйшемъ неповиновеніи приказаніямъ народоваго жонда будутъ отнынѣ наказываемы смертною казнію, не взирая ни на прежнюю жизнь ихъ, ни на причины непослушанія. Народъ ни на минуту не долженъ оставлять путь на которомъ онъ доселѣ находится, и несмотря на самыя варварскія средства, принятыя врагомъ, не можетъ быть и не будетъ никогда допущена ни малѣйшая перемѣна въ настоящемъ положеніи.

„Итакъ, внимайте, граждане! помните что на насъ смотритъ край. Пусть та Варшава, которая до сихъ поръ служила ему примѣромъ богатырскаго мужества, не лишится ни одного листка изъ вѣнца ея постояннаго самоотверженія. Неужели же мы, Варшавяне, которые такъ долго и мужественно до настоящаго времени, такъ сильно и непоколебимо сопротивлялись всевозможнымъ ухищреніямъ врага, поколеблемся хотя на минуту въ виду увеличенныхъ имъ насилій и варварствъ? Нѣтъ! Горе тому кто предастся малодушію, потому что онъ оскверняетъ этимъ

святость дѣла нашего и позоритъ память столькихъ мучениковъ нашихъ. Смерть же ему отъ руки народа!“

Постановленія.

„1. Симъ объявляется гражданамъ-домовладѣльцамъ, гражданамъ-управителямъ домовъ и гражданамъ-дворникамъ, что въ случаѣ поимки москвою кого-либо въ домѣ находящемся въ ихъ завѣдываніи, если окажется что они, по требованію преслѣдуемаго, не оказывали ему помощи, или же какимъ-либо другимъ образомъ содѣйствовали москвѣ къ задержанію его, то виновные въ этомъ преступленіи немедленно будутъ наказаны смертію.

„Распоряженія относительно этого переданы къ исполненію дивизіону Варшавской народной стражи.

„2. Такъ какъ многія неизвѣстныя личности показываютъ въ публичныхъ мѣстахъ кинжалы, хвастаясь что будто бы они исполнители приговоровъ революціоннаго трибунала, то заявляется во всеобщее свѣдѣніе что мною сдѣлано распоряженіе подвергать такихъ лицъ немедленно наказанію; мѣра эта принята потому что такими личностями чаще всего бываютъ шпіоны подсылаемые москвою для возбужденія въ легковѣрныхъ довѣрія и открытія дѣйствительныхъ исполнителей приговоровъ революціоннаго трибунала.

„Варшава, 21-го сентября, 1863.“

Такое же направленіе, которое проявляется въ предыдущемъ приказѣ, выражается и въ передовой статьѣ № 7 Niepodległosci, отъ 12-го сентября н. с. Различіе заключается только въ большей растянутости и напыщенности изложенія. Приходится предварительно прочесть тирады, въ родѣ слѣдующихъ:

„Вдругъ молнія сверкнула надъ землею отъ одного конца до друга-„го,—пробилъ часъ боя! Всѣ сердца дрогнули, *народъ* бросился къ ору-„жію, и въ одно мгновеніе ока на родимыхъ поляхъ являются рыцари, „готовые броситься на стократъ многочисленнѣйшаго непріятеля, и „положить головы въ защитѣ земли и вѣры своихъ предковъ. Смотрите, „люди эти вырастаютъ въ исполиновъ, ничто ихъ не удержитъ, они „пойдутъ впередъ, все разгромятъ, все разрушатъ, міромъ завладѣютъ! „Дѣйствительно, велика минута когда весь народъ имѣетъ одно сердце, „когда *отъ моря до моря* играетъ одно чувство, и разливается одинъ „гармоническій звукъ пламенной преданности и самопожертвованія от-„чизнѣ. Такія минуты рождаютъ богатырей, возвышаютъ народы до „идеальнаго величія, и блестятъ во времени какъ факелы, освѣщающіе „путь въ историческомъ мракѣ.“

Итакъ, весь народъ, отъ моря и до моря, преисполненъ удивительныхъ чувствъ. Но послѣ этихъ вымысловъ фантазіи, мы убѣждаемся

изъ той же статьи, что есть въ народѣ и „исключительныя существа покрытыя плѣсенью эгоизма“.

„Прочь съ половиннымъ патріотизмомъ“, говорится далѣе, „прочь съ „притворнымъ посвященіемъ дѣлу, которое со скрытымъ недоброже„лательствомъ бросаетъ на столъ отчизны десятую часть своего достоя„нія чтобы спокойно пользоваться остальнымъ, не заботясь о народ„номъ дѣлѣ. Одинъ заплатилъ подать или участвуетъ въ займѣ, и ду„маетъ что онъ уже исполнилъ всѣ обязанности въ отношеніи къ краю; „другой побѣжалъ въ лагерь, выстрѣлилъ раза два, и возвращается „домой изнемогая подъ бременемъ славы, какъ защитникъ отчизны; „третій поступилъ въ организацію и гордится своимъ бездѣйствіемъ; „четвертый состряпалъ статейку въ тайную газету, и почиваетъ на „лаврахъ дешевой славы. О, комедіанты-жертвователи, мелочные тор„говцы гражданской добродѣтели!“

Но, благодареніе Богу!—такъ дѣйствуютъ только единицы. Весь народъ—великій труженикъ свободы—имѣетъ одну мысль, одно сердце и 40 милліоновъ рукъ для исполненія своихъ намѣреній. Все этотъ несчастный разчетъ на 40 милліоновъ рукъ! Чего же требуетъ газетка отъ истинныхъ послѣдователей своихъ, имѣющихъ 40 милліоновъ рукъ? Бездѣлицы:

„Не оглядывайтесь ни на что̀, ни на имущество, ни на женъ, ни на „дѣтей вашихъ. И какая вамъ польза если все это убережете? Если „падемъ, то врагъ завтра-же заграбитъ ваше имущество, опозоритъ „женъ и дочерей, а сыновей вашихъ сошлетъ въ каторжную работу и „въ сибирскія пустыни. Въ отчизнѣ только ваша надежда, въ ея осво„божденіи будущность ваша.“

Но, кромѣ повѣствованія объ отдѣльныхъ единицахъ, не бросающихся очертя голову въ революціонное движеніе, пришлось *Неподлеглости* заявить и то что не вся *нація* явилась на поле брани съ рыцарскими доблестями.

„Солдатъ проникнутый чувствомъ долга не бѣжитъ съ поля битвы. „Для него храбрость—самая святая заповѣдь; онъ знаетъ что бѣгство „позоръ, и предпочитаетъ смерть подлой жизни. Съ горестью должны „мы сознаться, что въ настоящемъ возстаніи нѣкоторые отряды обра„щались въ постыдное бѣгство предъ непріятелемъ. Кости Болеславовъ, „Собѣсскихъ, Костюшекъ, въ землѣ, никогда не знавшей трусости, вѣ„роятно содрогнулись отъ ужаса и гнѣва.

„У кого сердце боязливо, тотъ пусть дергаетъ корпію и стережетъ „дома бабью прялку,—но кто разъ взялся за оружіе и выступилъ въ „поле, тотъ долженъ быть храбръ и мужественъ... Краю нужны не тру„сы, при первомъ выстрѣлѣ бѣгущіе съ поля битвы, а рыцари, „которые бы не теряли напрасно оружія, кровью пріобрѣтеннаго,— „нужны истинные защитники святаго дѣла.“

Наконецъ, статья говоритъ и о томъ, что „одному Провидѣнію извѣст-„но сколько вреда причинили народному дѣлу ссоры отдѣльныхъ от-„рядныхъ начальниковъ“ изъ личныхъ амбицій и мелочной зависти.

Таковъ широкій взглядъ *Неподлеглости* на прошедшее. Что же касается до будущаго, то она рекомендуетъ своимъ соотечественникамъ слѣдующую истину:

„Рабство Польши продолжается почти столѣтіе: возвратить независи-„мость въ мѣсяцъ или годъ нельзя. Греки 40 лѣтъ вели войну съ Пер-„сіею за свободу, Нидерланды 60 лѣтъ сражались за свою независи-„мость, борьба Соединенныхъ Штатовъ съ Англіею продолжалась 10 лѣтъ „При нашей нетерпѣливости хотѣлось бы намъ теперь же, съ быстро-„тою молніи, достигнуть того чего другіе народы добивались много-„лѣтнею борьбой и океанами крови. Свобода не достигается нехотя, „на это нужно безпредѣльное самопожертвованіе всѣхъ граждан, раз-„витіе всѣхъ чувствъ, всѣхъ умовъ, нужны тяжкій трудъ, кровавый „потъ и всѣ страданія родильницы. Пусть же не смущается никто ми-„нутными неудачами, потому что отъ насъ, исключительно отъ насъ, „зависитъ выигрышъ, побѣда!“

Приготовляясь къ новымъ убійствамъ революціонное правленіе старается сбросить съ костей тѣ которыя уже доставили ему такую печальную извѣстность. Въ особой статьѣ *Неподлеглости* доказывается что русскія газеты стараются оклеветать и очернить народное правленіе, и печатаютъ на своихъ столбцахъ списки лицъ убитыхъ и повѣшенныхъ, большинство которыхъ лишилось жизни не вслѣдствіе приговоровъ революціонныхъ властей, а отъ руки русскаго солдата.

„Съ самаго начала возстанія, говоритъ статья, москва, отчизна Му-„равьева, неистощимая въ изысканіи новыхъ насилій и жестокостей, „земля, сыны которой нагло восхваляютъ публично этого палача и „сбира, провозглашая во всѣхъ городахъ, претендующихъ на европей-„скую цивилизацію, мерзкіе тосты за его здоровье,— москва, не изъ „чувства стыда, а для обмана общественнаго мнѣнія въ Европѣ, ста-„рается вездѣ, гдѣ можетъ, распространить убѣжденіе что ея жесто-„кости, ея разбои и опустошенія уравновѣшиваются злоупотребленіями „отрядовъ повстанцевъ.“

Такою задачею о равновѣсіи русская журналистика никогда не задавалась.

„Сперва *Dziennik Powszechny* публиковалъ получаемыя отъ граждан-„скихъ властей свѣдѣнія объ исполненіи проходящими отрядами по-„встанцевъ смертныхъ приговоровъ надъ явными измѣнниками и от-„ступниками, во всѣхъ мѣстахъ края. Свѣдѣнія эти, не касаясь боль-„шихъ преувеличеній, которыми ихъ нарочно испещрило перо вѣрно-„подданныхъ редакторовъ, должны были однако основываться на

„настоящихъ донесеніяхъ гражданскихъ властей и на дѣйствительно со„вершившихся фактахъ. Исчисленія этого рода приговоровъ не вводили „однако въ заблужденіе общественнаго мнѣнія въ Европѣ, которая „хорошо знала сколько плевелъ посѣяло въ Польшѣ прежнее московское „хазяйничаніе, и удостовѣрялась изъ этихъ именно списковъ что „народное возстаніе старается истребить эти плевелы, искоренить эту „общественную язву. Весь народъ видѣлъ что олицетворенное въ его „правленіи и войскахъ выраженіе его силы и справедливости во всѣхъ „мѣстахъ караетъ отступничество и измѣну,—и тайные донощики на„ѣзда видѣли что москва умѣетъ платить имъ за подлость, за отступническія услуги, но не въ состояніи оградить ихъ отъ гласной заслу„женной кары народа.“

„Разумѣется, подобная гласность не вела къ желаемой цѣли и не „могла быть удобна для непріятеля, а потому *Всеобщему Дневнику* при„казано было умалчивать о томъ, что возстаніе *слабой горсти ослѣп„ленныхъ* съ такимъ усердіемъ и успѣхомъ заставляетъ рѣдѣть легіоны „оплаченныхъ шпіоновъ, формированные съ такимъ усердіемъ въ тече„ніи 30 лѣтъ.“

„Для обмана общественнаго мнѣнія употреблены другія орудія: свѣ„дѣнія о мнимыхъ варварствахъ повстанцевъ перешли на страницы „*Русскаго Инвалида Московскихъ Вѣдомостей* и *Journal de St.-Pétersbourg*.“

Странный переходъ! Русская журналистика совершенно не сочувствуетъ запрещенію печатать на страницахъ *Всеобщаго Дневника* о злодѣйствахъ которыя „съ такимъ усердіемъ и успѣхомъ“ производятся повстанцами. А *мнимыя* варварства, которыя наши газеты публикуютъ, получаются все-таки изъ донесеній гражданскихъ властей, къ которымъ питаетъ довѣріе народный комитетъ. Напрасно революціонная газета утверждаетъ что свѣдѣнія нашихъ газетъ извлекаются „изъ писемъ „офицеровъ, и изъ анекдотовъ командировъ малыхъ отрядовъ, которые, „подъ опасеніемъ выговора, должны украшать ими свои рапорты“. Нѣтъ! мы черпаемъ все изъ тѣхъ же, изъ тѣхъ же самыхъ источниковъ, которыми пользовался *Всеобщій Дневникъ*, заслуживающій довѣрія жонда. Поэтому доказательства малочисленности злодѣйствъ повстанцевъ очень слабы, и гораздо болѣе понятна слѣдующая тирада:

„Правленіе и власти народныя не стыдятся своихъ приговоровъ и „открыто исполняютъ ихъ. Среди бѣлаго дня, въ глазахъ отрядовъ и „окрестныхъ жителей, съ соблюденіемъ законнаго порядка, по наказу „легальнаго суда исполняются смертные приговоры, одобряемые цѣлымъ „народомъ,—и мы съ чистою совѣстію можемъ сказать, что сто разъ „чаще виновный остается безъ наказанія чѣмъ спадаетъ волосъ съ „головы невиннаго.“

Тѣмъ не менѣе совѣсть у революціонеровъ вѣроятно не совсѣмъ покойна, и статья скорѣе всего появилась потому что цѣлый народъ не одобряетъ злодѣйствъ жонда.

Гораздо успѣшнѣе доказываетъ статья *Неподлеглости* что жестокости жонда уравновѣшиваются жестокостями русскихъ войскъ. Тутъ варшавское правительство само даетъ ей матеріалъ. Г. Энохъ выпросилъ въ началѣ возстанія позволеніе производить судебно-медицинскія изслѣдованія надъ тѣлами убитыхъ въ сраженіяхъ. Г. Энохъ доказывалъ что это совершенно необходимо потому, что по законамъ Царства Польскаго о каждомъ умершемъ долженъ быть поставленъ *актъ смерти* (zejscia), какъ документъ для судовъ и родственниковъ. Что изъ этого вышло? По окончаніи сраженія члены гражданскихъ судовъ, безъ военнаго депутата, ѣдутъ на поле битвы, описываютъ каждаго убитаго какъ имъ угодно, говорятъ о небываломъ числѣ ранъ, и непремѣнно присовокупляютъ, что тѣла *обнажены совершенно.* Потомъ *Губернскія Вѣдомости* и *Всеобщій Дневникъ* вызываютъ лицъ знающихъ убитыхъ. При этомъ, даже до сихъ поръ, *Dziennik* повторяетъ до слова описаніе каждаго тѣла; говоритъ, что „на такомъ-то находилось *столько-то* „*ранъ*, отъ которыхъ онъ *не умеръ*, а видно *что былъ добитъ*, какъ „свидѣтельствуетъ *раздробленная голова*, или *синяки на груди* и т. п.“ Кто повѣрялъ вѣрность этихъ актовъ, составленныхъ революціонною партіей? А между тѣмъ объявленія о вызовѣ родственниковъ убитыхъ помѣщаются на 4 страницѣ оффиціальной газеты наряду съ казенными объявленіями. *Неподлеглость* воспользовалась этою откровенностію гражданскихъ властей для доказательства варварства нашихъ войскъ.

„Послѣ каждаго происшествія“, говоритъ статья, „послѣ исполненія „ли однимъ изъ нашихъ отрядовъ приговора, или послѣ битвы, разбоя, „насилія и грабежа московскихъ, суды, дѣйствующіе доселѣ въ Царствѣ, являются на мѣсто происшествія для удостовѣренія факта, дознанія именъ убитыхъ, составленія актовъ о смерти, и наказанія виновныхъ если только они найдутся. *Такія слѣдствія въ военное время,* „*разумѣется, не приносятъ никакой пользы;* очень часто нельзя даже „узнать именъ убитыхъ,—объ открытіи же виновныхъ и говорить нечего... Вслѣдствіе этого, послѣ каждаго происшествія, то-есть битвы „ли, или отдѣльной насильственной смерти, подлежащій судъ объявляетъ во *Всеобщемъ Дневникѣ* и *Губернскихъ Вѣдомостяхъ* описаніе „состоянія найденныхъ жертвъ, и приглашаетъ жителей края доставить нужныя для производства слѣдствія свѣдѣнія.“

„Хотя москва имѣетъ тысячу средствъ и прекратить судебное изслѣдованіе *и не допустить этой гласности* о своихъ варварствахъ, передавая напримѣръ дѣла эти въ свои военные суды, которые скрываются въ норахъ цидатели, или разбойничаютъ по мѣстечкамъ, однако „почти послѣ каждой стычки, на 4-й страницѣ *Всеобщаго Дневника*

„встрѣчается объявленіе что оставшіяся на полѣ битвы тѣла убитыхъ „были совершенно обнажены и изувѣчены до невозможности узнать „ихъ, сожжены (напримѣръ подъ Игнацевомъ) и т. п. Это есть легальное доказательство котораго даже и самъ либеральный Катковъ не „въ силахъ опровергнуть,—доказательство, опубликованію котораго „московскія власти обыкновенно не могутъ воспрепятствовать, но котораго менѣе преданныя намъ европейскія газеты не сумѣли отыскать на 4-й страницѣ *Всеобщаго Дневника*.

„Затѣмъ въ этихъ публикаціяхъ всякій, кто только захочетъ, найдетъ свѣдѣніе обо всѣхъ приговорахъ исполненныхъ отрядами повстанцевъ, но никто, даже самый сильный недоброжелатель нашъ, не увидитъ въ нихъ и слѣда жестокостей надъ жертвами."

Мы можемъ только подтвердить справедливость вышеприведенной выписки. Да, по свѣдѣніямъ доставляемымъ гражданскими легальными властями, только русскіе солдаты производятъ ужасныя злодѣйства, а отряды мятежниковъ, или, виноваты, не мятежниковъ, а повстанцевъ, только *вѣшаютъ*, и вѣшаютъ обыкновенно *негодяевъ*. Но на самомъ дѣлѣ выходитъ нѣсколько иначе. Солдаты, особенно въ послѣднее время, не позволяютъ себѣ никакихъ жестокостей, а революціонеры, умерщвляющіе людей изъ-за угла, не могутъ не производить жестокихъ злодѣйствъ. *Московскія Вѣдомости* удивляются только тому, что варшавскія начальства еще сохраняютъ настолько вѣжливости къ польскимъ легальнымъ гражданскимъ чиновникамъ что разрѣшаютъ печатаніе ихъ объявленій въ офиціальной газетѣ безъ должной повѣрки.

XIV.

ПИСЬМО ВАРШАВСКАГО КОРРЕСПОНДЕНТА ВЪ № 207 „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ".

18-го сентября.

Въ Варшавѣ организовался въ августѣ мѣсяцѣ „департаментъ полиціи" жонда. У департамента есть свой директоръ, есть и подчиненные. Новый директоръ полиціи началъ дѣйствовать при посредствѣ новаго „начальника полиціи столичнаго мяста Варшавы", издающаго своего рода полицейскую газету: *Распоряженія Отдѣла Полиціи*. Начальнику полиціи подчиненъ „начальникъ стражи народовой", а народовая стража, это—новое названіе жандармовъ-вѣшателей. Въ столичномъ мѣстѣ организована такая полиція, въ которой, согласно ея объявленію, есть только одно средство наказанія виновныхъ—смертная казнь.

Тяжкая обязанность досталась русскому управленію въ Варшавѣ. Но она облегчается теперь тѣмъ, что сами жители относятся уже съ недоброжелательствомъ къ партіи убійцъ, и плохо вѣрятъ въ способности

начальника города, молодаго незнакомца 20-ти лѣтъ отъ роду, и его помощника 17-тилѣтняго юноши; довѣріе къ такимъ властямъ подрывается безпрестанными спорами, которые они ведутъ между собой, и такими случаями, какъ недавняя покража у жонда трехъ милліоновъ злотыхъ (450.000 р. с.).

Такое расположеніе жителей нѣсколько облегчаетъ задачу правительства. Полиція за послѣднее время поймала нѣсколькихъ злодѣевъ съ готовыми кинжалами. Чтобъ отнять, по возможности, охоту отъ поступленія въ „народную стражу", графъ Бергъ приказалъ сегодня, 18-го числа, въ 10-ть часовъ утра, разстрѣлять пять жандармовъ на пяти городскихъ площадяхъ Варшавы. Изъ нихъ Станиславъ Янишевскій и Тимоѳей Рачинскій были схвачены 16-го августа с. ст., когда собирались убить Еврейку Капторъ, за отказъ ея дать народовому жонду 3 р. с. Янишевскій разстрѣлянъ на Старомъ Мѣстѣ, а Рачинскій на Новомъ. Юзефатъ Косинскій арестованъ 21-го августа на улицѣ Фрета, когда отыскивалъ полиціанта арестовавшаго первыхъ двоихъ; онъ разстрѣлянъ на Банковой площади; Станиславъ Ягошевскій (а не Ягодзинскій) схваченъ въ Подвальной улицѣ поручикомъ Онопріенко, и увѣрялъ что ожидалъ выхода изъ магазина Квятковскаго одного прикащика, котораго хотѣлъ убить за преданность правительству; разстрѣлянъ на площади Гржибовской. Леопольдъ Цельнеръ арестованъ 15-го сентября; по уличенію другими и по собственному сознанію, обвиненъ въ участіи при убійствѣ полковника Любушина; разстрѣлянъ на площади Св. Александра. Всѣ эти люди ремесленники.

Эту язву жандармовъ-вѣшателей приходится выкуривать и изъ провинцій. Въ Радомѣ разстрѣлянъ 2-го сентября, въ 12 часовъ пополудни мѣщанинъ дер. Субботки, Сандомирскаго уѣзда, Виталисъ Дашинскій, виновный въ повѣшеніи бондаря деревни Райца Даніила Оланда, за подозрѣніе въ шпіонствѣ; до этого преступленія Дашинскій участвовалъ также въ шайкахъ и въ ограбленіи разныхъ лицъ.

Не менѣе серіозно отнесся графъ Бергъ къ другому роду жандармовъ-мучителей,—къ духовенству. У правительства уже давно имѣлись несомнѣнныя доказательства широкаго участія ксендзовъ въ „справѣ народовой"; правительство имѣло въ рукахъ формальные договоры заключенные духовенствомъ различныхъ епархій съ центральнымъ комитетомъ. Тѣмъ не менѣе до настоящаго времени подвергались наказанію только тѣ духовныя лица которыя были особенно компрометтированы, и самое наказаніе ихъ было ослабляемо сравнительно съ наказаніемъ за такое же преступленіе свѣтскихъ лицъ. Покушеніе на жизнь графа Берга измѣнило эту странную политику послабленія изъ боязни цѣлаго сословія. Когда найдены были ходы изъ дома Замойскихъ въ

монастырь Св. Креста, то поставлена была въ монастырскомъ домѣ команда солдатъ. Это былъ первый шагъ къ занятію монастырей военнымъ постоемъ. Необходимо было отнять возможность у ксендзовъ устраивать сходбища, тѣмъ болѣе что по вѣрнымъ свѣдѣніямъ возстаніе въ Варшавѣ предполагалось начать сборомъ уличнаго сброда въ кляшторахъ и повсемѣстнымъ звоновъ колоколовъ вмѣсто тревоги. Занятіе монастырскихъ домовъ не прошло однако безъ затрудненій; были лица, и притомъ лица ближайшимъ образомъ отвѣчающія за спокойствіе Варшавы, которыя находили что ксендзы живутъ очень тѣсно, и что въ кляшторахъ невозможно помѣстить команды солдатъ. Но подробный осмотръ монастырскихъ зданій довѣреннымъ лицомъ графа Берга разсѣялъ всѣ недоразумѣнія. Въ два дня заняты вновь монастыри: Кармелитскіе на Лѣшно и на Краковскомъ предмѣстьѣ, Бернардинскій, Реформатскій, Капуцинскій, Августіанскій, Доминиканскій, Паулинскій и Францисканскій. При осмотрѣ монастырей обнаружилась вся польза принятой мѣры. Въ Бернардинскомъ найдены 4 жандарма-вѣшателя; изъ Свентокшижскаго найдены длинные ходы въ дома Замойскихъ и на разныя улицы. Въ одномъ изъ ходовъ, подъ землею, найдено нѣсколько темныхъ и сырыхъ комнатъ, а за ними одна сухая и хорошо меблированная. Обширное поле для предположеній! Отъ капуциновъ открытъ подземный ходъ въ женскій монастырь Фелиціанокъ, отъ Бернардиновъ нѣсколько ходовъ въ разныя мѣста. Всѣ эти ходы заперты и обставлены часовыми. Въ виду трудной службы войскъ можно было бы и совершенно забрать входы въ эти катакомбы; нравственность капуциновъ навѣрное и навсегда бы выиграла отъ этой мѣры. Женскихъ монастырей еще не трогали. Изъ нихъ три: Канониссъ, Сакраментокъ и Визитокъ, славятся благочестіемъ жизни монахинь; за то остальные три, Св. Марты, куда принимаютъ только молоденькихъ и хорошенькихъ дѣвушекъ, Фелиціанокъ и Марцинканокъ, имѣютъ незавидную славу.

Неизвѣстно, впрочемъ, на долго ли останутся эти монастыри безъ надзора. Женщины принимаютъ сильное участіе въ возстаніи, нѣкоторыя были въ бандахъ, а одна служила даже жандармомъ; мы не говоримъ уже о разноскѣ приказаній, возмутительныхъ газетъ и особенно въ шпіонствѣ. Такъ, 16-го сентября, въ монастырѣ Фелиціанокъ арестована и отправлена въ цитадель гувернантка Текла Трахановская; при ней найдены сотни нумеровъ разныхъ революціонныхъ изданій, изъ которыхъ часть приготовлена къ разсылкѣ; собственноручные черновые ея рапорты народовому жонду объ исполненіи разныхъ порученій, доносы на разныхъ лицъ, которыхъ *надобно убить*, такъ какъ она сама долго за ними наблюдала и увѣрилась въ ихъ измѣнѣ, и т. д. Всѣ эти

документы она уже жгла, но двери были выломаны и документы спасены.

Повидимому, Трахановская можетъ служить удобнымъ путемъ для открытія тайной организаціи. Но мы мало надѣемся на успѣхъ слѣдствія. Сколько уже было случаевъ которые подводили къ открытію секрета, но все было тщетно! Въ настоящую минуту, кромѣ Трахановской, въ рукахъ слѣдственной коммиссіи находится предводитель банды, другой Янковскій. Онъ попался 17-го сентября. Арестовали его незаконно: у него былъ самый исправный паспортъ, подписанный уѣзднымъ гражданскимъ начальникомъ на разъѣзды по всему Царству, и подписанный въ сентябрѣ. Но когда арестъ былъ произведенъ, то при обыскѣ у Янковскаго нашлись въ огромномъ количествѣ бланки его воевудскаго званія, плакаты, порохъ и т. п. Одинъ изъ плѣнныхъ показалъ что онъ служилъ въ шайкѣ этого Янковскаго. Господинъ былъ явно въ отпуску и пріѣзжалъ за приказаніями. Любопытно будетъ узнать результаты слѣдственныхъ дѣлъ.

На дняхъ подписана графомъ Бергомъ инструкція которою предписывается, во избѣжаніи экзекуціи, отнимать у винокуренныхъ заводовъ и сахарныхъ фабрикъ объявленія на выдѣлку продуктовъ въ случаѣ неуплаты податей. Наблюденіе за этимъ поручено гражданскимъ уѣзднымъ начальникамъ; имъ же приказано слѣдить чтобы заводы и фабрики не продолжали, послѣ отнятія объявленія, работы. Вообще это будетъ проба чиновниковъ, такъ какъ одновременно военному начальству поручено слѣдить и доносить исполняетъ ли гражданское все предписанное циркуляромъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, *Часъ* съ каждымъ нумеромъ все болѣе и болѣе разъясняетъ исторію о покушеніи на жизнь графа Берга. Сначала *Часъ* увѣрялъ что брошена была одна бомба на улицѣ, а не изъ дома Замойскаго, потомъ, что бомба брошена изъ академіи, наконецъ, что никто бомбъ не бросалъ, а самъ графъ Бергъ приказалъ казаку сдѣлать выстрѣлъ, чтобы придраться къ этому и овладѣть домами. Неизмѣнно только подвергаются порицанію гвардейскіе офицеры за разореніе 2.000 жителей (въ домахъ всего было 116 мущинъ). Затѣмъ, *Часъ* увѣряетъ, что гвардейскіе офицеры таскали подъ мышками головы сахару, возами отправляли къ себѣ разныя вещи, экипажи своихъ женъ нагружали драгоцѣнностями, продавали за два за три рубля шубы, салопы, шали и т. п., насиловали женщинъ, убивали дѣтей, иллюминовали домъ свѣчами взятыми съ алтаря костела Св. Креста, врывались въ склепы, выбрасывали изъ гробовъ тѣла, вытаскивали у жильцовъ деньги изъ кармановъ, рвали серги изъ ушей, рубили пальцы съ кольцами...

XV.

Письмо варшавскаго корреспондента № 210 „Московских вѣдомостей“.

22-го сентября.

Въ городѣ затишье. Никакихъ крупныхъ новостей. Только непрерывные аресты разныхъ агентовъ жонда.

Полагаютъ что такое относительное спокойствіе преимущественно произведено впечатлѣніемъ казни пяти жандармовъ-вѣшателей на пяти варшавскихъ площадяхъ. Дѣйствительно, впечатлѣніе произведенное разстрѣляніемъ было очень сильно. Въ первый разъ казнь производилась среди народа, прежде его не допускали на полверсты отъ эшафота. Вся обстановка была способна подѣйствовать на массу. Преступниковъ везли по городу съ барабаннымъ боемъ; каждый изъ нихъ сидѣлъ въ телѣгѣ съ капуциномъ и держалъ въ рукѣ крестъ. На площадяхъ были устроены щиты съ столбомъ впереди, къ которому и привязывался преступникъ. Народъ наполнялъ улицы, площади и окна; женщины громко рыдали, а нѣкоторыя падали безъ чувствъ. Ужасъ былъ такъ великъ что немедленно разнеслись слухи что жандармы-рѣзуны отказались отъ своей пріятной обязанности, и что по этому случаю изданъ декретъ жонда, которымъ упраздняются жандармы въ Варшавѣ, и распредѣляются по провинціямъ. Впрочемъ, слухъ этотъ едва ли основателенъ.

Враждебная намъ польская печать старается доказать, что орсиніевская бомба (не бомбы) брошена была проходящими по улицѣ. Но факты раскрытые по этому дѣлу слѣдственною коммиссіей позволяютъ опровергнуть эту лукавую выдумку. Обнаружено что по угламъ улицъ, близъ домовъ Замойскаго, стояли жандармы и не позволяли никому, съ 5 часовъ пополудни, ни ходить, ни ѣздить мимо домовъ, вслѣдствіе чего экипажи и пѣшеходы обходили дома, поворачивая въ боковыя улицы. Поэтому изъ жителей никто не былъ убитъ или раненъ. Оказалось также что въ томъ домѣ гдѣ жилъ самъ графъ Андрей Замойскій до высылки его за границу, и гдѣ въ послѣднее время проживалъ его сынъ,—что въ этомъ домѣ найдена на верху на антресоляхъ подъ чердакомъ, огромная лабораторія, въ которой снаряжались орсиніевскія бомбы; въ ней, кромѣ большаго числа патроновъ, отыскано много капсюлей, которые насаживались на бомбы, и нѣкоторое количество состава разрывнаго заряда. Запахъ тамъ неистребимъ до сихъ поръ, несмотря на то что уже нѣсколько дней въ этихъ комна-

тахъ помѣщается одно изъ военныхъ управленій. Самая незначительность вреда причиненнаго разрывомъ бомбъ доказываетъ что бомбы были домашняго изготовленія. Безъ сомнѣнія, тутъ же приготовлялись и ракеты, пущенныя въ іюлѣ мѣсяцѣ въ нѣсколькихъ пунктахъ Варшавы. Сыновья Замойскаго не могли не знать объ этомъ потому что лабораторія помѣщалась надъ ихъ жилыми покоями. Полиція дѣлала тамъ обыски, но ничего не находила, быть-можетъ потому что добраться до лабораторіи, очень затруднительно. Притомъ, при входѣ въ корридоръ лабораторіи виситъ до сихъ поръ не звонокъ, а колоколъ, превосходящій своими размѣрами колокола на гауптвахтахъ; подобные звонки употребляются только на фабрикахъ, а въ домахъ Замойскаго были только тайные фабриканты, которымъ и давали знать, въ случаяхъ обыска, о приближающейся опасности. На основаніи данныхъ открытыхъ при слѣдствіи, между прочимъ переписки съ Чарторыйскимъ, сынъ Замойскаго переведенъ изъ обыкновеннаго ареста въ цитадели въ 10 павильйонъ, гдѣ содержатся серіозные политическіе преступники. И заграничная дѣятельность графа Андрея Замойскаго можетъ только усиливать подозрѣніе. До насъ доходятъ положительные слухи, что онъ не только сочувствуетъ революціоннымъ мѣрамъ, но и самъ собираетъ въ своихъ залахъ на засѣданіе парижскій польскій комитетъ, къ составу котораго примыкаетъ будто бы и бывшій профессоръ Николаевской Академіи генеральнаго штаба, капитанъ Галѣзновскій.

Часъ продолжаетъ наполнять свои столбцы описаніями мнимыхъ варварствъ произведенныхъ гвардейскими офицерами въ домахъ Замойскаго. При этомъ съ особеннымъ почтеніемъ къ жонду восхваляется убійство полковника Любушина за предводительство грабежомъ въ означенныхъ домахъ. Но Любушинъ находился во время катастрофы въ другомъ концѣ города, въ соборѣ. Поляки сами сознаются что была ошибка: не того хотѣли убить. Благоразумные Поляки стыдятся тайныхъ убійствъ; но красные твердятъ все одно и то же: „вооруженная интервенція, а нѣтъ, то нѣхъ вшистко дьябли везьмо“.

Подати въ городѣ все еще собираются экзекуціей. Еще случается видѣть дома окруженные войсками. Дома заперты, дворники вездѣ, и ни граждане-домовладѣльцы, ни граждане-жильцы, ни граждане-дворники, не исполнили требованій жонда, а повиновались правительству. Вѣрные полицейскіе служители нѣсколько ободрились. Подпольныя изданія не появляются, такъ какъ въ типографіяхъ стоятъ часовые, въ монастыряхъ живутъ солдаты. Недѣлю тому назадъ простой народъ собрался на предмѣстье Кошики и танцовалъ тамъ до поздней ночи. При этомъ раздавались крики: „Гуляй наша! что̀ такое? Намъ даже веселиться запрещаютъ! Развѣ за московскимъ жондомъ намъ дурно было? Развѣ онъ запрещалъ намъ веселиться? Гуляй наша!“

Приказомъ варшавскаго оберъ-полицеймейстера, отъ 17-го сентября, объявлено домовладѣльцамъ и управляющимъ, что имъ предоставляется право, безъ участія полиціи, осматривать жильцовъ для удостовѣренія въ томъ, не прячутъ ли они подозрительныхъ людей, оружія, и другихъ запрещенныхъ предметовъ. Если жильцы не дозволятъ производить у себя обыски, то будутъ подвергнуты отвѣтственности, какъ ослушники законной власти. Затѣмъ, въ случаяхъ обыска полиціей и открытія чего-либо запрещеннаго, будутъ подвергаться отвѣтственности не одни жильцы, но и домовладѣльцы и ихъ управляющіе.

VIII.

ОКТЯБРЬ.

I.

ПЕРЕДОВАЯ СТАТЬЯ ВЪ № 212 „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ" (30-го СЕНТЯБРЯ).

Изъ разныхъ мѣстъ Россіи мы продолжаемъ получать и личныя и общественныя изъявленія сочувствія. Мы не можемъ не придавать имъ высокой цѣны, и не столько по отношенію къ намъ лично или къ нашему изданію, сколько по отношенію къ тѣмъ важнымъ вопросамъ которые занимаютъ теперь всѣ умы. Вопросы эти такъ важны что все что̀ имѣетъ въ нашемъ обществѣ голосъ спѣшитъ подать его. За неимѣніемъ другихъ способовъ, общество хочетъ во всякомъ случаѣ заявить свое мнѣніе: явный признакъ созрѣвшаго общественнаго мнѣнія и доказательство того живаго участія которое принимаетъ оно въ великихъ государственныхъ интересахъ и тѣхъ событіяхъ съ которыми они связаны. Повторимъ что̀ было сказано нами прежде: мы видимъ въ себѣ только случайный поводъ или предлогъ и не считаемъ себя въ правѣ гордиться этими изъявленіями общественнаго сочувствія. Мы говорили только то что̀ долженъ былъ говорить каждый Русскій на нашемъ мѣстѣ: вотъ въ этомъ вся наша заслуга, если только можно назвать это заслугой. Многіе на нашемъ мѣстѣ могли бы высказывать то же самое лучше и сильнѣе насъ, но мы дѣлали что̀ могли, не руководствуясь никакими другими побужденіями кромѣ нашей обязанности служить органомъ чувства которое каждый Русскій естественно носитъ въ себѣ, и высказывать то что̀ мы считали полезнымъ и вѣрнымъ. Каждое новое заявленіе

общественнаго согласія принимали мы съ тѣмъ же чувствомъ какъ и первыя. Если мы не продолжали печатать эти заявленія съ нашими отвѣтами на нихъ, то мы просимъ почтившихъ насъ ими никакъ не думать чтобъ они были для насъ менѣе цѣнны. Многое измѣнилось съ теченіемъ времени; общественное мнѣніе уже достаточно высказалось, печатаніе дальнѣйшихъ заявленій, по мѣрѣ полученія ихъ, могло принять слишкомъ личный характеръ и казаться излишнимъ. Мы приносимъ искреннюю благодарность дворянамъ Нижегородской губерніи, приславшимъ намъ, за подписью сорока пяти лицъ, глубоко тронувшее насъ изъявленіе сочувствія и полнаго согласія съ тѣмъ что̀ нами высказывалось по польскому дѣлу. Съ такою же благодарностію приняты нами заявленія отъ дворянства Рязанскаго уѣзда, Одоевскаго уѣзда, Крапивенскаго уѣзда, и нѣкоторыхъ мировыхъ съѣздовъ.

Но если для привлеченія сочувствія русскихъ людей мы ничего не сдѣлали кромѣ того что̀ долженъ былъ сдѣлать каждый Русскій на нашемъ мѣстѣ, то съ другой стороны мы и ничего не сдѣлали такого чѣмъ могли бы мы вызвать противъ себя систематическую вражду въ русскомъ журнальномъ мірѣ. Мы встрѣчали выходки противъ себя въ польскихъ подземныхъ изданіяхъ; но это весьма естественно, и объ этомъ нечего говорить. Намъ говорятъ что въ *Колоколѣ* наше имя встрѣчается поминутно въ сопровожденіи всяческихъ ругательствъ: это также очень понятно, и говорить объ этомъ также нечего. Еслибы мнѣнія издателя *Колокола* могли имѣть въ глазахъ нашихъ какое-нибудь значеніе, то намъ пришлось бы развѣ порадоваться этимъ ругательствамъ; но мы не видимъ никакой разницы между его бранью и похвалами. На дняхъ, въ одной московской газетѣ, прочли мы нѣсколько кокетливыхъ словъ о чувствительномъ сердцѣ одного изъ издателей *Колокола* г. Герцена, и о томъ что онъ принимаетъ близко къ своему сердцу интересы Русскаго народа, даже ближе, какъ тамъ сказано, чѣмъ интересы французскихъ швей. Мы не знаемъ какъ близко издатели *Колокола* принимаютъ къ сердцу интересы французскихъ швей, но мы знаемъ что они принимаютъ

близко къ сердцу интересы польскихъ повстанцевъ, и открывая въ пользу ихъ подписку, осыпаютъ ругательствами русскихъ офицеровъ и солдатъ. Знаемъ что они объявили Россію нелѣпою выдумкой, изрыгаютъ проклятія на все русское общество, и въ статьяхъ, которыя могли быть писаны дѣйствительно только въ сумашедшемъ домѣ, предаютъ проклятію всѣхъ въ Россіи, съ верху до низу. Объ этихъ изліяніяхъ безсильной злобы не стоило бы и поминать, еслибы среди всѣхъ этихъ оргій не проглядывали мѣстами попытки, изобличающія своего рода хитрость, которая нерѣдко замѣчается у помѣшанныхъ. Издатель *Колокола* прибѣгаетъ къ разнымъ маневрамъ, чтобы войти снова въ силу и снова обратить на себя вниманіе нѣкоторыхъ важныхъ лицъ, прежде будто бы читавшихъ его. Охотники до скандаловъ указываютъ намъ на нѣкоторые еще болѣе интересные и забавные образчики особаго рода хитрости; объ этомъ однако когда-нибудь послѣ.

Но мы никакъ не можемъ понять, за чтò ожесточены противъ насъ нѣкоторыя петербургскія газеты. Мы тщетно отыскиваемъ въ нашей дѣятельности хоть что-нибудь такое чтò могло бы оправдать то неистовство съ которымъ бросаются на насъ нѣкоторыя петербургскія газеты. Въ *Голосѣ* какой-то писатель прямо заявилъ что онъ не можетъ безъ враждебнаго чувства развернуть нашу газету. Кто этотъ господинъ? За чтò онъ на насъ такъ злится? Положимъ что мы высказывали много не вѣрнаго, ошибочнаго, наконецъ очень дурнаго,—положимъ что эти господа совершенно правы въ своей полемикѣ противъ насъ; однако мало ли на свѣтѣ высказывается и невѣрныхъ, и ошибочныхъ мнѣній? Во всякомъ случаѣ трудно допустить чтобы *Московскія Вѣдомости* были до такой степени средоточіемъ всего дурнаго что нельзя было бы даже развернуть ихъ безъ враждебнаго чувства. Припоминаемъ себѣ всѣ вопросы которыхъ мы касались, и рѣшительно недоумѣваемъ за чтò эти почтенные люди считаютъ насъ какими-то извергами. Главный вопросъ который въ этомъ году занималъ всѣхъ въ Россіи и которому мы главнымъ образомъ посвящали всю нашу дѣятельность,—вопросъ польскій,—

не представляетъ ни малѣйшаго повода къ такой ожесточенной и систематической враждѣ противъ насъ со стороны русскихъ журналовъ.

Намъ было смѣшно читать всѣ эти статьи въ петербургскихъ журналахъ, въ которыхъ съ наивнымъ цинизмомъ изливается вражда къ намъ. Отвѣчать на нихъ было бы стыдно, но онѣ служатъ характеристическимъ признакомъ нашей журналистики и лучше всего свидѣтельствуютъ о ненормальномъ положеніи въ которомъ она находится. То ополчались на насъ съ гнѣвомъ за то что мы вызывали «кровожадный» патріотизмъ въ русскомъ обществѣ; то, въ послѣдствіи, когда вся наша журналистика должна была болѣе или менѣе принять патріотическій оттѣнокъ, на насъ вдругъ съ неимовѣрною яростію вооружились за то что мы находили систему принятую въ Царствѣ Польскомъ неудовлетворительною, и вмѣстѣ съ нами обругали всѣхъ тѣхъ русскихъ людей которые были одного съ нами мнѣнія; съ цинизмомъ, которому не пріищешь примѣра, ставили имъ въ упрекъ даже то что имъ случалось вмѣстѣ обѣдать и за обѣдомъ провозглашать тосты вызванные текущими событіями. Въ этихъ обѣдахъ петербургская газета (*Голосъ*) видитъ омерзительныя оргіи, недозволительныя въ то время когда въ Царствѣ Польскомъ льется кровь. Каково это покажется? Русскіе люди, мирно живущіе въ разныхъ губерніяхъ, виноваты въ той крови которая проливается въ Царствѣ Польскомъ! Они должны посыпать главу пепломъ и избѣгать всякихъ случаевъ сойтись между собою. Внутри Россіи должны быть прекращены всякаго рода общественные обѣды, и всякій долженъ запереться въ своей клѣти. И все это пишется, все это печатается; все это должно служить доказательствомъ что дѣла въ Царствѣ Польскомъ шли наилучшимъ образомъ, и что русское общество вмѣшивается не въ свое дѣло. Петербургскій журналистъ не догадался что русское общество можетъ имѣть свое мнѣніе, какъ и всякое другое въ мірѣ общество, и если мнѣніе русскаго общества ложно направлено, то петербургскому журналисту слѣдовало бы направить его иначе. Гдѣ же онъ былъ когда общественное

мнѣніе въ Россіи настраивалось такъ дурно? Зачѣмъ онъ не предупредилъ такого настроенія? Зачѣмъ онъ не раскрылъ дѣла въ настоящемъ его свѣтѣ? Зачѣмъ такъ поздно принялся защищать систему которая ему такъ нравится? Отчего наконецъ теперь не развиваетъ онъ лучшихъ воззрѣній, и вопреки очевиднымъ фактамъ не представляетъ доводовъ которые могли бы русскую публику сверху до низу заставить думать иначе?

Нѣтъ клеветы, нѣтъ вздора, котораго не постыдились бы взвести на насъ петербургскіе доброжелатели наши. Видя въ насъ язву общества, они не считаютъ нужнымъ церемониться съ нами. Противъ насъ все пригодно: кто-то недавно обвинилъ насъ даже въ пристрастіи къ крѣпостному праву, и упрекнулъ въ Іудиномъ лобзаніи которое мы будто бы даемъ освобожденію крестьянъ. Можно ли писать такую чепуху? И на кого разчитываютъ эти господа въ своихъ выходкахъ? Мы не служили ни въ какой канцеляріи, не находились ни въ какой коммиссіи; вся наша дѣятельность проходила предъ глазами публики; она вся напечатана. Мы не придаемъ особаго значенія нашей дѣятельности, но смѣемъ думать что она не совсѣмъ неизвѣстна публикѣ.

Сейчасъ только прочли мы въ нѣкоторыхъ петербургскихъ газетахъ выраженія негодованія на насъ, за то что мы донкихотствуемъ противъ сепаратизма. Мы не понимаемъ что́ же тутъ особенно дурнаго? Какъ наконецъ эти господа не поймутъ, что ни кому и въ голову не пришло бы ратовать противъ сепаратизма и другихъ подобныхъ направленій еслибы въ той атмосферѣ гдѣ эти господа живутъ и пишутъ было менѣе повадокъ къ этимъ направленіямъ, и еслибы сами они были менѣе наивны или менѣе ловки. Будь у насъ все благополучно, будь у насъ не такъ много *простачковъ* и не разведись у насъ такъ много *ловкихъ* людей—кому бы пришло въ голову писать о подобныхъ предметахъ?

Въ заключеніе мы скажемъ *ловкимъ* господамъ, пишущимъ и не пишущимъ, что усилія ихъ напрасны, что какъ ни сильна у насъ интрига, но своихъ отдаленныхъ цѣлей она

все-таки не достигнетъ, что ходы ея видны, что люди на Руси проснулись и стали зорки, что обмануть русское общество теперь довольно трудно...

II.

передовая статья въ № 213 „Московскихъ Вѣдомостей" (3-го октября).

Польскій вопросъ вступаетъ въ новое весьма интересное положеніе. Продолженіе дипломатическихъ переговоровъ по этому вопросу стало уже невозможно въ томъ смыслѣ какъ они были ведены доселѣ. Основаніемъ для этихъ переговоровъ были Вѣнскіе трактаты; но теперь оказалось что основаніе это недостаточно, и что если вѣнскіе трактаты заключаютъ въ себѣ много такого что̀ можетъ возбуждать споръ, замѣшательства и затрудненія по этому польскому вопросу который ими же созданъ, то они не заключаютъ въ себѣ ничего такого, что̀ могло бы вести къ удовлетворительному рѣшенію его или къ соглашенію. Краемъ который носитъ наименованіе Царства Польскаго Россія владѣетъ въ силу двукратнаго завоеванія. Вѣнскіе трактаты не только не даютъ ей никакого новаго титула на это обладаніе, не только ничѣмъ не подкрѣпляютъ этого права, но напротивъ ослабляютъ его, сообщая ему характеръ международнаго обязательства, и притомъ обязательства двусмысленнаго, подающаго поводъ къ разнорѣчивымъ толкованіямъ, а главное—служащаго постоянною поддержкой притязаній мечтающихъ о возстановленіи старой Польши.

Еслибы въ трактатѣ было выражено простое признаніе совершившагося факта, то никакого польскаго вопроса не могло бы явиться; но трактатъ не ограничился однимъ признаніемъ: мы сами вписали въ него строки которыя теперь обращаются противъ насъ и служатъ источникомъ затрудненій для Россіи и безпрерывныхъ опасностей для спокойствія Европы. Россіи ли быть недовольною если строки эти будутъ вычеркнуты? Россіи ли быть недовольною если будутъ отмѣнены тѣ условія которыя обезсиливаютъ ея европейское положеніе и служатъ для нея источникомъ вѣчныхъ смутъ въ ея собственныхъ владѣніяхъ?

Положеніе Европы, которое запечатлѣно Вѣнскими трактатами, уже существенно измѣнилось и вышло изъ ихъ мѣры. Между Европою Вѣнскихъ трактатовъ и Европою въ ея нынѣшнемъ видѣ очень мало общаго. На французскомъ престолѣ — бонапартовская династія; въ системѣ европейскихъ государствъ появилось Италіянское королевство; произошли многія перемѣны въ территоріальныхъ распредѣленіяхъ; еще бóльшія перемѣны произошли въ интересахъ и отношеніяхъ государствъ образующихъ систему европейскаго равновѣсія. Скоро отъ Вѣнскаго трактата останутся только параграфы да вычеркнутыя строки. Теперь собираются вычеркнуть и тѣ которыя относятся къ краю поименованному въ трактатѣ Царствомъ Польскимъ. Мысль объ этомъ, предложенная Англіей, и съ радостію, хотя и послѣ нѣкотораго раздумья, подхваченная Франціей, повергаетъ теперь Вѣну въ раздумье болѣе тяжкое. Англія ничѣмъ не рискуетъ предлагая эту мысль; ея относительное положеніе нисколько отъ того не измѣняется. Французское правительство пріобрѣтаетъ сколько-нибудь благовидный исходъ изъ того непріятнаго положенія въ которое оно приведено результатами дипломатическаго объясненія по польскому дѣлу. Австрія, которая всѣхъ ближе находится къ театру событій и серіознѣе другихъ державъ заинтересована польскимъ вопросомъ и Вѣнскимъ трактатомъ, видитъ въ этомъ новомъ оборотѣ мѣру слишкомъ рѣшительную и опасную. Англія этою мѣрой не связываетъ своихъ дальнѣйшихъ дѣйствій, не предрѣшаетъ направленія своей политики, не заручается на какіе-либо союзы; напротивъ, она становится черезъ это еще свободнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ чѣмъ была до сихъ поръ; предлагаемый ею актъ можетъ имѣть съ ея стороны и пріязненное и непріязненное для Россіи значеніе, смотря по ходу событій, смотря по тому какое положеніе приметъ сама Россія. Что касается до Франціи, то ея правительству представляется этимъ возможность заглушить чувство понесеннаго пораженія; ея правительству, ея публицистамъ, дана возможность сказать, что дипломатическая кампанія кончилась блистательною побѣдою Франціи, — надъ

Россіей? нѣтъ!—надъ кѣмъ же, надъ чѣмъ же?—надъ Вѣнскимъ трактатомъ! Кто теряетъ и кто выигрываетъ отъ того что въ Вѣнскомъ трактатѣ будутъ выкинуты строки относящіяся до Польши? До этого дѣла нѣтъ: дѣло только въ томъ, что Вѣнскому трактату наносится новый ударъ,—ударъ въ какомъ бы то ни было смыслѣ. Этимъ трактатомъ былъ впервые созданъ въ Европѣ польскій вопросъ, о которомъ Франція такъ заботится; предполагается исключить изъ трактата именно то что̀ составляетъ единственную силу этого вопроса въ Европѣ: и вотъ выходитъ что Франція одержала блистательную побѣду! Можно порадоваться такому счастливому исходу: и польскій вопросъ устраняется, и Франція торжествуетъ побѣду. Что же касается до Вѣнскаго трактата вообще, то съ нимъ уже не связано для Россіи никакихъ жизненныхъ интересовъ. Новое ослабленіе которое можетъ этотъ трактатъ испытать не имѣетъ для Россіи никакой существенной важности, и если въ настоящемъ случаѣ галльскому пѣтуху есть хоть малѣйшая причина торжествовать, то торжество это можетъ быть обидно развѣ только для новой союзницы его, Австріи. Для этой послѣдней державы Вѣнскій трактатъ еще имѣетъ почти религіозное значеніе. Во всякомъ случаѣ Австрія, при томъ новомъ положеніи которое принимаютъ дѣла, не можетъ оставаться въ области чисто платоническаго чувства какимъ способно довольствоваться французское тщеславіе. На Австрію должна обрушиться вся тяжесть новаго положенія дѣлъ, которое образовалось бы немедленно вслѣдствіе отмѣны статей Вѣнскаго трактата относящихся къ Царству Польскому. Австрія должна будетъ немедленно принять какое-нибудь рѣшеніе, и если возставшіе Поляки будутъ имѣть удовольствіе считать себя воюющею стороной, то Австріи никакъ нельзя будетъ сохранять нейтралитетъ между этою воюющею стороной и Россіей.

Что же касается до Россіи, то отъ нея, и единственно отъ нея, будетъ теперь зависѣть дальнѣйшій ходъ дѣла. За отмѣной запутанныхъ и двусмысленныхъ опредѣленій трактата останется чистый фактъ обладанія, и Россія должна будетъ

дать этому факту новое, лучшее и болѣе точное опредѣленіе. Для нея наступаетъ теперь время послѣдней и высшей пробы. Будетъ ли она имѣть достаточно духа и силы чтобы выдержать эту пробу? Окажется ли у нея рѣшимость воспользоваться въ полной мѣрѣ тою свободой которая откроется для нея вслѣдствіе устраненія этой несчастной гарантіи ея правъ? Великой державѣ какъ Россія неудобно оставаться, въ какомъ бы то ни было пунктѣ своихъ владѣній, подъ гарантіей и контролемъ другихъ державъ. Великая держава должна собственными силами обезпечивать свои владѣнія и опредѣлять свои отношенія къ нимъ. Европейская гарантія можетъ свидѣтельствовать только о слабости государства которое на нее опирается; эта опора не есть опора, а затрудненіе. Въ какомъ бы духѣ ни дѣлала теперь Англія свое предложеніе объ отмѣнѣ вѣнскихъ постановленій относительно Царства Польскаго, Россія во всякомъ случаѣ выходитъ черезъ это изъ двусмысленнаго положенія, и дѣло упрощается; отъ нея зависитъ сообщить этой отмѣнѣ тотъ смыслъ и духъ которые соотвѣтствуютъ ея истиннымъ видамъ и дѣйствительнымъ силамъ. Образъ дѣйствій Россіи послѣ этой отмѣны тотчасъ же опредѣлитъ не только ея собственное положеніе въ Европѣ, но и положеніе другихъ державъ, и можетъ сразу измѣнить существующія теперь отношенія между державами. Съ отмѣной международной гарантіи или, вѣрнѣе, международнаго обязательства, исчезнетъ всякое основаніе вмѣшиваться въ дѣла Россіи дипломатическимъ путемъ. Двусмысленное юридическое опредѣленіе ставитъ Россію въ двусмысленное отношеніе къ Европѣ и даетъ другимъ державамъ возможность придираться къ ней и вредить ей, безъ всякаго съ ихъ стороны риска и пожертвованій. Но коль скоро на мѣсто договорной формулы выступитъ чистый фактъ во всей своей рѣшительности и ясности, то на него можно будетъ отвѣчать только фактомъ, къ нему придираться можно будетъ только фактомъ, протестовать противъ него можно только фактомъ. Послѣ предполагаемой отмѣны каждая держава должна будетъ чувствовать и ясно сознавать что всякое слово вмѣшательства съ

ея стороны должно немедленно превратиться въ дѣло и повлечь за собою настоящую войну безо всякихъ мистификацій. Фальшивыя стачки станутъ невозможны; угрозамъ и запугиваньямъ не будетъ болѣе мѣста. Говорить съ Россіей о Царствѣ Польскомъ возможно будетъ только тому кто непремѣнно хочетъ воевать съ ней, кто серіозно рѣшился на войну. Для Россіи такое положеніе несравненно выгоднѣе; только она должна умѣть воспользоваться выгодами которыя оно представитъ ей.

Международная сила или слабость европейской державы измѣряется большею или меньшею возможностію или невозможностію привести ее въ разобщенное положеніе. Отчего Англія такъ сильна теперь въ Европѣ? Оттого что она не подвергается ни малѣйшей опасности очутиться въ разобщенномъ положеніи. Она не боится никакихъ сочетаній между державами которыя покажутся ей опасными. Она не могла потерпѣть сближенія между Россіей и Франціей, и вотъ она успѣла поставить Россію и Францію лицомъ къ лицу въ отношенія близкія къ войнѣ. Она не только разстроила ихъ союзъ, но изъ вчерашнихъ союзниковъ сумѣла сдѣлать враговъ. Она разобщила Россію и ежеминутно можетъ привести Францію въ положеніе не менѣе разобщенное и еще болѣе опасное. Никогда императоръ Наполеонъ III не находился въ такомъ серіозномъ положеніи какъ теперь; никогда въ правительственныхъ сферахъ Франціи не возникалъ съ такою живостію вопросъ о прочности его династіи. Малѣйшій неосторожный шагъ, малѣйшее увлеченіе, и императоръ Французовъ можетъ очутиться въ войнѣ съ Россіей,—въ войнѣ безъ союзниковъ, въ войнѣ, которая не можетъ предвѣщать ему ничего добраго. Но, съ другой стороны, главная задача русской политики въ настоящее время—выйти побѣдоносно изъ положенія разобщенности въ которомъ Россія находится. Россія должна принять всѣ мѣры чтобъ обезсилить своего естественнаго врага, наполеоновскую Францію, и взамѣнъ Вѣнскаго трактата, изъ котораго Франція уже вышла, создать новое положеніе, которое могло бы вѣрнѣе и лучше разобщить ее. Россіи нѣтъ

надобности заискивать союзовъ: союзы придутъ сами собою, какъ только обозначится съ полною ясностію характеръ ея внутренней политики. Ея европейское положеніе зависитъ отъ ея дѣйствій внутри. Россія должна быть готова къ войнѣ; она должна обнаружить полную энергію и рѣшимость въ обезпеченіи своей государственной области и въ подавленіи мятежа. Чѣмъ больше энергіи покажетъ она въ этомъ отношеніи, тѣмъ будетъ лучше; но внѣшней энергіи не достаточно; внѣшняя энергія не продержится долго и не выведетъ ея изъ разобщеннаго положенія, если не будетъ поддержана соотвѣтственнымъ настроеніемъ внутри. Если въ это критическое время, энергія которую Россія обваружитъ будетъ имѣть только чисто военный характеръ, то она неизбѣжно очутится въ положеніи разобщенномъ, и все враждебное ей можетъ легко соединиться противъ нея. Ей придется имѣть противъ себя цѣлую Европу, или во всемъ уступать до крайняго униженія своей чести и до послѣдняго истощенія своихъ нравственныхъ силъ.

Европа знаетъ что въ Россіи что-то кончается и что-то начинается; она видитъ какія-то перемѣны, какія-то движенія, но она не видитъ ихъ смысла и не предвидитъ что̀ изъ нихъ выйдетъ. Европа знаетъ что въ Россіи кончился старый порядокъ вещей; она видитъ колебаніе и мерцаніе, и ждетъ что̀ будетъ. И пока заря не явится, Россія будетъ оставаться въ положеніи разобщенномъ. Каждое дѣйствіе ея будетъ возбуждать опасенія, недовѣріе, подозрѣнія. Европа должна узнать новую Россію, увидѣть ее въ лицо, чтобъ опредѣлить свои отношенія къ ней.

Въ насъ подозрѣваютъ все дурное, въ насъ видятъ и революціонный духъ, и демократизмъ, и соціализмъ, и соотвѣтственно съ этимъ видятъ въ насъ духъ враждебный свободѣ и истинному прогрессу. Пока мы не разсѣемъ этихъ взглядовъ на насъ, пока мы не приведемъ въ ясность наше внутреннее настроеніе, пока мы не выйдемъ изъ этихъ сумерекъ, которыя сообщаютъ намъ видъ какихъ-то страшилъ цивилизован-

наго міра, мы не можемъ разчитывать на прочное положеніе въ Европѣ и на нравственное торжество надъ враждебными намъ элементами.

III.

Передовая статья въ № 214 „Московскихъ Вѣдомостей" (4 октября).

Съ нѣкоторыхъ поръ развилась у насъ страсть, безпримѣрная и въ нашихъ собственныхъ лѣтописяхъ и въ лѣтописяхъ цѣлаго міра,—страсть бранить, порицать и отрицать въ себѣ все, предавать въ себѣ все поруганію и осмѣянію, все въ себѣ терзать и уничтожать. Не то чтобы всѣ эти операціи производились каждымъ дѣйствительно надъ самимъ собой,—всѣ эти операціи производятся каждымъ надъ другими и главнымъ образомъ надъ цѣлымъ обществомъ, надъ цѣлымъ народомъ. Въ нашей литературѣ страсть эта доходила до послѣднихъ предѣловъ безобразія: и повѣсти, и разные философскіе трактаты, и всякаго рода критическія статьи имѣли своею главною цѣлью изображать гнусныя свойства русскаго человѣка, на всѣхъ общественныхъ чредахъ, и русскаго быта во всѣхъ его видахъ. Наши beaux esprits, наши умники, съ какимъ-то сладострастіемъ предавались этому занятію. Не одни пустые люди, но и люди болѣе или менѣе серіозные, сознательно или безсознательно, подчиняются этому духу народнаго самоотрицанія и самоуничтоженія. Ничего не осталось не тронутымъ: и старина наша отвратительна, и новизна наша возмутительна, и простой народъ нашъ безнадеженъ, и наши высшіе классы исполнены всякой мерзости; и помѣщикъ, и крестьянинъ, и чиновникъ, и священникъ, и купецъ, все является образчикомъ человѣческой гнусности, все подлежитъ безпощадному бичеванію. Все если не на дѣлѣ, то мысленно подвергается ломкѣ и уничтоженію.

Какъ въ отдѣльномъ человѣкѣ, такъ и въ общественной средѣ, способность сознавать свои недостатки и слабости и мужественно сознаваться въ нихъ, есть свидѣтельство силы,

залогъ всего лучшаго. Мы должны были бы радоваться этой способности: здорова и крѣпка та общественная среда которая можетъ вынести всякій анализъ, какъ бы ни былъ онъ строгъ, лишь бы только былъ одушевленъ чувствомъ правды. Къ сожалѣнію, страсть о которой мы сейчасъ говорили и которая такъ повсемѣстно овладѣла у насъ умами, хотя и свидѣтельствуетъ объ этой способности критическаго самонаблюденія, но эта страсть, въ своемъ развитіи, есть не что̀ иное какъ болѣзнь,—явленіе потерявшее всякій смыслъ и достоинство. Наши порицатели безсмысленно взыскиваютъ съ своего народа недостатки и слабости человѣческой природы вообще, и вмѣняютъ ему спеціально даже то что̀ равномѣрно, только подъ разными формами, свойственно всѣмъ народамъ, цивилизованнымъ и не цивилизованнымъ, всѣмъ общественнымъ средамъ, всѣмъ людямъ. У насъ порицаніе, утративъ всякую правду и жизненную истину, перестало быть дѣломъ серіознымъ, сознающимъ свои границы и опирающимся на что-либо положительное; оно превратилось въ какое-то жалкое искусство для искусства, стало фразою и рутиною.

Не слѣдуетъ однако думать чтобъ эта болѣзненная и нелѣпая страсть, которая, потерявъ всякій смыслъ, развилась до послѣдней крайности въ нашей такъ-называемой обличительной литературѣ, родилась въ литературной сферѣ изъ случайныхъ направленій, возникшихъ въ ней вопреки настроенію мыслей и сужденій въ окружающей средѣ. Въ литературѣ эта страсть выразилась на всѣ лады, и литература довела ее до самыхъ нелѣпыхъ проявленій; но сѣмена этого болѣзненнаго развитія не могли же сама собою зародиться въ литературѣ. Самопроизвольныхъ зарожденій нѣтъ ни въ природѣ, ни въ литературѣ. Сѣмена эти проникли въ литературу изъ окружающей среды, и именно изъ нашей административной атмосферы. Правда, литература наша, главнымъ образомъ сосредоточивающаяся въ Петербургѣ, не есть выраженіе народной жизни, ея дѣйствительныхъ настроеній и стремленій. Это правда,—но правда также и то, что наша литература, главнымъ образомъ сосредоточивающаяся въ Петербургѣ, есть

все-таки отраженіе окружающей среды, и если нельзя признать ее за органъ русской жизни, то она есть органъ Петербурга. Извѣстно, что Петербургъ есть городъ по преимуществу административный, и сѣмена которыя развиваются въ нашей литературѣ заносятся въ нее по преимуществу изъ канцелярій. Духъ отрицанія и ломки, развившійся до безобразныхъ размѣровъ и проявленій въ нашей литературѣ, взялся первоначально изъ того склада мысли, изъ тѣхъ умственныхъ обычаевъ, изъ тѣхъ направленій, которые могли образоваться только въ бюрократической средѣ. Бюрократія есть вездѣ, но у насъ бюрократія есть все; она является почти единственною, почти исключительно-дѣйствующею силой, и направленія развивающіяся подъ вліяніемъ этой силы и ею поддержанныя легко распространяются повсюду и овладѣваютъ всѣми общественными понятіями. Духъ вышедшій изъ этихъ сферъ, духъ неуваженія и недовѣрія къ жизни, весьма нерѣдко оказываетъ свое дѣйствіе тамъ, гдѣ повидимому долженъ былъ бы господствовать совсѣмъ другой духъ; онъ прокрадывается даже туда, гдѣ раздается протестъ противъ бюрократіи, и часто слышится даже въ самомъ этомъ протестѣ.

У насъ повсюду распространено недовѣріе къ жизни, къ нашимъ народнымъ свойствамъ. Недовѣріе это какъ-то странно уживается у многихъ съ сильно развитымъ народнымъ самолюбіемъ. Вотъ возникли у насъ польскія затрудненія; возникъ вопросъ какъ ихъ уладить; и вотъ тотчасъ же сказывается недовѣріе къ своимъ собственнымъ силамъ для нравственной борьбы съ враждебными элементами. Сейчасъ же покажется что эти враждебные элементы разольются непобѣдимою отравой во всемъ нашемъ общественномъ организмѣ, и погубятъ его, и вотъ является мысль не о развитіи своихъ внутреннихъ силъ, а о томъ чтобы какъ-нибудь отдѣлаться отъ противниковъ. Всякая борьба насъ пугаетъ, всякое испытаніе насъ страшитъ. Мы съ уныніемъ озираемся, и отказываемся вѣрить въ имѣющіяся у насъ нравственныя силы отпора и противодѣйствія. Намъ такъ и кажется что напримѣръ горсть Поляковъ, пущенная въ нашу среду,

такъ возьметъ да и ополячитъ все наше общество, или что появленіе нѣсколькихъ католическихъ ксендзовъ совратитъ все наше образованное общество и поколеблетъ православіе въ нашемъ народѣ. Въ насъ ни съ того, ни съ сего является убѣжденіе въ чрезвычайной уступчивости, мягкости, слабодушіи или благодушіи нашего народа; является мысль что съ русскимъ человѣкомъ можно сдѣлать что̀ угодно, что онъ ни для какой серіозной борьбы не годится. Предаваясь такимъ мыслямъ, мы забываемъ, что нашъ народъ изъ всѣхъ извѣстныхъ народовъ преимущественно отличается силою упора; мы забываемъ всю нашу исторію, мы забываемъ какихъ страшныхъ усилій и какой крови стоили у насъ всякіе вынужденные повороты въ народной жизни. Ни одинъ народъ такъ крѣпко не отстаивалъ своей старины, ни одинъ народъ не оказывалъ такого упорства въ храненіи своего обычая; ни одинъ народъ не содержитъ въ себѣ такой силы охранительнаго начала какъ русскій. Менѣе всего можно упрекнуть русскаго человѣка въ излишней уступчивости или въ излишней податливости. Объ этомъ свидѣтельствуетъ исторія; объ этомъ свидѣтельствуютъ милліоны русскаго люда подвергавшагося въ продолженіе вѣковъ всевозможнымъ гоненіямъ и козням...

Всего чаще приходится намъ слышать сужденія о незрѣлости Русскаго народа отъ людей самаго консервативнаго свойства. Спросите же этихъ консервативныхъ людей, какой зрѣлости они хотятъ? что̀ разумѣютъ они подъ зрѣлостію? въ чемъ видятъ ея признаки? Въ томъ ли, чтобы въ народѣ образовалось какъ можно болѣе бродячихъ элементовъ? Въ томъ ли, чтобы расшаталась его организація? Въ томъ ли чтобы въ немъ зародились смуты и развились общественные недуги? Въ томъ ли, чтобы народъ утратилъ крѣпость своихъ вѣрованій, твердость основныхъ началъ своего государственнаго быта? Такой ли поры дожидаться? Это ли называется зрѣлостію? Неужели этого надобно дожидаться, и этого желать какъ начала новой эпохи, а не предотвращать, напротивъ, возможность такихъ печальныхъ явленій развитіемъ народныхъ силъ въ эпоху ихъ истинной зрѣлости,—ибо эпоха истинной зрѣлости

народныхъ силъ есть эпоха ихъ крѣпости. Но, говорятъ, народъ нашъ недостаточно образованъ; къ тому же, въ немъ множество пороковъ и недостатковъ. Не всякое образованіе служитъ признакомъ государственной зрѣлости. Мы можемъ указать на народы отличающіеся большимъ образованіемъ, но лишенные государственнаго духа, лишенные той организаціи которою условливается правильное развитіе политической жизни,—народы надломленные и ничтожные въ политическомъ отношеніи, при всемъ блескѣ ихъ литературнаго или ученаго образованія. Что же касается до разнаго рода недостатковъ и пороковъ нашего народа или нашего общества, то намъ слѣдуетъ прежде всего спросить себя, откуда они взялись, что̀ ихъ поддерживаетъ и развиваетъ? Не въ томъ ли главная бѣда, что мы вопреки дѣйствительности наладили считать себя незрѣлыми, между тѣмъ какъ мы въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ близки къ перезрѣлости? Не въ томъ ли наша главная бѣда что, обладая здоровыми и дюжими ногами, мы боимся стать на нихъ и сидимъ, поджавши ихъ подъ себя, воображая что онѣ у насъ стеклянныя?

Но народу противополагаютъ у насъ высшіе классы общества, и указываютъ на иноземные обычаи, которые тамъ господствуютъ, на французскую рѣчь, которая еще до сихъ поръ замѣняетъ тамъ русскую, пріучая умы къ чуждымъ сочетаніямъ понятій, къ чуждому складу мысли. Противоположность въ быту между низшими и высшими классами дѣйствительно существуетъ у насъ,—но гдѣ же нѣтъ этой противоположности? У насъ правда она рѣзче бросается въ глаза, потому что наше высшее образованіе до сихъ поръ еще находится подъ иноземными вліяніями и еще мало оказываетъ въ себѣ внутреннихъ источниковъ развитія,—именно потому самому что мы наладили считать и держать себя малыми дѣтьми. Наше европейское образованіе происхожденія недавняго, и въ немъ все еще отзывается дѣйствіе того насильственнаго переворота отъ котораго оно пошло. Но мы не должны преувеличивать значеніе той розни которую мы замѣчаемъ въ составѣ нашего общества. Несмотря на иноземный складъ

нашего высшаго образованія, оно не разрознило такъ глубоко высшіе классы нашего общества со всѣмъ народомъ, какъ многіе думаютъ. Рознь оказывается болѣе на поверхности нежели во глубинѣ. Одна и та же сила проходитъ сверху до низу и снизу вверхъ, съ каждымъ днемъ преодолѣвая и сглаживая возникшую рознь. Говоря о нашихъ высшихъ классахъ, мы не должны видѣть въ нихъ нѣчто совершенно однородное, какъ будто все что̀ только къ нимъ принадлежитъ есть одно и то же, aliquid continuum. Люди принадлежащіе къ этимъ классамъ находятся въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ, представляютъ собою самые разнородные элементы. Одни ничего не дѣлаютъ, другіе служатъ, третьи живутъ среди народа, и при весьма естественномъ различіи въ условіяхъ и образѣ жизни, составляютъ съ нимъ одно цѣлое. Одни фантазируютъ, сочиняютъ, и вообще живутъ въ понятіяхъ чуждыхъ окружающей дѣйствительности; другіе дѣйствуютъ на разныхъ служебныхъ поприщахъ, образуя свой особый міръ. Но многое множество живутъ среди этой самой страны, одною жизнію съ ней, принадлежатъ ей всѣми своими интересами и могутъ служить надежными, вѣрными и просвѣщенными органами ея желаній и потребностей. Этихъ людей, слава Богу, съ каждымъ годомъ прибываетъ въ нашей общественной средѣ. Число ихъ будетъ возрастать еще въ большей пропорціи; все что̀ теперь ничего ни дѣлаетъ или изнуряетъ себя въ безплодныхъ фантазіяхъ и въ пустыхъ отвлеченностяхъ будетъ присоединяться къ нимъ, по мѣрѣ развитія въ нашемъ обществѣ практическихъ интересовъ.

Не много нужно для того чтобы наши народныя силы могли выйти на свѣтъ, обнаружить свое плодотворное дѣйствіе на собственную нашу жизнь и могущественно отозваться въ Европѣ. Мы привыкли ставить мысль свою на дыбы, привыкли напрягаться и воображать себѣ Богъ знаетъ какія задачи, когда рѣчь зайдетъ напримѣръ о развитіи нашихъ нравственныхъ силъ. Напротивъ, чѣмъ проще будемъ мы смотрѣть на дѣло, чѣмъ легче мы за него примемся, тѣмъ лучше оно пойдетъ. Нужно только ввести въ жизнь начало, а послѣдствія его не замедлятъ оказаться повсюду въ нашей жизни.

IV.

ПЕРЕДОВАЯ СТАТЬЯ ВЪ № 215 „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“ (5 ОКТЯБРЯ).

Государство, среди другихъ государствъ, должно полагать свою силу не въ томъ или другомъ союзѣ, а въ томъ чтобы не находиться въ зависимости ни отъ какого отдѣльнаго союза. Положеніе государства тѣмъ лучше чѣмъ оно свободнѣе, то-есть чѣмъ менѣе нуждается въ какомъ-нибудь отдѣльномъ союзѣ. Это правило общее какъ для людей такъ и для государствъ, правило общее и въ политическомъ, и въ физическомъ мірѣ. И человѣкъ только тогда можетъ положиться на свои бодрыя отношенія къ людямъ, когда онъ ни на кого не ложится всею своею тяжестію. Центръ тяжести государства долженъ находиться въ немъ самомъ; оно прежде всего должно опираться на себя, и стоять крѣпко на собственныхъ ногахъ, и только при этомъ условіи можетъ оно находиться въ благонадежныхъ отношеніяхъ къ другимъ государствамъ, съ которыми сближаютъ его взаимные интересы.

Но какъ бы ни казался желателенъ какой-либо союзъ государство не должно жертвовать для него ни однимъ изъ своихъ существенныхъ интересовъ. Всего хуже тѣ союзы которые заключаются вопреки существеннымъ интересамъ страны, единственно для достиженія какой-либо случайной цѣли. Такіе союзы могутъ иногда походить на тѣ безумныя, безчестныя и пагубныя сдѣлки которыя заключаютъ между собою интересы несогласные, какъ напримѣръ мы видимъ теперь у Поляковъ стачку между панами, ксендзами и красными революціонерами.

Наполеоновская Франція есть именно та держава съ которою Россія ни въ какомъ случаѣ, ни въ какихъ обстоятельствахъ, ни для какой цѣли, не можетъ вступить въ отдѣльный союзъ. Именно Франція и именно Россія не могутъ сближаться въ отдѣльномъ союзѣ, не подвергая и себя, и миръ Европы самой серіозной опасности. Таковъ темпераментъ обѣихъ этихъ державъ что Россія не можетъ поставить ни одинъ изъ своихъ интересовъ, а также ни одинъ изъ евро-

пейскихъ вопросовъ въ зависимость отъ союза своего съ Франціей. Но всего менѣе возможно сближеніе ихъ на Востокѣ. Франція есть именно та европейская держава съ которою Россія не можетъ, не должна сближаться по восточнымъ дѣламъ. Самый главный интересъ нашъ на Востокѣ,—интересъ не фантастическій, а дѣйствительный,—составляющій всю нашу силу тамъ, находится въ постоянной и непримиримой борьбѣ съ тѣми интересами и началами которые тамъ же представляетъ собою французская политика. Россія, держава православная, по преимуществу призванная защищать интересы греко-восточной церкви, и обязанная этому призванію всѣмъ своимъ значеніемъ, всею своею силой на Востокѣ, не можетъ тамъ ни въ чемъ сближаться съ Франціей, которая на Востокѣ же является, по преимуществу, представительницей римско-католическихъ интересовъ.

Въ наши столкновенія съ Англіей на Востокѣ никогда не были и никогда не могутъ быть замѣшаны интересы православія. На Востокѣ мы можемъ враждовать съ Англіей, можемъ также и находиться съ нею въ добромъ согласіи, смотря по обстоятельствамъ или по настроенію ея или нашей политики; но между ею и нами никогда не можетъ быть на этой почвѣ того глубокаго, того внутренняго противоборства, которое раздѣляетъ насъ съ католическою Франціей. Наше сближеніе съ Франціей можетъ только ослаблять и ронять насъ на Востокѣ. Сближаться тамъ съ Франціей значило бы выпускать изъ рукъ защиту православной церкви на Востокѣ, значило бы сойти съ того основанія на которомъ зиждется вся сила Россіи въ тѣхъ мѣстахъ, значило бы опустить то великое знамя которое даетъ ей все ея значеніе на Востокѣ, значило бы подорвать тамъ свое вліяніе, значило бы отвратить отъ себя всѣ православныя народонаселенія на Востокѣ. Какіе бы другіе результаты ни имѣлись въ виду, всѣ они оказались бы ничтожными въ сравненіи съ тѣмъ страшнымъ ущербомъ который заключается въ простомъ фактѣ сближенія Россіи съ Франціей на Востокѣ. Это сближеніе могло бы имѣть единственною выгодой изолировать и обезсилить тамъ Англію (опытъ свидѣтель-

ствуетъ, однако, въ какой мѣрѣ сближенiе наше съ Францiей можетъ увѣнчаться такимъ результатомъ); но это значило бы поступать такъ какъ поступаетъ тотъ кто рѣшается цѣной самаго лучшаго, самаго дорогаго достоянiя своего купить случай чѣмъ-нибудь досадить случайному противнику.

Въ настоящихъ обстоятельствахъ присутствiе русской эскадры въ портахъ Соединенныхъ Штатовъ есть событiе особенной важности. Это результатъ политики предусмотрительной и дальновидной, и мы не можемъ не порадоваться что правительство наше поспѣшило при возникшихъ затрудненiяхъ съ западными державами выслать въ Океанъ часть своего флота. Планъ этотъ былъ исполненъ какъ нельзя успѣшнѣе: восемь судовъ съ тремя стами орудiй вышли, если не ошибаемся, во второй половинѣ iюля, изъ Кронштадта, не узнанные перебрались черезъ Зундъ, переплыли Океанъ, и вотъ теперь съ торжествомъ встрѣчаются въ сѣверо-американскихъ портахъ. Здѣсь, въ этихъ портахъ, наши триста орудiй принесутъ самую существенную услугу Россiи, и окажутъ немалое влiянiе на ея отношенiя къ западнымъ державамъ. Появленiе этихъ трехъ сотъ орудiй въ Атлантическомъ Океанѣ и въ Нью-Йорскомъ портѣ почти имѣетъ для насъ цѣну выиграннаго генеральнаго сраженiя. Болѣе дѣйствительной демонстрацiи невозможно было бы придумать, и французская журналистика, сообщая это извѣстiе, едва можетъ скрть свою досаду.

Наше сближенiе съ Соединенными Штатами полезно во всякомъ случаѣ. Россiя въ настоящее время пользуется тамъ особенною популярностiю, и только съ нею Соединенные Штаты могутъ теперь находиться въ союзѣ. Въ случаѣ европейской войны, Американцы наши естественные и дѣятельные союзники.

Благодаря всѣмъ послѣднимъ событiямъ, система политическаго равновѣсiя государствъ перестаетъ быть системой только европейскою и становится всемiрною. Волей или неволей, Америка втягивается въ кругъ этой системы. Англiйская политика, съ удивительнымъ искусствомъ, умѣла завлечь Напо-

леона III въ заатлантическое предпріятіе, и связать судьбы Франціи съ американскими дѣлами. Франція теперь не только во Франціи, но и въ Мексикѣ. Ея европейское положеніе находится теперь въ большой зависимости отъ ея положенія въ Америкѣ. Польскій вопросъ, такъ враждебно поднятый противъ насъ Франціей, побудилъ и насъ бросить часть нашихъ военныхъ силъ въ американскія воды. Но мы прибыли туда не съ какими-либо завоевательными или благотворительными замыслами. Мы не желаемъ вмѣшиваться въ американскія дѣла; мы прибыли туда лишь для собственнаго удобства, а между тѣмъ Американцы рады этому нашему удобству какъ своему собственному, и теперь присутствіе наше въ американскихъ водахъ настолько же ослабляетъ Францію въ Европѣ насколько усиливаетъ насъ. Правительство Наполеона III не можетъ не видѣть что, въ случаѣ войны, Россія не ограничится однимъ оборонительнымъ положеніемъ, и будетъ имѣть возможность нанести противнику самый чувствительный ударъ въ его мексиканскихъ затѣяхъ. Междуусобіе въ Сѣверной Америкѣ приближается къ концу, Югъ видимо изнемогаетъ, и нѣтъ сомнѣнія, что американскіе друзья наши не упустятъ удобнаго случая отблагодарить Францію за ея великодушные порывы признать Югъ воюющею стороной, и за ея затѣю устроить наилучшимъ образомъ американскія дѣла и облагодѣтельствовать Мексику.

Сближеніе съ Соединенными Штатами было бы полезно для Россіи и въ томъ отношеніи что могло бы придать ей бо́льшую самостоятельность и свободу въ ея европейскихъ союзахъ. Это сближеніе, расширяя кругъ политическаго дѣйствія Россіи, побудитъ и Англію быть податливѣе въ отношеніяхъ своихъ къ ней. Свойство нашихъ международныхъ отношеній таково что сближеніе наше съ Франціей есть вражда съ Англіей, а каждый шагъ въ сближеніи съ Соединенными Штатами будетъ сопровождаться шагомъ Англіи для сближенія съ нами, если только намъ удастся устроить такъ свои отношенія къ Сѣверной Америкѣ чтобы въ случаѣ нужды она могла имѣть надежду опереться на насъ. Чѣмъ выгоднѣе для Соеди-

ненныхъ Штатовъ будетъ союзъ съ нами, тѣмъ желательнѣе будутъ для Англіи добрыя отношенія къ намъ. Мы не можемъ отказаться отъ значенія морской державы; у насъ есть флотъ, и у насъ долженъ быть флотъ. У насъ отняли Черное Море; но флотъ нашъ можетъ быть дѣйствительною и полезною силой не въ Черномъ Морѣ, также не въ Балтійскомъ, а въ океанахъ. Нѣсколько добрыхъ фрегатовъ нашихъ въ Тихомъ или въ Атлантическомъ Океанѣ стóятъ цѣлаго флота въ Балтійскомъ морѣ или Севастополя въ Черномъ.

V.

Передовая статья въ № 216 „Московскихъ Вѣдомостей" (6 октября).

Мы поговоримъ сегодня объ одномъ письмѣ изъ числа полученныхъ нами отъ Поляковъ изъ Кіева (все изъ Кіева!). Авторъ этого письма изъявляетъ не то презрѣніе, не то негодованіе, при видѣ русскаго патріотизма. Онъ не хочетъ «легкомысленно касаться своею тростію этого муравейника и «помѣшать ему въ самый разгаръ его патріотической работы»; но онъ рѣшился тѣмъ не менѣе сообщить намъ свои замѣчанія для нашего личнаго вразумленія и назиданія.

Предметомъ для его замѣчаній служитъ польскій вопросъ въ нашемъ западномъ краѣ. Оказывается, что мы всѣ были въ страшномъ заблужденіи. Весь міръ говорилъ о польскомъ возстаніи,—а вотъ оказывается что хотя въ западномъ краѣ и было возстаніе, но не польское противъ Россіи, а русское противъ Поляковъ. Оказывается, что было возстаніе крестьянъ противъ помѣщиковъ, бѣдныхъ противъ богатыхъ, и что этимъ возстаніемъ руководила полиція и наше православное духовенство. Итакъ, въ западномъ краѣ мятежниками были не Поляки, а Русскіе, и движеніе которое чинили эти Русскіе было движеніе чисто-соціальное. «Оно», говоритъ нашъ кіевскій Полякъ, «преобразовалось въ патріо-«тическое уже по сказкамъ вашихъ официальныхъ коррес-«пондентовъ, какъ напримѣръ Кояловичъ, который вклады-

«ваетъ въ уста народа придуманныя имъ самимъ рѣчи. Не-«возможно чтобы вы не знали вѣрно эпизодовъ этого дви-«женія если въ самомъ дѣлѣ относились къ дѣлу добросо-«вѣстно.... Невѣроятно, чтобы вы не знали, что народъ былъ «совершенно равнодушенъ къ движенію, пока полиція и свя-«щенники не пугали его что Поляки жгутъ и рѣжутъ» (какъ будто это не правда!), «что будутъ записывать ихъ опять въ «крѣпостные и насильно обращать въ латинскую вѣру» (какъ будто въ этомъ не увѣрены наши крестьяне въ западныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ!). «Мало того: нужно было еще «ихъ поднять, и неужели вы не знаете что ихъ поднимали «обѣщаніемъ добычи и что они, связавъ помѣщика и сдавъ «его исправнику, сами завладѣли экономическими лугами и «пашнями, вырубили лѣса и подѣлились движимостями?... Это «не одиночный примѣръ, не исключеніе. Характеръ *возстанія* «(sic) былъ однообразенъ отъ Минской до Кіевской губерніи. «Вездѣ замѣчался одинъ условный планъ, одинъ лозунгъ. Не-«ужели вы не знаете того затруднительнаго положенія по-«лиціи когда она сама нашлась въ необходимости останов-«лять развившійся грабежъ и своеволіе» (и на югѣ, какъ ка-жется, съ большимъ усердіемъ которое удовольствовало и успокоило встревоженныхъ Поляковъ), «и когда въ глаза ей «говорили крестьяне, что она ихъ обманула (пиддурыли «насъ) обѣщая имъ помѣщичьи земли?»

Вотъ до какой наивности доходятъ люди, или лучше ска-зать вотъ до какой увѣренности въ нашей наивности доходятъ господа Поляки, живущіе въ нашемъ старомъ Кіевѣ, который они считаютъ своею собственностію! «Неужели вы надѣетесь», восклицаетъ нашъ кіевскій Полякъ, обращаясь къ намъ‘ «что «успѣете закрыть истину, что добросовѣстная оцѣнка насто-«ящихъ событій не откроетъ насколько въ нихъ коварства «и интриги? Гдѣ нѣтъ честности въ борьбѣ, тамъ не мо-«жетъ быть ея и въ мирѣ.»

Итакъ оказывается что интрига, коварство, правила поль-скаго катихизиса, все это не на польской, а на русской сто-ронѣ,—во всемъ этомъ виноваты не Поляки, а Русскіе, то

русское общество которое, благодаря своему безучастію ко всѣмъ вопросамъ политическимъ и общественнымъ своего отечества, жило до нынѣшняго года почти въ невѣдѣніи о самомъ существованіи Поляковъ въ западномъ краѣ и объ ихъ отношеніяхъ къ окружающимъ народонаселеніямъ. Интрига и коварство! Увы! кто теперь въ Россіи не чувствуетъ, не знаетъ, что интрига работаетъ у насъ повсюду, что она дѣйствуетъ на всѣхъ путяхъ, что она захватываетъ всѣ наши дѣла, что она грозила намъ безсмысленнѣйшими революціями, заставляла вѣрить въ ихъ дѣйствительность, что она надѣялась воспользоваться освобожденіемъ крестьянъ, что она готовилась раздробить Русскую землю и уничтожить Русское государство, что она надѣялась и теперь еще надѣется возстановить у насъ сословіе противъ сословія, что она наконецъ создала у насъ польскій вопросъ, произвела на свѣтъ польское возстаніе, и поставила Россію въ то несчастное положеніе предъ Европой, въ которомъ она такъ недавно находилась и изъ котораго, можетъ-быть, придется ей выходить войною? Мы считали себя жертвами интриги: что̀ же оказывается? оказывается что мы интригуемъ противъ Поляковъ и что мы бунтуемъ противъ нихъ въ западномъ краѣ!

Вся бѣда Поляковъ (и, прибавимъ, вся бѣда Русскихъ) состоитъ именно въ томъ что Поляки, и вообще всякіе ловкіе люди, соблазняемые поверхностію, не видя никакой организаціи общественныхъ силъ въ Россіи, начинаютъ дѣйствовать и дѣйствуютъ успѣшно, пока не грянетъ громъ, пока дѣло не порвется и пока всѣ эти разсыпанные, растерянные, шаткіе люди не обнаружатъ вдругъ одну великую цѣльную силу, готовую на всякую борьбу и на всѣ испытанія. Видя господствующій у насъ разбродъ мнѣній, наши благопріятели вовсе не подозрѣваютъ въ насъ тѣхъ общественныхъ силъ которыя есть у насъ, хотя въ обыкновенное время онѣ бездѣйствуютъ, и которыя всегда спасали Русскую землю, тѣхъ силъ о которыхъ и сами мы имѣемъ смутное понятіе, именуя ихъ попросту «русскимъ богомъ». Наши благопріятели, да и мы

сами, видимъ ничтожество зыбкихъ мнѣній, бродящихъ будто грезы надъ погруженными въ дремоту общественными силами, и думаемъ, что мы и въ самомъ дѣлѣ такая дрянь какими кажемся; но наши благопріятели, и мы сами забываемъ, что это видимое ничтожество бродящее на поверхности нашего общества есть въ полной мѣрѣ ничтожество, что оно ничего не выражаетъ, ничего не значитъ, что на него нельзя разчитывать, что оно какъ разъ обманетъ, что оно есть только призракъ, пораждаемый дремотою нашихъ общественныхъ силъ,—и вотъ, увлекаясь разчетами на наше ничтожество и глупость, ловкіе люди и изъ Поляковъ, и изъ своихъ, попадаются въ просакъ, и потому-то Полякамъ въ нашемъ народѣ придается эпитетъ не слишкомъ лестный для ихъ здраваго смысла и сообразительности.

Кіевскій Полякъ, почтившій насъ своимъ письмомъ, негодуетъ на то, что въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* и газетѣ *День* было изъявлено опасеніе за личную безопасность Поляковъ посреди русскихъ народонаселеній западнаго края, въ случаѣ если они будутъ продолжать свои затѣи. Мы однажды сказали что въ случаѣ войны, которою грозила намъ Европа, «въ этихъ областяхъ, несмотря даже на всѣ усилія правительства, будетъ истреблено раздраженнымъ народомъ все что̀ носитъ польское имя». Господинъ кіевскій Полякъ видитъ въ этомъ коварную интригу съ нашей стороны, подущеніе народа въ западномъ краѣ къ ужаснымъ злодѣйствамъ, и смѣется надъ нашею логикой, находя несообразнымъ что правительство считающее себя достаточно сильнымъ для того чтобы принять вызовъ на европейскую войну, не могло бы оградить польскихъ пановъ и ксендзовъ отъ сельскаго люда, раздраженнаго ими. Однако, какъ ни слаба наша логика, мы можемъ увѣрить нашего польскаго корреспондента изъ Кіева, что она все-таки можетъ устоять противъ его аргументовъ.

Мы совершенно согласны съ нимъ относительно пагубнаго дѣйствія общественныхъ потрясеній. Мы очень хорошо понимаемъ какими дѣйствіями сопровождаются раздоры между общественными классами, и какую отраву оставляютъ они

послѣ себя въ общественномъ организмѣ; но потому-то мы и проклинаемъ виновниковъ той интриги, тѣхъ заговоровъ, тѣхъ махинацій, которые имѣли своимъ послѣдствіемъ польскій мятежъ.

Удивительные люди, эти господа Поляки! Вздумали бунтовать, и хотятъ чтобы дѣло это обошлось самымъ пріятнымъ для нихъ образомъ. Они вооружились, организовали шайки, наняли жандармовъ-вѣшателей, и хотятъ чтобы все вокругъ безмолвно и почтительно признало этотъ фактъ. Они умышляютъ раздробить Русское государство, и отодвинуть его къ Уралу, создать на Русской землѣ, изъ Русскаго народа, даже русскими средствами, какое-то новое польское государство,—и желаютъ чтобы все это произошло въ наилучшемъ порядкѣ, безъ всякихъ общественныхъ потрясеній, безъ всякаго сопротивленія со стороны русскаго *быдла*, которое ихъ окружаетъ. Они бунтуютъ, и не могутъ понять какъ это русскіе *хлопы* осмѣлились взбунтоваться противъ бунтовщиковъ, возмутиться противъ мятежниковъ!

Имъ было бы, конечно, желательно, чтобы въ западныхъ областяхъ Русское правительство силой приводило хлоповъ въ повиновеніе возмутившимся панамъ, какъ это дѣлалось въ Царствѣ Польскомъ, и вмѣсто подавленія возстанія, употребляло бы всѣ свои усилія на его огражденіе и обезпеченіе отъ разныхъ непріятностей со стороны вызванныхъ имъ народныхъ страстей.

Страсти—всегда и вездѣ страсти. Въ нихъ всегда и вездѣ бываетъ нечистая примѣсь. Кто не хочетъ зла, тотъ не вызывай его, а кто его вызвалъ, тотъ съ нимъ и расплачивайся. Польскіе паны въ западныхъ областяхъ должны были знать что борьба которую они здѣсь затѣяли не могла не принять до нѣкоторой степени соціальнаго характера. Составляя ничтожное меньшинство въ общей массѣ народонаселенія, они въ то же время составляютъ большинство въ средѣ высшихъ классовъ въ западномъ краѣ. Польскіе паны должны были бы понять, что поэтому-то самому имъ и не слѣдуетъ не только бунтовать, но и держаться въ отчужденіи отъ того

народа среди котораго они живутъ, пользуясь преимуществами своего высшаго общественнаго положенія. Это высшее общественное положеніе возлагаетъ на нихъ отвѣтственность. Ихъ обязанность—проникнуться чувствомъ своего политическаго долга, и стоять во главѣ народа не въ качествѣ явныхъ или тайныхъ злоумышленниковъ, не въ качествѣ мятежниковъ, или гражданъ несуществующаго государства, но въ качествѣ честныхъ гражданъ того дѣйствительнаго государства подъ сѣнію котораго они живутъ и охраненію и благосостоянію котораго должны способствовать. Если они желаютъ серіозно подумать о своемъ положеніи, то они должны взвѣсить и свое общественное значеніе въ томъ краѣ гдѣ живутъ, и свои національныя польскія притязанія, и отказаться отъ послѣднихъ въ пользу перваго, потому что одно съ другимъ несовмѣстно. Зло не внѣ ихъ находится; зло сидитъ въ нихъ самихъ. Не хлопы, на которыхъ они жалуются, и не полиція, которая, напротивъ, была слишкомъ податлива къ польскимъ панамъ, придали вызванному ими самими народному движенію видъ соціальнаго: они сами придали ему этотъ видъ. Въ нимъ самихъ происходитъ тотъ антагонизмъ который приводитъ и ихъ и цѣлый край въ печальное и фальшивое положеніе. Они составляютъ высшій общественный классъ въ русскихъ областяхъ; они—русскіе землевладѣльцы, русскіе дворяне, и въ то же время они—польскіе патріоты и враги всего русскаго. Не сами ли они, питая въ себѣ свою польскую національность съ ея враждебными Россіи притязаніями, отравляютъ свое общественное положеніе? Не сами ли они проводятъ по чертѣ, характеризующей ихъ общественное положеніе, другую черту,—черту чуждой и враждебной національности, даютъ всѣ права противъ себя громадному большинству народонаселенія, тому что̀ они называютъ *быдломъ*, то-есть по-русски скотомъ?

Но ясновельможные паны напрасно жалуются на это *быдло*, напрасно хотятъ они опорочить его и представить его подъ видомъ соціальнаго чудовища которое поспѣшило воспользоваться случаемъ чтобы накинуться на нихъ и пожрать ихъ.

Конечно нельзя хуже вести себя относительно подвластныхъ народонаселеній какъ вели себя польскіе паны, гдѣ только они властвовали: объ этомъ свидѣтельствуетъ исторія, объ этомъ свидѣтельствуетъ и очевидная дѣйствительность. Однакожь социальное чудовище, о которомъ они говорятъ съ такимъ ужасомъ, вело себя такъ умѣренно какъ только можно было бы пожелать въ подобныхъ обстоятельствахъ: несмотря на страсти, которыя должны были естественно разыграться, и въ которыхъ столь же естественно должна была оказаться разная примѣсь,—никакой *жакеріи*, никакой пугачевщины не было въ западномъ краѣ. Мятежниковъ крестьяне вязали и передавали властямъ; не могло, конечно, обойтись и безъ того чтобы тому или другому не помяли боковъ; но при всеобщемъ волненіи объявшемъ край, даже подъ впечатлѣніемъ неистовствъ которыя совершались мятежниками и ихъ жандармами,—народной расправы, на которую назывались они сами, все-таки не видно, за исключеніемъ какихъ-нибудь отдѣльныхъ случаевъ. Увлекаясь духомъ лжи, польскіе націоналы готовы взводить всевозможныя клеветы на правительство и на народъ, противъ которыхъ они злоумышляютъ. Въ благодарность за то что народъ не далъ полной воли своимъ страстямъ и велъ себя такъ какъ можетъ-быть ни въ одной изъ цивилизованныхъ европейскихъ странъ не вела бы себя въ подобномъ случаѣ народная чернь, кіевскій Полякъ называетъ насъ варварами и совѣтуетъ перечитать несчастную статью «*Роковой Вопросъ*». Упрекая насъ, онъ забылъ, какъ въ Австріи, государствѣ цивилизованномъ, правительство расправлялось съ галицкими панами, какъ тамъ поступали съ ними польскіе крестьяне. Неужели онъ забылъ это, неужели онъ этого не знаетъ?

Нѣтъ! не движеніе народное подавившее польскій мятежъ въ западныхъ губерніяхъ заслуживаетъ упрекъ въ нечистой примѣси; не въ немъ отрава, а въ свойствахъ того возстанія которое затѣяно Поляками. Нельзя безъ омерзенія слышать этотъ тонъ добродѣтельнаго негодованія въ сужденіяхъ о дѣйствіяхъ русскихъ крестьянъ которые ловили

мятежниковъ, и эти лицемѣрныя восклицанія о *соціальномъ* характерѣ этихъ дѣйствій. Господа эти какъ будто не знаютъ, на какихъ началахъ основана эта бездна лжи и зла, называемая польскимъ вопросомъ и польскимъ возстаніемъ, и они-то проповѣдуютъ намъ о честности въ борьбѣ! Что̀ мы видимъ въ организаціи польскаго возстанія? Ксендзъ завѣдомо братается съ атеистомъ и благословляетъ его на убійства, землевладѣлецъ подаетъ руку завѣдомо людямъ отрицающимъ всякую собственность, паны проникнутые до мозгу костей фамильною гордостію соединяются съ демократами и соціалистами всѣхъ оттѣнковъ красноты. Въ надеждѣ обмануть другъ друга при развязкѣ, самыя несовмѣстимыя начала, самые непримиримые интересы и стремленія заключаютъ между собою фальшивый союзъ: сколько же, спрашивается, лжи, сколько обмана должно заключаться въ этой безобразной коалиціи! И вотъ находятся однако люди которые могутъ ожидать какихъ-либо добрыхъ послѣдствій отъ этой чудовищной лжи. И намъ проповѣдуютъ о чистотѣ народнаго движенія и объ отравѣ которую сообщаетъ ему соціальная примѣсь, проповѣдуютъ въ то самое время, когда польское подземное правительство заманиваетъ крестьянъ обѣщаніемъ даровыхъ земельныхъ надѣловъ и разсылаетъ своихъ агентовъ по всей Россіи съ фальшивыми манифестами и такъ-называемыми золотыми грамотами!

Честные Поляки должны понять сами что дѣла въ западномъ краѣ не могутъ оставаться въ томъ положеніи въ какомъ они были доселѣ. Честные Поляки должны понять что для нихъ одинъ исходъ въ Россіи—стать Русскими въ полномъ значеніи этого слова. Только этимъ могутъ они спасти и себя, и свое общественное положеніе. А мы должны хорошенько понять что до тѣхъ поръ пока мы сами не поможемъ имъ убѣдиться въ несостоятельности ихъ польскихъ притязаній, пока мы не примемъ дѣятельныхъ мѣръ къ тому чтобы высшіе классы въ западныхъ губерніяхъ не служили тамъ символомъ чуждой и враждебной національности, мы будемъ имѣть въ тѣхъ мѣстахъ источникъ всякихъ затрудненій для насту-

пающей новой жизни въ нашемъ отечествѣ. Польскую національность мы ни въ какомъ случаѣ не должны признавать въ этомъ краѣ, и вообще мы не можемъ и не должны мириться съ Поляками до тѣхъ поръ пока существенно не измѣнятся условія землевладѣнія въ томъ краѣ, и пока польская національность не перестанетъ служить тамъ символомъ особаго общественнаго состоянія.

VI.

Передовая статья въ № 217 „Московскихъ Вѣдомостей“ (8 октября).

Чѣмъ характеризуется государственное искусство, чѣмъ измѣряется мудрость и геній политическихъ дѣятелей? Умѣньемъ собрать въ своихъ рукахъ всѣ нити даннаго вопроса, не выпуская ни одной, и рѣшимостію воспользоваться всѣми элементами необходимыми для его рѣшенія. Всякое дѣло имѣетъ много сторонъ; всякое дѣло есть совокупность разнообразныхъ условій и способовъ; а потому всякое сколько-нибудь значительное дѣло можетъ считаться исполненнымъ не прежде какъ будутъ взяты въ разчетъ всѣ его стороны, пущены въ ходъ всѣ его способы, удовлетворены всѣ его требованія. Нѣтъ ничего хуже какъ успокоиваться на какомъ-нибудь одномъ способѣ ведущемъ къ предположенной цѣли и оставлять безъ вниманія другіе, которые могутъ вести къ той же цѣли. Какъ бы ни были мы увѣрены въ важности, дѣйствительности и пользѣ принимаемой нами мѣры, мы отнюдь не должны довольствоваться ею, коль скоро намъ представляются еще и другія мѣры, въ томъ же смыслѣ. Мы только тогда поведемъ дѣло хорошо когда постараемся исчерпать всѣ способы, имѣя въ виду полноту и точность рѣшенія нашей задачи, а для полноты и точности рѣшенія необходимо воспользоваться всѣми представляющимися элементами и способами. Если тотъ или другой способъ былъ нами опущенъ, то результатъ котораго мы достигли окажется невѣрнымъ или неполнымъ, и дѣло снова подвергнется вопросу,—вопросу тѣмъ болѣе опасному что онъ можетъ застать насъ врасплохъ, пребывающими въ полной увѣренности

что дѣло кончено, такъ какъ мы употребили всѣ мѣры которыя казались намъ важными и пренебрегли лищь пустяками, не обѣщавшими существенной пользы. Вотъ такъ-то всегда и дѣйствуетъ политическая несостоятельность,—вотъ такъ-то и возникаютъ неожиданные вопросы, часто подвергающіе опасности цѣлость или благосостояніе государствъ. Истинная мудрость дѣйствуетъ не такъ. Она не успокоится, пока не будетъ исчерпано все, и никакъ не скажетъ себѣ: «довольно! принимая обширную и значительную мѣру, я могу уже не заботиться о другихъ не важныхъ обстоятельствахъ дѣла». Истинная мудрость не такъ смотритъ на дѣло; она не считаетъ никакого элемента не важнымъ въ рѣшеніи важнаго дѣла, не пренебрегаетъ никакимъ законнымъ и безвреднымъ средствомъ даже въ томъ случаѣ когда оно можетъ показаться излишнимъ. Истинная мудрость знаетъ что многое что̀ при извѣстныхъ обстоятельствахъ кажется намъ не значительнымъ, или даже излишнимъ, можетъ со временемъ, при другихъ обстоятельствахъ, оказаться либо великимъ пособіемъ, либо страшною помѣхой для дѣла, — что какой-нибудь элементъ, кажущійся не важнымъ въ то время, когда наше вниманіе занято соображеніемъ нашей важной мѣры, въ послѣдствіи окажется причиною неудачи этой самой мѣры, лишитъ насъ всѣхъ тѣхъ выгодъ на которыя мы разчитывали, повергнетъ насъ въ уныніе и заставитъ насъ съ недоумѣніемъ спрашивать себя почему всѣ важныя и повидимому дѣйствительныя мѣры, нами принятыя, остаются безуспѣшными и безплодными.

У насъ публика не имѣла случая привыкнуть къ обсужденію государственныхъ дѣлъ съ государственной точки зрѣнія. Поэтому неудивительно, что у насъ распространена наклонность примѣнять къ государственнымъ дѣламъ тотъ образъ дѣйствій или ту точку зрѣнія которыя приличны въ частныхъ дѣлахъ, а въ государственныхъ дѣлахъ совсѣмъ не умѣстны. «Какая неуступчивость, какая холодная и разчитанная жестокость, какой придирчивый и ненасытный эгоизмъ!» готовы у насъ восклицать не враги нашего государства, а люди преданные ему, когда имъ представляется во всей послѣдовательности рядъ мѣръ требуемыхъ итересами Русскаго государства по

польскому вопросу. Сейчасъ же начинаютъ спрашивать: «можно-ли настаивать и на томъ, и на другомъ и на третьемъ? неужели нельзя хоть въ чемъ-нибудь уступить?» Уступить! Въ частной жизни мы дѣйствительно должны уступать ближнему; это предписывается нравственностью; это же, если угодно предписывается и благоразуміемъ: кто ни въ чемъ не хочетъ уступить другому, тотъ считается человѣкомъ тяжелымъ и обыкновенно проигрываетъ въ общежитіи. Въ частныхъ отношеніяхъ, безспорно требуется извѣстная степень добровольной уступчивости. Но спрашивается, что̀ бы такое значила добровольная уступчивость со стороны государства? Когда частный человѣкъ уступаетъ что-нибудь, онъ жертвуетъ своимъ интересомъ въ пользу своего ближняго. Въ пользу какихъ же ближнихъ могло бы государство поступаться своими интересами? Не ясно ли что отрекаясь изъ уступчивости отъ своихъ интересовъ, добровольно воздерживаясь отъ принятія той или другой мѣры могущей оградить эти интересы, государство можетъ служить лишь интересамъ противоположнымъ, то-есть враждебнымъ ему, тѣмъ интересамъ съ которыми оно обязано бороться? Но можетъ ли быть крѣпко и существовать спокойно такое государство которое стало бы упражняться въ подобной уступчивости своимъ врагамъ?

Мы сказали въ предыдущемъ нумерѣ *Московскихъ Вѣдомостей*, что для польскихъ помѣщиковъ западнаго края одинъ исходъ—стать Русскими въ полномъ значеніи этого слова. Мы прибавили, что только этимъ могутъ они спасти и себя и свое общественное положеніе. Но мы увѣрены, что несмотря на эту оговорку наши слова покажутся многимъ изъ нашихъ либераловъ, особенно петербургскихъ, чѣмъ-то ужасно жестокимъ. Посмотримъ однако же на дѣло съ государственной точки зрѣнія. Высшій класъ въ западномъ краѣ состоитъ почти исключительно изъ Поляковъ. Либерализмъ и гуманность не могутъ идти дальше желанія чтобы польскіе помѣщики сохранили за собой свое теперешнее общественное положеніе. Но высшій классъ не можетъ сохранить значеніе если низшіе классы не видятъ въ немъ своего политическаго представителя и предводителя. Мы знаемъ, что аристократія падала не только

тамъ гдѣ, какъ во Франціи, была враждебно настроена къ простымъ людямъ, но даже и тамъ гдѣ, какъ въ большей части Германіи, смотрѣла равнодушно на общіе земскіе интересы и предоставляла заботу о нихъ чиновникамъ. Если помѣщики западнаго края будутъ держать себя враждебно къ Русской народности, то никакая сила не можетъ сохранить за ними ихъ положенія въ Русскомъ государствѣ, и что̀ еще хуже для насъ, никакая сила не оградитъ западный край отъ пробужденія соціальныхъ страстей. Если же мы желаемъ чтобы западный край обошелся безъ соціальныхъ потрясеній, дѣйствующихъ во всѣхъ отношеніяхъ разрушительно, то мы должны желать чтобы высшіе классы этого края отнюдь не ставили себя не только во враждебное, но даже въ изолированное положеніе относительно низшихъ классовъ, и уже конечно мы никакъ не должны считать дозволительнымъ, чтобы Русское государство признавало за польскими землевладѣльцами западнаго края это изолированное положеніе. Ни гуманность, ни либерализмъ не могутъ вести къ тому чтобы Русское государство вступало въ сдѣлку съ элементами которые дорожатъ своимъ существованіемъ именно потому что съ нимъ сопряжена надежда на возможность разрушенія Русскаго государства.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ польскіе націоналы кричали что мы должны отступать за Уралъ. Теперь иные изъ нихъ начинаютъ уже ублажать насъ разказами что желаніе завладѣть русскою землей было съ ихъ стороны заблужденіемъ патріотизма и что они готовы довольствоваться собственно польскою землей, а отъ западнаго края совсѣмъ отказываются. Система уступчивости должна придти въ восторгъ. Чего въ самомъ дѣлѣ еще требовать? Въ западныхъ губерніяхъ польскіе помѣщики подаютъ адресы и устраиваютъ пикники; въ Царствѣ Польскомъ умѣренные бросаютъ мечты о Польшѣ 1772 года. Стало-быть все дѣло въ шляпѣ, и мы можемъ отдохнуть отъ лѣтней тревоги, гордясь вдобавокъ своимъ либерализмомъ и своею гуманностью, Но увы! государственные вопросы такъ легко не разрѣшаются, и не отдыхъ предстоитъ намъ, а усиленный трудъ.

Никакого польскаго вопроса не должны мы, даже и въ мысли, допускать въ Царствѣ Польскомъ, пока не будетъ окончательно и несомнѣнно рѣшенъ русскій вопросъ въ западныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ нашихъ. Всякая рѣчь о рѣшеніи польскаго вопроса въ Царствѣ Польскомъ можетъ только вредить нашему дѣлу въ западныхъ губерніяхъ. Польскіе патріоты, послѣ разочарованія которое ихъ постигло, можетъ-быть не прочь согласиться на умѣренныя сдѣлки лишь бы только удержать автономію въ Царствѣ Польскомъ. Намъ кажется, что ни о какой автономіи не можетъ быть тамъ и рѣчи пока не исчезнетъ самая тѣнь польскихъ притязаній въ западномъ краѣ. Всѣ наши усилія должны быть направлены къ этой задачѣ, и только по ея исполненіи можетъ оказаться какой образъ дѣйствій долженъ быть нами принятъ въ Царствѣ Польскомъ. Нѣтъ сомнѣнія что главнымъ способомъ къ рѣшенію этой задачи можетъ быть лишь рядъ тѣхъ мѣръ которыя создадутъ организацію общественныхъ силъ въ нашемъ отечествѣ. Эти мѣры суть главное условіе рѣшенія задачи. Къ политическимъ мѣрамъ должны очевидно присоединиться мѣры экономическія, имѣющія цѣлію связать западный край съ центральною Россіей; желѣзная дорога изъ Кіева въ Москву съ этой точки зрѣнія есть первѣйшая государственная необходимость. Но несмотря на первостепенную важность этихъ мѣръ, составляющихъ *conditio sine qua non* успѣшнаго рѣшенія польскаго вопроса, все-таки на однихъ этихъ видахъ нельзя успокоиваться. Необходимо немедленно взять все въ разчетъ и все употребить въ дѣло для искорененія польскихъ притязаній въ западномъ краѣ, твердо помня что пренебрегать чѣмъ-нибудь возможнымъ или откладывать до завтра то что̀ можетъ быть сдѣлано сегодня значитъ затягивать польскій вопросъ и слѣдовательно поддерживать въ тамошнихъ Полякахъ враждебность къ Россіи.

Чуждая и враждебная національность никакъ не можетъ быть терпима въ качествѣ организованной общественной силы. Землевладѣльческое сословіе въ нашихъ западныхъ губерніяхъ никакъ не можетъ быть польскимъ, оно непремѣнно должно быть русскимъ. Эту цѣль не должны мы упу-

скать изъ виду; къ ней должны быть направлены всѣ наши усилія. Общія политическія и экономическія мѣры могутъ содѣйствовать достиженію этой цѣли, но только зложелатели наши могутъ совѣтовать намъ чтобы мы положились на эти общія мѣры и за тѣмъ уже не считали нужнымъ пользоваться всякимъ представляющимся случаемъ въ нашемъ государственномъ интересѣ, который требуетъ чтобы землевладѣльческое сословіе въ западномъ краѣ было не польское, а русское.

Всего лучше, разумѣется, было бы еслибы польскіе помѣщики западнаго края, согласно подаваемымъ ими адресамъ сами стали смотрѣть на себя какъ на русскихъ дворянъ и совершенно порвали бы связи съ тѣмъ несуществующимъ государствомъ, отъ служенія которому они теперь отрекаются. Чѣмъ искреннѣе они будутъ дѣйствовать, тѣмъ легче будетъ для края и тѣмъ лучше будетъ для нихъ самихъ. Но это ихъ дѣло. Что же касается до насъ, то мы очевидно не должны и не можемъ дѣлать уступокъ ничему такому что̀ не было бы согласно съ тою искренностью которую мы обязаны предполагать въ нихъ. Такъ напримѣръ, если мысль объ отторженіи отъ Россіи искренно оставлена, то польскіе помѣщики западнаго края не имѣютъ никакого основанія желать чтобы польскія имѣнія не переходили въ русскія руки, равнымъ образомъ они не могутъ находить интереса въ распространеніи польскаго языка, въ ополячиваніи русскихъ людей. На этомъ основаніи мы тѣмъ съ большею энергіей должны содѣйствовать переходу польскихъ имѣній въ русскія руки и противодѣйствовать польской пропагандѣ, чѣмъ большія усилія будутъ дѣлать польскіе націоналы чтобъ отсовѣтовать намъ этотъ образъ дѣйствій. Мы должны знать, что уступая совѣтчикамъ этого рода, мы сами полагали бы сѣмена будущихъ смутъ, потому что сами бы допускали и какъ бы признавали тотъ духъ который не можетъ терпѣть рядомъ съ собой Русскаго государства.

Противодѣйствуя полонизаціи края и содѣйствуя введенію русскихъ элементовъ въ тамошнее землевладѣніе, мы поможемъ и самимъ тамошнимъ помѣщикамъ честно исполнить данное ими обѣщаніе. Мы оградимъ ихъ отъ соблазна, съ которымъ трудно

бороться человѣку польскаго происхожденія. Мы поставимъ ихъ въ то естественное положеніе, въ которомъ находились, послѣ присоединенія Смоленска къ Россіи, польскіе помѣщики Смоленской губерніи, очень скоро обрусѣвшіе безо всякихъ насильственныхъ мѣръ со стороны Русскаго правительства. Мы должны дѣлать съ своей стороны все возможное, должны пользоваться всякимъ законнымъ средствомъ чтобы поставить въ такое положеніе всѣхъ польскихъ помѣщиковъ западнаго края. Мы должны ясно понимать что тѣ Поляки которымъ не понравился бы этотъ образъ дѣйствій въ тайнѣ злоумышляютъ противъ Русскаго государства.

Къ сожалѣнію, подача адресовъ не препятствуетъ многимъ изъ польскихъ помѣщиковъ всячески заботиться о томъ чтобъ имѣнія не переходили изъ польскихъ рукъ въ русскія. Намъ пишутъ изъ западныхъ губерній что тамъ распространяется особаго рода ученіе объ обязанности разоряющагося Поляка отдавать имѣніе въ аренду, а никакъ не продавать его Русскому. Успѣхъ этого ученія не служитъ ли явнымъ доказательствомъ неискренности завѣренія что Поляки западныхъ губерній отказываются отъ мысли объ отторженіи отъ Россіи? Если польскимъ помѣщикамъ удастся сохранить за собой сплошное землевладѣніе и вмѣстѣ съ тѣмъ враждебность ко всему русскому, и если мы сами, видя такой ходъ дѣлъ, не будемъ противодѣйствовать ему, то къ чему приведетъ это въ будущемъ? Западныя губерніи не сдѣлаются Польшей; это невозможно, но чтобы сдѣлаться имъ вполнѣ русскими, для этого потребуются сильныя потрясенія.

Въ заключеніе отвѣтимъ на одно сдѣланное намъ возраженіе. Говоря о необходимости усилить русскій элементъ въ землевладѣльческомъ классѣ западныхъ губерній, мы упомянули о настоятельной потребности учредить тамъ земскій банкъ для ссудъ русскимъ покупщикамъ имѣній и прибавили что въ видахъ поощренія къ покупкѣ можно бы даровать покупщикамъ сословное повышеніе. Одному изъ нашихъ читателей показалось что это было бы неблаговидно. Мы должны признаться, что не видимъ тутъ ничего неблаговиднаго. Измѣненіе въ землевладѣніи западнаго края есть несомнѣнная

государственная необходимость. Если за содѣйствіе государственнымъ займамъ банкиры получаютъ не только дворянство, но и баронство и высокіе чины, то почему не даровать дворянства русскому купцу который пріобрѣлъ бы въ западномъ краѣ значительное имѣніе, и разумѣется сдѣлалъ бы его заповѣднымъ имѣніемъ въ своемъ родѣ? Услуга оказанная такимъ купцомъ государству отнюдь не меньше услуги банкира помогавшаго займу, а рискъ больше. Банкиръ, услуживая государству, ничѣмъ не жертвуетъ съ своей стороны, а напротивъ получаетъ значительныя выгоды. Русскій купецъ, покупая имѣніе въ мятежномъ краѣ, подвергаетъ себя риску. Возводя такого купца въ дворянство, государство никого бы, кажется, не обидѣло, а между тѣмъ достигало бы результатовъ предотвращающихъ въ будущемъ опасныя потрясенія и пролитіе крови.

VII.

ПЕРЕДОВАЯ СТАТЬЯ ВЪ № 221 „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ" (12 ОКТЯБРЯ).

Европейская мистификація, которой такъ недавно были мы предметомъ, приходитъ къ концу. Россію уже не считаютъ теперь чѣмъ-то въ родѣ Неаполитанскаго королевства, съ которымъ можно было покончить самыми дешевыми средствами. Теперь положеніе дѣлъ выходитъ изъ мглы обмана, и обстоятельства обрисовываются явственно; теперь, вмѣсто комедіи, должны выступить на свѣтъ дѣйствительныя и серіозныя политическія отношенія.

Но опасности наши не прекратились отъ того, напротивъ онѣ стали тѣмъ серіознѣе. Русское общество, пробудившееся при опасности угрожавшей намъ извнѣ, должно теперь не засыпать, должно не возвращаться въ обычную апатію. Опасность не миновалась: съ нею только труднѣе бороться. Люди стоящіе въ передовыхъ общественныхъ рядахъ и дѣйствительно принимающіе къ сердцу благо своего отечества должны заботиться конечно не о томъ чтобъ общество заснуло. Враждебные намъ элементы, которые недавно сумѣли устроить

противъ насъ колоссальную мистификацію въ Европѣ, не замедлятъ сосредоточить свою дѣятельность внутри самой Россіи; они будутъ пользоваться для своихъ цѣлей всякимъ случаемъ, всякимъ удобствомъ, всякимъ ослабленіемъ народнаго чувства и патріотическаго духа, всякимъ нашимъ неразуміемъ и малодушіемъ. Бороться съ этимъ внутреннимъ зломъ не легко и не привычно нашему обществу, при его разрозненности, при недостаткѣ всякой организаціи общественнаго мнѣнія. Но именно теперь-то, когда повидимому все начинаетъ затихать, нужна усиленная зоркость и бдительность. Безъ этой бдительности мы незамѣтно и невольно можемъ становиться орудіемъ враждебныхъ самимъ же намъ замысловъ.

Польская интрига вступаетъ теперь въ новую фазу. До насъ уже доходятъ разные слухи, особенно изъ Петербурга, о новыхъ способахъ за которые она хватается. Теперь главною темою ей служитъ именно то что̀ писалъ намъ кіевскій Полякъ, и о чемъ мы недавно имѣли по этому случаю поводъ говорить съ нашими читателями. Наши такъ-называемые аритократы живутъ Богъ знаетъ въ какихъ облакахъ, пользуясь исключительною привилегіей не видѣть и не понимать что̀ вокругъ происходитъ. Польскимъ панамъ очень естественно чернить и порочить народное движеніе въ западномъ краѣ, гдѣ оно сразу сломило мятежъ; они не хотятъ признавать эти милліоны русскихъ людей Русскими, они хотятъ видѣть въ нихъ только возмутившихся хлоповъ. Все это польскимъ панамъ естественно; но извинительно ли было бы русскимъ панамъ пойти на эту удочку, и дать хоть какую-нибудь вѣру этимъ злоумышленнымъ толкованіямъ? Угодно ли имъ разоблачить интригу, и вооружиться противъ нея неотразимымъ аргументомъ? Стоитъ имъ только выглянуть изъ французскихъ фразъ, въ которыхъ замираетъ ихъ добрый русскій смыслъ,— стоитъ имъ только заставить себя серіозно подумать и осмотрѣться вокругъ, чтобъ убѣдиться въ коварной интригѣ, которая хочетъ поссорить Русскихъ съ Русскими, и посредствомъ ловко возбужденныхъ недоразумѣній выиграть свое дѣло. Мысль о томъ будто патріотическое движеніе въ западномъ

краѣ было движеніемъ соціальнымъ или антисоціальнымъ, было только возстаніемъ низшаго сословія противъ высшаго, бѣдныхъ противъ богатыхъ, крестьянъ противъ помѣщиковъ, а не отпоромъ русскихъ людей православной вѣры противъ польскихъ мятежниковъ и католическихъ ксендзовъ, это—мысль польская и іезуитская, которой и сами Поляки не могутъ вѣрить, и которой конечно не должны вѣрить Русскіе. Еслибъ это было такъ, то почему же въ тѣхъ мѣстахъ Литвы, гдѣ живетъ католическая Жмудь,— почему же тамъ не было этого мнимаго соціальнаго движенія? Тамъ тоже есть крестьяне, тамъ тоже есть помѣщики, но мы знаемъ, что тамъ паны въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ даже успѣли увлечь за собою крестьянскій людъ. Мы просимъ сообразить еще слѣдующее обстоятельство: еслибы вдругъ, во всѣхъ девяти губерніяхъ западнаго края, возникло такое движеніе, которому польскіе паны желаютъ теперь придать характеръ сословной, а не патріотической борьбы, еслибы точно въ этихъ девяти губерніяхъ вдругъ возникъ и развился этотъ духъ, на который они коварно жалуются, то развѣ онъ могъ бы удержаться въ чертѣ этихъ губерній, развѣ онъ не распространился бы повсюду, развѣ онъ не отозвался бы въ цѣлой Россіи? Развѣ эти губерніи отдѣлены какою-нибудь заповѣдною, волшебною границей отъ остальнаго Русскаго міра? А что̀ мы видимъ по всей Россіи? Мы видимъ, что именно въ эту самую пору, подъ вліяніемъ благодатнаго патріотическаго чувства, потрясенныя на время отношенія между крестьянами и помѣщиками начали успокоиваться и налаживаться. Полный миръ, до тѣхъ поръ все еще казавшійся сомнительнымъ, водворился между обоими сельскими сословіями. Именно въ эту пору реформа начала дѣйствовать съ полнымъ успѣхомъ, и всѣ вздохнули свободно. Сдѣлки между помѣщиками и крестьянами пошли несравненно быстрѣе и лучше прежняго. Несмотря на всѣ продѣлки поднять народъ, несмотря на всѣ фальшивые манифесты и золотыя грамоты, глубочайшее спокойствіе царствуетъ повсюду; и никогда такъ ясно какъ теперь не обнаруживалось истинное настроеніе народныхъ массъ въ нашемъ отечествѣ,—

настроеніе дѣлающее ихъ совершенно не доступнымидля злоумышленныхъ попытокъ, и свидѣтельствующее о непоколебимой твердости нашего общественнаго организма. И предъ лицомъ такого-то факта интриганы осмѣливаются проводить въ русскомъ обществѣ мысль будто народное и патріотическое движеніе въ западномъ краѣ было движеніемъ противообщественнымъ и зловреднымъ для самой Россіи (какая заботливость о Россіи!). Нѣтъ, пора намъ перестать быть дѣтьми; пора намъ перестать и казаться дѣтьми, и внушать нашимъ врагамъ надежды на наше малодушіе и неразуміе. Нѣтъ, тотъ же самый духъ, принесшій спокойствіе и миръ въ наши села, тотъ же самый духъ поднялъ крестьянъ въ нашихъ западныхъ губерніяхъ, а не какой-либо иной; это одно и то же явленіе, одна и та же сила. Радуясь этому духу здѣсь, мы должны почтить его тамъ, и отогнать прочь отъ себя клеветниковъ и интригановъ. Мы должны почтить этотъ духъ и должны ему вполнѣ довѣриться. Все можетъ обмануть насъ; только онъ не обманетъ. А мы знаемъ, еще водятся у насъ и такіе господа которые осмѣливались бросать тѣнь даже на тѣ заявленія которыя недавно неслись къ Престолу отвсюду изъ Россіи. Понятно, какого сорта должны быть такіе господа. И вотъ такихъ-то господъ слѣдуетъ намъ пуще всего остерегаться теперь когда вся наша бдительность должна сосредоточиться на томъ что̀ вокругъ насъ замышляется и творится.

Русское народное чувство въ своемъ полномъ движеніи и развитіи не можетъ не имѣтъ своимъ высшимъ символомъ православную церковь.

Главная сила въ западномъ краѣ есть духовенство. Пора намъ и вообще подумать о нашемъ духовенствѣ, подумать о томъ, что должно же оно наконецъ занять надлежащее мѣсто въ нашемъ обществѣ. Мы должны почтить въ немъ святыню нашей церкви и принять всѣ мѣры чтобъ оно устроилось на лучшихъ основаніяхъ. Теперь это должно быть главною нашею заботою. Никакія наши реформы не пойдутъ въ прокъ если эта великая сила останется у насъ въ небреженіи.

Можно ли хотя минуту сомнѣваться, что въ западномъ краѣ главная сила Россіи заключается въ православномъ духовенствѣ? Всѣ наши усилія должны быть направлены къ тому чтобы поднять его тамъ, окружить всевозможнымъ почетомъ, умножить церкви, умножить священно-и церковно-служителей. Никакихъ средствъ не должны мы жалѣть для этой цѣли.

Мы не можемъ не порадоваться что въ проектѣ новыхъ земскихъ учрежденій священники допущены къ участію въ земскомъ представительствѣ и могутъ быть выбираемы въ гласные. Въ западныхъ губерніяхъ это будетъ однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ средствъ возвысить духовенство и дать опору русскому крестьянству тамъ гдѣ ему приходится бороться и съ польскою, и съ католическою пропагандой.

Противъ этого можно было бы развѣ возразить что это отвлекло бы священниковъ отъ исполненія ихъ церковныхъ обязанностей, а между тѣмъ богослуженіе, причащеніе опаснобольныхъ, похороны и другія требы должны исполняться безъ перерыва. Можно было бы сказать, что въ случаѣ отъѣзда священника для присутствія въ земскомъ собраніи некому было бы занять его мѣсто въ приходѣ, и что даже въ тѣхъ приходахъ, гдѣ есть по два священника, одинъ священникъ не былъ бы въ состояніи исполнять всѣ обязанности по обѣимъ половинамъ прихода. Но еслибы дѣйствительно было такъ, слѣдовало бы скорѣе увеличить число приходовъ и священниковъ чѣмъ отнимать у крестьянъ западнаго края единственныхъ представителей которые не могутъ быть заподозрѣны въ невѣрности церкви и государству. Крестьяне— безсовѣтная масса; они могутъ дѣйствовать лишь въ случаѣ крайности, а въ обыкновенное время они всегда будутъ играть страдательную роль и всегда будутъ въ накладкѣ предъ польскими помѣщиками если не будутъ имѣть духовенства въ своей главѣ. Уединяя крестьянъ въ политическомъ отношеніи отъ духовенства, мы лишили бы ихъ возможности защищаться отъ польскихъ притязаній законными средствами, и тогда политическія потрясенія остались бы единственнымъ спасеніемъ

русскаго крестьянства отъ польской неволи. Итакъ, если православныхъ священниковъ мало въ западномъ краѣ, то надобно увеличить ихъ число, не жалѣя никакихъ средствъ, лишь бы дать крестьянству руководителей и представителей въ земскомъ дѣлѣ. Но сколько мы можемъ судить, допущеніе православныхъ священниковъ къ избранію въ гласные земскихъ собраній не потребовало бы сейчасъ же такихъ широкихъ мѣръ. Вѣдь бываютъ же священники нездоровы, и есть же на случай ихъ болѣзни извѣстныя правила. Неужели кратковременная отлучка для засѣданія въ земскихъ собраніяхъ не могла бы быть восполнена тѣми способами которые установлены на случай болѣзни священниковъ? Намъ кажется впрочемъ, — замѣтимъ это кстати, — что пунктъ в. ст. 39 проекта земскихъ учрежденій было бы полезно измѣнить такъ, чтобы слова: *мѣстные приходскіе священники*, были замѣнены словами: *мѣстные священнослужители православнаго исповѣданія*. Польза этого измѣненія заключалась бы съ одной стороны въ томъ, что въ гласные могли бы быть избираемы не только священники, но и діаконы, а съ другой стороны католическіе ксендзы не имѣли бы права относить къ себѣ эту статью, которая могла бы значительно усилить ихъ вліяніе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, какъ напримѣръ въ жмудскихъ уѣздахъ, крестьяне принадлежатъ къ католическому вѣроисповѣданію. Было бы странно ожидать, что русское законодательство распространитъ на католическихъ ксендзовъ тѣ права которыя оно предоставляетъ духовенству господствующей церкви. Опытъ показываетъ, что не только ксендзы, но и вообще католики не могутъ безъ вреда для службы занимать нѣкоторыя мѣста гражданскаго управленія, и что наше законодательство было черезчуръ либерально и не совсѣмъ дальновидно, не дѣлая по государственной службѣ различій между православными и католиками,—различій, которыя могли бы дѣлаться даже при полной свободѣ вѣроисповѣданій. Тѣмъ паче можетъ ли быть теперь рѣчь объ избираемости ксендзовъ въ гласные земскихъ собраній? Да и къ чему была бы нужна эта избираемость самимъ католикамъ? Развѣ въ тѣхъ

уѣздахъ, гдѣ живутъ крестьяне католическаго исповѣданія, мало людей высшаго класса исповѣдующихъ католицизмъ? Развѣ положеніе католическихъ крестьянъ такое же безпомощное какъ положеніе православныхъ крестьянъ тѣхъ губерній гдѣ образованные классы имъ иновѣрны и иноплеменны? Въ чемъ имѣютъ крайнюю насущную потребность православные крестьяне западнаго края, то вовсе не нужно крестьянамъ католическаго исповѣданія.

VIII.

ПЕРЕДОВАЯ СТАТЬЯ ВЪ № 222 „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ" (13 ОКТЯБРЯ).

Газета *Голосъ* въ претензіи на насъ за нѣсколько словъ мимоходомъ брошенныхъ нами въ отвѣтъ на ея заботливое вниманіе къ нашимъ мнѣніямъ и въ благодарность за ея дружескія усилія удержать насъ на краю пропасти въ которую ежеминутно готовы мы низвергнуться. Мы должны были бы съ безмолвною признательностью пользоваться этимъ благорасположеніемъ. Мы однако вымолвили два-три слова, и вотъ газета *Голосъ* объявляетъ съ негодованіемъ, что она не хочетъ болѣе знать насъ, что мы позволяемъ себѣ излишнія вольности и сдвигаемъ споръ съ литературной почвы.

Споръ! Но когда же мы позволяли себѣ вступать въ споръ о чемъ бы то ни было съ газетой *Голосъ* и съ какою-либо подобною ей газетой въ Петербургѣ? Да мы ни съ кѣмъ не начинали споровъ; ссылаемся въ этомъ на всѣхъ нашихъ читателей. Мы предоставляли и *Голосу*, и всякимъ другимъ газетамъ, вести дѣла какъ онѣ знаютъ, предоставляли имъ думать что̀ думаютъ, желать чего желаютъ. Если намъ приходилось сказать что-либо полемическое, то всегда лишь въ отпоръ чужой нетерпимости. Мы вели только оборонительныя войны. Да и такія войны вели мы не со всякимъ; спорить можно лишь съ тѣмъ кого хоть сколько-нибудь уважаешь; споръ возможенъ лишь тамъ, гдѣ есть хоть какія-нибудь общія основанія. Мы съ газетою *Голосъ* не спорили. Прежде она съ

лаемъ брасалась на насъ; теперь она съ визгомъ бросается прочь. Вотъ вся исторія и весь споръ.

Литературный споръ! Но кто жь теперь ведетъ литературные споры? Были времена, когда петербургскіе журналы литературно обозрѣвали другъ друга. Тѣ времена уже прошли, и ничего подобнаго, сколько мы знаемъ, теперь не дѣлается. Газета *Голосъ* чувствовала побужденіе вооружиться на насъ. Но, сколько мы знаемъ, она негодовала на насъ не за слогъ которымъ мы пишемъ, не за литературную редакцію нашей газеты. О литературѣ не было и помину. Никакихъ литературныхъ претензій на насъ не заявлялось. Атаки *Голоса* и другихъ газетъ, удостоивающихъ насъ своею полемикой, совершаются на почвѣ совсѣмъ не литературнаго свойства. *Голосъ* упрекаетъ насъ за то, что мы вывели его полемику съ нами изъ литературной сферы: какое добродушіе! Никакой литературной сферы не было. Мы только вывели дѣло на чистую воду.

Мы никакихъ литературныхъ предметовъ не касались. Мнѣнія которыя ежедневно нами высказывались ни мало не относились къ литературѣ. О чемъ шла у насъ рѣчь? *Голосъ* находитъ что намъ постоянно мерещится призракъ какихъ-то «разъяренныхъ стихій», и что мы донкихотствовали противъ вѣтреныхъ мельницъ. Ни о какихъ разъяренныхъ стихіяхъ не было у насъ рѣчи; что̀ же касается до призраковъ, то мы никакъ не думаемъ чтобы событія нынѣшняго года были только призраки. Мы говорили не о «разъяренныхъ стихіяхъ», мы говорили объ измѣнахъ, о предательствѣ,—но развѣ это призракъ? развѣ не было измѣны и предательства? развѣ не разыгрывались они въ колоссальныхъ размѣрахъ? Мы указывали на скандалы: развѣ не было у насъ вопіющихъ скандаловъ, скандаловъ дѣлавшихъ насъ позорищемъ цѣлой Европы и игрушкой въ рукахъ враговъ? Мы говорили о проискахъ и интригахъ: но развѣ не было у насъ интригъ и происковъ, которые грозили и теперь еще грозятъ намъ серіозными опасностями? Развѣ мы выдумали польское возстаніе? Развѣ мы выдумали всѣ происходившія въ Польшѣ событія, и мятежъ въ Литвѣ, и мятежъ въ юго-западномъ краѣ? Развѣ мы вы-

думали тѣ надежды которыя заявлялись врагами Россіи и на словахъ и на дѣлѣ,—надежды покончить съ нею самымъ легкимъ и дешевымъ образомъ, подобно тому какъ удалось покончить съ Неаполитанскимъ королевствомъ? Развѣ наша выдумка эти громоносныя засѣданія палатъ, этотъ градъ оскорбленій который сыпался на Россію со всѣхъ сторонъ, это дипломатическое нашествіе на насъ Европы, эти грозныя предписанія которыя присылались нашему правительству отъ трехъ соединившихся державъ? Развѣ наша выдумка эти затѣи раздробить Россію, если не силою такъ обманомъ,—эти идеи, распространявшіяся каними-то подземными обществами въ подметныхъ листкахъ, о раздѣленіи Россіи на многіе штаты, съ отдѣльными конституціями, начиная съ Польши и Финляндіи, продолжая Малороссіею и оканчивая Сибирью, идеи, встрѣчавшія подъ другими формами сочувствіе себѣ въ разныхъ петербургскихъ сферахъ? Развѣ мы выдумали этотъ духъ сепаратизма, который посреди безпомощныхъ, непривычныхъ заботиться объ общемъ дѣлѣ людей, хотѣлъ увѣрить всѣхъ, что живая, исконная часть Русскаго народа есть особый народъ, и подъ шумокъ на общественныя деньги и административными путями хотѣлъ навязать ей призракъ особой національности? Развѣ наша выдумка—печальное состояніе нашего народнаго просвѣщенія, которому еще вдобавокъ грозилъ уставъ сочиненный ученымъ комитетомъ? Развѣ наша выдумка духъ который господствуетъ въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ? Развѣ наша выдумка тѣ юные ученые которые отправлены за границу для того чтобы послѣ поучать наше юношество съ высоты университетскихъ каѳедръ? Развѣ наша выдумка—странныя желанія оттѣснить духовенство отъ народныхъ школъ, и отдать нравственное воспитаніе народа Богъ знаетъ въ чьи руки? Развѣ наша выдумка такъ-называемое общественное мнѣніе, господствуюшее въ разныхъ петербургскихъ кругахъ, которое приводитъ въ тупикъ и негодованіе всякаго свѣжаго и разумнаго человѣка, пріѣзжающаго изнутри Россіи въ сѣверную столицу, и о которомъ съ презрительною усмѣшкой отзывается всякій побывавшій въ ней смышленый иностранецъ? Развѣ наконецъ наша

выдумка—этотъ вопіющій скандалъ, который такъ недавно представляла петербургская журналистика процвѣтавшая подъ рукою цензуры и съ ея «одобренія предававшаяся неслыханнымъ оргіямъ, какихъ не могла бы вынести никакая общественная среда, ни въ какой цивилизованной и свободной странѣ? И наша ли то выдумка, что въ Петербургѣ есть еще нѣкоторыя офиціальныя газеты которыя обязательно получаются служащими разныхъ вѣдомствъ и въ которыхъ на казенный счетъ проводятся неизвѣстно чьи мнѣнія? Все это не выдумки, все это факты: кое-чего коснулись мы; гораздо болѣе остается впереди. Мы обязаны касаться всѣхъ этихъ фактовъ въ силу той службы которую мы приняли на себя. Можетъ-быть мы дурно исполняли эту службу, можетъ-быть мы слишкомъ слабо дѣйствовали, можетъ-быть средства наши оказывались недостаточными; можетъ-быть также тѣ или другія сужденія наши были ошибочны. Но мы никому не препятствуемъ дѣйствовать лучше насъ, мы никому не заступали дороги; мы не пользовались никакими правительственными пособіями и не приняли бы никакого пособія; если насъ читали, то мы не имѣли ни одного обязательнаго читателя. Всякій могъ дѣлать то что̀ дѣлали мы, и кто могъ дѣйствовать лучше, искуснѣе, умнѣе насъ, тому была открытая дорога.

За что̀ же негодуютъ на насъ нѣкоторыя петербургскія газеты, и между ними этотъ *Голосъ*, издаваемый г. Краевскимъ? *Голосъ* объявляетъ публикѣ, что онъ любитъ отечество: кто жь ему мѣшаетъ любить отечество? *Голосъ* объявляетъ, что онъ стоитъ лицомъ къ солнцу, и что такое положеніе не удобно ему; кто жь ему мѣшаетъ стать къ солнцу задомъ, если это ему удобнѣе? Онъ жалуется, что мы какимъ-то образомъ бросаемъ тѣнь на него. Боже мой, какимъ же это образомъ? Мы никогда близко не подходили къ *Голосу*. Какимъ образомъ могли мы помѣшать этому почтенному г. Краевскому съ его сотрудниками на ихъ солнечной припекѣ?

Московскія Вѣдомости никогда не имѣли странныхъ претензій присвоивать въ свою собственность патріотическое направленіе. Мы никому не препятствуемъ служить русскимъ

интересамъ. Мы понимаемъ также возможность и другихъ направленій кромѣ русскаго, хотя бы въ дѣлахъ касающихся Россіи. Скажемъ болѣе: мы были бы рады, еслибы всякаго рода направленія, хотя бы и противъ Россіи, могли быть проводимы у насъ въ печати безъ всякой личины и двусмыслія, въ своемъ истинномъ видѣ. Да, мы были бы рады, еслибы вдругъ, какъ бы по волшебному мановенію, всѣ направленія заговорили своимъ натуральнымъ голосомъ, и еслибы все затаенное вдругъ стало явнымъ. Какое благополучіе! Не значило ли бы это конецъ нашимъ потёмкамъ, въ которыхъ наше главное зло?

Посмотримъ однако, какіе-такіе литературные предметы возбудили противъ насъ негодованіе *Голоса*? За что̀ нападаетъ на насъ эта почтенная газета?

Ей не понравился взглядъ на польскія дѣла господствующій теперь въ Россіи,—взглядъ, который мы раздѣляли со всѣми русскими людьми и высказывали какъ умѣли. По мнѣнію *Голоса*, политика принятая въ Царствѣ Польскомъ была самая лучшая политика, система Велёпольскаго была самою лучшею системой, и вообще дѣла съ нашей стороны шли въ Польшѣ какъ нельзя удовлетворительнѣе. Однако мы не понимаемъ, за что̀ петербургская газета нападаетъ на насъ? Когда же мы утверждали чтобы дѣла въ Царствѣ Польскомъ шли неудовлетворительнымъ образомъ, или чтобы система дѣйствовавшая тамъ вовсе не заслуживала сочувствія и одобренія? Мы очень хорошо понимаемъ, что многіе могутъ отъ всей души сочувствовать и этой системѣ, и вообще ходу дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ за послѣднее время. Вотъ мы сейчасъ только прочли въ одной интересной брошюрѣ, писанной польскимъ повстанцемъ, слѣдующія слова: *) «Благодаря заботамъ маркиза, котораго заслуга въ этомъ отношеніи польскому дѣлу не была еще достаточно оцѣнена, всѣ русскіе чиновники были выгнаны..» Итакъ мы видимъ, что съ эточки зрѣнія

*) *Lettre d'un patriote au gouvernement national de la Pologne.* Berlin 1863. Эта брошюра—явленіе очень интересное, о которомъ мы имѣемъ многое что̀ сказать читателямъ.

толковаго польскаго повстанца, оставившаго свою руку и часть ноги въ лѣсахъ, система о которой идетъ рѣчь есть дѣло очень хорошее, есть дорогая заслуга оказанная такъ-называемому національному польскому дѣлу. Точно также все что̀ могло компрометтировать Россію въ Царствѣ Польскомъ не могло не быть по нраву повстанцамъ. Но такъ какъ польское національное дѣло, къ несчастію, отъ начала до конца и во всѣхъ своихъ пунктахъ есть дѣло противоположное и враждебное русскому дѣлу, то съ русской точки зрѣнія политика дѣйствовавшая въ Царствѣ Польскомъ должна естественно представляться въ иномъ свѣтѣ. Мы смотрѣли на дѣло съ точки зрѣнія исключительно русской, предоставляя другимъ смотрѣть съ другихъ точекъ зрѣнія. Мы охотно соглашаемся что смотря на дѣла, въ которыхъ замѣшаны самые существенные интересы Россіи, исключительно съ русской точки зрѣнія, мы односторонни; но это неизбѣжно. Мы только думаемъ что въ Москвѣ эта односторонность извинительна, по крайней мѣрѣ естественна. Во всякомъ случаѣ, начиная противъ насъ *procès de tendance* по этому дѣлу, какими литературными побужденіями руководствовалась петербургская газета? Какую тутъ нашла она литературу?

Голосу не нравится наша антипатія къ сепаратизму; онъ видитъ въ этомъ донкихотство,—но страннымъ образомъ онъ забываетъ что сепаратизмъ не есть, къ сожалѣнію, вѣтреная мельница. *Голосъ* забываетъ и то что̀ дѣлается въ Польшѣ, и то что̀ происходитъ въ западныхъ губерніяхъ. Или все что̀ тамъ происходило и происходитъ въ самомъ дѣлѣ только газетная утка? Осмѣивая нашу непріязнь къ сепаратизму, эта газета пренаивно забываетъ, что сама же она защищаетъ требованія зародившейся въ Петербургѣ партіи украйнофиловъ, и согласно съ *Журналомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* признаетъ основательность и законность этихъ попытокъ создать изъ мѣстнаго нарѣчія литературный языкъ какъ символъ особой народности. Но мы знаемъ что того же очень домогаются и ловкіе люди изъ Поляковъ. Развѣ это не свидѣтельствуетъ что и украйнофильскій сепаратизмъ не есть

вѣтреная мельница, и что какъ само по себѣ ни ничтожно это направленіе, но при извѣстныхъ обстоятельствахъ, при тѣхъ постороннихъ содѣйствіяхъ которыя оно встрѣчаетъ, оно можетъ стать пригоднымъ орудіемъ очень дурныхъ (дурныхъ разумѣется съ русской точки зрѣнія) замысловъ, и источникомъ послѣдствій очень вредныхъ (вредныхъ разумѣется для Русскаго народа)?

Голосъ съ горечью упрекаетъ насъ еще за то что мы не обрадовались открытію финляндскаго сейма. Но скажите ради Бога, за чтò тутъ сердиться? Мы не радовались, за то *Голосъ* радовался, и мы не мѣшали ему радоваться. *Голосу* событіе это кажется самымъ утѣшительнымъ за послѣднее время событіемъ. Пусть такъ; но какое намъ до этого дѣло? Мы только не понимаемъ почему русскій человѣкъ или русская газета непремѣнно *обязаны* радоваться этому событію? Почему намъ ставятъ въ тяжкую вину наше нерадованіе? Финляндцы радуются, и это очень естественно. Что же касается до русскаго человѣка, то радоваться ему нѣтъ ни малѣйшей причины. Есть разныя историческія необходимости, съ которыми можно мириться; но можетъ ли Русскій, для котораго Россія не есть пустое слово, радоваться политическимъ преимуществамъ которыя унижали бы цѣлое предъ частями и внутренно разобщали бы съ Россіею то чему положено быть въ неразрывномъ съ нею соединеніи? Мирясь съ особымъ финляндскимъ сеймомъ, какъ съ необходимостью, никакой русскій человѣкъ не пожелалъ бы повторенія этой необходимости еще ни въ какомъ другомъ изъ соединенныхъ подъ Русскою державой владѣній. *Голосъ* съ увлеченіемъ, которое было бы очень понятно въ какой-нибудь гельсингфоргской газетѣ, нападаетъ на насъ за призракъ сепаратизма который намъ померещился въ Финляндіи. Но,—просимъ извиненія у почтенной петербургской газеты,—сепаратность Финляндіи не призракъ; сепаратность Финляндіи есть фактъ; разныя послѣдствія этого факта могутъ развиться и не развиться, но фактъ надобно признать.

Голосу не понравились наши *простые* и *ловкіе* люди. Принявъ указаніе на тѣхъ и другихъ почему-то за личную себѣ обиду, *Голосъ* съ замѣтнымъ волненіемъ порывается спросить насъ: кто эти простые, и кто эти ловкіе люди? Но онъ сдерживаетъ себя, и предпочитаетъ не допытываться разъясненій. Напрасно! Намъ было бы очень пріятно дать этой газетѣ всѣ нужныя по сему вопросу разъясненія, хотя дѣло говоритъ само за себя, и не требуетъ разъясненій. Простые люди не знаютъ ловкихъ, а ловкіе знаютъ простыхъ и умѣютъ ими пользоваться. Вотъ и все. Да и гдѣ же нѣтъ ловкихъ людей, и гдѣ нѣтъ простыхъ? Чтò *Голосу* показалось въ этомъ страннаго и необыкновеннаго?

Голосъ въ заключеніе объявляетъ, что такъ какъ мы выступили изъ небывалой литературной сферы, то онъ не хочетъ за нами слѣдовать. Напрасно! Говоримъ напрасно, потому, что теперь мы ужь и сами хотимъ заняться литературой. До сихъ поръ петербургскія газеты наблюдали за нами; теперь, кажется, и намъ будетъ не худо заняться ими. Намъ кажется что въ настоящее время петербургская журналистика становится не лишенною нѣкотораго интереса, и что послѣдить за нею болѣе дѣятельнымъ образомъ будетъ не совсѣмъ безполезно. Мы надѣемся, что въ скоромъ времени осуществленіе предполагаемой реформы нашего законодательства по дѣламъ печати облегчитъ намъ это дѣло. Вотъ тогда газета *Голосъ* услышитъ отъ насъ кое-что поподробнѣе и о простыхъ и о ловкихъ людяхъ.

Кстати о новомъ положеніи по дѣламъ печати. Проектъ этой реформы уже давно задуманный и прошедшій черезъ двѣ коммиссіи, какъ слышно, внесенъ или долженъ быть въ скоромъ времени внесенъ въ Государственный Совѣтъ. Дай ему Богъ благополучнаго хода! Странное дѣло! Были люди которые находили самымъ благовременнымъ дѣломъ возможно болѣе полное освобожденіе печати года два или полтора тому назадъ, когда иные органы петербургской журналистики мало чѣмъ отличались отъ подметныхъ листковъ подземныхъ комитетовъ, когда наша подцензурная литература въ Петербургѣ

дѣйствительно представляла явленіе превосходящее всякое вѣроятіе своимъ безуміемъ и нелѣпостью, когда дѣйствительно общество было подъ гнетомъ какого-то кошмара, не понимая что̀ творится у насъ и чего ожидать. И что̀ же! Послушаешь, эти самые люди теперь, именно теперь, когда общественная атмосфера наша очистилась, когда строй патріотическаго чувства поднялся высоко и когда самыя коренныя реформы могутъ быть совершаемы какъ нельзя болѣе благонадежнымъ образомъ, находятъ будто бы улучшеніе въ положеніи нашей печати можетъ сопровождаться какими-то опасными послѣдствіями,—теперь когда это улучшеніе было бы несомнѣннымъ благодѣяніемъ для Россіи! Спрашивается, къ какому разряду надобно отнести эти отзывы, къ разряду *простыхъ,* или *ловкихъ?*

IX.

ПЕРЕДОВАЯ СТАТЬЯ ВЪ № 223 „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ" (14-ГО ОКТЯБРЯ).

Считаемъ своевременнымъ сообщить читателямъ нѣсколько свѣдѣній объ употребленіи доставленныхъ въ редакцію *Московскихъ Вѣдомостей* пожертвованій въ пользу лицъ пострадавшихъ отъ польскаго мятежа. Подробный отчетъ, какъ по этимъ, такъ и по всѣмъ другимъ пожертвованіямъ, будетъ напечатанъ въ концѣ года. Теперь мы ограничимся общимъ описаніемъ избраннаго нами образа дѣйствій.

Комитетъ о раненыхъ, отношеніемъ за № 2.906, увѣдомилъ редакцію *Московскихъ Вѣдомостей* въ маѣ мѣсяцѣ, что по Высочайшему повелѣнію, согласно ея ходатайству, ей разрѣшено представлять жертвуемыя суммы, минуя комитетъ о раненыхъ, прямо отъ себя главному начальству войскъ въ Царствѣ Польскомъ расположенныхъ, для немедленной раздачи согласно желаніямъ благотворителей, и обращаться къ мѣстнымъ начальникамъ войскъ или гражданскихъ управленій въ Царствѣ съ офиціальными требованіями справокъ о раненыхъ или убитыхъ и ихъ семействахъ.

Желая исполнить возможно лучшимъ образомъ обязанность возложенную на насъ довѣріемъ жертвователей, воспользоваться всемилостивѣйше дарованною намъ льготою, мы пригласили двухъ сотрудниковъ нашихъ, отправлявшихся въ началѣ іюня въ Вильну и Варшаву, въ качествѣ нашихъ спеціальныхъ корреспондентовъ, заняться вопросомъ о распредѣленіи денежныхъ суммъ, поступившихъ въ редакцію ко времени ихъ отъѣзда изъ Москвы, а главное обозначить на будущее время тѣ пути по которымъ приношенія жертвователей достигали бы своего назначенія безошибочно и въ кратчайшій срокъ.

Намъ пріятно заявить, что наши спеціальные корреспонденты встрѣтили самое искреннее доброжелательство, при исполненіи этой задачи. Единственное затрудненіе ихъ заключалось въ томъ чтобы сдѣлать выборъ изъ числа лицъ желавщихъ помочь ихъ дѣлу: трудно было отдать предпочтеніе одному предъ другими и потому пожертвованія достигли своего назначенія различными путями. И въ Вильнѣ и въ Варшавѣ наши спеціальные корреспонденты имѣли удовольствіе встрѣтить во множествѣ истинно-русскихъ людей. Тамъ, лицомъ къ лицу съ врагомъ фанатическимъ и крамольнымъ, исчезаетъ въ нѣсколько дней тотъ туманъ которымъ атмосфера нашей сѣверной столицы помрачаетъ глаза юныхъ мечтателей. Тамъ ни отъ кого не приходилось нашимъ сотрудникамъ слышать объ отдѣленіи Поляковъ отъ Русскихъ посредствомъ народной подачи голосовъ; тамъ не приходилось имъ слышать и порицанія мѣръ М. Н. Муравьева, принятыхъ имъ тотчасъ по пріѣздѣ его въ Вильну. Петербургскія воззрѣнія ослабѣваютъ съ каждою станціей по мѣрѣ приближенія къ Вильнѣ, и наконецъ въ этомъ городѣ наши спеціальные корреспонденты увидѣли, что тамошнее русское общество, несмотря на связи съ нѣкоторыми лицами уволенными генераломъ Муравьевымъ отъ службы, было въ рѣшительномъ энтузіазмѣ отъ его системы и отъ той неусыпной дѣятельности съ которою онъ проводитъ ее: мы не говоримъ уже о чувствахъ войска, о чувствахъ гвардейскихъ полковъ, которые были перевезены за нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ изъ Петербурга. Генералъ

Муравьевъ поднялъ русское. Въ теченіе двухъ лѣтъ оно боролось въ Вильнѣ съ польскимъ элементомъ; не поддерживаемое начальствомъ, которое заискивало польскихъ симпатій, и котораго примирительностью пользовались крамольники. Съ прибытіемъ генерала Муравьева русскіе люди ожили. Они опасались еще за себя, за свое имущество, за свою жизнь, но за русское дѣло они уже не боялись. Они получили твердую увѣренность, что предъ генераломъ Муравьевымъ крамола безсильна, что его не обойдешь никакою хитростью.

То же самое и въ Варшавѣ. Громадное большинство тамошнихъ Русскихъ съ полнымъ убѣжденіемъ и рѣшительною безукоризненностію стоитъ за интересы и честь Россіи. Введите самаго отчаяннаго скептика въ русскій клубъ въ Варшавѣ и онъ убѣдится, какой здоровый патріотическій духъ господствуетъ тамъ между русскими людьми. На русскій клубъ указывали нашимъ сотрудникамъ нѣкоторыя официальныя лица польскаго происхожденія какъ на вредное политическое собраніе. И дѣйствительно этотъ клубъ безпощаденъ къ тѣмъ которые находятъ полезнымъ оправдывать польскія притязанія или дѣлать Полякамъ неумѣстныя послабленія. Мы поддерживали сношенія съ варшавскими старожилами, которые лѣтъ пять тому назадъ имѣли обширное знакомство въ польскихъ домахъ и могли бы проникнуться польскимъ духомъ. Но эти-то именно старожилы всего болѣе и негодуютъ на возстаніе; они относятся съ самымъ рѣшительнымъ пренебреженіемъ къ «народовой справѣ», и съ омерзѣніемъ къ «народовому жонду».

При такихъ условіяхъ наши специальные корреспонденты встрѣчали повсюду содѣйствіе въ распредѣленіи пособій. Съ этой стороны они были совершенно обезпечены.

Затрудненія были другаго рода. Характеръ войны не позволялъ заняться непосредственною раздачей пособій. Въ лѣтніе мѣсяцы путешествіе по Литвѣ представляло значительныя опасности, а по Царству Польскому безъ большаго конвоя было неудобно двинуться и на десять верстъ отъ Варшавы. Притомъ такія путешествія были бы и мало полезны. Благодаренье Богу, убыль въ войскахъ до настоящаго времени

самая ничтожная, а вслѣдствіе характера войны, случаи убыли разбросаны по весьма многимъ мѣстамъ, отдаленнымъ одно отъ другаго. Въ регулярной войнѣ послѣ сраженія бываетъ нѣсколько сотенъ или тысячъ жертвъ, которымъ можно облегчить ихъ положеніе, явившись въ госпиталь. Въ одни сутки можно исполнить благотворительную цѣль въ большомъ размѣрѣ. Не то было въ Литвѣ и Царствѣ Польскомъ. Сегодня стычка въ Трокскомъ уѣздѣ Виленской губерніи: одинъ убитый и три раненыхъ. Завтра въ отдаленномъ углу Гродненской губерніи и опять такое же ничтожное число пострадавшихъ. Потомъ борьба въ этихъ мѣстахъ заглохнетъ на нѣкоторое время, и лишь черезъ нѣсколько недѣль явятся въ ближній госпиталь новыя жертвы борьбы. Поэтому нельзя было произвести всю раздачу пособій непосредственно черезъ нашихъ спеціальныхъ корреспондентовъ; было необходимо прибѣгнуть къ посредству лицъ находящихся на мѣстѣ въ разныхъ пунктахъ возставшаго края, и обязательно принявшихъ на себя исполненіе дѣла русской общественной благотворительности.

Главною задачей нашихъ спеціальныхъ корреспондентовъ было пріисканіе общихъ основаній раздачи и распредѣленія пособій.

Прежде всего предстояло рѣшить вопросъ, какая доля пожертвованій должна быть назначена пострадавшимъ въ ночь съ 10-го на 11-е января. Этою ночью была вызвана подписка; мы поручили нашимъ корреспондентамъ обратить особенное вниманіе на пострадавшихъ въ эту ночь отъ польской измѣны. По собраніи справокъ, положено было опредѣлить для этой цѣли приблизительно одну треть всѣхъ денегъ собранныхъ къ іюню мѣсяцу.

Въ Варшавѣ еще до пріѣзда нашихъ спеціальныхъ корреспондентовъ былъ открытъ особый комитетъ для раздачи пособій, состоявшій изъ предсѣдателя генералъ-маіора графа Оппермана и члена полковника Чаплина. Комитетъ составилъ особыя формы спискамъ раненымъ и семействамъ убитыхъ, и получилъ требуемыя свѣдѣнія отъ нѣкоторыхъ воинскихъ начальниковъ. При распредѣленіи пособій комитетъ руководство-

вался слѣдующими соображеніями: вдовѣ убитаго рядоваго онъ выдавалъ по 15 р. сер., на каждаго сына или дочь прибавлялось по 5 р. сер.; раненымъ, смотря по степенямъ неспособности, выдавалось отъ 5 до 25 р. серебромъ. Офицерамъ назначалось, также смотря по ранѣ, отъ третнаго до годоваго оклада; вдовамъ выдавалась сумма сообразно съ жалованьемъ умершихъ мужей. Въ распоряженіи комитета состояло болѣе 20.000 р. изъ пожертвованій, собранныхъ въ разныхъ пунктахъ Россіи и Царства Польскаго. Въ сравненіи съ убылью людей средства комитета были весьма достаточны для единовременныхъ пособій.

Что касается до лицъ пострадавшихъ въ ночь съ 10-го на 11-е января, то бо́льшая часть списковъ этихъ лицъ поступила въ комитетъ, но онъ успѣлъ назначить выдачи только нѣкоторымъ частямъ. А потому, по соглашенію съ комитетомъ, тотъ изъ нашихъ спеціальныхъ корреспондентовъ который остался въ Варшавѣ (по отъѣздѣ другаго въ Вильну) принялъ выдачу пособій пострадавшимъ въ варѳоломеевскую ночь на суммы собранныя редакціей, съ цѣлію произвести нѣсколько болѣе усиленную, противъ комитетской, выдачу, причемъ воинскимъ частямъ которымъ уже были назначены пособія отъ комитета рѣшено было выслать дополнительную сумму изъ денегъ редакціи. При такихъ условіяхъ раздача пострадавшимъ въ ночь съ 10-го на 11-е января получила слѣдующій видъ:

Въ Харьковскій уланскій полкъ	
3 раненымъ	55 р.
Въ Костромской пѣхотный полкъ	
7 семействамъ убитыхъ	185 »
35 раненымъ	406 »
Въ Смоленскій пѣхотный полкъ:	
9 семействамъ убитыхъ	170 »
20 раненымъ	200 »
Въ летучій артиллерійскій № 2 паркъ	
1 семейству убитаго	25 »
20 раненымъ	245 »

Во 2 саперный баталіонъ

1 семейству убитаго..................................	20 »
5 раненымъ..	50 »

Въ 1 саперный баталіонъ

5 раненымъ..	35 »
Итого.......	1391 р.

Вышеприведенныя воинскія части выдержали нападеніе инсургентовъ въ мѣстечкахъ Бодзентынѣ, Сточекъ, Едльнѣ, Буховѣ, Коденѣ, Радзынѣ, Луковѣ,—вообще въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ наиболѣе разыгралось ночное нападеніе. Затѣмъ остались еще части выдержавшія атаку въ Плоцкѣ, Плонскѣ, Радомскѣ, но частямъ этимъ уже были назначены пособія отъ комитета, и только для усиленія выдачъ отправлены по приблизительному разчету въ полки Могилевскій, Витебскій, Муромскій и Вологодскій 229 р. с.

Предыдущія числа указываютъ отчасти на размѣръ нашихъ потерь съ 10-го на 11-е января. Смѣло можно сказать, что потери эти были незначительны. Нападеніе произведено было во многихъ мѣстахъ, съ большимъ ожесточеніемъ. Заговорщики хотѣли изрубить бóльшую часть солдатъ, а результатъ вышелъ слѣдующій: менѣе ста человѣкъ убитыхъ (цифру эту мы принимаемъ потому что убитые холостые нижніе чины не были включены въ списки для пособій, и слѣдовательно сумма вышеприведенныхъ цифръ семействъ не выражаетъ всей потери убитыми), и менѣе 200 раненыхъ. Такова самая преувеличенная оцѣнка потерь въ ночь съ 10-го на 11-е января.

Притомъ раны были преимущественно нанесены холоднымъ оружіемъ, и потому изъ раненыхъ многіе остались на службѣ. Такъ изъ 20 раненыхъ въ м. Бодзентынѣ продолжаютъ служить въ полку 16 человѣкъ.

Раны нанесенныя въ эту ночь имѣютъ особый характеръ, указывающій на свойство самаго нападенія. Возьмемъ для образца опять раненыхъ при м. Бодзентынѣ, и представимъ нѣсколько выписокъ изъ описаній ранъ.

Унгеръ-офицеръ Борисовъ. Двѣ *порѣзаныя* раны на правой и боковой части головы, проникающія покровы.	Продолжаетъ службу въ полку.
Унтеръ-офицеръ Костыревъ. *Порѣзаная* рана лѣваго предплечія, проникающ ая до кости.	То же самое.
Унтеръ-офицеръ Бавыринъ. *Порѣзаная* рана на верхней части лѣваго плеча и сильные ушибы обоихъ бедеръ.	То же самое.
Рядовой Кляузовъ. *Порубленая* рана на боковой правой части головы величиною въ два дюйма съ поврежденіемъ кости, *разсѣченная* рана въ дюймъ на лѣвой щекѣ, проникающая въ покровы, поверхностная небольшая рана на передней части шеи, двѣ *порѣзаныя* раны на правой ручной кисти.	Продолжаетъ службу въ полку, но по временамъ страдаетъ головною болью.
Рядовой Безпаловъ. Двѣ *порубленыя* раны на верхней части головы, проникающія до надкостной плевы; *порѣзаныя* раны: на нижней части праваго предплечія, на правой ладони, на нижней части лѣваго предплечія, на большомъ пальцѣ лѣвой руки, и на нижней части лѣваго плеча. Сильный ушибъ поясницы отъ удара топоромъ.	Постоянныя боли въ поясницѣ и слабость движенія въ ногахъ. Подлежитъ въ неспособные 2-го разряда.
Рядовой Рудневъ. Поверхностная *разсѣченная* рана на верхпей части лѣваго плеча своего состава отъ удара по немъ топоромъ, соединенная съ сильнымъ ушибомъ этого состава, и много поверхностныхъ ранокъ и ссадинъ по всему тѣлу.	Продолжаетъ службу въ полку.

И все въ этомъ родѣ. Раненыхъ пулями всего трое. Изъ нихъ Нуждинъ, получившій двѣ огнестрѣльныя раны, одну въ лѣвый пахъ, а другую въ нижнюю часть лѣваго бедра, выздоровѣлъ и продолжаетъ службу въ полку.

Свойства ранъ указываютъ на ходъ борьбы. Инсургенты бросаются на спящихъ солдатъ съ ножами, топорами и т. п., бросаются неожиданно, съ остервенѣніемъ, бьютъ куда ни попало; съ своей стороны солдаты, въ началѣ безоружные, отбиваются руками отъ ножей. Вотъ почему бо́льшая часть солдатъ получили раны на рукахъ. Бой былъ рукопашный. Ужасная картина! По счастію она обошлась довольно дешево въ сравненіи съ тѣмъ что̀ могло бы быть.

X.

ПЕРЕДОВАЯ СТАТЬЯ ВЪ № 224 „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ" (15 ОКТЯБРЯ).

Изо всей путаницы извѣстій, сообщаемыхъ иностранными журналами о ходѣ переговоровъ по польскому вопросу, можно вывести только то заключеніе что до сихъ поръ три державы, занимающіяся дипломатическою перепиской съ Россіей по дѣламъ которыя до нихъ очень мало ксааются, никакъ не могли согласиться между собою что̀ имъ сдѣлать еще, послѣ того какъ Россія приняла на себя отвѣтственность за послѣдствія своего образа дѣйствій и объявила, что не считаетъ пригоднымъ продолжать международныя пренія о Польшѣ. Лордъ Россель возымѣлъ было мысль, высказанную имъ въ Блергоури и еще прежде него заявленную многими членами англійскаго парламента и нѣкоторыми англійскими журналами,—объявить что Англія не признаетъ за Россіей правъ на Польшу, насколько они вытекаютъ изъ Вѣнскаго трактата, до тѣхъ поръ пока Россія не исполнитъ условій обозначенныхъ въ этомъ трактатѣ. Говорятъ, будто бы графъ Россель уже отправилъ, 10-го октября, подобнаго содержанія депешу въ С.-Петербургъ для прочтенія ея князю Горчакову, но что потомъ, неизвѣстно почему, предписалъ лорду Непиру пріостановиться ея предъявленіемъ.

Мысль лорда Росселя сама по себѣ не имѣетъ никакого существеннаго значенія. Россія овладѣла Польшей не въ силу трактатовъ 1815 года, а въ силу фактическаго занятія страны въ 1813 году, которое въ свою очередь было слѣдствіемъ славной борьбы, выдержанной нами противъ Наполеона I и соединившихся съ нимъ Поляковъ. Трактаты 1815 года только подтвердили существовавшій фактъ, значительно ограничивъ предѣлы владѣнія и, благодаря личному желанію императора Александра I, возложили на Россію какія-то неопредѣленныя обязательства въ отношеніи къ Полякамъ, которыя самою неопредѣленностью своею должны были туманить имъ голову и возбуждать въ нихъ несбыточныя надежды. Объявить отмѣненными

статьи Вѣнскаго трактата о Польшѣ, значило бы не потрясти русское владычество въ ней, которое ведетъ свое начало вовсе не отъ трактата, а уничтожить только тѣ неопредѣленныя обязательства которыя оказались совсѣмъ неисполнимыми.

Для Англіи и Франціи подобное заявленіе не имѣло бы никакого значенія: не то для Австріи. Не признавъ законнымъ и правомѣрнымъ владычество Россіи въ Польшѣ, Австрія не имѣла бы ни основанія, ни возможности воздерживать своихъ польскихъ подданныхъ отъ оказанія всякой помощи мятежникамъ въ Царствѣ Польскомъ, и такимъ образомъ рано ли, поздно ли была бы противъ воли вовлечена въ войну съ Россіей. Австрія, какъ разказываютъ, потребовала себѣ серіозныхъ гарантій на такой случай, и по желанію Франціи, должна была напередъ согласиться объ этомъ предметѣ съ Англіей. Оказалось, что Англія ничего гарантировать не намѣрена, и о войнѣ за Польшу нисколько не помышляетъ, вслѣдствіе чего Австрія, не полагаясь съ своей стороны на такого надежнаго союзника какъ Наполеонъ III, отказалась присоединиться къ объявленію придуманному графомъ Росселемъ.

Между тѣмъ прошло уже слишкомъ полтора мѣсяца со времени полученія послѣднихъ русскихъ отвѣтовъ. Шумныя статьи, въ которыхъ французская журналистика торжествовала великую побѣду надъ Вѣнскими трактатами, оказались пуфомъ. Не только надъ Россіей, но и надъ Вѣнскими трактатами, Франціи не пришлось одержать никакой дипломатической побѣды. Всѣ лавры еще пока въ будущемъ, а лавры были бы именно теперь очень кстати французской дипломатіи. Осталось менѣе двухъ недѣль до открытія законодательныхъ палатъ во Франціи; предъ нихъ нельзя предстать безъ какого-либо пышнаго заявленія по польскому вопросу. И вотъ почти всѣ корреспонденты согласно объявляютъ, что Тюильрійскій кабинетъ выступилъ съ предложеніемъ отправить въ Петербургъ тождественную ноту съ прямымъ требованіемъ принять безусловно программу шести пунктовъ; но, какъ пишутъ въ *Times* изъ Вѣны, отъ 18-го октября, «повидимому, ни графъ Россель, ни графъ

Рехбергъ не расположены сдѣлать ни одного шага который могъ бы вовлечь ихъ въ войну; Австрія вообще рѣшилась держаться на одномъ уровнѣ съ Англіей, то-есть, избѣгать всего чтò могло бы произвести разрывъ между ею и Россіей, до тѣхъ поръ пока она не удостовѣрится, что Англія намѣрена заодно съ Франціей принуждать Россію къ принятію предписываемыхъ ей условій въ отношеніи къ Польшѣ.» Переговоры еще продолжаются, не вѣроятно, прибавляетъ тотъ же корреспондентъ, чтобъ они привели къ какому-либо значительному результату.

Въ самомъ дѣлѣ, повторить въ третій разъ одно и то же требованіе и притомъ въ тождественной нотѣ, и потомъ удовольствоваться отказомъ, котораго нельзя не предвидѣть, было бы и смѣшно и жалко; а объявить Россіи войну вслѣдъ за ея отказомъ, къ этому не расположены ни Англія, ни Австрія. Франція же хотя и не прочь была бы начать войну изъ-за Польши, однакоже понимаетъ все безуміе одиночной войны противъ Россіи, и полуофиціальный ея журналъ *Pays*, 21-го октября, въ сильнѣйшихъ выраженіяхъ возстаетъ противъ этой мысли. Итакъ, надобно надѣяться, что при энергіи Россіи, которая возможна впрочемъ только при возбужденномъ состояніи народнаго духа, польскія дѣла уладятся мирнымъ образомъ и какъ того требуютъ интересы и достоинство Россіи.

Какъ бы предчувствуя чѣмъ должно разрѣшиться все дѣло, иностранныя газеты уже приписываютъ нашему правительствующему сенату рѣшеніе о включеніи Царства Польскаго въ общій составъ Россійской Имперіи. Имъ дѣла нѣтъ что сенатъ нисколько не занимается рѣшеніемъ политическихъ вопросовъ; онѣ не обратили также вниманія на замѣтку офиціальнаго *Journal de St.-Pétersbourg*, въ которой это извѣстіе положительно опровергалось. Онѣ снова печатаютъ документъ (?), за подписью начальника *перваго* (а не *третьяго*) отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи, князя Долгорукова (не зная что онъ находится въ Крыму), предлагающій графу Бергу, на основаніи сенатскаго рѣшенія, отъ 22-го сентябр (4-го октября), принять мѣры для введенія русскаго языка въ

словесное и письменное употребленіе во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ и по всѣмъ офиціальнымъ дѣламъ Царства Польскаго.

Хотя совмѣстное и даже исключительное употребленіе русскаго языка въ офиціальныхъ актахъ Царства Польскаго не должно было бы представляться какъ нѣчто ужасное западнымъ державамъ находящимся въ союзѣ съ Австріей, но тѣмъ не менѣе приписывать Россіи то чего она не дѣлала не очень похвально. Документъ, за подписью князя Долгорукова и основанный на сенатскомъ рѣшеніи, есть грубый подлогъ: что подобный подлогъ находитъ себѣ вѣру въ Европѣ, это объясняется только тѣмъ что на подлоги и обманы чрезвычайно какъ расточительны польскіе заговорщики, даже люди самаго высокаго положенія въ обществѣ. Въ цивилизованномъ свѣтѣ вообще, и въ Англіи въ особенности, никто не можетъ представить себѣ чтобы какой-нибудь гордый графъ или князь или вообще человѣкъ по внѣшнему порядочный, *gentlemanlike*, могъ для какой бы то ни было цѣли безсовѣстно и сознательно лгать, а между тѣмъ самыя гнусныя клеветы и самая нелѣпая ложь служатъ постояннымъ оружіемъ въ рукахъ польскихъ интересовъ. Этого одного достаточно чтобы все ихъ дѣло, основанное на лжи и клеветѣ, предать всеобщему презрѣнію, которое и не замедлитъ постигнуть его какъ только минуетъ горячность спора и не будетъ болѣе поводовъ придираться къ Россіи.

Кстати обращаемъ вниманіе читателей на одно изъ извѣстій, сообщаемыхъ ниже въ Послѣдней Почтѣ *. Оно касается гражданина Чарторыйскаго (такъ величаютъ его теперь Поляки заправляющіе народною *справой*). Этотъ гражданинъ Чарторыйскій, разсуждая въ Англіи въ пользу польскаго народнаго дѣла, не могъ обойти щекотливый вопросъ о положеніи рабочихъ классовъ въ будущей Польшѣ. Ему представлялся великолѣпнѣйшій случай прославить великодушіе польскихъ помѣщиковъ, которые, желая загладить прошлое, рѣшили подарить крестьянамъ не только полную личную свободу, но и всю землю, которою крестьяне прежде пользовались за барщину

* Въ томъ же № Моск. Вѣд.

или за оброкъ. Что̀ можетъ быть величественнѣе этого колоссальнаго пожертвованія, приносимаго на алтарь отчизны, чтобы помирить крестьянъ съ помѣщиками и водружаемымъ ими знаменемъ національной независимости! Стало-быть польскій патріотизмъ не есть фраза, когда помѣщики добровольно приносятъ ему такія тяжеловѣсныя жертвы какъ освобожденіе крестьянъ отъ господскихъ повинностей! Но гражданинъ Чарторыйскій по этой части не хочетъ хвастать. Онъ говоритъ въ Англіи: польскіе крестьяне не услышатъ его словъ. Съ аристократическою скромностью онъ отказывается отъ эффектовъ. Его рѣчь служитъ однимъ изъ безчисленныхъ доказательствъ той вчужѣ прискорбной истины что Поляки, находящіеся на свободѣ, ни въ чемъ не могутъ сойтись между собою. Говоря въ пользу польскаго дѣла, гражданинъ Чарторыйскій не имѣлъ никакой надобности протестовать противъ постановленія народоваго жонда о безмездной уступкѣ земли крестьянамъ. Но онъ не сдержалъ своей натуры, польскаго магната, и хотя дѣло еще очень далеко отъ осуществленія декретовъ народоваго жонда, касающихся крестьянской земли, но гражданинъ Чарторыйскій уже теперь заявилъ предъ Европой, что рабочіе классы въ будущей свободной Польшѣ будутъ въ такомъ же положеніи какъ въ Англіи; изъ чего слѣдуетъ что они не будутъ владѣть землей которую подарилъ имъ январьскій декретъ народоваго жонда.

XI.

ПЕРЕДОВАЯ СТАТЬЯ ВЪ № 225 „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“ (16 ОКТЯБРЯ).

Время грубаго обмана миновало, наступило время тонкаго обмана. Грубый обманъ не удался; ловкіе люди не теряютъ надежды на успѣхъ болѣе тонкой интриги. Кто не согласится, что тонкій обманъ несравненно опаснѣе грубаго? Кто не согласится что если и грубый обманъ угрожалъ намъ серіозною опасностію, то какими же опасностями можетъ угрожать система тонкой интриги?

Мы хотимъ познакомить читателя съ однимъ очень интереснымъ и характеристическимъ явленіемъ. Нѣкто г. Питкевичъ, принимавшій дѣятельное участіе въ возстаніи, дравшійся въ лѣсахъ, потерявшій тамъ лѣвую руку и еще что-то, и наконецъ возвратившійся на родину въ городъ Львовъ въ Галиціи, рѣшился обратиться съ посланіемъ къ таинственнымъ властямъ которыя управляютъ организацiей польскаго возстанія подъ именемъ народнаго правительства (Rząd narodowy). Въ этомъ посланіи г. Питкевичъ счелъ своимъ долгомъ высказать свой взглядъ на вещи, и предложить совѣтъ какъ повести далѣе польское дѣло. Но почтительное посланіе его, если вѣрить его показанію, осталось безъ отвѣта. Тогда г. Питкевичъ вспомнилъ объ одномъ господинѣ, живущемъ въ Брюсселѣ, весьма интересующемся дѣлами происходящими въ Россіи и издавшемъ, подъ куріознымъ псевдонимомъ Скедо-Ферроти, нѣсколько французскихъ брошюръ о русскихъ предметахъ. Повстанецъ обратился къ этому господину съ просьбой дать его посланію хорошую французскую редакцію и издать его въ свѣтъ. «Я, говоритъ польскій патріотъ, въ письмѣ своемъ къ г. Скедо-Ферроти, прочиталъ множество сочиненій касающихся Польши и ея нынѣшняго состоянія; авторы этихъ сочиненій, защищая ея дѣло каждый съ своей точки зрѣнія, конечно доказали въ нихъ патріотизмъ и преданность къ Польшѣ, и однако я не задумаюсь сказать, что изъ нихъ нѣтъ ни одного который бы въ такой мѣрѣ оказался истиннымъ другомъ Польши, какъ вы». Это было писано 4-го сентября, и вотъ, на дняхъ, брошюра вышла въ свѣтъ подъ заглавіемъ: *Lettre d'un patriote polonais au gouvernement national de la Pologne* avec une préface et quelques notes explicatives par M. Schedo-Ferroti. Bruxelles, 1863. Брошюра эта заслуживаетъ полнаго вниманія. И то что̀ авторъ хочетъ сказать, и чего онъ не хочетъ сказать, и то что̀ онъ прямо высказываетъ, и то что̀ читается между строками, все имѣетъ интересъ и представляетъ данныя для заключеній и соображеній. Прежде всего брошюра эта важна какъ несомнѣнное указаніе на тотъ характеръ который долженъ быть приписанъ нынѣшнему польскому

возстанію. Русская публика уже давно имѣла возможность убѣдиться, что въ сущности все это возстаніе есть колоссальный пуфъ. Брошюра польскаго патріота подтверждаетъ это мнѣніе очевиднѣйшимъ образомъ. Слово «обманъ» поминутно встрѣчается на страницахъ этой брошюры. И европейское общественное мнѣніе, съ своими митингами, палатскими демонстраціями, журнальными статьями, было обманъ, и дипломатическій походъ на Россію былъ обманъ, и русскіе революціонеры обманывали Поляковъ, и Поляки обманывали Европу, и «жондъ» обманывалъ повстанцевъ, и повстанцы обманывали другъ друга, и наконецъ все вмѣстѣ обманывало и продолжаетъ обманывать Россію. Обо всей этой сѣти обмановъ и интригъ мы тысячекратно говорили нашимъ читателямъ. Вѣрны ли, основательны ли были наши заключенія? Вотъ удобный случай подвергнуть ихъ повѣркѣ. Вотъ надежный свидѣтель, самъ Полякъ, самъ патріотъ, самъ повстанецъ. Онъ говоритъ то же самое что́ говорили и мы,—только, какъ и весьма естественно, онъ клонитъ свою рѣчь не въ ту сторону куда мы клонимъ свою. Цѣли у насъ разныя. Мы хотѣли бы изъ этой системы обмановъ извлечь для себя поученіе какъ бороться съ обманами и какъ обращать ихъ въ ничто; а польскій повстанецъ, разумѣется, хлопочетъ о томъ чтобъ они не остались безплодны, чтобъ извлечь изъ нихъ какую-нибудь пользу своему дѣлу.

Вожди польскаго возстанія не воспользовались обѣщанною имъ амнистіей. Они слишкомъ понадѣялись на силы затѣянной ими интриги, и вмѣсто системы постепеннаго прогресса, избранной маркизомъ Велёпольскимъ, хотѣли разомъ возстановить старую Польшу. Они рѣшились либо все выиграть, либо все проиграть. Теперь дѣлу грозитъ полный проигрышъ,—и вотъ благоразумнѣйшіе изъ повстанцевъ, къ которымъ принадлежитъ г. Питкевичъ, заботятся о томъ чтобы не все было проиграно, если нельзя было всего выиграть. Онъ горько сожалѣетъ, что вожди возстанія дались въ обманъ надеждамъ на заступничество Европы, забывая впрочемъ что Европа обманула Поляковъ лишь въ той мѣрѣ въ какой сами Поляки

обманывали ее. Но съ особеннымъ негодованіемъ говоритъ польскій повстанецъ о русскихъ измѣнникахъ, обманувшихъ Поляковъ видами на сочувствіе ихъ дѣлу въ Россіи и на революцію, которая будто бы готовилась вспыхнуть въ ней, хотя съ другой стороны надобно сказать и то что русскіе революціонеры сами во многихъ отношеніяхъ не что иное какъ плодъ интриги, въ которой значительную роль играли польскіе заговорщики. Лондонскіе выходцы дождались наконецъ добраго слова и отъ Поляковъ. Польскій повстанецъ не пощадилъ ихъ, такъ что даже привелъ въ смущеніе самого издателя своей брошюры, г. Скедо-Ферроти. Что-то скажутъ деликатные soi-disant русскіе публицисты, которые приходили въ ужасъ отъ нашихъ безцеремонныхъ выраженій о полоумномъ бралѣ, что-то скажутъ они, прочтя слѣдующій отзывъ польскаго повстанца: «Г. Герценъ и К° увѣряли, что находятся во главѣ обширнаго «заговора обнимающаго цѣлую Россію, и простирали свое фанфаронство до того, что предлагали Польшѣ содѣйствіе какого-«то *русскаго революціоннаго комитета*». Г. Питкевичъ разказываетъ, что польскіе патріоты требовали у этихъ господъ доказательствъ ихъ вліянія. Но, продолжаетъ онъ, «вмѣсто «всякихъ доказательствъ редакторы *Колокола* могли представить только хвастливыя увѣренія въ своемъ революціонномъ «могуществѣ; а потому, безъ всякихъ церемоній и не щадя «ихъ самолюбія, они устранили ихъ какъ отъявленныхъ вралей». Г. Питкевичъ очень доволенъ что польскіе патріоты не уронили своего достоинства формальнымъ союзомъ съ вралями, но, продолжаетъ онъ, «зачѣмъ же польскіе патріоты не были «настолько проницательны чтобъ убѣдиться что не только «роль признанныхъ вождей русскаго возстанія, на которую «претендовалъ лондонскій тріумвиратъ, но и самые элементы «возстанія, которые, по ихъ увѣреніямъ, будто бы существуютъ въ Россіи, чистая выдумка? Гдѣ эти симпатіи студентовъ «къ польскому дѣлу, тайныя общества составленныя русскими «офицерами, рѣшеніе будто бы принятое солдатами не сражаться съ *братьями Поляками*, стачки раскольниковъ для «ниспроверженія верховной власти? Все это существовало

«только въ хвастливыхъ столбцахъ *Колокола*, редакторы ко-
«раго лгали, и лгали завѣдомо, для того только чтобы доста-
«вить себѣ ребяческое удовольствіе прослыть вождями могу-
«щественной революціонной партіи....... Да покараетъ Богъ
«этихъ *московскихъ* вралей въ Лондонѣ и такъ называемыхъ
«полонофиловъ въ Парижѣ за невознаградимое зло которое
«они намъ причинили,—одни выдумавъ басню о пособіи ко-
«торое будто бы дѣло наше могло встрѣтить со стороны Рус-
«скихъ, а другіе преувеличивъ размѣры того воспомоществo-
«ванія которое намѣрены были оказать намъ западныя дер-
«жавы! Да падетъ на нихъ польская кровь, безполезно про-
«литая послѣ 1-го мая, потому что еслибы не ложь однихъ, и
«не подстрекательства другихъ, то центральный комитетъ не
«отказался бы воспользоваться амнистіей.»

Итакъ, польскій патріотъ негодуетъ на обманъ которому подверглись его собратья. Онъ проклинаетъ обманъ; онъ проклинаетъ обманщиковъ. Какое же слѣдуетъ отсюда естественное заключеніе? Не то ли, что обманъ вообще есть дурное средство, и что на обманѣ нельзя основать успѣхъ какого-либо великаго дѣла? Нѣтъ, по слабости свойственной людямъ, г. Питкевичъ не пришелъ къ такому заключенію. Только въ томъ уголкѣ своей души онъ проклинаетъ обманъ и обманщиковъ гдѣ ему ясно представляется что обманъ и обманщики повредили польскому дѣлу. Но тамъ гдѣ обманъ кажется ему олезнымъ, онъ ему рукоплещетъ; тамъ онъ обманщиковъ не проклинаетъ, тамъ онъ очарованъ ихъ ловкостію, и съ торжествомъ разказываетъ ихъ продѣлки. Невинныя петербургскія газеты не знаютъ что̀ такое ловкіе люди, и какъ они дѣйствуютъ. Вотъ брошюрка польскаго повстанца; въ ней найдутъ онѣ интересныя указанія по этому предмету.

«Со времени варшавскихъ демонстрацій», говоритъ г. Питкевичъ, «и въ началѣ возстанія полемика въ журналахъ была
«ведена мастерскою рукой. Никогда съ такою ловкостію не
«пользовались этимъ могущественнымъ рычагомъ который на-
«зывается общественнымъ мнѣніемъ. Появлялись одновременно
«въ журналахъ французскихъ, нѣмецкихъ, шведскихъ, итaлі-

«янскихъ, даже испанскихъ и американскихъ, разказы о на-«шихъ вѣковыхъ страданіяхъ; они тронули всѣхъ, и тронули «тѣмъ сильнѣе что первыя корреспонденціи изъ Варшавы от-«личались тономъ жалобы и избѣгали всякихъ горькихъ обви-«неній и воззваній къ мести. Не прежде какъ эти статьи про-«извели свое дѣйствіе, не прежде какъ иностранные журналы «отвѣтили на нихъ крикомъ негодованія, стали появляться «протестаціи противъ завоевательнаго права Москалей, исто-«рическія изслѣдованія въ подкрѣпленіе правъ нашихъ на «старинныя польскія провинціи, и телеграфическія извѣстія о «жестокостяхъ совершенныхъ Русскими для подавленія на-«ціональнаго движенія. Успѣхъ всего этого былъ удивительный. «Журналы всѣхъ странъ единогласно проклинали Россію, со-«бирались митинги, составлялись общества для вспомоществo-«ванія начинавшемуся возстанію, цѣлая Европа казалась гото-«вою подняться за польское дѣло. Только тогда,—и тутъ-то «конечно, надобно видѣть верхъ ловкости,—только тогда по-«явились статьи имѣвшія цѣлію доказать, съ одной стороны, «что Россія находилась наканунѣ огромнаго внутренняго воз-«станія, которое едва ли могло бы быть подавлено всѣми ея «войсками, и что, слѣдовательно, ея военное могущество почти «превращалось въ ничто; а съ другой стороны, что кромѣ «собственно такъ-называемой Польши, Волынь, Подолія, Литва, «Курляндія и проч. и проч., съ народонаселеніемъ до двадцати «милліоновъ душъ, ожидали только оружія и снарядовъ чтобы «возстать противъ власти Царя. Полагая, что дѣло идетъ не «о серіозной войнѣ, а о военной прогулкѣ, чтобы помочь Поль-«шѣ и предписать законы Россіи, публика въ Швеціи, въ «Австріи, въ Англіи, а особенно во Франціи, не понимала «колебанія своихъ правительствъ, не спѣшившихъ воспользо-«ваться представлявшимся имъ прекраснымъ случаемъ совер-«шить великій актъ справедливости и покрыть себя лаврами. «Чѣмъ медлительнѣе казались правительства, тѣмъ сильнѣе «возрастало волненіе массъ. А потому не доставало немногаго, «лишь очень немногаго, чтобы ваша столь ловкая политика», продолжаетъ г. Питкевичъ, обращаясь къ членамъ *жонда*,

«увѣнчалась полнымъ успѣхомъ во Франціи, гдѣ умы были «такъ настроены, что правительство принуждено было бы, «наконецъ, уступить общественному мнѣнію и объявить войну «Россіи, еслибы цѣлымъ рядомъ прискорбныхъ ошибокъ вы «сами не разрушили дѣло такъ ловко вами начатое».

Авторъ брошюры видитъ эти ошибки въ томъ что вожди польскаго возстанія перешли мѣру, разчитывая на невѣдѣніе въ которомъ находится Европа, особенно Франція, относительно всего что̀ касается Россіи и Польши. Ложь, которая печаталась польскими патріотами, перепечатывалась въ журналахъ безъ всякихъ возраженій и примѣчаній, и это доказывало, что европейскіе журналы, какъ замѣчаетъ г. Питкевичъ, были совершенно не свѣдущи въ нравахъ, законахъ и обычаяхъ русскихъ. «Но», продолжаетъ онъ, «успѣхъ слишкомъ обнадежилъ «васъ, и вы зашли далеко, слишкомъ далеко. Вмѣсто того «чтобъ ограничиться нападками на Россію, которую никто не «любитъ, и о которой повѣрятъ всему, что̀ ни скажете, потому «что никто не знаетъ ея, вы ухватились за Пруссію, которую «также не любятъ, но которой законы и нравы извѣстны....» Нелѣпости которыя распускались польскими патріотами о Пруссіи были изобличены и нанесли первый ударъ ихъ кредиту. Потомъ они выдумали исторію о тайномъ приказаніи, полученномъ будто бы раскольниками отъ Русскаго Императора, избивать всѣхъ католиковъ, также исторію о разныхъ чудесахъ, долженствовавшихъ свидѣтельствовать о благоволеніи Божіемъ къ польскому дѣлу. Г. Питкевичъ очень сожалѣетъ, что польскіе патріоты прибѣгли къ чудесамъ, которыя уронили ихъ во мнѣніи здравомысленныхъ людей. Что же касается до «тайнаго приказанія», то онъ сожалѣетъ только о томъ, что обманъ этотъ, очень искусно и ловко задуманный, обратился противъ своихъ виновниковъ, вслѣдствіе «плачевнаго» промаха, который испортилъ его дѣйствіе. Польскій патріотъ съ удовольствіемъ говоритъ объ удивительномъ дѣйствіи которое произведено было этимъ документомъ, перепечатаннымъ во всѣхъ журналахъ, безъ малѣйшаго сомнѣнія въ его подлинности. Правда, *Journal de St.-Pétersbourg* объявилъ его

подложнымъ. «Но», говоритъ г. Питкевичъ, «вы должны были «знать что журналы офиціальные вообще, а *Journal de St.-«Pétersbourg* въ особенности не имѣютъ ни малѣйшаго вліянія «на общественное мнѣніе; а потому вамъ слѣдовало бы не «обращать никакого вниманія на возраженія министерскаго «журнала. Но вы вздумали привести русскій текстъ документа. «Это было сильно, и это могло произвести огромное дѣйствіе «еслибы въ этомъ несчастномъ текстѣ не оказались грубыя «ошибки...»

Авторъ сознаетъ безчестность подобнаго образа дѣйствій, но, какъ видно, онъ не прочь былъ бы воспользоваться плодами его и былъ бы радъ еслибъ онъ удался. Онъ упрекаетъ вождей главнымъ образомъ въ томъ что имъ измѣнила ихъ обычная ловкость. По его мнѣнію, имъ бы слѣдовало, видя неудачу маневра, поспѣшить отречься отъ него, и не дать предупредить себя русскимъ газетамъ. «Это было бы и чест-«нымъ поступкомъ», говоритъ онъ, «да и мастерскою штукой. «Вы снова пріобрѣли бы все довѣріе иностранной печати, «которая стала бы клясться вами, увидѣвъ что любовь къ «правдѣ возымѣла у васъ верхъ даже надъ ненавистью къ «Москалямъ...» Это конечно было бы недурною штукой: *фальшивымъ употребленіемъ правды купить полный кредитъ для лжи*. Но не догадавшись сдѣлать такую ловкую штуку, руководители польскаго движенія, «уронили нравственный кредитъ «корреспонденцій и телеграммъ составляемыхъ въ смыслѣ «благопріятномъ для польскаго дѣла.»

Г. Питкевичъ очень скорбитъ объ этомъ обстоятельствѣ, но намъ кажется, что слѣдовало бы порадоваться закону управляющему дѣлами міра сего,—закону, въ силу котораго ложь, истинная ложь, никогда не можетъ имѣть прочнаго успѣха. Намъ кажется даже, что наглая и безпримѣсная ложь, ложь во всемъ себѣ вѣрная и вполнѣ послѣдовательная, гораздо препочтительнѣе и ближе къ истинѣ, чѣмъ эта благоразумная ложь которая умѣетъ прикрывать себя личиной правдивости. Да и въ практическомъ отношеніи ложь перваго рода едва ли не предпочтительнѣе чѣмъ втораго рода: послѣдствія первой

бываютъ по большей части скоротечны, а послѣдняя дѣйствуетъ несравненно глубже и губительнѣе. Образъ дѣйствій «народоваго жонда», который ломитъ впередъ во что бы то ни стало, гораздо лучше во многихъ отношеніяхъ чѣмъ политика тѣхъ благоразумно-хитрыхъ интригановъ которые придумываютъ разныя благовидныя сдѣлки, и по слѣдамъ которыхъ пошелъ и авторъ брошюры, возвратившись изъ своего несчастнаго лѣснаго похода.

Итакъ, польскій повстанецъ былъ бы очень доволенъ еслибы система обмановъ на которой основано все польское дѣло не промахнулась, ровнѣе выдержала бы себя и увѣнчалась бы полнымъ успѣхомъ. Ему досаденъ обманъ не потому что онъ обманъ, а потому что онъ не удался. Однако онъ былъ искренно огорченъ когда почувствовалъ неудобство быть жертвою обмана. Очень трогательны тѣ строки въ которыхъ повстанецъ описываетъ скорбь разочарованія. Вотъ эти строки:

«Какую радость испытывали мы вмѣстѣ съ моими храбрыми соратниками, читая въ случайно проникавшихъ въ наши лѣса иностранныхъ журналахъ извѣстія о быстромъ развитіи силъ возстанія и о столькихъ побѣдахъ одержанныхъ надъ врагомъ! Тѣснимые превосходными силами, слѣдимые какъ дикіе звѣри, мы дышали вольнѣе, помышляя что въ другихъ мѣстахъ другіе изъ нашихъ братьевъ торжествовали, и что со всѣхъ сторонъ, какъ съ востока такъ и съ запада, не замедлитъ прійти къ намъ помощь......... Въ упоеніи счастія мы забывали наши страданія, наши язвы и безпрерывныя лишенія, какъ вдругъ однажды въ числѣ побѣдъ о которыхъ писалось въ журналахъ мы прочли разказъ о побѣдѣ будто бы одержанной нашимъ легіономъ надъ двумя пѣхотными ротами и полсотней казаковъ. Нельзя выразить нашего изумленія! Въ тотъ день, который былъ означенъ въ депешѣ, не было никакой схватки; насъ всего было только 180 человѣкъ, вмѣсто 1.500, какъ сказано въ телеграммѣ, и, увы! мы не только не торжествовали побѣды, но именно въ это утро приняли рѣшеніе разойтись въ разныя стороны и присоединиться къ другимъ легіонамъ болѣе счастливымъ и болѣе многочисленнымъ чѣмъ нашъ.

Мы были вчетверомъ въ баракѣ графа *** и съ жадностію перебирали газеты присланныя ему изъ Кракова, сообщая другъ другу что̀ попадалось намъ замѣчательнаго. Одному изъ насъ попалась на глаза вышеупомянутая депеша; я замѣтилъ что онъ поблѣднѣлъ и сжалъ листокъ въ своихъ рукахъ; такъ какъ у него была рана на ногѣ, то я сначала подумалъ не открылась ли она у него; но онъ подалъ мнѣ журналъ, примолвивъ голосомъ дрожавшимъ отъ ярости: «читайте!» Мы всѣ трое прочли эту проклятую депешу, графъ вслухъ, а мы двое про себя, слѣдя за нимъ глазами. Никогда не забуду я ужаснаго дѣйствія произведеннаго на насъ этими пятью печатными строками. Итакъ, всѣ эти извѣстія о побѣдахъ, всѣ эти реляціи объ успѣхахъ одержанныхъ нами надъ врагомъ были ложь! Предъ нами было неотразимое доказательство лжи въ одномъ случаѣ; мы стало-быть имѣли основаніе думать что и другія *блистательныя дѣла*, другія *полныя пораженія* Москалей были также выдумки. Но если все это была только ложь, значитъ и симпатія народа къ нашему дѣлу могла существовать только въ воображеніи тѣхъ кому нужно было насъ обманывать; а въ такомъ случаѣ, что̀ же такое мы сами? Искатели приключеній, шайка разбойниковъ, дѣйствующая по приказу атамановъ и имѣющая въ виду чисто личную цѣль,— цѣль, которую народъ, истинный народъ, можетъ-быть отвергаетъ?»

Пусть тѣ которые еще толкуютъ у насъ о народности польскаго возстанія и были бы готовы пожертвовать судьбой цѣлыхъ народонаселеній замысламъ интригановъ, пусть они прочтутъ эти строки и узнаютъ какія чувствованія испытываются самими повстанцами въ лѣсахъ, какъ горько сознаютъ они сами, что въ дѣлѣ за которое они проливали свою кровь не было правды. Но какъ же поступили эти несчастные повстанцы, согнанные обманомъ въ лѣса,—какъ поступили они, почуявъ неладное? «Насъ совсѣмъ перевернуло», пишетъ г. Питкевичъ:—

«мы захотѣли добиться толку во всѣхъ этихъ обманахъ, мы захотѣли дознаться насколько было правды, насколько было

лжи во всемъ что̀ говорилось и печаталось о возстаніи; мы захотѣли дознаться, были ли мы только жертвами обмана интригановъ, или витязями дѣйствительно народнаго дѣла?»

Не правда ли, что первое побужденіе лѣсныхъ повстанцевъ было прекрасное? Что̀ же? Послѣдовали ли они ему?

«Въ первомъ пылу мы приняли самое крайнее рѣшеніе: протестовать публично противъ системы такъ-называемыхъ патріотическихъ обмановъ, писать въ варшавскій центральный комитетъ, и требовать чтобъ онъ сказалъ, въ какой мѣрѣ справедливы и въ какой ложны извѣстія объ ежедневныхъ успѣхахъ возстанія; наконецъ, созвавъ всѣхъ нашихъ соратниковъ, прочесть имъ фальшивую депешу, разослать ихъ по разнымъ воеводствамъ, въ Литву, въ Подолію и пр., и пр., съ тѣмъ чтобъ они лично убѣдились въ положеніи дѣлъ и возвратились бы въ назначенный день посудить вмѣстѣ, на что̀ рѣшиться.»

Итакъ, мы видимъ, что и первое побужденіе повстанцевъ было хорошее, и рѣшенія принятыя подъ его вліяніемъ были также очень хорошія. Поступи лѣсные повстанцы такъ какъ они было рѣшились поступить, они сразу вышли бы изъ сѣти интригъ, въ которую ихъ запутали и въ которой ихъ нещадно губили; польское возстаніе само убѣдилось бы въ своей лжи, возымѣвъ благую мысль убѣдиться въ истинѣ. Увы! не одно изъ рѣшеній внушенныхъ добрымъ порывомъ не было исполнено. «Ничего», говоритъ г. Питкевичъ,—

«изъ всего этого не было сдѣлано. Ночь, безсонная ночь, проведенная вчетверомъ, образумила насъ, и самый излишекъ нашей скорби имѣлъ своимъ послѣдствіемъ то, что мы ободрились, и надежда вступила въ наши сердца...... Мы *убоялись* взглянуть въ лицо истины, мы *убоялись* сказать себѣ что насъ обманывали, мы *убоялись* сознаться въ томъ что̀ было у насъ самихъ на умѣ, и чтобы не обезкуражить товарищей, мы рѣшились обмануть ихъ, или по крайней мѣрѣ не выводить ихъ изъ обмана относительно истинной цѣны тѣхъ благопріятныхъ извѣстій которыя поджигали въ нихъ патріотическую ревность. Мы сожгли листокъ содержавшій съ себѣ фальшивую депешу,

и передали прочіе нумера нашимъ товарищамъ, которые громко читали ихъ, безпрестанно прерывая чтеніе восклицаніемъ: «*да здравствуетъ Польша*!»—восклицаніемъ, которое вырывалось у нихъ извѣстіями о побѣдахъ одержанныхъ нами надъ Москалями. Эти изъявленія вѣры въ будущее со стороны горсти людей кое-какъ вооруженныхъ надрывали мнѣ сердце. Половина нашихъ людей были изранены, всѣ были истощены голодомъ и усталостію, и въ этотъ самый день они готовились разойтись, одни домой лѣчиться, другіе съ тѣмъ чтобы пристать къ ближайшимъ легіонамъ. Еслибъ у насъ достало мужества прочесть сожженную депешу, еслибъ я, пользуясь преимуществомъ которое давала мнѣ моя сѣдѣющая борода надъ тремя молодыми людьми, товарищами моей безсонной ночи, настоялъ на открытіи полной истины, то навѣрное, половина, а можетъ-быть и всѣ мои соратники, разошлись бы по домамъ, съ тѣмъ чтобы никогда не оставлять ихъ. Наше умолчаніе, или лучше моя слабость, заставившая меня согласиться на умолчаніе, имѣла своимъ послѣдствіемъ то что всѣ годные къ бою люди отправились искать новыхъ сраженій, новыхъ побѣдъ, подобныхъ тѣмъ о которыхъ имъ только что прочли въ газетахъ. Много ли уцѣлѣетъ изъ нихъ, и какую пользу извлечетъ Польша изъ крови пролитой тѣми которымъ не суждено возвратиться?»

Покаявшись въ собственной слабости, г. Питкевичъ восклицаетъ, обращаясь къ таинственнымъ властямъ этой кровавой мистификаціи, называемой польскимъ возстаніемъ: «Усиливаясь «обмануть Европу, вы успѣли обмануть только Польшу; но въ «тотъ день, когда она убѣдится, что вы питали ее лживыми «надеждами, она не найдетъ слова достаточно сильнаго чтобы «проклясть васъ, она обратитъ на васъ всю кровь своихъ «дѣтей, всѣ слезы своихъ вдовъ и сиротъ...»

Польша не Польша, но то множество людей которыхъ зовутъ Поляками и которыхъ обманываютъ призракомъ Польши дѣйствительно проклянутъ, и уже проклинаютъ, и обманщиковъ, и тѣхъ у кого не достало мужества прямо посмотрѣть

въ глаза обману, и кто, сознавая всю ложь задуманнаго дѣла, все-таки прикрываетъ и поддерживаетъ его, и старается воспользоваться плодами обмановъ, горюя только о неловкихъ изъ нихъ, но съ умиленіемъ преклоняясь предъ ловкими.

Польскій повстанецъ не успѣлъ еще проклясть обманъ, какъ тотчасъ же поспѣшилъ воздать должную хвалу той шайкѣ обманщиковъ, которая, пользуясь обстоятельствами, свила себѣ гнѣздо въ Варшавѣ. «Никто», пишетъ онъ, «болѣе меня не «отдаетъ справедливости вашимъ дѣйствіямъ, вашей ловкости: «основать національное правительство рядомъ съ московскою «властью, правительство дѣйствующее правильнымъ образомъ, «издающее декреты, принимающее прошенія, и отвѣчающее «просителямъ съ такою точностію, какъ еслибъ оно дѣйство«вало совершенно открыто и на виду у всѣхъ,—все это верхъ «ловкости..... Я преклоняюсь съ удивленіемъ предъ этимъ «искусствомъ, предъ этою ловкостію; я отдаю полную спра«ведливость необыкновенному таланту вами показанному; но, «еще разъ, я не могу воздержаться, чтобы не сказать вамъ, «что успѣхъ сдѣлалъ васъ слишкомъ самонадѣянными, что вы «пошли гораздо далѣе чѣмъ позволяло вамъ благоразуміе.»

Вотъ, стало-быть, въ чемъ бѣда: недостатокъ благоразумія! Польскіе патріоты убѣждаются теперь, что осторожность и благоразуміе всего лучше помогутъ имъ въ ихъ замыслахъ, и вмѣсто грубаго обмана которымъ они доселѣ дѣйствовали, они хотятъ прибѣгнуть къ системѣ болѣе тонкой интриги, разчитанной на постепенный и болѣе прочный успѣхъ.

Авторъ посланія совѣтуетъ членамъ жонда сообщить польскому дѣлу новый оборотъ. Онъ приглашаетъ этихъ таинственныхъ правителей отказаться отъ власти, прекратить возстаніе, которое не можетъ ожидать никакой серіозной помощи отъ Европы, и предложить Русскому правительству сдѣлку, на которую оно при настоящихъ обстоятельствахъ не замедлитъ согласиться. Эта часть брошюры польскаго повстанца заслуживаетъ особеннаго вниманія, и мы не замедлимъ возвратиться къ ней.

XII.

ПЕРЕДОВАЯ СТАТЬЯ ВЪ № 226 „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ" (17 ОКТЯБРЯ).

Съ небольшимъ годъ тому назадъ произведено было въ Варшавѣ покушеніе на жизнь Великаго Князя Намѣстника. По этому случаю въ полномъ собраніи государственнаго совѣта, 5-го іюля, маркизъ Велёпольскій, въ своей вступительной рѣчи, заявилъ, что Великій Князь «не приписываетъ никакого участія въ злодѣяніи польскому народу, что онъ полагается на его давнюю *шляхетность*», на его извѣстное благородство. «Будемъ надѣяться», прибавилъ маркизъ, «что «Провидѣніе, сохранившее намъ Князя, откроетъ намъ злоумышленниковъ, и что имъ будетъ воздано должное. Но если «суждено еще быть удару убійцы», заключилъ маркизъ, «то «пусть этотъ ударъ падетъ на меня, чтобы мнѣ не пережить «добродѣтелей отцовъ и чести польскаго имени». Такъ отнесся маркизъ къ покушенію на жизнь Великаго Князя,—и въ этомъ ему вторило тогда большинство образованныхъ Поляковъ. Аристократія, съ Замойскимъ во главѣ, поспѣшила въ Бельведеръ справиться о здоровьи Великаго Князя и заявить свои чувства, средніе классы населенія громко выражали свое негодованіе, и общій голосъ требовалъ немедленной казни Ярошинскаго, этого «выродка польской земли». Даже газеты, явно враждебныя всякой попыткѣ примиренія съ Россіей, по большей части не замедлили высказаться противъ покушенія, и *Часъ* торжественно провозгласилъ что въ Польшѣ не бывало политическихъ убійствъ, что *шляхетность* ея народа никогда не потерпитъ чего-либо подобнаго. Правда, при этихъ заявленіяхъ была забыта исторія, но тѣмъ не менѣе нельзя не сознаться, что чувства тогда высказывавшіяся были весьма шляхетнаго свойства.

Такъ было годъ тому назадъ. А теперь что̀ мы видимъ? Тѣ классы польскаго народа которые считаютъ себя его представителями и призванными защитниками, тѣ классы которые такъ

много говорили тогда о польской шляхетности, эти классы подчиняются теперь, отчасти добровольно, отчасти по принужденію, организованной сектѣ политическихъ убійцъ, именуемой *народовымъ жондомъ*, Графы Замойскіе и Чарторыйскіе служатъ представителями этой секты за границею, а сынъ перваго изъ нихъ самъ способствуетъ совершенію политическихъ убійствъ. Въ монастыряхъ приводятся къ присягѣ душегубцы, которымъ нѣтъ числа, и ксендзы даютъ на всякій случай отпущеніе грѣховъ кинжальщикамъ. Революціонная печать возвышеннымъ тономъ говоритъ объ исполненіи приговоровъ *жонда*, и пріискиваетъ для восхваленія убійствъ громкія фразы. Наконецъ Ярошинскій, изъ выродковъ земли польской, сдѣлался ея мученикомъ, и полицейскій, задержавшій его во время покушенія, палъ теперь жертвой отъ руки убійцы изъ-за угла.

И такой переворотъ произошелъ всего въ нѣсколько мѣсяцевъ! Куда дѣвалась эта пресловутая шляхетность польскаго народа?

Политическія убійства возведены теперь въ систему дѣйствій. Во всѣхъ концахъ Царства Польскаго только и слышно что о политическихъ убійствахъ, производимыхъ по повелѣнію жонда и его агентовъ. Это называется просвѣщеніемъ народа въ политическомъ смыслѣ, просвѣщеніемъ направленнымъ къ уничтоженію корней привязанности его къ Россіи. Такихъ корней оказалось однако очень много; и уже болѣе 700 Поляковъ пострадали отъ своихъ одноплеменниковъ. Жондъ увѣрялъ что казнитъ ихъ какъ своихъ подданныхъ, подлежащихъ его суду, но вотъ жондъ начинаетъ теперь точно также казнить Русскихъ, которыхъ онъ не можетъ уже считать своими подданными.

Ниже читатели найдутъ объявленіе варшавскаго *начальника полиціи*, rządu narodowego, которымъ онъ предписываетъ своимъ жандармамъ-рѣзунамъ убійство Русскихъ. Въ этомъ объявленіи требуется отъ политическихъ убійцъ точное исполненіе новаго приказанія; такъ какъ политическія убійства «зна-

чительно упростятъ и уменьшатъ «труды, предпринимаемые для освобожденія народа, и вообще «принесутъ *благодѣтельные плоды*». Не имѣя достаточно силъ чтобы бороться съ успѣхомъ въ полѣ, жондъ призываетъ своихъ стражниковъ къ *дружной работѣ* изъ-за угла. Для этой цѣли придуманы даже особые инструменты, которые отравляются прежде употребленія въ дѣло.

Теперь спрашивается, благоразумно ли поступили тѣ Русскіе которые встрѣчали съ полною вѣрой заявленія маркиза; Велёпольскаго, видя что въ этихъ заявленіяхъ сошлось съ нимъ все польское общество и вся польская журналистика? Благоразумно ли было ублажать себя мыслію, что покушеніе Ярошинскаго есть исключительный случай, и что центральный комитетъ, въ силу своей шляхетности, никакъ не могъ принимать въ немъ участіе? Не лучше ли было бы принимать благородныя заявленія съ должнымъ одобреніемъ, но не увлекаться ими, не опускать рукъ и дѣйствовать такъ чтобы, когда эти заявленія сверхъ чаянія оказались лживыми, не было причины раскаиваться въ довѣрчивости неблагоразумной и вредной? Кому не извѣстно, что можно соединять, безъ малѣйшаго ущерба своей нравственности, доброту голубицы со змѣиною мудростью?

Эти мысли невольно вызываетъ образъ дѣйствій такъ-называемаго «народоваго жонда», а еще болѣе то обстоятельство, что высшіе классы польскаго народа, какъ дворянство, такъ и духовенство, продолжаютъ какъ ни въ чемъ не бывало повиноваться власти этого чудовища и намѣреваются повидимому превратить всю свою шляхетную націю въ новую секту таговъ. Такой образъ дѣйствій долженъ наконецъ обратить наше вниманіе на свойство польскаго патріотизма.

Въ нынѣшнемъ нумерѣ нашей газеты, въ извѣстіяхъ изъ Царства Польскаго, * читатели найдутъ прокламацію революціоной власти, относящуюся къ адресамъ которые поданы дворянствомъ сѣверо-западнаго края Государю Императору. Под-

*) См. ниже.

польное правительство обѣщаетъ казнить первыхъ виновниковъ этихъ заявленій и прославить тѣхъ кто не хотѣлъ въ нихъ участвовать, но людямъ среднимъ, огромному колеблющемуся большинству, оно объявляетъ свое милостивое прощеніе, съ тѣмъ однакоже чтобы подписаніе адреса считалось пятномъ, которое каждый Полякъ обязанъ смыть вѣрною службой народному дѣлу. Неужели и послѣ этого документа будутъ пенять намъ, если мы поопасемся давать практическое значеніе адресамъ польскаго дворянства въ западномъ краѣ? Мы не въ правѣ обвинять подписавшихъ адресы въ двуличіи, и мы совершенно далеки отъ подобной мысли, тѣмъ болѣе что нельзя сомнѣваться въ благоразуміи, а слѣдовательно и въ искренности многихъ изъ числа этихъ лицъ. Но Россія такъ много разъ испытала на дѣлѣ, къ какимъ бѣдствіямъ ведетъ чрезмѣрная довѣрчивость русскаго человѣка, что было бы крайнимъ безразсудствомъ съ нашей стороны еще разъ повторять многократный опытъ и не обращать вниманія даже на предостереженіе которое поспѣшилъ сдѣлать намъ подпольный жондъ. Чувства и мысли выраженныя въ адресахъ мы должны принимать за искреннія, пока не доказано противное но мы не должны забывать, что въ адресахъ эти чувства и мысли выражаются словами, а на слова мы отнюдь не обязаны отвѣчать дѣлами. Мы испортили бы все дѣло, еслибы вздумали на слова отвѣчать дѣлами. Мы усилили бы въ польскомъ патріотизмѣ тотъ элементъ фальши, благодаря которому нѣтъ возможности полагаться на польское благородство.

Мы уже много разъ повторяли, что весь польскій вопросъ въ западномъ краѣ. Высшіе классы польскаго народа никогда не выйдутъ изъ того омута лжи и самообольщенія, въ которомъ теряются для нихъ всѣ нравственные инстинкты, они никогда не возстанутъ изъ своего несомнѣннаго нравственнаго паденія, не возвратятся къ основнымъ условіямъ, не говоримъ цивилизаціи, но простаго человѣческаго общежитія, если не будетъ отнята у нихъ всякая надежда на невозможное,—на господство въ западномъ краѣ. Будущее, ожидающее ихъ,

ужасно. Политическая безнравственность не можетъ не отразиться и въ частной жизни. Люди которые хотѣли основать благо своего отечества на попраніи законовъ божескихъ и человѣческихъ должны вынести глубокую внутреннюю порчу изъ этой патріотической дѣятельности не признававшей ничего святаго. Фальшивое направленіе польскаго патріотизма губитъ не однихъ юношей, побиваемыхъ нашими войсками; оно губитъ нравственность всего народа. Истинный доброжелатель не той никому неизвѣстной величины которая называется Польшей, а польскихъ людей, долженъ поставить своею задачей освобожденіе ихъ отъ той фальши въ ихъ стремленіяхъ, которая дѣлаетъ ихъ неспособными къ практическому и нравственному патріотизму, къ патріотизму въ томъ смыслѣ какъ понимаютъ его всѣ другіе народы. Теперешній польскій патріотизмъ позоритъ польское имя; мы уже видимъ, какъ оно начинаетъ пріобрѣтать невыгодный нравственный оттѣнокъ, какъ оно становится въ извѣстномъ смыслѣ нарицательнымъ именемъ. Поляки уже составляютъ исключеніе между народами. Пусть же тѣ изъ нихъ которые въ самомъ дѣлѣ любятъ не грезу, именуемую отчизной, а свой народъ, пусть они подумаютъ наконецъ о томъ, чтò завело ихъ въ это ужасное исключительное положеніе, гдѣ вслѣдъ за политическимъ существованіемъ утрачивается сначала политическая, а потомъ и всякая нравственность,—и они сами пожелаютъ исполненія мѣръ которыя отвлекли бы польскія мечты отъ западнаго края, которыя помогли бы Полякамъ отдѣлаться отъ давящаго ихъ кошмара и сдѣлали бы ихъ способными къ чему-нибудь лучшему, чѣмъ чувство затаенной злобы, вызываемой страстью, не находящею и не могущею найти удовлетворенія. Но какъ ни благодѣтельно было бы для Поляковъ это освобожденіе отъ ихъ кошмара, безразсудно ожидать что Поляки сами въ состояніи отъ него отбиться. Они нуждаются въ нашей поддержкѣ. Мы должны освободить ихъ отъ притязаній на западный край, сдѣлавъ эти притязанія совершенно невозможными, то-есть сдѣлавъ этотъ край русскимъ краемъ. Мы будемъ вино-

ваты и предъ собой и предъ ними, если ничего не сдѣлаемъ сами, а отъ нихъ будемъ ожидать невозможнаго для нихъ подвига. Мы приготовимъ новое пролитіе крови, возрастимъ новое поколѣніе жандармовъ-рѣзуновъ.

XIII.

передовая статья въ № 227 „московскихъ вѣдомостей" (18 октября).

Возвращаемся къ брошюрѣ польскаго патріота, о которой говорили мы третьяго дня. Рѣшившись писать къ своему національному правительству, польскій патріотъ конечно не имѣлъ въ виду ограничиться восхваленіемъ ловкости этихъ таинственныхъ господъ и сожалѣніемъ о тѣхъ промахахъ и прорухахъ которыми они испортили свое дѣло; точно также, рѣшившись обнародовать свое посланіе, онъ не могъ имѣть въ виду только то, чтобы занять досугъ читающей публики разказомъ о своихъ впечатлѣніяхъ. Онъ не просто разказываетъ о томъ что̀ было или что̀ есть; онъ предпринялъ свой трудъ съ тою цѣлью, чтобы проложить путь къ единственному, по его мнѣнію, возможному и полезному рѣшенію польскаго вопроса. Онъ характеризуетъ теперешнее положеніе дѣлъ, онъ разказываетъ свои впечатлѣнія именно для того чтобы доказать основательность и пользу предполагаемаго имъ плана; онъ пишетъ къ членамъ «жонда народоваго», но имѣетъ также въ виду и Русское правительство и русскую публику; онъ старается уладить дѣло такъ, чтобы той и другой сторонѣ было удобно согласиться на сдѣлку.

Г. Питкевичъ очень убѣдительно доказываетъ членамъ подземнаго правительства, что дѣло возстанія проиграно, что общественное мнѣніе въ Европѣ охладѣло къ нему, что общественное мнѣніе въ Россіи сильно вооружено противъ него, что серіозной помощи отъ европейскихъ державъ ожидать оно не можетъ. Онъ основательно и толково доказываетъ, что

европейской войны изъ-за Польши быть не можетъ. Столь же убѣдительно доказываетъ онъ что и самая программа принятая тремя державами по польскому дѣлу, такъ-называемые шесть пунктовъ, не имѣетъ смысла. «Эти шесть пунктовъ», восклицаетъ онъ, «самое горькое посмѣяніе, какое когда-либо «бросалось въ окровавленное лицо народа истерзаннаго между«усобною войной, предпринятою въ надеждѣ добиться пере«мѣны въ своемъ политическомъ положеніи; предлагать эти «шесть пунктовъ значитъ просто требовать отъ Россіи только «того чтобъ она сдѣлала милость, даровала намъ то что̀ было «уже уступлено ею до начала войны, это значитъ предлагать «Петербургскому правительству пройтись великодушно губкою «по сумазбродствамъ возстанія и возвратиться къ тому поло«женію дѣлъ въ какомъ находились они 21-го января.» Говоря объ этихъ шести пунктахъ, г. Питкевичъ считаетъ своимъ долгомъ открыть истину, которую такъ тщательно скрываютъ и искажаютъ его единоплеменники. Онъ не хочетъ подражать тѣмъ изъ польскихъ патріотовъ которые, «вмѣсто того чтобы «сражаться за Польшу, умѣютъ только лгать за отечество.» «Я, говоритъ онъ, избралъ противоположный путь, я драл«ся за независимость моей страны, но лгать не буду.» Разбирая всѣ шесть пунктовъ, онъ находитъ, что всѣ требованія соединенныхъ державъ были уже заранѣе исполнены Россіею. Требуютъ напримѣръ полной свободы совѣсти и отмѣны стѣсненій полагаемыхъ католическому вѣроисповѣданію. «Какія «же это стѣсненія?» восклицаетъ г. Питкевичъ. «Мнѣ не из«вѣстно никакихъ, потому что въ Польшѣ, также какъ и въ «Россіи, римско-католическая церковь пользуется полною сво«бодой какъ вѣроисповѣданіе признаваемое закономъ. Ни «число храмовъ, ни число священнослужителей, ни число благо«творительныхъ учрежденій не ограничено. Богослуженіе со«вершается всенародно со всевозможною торжественностію, и «Русское правительство нашлось вынужденнымъ вмѣшаться «только тогда когда изъ храмовъ Божіихъ хотѣли сдѣлать «политическія сходбища». Г. Питкевичъ находитъ, что и то единственное ограниченіе которому подвергается римско-като-

лическая церковь относительно смѣшанныхъ браковъ, не можетъ быть предметомъ жалобы, ибо, какъ онъ думаетъ, полная свобода въ этомъ отношеніи обратилась бы во вредъ самой римско-католической церкви. Требуя, чтобы со стороны православія не поставлялось никакого ограниченія родителямъ воспитывать своихъ дѣтей въ томъ или другомъ вѣроисповѣданіи, римско-католическая церковь должна была бы и со своей стороны допустить такую же свободу относительно смѣшанныхъ браковъ; но на это-то, какъ убѣжденъ г. Питкевичъ, и убѣжденъ не безъ основанія, латинское духовенство никакъ не согласится. «Это требованіе», говоритъ въ заключеніе польскій патріотъ, «сдѣланное во имя Польши доказываетъ полное «невѣдѣніе истиннаго положенія дѣлъ если только это не западня устроенная врагами католической религіи.»

Пунктъ требующій назначенія Поляковъ на всѣ государственныя должности не есть также что-либо новое; «благодаря заботамъ маркиза», говоритъ польскій патріотъ, «маркиза котораго заслуга въ этомъ отпошеніи національному «дѣлу еще не достаточно оцѣнена, всѣ русскіе чиновники «были выгнаны, и начиная отъ самаго мелкаго писца до гу«бернаторовъ всѣ мѣста заняты Поляками....» «Значитъ», заключаетъ г. Питкевичъ, «не державы покровительствующія «придумали сдѣлать эту уступку, но само Санктъ-Петербург«ское правительство даровало эту льготу еще до возстанія.»

Принятіе польскаго языка въ качествѣ языка офиціальнаго было также дѣломъ конченнымъ до вмѣшательства этихъ державъ. «Русскій языкъ», говоритъ г. Питкевичъ съ особеннымъ выраженіемъ, «на вѣки-вѣковъ изгнанъ изъ Царства Польскаго.»

Система правильныхъ и законныхъ рекрутскихъ наборовъ, составляющая условія шестаго пункта программы, тоже не болѣе какъ возвращеніе къ порядку вещей существовавшему до патріотическихъ демонстрацій въ Варшавѣ. «Стало-быть «рѣчь идетъ не о томъ», говоритъ авторъ брошюры, «чтобъ «установить новую систему рекрутскихъ наборовъ, а о томъ «только чтобы дать примѣненіе новоустановленной системѣ.»

Амнистія, требуемая первымъ пунктомъ, есть по мнѣнію г. Питкевича, естественное послѣдствіе полнаго прекращенія возстанія. Изо всѣхъ шести пунктовъ только одинъ имѣетъ значеніе—второй, требующій для Польши національнаго представительства. «Это не только значило бы что-нибудь, это значило бы очень много», говоритъ г. Питкевичъ. Но тутъ случилась бѣда. Предлагая это условіе покровительствующія державы выразили его такъ: *съ правами подобными тѣмъ которыя были обозначены въ хартіи* $^{27}/_{15}$ *ноября 1815 года.* «Знаютъ ли хартію 1815 года тѣ кто заботится объ удовле-«твореніи желаній Польши?» спрашиваетъ польскій патріотъ. «Если знаютъ, то предлагать національное представительство «по началамъ этой хартіи можно только на смѣхъ. Если же «они не знаютъ, то не преступное ли дѣло такъ легкомысленно «рѣшать жизненный вопросъ, заключающій въ себѣ будущ-«ность цѣлаго народа?...»

Въ самомъ дѣлѣ нельзя не согласиться съ г. Питкевичемъ что эта знаменитая конституція 1815 года, о которой такъ много хлопотали покровительствующія Полякамъ державы, едва ли можетъ на что-либо годиться имъ.

Итакъ, программа шести пунктовъ уже сама по себѣ служитъ польскому патріоту свидѣтельствомъ что европейскія державы вступившіяся за польское дѣло не принимаютъ его серіозно къ сердцу и вовсе не заботятся объ удовлетвореніи польскаго патріотизма. Онъ основательно и умно характеризуетъ виды всѣхъ трехъ державъ по отношенію къ польскому вопросу, и убѣдительно доказываетъ что война изъ-за Польши—нелѣпость. Что̀ же теперь дѣлать? Должны ли пропасть всѣ эти страшныя усилія которыя употреблены польскими патріотами для того чтобы вызвать снова польскій вопросъ на европейскую сцену? Должны ли пропасть даромъ всѣ эти чудеса ловкости, хитрости и обмана, которыхъ успѣхъ казался такъ несомнѣненъ? Польскій патріотъ обращается къ членамъ подземнаго правительства, и умоляетъ ихъ не доводить до конца начатую игру, въ которой они предположили себѣ или

все выиграть или все проиграть,—или добиться возстановленія старой Польши, или окончательно похоронить польскую національность. Онъ не хочетъ принять такую страшную дилемму; пожертвовавъ такъ много чувству своей народности, польскій патріотъ содрагается при мысли объ ея окончательной гибели. Онъ съ жаромъ умоляетъ вождей возстанія отказаться отъ видовъ на несбыточное большое, съ тѣмъ чтобы спасти немногое, но возможное. Онъ убѣждаетъ ихъ очень сильными доводами, отказаться отъ тѣхъ областей, которыя входили въ составъ Польскаго королевства и въ которыхъ большинство народонаселенія не польскаго происхожденія, но за то удержать за собою, и удержать во всей силѣ, ту часть старыхъ польскихъ владѣній которая существуетъ теперь подъ именемъ Царства Польскаго и населена народомъ собственно польскаго языка. Доводы представляемые г. Питкевичемъ относительно этого пункта тѣмъ замѣчательнѣе что имѣютъ цѣлію доказать не только трудность, неудобство и невозможность пріобрѣтенія этихъ областей, но и вредъ который произошелъ бы для польскаго дѣла отъ присоединенія этихъ областей къ Польшѣ.

«Вмѣсто того чтобы просить и требовать возможнаго», говоритъ г. Питкевичъ, «мы прилѣпились къ химерѣ; вмѣсто «того чтобы требовать политическихъ правъ для польскаго «народа, мы захотѣли завоевать славу и величіе, для того «чтобы предложить ихъ нашей аристократіи; вмѣсто того чтобы «создать Польшу *свободную*, мы добивались возстановленія «Польши *господствующей*; вмѣсто того чтобъ ограничить наши «притязанія независимостію собственно такъ-называемой Поль«ши, мы настаивали на возвращеніи *польскихъ провинцій*, «областей обитаемыхъ народонаселеніемъ не польскаго про«исхожденія и надъ которыми Польша господствовала въ дав«нее время по праву завоеваній. Не возражайте мнѣ утвер«жденіями, что въ Волыни, Подоліи, Кіевѣ и проч., народъ «польскій; вы будете говорить недобросовѣстно, ибо вы знае«те не хуже меня, что польскаго въ этихъ областяхъ только «аристократія, дворянство.... Что могъ бы пріобрѣсть польскій

«народъ чрезъ присоединенiе старыхъ завоеванiй къ польской «коронѣ? Ничего, рѣшительно ничего. Не онъ, а аристократiя «воспользовалась бы воеводствами, кастеланствами, старо«ствами, мѣстами и должностями всякаго рода которыя пред«ставились бы ея честолюбiю. Какое дѣло до этого народу?» Народъ, какъ доказываетъ г. Питкевичъ, былъ бы только сильнѣе обложенъ податями, и понесъ бы только лишнiя государственныя тяготы, необходимыя для обезпеченiя большой государственной области которая простиралась бы отъ Чернаго до Балтiйскаго моря. Потому-то, думаетъ онъ, польскiй крестьянинъ и остается равнодушенъ къ польскому возстанiю.«Онъ», говоритъ г. Питкевичъ, «чувствуетъ, что дѣло это есть не его «дѣло, не есть дѣло польскаго народа, а ваше,—дѣло польскаго «панства и шляхетства». Онъ видитъ страшную ошибку въ томъ, что вожди польскаго движенiя, требуя уступки значительной части русской государственной области, вмѣсто того чтобы настаивать на независимости нынѣшняго Царства Польскаго, перемѣстили центръ тяжести польскаго вопроса. «Если «бы графъ Андрей Замойскiй», говоритъ авторъ брошюры, «при свиданiи своемъ съ Императоромъ, не заводилъ рѣчи ни «о Волыни, ни о Подолiи, ни о другихъ русскихъ провинцiяхъ, «а говорилъ только о Польшѣ; еслибъ онъ заговорилъ не «только объ административной самостоятельности страны, но «и о полномъ отдѣленiи ея отъ Русскаго престола, онъ имѣлъ «бы, по всему вѣроятiю, успѣхъ... Но мы потребовали ста«рыхъ польскихъ завоеванiй, потребовали нѣкоторымъ обра«зомъ раздѣла Россiи,—и *все было потеряно.*»

Какъ же поправить дѣло? Отказавшись отъ невозможнаго, сосредоточить всѣ желанiя и усилiя на томъ, что́ остается единственно возможнымъ. Не только возстановленiе старой Польши, но и отдѣленiе Царства Польскаго отъ Россiйскаго престола не можетъ быть, по убѣжденiю г. Питкевича, предметомъ домогательствъ польскаго патрiотизма. По его убѣжденiю, надобно желать только возстановленiя и удержанiя дарованныхъ уже Царству Польскому льготъ и признанiя польскаго народа совершеннолѣтнимъ, то-есть, дарованiя ему политическаго представительства, основаннаго на началахъ

болѣе истинныхъ чѣмъ конституція 1815 года, болѣе плодотворныхъ для народной жизни, и наконецъ болѣе обезпечивающихъ твердость государственнаго порядка. Чѣмъ рѣшительнѣе польскіе патріоты прекратятъ свои дальнѣйшія притязанія, тѣмъ будетъ легче, по мнѣнію г. Питкевича, настоять на этихъ требованіяхъ, особенно въ настоящее время, когда польскій вопросъ еще не сошелъ съ европейскаго горизонта, и когда Русское правительство находится вынужденнымъ дать какое-нибудь рѣшеніе польскому вопросу. Пока длится возстаніе, пока предъявляются притязанія которыя удовлетворить невозможно, Русское правительство не можетъ принять въ разчетъ и самыя благоразумныя требованія; но оно не будетъ имѣть повода отвергнуть эти послѣднія, какъ скоро возстаніе прекратится, и польскій патріотизмъ не будетъ предъявлять никакихъ другихъ притязаній кромѣ самыхъ умѣренныхъ, а главное, если онъ откажется отъ всего того, въ чемъ между Польшей и Россіей не можетъ быть никакого добровольнаго соглашенія.

Въ самомъ дѣлѣ, что̀ можетъ быть пріятнѣе перспективы навсегда порѣшить съ такъ-называемымъ польскимъ вопросомъ, навсегда обезпечить отъ его притязаній коренныя русскія области, и въ то же время удовлетворить справедливыя требованія народности, желающей жить, и наконецъ отдѣлаться отъ европейскаго вмѣшательства и контроля? Съ другой стороны, и для безпристрастнаго, гуманнаго наблюдателя открывается весьма пріятное зрѣлище народности, которая послѣ многихъ страшныхъ историческихъ бурь наконецъ успокоивается, приходитъ въ себя, довольствуется не великимъ, но вѣрнымъ, уцѣлѣвшимъ за нею достояніемъ, отрезвляется во всѣхъ своихъ инстинктахъ, перестраивается во всей своей организаціи и возраждается къ новой жизни совершенно непохожей на все то что̀ представляетъ ея прошедшее. Средство предлагаемое г. Питкевичемъ для такого возрожденія польской народности кажется очень удовлетворительнымъ и благонадежнымъ. Онъ говоритъ во имя польскаго народа, а не шляхты и пановъ, которые до сихъ поръ исключительно

представляли польскую народность. Онъ хочетъ чтобы на сцену выступилъ настоящій польскій народъ, а не особая образовавшаяся въ немъ порода, каста, присвоившая себѣ исключительное право мыслить, чувствовать, дѣйствовать и говорить за польскую народность.

Чтобы возстановить народное единство утраченное вслѣдствіе развитія шляхетской касты, г. Питкевичъ предлагаетъ потопить эту касту въ массѣ польскаго крестьянства. Представительство, котораго онъ желаетъ для Польши, должно быть основано на самомъ низкомъ цензѣ безъ различія для всѣхъ сословій; этого мало: упомянувъ о возможно-низкомъ цензѣ, онъ потомъ говоритъ о suffrage universel. Представители, такимъ образомъ выбранные отъ цѣлаго народа или лучше сказать отъ однихъ низшихъ классовъ его, должны составить собраніе, которое будетъ засѣдать безпрерывно въ продолженіе восьми мѣсяцевъ, обсуждая законы и контролируя теченіе дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ. Планъ этотъ кажется г. Питкевичу тѣмъ болѣе удобнымъ, что Россія всего надежнѣе можетъ опереться на польское крестьянство, ибо все враждебное, все притязательное, все честолюбивое сосредоточивается въ дворянствѣ, въ польскихъ панахъ, а они-то и будутъ лишены всякой силы въ той политической организаціи которую предлагаетъ г. Питкевичъ. Паны и вообще вся шляхта не будутъ имѣть своего особаго представительства, представлено будетъ только большинство, истинное большинство народа, крестьянство. Въ этомъ новомъ представительствѣ, котораго еще не знала польская земля, выступитъ такимъ образомъ на свѣтъ сила, доселѣ еще не существовавшая, сила въ полномъ смыслѣ народная, стало-быть долженствующая удовлетворять всѣмъ законнымъ требованіямъ польскаго патріотизма, и сила въ полномъ смыслѣ надежная, на которую Россія можетъ спокойно опереться, не опасаясь отъ нея никакихъ враждебныхъ дѣйствій.

Планъ прекрасный. Г. Питкевичъ настоятельно твердитъ «народовому жонду», чтобъ онъ отложилъ всѣ свои притязанія и просилъ только такого представительства для Царства

Польскаго. Никакихъ другихъ льготъ не нужно: не требуйте, говоритъ онъ, ни свободы печати,—Русское правительство затруднится дать вамъ свободу печати, чтобы не обидѣть русскую журналистику, которая будетъ завидовать этой льготѣ дарованной Полякамъ, ни свободы ассоціацій и проч. и проч.; требуйте только такого представительства, и все прочее придетъ въ послѣдствіи само собою. Г. Питкевичъ очень ошибается думая что какія бы то ни было льготы для Царства Польскаго могли бы возбудить чувство зависти въ Россіи. О зависти не можетъ быть и рѣчи. Представлять себѣ такимъ образомъ дѣло значитъ не понимать его смысла или умышленно искажать его. Если политическія преимущества которыхъ добивается польскій патріотъ имѣютъ такую силу какую самъ же онъ имъ приписываетъ, и если они могутъ возвышать уровень народной жизни, содѣйствовать раскрытію его духа вызывать его силы нравственныя и матеріальныя, то между двумя народностями, которыя находятся между собою въ связи и въ соперничествѣ, преимущества предоставляемыя одной могутъ грозить серіозною опасностію другой. Не зависть, а простое политическое благоразуміе, не говоря уже о высшихъ побужденіяхъ, заключающихся въ любви къ своему народу—вотъ что̀ препятствуетъ допустить неравенство въ политическомъ положеніи двухъ народностей находящихся между собою и въ связи и въ соперничествѣ. Но мы оставляемъ въ сторонѣ всѣ эти соображенія. Постараемся только подойти поближе къ дѣлу, чтобъ опредѣлить себѣ насколько можемъ мы довѣриться искренности плана предлагаемаго польскимъ патріотомъ, или насколько онъ самъ отдаетъ себѣ отчетъ въ томъ чего ему хочется.

Предметъ такъ интересенъ и современенъ, такъ много представляетъ онъ сторонъ, что мы считаемъ не лишнимъ заняться имъ нѣсколько подробнѣе и посвятить ему завтра особую статейку.

XIV.

ПЕРЕДОВАЯ СТАТЬЯ ВЪ № 228 „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ" (19 ОКТЯБРЯ).

Авторъ посланія къ польскимъ революціоннымъ властямъ, о которомъ говорили мы вчера, хочетъ основать политическую жизнь своего народа на массахъ крестьянства, не имѣвшаго до сихъ поръ никакого значенія; онъ желаетъ, чтобы подъ польскимъ народомъ отнынѣ разумѣлось большинство обитателей нынѣшняго Царства Польскаго, и чтобы въ пользу этого большинства отреклось отъ своего значенія меньшинство, которое теперь стоитъ во главѣ его, и въ которомъ до сихъ поръ сосредоточивались всѣ силы польской народности. Дворянство должно изчезнуть, а вмѣсто него долженъ выступить истый польскій народъ, который г. Питкевичъ желаетъ видѣть въ крестьянствѣ или въ тѣхъ классахъ народа которые до сихъ поръ не принимались ни въ какой разчетъ.

Вѣрно то что польское шляхетство убило польскій народъ. Великіе паны, которые были не просто только передовыми людьми своего народа, но пользовались почти царскимъ значеніемъ, считая себя каждый кандидатомъ на королевскій тронъ, и вся эта уродливо развившаяся шляхетская порода, были тѣмъ кореннымъ зломъ которое погубило старую Польшу, и теперь губитъ народонаселенія польскаго языка. Это фактъ, и желательно только чтобы польскіе патріоты уразумѣли во всей силѣ значеніе этого факта.

Но за то, съ другой стороны, все что̀ дорого для польскаго патріотизма, всѣ его символы, всѣ его воспоминанія, всѣ его преданія сосредоточиваются именно въ этомъ панствѣ, въ этой шляхтѣ, пагубно развившейся въ польскомъ народѣ. Г. Питкевичъ хочетъ перемѣстить центръ тяжести и уничтожить въ крестьянствѣ эту уродливую польскую аристократію. Но пусть онъ переберетъ всѣ свои патріотическія ощущенія, пусть онъ анализируетъ всѣ свои помыслы,—чуть ли не придется ему убѣдиться что все обыкновенно соединяющееся со словами «польская народность» сосредоточивается къ кругу тѣхъ идей

и чувствованій которыя выработаны шляхтою. Весь нервъ, вся сила такъ-называемаго польскаго патріотизма заключается здѣсь. Не хотятъ же польскіе патріоты вызвать на свѣтъ какую-то другую, чуждую имъ народность; нѣтъ, какъ г. Питкевичъ, такъ безъ сомнѣнія и все то множество польскихъ патріотовъ, которые, по его увѣренію, мыслятъ съ нимъ одинаково, желаютъ возстановленія и процвѣтанія народности всѣмъ хорошо извѣстной,—народности польской, выработавшейся въ польскомъ шляхетствѣ. Кто сколько-нибудь знакомъ съ польскою исторіей, съ польскою цивилизаціей, со всѣми особенностями польскаго характера, тотъ безъ труда согласится, что и такъ-называемая польская народность, и такъ-называемый польскій патріотизмъ имѣютъ свой корень исключительно въ преданіяхъ того *народа въ народѣ*, который называется шляхетствомъ, и что польскаго народа внѣ шляхетства исторія не знаетъ. Польскіе патріоты ничего иного не могутъ представлять себѣ, ничего иного не могутъ чувствовать, ничего иного не могутъ желать въ смыслѣ своей народности какъ только того что̀ выработалось, жило и живетъ въ духѣ шляхетско-польской національности. Отрекаясь отъ нея, уничтожая ее, польскій патріотъ не убиваетъ ли этимъ самымъ въ корнѣ всю силу своего патріотизма? Выдвигать на сцену польское крестьянство въ смыслѣ политической силы и уничтожать шляхетство, не значитъ ли это создавать нѣчто совершенно новое, не бывалое, о чемъ вѣроятно польскій патріотизмъ не имѣетъ еще яснаго представленія?

Однако пойдемъ далѣе: г. Питкевичъ желалъ бы вызвать на политическую сцену польское крестьянство и на немъ основать надежды своего патріотизма. Предположимъ что планъ его состоялся; предположимъ что все пойдетъ какъ онъ желаетъ. Вотъ на сцену появляются новые люди: къ какой цивилизаціи они примкнутъ, съ какою исторіей они себя свяжутъ, на чемъ они будутъ воспитывать себя, чѣмъ вдохновляться? Или они должны оторвать себя отъ всего что̀ теперь такъ драгоцѣнно для польскаго патріотизма, и стать чѣмъ угодно, только не людьми польской цивилизаціи, польскаго духа,

польской исторіи, стать можетъ-быть Нѣмцами, стать можетъ-быть Русскими,—или же они, какъ и надобно предполагать, проникнутся польскимъ духомъ, настоящимъ, дѣйствительнымъ, какъ онъ выработался, со всѣми его особенностями, со всѣми его стремленіями, со всѣмъ его прошедшимъ, безъ котораго онъ ничто. Но въ послѣднемъ случаѣ новые люди не представятъ ли того же явленія, что̀ и старые?... Мы говоримъ: новые люди!... Полно новые ли? Г. Питкевичъ хочетъ чтобы Царству Польскому предоставлена была полная автономія, чтобы въ немъ дѣйствовали только туземныя силы, и чтобы со стороны,—то-есть, со стороны Россіи,—было какъ можно менѣе вмѣшательствъ; затѣмъ онъ хочетъ, чтобы всѣмъ поголовно, или на основаніи самаго низкаго ценза, было предоставлено равномѣрное право политическихъ выборовъ. Но неужели онъ думаетъ, что всѣ эти массы простаго люда, никогда не жившаго государственною жизнію, никогда не бывшаго живою общественною силой,—люда раздавленнаго, замореннаго, скуднаго, темнаго,—могутъ дѣйствовать сами собою или дать какой-нибудь серіозный отпоръ тѣмъ мощнымъ общественнымъ силамъ, которыя сосредоточены въ верхнихъ сферахъ,—богатству, образованію, способности совокупнаго дѣйствія, ихъ всевозможнымъ вліяніямъ, которыя находятся во власти пановъ, духовенства и городскихъ классовъ, почти исключительно принадлежащихъ къ шляхетской породѣ? Что̀ значитъ это стадо овецъ предъ громадными огранизованными силами польскаго высшаго дворянства, польско-католическаго духовенства, котораго духъ извѣстенъ, и предъ всею шляхтой? Не послужитъ ли вызванное такимъ образомъ крестьянство только новымъ орудіемъ для тѣхъ самыхъ силъ которыя дѣйствовали доселѣ и отъ которыхъ г. Питкевичъ желаетъ, повидимому, освободить Польшу для блага большинства обитателей Польши, а также и для успокоенія Россіи? Мы знаемъ какъ suffrage universel дѣйствуетъ во Франціи, гдѣ простой народъ однако не то что̀ простой народъ въ Польшѣ. Если французскій крестьянинъ выбираетъ того кого укажетъ ему меръ или приходскій священникъ; то можно ли думать, чтобы польскій крестьянинъ

могъ подавать свой голосъ безъ всякаго руководства и вліянія? Онъ будетъ дѣлать только то что̀ ему прикажутъ, и выбранные польскимъ крестьянствомъ люди, представители народа, которымъ должны быть ввѣрены всѣ судьбы его, окажутся старыми знакомцами. Это, нѣтъ сомнѣнія, будутъ тѣ самые польскіе патріоты съ которыми мы имѣемъ дѣло теперь, начиная отъ князя Чарторыйскаго или графа Замойскаго и кончая послѣднимъ изъ жандармовъ-вѣшателей. Тутъ окажется весь нынѣшній «жондъ народовый»; только все это окажется несравненно болѣе сильнымъ и самоувѣреннымъ, имѣя за собою всю массу крестьянства, все участіе котораго въ политической жизни будетъ состоять только въ томъ, чтобы подкрѣплять нынѣшнихъ, знакомыхъ намъ дѣятелей, и давать имъ значеніе какъ въ ихъ собственныхъ глазахъ, такъ и въ глазахъ цѣлаго міра.

Но, скажутъ польскіе патріоты, зачѣмъ же непремѣнно предполагать дурное? Россіи будетъ принадлежать честь возстановленія надломленной народности, собранія разрозненныхъ силъ ея въ одно живое органическое цѣлое, въ истинный народъ, какого еще не имѣла Польша.

Положимъ, что это большая честь, положимъ, что Россія найдетъ досугъ и средства, за развитіемъ своихъ собственныхъ народныхъ силъ, заняться созданіемъ новой народности на новыхъ еще невѣдомыхъ ей началахъ; положимъ, что результаты этихъ творческихъ попытокъ, этихъ вспрыскиваній разбитаго организма мертвою и живою водой выйдутъ какъ нельзя болѣе удачными; положимъ, что польскій народъ оживетъ, возьметъ одръ свой и пойдетъ. Но, спрашивается, измѣнятся ли духъ и стремленія бывшія доселѣ отличительною особенностью польскихъ пановъ, польской шляхты, польскихъ патріотовъ? Что̀ будутъ дѣлать они въ этой маленькой землицѣ, съ этимъ особымъ, сильно организованнымъ представительствомъ, которое будетъ находиться въ непрерывномъ сборѣ въ продолженіе восьми мѣсяцевъ въ году? Что̀ будетъ дѣлать эта политическая сила? Чѣмъ будетъ она заниматься, не будучи органомъ самостоятельнаго, значительнаго государства? Не соскучится ли она посреди мелкихъ интересовъ неболь-

шой области, связанной съ могущественною державой? Образъ старой Польши не предстанетъ ли съ неотразимою силой этимъ дѣятелямъ новой преобразованной Польши? Не вспомнятъ ли они о своихъ братьяхъ оставшихся за штатомъ въ старыхъ польскихъ областяхъ, отъ которыхъ теперь г. Питкевичъ отказывается? Будутъ ли они отталкивать отъ себя Поляковъ живущихъ въ Кіевѣ, Волыни и Подоліи (и проч. и проч., какъ обыкновенно прибавляетъ г. Питкевичъ, исчисляя русскія провинціи на которыя полонизмъ предъявляетъ свои права)? Будутъ ли эти области болѣе обезпечены при этой новой организаціи въ Царствѣ Польскомъ отъ старыхъ притязаній польскаго патріотизма? Забудетъ ли онъ свои пути въ эти края пути явные и тайные? А если онъ съ новыми силами, съ новыми средствами какъ для явнаго такъ и для тайнаго дѣйствія, будетъ настаивать на своихъ притязаніяхъ, если онъ въ новомъ видѣ и съ новою силой подниметъ опять свой старый польскій вопросъ, послужитъ ли преобразованное по плану г. Питкевича Польское Царство къ выгодѣ Россіи? Улучшитъ ли это ея положеніе, или ухудшитъ? Усилитъ ли это или ослабитъ русскую народность въ западномъ краѣ? Или Россія можетъ остаться дѣйствительно совершенно спокойною, полагаясь на торжественное отреченіе г. Питкевича отъ этихъ областей? Скажемъ ли мы тогда новымъ польскимъ патріотамъ которые не замедлятъ народиться, или старымъ, которые не замедлятъ явиться на сцену: «Остановитесь, дерзостные, остановитесь! Или вы не знаете, что г. Питкевичъ торжественно отрекся отъ этихъ областей и даже доказалъ съ убѣдительнымъ краснорѣчіемъ, что восприсоединеніе этихъ областей къ Польшѣ обратится во вредъ самому же польскому народу?» Увы! наши восклицанія разнесетъ вѣтеръ, и польскіе патріоты посмѣются надъ нами...

Г. Питкевичъ отказывается отъ русскихъ провинцій; множество польскихъ патріотовъ, раздѣляющихъ, какъ онъ увѣряетъ, его взгляды и желанія, также, стало-быть, отказываются отъ русскихъ провинцій; положимъ, что и «жондъ народовый», къ которому они обращаются, тоже откажется отъ нихъ.

Но что̀ значитъ этотъ отказъ? Въ чемъ онъ выразится? Какую форму приметъ? Будетъ ли это какая-нибудь запись съ надлежащею скрѣпой? Отказъ польскихъ патріотовъ отъ русскихъ провинцій не будетъ ли означать только то, что они, посреди нынѣшнихъ неблагопріятныхъ имъ обстоятельствъ, рѣшаются послѣдовать правиламъ политической ловкости и замолчать объ этихъ провинціяхъ, съ тѣмъ, чтобы въ послѣдствіи получить болѣе вѣрный доступъ къ нимъ? Съ этой точки зрѣнія было бы даже не безполезно прибѣгнуть къ клятвеннымъ увѣреніямъ въ русскихъ чувствахъ польскаго панства въ западномъ краю. Съ этой точки зрѣнія польскіе патріоты одинаковаго образа мыслей съ г. Питкевичемъ должны видѣть новый страшный промахъ въ недавно напечатанномъ нами для куріоза манифестѣ подземнаго правительства къ дворянамъ литовскихъ губерній подавшимъ вѣрноподданнѣйшіе адресы. Мы говоримъ о томъ манифестѣ, первоначально напечатанномъ въ революціонной газетѣ *Niepodległość*, которымъ изъявленія вѣрноподданства повелѣвается считать недѣйствительными, вынужденными, беззаконными. Съ точки зрѣнія тѣхъ благоразумныхъ польскихъ патріотовъ, къ которымъ принадлежитъ авторъ разсматриваемой брошюры, эта новая выходка есть огромный промахъ.

Допустимъ однако, что вожди польскаго возстанія, внявъ убѣжденіямъ г. Питкевича, безъ всякаго лукавства, съ полною искренностію, отрекутся за всѣхъ Поляковъ отъ притязаній на западныя провинціи Россійской Имперіи,—спрашивается, можетъ ли ихъ отреченіе имѣть какую-нибудь силу? Кто они такіе? Самъ же г. Питкевичъ, убѣждая ихъ вступить въ соглашеніе съ Русскимъ правительствомъ, даетъ имъ благоразумный совѣтъ дѣйствовать не въ качествѣ организованной власти, считающей себя законною, *а частнымъ образомъ*, черезъ посредство какого-нибудь лица не замѣшаннаго въ возстаніи и не слишкомъ компрометтированнаго въ глазахъ Русскаго правительства. Самъ же г. Питкевичъ убѣждаетъ этихъ господъ не дѣлать, при отреченіи отъ власти, никакого политическаго завѣщанія. «Ни слова,» говоритъ онъ, «которое походило бы

«на политическое завѣщаніе, и указывало бы странѣ какъ «надобно ей вести себя въ послѣдствіи; ни слова, которое «дало бы подразумѣвать, что вы или ваши друзья бодрствуете, «вблизи или вдали, надъ точнымъ исполненіемъ обѣщаній дан«ныхъ Польшѣ».

Какъ же быть? Намъ бы очень хотѣлось вѣрить искренности обѣщаній даваемыхъ польскими патріотами. Польскій вопросъ пришелъ бы къ окончательной развязкѣ, и намъ нечего было бы состязаться и ссориться съ польскими патріотами еслибы дѣйствительно, а не на словахъ только, прекратилось всякое польское притязаніе на области отъ которыхъ Россія ни въ какомъ случаѣ отступиться не можетъ. Чтобы дѣйствительно прекратились притязанія, надобно положить конецъ самой возможности питать и поддерживать ихъ. Поддержка притязаній заключается въ тѣхъ польско-католическихъ элементахъ которые держатся въ этихъ областяхъ, и въ которыхъ чуть ли не главнымъ образомъ держится сила польскаго патріотизма,—въ тѣхъ польскихъ панахъ которые владѣютъ огромными имуществами въ этихъ провинціяхъ и считаютъ себя хозяевами, а свою національность господствующею въ нихъ.

Г. Циткевичъ находитъ, что польскимъ патріотамъ не только слѣдуетъ отказаться отъ притязаній на старыя польскія завоеванія, но и убѣдиться въ ихъ вредѣ. Онъ говоритъ объ этомъ и краснорѣчиво, и убѣдительно. Но, къ сожалѣнію, какъ и замѣтилъ ему издатель его брошюры, г. Скедо Ферроти, польскій патріотъ оказался не совсѣмъ послѣдовательнымъ. Онъ повидимому очень хорошо понимаетъ, что эти провинціи должны быть русскими, и что польская стихія есть тамъ стихія пришлая, лишенная будущности; онъ не беретъ грѣха на свою душу и не хочетъ возобновлять ложныхъ показаній которыя дѣлались и дѣлаются его соплеменниками; какъ кажется, онъ очень хорошо понимаетъ все неудобство существованія въ странѣ землевладѣльческихъ классовъ чуждой и враждебной коренному народу національности. И что̀ же? Понимая все это очень хорошо и высказывая это очень убѣдительно,

онъ, повидимому, трепещетъ за сохраненіе польской національности въ этихъ провинціяхъ съ правами и преимуществами которыми она тамъ пользуется въ лицѣ пановъ. Исчисляя промахи руководителей возстанія, онъ находитъ, что однимъ изъ самыхъ дурныхъ и вредныхъ было распоряженіе ихъ относительно отобранія имѣній которыми владѣютъ Русскіе въ Царствѣ Польскомъ. «Распоряженіе ваше», говоритъ онъ, «объ «отобраніи имѣній у всѣхъ Русскихъ владѣющихъ маіоратами «въ Польшѣ, въ сущности, не заключаетъ въ себѣ ничего не«справедливаго или нелогическаго. Мѣра эта не можетъ быть «названа несправедливою, потому что вы хотите вознаградить «ихъ на счетъ государства; также нельзя назвать ее нелоги«ческою, потому что присутствіе замлевладѣльческаго дворян«ства національности чуждой и въ высшей степени враждеб«ной національности сельскихъ классовъ» (ну, ужь о немногихъ русскихъ землевладѣльцахъ въ Царствѣ Польскомъ никакъ нельзя этого сказать!) «представляетъ неудобство достаточно «важное для того чтобы вызвать примѣненіе закона объ экспро«пріаціи въ видахъ государственной пользы. Несмотря на то «мнѣ кажется, что эта мѣра принадлежитъ къ числу самыхъ «дурныхъ ошибокъ, какія только могли быть сдѣланы вами, «потому что она устанавливаетъ примѣръ, которымъ Русское «правительство можетъ воспользоваться, принявъ точно такую «же мѣру относительно Подоліи, Волыни и проч. и проч.»

Почему же дурно подать хорошій примѣръ? Почему дурно воспользоваться хорошимъ примѣромъ? Съ точки зрѣнія г. Питкевича слѣдовало бы напротивъ похвалить вождей возстанія за такое распоряженіе, которое съ одной стороны очистило бы Польшу отъ враждебнаго, какъ онъ полагаетъ, элемента, а съ другой могло бы послужить для Русскаго правительства и примѣромъ и основаніемъ для соотвѣтственнаго распоряженія въ областяхъ Имперіи. Мы могли бы сказать въ свою очередь, что Русскому правительству нечего дожидаться примѣра отъ подземнаго «жонда», а надо на основаніи самаго несомнѣннаго права, посреди обстоятесьствъ не просто оправдывающихъ подобную мѣру, но обязывающихъ къ незамедли-

тельному принятію ея, приступить къ экспропріаціи польскихъ помѣщиковъ, болѣе или менѣе замѣшанныхъ въ мятежѣ, и приступить къ этому не столько въ смыслѣ кары, сколько въ видахъ очевидной *государственной пользы.*

И вотъ г. Питкевичъ, благоразумный патріотъ, отрекающійся отъ старыхъ польскихъ завоеваній, упрекаетъ «жондъ» за принятіе мѣры, по его мнѣнію, очень полезной и благопріятной польскому дѣлу, но вредной потому только, что она можетъ надоумить Русское правительство къ принятію такой же мѣры въ тѣхъ самыхъ областяхъ отъ которыхъ онъ отрекся за всѣхъ Поляковъ. Онъ видитъ въ той мѣрѣ непростительную неловкость со стороны вождей возстанія. Послушаемъ однако, какъ г. Питкевичъ разсуждаетъ объ этомъ интересномъ предметѣ, обращаясь къ членамъ подземнаго правительства:

«Что могли бы возразить вы, еслибы Москали, въ видахъ «государственной пользы, начали вынуждать всѣхъ польскихъ «дворянъ-землевладѣльцевъ продавать ихъ недвижимости въ «провинціяхъ гдѣ крестьянство русское? Ничего, рѣшительно «ничего; ибо въ этомъ случаѣ было бы употреблено въ дѣло «вами же самими постановленное правило. Не думаете ли вы «что колоссальные размѣры которые приняло бы это нару-«шеніе права собственности подняли бы общественное «мнѣніе и заставили бы кричать журналистику всей Европы? «Вы ошибаетесь: стоитъ только дать Европѣ участіе въ по-«живѣ и дѣло будетъ объявлено *финансовою операціей равно* «*выгодною для всѣхъ заинтересованныхъ сторонъ.* Что скажете «вы о какомъ-нибудь *Международномъ обществѣ для выкупа* «*крестьянскихъ земель на Украйнѣ* (ужь лучше бы для вы-«купа помѣщичьихъ земель). Располагая капиталами въ нѣ-«сколько милліардовъ, состоя подъ покровительствомъ первыхъ «банкировъ Франціи и Англіи, такое общество пріобрѣло бы «симпатіи всей европейской журналистики; оно пользавалось «бы громаднымъ кредитомъ и громадною популярностью, по-«тому что выдавало бы отличные дивиденды не одному мил-«ліону акціонеровъ, которые объявили бы единогласно, что «Полякамъ грѣхъ жаловаться, получивъ сполна цѣнность

«своихъ земель золотомъ или билетами на предъявителя. Вы со-«гласитесь, надѣюсь, что дѣйствительно всѣ при этомъ выиг-«рали бы: Русское правительство отдѣлалось бы отъ Поляковъ «въ своихъ провинціяхъ; крестьяне очутились бы въ облада-«ніи втрое большимъ количествомъ земель; акціонеры помѣсти-«ли бы выгодно свои капиталы; наконецъ сами польскіе зем-«левладѣльцы были бы избавлены отъ непріятностей, которымъ «они подвергаются посреди ненавидящаго ихъ сельскаго люда. «Стало-быть ничего не было бы принесено въ жертву, ничего, «кромѣ *національности польской*, кромѣ правъ которыми поль-«зуется дворянство въ русскихъ провинціяхъ. Вы сами подаете «примѣръ къ тому, предписывая экспропріацію русскихъ дво-«рянъ владѣющихъ землями въ Польшѣ.»

Намъ очень жаль, что мы принуждены съ недовѣрчивостію и сомнѣніемъ говоритъ о планахъ и видахъ польскаго патріота. Посреди страшной путаницы обмановъ и интригъ, на которыхъ основанъ весь этотъ несчастный польскій вопросъ, подозрительность и недовѣрчивость неизбѣжны, подозрительность и недовѣрчивость—добродѣтель. Но мы не хотимъ простирать ихъ до крайности, не хотимъ давать имъ полной власти надъ собою. Намъ было бы пріятнѣе привѣтствовать въ г. Питкевичѣ человѣка политически честнаго, искренно убѣжденнаго,—человѣка, который извѣдалъ на себѣ всю горечь обмана и вырвался изъ его удушающаго чада,—человѣка, который, запечатлѣвъ кровію свой патріотизмъ, предоставляетъ другимъ «лгать за отечество». Намъ было бы пріятнѣе убѣдиться, что г. Питкевичъ, дѣйствительно, принадлежитъ къ числу новыхъ, еще доселѣ небывалыхъ польскихъ патріотовъ, которые оторвались, и оторвались можетъ-быть не безъ боли, и не безъ страданія отъ кровной почвы прошедшаго, отъ старой невозможной Польши, и прилѣпились всею душой къ мечтательному облику новой Польши, который рисуется имъ въ туманѣ будущаго и въ которомъ хотятъ они спасти свое народное чувство, свои патріотическія надежды. Можетъ-быть эти новые польскіе патріоты, органомъ которыхъ взялся быть г. Питкевичъ, поняли всю невозможность возрожденія

польской народности пока не пресѣкутся до послѣдняго всѣ нервы связывающіе ее со старою Польшей, то-есть со старыми польскими завоеваніями. Если они въ самомъ дѣлѣ хотятъ возрожденія своей народности на новыхъ основаніяхъ, если у нихъ дѣйствительно есть вѣра въ это возрожденіе, то имъ еще болѣе чѣмъ Русскому правительству слѣдуетъ заботиться о томъ, чтобы прекратились всѣ притязанія польской національности тамъ, гдѣ она есть стихія пришлая и завоевательная, гдѣ она представляетъ собою старую Польшу, гдѣ она есть выраженіе той шляхетской *народности*, которая разломила польскій народъ и лишила его способности жить самостоятельною историческою жизнчю; имъ самимъ слѣдуетъ желать и способствовать очищенію русской земли отъ *польскихъ* пановъ. Не обманами, не интригою, не революціонною организаціей, не возстаніемъ, не кровопролитіями и убійствами можетъ этотъ новый польскій патріотизмъ доказать свою силу и внушить къ себѣ уваженіе, а разумомъ и доблестію самоотреченія. Это самоотреченіе состоитъ въ рѣшимости пожертвовать польскою національностію въ тѣхъ областяхъ, гдѣ она не можетъ имѣть никакой будущности, гдѣ она есть источникъ и предметъ ненависти, гдѣ изъ нея вырабатывается злая отрава и для Россіи и для Польши, только въ силу такой рѣшимости,—рѣшимости не отвлеченной, не теоретической, но немедленно переходящей въ дѣло, можетъ родиться на свѣтъ и новая Польша, которой, какъ мы хотимъ вѣрить, домогаются новые польскіе патріоты; — только въ силу этой рѣшимости идеалъ которой носится предъ ними можетъ коснуться дѣйствительности и перейти въ жизнь,—только въ силу этой рѣшимости сѣмя ихъ народности можетъ найти свою почву и развиваться плодотворно, если только Богъ судилъ этому сѣмени плодотворное развитіе.

Въ вышеприведенныхъ строкахъ г. Питкевича можно вслѣдъ за издателемъ его брошюры, г-мъ Скедо-Ферроти, видѣть непослѣдовательности и какъ бы сожалѣнія при мысли о пожертвованіи польскою національностію въ тѣхъ областяхъ, гдѣ она является стихіей чуждою и враждебною, — и стало-быть въ

предложенномъ имъ планѣ можно видѣть лишь новую уловку, новый тонкій изворотъ старой интриги. Но намъ пріятнѣе было бы думать, что въ этихъ строкахъ выразилось тонкимъ намекомъ искреннее сознаніе справедливости и логической разумности этой жертвы. Если польскіе патріоты хотятъ пріобрѣсти почву для самостоятельнаго развитія своей народности на новыхъ основаніяхъ, если они хотятъ независимой и свободной Польши, то, повторимъ, они болѣе чѣмъ сами Русскіе должны желать послѣдняго конца той фальшивой Польши, которой существованіе поддерживается главнымъ образомъ польскими панами и польскою шляхтой въ русскихъ областяхъ. Вотъ неизбѣжная дилемма: или польскій патріотизмъ въ русскихъ областяхъ и рано или поздно конецъ всѣмъ надеждамъ на возрожденіе польской народности и независимой Польши, или самостоятельная Польша и послѣдній конецъ польской національности въ западномъ краѣ Имперіи.

XV.

ПЕРЕДОВАЯ СТАТЬЯ ВЪ № 230 „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“ (23-ГО ОКТЯБРЯ).

Возвращаемся къ начатому въ № 223 *Московскихъ Вѣдомостей* сообщенію свѣдѣній о раздачѣ пожертвованій, вызванныхъ польскимъ мятежемъ.

Подписка въ пользу раненыхъ и семействъ убитыхъ въ Польшѣ была открыта нами тотчасъ по полученіи извѣстія о ночной рѣзнѣ съ 10 на 11-е января. Тогда въ Литвѣ все было еще относительно спокойно; кровавыя сцены произошли только въ мѣстечкѣ Суражѣ. Но затѣмъ мятежъ распространился и на западный край. Никто изъ жертвователей, участвовавшихъ въ подпискѣ въ пользу раненыхъ и семействъ оставшихся послѣ убитыхъ *въ Польшѣ* (такъ была первоначально названа эта подписка, не имѣлъ конечно, въ виду обойти пособіями тѣ войска которыя подавляли мятежъ въ западномъ краѣ. Редакція «Московскихъ Вѣдомостей» считала

себя въ правѣ производить раздачу пожертвованій не только въ Царствѣ, но и въ Литвѣ. Еще болѣе укрѣпились мы въ этомъ намѣреніи, когда узнали, что суммы поступающія въ офиціальныя мѣста, инспекторскій департаментъ, канцеляріи генералъ-губернаторовъ и т. д., отправляются обыкновенно въ Варшаву, и что поэтому на Литвѣ раненые нижніе чины и семейства убитыхъ лишены пособій изъ большей части жертвуемыхъ суммъ.

Правда, о нихъ заботится само начальство. Генералъ Муравьевъ объявилъ нашимъ спеціальнымъ корреспондентамъ, что пострадавшія лица и семейства будутъ обезпечены изъ сборовъ съ мятежнаго населенія. Тѣмъ не менѣе мы сочли справедливымъ исполнить и наше намѣреніе. Раздача жертвуемыхъ денегъ, кромѣ матеріальнаго вспоможенія, имѣетъ еще и другой характеръ; ею выражается сочувствіе русскихъ людей дѣйствіямъ русскаго войска. Чѣмъ могли бы объяснить себѣ войска, дѣйствующія въ западныхъ губерніяхъ, что русскіе люди забываютъ о нихъ, помня о ихъ товарищахъ въ Царствѣ Польскомъ? Мы назначили раздать въ войскахъ Виленскаго военнаго округа приблизительно половину всей суммы собранной къ іюню мѣсяцу.

Вотъ на какихъ основаніяхъ распредѣлена эта сумма:

Посѣщая госпитали гвардейскихъ полковъ, расположенныхъ въ Виленской губерніи, нашъ спеціальный корреспондентъ имѣлъ случай убѣдиться въ необыкновенномъ вниманіи начальства какъ къ содержанію раненыхъ, такъ и къ обезпеченію судьбы тѣхъ изъ нихъ которые не могутъ оставаться на службѣ.

Почти каждый изъ гвардейскихъ полковъ имѣетъ шефомъ одно изъ лицъ Императорской фамиліи; поэтому въ благотворительныхъ пособіяхъ всякаго рода здѣсь не встрѣчается никакого недостатка. Далеко не такъ завидна участь полковъ армейскихъ. Тамъ и содержаніе бѣднѣе, и вниманіе начальства далеко не такъ предупредительно. Даже изъ доставленныхъ командирами списковъ раненыхъ не всѣ были составлены такъ обстоятельно, какъ должно ожидать отъ людей которые искренно интересуются судьбой подчиненныхъ или сослуживцевъ,

пострадавшихъ въ честномъ бою. На этомъ основаніи, и по совѣту врачей и лицъ служащихъ въ штабѣ Виленскаго военнаго округа, нашъ спеціальный корреспондентъ положилъ ограничиться раздачей пособій раненымъ нижнимъ чинамъ и офицерамъ, а равно семействамъ убитыхъ, *исключительно въ полкахъ армейскихъ*.

За тѣмъ предстояло рѣшить вопросъ, въ какой соразмѣрности должна быть распредѣлена сумма пособій между ранеными и семействами убитыхъ.

По совѣщаніи съ начальствующими лицами штаба Виленскаго военнаго округа, нашъ спеціальный корреспондентъ, жившій въ Вильнѣ, счелъ нужнымъ обратить значительнѣйшую часть находившейся въ его распоряженіи суммы на пособіе вдовамъ и сиротамъ нижнихъ чиновъ, убитыхъ въ дѣлахъ съ мятежниками, такъ какъ семейства убитыхъ нижнихъ чиновъ никакого пособія и вознагражденія изъ казны не получаютъ. Начальникъ штаба, генералъ-майоръ Циммерманъ, и старшій адъютантъ, штабсъ-капитанъ Степановъ, оказали ему самое искреннее и ревностное содѣйствіе. Въ короткое время были доставлены командирами полковъ и стрѣлковыхъ баталіоновъ списки убитыхъ съ показаніемъ состава и мѣста жительства ихъ семействъ. Сообразивъ число всѣхъ нуждющихся въ пособіи семействъ съ количествомъ суммы опредѣленной для раздачи, нашъ спеціальный корреспондентъ могъ назначить пособіе отъ 15 до 25 рублей на каждое семейство, смотря по числу оставшихся сиротъ. Исключеніе составляетъ только семейство казака Донскаго № 33 полка, Ивана Софронова, который по засвидѣтельствованію начальника отряда, майора Великолуцкаго полка Григорьева, находился постоянно въ числѣ охотниковъ въ поискахъ за шайками въ Игуменскомъ уѣздѣ, и убитъ въ дѣлѣ 9-го мая. Семейству его, состоящему изъ престарѣлой матери, жены и дочери, назначено для выдачи 50 рублей.

Что касается до раненыхъ, то изъ нихъ особенное вниманіе очевидно слѣдовало обратить на тѣхъ которые по увѣчью должны были оставить службу и нуждались въ пособіи

для отъѣзда на родину, а также на раненыхъ перваго и втораго разряда. По малочисленности раненыхъ оказалось возможнымъ выдать на каждаго подходившаго подъ указанныя условія раненаго солдата отъ 10 до 20 р., и лишь немногимъ легче раненымъ выдано по 5 руб.

Согласно этимъ общимъ правиламъ нашъ спеціальный корреспондентъ назначилъ:

Нарвскаго пѣхотнаго полка

3 семействамъ 45 р.

Капорскаго пѣхотнаго Его Королевскаго Высочества Наслѣдника Принца Саксонскаго полка

6 семействамъ 110 р.
7 раненымъ 85 р.

Либавскаго пѣхотнаго Принца Карла Прусскаго полка

3 семействамъ 45 р.
2 раненымъ 30 р.

Ревельскаго пѣхотнаго полка

7 семействамъ 120 р.

Эстляндскаго пѣхотнаго полка

13 семействамъ 210 р.

Староингерманландскаго пѣхотнаго генералъ-адъютанта князя Меншикова полка

6 семействамъ 110 р.

Новоингерманландскаго пѣхотнаго полка

4 семействамъ 70 р.

Псковскаго пѣхотнаго генералъ-фельдмаршала князя Кутузова-Смоленскаго полка

5 семействамъ 85 р.

Великолуцкаго пѣхотнаго полка

9 семействамъ 165 р.

Полтавскаго резервнаго пѣхотнаго полка

5 семействамъ 75 р.
2 раненымъ 20 р.

Алексопольскаго резервнаго пѣхотнаго полка

2 семействамъ 35 р.
3 раненымъ 50 р.

Муромскаго резервнаго пѣхотнаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Вячеслава Константиновича

1 раненому 20 р.

С.-Петербургскаго Его Величества Короля Баварскаго

1 раненому 15 р.

Донскаго казачьяго № 5-го полка

5 семействамъ 130 р.
1 раненому 20 р.

3 стрѣлковаго баталіона

5 семействамъ 90 р.
3 раненымъ 45 р.

Изъ доставленныхъ списковъ убитымъ офицерамъ, оказалось, что всѣ они были холостые; о семействахъ двухъ убитыхъ казацкихъ офицеровъ не было доставлено свѣдѣній; поэтому нашъ спеціальный корреспондентъ передалъ въ распоряженіе начальника штаба Виленскаго военнаго округа 824 рубля, для выдачи: вопервыхъ семействамъ этихъ офицеровъ, если по справкамъ они дѣйствительно окажутся нуждающимися въ пособіи, причемъ просилъ обратить особенное вниманіе на семейство хорунжаго Якова Колоскова, который былъ убитъ мятежниками измѣнническимъ образомъ, безоружный, когда находился въ банѣ; вовторыхъ, двумъ тяжело раненымъ офицерамъ, которымъ предложено выдать пособіе въ размѣрѣ около 150 руб.; втретьихъ, тѣмъ семействамъ убитыхъ нижнихъ чиновъ, равно какъ и раненымъ 1 и 2 разряда, которые не попали въ доставленные списки.

Начальство штаба приняло на себя доставлять въ редакцію подробныя свѣдѣнія объ употребленіи предоставленной въ его распоряженіе вышеозначенной суммы.

Въ Варшавѣ дѣло имѣло иной видъ. Тамъ пособія текли обильнѣе, но съ одной стороны тамъ было больше и число имѣющихъ право на пособіе, а съ другой стороны раздача пособій комитетомъ, основанная, какъ иначе и быть не можетъ, на опредѣленныхъ правилахъ, не могла не оставлять пробѣловъ, по справедливости требовавшихъ пополненія.

При участіи въ занятіяхъ комитета легко было сдѣлать замѣчаніе, что положенныя имъ въ основаніе правила распредѣленія пособій, при всей ихъ раціональности, иногда были стѣснительны по отношенію къ нѣкоторымъ лицамъ: никакое правило не можетъ оказаться справедливымъ и удовлетворительнымъ въ примѣненіи ко всѣмъ отдѣльнымъ случаямъ. Такъ одинъ изъ офицеровъ получилъ при нападеніи мятежниковъ на городъ Мѣховъ двѣ пулевыя раны: одну чрезъ лѣвое предплечіе съ раздробленіемъ локтевой кости, а другую въ нижнюю часть правой стороны шеи; при своемъ движеніи эта вторая пуля повредила три ребра, осколки которыхъ отчасти выброшены при раненіи, и прошли надъ самою надключечною артеріей. Вслѣдствіе кровохарканія и одышки требовалось основательное лѣченіе и притомъ, по совѣту врачей, за границей. Но на общемъ основаніи этому офицеру комитетъ выдалъ пособіе изъ поручичьяго оклада жалованья—сумму не высокую. А потому нѣкоторою помощію могли послужить 200 р. сер., которые были ему выданы нашимъ спеціальнымъ корреспондентомъ. Съ этою же цѣлію переданы въ комитетъ чрезъ посредство штаба Варшавскаго округа 693 р. сер. для дополненія комитетскихъ выдачъ, когда будутъ представляться такіе отдѣльные случаи, въ которыхъ окажется справедливымъ выдать больше нежели сколько слѣдуетъ по комитетскимъ правиламъ. Отчетностью по этой суммѣ члены комитета обязаны только жертвователямъ чрезъ опубликованіе въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*.

За тѣмъ мы старались устроить раздачу, быстрѣе доходящую до раненаго, нежели раздача комитетская. Такъ какъ раздачи этого рода предваряли собой комитетское пособіе, которое всегда должно было за ними слѣдовать, то можно

было уменьшить ихъ размѣры. Мы полагали наиболѣе удобнымъ производить эти спѣшныя выдачи посредствомъ госпитальныхъ медиковъ. Вниманію главнаго доктора Уяздовскаго госпиталя дѣйствительнаго статскаго совѣтника А. А. Боголюбова мы обязаны тѣмъ, что желаніе наше осуществилось и при томъ съ особенною удачей. Первая раздача этого рода была сдѣлана самимъ г. Боголюбовымъ, раздавшимъ на руки 18 человѣкамъ 150 р. с. съ нѣкоторою торжественностію въ обстановкѣ, въ присутствіи дежурнаго офицера и дежурнаго врача. Кто можетъ быть болѣе компетентнымъ судьей въ распредѣленіи пособій? Мы обязаны усердно благодарить г. Боголюбова за то участіе которое онъ принялъ въ этомъ дѣлѣ.

Получивъ извѣстіе о дѣлѣ подъ Жиржиномъ, г. Боголюбовъ тотчасъ же отправилъ въ Ивангородскій госпиталь 115 р., которые были розданы тамъ докторомъ Коссинскимъ отъ имени московскихъ жертвователей 66 раненымъ. Въ томъ числѣ:

Ивангородскаго баталіона	27
2 саперпаго	13
5 артиллерійской бригады	11
Другихъ частей	14
Крестьянину	1

Кромѣ Ивангорода были еще посланы въ Люблинскій госпиталь 85 руб. сер., которые розданы нрходившимся налицо 58 раненымъ; изъ того числа было:

Ивангородскаго баталіона	19
2 саперпаго	12
5 артиллерійской бригады	5
Разныхъ командъ	22

Такимъ образомъ, благодаря почтенной распорядительности А. А. Боголюбова, пострадавшіе въ Жиржинекомъ дѣлѣ черезъ нѣсколько дней послѣ этого дѣла уже получиля денежное пособіе изъ суммъ пожертвованныхъ чрезъ редакцію *Московскихъ Вѣдомостей*.

XVI.

ПЕРЕДОВАЯ СТАТЬЯ ВЪ № 231 „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“ (25 ОКТЯБРЯ).

Польскій вопросъ, самъ по себѣ очень не сложный, попалъ теперь въ разрядъ самыхъ сложныхъ и затруднительныхъ вопросовъ потому только, что въ немъ отражаются взаимныя отношенія всѣхъ главныхъ державъ Европы; являясь вопросомъ европейскимъ, онъ собственно есть не что̀ иное какъ продуктъ общаго политическаго положенія; онъ не имѣетъ никакого другаго содержанія. Къ нему сходятся теперь всѣ нити европейской политики, и въ случаѣ войны за Польшу, нѣтъ сомнѣнія, что эта война не ограничилась бы даже нашею частью свѣта. Попытаться вырвать изъ рукъ Россіи свободное разрѣшеніе ея домашняго дѣла и впутать въ него всю Европу, значило бы возжечь войну въ двухъ полушаріяхъ, безо всякой притомъ надежды на скорое ея прекращеніе и безо всякой возможности заранѣе опредѣлить ея результаты.

Вотъ почему, какъ только Россія обнаружила твердость и рѣшительность, какъ только изумленная Европа услышала мужественный голосъ Русскаго народа, тѣ державы, для которыхъ дорого сохраненіе общаго мира, которыя отчасти привыкли отчасти принуждены, даже въ своемъ задорѣ, держаться правилъ благоразумной осторожности, именно Англія и Австрія, тотчасъ же начали колебаться, и въ настоящее время, какъ по всему видно, приняли благопріятное для Россіи положеніе. Одна лишь Франція готова была бы перевернуть вверхъ дномъ всю Европу, но и она, конечно, не для блага Поляковъ, а лишь съ тѣмъ, чтобы посреди европейской войны захватить, если удастся, какой-нибудь лакомый кусочекъ и получить въ возстановленной Польшѣ новое, всегда готовое и покорное орудіе къ возмущенію мира и спокойствія въ Европѣ. Но какъ ни порывается католическая, демократическая и революціонно-императорская Франція затѣять войну изъ-за Польши, и она, умудренная опытами 1812—15 годовъ, не рѣшается одна, или въ союзѣ только съ нѣкоторыми второстепенными державами, пуститься въ это безбрежное море кровавыхъ приключеній.

Какъ видно изъ недавно обнародованнаго анализа двухъ французскихъ депешъ отъ 20-го и 21 іюня (см. № 228 *Московскихъ Вѣдомостей* подъ рубрикою: *Франція*), Наполеонъ III сдѣлалъ со своей стороны все чтобы состоялась война изъ-за Польши. Еще въ ожиданіи достопамятныхъ отвѣтовъ отъ Россіи, помѣченныхъ 1-мъ (13-мъ) іюля, въ которыхъ такъ сильно сказалось истинное чувство Русскаго народа, правительство Наполеона III предлагало Англіи и Австріи заключить конвенцію, или составить протоколъ которымъ всѣ три державы торжественно обязались бы «поставить Польшу въ положеніе прочнаго и постояннаго мира», хотя бы для этого пришлось начать нескончаемую войну. Не разчитывая на возможность вовлечь Англію въ такую разумную сдѣлку, Франція обнаруживала даже готовность удовольствоваться дружественнымъ нейтралитетомъ со стороны Англіи и подстрекая Австрію, сулила ей всякаго рода поддержку на случай войны съ Россіей.

Но поддержка и гарантія одной Франціи не могли еще побудить Австрію къ воинственной политикѣ относительно Россіи: вопервыхъ, Австріи пришлось бы подвергнуться первымъ и самымъ тяжкимъ ударамъ съ нашей стороны; вовторыхъ, она поставила бы себя въ совершенную зависимость отъ Франціи, которой она не можетъ довѣриться; втретьихъ, такъ какъ сухопутныя французскія войска могли бы проникнуть на театръ войны Австріи съ Россіей не иначе какъ чрезъ территорію Германскаго Союза и благодаря вліянію Пруссіи, не иначе какъ вопреки рѣшенію германскаго сейма, то Австрія тѣмъ самымъ подвергла бы опасности Германію и окончательно испортила бы свое въ ней положеніе. Вчетвертыхъ, результатомъ такой войны для Австріи была бы во всякомъ случаѣ и по меньшей мѣрѣ потеря Галиціи и Кракова, съ надеждою на какое-либо непрочное вознагражденіе, въ случаѣ успѣшности войны, и безо всякаго вознагражденія въ случаѣ неудачи, такъ какъ тогда Галиція, большинство населенія которой чисто-русское, естественно должна была бы отойти къ Россіи. Всѣ эти причины внушали Австріи миролюбіе, но съ другой стороны, Австрія боялась прогнѣвить императора Французовъ,

внушающаго ей весьма понятный страхъ и пользующагося всякимъ случаемъ чтобы дать ей почувствовать опасность разлада съ собой. Поставленная такимъ образомъ между двухъ огней, Австрія всячески старалась пройти между ними, не подвергая себя обжогу. Принимая въ разчетъ что въ Берлинѣ могутъ очень желать окончательнаго разрыва между Австріей и Франціей, и вслѣдствіе того выставлять политику Австріи въ непріятномъ для Франція свѣтѣ, мы тѣмъ не менѣе находимъ довольно правдоподобными показанія берлинскаго корреспондента *Кельнской Газеты* относительно усилій Австріи сохранить добрыя отношенія къ Россіи въ то самое время какъ она дѣйствовала противъ насъ заодно съ Франціей. Въ сущности, эти показанія еще прежде высказаны были дипломатическими корреспондентами *Journal des Débats*, этими загадочными лицами, пишущими съ какой-то особенной точки зрѣнія, которую нельзя назвать ни русскою, ни польскою, ни австрійскою. Въ самомъ началѣ, говорятъ намъ разглашатели секретовъ дипломатіи, Австрія старалась увѣрить Россію что она присоединилась къ западнымъ державамъ только для того чтобъ умѣрить ихъ требованія въ польскомъ вопросѣ; потомъ она выставила программу шести пунктовъ будто бы съ согласія и одобренія Россіи; наконецъ, она же будто бы внушила Россіи или по крайней мѣрѣ одобрила мысль о конференціи между тремя державами раздѣлившими Польшу, и только для вида, изъ страха предъ Франціей, и успокоенная предложеніями послѣдней, громко протестовала потомъ противъ этой мысли. Сверхъ того, во все предолженіе переговоровъ между тремя державами, чтобы не подвергать себя прямой опасности со стороны Франціи, Австрія постоянно предоставляла Англіи и Франціи договариваться насчетъ дальнѣйшихъ дѣйствій противъ Россіи. Несмотря, однакоже, ни на эти уловки, ни даже на громкій протестъ противъ предложенной княземъ Горчаковымъ конференціи трехъ державъ, Австрія еще въ августѣ мѣсяцѣ чуть было не навлекла на себя гнѣва Франціи,

и тогда распространились слухи о сближеніи послѣдней съ Пруссіей. Слухи эти еще болѣе усилились со времени Франкфуртскаго конгресса германскихъ государей, созваннаго, какъ извѣстно, въ половинѣ августа, Австрійскимъ императоромъ.

Но вотъ пришелъ третій рядъ отвѣтовъ отъ Россіи, въ которыхъ объявлялось что было бы неумѣстно длить переговоры. Франція усмотрѣла въ этихъ отвѣтахъ особенное для себя оскорбленіе. Начинать одной войну противъ Россіи невозможно; дѣлать новыя предложенія на этотъ предметъ Англіи и Австріи, когда прежнія были ужь разъ отвергнуты, было бы не совсѣмъ совмѣстно съ достоинствомъ Франціи, да и безполезно: Франція предоставила имъ договориться сначала между собою, обѣщая принять ихъ предложенія, если они въ состояніи будутъ подвинуть дѣло къ развязкѣ; а сама тѣмъ временемъ принялась искушать Пруссію, чтобъ отвлечь ее отъ Россіи и въ то же время поставить на ножи съ Австріей. Есть поводъ предполагать почти навѣрное что Пруссіи были разставлены сѣти съ приманками весьма соблазнительными. Но Пруссія устояла противъ искушеній, и какъ нерѣдко бываетъ съ подвергающимися искушенію и навлекающими на себя сомнѣніе, она, повидимому, тѣмъ съ большею ревностью обратилась на прежній путь благоразумія и доброжелательства къ Россіи. Между тѣмъ Австрія и Англія усердно договаривались между собою, но не успѣли договориться ни о чемъ. Изъ совокупности извѣстій, несмотря на нѣкоторыя противорѣчія между ними и неточности, можно, повидимому, съ достовѣрностью вывести слѣдующее заключеніе. Лордъ Россель предложилъ Австріи проектъ новой депеши въ С.-Петербургъ, въ которой офиціально и рѣзко высказана была мысль объ утратѣ Россіей правъ на Польшу, проистекающихъ изъ Вѣнскихъ трактатовъ, мысль изложенная имъ прежде въ рѣчи произнесенной въ Блергоури. Австрія, была бы готова усвоить себѣ этотъ проектъ и тѣмъ обезоружить Францію, но предвидя что съ ея стороны

объявить Россію лишенною правъ на Польшу значитъ поставить на ноги всѣхъ Поляковъ Галиціи и такимъ образомъ накликать на себя войну съ Россіей, она напередъ пожелала имѣть удостовѣреніе, что Англія сама приметъ участіе въ этой войнѣ если не войсками, то денежными субсидіями. Но такъ какъ Англія расположена извлекать для себя изъ польскаго вопроса только даровыя побѣды надъ Россіей, и такъ какъ она отнюдь не желаетъ хоть чѣмъ-нибудь заплатить за эти побѣды, въ сущности не очень нужныя ей, то Австрія получила въ отвѣтъ что Англія не думаетъ участвовать въ войнѣ изъ-за Польши ни войсками, ни денежными субсидіями. Тогда Австрія отвергла проектъ лорда Росселя, утратившій вслѣдствіе того и въ глазахъ Франціи практическое значеніе. Тѣмъ не менѣе, подъ вліяніемъ ли раздраженія, произведеннаго послѣдними отвѣтами князя Горчакова и можетъ-быть усиленнаго появленіемъ русской эскадры въ американскихъ водахъ и пріемомъ оказаннымъ ей Сѣверянами, или же подъ вліяніемъ своей извѣстной антипатіи къ той системѣ правленія которой представительницей считается Россія, графъ Россель рѣшился одинъ, около 10-го октября, послать свою депешу въ С.-Петербургъ, то-есть сдѣлать намъ наибольшій вредъ какой Англія могла сдѣлать не рискуя ничѣмъ. Но лордъ Непиръ не успѣлъ еще предъявить эту громовую депешу князю Горчакову какъ получилъ предписаніе пріостановиться ея сообщеніемъ. Этотъ фактъ не подлежитъ сомнѣнію, хотя и объясняется различно. Повидимому, Пруссія энергически обратила вниманіе Британскаго правительства на то, что съ отрицаніемъ основанныхъ на трактатахъ правъ Россіи на Польшу само собою связано признаніе за польскими мятежниками правъ воюющей стороны, а это, облегчивъ доставку имъ оружія изъ Франціи и другихъ странъ, можетъ повлечь за собою войну съ Россіей, войну, въ которой Пруссія по необходимости будетъ на сторонѣ Россіи. Эти доводы, говорятъ, подѣйствовали особенно на лорда Пальмерстона, который, какъ извѣстно, еще прежде, въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій палаты общинъ, высказывался рѣшительно противъ отмѣны статей Вѣнскаго трактата, опредѣляю-

щихъ отношеніе Польши къ Россіи, на томъ основаніи, что съ ихъ отмѣной ни Англія, ни какая-либо другая держава не будетъ имѣть никакого права вступаться за Польшу предъ Россіей. Какъ бы то ни было, рѣзкая депеша отъ 8-го или 10-го октября была отмѣнена, и Австрія представила отъ себя проектъ общей «деклараціи» трехъ державъ, составленной, какъ говорятъ, въ самомъ миролюбивомъ духѣ, причемъ она однакоже все-таки напередъ заявила Россіи, что не намѣрена приступать ни къ какому враждебному для нея дѣйствію. Но эта декларація не была принята Англіей, которая, вслѣдъ затѣмъ, опять безъ согласія другихъ двухъ державъ отправила отъ себя новую депешу, предъявленную, какъ говоритъ *Кельнская Газета*, князю Горчакову 26-го (14-го) октября, тогда какъ Австрія предоставила себѣ препроводить въ Петербургъ свою отдѣльную декларацію. Можно считать достовѣрнымъ, что въ предъявленной С.-Петербургскому кабинету новой англійской депешѣ нѣтъ рѣчи объ отмѣнѣ какихъ-либо статей Вѣнскаго трактата, а напротивъ говорится, якобы Поляки никакими мятежами не могутъ лишить себя тѣхъ неопредѣленныхъ правъ, которыя сама Россія, вопреки настояніямъ другихъ державъ, выговорила для нихъ на Вѣнскомъ конгрессѣ и занесла какъ въ особые свои трактаты съ Австріей и Пруссіей, такъ и въ главный актъ этого конгресса. Еще мѣнѣе извѣстенъ смыслъ австрійской деклараціи; но вѣнскіе журналы уже прямо утверждаютъ, что не ожидая болѣе ничего отъ западныхъ державъ и потерпѣвъ неудачу въ Германіи какъ со своимъ проектомъ реформы, такъ и по таможенному вопросу, Австрія начинаетъ склоняться въ пользу не только сближенія съ Россіей, но и соглашенія съ Пруссіей.

Такимъ образомъ длившіеся столько времени переговоры привели къ одному результату: составившаяся было противоестественная коалиція трехъ державъ противъ Россіи, по польскимъ дѣламъ, распалась окончательно, и вмѣсто того чтобы поставить Россію въ отчужденное, одинокое положеніе, Франція чуть ли не попала въ него сама. Что̀ предприметъ она въ этомъ одинокомъ своемъ положеніи? Отважится ли она

одна на войну изъ-за Польши, пренебрегши опытомъ 1812 года, или примирится съ не совсѣмъ пріятнымъ нынѣшнимъ своимъ положеніемъ? Многіе ожидаютъ найти отвѣтъ на этотъ вопросъ въ тронной рѣчи императора Наполеона, но эта рѣчь, безо всякаго сомнѣнія, будетъ отличаться неопредѣленностью и двусмысленностью, и не разсѣетъ никакихъ недоразумѣній.

Россіи не для чего унижать Францію; но ей нѣтъ ни малѣйшей надобности и выводить ее изъ затруднительнаго положенія, въ какое она сама поставила себя, особенно же цѣною такой неразумной политики въ отношеніи къ Польшѣ, оторую думали предписать намъ въ шести пунктахъ и кото-к рую такъ усердно рекомендуетъ Россіи одинъ изъ парижскихъ корреспондентовъ *Indépendance Belge*. Этотъ корреспондентъ, повидимому очень доброжелательный къ Россіи, идетъ даже далѣе шести пунктовъ; онъ увѣряетъ, что Россія только для того и подавляетъ мятежъ въ Польшѣ, чтобы потомъ сейчасъ договориться съ Европой о дарованіи Польшѣ еще болѣе широкихъ правъ чѣмъ тѣ которыя были требуемы въ шести пунктахъ. Хотя съ врагами легче бороться чѣмъ съ друзьями, но серіозность положенія дѣлъ требуетъ, чтобы Россія думала о себѣ и своихъ подданныхъ, а не о друзьяхъ своихъ,—не о Французахъ и не о *гражданахъ* Царства Польскаго. Россіи слѣдуетъ позаботиться объ окончательномъ упраздненіи такъ-называемаго польскаго вопроса и объ устройствѣ внутренняго своего быта на болѣе прочныхъ и надежныхъ началахъ.

XVII.

ПЕРЕДОВАЯ СТАТЬЯ ВЪ № 233 „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“ (26 ОКТЯБРЯ).

Рѣчь императора Французовъ достигла наконецъ и насъ въ Москвѣ, чрезъ двое сутокъ послѣ того какъ телеграфъ передалъ ее въ другія столицы Европы. Хотя, къ счастію, прошли тѣ времена когда отъ нѣсколькихъ словъ сказанныхъ въ

Тюильри зависѣло быть или не быть войнѣ въ Европѣ, но тѣмъ не менѣе нельзя было ожидать рѣчи Наполеона III безъ нетерпѣливаго любопытства. Французская журналистика исчерпала все что можетъ быть сказано во славу Франціи по поводу ея колоссальной неудачи въ польскомъ вопросѣ. Но злая судьба хотѣла чтобы все было не впопадъ. Парижскіе полуофиціальные журналы впали въ воинственный тонъ именно когда Англія и Австрія собирались признаться въ совершенномъ миролюбіи. Чтобы поправить свои фонды, парижскіе журналы ухватились за нѣсколько словъ брошенныхъ лордомъ Росселемъ въ Блергоури и принялись раздувать тему объ отмѣнѣ Вѣнскихъ трактатовъ по отношенію къ Польшѣ. Они ратовали уже не за Польшу, не противъ Россіи, а за идею новой Европы и противъ ненавистныхъ Вѣнскихъ трактатовъ. Но только-что они успѣли приписать сверхъестественное значеніе предстоящей побѣдѣ Франціи надъ Вѣнскими трактатами, какъ оказалось что лордъ Россель порѣшилъ что на этотъ разъ Вѣнскіе трактаты могутъ быть оставлены въ покоѣ. Конфузъ былъ большой. Надобно было либо проглотить пилюлю уже не позолоченную, либо рѣшиться на колоссальный рискъ войны. Но воевать нѣтъ никакой возможности. Положеніе для французскаго тщеславія было безвыходное, и среди этого-то безвыходнаго положенія Наполеону III пришлось готовить свою тронную рѣчь. Можно ли было не ожидать ея съ любопытствомъ? Какъ вывернется ловкій человѣкъ изъ затрудненій, объ этомъ ломала себѣ голову вся Европа.

Но вывернуться изъ затрудненій еще было мало. Тронная рѣчь императора Французовъ должна непремѣнно произвести сильный эффектъ: таковъ одинъ изъ основныхъ законовъ Французской имперіи, и едва ли не самый главный. Спрашивалось, какой эффектъ извлечетъ опытный мастеръ изъ польскаго дѣла, вступившаго въ такую неблаговидную для Франціи фазу. Будетъ ли императоръ Наполеонъ говорить отъ полноты самоувѣренности, тономъ угрожающимъ и воинственнымъ, слѣпо полагаясь на Наполеоновскую звѣзду и ставя на

карту свое положеніе въ Европѣ? Или онъ разыграетъ роль монарха конституціоннаго, предоставляющаго своему новому парламенту разобрать и рѣшить все дѣло? И то, и другое было бы эффектно, послѣднее можетъ-быть не менѣе эффектно чѣмъ первое. И въ томъ и въ другомъ случаѣ французскія газеты могли бы прославить великодушіе императора и приходить въ восторгъ отъ того, что Франція подаетъ блестящій примѣръ всему міру. Но и въ томъ и въ другомъ случаѣ эффектъ былъ бы купленъ дорого, а не въ этомъ, конечно, состоитъ мастерство на эффекты.

Мы знаемъ теперь, чему будетъ удивляться, чѣмъ будетъ гордиться Франція по поводу кровопролитія которое она поощряла въ Польшѣ. Обѣ ея союзницы въ дипломатическомъ походѣ противъ насъ оказались зараженными низкимъ страхомъ войны, который не позволитъ Франціи сдѣлать хоть что-нибудь сообща съ ними для европейскаго мира, при всѣхъ ея усиліяхъ вызвать европейскую войну. Поэтому Франція совершенно отказывается отъ мысли о войнѣ съ Россіей, и изъ рѣчи Наполеона III строго изгнана и тѣнь воинственности. Онъ уже не угрожаетъ намъ, а только жалуется на насъ, за то что мы видѣли устрашеніе тамъ гдѣ были безкорыстные совѣты; онъ освобождаетъ насъ отъ своихъ совѣтовъ и напротивъ самъ для себя извлекаетъ совѣтъ изъ нашихъ сношеній съ Франціей. Выходитъ такъ что Россія какъ бы сама присовѣтывала ему тотъ шагъ который онъ теперь намѣренъ сдѣлать. Большей любезности мы не могли ожидать отъ нашего недавняго ожесточеннаго дипломатическаго противника. Даже о Полякахъ онъ говоритъ съ очевиднымъ вниманіемъ къ нашей чувствительности. Онъ упоминаетъ, правда, о правахъ польскихъ мятежниковъ, которыя занесены въ лѣтописи исторіи и трактаты, но сколько ему представлялось случаевъ сказать что-нибудь посильнѣе этого, а онъ воздержался, не постоявъ даже за эффектами, которые давались ему сами собой! Итакъ, большей любезности нельзя было ожидать намъ отъ главы коалиціи, намъ угрожавшей.

Мы можемъ теперь поздравить себя, что эта коалиція окончательно разстроилась. На это уже указывалъ образъ дѣйствій Англіи и Австріи. Рѣчь 5-го ноября ставитъ это внѣ всякаго сомнѣнія. Она возбуждаетъ даже воспоминанія о томъ золотомъ времени, когда Франція и Россія жили душа въ душу, и когда Франція ничѣмъ не успѣла услужить Россіи, а Россія оказала Франціи важныя услуги, за которыя теперь послѣ неудачнаго дипломатическаго похода императоръ Наполеонъ отплачиваетъ намъ словами благодарности. Онъ рѣшается *не обинуясь* высказать эту благодарность и вѣроятно надѣется, что мы оцѣнимъ его смѣлость и воздадимъ должное человѣку который смѣлъ не только на враждебныя дѣла, но и на слова признательности. Словомъ, послѣ недавней форсированной атаки нельзя было обойтись съ нами очаровательнѣе какъ обошелся императоръ Наполеонъ въ своей тронной рѣчи.

Пользуясь совѣтомъ извлеченнымъ изъ своихъ сношеній съ Россіей, императоръ Наполеонъ III находитъ однако же возможнымъ не оставлять насъ совсѣмъ въ покоѣ. Когда онъ собиралъ союзниковъ для войны съ нами, онъ руководился собственно только безкорыстнымъ и доброжелательнымъ намѣреніемъ подѣйствовать на насъ всею тяжестію общественнаго мнѣнія Европы; единственною цѣлію его было умиротвореніе Польши. Теперь, подчиняясь нашему совѣту, онъ расширяетъ кругъ своей дѣятельности. Онъ заботится объ умиротвореніи уже не одной Польши, а всей Европы, въ которой такъ много оказалось элементовъ разложенія. Не на однихъ насъ грѣшныхъ хочетъ онъ подѣйствовать всею тяжестью общественнаго мнѣнія Европы, а вмѣстѣ съ нами и на многихъ другихъ. Съ этою цѣлью предлагаются конференціи для пересмотра Вѣнскихъ трактатовъ и для замѣны ихъ новыми конвенціями, которыя должны упрочить миръ Европы. Вотъ въ этихъ-то конференціяхъ, которыя должны окончательно порѣшить съ Вѣнскими трактатами, заключается тотъ эффектный сюрпризъ, который былъ припасенъ для тронной рѣчи. Что значитъ мелкая неудача вмѣшательства

въ польское дѣло, когда оно послужитъ поводомъ къ мирному преобразованію Европы и вмѣстѣ къ возстановленію французской національной чести, считающей пятномъ для себя Вѣнскіе трактаты? Тронная рѣчь предсказываетъ, что эти конференціи будутъ новою эрой для Европы и чуть не обѣщаетъ начать съ нихъ новое лѣтосчисленіе. Не малое удобство этого великаго замысла заключается еще въ томъ что тутъ какъ разъ можетъ возродиться словно фениксъ и польскій вопросъ, такъ интересующій Наполеоновскую Францію, и притомъ возродиться въ такой обстановкѣ, что намъ не будетъ обидно сдѣлать кой-какія уступочки и принять на себя кой-какія обязательства даже сверхъ того что̀ постановлено Вѣнскими трактатами. На этихъ конференціяхъ мы были бы, правда, подсудимыми,—вѣдь созваны онѣ были бы по поводу польскаго дѣла,—но намъ было бы лестно видѣть, что мы только главные, а не единственные подсудимые; по временамъ мы мѣняли бы роль подсудимаго на роль судьи, и въ эти свѣтлыя для насъ минуты присоединяли бы тяжесть своего мнѣнія къ тяжести общественнаго мнѣнія Европы, оказывающаго давленіе на другія подсудимыя государства. Это могло бы утѣшить насъ, а въ результатѣ Франція, благодѣтельница Польши, получила бы ту важную выгоду, что у насъ въ государствѣ завелось бы государство преданное и послушное ей.

Осуществится ли этотъ планъ? Нельзя сомнѣваться, что императоръ Наполеонъ III не заговорилъ бы въ тронной рѣчи о конгрессоподобныхъ конференціяхъ, еслибы не имѣлъ основанія надѣяться что онѣ состоятся. Однакоже теперешнія взаимныя отношенія европейскихъ державъ такъ ненадежны, а вопросы подлежащіе рѣшенію будущаго такъ серіозны и сложны, что ошибка очень возможна даже для такого опытнаго и такими громадными средствами располагающаго политика какъ Наполеонъ III. Но еслибъ и состоялись эти конференціи, то кромѣ польскаго и развѣ еще шлезвигъ-гольштейнскаго вопроса онѣ могли бы заняться только формальною

отмѣной нѣсколькихъ параграфовъ Вѣнскаго заключительнаго акта. Существенныхъ международныхъ вопросовъ онѣ не могли бы коснуться. Къ умиротворенію Европы онѣ послужили бы настолько же насколько шесть пунктовъ могли послужить къ умиротворенію Польши.

О дипломатическихъ сношеніяхъ трудно судить прежде ихъ окончанія, но повидимому никакъ нельзя ожидать, чтобы Россія могла въ настоящее время извлечь изъ общеевропейскихъ конференцій хоть какую-нибудь пользу для себя. Россія вышла счастливо изъ дипломатическихъ затрудненій вызванныхъ польскимъ мятежемъ. Но эти затрудненія были не что̀ иное какъ мистификація. За польское дѣло никто въ Европѣ не могъ сражаться, а потому какъ только былъ серіозно поставленъ вопросъ о войнѣ или мирѣ, всѣ затрудненія мгновенно исчезли. Но въ Европѣ теперь много вопросовъ за которые можно сражаться, и Россіи конечно выгоднѣе отсрочивать нежели ускорять рѣшеніе этихъ вопросовъ. Наше положеніе въ Европѣ безспорно поправилось сравнительно съ тѣмъ что̀ было нынѣшнею весной. Но этого еще очень мало чтобъ ожидать какихъ-нибудь выгодъ для Россіи отъ европейскаго конгресса. Мы можемъ существенно выиграть въ международныхъ дѣлахъ не дипломатическими сношеніями, какъ бы ловко ведены они ни были, а однимъ изъ двухъ: внутреннимъ преображеніемъ, или счастливою войной.

XVIII.

Передовая статья въ № 234 „Московскихъ Вѣдомостей“ (29 октября).

Телеграфъ извѣщаетъ что лондонскія газеты, какъ и слѣдовало ожидать, высказались неблагопріятно о планѣ созвать конгрессъ для обсужденія разныхъ европейскихъ вопросовъ. Въ то же время, изъ Парижа приходитъ вѣсть подающая поводъ къ заключенію, что Франція будетъ торопить Европу

отвѣтомъ: этого тоже надобно было ожидать, потому что, придумавъ сюрпризъ, естественно извлекать выгоду изъ впечатлѣнія которое должно быть имъ произведено. Но къ счастію, тѣхъ, на кого разчитанъ сюпризъ, теперь гораздо труднѣе захватить врасплохъ чѣмъ было прежде; теперь уже одинъ телеграфъ сто́итъ многаго въ этомъ отношеніи, и если тронная рѣчь императора Наполеона произведетъ на кого-нибудь обаятельное дѣйствіе, то развѣ только на Французовъ. Въ этомъ повидимому и состоитъ главная цѣль тронной рѣчи: она обрашена не къ Европѣ, а ко Франціи, и какъ нельзя лучше исполнитъ свое назначеніе, если убѣдитъ Францію, что недавняя неудача французской дипломатіи поставитъ эту державу на недосягаемую высоту величія, могущества и славы.

Однакоже, оставивъ не касающіеся до насъ счеты императора Наполеона съ Франціей, посмотримъ насколько есть вѣроятія что тюильрійскій сюрпризъ подѣйствуетъ и на Европу.

Конгресса по общеевропейскимъ вопросамъ можетъ желать теперь въ Европѣ только тотъ кто хочетъ войны. Нѣтъ ни одного важнаго европейскаго вопроса по которому конгрессъ не увеличилъ бы существующихъ затрудненій. Поэтому тѣ державы которымъ дорогъ миръ не только не могутъ желать конгресса, но не могутъ и согласиться на конгрессъ. Даже въ томъ случаѣ, еслибы коалиція составлявшаяся противъ Россіи продолжала существовать, и еслибы рѣшеніе ея начать войну съ нами будущею весной было твердо, даже и въ этомъ случаѣ конгрессъ не былъ бы въ видахъ державъ соединившихся противъ Россіи, при желаніи ихъ избѣжать общеевропейскаго пожара. Императоръ Французовъ, оставаясь вѣрнымъ коалиціи, не предложилъ бы тогда конгресса; онъ продолжалъ бы предлагать конференцію подписавшихъ Вѣнскій трактатъ восьми державъ, исключительно по польскому дѣлу. Его союзники согласились бы на созваніе общеевропейскаго конгресса только въ томъ случаѣ, еслибъ условились не поднимать на немъ никакого серіознаго вопроса кромѣ польскаго. Это была бы ловушка для Россіи; это были бы, возвращающіяся въ

костюмѣ конгресса, отвергнутыя Россіей конференціи державъ подписавшихъ Вѣнскіе трактаты. Если же переходъ отъ конференціи по польскому дѣлу къ конференціямъ имѣющимъ характеръ конгресса по всѣмъ спорнымъ европейскимъ вопросамъ не есть маскарадъ, то онъ свидѣтельствуетъ только о томъ что коалиціи уже не существуютъ болѣе, и что надобно прибѣгать къ самымъ отдаленнымъ и невѣрнымъ средствамъ, чтобъ увеличить число поводовъ къ войнѣ въ Европѣ. Но въ такомъ случаѣ невозможно чтобъ эти конгрессоподобныя конференціи состоялись.

Въ дипломатіи многое покрыто тайной. Всѣ видимые признаки ведутъ къ заключенію что коалиція трехъ державъ окончательно разстроилась. Если такъ, то ни Англія, ни Австрія не могутъ пойти ни на конгрессъ, ни на конференціи равносильныя конгрессу. Если же онѣ пойдутъ на французское предложеніе, значитъ есть еще надежды на возобновленіе коалиціи и на то что предполагаемыя конференціи будутъ въ сущности не что̀ иное, какъ отвергнутыя Россіей конференціи восьми державъ по польскому вопросу. Политика Франціи, замыслившей созваніе конгресса, должна стало-быть состоять въ томъ, чтобъ Англія и Австрія были убѣждены что на конференціяхъ будетъ единственно обсуждаться польскій вопросъ, а въ Россіи чтобы была возбуждена увѣренность что Франція будетъ стараться всячески перехитрить Англію и Австрію и что конференціи будутъ имѣть значеніе общеевропейскаго конгресса. Для такой увѣренности есть дѣйствительно не мало основаній; не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что Франція была бы рада перехитрить и Англію и Австрію; на нихъ она очень сердита. Но вопервыхъ, еще вопросъ удастся ли Франціи то что̀ ей хочется, а вовторыхъ, еслибы Франція имѣла самый полный успѣхъ на конгрессѣ, то это было бы невыгодно для Россіи уже по одному тому, что Россія не можетъ сходиться съ Франціей въ желаніи мутить Европу. Россіи нуженъ миръ, нужно поддержаніе *statu quo*. Ея интересы въ настоящую минуту гораздо болѣе согласны съ интере-

сами Англіи и Австріи, чѣмъ съ интересами Франціи, считающей своимъ призваніемъ поднимать въ Европѣ вопросъ за вопросомъ.

Намъ кажется поэтому совершенно невѣроятнымъ дѣломъ чтобы конференціи похожія на конгрессъ состоялись. Но какъ же объяснить себѣ что императоръ Наполеонъ III завелъ о конференціяхъ громкую рѣчь въ торжественную минуту предъ лицомъ Франціи и Европы? Неужели онъ не запасся предварительными обѣщаніями хоть нѣсколькихъ державъ? Неужели можно думать чтобы не заручилась ему та или другая держава еще до произнесенія тронной рѣчи? Надобно полагать что у императора Наполеона есть какія-нибудь основанія ожидать что задуманный имъ конгрессъ можетъ состояться, что въ особенности Австрія, которая всегда была противъ конгресса, теперь можетъ быть склонена къ участію въ конференціяхъ для пересмотра Вѣнскихъ трактатовъ. Повидимому онъ всего болѣе разчитывалъ на затруднительность положенія Австріи, которая вслѣдствіе польскаго вопроса дѣйствительно окружена опасностями со всѣхъ сторонъ.

Повинуясь преданію, идущему еще отъ временъ Вѣнскаго конгресса, а также въ качествѣ новичка между конституціонными государствами, Австрія сочла нужнымъ полиберальничать предъ Россіей по польскому вопросу. Къ этому побужденію присоединились не совсѣмъ хорошія отношенія, въ которыхъ она находилась къ Россіи съ 1854 года, надежда затруднить Пруссію, опасенія серіозныхъ замѣшательствъ въ Галиціи, которыми легко могла воспользоваться Венгрія, и болѣе всего опасность отъ Франціи для италіянскихъ владѣній Австріи. Франція разчитывала на всѣ эти затрудненія и опасенія Австріи, и предложила ей свою поддержку и гарантію на случай войны съ Россіей. Франція надѣялась что Австрія совсѣмъ подчинится ей, но опасеніе войны съ Россіей превозмогло, и Австрія отклонила отъ себя французскія любезности. Чтобы вывернуться изъ затрудненій, она тотчасъ же схватилась за вопросъ о реформѣ Германскаго Союза.

Реформа Германіи сама по себѣ служитъ вовсе не цѣлью, а только средствомъ для Австріи. Ближайшею ея цѣлью, при созваніи Франкфуртскаго конгресса государей Германіи, было на всякій случай пріобрѣсти возможно-бо́льшую популярность въ Германіи, парализовать вліяніе Пруссіи и, въ случаѣ успѣха, захватить въ свое распоряженіе военныя силы Германскаго Союза, оградить себя ими отъ страха какъ Франціи, такъ и Россіи, и выйти такимъ образомъ изъ того въ сущности жалкаго положенія, въ какое поставлена Австрія съ самаго начала польскаго вопроса. Какъ показала недавняя Нюрнбергская конференція, попытка Австріи не увѣнчалась успѣхомъ, а между тѣмъ она въ высшей степени раздражила Пруссію, и въ сентябрѣ мѣсяцѣ, уже послѣ третьяго ряда отвѣтовъ князя Горчакова, съ особенною силой заговорили о сближеніи Франціи съ Пруссіей.

Франція для достиженія своихъ цѣлей нисколько не стѣсняется союзами. Австрія возбудила германскій вопросъ, чтобы по возможности выйти изъ затрудненій въ которыя можетъ повергнуть ее вопросъ польскій. Франція тотчасъ же воспользовалась этимъ, чтобъ обратить германскій вопросъ противъ Австріи и сблизиться съ Пруссіей. Австрія старается вывернуться изъ объятій Франціи, съ тѣмъ чтобъ она одна какъ знаетъ разведывалась съ Россіей по польскому вопросу: Франція тотчасъ же обращается съ своими искушеніями къ Пруссіи. Къ слову упомянемъ здѣсь о планахъ новаго политическаго распредѣленія Европы, недавно выставленныхъ *Opinion Nationale*. Повидимому эти планы немного болѣе чѣмъ порожденіе фантазіи редакторовъ этой газеты. Отъ Австріи и Пруссіи ожидается уступка доставшихся имъ частей старой Польши. Кромѣ этой уступки отъ Пруссіи требуются еще ея рейнскія провинціи. За то ей предоставляются всѣ мелкія государства сѣверной Германіи, съ присоединеніемъ Ганноверскаго королевства; къ Австріи же должны отойти Баварія, Виртембергъ и часть Силезіи. Третьею германскою державой долженъ стать Баденъ, переименовываемый въ королевство, съ присоединеніемъ къ нему Гессенъ-Дармштадта и земель по лѣвому берегу

Майна. Этотъ фантастическій планъ, разчитанный на то чтобы разомъ уловить и Пруссію, и Австрію, можетъ быть, по волѣ изобрѣтателей, видоизмѣняемъ согласно съ обстоятельствами или въ пользу одной Пруссіи, или въ пользу одной Австріи. Такъ, во время серіозной попытки къ сближенію съ Пруссіей, могла идти рѣчь о томъ чтобъ она завладѣла большею частью Германіи.

Подобными планами можно пугать то Австрію, то Пруссію, и пожалуй напугать ихъ до того, что онѣ согласятся пойти на конференцію. Онѣ обѣ питаютъ ко Франціи чувство паническаго страха, и легко могутъ предпочесть тайнымъ искушеніямъ и запугиваніямъ участіе въ конференціи, которая будетъ, правда, созвана для пересмотра Вѣнскаго трактата, но гдѣ, вмѣстѣ съ представителемъ Франціи, будетъ засѣдать и представитель Англіи, то-есть державы въ которой и Пруссія и Австрія видятъ свою обязательную союзницу. Пруссія, несмотря на всѣ нападки которымъ она подвергается и въ англійскомъ парламентѣ и въ англійскихъ газетахъ, можетъ вполнѣ полагаться на свои династическія связи съ Англіей, которыя будутъ уважены, по крайней мѣрѣ при жизни королевы Викторіи, всякимъ англійскимъ министерствомъ. Что же касается до Австріи, то для Англіи нѣтъ болѣе важнаго интереса на материкѣ Европы какъ поддержка этой державы. Зная это, Пруссія и Австрія могутъ пойти на конференцію, чтобъ избавиться отъ давленія французской политики. Какъ ни заинтересована Пруссія въ добрыхъ отношеніяхъ къ Россіи, но повидимому не подлежитъ сомнѣнію, что нынѣшній глава прусскаго министерства, г. фонъ-Бисмаркъ, въ виду внутреннихъ затрудненій и изъ ненависти къ Австріи, не прочь серіозно потолковать и о сближеніи съ Франціей. Поэтому со стороны германскихъ державъ Франція имѣетъ шансы успѣха по вопросу о конференціи: серіознаго вреда для себя отъ конференціи ни Пруссія, ни Австрія ожидать не могутъ. Онѣ очень хорошо знаютъ, что Россія не можетъ допустить ни одного серіознаго шага къ возстановленію старой Польши, а Англія сверхъ того не можетъ предоставить Франціи

лѣвый берегъ Рейна. Австрія понимаетъ далѣе, что Англія не допустила бы и чрезмѣрнаго усиленія Пруссіи въ ущербъ Австріи, такъ какъ могущество послѣдней необходимо для англійской политики на юго-востокѣ Европы. Наконецъ подобныя территоріальныя перемѣны могутъ быть скорѣе производимы сепаратными трактатами нежели актомъ общеевропейскихъ конференцій.

Вотъ эта-то увѣренность, что серіозная опасность ни въ какомъ случаѣ не угрожаетъ ни Пруссіи, ни Австріи, если онѣ пойдутъ на конференцію, можетъ побудить эти державы къ уступкѣ французскимъ настояніямъ. Франція не преминетъ, конечно, подѣйствовать на нихъ всею тяжестью своего давленія; она не постоитъ ни за какими завѣреніями и пуститъ въ ходъ всевозможныя хитрости. Она будетъ съ одной стороны грозить имъ своимъ гнѣвомъ и разными своими планами, которые могутъ осуществиться и безъ конгресса; съ другой стороны она будетъ имъ обѣщать, что конференціи въ сущности ограничатся польскимъ вопросомъ, а въ удостовѣреніе укажетъ имъ на Англію, которая никакъ не допуститъ обсужденія другихъ европейскихъ вопросовъ. Не даромъ и въ тронной рѣчи конгрессъ названъ не конгрессомъ, а конференціей.

Изо всего этого слѣдуетъ, что если конгрессъ по всѣмъ европейскимъ вопросамъ—дѣло теперь несбыточное, то конференція созванная съ тайною цѣлью обсуждать лишь польскій вопросъ, съ устраненіемъ всего другаго, очень можетъ состояться. Потому нельзя отрицать, что предложеніе императора Наполеона грозитъ серіозною опасностью Россіи.

XIX.

передовая статья въ № 235 „московскихъ вѣдомостей“ (30 октября).

Ниже подъ рубрикой: *Франція*, * мы помѣщаемъ вполнѣ тронную рѣчь императора Наполеона. Даже и въ той части этого

* Въ томъ же нумерѣ *Моск. Вѣд.*

замѣчательнаго произведенія политическаго краснорѣчія которая сообщена была нами прежде, телеграфъ скрылъ отъ насъ одни выраженія и значительно ослабилъ другія. Общее впечатлѣніе, впрочемъ, остается то же: царственный ораторъ Франціи имѣлъ въ виду произвести поразительный эффектъ на своихъ подданныхъ и подавить заранѣе всѣ возгласы, какъ противъ системы внутренняго управленія, такъ особенно противъ внѣшней политики, которая въ польскомъ вопросѣ увѣнчалась такимъ чувствительнымъ дипломатическимъ пораженіемъ.

Присутствіе многихъ знаменитостей прежняго времени въ новомъ законодательномъ сословіи, несмотря на все противодѣйствіе ихъ избранію со стороны администраціи, не могло быть обойдено молчаніемъ въ тронной рѣчи. Въ свое время императоръ былъ, говорятъ, сильно смущенъ этими выборами. Теперь онъ только радуется общему ихъ результату, и тѣмъ не менѣе дважды напоминаетъ этимъ знаменитостямъ, что и они присягали ему на вѣрность, что и они клялись поддерживать императорскую конституцію.

Въ числѣ мѣръ предположенныхъ для развитія внутренняго благосостоянія страны, императоръ особенно указалъ на проектъ измѣняющій прежнія постановленія о стачкахъ между рабочими, постановленія, противъ которыхъ, въ концѣ прошлаго года, такъ сильно высказывалась либеральная часть французскаго общества, и на законъ расширяющій кругъ занятій генеральныхъ (департаментскихъ) и общинныхъ совѣтовъ и противодѣйствующій излишествамъ административной централизаціи. Въ предстоящую сессію, такимъ образомъ, не будетъ недостатка въ либеральныхъ проектахъ.

Но вся сила тронной рѣчи заключается въ той ея части которая посвящена внѣшней политикѣ. Императору Наполеону приписывались, по поводу отдаленныхъ экспедицій, и особенно экспедиціи Мексиканской, самые обширные и едва ли исполнимые замыслы: обратить Францію въ первоклассную морскую державу и сдѣлать ее если не полною властительницей морей, то по крайней мѣрѣ достойною соперницей Англіи. Импе-

раторъ скромно и добродушно отказывается отъ такихъ заранѣе будто бы задуманныхъ плановъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ приглашаетъ *вѣрить* въ эти отдаленныя заморскія экспедиціи: «начатыя для отомщенія за честь Франціи, говоритъ онъ, онѣ окончатся торжествомъ для нашихъ интересовъ», и такъ какъ для Франціи нѣтъ интереса выше военной славы, то онъ именно указываетъ что благодаря этимъ экспедиціямъ Франція стяжала себѣ славу въ Пекинѣ и Мексикѣ.

Но какъ бы ни была велика эта слава, пріобрѣтенная на двухъ противоположныхъ оконечностяхъ міра, императоръ Наполеонъ не довольствуется ею: ему нужно, для упроченія его династіи, болѣе близкое и болѣе осязательное торжество, и кто бы могъ подумать?—по поводу такъ неудачно возбужденнаго имъ польскаго вопроса, онъ уже торжествуетъ въ своей тронной рѣчи надъ ненавистными Франціи трактатами 1815 года! Какъ нѣкогда Наполеонъ I провозглашалъ на всю Европу изъ Шенбрунскаго дворца: «Династія неаполитанскихъ Бурбоновъ перестала царствовать», такъ теперь его племянникъ тѣми же самыми словами провозглашаетъ съ высоты своего престола: «Трактаты 1815 года перестали существовать!» И приведенная въ восторгъ аудиторія вторитъ его словамъ продолжительными рукоплесканіями, но за то чуткая Парижская биржа тотчасъ же отвѣчаетъ на нихъ паденіемъ трехпроцентной ренты на 50 сантимовъ противъ курса въ началѣ дня и на 20 сантимовъ противъ курса наканунѣ.

«Трактаты 1815 года перестали существовать!» Царственный ораторъ высказалъ въ этихъ словахъ не простой совершившійся фактъ, законное признаніе котораго могло бы принадлежать только всей Европѣ; онъ заявилъ ими свои надежды и стремленія, и сослался прежде всего на силу вещей, стремящуюся сокрушить эти трактаты повсюду. Приводя факты въ подтвержденіе своихъ надеждъ и желаній, онъ сопоставилъ, между прочимъ, великодушную отмѣну трактатовъ 1815 года со стороны Англіи, которая добровольно уступаетъ (?) Іоническіе острова, съ образомъ дѣйствій Россіи, которая, по сло-

вамъ оратора, «ногами попираетъ эти трактаты въ Царствѣ Польскомъ», гдѣ, какъ сказалъ онъ прежде въ другомъ мѣстѣ своей рѣчи, съ обѣихъ сторонъ совершаются излишества, о которыхъ слѣдуетъ равно скорбѣть во имя человѣчества.

Впрочемъ, объявляя что трактаты 1815 года перестали существовать, императоръ Наполеонъ не хочетъ взять на себя одного весь трудъ ихъ упраздненія, даже и въ примѣненіи къ одной Польшѣ. Въ этомъ отношеніи онъ высказываетъ ту же теорію съ которою уже познакомила насъ газета *La France*. Эта теорія заключается въ томъ, что Франція можетъ дѣйствовать одна только когда или нанесено оскорбленіе ея чести, или угрожаетъ опасность ея границамъ. А тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ общихъ интересахъ Европы, она напередъ вступаетъ въ соглашеніе съ другими державами. Такъ на этотъ разъ, право провозгласить трактаты 1815 года не существующими Франція присвоила исключительно себѣ одной; но къ созданію затѣмъ новой политической системы въ Европѣ она благосклонно приглашаетъ и всѣ другія державы. Ко всѣмъ имъ она обращаетъ съ этою цѣлью рѣчь въ высшей степени вкрадчивую, и рисуетъ имъ привлекательную картину общаго благоденствія которое наступитъ за отмѣной Вѣнскихъ трактатовъ. Согласитесь только замѣнить Вѣнскіе трактаты такимъ порядкомъ вещей который былъ бы вполнѣ угоденъ Франціи, и между европейскими державами исчезнутъ предразсудки и злопамятство, теперь ихъ раздѣляющіе, исчезнетъ и завистливое соперничество великихъ державъ между собою, которое еще такъ недавно помѣшало успѣхамъ цивилизаціи, задуманнымъ относительно Польши и Россіи, окажутся ненужными всѣ эти чрезмѣрныя вооруженія и вся эта суетная выставка силъ, на которыя идутъ драгоцѣннѣйшія средства народовъ; внѣшній миръ упрочится, и разрушительный духъ крайнихъ партій потеряетъ всю силу, которую искусственно придаетъ ему теперь противодѣйствіе законнымъ желаніямъ народовъ; словомъ, на землѣ водворится полное царство благодати.

Для водворенія такого прочнаго благополучія на землѣ императоръ Наполеонъ приглашаетъ европейскія державы на конгрессъ. Цѣль этого конгресса двоякая: признаніе того что̀ уже совершилось и довершеніе, съ общаго согласія, того чего требуетъ спокойствіе вселенной. (Уже не требуетъ ли оно, съ одной стороны, возстановленія старой Польши, а съ другой, присоединенія всего лѣваго берега Рейна ко̀ Франціи?) Власть этого конгресса должна быть такова чтобы предъ его верховными третейскими приговорами исчезли и всякое самолюбіе, и всякое сопротивленіе. Мѣстомъ для конгресса, въ которомъ должны принять участіе лично сами государи, назначенъ не какой-либо второстепенный городъ, какъ бывало прежде, а съ изумительною безцеремонностью, ни болѣе ни менѣе какъ Парижъ, озаряемый блескомъ величія новаго представителя фамиліи Бонапартовъ. Между предметами которыми долженъ заняться конгрессъ, въ тронной рѣчи Наполеона указаны очень неопредѣленно важные интересы и Сѣвера и Юга, требующіе, по его словамъ, рѣшенія. Какіе же это интересы?

Но Наполеонъ III не просто приглашаетъ на конгрессъ, а и указываетъ съ тѣмъ вмѣстѣ, что отказъ какой-либо державы участвовать на этомъ конгрессѣ заставитъ заподозрить ее въ какихъ-нибудь тайныхъ замыслахъ, которые боятся дневнаго свѣта. Онъ почти прямо говоритъ: «Идите на конгрессъ, и тогда всѣ дѣла могутъ быть порѣшены мирнымъ путемъ; иначе же, рано или поздно, но неизбѣжно возникнетъ война вслѣдствіе упорнаго желанія поддержать рушащееся прошедшее». Выборъ такимъ образомъ предоставляется только между конгрессомъ, долженствующимъ перевернуть вверхъ дномъ всю Европу, или войной, которая рано или поздно неминуемо должна возникнуть.

Намъ неизвѣстно въ точности, происходили ли уже какіе-либо переговоры объ этомъ конгрессѣ между тремя державами, и къ какимъ привели они результатамъ. Судя по нѣкоторымъ прежнимъ отзывамъ двухъ вліятельныхъ органовъ журналистики, *Times* въ Англіи и *Ostdeutsche Post* въ Австріи, мысль о кон-

грессѣ и объ отмѣнѣ трактатовъ 1815 года не является сюрпризомъ для обѣихъ этихъ державъ, и онѣ какъ бы приготовлялись усвоить ее себѣ. Если это дѣйствительно такъ, то не можетъ быть никакого сомнѣнія, что весь этотъ конгрессъ затѣянъ исключительно противъ Россіи и можетъ-быть еще Пруссіи. Не на одну Парижскую биржу тронная рѣчь произвела неблагопріятное впечатлѣніе: король Прусскій въ своей тронной рѣчи * предчувствуетъ также приближеніе еще болѣе смутной эпохи чѣмъ нынѣшняя, и очень знаменательно что во Франкфуртъ, къ германскому сейму препровождено одно изъ первыхъ приглашеній на Парижскій конгрессъ. Бѣдный германскій сеймъ! Какъ-то онъ выпутается изъ такого затруднительнаго положенія?

Но что бы ни принесли намъ грядущія событія, миръ или войну, Россіи нечего страшиться ни мирныхъ козней своихъ недруговъ, ни еще менѣе ихъ воинственныхъ ударовъ, до тѣхъ поръ пока бодрствуетъ народный духъ ея, пока не ослабѣли ея народныя силы, пока она не утратила вѣры въ свою великую будущность.

XX.

ПЕРЕДОВАЯ СТАТЬЯ ВЪ № 236 „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ" (31 ОКТЯБРЯ).

Обращаемъ вниманіе читателей на помѣщаемую ниже* англійскую депешу, не требующую ни по тону, ни по содержанію своему, никакого отвѣта отъ нашего правительства.

Нельзя не согласиться что тонъ иностранныхъ державъ относительно Россіи значительно измѣнился. Пусть сличатъ эту послѣднюю депешу лорда Росселя съ прежними: какая разница! Что же виною этой важной перемѣны въ

* Въ томъ же № *Моск. Вѣд.*

нашихъ международныхъ отношеніяхъ? Къ намъ обращались съ наставленіями, предписаніями, угрозами; насъ трактовали какъ державу лишенную всякой силы, чести и достоинства; насъ дѣлали предметомъ очень грубой мистификаціи. Ничего подобнаго нѣтъ и тѣни въ этой послѣдней депешѣ, которою заключается продолжительная дипломатическая переписка Россіи съ тремя европейскими дворами; языкъ которымъ теперь говорятъ съ Россіей не оскорбляетъ ея достоинства и соотвѣтствуетъ ея значенію. Что же, спросимъ мы снова,— что виною этой перемѣны? Слабодушная ли уступчивость, или энергическая рѣшимость взглянуть прямо въ глаза странной коалиціи, которая противъ насъ составилась, и грубому обману, которымъ хотѣли озадачить насъ?

Событія нынѣшняго года останутся навсегда назидательнымъ урокомъ въ исторіи: только энергіей, только рѣшимостію поддерживать во что бы то ни стало свои права и интересы, а отнюдь не уступчивостію,—великая держава можетъ побѣждать опасности и выходить изъ затрудненій. И впредь, чѣмъ менѣе будетъ мы соображаться съ чужими настояніями и мнѣніями, въ какой бы формѣ они ни заявлялись, чѣмъ неуклоннѣе и тверже будемъ мы имѣть въ виду наши собственныя права и интересы, чѣмъ рѣшительнѣе будемъ мы руководствоваться нашими собственными видами, тѣмъ вѣрнѣе обезпечимъ мы миръ и уваженіе къ намъ Европы. Намъ нечего заботиться о томъ чтобы снискивать благоволеніе той или другой державы; намъ нужно заботиться только о томъ чтобы во всемъ дѣйствовать согласно съ достоинствомъ и интересами нашей страны.

Сегодняшнія телеграммы весьма интересны. Лордъ Пальмерстонъ за обѣдомъ у лорда мера снова подтвердилъ намѣреніе Англіи оставаться нейтральною. А между тѣмъ императоръ Наполеонъ неутомимо хлопочетъ о конгрессѣ и разсылаетъ приглашенія ко всѣмъ державамъ, большимъ и малымъ, принять въ немъ участіе. Отъ г. Друэнъ де-Люиса наше правительство не получило депеши въ родѣ той какая

получена теперь отъ Лондонскаго кабинета; за то по всей Европѣ летятъ изъ Парижа приглашенія на конгрессъ, которыя служатъ какъ бы косвеннымъ отвѣтомъ князю Горчакову. Эти торопливыя приглашенія на какой-то импровизованный конгрессъ государей, долженствующій быть въ Парижѣ,—въ Парижѣ, Богъ знаетъ на какомъ основаніи,—очень сходствуютъ съ тою мистификаціей которою ознаменовался первый актъ этой дипломатической комедіи. Какъ тогда неслась на насъ цѣлая туча депешъ отъ всѣхъ европейскихъ дворовъ, приглашенныхъ къ участію въ дипломатической кампаніи, такъ и теперь цѣлою тучей приглашеній приглашается въ Парижъ, будто къ Додонскому оракулу, вся Европа, для рѣшенія своихъ судебъ. Изъ нынѣшнихъ телеграммъ мы видимъ что уже и королева Викторія, и Швейцарскій Союзъ получили по приглашенію.

Однако, что̀ же? Почему бы и не принять конгресса? Почему бы не участвовать намъ въ европейскихъ совѣщаніяхъ если не въ Парижѣ—куда еще не довело насъ, кажется, теченіе событій,—то хоть, напримѣръ, въ Лайбахѣ? Положеніе Европы, говорятъ намъ, требуетъ существенныхъ измѣненій, и намъ остается только воздать хвалу успѣхамъ цивилизаціи, дозволяющимъ произвести въ положеніи Европы существенныя измѣненія безъ тѣхъ кровавыхъ жертвъ которыми всегда ознаменовывались подобныя перемѣны; намъ остается только порадоваться, что для великихъ результатовъ достаточно прибѣгнуть къ благодушнымъ приглашеніямъ на мирныя конференціи и что императору Наполеону III выпалъ на долю прекрасный жребій осуществить, наконецъ, въ величественныхъ размѣрахъ, мечтанія общества извѣстнаго подъ названіемъ *друзей мира*.

Почему бы, въ самомъ дѣлѣ, не отозваться намъ на великодушный призывъ имѣющій цѣлію привести Европу въ лучшій порядокъ и открыть для нея новую эру весьма легкимъ и дешевымъ способомъ? Безъ всякаго сомнѣнія первымъ, главнымъ и существеннымъ вопросомъ на этихъ совѣщаніяхъ

долженъ быть Восточный вопросъ, который такъ долго откладывался и такъ долго мучилъ Европу. Если положеніе Европы должно быть существенно измѣнено, то измѣненіе должно начаться здѣсь. Россія можетъ дойти до пересмотра Вѣнскаго трактата только пересмотромъ трактата Парижскаго: другаго пути нѣтъ. Прежде чѣмъ на конгрессѣ можетъ быть поднятъ какой-либо другой европейскій вопросъ, необходимо рѣшить прочнымъ и удовлетворительнымъ образомъ вопросъ о состояніи здоровья *больнаго человѣка* на Востокѣ, о христіанскихъ племенахъ въ Турціи, о Черномъ Морѣ, причемъ грѣхъ было бы забыть о Константинополѣ. Затѣмъ, когда будутъ удовлетворительно разрѣшены эти коренные вопросы, безъ разрѣшенія которыхъ для Европы никакъ не можетъ открыться новая эра, возвѣщаемая ей заботливостію императора Наполеона III, можно было бы приступить и къ другимъ европейскимъ вопросамъ. Почему не подвергнуть обсужденію и вопросъ о возстановленіи Польши въ ея естественныхъ предѣлахъ, согласно модному теперь принципу народностей. За исключеніемъ нѣкоторыхъ частей Царства Польскаго, которыя по требованію этого принципа должны быть присоединены къ Россіи, почему остальныя его части не могли бы составить одно цѣлое съ Краковскою областію, которую недавно проглотила Австрія, съ западною частію Галиціи, съ Силезіей, Познанью и другими областями вошедшими въ составъ германскихъ государствъ, но которыя искони заселены польскимъ народомъ? Изъ этихъ частей, собранныхъ вмѣстѣ, могло бы составиться довольно значительное государство. Если уже необходимо передѣлывать карту Европы согласно съ принципомъ народностей, то почему не заняться возстановленіемъ славянскихъ народностей погибшихъ подъ напоромъ германизма?

ПИСЬМА КОРРЕСПОНДЕНТОВЪ МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ.

I.

ПИСЬМО ВАРШАВСКАГО КОРРЕСПОНДЕНТА ВЪ № 212 „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ.“

1-го октября.

Въ понедѣльникъ, 23-го сентября (5-го октября), въ Варшавѣ опять совершилось политическое убійство: въ Европейской гостиницѣ, въ $7^1/_2$ час. утра, зарѣзанъ прибывшій изъ-за границы (изъ Штутгарта), саксонскій подданный, докторъ Бартольдъ Германн, двумя неизвѣстными убійцами. Они вошли въ ворота, сказавъ сторожу что идутъ къ доктору, въ 42 нумеръ, звать его къ трудно-больному. Войдя въ нумеръ они бросились на доктора, который пилъ кофе, пробили ему черепъ отравленнымъ кинжаломъ, а другимъ нанесли три глубокія и широкія раны: двѣ въ грудь и третью въ животъ. Докторъ погнался за ними, имѣлъ силы сбѣжать съ третьяго этажа и сорвать съ одного изъ нихъ пальто, но на лѣстницѣ втораго этажа упалъ и умеръ. Служители и швейцаръ видѣли разбойниковъ, видѣли какъ они бросили кинжалы въ корридорѣ, видѣли какъ подполковникъ Гемпель выбѣжалъ за ними съ револьверомъ и кричалъ: „ловите! ловите!“ но они не только ихъ не задержали, но дозволили имъ разбить въ нижнемъ этажѣ окно и выскочить на улицу. Не болѣе какъ черезъ минуту, войска на Саксонской площади расположенныя окружили отель, задержали всѣхъ виновныхъ, а черезъ часъ уже расположились тамъ казарменнымъ образомъ. И вотъ согласно объявленному постановленію, этотъ огромный отель взятъ въ казну, со всѣмъ его имуществомъ. Эта гостиница, на которой обезпечены огромные капиталы многихъ лицъ, принадлежала извѣстному „патріоту“ Вамбаху. Хорошо же революціонная партія благодаритъ своихъ патріотовъ! Сказокъ тьма. Распускаютъ слухи что *москва* велѣла своимъ шпегамъ зарѣзать доктора съ тѣмъ чтобы завладѣть огромнѣйшимъ зданіемъ въ Варшавѣ. Разумѣется, эту безчестную ложь повторитъ *Часъ*, и быть-можетъ „начельникъ мяста“ пожелаетъ свалить вину на Русскихъ, тѣмъ болѣе что по однимъ — убійство это именно съ тою цѣлью и совершено, чтобъ еще болѣе трубить предъ Европой, что *москва грабитъ* Поляковъ, и чтобы Европа заставила *москву отдать дома и Замойскому и Вамбаху*. По другимъ, покойникъ былъ членомъ революціонной партіи, и такъ какъ онъ раза два былъ у графа Берга, то жондъ приказалъ ему *отравить* графа; но когда

Нѣмецъ на это не согласился, то жондъ, боясь чтобы Бартольдъ не измѣнилъ ему, зарѣзалъ его. Все это дѣло до сихъ поръ чрезвычайно темно. Наше правительство также не было довольно этимъ докторомъ; въ пятницу полиція дѣлала у него обыскъ и хотя ничего не нашла однако приказала ему выѣхать изъ края. Въ понедѣльникъ Бартольдъ хотѣлъ уѣхать въ 11 часовъ въ Вильну, съ пассажирскимъ поѣздомъ; но въ тотъ же день былъ зарѣзанъ. Наканунѣ слѣдилъ покойника какой-то *его мосцъ*, что̀ видѣли товарищъ Бартольда докторъ Килевейнъ и его жена, въ Саксонскомъ саду; Бартольдъ боялся почему-то идти домой и выражалъ свои опасенія и предчувствія. Килевейны проводили его до гостиницы.

II.

ИЗЪ ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО ПО ПРЯМЫМЪ СВѢДѢНІЯМЪ ДО 27 СЕНТЯБРЯ, ВЪ № 213 „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ".

На Варшаву наложена 8% контрибуція. Она доставитъ 500.000 р. сер. или 1.333.333 злотыхъ. Слѣдующимъ приказомъ графа Берга, даннымъ совѣту управленія отъ 20 сентября, опредѣляются мотивы и правила ея производства:

„Столичный городъ Варшава болѣе двухъ лѣтъ служитъ гнѣздилищемъ „преступленій и главнымъ источникомъ всѣхъ бѣдствій обрушившихся „на край. Поэтому правительство принуждено непремѣнно увеличивать „государственные расходы, вызванные настоящими смутами Царства. „Равномѣрно правительство обязано употребить всѣ мѣры, чтобы по„ложить предѣлъ огромному числу несчастій, происходящихъ отъ та„кого положенія страны. Затѣмъ справедливость требуетъ, чтобъ упо„мянутое увеличеніе податей падало не на одну казну края, но и на „городъ, потворствующій преступленіямъ и укрывающій огромное число „заговорщиковъ и убійцъ.

„Всѣ эти обстоятельства вынуждаютъ меня наложить на столичный „городъ Варшаву чрезвычайную контрибуцію, почему и предписываю „слѣдующее:

„1) Чрезвычайная контрибуція должна быть взыскана со всѣхъ „владѣльцевъ домовъ и другихъ частныхъ недвижимостей въ Варшавѣ „въ размѣрѣ 8% дохода, означеннаго въ общемъ росписаніи доходовъ „съ домовъ и иныхъ строеній города Варшавы и предмѣстія Праги на „1861 годъ.

„2) Контрибуція должна быть внесена къ 20 октября (1 ноября) „текущаго года.

„3) Лица которыя къ сказанному сроку не внесутъ контрибуціи „будутъ понуждены ко взносу ея посредствомъ военной экзекуціи и „притомъ въ размѣрѣ увеличенномъ до 12%.

„4) Владѣльцы домовъ и другихъ недвижимостей обремененныхъ „ипотечными долгами, если они состоятъ должными частнымъ лицамъ, „имѣютъ право вычитать изъ законнаго процента подлежащаго уплатѣ „этимъ лицамъ по 8%.

„5) Правительственная коммиссія внутреннихъ дѣлъ возложитъ на ма„гистратъ столичнаго города Варшавы производство всѣхъ распоряже„ній необходимыхъ для точнаго исполненія настоящаго предписанія.

„Увѣдомляя объ этомъ совѣтъ управленія, предлагаю сдѣлать соот„вѣтственныя по сему предмету распоряженія."

Подписалъ: генералъ-адъютантъ
графъ Бергъ.

Эта публикація произвела въ городѣ сильное впечатлѣніе. Заговорщики бѣгаютъ съ приказаніями не платить контрибуціи, но ихъ уже не очень внимательно слушаютъ.

25-го сентября въ 10 часовъ утра разстрѣлянъ въ Варшавѣ рабочій изъ фабрики Эванса, Вильгельмъ Альгеръ. Казнь совершена на дворѣ фабрики, въ присутствіи всѣхъ рабочихъ. Альгеръ былъ задержанъ 1-го сентября за неимѣніе фонаря. При обыскѣ у него были найдены въ карманѣ 8 ручныхъ чугунныхъ гранатъ, діаметромъ въ дюймъ. Альгеръ былъ уже прежде нѣсколько разъ арестованъ за политическія преступленія и состоялъ подъ надзоромъ полиціи. Въ прошломъ году онъ содержался подъ арестомъ за распространеніе возмутительныхъ плакатовъ; въ апрѣлѣ сего года за подговоръ молодежи къ сходу въ шайки, и нѣсколько разъ за нарушеніе правилъ военнаго положенія. Въ военномъ судѣ Альгеръ показалъ, что отливалъ украдкой на фабрикѣ Эванса гранаты до 60 штукъ и отдавалъ ихъ незнакомому ему человѣку при встрѣчахъ на условленномъ мѣстѣ. На фабрику за плохой надзоръ за рабочими былъ наложенъ штрафъ въ 15.000 р. с. и до уплаты штрафа велѣно было фабрику закрыть. Но 27-го сентября въ *Полицейской Газетѣ* отъ оберъ-полицеймейстера объявлено слѣдующее: „Его сіятельство исправляющій должность Намѣстника, принявъ милостиво во вниманіе представленіе начальника III округа корпуса жандармовъ генерелъ-майора Трепова о томъ, что Эвансъ, Лильпопъ и К°, не знали объ отливкѣ на ихъ фабрикѣ преступникомъ Альгеромъ ручныхъ гранатъ, и что имъ предварительно не было объявлено что

за выдѣлку подобныхъ предметовъ на ихъ фабрикѣ они подвергаются отвѣтственности, изволилъ приказать: наложенный на Эвансъ, Лильпопъ и K° штрафъ 15000 р. отмѣнить и фабрику открыть для всеобщаго употребленія, по ея назначенію.“ Говорятъ, что по слѣдствію заводъ оказался исправнымъ, и потому требовалъ отмѣны штрафа. Можно, если угодно, замѣтить что наложеніе штрафа на этотъ заводъ не можетъ идти въ параллель съ конфискаціей домовъ Замойскаго и Европейской гостиницы. Эта конфискація основана на предварительномъ объявленіи что дома изъ которыхъ будутъ сдѣланы выстрѣлы подвергнутся разрушенію. Относительно штрафовъ подобнаго предваренія не было сдѣлано. Однако можно полагать, что, во вниманіе къ военному положенію, на содержателей разныхъ фабрикъ и заводовъ будетъ возложена обязанность наблюдать, подъ своею отвѣтственностью, чтобы ихъ рабочіе не пользовались фабричнымъ устройствомъ для выдѣлки предметовъ подходящихъ подъ категорію военной контрабанды.

Довольно интересны тѣ печатные плакаты которые сообщаютъ намъ о видахъ и намѣреніяхъ народоваго жонда въ виду серіозныхъ мѣръ принимаемыхъ графомъ Бергомъ. Подземныхъ газетъ, официіальныхъ и не официіальныхъ, уже не появляется вовсе. Но взамѣнъ ихъ мы имѣемъ непосредственные акты революціоннаго правительства, въ видѣ приказовъ начальника города, распоряженій департамента полиціи и воззваній жонда. Всѣ эти произведенія напечатаны довольно удовлетворительно, но разумѣется имѣютъ меньшій размѣръ въ сравненіи съ *Неподлеглостью* и другими газетами прежняго времени.

Читателямъ извѣстно, что въ послѣднее время составъ жонда измѣнился, и что жондъ принялъ красный цвѣтъ. Политическая программа его выразилась въ слѣдующемъ воззваніи:

Жондъ Народовый.

„Медленъ и тяжелъ трудъ возставшаго народа. Онъ идетъ въ бой, не будучи въ состояніи ни сосчитать своихъ силъ, которыми располагаетъ, ни непріятельскихъ, съ которыми ему приходится мѣриться; онъ не имѣетъ предъ собой извѣстнаго и яснаго пути, ни математической достовѣрности, на которую бы онъ могъ опереться. Его лозунгъ—выступить на бой и сражаться во мракѣ. У него нѣтъ политической выработки; общественное мнѣніе, только-что пробудившееся, недостаточно для пониманія задачи во всемъ ея объемѣ, а его энергія для доставленія средствъ ей соотвѣтствующихъ.

„Потому-то теперешній народовый жондъ, въ настоящую минуту, принимая наслѣдство прошедшаго, обращается ко всѣмъ вамъ, сынамъ одной земли, чтобъ успокоить ваши опасенія о будущности, дать намъ удостовѣреніе доброй воли и непоколебимой вѣры въ неисчерпаемыя силы народа, и потребовать отъ васъ усиленнаго довѣрія и усиленной

энергіи, чтобы вашею общею дѣятельностію получить въ самое кратчайшее время наиболѣе средствъ и силъ, которыми столь великій народъ располагаетъ. Задача простая и ясная, не зависящая отъ обманчивыхъ условій европейской дипломатіи. Успокоить сомнѣнія наши не пустыми призраками обѣщаемой помощи, но добытыми собственнымъ трудомъ и оплаченными собственною кровію побѣдами; такова общая цѣль къ которой народъ и его правительство, какъ два дѣятеля великаго возраждающагося государства, обязаны согласно идти вмѣстѣ. Къ такой цѣли не приведетъ насъ никакой отдѣльный штандартъ, никакой порывъ отдѣльной партіи, къ ней приведетъ открытіе и употребленіе всѣхъ нашихъ силъ, ихъ организація, ихъ дисциплинировка и составленіе изъ нихъ настоящаго революціоннаго лагеря, который, присягнувъ биться на жизнь и смерть, станетъ какъ одинъ человѣкъ противъ врага. Граждане земли Польской! Вознесите сердца ваши къ дѣйствію, къ дѣйствію! Да будутъ вооруженные ряды слѣдствіемъ нашего къ вамъ обращенія."

Варшава 26-го сентября 1863 года.

(М. П.)

Таковъ вопль новаго жонда. Переходимъ теперь къ частностямъ его управленія Варшавой. Два приказанія начальника города Варшавы даютъ намъ понятіе о простотѣ и безцеремонности отношеній его къ жителямъ города, и знакомятъ насъ съ подробностями происшествій; они показываютъ также, что всѣ предложенія правительства до приведенія ихъ въ исполненіе извѣстны начальнику города, который и старается ихъ парализовать. Впрочемъ въ послѣднее время это плохо удается, почему приказы и наполняются болѣе поруганіемъ „москалей".

„*Дневной приказъ начальника города Варшавы.*

„Варшава, № 24, сентября 29 дня 1863 года.

„1. Жондъ народовый, вводя въ гражданскую организацію возстанія разныя реформы, пользу и необходимость которыхъ указалъ 8мимѣсячный опытъ, призналъ нужнымъ сосредоточить городскія власти въ лицѣ начальника города. Объявляя объ этой перемѣнѣ, начальникъ города вмѣстѣ съ тѣмъ увѣдомляетъ что на этомъ основаніи ему поручено начальство какъ надъ гражданско-административною организаціей, раздѣленною на 5 отдѣловъ, такъ и надъ городскою полиціей и народною стражей города Варшавы. Дневные приказы, издаваемые въ кратчайшіе, по мѣрѣ надобностей, сроки, будутъ заключать въ себѣ постановленія народоваго жонда, относящіяся до города, распоряженія начальника города, заявленія о совершившихся фактахъ, приговоры революціоннаго трибунала, свѣдѣнія о приведеніи ихъ въ исполненіе, распоряженія и объявленія полицейскія, объявленія объ экзекуціи

народной подати путемъ понудительнымъ съ упорствующихъ лицъ и вообще все то что для всеобщаго свѣдѣнія окажется необходимымъ и полезнымъ. Упомянутые приказы будутъ съ этихъ поръ единственнымъ официальнымъ органомъ, исключительно относящимся до административнаго и полицейскаго управленія городомъ.

„2. 19-го числа сего мѣсяца, по повелѣнію народоваго жонда, нѣсколько человѣкъ, назначенныхъ изъ народной стражи города Варшавы, совершили покушеніе посредствомъ брошенныхъ орсиніевскихъ бомбъ на жизнь проѣзжавшаго по Краковскому Предмѣстью съ казачьимъ конвоемъ московскаго генерала Берга, который однако быстрому побѣгу съ мѣста происшествія и панцырю, который онъ носитъ, обязанъ своимъ спасеніемъ.“

Такимъ образомъ опровергаются ложныя показанія *Часа*, старавшагося увѣрить Европу, будто бомбы не были брошены, но что сами конвойные казаки произвели нѣсколько выстрѣловъ чтобъ имѣть возможность ограбить домъ Замойскаго. Теперь г. Замойскій знаетъ что онъ обязанъ конфискаціей его домовъ народовому жонду. Намъ остается прибавить что свѣдѣніе о панцырѣ есть сказка, хотя конечно ношеніе панцыря въ Варшавѣ, при злодѣйствахъ *патріотовъ*, не безполезно. Продолжаемъ выписку изъ дневнаго приказа.

„Четверть часа послѣ покушенія, москали, опомнившись отъ перваго ужаса, но не имѣя никакихъ слѣдовъ, откуда бомбы были брошены, ворвались въ два дома гражданина Андрея Замойскаго, арестовали всѣхъ мущинъ, между которыми не было ни одного изъ исполнителей воли народоваго жонда, и позволили себѣ денной грабежъ, истребляя и захватывая имущество всѣхъ жильцовъ, съ вандализмомъ, который не дозволилъ имъ пощадить даже драгоцѣнной библіотеки профессора Ковалевскаго, равно и большаго числа величайшей цѣнности древностей и картинъ. Зажиточные жильцы этихъ домовъ имѣли въ наличности значительные капиталы, которые сдѣлались добычей не только солдатства, но и высшихъ офицеровъ московскихъ. Наконецъ, оба дворца гражданина Андрея Замойскаго конфискованы, тогда какъ онъ по приказу самого царя находится за границей и слѣдовательно не могъ имѣть ни малѣйшаго участія въ покушеніи.“

Остановимся нѣсколько на этихъ строкахъ. Мы получили извѣстіе что библіотека отдана г. Ковалевскому вся сполна, что картины также всѣ отданы въ совершенной цѣлости; только часть памятниковъ и древностей повреждена, и также возвращена профессору. Нужно ли опровергать клевету на солдатъ и офицеровъ? Бѣлье, деньги, брилліанты, драгоцѣнности, гардеробъ, дозволено всѣмъ женщинамъ забрать съ собою. Пострадала главнымъ образомъ мебель, и въ этомъ заключается собственно комическая сторона наказанія. Что же касается до невинности гражданина Андрея Замойскаго, то о ней нечего и говорить;

надъ комнатами сыновей его находилась лабараторія, гдѣ были изготовлены бомбы.

Вотъ какъ начальникъ мѣста объясняетъ цѣль покушенія:

„Цѣль покушенія состояла въ томъ чтобы положить въ самомъ началѣ предѣлъ правленію генерала Берга, который получилъ порученіе ввести въ Конгресувкѣ Муравьевскую политику истребленія.

„Намѣреніе москалей втянуть городскихъ жителей въ сѣти преждевременнаго и необдуманнаго возстанія въ городѣ сдѣлалось невозможнымъ въ виду неусыпной бдительности жонда, и въ виду народа, который сумѣетъ оцѣнить соотвѣтствующую для того минуту и дождаться сигнала; но еслибы народъ спокойно встрѣтилъ палача, еслибъ эдикты проконсула съ каждымъ днемъ новые и болѣе обременительные были встрѣчаемы однимъ только гнѣвомъ, а не сопротивленіемъ; еслибы сбиръ, который грозитъ народу петлею, Сибирью и кнутомъ, не видѣлъ постоянно предъ собою привидѣнія смерти отъ руки людей,—то нами постепенно, все болѣе и болѣе, завладѣла бы бѣсовская политика управленія посредствомъ угрозъ и пытокъ, политика истребленія и преступленій.

„Отклоненіе подобныхъ послѣдствій и уничтоженіе подобныхъ намѣреній—вотъ цѣль покушенія 19-го сентября, и цѣль эта вполнѣ достигнута."

Плохое объясненіе! Ясно, что хотѣли убить графа Берга, но не удалось. Ясно также, что хотятъ устроить возстаніе въ городѣ, и показываютъ видъ будто сдерживаютъ пылъ народонаселенія, потому что народонаселеніе не намѣрено участвовать въ возстаніи.

„3. Въ послѣднее время москва прибѣгла къ одному изъ самыхъ ужасныхъ средствъ угнетенія—къ ревизіи костеловъ и кляшторовъ, а также погребальныхъ склеповъ и кладбищъ; ревизіи эти, соединенныя съ профанаціей священныхъ мѣстъ, возмущаютъ въ высокой степени коренныя чувства и убѣжденія правовѣрныхъ и религіозныхъ жителей города. Такое выраженіе ненависти не только къ элементу польскому, но даже ко всѣмъ правамъ и обрядамъ католической религіи, представляетъ самый безчестный шагъ и едва ли не самую высшую ступень своеволія, которое чувствуетъ себя безсильнымъ тамъ гдѣ съ нимъ можно бороться, и направляетъ удары тиранніи на безоружныхъ служителей алтаря. Почти всѣ варшавскіе костелы уже заняты вооруженною силой, которая не только обратила кляшторы въ казематы и кордегардіи, не только расположилась лагеремъ въ садахъ и кладбищахъ костельныхъ, но дозволяетъ себѣ кромѣ того самымъ позорнымъ образомъ профанировать мѣста и обряды религіозные, какъ то было въ костелѣ ксендзовъ капуциновъ, гдѣ расквартированное солдатство дозволяетъ приводить къ себѣ въ монастырскія зданія публичныхъ женщинъ, или въ костелѣ ксендзовъ Августиновъ, гдѣ во время богослуженія

становится при ксендзѣ у алтаря солдатъ въ шапкѣ съ заряженнымъ ружьемъ и присутствіемъ своимъ оскорбляетъ религіозный обрядъ.“

Солдаты въ кляшторахъ ведутъ себя пристойно, и въ самый первый день постоя представили въ полицію двухъ публичныхъ женщинъ, которыя приходили навѣстить отцовъ капуциновъ. Въ костелѣ, у алтаря также не бываетъ солдата; часовой стоитъ на дворѣ.

„4. Граждане которымъ вручены авизаціи за №№ (здѣсь слѣдуетъ 20 нумеровъ изъ Варшавы и два изъ Праги; есть № 67.720) до сихъ поръ несмотря на неоднократныя требованія не оплатили подати офяры народовой; кромѣ того, гражданка которой вручена авизація за № 21.117 оттягиваетъ уплату остальныхъ 5.000 злотыхъ, а равно гражданинъ призванный авизаціею за № 31.032 къ уплатѣ податей въ количествѣ 2.000 р. с. (13.343 злотыхъ 10 гр.) отказался отъ уплаты вовсе. Поэтому приглашаются всѣ тѣ граждане, чтобъ они поспѣшили уплатой причитающихся съ нихъ податей; въ противномъ случаѣ будутъ предприняты экзекуціонныя средства для понужденія къ уплатѣ въ *двойномъ* количествѣ; сверхъ того, если по истеченіи трехъ дней не внесутъ слѣдуемаго, то будутъ опубликованы въ дневномъ приказѣ поименно, какъ уклоняющіеся отъ внесенія податей народной жертвы.

„5. Гражданинъ Самсонъ Робертсонъ, негоціантъ, жившій въ Варшавѣ подъ № 813, несмотря на неоднократныя приглашенія, не уплатилъ подати офяры народовой, и безъ народнаго паспорта, заплативъ подати Москвѣ, уѣхалъ за границу.

„Поэтому симъ объявляется, что никто не долженъ платить означенному Робертсону денегъ по какимъ бы то ни было разчетамъ, судебнымъ же защитникамъ и коморникамъ запрещается, подъ строжайшею отвѣтственностію, ходатайствовать по его дѣламъ и взыскивать по приговорамъ.

„Лица имѣющія свѣдѣнія о капиталахъ Робертсона, гдѣ бы то ни было помѣщенныхъ, обязываются донести о нихъ путемъ организаціи народовой, для того чтобы таковые обратить на уплату податей.“

Вотъ какъ взыскиваетъ жертвы жондъ народовый.

III.

ИЗЪ ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО ПО ПРЯМЫМЪ ИЗВѢСТІЯМЪ, ВЪ № 216 „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“.

28-го сентября.

Приказомъ военнаго министра отъ 26-го сентября, за № 332, въ составъ войскъ Варшавскаго военнаго округа включены: 8-я и 10-я пѣхотныя дивизіи, безъ ихъ артиллеріи, и драгунскіе полки 3 кавалерійской дивизіи. Военная сила въ Царствѣ принимаетъ огромные размѣры, но,

разумѣется, не для одной военной цѣли. Противъ кого дѣйствовать исправной регулярной арміи? Краковскій *Часъ* увѣряетъ что возстаніе не упадаетъ, а находится въ полномъ разгарѣ, и съ этою цѣлію высчитываетъ предводителей, большею частію все неизвѣстныхъ. Въ Подляскомъ воеводствѣ и части Мазовецкаго, по показаніямъ *Часа*, находятся четыре отряда: подъ начальствомъ Янковскаго (одинъ сдался, а другой схваченъ), Крысинскаго, Лютынскаго и Жачка. Послѣдній замѣнилъ Зѣлинскаго, назначеннаго начальникомъ „силъ збройныхъ“ въ Подляскомъ воеводствѣ, вмѣсто Гржималы, вышедшаго по собственному желанію въ отставку. Тамъ же дѣйствуютъ 9 конныхъ и нѣсколько пѣшихъ отрядовъ жандармовъ (вѣшателей). Въ Модлинскомъ воеводствѣ три отряда: Цвѣка, мѣсто котораго заступаетъ Козловскій, Рузскаго и Вержбицкаго, и два-три отряда жандармеріи. Въ Калишскомъ, подъ главнымъ начальствомъ полковника Коперницкаго—Слупскій, Матусевичъ, Парчевскій, и „другіе“ (?). Въ Мазовецкомъ, подъ главнымъ начальствомъ полковника Зѣлинскаго, — Жихлинскій, начальникъ „дѣтей варшавскихъ“, Шумлянскій, Брониславскій, Скавронскій. Въ Плоцкомъ полковникъ Рачковскій. Въ Августовскомъ полковникъ Ляндеръ, майоры: Острога (шпора) Глѣбъ, Гласко, Мицевичь, Брандтъ, Колыска, и другіе, пришедшіе изъ Литвы. Въ Сандомірскомъ Эминовичъ и Рудовскій. Кромѣ того, вездѣ дѣйствуютъ отряды жандармовъ, „приносящіе огромныя услуги возстанію“. Эти услуги объясняются рядомъ убійствъ, не прекращающимися ни мало.

Вотъ съ какими силами приходится имѣть дѣло нашей регулярной арміи. Между тѣмъ возстаніе продолжается, и хотя не имѣетъ успѣха, но самый фактъ его существованія уже дѣло не хорошее. Ясно намѣреніе втянуть Россію въ европейскую войну.

Въ личномъ составѣ произведена одна существенная перемѣна: начальникомъ Калишскаго отдѣла и 4-ой пѣхотной дивизіи назначенъ генералъ-лейтенантъ Бельгардъ вмѣсто генералъ-лейтенанта Маслова, получившаго другое назначеніе. Подобныя мѣста имѣютъ въ настоящую минуту большую важность въ административномъ отношеніи, и революціонная печать понимаетъ это весьма хорошо. Еще не пріѣхалъ генералъ Бельгардъ, еще фамилія его точнымъ образомъ не извѣстна Полякамъ, а уже *Часъ* начинаетъ нападать на него, говоря, что „Блигаръ“ еще болѣе дикъ, нежели его предмѣстники, впрочемъ въ слѣдующей строкѣ заявляетъ, что „быть-можетъ Блигара несправедливо предупреждаетъ такое мнѣніе, и потому воздержимся отъ всякаго сужденія о немъ“.

Начинаютъ обнаруживаться результаты сбора податей, предписаннаго еще въ концѣ іюля. Явились сначала военные начальники (въ Августовскомъ отдѣлѣ) нашедшіе необходимымъ давать помѣщикамъ отсрочки съ обязательствомъ дѣлать взносы въ мѣстныя казначейства,

изъ которыхъ деньги легко могли бы и исчезать. Отсрочки мотивировались крайнимъ положеніемъ помѣщиковъ и желаніемъ варшавскаго правительства собирать подати преимущественно путемъ убѣжденія. Дополнительный циркуляръ графа Берга поставилъ однако дѣло на другую точку и требованіемъ срока взносовъ значительно подвинулъ дѣло. Въ Варшаву начинаютъ поступать капиталы со всѣхъ сторонъ. Взысканіе податей войсками началось съ Варшавскаго уѣзда, гдѣ деньги были собраны безъ принудительныхъ мѣръ; въ Калишѣ подати также вносятся успѣшно, и сборъ оканчивался къ 1-му сентября; такъ же внимательны оказались и помѣщики Калишскаго уѣзда: по объявленіи распоряженій о взысканіи податей экзекуціоннымъ порядкомъ, въ теченіе однѣхъ сутокъ, они внесли недоимокъ на 4.500 р. сер., а по 1-е сентября 22.000 рублей деньгами и 13.000 руб. сер. Изъ Лъэнчицкаго уѣзда доставлено въ Варшаву 19.000 рублей, также почти безъ затрудненій; наконецъ въ Плоцкомъ уѣздѣ, въ 5 дней, собрано 6.000 р. сер.

Но всего оригинальнѣе устроилось взысканіе податей въ Радомскомъ отдѣлѣ. Имѣя въ виду что посылка войскъ цѣлыми отрядами за небольшими деньгами весьма неудобна по медленности сбора и утомленію войскъ, а также, что отъ непосредственной уплаты податей въ казначейства плательщики уклоняются умышленно, такъ какъ она запрещена народнымъ жондомъ для утомленія нашихъ войскъ,—имѣя все это въ виду генералъ Ушаковъ издалъ приказаніе, военно-уѣзднымъ начальникамъ собрать болѣе крупныхъ землевладѣльцевъ, арендаторовъ и управляющихъ въ уѣздные города, и немедленно заставить ихъ внести подати сполна, подъ опасеніемъ ареста, за ослушаніе законной власти. Если встрѣтится упорство въ уплатѣ податей, то виновныхъ предписано сажать подъ арестъ на гауптвахту или въ тюрьму до уплаты денегъ; тѣхъ же которые совершенно откажутся отъ взноса податей доставлять въ Радомъ или Кѣльце для преданія ихъ военному суду. Такова сущность циркуляра, появившагося въ самомъ скоромъ времени и въ *Часѣ*, гдѣ было прибавлено, что ни одинъ изъ помѣщиковъ не послушался циркуляра, и не явился въ уѣздный городъ. Но на дѣлѣ вышло иначе. Вслѣдствіе этого распоряженія подати начали поступать весьма успѣшно и во многія казначейства поступало ежедневно по нѣскольку тысячъ; такъ въ теченіе двухъ недѣль въ половинѣ сентября жителями внесено было прямо въ Радомское казначейство болѣе 34.000 р. с., а въ Кѣлецкое поступаетъ ежедневно отъ двухъ до трехъ тысячъ рублей. По свѣдѣніямъ полученнымъ нами изъ Радома видно что подати будутъ внесены исправно, въ сроки, и что даже поступаютъ недоимки прежнихъ лѣтъ. При этомъ не приходится даже прибѣгать къ строгимъ мѣрамъ, и до 20 сентября въ Радомскомъ отдѣлѣ не было произведено военныхъ экзекуцій. Самыми неисправными плательщиками оказались казенные крестьяне; за ними числятся недоимки за нѣсколько лѣтъ, накопившіяся при переселеніяхъ крестьянъ.

Въ юго-западныхъ уѣздахъ сборъ податей шелъ также успѣшно, несмотри на то что войска были заняты преслѣдованіемъ шаекъ, а жители не рѣшались взносить деньги по близости террористовъ. Только Мѣховскій уѣздъ задержалъ сборъ, говорятъ потому что у него съ февраля мѣсяца нѣтъ гражданской администраціи. Всего къ 20-му сентября въ Радомскомъ отдѣлѣ поступило казенныхъ податей 319 тысячъ рублей.

Переходимъ къ другому занятію нашихъ войскъ. Несомнѣнный фактъ, что бо́льшая часть шаекъ распущена временно, и что оружіе ихъ спрятано по лѣсамъ, побуждаетъ военное начальство розыскивать такихъ поселенцевъ и оружіе ихъ. Мятежниковъ отыскивать трудно, потому что жители на нихъ боятся указывать, а паспорты у нихъ законные; въ полученіи какого угодно паспорта они не встрѣчаютъ затрудненія со стороны гражданскихъ властей. Розысканіе же оружія производится съ успѣхомъ.

Такъ, 16-го сентября, въ Ломжинскомъ уѣздѣ, близь деревни Новоградъ, найдены майоромъ Девелемъ два склада; одинъ изо 109 ружей, а другой, изъ такого же числа патронташей съ боевыми патронами. Въ то же время въ Ломжинскомъ же уѣздѣ войсковой старшина Поповъ захватилъ походную кузницу, 41 ружье и бывшаго при этомъ складѣ оружейника.

Въ Сейненскомъ уѣздѣ, полковникъ Штевенъ нашелъ въ саду помѣщицы Михалины Шмитъ, на мызѣ Попече, цѣлый запечатанный ящикъ англійскаго пороха; въ стогѣ сѣна: 5 саблей, 5 ружей, полицейскую алебарду, пистолетъ, два уланскіе мундира; въ комнатахъ: 5 патроновъ, 3 патронташа, 2 казенные почтальйонскіе герба, солдатскую манерку. На сосѣдней мызѣ Леона Шмита найденъ сѣдельный приборъ формы польскихъ уланъ и туго набитый чемоданъ съ лакированными поясными ремнями.

Въ Варшавской губерніи, майоръ Янковскій 23-го сентября забралъ складъ изъ 600 штукъ разнаго зимняго платья въ городѣ Любланцѣ, а въ деревнѣ Чаманинѣ 250 косъ, боевыя принадлежности и 16 мятежниковъ; капитанъ Шварцъ съ ротою захватилъ, 21 сентября ночью, въ городѣ Ковалѣ въ сараяхъ болѣе 150 мундировъ заготовленныхъ для мятежниковъ. Близь Мышкова найдено поручикомъ Чепурковскимъ 3 ящика съ 210 новыми пистолетами. Во Влоцлавскомъ уѣздѣ майоръ Горбуновъ забралъ 42 ружья, 10 пистолетовъ, 40 сабель, 25 пудовъ свинца въ брусьяхъ, портупеи, 2 пуда пороха, 8 тысячъ капсюлей.

Въ Плоцкой губерніи подполковникъ Набоковъ съ отрядомъ изъ 50 человѣкъ нашелъ, 22-го сентября, въ лѣсу около Жохова 96 штукъ разнаго оружія, 275 кителей, 275 паръ панталонъ, 22 шинели и 100 портупей; близь Пржасныша майоръ Моллерусъ нашелъ зарытые въ землю 6 штуцеровъ и 5 ружей; кромѣ того, имъ задержаны 3 инсургента и 12 лошадей, принадлежавшихъ мятежникамъ, и находившихся на прокормленіи у помѣщиковъ.

Наконецъ, въ Варшавѣ также успѣли образоваться большіе склады подъ глазами прежней бездѣятельной полиціи.

Нѣтъ возможности перечислить всѣ случаи конфискаціи оружія и военной контрабанды, которая продолжаетъ прибывать изъ-за границы. Революціонныя газеты, разумѣется, негодуютъ за это на войска, и стараются ихъ всячески чернить. Такъ въ № 227 *Часа* говорится по поводу исторіи съ домами Замойскаго, что гвардейскіе офицеры „выдержали отлично экзаменъ въ воровствѣ", въ № 228 прямо сообщается, что гвардейскіе офицеры ѣздятъ по городу въ экипажахъ украденныхъ ими у графа Замойскаго.

Часу нельзя не клеветать: онъ лжетъ для куражу, и чѣмъ труднѣе будутъ дѣла, чѣмъ болѣе будетъ надобности куражиться, тѣмъ болѣе онъ будетъ налегать на ложь, этотъ великій столпъ народной справы. Въ томъ же № 228 *Часъ* объявляетъ, что теперь „рѣчь идетъ уже не о спасеніи Польши, а о покореніи Москвы, потому что теперь идетъ „борьба закона съ беззаконіемъ, свободы съ деспотизмомъ, цивилизаціи „съ варварствомъ, католицизма со схизмою, — словомъ Польши съ „Москвою!" Далѣе газета утѣшается, что въ „Инфлянтахъ Польскихъ", то-есть въ Витебской губерніи, возстаніе въ ходу, несмотря не то что казематы Дзвинограда (Динабурга) переполнены несчастными. Объ адресахъ говорится что „Муравьевъ ихъ вынуждаетъ репресивными мѣрами и висѣлицею". Между прочимъ прочли мы слѣдующую характеристику солдатъ: „Русскимъ солдатамъ при каждомъ разстрѣливаньи *невинныхъ Поляковъ* приказываютъ громко хохотать надъ каждымъ конвульсивнымъ движеніемъ жертвы. При Николаѣ *солдатъ имѣлъ иногда человѣческое чувство;* а теперь цинизмъ и нравственная гниль, исходящіе свыше, вслѣдствіе разстлѣнія московскаго общества, погрязшаго въ рабствѣ и тиранствѣ, лишили русскаго солдата послѣдняго человѣческаго чувства и погасили въ немъ послѣдній проблескъ совѣсти". Каково сравненіе! Поляки жалѣютъ что въ Польшѣ нѣтъ теперь солдатъ 1831 года! До чего можно договориться!

IV.

ИЗЪ ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО, ВЪ № 217 „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ", 8-ГО ОКТЯБРЯ.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ конченъ судъ надъ нѣкоторыми членами революціонной организаціи, арестованными въ іюлѣ. Сколько извѣстно, тогда удалось снять революціонную цѣпь съ нѣкоторой части Варшавской губерніи; разумѣется, теперь организація въ этой части снова устроилась. Мы полагаемъ, однако, полезнымъ указать на бывшихъ членовъ организаціи, съ тѣмъ чтобы можно было ближе познакомиться съ общественнымъ положеніемъ руководителей движенія. Приводимъ здѣсь

тѣ данныя которыя намъ удалось собрать объ осужденныхъ, не ручаясь притомъ за вѣрность свѣдѣній о назначенныхъ имъ наказаніяхъ. Въ мѣстечкѣ Мщоновѣ, Варшавскаго уѣзда, приходскій ксендзъ Владиславъ Польковскій принялъ на себя званіе революціоннаго „начальника города", исполнялъ эту обязанность, набиралъ людей въ шайки и во всемъ этомъ уличенъ собственноручными рапортами его къ начальнику ближайшей шайки. Приговоренъ, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, къ ссылкѣ въ Сибирь въ рудники на 12 лѣтъ. Помѣщикъ деревни Брошенцина, Сѣрадзскаго уѣзда, Андрей Свіонтковскій, принялъ на себя званіе и исполнялъ обязанности революціоннаго участковаго начальника того же уѣзда; по лишеніи всѣхъ правъ состоянія сосланъ на работу въ одну изъ сибирскихъ крѣпостей на 10 лѣтъ. Управлявшій имѣніемъ Лоховъ, дворянинъ Викторъ Годлевскій, бывшій революціоннымъ начальникомъ Станиславскаго уѣзда, лишенъ всѣхъ правъ состоянія и сосланъ въ Сибирь въ рудники на 12 лѣтъ. Помѣщикъ деревни Воля-Рогитковская, Эмиліянъ Млотковскій, служилъ посредникомъ между Годлевскимъ и начальниками мятежа въ Варшавѣ, въ письменныхъ сношеніяхъ ихъ между собою, исполнялъ также порученія революціонныхъ властей по заготовленію обмундированія для повстанцевъ; по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, сосланъ на работу въ крѣпости на 10 лѣтъ. Въ дѣлѣ Годлевскаго и Млотковскаго замѣшанъ и почтъ-экспедиторъ станціи Лоховъ, Феликсъ Буржинскій, который однако сознался только въ томъ, что зналъ о принятіи Годлевскимъ званія начальника уѣзда; есть однако улики указывающія что и Буржинскій былъ агентомъ жонда; онъ сосланъ въ Сибирь на поселеніе.

Нѣсколько ранѣе предыдущихъ были осуждены лица принимавшія участіе въ дѣйствіяхъ революціонной организаціи Калишскаго воеводства. Изъ нихъ помѣщики: Піотрковскаго уѣзда Игнатій Карсницкій, 53 лѣтъ, Велюньскаго уѣзда Эваристъ Псарскій, 52 лѣтъ, Сѣрадзскаго уѣзда Сѣверинъ Бѣльскій, 35 лѣтъ, и Піотрковскаго уѣзда Викентій Валевскій, 40 лѣтъ, сознались на допросахъ, что, уступивъ силѣ обстоятельствъ (?), они изъ страха должны были исполнять приказанія мятежниковъ и пересылали нѣсколько разъ революціонную корреспонденцію въ сосѣднія деревни. Великій Князь намѣстникъ предписалъ выдержать ихъ два мѣсяца въ Новогеоргіевской крѣпости и потомъ выпустить подъ надзоръ полиціи.

Мы приведемъ еще нѣкоторыя рѣшенія суда надъ аристократами возстанія. Помѣщикъ Равскаго уѣзда, Адольфъ Бауерфейндъ, за сношеніе съ мятежниками, храненіе и расходованіе на ихъ надобности порученныхъ ему 5 тысячъ рублей, лишенъ всѣхъ правъ состоянія и сосланъ въ Сибирь, на поселеніе. Чиновникъ правительственной коммиссіи народнаго просвѣщенія, Годлевскій, уличенъ въ извѣстнаго рода перепискѣ съ помѣщиками Волынской губерніи и въ разсылкѣ офицерамъ

писемъ съ декретами возмутительнаго содержанія; Годлевскій обнаружилъ признаки помѣшательства, и отправленъ въ специальное заведеніе.

Исполнители рѣшеній разныхъ начальниковъ набираются преимущественно изъ ремесленниковъ; какъ въ Варшавѣ, такъ въ провинціяхъ, жандармы-вѣшатели пополняются изъ этого класса. Какой-нибудь столярный подмастерье, Цѣслякевичъ, пишетъ въ уѣздѣ письма съ угрозами лишить жизни двухъ мѣщанъ, преданныхъ правительству; другой ремесленникъ, портной подмастерье, Крашевскій, берется лично передать это письмо мѣщанамъ и слѣдить за ними по порученію революціонной партіи. Оба они, по рѣшенію суда, сосланы на работу въ заводахъ на 6 лѣтъ.

Поразительный маскарадъ: ксендзъ—начальникъ города, управляющій чужимъ имѣніемъ—начальникъ цѣлаго уѣзда, помѣщики—почтовые чиновники жонда, сапожники и ремесленники—сочинители угрожающихъ писемъ и служители тайной полиціи подземныхъ властей! Одни только чиновники и офицеры, передавшіеся революціонному правительству, сохраняютъ свои профессіи, но и у нихъ есть перемѣна въ положеніи: они быстро повышаются въ должностяхъ и чинахъ. Зелинскій, прапорщикъ л.-г. Волынскаго полка, успѣлъ въ полгода дослужиться до подполковника.

По поводу бѣжавшихъ офицеровъ приходится сдѣлать интересный и поучительный выводъ. Собственно изъ войскъ Царства Польскаго оставили ряды и измѣнили присягѣ не болѣе 40 офицеровъ, и притомъ часть ихъ бѣжала еще въ 1862 году. Пересматривая списокъ измѣнниковъ, мы нашли, что всѣ бѣжавшіе были по преимуществу въ первомъ чинѣ, и слѣдовательно первой молодости; выше чиномъ армейскаго штабсъ-капитана не было ни одного бѣжавшаго. Остальные офицеры изъ Поляковъ служатъ честно, исполняя присягу, данную ими конечно не по принужденію. Между прочимъ, стоя лицомъ къ лицу съ возстаніемъ, они понимаютъ все его ничтожество съ военной стороны. Не таковы взгляды господствующіе въ польскихъ кружкахъ, въ мѣстностяхъ удаленныхъ отъ Царства. Нѣтъ отрезвляющей дѣйствительности, и люди скорѣе бросаются въ пропасть. Изъ Петербурга бѣжало гораздо болѣе офицеровъ, польскихъ уроженцевъ, чѣмъ изъ войскъ находившихся въ возмутившейся странѣ не первый годъ и подверженныхъ могучему вліянію женщинъ и ксендзовъ. Изъ Петербурга бѣжали не только нѣсколько человѣкъ молодежи изъ академій, бѣжали профессоръ военной академіи и воспитатель училища, бѣжалъ человѣкъ пользовавшійся довѣріемъ правительства. Кіевскіе студенты, петербургскіе офицеры и польская эмиграція принадлежатъ къ числу главныхъ поджигателей, которымъ приходится однако горько раскаиваться, когда они побываютъ на театрѣ возстанія и увидятъ дѣло въ его настоящемъ положеніи, положеніи совершенно безнадежномъ...

Странное явленіе представляютъ иные начальники шаекъ! Двѣ недѣли тому назадъ поймана и посажена въ Александровскую цитадель жена одного изъ нихъ, Древковскаго, занимавшаяся перевозкою революціонной корреспонденціи въ качествѣ курьера. Разумѣется, она не замедлила отговоркой будто она ѣхала искать мужа (по фальшивому паспорту), будто бумаги вручила ей незнакомая дама, будто она не успѣла еще разсмотрѣть узелка, и не полагала что въ немъ заключается переписка. Но дѣло не въ томъ. Она дала возможность узнать истинную фамилію Древковскаго; это нѣкто Яворскій, облагодѣтельствованный покойнымъ Государемъ. Разъ, во время прогулки по Лазенкамъ, Императоръ Николай встрѣтилъ кавказскаго офицера, уволеннаго за ранами отъ службы, предложилъ ему мѣсто. Нарочно было создано для Яворскаго мѣсто бау-адъютанта Лазенокъ и садовъ,—мѣсто совершенно лишнее. Въ прошломъ февралѣ мѣсяцѣ Яворскій уѣхалъ за границу, для излѣченія ранъ, съ полнымъ содержаніемъ, постоянно просилъ о продолженіи ему отпуска и повидимому проживалъ въ Галиціи. Между тѣмъ теперь оказывается, что онъ ѣздилъ въ Галицію только за полученіемъ жалованья, а остальное время проводилъ въ Царствѣ Польскомъ, начальствуя шайкой подъ именемъ Древковскаго, позволялъ себѣ разныя выходки, и наконецъ, продавъ въ Гурѣ-Кальваріи соли на нѣсколько десятковъ тысячъ, бѣжалъ за границу.

V.

Письмо Варшавскаго корреспондента въ № 218 „Московскихъ Вѣдомостей".

2-го октября.

Во избѣжаніе такихъ непріятныхъ недоразумѣній какія возникли при наложеніи штрафа на фабрику Эванса, недоразумѣній, окончившихся снятіемъ штрафа съ фабрики, на которой отливались гранаты,—появилось слѣдующее объявленіе отъ варшавскаго оберъ-полицеймейстера:

„По приказанію высшей власти объявляется для всеобщаго свѣдѣнія что по правиламъ военнаго положенія воспрещается выдѣлка на заводахъ, фабрикахъ и мастерскихъ, всякаго рода оружія, военныхъ снарядовъ или иныхъ предметовъ служащихъ вообще къ воинскому вооруженію. Затѣмъ, владѣльцы и работники заводовъ, фабрикъ и мастерскихъ, въ которыхъ продолжались бы подобныя работы, будутъ преданы военному суду, а заведенія ихъ закрыты и переданы въ военное вѣдомство, или же виновные будутъ подвергнуты денежному взысканію по опредѣленію военныхъ властей."

Объявленіе это было необходимо для предупрежденія на будущее время тѣхъ отговорокъ, весьма наивнаго свойства, которыя представлялись владѣльцами фабрики Эванса.

Въ субботу, 28-го сентября, на Медовой улицѣ, въ домѣ купца Грабовскаго, смежнаго съ костеломъ капуциновъ, загорѣлась въ подвальномъ этажѣ солома; Грабовскій позвалъ трубочистовъ, и съ помощію ихъ потушилъ пожаръ. По этому случаю возбудилось подозрѣніе, и полиціи приказано было произвести обыскъ въ означенномъ подвалѣ. При этомъ найдены большіе запасы мундировъ для мятежниковъ, кителей, конфедератокъ, бѣлья, галстуковъ, холоднаго оружія, и особенно кинжаловъ разныхъ формъ. Захвачена также переписка крайне компрометтирующая Грабовскаго и особенно управляющаго его домомъ, Маркевича. Виновные арестованы. Пожаръ, какъ оказалось, произошелъ вслѣдствіе взрыва небольшаго количества пороха.

Случайный обыскъ дома Грабовскаго вызвалъ слѣдующее объявленіе варшавскаго оберъ-полицеймейстера:

„Въ распоряженіяхъ, объявленныхъ чрезъ полицейскую газету, между прочимъ сказано: „Если при обыскѣ полиціею будетъ найдено у ко„тораго-нибудь изъ жильцовъ оружіе или запрещенные предметы, „то какъ владѣльцы или ихъ управляющіе, такъ и виновные въ томъ „жильцы, будутъ отданы подъ военный судъ.“

„Несмотря на то, во время обыска, произведеннаго 28-го сентября, въ домѣ подъ № 495, принадлежащемъ г. Ивану Грабовскому, въ погребахъ найденъ зарытый въ сѣняхъ складъ разнаго оружія, а также отысканы мундиры и другіе предметы воинскаго снаряженія. Для раскрытія виновныхъ и поступленія съ ними по законамъ, наряжено строжайшее слѣдствіе.

„Такъ какъ описанное происшествіе наводитъ на мысль, что и въ другихъ домахъ Варшавы могутъ находиться подобные склады оружія и другіе запрещенные предметы, и что владѣльцы такихъ домовъ или ихъ управляющіе не сообщаютъ о томъ изъ опасенія отвѣтственности по предыдущему распоряженію, то, по приказанію высшаго начальства, оберъ-полицеймейстеръ объявляетъ: „Тѣ домовладѣльцы или ихъ управляющіе, которые до полудня 8-го октября заявятъ полиціи, что въ домахъ состоящихъ въ ихъ собственности или управленіи находится скрытое оружіе, военные снаряды, порохъ, мундиры, предметы необходимые и служащіе для вооруженія, и вообще предметы извѣстные подъ названіемъ *военной контрабанды*, освобождаются отъ всякой по этому дѣлу отвѣтственности. Если же по истеченіи сроковъ, въ чьемъ-нибудь домѣ или квартирѣ будутъ найдены при обыскѣ вышеуказанные предметы, то владѣльцы такихъ домовъ и жильцы подвергнутся личной и имущественной отвѣтственности по всей строгости военныхъ законовъ; самые же дома немедленно будутъ взяты въ военное вѣдомство.“

Интересно знать какой результатъ будетъ отъ такого объявленія. Въ Варшавѣ начинаютъ теперь носиться слухи о реакціи, о примирительныхъ видахъ умѣренной партіи, даже о перемѣнѣ въ крайнемъ

направленіи женщинъ и о желаніи ихъ снять трауръ. Подождемъ подтвержденія этихъ слуховъ фактами.

На другой день послѣ обыска въ домѣ Грабовскаго, 29-го сентября, солдаты расположенные въ Бернардинскомъ монастырѣ успѣли выслѣдить въ саду его свѣжую могилу, и по разрытіи ея нашли вмѣсто мертваго тѣла большіе запасы разнаго оружія, огнестрѣльнаго и холоднаго, особенно значительное число такихъ замысловатыхъ кинжаловъ, которыхъ послѣ удара и поворота лезвія въ ранѣ, нельзя вытащить изъ нея иначе какъ расширивъ ее вчетверо. Кинжалы эти сдѣлали бы честь любому италіянскому бандиту. Въ саду Бернардиновъ найденъ, кромѣ того, полный типографскій станокъ со всѣми приборами и литерами. Такимъ образомъ, подтвердилось предположеніе что бóльшая часть подземныхъ изданій выходила изъ костеловъ, о чемъ неоднократно сообщалось и полиціи. Спрошенные по этому дѣлу ксендзы, разумѣется, отвѣчали, что они ровно ничего не знаютъ, и что всѣ поименованные предметы кто-нибудь закопалъ въ ихъ саду, перелѣзши черезъ заборъ. Кто видѣлъ бернардинскія стѣны, эти знаменитыя въ Варшавѣ „бернардинскія муры", тотъ пойметъ всю нелѣпость чистопольскаго изворота ксендзовъ. Послѣдніе арестованы въ монастырѣ, и по дѣлу наряжено слѣдствіе. Все это рекомендуется *Часу* и клерикальнымъ газетамъ какъ сюжетъ для статей о преслѣдованіи римско-католической религіи. Газеты эти конечно договорятся до того что обвинятъ полицію въ устройствѣ западни для того чтобы придраться къ „невиннымъ".

Случаи въ домѣ Грабовскаго и въ саду Бернардиновъ заставляютъ предполагать что кинжальное поприще стремится развиться. А потому весьма полезною мѣрой было снабженіе всѣхъ полицейскихъ чиновъ револьверами; прикомандированные же солдаты получаютъ на ночь ружья, но конечно и ихъ удобнѣе вооружить пистолетами.

Варшавскій магистратъ уже расписалъ взносы по контрибуціи и разослалъ повѣстки плательщикамъ. Между тѣмъ сборъ обыкновенныхъ податей въ Варшавѣ посредствомъ военныхъ экзекуцій еще продолжается. Что касается раскладки контрибуціи, то насъ удивляетъ то что отъ нея избавлены первые враги правительства, чиновники и ксендзы. У первыхъ не тронуто жалованье, у вторыхъ такъ-называемая компетенція, своего рода жалованье. Надо ожидать, что по отношенію къ чиновникамъ и ксендзамъ будутъ установлены мѣры для сравненія ихъ съ другими менѣе виновными сословіями.

Предводитель шаекъ, Милославъ Янковскій, который самъ сдался и просилъ мѣста чиновника въ восточныхъ губерніяхъ, преданъ полевому военному суду. Жена бау-адъютанта Яворскаго, за перевозку мятежной корреспонденціи, ссылается на жительство въ одну изъ отдаленныхъ губерній Имперіи.

Въ Саксонскомъ саду продолжаетъ играть музыка по два часа пополудни. Изъ Полякавъ бываютъ только тѣ которые наблюдаютъ чтобы другіе не были въ саду. Подобные же наблюдатели бываютъ и въ театрѣ. Такимъ образомъ они, подъ предлогомъ службы, пользуются удовольствіями.

Появились приказы начальника города: № 25, отъ 2-го октября, и № 26, отъ 8-го октября н. ст. Приводимъ ихъ въ переводѣ съ нѣкоторыми объясненіями:

№ 25.

Дневной приказъ

начальника города Варшавы.

„1. 30-го сентября приняли отъ рукъ москалей смерть за ойчизну, разстрѣляніемъ на главныхъ площадяхъ Варшавы, пять новыхъ жертвъ, изъ среды благородныхъ и всегда готовыхъ на пожертвованія ремесленниковъ варшавскихъ. Неоснователенъ былъ слухъ, будто одинъ изъ нихъ хотѣлъ купить жизнь обѣщаніемъ измѣны,—варшавскіе ремесленники неспособны искупать подлостію прощеніе врага. Всѣ съ геройскимъ самоотверженіемъ стали предъ палачами разныхъ чиновъ и мундировъ, несмотря на то, что весь предыдущій день они были терзаемы нравственною пыткою—искушеніями выдать соучастниковъ обѣщаніями царской ласки, покровительства и денегъ.“

Въ поясненіе предыдущихъ строкъ не мѣшаетъ замѣтить что одинъ изъ разстрѣлянныхъ, Ягошевскій, какъ говорятъ, по прочтеніи ему полевымъ военнымъ судомъ смертнаго приговора сказалъ: „За что̀ я „одинъ долженъ буду погибнуть? А *они* станутъ разгуливать на свободѣ „и издѣваться надо мной глупцомъ! Нѣтъ, погибать, такъ всѣмъ разомъ!“ И началъ называть своихъ сообщниковъ, которые и арестованы.

„Царская ласка растоптана ими, и выстрѣлы царской гвардіи объявили на утро міру о попраніи царской милости мужественными варшавскими ремесленниками.

„Казнь эта, исполненная среди бѣла дня на главныхъ пунктахъ города, полнаго спокойствія и самообладанія, была бы обыкновеннымъ убійствомъ даже и въ томъ случаѣ когда приговоръ былъ бы подписанъ самимъ Царемъ московскимъ, жертвой ея пали люди которыхъ единственная вина заключалась въ томъ что они съ опасностію жизни повиновались той власти которой слушается весь народъ, что рѣшились выполнить волю жонда, который постановилъ искоренить общественные наросты и бурьянъ и обрекъ на смерть подлѣйшихъ нравственныхъ выродковъ. Однако приговоръ тотъ былъ только дѣломъ двухъ представителей Царя въ Варшавѣ: Сущинскаго, полицейскаго агента, и Берга. Они-то вмѣстѣ приговорили къ смерти мучениковъ и придумали планъ

умерщвленія способомъ возмутившимъ Варшаву, но укрѣпившимъ ея духъ.“

Подобныя заявленія доказываютъ только безошибочность слѣдствія надъ невинными мучениками съ кинжалами въ рукахъ. Сущинскій— слѣдственный приставъ, голова котораго давно уже оцѣнена жондомъ.

„2. Объявленіями *московскаго* оберъ-полицеймейстера, какъ домовладѣльцамъ, такъ и жильцамъ угрожаютъ лишеніемъ свободы и грабежемъ всего имущества, въ случаѣ совершенія въ домѣ или на улицѣ предъ домомъ какого-нибудь поступка не нравящагося москвѣ, *или* въ случаѣ находки чего-нибудь во время ревизіи. Такая же солидарная отвѣтственность возложена и на проходящихъ по улицѣ, въ случаѣ убійства котораго-нибудь изъ явныхъ измѣнниковъ или иного подобнаго дѣйствія. Такое распоряженіе, противное всѣмъ правамъ и всякой справедливости, дополнено нынѣ законодательною изобрѣтательностію оберъ-полицеймейстера, который позволилъ домовладѣльцамъ и управляющимъ домами производить ревизіи у жильцовъ безъ участія полиціи, для упроченія изобрѣтенной солидарности домохозяевъ съ жильцами. А какъ не только хозяева отвѣчаютъ за жильцовъ, и послѣдніе за хозяевъ, но и прохожіе взаимно отвѣчаютъ другъ за друга, то должно ожидать, что законодатель оберъ-полицеймейстеръ, въ дальнѣйшемъ развитіи своего кодекса, объявитъ скоро, что и жильцы имѣютъ право обыскивать домохозяевъ, и прохожіе уполномочены строго осматривать другъ-друга. Къ такимъ безсмысленнымъ выходкамъ привела бы система принятая нынѣ москвою, еслибы распоряженія ея были возможны. Имѣя однако въ виду настоящее настроеніе жителей города, народныя власти не имѣютъ даже надобности напоминать, что исполненіе подобныхъ распоряженій повлекло бы за собой смертную казнь, которая была бы выполнена, несмотря ни на какія угрозы московскія. Во всякомъ случаѣ, какъ домовладѣльцы, такъ и жильцы для своего предостереженія отъ солидарной отвѣтственности предъ москвою, обязаны въ кратчайшее время выслать изъ домовъ лицъ явно непріязненныхъ народному дѣлу и приговоренныхъ къ смерти.

„3. Для пополненія пустыхъ кассъ наѣзда и подъ предлогомъ вознагражденія родственниковъ убитыхъ шпіоновъ, москва постановила наложить на весь край контрибуцію, размѣръ которой съ города Варшавы доходитъ до $1^{1}/_{2}$ милліона злотыхъ. Съ другой стороны, Варшавская полиція, которую нечѣмъ довольствовать по штату, силится подъ разнообразными предлогами брать деньгами съ обывателей подъ названіемъ пени, за минутное открытіе воротъ и т. п. Начальникъ города поэтому напоминаетъ, что декретомъ народоваго жонда плата такъ-называемыхъ податей, установленныхъ москвою, воспрещена, и предупреждаетъ жителей города, что всѣ плательщики этого побора будутъ подвергнуты строжайшей отвѣтственности.

„4. Нѣкоторые обыватели, нумера авизацій которыхъ были объявлены въ дневномъ приказѣ для ускоренія взноса податей, желаютъ чтобы было потомъ объявлено, что подати ими взнесены въ кассу народовую. Находя подобное объявленіе излишнимъ, начальникъ города объявляетъ, что прекращеніе дальнѣйшихъ дѣйствій экзекуціи служитъ для контрибуэнтовъ, имена которыхъ объявлены, достаточнымъ свидѣтельствомъ того что они исполнили свои обязанности.“

„5. Обыватели Шлама, Мордохъ и Шія Темкины, поставщики, живущіе въ № 2.309, не уплатили до сихъ поръ, несмотря на многократныя требованія, подати офяры народовой. Поэтому вмѣстѣ съ настоящимъ объявленіемъ приняты мѣры экзекуціонныя, и всѣ имѣющіе свѣдѣніе о капиталахъ Темкиныхъ, гдѣ бы они ни были помѣщены, обязаны о нихъ донести путемъ организаціи народовой, для обращенія ихъ на уплату податей; всѣмъ обывателямъ края запрещается вступать съ ними въ торговыя сдѣлки или уплачивать имъ долги, адвокатамъ же принимать ихъ тяжбы, а коморникамъ исполнять приговоры, до взнесенія ими двойной подати.

„6. По волѣ народоваго жонда, изданіе, редижированіе, печатаніе и разноска, также и подписка на *Дневникъ Всеобщій* со вчерашняго числа запрещены. Виновные въ нарушеніи этого приказа отданы подъ судъ революціоннаго трибунала, котораго приговоры немедленно будутъ выполнены.

„Между виновными въ нарушеніи вышеуказаннаго постановленія Янъ Яворскій, бывшій владѣлецъ типографіи въ домѣ гражданина Потоцкаго противъ Кармелитовъ, вопреки распоряженію жонда народоваго, и несмотря на двукратное предостереженіе, продалъ свою типографію москалямъ, зная что она будетъ употреблена на печатаніе *Дневника*. Поэтому революціонный трибуналъ столичнаго города Варшавы приговоромъ въ 29 день сентября приговорилъ упомянутаго Яворскаго, за неповиновеніе распоряженіямъ народныхъ властей и отступничество отъ народной справы, къ лишенію гражданскихъ правъ и безвозвратному изгнанію изъ края; такой приговоръ съ настоящей минуты оглашенія его становится обязательнымъ и будетъ приведенъ въ исполненіе. Варшава 2 октября 1863 года.

(М. П.)

Въ дневномъ приказѣ начальника города за № 26 находимъ слѣдующіе пункты:

„1. Къ числу мучениковъ нашихъ прибавилась новая жертва. Вчера въ 10 часовъ утра москали умертвили Вильгельма Альгера, работника съ фабрики Эванса, и принудили его товарищей быть свидѣтелями преступленія, совершившагося на дворѣ фабрики. Послѣ Альгера остались жена и трое дѣтей; на допросахъ онъ не хотѣлъ выдать той организаціи, въ которой состоялъ, несмотря на обѣщаніе помилованія; и пред-

почелъ жертвовать собою и семействомъ. Товарищи его, призванные палачами быть свидѣтелями убійства, имѣли предъ глазами благородный примѣръ исполненія сыновней обязанности въ отношеніи отчизны, и каждый изъ нихъ далъ клятву быть достойнымъ при случаѣ послѣдователемъ Альгера."

Такимъ образомъ доказывается, что Альгеръ былъ членомъ организаціи и опровергается показаніе *Часа*, будто Альгеръ совершенно невиненъ, и будто отлитыя имъ гранаты были *шарики къ жидовскимъ кроватямъ*.

Въ первомъ же пунктѣ начальникъ города все еще старается увѣрить Варшаву, что она хочетъ возстать, но воздерживается по причинѣ большаго числа войскъ, однако только до тѣхъ поръ, пока „разчетъ не покажетъ, что ударъ будетъ вѣренъ и рѣшителенъ". Далѣе говорится о наложенной правительствомъ контрибуціи, причемъ успокоиваютъ жителей, чтобы они не тревожились на ея счетъ: „увидимъ, говоритъ приказъ, осмѣлится ли разбойничье правительство совершить это послѣднее посягательство на частную собственность, а еслибы и осмѣлилось, то у насъ найдутся еще средства, которыя могутъ положить конецъ злу". Въ заключеніе перваго пункта помѣщена угроза наказать смертію всѣхъ которые внесутъ контрибуцію безъ понудительныхъ мѣръ „которыя выкажутъ свѣту разбой во всей его наготѣ".

Во второмъ пунктѣ приказа описывается какъ офицеръ квартирующій въ Доминиканскомъ монастырѣ, при видѣ сапожниковъ стоявшихъ во время богослуженія на колѣняхъ, вообразилъ что они приносятъ присягу на вѣрность мятежу, окружилъ костелъ солдатами, но потомъ, узнавъ дѣло, снялъ цѣпь. Въ третьемъ пунктѣ заключается строгое запрещеніе подрядчикамъ, всѣмъ вообще, подъ страхомъ смертной казни, вступать въ дѣла съ *москвою*, тѣмъ болѣе что жондъ народовый призналъ всѣ контракты ихъ не имѣющими силы и какъ бы не существовавшими. Въ четвертомъ пунктѣ объявляется во всеобщее свѣдѣніе, что покупка отдѣльныхъ нумеровъ и подписка на *Всеобщій Дневникъ* воспрещаются, и потому лица которыя обратятся за покупкою этого изданія въ редакцію его подвергнутся наказанію. Запрещеніе офиціальнаго изданія не удалось жонду, потому что типографія была куплена правительствомъ и редакція передана русскому чиновнику; теперь жондъ хлопочетъ о томъ чтобы газета никѣмъ не покупалась и не читалась.

Пунктъ пятый приводимъ цѣликомъ:

„5. Гражданинъ Северинъ Урусскій, владѣлецъ палаца на Краковскомъ предмѣстьѣ и домовъ на Севериновѣ, находящійся безъ дозволенія народоваго жонда за границею, и хорошо извѣстный какъ поклонникъ московскаго правленія, до настоящаго времени не заплатилъ причитающійся съ него подати офяры народовой и отказалъ въ требуемомъ съ него принудительномъ займѣ. Поэтому объявляется, что до взыска-

нія съ имѣнія Урусскаго займа и двойной подати, воспрещается всѣмъ безъ исключенія входить съ нимъ въ какія-либо денежныя дѣла и платить ему долги; защитникамъ же принимать его тяжбы, а коморникамъ приводить въ исполненіе приговоры. Лица имѣющія свѣдѣнія о его капиталахъ обязаны донести о нихъ путемъ организаціи народовой."

Графъ Северинъ Урусскій, бывшій предводитель дворянства Варшавской губерніи, указывалъ князю Горчакову въ 1861 году на послѣдствія различныхъ мѣръ бывшаго намѣстника и особенно предостерегалъ князя относительно направленія Земледѣльческаго Общества. Но тогда не только не было обращено на него вниманія, а даже конфиденціальный его разговоръ былъ оглашенъ въ польскомъ обществѣ, вслѣдствіе чего приказъ и говоритъ, что князь Урусскій былъ поклонникомъ московскаго правленія.

„6. Послѣдствія объявленія въ дневномъ приказѣ № 22 относительно гражданина Юліана Фукса съ настоящаго дня отмѣняются."

Должно-быть удалось жонду забрать у Фукса деньги.

Въ 7 пунктѣ помѣщены ругательства и клеветы на коммиссара 10-го циркула майора Энакіева, по поводу исторіи съ домами Замойскаго. Въ 8 разказанъ случай убійства казаками одного чиновника, находившагося не далеко отъ мѣста расположенія шайки. Наконецъ 9 пунктъ говоритъ объ убійствѣ Германна слѣдующее:

„9. 5-го сего мѣсяца, агентъ московскій Бартольдъ Германъ, называвшій себя докторомъ и носившій фамиліи то Бертольда Германи, то Троячка, то Малешевскаго, и т. д., употреблявшійся слѣдственною полиціей для самыхъ тайныхъ порученій, по приговору революціоннаго трибунала за доказанное шпіонство казненъ смертію въ своей квартирѣ въ Европейскомъ отелѣ. Отель этотъ занятъ *москвою*, которая не распорядилась еще имъ окончательно, въ ожиданіи рѣшенія царя."

Въ Варшавѣ появился также № 8 *Niepoległosci*, отъ 5-го октября новаго стиля. Впрочемъ можно думать что эта газета издается въ Краковѣ.

VI.

ПИСЬМО ВАРШАВСКАГО КОРРЕСПОНДЕНТА ВЪ № 219 „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ".

5-го октября.

Высочайшимъ приказомъ о чинахъ гражданскихъ по Царству Польскому отъ 10-го (22-го) сентября № 20 объявлены слѣдующія перемѣны:

Дѣйствительный статскій совѣтникъ *Кршивицкій*, главный директоръ правительственной коммиссіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, отчисляется, по прошенію и болѣзни, отъ этой должности и назначается постояннымъ членомъ Государственнаго Совѣта въ Царствѣ, съ увольненіемъ за границу, на 6 мѣсяцевъ.

Исправляющій должность директора отдѣленія народнаго просвѣщенія Михаилъ *Грабовскій* назначенъ исправляющимъ должность главнаго директора, предсѣдательствующаго въ правительственной коммиссіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, со всѣми правами этой должности присвоенными.

Исправляющій должность предсѣдателя главной дирекціи Кредитнаго Земскаго Общества Владиміръ *Кретковскій* отставляется отъ службы.

Этотъ Кретковскій размѣнялъ на 42.000 р. купоновъ отъ украденныхъ изъ главнаго казначейства заставныхъ листовъ. Вчера его арестовали, а сегодня онъ отправленъ по желѣзной дорогѣ въ Кострому. При обыскѣ Кретковскаго въ цитадели, при немъ найдены разныя возмутительныя бумаги революціоннаго жонда.

Бывшій совѣтникъ главной дирекціи Кредитнаго Земскаго Общества въ Царствѣ Польскомъ Войцѣхъ *Тржетржевиньскій* (Trzetrzewiński) назначенъ исправляющимъ должность предсѣдателя той же главной дирекціи, со всѣми должности этой присвоенными правами.

Старшій цензоръ Варшавскаго цензурнаго комитета и управляющій редакціею *Dziennika Powszechnego*, Францискъ-Максимильянъ *Собѣщаньскій* увольняется отъ службы по прошенію. Графъ Бергъ простилъ цензорамъ просьбу ихъ объ отставкѣ, вынужденную жондомъ, но главнаго цензора все-таки уволилъ—не тогда, когда хотѣлъ г. Собѣщаньскій, а когда угодно было графу. Впрочемъ, этотъ цензоръ не лишенъ преимуществъ пріобрѣтенныхъ службою.

Начальникъ администраціоннаго отдѣленія въ магистратѣ города Варшавы, Егоръ *Бертольди, для пользы службы*, увольняется отъ оной. Терминъ „уволяняется въ оставку, для пользы службы“ на русскій взглядъ долженъ бы компрометтировать человѣка на всю жизнь. Между тѣмъ, по здѣшнему кодексу, чиновникъ ничего не теряетъ если служба требуетъ его удаленія. Это то же что у насъ *за штатомъ.* Велёпольскій въ особенности часто употреблялъ это выраженіе когда началъ проводить въ Польшѣ свою политику и смѣнять русскихъ или преданныхъ правительству чиновниковъ. Такъ въ одномъ приказѣ онъ уволилъ въ отставку, „для пользы службы“, одиннадцать начальниковъ уѣздовъ изъ Русскихъ. Въ рѣдкомъ приказѣ онъ не сметалъ съ лица администраціи, широкою метлою, огромное число людей, не пользующихся популярностію, и все для *пользы службы*,—и довелъ до того, что слово это теперь дѣйствительно начало приниматься въ томъ постыдномъ значеніи. Бертольди—зять Вамбаха, владѣльца Европейскаго отеля, человѣкъ дѣйствительно вредный службѣ; онъ, вмѣстѣ съ тестемъ своимъ, много разъ заявлялъ ненависть свою къ правительству.

По таможенному вѣдомству въ Царствѣ Польскомъ происходятъ важныя перемѣны. Министерство финансовъ вошло съ представленіемъ въ Государственный Совѣтъ объ упраздненіи таможенъ въ Царствѣ, съ

причисленіемъ директоровъ къ министерству, безъ жалованья, и уже уволило въ отставку вдругъ 156 чиновниковъ, заявившихъ свою ненависть къ правительству многими измѣнническими дѣйствіями. Таможенное отдѣленіе при собственной канцеляріи намѣстника, также упраздняемое, получило уже объ этомъ оффиціальное предписаніе. Министерство финансовъ поступило рѣшительно и прекрасно, потому что таможенные чиновники, вмѣсто пользы, причиняли величайшій вредъ: они дѣятельно снабжали повстанцевъ оружіемъ, которое, вмѣстѣ съ прочею военною контрабандой, сами провозили изъ-за границы; пропускали эмиссаровъ, предупреждали на границахъ тѣхъ людей которыхъ надобно было задержать при въѣздѣ ихъ въ Польшу. Таможенное отдѣленіе также не отставало: почти всякая секретная бумага, о задержаніи контрабанды или революціоннаго агента, писанная въ таможенномъ отдѣленіи, появлялась цѣликомъ въ *Часъ* прежде нежели была передана по таможнѣ. Александровская таможня и станція, на Бромбергской желѣзной дорогѣ, почти вся подъ военнымъ судомъ за водвореніе въ краю оружія. Теперь всѣми пограничными станціями будетъ завѣдывать прибывшій сюда уже нѣсколько мѣсяцевъ назадъ чиновникъ министерства Финансовъ ст. сов. фонъ-Тизенгаузенъ, при содѣйствіи жандармскихъ, пограничной стражи и другихъ офицеровъ и войскъ. Урокъ министерства Финансовъ слѣдовало бы провести и въ иныхъ вѣдомствахъ Царства. Опыты и факты доказали, что важнѣйшими измѣнниками были чиновники: желѣзныхъ дорогъ, почтовые и таможенные, и что они одни вооружили мятежъ и дали ему возможность и средства развиться до настоящихъ размѣровъ.

Убійцы доктора Бертольда Германи (въ Европейскомъ отелѣ) отысканы и арестованы. Одинъ изъ народовыхъ жандармовъ, арестованный въ отелѣ, въ числѣ прочихъ жильцовъ, тронутый совѣстью, сознался что былъ вмѣстѣ съ двумя убійцами, наблюдалъ за ними и пришелъ въ ужасъ отъ того варварства съ которымъ они совершили злодѣяніе. Дѣйствительно: этотъ показатель, при арестованіи жильцовъ, тотчасъ же навлекъ на себя подозрѣніе тѣмъ что былъ блѣденъ, дрожалъ и говорилъ вздоръ, такъ что его сочли сумашедшимъ. По убѣжденію прочихъ арестованныхъ, онъ рѣшился открыть истину и назвалъ убійцъ. Ихъ арестовали, и хотя они, по обыкновенію, во всемъ запираются, однако сильно уличаются упомянутымъ сообщникомъ и всѣми кельнерами, такъ что вина ихъ не подлежитъ сомнѣнію.

Въ Бернардинскомъ монастырѣ въ Варшавѣ, при вступленіи туда военнаго постоя, арестовано не 4 человѣка, какъ я писалъ вамъ, а 8, и въ числѣ ихъ одинъ офицеръ жандармовъ-рѣзуновъ. При немъ сдѣлано важное открытіе: найденъ списокъ зарѣзанныхъ въ Варшавѣ, съ отмѣтками гдѣ кто жилъ и кѣмъ совершено каждое убійство.

Мятежники раздѣлили Варшаву, по числу циркуловъ, на 12 округовъ. Третьяго дня поймань помощникъ начальника XI округа, съ патентомъ, зашитымъ въ рукавѣ пальто. Онъ указалъ начальника округа, котораго также, кажется, схватили.

Литографъ Кредитнаго Земскаго Общества въ Варшавѣ, Казиміръ Тыцъ, по произведенному надъ нимъ военному суду, оказался виновнымъ въ храненіи списковъ возмутительнаго содержанія и въ имѣніи тайной типографіи, въ которой печаталъ газету *Косинеръ*, польскій мятежническій *военный уставъ*, фальшивые паспорты и т. п. За это, по конфирмаціи графа Берга, 30-го сентября, лишенъ всѣхъ правъ состоянія и сосланъ въ каторжную работу въ одну изъ сибирскихъ крѣпостей на *десять* лѣтъ.

Это уже пятый типографщикъ печатавшій возмутительныя сочиненія: *Мацыевскій*, *Врублевскій*, *Замойскій*, *Флеккъ* и *Тыцъ*. Всѣ сосланы въ каторгу въ рудники или въ крѣпостяхъ.

VII.

ИЗЪ ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО, ПО ПРЯМЫМЪ ИЗВѢСТІЯМЪ ДО 6-ГО ОКТЯБРЯ, ВЪ № 221 „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“.

Варшавская Ратуша сгорѣла. Великолѣпное зданіе, въ которомъ помѣщалось городское управленіе, обращено въ обгорѣлую груду камней. Театральная площадь лишилась главнаго своего украшенія, и противъ театра очутилось обезображенное зданіе.

Такъ недавно въ этомъ мѣстѣ кипѣла дѣятельность. У воротъ толпились полиціанты и казаки; по широкимъ лѣстницамъ входа стояли часовые; въ самомъ домѣ жилъ оберъ-полицеймейстеръ. Какой еще охраны можно было желать для дома? Но отъ домашняго вора не убережешься никакими средствами. Поджогъ произведенъ былъ одновременно въ трехъ архивахъ, отдѣльно расположенныхъ. Этой продѣлки можно было ожидать отъ чиновниковъ магистрата, столько разъ обнаруживавшихъ свою непріязнь правительству. Еще недавно они отказывались принимать отъ жителей подати, еще недавно они подавали общее прошеніе объ отставкѣ. Жондъ имѣлъ въ нихъ весьма послушныхъ и ревностныхъ сотрудниковъ.

Пожаромъ Ратуши революціонная партія думала, повидимому, остановить сборъ контрибуціи, столь ей непріятной. Всѣми мѣрами старалась она запретить гражданамъ уплату контрибуціи; но потерпѣла, должно думать, явную неудачу. И вотъ, въ возмездіе, жондъ обращаетъ въ пепелъ то зданіе, въ которомъ черезъ день или два должны были начаться сборы. Но касса, счеты и драгоцѣнныя вещи спасены,

и по всей вѣроятности, контрибуціонный сборъ не будетъ отложенъ. Дальнѣйшія извѣстія вскорѣ разъяснятъ намъ дѣло.

Въ ожиданіи болѣе точныхъ подробностей, мы пользуемся свѣдѣніями о контрибуціи помѣщенными во вновь появившемся приказѣ начальника мяста, за № 27, отъ 14 октября новаго стиля. Въ первомъ пунктѣ этого приказа сказано слѣдующее:

„1. Въ двухъ предыдущихъ дневныхъ приказахъ домовладѣльцы города Варшавы были приглашены къ единодушному и рѣшительному сопротивленію сбору контрибуціи, наложенной на городъ москалями. Повторяя это объявленіе, начальникъ мяста въ послѣдній разъ предупреждаетъ, что никто изъ домовладѣльцевъ, несмотря ни на какія угрозы, не въ правѣ отступать отъ того положенія которое будетъ принято всѣми вообще гражданами. Тѣ же изъ гражданъ, которые, даже безъ натиска экзекуціи, первые осмѣлились внести требуемую москалями контрибуцію, предаются суду революціоннаго трибунала, какъ подавшіе пагубный примѣръ отступничества, какъ отрекающіеся отъ единства и солидарности съ народомъ и его жондомъ. Имена ихъ объявляются во всеобщее свѣдѣніе:

Гражданинъ	Скворцовъ, владѣлецъ дома	№ 1065.
„	Дьяковъ	№ 413.
„	Ковалевъ	№ 1780.
„	Грабовецкій	№ 18.
„	Токкъ Людвигъ	№ 1311.
„	Чемпинскій Людвигъ	№ 1855.
„	Згѣрчинскій Яковъ	№ 2636.
„	Фестенгольцъ	№ 1599.
„	Наслѣдники Ржоньцы	№ 2307.
„	Эйзенбергъ Мендель на Прагѣ	№ 206.
„	Пергаловскій Янъ	№ 68.

„Кромѣ сихъ 11-ти контрибуція уплачена отъ дома № 473, гражданина Іосифа Эпштейна, находящагося за границею, управляющимъ его, который равномѣрно будетъ оглашенъ и преданъ суду трибунала.“

Такимъ образомъ уже къ 1 октября явились отступники „святой справы“, уплатившіе контрибуціонный сборъ. Между ними Скворцовъ, русскій купецъ, и Дьяковъ, родственникъ умершаго сенатора. Ненавистная жонду контрибуція начала поступать въ правительственныя кассы, несмотря на угрозы смертной казни отъ руки тайнаго убійцы. Слѣдовательно, если контрибуція вызоветъ убійства, то онѣ будутъ дѣломъ крайней партіи. *Часъ* старался доказать противное. *Часъ* еще до сихъ поръ, послѣ всѣхъ убійствъ, утверждаетъ, что ни одинъ Полякъ, ни одинъ изъ *20 милліоновъ Поляковъ* не уклоняется отъ повиновенія жон-

ду: „водворить московскій порядокъ и возстановить спокойствіе можно не иначе, какъ истребивъ всѣ 20 милліоновъ, потому что каждая пядь польской земли, *каждое сердце Поляка служитъ источникомъ возстанія*".

Все это широкій разчетъ на 20 милліоновъ, изъ которыхъ конечно $^{9}/_{10}$ крайне враждебны польскому возстанію! Во всѣхъ статьяхъ своихъ революціонная печать старается указать Европѣ, что она хочетъ подчинить польскому престолу Литву и юго-западныя губерніи. Всюду приплетаются эти несчастные 20 милліоновъ, которые представляютъ такое удобное вступленіе для громкой газетной статейки. Въ статьѣ по поводу контрибуціи *Часъ* указываетъ на то, что „московское правительство ограбило уже города сборомъ податей въ свою казну, а теперь хочетъ грабить Варшаву, *въ стѣнахъ которой гнѣздится большое число заговорщиковъ и смертоубійцъ* (слова изъ предложенія графа Берга), т.-е. солдатства московскаго. А какъ *источникъ всѣхъ бѣдствій, обрушивающихся на край,* скрывается въ Варшавѣ, и будетъ скрываться въ ней до тѣхъ поръ пока въ Варшавѣ останется московская репрезентація, то самымъ логичнымъ и радикальнымъ средствомъ было бы вывести изъ Варшавы московское солдатство и чиновниковъ".

Но отъ возгласовъ *Часа*, жонду не легче. Возстаніе крайне нуждается въ деньгахъ. Одна покупка оружія обходится не дешево, особенно при тѣхъ убыткахъ, которые нерѣдко бываютъ вслѣдствіе конфискаціи оружія. Какой, напримѣръ, ущербъ потерпѣли Поляки при конфискаціи 7-го октября н. ст. въ Данцигскомъ портѣ корабельнаго груза, который по корабельному свидѣтельству состоялъ изъ фарфоровой глины, а на дѣлѣ изъ 92 бочекъ съ оружіемъ, только слегка прикрытыхъ глиной! А подобныя конфискаціи бываютъ довольно часто, и хотя несомнѣнно что бо́льшая часть конфискованной въ Галиціи и Познани военной контрабанды доходитъ до повстанцевъ, но не менѣе достовѣрно и то что доходитъ она не безъ малыхъ издержекъ. Необходимы деньги и для вербовки людей; еще въ конгресувкѣ, гдѣ организація весьма сильна! можно загонять людей въ шайки убѣжденіемъ, словами или пистолетомъ приставленнымъ ко лбу, но за границей, кромѣ энтузіастовъ, даромъ никто нейдетъ въ рядовые. Наконецъ и въ конгресувкѣ приходится оплачивать услуги жандармовъ-вѣшателей.

Средства возстанія, заготовленныя уже въ теченіе трехъ лѣтъ, не могутъ покрыть тѣхъ расходовъ которые необходимы для поддержанія возстанія. Подать „народная офяра", пожертвованія въ костелахъ, принудительный заемъ, наконецъ грабежъ казначействъ, всѣ эти источники доходовъ жонда не способны удовлетворить его.

Дѣйствительно, средства страны изсякаютъ, денежные платежи становятся тяжелы. Вотъ почему жондъ народовый снова стремится воспользоваться принудительнымъ займомъ, и чтобы позолотить для публи-

ки эту пилюлю, онъ спѣшитъ увѣрить патріотовъ, что сами они неотступно просятъ о распространеніи на нихъ насильственнаго займа.

Вотъ циркуляръ изданный жондомъ по этому случаю 10-го октября н. ст.

Жондъ Народовый.

„Декретомъ 5 іюля сего года установленъ принудительный заемъ въ 21 милліонъ злотыхъ, разложенный на болѣе значительныхъ капиталистовъ края.

„Принимая во вниманіе выраженное нынѣ всѣми сословіями общества горячее желаніе принести краю жертву посредствомъ участія въ займѣ, хотя и меньшими суммами,—принимая также во вниманіе необходимость имѣть средства, которыя дали бы возможность могущественнымъ силамъ народа вести борьбу съ вѣковымъ врагомъ нашимъ,—по представленію департамента финансовъ постановляемъ:

„*Ст. 1.* Установленный декретомъ 5 іюля сего года принудительный заемъ отнынѣ будетъ именоваться *общимъ народнымъ займомъ*, въ которомъ должны (каково горячее желаніе!) принять участіе всѣ граждане польскихъ земель.

„*Ст.* 2. Общій народный заемъ долженъ доходить до 40 милліоновъ злотыхъ (6 милл. р. с.). Заемъ обезпечивается всѣмъ народнымъ достояніемъ.

„*Ст. 3.* Заемъ будетъ произведенъ департаментомъ финансовъ посредствомъ выпуска 5% облигацій, которыя будутъ снабжены извѣстнымъ числомъ купоновъ, и выданы на предъявителя. Достоинство облигацій будетъ слѣдующее:

Лит. А............	100	злотыхъ
„ В............	500	„
„ С............	1.000	„
„ D............	5.000	„
„ Е............	10.000	„

„*Ст. 4.* На всѣхъ облигаціяхъ будутъ находиться:

„a) Подпись членовъ коммиссіи народнаго долга установленной декретомъ 5 іюля, а именно:

Князя Владислава Чарторыйскаго,
г. Орденга, и
доктора С. Галензовскаго.

„b) Печать жонда народоваго и коммиссіи народоваго долга.

„c) Обозначеніе условій на какихъ будетъ произведенъ общій народный заемъ.

„*Ст. 5.* Коммиссіи народнаго долга предписано приготовить упомянутыя облигаціи и внести ихъ въ большую книгу народнаго долга.

»*Ст. 6.* Департаментъ финансовъ уполномоченъ образовать въ краѣ заемные комитеты, которые обязаны будутъ заняться приведеніемъ въ исполненіе этого займа.

„Съ этою цѣлію департаментъ приготовитъ соотвѣтственныя инструкціи.

„*Ст. 7.* Временныя облигаціи, приготовленныя департаментомъ финансовъ и выдаваемыя на внесенныя уже суммы въ счетъ займа, цѣнностію своею соотвѣтствующія постояннымъ облигаціямъ, упомянутымъ въ 3 статьѣ настоящаго декрета, будутъ потомъ замѣнены постоянными заемными облигаціями путемъ организаціи народовой.

«*Ст. 8.* Лицамъ призваннымъ къ участію въ принудительномъ займѣ установленномъ декретомъ 5-го іюля, соразмѣрно внесеннымъ уже ими въ счетъ займа суммамъ, будутъ выданы, въ обмѣнъ имѣющихся у нихъ временныхъ квитанцій, соотвѣтственныя облигаціи настоящаго общаго народнаго займа.

»*Ст. 9.* Департаментъ финансовъ представитъ въ свое время народовому жонду проектъ погашенія займа или включенія его въ счетъ постояннаго народнаго долга.

»*Ст. 10.* Исполненіе настоящаго декрета возлагается на народныя власти, въ чемъ до кого относится.“

Въ Варшавѣ, 10 октября 1863.

(М. П.)

Въ ожиданіи результатовъ этой операціи, продолжаются грабежи по всему пространству Царства Польскаго, причемъ повстанцы не брезгаютъ самыми малыми суммами, не уважаютъ частной собственности. Реквизиція входитъ все болѣе и болѣе въ силу. Что̀ дѣлать! Приходится повѣрить истинѣ воззванія „генерала Крука“, что люди его сидятъ безъ сапогъ и пищи и нуждаются во всемъ. Только крайность могла побудить спасителей отечества взять 20-го августа въ мѣстечкѣ Томашовѣ, Замосцьскаго уѣзда, изъ городской кассы столовое серебро, взятое у одного Еврея въ замѣнъ уплаты податей, и 12 рублей деньгами; или изъ городской кассы мѣстечка Билгорая, того же уѣзда, 5 руб. 78 коп., или 31-го августа въ деревнѣ Косьминкѣ, Люблинскаго уѣзда, изъ кассы откупщика мостоваго сбора 16 рублей. Подобные мелкіе поборы не могутъ составить большой суммы; они свидѣтельствуютъ только противъ чиновниковъ, которые не мало пособляютъ такимъ поборамъ. Послѣдне-полученныя свѣдѣнія указываютъ что въ Станиславскомъ уѣздѣ, прилегающемъ къ Варшавѣ, деньги отбираются неизвѣстными людьми весьма свободно и почти со всего уѣзда, а чиновники входятъ только съ донесеніями, что проходившая шайка взяла казенныя деньги или произвела сборъ податей. Такъ 13-го сентября въ деревняхъ Шимановѣ и Круки отобраны у сотскихъ внесенные крестьянами подати

суммою въ 200 р. 68 к.; 14-го сентября въ мѣстечкѣ Калушинѣ забрано у бургомистра собранныхъ податей 92 р. 20 к.; 22-го сентября въ мѣстечкѣ Венжинѣ собрано съ жителей податей 597 рублей. То же самое происходитъ и въ Равскомъ уѣздѣ. 9-го сентября ограблена въ мѣстечкѣ Мнишевѣ того уѣзда городская касса и продана вся оставшаяся въ мѣстномъ магазинѣ соль; 11-го сентября въ мѣстечкѣ Томашовѣ изъ городской кассы взято 8 р. 30 к. Во Влоцлавскомъ уѣздѣ въ мѣстечкѣ Осѣцинѣ, 4-го сентября, заграблено изъ городской кассы 50 р.; 6-го сентября въ мѣстечкѣ Ходчѣ 111 р.; 5-го сентября, въ мѣстечкѣ Бржесцѣ изъ городской кассы 28 р. и съ питейнаго откупа, 13 р. 50 к.; 13-го сентября, изъ городской кассы Радзѣiова 167 р. Изъ Люблинской губерніи сообщаютъ, что 23-го августа въ городской кассѣ мѣстечка Щебржешина, Замосцьскаго уѣзда, взято 138 р.; что въ мѣстечкѣ Томашовѣ, того же уѣзда, изъ таможни взято 148 р. и 2 головы сахару, и отъ откупщика консумціоннаго сбора 202 р.; что изъ кассы имѣнія Александрово захвачено 454 р. и 94 топора, отобранные у разныхъ лицъ за тайную порубку лѣса; что 11-го сентября въ городѣ Бялѣ взято изъ городской кассы 114 р. и консумціоннаго сбора отъ откупщика 45 р. 73 к. Изъ Радомской губерніи доносятъ, что 26-го августа изъ городской кассы мѣстечка Высмѣржице, Радомскаго уѣзда, взято 229 р. 50 к.; что 12-го сентября, изъ такой же кассы мѣстечка Буска, Стопницкаго уѣзда, взято 26 р. За послѣднее время особенно отличался въ этомъ родѣ Калишскій уѣздъ: 25-го августа въ мѣстечкѣ Ставишинѣ, этого уѣзда, заграблено изъ городской кассы 33 р.; 29-го изъ такой же кассы мѣстечка Става 90 р. 40 к.; 30-го, въ мѣстечкѣ Козьминкѣ 22 р. 31 к.; 31-го, въ мѣстечкѣ Блошкахъ 223 р. 24 к.; 1-го сентября въ мѣстечкѣ Ужiовѣ 53 р.; 1-го и 3-го сентября въ мѣстечкѣ Вартѣ изъ городской кассы взято 61 р. 91 к., и взыскано съ откупщика мостоваго сбора числившаяся на немъ за августъ недоимка въ 68 р. 83$^1/_2$ к.; 8-го сентября въ мѣстечкѣ Ставишинѣ изъ городской кассы 8 р. 30 к. и въ мѣстечкѣ Козьминѣ 14 р.; 14-го сентября изъ кассы майората графа Толстаго въ гминѣ Костѣльна 20 р. 95 к.

Незначительность суммъ, достающихся на долю повстанцамъ, объясняется тѣмъ, что войска при обходѣ мѣстности обыкновенно переносятъ излишнія деньги въ уѣздныя казначейства. Инсургенты бросаются на остатки, получившіе какое-либо назначеніе, напримѣръ, въ городѣ Унѣiовѣ, Люблинской губерніи, они забрали изъ городской кассы 28 р. сер., оставленныхъ на жалованье чиновникамъ. Разумѣется, мелочами ограничиваться неудобно, и потому съ жителей городовъ и мѣстечекъ собираются при удобномъ случаѣ и денежные поборы, причемъ повстанскіе чиновники стараются сохранить тѣнь законности, производя сборъ по существующимъ росписямъ и взыскивая недоимки по нимъ. Такъ въ городѣ Луковѣ, 24-го августа, нѣсколько мятежниковъ взяли изъ

городской кассы раскладку подымной подати и другихъ повинностей и взыскали съ луковскихъ жителей 217 рублей; или, 4 сентября, въ мѣстечкѣ Илжѣ, Опатовскаго уѣзда, мятежники разбили казначейскій сундукъ, чтобы вынуть оттуда раскладку подымной подати, и по раскладкѣ взыскали съ жителей 462 рубля. Всѣми подобными мѣрами заграбленная съ начала мятежа сумма поднялась до 784.189 р. сер., не считая украденныхъ изъ главнаго казначейства.

Было бы очень снисходительно, еслибы повстанцы только дѣлились податями съ законнымъ правительствомъ. Подобное возстаніе было бы безпримѣрно. Революція обыкновенно вызываетъ различныя стремленія къ завладѣнію частною собственностью. Польское возстаніе въ этомъ отношеніи представляетъ очень печальное явленіе. Для голодныхъ повстанцевъ начальники воеводствъ облагаютъ жителей поборами: въ концѣ августа потребовали съ жителей Люблинской губерніи по 50 к. съ каждаго высѣяннаго корца озимаго хлѣба. Кромѣ поборовъ возникаетъ страсть къ грабежу, и разбойничество повстанцевъ разыгрывается тѣмъ болѣе, что самый жондъ уполномочиваетъ ихъ къ разоренію жителей преданныхъ законному правительству. Рѣдкая шайка уберегается отъ нечистыхъ поползновеній, и край терпитъ сильное разореніе. Мы представимъ въ подтвержденіе рядъ случаевъ за послѣднее время, рядъ далеко не полный, потому что жаловаться или доносить о дѣйствіяхъ повстанцевъ гражданскому начальству воспрещено. Въ Варшавскомъ уѣздѣ въ мѣстечкѣ Коды, 14-го августа ограблены мѣстные солтысъ и корчмарь, уступившіе подъ пытками свои деньги, до 664 рублей; одинъ изъ разбойниковъ, Еврей Палашъ, задержанъ гминнымъ войтомъ. 21-го августа, ночью, нѣсколько вооруженныхъ человѣкъ напали на усадьбы Квятково и Свидры, Пултусскаго уѣзда, въ которыхъ, по случаю арестованія владѣльцевъ, живутъ однѣ женщины; съ ними повстанцы обошлись варварски и заграбили у нихъ одежду и деньги; 24-го августа въ деревнѣ Щиткѣ, Плоцкаго уѣзда, напали на дома тамошнихъ жителей, Франца Висневскаго и Павла Фелицына, и при этомъ нападеніи наказали владѣльцевъ ста ударами плетей; 20-го августа, мятежники, прибывъ въ мѣстечко Билгорай, Замосцьскаго уѣзда, взяли изъ кассы владѣльца мѣстечка статсъ-секретаря Платонова 600 р. сер.; 4-го сентября, три повстанца забрали изъ дома Ченстоцицъ, Опатовскаго уѣзда, одинъ возъ сѣна и два немолоченаго овса, и промѣняли двѣ лошади; 5-го сентября, жандармы-вѣшатели, проходя чрезъ Станиславскій уѣздъ, сожгли 4 стога сѣна, принадлежавшіе лѣсному стражнику Ягодзинскому, находящемуся при войскахъ; 6-го сентября, мятежники, напавъ ночью на пограничный постъ Винценты, Августовскаго уѣзда, сожгли 14 домовъ съ хозяйственными строеніями, застрахованныхъ въ 8.410 р.; 8-го сентября, въ деревнѣ Рудникѣ, Станиславскаго уѣзда, они сожгли домъ со всѣмъ имуществомъ колониста Цегѣльки,

потомъ объявили ему, что сожгли его по ошибкѣ, вмѣсто колониста Вильгельма Барка, и затѣмъ сожгли все имущество и запасы хлѣбовъ послѣдняго; 10-го сентября, въ деревнѣ Трояновѣ, Станиславскаго уѣзда, сожжены строенія со всѣмъ имуществомъ другаго Барка Михаила.

Вотъ тѣ свѣдѣнія которыя получены путемъ офиціальнымъ за послѣднія недѣли. Но чтобы судить о разореніи края надобно пройтись въ экспедиціи; офицеры нашихъ войскъ, имѣвшіе случай откровенно говорить съ помѣщиками, единогласно свидѣтельствуютъ, что разбойничество и грабежъ принимаютъ самые серіозные размѣры.

Въ заключеніе приведемъ окончаніе того приказа начальника *мяста*, о которомъ говорено выше.

Кромѣ пункта 1-го, о контрибуціи, въ составъ дневнаго приказа за № 27 входитъ еще слѣдующее:

„2. Сего мѣсяца, 12-го числа, гражданину, неизвѣстному донынѣ по фамиліи, при проходѣ его по Хлодной улицѣ, незамѣтно всунутъ въ карманъ какимъ-то московскимъ агентомъ кинжалъ; послѣ чего агентъ указалъ его полиціанту, который и арестовалъ его, вмѣстѣ съ женщиной, видѣвшею какъ кинжалъ былъ вложенъ ему въ карманъ и засвидѣтельствовавшею о томъ при арестованіи."

Избитый изворотъ каждаго вора, всегда утверждающаго, что украденное кто-то незамѣтно положилъ ему въ карманъ.

„Такъ какъ подобные случаи могутъ повторяться, то необходимо, чтобы каждый житель Варшавы всегда и вездѣ обращалъ бдительное вниманіе на дѣйствія и намѣренія московскихъ шпіоновъ, которымъ велѣно различными способами доставлять жертвы кровожаднымъ палачамъ. Осторожность эта должна быть соблюдаема не только въ отношеніи личностей, но и въ отношеніи жилищъ, особенно подваловъ, чердаковъ, чулановъ, сараевъ, и т. п., очень часто дурно запертыхъ или вовсе не запираемыхъ, потому что москали, объявивъ что за отысканіе запрещенныхъ ими вещей будетъ отнятъ домъ у его владѣльца, могутъ, подбросивъ оружіе или иные предметы, отобрать въ свою пользу каждый удобный для нихъ домъ, а изъ послѣдняго поступка ихъ съ домомъ гражданина Грабовскаго, захваченнымъ такимъ же измѣнническимъ образомъ, ясно видно что они не замедлятъ пользоваться такою хитростію."

Неудачи вызываютъ ложь и ставятъ начальника мяста въ фальшивое положеніе. Онъ хлопочетъ уже о томъ, чтобы всѣ надворныя строенія были заперты; но къ этой же цѣли стремится нѣсколько мѣсяцевъ варшавская полиція, въ тѣхъ видахъ чтобъ убѣгающему убійцѣ было негдѣ спрятаться во дворѣ, если ему и удастся проскользнуть въ ворота. Сказкѣ о домѣ Грабовскаго едва ли и Поляки вѣрятъ: могли ли Москали набросать нѣсколько возовъ польскихъ мундировъ, конфедератокъ, кителей, тюковъ съ галстуками, ружей, сабель, кинжаловъ, кор-

ніи, полушубковъ и т. п. въ подвалъ, не главнаго на улицу выходящаго зданія, а флигеля, притомъ тюки такихъ размѣровъ что двухъ достаточно на одноконную подводу. Наконецъ, домъ вовсе не занятъ солдатами, при немъ поставлены только часовые до рѣшенія дѣла слѣдственнымъ и судебнымъ порядкомъ.

„3. Въ послѣднее время было нѣсколько случаевъ ареста на улицахъ гражданъ состоящихъ въ народовой стражѣ и вооруженныхъ кинжалами. Схваченные пріяли геройскую смерть; случаи этого рода должны однако служить поученіемъ для вступающихъ въ народовую стражу, долженствующихъ, въ каждую минуту и на всякомъ мѣстѣ, быть въ готовности защищать свою жизнь. Поэтому гражданамъ, принадлежащимъ къ народовой стражѣ, строжайше предписано, чтобъ они при арестованіи ихъ, имѣя при себѣ оружіе, употребляли его для своего спасенія и защиты, тѣмъ болѣе что люди занимающіеся арестаціями на улицахъ уже лишены покровительства законовъ. Въ случаѣ неисполненія этого приказанія, всякій, кто будетъ взятъ полиціей съ оружіемъ въ рукахъ, будетъ почитаться жертвою неосторожности.»

Плохое утѣшеніе для жандармовъ!

„4. 10-го сего мѣсяца москва повторила нападеніе на прохожихъ и проѣзжавшихъ по улицамъ жителей, подобно тому какъ это сдѣлано было 14 августа. Задержали около 170 человѣкъ, изъ гражданъ спокойно прогуливавшихся, всѣ они отведены въ циркулы и послѣ обыска отпущены на свободу. Такое стѣсненіе, безъ всякаго повода, личной свободы столь огромнаго числа гражданъ есть новое насиліе, на большую ногу, которое мы и вносимъ въ ежедневную лѣтопись московскихъ разбоевъ."

Часъ также оскорбляется дѣйствіями полиціи. „Офицерамъ царской гвардіи, говорится въ этой газетѣ, предоставлено право быть поліціянтами въ Варшавѣ. Они хватаютъ прохожихъ, обыскиваютъ и часто грабятъ ихъ до-чиста. Никто изъ выходящихъ изъ дому не можетъ-быть увѣренъ въ томъ, возвратится ли онъ домой, или же его арестуютъ и убьютъ москали." „На углахъ улицъ, сказано въ другой статьѣ *Часа*, разставлены поліціянты съ ружьями, для того чтобы стрѣлять вдоль улицъ за бѣгущими. Они же должны опрашивать прохожихъ, приставляя штыкъ къ груди, и имѣютъ право заколоть человѣка, если получатъ не надлежащій отвѣтъ." Эти обвиненія вызваны арестаціями подозрительныхъ лицъ, произведенными въ послѣднее время на улицахъ дѣйствительно въ большомъ размѣрѣ; но полиція при этомъ въ оба раза арестовала людей у которыхъ оказались кинжалы.

„5. Коллекторамъ классной лотереи и лицамъ держащимъ билеты напоминается что послѣ окончанія тиража 5-го класса 101 лотереи, продажа и покупка билетовъ на новую лотерею декретомъ народнаго жонда запрещены."

Коллекторы и съ 5 классомъ бѣдствуютъ; и теперь никто не рѣшается брать билетовъ и на этотъ классъ.

„6. Москва намѣревается 20 сего мѣсяца произвести обыски у тѣхъ у кого уже производила, въ надеждѣ что обысканные не будутъ остерегаться и вынесутъ наружу такъ-называемые запрещенные предметы.“

(М. П.)

Вѣроятно подслужился жонду этимъ извѣстіемъ какой-нибудь изъ полицейскихъ служителей. Во всякомъ случаѣ видно, что народовому жонду уже за шесть дней извѣстны секретныя распоряженія по полиціи.

VIII.

ПИСЬМО ВАРШАВСКАГО КОРРЕСПОНДЕНТА въ № 123 „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“,

$^{9}/_{21}$ октября.

Отъ субботы до среды—такъ мало прошло дней и такъ много долженъ я вписать событій въ мою кровавую лѣтопись.

С у б б о т а 5 (17) о к т я б р я. Въ 2 часа пополудни, на Длугой улицѣ среди толпы розинь-полиціантовъ, начальникъ контрольнаго отдѣленія въ управленіи оберъ-полицеймейстера, Домбровскій, получилъ съ тыла 5 ударовъ кинжаломъ, и убійца ушелъ безнаказанно. Домбровскій имѣлъ силы дойти до циркула пожаловаться коммиссару и потомъ пошелъ въ больницу. Будетъ ли онъ живъ, неизвѣстно. Случай этотъ не объявленъ въ газетахъ; о немъ не было упомянуто даже въ суточномъ рапортѣ оберъ-полицеймейстера. Непонятно, почему наша официальная печать не хочетъ заявлять ни одного убійства подобнаго рода; это очень нравится заграничной польской печати и даетъ ей поводъ доказывать, что русскія газеты вводятъ въ обманъ общественное мнѣніе и что корреспонденты ихъ лгутъ, выдумывая происшествія небывалыя и не объявленныя официально. Отчего же *Часъ* не смѣетъ скрыть ни одного политическаго не только убійства, но и происшествія въ Краковѣ и даже во всей Галиціи?

Домбровскій уже въ другой разъ подвергается преслѣдованію со стороны своихъ коханыхъ родаковъ. Въ 1861 году, когда господствовала въ Польшѣ мода на кошачьи музыки, т.-е. истребленіе всего имущества подозрительной личности, съ нанесеніемъ побоевъ, а иногда и смерти самому преслѣдуемому лицу,—на домъ Домбровскаго въ Калишѣ также напала толпа изъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, перебила окна, истребила все его имущество, выпустила на воздухъ даже пухъ изъ подушекъ, и вывѣсивъ его самого изъ окошка 2-го этажа, заставила кричать: „Я подлецъ!“ Эти пріятныя заявленія были прерываемы или,

лучше, заглушаемы крикомъ, гамомъ, свистомъ, хохотомъ и тучами камней. Избитый Домбровскій былъ спасенъ войсками и отправленъ въ госпиталь.

Въ 1861 году были сотни жертвъ подобныхъ Домбровскому. Разкажу вамъ одинъ случай.

Въ мѣстечкѣ Торногурѣ, Люблинской губерніи, 6-го августа 1861 года, въ 4 ч. утра, собралась толпа болѣе 400 человѣкъ предъ домомъ частнаго учителя Олендскаго и съ крикомъ, свистомъ и барабаннымъ боемъ (барабанъ для этого торжества бургомистръ собственноручно вынесъ изъ Ратуши), начала выбивать у Олендскаго окна; посыпался градъ камней; такъ какъ ставни были заперты, то толпа выломала ихъ и бросилась въ комнаты. Учитель успѣлъ скрыться на чердакъ, а разбойники, искавшіе его, встрѣтили сильную оппозицію въ лицѣ служанки его, которая, вооружась лопатою, усердно колотила нападавшихъ и человѣкъ пять пристукнула до безпамятства. Наконецъ одолѣли бабу и полумертвую выкинули ее на дворъ: потомъ нашли Олендскаго, сбросили его съ чердака, раздѣли до нага, избили палками, привязали къ лѣстницѣ, носили его такъ по городу, часто бросали съ нимъ лѣстницу, продолжали бить его палками и надѣли ему на голову шапку съ нечистотами; когда же несчастный, обезсилѣвъ, попросилъ пить, то варвары обмакивали подсолнечникъ въ тѣхъ же нечистотахъ и брызгали ему въ лицо. Когда мученикъ окончательно лишился чувствъ, тогда толпа, съ погребальными гимнами, понесла его топить въ рѣку Вѣпвьжь, но вдругъ на мосту показался эскадронъ Харьковскихъ уланъ, успѣвшій собраться по тревогѣ; при видѣ войска, толпа бросила на мосту Олендскаго и разсѣялась. Генералъ Лидерсъ конфирмовалъ 22 человѣка наиболѣе виновныхъ въ солдаты, а бургомистра отрѣшилъ; но потомъ чрезъ мѣсяцъ или два, всѣ были прощены.

Воскресенье 6 (18) октября. Подожжена въ Варшавѣ и сгорѣла Ратуша. Но пусть разкажетъ объ этомъ *Dziennik Powszechny*; вотъ слова его:

„Вчерашняго числа возникъ пожаръ въ зданіи здѣшняго магистрата, обыкновенно называемаго Ратушей, въ которомъ помѣщается и управленіе варшавской полиціи. Огонь показался въ архивѣ на 3-мъ этажѣ главнаго корпуса, около половины 12 часа въ полдень; но чрезъ 20 минутъ потомъ, когда пожарная команда успѣла овладѣть огнемъ, вспыхнулъ полицейскій архивъ, помѣщавшійся въ отдѣльной части зданія, на другомъ дворѣ; здѣсь вскорѣ огонь былъ потушенъ, но въ Магистратѣ пожаръ продолжался до поздней ночи. Сгорѣлъ весь третій этажъ, часть втораго съ правой стороны, и надворное строеніе, въ которомъ помѣщался полицейскій архивъ. Только незначительная часть магистратскихъ дѣлъ и преимущественно строительные акты, сдѣлались жертвою пламени: всѣ же прочія дѣла, со всѣми разчетами и казна-

чейскими книгами Магистрата, спасены (замѣтьте эти слова: мятежники думали, что истребя Магистратъ съ его раскладками, помѣшаютъ сбору контрибуціи; имъ заявляютъ что они ошиблись и попытка не удалась). Всѣ деньги казначейства и имущество ломбарда равномѣрно не понесли никакой потери; изъ полицейскаго архива уцѣлѣла также значительная часть дѣлъ. Пожаръ, очевидно, возникъ отъ умышленнаго поджога, раскрытіемъ обстоятельствъ коего занимается особо-назначенная слѣдственная коммиссія."

По дѣлу этого пожара арестовано до 40 чел. чиновниковъ. Злоумышленники сами не знали, сколько они надѣлали Варшавѣ вреда: сгорѣло много памятниковъ древности, драгоцѣнныхъ и уже незамѣнимыхъ, какъ напримѣръ, грамотъ и привилегій, жалованныхъ королями за нѣсколько сотъ лѣтъ назадъ. Обгорѣлые куски пергаментовъ съ растопленными печатями до сихъ поръ валяются въ грязи. Цѣль негодяевъ самая нелѣпая и достойная болѣе чѣмъ висѣлицы.

Понедѣльникъ, 7 (19) октября. Кровавый, тяжелый день! Въ 9 часовъ утра, на берегу Вислы найдено тѣло убитаго неизвѣстнаго человѣка.

Въ 10 часовъ утра, повѣшены на гласисѣ цитадели, по приговору полеваго военнаго суда, почтовый чиновникъ Станиславъ Свѣжинскій и органистъ Варшавскаго уѣзда Станиславъ Пайпе.

Первый „оказался виновнымъ въ государственной измѣнѣ: войдя въ непосредственныя сношенія съ членами мятежной организаціи, называющей себя *жондомъ народовымъ*, принялъ на себя обязанность агента его, и пользуясь офиціальнымъ положеніемъ своимъ въ управленіи почтъ, тайно разсылалъ въ разныя мѣста распоряженія лицъ руководящихъ возстаніемъ, равно и посылки съ военными вещами для мятежниковъ, и вообще исполнялъ всѣ даваемыя ему членами упомянутой организаціи порученія, имѣвшія цѣлію распространеніе мятежа и ниспроверженіе законныхъ властей". Такъ гласитъ смертный приговоръ.

Второй обвиненъ: 1) въ личномъ участіи въ вооруженномъ возстаніи въ составѣ шайки мятежниковъ, подъ начальствомъ Мышковскаго, 2) въ принадлежности къ организаціи жандармовъ-вѣшателей, для исполненія политическихъ убійствъ, 3) въ повѣшеніи близь деревни Осухова, послѣ предварительныхъ мученій, одного крестьянина, подозрѣваемаго въ преданности законному правительству и 4) въ исполненіи другихъ обязанностей жандарма-вѣшателя.

Въ 6 часовъ вечера, на улицѣ Александрія, раненъ 5-ю ударами кинжала рядовой 11-й роты лейбъ-гвардіи Литовскаго полка, тремя неизвѣстными злоумышленниками. Одного изъ этихъ злоумышленниковъ тотчасъ же задержалъ начальникъ ревира Васильевичъ; но убійца, нанеся ему двѣ раны кинжаломъ въ щеку и шею, бѣжалъ.

Въ томъ же часу, на Маршалковской улицѣ, неизвѣстный разбойникъ ранилъ кинжаломъ въ бокъ полицейскаго дозорцу Гручковскаго и бѣжалъ.

Вторникъ 8 (20) октября. Въ домѣ Замойскаго найденъ новый corpus delicti: болѣе $1^1/_2$ пуда боевыхъ патроновъ системы Лефоше, къ ружьямъ большаго калибра. Патроны эти висѣли въ мѣшкѣ (сакъ-вояжѣ), въ трубѣ ватеръ-клозета; тяжестію своею они прорвали мѣшокъ, посыпались на полъ и найдены однимъ изъ деньщиковъ. Слѣдственная коммиссія по дѣлу о брошенныхъ бомбахъ постановила на мѣстѣ актъ объ этой находкѣ, а патроны отдала въ арсеналъ.

Въ магистратскомъ архивѣ, въ печахъ, найдено много оружія и пороху. Говорятъ, что это оружіе сданное при общемъ обезоруженіи жителей. Но отчего же лежало оно здѣсь два года и не сдано въ арсеналъ?

Вечеромъ того же дня, прикомандированный къ полиціи поручикъ гвардейской гринадерской артиллерійской бригады Оноприенко сдѣлалъ весьма важное открытіе: напалъ на литографію народоваго жонда, содержимую нѣкоимъ Каетаномъ Стрончевскимъ. Оноприенко накрылъ при этомъ рабочихъ, вмѣстѣ съ хозяиномъ, и захватилъ камни и налитографированные на нихъ разные бланки жонда, начельника мяста, начельника полиціи народовой, фальшивые паспорты, а самое главное—авизаціи и билеты послѣдне-наложеннаго мятежниками на край насильственнаго займа въ 40 милліоновъ злотыхъ и всѣ черновыя распоряженія и приказанія жонда—всего болѣе 120 штукъ разныхъ формъ, отпечатанныхъ или приготовленныхъ къ тисненію. Бумаги относящіяся до займа еще не успѣли выйти изъ литографіи и захвачены всѣ до одной. Г. Оноприенко сдѣлалъ уже много весьма важныхъ открытій и переловилъ нѣсколько организаторовъ; онъ очень рискуетъ собою, кидаясь во всѣ опасности, и весьма легко можетъ наткнуться на кинжалъ. Вчера графъ Бергъ призывалъ его къ себѣ, благодарилъ и сказалъ, что дѣйствія его считаетъ наравнѣ съ военными подвигами.

О сборѣ податей. Военный начальникъ Калишскаго отдѣла донесъ отъ (3) 15 октября, что по Калишскому отдѣлу собрано податей 183.532 руб. сер.; считается въ недоимкѣ 63.759 р., о сборѣ коихъ посредствомъ экзекуціи сдѣлано распоряженіе.

Въ Лъэнчицкомъ уѣздѣ внесено добровольно 25.639.

Въ Лодзи собрано военнымъ начальникомъ 3.779 р.

Въ Серадзскомъ и Велюнскомъ уѣздахъ сборъ подвижными колоннами идетъ успѣшно, но о числѣ собранныхъ денегъ донесеній еще не получено.

Въ самомъ городѣ Калишѣ бо̀льшая часть податей внесена добро-

вольно; съ другихъ городовъ этого уѣзда собрано подвижными колоннами 4.438 р. Объ успѣхѣ сбора податей въ городахъ прочихъ уѣздовъ отдѣла донесеній не получено.

Военный начальникъ Радомскаго отдѣла донесъ, отъ 7 (19) октября, что секвестраторъ податей въ Радомскомъ уѣздномъ управленіи Телесфоръ Билевичъ бѣжалъ, получивъ подати съ двухъ помѣщиковъ 373 р. 48½ коп. с., въ которыхъ выдалъ квитанцію и унесъ ихъ съ собою.

IX.

По прямымъ свѣдѣніямъ изъ Царства Польскаго, въ № 224 „Московскихъ Вѣдомостей".

2-го октября.

Послѣдніе журналы военныхъ дѣйствій въ Царствѣ Польскомъ указываютъ на то, что главные отряды повстанцевъ, съ наиболѣе извѣстными начальниками: Крысинскимъ, Цвѣкомъ, Вержбицкимъ и др., гуляютъ по Люблинской губерніи. Въ другихъ военныхъ отдѣлахъ войскамъ приходится имѣть дѣло преимущественно съ одними жандармами-вѣшателями; сколько-нибудь серіозныя столкновенія происходятъ теперь только въ такъ-называемыхъ Люблинскомъ и Подляскомъ воеводствахъ. Выборъ этихъ мѣстностей инсургентами основывается отчасти на удобствѣ мѣстныхъ условій для партизанскаго образа дѣйствій, на отсутствіи желѣзныхъ дорогъ, отчасти на близости той части галиційской границы, которая представляетъ теперь наиболѣе средствъ къ формированію новыхъ шаекъ. Въ Ржешовскомъ округѣ формировались шайки „генерала Валигурскаго, военнаго начальника Люблинскаго воеводства", по новѣйшимъ свѣдѣніямъ переступившаго границу.

Въ ожиданіи извѣстій о разбитіи войскъ „генерала Валигурскаго", сообщимъ нѣсколько свѣдѣній о способахъ формированія повстанскихъ отрядовъ. Составленіе отрядовъ производится или изъ заграничнаго матеріала, или изъ людей забранныхъ въ конгресувкѣ. Послѣ большаго числа пораженій, понесенныхъ самыми лучшими, по организаціи своей, галиційскими бандами, наборъ шаекъ производится въ Галиціи, повидимому, съ большими затрудненіями. Доказательствомъ можетъ служить Валигурскій; только въ половинѣ октября онъ рѣшился перейти границу, а между тѣмъ онъ хлопоталъ въ Галиціи еще съ августа мѣсяца и надѣялся перевести свои шайки въ Польшу въ началѣ сентября. Сколько плановъ разстроилось вслѣдствіе такого замедленія! Наиболѣе сильнымъ ударомъ для Валигурскаго въ Люблинскомъ отдѣлѣ были, разумѣется, разбитіе шайки Лелевеля, и смерть этого предводителя. Слѣдующая записка знакомитъ нѣсколько съ устройствомъ шаекъ въ Галиціи. Это—отношеніе военнаго начальника Люблинскаго воеводства

генерала Валигурскаго къ полковнику Лелевелю, отъ 23-го августа, № 47.

„Въ отвѣтъ на письмо полученное 21-го августа увѣдомляю васъ, полковникъ, что данное мною того же числа приказаніе, относительно забиранія людей записанныхъ въ другіе отряды, остается, согласно волѣ жонда народоваго, въ своей силѣ; но такъ какъ отряду вашему назначено составлять наше правое крыло, и въ теченіе нѣкотораго времени прикрывать формированіе отряда въ Грубѣшовскомъ уѣздѣ, то нужно будетъ довести силу вашего отряда, по крайней мѣрѣ, до 400 человѣкъ. Если будетъ не доставать до этого числа, то я постараюсь дополнить отрядъ изъ ближайшихъ, которые въ настоящее время еще не выступаютъ, но въ такомъ только случаѣ, если буду извѣщенъ вами немедленно.

„Что касается дѣйствій вашего отряда по переходѣ границы, то не разчитывая на производство тревоги въ Яновѣ и Билгораѣ отрядами расположенными близь Красника, такъ какъ отряды эти могутъ подвергнуться опасности быть совершенно разбитыми, тѣмъ болѣе что въ настоящее время у нихъ почти нѣтъ боевыхъ припасовъ,—я поручаю вамъ прикрывать формированіе Грубѣшовскаго отряда, но не переходя на сѣверъ отъ Грубѣшова на Войславице и Красноставъ. Въ случаѣ же, еслибъ обстоятельства не позволили нашему отряду, подкрѣпленному и Грубѣшовскимъ, удерживаться долѣе въ упомянутыхъ окрестностяхъ, то отправьтесь по направленію на западъ къ отрядамъ которые будутъ находиться въ окрестностяхъ Красника.

„По послѣднимъ извѣстіямъ, формирующіеся здѣсь отряды не въ состояніи будутъ перейти границу ранѣе 1-го сентября, о чемъ сообщу вамъ своевременно подробнѣе.

„Прошу васъ, полковникъ, немедленно доносить мнѣ о всѣхъ приказаніяхъ какія вы, по переходѣ границы, будете получать отъ генерала Крука; по полученіи же отъ меня увѣдомленія, что я нахожусь уже въ Люблинскомъ воеводствѣ, вы будете состоять подъ моимъ начальствомъ, и я самъ буду сноситься съ генераломъ Крукомъ для соглашенія дѣйствій. Рапорты и письма адресованные на мое имя или на имя другихъ начальниковъ, не могутъ быть вскрываемы другими лицами, кромѣ тѣхъ къ кому они адресованы. Прошу васъ, полковникъ, увѣдомить о томъ командировъ другихъ отрядовъ.

„По переходѣ границы немедленно доносите мнѣ подробно о силѣ отряда, числѣ патроновъ и о всемъ чего будетъ не доставать отряду, чтобъ я могъ пополнить недостатокъ, увѣдомивъ о томъ здѣшнюю народовую администрацію.“

Подписали: генералъ Валигурскій, начальникъ штаба майоръ Вл. Погоржельскій.

Но Валигурскому не пришлось дѣйствовать совокупно съ генераломъ Крукомъ, имѣя подъ своимъ начальствомъ Лелевеля. Вскорѣ послѣ отправленія письма были разбиты сначала Крукъ, а потомъ и Лелевель. А между тѣмъ отряды Валигурскаго все еще оставались въ Галиціи. Какія затрудненія встрѣчались при этомъ, несмотря на существованіе въ Галиціи „народовой администраціи", можетъ разъяснить слѣдующій рапортъ командира 7 отряда, Гонсѣвскаго, въ Кржешовѣ, начальнику двухъ воеводствъ, генералу Круку, отъ 27-го августа, за № 1.

„Формированіе нѣсколькихъ отрядовъ въ Галиціи,—большое жалованье охотникамъ, и къ тому еще подлая спекуляція этихъ охотниковъ, записывающихся въ разные отряды для полученія изъ нѣсколькихъ мѣстъ жалованья, причемъ въ результатѣ бо́льшая часть этихъ защитниковъ отчизны не являются въ опредѣленный срокъ и остаются въ Галиціи для продолженія столь подлыхъ спекуляцій, все это производитъ такія затрудненія, которыя дѣлаютъ формированіе моего отряда въ Галиціи невозможнымъ; затѣмъ остается мнѣ разчитывать единственно на людей изъ конгресувки, вербовка которыхъ уже начата и для которыхъ предполагаю привезти оружіе на границу Подлясья, гдѣ гдѣ подъ прикрытіемъ отрядовъ, я предполагаю формировать свой отрядъ. Перевозка оружія, если есть деньги, возможна и удобна.

„Разчитывать на галиційскихъ лошадей также нельзя. Поэтому приходится мнѣ просить объ истребованіи реквизиціоннымъ порядкомъ 60 лошадей и о назначеніи Густава Закржевскаго съ его отрядцемъ въ составъ моей кавалеріи. Закржевскій могъ бы мнѣ быть очень полезенъ, потому что онъ былъ бы ремонтеромъ и имѣлъ бы надзоръ за навербованными лошадьми. Закржевскій выступилъ теперь съ Лелевелемъ.

„Ожидаю благосклоннаго отвѣта, на основаніи котораго я могъ бы дать Закржевскому соотвѣтственныя инструкціи, какъ относительно людей, такъ и относительно вытребованныхъ лошадей. Надѣясь безъ денегъ достать оружіе, которое въ Галиціи въ изобиліи, я долженъ побывать въ Краковѣ, отвѣта же ожидаю подъ адресами адвоката З. въ Ржешовѣ *Sign j. G.*

„P. S. Воеводскаго, а также и жондоваго коммиссара я доселѣ не видалъ. Воззваніе ваше къ нему я отослалъ путемъ организаціи. Связи, столь необходимыя, я долженъ самъ заводить."

Адвокатъ З., о которомъ упоминаетъ Гонсѣвскій, должно-быть служитъ въ Кржешовѣ представителемъ народовой администраціи. Къ нему обращался и Лелевель со слѣдующимъ письмомъ отъ 24-го августа, знакомящимъ насъ съ военнымъ краснорѣчіемъ этого полковника:

„Не знаю что̀ дѣлается съ моими палашами; у меня на мѣстѣ нѣтъ ни одного, и я не знаю съ кѣмъ они были пересылаемы. Заклинаю тебя, гражданинъ, любовію отчизны, если знаешь что-нибудь объ этомъ

предметѣ, извѣстить меня тотчасъ; двиньте небо и землю, но я долженъ имѣть палаши; въ противномъ же случаѣ предъ Богомъ и краемъ обвиню всѣ галиційскія власти. Правда ли, что вы, г. начальникъ, уполномочили Остоя разъѣзжать по станціямъ и забирать всѣ палаши, гдѣ бы они ни нашлись? Не попали ли случайно въ его руки и мои палаши? Во всякомъ случаѣ жду помощи."

Подписали: *М. Лелевель.*

Коммиссаръ, командированный къ отрядамъ, проходящимъ чрезъ Люблинское воеводство, *Станиславъ Левенгардъ.*

„Я нахожусь здѣсь и также доношу вамъ, что ко мнѣ кромѣ лошадей и сѣделъ ничего болѣе не прислано отъ Ржешовскаго комитета."

Подписалъ: *Масловскій.*

Предыдущія записки указываютъ на присутствіе при шайкахъ особыхъ коммиссаровъ жонда—военныхъ и гражданскихъ. Учрежденіе коммиссаровъ относится, какъ нашимъ читателямъ извѣстно, еще къ маю мѣсяцу. Права военныхъ коммиссаровъ опредѣляются слѣдующею запиской „уполномоченнаго военнаго коммиссара жонда народоваго" генерала Гл., къ Лелевелю, отъ 18 августа:

„Приказъ мой, отъ 17-го августа, о немедленномъ выступленіи полковника Лелевеля въ....., вслѣдствіе полученныхъ мною положительныхъ свѣдѣній, измѣняется слѣдующимъ образомъ. Выступленіе это можно отложить на нѣсколько дней въ такомъ только случаѣ, если отрядъ въ настоящее время не снабженъ еще самыми *крайне-необходимыми* воинскими припасами; при этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что лучше будетъ выступить съ меньшимъ числомъ людей, лишь бы не терялось время и эти люди стоили *чего-нибудь.*"

Изъ всѣхъ вышеприведенныхъ записокъ ясно, что откровенное мнѣніе начальниковъ повстанскихъ отрядовъ очень невыгодно для галицiйскихъ патріотовъ, поступающихъ въ ряды инсургентовъ. Гонсѣвскій прямо говоритъ, что гораздо удобнѣе составить шайки не изъ заграничнаго матеріала, а наборомъ въ самой конгресувкѣ. Дѣйствительно тутъ дѣло идетъ проще, скорѣе и съ меньшими расходами; жители, подавленные террористами, поневолѣ пойдутъ въ ряды и не потребуютъ никакихъ денегъ, а будутъ довольны и тѣмъ что ихъ не повѣсятъ. Чтобы читатели могли убѣдиться въ безцеремонности съ которою поступаютъ начальники повстанцевъ въ конгресувкѣ, мы приводимъ документъ, который нельзя конечно заподозрить въ неточности,—письмо одного изъ агентовъ жонда, Верницкаго, къ Лелевелю.

„Для доставленія вамъ болѣе вѣрныхъ свѣдѣній о томъ что̀ и какъ случилось съ Крысинскимъ и Рудзскимъ (т.-е. какъ они были разбиты),

посылаю польскаго Венгерца Гузара, который возвращается отъ нихъ. Допросите его хорошенько, говоритъ ли онъ правду. Ѣдетъ онъ въ Галицію, имѣетъ билетъ отъ Рудзскаго, но человѣкъ таинственный— зачѣмъ онъ ѣдетъ?

„Слышали ли вы, что вчера (въ понедѣльникъ) кто-то разбилъ москву при Закликовѣ? Я это повѣрю и донесу, такъ какъ я ѣду въ Яновъ.

„Пошлите въ Ружанецъ за моими 5-ю лошадьми; сегодня приведутъ 4 лошади, которыя посылаю изъ Звѣржинца; мою пару упряжныхъ, если только не малы, можете взять подъ легкихъ ѣздоковъ: онѣ молоды и здоровы.

„Въ Звѣржинцѣ много праздной молодежи, принесшей присягу. Надобно послать имъ приказаніе съ лицомъ которое поѣдетъ ко мнѣ назадъ съ Венгерцемъ. Приказанія эти должно написать самымъ строгимъ образомъ, *подъ опасеніемъ безславія и личнаго понужденія*. Образованнымъ, имена которыхъ подчеркиваю, дать отдѣльные приказы, а не подчеркнутымъ одинъ общій; выслать за ними реконесансъ (малый отрядъ) безопасно, такъ какъ здѣсь москвы нѣтъ, но во всякомъ случаѣ нужно сдѣлать это осторожно.

Списокъ.

образованнымъ, принесшимъ присягу: (фамиліи 4 землемѣровъ).	необразованныхъ: (фамиліи 10 человѣкъ).

„Кромѣ того есть въ деревнѣ 8 охотниковъ, которыхъ однакоже родители не пускаютъ, и потому они сами хотятъ чтобъ ихъ насильно взяли.

„Хорошенько выпытайте Гузара. Я узнаю что̀ говорятъ въ свѣтѣ, и разкажу вамъ, возвращаясь чрезъ лагерь.“

Таковы основанія и правила насильственнаго набора, который производится въ большомъ видѣ въ разныхъ пунктахъ Царства Польскаго. Несмотря на скудость офиціальныхъ извѣстій, до насъ доходятъ однако слѣдующіе факты, по которымъ можно судить о размѣрахъ наборовъ; ведущихъ молодежь къ погибели. Люблинской губерніи, Красноставскаго уѣзда, 28-го августа, шайки увели съ собою 23 человѣка изъ мѣстечка Жолкевки; 10-го сентября, троихъ изъ деревни Мхи того же уѣзда; 17-го сентября, изъ города Хелма, того же уѣзда, 2 почтальйоновъ и 5 крестьянъ. Въ Радомской губерніи, въ Опочинскомъ уѣздѣ, 24-го августа, шайка Искры забрала съ собою изъ мѣстечка Радошице 40, а 29-го августа, изъ мѣстечка Пржеборжа 5 человѣкъ; 7-го сентября, въ Стопницкомъ уѣздѣ изъ мѣстечка Хмельника взято 80 человѣкъ 14-го сентября, изъ мѣстечка Ендржеіова, Кѣлецкаго уѣзда, 40 чело-

вѣкъ. Въ Варшавской губерніи, 24-го августа, изъ мѣстечка Ужендова, Влоцлавскаго уѣзда, уведено 25 человѣкъ; 20-го сентября, изъ города Александрова, Лъэнчицкаго уѣзда, 2 человѣка.

Каковы наборы по 80 человѣкъ съ мѣстечка! Рѣдкое проявленіе самаго грубаго произвола.

X.

Письмо варшавскаго корреспондента въ № 225 „Московскихъ вѣдомостей“.

$^{12}/_{24}$ октября 1863.

Сегодня пріѣхали въ Варшаву Н. А. Милютинъ, Ю. Ѳ. Самаринъ, князь В. А. Черкасскій и др., всего 9 человѣкъ, для преобразованій по гражданскому управленію краемъ и по крестьянскому дѣлу въ Польшѣ. Дай Богъ въ добрый часъ!

Въ Варшавѣ опять начали ходить слухи объ адресѣ. Многіе увѣряютъ, что даже его читали; адресъ ходилъ изъ рукъ въ руки и наконецъ дошелъ до меня. И чтò же? Это февральскій адресъ 1861 года, извѣстный всей журналистикѣ. Поводомъ къ толкамъ и заявленіямъ объ адресѣ было то, что упоминаемый адресъ былъ найденъ недавно у одного арестованнаго преступника. Вотъ онъ и пошелъ по рукамъ молодыхъ офицеровъ недавно живущихъ въ Варшавѣ и не знакомыхъ съ событіями 1861 года. Между тѣмъ, изъ *Дневнаго приказа начальника мяста* № 7 (отъ 13-го марта 1863 года), пунктъ 1, видно, что нѣчто подобное дѣйствительно затѣвалось въ Варшавѣ въ мартѣ мѣсяцѣ, но терроръ предупредилъ умѣренныхъ. Дожно полагать что мысль объ адресѣ родилась здѣсь во время упадка подземной власти, на которую такъ нападалъ памфлетъ *W Tył* (назадъ), но не осуществилась вслѣдствіе слабости нашихъ дѣйствій или лучше вслѣдствіе бездѣйствія власти,—какъ справедливо вы выразились,—и по причинѣ усиленія, на счетъ ея, терроризма. Теперь умѣренные Поляки говорятъ то же самое: „Дайте намъ вѣру въ ваше правительство, смѣните сомнительныхъ губернаторовъ и правительственныхъ лицъ, смѣните взяточниковъ чиновниковъ—и за адресомъ дѣло не станетъ. *Жондъ* жестокъ, это правда, но за то онъ справедливъ, неподкупенъ и заставляетъ себя слушать.“

Такія слова я часто слышу отъ людей желающихъ своему краю добра, а слѣдовательно и мира. Они говорятъ, что мы сами (т.-е. Русскіе) не хотимъ мира и ищемъ европейской войны. Еслибы мы хотѣли, то давно бы умиротворили край. Настроеніе къ миру въ народѣ не подлежитъ сомнѣнію. Какъ доказательство, представлю вамъ фактъ, одинъ изъ многихъ: Въ Августовской губерніи сброшенъ манифестаціонный трауръ. Военный начальникъ доноситъ, что тотчасъ по объ-

явленіи, трауръ былъ снятъ и *не было ни одного случая взысканія денежнаго штрафа за неисполненіе приказанія.* Этотъ фактъ многознаменателенъ! Вотъ что̀ значитъ вѣра въ правительство, вѣра въ М. Н. Муравьева, въ вѣдѣніе котораго эта губернія поступила (за исключеніемъ одного уѣзда). Стало-быть, *все зависитъ отъ насъ самихъ.*

На сихъ дняхъ—или лучше вечерахъ—опять были облавы въ Варшавѣ, т.-е. полиція останавливала подозрительныхъ, осматривала ихъ, и если ничего не находила, отпускала идти далѣе; между ними схвачено до 20 человѣкъ съ ножами и кинжалами. Не знаю, что̀ съ ними сдѣлаютъ. Вѣроятно вышлютъ въ Россію, потому что отдавать негодяевъ въ солдаты Высочайше воспрещено.

Въ послѣдніе три дня не совершилось ни одного политическаго убійства.

Въ среду, во Францисканскомъ монастырѣ былъ обѣдъ, по поводу избранія новаго пріора. На обѣдъ были приглашены офицеры гвардейской роты, квартирующей въ монастырѣ, и флигель-адъютантъ капитанъ Анненковъ, завѣдующій частями войскъ въ кляшторахъ расположенными. За шампанскимъ г. Анненковъ провозгласилъ тостъ: „За здоровье всемилостивѣйшаго, великодушнаго нашего Государя Императора Алексъндра II, *ура!*“ Ксендзы дружно крикнули *ура!* начали чокаться бокалами и обниматься съ офицерами, расплакались, и потомъ долго еще повторяли тосты разныхъ наименованій и выражали желаніе *попрежнему пить зъ Росіянами.*

Вышелъ № 9 *Niepodległości*, отъ 21-го октября, и новая газетка, назначенная для крестьянъ, подъ заглавіемъ: *Да пріидетъ царствіе Твое* (Przyjdź Kórlestwo Twoje), № 1, отъ 17-го октября. Ясно что послѣднюю издаетъ ксендзъ. Со слѣдующею почтой пришлю къ вамъ обѣ.

Вышла слѣдующая новая инструкція для военныхъ начальниковъ въ провинціяхъ. Отъ исполненія ея въ теченіе зимы *зависитъ весеннее быть или не быть.*

Всѣ усилія военныхъ властей должны быть устремлены къ скорѣйшему подавленію мятежа и къ водворенію спокойствія въ краѣ. Настоящее увеличеніе числа войскъ даетъ къ тому полную возможность, и военные начальники, подъ личною ихъ отвѣтственностію, обязаны: не только уничтожить существующія въ ихъ отдѣлахъ и округахъ шайки, но и принять всѣ зависящія отъ нихъ рѣшительныя мѣры къ прекращенію всякой новой попытки формированія таковыхъ на будущее время. Послѣ ряда пораженій, нанесенныхъ нашими войсками мятежническимъ шайкамъ, значительныхъ бандъ весьма мало; предводители мятежа ограничиваются теперь вербовкой—частію насильною—и формированіемъ небольшихъ шаекъ отъ 50 до 100 человѣкъ, для партизанскихъ дѣйствій. Остатки разбитыхъ бандъ и новобранцы расквартированы въ городахъ, въ мѣстечкахъ и по помѣщичьимъ дворамъ: съ при-

ближеніемъ войскъ они скрываются въ ближайшихъ лѣсахъ, или переодѣваются въ крестьянское платье и выдаютъ себя за дворовыхъ людей.

Подобнымъ же образомъ скрываются организованныя партіи польскихъ жандармовъ-вѣшателей, производящія убійства и грабежи, захватывающія почты и эстафеты, портящія телеграфныя линіи, мосты, дороги и уничтожающія казенное имущество.

Дѣйствуя внушеніемъ страха, агитаторы стараются вымогать отъ спокойныхъ жителей деньги, припасы и одежду для бандъ, набираютъ насильно людей въ шайки и препятствуютъ нѣкоторой части населенія исполнять требованія законнаго правительства.

Поэтому, на прямой обязанности военныхъ начальниковъ лежитъ, какъ уже сказано выше: 1) уничтожить существующія банды, и 2) препятствовать новому ихъ формированію и водворять въ краѣ законный порядокъ. Для достиженіи этихъ двухъ цѣлей, они обязаны высылать во ввѣренные имъ районы постоянно два рода отрядовъ: одни съ боевою цѣлью, т.-е. для розыска и уничтоженія мятежническихъ бандъ, а другіе съ военно-административною, т.-е. для наблюденія за тщательнымъ и неуклоннымъ исполненіемъ правительственныхъ постановленій и правилъ военнаго положенія, равно принятія неотлагательно, на мѣстѣ, рѣшительныхъ мѣръ къ наказанію виновныхъ, прекращенію всякаго рода безпорядковъ и уничтоженію всякихъ средствъ къ продолженію мятежа.

Для сего военные начальники отдѣловъ обязаны опредѣлить всѣмъ подвѣдомственнымъ имъ частнымъ военнымъ начальникамъ какъ районъ который долженъ находиться въ ихъ вѣдѣніи, такъ и число войскъ какое предоставляется въ распоряженіе сихъ послѣднихъ.

Частные военные начальники, высылая отряды съ боевою цѣлью, должны подтверждать начальникамъ отрядовъ къ непремѣнному исполненію, подъ строжайшею ихъ отвѣтственностію:

1) Во время слѣдованія отряда, расположенія на ночлегахъ и дневкахъ, принимать всѣ мѣры осторожности, требуемыя военнымъ временемъ.

2) Чтобы дѣйствія съ мятежниками въ бою имѣли самый рѣшительный характеръ. Основываясь на рѣшительномъ превосходствѣ нашихъ войскъ надъ мятежническими бандами, каждый начальникъ отряда, несмотря ни на какія силы инсургентовъ, долженъ себѣ ставить цѣлію, открытіе, рѣшительное нападеніе и неотступное преслѣдованіе ихъ, до совершеннаго истребленія шайки, причемъ, какъ въ настоящее время бо́льшая часть бандъ—конныя, то начальники отрядовъ должны ихъ преслѣдовать преимущественно кавалеріей, состоящею въ ихъ отрядахъ; пѣхоту же, для меньшаго утомленія ея, перевозить гдѣ возможно на подводахъ или смѣнять во всѣхъ тѣхъ пунктахъ на пути преслѣдованія, гдѣ таковая находится, для чего частные военные начальники обязаны указывать начальникамъ подвижныхъ колоннъ мѣста расположенія ближайшихъ отрядовъ.

3) Изъ отбитой у инсургентовъ добычи: оружіе, порохъ, патроны, капсюли, аммуниція и вообще всѣ предметы могущіе служить къ вооруженію инсургентовъ, должны быть сдаваемы по описи частнымъ военнымъ начальникамъ, кои обязаны эти вѣдомости представлять начальникамъ военныхъ отдѣловъ; одежду и всѣ вещи служащія къ обмундированію инсургентовъ сжигать на мѣстѣ; прочіе же отбитые предметы могутъ быть продаваемы, но вырученныя за нихъ деньги частные военные начальники должны представлять начальникамъ военныхъ отдѣловъ, кои испрашиваютъ на счетъ употребленія этихъ денегъ разрѣшенія главнокомандующаго.

4) Каждый начальникъ отряда долженъ наблюдать, во ввѣренномъ ему отрядѣ, строжайшую дисциплину, и не допускать, подъ его личною строжайшею отвѣтственностію, самоуправства нижнихъ чиновъ.

5) Обращать особенное вниманіе, чтобъ отряды, преслѣдуя банды мятежниковъ, не переходили черезъ границу сопредѣльныхъ намъ державъ, и строго воспретить отправленіе командъ за границу, подъ какими бы то ни было предлогами; въ случаѣ же крайней необходимости, для покупки провіанта, отправленія писемъ и т. п., дозволяется командировать для сего офицеровъ въ ближайшій пограничный пунктъ.

6) Въ случаѣ появленія шаекъ вблизи границы Царства Польскаго въ западныхъ губерніяхъ Россіи, а равно при переходѣ ихъ туда изъ Польши, начальникамъ отрядовъ, расположенныхъ смежно съ Имперіей, не ограничиваться предѣлами Царства, но переходить черезъ границу для преслѣдованія мятежниковъ.

7) Въ мѣстностяхъ гдѣ нѣтъ значительныхъ шаекъ, для уничтоженія малыхъ бандъ и для поимки жандармовъ-вѣшателей, посылать небольшіе конные партизанскіе отряды, которые при соблюденіи осторожности, не подвергаясь опасности быть настигнутыми въ расплохъ, могутъ принести большую пользу противу упомянутаго рода шаекъ.

и 8) Когда быстрота и неожиданность появленія отряда могутъ доставить важные результаты надъ скопищемъ мятежниковъ, разрѣшается брать реквизиціоннымъ способомъ обывательскія подводы для перевозки войскъ; но прибѣгать къ этому слѣдуетъ только въ случаяхъ дѣйствительной необходимости.

При отправленіи частными военными начальниками подвижныхъ отрядовъ съ военно-административною цѣлью, начальники таковыхъ обязаны:

1) Во время слѣдованія подвижныхъ колоннъ тщательно осматривать всѣ проходимыя ими мѣстечки, селенія, помѣщичьи дворы и отдѣльныя строенія. Слѣдуя отъ одного селенія или мѣстечка до другаго, подвижныя колонны должны удостовѣряться въ слѣдующемъ: не расквартированы ли у жителей повстанцы и вообще не живутъ ли подозрительныя и стороннія лица. Начальники подвижныхъ колоннъ повѣряютъ населеніе по спискамъ имѣющимся у гминныхъ войтовъ и бур-

гомистровъ, и ежели будутъ найдены посторонніе люди, то ихъ арестовывать, а войты гминъ, бургомистры, солтысы и помѣщики, виновные въ укрывательствѣ повстанцевъ или подозрительныхъ личностей, арестовываются и предаются полевому военному сокращенному суду по распоряженіямъ военныхъ начальниковъ.

2) Обращать особенное вниманіе на всю пользу производимыхъ неожиданно обысковъ въ мѣстечкахъ, деревняхъ, помѣщичьихъ дворахъ и отдѣльныхъ всякаго рода строеніяхъ съ цѣлью открытія складовъ оружія, аммуниціи и съѣстныхъ припасовъ для мятежническихъ шаекъ; равно не дозволять ни подъ какимъ видомъ съѣздовъ для совѣщаній между собою помѣщиковъ, ксендзовъ и горожанъ.

3) Наблюдать, чтобы желѣзныя дороги и телеграфы, находящіеся въ ихъ округахъ, не подвергались порчѣ отъ злоумышленниковъ, а проходящіе по почтовымъ дорогамъ кареты, дилижансы и почты не были останавливаемы и разграбляемы. Военные начальники объявляютъ, что за всякую порчу желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ, остановленіе или разграбленіе почтъ, почтовыхъ каретъ и дилижансовъ, будетъ отвѣтствовать все населеніе гмины, въ которой случится происшествіе. Поэтому, всѣ гмины обязаны учредить у себя стражу для наблюденія за безопасностью сообщеній и сохраненіемъ отъ злоумышленной порчи желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ. Ежели за тѣмъ, послѣ этого объявленія, желѣзныя дороги и телеграфы гдѣ-либо будутъ испорчены, или если почты и почтовые экипажи подвергнутся нападенію и виновные не будутъ задержаны или указаны властямъ, то въ гмину назначается военная экзекуція; на жителей городовъ и мѣстечекъ, помѣщиковъ, арендаторовъ, корчмарей, содержателей сельскихъ трактировъ и почтовыхъ станцій, заводчиковъ, фабрикантовъ и т. п., по распоряженію военныхъ начальниковъ, налагается денежная пеня, которая распространяется на крестьянъ только въ такомъ случаѣ, если умышленная вина ихъ будетъ открыта и доказана; а гминный войтъ или бургомистръ по суду подвергается тому же наказанію, какъ и за укрывательство въ гминѣ или городѣ виновныхъ.

4) Наблюдать, чтобы помѣщики непремѣнно вносили всѣ слѣдующія съ нихъ подати, чтобы винокуреніе производилось не иначе, какъ по имѣющимся свидѣтельствамъ объ уплатѣ этихъ податей, и если помѣщикъ не имѣетъ такого свидѣтельства, а винокуреніе производится, то начальникъ подвижной колонны немедленно принимаетъ мѣры къ закрытію и запечатанію завода, а виновнаго помѣщика или управляющаго его арестовываетъ и отправляетъ къ ближайшему военному начальнику.

5) По прибытіи въ имѣнія помѣщиковъ, начальники подвижныхъ колоннъ требуютъ отъ нихъ предъявленія квитанцій въ уплатѣ податей, и ежели квитанціи нѣтъ, то отрядъ обращается въ экзекуціонный, до уплаты податей.

6) Дабы лишить мятежниковъ возможности переправляться черезъ рѣки, сохранить перевозы черезъ оныя только въ такихъ мѣстахъ, гдѣ за переправляющимися лицами можетъ-быть производимъ надлежащій полицейскій присмотръ, а затѣмъ всѣ остальные перевозы уничтожить и всѣ перевозочныя средства, за исключеніемъ рыбачьихъ лодокъ, собрать къ тѣмъ пунктамъ, гдѣ расположены войска, на которыя и возложить ихъ охраненіе.

7) Помѣщиковъ, войтовъ гминъ и солтысовъ въ деревняхъ, а бургомистровъ въ городахъ и мѣстечкахъ, обязать сообщать военному начальнику о прохожденіи или расположеніи шаекъ. Такія сообщенія должны быть отправляемы вышеозначенными лицами тотчасъ и никакъ не позже одного часа послѣ выхода банды. Тѣ же лица обязаны указывать военнымъ властямъ: склады оружія, припасовъ и другихъ предметовъ принадлежащихъ бандамъ, а равно и мѣстныхъ жителей участвующихъ въ возстаніи.

Въ случаѣ несоблюденія этого, виновныхъ арестовывать для преданія военному суду.

8) Частные военные начальники обязаны наблюдать за сохраненіемъ отъ разграбленія соляныхъ казенныхъ магазиновъ и общественныхъ городскихъ казначействъ находящихся въ незанятыхъ войсками пунктамъ, для чего поручить отряднымъ командирамъ забирать по пути, подъ квитанціи мѣстныхъ гражданскихъ чиновниковъ, остающіяся у нихъ излишними отъ необходимыхъ текущихъ расходовъ казенныя деньги, кои передавать на храненіе частнымъ военнымъ начальникамъ, согласно приказа за №.

9) При движеніи подвижныхъ колоннъ, не съ боевою цѣлью, обращать вниманіе на возможное сбереженіе здоровья нижнихъ чиновъ, давая частямъ войскъ при обходѣ мѣстечекъ и деревень роздыхи, ночлеги и даже дневки, что особенно наблюдать въ холодное и ненастное время.

10) Само-собою разумѣется, что ежели отрядъ, высланный съ военно-административною цѣлью, узнаетъ о появленіи банды, хотя бы и весьма малочисленной, то немедленно долженъ принять всѣ мѣры къ ея уничтоженію и потомъ уже продолжать возложенное на него порученіе.

Начальникамъ военныхъ отдѣловъ вмѣняется въ непремѣнную обязанность повѣрять дѣйствія частныхъ начальниковъ войскъ, и съ каждою военною почтой, отправляемою въ Варшаву, доносить объ общемъ положеніи дѣлъ во всемъ ввѣренномъ имъ краѣ.

XI.

ИЗЪ ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО ПО ПРЯМЫМЪ ИЗВѢСТІЯМЪ, ВЪ № 226 „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“.

12-го октября.

Мы отводимъ на этотъ разъ первое мѣсто слѣдующему приказанію мятежнаго „начальника полиціи“, въ которомъ дерзко заявлена жажда

русской крови. Приказаніе это уже начинаетъ приводиться въ исполненіе. Но русское общество надѣется, что графъ Бергъ найдетъ средство охранить поборниковъ русскаго дѣла отъ замысловъ подлыхъ убійцъ. Приказаніе „начальника полиціи“ выражено слѣдующимъ образомъ:

Начальникъ полиціи.

Гражданамъ членамъ народной полиціи.

Варшава, 17-го октября 1863 года.

„Варварская система истребленія, которой съ самаго начала настоящаго возстанія слѣдовала москва, приняла въ послѣднемъ мѣсяцѣ размѣры превышающіе всякое ожиданіе. Наѣзжее правленіе, предвидя свое близкое и неизбѣжное паденіе, распустило вожжи своей къ намъ ненависти, и только ею,—мы имѣли тому уже столько вопіющихъ доказательствъ,—рѣшилось руководствоваться на будущее время.

„Въ виду такой программы варварства, угрожающей личной безопасности и имуществу всѣхъ гражданъ края, назначеніе народной стражи конечно имѣетъ великую важность, какъ назначеніе силы установленной для того чтобы парализовать въ самомъ зародышѣ всякія намѣренія врага и бдительно наблюдать за поведеніемъ въ отношеніи къ народному дѣлу какъ цѣлыхъ массъ, такъ и отдѣльныхъ личностей; назначеніе это, при точномъ его исполненіи, весьма упроститъ и уменьшитъ труды предпринятые для освобожденія народа, и принесетъ благодѣтельные плоды.

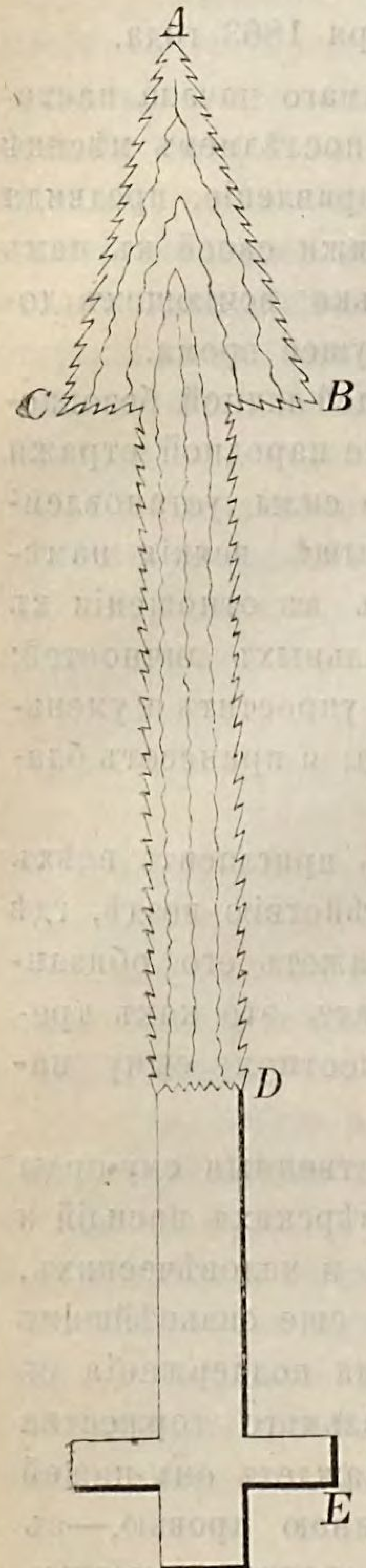
„Въ этомъ убѣжденіи вмѣняю себѣ въ обязанность пригласить всѣхъ членовъ полиціи къ дружному и энергическому содѣйствію вездѣ, гдѣ встрѣтится надобность и гдѣ каждому изъ нихъ укажетъ его обязанность; имѣю основаніе надѣяться, что они исполнятъ это какъ требуетъ того долгъ гражданина, какъ подобаетъ это честному сыну находящейся столько лѣтъ подъ ярмомъ отчизны.

„Пусть узнаетъ царскій сатрапъ, что если подвѣдомственныя ему орды готовы, по первому его мановенію, къ совершенію звѣрскихъ насилій и беззаконій и къ нарушенію всякихъ правъ, Божескихъ и человѣческихъ, то и вызванный имъ на борьбу народъ обладаетъ еще сильнѣйшимъ двигателемъ и могущественнѣйшими средствами для поддержанія съ достоинствомъ своей независимости и для окончательнаго торжества надъ бѣшеною дичью; пусть узнаетъ онъ, что если жаждетъ онъ нашей крови, то мы ему брызнемъ въ глаза его собственною кровью,—съ ненавистью тигра, мстящаго за пожранныхъ дѣтей своихъ, съ местью невольника, разрывающаго свои цѣпи.

„Итакъ, граждане, впередъ! Дружно за работу! Помните, что мы боремся за независимость края, и потому всякій долженъ быть безъ исключенія воиномъ, бойцомъ общаго дѣла; а кто разъ присягнулъ на алтарѣ отчизны жертвовать собою, того не должны отклонить отъ при-

сяги ни мученія самыя страшныя, ни даже смерть, потому что только этимъ путемъ общаго труда и самоотверженія мы достигнемъ ожидаемой всѣмъ народомъ цѣли!“

Надпись на печати:
Отдѣленіе полиціи.
Начальникъ полиціи столичнаго города Варшавы.

Читателямъ уже извѣстно, что отчаянные головорѣзы бросаются съ кинжалами на русскихъ солдатъ. Мы можемъ представить здѣсь чертежъ того новаго оружія, которое „народная стража“, эта секта убійцъ, припасла для своего гнуснаго дѣла. Оружіе такого образца было найдено въ Бернардинскомъ монастырѣ въ числѣ нѣсколькихъ сотъ штукъ; въ домѣ Грабовскаго такихъ копій найдены цѣлые мѣшки, наконецъ съ ними попадаются жандармы-рѣзуны. Чертежъ представлаетъ копье въ настоящую его величину; часть ABC плоская, тонкая, иззубренная; а ребра AB и AC чрезвычайно острыя; часть BD цилиндрическая и также зубчатая. По зазубринамъ копье намазано стрихниномъ, разведеннымъ на гумми-арабикѣ. Оружіе это убійца втыкаетъ въ шею, поворачиваетъ его тамъ и оставляетъ въ тѣлѣ. Вынуть подобный инструментъ изъ раны нельзя безъ того чтобы не расширить ея.

При такомъ настроеніи жонда необходимо озаботиться мѣрами для личной безопасности воинскихъ полицейскихъ чиновъ. Вслѣдствіе того графъ Бергъ, 30-го сентября, разрѣшилъ классымъ чиновникамъ, состоящимъ при штабахъ и войскахъ, носить шашки вмѣсто присвоенныхъ имъ шпагъ. Часть полицейскихъ чиновъ получили пистолеты; необходимо конечно и всю полицію снабдить этимъ оружіемъ.

Въ № 8 *Неподлеглости*, офиціальной газеты народоваго жонда, появившемся въ Варшавѣ 5-го октября н. с., напечатанъ крупнымъ шрифтомъ слѣдующій декретъ революціоннаго изобрѣтенія:

Жондъ народовый.

Исполнительный департаментъ на Литвѣ.

„Управленіямъ воеводствъ: Виленскаго, Гродненскаго, Брестскаго, Ковенскаго, Минскаго, Могилевскаго, Витебскаго и Инфлянтъ.

„Исполнительный департаментъ на Литвѣ, въ отвѣтъ на донесенія управленій вышепоименованныхъ воеводствъ относительно вынужденнаго адреса московскому царю.

„Принимая во вниманіе:

„Что народъ восьмимѣсячною борьбой ясно доказалъ, что въ жондѣ народовомъ и властяхъ имъ постановленныхъ онъ видитъ единственныхъ въ настоящее время законныхъ представителей своихъ:

„Что никакой адресъ и никакое отступничество нѣкоторыхъ партій или личностей въ интересѣ царата ничѣмъ не обязываетъ жонда народоваго, подчиненнаго началамъ и цѣлямъ положеннымъ народомъ въ основаніе своего возрожденія,—а слѣдовательно не обязываетъ и народъ именемъ котораго жондъ народовый можетъ дѣйствовать;

„Что адресъ, вынужденный московскими властями въ интересѣ царя, не есть законный и добровольный актъ, потому что онъ сопровождался конфискаціей имущества, ссылкой и жесточайшимъ преслѣдованіемъ, а подписи вынуждались не въ общемъ собраніи, а по одиночкѣ, отъ отдѣльныхъ лицъ, напуганныхъ тюрьмой, ссылкой и висѣлицей.

„Постановляетъ объявить:

„Что адресъ, поданный царю, не принимается за какой-либо актъ обязательный хотя бы и для отдѣльныхъ личностей, но считается однимъ изъ тысячи способовъ преслѣдованія, угнетенія и насилія, которымъ нашъ край подверженъ подъ скипетромъ московскихъ царей,—одной изъ тысячи непристойныхъ комедій, сыгранныхъ для Европы.

„Что хотя жондъ народовый и принимаетъ существующій адресъ московскому царю за вынужденный, а слѣдовательно, за несущественный и потому не могущій имѣть ни малѣйшаго политическаго значенія; однако, хотя бы этотъ адресъ и былъ допущенъ для устраненія жертвъ, но жондъ не можетъ принять этого позорнаго срама на совѣсть народную;

„Что первые двигатели адреса, за преданіе отечества на новыя страданія, и новыя преслѣдованія, будутъ наказаны по всей строгости законовъ оскорбленнаго народнаго величія, по изданіи приговоровъ революціонныхъ трибуналовъ.

„Что только тѣ, которые были вынуждены, натискомъ превозмогающей московской силы, къ подписи упомянутаго адреса, будутъ уволены жондомъ народовымъ отъ отвѣтственности предъ лицомъ народа;

„Что столь долгое и упорное сопротивленіе отдѣльныхъ лицъ всему бѣшенству наѣзда жондъ народовый признаетъ за доказательство нетронутыхъ силъ народа, для свободы посвящающаго все и охотно несущаго наитягчайшія жертвы;

„Что жондъ народовый вѣритъ, что тѣ, которые насиліемъ были или будутъ вынуждены подписать вѣрноподданническій адресъ царю, смоютъ съ себя позорный срамъ отступничества неутомимымъ трудомъ на пользу отечественнаго дѣла;

„Что именамъ тѣхъ, которые предпочли тюрьму и Сибирь вынужденному и даже позорному лицемѣрію, будетъ воздана жондомъ народовымъ хвала.

„Народныя гражданскія власти обязаны объявить настоящій декретъ всѣмъ обывателямъ безъ различія исповѣданій и бывшихъ званій (bylych stanow).

„Данъ въ Вильнѣ, 2 сентября 1863 года“.

Предыдущее распоряженіе жонда должно обратить на Литовскій край общее вниманіе Россіи. Адресы поданы—сила правительства признана. Но останавливаться на этомъ признаніи невозможно. Жондъ не сомнѣвается, что изъ числа десяти тысячъ дворянъ, подписавшихъ адресы въ западномъ краѣ, найдется много такихъ, которые воспользуются первою возможностью нанести вредъ Россіи чтобы „смыть съ себя позоръ отступничества“. Мы сами еще теперь испытываемъ, какъ широко смотрятъ на нравственность польскій катихизисъ и польское духовенство. А потому мы не должны ни преуменьшать, ни преувеличивать значенія адресовъ, и между тѣмъ озаботиться усиленіемъ въ западномъ краѣ русскаго элемента вообще и той безспорно существующей тамъ партіи, которая видитъ въ соединеніи Россіи съ Литвой историческую необходимость для послѣдней.

„Изъ послѣднихъ правительственныхъ распоряженій нѣкоторыя заслуживаютъ упоминанія. Въ газетахъ помѣщено на дняхъ объявленіе относительно вновь предложеннаго жондомъ займа такого содержанія:

„Еще въ прошломъ іюлѣ мѣсяцѣ, по поводу предпринятаго тайною анархическою организаціей насильственнаго займа, для злонамѣренныхъ цѣлей, наложеннаго на болѣе зажиточныхъ гражданъ края, и особенно города Варшавы, объявлено было, чтобы никто не принималъ участія въ складкѣ подобнаго рода, подъ опасеніемъ отвѣтственности по всей строгости военныхъ законовъ.

„Въ настоящее время та же самая подземная агитація усиливается склонить гражданъ края къ участію не въ насильственной, а въ какой-то новой добровольной складкѣ, подъ названіемъ общенародной.

„Снова обращаемся къ здравомыслію публики въ надеждѣ, что эти предательскіе подговоры останутся безуспѣшными, и во всякомъ случаѣ, припоминаемъ имъ, что малѣйшее участіе въ этой и тому подобныхъ выходкахъ со стороны анархистовъ будетъ преслѣдуемо и наказываемо по всей строгости военно-уголовнаго устава.“

Появился также слѣдующій приказъ варшавскаго оберъ-полицеймейстера отъ 5-го октября.

„Многіе изъ жителей города Варшавы до сихъ поръ имѣютъ оружіе, холодное и огнестрѣльное, на основаніи данныхъ имъ прежде разрѣшеній.

„Какъ въ настоящее время, кромѣ гражданскихъ чиновниковъ, состоящихъ въ государственной службѣ и отставленныхъ съ мундиромъ офицеровъ и чиновниковъ, коимъ дозволено сохранить присвоенныя

мундиру сабли и шпаги,—никто изъ жителей, безъ исключенія, не можетъ имѣть при себѣ ни холоднаго, ни огнестрѣльнаго оружія, равно пороху и вообще военныхъ припасовъ и принадлежностей, то, по повелѣнію высшей власти и на основаніи правилъ военнаго положенія, объявляется во всеобщее свѣдѣніе, что всѣ лица имѣющія при себѣ означенные предметы обязаны представить таковые, вмѣстѣ съ дозволительными на нихъ билетами, въ канцеляріи полицеймейстеровъ, подъ ихъ росписки, въ теченіе 48 часовъ отъ настоящаго объявленія, т. е. до 7 (19) сего октября. Если же по истеченіи этого срока найдено будетъ у кого-нибудь оружіе, порохъ и т. п., то такое лицо подвергается отвѣтственности по всей строгости законовъ военнаго положенія."

Есть извѣстіе, что нашлись домовладѣльцы которые воспользовались этимъ объявленіемъ и сдали довольно значительное количество оружія и боевыхъ припасовъ.

Изъ перемѣнъ въ личномъ составѣ обращаетъ на себя вниманіе назначеніе магистра богословія, настоятеля римско-католическаго прихода въ Дерптѣ, и преподавателя Закона Божія въ Дерптскомъ университетѣ, ксендза Генриха Коссовскаго, ректоромъ Варшавской римско-католической духовной академіи въ Варшавѣ.

Наконецъ, относительно провинціи, упомянемъ весьма существенное распоряженіе графа Берга, служащее дальнѣйшимъ развитіемъ системы военно-уѣзднаго управленія. Приказомъ, отъ 1-го октября, учрежденъ новый военный отдѣлъ, Радомско-Опочинскій, „вслѣдствіе увеличившагося въ послѣднее время круга дѣятельности войскъ и возникшихъ весьма многихъ дѣлъ, требующихъ ближайшаго за ними наблюденія". Въ составъ новаго отдѣла входятъ уѣзды: Радомскій и Опочинскій, раздѣленные нынѣ на семь военныхъ отдѣленій: Радомское, Корницкое, Зволенское, Бѣлобрѣжское, Опочинское, Конецкое и Шидловецкое. Военнымъ начальникомъ Радомско-Опочинскаго отдѣла назначенъ командующій Екатеринославскимъ драгунскимъ полкомъ генералъ-майоръ Зенгеръ. Всѣ расходы по управленію военнаго начальника производятся изъ суммъ Царства.

XII.

ИЗЪ ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО ПО ПРЯМЫМЪ СВѢДѢНІЯМЪ, ВЪ № 227 „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ"
12-ГО ОКТЯБРЯ.

Князю Витгенштейну, занимающему должность военнаго начальника отдѣла Варшавско-Бромбергской желѣзной дороги, удалось разстроить революціонную организацію Влоцлавскаго и Гостынинскаго уѣздовъ. Изъ недавняго телеграфическаго сообщенія читателямъ извѣстно, что

войска захватили Паулинскаго, начальника жандармовъ въ упомянутыхъ уѣздахъ, на совѣсти котораго за августъ и первую недѣлю сентября лежали 8 политическихъ убійствъ. Паулинскій, какъ извѣстно, повѣшенъ въ Гостынинѣ въ его жандармскомъ мундирѣ. Кромѣ этого наказанія по приговору военнаго суда, утвержденному княземъ Витгенштейномъ, во Влоцлавкѣ были наказаны разстрѣляніемъ: 28-го сентября рядовой Олонецкаго пѣхотнаго полка Ермолай Лысенко, и 2-го октября отставной подпоручикъ Подольскаго пѣхотнаго полка Бѣньковскій. Лысенко 41 года, изъ солдатскихъ дѣтей Смоленской губерніи, православнаго исповѣданія, бѣжалъ въ шайки, но на пути былъ арестованъ въ гражданскомъ платьѣ, вмѣстѣ съ двумя другими мятежниками. Лысенко въ службѣ съ 1842 года, за пьянство и воровство, разжалованъ въ 1848 году изъ писарей въ рядовые; въ томъ же году, за такія же преступленія, прогнанъ сквозь строй одинъ разъ чрезъ 500 человѣкъ; въ 1858 году штрафъ этотъ прощенъ по Высочайшему манифесту; въ 1861 году за побѣгъ сдѣланный въ пьяномъ видѣ лишенъ двухъ нашивокъ за 15-тилѣтнюю службу. Аттестованъ полковымъ командиромъ дурнымъ поведеніемъ. Вотъ какіе солдаты бѣгутъ въ шайки. Бѣньковскій, 40 лѣтъ, вступилъ на службу въ 1842 году рядовымъ, произведенъ въ 1854 году въ унтеръ-офицеры, въ 1855 въ прапорщики, учавствовалъ въ сраженіяхъ на Кавказѣ, въ Трансильваніи; въ придунайскихъ Княжествахъ, въ Крыму получилъ орденъ Св. Анны 4 ст. съ надписью „за храбрость“ за Севастопольскій штурмъ 27-го августа 1855 года. Онъ обвиненъ въ принятіи начальства надъ мятежниками въ Гомбинѣ, въ которомъ скрывался по фальшивому паспорту подъ именемъ Гостыля-Бѣлявскаго, и въ повѣшеніи чиновника Папроцкаго, по наущенію ксендза Луковскаго. Бѣньковскій въ оправданіе свое приводилъ что вступилъ въ шайку, „потерявъ надежду на полученіе гдѣ-„либо мѣста служенія, при неимѣніи средствъ къ существованію“. Но далѣе его откровенность не шла: паспортомъ, по его показанію, снабдилъ его въ Варшавѣ какой-то *неизвѣстный* человѣкъ. Общепольская отговорка.

Изъ другихъ частныхъ извѣстій, сообщенныхъ намъ изъ различныхъ мѣстъ Царства, обращаетъ на себѣ слѣдующее столкновеніе крестьянъ съ духовенствомъ. Настоятель Янинскаго прихода въ Бускѣ, ксендзъ Езарскій, запретилъ крестьянамъ окрестныхъ деревень музыку на свадьбахъ и бралъ съ молодыхъ *въ залогъ* по 5 руб. сер., чтобъ они повиновались этому запрещенію, также началъ вымогать болѣе чѣмъ двойную плату за вѣнчаніе, крещеніе и другіе обряды; вообще вся громада жаловалась на него, какъ на грабителя. Военный начальникъ Стопницкаго уѣзда арестовалъ ксендза и солтыса деревни Надоле, разбившаго скрипку на одной свадьбѣ, и обратился съ письменнымъ вопросомъ къ декану Бусскаго деканата, почему допущена эта демонстрація?

На это ксендзъ Свіонткевичъ отвѣтилъ, что распоряженіе бусскаго ксендза сдѣлано на основаніи циркуляра бискупа Майерчака, и что солтысъ поступилъ правильно, разбивъ скрипку. Начальникъ Радомскаго отдѣла, генералъ Ушаковъ, получивъ объ этомъ донесеніе, сдѣлалъ съ своей стороны запросъ Майерчаку, какъ онъ относится къ такимъ дѣйствіямъ подчиненнаго ему духовенства. Вотъ отвѣтъ преосвященнаго Майерчака:

13-го октября 1863, № 1360, Кельце.

„Вслѣдствіе отзыва ясневольможнаго пана, отъ 11-го октября, № 6611, имѣю честь объяснить, что въ циркулярѣ моемъ къ духовенству здѣшней діоцезіи, отъ 7-го августа, № 1077, на основаніи синодальнаго устава, книги IV, и закона папы Климента V, я предписалъ отправлять тихое богослуженіе, каковое и должно производиться во всѣхъ костелахъ здѣшней церковной провинціи, по поводу вывоза ясневельможнаго митрополита архіепископа Варшавскаго изъ его архіепископской столицы, и вслѣдствіе того, я поручилъ настоятелямъ костеловъ, чтобъ они возбуждали вѣрный народъ къ покаянію и сокрушенію о грѣхахъ, къ отреченію отъ пьянства, ненависти и всякой злобы. А потому, если священнослужители здѣшней діоцезіи, исполняя упомянутый циркуляръ, повліяли, безъ употребленія понудительныхъ мѣръ, силою одного убѣжденія, на вѣрныхъ, чтобъ они, на время существованія костелной жалобы (церковнаго траура), не предавались шумнымъ увеселеніямъ, которыя для простонародья обыкновенно служатъ главнымъ поводомъ къ пьянству, а отсюда къ выходкамъ противнымъ духу покаянія и сокрушенія, то священники исполнили этимъ только свою обязанность. (Подписалъ): Бискупъ администраторъ, викарій апостольской Келецко-Краковской діоцезіи ксендзъ Майерчакъ."

Удивительна уклончивость этого бискупа! Ему сообщаютъ, что ксендзъ разоряетъ крестьянъ и запрещаетъ имъ веселиться, заставляя солтыса ломать скрипки, а Майерчакъ говоритъ о силѣ убѣжденія, о дѣйствіяхъ ксендзовъ безъ принудительныхъ мѣръ! И еще отличительная черта: ссылки на распоряженія папъ жившихъ во время оно. Добиться толку отъ направленнаго такимъ образомъ духовенства трудно, и потому военное начальство объявило крестьянамъ, что они могутъ распоряжаться своимъ временемъ какъ имъ угодно, и праздновать свадьбы, по желанію, съ музыкой или безъ музыки.

Частный военный начальникъ Минскаго отдѣла, Станиславскаго уѣзда, Варшавской губерніи, возвратился, 7-го октября, въ Минскъ, собравъ съ уѣзда 12 т. рублей, что съ прежними составитъ 31.360 руб. Всѣ вносили подати съ полною готовностію, боясь, чтобы деньги приготовленныя къ уплатѣ не были захвачены появляющимися время отъ времени жандармами-вѣшателями. Впрочемъ, команды этихъ вѣшателей появляются въ окрестностяхъ Варшавы довольно рѣдко. Доказатель-

ствомъ тому служатъ поиски произведенные третьимъ эскадрономъ Гродненскихъ гусаръ: въ теченіе 7 дней, при ежедневныхъ поискахъ не нашли даже слѣда жандармовъ.

Изъ Люблина сообщаютъ, что предположенная къ перевозкѣ изъ соляного магазина въ Новой Александріи въ Ивангородъ соль попалась въ руки инсургентовъ. Только что коммисія финансовъ отправила къ смотрителю предписаніе о перевозкѣ какъ получила отъ него извѣстіе, что соль эта, какъ выражается *Часъ*, „перенесена до кассы народовой", посредствомъ продажи ея 10, 12 и 13 сентября. Графъ Бергъ приказалъ арестовать и предать суду, для разсмотрѣнія степени вины, смотрителя магазина, его помощника и другихъ лицъ, допустившихъ въ теченіи 4 дней грабежъ магазина, не давъ знать о томъ войскамъ квартирующимъ въ 15 и 17 верстахъ отъ Новой Александріи.

Порча телеграфовъ, хотя и происходитъ, но въ гораздо меньшей степени чѣмъ прежде. 26-го сентября на Варшавско-Вѣнской желѣзной дорогѣ, между ст. Руда-Гузовской и Радзивиловымъ, мятежники привинтили къ рельсамъ, у ихъ стыка, два отрубка рельсовъ, чтобы вагоны сошли по нимъ въ оврагъ; но сторожъ успѣлъ вовремя остановить поѣздъ, и адскій планъ разстроился. 11-го октября, въ 6 верстахъ отъ Скѣрневицъ, сожжены на той же дорогѣ два небольшіе моста.

Въ окрестностяхъ города Янова, Люблинскій губерніи, горѣли лѣса на огромномъ протяженіи. Военный начальникъ Замосцьскаго уѣзда сообщалъ по этому случаю, что лѣса горѣли болѣе двухъ недѣль, отъ Фрамполя до западной границы Австріи, и отъ Мадлиборжице до Билгорая и Гуты Кржешовской. Пожаръ поддерживали и распространяли не войска, какъ будутъ вѣроятно трубить заграничныя газеты, а проходившія шайки мятежниковъ, мужики и пастухи смежныхъ деревень желавшіе пріобрѣсти себѣ пастбища и валежникъ на дрова. Такое показаніе сдѣлалъ одинъ изъ лѣсничихъ Замойской ординаціи (майората графа Замойскаго). Войска же не выходили въ это время изъ Янова.

XIII.

ПИСЬМО ВАРШАВСКАГО КОРРЕСПОНДЕНТА ВЪ № 229 „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ".

16-го (28) октября 1862.

Политическія убійства опять участились въ Варшавѣ. Въ послѣдніе три дня совершилось четыре убійства.

Въ понедѣльникъ, 13-го (25-го) октября, въ 6 ч. пополудни, на углу Хмѣльной и Вѣльской улицъ, обойщичій подмастерье Юліанъ Хойнацкій бросился съ кинжаломъ на прикомандированнаго къ полицейской стражѣ рядоваго Самогитскаго гренадерскаго полка Аѳанасія Филиппова, ра-

нилъ его неопасно кинжаломъ въ лицо, но былъ задержанъ. При слѣдствіи онъ выдалъ и остальныхъ своихъ троихъ товарищей: Тржаску, Гурскаго и Филькевича. Завтра всѣхъ четверыхъ повѣсятъ на Гржибовской площади въ 10 ч. утра.

Вотъ ихъ смертный приговоръ, объявленный въ сегодняшнихъ газетахъ:

„13-го (25) октября, въ 6 ч. пополудни, на рядоваго Филиппова бросились четверо убійцъ, но на крикъ его разбѣжались, успѣвъ однако ранить его въ лицо; одинъ изъ нихъ, Хойнацкій, былъ задержанъ тутъ же рядовыми Колыванскаго полка и назвалъ прочихъ своихъ соучастниковъ: легковаго извощика Франциска Тржаску, сапожничьяго челядника Петра Гурскаго и кузнечнаго подмастерья Станислава Филькевича.

„Люди эти были преданы полевому уголовному суду и по собственному сознанію оказались виновными:

„*Тржаска*: 1) Въ подговорѣ Гурскаго, Филькевича и Хойнацкаго, вступить въ организацію политическихъ убійцъ, за установленную цѣну по $1^{1}/_{2}$ р. сер. въ сутки. Деньги получалъ онъ отъ неизвѣстнаго ему человѣка близь станціи Варшавско-Вѣнской желѣзной дороги. 2) Въ принятіи начальства надъ этими тремя человѣками. 3) Въ приказаніи имъ убить одного русскаго чиновника, котораго самъ показалъ имъ на улицѣ. 4) Въ раздачѣ имъ для сего кинжаловъ, и 5) Въ томъ, что замѣтя нерѣшительность своихъ соучастниковъ и уменьшивъ имъ плату до 50 коп. въ день приказалъ имъ для практики и пріученія себя къ новому ремеслу, убить кого-нибудь изъ Русскихъ, вслѣдствіе чего они и бросились на Филиппова.

„*Гурскій, Хойнацкій и Филькевичъ*: 1) Въ томъ, что вступивъ по подговору Тржаски, въ органзацію политическихъ убійцъ, за условленную плату, неоднократно подстерегали на улицѣ указаннаго имъ русскаго чиновника, котораго однако не рѣшились убить изъ трусости, и 2) Въ томъ что по приказанію Тржаски, для пріобрѣтенія опытности въ подобныхъ убійствахъ, условились убить перваго встрѣчнаго Русскаго—и съ этою цѣлью, взявъ отъ Тржаски кинжалы, бросились на рядоваго Филиппова, котораго Хойнацкій ранилъ.

„Полевой военный судъ на основаніи (такихъ-то) статей законовъ приговорилъ означенныхъ четырехъ убійцъ, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, казнить смертію—повѣшеніемъ."

Во вторникъ, 15-го (27-го) октября, въ 10 ч. утра, раненъ ударомъ кинжала въ шею и лицо начальникъ ревира Станиславъ Мацѣевскій. Преступленіе совершилось противъ Аппелляціоннаго Суда, на Медовой улицѣ, близь Архіерейскаго дома, при коемъ стоитъ часовой, и убійца не схваченъ. Кто изъ Варшавянъ не зналъ этого почтеннаго старичка Мацѣевскаго, ходившаго безсознательно, какъ маятникъ, туда и сюда,

по Медовой улицѣ! Этотъ человѣкъ столько же былъ причастенъ къ политическимъ дѣламъ въ Польшѣ, сколько и къ дѣламъ Бирманской имперіи. Скорѣе можно было подозрѣвать его въ преданности жонду нежели правительству. Добродушный старикъ не способенъ былъ сдѣлать какое-нибудь зло; его держали потому что онъ дослуживалъ послѣдніе мѣсяцы своей 40-лѣтней службы до эмеритуры и не употребляли ни для чего болѣе, какъ для дежурства на улицѣ, для порядка. Невинная кровь этого несчастнаго до сихъ поръ не смыта съ тротуара, и вотъ уже два дня колетъ глаза Полякамъ, къ позору народа, упавшаго до гнусности тайныхъ, бандитскихъ убійствъ изъ-за угла. Удивительное дѣло, что убійца успѣлъ уйти. Вѣроятно онъ скрылся въ Аппелляціонномъ Судѣ.

Во вторникъ же, появилась во *Всеобщемъ Дневникѣ* статья слѣдующаго содержанія:

„Люди злоумышленные рѣшились, въ одномъ изъ тайныхъ своихъ изданій, помѣстить статью, будто бы солдаты расположенные въ здѣшнихъ монастыряхъ, дозволяютъ себѣ въ костелахъ, во время совершенія Богослуженій, дѣлать разныя неприличія.

„Подобный примѣръ, по ихъ словамъ, имѣлъ мѣсто въ костелѣ ксендзовъ Августіановъ.

„Какъ пріоръ этого монастыря, я считаю долгомъ совѣсти моей заявить, что означенное объявленіе было самою безчестною ложью и клеветой брошенною на русскихъ солдатъ, потому что подобный случай во все время квартированія ихъ въ этомъ монастырѣ никогда не имѣлъ мѣста, и солдаты входя въ костелъ ведутъ себя самымъ благопристойнымъ образомъ, какъ подобаетъ вести себя въ храмѣ Божіемъ всякому христіанину. 14-го (26-го) октября 1863 года. *Кс. Д. Павловскій.*"

Офиціальная газета отъ себя присовокупила:

„Вотъ документъ служащій краснорѣчивымъ опроверженіемъ всѣхъ лживыхъ вѣстей распространяемыхъ здѣшними подпольными изданіями относительно самоволія русскихъ солдатъ,—каковыя вѣсти повторяютъ не только польскія газеты, выходящія въ Галиціи и Познани, но и другіе органы европейской печати."

Эта статья вышла во вторникъ; въ среду жондъ народовой отравилъ пріора Павловскаго и вмѣстѣ съ нимъ другаго монаха того же монастыря, за то, что не былъ *пршыхыльны справѣ народовей.* Назначено строгое слѣдствіе. Дай Богъ чтобъ открыли виновныхъ.

Что̀ скажетъ Европа на этотъ фактъ? Что̀ скажетъ папа? Отравляютъ священниковъ за то, что они смѣютъ говорить правду!

Во вчерашнихъ газетахъ объявленъ приказъ графа Берга о снятіи траура съ 29 октября (10 ноября). Въ модныхъ магазинахъ нѣтъ отбою. Говорятъ, что жондъ также объявилъ о снятіи траура, приписывая инціативу себѣ и зная что его приказа *не снимать*—не послушали бы.

Одинъ изъ политическихъ преступниковъ открылъ почти весь жондъ народовый. По его показанію произведены аресты, и въ числѣ арестованныхъ находятся всѣ тѣ лица, изъ главнѣйшихъ заговорщиковъ, которые находились уже подъ военнымъ судомъ въ 1861 и 1862 годахъ, были въ ссылкѣ и прощены, начиная отъ прелата Бялобржесскаго, приговореннаго, за закрытіе костеловъ, къ разстрѣлянію, но потомъ заключеннаго въ Бобруйскъ на два мѣсяца (гдѣ онъ имѣлъ 6 комнатъ въ кляшторѣ). Арестованы также и члены „женскаго комитета". Въ какой степени справедливо это показаніе — обнаружитъ слѣдствіе. „Начальникомъ мяста Варшавы" названъ раввинъ Крамштикъ, также арестованный и также бывшій въ Бобруйскѣ. Нѣкоторыя подпольныя газетки печатались (по тому же показанію) въ типографіи *Gazety Polskiej*, и—о скандалъ!—въ типографіи *Полицейской Газеты*. Архивъ жонда находился въ архивѣ губернскаго правленія. Писарь III-го округа корпуса жандармовъ, какой-то Владиславъ (по фамиліи не названный, но также арестованный), сообщалъ жонду разныя свѣдѣнія. Но кажется ужь явился новый *начельникъ мяста*, потому что сегодня открыта настоящая типографія жонда, со всѣми принадлежностями и весьма важными документами, въ числѣ которыхъ найдены еще мокрые плакатцы слѣдующаго содержанія:

„Начальникъ города Варшавы.

„Бергъ не умѣетъ быть оригинальнымъ, Бергъ хочетъ сдѣлаться Муравьевымъ—но уже не онъ будетъ первымъ.

„Муравьевъ послалъ Царю исторгнутые пытками адресы; Бергъ ночью съ 23-го на 24-е октября нахваталъ многихъ изъ числа принадлежавшихъ къ учредившейся въ 1861 году городской делегаціи и другихъ зажиточнѣйшихъ гражданъ, какъ-то: прелата Бялобржесскаго, кс. каноника Вышинскаго, кс. Юзефа Стецкаго, еврейскаго проповѣдника Крамштика, Якова Піотровскаго, Маевскаго, Карла Бейера, Хенцинскаго, Юзефа Равича, Марцелія Боскаго (съ сыномъ, Карла Беккера, редактора журнала *Денница* (*Jutrzenka*) Даніила Нейфельда (Еврея) и много другихъ, и намѣревается утѣшить чувствительное царское сердце какою-то сказкою изъ цитадели.

„Увы! Царь уже давно имѣетъ причины не довѣрять, слѣдовательно Бергъ не увѣритъ Государя. А повѣритъ ли самъ? Взглянемъ на его конвой и стражу, усиленную и вооруженную сверхштатными револьверами; разсмотримъ цѣлое состояніе края, и изъ этихъ данныхъ составится самое краснорѣчивое выраженіе желаній и требованій Поляковъ. Варшава. 26-го октября 1863." (М. П.)

Не правда ли, въ этихъ словахъ слышится уже не ругательство, а какой-то подавленный стонъ, стонъ отчаянія и страха?

Изъ переписки захваченной въ этой типографіи видно, что типографія помѣщалась предъ тѣмъ въ монастырѣ Фелиціанокъ, въ комнатѣ

гувернантки Теклы Трахановской, преданной уже военному суду, но наканунѣ произведенной у нея ревизіи была вынесена на другую улицу, гдѣ сегодня и открыта полицеймейстеромъ Косинскимъ. Это—чрезвычайной важности открытіе! Неизвѣстно только, будутъ ли теперь слѣдственныя коммиссіи въ состояніи открыть весь узелъ заговора, истинныхъ членовъ жонда. У нихъ теперь въ рукахъ всѣ данныя. Одно уже открытіе поручика Оноприенки могло указать всѣхъ виновниковъ, а нынѣшняя типографія съ семью типографщиками въ ней арестованными—и подавно.

Поручикъ Оноприенко получилъ отъ чиновниковъ департамента полиціи исполнительной изъ Петербурга телеграмму съ заявленіемъ благодарности за открытую имъ литографію.

Варшавскій оберъ-полицеймейстеръ двумя приказами, отъ 14 (26) октября, объявилъ, первымъ, что засвидѣтельствованіе паспортовъ на выѣздъ изъ Варшавы служитъ не на 48, а на 24 часа, и вторымъ: что по случаю наступленія раннихъ вечеровъ, съ зажженными фонарями слѣдуетъ ходить съ 6 часовъ, а послѣ 9 часовъ выходить на улицу воспрещается безусловно.

Вмѣсто г. Салерно назначенъ правителемъ канцеляріи управленія варшавскаго оберъ-полицеймейстера чиновникъ собственной канцеляріи намѣстника Е. Н. Леонтьевъ.

Программа *Всеобщаго Дневника* измѣняется къ лучшему, такъ что его противъ воли жонда станутъ выписывать изъ любопытства. Въ немъ будутъ помѣщаться всѣ распоряженія правительства, по военному и гражданскому вѣдомству, всѣ происшествія въ краѣ, всѣ новости здѣшнія и заграничныя, беллетристика и проч. Есть надежда, что онъ, при такой редакціи, окончательно уронитъ прочія наши варшавскія газеты, сухія, безжизненныя и безполезныя.

Во Влоцлавкѣ, вахмистръ пограничной стражи Демченко захватилъ 46 отличныхъ штуцеровъ, провозимыхъ въ край, 14-го октября.

На Мысловицкой станціи задержанъ транспортъ съ шестью ящиками палокъ, имѣющихъ внутри стилеты. Адресованы были къ одному изъ варшавскихъ купцовъ-Евреевъ (Поляку Мойжешовѐго вызна́ня).

XIV.

Письмо варшавскаго корреспондента въ № 231 „московскихъ вѣдомостей“.

19-го октября.

Изъ двухъ отравленныхъ ксендзовъ ордена Августиновъ, пріора Павловскаго успѣли спасти и есть надежда на его выздоровленіе; а провинціалъ ордена Раймундъ Краевскій умеръ въ тотъ же день. Въ се-

годняшнемъ *Всеобщемъ Дневникѣ* объявляется, что означенный ксендзъ умеръ „кажется (*podobno*), вслѣдствіе апоплексическаго удара“ и что тѣло его погребено вчера въ катакомбахъ того костела. *Дневникъ* не присовокупляетъ однакоже, что сегодня въ варшавскомъ Уяздовскомъ военномъ госпиталѣ, огромная коммиссія изъ военныхъ, академическихъ и городскихъ медиковъ, при депутатахъ отъ разныхъ вѣдомствъ, разлагаетъ химически внутренности ксендза Краевскаго.

Вотъ кстати, если угодно, нѣсколько здѣшнихъ придирочекъ ко *Всеобщему Дневнику*, на которомъ теперь сосредоточено общее вниманіе и за которымъ всѣ слѣдятъ съ особеннымъ интересомъ и зоркостью. Казнь четырехъ жандармовъ-рѣзуновъ совершилась на Гржибовской площади, въ четвергъ, въ 10 часовъ утра. *Dziennik Powszechny*, объявляя въ пятницу о повѣшаніи наканунѣ Тржаски, Хойнацкаго, Гурскаго и Филькевича, присовокупляетъ, что публики собралось много и что *порядокъ ни въ чемъ нарушенъ не былъ.* Эта фраза показалась многимъ излишнею и неумѣстною. Какъ будто можно допускать мысль, что исполненію законнаго приговора посмѣетъ помѣшать кто-нибудь! Въ нумерѣ который вышелъ наканунѣ (247), говорится, что полиція выслѣдила и открыла типографію *Rządu Narodowego*, безъ прибавленія „такъ-называемаго“ или „партіи, именующей себя“... какъ писалось прежде. Въ этомъ тоже видятъ здѣсь промахъ.

— Вчера въ купальномъ заведеніи Наимскаго, найденъ въ горячей ваннѣ человѣкъ, убившій себя перерѣзомъ бритвою жилъ на обѣихъ рукахъ. Самоубійца, котораго прозваніе неизвѣстно, вытащенъ уже мертвымъ. Причина самоубійства также неизвѣстна. Быть-можетъ была нечиста совѣсть по поводу послѣднихъ арестацій въ Варшавѣ и смертныхъ казней на площадяхъ. Такимъ точно образомъ и въ томъ же заведеніи, убилъ себя одинъ изъ счетчиковъ главнаго казначейства на другой день послѣ похищенія 32 милліоновъ злотыхъ.

Арестованный, въ числѣ членовъ тайной организаціи въ Варшавѣ, писарь III округа корпуса жандармовъ *Владиславъ* называется *Трояновскій*. По указанію его арестованы и другіе писаря (2 или 3 человѣка) иныхъ военныхъ управленій.

Въ приказѣ варшавскаго оберъ-полицеймейстера объявлено 17-го (29-го) октября, что кофейни, лавки съ напитками, шинки, пивныя лавки (баваріи) и находящіеся при нихъ буфеты или трактиры, а также отдѣльныя кухни (гаркухни) для простаго народа, должны быть отпираемы не ранѣе 7 часовъ утра и закрываемы не позже 6 часовъ вечера.

Въ прежнее время было издано распоряженіе, чтобы всѣхъ плѣнныхъ иностранцевъ судить военнымъ судомъ на мѣстѣ, кромѣ прусскихъ подданныхъ, которыхъ отсылать въ Пруссію. Теперь это исключеніе отмѣнено, вслѣдствіе того что жандармы-вѣшатели наиболѣе

происходятъ изъ великаго княжества Познанскаго. Теперь преданъ суду въ Плоцкѣ извѣстный варваръ Марциновскій, прусскій ландверный солдатъ, который самъ сознался, что повѣсилъ *семь* человѣкъ. Сколькихъ же онъ утапилъ?

17 (29) октября, на Михаловицкой таможнѣ арестована посылка изъ Кракова, въ которой найдено нѣсколько желѣзныхъ черныхъ православныхъ крестовъ, въ вершокъ длины, плоскихъ, съ рельефными изображеніями и надписями на славянскомъ языкѣ. Вотъ ихъ описаніе: Форма какъ у священническаго креста носимаго на груди, въ память войны 1853—1856 годовъ. На лицевой сторонѣ: образъ Спасителя, со скипетромъ и державою, и надписью по оконечностямъ креста: *Спаси Господи люди Твоя.* На оборотѣ: на самомъ верху, подъ ушкомъ: *1863.* Подъ этимъ греческій православный крестъ, съ надписью съ обѣихъ сторонъ І҃С Х҃Р. Подъ крестомъ, въ круглой части соединенный гербъ Польши, Литвы и Руси, съ надписями: *Польша. Литва. Русь.* По концамъ: *Свобода. Независимость. Равенство.*

Въ Калишскомъ уѣздѣ ходитъ по рукамъ приказаніе жонда, чтобы въ случаѣ нападенія повстанцевъ на какой-нибудь пунктъ, жители тотчасъ убивали офицеровъ которые у нихъ на постоѣ.

По словамъ одного плѣннаго начальника шайки, содержащагося въ Калишѣ, въ шайкахъ принято за правило, приготовленную пищу, въ случаѣ появленія нашихъ войскъ, отравлять ядомъ. Оружіе вполнѣ достойное патріотовъ рѣжущихъ изъ-за-угла. Счастье только что войска наши не больно падки на пищу приготовляемую голодною стаей повстанцевъ. Впрочемъ, на всякій случай, сообщено объ этомъ начальникамъ войскъ, для свѣдѣнія.

Арестованный начальникъ шайки, извѣстный подъ именемъ Калье, оказался барономъ Бреччелли, адъютантомъ Гарибальди. Онъ приговоренъ къ разстрѣлянію, но обратился къ князю Витгенштейну съ просьбою: подарить ему жизнь, съ тѣмъ чтобъ опредѣлить его въ линейные казаки на Кавказъ, гдѣ онъ отличною службой постарается изгладить свое нынѣшнее преступленіе противъ Россіи!

Августовскій бискупъ графъ Лубенскій, 28-сентября, навѣстилъ приговоренныхъ къ смерти вѣшателей Жоховскаго и Призѣмита, далъ первому золотой образокъ, а послѣднему серебряный медальйонъ съ мощами, съ тѣмъ чтобъ образки эти находились на нихъ до исполненія казни, а потомъ отправлены были къ родителямъ преступниковъ на память о ихъ подвигѣ. Образки отобраны отъ разбойниковъ, съ запрещеніемъ отсылать къ родителямъ.

Въ Липновскомъ уѣздѣ арестованъ начальникъ вѣшателей Качаровскій. Въ Лѣнчицѣ арестованы агенты жонда: ассессоръ исправительнаго суда Марьевскій, чиновникъ Мейштовичъ и еще шесть человѣкъ.

XV.

ИЗЪ ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО ПО ПРЯМЫМЪ СВѢДѢНІЯМЪ ДО 19-ГО ОКТЯБРЯ, ВЪ № 232 „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ".

Октября 16-го принята графомъ Бергомъ мѣра первоклассной важности. Изданъ нижеслѣдующій циркуляръ къ военнымъ начальникамъ въ Царствѣ Польскомъ:

„Изъ поступающихъ ко мнѣ офиціальныхъ и частныхъ свѣдѣній о положеніи дѣлъ въ краѣ, къ крайнему сожалѣнію, я усматриваю, что во всѣхъ отдѣлахъ, убійства, грабежи, поджоги, похищенія казенныхъ суммъ, расхищенія соляныхъ магазиновъ, насильственное укомплектованіе мятежническихъ бандъ мирными жителями, безпрепятственное существованіе мятежническихъ почтъ, разграбленіе казенныхъ почтъ, а также безвзыскательная уклончивость гражданскихъ чиновъ отъ исполненія своихъ обязанностей, не взирая на всѣ принятыя уже мѣры, не прекращаются.

„Столь противные и несогласные съ видами правительства и моими ожиданіями результаты отъ предоставленныхъ гг. начальникамъ отдѣловъ средствъ къ прекращенію своеволія злоумышленниковъ, заставляютъ меня прійти къ крайне-прискорбному для меня заключенію, что причина сему явленію заключается, во многомъ, въ недостаткѣ той неослабной энергіи, которая, при строгомъ и неукоснительномъ примѣненіи къ дѣлу военными начальниками всѣхъ предоставленныхъ имъ отъ правительства правъ и власти, должна послужить главнымъ условіемъ и вѣрнѣйшимъ средствомъ для возстановленія въ краѣ спокойствія и законнаго порядка.

„До того не удовлетворительное положеніе дѣлъ въ Царствѣ, обязываетъ меня предписать всѣмъ гг. военнымъ начальникамъ отдѣловъ и частнымъ военнымъ начальникамъ, употребить по предоставленной имъ власти, всѣ зависящія отъ нихъ мѣры, которыя они найдутъ соотвѣтственными и ведущими къ достиженію предположенной цѣли скорѣйшаго водворенія порядка въ краѣ, и блюсти за точнѣйшимъ исполненіемъ на дѣлѣ сихъ мѣръ и распоряженій, взыскивая, съ неутомимою строгостію, за всякое уклоненіе или неисполненіе.

„Съ предоставленіемъ военнымъ начальникамъ, сверхъ увеличенныхъ, по мѣрѣ возможности, матеріальныхъ средствъ, обширныхъ правъ къ усмиренію мятежа и искорененію выше указаннаго зла, я въ правѣ надѣяться отъ усердія и энергіи каждаго изъ нихъ, что настоящее напоминаніе мое будетъ послѣднимъ."

Для русскихъ читателей, подробно знакомыхъ съ ходомъ дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ, этотъ циркуляръ не нуждается въ оправданіи. Но

и иностранцы должны сознаться, что теперешнее положеніе провинцій въ Царствѣ не можетъ быть далѣе терпимо.

Сами такъ-называемыя народныя власти объясняютъ въ своихъ офиціальныхъ изданіяхъ, что у нихъ нѣтъ ни Сибири, ни тюремъ, и что слѣдовательно единственнымъ средствомъ наказанія служитъ у нихъ смертная казнь. Такой образъ дѣйствій „народовыхъ властей" обратилъ уже на себя вниманіе европейскаго общественнаго мнѣнія, и терроризмъ жонда описывается въ нѣкоторыхъ газетахъ такъ же обстоятельно, какъ и энергическія мѣры русскихъ властей, вызванныя этимъ терроризмомъ. Невыгодное впечатлѣніе производимое этими несчетными убійствами въ Европѣ побудило народовый жондъ пояснить свой взглядъ по этому предмету, высказавъ его, конечно, не столь откровенно, какъ сдѣлалъ начальникъ города Варшавы въ своемъ послѣднемъ приказѣ, въ которомъ онъ объявилъ, что отъ убійствъ жондъ ожидаетъ самыхъ благодѣтельныхъ результатовъ. Такая откровенность „департамента полиціи" была бы не умѣстна для „департамента иностранныхъ дѣлъ"; новый циркуляръ этого департамента, помѣщенный въ № 8 *Niepodległości* говоритъ о „казняхъ", какъ о необходимомъ злѣ, обвиняетъ „московскія" газеты въ искаженіяхъ и вымыслахъ,—словомъ, старается сбросить съ себя большую часть тѣхъ преступленій, которыя справедливо относятся къ слѣдствіямъ революціи, поддерживаемой народовымъ жондомъ. Чтобы читатели могли имѣть понятіе о дипломатическомъ языкѣ жонда, мы приводимъ въ переводѣ этотъ

Циркуляръ дипломатическимъ агентамъ жонда народоваго.

„Въ публикаціяхъ народовыхъ властей, именно въ приказахъ начальника города Варшавы, доводятся до всеобщаго свѣдѣнія смертные приговоры, исполненные надъ лицами обвиненными въ московскомъ шпіонствѣ. Московскія газеты, оглашая со своей стороны случаи этихъ казней, стараются переиначивать ихъ, искажая дѣйствительные случаи, или даже сочиняя иные собственнаго вымысла, и все вмѣстѣ стараются выставить какъ доказательство мнимыхъ злоупотребленій, учиненныхъ народовыми властями, съ цѣлію поднять въ массахъ населенія духъ возстанія, который, по увѣренію этихъ газетъ, нуждается въ такомъ возбужденіи.

„Вамъ, обыватель, не трудно будетъ оцѣнить значеніе и смыслъ увѣреній такого свойства, которыя быть-можетъ дурно разчитаны на то чтобы ввести въ заблужденіе людей серіозно мыслящихъ, но однако могутъ нѣсколько достигать своей цѣли, вызывая подозрѣнія или даже антипатію. Поэтому считаемъ сообразнымъ поручить вашему усердію опровергнуть, основываясь на вашемъ близкомъ знакомствѣ съ положеніемъ дѣла, самымъ энергическимъ образомъ клеветы нашихъ враговъ.

„Прежде всего жонду народовому чужда мысль, что экзекуціи могутъ будто бы обезпечить успѣхъ народнаго дѣла, почерпающаго всю свою силу въ тѣхъ великихъ началахъ которыя оно собою представляетъ и за которыя борется, началахъ, по которымъ мы познаемся истинными Поляками, началахъ истинной цивилизаціи, началахъ, презрѣнныхъ и потоптанныхъ москвою. Эти-то начала служатъ намъ единственнымъ лозунгомъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ залогомъ пріобрѣтенія, цѣною стольких жертвъ, той независимости, которая одна способна обезпечить намъ сохраненіе всѣхъ великихъ основъ общественнаго порядка.

„Дѣло слишкомъ ясно, и кто бы могъ обстоятельнѣе жонда народоваго убѣдиться въ томъ, что экзекуціи ни на минуту не были бы въ состояніи собрать воедино народъ, еслибъ ему не достало когда бы то ни было самопожертвованія для отчизны? Экзекуціи въ глазахъ нашихъ не что иное, какъ необходимое зло для отклоненія другаго болѣе значительнаго, какъ средство обороны, оправдываемое тѣмъ, что оно одно дѣйствительно противъ злоупотребленій враждебной намъ и подкупающей силы, которая находитъ себѣ помощь только въ злодѣяніяхъ нѣсколькихъ запродавшихся несчастныхъ.

„Исключительность судопроизводства народовыхъ властей, руководящихся при этомъ самою строгою осмотрительностію, найдетъ въ глазахъ безпристрастныхъ судей оправданіе въ ненормальномъ состояніи края; притомъ на дѣлѣ нельзя найти въ ней ничего подобнаго той системѣ несправедливости, грабежа, убійства, непрерывнаго оскорбленія всѣхъ правъ человѣчества, покинутой было нѣсколько лѣтъ московскимъ управленіемъ, а теперь снова примѣняемой съ большею чѣмъ когда-либо безсовѣстностію. Такое новое усиленіе шпіонства и московскаго терроризма, безобразнѣйшія проявленія котораго свидѣтельствуются ежедневно множествомъ донесеній нашихъ чиновниковъ общественной безопасности, такое усиленіе единственно принудило народовыя власти къ примѣненію исключительныхъ мѣръ, которыя при нормальномъ положеніи нашего общества никогда бы не имѣли мѣста, не будь постоянной опасности, угрожающей самому нашему существованію.

„Впрочемъ совершенно ясно, что политическія казни, поразившія кое-гдѣ истинныхъ выродковъ общества, не были бы въ состояніи поднять духъ возстанія, еслибы чувствовался упадокъ его въ народѣ, прошедшемъ чрезъ столь тяжкія испытанія,—точно также какъ, съ другой стороны, тѣ беззаконныя казни, которыхъ зрѣлище, исполненное ужаса, приготовляютъ предъ нашими глазами московскія власти, ни мало не приведутъ къ уничтоженію польскаго народнаго духа.

„Сравненіе нашихъ офиціальныхъ публикацій съ московскими поразитъ каждаго явнымъ противорѣчіемъ между ложью неосновательныхъ московскихъ донесеній и фактами, нами обстоятельно утверждаемыми. Такъ, для примѣра, убійство, котораго частный и преступный харак-

теръ указала народовая власть, было уже однажды обращено въ убійство политическое, причемъ москва воспользовалась еще удобствомъ заклеймить и память убитаго ложнымъ приписываніемъ ему преданности дѣлу угнетенія страны.

„Особенно возмутительно то, что москалями были повѣшаны люди совершенно чуждые исполненію смертныхъ приговоровъ, напримѣръ Каминскій въ Варшавѣ, два брата Ревковскихъ, Сиповичъ и Яблонскій въ Вильнѣ. Они повѣшены единственно съ тою цѣлію, чтобы московская процедура не подверглась упреку въ безсиліи.

„Но завзятая московская ненависть тѣмъ не ограничивается. Она старается скрыть собственныя жестокости и очернить свои жертвы системою нахальныхъ клеветъ, извергаемыхъ на насъ съ самаго начала возстанія посредствомъ московскихъ газетъ.

„Въ газетахъ этихъ находятся невѣроятныя сказанія о мнимыхъ неистовствахъ Поляковъ. Въ предшествующемъ нашемъ циркулярѣ (№ 105) мы обратили вниманіе на лживость московскихъ телеграммъ, которыя 22-го января сего года сочинили въ Варшавѣ Сицилійскія вечерни. Теперешнія сказки, гораздо болѣе безобразныя, почерпнутыя изъ тѣхъ же лживыхъ источниковъ, обошли серіозныя европейскія газеты. Что̀ сказать о произведеніи московскаго творчества, о звѣрскомъ обращеніи съ трупомъ священника, о которомъ упоминаютъ и англійскія газеты? Потребуется ли еще опровергать эту работу одичалаго и разнузданнаго воображенія, которую хотятъ поставить въ упрекъ Полякамъ, этотъ презрѣнный вымышленный разказъ, котораго никто не былъ бы въ состояніи выполнить, кромѣ москвичина, который его сочинилъ?

„Противно говорить объ упрекахъ, противъ которыхъ намъ бы и въ мысль не пришло защищаться, еслибы насъ не научили органы печати просвѣщеннаго народа, что не слѣдуетъ оставлять безъ вниманія даже такія клеветы, которыя могутъ казаться самыми неправдоподобными.“

Дипломатическій документъ разчитанъ на эффектъ. Съ особенною силою выставляется въ немъ, что жондъ далекъ отъ мысли поддерживать возстаніе убійствами, а между тѣмъ во всякомъ приказѣ начальника города съ особою силой выставляется, что неисполненіе приказанія жонда повлечетъ за собою смертную казнь виновнаго.

Циркуляръ говоритъ, что исполненіе смертныхъ приговоровъ жонда объявляется въ приказахъ начальника города; но это справедливо, и то отчасти, только для Варшавы. Между тѣмъ самое главное и широкое поприще убійствъ представляютъ провинціи. А что и въ нихъ дѣйствуетъ жондъ чрезъ своихъ комиссаровъ, это подтверждается слѣдующею запиской одного изъ агентовъ жонда къ Лелевелю, въ которой рекомендуется приговорить двухъ человѣкъ къ „заслуженному наказанію“:

„Съ большимъ удовольствіемъ я узналъ о поимкѣ двухъ мерзавцевъ изъ Юзефова, которые оказывали большія услуги Эманову, и притомъ имѣли обширныя связи. Поэтому-то совѣтую вамъ, почтенный полковникъ, обойтись сперва съ ними ласково, выпытывая у нихъ свѣдѣнія утѣшительнымъ для нихъ способомъ, причемъ они въ довѣріи быть-можетъ разкажутъ извѣстныя имъ тайны, а потомъ уже приговорить ихъ къ заслуженному ими наказанію. Въ Юзефовѣ начальникъ города—Х, котораго можно употребить всякій разъ въ случаѣ надобности, а также и поручить ему обращать особенное вниманіе на приближеніе московскаго войска отъ Звѣржинца,—о Яновскомъ же, еслибъ оно выступило изъ города, будемъ стараться тотчасъ увѣдомлять васъ, почтенный полковникъ. Вышлите, полковникъ, не медля ни минуты, нѣсколько человѣкъ въ Осухи къ мельнику А., у котораго находится большой котелъ, помѣщающій нѣсколько десятковъ гарнцевъ, и прикажите имъ взять этотъ котелъ, если мельникъ не захочетъ уступить его за деньги. Другой котелъ обѣщалъ доставить Б. Еслибъ однако недостаточно было для отряда этихъ двухъ, то есть еще третій котелъ у В. въ Луковѣ.“

„NB. Относительно древокъ для косъ, прикажите, полковникъ, доставить ихъ управляющему имѣніемъ Звѣржинецъ; онъ легко можетъ это исполнить. Приказаніе это можете передать начальнику города Юзефова, съ тѣмъ чтобъ онъ наблюдалъ за исполненіемъ.“

Мы привели письмо, котораго начальными строками уже осуждены на смерть два человѣка. Въ приказѣ начальника города имена ихъ не будутъ помѣщены; убійство ихъ останется неизвѣстнымъ, если не донесутъ о немъ гражданскія начальства края. Этими донесеніями почти исключительно и руководствуются русскія газеты при изложеніи подвиговъ народоваго жонда.

Переходимъ къ перечисленію убійствъ. Въ Варшавской губерніи: августа 3-го въ д. Закржевка, Конинскаго уѣзда, повѣшенъ тамошній крестьянинъ Кендзерскій, по донесенію губернатора, „за самовольное „принятіе на себя званія польскаго жандарма и производимые подъ „этимъ званіемъ грабежи и убійства“. 9-го августа въ лѣсу д. Ловичекъ, Влоцлавскаго уѣзда, найденъ повѣшеннымъ работникъ изъ д. Бодзанова, Яворскій; 19-го августа въ м. Александровѣ, Лъэнчицкаго уѣзда, повѣшенъ шайкою мятежниковъ колонистъ Эрнестъ Гайнрихъ, скрывавшійся въ Лъэнчицѣ при войскахъ, но вызванный оттуда подложнымъ письмомъ будто бы отъ жены; того же числа въ м. Модржевѣ, Гостынинскаго уѣзда, повѣшены крестьяне Залевскій и Мажецъ, по предварительномъ прочтеніи предъ всѣми крестьянами приговора революціоннаго военнаго суда; 26-го августа въ лѣсу д. Смашева, Конинскаго уѣзда, найдена повѣшенною неизвѣстная женщина; того же числа, въ д. Пришвечизнѣ, Влоцлавскаго уѣзда, убитъ выстрѣломъ изъ револьвера, въ собственномъ домѣ, помѣщикъ той деревни Мечиславъ Квят-

ковскій; 31-го августа, въ лѣсу близь Гостынина найдено тѣло удавленнаго веревкою о дерево крестьянина Абрамовскаго; 1-го сентября, близь д. Заполе, Сѣрадзскаго уѣзда, найденъ повѣшеннымъ при дорогѣ на деревѣ неизвѣстный человѣкъ, 3-го сентября, возлѣ лѣса д. Цише, Влоцлавскаго уѣзда, найденъ повѣшеннымъ неизвѣстный человѣкъ около 50 лѣтъ; того же числа въ лѣсу д. Лисицъ, Лъэнчицкаго уѣзда, найдены закопанными во рву съ веревками на шеяхъ жители д. Суботки Августинъ Арендтъ и Петръ Павликовскій, д. Лубна Антонъ Гржебальскій и трубочистъ Константинъ, неизвѣстный по фамиліи; они наказаны смертію по приговору революціоннаго суда будто бы за грабежи и воровство въ окрестностяхъ; того же 3-го сентября, ночью, во время прохода чрезъ д. Малую Весь, Станиславскаго уѣзда, жандармы-вѣшатели застрѣлили отставнаго солдата Франца Галонзку; 5-го сентября, въ Гузовскомъ лѣсу, Ловичскаго уѣзда, повѣшенъ работникъ Хлѣбовскій; того же числа, управитель имѣнія Лонцкъ, Влоцлавскаго уѣзда, Карлъ Цильмеръ, умеръ отъ побоевъ, нанесенныхъ ему мятежниками; 6-го сентября, въ лѣсу д. Коржевки Новой, Влоцлавскаго уѣзда, найдено закопанное въ землю тѣло крестьянина Антона Жульки; того же числа на поляхъ д. Шиманова, Варшавскаго уѣзда, найденъ повѣшеннымъ работникъ изъ д. Лубна Станиславъ Кравчикъ; 9-го сентября, въ д. Недоборовѣ, Ловичскаго уѣзда, повѣшенъ конюхъ Матвѣй Поляческій; 11-го сентября, въ д. Буды, Гостынинскаго уѣзда, шайка мятежниковъ повѣсила крестьянина Михайловскаго, который, по донесенію Варшавскаго гражданскаго губернатора, три раза уже находился въ арестантскихъ ротахъ за воровство и грабежи; 14-го сентября два неизвѣстные человѣка напали на сторожа желѣзной дороги, между Ловичемъ и Скѣрневицами, Вильгельма Крызе, и когда онъ побѣжалъ, то гнались за нимъ версты двѣ, вбѣжали за нимъ въ деревню Белхаву, нашли его на чердакѣ одной избы, сбросили внизъ и убили; того же числа, въ д. Грахале-Нове, Варшавскаго уѣзда, пріѣхали два вооруженные человѣка, и подъ предлогомъ что заблудились, взяли себѣ въ проводники колониста Фридриха *Дрегера*, и за деревнею повѣсили его на первой грушѣ; 22-го сентября, на варшавскомъ предмѣстьѣ Мокатовѣ, найденъ зарѣзанный неизвѣстный человѣкъ. Въ Плоцкой губерніи: 7-го іюля, въ д. Ольшакахъ, Пултусскаго уѣзда, повѣшенъ русскій рабочій Аѳанасій Мироновъ; 11-го августа, между д. Кондрайце-Панскіе и Глиновецкомъ, Млавскаго уѣзда, найдена на деревѣ близь дороги повѣшенною неизвѣстная женщина, около 30 лѣтъ; при ней въ одной рубашкѣ сидѣлъ ея двухлѣтній сынъ; того же числа, около полуночи, въ лѣсу д. Омогоржева, Пултусскаго уѣзда, найденъ повѣшеннымъ тамошній деревенскій работникъ Францъ Блащакъ, онъ же Буржинскій, 26 лѣтъ, съ запискою на груди: „Казненъ смертію по приговору революціонаго суда, за неоднократныя угро-

зы его народовому жонду, подстрекательство къ бунту и нападеніямъ, и за другіе безнравственные поступки“; 13-го августа, въ д. Кухаръ, Плоцкаго уѣзда, повѣшенъ трубочистъ Иванъ Левандовскій; 20-го августа, въ м. Серпцѣ, Млавскаго уѣзда, задушена и брошена въ рѣку мѣщанка Садловская; 24-го августа, въ лѣсу гмины Осѣкъ, Млавскаго уѣзда, найденъ повѣшеннымъ на столбѣ неизвѣстный человѣкъ около 50 лѣтъ; 25-го августа, въ д. Рашовѣ, Плоцкаго уѣзда, повѣшенъ на воротахъ господскаго двора работникъ Шмугъ, съ запискою на груди, что казненъ, будучи уличенъ свидѣтелями въ шпіонствѣ; 27-го августа, въ д. Опалево, Липновскаго уѣзда, въ лѣсу, найденъ повѣшенный неизвѣстный; 31-го августа, близь колоніи Червинскъ, Плоцкаго уѣзда, повѣшенъ неизвѣстный человѣкъ, а въ лѣсу д. Венцилы, того же уѣзда, повѣшена неизвѣстная женщина; того же числа, въ колоніи Дзержонзна, того же уѣзда, найденъ повѣшеннымъ неизвѣстный человѣкъ, тѣло котораго мятежники потомъ забрали съ собою; 5-го сентября, въ д. Сувино, Пултусскаго уѣзда, повѣсили Еврея Зискинда, а жену его *зарыли живую въ землю*; 4-го сентября, въ лѣсу близь м. Радзалова, Млавскаго уѣзда, найдено тѣло неизвѣстнаго Еврея съ веревкою на шеѣ; 9-го сентября, въ лѣсу д. Домбрувки, Плоцкаго уѣзда, найденъ повѣшеннымъ неизвѣстный человѣкъ; 11-го сентября, въ лѣсу д. Дрыглина, Млавскаго уѣзда, найденъ повѣшеннымъ неизвѣстный человѣкъ. Въ Августовской губерніи, 19-го іюля, въ гминѣ Червоне, Ломжинскаго уѣзда, найдена въ лѣсу повѣшенною дѣвушка Екатерина Козлова; 25-го іюля, въ лѣсу гмины Судорги, Маріампольскаго уѣзда, найденъ повѣшеннымъ отставной солдатъ Буркша, лѣтъ болѣе 50; 26-го іюля, въ гминѣ Рудавка, Кальварійскаго уѣзда, повѣсили крестьянина Полтарака; 27-го іюля, въ гминѣ Кубри, Ломжинскаго уѣзда, гминный войтъ арестовалъ трехъ человѣкъ: мельника Доминика, кузнеца Неймана и мѣщанина Ушинскаго, которые, принявъ на себя званіе польскихъ жандармовъ, производили разные грабежи и убили въ лѣсу одного нищаго, отнявъ у него деньги и телѣжку; 28-го іюля, три вооруженные человѣка, напавъ на домъ крестьянина Шнитковскаго, въ гминѣ Дембовъ, Ломжинскаго уѣзда, хотѣли его повѣсить, но не найдя дома, схватили сестру его Розалію и за деревнею повѣсили, и запретили всѣмъ, подъ страхомъ смертной казни, снимать съ дерева тѣло несчастной; того же числа, въ д. Копытковѣ, Августовскаго уѣзда, повѣшена жительница м. Райграда, вдова Разалія Якуціова; 29-го іюля, въ лѣсу д. Гуты, того же уѣзда, найденъ повѣшеннымъ неизвѣстный человѣкъ въ солдатскомъ платьѣ; того же числа, на поляхъ д. Рыбиты, того же уѣзда, найденъ убитымъ крестьянинъ д. Вольне; тѣло его брошено потомъ мятежниками въ рѣку; того же числа, въ гминѣ Пильвишки, Маріампольскаго уѣзда, повѣсили крестьянина Грудасова; 4-го августа, шайка мятежниковъ, прибывшихъ въ гмину Зыпле, Маріампольскаго уѣзда, повѣсила

солтыса Давида Бормана, и наказала тѣлесно шинкаря Шиллера и колониста Тресдорфа, потомъ, напавъ на учрежденную тамъ сельскую стражу, ранила выстрѣлами изъ ружей двухъ Нѣмцевъ, Браберта и Ланге; 13-го августа, въ фольваркѣ Гое, Августовскаго уѣзда, повѣшенъ тамошній житель Осипъ Мельцацкій; 25-го августа, въ деревнѣ Урдоминъ, Кальварійскаго уѣзда, повѣсили двухъ работниковъ: Ключинскаго и Граблевскаго; 2-го сентября, въ лѣсу близь д. Милева, Августовскаго уѣзда, въ 12 верстахъ отъ м. Щучика, найдена повѣшенною неизвѣстная женщина; 8-го сентября, въ д. Михновицахъ, Сейненскаго уѣзда, повѣшенъ публично отставной солдатъ Іоахимовичъ, съ запиской, что казненъ по *справедливому* приговору за шпіонство и полученіе отъ москалей по 10 коп. въ сутки пособія; всякому же, кто сниметъ тѣло ранѣе 8 дней, угрожаетъ смертная казнь. Въ Люблинской губерніи: 19-го августа, шайка, прибывшая въ д. Лонжки, Замосцскаго уѣзда, числомъ до 2.000 человѣкъ, привела съ собою двухъ объѣздчиковъ пограничной стражи, изъ коихъ одного повѣсила на границѣ, а другаго застрѣлила; 20-го августа, въ м. Юзефовѣ, Замосцскаго уѣзда, повѣшены два Еврея, Гершель и Фроимъ Штабы; 23-го августа въ лѣсахъ гмины Войцѣнковъ, Луковскаго уѣзда, найдено въ лѣсу тѣло повѣшеннаго казака, неизвѣстнаго по фамиліи; 24-го августа, въ лѣсу деревни Тересполя, Замосцскаго уѣзда, найденъ повѣшеннымъ трубочистъ изъ мѣстечка Билгорая, Яблонскій; 31-го августа, ночью, 4 злодѣя, напавъ на домъ владѣльца колоніи Жизновъ, Замосцскаго уѣзда, Засуева, убили его топоромъ, а женѣ нанесли рану, отъ которой она на другой день умерла, захватили 300 р. и документы на право владѣнія колоніей; 2-го сентября, въ деревнѣ Корытковѣ, того же уѣзда, найденъ убитымъ крестьянинъ д. Андржіевки Иванъ Цѣслякъ; наконецъ 12-го сентября, въ г. Хелмѣ, Красноставскаго уѣзда, наказали тѣлесно 56-лѣтнюю мѣщанку Држевинскую и ея дочь. Въ Радомской губерніи: 1-го августа, бургомистръ г. Вильброма, Олькушскаго уѣзда, Антонъ Голембіовскій, уведенный мятежниками, повѣшенъ ими; 27-го августа, ночью, нѣсколько мятежниковъ, прибывъ въ корчму въ д. Опатовцѣ, забрали спавшаго тамъ въ квартирѣ своей родственницы отставнаго солдата Петра Прухинскаго, и выведя его за корчму, убили, по приговору революціоннаго суда, а тѣло его бросили въ помойную яму; 29-го августа, въ д. Желѣзнице, Опочинскаго уѣзда, найдены повѣшенными неизвѣстные мущина и женщина; 5-го сентября, въ Радомскомъ уѣздѣ, повѣсили колониста д. Свѣржова, Даніила Шпикермана, и крестьянина д. Новой-Веси Казиміра Рыбака.

Въ этомъ длинномъ спискѣ Радомская и Люблинская губерніи представляютъ мало убійствъ только потому, что еще не доставлено изъ нихъ болѣе подробныхъ свѣдѣній.

Пересматривая списокъ, ясно видимъ какія сословія представляютъ тѣ корни привязанности къ Россіи, которые жондъ хочетъ вырвать. Крестьяне, отставные солдаты и колонисты,—вотъ тѣ сословія которыя подвергаются жестокости народовыхъ властей.

XVI.

ИЗЪ ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО, ВЪ № 233 „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ".

Типографія и литографія жонда открыты, и мы навѣрное на нѣкоторое время будемъ лишены возможности узнавать распоряженія подземнаго правительства и подробности устройства революціонной организаціи изъ его *офиціальныхъ* объявленій. Послѣднимъ изъ существенныхъ распоряженій, появившихся изъ типографіи жонда, слѣдуетъ считать запрещеніе уплаты контрибуціи. Вотъ текстъ этого постановленія:

Жондъ народовый.

Начальникъ города Варшавы.

Постановлено на засѣданіи городскаго управленія 20-го октября 1863 года.

„Такъ какъ несмотря на троекратно объявленное въ дневныхъ приказахъ начальника города запрещеніе уплачивать контрибуцію, наложенную на городъ москалями, нѣкоторые обыватели затруднились тѣмъ, дозволена ли уплата того побора подъ натискомъ воинской силы, то объявляется симъ окончательно и рѣшительно, что:

„Арт. 1. Уплата контрибуціи наложенной москалями безусловно запрещена, несмотря даже на занятіе войскомъ помѣщенія контрибуэнтовъ, съ требованіемъ возвышенной уплаты.

„Арт. 2. Нѣсколько обывателей, уплатившихъ до настоящаго времени контрибуцію, какъ лица не принявшія въ соображеніе предыдущихъ объявленій, и подавшія примѣръ отступничества и выдѣленія изъ единства народнаго,—отдаются подъ судъ революціоннаго трибунала.

„Арт. 3. Обыватели которые по объявленіи настоящаго постановленія, безъ натиска или даже подъ натискомъ военной силы, внесли бы контрибуцію, будутъ приговорены сокращеннымъ судомъ революціоннаго трибунала и немедленно подвергнуты наказанію.

„Арт. 4. Экземпляръ настоящаго постановленія, снабженный печатью начальника города, будетъ разосланъ къ каждому изъ домовладѣльцевъ."

Варшава, 21-го октября 1863.

(М. П.)

Изъ другихъ интересныхъ документовъ жонда попала въ руки правительства инструкція организаціи почтовыхъ станцій, слѣдующаго содержанія:

„Обязанности каждой почтовой станціи слѣдующія:

„1. Давать знать до слѣдующей станціи: о движеніи московскихъ войскъ, о направленіи, численности, родѣ оружія, времени вступленія или выступленія ихъ; также сообщать слухи о москвѣ. Удостовѣряться въ справедливости слуховъ безъ посредниковъ, передавать ихъ устно людьми вѣрными и не любящими прибавлять отъ себя къ слышанному: если не грозитъ опасность, передавать о слухахъ письменно, но тогда бумага, по прочтеніи ея, подлежитъ уничтоженію.

„Каждая станція имѣетъ нѣсколько трактовъ, слѣдовательно на всѣ сосѣднія станціи одновременно должны быть высылаемы нарочные. Кромѣ того, гражданскій начальникъ воеводства обязанъ давать знать на каждую станцію о близости лагеря войскъ, а самъ экспедиторъ долженъ увѣдомить о томъ начальника партіи. За фальшивую тревогу или недонесеніе виновные будутъ наказаны. Еслибы въ мѣстности между двуми станціями укрывались люди подозрительные, или вообще Русскіе, то объ нихъ должно сообщать.

„2. Пересылка правительственной корреспонденціи.

„Корреспонденція адресовывается нумерами.

„Станція, получивъ пакетъ, немедленно и осторожно посылаетъ на слѣдующую станцію, которой нумеръ написанъ на конвертѣ. На конвертѣ же, или на особой запискѣ, слѣдуетъ написать нумеръ своей станціи, время полученія и отправленія пакета.

„3. Давать лошадей на проѣздъ уполномоченнымъ людямъ не далѣе 10 верстъ. Въ случаѣ экстренной надобности пересылка можетъ быть и дальше. Сюда же относится также отправка курьеровъ для осмотра дорогъ, нѣтъ ли гдѣ опасности. Все это должно быть исполняемо по первому требованію уполномоченнаго. Въ случаѣ роспуска или разбитія отряда, лошади должны быть немедленно даны повстанцамъ. Жалоба одной станціи на оплошность или небрежность къ дѣлу другой должна быть записана въ книгу ближайшимъ чиновникомъ уѣздной администраціи.“

»*Примѣчаніе*. На подлинномъ означены селенія, въ которыхъ учреждены станціи и нумера ихъ.

„Начальникъ Сообщеній P. S.

„Предписываю надежнымъ образомъ спрятать эту инструкцію.“

Въ Люблинской губерніи успѣли открыть расписанія революціонныхъ почтъ, содержатели ихъ отданы подъ судъ, а лошади конфискованы. Такимъ образомъ распутался еще одинъ узелъ, завязанный революціонерами.

Военныя дѣйствія инсургентовъ остаются въ прежнемъ жалкомъ состояніи. Перешедшія изъ Галиціи банды Чаховскаго и Валигурскаго разбиты, и состояніе вооруженной силы народоваго войска подвергается сильному порицанію со стороны жонда. Порицаніе это перешло даже на страницы № 8-го *Niepodległości* отъ 5-го октября. Въ „Извѣстіяхъ съ поля битвы", помѣщенныхъ въ этомъ нумерѣ, содержится слѣдующая характеристика народовыхъ войскъ, которую конечно можно признать весьма оригинальною, и не много отступающею отъ истины:

„Мы не нуждаемся въ утаиваніи пораженій отъ народа, ибо народъ былъ къ нимъ заранѣе приготовленъ; онъ хорошо зналъ, что въ бою съ наѣздомъ на жизнь и на смерть ему не разъ придется сокрушаться, тѣмъ не менѣе онъ выступилъ на борьбу, возложилъ свое упованіе на святость дѣла, выступивъ безоружнымъ противъ обученныхъ полковъ московскихъ, ибо сильны въ немъ были вѣра и самопожертвованіе.

„Безъ сомнѣнія грустно оглашать тотъ фактъ, что солдаты наши въ послѣднее время не всегда отвѣчали своему призванію, но скрывать свои раны отъ родной страны было бы грѣшно. Пусть народъ видитъ, гдѣ находятся заслуги и добродѣтели, которыя онъ долженъ уважать, и гдѣ пренебреженіе своими обязанностями или недостатокъ мужества, которые одинаково вредятъ дѣлу и одинаково должны призвать отвѣтственность на главы виновныхъ; пусть народъ въ открытомъ гнѣвѣ своемъ изречетъ слова презрѣнія тѣмъ которые измѣняютъ богатырскому преданію нашего рыцарства: пусть имъ шлютъ вязки куделей и женскій чепецъ вмѣсто оружія, которое приходится добывать съ такимъ трудомъ и которое они отдаютъ въ руки врага.

„Настоящее положеніе еще таково, что на каждое ружье имѣется три охотника, и потому начальники обязаны наблюдать чтобы не было доступа въ народовое войско трусамъ и нерадивымъ, при первой возможности скитающимся въ отпуску отъ двора къ двору. Народъ охотно несетъ на алтарь отечества все свое имущество, ничего не щадитъ для того чтобы защитникамъ независимости не было ни въ чемъ недостатка, но кормить собраніе трутней, проводящихъ недѣлю въ лагерѣ, а потомъ мѣсяцы опочивающихъ на покойномъ ложѣ,—народъ не хочетъ, не можетъ, не долженъ.

„Жондъ народовый принялъ соотвѣтствующія мѣры, чтобы прекратить такое своеволіе; изъ лагеря можетъ быть только одинъ отпускъ— въ госпиталь, или въ могилу.

„Коль скоро каждый солдатъ будетъ исполнять свою обязанность, то московскія силы не будутъ пугать насъ, мы сами будемъ искать непріятеля, не ожидая пока москва насъ обойдетъ, такъ что приходится принимать неравный бой при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Тотъ кто атакуетъ всегда имѣетъ более шансовъ побѣдить, чѣмъ тотъ котораго гонятъ. Теорія уклоненія отъ битвы дала на практикѣ самые

горькіе плоды, ибо солдатъ еще до сраженія начинаетъ уже деморализоваться, и такъ устаетъ отъ усиленныхъ переходовъ, что когда наконецъ приходится помѣряться съ врагомъ, то онъ не въ состояніи отстоять поле битвы—за недостаткомъ силъ душевныхъ и тѣлесныхъ.

„Партизанская война тогда только наноситъ дѣйствительный вредъ непріятелю, когда возникаетъ во всѣхъ пунктахъ страны. Утекая отъ москалей, не выгонишь ихъ изъ страны.

„Всякое отступленіе трудно для регулярной арміи; что̀ же сказать объ отрядахъ которыхъ солдаты въ нѣсколько дней едва имѣютъ часъ для воинскихъ упражненій?“

Затѣмъ описываются пораженія подъ Файславицами, Виромъ и Крушиномъ, уравновѣшиваемыя многими *побѣдами,* подъ Звѣржинцомъ, Ковалемъ, и дѣломъ при Сенджіовицахъ. Пораженія относятся къ тому, что Крысинскій не помогъ Рудзскому и Вагнеру, Цвѣкъ измѣнилъ Эминовичу и т. д. Затѣмъ статья заканчивается слѣдующимъ жалобнымъ воплемъ:

„Народъ польскій! гдѣ сыны твои предпочитавшіе смерть бѣгству? Кости солдатъ Болеславовъ, Собіесскихъ, и Косцюшекъ должны стонать въ гробахъ отъ такого срама, и изъ глубины могилъ бросать проклятіе на главы трусовъ, недостойныхъ носить польское имя. Боже великій! уже ли недостаточно бѣдствій, павшихъ на бѣдную нашу землю, что ниспосылаешь еще самое ужасное—недостатокъ гражданской доблести въ солдатахъ, которые должны были умереть за свободу и падали какъ безоружныя овцы въ бойнѣ.“

Чтобы выучить своихъ солдатъ побѣждать, жондъ распорядился помѣщеніемъ въ *Неподлеглости* статей военнаго содержанія. Но всѣ попытки его остаются безъ успѣха, и въ № 9 этой же газеты, отъ 21-го октября н. ст., выражается то же неудовольствіе на военныя дѣйствія инсургентовъ, какъ и прежде. Перемѣнить систему повстанцы не могутъ; ихъ единственное спасеніе заключается въ томъ, чтобы быть вездѣ и нигдѣ, собираться когда можно и расходиться когда нужно. Во всякомъ случаѣ новѣйшія извѣстія не сообщаютъ намъ ничего похожаго на перемѣну той системы утеканія, которая порицается такъ сильно жондомъ. Возстаніе умираетъ, и вопросъ только въ томъ не суждено ли ему воскреснуть весной настоящаго года. Конечно, лишь съ этою цѣлію дѣлаются теперь усилія для набора возможно бо̀льшаго числа шаекъ. Съ конца сентября въ этомъ отношеніи замѣчается перемѣна. Вдругъ появляется гораздо больше шаекъ чѣмъ было прежде, и нѣкоторыя шайки опять достигаютъ значительныхъ размѣровъ.

XVII.

Письмо варшавскаго корреспондента въ № 234 „Московскихъ Вѣдомостей“.

24-го октября.

Изданъ слѣдующій указъ:

„Божіею милостію, Мы Александръ II, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій и проч. и проч. и проч.

„Въ заботливости о обезпеченіи судьбы семействъ тѣхъ лицъ, которыя по служенію своему въ Царствѣ Польскомъ могли бы пасть жертвами преданности своей правительству, по представленію исправляющаго должность намѣстника Нашего въ Царствѣ, постановляемъ:

„*Ст. 1.* Вдовамъ и несовершеннолѣтнимъ дѣтямъ, остающимся послѣ лицъ служащихъ въ Царствѣ Польскомъ, которыя бы, за преданность свою правительству, лишились жизни отъ руки убійцъ, назначать эмеритальную пенсію въ такомъ размѣрѣ, въ какомъ бы слѣдовало имъ, по существующимъ въ Царствѣ постановленіямъ, за 40-лѣтнюю службу.

„*Ст. 2.* Означенныя пенсіи, распредѣленіе коихъ между вдовами и сиротами несовершеннолѣтними, а также періоды пользованія оными, подходятъ подъ общій уставъ эмеритальный, назначать: за 20, 25, 30 и 35-лѣтнюю службу изъ суммъ эмеритальныхъ, а за дальнѣйшіе года, изъ суммъ ежегодно ассигнуемыхъ по бюджету Царства на пенсіи назначенныя въ видѣ наградъ.

„Изъ сихъ послѣднихъ суммъ назначать полную пенсію, ежели убитый глава семейства не выслужилъ полныхъ 20 лѣтъ.

„*Ст. 3.* Исполненіе настоящаго Нашего указа, который долженъ быть внесенъ въ Дневникъ Законовъ, возлагаемъ на Нашего намѣстника въ Царствѣ.

„Данъ въ Ливадіи 1 (13) октября 1863 года.

(подписано) „АЛЕКСАНДРЪ“.

„Исправляющій должность министра статсъ-секретаря (подписано) *Платоновъ*.“

— Въ понедѣльникъ, 21-го октября (2-го ноября), снова совершено позорящее польскую народность покушеніе на жизнь; вы уже знаете о немъ по телеграфу. Вотъ подробности. Въ 9 часу утра, когда генералъ Треповъ, подъ руку съ дочерью, вошелъ съ Театральной площади на Сенаторскую улицу, одинъ изъ молодыхъ людей, шедшихъ вслѣдъ за нимъ, нанесъ ему ударъ въ голову обоюдо-острымъ топорикомъ (обыкновенно употребляемымъ для колотія сахару); но топорикъ скользнулъ по галуну фуражки и только слегка оцарапалъ лѣвое ухо. Генералъ быстро бросился на разбойника, и обезоружилъ его, и когда тотъ началъ утекать, то генералъ сильно ударилъ его тѣмъ же топорикомъ въ

спину, отчего разбойникъ упалъ и случайно находившимся вблизи писаремъ задержанъ противъ обгорѣлаго зданія Ратуши. Другой разбойникъ, бросивъ кинжалъ подъ ноги дочери генерала, спасся бѣгствомъ; третій, вбѣжавъ въ кондитерскую Гронерта, пропалъ на заднемъ дворѣ. Замѣчательно, что при совершеніи этого злодѣйскаго покушенія, на улицѣ опять не было ни одного дозорцы. Улица какъ бы опустѣла. Дрожечники тотчасъ же ударили по лошадямъ и пропали, такъ что крики генерала Трепова и писаря: „лови!“ не принесли никакой пользы, Кондитерская запечатана, за то что имѣла открытыя на дворъ двери. Пойманный убійца—Антонъ Аммеръ, 19 лѣтъ, челядникъ кожевенной фабрики. Генералъ Треповъ отправился затѣмъ въ соборъ и по выслушаніи благодарственнаго молебствія и панихиды по покойной женѣ возвратился съ дочерью домой. Аммеръ тяжело раненъ и долго исходилъ кровью, потому что брошенный топорикъ глубоко врѣзался въ спину бездѣльника. Одного изъ своихъ соучастниковъ онъ назвалъ: Іеронима Когутовскаго, а другаго знаетъ только по имени. Когутовскій вчера арестованъ и отправленъ въ слѣдственную тюрьму, гдѣ, вечеромъ, повѣсился на ременномъ поясѣ своемъ, зацѣпивъ его за рѣшетку окна. Возвратить его къ жизни было уже невозможно.

— Генералу Муравьеву подчиненъ и послѣдній, т.-е. пятый уѣздъ Августовской губерніи—Ломженскій. Объ этомъ получено уже официальное увѣдомленіе. Съ принятіемъ первыхъ четырехъ уѣздовъ, М. Н. Муравьевъ приказалъ тамошнему губернатору Корытковскому, въ 24 часа сдать должность и въ 24 же часа выѣхать изъ Сувалокъ. Теперь онъ въ Варшавѣ. Этотъ губернаторъ еще въ сентябрѣ мѣсяцѣ въ официальныхъ депешахъ выражалъ неудовольствіе на то что войска переходятъ иногда изъ Гродненской губерніи въ Ломженскій уѣздъ для поимки повстанцевъ и позволяютъ себѣ арестовать и уводить съ собой разныхъ людей.

Вопреки жонду, контрибуція въ Варшавѣ внесена вся, безъ экзекуціонныхъ мѣръ, за исключеніемъ 60.000; въ первые дни поступало отъ 10 до 15.000 руб. сер. въ день; въ послѣдніе же дни до 120.000 и болѣе, такъ что въ кассахъ не было приступу за огромнымъ числомъ плательщиковъ. Многіе ходили съ деньгами по нѣскольку дней сряду и не могли добиться до кассира. Остальная просроченная сумма 60.000 уплачивается теперь.

Приказаніе графа Берга о снятіи траура выслушано покорно, и трауръ начинаетъ быстро исчезать на улицахъ, хотя до срока еще не дошло. Модные магазины разцвѣли лентами и красуются самыми яркими цвѣтами; въ окнахъ нѣтъ уже траура, и охотницы до пестроты являются въ уморительно-смѣшныхъ костюмахъ, обращающихъ на себѣ общее вниманіе. Я давно писалъ вамъ, что приказаніе снять трауръ будетъ принято всѣми къ исполненію немедленно и не потребуетъ ни-

какихъ репрессивныхъ мѣръ, потому что онъ надоѣлъ Полькамъ. Въ приказѣ оберъ-полицеймейстера, отъ 21-го октября (2-го ноября), разъяснено что́ можно носить и чего нѣтъ. Въ немъ сказано: „Шляпки должны быть цвѣтныя; если-же будутъ черныя, то убранныя цвѣтами или цвѣтными лентами, но отнюдь не бѣлыми; перья черныя и бѣлыя при черныхъ шляпкахъ воспрещаются; капоры могутъ быть черные, но на цвѣтной подкладкѣ и отнюдь не на бѣлой. Запрещается носить черныя вуали, перчатки (это однакоже очень стѣснительно), зонтики (тоже, когда иныхъ цвѣтовъ вовсе нѣтъ въ Варшавѣ), шали, платки, шарфы, шейные платочки, а равно платья совершенно черныя или черныя съ бѣлымъ. Салопы, бурнусы, шубы, пальто и иная верхняя одежда могутъ быть черныя, но безъ бѣлыхъ украшеній." Теперь новое бѣдствіе для Полекъ: въ магазинахъ и лавкахъ нѣтъ цвѣтныхъ матерій, а ежели и есть, то такія которыя прежде покупались для служанокъ и теперь продаются въ тридорога. Во всѣхъ подобныхъ лавкахъ нельзя дотолпиться за огромнымъ числомъ покупщицъ. Я писалъ вамъ также въ послѣднемъ письмѣ, что *жондъ*, зная что его не послушаютъ, если онъ станетъ запрещать снятіе *жалобы*, выкинетъ какое-нибудь глупое колѣнцо. Вотъ онъ и въ самомъ дѣлѣ выкинулъ—дозволилъ снять *жалобу*,—и вызвалъ всеобщій смѣхъ. Вотъ его объявленіе: читайте и судите сами до какой степени *жондъ* сбитъ теперь съ толку.

„Начальникъ города, 26-го октября 1863 года.

„Пользуясь послѣднимъ временемъ пребыванія своего въ захваченныхъ польскихъ провинціяхъ, извѣстный предводитель непріятельской арміи, Бергъ мечется въ грабительской горячкѣ. Послѣ столькихъ выдумокъ, имѣвшихъ цѣлью пріобрѣтеніе гроша, теперь онъ намѣревается эксплуатировать обычаи и привычки обитателей края; съ этою цѣлью онъ распорядился срывать плату за обыкновенно употребляемый черный цвѣтъ платья. Не только женщины въ траурѣ, но и содержатели дрожекъ, омнибусовъ, каретъ и проч. за перевозку ихъ, будутъ подлежать значительной платѣ. Мы знаемъ, что на подобныхъ источникахъ москва основываетъ у насъ свое существованіе.

„Жондъ народовой, какъ добрый хозяинъ (sic) въ собственномъ краѣ, обезпечивая имущество гражданъ (?!), отнимаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ у непріятеля столь необходимо нужныя ему матеріальныя средства, и потому припоминаетъ гражданамъ, что употребленіе темнаго (sic) цвѣта было знакомъ введенія въ жизнь простоты и скромности, необходимой на время приготовленія къ долгой борьбѣ со врагомъ, знакомъ, возложеннымъ на себя всѣми единственно вслѣдствіе общаго чувства, и что закаленный въ девятимѣсячномъ огнѣ, терпѣливый въ страданіяхъ народъ нашъ, великими дѣяніями своими, доказалъ, что воспользовался днями приготовленій, печали и траура. Затѣмъ, объявляется народу, что удерживая и на будущее время серіозность поведенія своего и

избѣгая попрежнему всѣхъ общественныхъ и частныхъ увеселеній и забавъ, а также всякой роскоши въ одеждѣ, намъ должно попрежнему сохранить предъ врагомъ славное, исполненное достоинства (powagi) положеніе наше; при чемъ сохраненіе внѣшняго выраженія этихъ чувствъ въ черномъ цвѣтѣ одежды—ни для кого не обязательно. Москва хочетъ этимъ новымъ способомъ выжимать изъ народа деньги; здравый разсудокъ повелѣваетъ поступить такъ, чтобы москва не достигла своей цѣли."

Жаль, что этого здраваго разсудка давно недостаетъ тѣмъ кто повинуется жонду. Давно надобно было поставить *москву* въ такое положеніе чтобъ она не могла истреблять Поляковъ въ *лясахъ* и ссылать на житье въ безлюдныя мѣста, для заселенія ихъ. Но вотъ іеремiада *Часа* по случаю снятія *народовой жалобы*, въ № 251, отъ 3-го ноября (вчерашняго числа). Подчеркнутыя слова напечатаны курсивомъ и крупно.

„Читателямъ извѣстенъ варварскій указъ, изданный Бергомъ, установившій жестокое преслѣдованіе женщинъ носящихъ платья которыя москалямъ угодно почитать трауромъ (?), указъ, повелѣвающій полиціантамъ и солдатамъ хватать женщинъ въ траурѣ и отводить ихъ въ полицію или въ казармы и держать тамъ до тѣхъ поръ, покуда не сдерутъ съ нихъ денегъ. Такіе циническіе мотивы указа этого покрываютъ новымъ позоромъ и дѣлаютъ посмѣшищемъ всѣхъ предводителей анархіи московской (bezrządu). Мы уже говорили къ какимъ ужаснымъ послѣдствіямъ можетъ повести исполненіе этого указа.

„Жондъ народовый, желая *защитить* (!) Полекъ отъ страшныхъ насилій московскихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ устранить одну изъ возможностей какую московскій безжондъ * хотѣлъ создать для грабительства и разбоевъ, которые составляютъ главнѣйшій источникъ доходовъ этого безжонда, приказалъ начальнику города Варшавы издать распоряженіе, что коль скоро употребленіе темнаго цвѣта въ одеждѣ *было добровольно принято народонаселеніемъ какъ знакъ введенія въ жизни простоты и скромности*, то жондъ, *припоминая необходимость воздержанія* и впредь *отъ всякой роскоши въ одеждѣ, отъ избытковъ въ жизни и шумныхъ увеселеній*, не обязываетъ однако ко внѣшнему выраженію своихъ чувствъ чернымъ цвѣтомъ въ одеждѣ; или припоминая, что обязанность народа сохранить *скромность и простоту въ жизни* и внутренній трауръ не обязываетъ (!) къ проявленію его непремѣнно чернымъ цвѣтомъ, дабы не дать средствъ москалямъ къ преслѣдованіямъ и *грабежу*."

— Носятся слухи, что на Варшаву будетъ наложена новая контрибуція, для возобновленія Ратуши и для удержанія мятежниковъ отъ новыхъ поджоговъ. Это благодѣтельная мѣра, которую хвалятъ даже Поляки.

* *Часъ* давно уже пересталъ московское правительство называть жондомъ, и вездѣ говоритъ: безжондъ, т.-е. неурядица.

14-го (26) и 17 (29) октября, въ мм. Груецъ и Варкѣ, Варшавскаго уѣзда, отъ умышленныхъ поджоговъ, сгорѣло въ первомъ 6 казенныхъ строеній, застрахованныхъ въ 5700 р., а во второмъ казенная конюшня застрахованная въ 1370 р. Зданія загорались одновременно со всѣхъ четырехъ сторонъ и при сильномъ вѣтрѣ. Графъ Бергъ предписалъ наложить на жителей этихъ мѣстечекъ чрезвычайную контрибуцію, для покрытія всѣхъ издержекъ понесенныхъ отъ этихъ зажигательствъ казною и страховымъ обществомъ.

Въ воскресенье, 20 окт. (1-го нояб.), поручикъ Онопріенко открылъ снова революціонную типографію на улицѣ Нецалой, но тамъ она не была въ дѣйствіи, а снесена туда второпяхъ, какъ бы послѣ пожара. Захвачены: станокъ, прессы, до 12 пудовъ буквъ, нѣсколько нумеровъ *Niepodległości*, новая газетка *Да пріидетъ Царствіе Твое*; депеша жонда къ князю Чарторыйскому (извѣстная), которыя очевидно печатались въ этой типографіи, и разные плакаты. Виноватые частію арестованы, частію отыскиваются. За симъ, что-то уже рѣшительно не слышно ни о дѣйствіяхъ жонда (кромѣ убійствъ), ни о плакатахъ его. Насильственный заемъ въ 40 милліоновъ, по милости Онопріенки, упалъ. За открытіе имъ литографіи Струпчевскаго, вотъ какую онъ получилъ изъ Петербурга телеграмму, отъ 17 октября:

„Въ Варшаву. Поручику 3-й гвардейской и гренадерской артиллерійской бригады Онопріенко. Чиновники департамента общихъ дѣлъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ поздравляютъ васъ отъ души съ важнымъ открытіемъ, клонящимся къ умиротворенію края.“

Онъ отвѣчалъ:

„Искренно благодарю, васъ, мм. гг, за ваше вниманіе, которое мнѣ будетъ памятно, какъ Русскому; при этомъ надѣюсь, при помощи Всевышняго, продолжать начатое дѣло, съ тою энергіей, съ какою долженъ исполнять всякій, по долгу совѣсти и присяги. Онопріенко.“

Мятежническая типографія, открытая 16-го (28-го октября), на улицѣ Ясной, помѣщалась въ квартирѣ акушерки Байль, которая и арестована тогда же.

Человѣкъ лишившій себя жизни посредствомъ кровопусканія въ ваннахъ Наимскаго назывался *Пацевичъ*; служилъ частнымъ писцомъ при регентѣ Ясинскомъ. Причина самоубійства неизвѣстна.

Въ Красноставскомъ уѣздѣ, революціонныя власти воспретили помѣщикамъ, подъ смертною казнію, производить винокуреніе: цѣль запрещенія —лишить казну доходовъ.

Забылъ было сказать до какой подлости доходятъ клеветы *Часа* на нашихъ офицеровъ. Вотъ ложь гнустнѣйшая изъ всего гнуснаго.

„Офицеры московскіе нисколько не лучше солдатъ. Разкажу вамъ веселый, но характеристическій случай. Извѣстно, что во время пожара Ратуши никого не пропускали даже на ближайшія улицы, кото-

рыя были заняты солдатами. Въ кондитерской Люрса, въ театральномъ зданіи, было много посѣтителей. Одинъ молодой человѣкъ, имѣя чрезвычайно важное дѣло, просилъ гвардейскаго офицера чтобы тотъ проводилъ его за цѣпь; офицеръ отказался; тогда мододой человѣкъ сунулъ ему въ руку три рубля серебромъ, и офицеръ проводилъ его на Медовую улицу."

Я былъ свидѣтелемъ, какъ одинъ молодой человѣкъ въ кондитерской Люрса метался изъ угла въ уголъ, что ему надобно идти домой и что онъ не знаетъ, пропустятъ ли его по Сенаторской улицѣ. Гвардейскій офицеръ, отличный молодой человѣкъ изъ хорошаго семейства и очень богатый, сжалился надъ нимъ и самъ предложилъ свои услуги. Негодяй чуть не цѣловалъ ему за это руки, и вотъ теперь изъ благодарности позоритъ клеветою того кто сдѣлалъ ему добро.

XVIII.

ПИСЬМО ВАРШАВСКАГО КОРРЕСПОНДЕНТА ВЪ № 236 „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ".

26-го октября (7-го ноября) 1863.

Не много буду сегодня писать къ вамъ. Благодаря Бога, все обстоитъ благополучно, никакихъ происшествій въ Варшавѣ, въ теченіи послѣднихъ трехъ дней, не было. Какъ бы не сглазить!

Прилагаю прокламацію народоваго жонда о *разрѣшеніи* снять трауръ. Прокламація исполнена напыщенныхъ фразъ и приводится къ одному знаменателю: *надобно покориться необходимости.* Я много разъ говорилъ вамъ, что снятіе траура будетъ жестокимъ ударомъ жонду, въ самое сердце—и вотъ жондъ самъ сознается что каждый Полякъ (т.-е. самъ онъ) пораженъ въ самое сердце и сознаетъ свое безсиліе. Хвала графу Бергу! Онъ раздавилъ могучею пятой гидру мятежа, и коноводы его видимо потеряли головы и опустили руки, мечась безуспѣшно изъ угла въ уголъ, въ своей предсмертной агоніи. Подпольный жондъ осрамился окончательно и упалъ безъ возстанія. Непостижимо, гдѣ вышла эта прокламація, дней десять не болѣе, когда уже двѣ типографіи жонда открыты.

Приказъ „начальника города" найденный въ типографіи на Нецалой улицѣ я сообщилъ въ послѣднемъ письмѣ.

— Во *Всеобщемъ Дневникѣ*, отъ 25-го октября (6-го ноября), объявлено:

„Совѣтъ управленія Царства Польскаго, журналомъ 22-го октября (3-го ноября), постановилъ: паспортное отдѣленіе, состоящее при главномъ директорѣ предсѣдающемъ въ правительственной коммиссіи внутреннихъ дѣлъ, отчисливъ отъ завѣдыванія главнаго дирек-

тора, подчинить начальнику III округа корпуса жандармовъ, генералъ-майору Трепову, съ тѣмъ чтобы отношенія по службѣ начальника упомянутаго отдѣленія къ генералу Трепову остались тѣ же самыя какія существуютъ нынѣ къ главному директору."

— Посягнувшій на жизнь генерала Трепова *Аммеръ* еще не конфирмованъ, по болѣзни. Имъ названы соучастники: 1. Юзефъ *Домбровскій*, кузнечный подмастерье, тотъ самый который спасся бѣгствомъ чрезъ кондитерскую Гронерта и бросилъ на дворъ кинжалъ; 2. Іеронимъ *Когутовскій*, подмастерье слесаря, повѣсившійся въ слѣдственной тюрьмѣ, на Павѣй улицѣ, и 3. Юліанъ *Гольцендорфъ*, работникъ кожевенной фабрики. Онъ завербовалъ въ шайку прочихъ троихъ. Къ присягѣ на убійства приводилъ ихъ ксендзъ, котораго имени до сихъ поръ еще не узнали. Кондитерская Гронерта запечатана, за отворенную дверь на дворъ, когда слѣдовало держать ее на ключѣ.

Вамъ извѣстно, что ксендзъ *Павловскій* протестовалъ въ газетахъ противъ профанаціи будто бы нашими солдатами Августіанскаго костела, что за это на другой день жондъ отравилъ какъ его такъ и настоятеля монастыря, и что Павловскаго удалось вылѣчить, а Краевскій умеръ. Теперь *Часъ* цинически доказываетъ что Павловскій не подписывалъ протеста, а подписалъ за него офицеръ, и что ксендзъ Краевскій такъ былъ пораженъ этою дерзостью со стороны офицера, что его убила апоплексія на мѣстѣ!!... Замѣтьте, что отравленіе случилось на другой день послѣ выхода статьи въ газетѣ. Отчего же Краевскій не умеръ *въ моментъ предложенія подписать протестъ*, то-есть за два дня до объявленія его? Это такая же правда, какъ и заявленіе *Часа, въ самый день убійства* во Львовѣ мѣстнаго судьи *Кучинскаго*, что онъ *получилъ* отъ жонда народоваго *въ Варшавѣ* увѣдомленіе, будто жондъ не приказывалъ убить судью.

IX.

НОЯБРЬ.

I.

ПЕРЕДОВАЯ СТАТЬЯ ВЪ № 237 „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ.“

Читатели наши безъ сомнѣнія обратили вниманіе на слухъ, упомянутый нѣсколько дней тому назадъ въ нашей газетѣ, о существующемъ будто бы предположеніи открыть въ Вильнѣ университетъ. Нечего объяснять какую важность можетъ имѣть при настоящихъ обстоятельствахъ университетъ въ одномъ изъ главныхъ центровъ непріязненнаго Россіи движенія. Примемъ же этотъ слухъ какъ онъ есть, поставимъ его предъ собою и обсудимъ его со всѣхъ сторонъ.

Къ мысли объ основаніи университета, даже безъ всякой связи съ обстоятельствами и мѣстностью, нельзя отнестись слегка и необдуманно. Университетъ — это наука, а наука есть тотъ якорь который вѣрнѣе и прочнѣе всего можетъ удержать корабль нашъ среди верховаго волненія и различныхъ подводныхъ теченій. Науки и знанія болѣе всего не достаетъ намъ; будь у насъ серіозная наука и прочное знаніе, литература наша не представляла бы жалкихъ примѣровъ верхоглядства и легкомысленнаго рѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ. Всѣ эти фэнтастическія перестройки общественнаго быта, это увлеченіе звонкими словами, этотъ матеріализмъ и нигилизмъ не могли бы имѣть мѣста между нами, еслибы серіозная наука пріучила нашъ умъ глубже всматриваться въ предметъ, сосредоточивать на немъ мысли и еслибъ арсеналъ фак-

товъ, съ которыми слѣдуетъ справляться, былъ у насъ обширнѣе.

Вотъ наша практическая потребность въ наукѣ и знаніи, а стало-быть и въ университетахъ; не взирая однакожь на то, мы не могли бы видѣть осуществленіе слуха объ университетѣ въ Вильнѣ иначе какъ съ величайшею недовѣрчивостію и опасеніемъ.

Чтò могло руководить составителями этого предположенія, если оно дѣйствительно существуетъ? Желаніе доставить обширному краю средства къ высшему образованію? Желаніе избавить прочіе русскіе университеты отъ польской заразы? Желаніе, наконецъ, поразить эту заразу въ ея корнѣ, побороть ее силою науки, убѣжденія и разума? Превосходныя мысли! Однако посмотримъ, чтò можетъ выйти на дѣлѣ.

Вообразимъ себѣ, что предполагаемый университетъ уже открытъ. Вотъ собралось нѣсколько сотъ молодыхъ людей; аудиторіи полны; Европа рукоплещетъ «либеральнымъ стремленіямъ Русскаго правительства». Кто однакожь эти молодые люди, наполняющіе аудиторіи новаго университета? Поляки, конечно, Поляки которые стеклись изъ Жмуди, Бѣлоруссіи, изъ Украйны, изъ Царства Польскаго. Петербургскій, Московскій Кіевскій университеты очистились отъ польскаго элемента; онъ со всѣхъ сторонъ сдвинулся и скучился въ Вильнѣ—въ Вильнѣ, гдѣ еще живы преданія іезуитской академіи, гдѣ свѣжа память Снядецкихъ и князя Чарторыйскаго. Польская молодежь торжествуетъ; отцы и матери этихъ юношей, ихъ духовники говорятъ: «мы имѣемъ свой университетъ!» Но университетъ этотъ, по газетнымъ извѣстіямъ, долженъ быть *русскимъ* университетомъ. Чтò такое русскій университетъ? Вѣроятно, это значитъ не иное чтò какъ то что всѣ каѳедры будутъ въ немъ заняты чисто-русскими профессорами по плоти и духу. Положимъ что такъ будетъ, — но всегда ли такъ будетъ? За усвоенною въ настоящую минуту политикой не наступитъ ли *политика примиренія*? Это очень позволительно предполагать... Но сдѣлаемъ уступку, и не будемъ забѣгать впередъ. Итакъ, аудиторіи полны; польская молодежь ожидаетъ лекцій, *русскихъ*

лекцій... Съ какимъ чувствомъ она ихъ ожидаетъ, желали бы мы знать. Всѣ эти юноши, конечно, учились чему-нибудь дома или въ гимназіяхъ и дворянскихъ институтахъ,—чему и какъ они учились, мы знаемъ. По предмету русской исторіи, напримѣръ, ихъ понятія крѣпко сложились; они *вѣруютъ* что учебники Устрялова, Соловьева и Иловайскаго не слѣдуетъ читать, потому что въ этихъ книгахъ все ложь, одна ложь начиная съ заглавія: ни исторіи Россіи, ни самой Россіи нѣтъ, а есть Московія, страна обитаемая незаконными выродками Чухонъ и Татаръ: такъ написалъ профессоръ Духинскій, болѣе ученый чѣмъ Лелевель, читавшій лекціи въ Парижѣ, переведенныя на французскій языкъ, и еще недавно совершившій обращеніе какого-то французскаго публициста, который съ серіозностію достойною Мольера, объявилъ въ *Revue des deux mondes*, что сочиненіе Духинскаго удовлетворило и убѣдило его...

Такъ вотъ съ какою аудиторіей придется имѣть дѣло русскому профессору. Онъ станетъ указывать на источники, читать цѣлыя страницы изъ Нестора,—слушатели будутъ затыкать уши; онъ будетъ ссылаться на сходство языка, на единство вѣры между Русью западною и восточною, на взаимное ихъ сочувствіе, доказанное тысячами случаевъ засвидѣтельствованныхъ несомнѣннымъ образомъ,—силѣ ученыхъ аргументовъ они будутъ противопоставлять силу вѣры, а чтобы вѣра отступила предъ наукой, надо чтобъ эта послѣдняя была необыкновенно сильна. Спрашиваемъ, много ли у насъ такихъ неотразимыхъ проповѣдниковъ науки?... Мы указали на каѳедру русской исторіи, а извѣстно ли составителямъ проекта о виленскомъ университетѣ, что ни въ Петербургѣ, ни въ Кіевѣ, ни въ Казани въ настоящее время нѣтъ профессоровъ русской исторіи, что въ послѣднихъ двухъ университетахъ ихъ нѣтъ уже по нѣскольку лѣтъ?

Мы назвали одну только каѳедру, а сколько ихъ нужно хотя бы для двухъ на первое время факультетовъ; гдѣ же взять весь личный потребный для этого составъ? не изъ числа ли тѣхъ господъ которые теперь приготовляются въ профессора?

Но мы ихъ еще не знаемъ и очень опасаемся чтобъ иные изъ нихъ не принесли и въ наши старые университеты верхоглядства вмѣсто науки. Или изъ другихъ нашихъ университетовъ? Но они и безъ того болѣе чѣмъ не богаты профессорами: мы это знаемъ не по слухамъ, а по отчетамъ самихъ университетовъ. Обирать бѣдное существующее (хоть и съ грѣхомъ пополамъ), раскрывать полкрыши у дома, чтобы приготовить ее для другаго проектируемаго, обрѣзывать полы у кафтана чтобы надставить рукава,—это едва ли дѣло благоразумной политики. И, повторяемъ, преподавателями въ университетѣ, предназначаемомъ для обращенія въ нѣкоторомъ смыслѣ цѣлыхъ классовъ, предубѣжденныхъ и непріязненныхъ такому обращенію, должны быть люди не дюжинные. Нужна страшная, не многимъ данная сила чтобы бороться съ предвзятыми понятіями, съ инстинктивнымъ недовѣріемъ, съ врожденною антипатіей. Большая сила нужна даже для того только чтобы самому стоять противъ напора цѣлой массы, противъ льстивыхъ обмановъ, противъ оскорбительныхъ подозрѣній, противъ ядовитыхъ намековъ, противъ дружно напирающей, отлично-организованной лжи, клеветъ, подкоповъ, въ отношеніи которыхъ польская наука и польская жизнь не имѣютъ себѣ равныхъ!

Мы не отрицаемъ безусловно пользы университета въ сѣверо-западномъ краѣ, мы видимъ что Кіевскій университетъ соотвѣтствуетъ той мысли которой онъ обязанъ своимъ основаніемъ; мы полагаемъ что и университетъ въ Вильнѣ, хотя и безъ сосѣдства съ духовною академіей и при обстановкѣ вообще менѣе благопріятной, принесетъ свою важную пользу, но думаемъ, что онъ долженъ явиться какъ послѣдствіе многихъ другихъ предварительныхъ мѣръ и между прочимъ широкой колонизаціи русскаго землевладѣльческаго сословія. Когда эта колонизація совершится, когда мѣстное крестьянское сословіе оправится и станетъ на ноги, когда молодое поколѣніе зажиточнаго крестьянства пошлетъ отъ себя хоть нѣкоторый контингентъ въ среднія учебныя заведенія и когда заведенія эти дадутъ своимъ воспитанникамъ основательное, дѣльное

образованіе, — тогда, и только тогда будетъ время открывать особый университетъ для сѣверо-западнаго края. Теперь должно заботиться о ближайшемъ, о мѣрахъ чисто политическихъ; если же мы хотимъ сдѣлать что-нибудь для русскаго просвѣщенія въ западномъ краѣ, то намъ слѣдуетъ сосредоточить вниманіе на заведеніяхъ уже существующихъ,—свѣтскихъ и духовныхъ, и преимущественно духовныхъ. Взявшись за дѣло съ любовью, вліятельныя лица могли бы принести краю много пользы, еслибы поставили эти заведенія на хорошую ногу. Но для этого нужны не законы и даже не казенныя деньги, а личная ревность.

II.

ПЕРЕДОВАЯ СТАТЬЯ ВЪ № 239 „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ", (2-го ноября).

Подобно гласу трубному, какъ выразилась газета *Daily News*, съ высоты императорскаго престола Франціи раздалось объявленіе, что трактаты 1815 года перестали существовать. Этотъ фактъ уже самъ по себѣ имѣетъ огромную важность, особенно если припомнить, какъ велики были опасенія на этотъ счетъ всей Европы въ 1848 году, когда революція положила конецъ Орлеанской династіи, и какъ даже слабое временное правительство тогдашней французской республики старалось противостать внушеніямъ крайнихъ партій и соблазну популярности, объявивъ твердое рѣшеніе уважать трактаты 1815 года. Съ того времени, правда, произошли важныя перемѣны. Россія и Англія, единодушію и энергіи которыхъ Европа наиболѣе обязана была спасеніемъ отъ Наполеоновскаго военнаго деспотизма и установленіемъ порядка вещей созданнаго трактатами 1815 года, Россія и Англія успѣли перессориться между собою; тройственный союзъ, извѣстный подъ именемъ «священнаго», окончательно распался; въ Италіи возникъ новый порядокъ вещей, въ отмѣну трактатовъ 1815 года; къ Франціи присоединены Ницца и Савоія, и наконецъ, въ довершеніе всего Англія и Австрія, вопреки собственнымъ своимъ интересамъ, опасаясь Россіи и не довѣряя ея намѣ-

реніямъ, вздумали дѣйствовать противъ нея заодно съ Франціей даже въ польскомъ вопросѣ, и изъ устъ британскаго министра вылетѣло неосторожное слово въ пользу отмѣны статей Вѣнскаго трактата о Польшѣ.

Такимъ образомъ то что̀ прежде было бы неслыханною дерзостью и вызовомъ брошеннымъ въ лицо цѣлой Европѣ, теперь становится не болѣе какъ смѣлымъ и кстати сказаннымъ словомъ.

Какъ бы то ни было, однакоже, цѣль политики Наполеона III высказана ясно и рѣшительно во всеуслышаніе Европы. Мы знаемъ теперь отъ него самого, что существующій въ Европѣ порядокъ вещей, главнѣйшимъ образомъ основанный на Вѣнскихъ трактатахъ, подлежитъ, по его мнѣнію, совершенной отмѣнѣ, и что если эта отмѣна не состоится путемъ общеевропейскаго конгресса, то рано или поздно она будетъ достигнута путемъ кровавыхъ войнъ.

Какъ бы ни былъ неудовлетворителенъ порядокъ вещей установленный Вѣнскимъ трактатомъ, сколько бы ни было уже сдѣлано изъятій изъ него, однакоже, какъ оказывается теперь, Европа все еще дорожитъ его сохраненіемъ, и изъ страха неизвѣстности и еще бо̀льшихъ чѣмъ теперь замѣшательствъ не рѣшается ниспровергнуть то что̀ еще уцѣлѣло изъ него, и даже подтвердить своимъ формальнымъ и торжественнымъ согласіемъ то что̀ уже совершилось вопреки ему. Англія не рѣшается одобрить присоединеніе Ниццы и Савоіи къ Франціи; Австрія отнюдь не желаетъ признать законность всѣхъ перемѣнъ происшедшихъ въ Италіи со времени Виллафранкскаго перемирія и Цюрихскаго мира; Германія тяготится своимъ положеніемъ, истекающимъ также изъ Вѣнскихъ трактатовъ, но тѣмъ не менѣе она готова всячески противиться передачѣ своего домашняго дѣла на рѣшеніе конгресса, на которомъ будетъ первенствовать Франція. Для Россіи постановленія Вѣнскаго конгресса относительно Польши, при всей ихъ неопредѣленности, все-таки болѣе или менѣе стѣснительны и тягостны, такъ какъ собственное ея спокойствіе, а равно и благо самой Польши вовсе не допускаютъ существованія

послѣдней на правахъ особаго царства. Тѣмъ не менѣе однакоже, большинство державъ не желаетъ искусственнаго измѣненія существующихъ въ Европѣ отношеній; тѣ перемѣны, которыя могутъ быть для нихъ желательны, онѣ охотно предоставляютъ естественному ходу событій, не стараясь искусственно ускорить время ихъ наступленія. За исключеніемъ Италіи, интересъ которой въ этомъ отношеніи очень понятенъ, Франція только одна стремится къ возможно-скорѣйшему ниспроверженію трактатовъ 1815 года, и такимъ образомъ становится рѣшительно на революціонную почву. Произнося свою знаменитую рѣчь, 5-го ноября, Наполеонъ III, безъ сомнѣнія, твердо былъ увѣренъ, что Европа не намѣрена ни утверждать своимъ согласіемъ нѣкоторыхъ перемѣнъ происшедшихъ вопреки Вѣнскимъ трактатамъ, ни передѣлывать своихъ государственныхъ территорій. Въ этомъ смыслѣ, какъ извѣстно нашимъ читателямъ, высказались всѣ англійскія, австрійскія, прусскія и даже русскія газеты.

Но если объявленная цѣль конгресса сама по себѣ и завѣдомо для самого императора Наполеона III неисполнима, то не могъ ли бы конгрессъ послужить средствомъ для достиженія какихъ-либо постороннихъ цѣлей? Можно быть противъ какой-либо цѣли и не имѣть ничего противъ средства, которое предположено для ея достиженія, но которое, очевидно, не можетъ къ ней привести. Предложеніе конгресса должно, прежде всего, послужить средствомъ къ тому чтобъ изгладить въ самой Франціи дурное впечатлѣніе произведенное пораженіемъ которое потерпѣло правительство Наполеона III въ дипломатическомъ походѣ противъ Россіи и, если возможно, возвысить его въ глазахъ народа. Это предложеніе должно, вовторыхъ, стать средствомъ къ тому чтобы выйти изъ крайне-тягостнаго и стѣснительнаго положенія относительно другихъ державъ, въ которое была поставлена Франція своею неудачей. Франція, вслѣдствіе этой неудачи, очутилась въ изолированномъ положеніи, въ которое ей хотѣлось поставить Россію. Съ Россіей, а также съ Пруссіей, она сама добровольно разорвала свои прежнія хорошія отношенія, а Англія и Австрія,

которыя намѣренно помогли ей втянуться въ польскія дрязги, отвратились отъ нея, какъ только дѣло дошло до необходимости не депеши писать, а дѣйствовать. Поддерживать еще болѣе свое такъ-называемое соглашеніе съ ними значило бы для Франціи осудить себя на безсиліе и бездѣйствіе. Франціи оставалось или рѣшиться одной на войну, въ которой она могла имѣть противъ себя не только Россію, но и обѣихъ недавнихъ союзницъ своихъ; или, чтобы выйти изъ положенія безсилія и бездѣйствія, на которое ее осудила политика Англіи, вновь протянуть руку Россіи. Франція рѣшилась на послѣднее, и какъ это ни странно, таковъ въ сущности смыслъ тронной рѣчи и предложеніе о конгрессѣ; таково было, между прочимъ, и впечатлѣніе произведенное ими во многихъ политическихъ кругахъ главныхъ столицъ Европы: послѣ тронной рѣчи тотчасъ же заговорили всѣ о возможности новаго сближенія Франціи съ Россіей.

Правда, Наполеонъ III дозволилъ себѣ сказать, будто бы Россія попираетъ ногами трактаты 1815 года въ Варшавѣ; но, съ его точки зрѣнія, въ этомъ нѣтъ еще бѣды, и это несправедливое обвиненіе приводитъ онъ только въ подтвержденіе того что̀ онъ желалъ бы доказать и осуществить, а именно, что трактаты 1815 года на дѣлѣ уже не существуютъ. Далѣе, онъ признаетъ за польскими мятежниками какія-то наслѣдственныя права, вписанныя въ исторію и въ трактаты (какіе же это трактаты, если Вѣнскіе утратили всю силу и значеніе?), и такимъ образомъ какъ бы готовится объявить ихъ воюющею стороной. Но съ тѣмъ вмѣстѣ онъ признаетъ союзъ съ Россіей однимъ изъ лучшихъ союзовъ своихъ не континентѣ Европы. Не безъ умысла, съ одной стороны, запугать Англію и Австрію, а съ другой компрометтировать въ ихъ глазахъ Россію и привлечь ее на свою сторону, онъ торжественно объявляетъ, какъ онъ дорожитъ союзомъ съ нею и что онъ нашелъ въ ней искреннюю и дружественную поддержку какъ во время Италіянской кампаніи 1859 года, такъ и въ пору присоединенія Ниццы и Савоіи и, что̀ всего важнѣе, онъ какъ бы въ угоду Россіи предлагаетъ конгрессъ

для рѣшенія всѣхъ европейскихъ вопросовъ, ссылаясь на то, что Россія заявила однажды, и лишь мимоходомъ, что подобный конгрессъ, сравнительно съ конференціями по одному польскому дѣлу, не былъ бы оскорбителенъ для ея достоинства. Предложеніе о конгрессѣ, по мысли Наполеона III, должно стать, такимъ образомъ, первымъ шагомъ къ сближенію съ Россіей.

Очевидно, что отъ рѣшенія Россіи, главнѣйшимъ образомъ, зависитъ какъ участь этого предложенія, такъ и дальнѣйшія комбинаціи въ общей европейской политикѣ. Для Россіи не можетъ быть желательно ни подвергать польскаго вопроса обсужденію на конгрессѣ безъ какихъ-либо особыхъ вполнѣ обезпечивающихъ ее условій, ни сближаться съ Франціей для какихъ бы то ни было переворотовъ и преобразовательныхъ попытокъ къ какой бы ни было части Европы,—если разумѣется Россія не будетъ вынуждена къ тому двусмысленными и непріязненными отношеніями къ ней со стороны консервативныхъ державъ. Если Франція выказала къ намъ наибольшую враждебность по поводу польскаго мятежа, то, вмѣстѣ съ нею, враждебные противъ насъ виды имѣли и другія державы, Австрія и Англія, и никакъ нельзя утверждать чтобъ онѣ окончательно оставили ихъ. Рѣшительный отказъ Россіи на приглашеніе Наполеона III, дѣлая заранѣе конгрессъ невозможнымъ, и успокоивая въ этомъ отношеніи Австрію и Англію, могъ бы побудить ихъ высказаться въ пользу конгресса, и тогда противъ Россіи могла бы составиться болѣе серіозная и болѣе опасная коалиція. Не даромъ же всѣ австрійскія газеты, безъ исключенія, хотя и съ видимымъ неудовольствіемъ и тревогою, склоняются въ пользу участія Австріи на конгрессѣ, при чемъ полуофиціальныя газеты, *Wiener Abendpost* и *Всеобщая Корреспонденція*, стараются только о томъ, чтобы выгородить то что̀ еще уцѣлѣло отъ Вѣнскихъ трактатовъ. *Morning Post* точно также допускаетъ мысль о конгрессѣ, хотя и считаетъ ее утопическою. *Times* въ свою очередь колеблется, и тѣмъ обличаетъ колебанія въ самой англійской публикѣ. *Saturday Review* указываетъ, правда, на

то, что конгрессъ былъ бы особенно выгоденъ для Франціи и что она, благодаря ему, можетъ достигнуть такого положенія какого не могли бы ей доставить и нѣсколько счастливыхъ войнъ,—тѣмъ не менѣе клонитъ рѣчь свою къ тому, что Англія не должна препятствовать осуществленію мысли о конгрессѣ.

Если такъ, то скажемъ и мы съ своей стороны: пусть же общеевропейскія конференціи (хотя и конгрессъ государей), предложенныя Наполеономъ III, состоятся....

Отъ насъ еще такъ недавно требовали согласія на конференціи по польскому дѣлу. Къ намъ снова обращаются теперь съ вопросомъ хотимъ ли мы принять участіе въ конференціяхъ долженствующихъ имѣть не какой-либо частный, а общеевропейскій характеръ. Намъ нѣтъ надобности отвергать, въ принципѣ, предлагаемыя конференціи. Къ намъ обращаются съ вопросомъ: не боимся ли мы принять участіе въ конгрессѣ который долженъ измѣнить положеніе Европы и рѣшить всѣ носящіеся надъ нею вопросы? Мы отнюдь не хотимъ передѣлывать Европу, мы не имѣемъ надобности поднимать вопросы; но мы не имѣемъ также ни малѣйшей причины препятствовать Европѣ принять иной видъ, буде она сама того хочетъ. Россія всегда была за *statu quo* Европы; она и теперь готова охранять и поддерживать *statu quo*; но еслибы Европа убѣдилась въ необходимости существенныхъ перемѣнъ въ своей системѣ, то Россіи чуждо всякое намѣреніе препятствовать дѣлу европейскаго прогресса. Ей остается только показать въ чемъ съ ея точки зрѣнія долженъ состоять этотъ прогрессъ и на какія перемѣны, при какихъ условіяхъ, можетъ она изъявить свое согласіе...

III.

ПЕРЕДОВАЯ СТАТЬЯ ВЪ № 242 „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“ (6 НОЯБРЯ).

Обращаемъ вниманіе нашихъ читателей на помѣщенную ниже статью изъ *Times* *) по поводу послѣдней депеши графа

*) Въ томъ же нумерѣ *Моск. Вѣд.*

Росселя къ британскому послу при С.-Петербургскомъ дворѣ. Англійскій журналъ откровенно сознается, что всѣ усилія трехъ державъ съ самаго начала разчитаны были только на то, чтобы запугать Россію, что цѣль эта казалась удободостижимою, что три державы только прикидывались, будто бы между ними состоялось соглашеніе въ видахъ принужденія Россіи даже вооруженною силой, и что не только Англія и Австрія никогда не думали начинать войну за Польшу, но что и Франція не имѣла въ виду воевать за нее одна, и ошибалась въ разчетѣ, полагая что она въ состояніи будетъ увлечь за собою Австрію и Англію (полно, полагала ли она это?), и что русскому медвѣдю стоило только показать свои зубы, для того чтобы посторонніе зрители, желавшіе пристыдить его и угрожавшіе ему кольями, поспѣшили убраться поскорѣе восвояси. Итакъ, всѣ эти грозныя демонстраціи противъ Россіи, въ парламентахъ и на митингахъ, эти настоятельныя и повелительныя требованія трехъ державъ, поддержанныя цѣлымъ хоромъ голосовъ второстепенныхъ государствъ, были не что̀ иное какъ грандіозная мистификація, какъ безпримѣрный, въ такомъ объемѣ, обманъ, разчитанный на нашу трусость и разладъ, на недостатокъ единенія между нашимъ правительствомъ и народомъ, на слабость нашего общественнаго мнѣнія и равнодушіе его къ государственнымъ интересамъ. Не говорили ли мы того же самаго съ начала такъ-называемаго польскаго вопроса? Не утверждали ли мы съ настойчивостью и на всѣ возможные лады, что весь этотъ призракъ европейской войны за Польшу разомъ исчезнетъ, какъ только Россія покажетъ твердую рѣшимость не преклоняться предъ чужою волей и подавить крамолу въ Царствѣ Польскомъ?

Сознаваясь, что было не совсѣмъ благоразумно и не совсѣмъ честно разчитывать на трусость противника, газета *Times* извлекаетъ изъ этого урока наставленіе для Англіи, что впредь въ видахъ человѣколюбія она можетъ давать дружественные совѣты другимъ державамъ, но отнюдь не должна принимать въ отношеніи къ нимъ повелительный и угрожаю-

щій тонъ, буде не имѣетъ намѣренія привести своихъ угрозъ въ исполненіе. Въ виду новыхъ сѣтей которыя повидимому разставляются намъ подъ прикрытіемъ конференцій по всѣмъ европейскимъ дѣламъ, и мы въ правѣ извлечь для себя изъ недавнихъ событій тотъ урокъ, что наша нерѣшительность и наши колебанія могутъ только ободрять нашихъ недруговъ и дѣлать ихъ дерзкими, а твердая рѣшимость сообразоваться въ устройствѣ нашихъ собственныхъ дѣлъ только съ интересами нашего народа, напротивъ, обезоруживаетъ нашихъ враговъ и полагаетъ конецъ ихъ match козням.

Насъ приглашаетъ императоръ Наполеонъ III, но въ то же самое время вотъ что̀ объявляетъ его правительство законодательнымъ собраніямъ въ *Изложеніи состоянія Французской имперіи*: «Неизмѣнно внимательное къ прискорбному зрѣлищу «борьбы продолжающейся въ Польшѣ, правительство императора не теряетъ изъ виду ни одного изъ тѣхъ великихъ «интересовъ которые связаны съ этимъ дѣломъ. Оно будетъ «поддерживать свое согласіе съ Англіей и Австріей, и не хо«четъ вѣрить чтобы соединеніе кабинетовъ въ дѣлѣ столь до«стойномъ ихъ заботливости осталось безплоднымъ».

Если правительство императора Французовъ не хочетъ этому вѣрить,—какъ же повѣримъ мы? Коалиція рушилась: императоръ Французовъ приглашаетъ насъ не на судъ, а на конгрессъ по общеевропейскимъ дѣламъ; мы были бы рады этому вѣрить, но Французское правительство объявляетъ само что коалиція не рушилась, и что оно *будетъ поддерживать свое соглашеніе съ Англіей и Австріей* по польскому дѣлу.

Мы вполнѣ вѣримъ искренности замѣчанія, проскользнувшаго въ газетѣ *Times*, что согласно съ ожиданіями Англіи, конгрессъ этотъ долженъ быть лишь «послѣднею сценой не удавшихся переговоровъ».

Въ какомъ духѣ и смыслѣ приглашаютъ насъ на конгрессъ, это можно достаточно видѣть изъ того же документа о которомъ мы сейчасъ упоминали. Разказывая, въ *Exposé de la situation de l'empire*, ходъ переговоровъ по польскому дѣлу, правительство императора Французовъ между прочимъ утверж-

даетъ слѣдующее: «Безспорно, что актами 1815 года, Поля-«камъ предоставлены драгоцѣнныя выгоды: ими возстановлено «имя Польши, выговорены для нея національныя учрежденія, «*установлены нѣкоторыя связи между всѣми частями со-«ставлявшими Польское королевство до перваго его раздѣла*». Французское правительство не только не забываетъ польскаго дѣла, но оно помнитъ, какъ мы видимъ, и старую Польшу; отвергая Вѣнскіе трактаты, оно въ то же время приписываетъ имъ силу простирающуюся на русскія области нѣкогда входившія въ составъ Польскаго королевства. Что̀ можетъ быть шире такого взгляда? Что̀ можетъ быть соотвѣтственнѣе и исторической правдѣ и настоящему положенію вещей? Что̀ можетъ быть дружелюбнѣе относительно Россіи, что̀ можетъ быть согласнѣе съ чувствомъ уваженія къ ея достоинству и силѣ? И для Россіи—что̀ можетъ быть пріятнѣе перспективы европейскихъ совѣщаній въ Парижѣ, гдѣ съ такимъ уваженіемъ смотрятъ на нее, гдѣ въ такомъ духѣ понимаютъ самое жизненное дѣло ея исторіи, ея народности, ея нынѣшняго государственнаго положенія? Если императоръ съ такими мыслями задумалъ свой конгрессъ, то очень естественно, что между слушателями, предъ которыми онъ прочелъ свою тронную рѣчь, особенно пріятное впечатлѣніе, какъ разказываютъ, произвела она на принца Наполеона...

Конгрессъ въ идеѣ, повторимъ, есть вещь очень возможная, легко допустимая; это все равно что ничто. Но на дѣлѣ конгрессъ въ настоящее время не можетъ быть ничѣмъ инымъ какъ лишь судомъ надъ Россіей, изъ котораго пришлось бы ей выйти съ обнаженнымъ мечомъ. Наше правительство руководилось въ своихъ послѣднихъ переговорахъ тою вѣрною мыслію, что оно можетъ всего лучше предотвратить войну и обезпечить европейскій миръ, дѣйствуя безъ всякихъ опасеній единственно въ интересахъ своей страны и не обращая никакого вниманія на требованія и настоянія сговорившихся противъ нея державъ. Тотъ же духъ мудрости будетъ, безъ сомнѣнія, руководствовать имъ и въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ.

Мысль о конгрессѣ употреблена императоромъ Французовъ какъ пригодное для его цѣлей средство. Не можетъ ли эта мысль, пущенная такимъ образомъ въ оборотъ, послужить и для насъ къ чему-нибудь пригоднымъ средствомъ? Не можемъ ли мы, пользуясь этою мыслію, поднять нѣкоторые изъ самыхъ горячихъ европейскихъ вопросовъ, и вызвать чрезъ это какую-либо новую, неожиданную комбинацію въ Европѣ? Если игру ведутъ другіе,—не поиграть ли и намъ? Почему бы и не такъ? Но соображая обстоятельства, мы все болѣе и болѣе убѣждаемся, что самый лучшій для насъ путь есть тотъ на который вступило наше правительство въ послѣднихъ депешахъ князя Горчакова. Великая держава, государство состоящее изъ 60-ти слишкомъ милліоновъ цѣльнаго, единодушнаго и могущественнаго народа, не можетъ находиться ни подъ какимъ иноземнымъ контролемъ, и его права не могутъ быть повѣряемы ни на какомъ амфиктіоновскомъ судилищѣ. Намъ лишь остается крѣпко хранить увѣренность, что никакая коалиція по польскому дѣлу не можетъ быть намъ опасна, никакой войны изъ-за Польши быть не можетъ, если только мы, не развлекаясь ничѣмъ и ни на что̀ не обращая вниманія, будемъ дѣйствовать открыто, рѣшительно и смѣло въ интересахъ Россіи, въ чувствѣ нашихъ истинныхъ силъ и нашего національнаго достоинства.

IV.

Передовая статья въ № 243 „Московскихъ Вѣдомостей“ (7 ноября).

Допускать что-либо въ идеѣ и допускать что-либо на практикѣ—огромная разница. Между областію фантазіи и дѣйствительностію—цѣлая бездна. Конгрессъ-идея, конгрессъ-фантазія, конгрессъ-мечта, вещь возможная всегда и при всякихъ обстоятельствахъ, какъ возможны милліоны разныхъ другихъ фантазій и мечтаній. Но едва ли можно думать чтобы конецъ нынѣшняго года особенно располагалъ умы къ невиннымъ занятіямъ въ области отвлеченныхъ умозрѣній или фантазій.

Никакъ нельзя сказать, чтобъ именно теперь людямъ было много досуга для этого, особенно людямъ политическимъ, особенно императору Французовъ. Если этотъ искусный политикъ, обремененный столь многими заботами, предается самой несбыточной мысли, какая только можетъ представиться свободной фантазіи, то по всему вѣроятію онъ дѣлаетъ это не отъ нечего дѣлать, а также не потому чтобъ онъ могъ быть убѣжденъ въ возможности невозможнаго,—въ возможности путемъ мирныхъ совѣщаній перестроить всю Европу и создать новое международное устройство на началахъ той прекрасной гармоніи, мысль о которой услаждала досугъ творца *Наполеоновскихъ идей* въ Гамской крѣпости. Фантазировать еще не значитъ быть фантазеромъ; владѣть арсеналомъ утопій еще не значитъ быть утопистомъ. Утопіи и мечты могутъ служить самыми практическими средствамя для самыхъ практическихъ цѣлей.

Для какихъ же практическихъ цѣлей извлечена изъ арсенала утопій эта мысль пересоздать задешево Европу и ни за что̀ ни про что̀ подарить удивленному міру новое международное право?

Прежде всего представляется такое объясненіе: Франція очутилась въ нестерпимомъ положеніи одиночества и отчужденія; ей, во что̀ бы то ни стало, требуется выйти изъ него, и вотъ императоръ Французовъ неожиданно для всѣхъ, неожиданно для своихъ недавнихъ союзниковъ, которые завлекли его въ стачку съ собою и такъ коварно измѣнили ему, когда нужно было энергически дѣйствовать, предложилъ европейскій конгрессъ, который долженъ привести все въ движеніе и все подвергнуть вопросу. Англія и Австрія не могутъ желать европейской войны ни изъ-за Польши, ни изъ-за чего бы то ни было; но Франція, какъ всѣмъ извѣстно, была бы не прочь возжечь всякую войну, особенно такую которая въ своей перспективѣ могла бы обѣщать ей и лѣвый берегъ Рейна, и Бельгію, и гегемонію между европейскими державами. Конгрессомъ, стало-быть, Франція мститъ и Англіи, и Австріи и чрезъ него какъ бы подаетъ руку Россіи на опасный для спо-

койствія Европы союзъ. Политическое созвѣздіе въ Европѣ такимъ образомъ совершенно измѣняется, и Наполеоновская Франція высвобождается изъ докучной тѣсноты своего союза съ Англіей и становится несравненно свободнѣе въ своей политикѣ.

Вотъ что̀ прежде всего представляется при мысли о конгрессѣ, который объявленъ Европѣ въ тронной рѣчи императора Французовъ. Вотъ цѣль, для которой повидимому должна послужить весьма практическимъ средствомъ фантастическая мысль о всеобщемъ полюбовномъ размежеваніи европейскихъ государствъ и о братскомъ единеніи, въ которомъ, вслѣдствіе того, будутъ жить укомплектованныя европейскія національности: Наполеону III нужно выйти изъ своего изолированнаго положенія и поправить свои отношенія къ Россіи.

Таково первое представляющееся объясненіе. Но вполнѣ ли оно удовлетворительно? Захватываетъ ли оно всѣ элементы дѣла? Обнимаетъ ли оно всѣ его стороны? Напротивъ, не одной ли только сторонѣ дѣла соотвѣтствуетъ оно,—той сторонѣ, которая прежде всего бросается въ глаза? Всякое дѣло представляетъ много сторонъ, во всякомъ дѣлѣ есть много разнородныхъ элементовъ; при началѣ и развитіи всякаго дѣла присутствуетъ множество разнообразныхъ побужденій, мыслей и желаній. Но сила заключается въ существенныхъ элементахъ дѣла, въ ближайшихъ побужденіяхъ къ нему, а не въ тѣхъ мысляхъ и чувствованіяхъ которыя могутъ таиться въ безчисленныхъ изгибахъ ума и сердца человѣческаго и болѣе или менѣе примѣшиваться ко всякому дѣлу.

Безъ нѣкотораго неопредѣленнаго, неизвѣстнаго и таинственнаго элемента, предложеніе конгресса не могло бы разчитывать на успѣхъ и не годилось бы служить средствомъ для практической цѣли. Этотъ таинственный элементъ—виды и намѣренія Наполеоновской Франціи, оставшейся въ одиночествѣ по распаденіи коалиціи, которой она была самымъ дѣятельнымъ членомъ. Объяви императоръ Французовъ, что вслѣдствіе не приведшихъ ни къ какимъ результатамъ объясненій съ Россіей по польскому дѣлу, онъ приглашаетъ Европу въ

Парижъ для того чтобы возобновить съ большею торжественностію и силою не состоявшееся дипломатическое дѣйствіе, это было бы слишкомъ ясно и слишкомъ просто, и такое странное предложеніе конечно не могло бы повести ни къ какому результату. Такого страннаго предложенія невозможно было бы сдѣлать. Чтобы дать этому предложенію практическій характеръ, необходимо ввести въ него элементъ неизвѣстный и таинственный. Этотъ таинственный элементъ, какъ замѣчено выше, есть затруднительныя обстоятельства императора Французовъ, во главѣ тщеславной, славолюбивой, воинственной націи, очутившейся въ нестерпимомъ изолированномъ положеніи.

Коалиція рушилась? Франція находится въ изолированномъ положеніи! Полно такъ ли все это? Что коалиція трехъ державъ по польскому вопросу есть дѣло фальшивое, что она не можетъ выдержать серіозной пробы, что при энергіи и самоувѣренности Россіи, коалиція эта не имѣетъ никакой силы, что исполненные достоинства отвѣты нашего правительства и послѣдовавшій за ними энергическій образъ дѣйствій его разоблачилъ ея безсиліе и ложь, что неуклонная послѣдовательность въ этой политикѣ рѣшимости и твердости со стороны Русскаго правительства, опирающагося на всѣ силы своего народа, можетъ со славою вывести насъ изъ всѣхъ затрудненій,—въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Не можетъ быть также сомнѣнія и въ томъ, что если Франція непремѣнно хочетъ возжечь европейскую войну и произвести въ Европѣ радикальные перевороты, то она всегда будетъ въ изолированномъ положеніи. Но едва ли можно утверждать съ полною увѣренностію, что именно теперь Франція находится въ такомъ положеніи, и что ея соглашеніе съ Англіей и Австріей перестало дѣйствовать и рушилось.

Кто повѣритъ, что императоръ Наполеонъ III, вступая въ коалицію съ правительствами Англіи и Австріи, могъ серіозно разчитывать на возможность увлечь эти державы въ европейскую войну изъ-за Польши? Съ другой стороны, какъ допустить, чтобы многохитрый и многоопытный государственный мужъ, стоящій теперь во главѣ правительства ея бри-

танскаго величества, знающій до тонкости всѣ ходы Наполеоновской политики, чтобы лордъ Пальмерстонъ не предусматривалъ всѣхъ случайностей коалиціи, болѣе походящей по своему характеру и образу своихъ дѣйствій на стачку заговорщиковъ нежели на соглашеніе державъ?

Послѣднія отвѣтныя депеши нашего правительства положили конецъ всякой возможности продолжать переговоры по польскому дѣлу. Вслѣдъ за ними наступилъ краткій промежутокъ затишья въ правительственныхъ сферахъ, колебаній и недоумѣній въ европейской публикѣ. Что̀ начнутъ союзники? что̀ будетъ дѣлать коалиція? Всѣмъ казалось, что дѣлать ей ничего болѣе не оставалось, и что стало-быть она рушилась. Между тѣмъ, въ шотландскомъ городкѣ Блергори, лордъ Россель выразился на митингѣ, что дѣйствія Россіи по польскому дѣлу упраздняютъ Вѣнскій трактатъ въ этомъ пунктѣ, и что вслѣдствіе этого Россія теряетъ свои права на Царство Польское. Мысль объ упраздненіи статей Вѣнскаго трактата, опредѣляющихъ эти права, была уже разъ высказана въ англійскомъ парламентѣ, въ самый разгаръ дипломатическаго движенія противъ Россіи. Мысль эта однако не устрашила Россію, права которой на Польшу имѣютъ основанія болѣе существенныя чѣмъ буква Вѣнскаго трактата, болѣе ослабляющая нежели укрѣпляющая эти права. И вотъ въ то самое время когда лордъ Россель послалъ свою заключительную депешу которая подверглась какому-то таинственному измѣненію на пути къ своему назначенію,—въ то самое время, когда замиралъ этотъ послѣдній звукъ шумнаго дипломатическаго вмѣшательства въ наши дѣла, вдругъ раздался въ Парижѣ «трубный гласъ», сзывающій туда всѣхъ коронованныхъ особъ Европы на неслыханное по своему величію дѣло. Старое кончилось, началось новое. Но новое удивительно сходствуетъ со старымъ,—и очень вѣроятно, что новое есть только метаморфоза стараго,—что новаго только декорація, между тѣмъ какъ смыслъ дѣйствія остается тотъ же. Смыслъ дѣйствія тотъ же, но къ нему прибавлена та неизвѣстная величина, тотъ таинственный x, который является въ лицѣ императора Францу-

зовъ, недовольнаго своими союзниками, разстроеннаго въ своихъ планахъ, отталкивающаго отъ себя польское дѣло (сосредоточенное, какъ извѣстно, въ Пале-Роялѣ), готоваго воспламенить всю Европу изъ конца въ конецъ и протягивающаго руку Россіи посреди торжественнаго шума произведеннаго предложеніемъ конгресса, посреди всевозможныхъ смутныхъ предположеній, невольно возбужденныхъ этимъ удивительнымъ событіемъ.

Насъ призываютъ на какое-то великое дѣло, которое должно начать новую эру для Европы и въ которомъ должна исчезнуть жалкая интрига, возбужденная противъ насъ подъ именемъ польскаго вопроса; насъ призываютъ для международнаго акта, долженствующаго измѣнить видъ цѣлаго міра. Не далѣе какъ вчера, повидимому, вся Европа была противъ насъ, не далѣе какъ вчера три великія державы составляли противъ насъ коалицію,—и вотъ теперь мы должны увѣриться, что тамъ, куда насъ приглашаютъ, мы не очутимся предъ лицомъ той же коалиціи и въ самомъ изолированномъ изъ всѣхъ возможныхъ положеній,—въ положеніи человѣка на скамьѣ подсудимыхъ.

V.

Передовая статья въ № 245 „Московскихъ Вѣдомостей“ (9 ноября).

Попробуемъ подвести общій итогъ разнообразнымъ и частію противорѣчивымъ извѣстіямъ, о положеніи вопроса о пресловутомъ европейскомъ конгрессѣ. Повидимому, нѣтъ сомнѣнія, что ни одна изъ европейскихъ державъ не имѣетъ въ виду отказаться наотрѣзъ отъ участія въ конгрессѣ, на который такъ скромно приглашаетъ европейскихъ государей императоръ Наполеонъ III, предлагая имъ радушное гостепріимство въ Парижѣ; ни одна не имѣетъ въ виду рѣшительно отвѣргнуть идею о конгрессѣ. Да и зачѣмъ было бы отвергать такую прекрасную мысль? Въ самомъ дѣлѣ, что̀ можетъ быть прекраснѣе этой мысли о разрѣшеніи путемъ мирнаго и полюбовнаго

соглашенія всевозможныхъ вопросовъ накопившихся въ Европѣ за послѣднее пятидесятилѣтіе? Тѣмъ не менѣе, охотно допуская идею о конгрессѣ, европейскія державы имѣютъ въ виду обратиться къ императору Наполеону за разъясненіемъ нѣкоторыхъ пунктовъ касающихся ея осуществленія, какъ-то: какіе именно изъ вопросовъ волнующихъ современную Европу будутъ подлежать разсмотрѣнію конгресса, и какія по его мнѣнію мѣры должны быть принимаемы противъ тѣхъ державъ которыя не пожелали бы подчиниться рѣшенію конгресса. Какъ утверждаетъ берлинская *Шпенерова Газета*, король Пруссіи при самомъ предъявленіи ему пригласительнаго письма барономъ Талейраномъ, не входя ни въ какія сношенія съ Австріей или Англіей, уже высказался точь-въ-точь такъ же какъ по поводу приглашенія Австріи на Франкфуртскій съѣздъ, то-есть, что напередъ европейскіе кабинеты должны предварительно выработать подробную программу для занятій конгресса. Лондонскій *Экономистъ* положительно утверждаетъ, что Англійское правительство, съ своей стороны, уже препроводило въ Парижъ запросъ о программѣ конгресса, на чтò тамъ, по всей вѣроятности, не дадутъ положительнаго и удовлетворительнаго отвѣта. И въ самомъ дѣлѣ, газета *La France*, уже нѣсколько дней тому назадъ, высказалась противъ подобныхъ запросовъ, а *Pays*, газета еще болѣе *офиціозная* чѣмъ *La France*, объявляетъ теперь и причины, почему Франція не считаетъ себя даже въ правѣ опредѣлять въ точности программу для предполагаемаго конгресса. Облекаясь за послѣднее время все въ бóльшую и бóльшую скромность, правительство императора Наполеона полагаетъ, что взявъ на себя составленіе программы для конгресса, оно тѣмъ самымъ нарушило бы права другихъ державъ, а потому оно приглашаетъ ихъ явиться на конгрессъ съ завязанными глазами, и не смущаясь заранѣе ожиданіемъ императорскихъ сюрпризовъ, уже тамъ, на конгрессѣ, среди парижской атмосферы, заняться опредѣленіемъ вопросовъ подлежащихъ общему обсужденію. Таковъ, какъ слышно, отвѣтъ данный кабинетамъ которые полюбопытствовали узнать

напередъ о чемъ будетъ идти рѣчь на таинственномъ Парижскомъ конгрессѣ.

Что же касается до обязательности рѣшеній конгресса и до принудительныхъ мѣръ которыми они приводились бы въ исполненіе, то по увѣренію дипломатическихъ агентовъ Франціи за границей, ни о чемъ подобномъ и не думаетъ правительство императора Наполеона. Въ настоящее время оно такъ идиллически настроено, что мечтаетъ водворить всеобщій миръ и благополучіе на землѣ лишь путемъ разумныхъ убѣжденій: конгрессъ, по его идеѣ, долженъ быть только попыткой, не согласятся ли между собою всѣ державы въ такомъ разрѣшеніи вопросовъ которое удовлетворило бы всѣхъ равно. Посмотримъ же, въ какой мѣрѣ можно согласить ихъ между собою, хотя бы относительно только программы для предполагаемаго конгресса. Начнемъ съ самаго невиднаго изъ всѣхъ вопросовъ: съ вопроса шлезвигъ-гольштейнскаго.

По мнѣнію германскаго сейма, уже не разъ имъ высказанному, этотъ вопросъ, въ томъ видѣ по крайней мѣрѣ въ какомъ онъ былъ до смерти датскаго короля Фридриха VII, принадлежитъ къ числу внутреннихъ, какъ бы домашнихъ вопросовъ Германіи, а внутренніе вопросы Германіи (въ томъ числѣ и вопросъ о политическомъ объединеніи этой страны) сеймъ во всякомъ случаѣ, какъ видно изъ новѣйшихъ извѣстій, намѣренъ изъять изъ вѣдѣнія предполагаемаго конгресса, и ко вмѣшательству въ свой завѣтный шлезвигъ-гольштейнскій вопросъ еще и прежде не соглашался допустить даже доброжелательнаго графа Росселя. Итакъ, мы будемъ лишены удовольствія слѣдить за разъясненіемъ этого запутаннаго вопроса на европейскомъ конгрессѣ. Вопросъ этотъ сдѣлалъ, впрочемъ, шагъ впередъ со смертію послѣдняго потомка мужескаго колѣна Ольденбургской династіи: Нѣмцы, какъ читатели увидятъ изъ помѣщенной ниже статьи берлинской *Національной Газеты* *), спѣшатъ воспользоваться этимъ случаемъ для отдѣленія отъ Даніи не только Гольштейна и Лау-

* Въ томъ же нумерѣ *Моск. Вѣд.*

энбурга, но и Шлезвига, и желаютъ посадить принца Фридриха Аугустенбургскаго на престолъ этихъ вновь соединяемыхъ герцогствъ. Берлинская полуофиціальная газета: *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, сходясь въ этомъ желаніи съ органомъ партіи прогрессистовъ, *Національною Газетой*, впрочемъ готова признать за этою частью шлезвигъ-гольштейнскаго вопроса общеевропейскій характеръ; но и она едва ли согласится передать его на рѣшеніе конгресса, такъ какъ рѣшеніе это, почти несомнѣнно, состоялось бы противъ желаній германскихъ патріотовъ.

О папѣ и говорить нечего: онъ и слышать не хочетъ даже о такомъ конгрессѣ который только подтвердилъ бы совершившіеся факты, а еще менѣе о такомъ который занялся бы рѣшеніемъ римскаго вопроса, то-есть, вопроса о томъ нельзя ли Римъ, естественное средоточіе Италіи, сдѣлать дѣйствительною столицей Италіянскаго королевства. Да и самъ императоръ Наполеонъ, при всемъ своемъ великодушіи и миролюбіи, едва ли согласится чтобы конгрессъ занялся вопросомъ о томъ, какъ полезно было бы, въ видахъ умиротворенія южной Италіи, еслибъ онъ вывелъ свои войска изъ Рима.

Но ключъ къ разрѣшенію всей нынѣшней европейской путаницы *Saturday Review* (см. наши *Воскресныя Прибавленія*) не совсѣмъ несправедливо видитъ въ способѣ съ помощью котораго можно было бы присоединить Венеціанскую область къ Италіи. Просто отнять эту область у Австріи—нельзя: это значило бы нарушить предоставленныя ей трактатами права. Вознаградить ее?—Но чѣмъ?—Польшею?—Но ее пришлось бы напередъ силою отнять у Россіи. На счетъ Турціи? Но Англія не допуститъ чтобы такимъ образомъ начали нескончаемый раздѣлъ имущества хотя *больнаго*, однако еще не совсѣмъ умершаго человѣка. На счетъ Германіи?—А что̀ скажетъ на это Пруссія и другія германскія и не германскія государства? Впрочемъ, нечего и ломать себѣ голову надъ миролюбивымъ разрѣшеніемъ этого вопроса: и о немъ ничего не услышали бы мы на предполагаемомъ конгрессѣ, еслибъ онъ состоялся; вѣнская газета *Presse* положительно увѣряетъ, что усло-

віями на которыхъ будто бы соглашаются участвовать на конгрессѣ Англія, Австрія и Пруссія, заранѣе устраняется италіянскій вопросъ во всемъ его объемѣ, потому что о немъ въ настоящее время не ведутся дипломатическіе переговоры (и дѣйствительно, въ *Желтой Книгѣ*, только - что представленной законодательнымъ палатамъ Франціи, нѣтъ ни одного дипломатическаго документа по италіянскимъ дѣламъ); къ тому же онъ не возбуждаетъ неразрѣшимыхъ разногласій между державами.

Есть еще одинъ вопросъ, близко касающійся нашихъ интересовъ, вопросъ о пересмотрѣ Парижскаго трактата 1856 который, между прочимъ, совершенно обезоружилъ Россію на Черномъ Морѣ. Россія, можетъ-быть, была бы не прочь подвергнуть этотъ трактатъ пересмотру на европейскомъ конгрессѣ; но кромѣ того что о немъ въ послѣднее время не велось дипломатическихъ переговоровъ, Англія, какъ увѣряютъ насъ берлинскіе корреспонденты *Кельнской Газеты*, ни за что не допуститъ такого пересмотра, и не только Англія, но согласно съ тѣми же показаніями, и Пруссія, и Франція, не говоря уже о доброй нашей сосѣдкѣ—Австріи.

Итого, остается лишь одинъ несчастный польскій вопросъ, на который вѣнская *Presse* обязательно и указываетъ, какъ на такой которымъ преимущественно и прежде всего долженъ заняться европейскій конгрессъ, причемъ эта газета предполагаетъ, что Россія согласится на это, отчасти удовольствовавшись тѣмъ, что этотъ конгрессъ для виду займется слегка и другими маловажными вопросами, а отчасти въ надеждѣ на самомъ конгрессѣ привлечь на свою сторону Англію, Австрію и Пруссію, и составить съ ними коалицію (противъ кого и для чего?). Но не надобно быть ни пророкомъ, ни человѣкомъ посвященнымъ въ таинственныя цѣли правительствъ, для того чтобы видѣть какъ глубоко ошибается *Presse* въ своихъ разчетахъ на благодушіе Россіи. Нѣтъ! пусть знаютъ вѣнскіе политики, что въ Россіи не найдется ни одного истинно-русскаго человѣка который прочелъ бы ея предположенія безъ негодованія. Нѣтъ! польскій вопросъ менѣе всякаго дру-

гаго можетъ и долженъ стать предметомъ совѣщаній на конгрессѣ, уже по одному тому, что Россія признала его своимъ жизненнымъ вопросомъ, и что о немъ было столько безплодныхъ совѣщаній, столько переговоровъ, которые не привели ни къ чему... мы ошибаемся—которые привели къ тому, что и до сихъ поръ еще льется кровь несчастныхъ, обманутыхъ жертвъ этого вопроса. Тянуть дѣло, длить переговоры на конгрессѣ или безъ конгресса, питать несбыточныя надежды въ Полякахъ, значило бы только совершать новыя преступленія противъ человѣколюбія, и формальное отступленіе лорда Росселя, который не оставляетъ Полякамъ ни малѣйшей надежды не только на вооруженное, но и на какое бы то ни было дальнѣйшее вмѣшательство Англіи, въ тысячу разъ почетнѣе и обнаруживаетъ несравненно большее къ нимъ доброжелательство чѣмъ эти лицемѣрныя увѣренія, что дѣло Польши такъ популярно во Франціи, что Наполеонъ рѣшился «подвергнуть риску одинъ изъ первыхъ своихъ союзовъ на материкѣ Европы», что «польская нація, въ глазахъ Франціи, наслѣдница права внесеннаго и въ лѣтописи исторіи, и въ трактаты», что «возстаніе, которому самая продолжительность его придаетъ національный характеръ, возбуждаетъ повсюду симпатіи», и наконецъ эти невысказанныя обнадеживанія, что дѣло возмутившихся Поляковъ будетъ подвергнуто суду всей Европы. Пусть же знаютъ Поляки, что никакой судъ Европы,—подъ именемъ ли конгресса или конференцій,—не состоится, потому что не оказывается ни одного вопроса который могъ бы быть предоставленъ его рѣшенію, и нѣтъ ни одной державы въ Европѣ которая рѣшилась бы идти на этотъ судъ, не зная кого и за что̀ будутъ судить на немъ. Пусть знаютъ Поляки, что менѣе всѣхъ другихъ вопросовъ на этотъ воображаемый судъ можетъ поступить такъ-называемый польскій вопросъ...

VI.

ПЕРЕДОВАЯ СТАТЬЯ ВЪ № 246 „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“ 11-ГО НОЯБРЯ.

Въ помѣщаемыхъ ниже *) документахъ изъ *Желтой Книги*, только-что представленной законодательнымъ палатамъ Франціи, предъ нами снова проходитъ вся дипломатическая исторія такъ-называемаго польскаго вопроса. Эти документы такъ написаны и въ такомъ порядкѣ расположены въ *Желтой Книгѣ*, чтобъ оставить въ душѣ французскаго читателя самое благопріятное впечатлѣніе. Въ нихъ, при самомъ началѣ, Французское правительство является въ высшей степени умѣреннымъ, осмотрительнымъ, великодушнымъ и миролюбивымъ. Не оно возбудило польскій вопросъ, и встревожило имъ всю Европу, а напротивъ «Англія, какъ великая держава, участвовавшая притомъ въ заключеніи трактатовъ 1815, сочла себя въ правѣ выразить С.-Петербургскому кабинету свои чувства по поводу нынѣшняго возстанія въ Польшѣ». Англія, получивъ неблагопріятный для себя отвѣтъ на свою депешу отъ 2-го марта, принялась возбуждать и Францію, и другія державы подписавшія Вѣнскій трактатъ, къ представленіямъ С.-Петербургскому двору, «ожидая отъ нихъ самаго счастливаго вліянія на рѣшенія этого двора». Напротивъ, Франція заявляла даже въ Петербургѣ свое желаніе, чтобы нашъ дворъ, дѣйствуя по собственному побужденію, предупредилъ офиціальныя представленія державъ подписавшихъ Вѣнскій трактатъ, говоря иначе, чтобъ онъ уступилъ не офиціальнымъ требованіямъ Европы, а такъ-называемымъ дружескимъ совѣтамъ одной Франціи. Но вотъ общія представленія, которыя имѣла въ виду Англія, не состоялись вслѣдствіе сопротивленія оказаннаго между прочимъ и Вѣнскимъ кабинетомъ. Тогда Англія выразила Франціи свое желаніе согласиться съ нею насчетъ способовъ «выполненія обязанностей лежащихъ на державахъ». Англія такимъ образомъ какъ бы желала веденіе всего дѣла предоставить Франціи, и тогда Франція принялась за него со

*) Въ томъ же нумерѣ *Московскихъ Вѣдомостей*.

всею энергіей: въ ея чувствахъ и расположеніи какъ бы произошелъ совершенный переворотъ, и изъ державы возбуждаемой и подстрекаемой она вдругъ стала возбудительницею и подстрекательницею другихъ. До сихъ поръ Австрія оставалась глуха и нечувствительна къ призывамъ Англіи; но предъ волею Франціи, которая могла разомъ поднять противъ нея Венеціанскій вопросъ, она должна была немедленно склониться. И дѣйствительно, только 23-го марта, въ переговорахъ своихъ съ лордомъ Коулеемъ, г. Друэнъ-де-Люисъ указалъ на необходимость привлечь къ общему дѣйствію Австрію, для того чтобы придать ему дѣйствительную силу, и уже 12-го апрѣля первая австрійская депеша была на пути въ Петербургъ. Впрочемъ, не должно думать чтобы только 23-го марта Франція впервые возымѣла мысль возбудить противъ насъ Австрію: еще прежде г. Друэнъ-де-Люисъ излагалъ герцогу де-Монтебелло свои соображенія о томъ, какъ было бы важно привлечь эту державу. Къ сожалѣнію, Французское правительство сочло нужнымъ утаить эту депешу и отъ законодательныхъ палатъ, и отъ Европы. 24-го марта, князь Меттернихъ былъ уже снова въ Парижѣ, совершивъ поѣздку въ Вѣну, гдѣ онъ, между прочимъ, изустно сообщилъ своему правительству о впечатлѣніяхъ правительства императора Французовъ. Во всякомъ случаѣ, изъ сообщенныхъ документовъ очевидно, что Франція вызвала Австрію къ дѣйствіямъ противъ Россіи, имѣя при этомъ въ виду придать своему вмѣшательству дѣйствительную силу.

Съ того времени Англія какъ бы отходитъ на задній планъ, уступая первенство Франціи. Франція развиваетъ соображенія которыя изложены въ первыхъ депешахъ трехъ державъ; Франція находитъ неудовлетворительнымъ первоначальное намѣреніе Вѣнскаго кабинета препроводить свою депешу не для предъявленія князю Горчакову, а для руководства графу Туну въ его объясненіяхъ съ русскимъ вице-канцлеромъ, и Австрія тотчасъ же уступаетъ желанію Франціи. Франція спѣшитъ превратнымъ истолкованіемъ первыхъ отвѣтовъ князя Горчакова отъ 14-го (26-го) апрѣля, придавая имъ смыслъ какого

они не имѣли и имѣть не могли. Князь Горчаковъ не отвергалъ права сопредѣльныхъ державъ и державъ участвовавшихъ въ составленіи главнаго акта Вѣнскаго конгресса интересоваться польскими дѣлами, и разсуждая о мѣрахъ къ прекращенію польскаго мятежа, устранялъ возстановленіе конституціи 1815 и указывалъ на связь этого мятежа съ происками всесвѣтной революціи, которой противодѣйствовать равно обязаны всѣ европейскія правительства. Поставляя въ тѣни послѣдній пунктъ, г. Друэнъ-де-Люисъ поспѣшилъ вывести изъ этого отвѣта заключеніе, что Россія приглашаетъ державы къ соглашенію насчетъ мѣръ внутренняго преобразованія Польши, причемъ будто бы не стѣсняетъ ихъ даже предѣлами трактатовъ 1815 года. Что это было добровольное заблужденіе со стороны Французскаго правительства, видно изъ депеши г-на Друэнъ-де-Люиса отъ 16-го марта, въ которой, со словъ барона Будберга, прямо высказано, что Императоръ Александръ намѣревается только послѣ подавленія мятежа въ Польшѣ даровать ей всепрощеніе, изъявъ изъ него лишь зачинщиковъ и вождей мятежа, и что Его Величество не думаетъ лишить Поляковъ тѣхъ льготъ которыя имъ предоставлены, и предполагаетъ даже предоставить имъ нѣкоторое участіе въ завѣдываніи дѣлами страны, относящимися къ интересамъ матеріальнымъ, участіе которое могло бы быть со временемъ расширено. Такимъ образомъ намѣренія Русскаго правительства были хорошо извѣстны Тюильрійскому кабинету, когда онъ, превратно истолковавъ депеши князя Горчакова отъ 13 (25-го) апрѣля, принялся хлопотать о программѣ преобразованій, въ надеждѣ путемъ устрашенія навязать ее Россіи.

Эта программа, какъ извѣстно, составлена была Австріей, но усилена и видоизмѣнена Англіей и Франціей. Англія съ своей стороны присоединила къ ней предложеніе о перемиріи и о представительствѣ съ правами опредѣленными въ польской конституціи 1815. Изъ помѣщаемыхъ ниже документовъ *) мы узнаемъ новаго только то, что повидимому въ перво-

*) Въ томъ же нумерѣ *Московскихъ Вѣдомостей*.

начальномъ австрійскомъ проектѣ выговаривалась свобода совѣсти въ Польшѣ только для католиковъ; протестантская Англія и болѣе либеральная въ этомъ отношеніи Франція позаботились о распространеніи этого великаго блага и на протестантовъ и на Евреевъ проживающихъ въ Царствѣ Польскомъ, предлагая установленіе полной и совершенной свободы совѣсти.

Горячность Франціи и тутъ высказалась предложеніемъ чтобы депеши заключающія въ себѣ шесть пунктовъ были тождественныя отъ начала и до конца, и чтобы шесть пунктовъ считались не болѣе какъ элементами долженствующими получить и точное выраженіе и дальнѣйшее развитіе на конференціяхъ. Первое предложеніе было устранено; на второе согласился даже и Вѣнскій кабинетъ.

Не прошло и трехъ дней по отправленіи въ Петербургъ этихъ формулованныхъ въ шести пунктахъ предложеній, какъ Французское правительство, 20-го іюня, старается склонить Англію и Австрію къ заключенію формальнаго акта, которымъ всѣ три державы обязались бы достигнуть своей цѣли относительно Россіи во чтò бы то ни стало, и на случай безуспѣшности однихъ дипломатическихъ средствъ объявили бы свое намѣреніе согласиться насчетъ другихъ мѣръ, болѣе дѣйствительныхъ. Это предложеніе, которое должно было бы вовлечь въ войну противъ Россіи и Англію, и Австрію, было устранено ими обѣими.

Послѣдовали достопамятные отвѣты князя Горчакова, отъ 1-го (13-го) іюля. Раздраженіе Франціи увеличивалось еще болѣе отъ безсилія и невозможности дѣйствовать одной: она поспѣшила составить проектъ тождественной для трехъ державъ депеши, и искушала Австрію и Англію предложеніемъ, не пожелаютъ ли онѣ дать этой депешѣ болѣе торжественную форму общей ноты, подписанной представителями трехъ державъ въ Петербургѣ. Онѣ не одобрили ни этого предложенія, ни вообще проекта Франціи. Напротивъ, заключительные параграфы австрійскаго проекта такъ понравились въ Лондонѣ, что всѣ три державы рѣшились усвоить ихъ своимъ депешамъ

отъ 3-го и 10-го августа. Эти депеши, очевидно, не могли поколебать твердой рѣшимости Русскаго правительства, и князь Горчаковъ объявилъ въ тождественныхъ выраженіяхъ всѣмъ тремъ дворамъ, что «Императоръ Александръ (какъ передаетъ слова русскаго вице-канцлера г. Друэнъ-де-Люисъ) покоряется только волѣ Божіей и руководствуется только собственною совѣстью въ исполненіи своихъ обязанностей относительно подвластныхъ ему народовъ, и не обязанъ давать отчета Европѣ въ употребленіи своихъ верховныхъ правъ». Въ послѣдней депешѣ, отъ 22-го октября, которою замыкается рядъ депешъ *Желтой Книги,* г. Друэнъ-де-Люисъ сожалѣетъ, что «такія три державы, какъ Англія, Австрія и Франція, не могли согласиться между собою насчетъ того чтобы придать своимъ попыткамъ всю дѣйствительность, какой бы можно было только пожелать, и обезпечить за своимъ мнѣніемъ непреодолимый авторитетъ совокупнаго рѣшенія. Французское правительство слагаетъ съ себя всю отвѣтственность за это, ссылаясь на свои попытки 20-го іюня. (Замѣтимъ мимоходомъ странную ошибку въ депешѣ г. Друэнъ-де-Люиса отъ 22-го іюля: онъ говоритъ въ ней такъ, какъ будто бы предложеніе заключить договоръ на случай безуспѣшности одного дипломатическаго вмѣшательства сдѣлано было не 20-го іюня, а по полученіи уже русскихъ отвѣтовъ отъ 1-го или 13-го іюля. Или, можетъ-быть, Франція еще разъ возобновляла это свое предложеніе?) Но слагая съ себя отвѣтственность за неудачу, оно еще не отказывается отъ своего мнѣнія о европейскомъ характерѣ польскаго вопроса (по которому, слѣдовательно, не подобаетъ Франціи дѣйствовать одной), мнѣнія, которое дѣйствительно проведено чрезъ весь рядъ сообщенныхъ документовъ, и вмѣстѣ не отрекается отъ правъ на вмѣшательство въ польскія дѣла, основывая эти права какъ на общемъ интересѣ, такъ и на трактатахъ. Повидимому конгрессъ и предложенъ съ тою цѣлію, чтобы подтвердить и проявить эти права (?) на вмѣшательство въ дѣла, которыя Россія признаетъ своими собственными, и при томъ имѣющими для нея жизненную важность.

Прочитавъ документы *Желтой Книги*, Французы останутся довольны своимъ правительствомъ: сколько умѣренности и миролюбія въ началѣ дѣла, и сколько энергіи, отваги, послѣдовательности и настойчивости во все его продолженіе! Они справедливо вознегодуютъ на Англію, которая такъ подстрекала Францію и потомъ такъ сдерживала ея порывы и парализовала ея усилія. Что же касается до насъ, то мы не забудемъ что Франція старалась склонить насъ своими дружественными совѣтами къ образу дѣйствій въ высшей степени пагубному, что она съ самаго начала имѣла въ виду заготовить пути для дѣятельнаго, вооруженнаго вмѣшательства въ наши дѣла и съ этою цѣлью увлекла съ собою въ дипломатическій походъ Австрію, и что она не теряла изъ виду этой цѣли во все продолженіе дѣла. Въ числѣ документовъ нѣтъ многихъ, которые могли бы еще лучше уяснить эту сторону дѣла; нѣтъ между прочимъ и тѣхъ депешъ которыми Франція побуждала второстепенныя державы къ дипломатическому нашествію на Россію.

VII.

Передовая статья въ № 247 „Московскихъ Вѣдомостей“ (12-го ноября).

Вслѣдствіе покушенія на жизнь графа Берга, какъ извѣстно, произведены были обыски въ домѣ графа Андрея Замойскаго. При осмотрѣ его кабинета, обратила на себя вниманіе четвертушка прозрачной почтовой бумаги, на первый взглядъ какъ будто только разграфленная синими чернилами. При пособіи двухъ увеличительныхъ стеколъ, синія графы оживились и превратились въ строчки мельчайшаго почерка. Оказалось, что этотъ листокъ содержитъ въ себѣ проектъ нынѣшняго польскаго возстанія, подписанный Лудовикомъ Мѣрославскимъ и помѣченный 1-мъ марта 1861 года. Достаточно прочесть этотъ документъ, чтобъ убѣдиться еще разъ въ полнѣйшей безнравственности этой такъ-называемой «святой справы», и измѣрить колоссальность обмана, который служитъ главнымъ или лучше сказать единственнымъ орудіемъ этого дѣла.

Въ нынѣшнемъ листкѣ газеты, мы сообщаемъ эту программу вполнѣ. Русская публика получаетъ возможность ознакомиться съ документомъ, который мало въ чемъ уступаетъ знаменитому польскому катихизису. Тайна польскаго возстанія разоблачается еще разъ въ своемъ возмутительномъ видѣ.

Ложь, въ этой программѣ возстанія, равно какъ и въ польскомъ катихизисѣ, возводится на степень священнаго начала; обманъ самый нахальный, ничѣмъ не стѣсняющійся, рекомендуется каждою строчкой и простирается на все. Обманывать Русское правительство, обманывать Русскій народъ, обманывать польскій народъ, обманывать правительства западныхъ державъ, обманывать общественное мнѣніе Европы, обманывать нашихъ глупыхъ соціалистовъ и помѣшанныхъ демагоговъ, обманывать всѣхъ безъ разбора, вотъ политика польскихъ патріотовъ, вотъ ихъ «святая справа», вотъ задача которую они себѣ поставили.

Чтобы парализовать дѣйствія правительства, патріоты находили полезнымъ пустить въ дѣло парламентеровъ для веденія переговоровъ съ нимъ. Парламентеры обязаны, въ силу проекта, отклонять правительство отъ всякихъ рѣшительныхъ мѣръ и отводить ему глаза посредствомъ краснорѣчивыхъ аргументовъ въ то время, когда по всему пространству старой Польши будетъ распространяться волненіе. Парламентеры, какъ извѣстно, были дѣйствительно пущены въ ходъ,—и не безъ успѣха; нерѣшительность нашей внутренней политики въ Царствѣ Польскомъ и западныхъ губерніяхъ въ 1861 и 1862 годахъ, въ виду незамаскированныхъ дѣйствій революціи, можетъ быть объяснена только тѣми трогательными записками (всегда на французскомъ языкѣ), которыми забрасывался Петербургъ, тѣми изображеніями страданій будто бы цѣлаго народа, которыми богатые паны, имѣвшіе доступъ къ правительственнымъ сферамъ, тревожили совѣсть нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ. Теперь, когда парламентеры сбросили съ себя маску, мы видимъ въ какой мѣрѣ можно было полагаться на ихъ краснорѣчивыя увѣренія; теперь мы понимаемъ, что всѣ эти продѣлки служили только для обмана, и мы знаемъ,

что графъ Андрей Замойскій и его партія поддерживая сношенія съ правительствомъ, въ то же время вели искренніе переговоры съ партіей Мѣрославскаго.

Обманывать народъ предполагалось распространеніемъ въ немъ волненій по предметамъ экономическаго свойства, ему особенно понятнымъ. Цѣль проекта заключалась въ томъ, чтобы придать народному движенію преимущественно соціальное направленіе, чтобы привлечь на свою сторону и подчинить шляхтѣ народъ особенно на Руси, въ Литвѣ и Галиціи, гдѣ, по выраженію проекта, народъ успѣлъ отвыкнуть отъ господства шляхты. Необходимо было увѣрить народъ, что только московское правительство «затрудняетъ польскихъ пановъ» въ дарованіи крестьянскому населенію всѣхъ правъ свободнаго земледѣльческаго класса. Польскіе помѣщики, какъ извѣстно, воспользовались этимъ совѣтомъ только въ половину, уступить землю крестьянамъ они не рѣшались до самаго возстанія, но за то они въ широкихъ размѣрахъ обманывали крестьянъ относительно намѣреній правительства.

Впрочемъ жертвы принесенныя помѣщиками въ случаѣ успѣха были бы только временными; партія Мѣрославскаго, какъ оказывается, всего менѣе думала о свободѣ и благосостояніи крестьянъ когда уговаривала помѣщиковъ уступить имъ безвозмездно землю. Это былъ также не болѣе какъ ловкій маневръ, служившій и для обмана крестьянъ, и для обмана тѣхъ жалкихъ русскихъ революціонеровъ, о которыхъ въ проектѣ сказано слѣдующее: «Неизлѣчимымъ демагогамъ необходимо открыть клѣтку для полета за Днѣпръ; пусть тамъ «распространяютъ казацкую гайдамачину противъ русскихъ «поповъ, чиновниковъ и бояръ. Пусть агитація *малороссіянизма* «переносится за Днѣпръ: тамъ обширное пугачевское поле «для запоздавшей числомъ *Хмельничевщины*. Вотъ въ чемъ «состоитъ вся наша панславистическая и коммуническая школа! «Вотъ весь польскій *герценизмъ*! Пусть онъ помогаетъ издали «польскому освобожденію, терзая сокровенныя внутренности «царизма. Это достойное и легкое ремесло для *полу-Поляковъ* «и *полу-Русскихъ*, наполняющихъ нынѣ всѣ ступени граж-

«данской и военной іерархіи въ Россіи. Пусть они обольща-«ютъ себя девизомъ, что этотъ радикализмъ послужитъ «*для* «*нашей и вашей свободы*»; перенесеніе его въ предѣлы Польши «будетъ однако считаться измѣной отечеству, и наказываться «смертною казнію». Трудно выразить болѣе полное и болѣе заслуженное презрѣніе польскихъ патріотовъ къ своимъ союзникамъ гг. Герцену и К° со всею ихъ свитой. Апостолы новаго порядка вещей, заботящіеся о Польшѣ, «о нашей и вашей свободѣ», были въ рукахъ у опытныхъ польскихъ революціонеровъ презрѣнными орудіями назначенными исключительно для нанесенія ранъ Русскому народу. Они, какъ саранча, отгонялись прочь отъ предѣловъ на которые простираютъ свои виды польскіе патріоты, они отсылались за Днѣпръ, во глубь Россіи. Тамъ предоставлялась имъ полная свобода терзать свою родину; вотъ на что́ они предназначались; вотъ къ чему ихъ дрессировали; вотъ къ чему ихъ прикармливали. Несчастныя жертвы обмана, они подвергаются суровой и заслуженной карѣ за свои безсмысленныя попытки, но польскіе патріоты (и между ними самъ Мѣрославскій) готовились избивать ихъ на смерть, еслибы вся эта дичь, по совершеніи своихъ подвиговъ въ Россіи, вздумала осчастливить собой въ послѣдствіи будущую Польшу. Можетъ ли быть что-нибудь позорнѣе, что-нибудь презрѣннѣе той роли которую играли эти жалкіе преобразователи человѣчества съ ихъ *Колоколомъ*, съ ихъ революціонными прокламаціями, въ которыхъ добродушно предлагалось вырѣзать до 100.000 помѣщиковъ и провозглашалась демократическая и соціальная республика, съ ихъ *малороссіянизмомъ*, * съ ихъ планами раздробить Россію и покрыть ее фаланстеріями.

Не менѣе систематически предлагается въ проектѣ обманывать и правительства западныхъ державъ, и общественное мнѣніе Европы. Надоѣдайте правительствамъ Французскому и Англійскому представленіемъ имъ изъ Варшавы подложныхъ

* Теперь, благодаря измѣнившимся обстоятельствамъ, *малороссіянизмъ* въ большомъ ходу у польскихъ интригановъ и по ту сторону Днѣпра, и употребляется ими какъ орудіе для ихъ цѣлей.

жалобъ, которыя будто бы не были уважены въ Петербургѣ. Не смущайтесь тѣмъ, что отъ этого не будетъ непосредственнаго результата; сила въ томъ, что этими жалобами Францiя и Англiя будутъ компрометтированы въ глазахъ Россiи, и что Поляки прiобрѣтутъ такимъ образомъ право жаловаться предъ цѣлымъ свѣтомъ на равнодушiе правительствъ западныхъ державъ. Вѣдь удалось же такимъ путемъ поднять Наполеона противъ Австрiи, несмотря на то, что онъ былъ далекъ отъ мысли устроить Италiянское королевство.... Такова тактика польскихъ патрiотовъ. Этотъ обманъ также удался имъ, да и не могъ не удасться, когда его направляли опытныя руки, находившiяся въ связи съ Пале-Ройялемъ. Наконецъ общественному мнѣнiю Европы проектъ подноситъ, посредствомъ подкупленныхъ газетъ, «извѣстiя, *хотя бы и выдуманныя*, о подземныхъ «потрясенiяхъ въ Россiи, подрывающихъ царское правительство, «о враждѣ между помѣщиками, чиновниками и крестьянами, «*въ особенности* о жалкомъ состоянiи финансовъ и админи«страцiи въ Россiи; наконецъ обо всемъ томъ что́ только мо«жетъ служить къ проявленiю польской жизненности и рус«скаго безсилiя.»

Обманъ возведенъ въ систему, ложь полагается главнымъ основанiемъ *святаго* дѣла. Грустно сказать, а система эта имѣла нѣкоторый успѣхъ: она довела польскiй народъ до возстанiя; европейское общественное мнѣнiе и правительства нѣкоторыхъ державъ были обмануты; внутри Россiи, «полу-Поляки и полу-Русскiе» также старательно выполняли обязанности возложенныя на нихъ проектомъ. Если польское возстанiе не должно остаться для Россiи безъ результата полезнаго, то мы должны устранить тѣ причины которыя могли довести западно-русскiй край до того положенiя въ которомъ онъ находился въ началѣ возстанiя, а еще болѣе до того положенiя въ которомъ онъ находился за нѣсколько мѣсяцевъ до возстанiя. Мы должны устранить возможность обмана, возможность разчитывать на интригу, какъ на дѣйствительное средство производить въ государствѣ безпокойства. Мы должны изслѣдовать, не заключаются ли въ нашихъ потемкахъ зародыши не

благопріятные для нормальнаго хода государственной жизни. Мы должны серіозно подумать о результатахъ которые могутъ выйти въ томъ случаѣ если на всѣхъ ступеняхъ гражданской и военной іерархіи незамѣтнымъ образомъ появятся тѣ *полу-Поляки* и *полу-Русскіе*, которыхъ дѣятельность, по мѣткому выраженію проекта, годится только на безсмысленное разрушеніе того государственнаго порядка которому они служатъ. Внутренній вопросъ для Россіи самый важный. Не бѣда, если мы не будемъ имѣть средствъ переубѣдить Наполеона и общественное мнѣніе Европы; но крайне необходимо имѣть полную достовѣрность въ томъ, что никакая ложь, никакіе льстивые увѣты не будутъ имѣть успѣха у насъ внутри. Мы можемъ прибавить, что въ этой-то достовѣрности и будетъ заключаться одно изъ главныхъ средствъ къ установленію правильнаго общественнаго мнѣнія о Россіи въ Европѣ. Опроверженія газеты *Le Nord* очевидно недостаточны для возстановленія истины относительно Россіи. А между тѣмъ Европа продолжаетъ вѣрить всѣмъ нелѣпымъ толкамъ о Россіи и продолжаетъ относиться къ ней съ такими пріемами, какъ она относится только къ варварскимъ странамъ.

Польское возстаніе можетъ послужить Россіи въ пользу. Оно, также какъ Крымская кампанія, обнаруживаетъ наши недостатки, благодаря которымъ возможенъ успѣхъ проектовъ подобныхъ проекту Мѣрославскаго. Остается только воспользоваться указаніями тяжелаго опыта и укрѣпить то довѣріе которое въ настоящую минуту существуетъ между правительствомъ и народомъ, одинаково заинтересованными въ величіи и процвѣтаніи отечества.

VIII.

ПЕРЕДОВАЯ СТАТЬЯ ВЪ № 249 „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ" (14-ГО НОЯБРЯ).

Ложь, обманъ, клеветы и подлоги—вотъ оружіе которымъ съ самаго начала ведутъ Поляки свою борьбу противъ Россіи, и сколько бы разъ эта ложь ни изобличалась, сколько бы разъ эти клеветы ни опровергались и эти подлоги ни обнаружива-

лись, польскіе революціонеры не перестаютъ обращаться къ тому же самому оружію, и къ удивленію, ихъ лживость, ихъ клеветы и подлоги не то чтобы находили полную вѣру за границей, но и не отвергаются съ негодованіемъ: Россія— слишкомъ темная для всѣхъ страна, о которой можно говорить что̀ угодно.

Недавно еще читали мы вѣрноподданнѣйшія письма дворянъ Виленской, Ковенской, Минской и другихъ западныхъ губерній съ изъявленіями преданности Государю Императору, отвращенія отъ всѣхъ мятежныхъ замысловъ, и сознанія что Литва должна составлять одно нераздѣльное цѣлое съ Россіей,—и Россія уже готова была повѣрить всѣмъ этимъ словеснымъ завѣреніямъ. Но вотъ иностранныя газеты, и во главѣ ихъ серіозный *Journal des Débats* (отъ 13-го ноября) печатаетъ *документъ*, адресованный такъ-называемому *народному правительству* какимъ-то литовскимъ департаментомъ и *жондомъ* уже препровожденный къ князю Чарторыйскому. Этотъ документъ помѣченъ: *Вильно, 19-го октября.* Въ немъ сказано, что подписи подъ адресами собирались военными начальниками уѣздовъ съ неимовѣрною жестокостью, что будто военные отряды переходили изъ дома въ домъ, предлагая на выборъ или подписаться подъ адресомъ, или потерпѣть немедленное разграбленіе всего имущества; или будто отдѣльныя лица призывались къ военнымъ начальникамъ, и подъ угрозой военнаго суда должны были подписывать свое отреченіе отъ польскихъ революціонныхъ мечтаній; или будто бы цѣлыя массы дворянъ и другихъ лицъ сгонялись въ главные города, заключались въ тюрьмы вмѣстѣ съ убійцами, и въ этой обстановкѣ должны были выбирать между отреченіемъ отъ древней Польши 1772 и ссылкой въ Сибирь съ потерей всѣхъ правъ состоянія. Въ случаѣ ослушанія, всѣ эти угрозы, продолжаетъ *документъ*, немедленно приводились въ исполненіе, такъ что самъ «литовскій департаментъ», своимъ циркуляромъ отъ 5-го сентября, разрѣшилъ подписываться подъ этими адресами, «не связывающими никого и не имѣющими никакого политическаго значенія». При этомъ онъ имѣлъ въ виду сохранить странѣ

«самыхъ энергическихъ и самыхъ знатныхъ людей.» Тѣмъ не менѣе, «не желая подвергаться посрамленію даже за на-«ружное свое отступничество и не желая оставлять безъ «опроверженія, въ рукахъ коварнаго врага, актъ провозгла-«шающій нераздѣльное единство Литвы съ Россіей и отвер-«гающій героическую борьбу, вся нація, по мѣрѣ того какъ «Россія вынуждала подписи, посылала свои протесты противъ «нихъ, протесты, въ которыхъ участвовали граждане всѣхъ «классовъ и всѣхъ религій.» Число подписей подъ этими протестами возрасло будто бы до 249.646, и не перестаетъ еще возрастать; подлинность всѣхъ этихъ подписей будто бы засвидѣтельствована такъ-называемыми національными властями. Протесты эти были напечатаны въ особомъ дополненіи къ № 10 варшавской революціонной газеты: *Неподлеглостъ*. Въ нихъ глухо обозначено, что подъ такимъ-то протестомъ было столько-то десятковъ тысячъ засвидѣтельствованныхъ подписей.

Вотъ документы и факты которые *жондъ народовый* публикуетъ въ Варшавѣ и которые князь Чарторыйскій разглашаетъ на всю Европу. А вотъ и впечатлѣніе которое эти извѣстія производятъ на корреспондентовъ самыхъ распространенныхъ и самыхъ значительныхъ газетъ въ Европѣ. Парижскій корреспондентъ *Times* пишетъ отъ 19-го ноября: «Многія лица смотрятъ на эти протесты какъ на одно изъ самыхъ значительныхъ дѣлъ въ борьбѣ Поляковъ съ Русскими. Они показываютъ, что Поляки не устрашены терроризмомъ Муравьева, и несмотря на висѣлицы и ссылки, несмотря на конфискаціи и всякаго рода поборы, все еще имѣютъ столько энергіи и патріотизма, что цѣлыми массами, въ виду своихъ палачей, подписываютъ протесты противъ увѣренія московской дипломатіи что Литва не есть Польша!»

Мы, конечно, ни минуты не сомнѣваемся что всѣ эти извѣстія и документы не болѣе какъ новая ложь и подлогъ со стороны такъ-называемаго *жонда народоваго*, разчитанные на то чтобы поддержать духъ мятежа и ободрить, по возможности, Францію къ вооруженному вмѣшательству. Но очень хорошо зная, что никто изъ военныхъ начальниковъ не прибѣгалъ къ

тѣмъ мѣрамъ которыми, по словамъ *документа* обнародованнаго княземъ Чарторыйскимъ, были собираемы подписи подъ всеподданнѣйшими письмами,—мы спрашиваемъ только: кто наиболѣе заинтересованъ въ опроверженіи этой новой лжи «жонда»,—этихъ, безъ сомнѣнія, подложныхъ протестовъ противъ всеподданнѣйшихъ адресовъ? Одно изъ двухъ: или лица подписавшіяся подъ этими адресами, въ своихъ заявленіяхъ, уступали если не страху, то какимъ бы то ни было разчетамъ, и не были въ своихъ завѣреніяхъ искренни, или же они должны быть оскорблены тѣнью подозрѣнія которую стараются набросить на ихъ искренность «жондъ народовый» и его «литовскій департаментъ», и въ такомъ случаѣ должны избрать тотъ же путь какой избралъ князь Чарторыйскій, для опроверженія клеветы на нихъ возведенной. Если въ тѣхъ же самыхъ газетахъ, въ которыхъ было обнародовано о существованіи протеста противъ всеподданнѣйшихъ адресовъ,—протеста, будто бы подписаннаго почти 250.000 лицъ всѣхъ званій и вѣроисповѣданій, не будетъ прямаго опроверженія этого извѣстія со стороны по крайней мѣрѣ высшаго общественнаго класса, со стороны польскихъ помѣщиковъ каждой изъ пяти губерній западнаго края, то что̀ должна будетъ подумать Россія о чувствахъ и образѣ мыслей этихъ благородныхъ лицъ, которыя въ одно и то же время, по словамъ революціоннаго документа, и выставляли свои имена подъ всеподданѣйшими адресами, и слали въ Варшаву свои протесты противъ этихъ послѣднихъ? Польскій *жондъ* и его агенты, повидимому, желаютъ только усилить это подозрѣніе, падающее на помѣщиковъ западнаго края Россіи въ глазахъ цѣлаго Русскаго народа. Тѣ на кого подозрѣніе это падаетъ, очевидно, не могутъ и не должны оставаться подъ его бременемъ, если они не заслуживаютъ его дѣйствительно. Они должны очистить себя въ глазахъ Россіи всѣми способами, какіе найдутъ пригодными, или же должны сѣтовать на самихъ себя, если Россія сочтетъ невозможнымъ терпѣть въ нѣдрахъ одного изъ исконныхъ краевъ своихъ высшій, по обществен-

ному своему положенію, классъ, который дозволяетъ обнародовать во всеуслышаніе, что онъ питаетъ непримиримую вражду къ Россіи и мечтаетъ объ отложеніи своемъ отъ нея.

IX.

передовая статья въ № 251 „московскихъ вѣдомостей“ (16 ноября).

Судя по послѣднимъ извѣстіямъ, Наполеоновскій проектъ конресса можно считать окончательно похороненнымъ. Всѣ европейскія державы, какъ тѣ которыя предварительно соглашались между собой (Англія и Австрія), такъ и тѣ которыя дѣйствовали сами по себѣ, дали или собираются дать одинъ и тотъ же отвѣтъ Франціи: отдавая должную справедливость *великодушнымъ* чувствованіямъ, внушившимъ мысль о конгрессѣ, онѣ пожелали узнать напередъ, о чемъ будетъ идти рѣчь на этомъ конгрессѣ и какую думаютъ придать силу его рѣшеніямъ. Россія, по словамъ *Mémorial Diplomatique*, пожелала, сверхъ того, чтобы напередъ всѣ другія державы дали свое согласіе на конгрессъ. Австрія, какъ пишетъ, отъ 18го ноября, вѣнскій корреспондентъ того же журнала, во всякомъ случаѣ обезпечиваетъ за собой напередъ обладаніе Галиціей, которую она не хочетъ промѣнять ни на какую другую область, такъ какъ Галиція даетъ ей ежегодный доходъ во 100 милліоновъ гульденовъ (около 60 милл. р. сер.) и 70.000 человѣкъ для ея войска. По дѣламъ Италіи она, не отказываясь отъ тѣхъ правъ которыя были сохранены въ Виллафранкскомъ и въ Цюрихскомъ договорахъ, готова обязаться уважать установленный порядокъ вещей на Апеннинскомъ полуостровѣ, съ тѣмъ чтобъ и Италія приняла на себя то же обязательство. Итакъ, вотъ уже венеціянскій и римскій вопросы и часть польскаго (въ отношеніи къ Галиціи) устранены изъ вѣдѣнія конгресса.

Но главнѣйшимъ образомъ проектъ конгресса разбился о сопротивленіе Англіи. Лондонскій кабинетъ не удовольствовался требованіемъ подробной предварительной программы для

конгресса, но еще предъявилъ прямой протестъ противъ «трубнаго гласа», прозвучавшаго для трактатовъ 1815 Лордъ Блумфильдъ, посолъ Англіи въ Вѣнѣ, какъ пишутъ *Mémorial Diplomatique* изъ Вѣны отъ 18го ноября, только-что сообщилъ графу Рехбергу копію съ депеши, которую лордъ Коулей долженъ былъ на дняхъ прочесть г. Друэнъ-де-Люису: въ этой депешѣ сказано, что пока трактаты 1815 еще не замѣнены другими сдѣлками, добровольно и свободно заключенными со стороны европейскихъ державъ, эти трактаты остаются основаніемъ всѣхъ международныхъ отношеній, несмотря на противныя тому заявленія императора Французовъ» (notwithstanding what the Emperor has said).

Повидимому, на запросъ Англіи о программѣ данъ былъ такой отвѣтъ, что она опредѣлится и установится сама собой, когда откроются засѣданія конгресса. Въ такомъ смыслѣ еще и теперь продолжаетъ витійствовать газета *La France*, увѣряя вмѣстѣ съ *Mémorial Diplomatique* и съ другими преданными Французскому правительству журналами, что ни одна держава не только не будетъ обязана покоряться приговорамъ большинства, не только не можетъ быть вынуждена къ тому силой, но и будетъ въ правѣ устранить отъ общаго обсужденія тѣ вопросы которые ей непріятны. Хорошъ будетъ европейскій конгрессъ, созванный для мирнаго разрѣшенія всѣхъ вопросовъ и неспособный заняться ни однимъ изъ нихъ, такъ какъ не окажется ни одного котораго бы та или другая держава не пожелала прейти молчаніемъ! Отъ мысли объ этомъ конгрессѣ, какъ о верховномъ третейскомъ судѣ, какъ назвалъ его въ своей рѣчи императоръ Наполеонъ, Франція такимъ образомъ уже отказывается. Были извѣстія и о томъ, что Франція не намѣрена настаивать на созваніи конгресса въ Парижѣ, и готова согласиться сверхъ того на предварительныя конференціи въ Брюсселѣ, на которыхъ была бы установлена программа будущаго конгресса. Газета *Patrie* сообщаетъ, что, по извѣстіямъ изъ Лондона, императоръ Наполеонъ высказался въ такомъ смыслѣ, что по его мнѣнію конгрессъ могъ бы пре-

имущественно заняться вопросами польскимъ, датско-германскимъ, италіянскимъ (о Венеціи и о Римѣ) и о реформахъ въ конституціи Румыніи. *Экономистъ*, статью котораго мы приводимъ ниже, предчувствуетъ, что императоръ Наполеонъ III, со всѣхъ сторонъ бомбардируемый запросами о программѣ, принужденъ будетъ, наконецъ, выставить ее, и при этомъ постарается разыграть роль великодушнаго освободителя народовъ, въ видахъ союза съ революціонными партіями всѣхъ странъ Европы, и самого себя отдастъ на судъ конгресса по вопросу о занятіи Рима французскими войсками.

Но ничто, никакія уступки, никакія увѣренія газеты *La France* и К° о томъ, что императорскій орелъ вовсе еще не началъ своего полета къ рейнскимъ берегамъ, къ этимъ естественнымъ границамъ Франціи, которыя отняли у нея, этотъ орелъ нисколько и не думаетъ о такихъ захватахъ, и единственно озабоченъ всеобщимъ благоденствіемъ и сохраненіемъ европейскаго мира,—никакія уступки, говоримъ мы, и никакія увѣренія не могли умилостивить британскаго льва. «Мы можемъ сойтись съ Франціей на конгрессѣ во многихъ ея видахъ и намѣреніяхъ, говоритъ *Экономистъ*, но мы не можемъ сойтись съ ней въ мѣрахъ къ ихъ осуществленію. Войны мы не хотимъ ни за что̀, а добровольныхъ уступокъ ни отъ какой державы не ожидаемъ. Созвать же торжественный конгресъ для того только, чтобъ онъ высказалъ, что было бы хорошо и то, и другое, и потомъ разошелся,—просто смѣшно». Вотъ сужденіе здраваго англійскаго смысла. Руководясь имъ, какъ извѣщаютъ въ одно слово *Morning Post*, *Daily News* и *Times*, Англія положительно отказалась отъ всякаго участія въ конгрессѣ, Австрія, какъ уже извѣщали газеты, обязалась также не принимать въ немъ участія безъ Англіи. Проектъ конгресса, такимъ образомъ, похороненъ окончательно.

Тѣмъ не менѣе, полуофиціальныя французскія газеты не унываютъ: онѣ взапуски другъ предъ другомъ стараются увѣрить своихъ читателей, что отвсюду получаются согласія на

конгрессъ, и что даже папа толкуетъ объ издержкахъ которыхъ потребуетъ пріѣздъ его въ Парижъ на конгрессъ, въ сопроверженіи кардиналовъ. *Memorial Diplomatique*, отъ 21го ноября, прямо провозглашаетъ: «Конгрессъ—вопросъ уже рѣшенный»; но тутъ же и прибавляетъ: »Зная, что Европа можетъ совѣщаться и безъ Англіи, такъ какъ всѣ государи, начиная съ папы и кончая султаномъ, соглашаются на конгрессъ, Англія не захочетъ отказаться отъ вліянія которое ей до сихъ поръ принадлежало на континентѣ Европы». *La France* точно также торжествуетъ побѣду идеи конгресса, намѣкая, что онъ можетъ состояться и безъ участія нѣкоторыхъ державъ.

Очень можетъ быть, что для прикрытія новаго своего пораженія Французское правительство и лелѣетъ планы такого рода; но, увы! едвали и эти планы могутъ осуществиться, особенно когда Французскіе полуофиціальные журналы будутъ выдвигать на первый планъ такъ называемый польскій вопросъ, и добровольно обращать себя въ оружіе лжи и клеветы.

X.

ПЕРЕДОВАЯ СТАТЬЯ ВЪ № 252 „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ" (31 ОКТЯБРЯ).

Читатели наши должны были замѣтить, что мы довольно рѣдко сообщаемъ имъ свѣдѣнія о юго-западномъ краѣ. Мы тѣмъ болѣе сожалѣемъ объ этой скудости свѣдѣній чѣмъ очевиднѣе важная роль юго-западнаго края въ такъ называемомъ польскомъ вопросѣ. Если католическая Самогитія могла въ соображеніяхъ руководителей польской агитаціи служить хорошею точкой опоры для ихъ замысловъ на Бѣлоруссію, и если они возлагали, какъ показало самое дѣло, большія упованія на сосѣдство моря съ этой стороны, то смежность Волыни и Подоліи съ австрійскими владѣніями и съ Дунайскими княжествами должна возбуждать не менѣе надеждъ, открывая широкій доступъ вторженіямъ вооруженнаго возстанія и всякаго рода пропаганды. Пропаганда эта свила себѣ не менѣе надежное гнѣздышко въ Житомірѣ чѣмъ въ Ковнѣ, хотя

вокругъ Житоміра и нѣтъ католической Самогитіи. Шляхта волынская и подольская едва ли не самая *завзятая* во всемъ западномъ краѣ. Подолія положила нѣкогда начало Барской конфедераціи, Волынь наибодѣе волновалась въ 1831 году, подольское же дворянство и при нынѣшнихъ безпорядкахъ первое подало сигналъ своимъ знаменитымъ адресомъ. Но главное дѣло все-таки не въ шляхтѣ, а въ администраціи которая до того соотвѣтствуетъ потребностямъ польскихъ агитаторовъ, что имъ тутъ привольнѣе чѣмъ даже въ Самогитіи среди католическаго народа. Не даромъ манифестаціонный трауръ, сброшенный въ Литвѣ и Царствѣ Польскомъ, до сихъ поръ строго соблюдается лишь въ Кіевѣ. Только тутъ измѣна является не просто какъ фактъ, а какъ право; она настаиваетъ на своемъ правѣ гражданства въ русской землѣ и нагло требуетъ для себя терпимости. Всѣхъ этихъ обстоятельствъ было бы слишкомъ достаточно для того, чтобы мы, не успокоиваясь видимымъ спокойствіемъ юго-западнаго генералъ-губернаторства, внимательно слѣдили за совершающимся въ немъ ходомъ событій. Всякій Русскій слѣдилъ бы за подобными явленіями, еслибъ они происходили даже въ незначительномъ углу Русской земли. Но они происходятъ въ Кіевѣ и окрестъ Кіева; нѣтъ города который былъ бы дороже Кіева русскому человѣку. Если мы рѣдко и мало сообщаемъ извѣстій о Заднѣпровской Украйнѣ, то на это должны быть и есть какія-нибудь особыя причины.

Странное дѣло! При началѣ волненій, извѣстія изъ Кіева, Подоліи и Волыни сыпались съ величайшимъ обиліемъ; всѣ газеты были ими наполнены. Но съ половины лѣта газетные корреспонденты какъ будто вымерли. Печать безмолвія легла на весь край. Правда г. Юзефовичъ нарушилъ было эту печать безмолвія и вызвалъ на полемическій поединокъ одну изъ здѣшнихъ газетъ, подобно витязямъ древнихъ временъ, выходившимъ на единоборство отъ имени цѣлой рати.... Г. Юзефовичъ защищалъ мѣстную администрацію, и прекрасно дѣлалъ: нѣтъ тезиса, нѣтъ системы, о которыхъ человѣкъ съ умомъ и талантомъ не нашелъ бы сказать чего-нибудь хоро-

шаго,—но отъ первыхъ же ударовъ своего противника г. Юзефовичъ предался постыдному бѣгству, и съ тѣхъ поръ водворилось почти абсолютное безмолвіе.

Что же однако дѣлается за этою китайскою стѣной, которою оградилъ себя юго-западный край? Какой сюрпризъ готовится за этою опущенною занавѣсью?.... Кое-какіе слухи дошли къ намъ оттуда въ послѣднее время, и эти слухи не радостные, не успокоительные. Письмо г. К. изъ Житоміра, которое читатели найдутъ ниже *, и на которое мы обращаемъ ихъ вниманіе, не есть голосъ пессимиста. То же самое говорится и въ другихъ письмахъ, или лучше сказать во всѣхъ письмахъ получаемыхъ нами изъ кіевскаго генералъ-губернаторства, за исключеніемъ писемъ идущихъ отъ Поляковъ. «Русскій элементъ представляется здѣсь весьма опасно больнымъ человѣкомъ», пишутъ намъ оттуда. Отношенія между крестьянами и помѣщиками самыя натянутыя, самыя непріязненныя; помѣщики, всегда презиравшіе своихъ хлоповъ, теперь вдвойнѣ ненавидятъ ихъ за положеніе принятое ими во время панскаго возстанія. Крестьяне съ своей стороны всегда непріязненно относившіеся къ своимъ панамъ, теперь еще болѣе негодуютъ на нихъ какъ на мятежниковъ противъ Царя, а съ тѣхъ поръ какъ мѣстная администрація стала брать—такъ по крайней мѣрѣ кажется крестьянамъ—этихъ мятежниковъ подъ свою защиту, негодованіе превратилось въ озлобленіе. Крестьяне никакъ не могутъ понять тотъ логическій процессъ, тѣ гуманныя комбинаціи, вслѣдствіе которыхъ ихъ, преданныхъ Царю людей, ставятъ подъ начальство мятежниковъ. Ихъ удивляетъ, что тѣ лица которыхъ они хватаютъ и сдаютъ властямъ, черезъ нѣсколько дней получаютъ свободу, возвращаются въ свои имѣнія и спокойно управляютъ ими. Нѣтъ, говорятъ, достаточныхъ доказательствъ, нѣтъ уликъ въ ихъ виновности, но это послѣднее возраженіе не слишкомъ убѣждаетъ и насъ самихъ: развѣ не то же самое было постоянно въ Царствѣ Польскомъ во время управленія маркиза

* Въ томъ же № *Моск. Вѣд.*

Велёпольскаго? Развѣ когда-нибудь кто-нибудь бывалъ свидѣтелемъ совершеннаго посреди бѣлаго дня убійства? Развѣ отыскивался какой-нибудь складъ оружія? Развѣ кто-нибудь въ чемъ-нибудь оказывался виновнымъ? Но если намъ невѣроятно чтобы въ краѣ организовавшемъ возстаніе всѣ были невинны какъ агнцы, то крестьянамъ, самовидцамъ всего происходившаго, это еще невѣроятнѣе.

Крестьяне рѣшаютъ политическіе процессы какъ присяжные *по совѣсти*, а истинное положеніе дѣлъ извѣстно имъ едвали не лучше чѣмъ многимъ высшимъ административнымъ лицамъ: они слѣдили за польскою агитаціей съ самаго ея возникновенія, они подсматривали и видѣли, какъ паны съѣзжаются между собою по ночамъ, они прислушивались и слышали что̀ толкуетъ дворня этихъ пановъ, они замѣчали, что изъ панскихъ усадьбъ таинственно выпроваживались какіе-то подозрительные обозы и выгружались въ лѣсахъ, въ нарочно приготовленныхъ ямахъ, въ глухихъ лачугахъ лѣсовщиковъ, за стѣнами католическихъ кляшторовъ. Все это знали украинскіе крестьяне гораздо прежде чѣмъ высшая администрація была о томъ извѣщена своею полиціей; они знали и преступленіе и преступниковъ,—мудрено ли же слѣдовательно, что правосудіе мѣстныхъ властей имъ не кажется правосудіемъ? Считая себя и дѣйствительно будучи вѣрноподданными,—чѣмъ могутъ считать они людей дѣйствующихъ въ обратномъ смыслѣ или послабляющихъ такимъ дѣйствіямъ?... Мы понимаемъ затрудненія образованнаго судьи или администратора имѣющаго дѣло съ понятіями непросвѣщенныхъ людей, и полагаемъ, что никогда не позволительно подчиняться и угождать страстямъ невѣжественной толпы, но знаемъ и то, что въ юго-западномъ краѣ никакихъ демагоговъ, кромѣ польскихъ же эмиссаровъ, не имѣется, и что съ этой стороны свобода нашихъ судей и администраторовъ совершенно обезпечена. Съ другой стороны мы знаемъ, что несомнѣнно великая опасность грозитъ краю, гдѣ власть отдаляетъ отъ себя свою естественную, свою единственную точку опоры и поддается вліянію своихъ враговъ.

Отношеніе крестьянъ къ администраціи неправильно, непрямо, не откровенно, пишутъ намъ; они благоговѣютъ предъ верховною властью и недоумѣваютъ предъ дѣйствіями ея служителей, а польская интрига этимъ пользуется. Замѣтивъ что между властями и народомъ начала образовываться рознь, интрига врывается въ нее, разъѣдаетъ ее и угрожаетъ образовать изъ нея бездну, которую не легко будетъ уровнять. Она съ одной стороны возбуждаетъ опасенія мнимо-коммунистическаго движенія, а съ другой стороны даетъ чувствовать свою связь съ лицами составляющими администрацію, свое вліяніе на нихъ, и внушаетъ, что это вліяніе, само по себѣ уже компрометтирующее администрацію, пріобрѣтается самыми постыдными для нея средствами. Намъ пишутъ, что въ краѣ ходятъ по рукамъ счеты, будто бы случайно оброненные на улицѣ, листки изъ записныхъ книжекъ какъ бы нечаянно упавшіе на полъ, которые компрометтируютъ самымъ наглымъ образомъ людей бывшихъ всегда выше подозрѣній.... Справедливо ли это, знать мы не можемъ; мы повторяемъ слова людей пишущихъ съ мѣста. Зная крайнюю степень извращенности нравственныхъ понятій польскихъ патріотовъ, и припоминая ту наглость, съ которою они постоянно кричали о подкупности въ западномъ краѣ русской администраціи, состоявшей однакожь почти исключительно изъ Поляковъ, нельзя отрицать вѣроятности этого новаго ихъ макіавеллизма. Нельзя отрицать его потому, что онъ очень прямо ведетъ къ ихъ цѣли: уронить довѣріе къ администраціи, сдѣлать ее ненавистною русскимъ мѣстнымъ жителямъ и подорвать такимъ образомъ единственную организованную силу, съ которою полонизмъ принужденъ бороться. Скажемъ болѣе, насъ увѣряютъ, что нѣкоторыя административныя лица уже дескредитированы во мнѣніи русскаго общества, и вотъ послѣдствіе ихъ любезничанья съ Поляками. Польскаго патріота, присягавшаго народному «жонду», нельзя примирить съ русскою администраціей никакими любезностями. Это трудъ потерянный, а между тѣмъ на эти любезности Поляки указываютъ какъ на доказательства соумышленничества.

Мы не стали бы говорить обо всемъ этомъ еслибы репутація людей, поставленныхъ на нѣкоторые посты, не принадлежала цѣлой странѣ, и еслибы къ клеветѣ возводимой на нихъ нація могла оставаться равнодушною.

XI.

ПЕРЕДОВАЯ СТАТЬЯ ВЪ № 253 „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ" (19-го ноября).

Мы говорили вчера объ одной изъ пружинъ польской интриги въ юго-западномъ краѣ. Разъединить русское населеніе и русскую администрацію, увѣривъ русское населеніе, что русская администрація равнодушна и даже враждебна къ нему и стоитъ за Поляковъ,—вотъ та пружина о которой мы говорили и которая, по доходящимъ до насъ вѣстямъ, теперь начинаетъ дѣйствовать. Интригѣ надобно добиться того, чтобы русское населеніе края возненавидѣло Москалей наряду съ Ляхами, а для этого нужно чтобы Москалей, то-есть русскихъ чиновниковъ края, можно было заподозрить въ невѣрности престолу. Вотъ съ какою цѣлію надобно выставлять на показъ всякое снисхожденіе русскаго чиновника къ Поляку; вотъ почему тайные коноводы польской агитаціи должны такъ дорожить всякимъ видимымъ признакомъ того, что они водятъ дружбу съ русскимъ начальствомъ. Они не могутъ надѣяться на то чтобы скоро ослабѣла враждебность малороссійскаго элемента къ польскому. Единственная вещь которая можетъ быть сдѣлана въ краткій срокъ, это оклеветать хохла предъ кацапомъ, а кацапа предъ хохломъ.

Москали куплены Поляками, Москали измѣняютъ Царю,— слухи этого рода должны дѣйствовать на вѣрноподданныя массы народа. Пускатели этихъ слуховъ надѣются извлечь изъ преданности престолу пользу для дѣла измѣны.

Но это еще не все. Намъ уже нѣсколько разъ писали съ Украйны, что, какъ впрочемъ и слѣдовало ожидать, Поляки подали руку хохломанамъ, что они (временно конечно) вошли въ виды этихъ послѣднихъ и съ ихъ помощію стараются воз-

будить въ крестьянахъ мечты о казачествѣ. Тутъ уже замышляется вызвать неудовольствіе не противъ однихъ Москалей, служителей верховной власти, а также и противъ самой верховной власти. Это новый видъ интриги, отличный отъ упомянутаго выше. Тамъ вѣрность престолу была тою струной на которой играла измѣна; тутъ этою струной становятся мѣстныя воспоминанія о казачествѣ. Что̀ такое *казачество*? Не о возстановленіи же этого въ нѣкоторомъ родѣ военнаго поселенія хлопочутъ украинскіе пропагандисты! Нѣтъ, не казачество нмъ нужно, а нужно имъ больше или меньше обособленіе Украйны отъ Россіи, чтобъ ослабить Россію и чтобъ, обособивъ Украйну, притянуть ее къ Польшѣ. Разчетъ тутъ вѣрный; вся исторія западной Руси доказываетъ, что она не можетъ быть ничѣмъ инымъ какъ частью одного изъ сосѣднихъ государствъ. Хмельницкій извлекъ ее изъ-подъ власти Польши, чтобы связать судьбу ея съ судьбою Россіи. Дорошенко не хотѣлъ связи ни съ Россіей ни съ Польшей, но поддался турецкому султану. Такъ или иначе, но Украйна самостоятельна быть не можетъ, и хохломаны въ рукахъ новыхъ своихъ друзей Поляковъ разыгрываютъ роль той кошки, лапами которой обезьяна доставала горячіе каштаны,—въ сущности впрочемъ ту же самую роль какую разыгрываютъ и чиновники любезничающіе съ измѣнниками.

Въ русскихъ чиновникахъ польскіе интриганы должны поддерживать гуманность и космополитизмъ, какъ противоядіе русскому патріотическому чувству; въ мѣстной молодежи и вообще въ элементахъ общества имѣющихъ нѣкоторую наклонность къ утопіямъ, они должны развивать воспоминанія о мѣстной старинѣ, чтобы такимъ образомъ тайкомъ подмѣнить здоровое чувство любви къ дѣйствительному отечеству безплоднымъ стремленіемъ служить фантастическому государству, которое не существуетъ въ дѣйствительности и не можетъ существовать. Но всего важнѣе для интриги отравить патріотическое чувство въ крестьянахъ, и въ эту сторону должны быть направлены ея главнѣйшія усилія. Тутъ разставляются всевозможныя сѣти, тутъ и клевета на Москалей, тутъ и

гетманщина, тутъ наконецъ и возбужденіе страстей пролетаріата. Искушая крестьянъ, интрига является истиннымъ Протеемъ.

Съ самаго начала возстанія польскіе паны увѣряли всѣхъ, а можетъ-быть и сами ублажали себя увѣренностію, что крестьянское движеніе имѣло вовсе не патріотическій, а соціальный характеръ, что на Поляковъ нападали крестьяне отнюдь не какъ на измѣнниковъ, а какъ на землевладѣльцевъ и вообше людей имущихъ. Словомъ, по ихъ увѣренію, это была не оборона русскаго народа отъ польскаго мятежа, а мятежъ пролетаріата противъ собственности. Польскіе паны употребляли всѣ усилія чтобы убѣдить въ этомъ русское начальство и такимъ образомъ привлечь его на свою сторону. Для нихъ въ высшей степени важно, чтобы мы, Русскіе, убѣдились въ этомъ. Но этого мало. Если вникнуть въ дѣло, то теперь для нихъ должно быть выгодно, чтобы въ самомъ дѣлѣ въ крестьянствѣ распространилось то настроеніе, которое они хотятъ приписать ему: чѣмъ болѣе дурныхъ элементовъ примѣшается къ крестьянскому народному чувству, тѣмъ оно будетъ слабѣе, и тѣмъ легче будетъ съ нимъ управиться. Съ другой стороны, еслибъ удалось превратить патріотическое движеніе въ движеніе противъ собственности, то оно направилось бы и противъ русскихъ помѣщиковъ края, а тогда крестьяне остались бы совсѣмъ безпомощны. Правительство было бы принуждено дѣйствовать противъ нихъ всею своею силой, и ни русское православное духовенство, ни немногіе русскіе помѣщики края, не захотѣли бы отстаивать ихъ не только отъ заслуженной кары, но и отъ мстительности пановъ.

Но есть ли какое-нибудь средство сдѣлать украинскаго хлопца соціалистомъ? Къ какой хитрости надобно прибѣгнуть, чтобы заставить его смотрѣть одинакими глазами на польскаго и на русскаго помѣщика? Всего вѣрнѣе было бы дѣло, еслибъ удалось убѣдить его, что вѣрность русскихъ помѣщиковъ Царю подлежитъ нѣкоторому сомнѣнію, и что само правительство не очень довѣряетъ имъ. А это не очень трудно: для этого нужно только показать крестьянамъ, что правительство ставитъ русскихъ помѣщиковъ на одну доску съ поль-

скими мятежными панами. Распространенію этого взгляда между крестьянами отчасти уже содѣйствовалъ обязательный выкупъ, который, какъ требовала самая очевидная необходимость, имѣлъ одинаковую силу относительно всѣхъ помѣщиковъ, какого бы происхожденія или вѣроисповѣданія они ни были. Можно было колебаться насчетъ самой мѣры обязательнаго выкупа, но коль скоро она была признана необходимою, уже нельзя было дѣлать различіе между русскими и польскими помѣщиками, между помѣщиками принимавшими и не принимавшими участія въ мятежѣ. Тутъ сила обстоятельствъ поравняла всѣхъ. Но это неизбѣжное равенство не могло не произвести впечатлѣнія на крестьянъ. Затѣмъ послѣдовала контрибуція, которая была наложена исключительно на помѣщиковъ и притомъ тоже на всѣхъ безъ исключенія. Такъ какъ контрибуція не падала на другихъ сельскихъ обывателей, то легко могли распространяться между крестьянами слухи, что всѣ помѣщики, не только польскіе, но и русскіе, провинились предъ Царемъ. Этимъ слухамъ, пишутъ намъ, не мало содѣйствовали разные неожиданные случаи, встрѣчавшіеся по поводу сбора контрибуціи. Вотъ одинъ изъ многихъ примѣровъ. Въ мѣстечкѣ Малинѣ, Радомысльскаго уѣзда, Кіевской губерніи, принадлежащемъ князю Г. А. Щербатову, петербургскому губернскому предводителю дворянства, человѣку, какъ извѣстно, до лясу не бѣгавшему и повстанцевъ не снаряжавшему, все имущество владѣльца было отдано подъ надзоръ крестьянскаго общества съ запрещеніемъ выпускать изъ имѣнія какіе бы то ни было продукты, не взирая ни на какіе запродажи, контракты, и т. п., которые могли быть заключены прежде. И что̀ же? По справкѣ оказалось, что всѣмъ этимъ строгостямъ подверглось имѣніе князя Щербатова *прежде* нежели было сообщено вотчинному управленію требованіе объ уплатѣ контрибуціи. Подобныя *канцелярскія* ошибки случались относительно многихъ русскихъ имѣній, а такъ какъ русскихъ имѣній въ краѣ не много, то частая встрѣча ошибокъ этого рода не могла не компрометтировать русскихъ помѣщиковъ въ глазахъ крестьянъ. Извѣстно, что десятипроцентный сборъ

съ русскихъ помѣщиковъ и вообще съ тѣхъ помѣщиковъ которыхъ вѣрность была внѣ всякаго сомнѣнія долженъ былъ взыскиваться въ размѣрѣ $1\frac{1}{2}$ процента. На этомъ основаніи сборъ и былъ пониженъ со всѣхъ сиротъ и малолѣтныхъ безъ различія вѣроисповѣданій; нѣкоторые польскіе помѣщики были тоже освобождены отъ сбора, напримѣръ въ Волынской губерніи княгиня Любомірская, графъ Бержинскій; равнымъ образомъ и съ нѣкоторыхъ русскихъ помѣщиковъ велѣно было взыскать по $1\frac{1}{2}$ проц. Но многіе русскіе помѣщики, съ которыхъ потомъ сборъ былъ пониженъ до $1\frac{1}{2}$ проц., первоначально были обложены полнымъ десятипроцентнымъ сборомъ. Такъ напримѣръ въ Овручкомъ уѣздѣ—четверо русскихъ помѣщиковъ, и ни одинъ изъ нихъ не былъ въ спискѣ лицъ пользовавшихся пониженіемъ сбора. Можно себѣ представить въ какомъ затруднительномъ положеніи находились русскіе помѣщики, которые были увѣрены что имъ придется платить $1\frac{1}{2}\%$ съ ихъ дохода, и съ которыхъ вдругъ потребовали 10%. Для взноса контрибуціи былъ назначенъ трехдневный срокъ со дня полученія повѣстки. По истеченіи срока пріѣзжалъ офицеръ, въ сопровожденіи солдатъ съ примкнутыми штыками, составлялъ опись скота, хлѣба, сѣна, а вслѣдъ за тѣмъ должна была непосредственно начаться аукціонная продажа всего описаннаго, еслибъ оказались налицо покупатели. За неимѣніемъ покупателей все описанное имущество сдавалось подъ надзоръ крестьянскаго общества, которому предписывалось не допускать владѣльца до отпуска изъ имѣнія какихъ бы то ни было продуктовъ. Спѣшимъ прибавить, что во всѣхъ случаяхъ, о которыхъ мы получили извѣщенія, ошибка была потомъ исправлена, и сборъ съ русскихъ помѣщиковъ пониженъ до $1\frac{1}{2}\%$, но важно тутъ не это, а впечатлѣніе произведенное на крестьянъ подобными ошибками канцелярій. «Не денегъ намъ жалко, пишетъ въ частномъ письмѣ одинъ русскій помѣщикъ Волынской губерніи, мы ихъ съ радостью дали, но за что же насъ поставили на одну доску съ Поляками и выставили мятежниками въ глазахъ народа? Зачѣмъ было внушать крестьянамъ, что мятежъ былъ произведенъ не

одними Поляками, а *вообще* помѣщиками? А такъ поняли это здѣшніе крестьяне; такъ по крайней мѣрѣ поняли это крестьяне моего имѣнія». Этотъ же самый помѣщикъ совершенно выгораживаетъ волынскаго губернатора изъ отвѣтственности за приведенные имъ факты. «Стоящая выше сомнѣнія благонамѣреность князя Друцкаго, пишетъ онъ, заставляетъ объяснить все это единственно интригами канцелярій, наполненныхъ Поляками».

XII.

ПЕРЕДОВАЯ СТАТЬЯ ВЪ № 255 „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ" (22 ноября).

Ниже читатели найдутъ переводъ послѣдней дипломатической корреспонденціи между Англіей и Франціей по поводу предложенія о конгрессѣ *. Результатъ этой корреспонденціи— рѣшительный отказъ Англіи—и бо́льшая часть доводовъ, которыми онъ мотивированъ, намъ уже извѣстны заранѣе, но тѣмъ не менѣе она не лишена для насъ интереса по своимъ подробностямъ. Англія удовольствовавшись съ начала только общимъ заявленіемъ, что «всякое предложеніе императора Наполеона можетъ всегда разчитывать на самое серіозное и внимательное разсмотрѣніе со стороны правительства королевы», вслѣдъ за тѣмъ поспѣшила довести все дѣло до скораго конца и высказаться со всею откровенностью насчетъ предложенія императора Французовъ, нисколько не опасаясь подпасть обвиненію въ «замыслахъ боящихся дневнаго свѣта».

Въ депешѣ отъ 12го ноября, графъ Россель прежде всего разсматриваетъ основанія на которыхъ сдѣлано предложеніе о конгрессѣ, и энергически вступается за трактаты 1815. Соглашаясь, что дѣло заключенія этихъ трактатовъ было ведено съ нѣкоторою поспѣшностью, такъ какъ желательно было какъ можно скорѣе возвратить миръ и спокойствіе Европѣ, графъ Россель находитъ, что происшедшія въ нихъ въ продолже-

* Въ томъ же № *Моск. Вѣд.*

ніе 50 лѣтъ перемѣны вовсе не такъ значительны, какъ можно было бы предполагать, судя по продолжительности истекшаго времени, по успѣхамъ общественнаго мнѣнія, по перемѣнамъ какъ въ политикѣ правительствъ, такъ и въ требованіяхъ народовъ. «Правительство ея величества, сказано въ депешѣ, убѣждено, что главныя постановленія трактатовъ 1815 года имѣютъ еще полную силу, что бо́льшая часть этихъ постановленій нисколько не потрясена, и что на этихъ основахъ все еще зиждется политическое равновѣсіе Европы.» Оградивъ такимъ образомъ главныя постановленія Вѣнскаго трактата (въ томъ числѣ, безъ сомнѣнія, и о границахъ Франціи), графъ Россель раздѣляетъ всѣ остальныя статьи ихъ на три категоріи. Однѣ изъ нихъ измѣнены съ согласія всѣхъ державъ, и едва ли нуждаются еще въ болѣе общемъ и торжественномъ подтвержденіи. Другія совершились *de facto*, и не признаны еще всѣми державами Европы *de jure*. Имѣется ли въ виду на конгрессѣ доставить имъ общее признаніе? (Савойя и Ницца). Третьи, наконецъ, подвергаются опастности, и возбуждаютъ самые важные вопросы; по ихъ-то поводу графъ Россель спрашиваетъ: какого рода предложенія имѣетъ въ виду сдѣлать императоръ Французовъ? Къ чему они будутъ направлены, и если будутъ приняты большинствомъ конгресса, имѣется ли въ виду поддерживать ихъ силою оружія? Депеша оканчивается заявленіемъ, что конгрессъ безъ опредѣленныхъ цѣлей, на которомъ стали бы передѣлывать карту Европы, могъ бы внушить Британскому правительству скорѣе опасеніе чѣмъ довѣріе, и возбудилъ бы надежды и ожиданія которыя столь же трудно было бы удовлетворить, какъ и успокоить.

Вскорѣ по полученія этой депеши, какъ мы узнаемъ изъ *Courrier du Dimanche*, г. Друэнъ-де-Люисъ разослалъ циркуляръ, отъ 15го ноября, ко всѣмъ дипломатическимъ агентамъ Франціи за границей. Въ этомъ циркулярѣ, какъ увѣряютъ, онъ утверждаетъ, что если значительная часть постановленій Вѣнскаго трактата перестала существовать, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы другая часть его не могла быть сохранена, и что во всякомъ случаѣ конгрессъ будетъ обязанъ разсмотрѣть

этотъ вопросъ. Депеша графа Росселя произвела такимъ образомъ свое дѣйствіе, и сразу достигла своей цѣли. Франція принуждена была взять назадъ громкое заявленіе своего императора о томъ, что трактаты 1815 перестали существовать. Что же касается до програмы конгресса, то императоръ Французовъ не считаетъ себя въ правѣ формуловать ее, и только въ видѣ примѣра г. Друэнъ-де-Люисъ и въ своемъ циркулярѣ, равно какъ и въ послѣдовавшемъ отвѣтѣ Британскоту кабинету, указываетъ на вопросы польскій, италіянскій, шлезвигъ-гольштейнскій и румынскій, нисколько впрочемъ не ограничивая ими, какъ замѣчаетъ *Courrier du Dimanche*, програму конгресса.

Тѣмъ временемъ получены были предварительные отвѣты: Австріи, отъ 17го ноября, переданный императору въ Компьенѣ 19го числа, и Пруссіи, отъ 18го ноября, сообщенный не прежде 22го. Австрійскій отвѣтъ состоялъ изъ двухъ документовъ: письма императора Франца-Іосифа и депеши графа Рехберга. Въ обоихъ указывается на необходимость узнать напередъ основанія и программу для конгресса; въ депешѣ графа Рехберга, сверхъ того, подвергнуто критическому разсмотрѣнію заявленіе императора, что трактаты 1815 перестали существовать, и приведено различіе между тѣмъ, что̀ съ 1815 года отмѣнено въ силу конвенцій, договоровъ и т. д., и тѣмъ что̀ и теперь, какъ прежде, составляетъ международное европейское право. На эту депешу, какъ утверждаетъ *Ost-Deutsche Post* отъ 27го ноября, еще не послѣдовало отвѣта; г. Друэнъ-де-Люисъ до поры до времени счелъ, безъ сомнѣнія, достаточнымъ то что̀ было имъ высказано въ циркулярѣ отъ 15го ноября. Замѣчательно, что въ отношеніи къ трактатамъ 1815 года, прусскій отвѣтъ совершенно совпадаетъ съ англійскимъ и австрійскимъ, хотя французскіе журналы и считаютъ его почему-то особенно благопріятнымъ. По словамъ *Courrier du Dimanche*, въ немъ высказано, что ни одинъ государь, принимающій близко къ сердцу благо своей страны, не станетъ противиться предложенію, столь благопріятному для охраненія мира въ Европѣ; но что несмотря на перемѣны

происшедшія съ теченіемъ времени, постановленія 1815 года продолжаютъ быть основаніемъ всего европейскаго порядка, и потому Пруссія съ готовностью приметъ участіе въ дѣлѣ, имѣющемъ своею цѣлью замѣтить тѣ части ихъ которыя были уничтожены. Монархія Гогенцоллерновъ, всегда остававшаяся въ предѣлахъ трактатовъ 1815 года, не имѣетъ никакихъ поводовъ отказать въ своей безкорыстной поддержкѣ такому проекту императора Французовъ, и не колеблясь предлагаетъ ему свое содѣйствіе чтобы путемъ предварительнаго обмѣна идей устранить могущія возникнуть затрудненія. Такимъ образомъ, если Пруссія и высказалась въ пользу конгресса, то лишь ограничивъ напаредъ его задачу, вопреки заявленнымъ уже видамъ Наполеона III, замѣной тѣхъ статей Вѣнскаго трактата которыя были уничтожены послѣ 1815 года. Согласіе Пруссіи, слѣдовательно, почти равносильно отказу.

Подъ этими-то впечатлѣніями пришлось отвѣчать г. Друэнъ-де-Люису на англійскую депешу отъ 12го ноября. Его отвѣтъ, отъ 23го ноября, ссылается на заявленіе императора Наполеона, что онъ считаетъ для себя обязательными всѣ договоры заключенные его предшественниками, и что трактаты 1815 продолжаютъ быть основаніемъ политическаго зданія Европы, но, прибавляетъ г. Друэнъ-де-Люисъ, тѣмъ болѣе слѣдуетъ разсмотрѣть, не поколебалось ли само это основаніе, не нарушили ли совершившіяся перемѣны гармоніи и равновѣсія цѣлаго, не будетъ ли полезно очистить почву отъ обломковъ и совокупить въ одно тѣло сохранившія жизнь части его? По отношенію къ первой категоріи статей Вѣнскаго трактата, какъ она была опредѣлена графомъ Росселемъ, конгресса требуетъ лишь французская любовь къ симметріи, къ строгому единообразію. Но тѣ перемѣны которыя не всѣми еще признаны могутъ, по мнѣнію Французскаго правительства, каждую минуту раздѣлить Европу на два враждебные лагеря. Особеннаго же вниманія заслуживаютъ тѣ статьи Вѣнскаго трактата которымъ грозитъ непосредственная опасность. Для отвращенія могущихъ возникнуть опасностей, которыя впро-

чемъ не касаются прямо Франціи, императоръ Наполеонъ и предложилъ конгрессъ разомъ всѣмъ государямъ, безъ всякаго предварительнаго соглашенія съ кѣмъ-либо изъ нихъ, не связавъ себя заранѣе никакими обязательствами. Англія такимъ образомъ могла бы успокоиться совершенно, если въ ней и возникало опасеніе, не состоялся ли предварительно нена вистный для нея союзъ между Франціей и Россіей. За этимъ успокоительнымъ увѣреніемъ слѣдуетъ самое скромное и смиренное объясненіе, почему императоръ Наполеонъ не счелъ себя въ правѣ заранѣе начертать программу конгресса. Онъ поступилъ съ такою сдержанностью, какъ *младшій* изъ всѣхъ государей Европы, младшій не по лѣтамъ, конечно, не по времени вступленія на престолъ, а по времени возникновенія самой его династіи. Сверхъ того, было бы такъ трудно перечислить вопросы которые еще не разрѣшены и которые, однакоже, могутъ возмутить спокойствіе Европы. Тѣмъ не менѣе г. Друэнъ-де-Люисъ перечисляетъ, для примѣра, эти вопросы. Въ этомъ исчисленіи нѣкоторыя выраженія прямо разчитаны на то чтобы произвести пріятное впечатлѣніе на Великобританію. Такъ, французскій министръ спрашиваетъ: должно ли безъ конца продолжаться занятіе Рима французскими войсками? неужели, безъ новыхъ попытокъ къ примиренію, слѣдуетъ отказаться отъ всякой надежды сократить чрезмѣрныя вооруженія? Съ другой стороны, г. Друэнъ-де-Люисъ допускаетъ, что по польскому вопросу обѣ стороны могутъ равно ссылаться на Вѣнскій трактатъ въ подтвержденіе своихъ противоположныхъ требованій.

Удовлетворивъ, отчасти, любознательности Лондонскаго кабинета по вопросу о программѣ, г. Друэнъ-де-Люисъ рѣшительно оставляетъ его ни при чемъ по двумъ другимъ вопросамъ, а именно какого рода рѣшеніе должна получить каждая изъ проблемъ и какимъ путемъ предполагается приводить рѣшенія конгресса въ исполненіе. Эти вопросы должны быть разрѣшены самимъ конгрессомъ, и было бы безполезно искать ихъ разрѣшенія обыкновеннымъ путемъ дипломатической корреспонденціи и переговоровъ.

Если въ чемъ еще можно было бы усмотрѣть прежній грозный тонъ тронной рѣчи, такъ это въ заключеніи депеши. На Парижскомъ конгрессѣ 1856 года принято было, въ видѣ общаго правила, чтобы въ случаѣ несогласій между собою, державы не обращались тотчасъ же къ оружію, а напередъ прибѣгали къ посредничеству какой-либо дружественной державы, «объяснялись и такимъ образомъ доходили до соглашенія». Императоръ Французовъ, не дожидаясь еще возникновенія такихъ несогласій, дѣйствуетъ такъ какъ будто бы они ужь возникли между нимъ и всѣми государями Европы: онъ приглашаетъ ихъ «объясниться и дойти до соглашенія».

23го ноября была отправлена французская депеша, а 25го, съ неимовѣрною быстротой, посланъ былъ уже и англійскій отвѣтъ на нее: поспѣшность, объясняющаяся вѣроятно желаніемъ успокоить биржу. Изъ словъ г. Друэнъ-де-Люиса, хотя собственно они и не подавали къ тому повода, графъ Россель спѣшитъ вывести заключеніе, что Франція не ищетъ для себя никакого территоріальнаго расширенія; онъ спѣшитъ также принять къ свѣдѣнію, что на практикѣ императоръ Наполеонъ считаетъ трактаты 1815 обязательными для себя. Онъ пеняетъ только на то, что Франція не будучи сама заинтересована въ дѣлѣ, какъ она увѣряетъ, не обратила вниманія на то, въ какомъ положеніи очутились бы на конгрессѣ тѣ державы которымъ пришлось бы отказываться отъ своихъ владѣній или своихъ правъ. Конгрессы тогда имѣютъ смыслъ и значеніе, когда слѣдуютъ за войнами, а послѣ продолжительнаго мира нельзя ожидать ни отъ одной державы добровольныхъ уступокъ, да и другія державы не такъ легко могутъ рѣшиться прибѣгнуть къ средствамъ насильственнаго принужденія. На польскомъ и италіянскомъ вопросахъ графъ Россель показываетъ, какъ невозможно было бы достигнуть никакихъ уступокъ, не прибѣгая къ военной силѣ. Англія, прибавляетъ онъ, можетъ-быть, и не расходится существенно съ Франціей въ своихъ видахъ насчетъ разрѣшенія большей части европейскихъ вопросовъ, еслибы только они могли быть разрѣшены путемъ мирнымъ, однимъ заявленіемъ мнѣній; но такъ какъ

этого ожидать нельзя, то она и отказывается рѣшительно и окончательно отъ всякаго конгресса.

Въ сущности между образомъ дѣйствій Англіи и Франціи нѣтъ рѣзкой противоположности. Какъ та, такъ и другая, по крайней мѣрѣ въ польскомъ вопросѣ, не хотѣли выжидать совершенія событій, возникающихъ изъ самой природы вещей: и та, и другая обнаружили наклонность къ насильственному вмѣшательству, съ тою лишь разницей, что Англія готова дѣйствовать только путемъ нравственнаго насилія, а Франція, сверхъ того, и путемъ насилія физическаго.

Послѣ отказа Англіи, въ которомъ прямо выражено, что и Австрія откажется, если на конгрессѣ будетъ идти рѣчь о Венеціи, мысль о конгрессѣ должна быть оставлена Франціей совершенно. Противъ Англіи поднимутся и уже поднялись вопли во всѣхъ полуофиціальныхъ и *преданныхъ* французскихъ журналахъ; заговорятъ и заговорили уже и объ Ирландіи; но должно полагать, тѣмъ все и кончится. Но послѣ неудачъ всѣхъ дипломатическихъ усилій по польскому вопросу, послѣ новой неудачи по вопросу о конгрессѣ, можно ли думать, что императоръ Наполеонъ въ состояніи будетъ остаться въ бездѣйствіи?

Въ заключеніе упомянемъ о слѣдующемъ куріозѣ: въ нѣкоторыхъ англійскихъ газетахъ появилась на дняхъ декларація такъ-называемаго національнаго польскаго правительства, за подписью Маньяна,—risum teneatis!—«генералъ-адмирала морскихъ силъ Польши». Этотъ генералъ-адмиралъ морскихъ силъ Польши объявляетъ теперь во всеуслышаніе, что съ 1го января 1864 онъ откроетъ военныя дѣйствія противъ Россіи, что права нейтральныхъ судовъ будутъ уважаемы, но что всѣ суда и корабли подъ русскимъ флагомъ будутъ признаваться законнымъ призомъ. Онъ приглашаетъ всѣхъ торговцевъ и страховыя компаніи нейтральныхъ государствъ воздерживаться отъ нагрузки и страхованія русскихъ судовъ, и указываетъ на то, что онъ недавно еще совершилъ «удачную экспедицію къ берегамъ Кавказа». Хорошо по крайней мѣрѣ то, что генералъ-адмиралъ польской армады заранѣе объявляетъ планъ своей кампаніи.

XIII.

ПЕРЕДОВАЯ СТАТЬЯ ВЪ № 259 „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ" (17-ГО НОЯБРЯ).

Во вчерашнемъ нумерѣ *Journal de St.-Pétersbourg* напечатанъ французскій текстъ письма посланнаго Его Величествомъ Государемъ Императоромъ къ императору Наполеону III, въ отвѣтъ на его приглашеніе принять участіе въ конгрессѣ. Оно написано въ Царскомъ Селѣ 6-го ноября, то-есть, черезъ недѣлю по возвращеніи Государя Императора изъ Крыма, и черезъ двѣ недѣли по отправленіи приглашенія изъ Парижа.

Появленіе этого важнаго документа окончательно разъясняетъ для русской публики вопросъ о конгрессѣ въ самомъ существенномъ для Россіи пунктѣ. Мы видимъ, что Россія не протестовала противъ конгресса въ его общей идеѣ. Предполагаемая цѣль конгресса должна состоять въ томъ, чтобы повести къ миролюбивому соглашенію международныхъ интересовъ въ Европѣ и устранить по возможности всѣ поводы къ раздорамъ и вооруженіямъ. Возможно ли протестовать противъ такой доброй цѣли? Возможно ли не сочувствовать изъявляемому желанію «достигнуть, безъ потрясеній, умиротворенія Европы»? Въ искренности подобнаго расположенія Россіи сомнѣваться невозможно. «Всѣ дѣла моего царствованія», говоритъ Государь Императоръ, «свидѣтельствуютъ о желаніи моемъ замѣнить вооруженный миръ, такъ тяжко обременяющій «нынѣ народы, отношеніями основанными на взаимномъ до«вѣріи и согласіи. Какъ только стало возможнымъ, я присту«пилъ къ значительному сокращенію моихъ военныхъ силъ; «въ продолженіе шести лѣтъ Имперія моя была свободна отъ «рекрутской повинности, и я предпринялъ важныя реформы «служащія залогомъ прогрессивнаго развитія внутри и мир«ной политики во внѣшнихъ дѣлахъ.»

Россія не возмущала спокойствія Европы; не возбуждала вопросовъ, не нарушала существующихъ трактатовъ; она не развивала, а уменьшала свои военныя силы; своими реформами она вноситъ въ свою государственную жизнь новыя гра-

жданскія начала, возвышающія ея народныя силы и съ тѣмъ вмѣстѣ обезпечивающія, болѣе чѣмъ когда-либо, мирный характеръ ея политики. Въ качествѣ великой державы, она не отказывалась отъ участія въ европейскихъ дѣлахъ; но она не искала преобладанія, она не держала Европы въ постоянномъ опасеніи потрясеній и переворотовъ, она не препятствовала ходу событій тамъ гдѣ ихъ вызывала сила вещей и гдѣ интересы Россіи не подвергались ущербу. Слѣдовательно, мысль о миролюбивомъ соглашеніи европейскихъ интересовъ и объ устраненіи поводовъ къ замѣшательствамъ и вооруженіямъ отнюдь не можетъ противорѣчить видамъ русской политики; съ другой стороны, не политика Россіи могла внушить другимъ державамъ столь серіозныя заботы о принятіи мѣръ для сохраненія спокойствія Европы,—не политика Россіи могла вынудить что-либо похожее на мысль предложенную императоромъ Наполеономъ III. Если Россія должна была въ послѣднее время уклониться отъ принятаго ею пути; если она теперь усиливаетъ свои вооруженія, и принимаетъ мѣры противъ случайностей, которыя могли бы угрожать безопасности и цѣлости ея государственной области, то она въ этомъ случаѣ дѣйствовала не по своей охотѣ. Другія державы хотѣли чтобы Россія вооружилась, и она исполняетъ ихъ желаніе. Если же, какъ теперь оказывается, тѣ же самыя державы заботятся о сохраненіи мира, то онѣ только исполняютъ желанія Россіи.

Но отъ общей мысли о томъ, какъ было бы желательно полюбовное соглашеніе международныхъ интересовъ Европы, до конгресса предложеннаго въ Парижѣ—еще очень далеко. Можно вполнѣ сочувствовать желанію заявленному въ предложеніи о конгрессѣ и сомнѣваться въ возможности его практическаго осуществленія. Письмо Государя Императора ограничивается общею стороной вопроса, и указываетъ на необходимость предварительной программы, которая могла бы убѣдить Европу въ пользѣ предлагаемаго конгресса, и склонить къ участію въ немъ другія державы. О трактатахъ 1815 года не упоминается ни слова, а только приводится на память

то великое правило практической мудрости, которое требуетъ уваженія къ существующимъ правамъ, предостерегаетъ отъ перемѣнъ внушаемыхъ случайными побужденіями и интересами минуты, и предписываетъ въ дѣлѣ измѣненій держаться исторической почвы.

Россія, какъ мы видимъ, сохраняетъ то исполненное достоинства положеніе, которое было принято ею и которое служитъ лучшимъ обезпеченіемъ ея интересовъ и спокойствія. Она не отвергаетъ и не принимаетъ европейскаго конгресса, точно также какъ она не вызываетъ опасностей, угрожающихъ спокойствію Европы, но и не думаетъ предотвращать ихъ малодушными уступками, изъ которыхъ всего вѣрнѣе раждаются серіозныя опасности. Россія не имѣла никакого повода оспаривать отвлеченную мысль о конгрессѣ; но она отнюдь не считала возможнымъ ручаться за осуществленіе этой мысли. Россія предоставила эту мысль собственной судьбѣ ея, и мысль о конгрессѣ не продержалась и трехъ недѣль на политическомъ горизонтѣ Европы: императоръ Наполеонъ III не успѣлъ убѣдить другія державы въ практической состоятельности и пользѣ предложеннаго имъ плана.

Конгрессъ не состоялся, но толки возбужденные имъ еще не замолкли. Пишутъ даже, что Французское правительство будто бы еще не совсѣмъ отказалось отъ надежды убѣдить Англію, и отправило для этой цѣли въ Лондонъ г. де-Латуръ-д'Оверня. Но нельзя ожидать, чтобъ эта мысль, умершая при самомъ рожденіи своемъ, могла возродиться къ жизни. Изъ царства тѣней не бываетъ возврата.

Въ какомъ же положеніи находятся теперь европейскія дѣла? Одинъ за другимъ являлись на горизонтѣ два метеора: коалиція и конгрессъ. Оба метеора исчезли,—что̀ же остается? Посреди всеобщей неопредѣленности отношеній остается возможность разныхъ новыхъ сближеній между европейскими державами. Франціи трудно оставаться въ изолированномъ положеніи, въ которое привели ее событія. Вмѣшательство въ польское дѣло порвало союзныя отношенія въ которыхъ она еще такъ недавно находилась къ Россіи. Приглашеніе на кон-

грессъ испортило ея отношенія къ Англіи. Очень естественно возникаетъ теперь мысль, не будетъ ли для Франціи выгодно вновь сблизиться съ Россіей и возвратиться къ той политической комбинаціи, которая была расторгнута политикой Англіи, воспользовавшейся на этотъ предметъ польскимъ вопросомъ? Для Франціи, конечно, это было бы выгодно,—но выгодно ли для Россіи? Во французскихъ газетахъ появляются разные толки о возможности союза между Россіей и Франціей. Толки эти возникаютъ естественно, но едва ли можно ожидать какого-либо успѣшнаго результата въ этомъ направленіи. Россія не имѣетъ ни малѣйшей надобности въ предпочтительномъ сближеніи съ тою или другою державой. Сила великой державы въ настоящее время состоитъ не въ глухомъ узлѣ какого-либо союза, а въ полной свободѣ дѣйствій. Предпочтительный союзъ съ одною державой разобщаетъ съ другими, и неизбѣжно гтовитъ въ будущемъ всякаго рода затрудненія и опасности. Россія занимаетъ теперь самое выгодное положеніе, и всякое тѣснѣйшее сближеніе съ тою или другою державой можетъ только ухудшить, а не улучшить его. Намъ нечего тяготиться тѣмъ, что мы въ настоящее время свободны отъ какихъ-либо обязательствъ относительно той или другой державы: въ этомъ наша сила. Такъ какъ Россія не замышляетъ никакихъ насильственныхъ переворотовъ въ Европѣ, то для нея не требуется никакихъ исключительныхъ союзовъ, которые только могутъ разобщить ее и привести въ ложное положеніе. Чѣмъ свободнѣе отъ всякихъ исключительныхъ соглашеній будетъ ея политика, тѣмъ она будетъ сильнѣе въ Европѣ, и тѣмъ менѣе можетъ быть опасности для всеобщаго спокойствія.

ПИСЬМА КОРРЕСПОНДЕНТОВЪ МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ.

I.

ПИСЬМО ВАРШАВСКАГО КОРРЕСПОНДЕНТА ВЪ № 237 „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“.

7/19 октября 1863.

Еще въ августѣ мѣсяцѣ насчитывалось 27 шаекъ, которыя съ начала мятежа, одна за другою, врывались къ намъ изъ Галиціи. Всѣ онѣ были разбиты и отброшены назадъ. Теперь это число возрасло до 29. Валигурскій и Чаховскій, вѣшатель крестьянъ, бѣжавшій послѣ Ратайскаго дѣла, сформировались и вторглись, первый въ Люблинскую, а послѣдній въ Радомскую губернію. Пораженіе обоихъ описано въ журналѣ военныхъ дѣйствій. Къ описанію можно прибавить нѣкоторыя особенности, сообщенныя польскими газетчиками.

Чаховскій, перейдя границу у Баранова, еще ночью ушелъ съ своею кавалеріей въ Ильжинскіе лѣса, оставивъ одну пѣхоту подъ начальствомъ Ливочи. Этотъ былъ отрѣзанъ нами, такъ что подъ Юрковицами не было начальника, и каждая рота дралась отдѣльно; ротные начальники Розверт, Поповскій и другіе перебиты. На границѣ нагнали ихъ Австрійцы и перебили еще нѣсколько человѣкъ; въ дѣлѣ подъ Юрковицами сами Поляки насчитываютъ у себя 184 убитыхъ и раненыхъ, да плѣнными около 50 (*Czas*, 27 Pazdz.). Но плѣнные въ нашихъ рукахъ: ихъ около 150; потому-то справедливѣе пишетъ другой газетчикъ, говоря, что бо́льшая часть пѣхоты погибла (*Gaz. Nar.* 27 Pazdz), и только малая часть примкнула къ Чаховскому и Эминовичу. Что касается численности, то Поляки обыкновенно идутъ тысячами, а въ дѣло вступаютъ сотнями. По инымъ извѣстіямъ, подъ Барановомъ было ихъ до 2.000 (*Lw. Gaz.*, по *Gaz. Nar.*, 23 Pazdz). Сущность въ томъ, что Чаховскій поторопился въ Ильжинскіе лѣса, а свою пѣхоту бросилъ на съѣденіе.

Еще плачевнѣе участь Валигурскаго. У него вмѣстѣ со Сляскимъ было до 1500 чел. (*Dzienn. Nar.*, 23 Pazdz). Но Австрійцы еще на границѣ отхватили у него человѣкъ 150 и порядочный обозъ, такъ что по словамъ польскихъ вѣстовщиковъ, отрядъ перешелъ границу не болѣе какъ въ 700 (*Gaz. Nar*,, 27 Pazdz.). Бо́льшая часть его, послѣ дѣла съ нашими войсками въ Гостирадовскихъ лѣсахъ, бѣжала назадъ въ Галицію и захвачена Австрійцами, часть перебита, а остальные, говорятъ, примкнули къ Вержбицкому (*Czas*, 28 Pazdz.). Сляскій смертельно раненъ. Пораженіе было совершенное, въ чемъ сознаются сами Поляки (*Gaz. Nar.*, 27 Pazdz.).

Значитъ, мы уничтожили 29 большихъ галиційскихъ шаекъ (не считая четырехъ Высоцкаго и другихъ разбитыхъ на Волынской границѣ),

разсѣявъ или отбросивъ назадъ до 15 тысячъ повстанцевъ. Безъ этой диверсіи галиційскихъ Поляковъ, возстаніе здѣсь, конечно, не могло бы держаться съ нынѣшнимъ его упорствомъ, и потому-то Поляки страшно ропщутъ на репрессивныя мѣры галиційскаго намѣстника, и этотъ ропотъ теперь, когда по всѣмъ признакамъ тройственный союзъ оказывается несостоятельнымъ, достигнулъ высшей степени. Нѣмецкіе публицисты предчувствуютъ даже, что сегодня-завтра можетъ вспыхнуть въ Галиціи вооруженное возстаніе, по крайней мѣрѣ указываютъ на сильное скопленіе тамъ горючихъ матеріаловъ.

Агитаціонная печать бьется изо всѣхъ силъ, чтобы какъ-нибудь поддержать остывающій жаръ возстанія и замять печальное впечатлѣніе, произведенное общимъ голосомъ публицистики, что вооруженной интервенціи не бывать. Надо, во что̀ бы ни стало, внушить самонадѣянность. Съ этою цѣлью пишутся рапсодіи, подобныя напримѣръ той, гдѣ публицистъ (*Dzienn. Nar.*, 24 Pazdz.) доказываетъ, что повстанцамъ нужна только выдержка, ибо Москва чѣмъ дальше тѣмъ больше дезорганизуется, а Польша, напротивъ, крѣпнетъ и близится къ своей цѣли. Очень печалитъ однакоже Поляковъ система арестацій, производимыхъ въ большомъ размѣрѣ; зимою, говорятъ они, выловятъ всѣхъ нашихъ повстанцевъ; но противъ этого предлагаютъ и средство: повстанцы проведутъ зиму подъ ружьемъ въ лагеряхъ, и никто не долженъ отпрашиваться въ отпускъ (*Gaz. Nar.*, 27 Pazdz.); зима же, по соображеніямъ *Варшавскаго Курьера*, будетъ хотя суровая, но короткая.

Въ Люблинской и Радомской губерніяхъ, хвастаютъ Поляки, въ 10 дней возникло 10 новыхъ отрядовъ: называютъ Суходольскаго, Смѣховскаго (сподвижника Лянгевича) и Винницкаго, да изъ прежнихъ все еще Руцкаго, Крысинскаго, Вержбицкаго и Козловскаго. Между тѣмъ довудцы съ шайками безчинствуютъ, но прячутся, или разсыпаются на мелкія шайки. Шайка Хмѣлинскаго, напримѣръ, послѣ пораженія 9 (21) числа (признаваемаго даже и *Часомъ*), раздѣлилась и разбрелась въ разныя стороны. *Allgemeine Zeitung* увѣряетъ, что бо̀льшая часть неудачъ повстанцевъ происходитъ отъ пьянства довудцевъ, противъ чего сильно возстаетъ львовскій публицистъ (*Gaz. Nar.*, 24 Pazdz.), изобличая противника своего въ клеветѣ.

Жандармскія шайки, безчинствуя попрежнему, стали какъ-то меньше вѣшать, а больше сѣчь и мучить; повѣсили всего 6 крестьянъ, въ томъ числѣ одну женщину, но прибавивъ къ тому еще 5 повѣшанныхъ въ августѣ и сентябрѣ, о которыхъ только теперь дошли свѣдѣнія, получимъ общее число несчастныхъ жертвъ—797.

II.

ИЗЪ ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО ПО ПРЯМЫМЪ СВѢДѢНІЯМЪ ДО 25 ОКТЯБРЯ, ВЪ 239 „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ".

Мѣры принимаемыя графомъ Бергомъ для усмиренія края ведутъ къ установленію въ Царствѣ дѣйствительнаго военнаго положенія. Военное управленіе, вотъ единственное средство удержать, съ наименьшимъ пролитіемъ крови, край во власти Россіи, и не дать мятежу распространиться на западныя губерніи. Необходимо было отрѣшиться отъ мысли управлять краемъ посредствомъ гражданскихъ чиновниковъ изъ Поляковъ или посредствомъ людей потерявшихъ въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ всякое значеніе. Невозможность гражданской администраціи въ Царствѣ сдѣлала необходимымъ введеніе военной, и графъ Бергъ такимъ устройствомъ облегчаетъ себѣ трудную задачу умиротворенія края.

Въ дополненіе прежнихъ распоряженій своихъ по этому предмету, намѣстникъ предположилъ принять, въ ближайшемъ времени, новыя мѣры, изложенныя въ слѣдующемъ проектѣ циркуляра къ военнымъ начальникамъ:

„По настоящему положенію дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ и въ видахъ достиженія полнаго успѣха и существенной пользы принимаемыми военною властію мѣрами и распоряженіями къ водворенію въ краѣ порядка и спокойствія, къ чему также должны быть побуждены содѣйствовать и мѣстныя гражданскія власти, я призналъ необходимымъ, на время военнаго положенія, подчинить военнымъ начальникамъ, кромѣ чиновъ полиціи, и всю мѣстную администрацію, и для сего предлагаю, въ послѣдствіе двухъ циркулярныхъ распоряженій отъ 15-го августа и 21-го сентября сего года, за №№ 949 и 1172, принять къ руководству и неупустительному исполненію слѣдующее:

„1. Военные начальники отдѣловъ: Варшавскаго, Плоцкаго, Радомскаго, Люблинскаго и Калишскаго пользуются правами генералъ-губернаторовъ въ отношеніи къ мѣстной гражданской администраціи и полиціи, съ правомъ контроля по дѣламъ судебнымъ, финансовымъ, духовнымъ, народнаго просвѣщенія, почтовымъ и путей сообщенія.

„2. Всѣ служащіе въ краѣ по какимъ бы то ни было учрежденіямъ, какъ свѣтскіе, такъ и духовные, находятся въ зависимости отъ военной власти, которая караетъ за всѣ политическія преступленія. Всѣ же чины вполнѣ подчиняются военнымъ начальникамъ, какъ главнымъ такъ и участковымъ.

„3. Военнымъ начальникамъ предоставляется право отстранять всѣхъ чиновъ администраціи отъ должностей по усмотрѣнію, исключая вѣ-

домствъ: судебнаго, финансоваго, духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, почтоваго вѣдомства и путей сообщенія, о которыхъ военные начальники дѣлаютъ представленіе на разрѣшеніе намѣстника.

„4. Всѣ чины мѣстной администраціи, губернской и уѣздной, а также городской и земской полиціи, отстраняются отъ должностей властію военныхъ начальниковъ; о смѣнѣ же гражданскихъ губернаторовъ представляется на разрѣшеніе намѣстника.

„5. Войты гминъ должны быть всѣ устранены, а крестьянамъ будетъ предоставлено право выбора войтовъ гминъ изъ самихъ себя.

„6. Военнымъ начальникамъ предоставлено право мѣсто устраненнаго чиновника замѣщать другимъ по усмотрѣнію.

„7. Должности инспекторовъ полиціи могутъ быть замѣщаемы, по недостатку чиновниковъ, изъ строевыхъ чиновъ, которымъ назначится особое вознагражденіе.“

Проектъ этотъ имѣетъ особенную важность. Одно уже освобожденіе крестьянскаго сословія изъ-подъ вліянія помѣщиковъ, вслѣдствіе отставки войтовъ гминъ и выбора другихъ изъ среды самихъ крестьянъ, установитъ въ краѣ другой порядокъ, болѣе надежный.

Весьма важно также расширеніе правъ военнаго начальства съ цѣлію побудить гражданскихъ чиновниковъ къ дѣятельной работѣ по усмиренію мятежа. Если въ чемъ чувствуется неполнота циркуляра, такъ только въ ограниченіяхъ правъ военныхъ начальниковъ по отстраненію почтовыхъ чиновъ отъ службы. Почта—установленіе для смутнаго времени слишкомъ существенное, которое полезно поставить въ полную зависимость отъ начальниковъ частныхъ отдѣловъ. Грабежъ почтъ происходитъ повсемѣстно: съ 29-го сентября по 22-е октября получено 129 извѣстій о подобныхъ приключеніяхъ по почтовому вѣдомству. Въ почтовомъ экипажѣ безопасный проѣздъ рѣшительно невозможенъ; 20-го сентября высадили изъ почтоваго экипажа русскаго священника, ѣхавшаго изъ Люблина въ Варшаву, и едва не повѣсили его; 13-го сентября изъ почтовой кареты на томъ же трактѣ взяли и увели въ лѣса офицера Смоленскаго полка Кандратовича. И такіе случаи повторяются безпрестанно. Съ наступленіемъ зимняго времени начинаютъ отбирать у пассажировъ теплую одежду и обувь. Кондукторы то и дѣло очищаютъ свою совѣсть росписками въ родѣ слѣдующей, привезенной въ Варшиву 12-го октября съ Люблинскаго тракта: „Ѣхавшихъ „пассажировъ я осмотрѣлъ и корреспонденцію наѣзжаго правительства „уничтожилъ. Довудца польскихъ жандармовъ Вагнеръ“ *. На мѣстѣ,

* Кромѣ того, въ началѣ октября чрезъ Люблинскую почтовую контору отправлены подложныя предписанія отъ имени начальника отдѣла къ отряднымъ начальникамъ въ Хелмъ и Любартовъ о выступленіи ихъ изъ этихъ городовъ. Хорошо, что встрѣтились въ этихъ приказаніяхъ несообразности, обнаружившія подлогъ.

разумѣется, всегда легче разобрать дѣло, и исправить его; а потому по всѣмъ этимъ причинамъ, было бы полезно подчинить вполнѣ почтовыя сообщенія и почтовыхъ чиновниковъ военному начальству.

Переходимъ къ распоряженіямъ уже состоявшимся. Циркуляромъ отъ 14-го октября предложено военнымъ начальникамъ наложить денежные штрафы на тѣхъ помѣщиковъ которые уличены въ участіи въ революціонной организаціи и въ содѣйствіи возстанію значительными пожертвованіями. По общепринятому правилу имѣнія такихъ лицъ обыкновенно секвеструются. Но графъ Бергъ предложилъ замѣнить секвестръ наложеніемъ штрафовъ на недвижимыя имѣнія. Такая мѣра значительно облегчаетъ мѣстныя власти, такъ какъ при этомъ имъ не приходится входить въ управленіе недвижимыми имѣніями, что сопряжено съ большими неудобствами и зависимостію отъ личнаго произвола мелкаго чиновничества. Кромѣ того, денежные штрафы соразмѣряются со степенью вины и гораздо дѣйствительнѣе по быстротѣ взысканія. Право налагать штрафы предоставлено начальникамъ военныхъ отдѣловъ, которые къ 1-му числу каждаго мѣсяца сообщаютъ въ Варшаву и отчеты по взысканію штрафовъ, съ надлежащими поясненіями.

Слѣдующій приказъ графа Берга, отъ 22-го октября, касается охраненія границъ:

„Съ усиленіемъ войскъ въ Царствѣ Польскомъ, признавая необходимымъ занять границу постами пограничной стражи, подкрѣпивъ ихъ, гдѣ это окажется возможнымъ, полевыми войсками, предписываю начальникамъ военныхъ отдѣловъ всѣ находящіяся при войскахъ части пограничной стражи предоставить въ распоряженіе начальниковъ таможенныхъ округовъ, на обязанность которыхъ возлагается расположить ихъ въ тѣхъ пограничныхъ пунктахъ, гдѣ имѣются таможенныя учрежденія, и въ такомъ числѣ которое будетъ признано необходимымъ по соглашенію съ военными начальниками отдѣловъ.

„Эти части пограничной стражи могутъ быть требуемы начальниками военныхъ отдѣловъ для дѣйствій вмѣстѣ съ войсками только въ случаяхъ крайней необходимости, и когда отдѣльнымъ постамъ пограничной стражи угрожала бы опасность при появленіи значительныхъ бандъ, но всякій разъ по минованіи надобности, упомянутыя части должны быть возвращаемы въ распоряженіе таможеннаго начальства для занятія границы.“

Занятіе границы непремѣнно затруднитъ доставку въ Царство разнаго рода оружія и контрабанды. Поэтому пограничную стражу было бы, кажется, полезно усилить еще казачьими сотнями. Съ другой стороны, не менѣе полезно оставить при войскахъ нѣкоторую часть объѣздчиковъ, какъ отличныхъ знатоковъ населенія и мѣстности.

Читателямъ извѣстно уже что въ Люблинской губерніи открыта часть революціонныхъ почтъ; амая инструкція для этихъ почтъ

была уже напечатана въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Подробности открытія выясняются частію въ слѣдующемъ приказѣ по войскамъ отъ 17-го октября.

„Въ сентябрѣ мѣсяцѣ сего года въ уѣздахъ: Станиславовскомъ, Сѣдлецкомъ, Бяльскомъ, Радзынскомъ и Луковскомъ, открыты устроенныя мятежниками революціонныя почты, особенно содѣйствовавшія поддержанію и развитію мятежа въ краѣ.

„Виновныя въ этомъ преступномъ дѣйствіи лица, по распоряженію военнаго начальника Сѣдлецко-Бяльскаго отдѣла, генералъ-маіора Дрейера, арестованы, а лошади употреблявшіяся для этихъ почтъ конфискованы и обращены въ пользу войскъ.

„Относя весь успѣхъ настоящаго важнаго открытія революціонныхъ почтъ генералъ-майору Дрейеру, его неусыпной бдительности и строгому надзору за дѣйствіями всѣхъ жителей ввѣреннаго ему отдѣла, мнѣ пріятно, за энергическія и благоразумныя распоряженія его по управленію военнымъ отдѣломъ, объявить генералъ-майору Дрейеру мою искреннюю благодарность. Генералъ-адъютантъ графъ Бергъ.“

Хотя грабежъ и убійства производятся еще въ большихъ размѣрахъ и провинціи представляютъ ужасный хаосъ, но за то законная власть стала дѣйствовать съ должною энергіей; убійства и грабежи не остаются безъ вниманія. Такъ мятежниками была продана вся соль, находившаяся въ казенномъ магазинѣ мѣстечка Новой Александріи; они поторопились этою продажей, узнавъ, что соль эту предположено было перевезти въ Ивангородъ. Теперь мы узнаемъ, что колонна войскъ отправилась въ Новую Александрію для конфискаціи у жителей всей купленной ими соли, и перевозки ея на ихъ же счетъ въ Ивангородъ. Подобная резолюція положена по такому же случаю происшедшему въ Любартовѣ.

Изъ частныхъ случаевъ сообщимъ о слѣдующихъ удачныхъ арестаціяхъ въ провинціи: подполковникъ Писанко при разбитіи, 21-го сентября, шайки жандармовъ-вѣшателей въ Вѣлюньскомъ уѣздѣ, захватилъ атамана ея Пшибыловича. Въ Ломжинскомъ уѣздѣ, въ лѣсу деревни Бялы, найдены, 17-го сентября, спрятанные мятежниками 109 ружей, столько же патронташей съ боевыми патронами, и 92 косы; а въ Чернобродскомъ лѣсу открыта оружейная мастерская и захваченъ оружейный мастеръ Лапинскій. Сентября 20-го арестованъ ксендзъ деревни Дменикъ, Піотрковскаго уѣзда, Мосинскій, возмущавшій крестьянъ, 27-го сентября. Въ Вельгіемѣ, Липновскаго уѣзда, пойманъ атаманъ жандармовъ-вѣшателей, шляхтичъ Свитальскій; 28-го сентября, захваченъ въ Замосцскомъ уѣздѣ, ѣхавшій курьеромъ изъ шайки Вержбицкаго, мятежникъ Серафимовичъ, съ письменнымъ видомъ на имя Левандовскаго; при немъ найдена довольно важная корреспонденція. 30-го сентября, въ городѣ Липно пойманъ вербовщикъ польскихъ жан-

дармовъ-вѣшателий и агентъ жонда, Конаровскій; того же числа въ имѣніи Климчицы, Бяльскаго уѣзда, найдено 130 штуцеровъ, а въ имѣніи Менженинѣ 50 ружей. 1-го октября схваченъ революціонный начальникъ Піотрковскаго уѣзда, владѣлецъ деревни Недышева, Піонтковскій. 4-го октября арестованъ лѣсничій казеннаго Вартельскаго лѣса, Кальварійскаго уѣзда, Пауча, и у него открыто 97 новыхъ сабель, 95 пикъ, 20 портупей и 121 пара шпоръ. 9-го октября доставленъ въ крѣпость Новогеоргіевскъ командовавшій, подъ именемъ Галушкевича, въ шайкѣ Кольба косинерами Незабитковскій.

Нѣсколько неудачна была арестація Врублевскаго, вѣшателя изъ шайки Бялаго. Полковникъ Валуевъ прислалъ его въ Новогеоргіевскъ, гдѣ Врублевскій объявилъ, что желаетъ открыть пребываніе Бялаго и просилъ о возвращеніи его къ полковнику Валуеву. Его отправили обратно, но по доставленіи въ городъ Плонскъ онъ успѣлъ бѣжать.

— 25-го сентября, по приговору полеваго военнаго суда, разстрѣлянъ въ Новогеоргіевскѣ атаманъ шайки Квицинскій, злодѣйствовавшій подъ именомъ Михайловскаго. 13-го октября, по приговору полеваго военнаго суда, разстрѣлянъ въ городѣ Сѣдльцѣ взятый въ плѣнъ дезертиръ рядовой Ивангородскаго крѣпостнаго баталіона Терпятовъ.

III.

Письмо варшавскаго корреспондента въ № 240 „Московскихъ Вѣдомостей.“

30-го октября 1863.

Тронная рѣчь императора Наполеона составляетъ въ Варшавѣ предметъ самыхъ разнорѣчивыхъ толковъ. Публика поняла инстинктомъ, что будущій,—если только будетъ,—конгрессъ будетъ пятымъ актомъ дипломатической кровавой комедіи, которая имѣетъ своею сценою Польшу; что Наполеонъ дѣйствительно „поставитъ Польшу въ такія условія, чтобъ она *не могла* на будущее время бунтовать“, то-есть чтобы *некому* было бунтовать. Еслибы Наполеонъ хотѣлъ имъ помочь, то помогъ бы давно, и не допустилъ бы чтобы тысячи Поляковъ гибли отъ русскаго штыка. Такъ разсуждала умѣренная партія. Красные и люди ограниченные наиболѣе налегали на слова Наполеона о границахъ Польши 1772 года и уже видѣли въ воображеніи своемъ, какъ „москва“ постыдно отступаетъ за Днѣпръ. Но и тѣ, и другіе ожидали, что скажетъ загранично-польская печать. Наконецъ заговорилъ и *Часъ!* Что же онъ сказалъ? Раздѣляя ожиданіе красныхъ, въ нумерѣ отъ 8-го ноября онъ дошелъ до того, что въ увлеченіи своей краковской хвастливости спрашиваетъ: *„Кто въ этомъ дѣлѣ окажетъ больше кому услуги: Наполеонъ Польшѣ, или Польша Наполеону?“* то-есть Наполеонъ ли воз-

величитъ Польшу, или Польша Наполеона? Этого мало: *Часъ* говоритъ въ заключеніе: „*Не столько судьбы Польши зависятъ теперь отъ Европы, сколько судьбы Европы зависятъ отъ Польши, потому что будущность цѣлаго свѣта должна рѣшиться на берегахъ Вислы!*“ Несмотря на эти нелѣпыя выходки, *Часъ* и К° производятъ мало эффекта на Поляковъ; они начинаютъ понимать, что онъ закрываетъ предъ ними истину и вызываетъ на напрасное пролитіе крови.

Завтра, по приговору полеваго военнаго суда, будутъ повѣшены, на Театральной площади, въ 10 часовъ утра, преступники покусившіеся на жизнь генерала Трепова. Вотъ ихъ смертный приговоръ:

„Изъ числа преступниковъ, которые утромъ 21-го октября (2-го ноября) покусились на жизнь начальника III округа корп. жанд. генералъ-майора Трепова, тотчасъ былъ схваченъ на Театральной площади ученикъ кожевеннаго завода Бауэрфейта *Антонъ Аммеръ*, и вскорѣ потомъ, по его же указанію, аресуванъ другой соучастникъ его кузнечій работникъ *Іосифъ Домбровскій*. Оба они какъ при слѣдствіи, такъ и въ военномъ судѣ, сознавшись въ покушеніи на жизнь генерала Трепова, показали, что принадлежали къ организаціи такъ-называемыхъ польскихъ жандармовъ-вѣшателей, извѣстной въ послѣднее время подъ названіемъ полиціи мятежническаго жонда. При вступленіи въ организацію, въ числѣ пяти человѣкъ, они неизвѣстнымъ имъ ксендзомъ были, въ каретномъ сараѣ г-жи Нарвонъ, приводимы къ присягѣ, коею обязывались строго выполнять всѣ приказанія жонда и убивать тѣхъ, кто будетъ имъ указанъ. Въ вознагражденіе за службу въ организаціи они получали въ разное время плату отъ 30 до 50 коп. сер. въ день; но предъ покушеніемъ на жизнь генерала Трепова, имъ дано было по 1 р. с. Наканунѣ совершенія преступленія, Аммеръ, Домбровскій и ихъ товарищи: столярный челядникъ Діакевичъ, сынъ работника при паровой мельницѣ Куровицкій и челядникъ кузнечій Когутовскій (повѣсившійся въ полицейскомъ арестѣ), получили приказаніе отъ начальника мятежнической полиціи собраться на другой день утромъ въ кондитерской Гронерта, на углу Сенаторской и Даниилевичовской улицъ. Тутъ нашли они своего начальника и помощника его (именъ ихъ не знаютъ, а въ лицо знаютъ хорошо), и вмѣстѣ съ приказаніемъ броситься на генерала Трепова, по данному знаку, въ то время когда онъ будетъ проходить по улицѣ, и убить его, получили по одному кинжалу, а Аммеръ топорикъ въ родѣ алебарды. Какъ только генералъ Треповъ показался, Аммеръ, Домбровскій и другіе бросились на него; Аммеръ ударилъ его топорикомъ сзади въ голову и ранилъ въ лѣвое ухо; но въ то самое мгновеніе, когда хотѣлъ нанести другой ударъ, генералъ-маіоръ Треповъ, обернувшись, схватилъ злоумышленника за руку, вырвалъ у него топорикъ и ранилъ самого его въ спину. Видя неудачу, другіе соумышленники Аммера разбѣжались въ разныя стороны, и Дом-

бровскій вбѣжалъ въ кондитерскую Гронерта, откуда чрезъ окошко выскочилъ на дворъ, а потомъ, сквозь калитку, которая, вопреки приказанію, не была заперта, выбѣжалъ на Данилевичовскую улицу, гдѣ и бросилъ свой кинжалъ.

„Полевой военный судъ приговорилъ Аммера и Домбровскаго, за преступленія ихъ, на основаніи (такихъ-то) статей законовъ, казнить смертію повѣшеніемъ."

Домъ въ которомъ помѣщается кондитерская Гронерта обращенъ на надобности войскъ.

Въ городѣ Влоцлавкѣ, по приговору полеваго военнаго суда, повѣшены 23-го октября два жандарма-вѣшателя: мѣщанинъ м. Буржеста-Кужавскаго Юзефъ Варковскій, за повѣшеніе предводимою имъ шайкой учителя школы того же мѣстечка Райкевича,—и мѣщанинъ Иноврацлавля Янъ Матеушъ Козловскій (злодѣйствовавшій подъ именемъ Корфини),—за то что былъ предводителемъ шайки жандармовъ-вѣшателей и совершилъ много злодѣяній.

Въ Пшаснышѣ, по приговору полеваго военнаго суда, разстрѣленъ, 24-го октября, предводитель мятежнической шайки Янъ Заремба, начальствовавшій тремя шайками, сперва подъ именемъ Зарембы, потомъ Цѣлецкаго и наконецъ Орлика, и участвовавшій въ нѣсколькихъ стычкахъ съ русскими войсками.

Въ *Официальномъ Дневникѣ*, отъ 28-го октября (9-го ноября) напечатана слѣдующая статья:

„Чтобы дать понятіе о правдивости почти всѣхъ корреспонденцій изъ Варшавы, помѣщаемыхъ въ парижскихъ журналахъ, достаточно будетъ привести отъ слова до слова слѣдующее извлеченіе изъ одной корреспонденціи, писанной будто-бы изъ Варшавы 1 ноября и напечатанной въ *Patrie* 7-го ноября:

„Повелѣніе относящееся до траура даетъ поводъ къ притѣсненіямъ „и самымъ позорнымъ насиліямъ. Всякій предоставленъ своеволію сол„дать и въ особенности женщины зависятъ отъ произвола казаковъ, за „колечко, блестку, ленточку, которыя выдаются за трауръ. Надобно „чтобы жители какимъ бы то ни было образомъ постарались избѣгать „этихъ насилій."

„Приказъ относительно траура начнетъ быть обязательнымъ только съ завтрашняго числа въ Варшавѣ. Очевидно, что статья была заблаговременно приготовлена на 10-е число. Остается только сожалѣть о неловкости издателя упомянутаго французскаго журнала."

IV.

Изъ Царства Польскаго по прямымъ свѣдѣніямъ, въ № 241 „Московскихъ Вѣдомостей“ 31-го октября.

Снятіе траура въ Варшавѣ совершилось благополучно и повело за собой снятіе траура и въ провинціи. Едва правительство успѣло издать приказаніе о денежномъ взысканіи съ лицъ носящихъ траурную одежду, какъ появились одинъ за другимъ революціонные плакаты, которые торопились увѣрить публику, что теперь въ траурѣ не настоитъ особой надобности. Жондъ ясно видѣлъ, что ему угрожаетъ такое же пораженіе, какое постигло его по вопросу о контрибуціи. Словами самаго откровеннаго своего агента, начальника города, онъ объявилъ, что нужно снять трауръ, чтобы *москва* не воспользовалась денежными штрафами. Теперь мы имѣемъ подъ рукой другой печатный циркуляръ жонда, воззваніе его къ народу, въ которомъ выражено даже желаніе, чтобы Польки сняли трауръ; но мотивъ этого желанія нѣсколько отличается отъ приведеннаго начальникомъ города; воззваніе прямо объявляетъ, что потеря собственности конечно не заставила бы еще снять траура, но сохраненіе чести и стыдливости женской, которымъ угрожаютъ будто бы московскіе сбиры,—вотъ единственная причина которая заставляетъ жондъ настоятельно просить Полекъ о снятіи траура. Вотъ переводъ этого лукаваго воззванія:

Жондъ Народовый.

Къ Народу.

„Дикій и безбожный врагъ нашъ, осквернивъ насиліями костелы и убѣжища мертвыхъ, обезчестивъ распутствомъ клявторы, убивая и ссылая тысячи нашихъ сограждань, въ довершеніе нарушенія правъ божескихъ и человѣческихъ, бросился наконецъ на святыню домашняго очага, на стыдливость и честь женщинъ.

„Когда въ началѣ настоящаго года свирѣпость наѣзда во мракѣ ночи вырывала изъ нѣдръ семействъ нашу молодежь, когда, присовокупляя къ злодѣянію поруганіе, насъ представляли довольными насиліемъ; тогда народъ, тронутый поруганіемъ болѣе нежели злодѣяніемъ, взялся за оружіе.

„Теперь, убивая почти ежедневно нашихъ сограждань, въ поруганіе скорби народа, врагъ, дикою и раздирательною музыкой, при самыхъ почти дверяхъ смерти мучениковъ, оглашаетъ тріумфъ своихъ убійствъ.

„Ему и того недостаточно. Погубивъ сыновъ, мужей и братьевъ, онъ приказываетъ матерямъ, женамъ и дочерямъ нашимъ піодѣться въ разноцвѣтныя одежды, а за траурныя платья грозитъ преданіемъ ихъ

мщенію московскихъ сбировъ, назначая казармы распущеннаго своего солдатства помѣщеніемъ добродѣтельныхъ женъ и непорочныхъ дѣвицъ нашихъ.

„Если презрѣніе нашей молодежи подвинуло народъ къ оружію, если поруганіе мученичества вызываетъ все болѣе и болѣе новыхъ мстителей, то обезчещеніе существъ самыхъ дорогихъ намъ въ жизни распалитъ въ сердцахъ снова и съ неугасимою силой жажду борьбы для изгнанія врага, марающаго отвратительнымъ своимъ прикосновеніемъ всѣ наши святыни.

„До сихъ поръ, несмотря на лукавѣйшія наущенія врага, народъ польскій не сошелъ съ избранной дороги, и не далъ себя провести ковнямъ, которыя вмѣсто побѣды, могли бы только довести до погибели.

„Жондъ народовый, взвѣшивая минуту и часъ, избираетъ по мѣрѣ надобности для борьбы средства, которыя приведутъ самое святое народное дѣло до надлежащаго тріумфа. Въ трудной задачѣ приходится чаще укрощать преждевременную ревность чѣмъ призывать къ новымъ жертвамъ. И теперь, среди безмѣрной скорби народа, вѣрный своему призванію, жондъ народовый обращается къ тому терпѣнію народа, которое до сихъ поръ обезпечивало его усиліямъ развитіе и удачу.

„Въ самомъ дѣлѣ, среди явнаго, ежедневно усиливающагося раздраженія народа, задача его жонда становится затруднительнѣе чѣмъ когда-либо; однако мы увѣрены, что голосъ нашъ, обращенный къ вѣрнымъ народному дѣлу гражданамъ, найдетъ и теперь то повиновеніе, которое всегда встрѣчалъ, и которое слѣдуетъ истинной народной власти отъ дисциплинованныхъ гражданъ.

„Чѣмъ болѣе раздражается надъ нами бѣшенство врага, тѣмъ болѣе самообладанія обязаны мы сохранять.

„Врагъ нашъ, чѣмъ болѣе уничтожаетъ доброе и прекрасное и оскверняетъ благородное, тѣмъ болѣе чувствуетъ себя удовлетвореннымъ.

„Конечно, иначе мыслятъ вѣрные сыны отечества, а съ ними и жондъ народовый, который въ попечительности о народѣ, столь свойственной каждой истинной власти, можетъ только жертвовать интересамъ страны личною безопасностію, но обязанъ сохранять честь мужей и добродѣтель женъ.

„Траурный нарядъ нашихъ женщинъ можетъ теперь служить врагамъ нашимъ поводомъ къ новымъ, неслыханнымъ въ исторіи человѣчества злодѣйствамъ.

„Трауръ нашъ, мы всѣ это помнимъ, былъ результатомъ добровольнаго и всеобщаго порыва народа, выраженіемъ его скорби по поводу первыхъ убійствъ, которыя позволилъ себѣ врагъ надъ безоружными на варшавскихъ улицахъ. Москва видѣла въ немъ укоръ своей преступной совѣсти, и потому рѣшила преслѣдовать его.

„Пока народъ позволялъ себя убивать безоружныхъ, трауръ былъ нашимъ нѣмымъ протестомъ, нашимъ оборонительнымъ оружіемъ противъ наѣзда.

„Но Провидѣніе позволило намъ выступить на открытую съ врагомъ борьбу и замѣнить траурную пѣснь военнымъ кликомъ. Теперь истинное служеніе отечеству заключается не въ черномъ платьѣ, но въ богатырской десницѣ, въ рѣшимости на всякія жертвы.

„Еслибы москва грозила намъ только разореніемъ имущества и личнымъ заключеніемъ въ тюрьму, то упорство въ принятомъ обычаѣ траура не удивило бы свѣтъ. Но есть святыни, для охраненія которыхъ приходится жертвовать самыми дорогими ощущеніями сердца; къ такимъ святынямъ истинный Полякъ относитъ честь и стыдливость женщинъ, на которыя теперь врагъ кинулся.

„Поэтому-то жондъ народовый въ снятіи траура не усмотритъ отступничества отъ святаго дѣла; напротивъ того желаетъ, чтобы, съ этой точки зрѣнія, наши достойныя Польки, въ надеждѣ близкой, лучшей будущности, покорились необходимости и сохранили бы, исполненіемъ дикаго приказанія о снятіи траура, свою личную честь и спокойствіе.

„Не слѣдуетъ даже въ томъ усматривать вреда для нашего святаго дѣла.

„Всякій нарядъ, лишь бы только простой и скромный, который Полька надѣнетъ, будетъ для нея трауромъ. Не нужно намъ протестовать цвѣтомъ платья, когда протестуемъ кровью противъ наѣзда. Правда приходится насиловать сердце, но скорбь эта окупится, если, снимая траурное платье, каждая вѣрная Полька дастъ себѣ обѣтъ всею жизнію своею служить для пользы края, а каждый мужъ за свѣжее испытанное оскорбленіе снова присягнетъ на непримиримую борьбу съ врагомъ, которая можетъ окончиться только изгнаніемъ его.

„А теперь, среди страданій и оскорбленій, прійми мученическій народъ отъ твоего жонда слово упованія и надежды. При дикихъ выходкахъ бѣшенаго врага, жондъ народовый развиваетъ неусыпную бдительность и терпѣливо управляетъ, трудомъ проницательнымъ и ревностнымъ, на пользу отечеству.

„Часъ милосердія и справедливости для замученнаго народа, часъ кары для его палачей—не далекъ.

„Въ Варшавѣ 29-го октября 1863 (М. П.)"

Таковъ заключительный финалъ траурной исторіи, продолжавшейся два года и 8 мѣсяцевъ. Много трудовъ стоило жонду установить трауръ нерѣдко приходилось его агентамъ кислотами обливать цвѣтныя платья, и вдругъ вся эта демонстрація пропала предъ страхомъ денежнаго взысканія.

Исторія съ трауромъ чрезвычайно поучительна и для правительствующихъ лицъ. Мы допускаемъ, что ношеніе жалобы, для большинства польскихъ женщинъ образованнаго класса, было чрезвычайно соблаз-

нительною демонстраціей, къ которой онѣ спѣшили прибѣгнуть; тѣмъ не менѣе трауръ установился не сразу, и на глазахъ правительства уличная толпа, оскорбляя женщинъ, принудила къ трауру даже русскихъ дамъ. Правительство терялось въ средствахъ уничтожить такое положеніе дѣлъ, и наконецъ пустилось, какъ мы слышали, на хитрость, которая еще болѣе побудила русскихъ дамъ къ ношенію траура; были наняты публичныя женщины, обязавшіяся ходить въ цвѣтной одеждѣ.... Трауръ дѣлался чуть не государственнымъ вопросомъ. И вдругъ вся эта исторія разрѣшается въ самое трудное время безъ всякихъ хитростей, и трауръ не выдерживаетъ десятирублеваго взысканія! Дѣло въ томъ, что русскія власти начинаютъ пріобрѣтать ту силу которая одна способна производить какое-либо дѣйствіе, силу, которая была столь непроизводительнымъ образомъ растрачена въ теченіи 1860—1862 годовъ, когда власти каждой революціонной выходкѣ отвѣчали полными уступками, раздражавшими только аппетитъ революціонеровъ и ни мало не удовлетворявшими умѣренной партіи, которая наконецъ совсѣмъ примкнула къ красной.

Въ настоящую минуту сила законнаго правительства въ Царствѣ начинаетъ подыматься. Мы получили и продолжаемъ получать тому неопровержимыя доказательства. Взносъ контрибуціи, снятіе траура, взносъ податей, все это достигнуто даже безъ особыхъ трудностей.

Объ успѣхѣ сбора податей въ провинціяхъ Царства Польскаго уже были разновременно сообщены нѣкоторыя свѣдѣнія. Теперь, съ полученіемъ болѣе подробныхъ допесеній, операція эта представляется въ слѣдующемъ видѣ,—разсматривая ее по военнымъ отдѣламъ.

По Люблинскому военному отдѣлу: по $^{15}/_{27}$ октября въ Люблинской губерніи внесено въ уѣздныя казначейства самими жителями и частію взысканы посредствомъ военной экзекуціи слѣдующія суммы:

Изъ Люблина	7.748	р.	38	к. с.
— Люблинск. уѣзда	62.466	—	$8^1/_4$	—
— Радзынскаго	54.000	—	„	—
— Красноставскаго	45.170	—	$64^1/_2$	—
— Грубѣшовскаго	16.260	—	91	—
— Сѣдлѣц. и Бяльск.	21.752	—	$69^1/_2$	—
— Кр. Ивангорода	4.632	—	$68^1/_2$	—
— — Замостья	1.200	—	—	—
Итого	213.231	р.	$39^3/_4$	—

О числѣ собранныхъ въ Замосцьскомъ уѣздѣ податей свѣдѣній еще не получено, а въ Луковскомъ уѣздѣ подати еще не собирались, потому что Луковское уѣздное казначейство, по случаю уничтоженія мятежниками книгъ онаго, не можетъ составить вѣдомостей о числѣ

недоимокъ и другихъ казенныхъ сборовъ; свѣдѣнія эти потребованы отъ Люблинскаго губернскаго правленія.

По Радомскому военному отдѣлу: Вслѣдствіе извѣстнаго распоряженія генерала Ушакова, по которому контрибуенты сами обязаны были внести въ извѣстный срокъ подати въ уѣздныя казначейства, въ Радомской губерніи жители доставили къ (15) 27 октября въ казначейства, безъ употребленія военной экзекуціи:

Изъ Радомскаго уѣзда	150.342 р.		
— Опатовскаго	70.573 —	93½	—
— Опочинскаго	188.930 —	84	—
— Сандомірскаго	74.475 —	52	—
— Кѣлецкаго	35.744 —	98½	—
— Мѣховскаго	22.792 —	25	—
— Олькушскаго	37.490 —	—	—
— Стопницкаго	34.275 —	—	—
Итого	614.624 —	53	—

Вообще по этому отдѣлу дѣла идутъ довольно успѣшно, и только сосѣдство съ Галиціей нѣкоторыхъ уѣздовъ еще нѣсколько затрудняетъ управленіе ими.

По Калишскому военному отдѣлу: Къ числу, можно сказать, преждевременныхъ свѣдѣній о сборѣ податей относится донесеніе бывшаго начальника Коникъ-Кладовскаго отдѣленія, генерала Костанды, который въ іюлѣ мѣсяцѣ сдѣлалъ правительству сюрпризъ присылкой въ Варшаву собранныхъ имъ съ уѣзда путемъ убѣжденія 103.000 р.

Съ Калишскаго уѣзда къ (15) 27 октября было собрано 190.943 р. 56½ к.

Кромѣ того, на пополненіе недоимокъ помѣщики Калишскаго уѣзда въ теченіе одного дня внесли въ уѣздное казначейство деньгами 22.000 р. и документами 13.000, всего 35.000 р. и изъ городовъ этого уѣзда 4.438 р. Для этихъ сборовъ военная экзекуція не была употреблена.

Съ Лъэнчицкаго уѣзда по (9) 21 октября было собрано 82.598 р. 50½ к. и особо съ города Лодзи 3.779 р.

Съ Равскаго, Сѣрадскаго и Піотрковскаго уѣздовъ собрано посредствомъ экзекуціи 37.992 р. 61 к.

Изъ прочихъ уѣздовъ свѣдѣній не получено.

По Плоцкому военному отдѣлу: Изъ Плоцкой губерніи имѣются самыя ограниченныя свѣдѣнія, именно:

Съ Плоцкаго уѣзда, по 23 сентября, собрано посредствомъ экзекуціи съ помѣщиковъ 5.978 р.

Съ Липновскаго уѣзда, по 29 сентября, собрано, безъ употребленія экзекуціи, 43.000 р.

По Варшавскому военному отдѣлу мы еще не имѣемъ свѣдѣній; а Августовскій отдѣлъ отошелъ къ Виленскому генералъ-губернаторству, и потому донесенія о сборѣ податей въ Августовской губерніи сосредоточиваются въ Вильнѣ.

Всего по 15-е октября по имѣющимся свѣдѣніямъ, за исключеніемъ Августовскаго военнаго отдѣла, собрано податей 1.334.585 р. $85^3/_4$ коп.

Мы не касаемся Августовской губерніи. Тамъ дѣла идутъ, повидимому довольно успѣшно, и въ Вильнѣ начали являться одна за другою депутаціи отъ крестьянъ, старообрядцевъ и даже Евреевъ съ адресами, въ которыхъ выражается желаніе о присоединеніи этой губнрніи къ Россійской Имперіи.

V.

Письмо варшавскаго корреспондента въ № 242 „московскихъ вѣдомостей".

2-го (14-го) ноября, 1863.

У насъ большой праздникъ! Графъ Бергъ утвержденъ намѣстникомъ Царства и главнокомандующимъ войсками здѣсь расположенными. Мы поздравляемъ другъ друга съ этою новостію, и восторгъ нашъ неподдѣльный. Польша была недостойна имѣть Царскаго Брата своимъ намѣстникомъ. Мы увѣрены, что графъ Бергъ уничтожитъ терроризмъ подпольной шайки, называющей себя народнымъ правительствомъ, и раздавитъ нелѣпый мятежъ. Еслибы только новый намѣстникъ имѣлъ поболѣе Хрущовыхъ, Треповыхъ, Рожновыхъ, Манюкиныхъ, Ермоловыхъ и др.

Трауръ у насъ упалъ безвозвратно. Не было ни одного случая ареста и взысканія денежнаго штрафа. Перемѣна одежды совершилась тихо, какъ будто никогда жалобы и не было.

Поручикъ Оноприенко поймалъ вчера „жондоваго коммиссара Мазовецкаго воеводства" Лютостанскаго. Эта зловредная личность давно была отыскиваема и наконецъ попалась въ руки со всѣми атрибутами.

Прилагаю № 10. *Niepodległości* отъ 26-го октября. Въ настоящее время подобные листки составляютъ величайшую рѣдкость и похожи только на вспышки фалшфейера во мракѣ. Жондъ связанъ по рукамъ и ногамъ. Остается открыть типографію *Неподлеглости*; кажется, уже напали на слѣдъ ея. Если эта газета печатается не въ одной изъ здѣшнихъ типографій, то конечно по провинціи. Она является чуть не съ каждымъ нумеромъ въ новой формѣ, и потому можно полагать, что ее печатаютъ въ разныхъ мѣстахъ украдкою; повидимому она печа-

тается въ самомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ. Посылаемый мною къ вамъ нумеръ вышелъ прежде приказа жонда народоваго о траурѣ (29-го октября); съ тѣхъ поръ новаго ничего уже не появлялось.

Литографъ жонда народоваго Струнчевскій, помощникъ его Кренжелевскій и прочіе пойманные соучастники ихъ преданы полевому военному суду.

Сегодня въ 10 часовъ утра разстрѣлянъ на гласисѣ цитадели сынъ подполковника Варшавскаго жандармскаго дивизіона Игнатій Трушинскій. Онъ былъ весьма дѣятельнымъ членомъ народоваго жонда и, между прочимъ, самъ издалъ извѣстную прокламацію, лишающую покровительства законовъ всѣхъ начальствующихъ лицъ и занимающихся слѣдствіями, въ томъ числѣ и отца своего. Онъ жилъ вмѣстѣ съ отцомъ въ Мировскихъ казармахъ, занималъ комнату надъ квартирой отца, и тамъ имѣлъ огромные склады мятежническихъ бумагъ, и оттуда повелѣвалъ народомъ. Если онъ не повѣшенъ, то единственно по уваженію къ званію и заслугамъ отца. Вотъ его смертный приговоръ:

„Дворянинъ Игнатій Трушинскій, окончившій курсъ наукъ въ медицинскомъ факультетѣ здѣшней Главной Школы, по произведенному надъ нимъ полевому военному суду, оказался виновнымъ въ принадлежности къ мятежнической организаціи, извѣстной подъ названіемъ „народнаго правленія“, въ которой былъ однимъ изъ главнѣйшихъ, дѣятельнѣйшихъ и наиболѣе вліятельныхъ членовъ, потому что при его помощи и содѣйствіи издаваемы были распоряженія которыя были направлены къ поддержанію и распространенію мятежа и, между прочимъ, декретъ лишающій покровительства законовъ и обрекающій на смерть разныхъ лицъ состоящихъ въ государственной службѣ, — а въ томъ числѣ и отца своего, подполковника корпуса жандармовъ Трушинскаго. За преступленія эти, Трушинскій, полевымъ военнымъ судомъ, на основаніи (такихъ-то) статей закона, приговоренъ къ смертной казни — разстрѣляніемъ.

Случай этотъ, къ прискорбію, поселяетъ еще больше недовѣрія къ проницательности здѣшнихъ жандармовъ. До сихъ поръ они не открыли ни одного заговорщика, ни одного мѣста сборища ихъ, ни одной типографіи. Подполковникъ Трушинскій, не знавшій что сынъ его, съ нимъ же вмѣстѣ живущій, главнѣйшій членъ жонда, не есть исключеніе: „Якъ громада, такъ и онъ“, по малороссійской пословицѣ. Изъ этого правила есть исключенія, но они рѣдки. Генералъ Треповъ, мы увѣрены, заставитъ гг. жандармовъ быть полезными правительству.

Во вчерашнемъ *Всеобщемъ Дневникѣ* опять сказано, что „вчерашняго числа, при повѣшеніи Аммера и Домбровскаго спокойствіе общественное *ни чѣмъ нарушено не было*.

Вчерашняго же числа объявлено распоряженіе намѣстника Царства, о томъ, что кто изъ жителей Варшавы до 18-го (30-го) ноября не внесетъ контрибуціи, усиленной до 12%, съ того будетъ взыскано 16% съ дохода.

Совѣтъ управленія Царства, постановленіемъ состоявшимся 22-го октября (3-го ноября), опредѣлилъ: дѣтямъ, остающимся послѣ смерти нижнихъ воинскихъ чиновъ, уроженцевъ Царства Польскаго, при матеряхъ, ежели онѣ находятся въ бѣдномъ состояніи, а также круглымъ сиротамъ, находящимся на воспитаніи у другихъ людей, не имѣющихъ средствъ къ содержанію ихъ, отпускать: сыновьямъ до 14, а дочерямъ до 10 лѣтъ, по $2^1/_2$ к. сер. въ сутки.

Высочайшимъ приказомъ сынъ варшавскаго оберъ-полицеймейстера, прапорщикъ *Левшинъ*, опредѣленъ въ штатъ варшавской полиціи.

Сегодня открывается здѣсь русская безплатная школа для дѣтей недостаточныхъ русскихъ родителей. Въ объявленіи читаемъ:

„Съ разрѣшенія генералъ-адъютанта графа Берга, открывается въ „Варшавѣ русская безплатная элементарная школа. Желающіе помѣ„стить туда своихъ дѣтей благоволятъ записываться въ квартирѣ док„тора Орлова (на Мазовецкой улицѣ, домъ Красинскихъ, противъ Лю„теранскаго костела, № кв. 2. внизу), или же у капитана генеральнаго „штаба Мирковича (въ зданіи штаба войскъ Ц П.).

„Ученики въ школу принимаются только приходящими. Ранѣе 7-ми „лѣтъ, дѣти въ школу не принимаются.

„Дѣти въ школѣ остаются отъ 9-ти часовъ утра до 2-хъ часовъ по„полудни, за исключеніемъ дней воскресныхъ, праздниковъ церковныхъ „и высокоторжественныхъ дней.

„Бѣднѣйшимъ дѣтямъ отъ школы раздаются въ пособіе учебныя „книги безденежно. Всѣ дѣти вообще пользуются въ самой школѣ „книгами, картами, атласами и др. принадлежностями безплатно.“

VI.

ИЗЪ ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО, ПО ПРЯМЫМЪ СВѢДѢНІЯМЪ ДО 2-ГО НОЯБРЯ, ВЪ № 243 „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“

Русскому государству везетъ удивительное счастіе: оно пріобрѣтаетъ себѣ новаго и ревностнаго защитника въ лицѣ барона Бречелли, болѣе извѣстнаго подъ именемъ Калье. Баронъ Бречелли, италіянскій подданный, одинъ изъ адъютантовъ Гарибальди, служилъ жонду въ качествѣ начальника Мазовецкаго воеводства въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ и только недавно уволенъ отъ этой должности. Съ большимъ трудомъ успѣли наши войска выискать его слѣдъ; особая военная хитрость позво-

лила взять его живьемъ. Онъ былъ представленъ князю Витгенштейну, начальнику округа Варшавско-Бромбергской желѣзной дороги, и успѣлъ покорить себѣ сердца своихъ побѣдителей. Въ самыхъ поэтическихъ краскахъ описываютъ они своего плѣннаго, и говорятъ, что этотъ блистательный во всѣхъ отношеніяхъ молодой человѣкъ хочетъ возвратиться въ Италію не иначе какъ въ чинѣ полковника русской службы, чинѣ добытомъ кровью. Бречелли не замедлилъ заявить князю, что онъ ужасно разочаровался въ Полякахъ, что за границею Поляки выставляютъ своихъ соотечественниковъ Ахиллесами и Патроклами, тогда какъ въ сущности „это мужичье, низкое, трусливое и негодное, не „только для войны, но и ровно ни для какого употребленія—даже для „сохи.“ Ясное дѣло, что ревность молодаго защитника Россіи превосходитъ всякую похвалу и заслуживаетъ награжденія. И дѣйствительно, барону Бречелли дарована жизнь и, согласно съ его просьбой, онъ опредѣленъ на службу въ линейные казаки на Кавказѣ.

Поимка барона Бречелли стоила большихъ трудностей. Его сначала выслѣдили, потомъ часть пограничныхъ объѣздчиковъ переодѣлась въ повстанческую форму и явилась къ господскому дому, въ которомъ помѣщался Калье; одинъ изъ объѣздчиковъ далъ ему знать, что въ деревню идетъ русскій отрядъ. Баронъ бросился бѣжать, выскочилъ къ переодѣтымъ объѣздчикамъ и попался такимъ образомъ въ руки нашихъ смѣтливыхъ солдатъ. За послѣднее время такіе молодеческіе подвиги русскихъ солдатъ встрѣчаются нерѣдко: 24 октября подобнымъ образомъ взятъ и начальникъ Пшаснышскаго уѣзда, Смолинскій, который хотя недовѣрчиво, но принялъ у себя двухъ переодѣтыхъ казаковъ, знающихъ по-польски; казаки разказали ему извѣстіе о разбитіи находившейся вблизи шайки, и начальникъ уѣзда началъ давать имъ письменныя приказанія. Извѣстная казакамъ подпись его, буква Z, не оставляла сомнѣній въ его личности. Его немедленно арестовали.

Еще болѣе замѣчательнымъ подвигомъ въ этомъ родѣ слѣдуетъ считать пораженіе Чаховскаго партизанами, поручиками Екатеринославскаго драгунскаго полка, Медяновымъ и Ассіевымъ, 25-го октября, близь деревни Кремна. Самимъ партизанамъ суждено было ударами шашекъ сбить Чаховскаго съ лошади и лишить его жизни; въ Радомъ они привезли уже его трупъ. Смерть Чаховскаго произвела сильное впечатлѣніе на революціонеровъ. Наши войска избавились также отъ изверга, предававшаго истязаніямъ каждаго русскаго плѣннаго; читатели помнятъ, вѣроятно, мученическую смерть капитана Никифорова.

Поиски колонны подполковника Антушевича за солью, распроданною изъ казенныхъ магазиновъ, привели къ тому, что въ Куровѣ, Люблинскаго уѣзда, найдено у Евреевъ 25 бочекъ, въ м. Козеницахъ, Радомскаго уѣзда, 11 бочекъ, также у Евреевъ, въ Любартовѣ—100 бочекъ, а въ Новой Александріи 634 бочки. Вся отысканная соль

отправлена въ Ивангородъ, а на жителей за покупку и укрывательство соли наложена чрезвычайная контрибуція.

Изъ другихъ частныхъ случаевъ, обращающихъ на себя вниманіе, приведемъ слѣдующее: 14-го октября, унтеръ-офицеръ Костромскаго пѣхотнаго полка Максимовъ убитъ подъ Радзыномъ двумя шляхтичами, изъ коихъ одинъ Забѣльскій пойманъ и по приговору военнаго суда повѣшенъ 25-го октября. 16-го октября, также за свою неосторожность поплатился казакъ Дударовъ, уведенный въ лѣсъ изъ корчмы м. Говарчева, Опочинскаго уѣзда, въ которой онъ въ пьяномъ видѣ спалъ. 11-го октября, Симбирскаго пѣхотнаго полка штабсъ-капитанъ Ольшинскій отправился съ казеннымъ деньщикомъ и двумя рядовыми на почтовыхъ изъ д. Мястковъ въ городъ Остроленку, но на дорогѣ былъ со всѣми спутниками захваченъ мятежниками. 17-го октября, засѣвшая около м. Грабова, Лъэнчицкаго уѣзда, шайка Оконьскаго, напала на проходившій казачій патруль, убила одного казака и ранила троихъ; когда же казаки отступили въ мѣстечко, то въ нихъ начали бросать изъ оконъ камнями. Бургомистръ, не предупредившій казаковъ о нахожденіи вблизи шайки, арестованъ. 23-го октября, между ст. Гарбовымъ и Ястковымъ, Люблинскаго уѣзда, захваченъ проѣзжавшій неизвѣстный офицеръ.

По приговорамъ полевыхъ судовъ произведены слѣдующія казни: Въ городѣ Влоцлавкѣ, 22-го октября, повѣшены жандармы-вѣшатели Борковскій и Козловскій; въ городѣ Сѣрадзѣ, 24-го октября, изъ числа 19 жандармовъ-вѣшателей, захваченныхъ въ плѣнъ, повѣшены предводители ихъ: Керскій, Крышка и Совинскій; того же числа въ Пшасньшѣ разстрѣлянъ начальникъ шайки жандармовъ-вѣшателей Орликъ.

27 октября со Скѣрневицкой станціи желѣзной дороги бѣжали рядовые Кіевскаго гренадерскаго полка: Климентій Франкъ, Михаилъ Зеленскій и Александръ Тумацкій, всѣ трое уроженцы Царства Польскаго.

По всѣмъ признакамъ мятежники рѣшили поддерживать борьбу въ теченіи зимы. По городамъ и мѣстечкамъ производятся усиленные насильственные наборы. Вотъ нѣсколько свѣдѣній за сентябрь и октябрь: 10 сентября изъ города Уржендова, Замосцьскаго уѣзда, уведено 22 человѣка; 11-го изъ м. Бискупицъ, Люблинскаго уѣзда, также по формальному набору уведено насильно нѣсколько мѣщанъ; 14-го изъ м. Кржешова шайки Богуша и Искры забрали до 20 человѣкъ; 16-го наборъ былъ произведенъ въ м. Турекѣ, Калишскаго уѣзда; 18-го изъ двухъ деревень Люблинскаго уѣзда, конные жандармы увели насильно 35 человѣкъ; того же числа, происходилъ наборъ въ м. Хелмѣ, Красноставскаго уѣзда, причемъ уведено нѣсколько мѣщанъ; 24-го, изъ д. Нестемпова, Пултусскаго уѣзда, уведено 8 крестьянъ; 26-го изъ д. Котушева, Опочинскаго уѣзда, уведенъ одинъ работникъ, а изъ д. Служно 7 человѣкъ; 8-го октября, изъ Пинчова, Стопницкаго уѣзда, увели

30 человѣкъ; 13-го октября, произведенъ наборъ въ гминахъ Радомскаго уѣзда, при чемъ насильно взято нѣсколько десятковъ; 14-го октября, взяли нѣсколько молодыхъ людей изъ г. Скорышова; 19-го октября, шайка, проходя чрезъ м. Грабовецъ, Грубѣшовскаго уѣзда, увела съ собою насильно 30 человѣкъ.

Такіе наборы указываютъ на рѣшимость жонда поддерживать возстаніе въ продолженіи зимы. Насильно взятые въ шайки, несчастные крестьяне поставлены между двухъ огней, и еще много крови будетъ пролито въ Царствѣ до окончательнаго умиротворенія. Уходъ изъ шайки наказывается обыкновенно убійствомъ, а недавно, 5-го октября, партія Рудовскаго употребила особый пріемъ; въ мѣстечкѣ Бодзентынѣ она собрала всѣхъ возвратившихся изъ шаекъ, обрила имъ головы до половины, и жестоко наказывала на рынкѣ тѣлесно, посыпая при томъ тѣло пескомъ. Своего рода воспитаніе въ патріотическомъ направленіи.

VII.

Изъ Царства Польскаго, по прямымъ извѣстіямъ до 2-го ноября, въ № 245 „Московскихъ Вѣдомостей".

Въ началѣ октября въ революціонной организаціи произведены радикальныя реформы. Жондъ призналъ неудовлетворительнымъ существующее устройство мятежной организаціи; онъ нашелъ, что несогласія между гражданскими и военными агентами вредятъ дѣлу, и положилъ сосредоточить въ каждомъ воеводствѣ власть въ однѣхъ рукахъ. Въ № 10 *Неподлеглости*, вышедшемъ въ Варшавѣ 26-го октября н. с., помѣщенъ по этому предмету слѣдующій декретъ жонда:

Жондъ народовый.

Принимая во вниманіе, что существуещее административное управленіе воеводствъ не соотвѣтствуютъ настоящему положенію края и его потребностямъ;

„Принимая во вниманіе, что войсковая администрація, занимающаяся организаціей при посредствѣ организаторовъ воеводскихъ и уѣздныхъ,— переходя за предѣлы дѣйствій гражданской администраціи, вслѣдствіе чего зачастую бываетъ съ нею въ противорѣчіи,—не даетъ ожидаемыхъ результатовъ;

„Принимая сверхъ того во вниманіе необходимость развитія возможно большей силы и энергіи въ дѣлахъ возстанія, въ убѣжденіи, что главнымъ къ тому средствомъ служитъ сосредоточеніе въ однѣхъ рукахъ всѣхъ отраслей провинціальной администраціи, съ соотвѣтствующимъ расширеніемъ правъ воеводскихъ властей,—по представленію департамента внутреннихъ дѣлъ, постановилъ и опредѣлилъ:

„Арт. I. Въ каждомъ воеводствѣ установляется во главѣ управленія полномочный коммиссаръ жонда народоваго, соединяющій въ своихъ рукахъ власть исполнительно-административную.

„Арт. II. Существовавшіе доселѣ управленія: жондовыхъ коммиссаровъ, гражданскихъ начальниковъ и воеводскихъ организаторовъ, упраздняются,—а права и обязанности тѣхъ управленій передаются управленію полномочнаго коммиссара.

„Арт. III. Полномочныхъ коммиссаровъ назначаетъ и увольняетъ жондъ народовый, предъ которымъ они лично отвѣтствуютъ за употребленіе довѣренной имъ власти.

„Арт. IV. Полномочный коммиссаръ управляетъ воеводствомъ непосредственно, съ помощію избранныхъ имъ чиновниковъ, и получаетъ приказы прямо отъ жонда народоваго.

„Арт. V. Управленіе администраціей въ уѣздахъ остается попрежнему въ рукахъ начальниковъ уѣздовъ, права которыхъ расширяются; сверхъ того, подъ ихъ непосредственное вѣдомство переходятъ уѣздные организаторы.

„Арт. VI. Права вышеупомянутыхъ властей, ихъ взаимныя отношенія, а равно и отношенія къ войсковымъ властямъ, въ томъ видѣ какъ они опредѣляются административными уставами отъ 6-го августа сего года, также отмѣняются, и будутъ опредѣлены особыми постановленіями.

„Арт. VII. Исполненіе настоящаго декрета поручается департаменту внутреннихъ дѣлъ и военному, по принадлежности.

„*Постановлено на засѣданіи жонда народоваго въ Варшавѣ 14-го октября 1863 года.*“

(М. П.)

Особая записка была составлена въ поясненіе необходимости вышеприведенныхъ реформъ управленія; записка эта однако не была напечатана въ польскихъ изданіяхъ, а появилась въ свѣтъ въ переводѣ въ русскихъ газетахъ. Она была заарестована полиціей въ одной изъ открытыхъ въ Варшавѣ революціонныхъ типографій. Мы приведемъ наиболѣе интересные отрывки изъ этого произведенія, имѣющаго полуофиціальный характеръ; они послужатъ свидѣтельствомъ о плохомъ направленіи дѣлъ революціи, которое едва ли исправятъ вновь предположенныя перемѣны въ революціонномъ управленіи.

„Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что средства и запасы нашей страны истощены не только конфискаціями Москвою, Пруссіею и Австріею припасовъ, необходимыхъ для обмундированія и содержанія нашихъ войскъ, но и легкомысліемъ и незнаніемъ нашимъ, нашею неопытностью.

„Отрядные начальники требуютъ доставленія не однихъ припасовъ первой необходимости, но и предметовъ роскоши. Довольствіе, угоще-

ніе нашихъ отрядовъ, встрѣчаемыхъ жителями съ восторгомъ, обходится очень дорого. Конечно нѣтъ ничего особеннаго въ томъ, что хозяинъ предложитъ нашимъ воинамъ свой винный погребъ, запасъ сигаръ, или жена его угоститъ ихъ приготовленными ею лакомствами, ибо это дѣлается по доброй волѣ; но отряды наши судятъ о преданности помѣщика по сдѣланному имъ пріему, и гдѣ не дадутъ имъ всего того, что̀ они пожелаютъ, тамъ они немедленно обнаруживаютъ свое неудовольствіе, не желая или не умѣя сообразить тѣхъ затрудненій, которыя хозяева встрѣчаютъ при заготовленіи, для неожиданно прибывшаго большаго числа людей, съѣстныхъ припасовъ и лошадей отъ нихъ потребованныхъ; иногда же нескорое исполненіе таковыхъ требованій принимается за оскорбленіе, и хозяева призываются къ отвѣту. Но все это еще не столь важно въ сравненіи съ тѣмъ, что отряды неимовѣрно истребляютъ фуражъ, въ особенности овесъ, разсыпаютъ его на землю, теряютъ наполненныя овсомъ саквы. Конные отряды, по прибытіи въ какую-либо мѣстность, забираютъ лошадей изъ господскихъ конюшень, между тѣмъ какъ лошади слѣдующія съ помѣщиковъ внесены національнымъ правительствомъ въ роспись для распредѣленія ихъ по отрядамъ, и частію уже препровождены ими по принадлежности. Забранныхъ лошадей, вслѣдствіе дурнаго присмотра и неопытности ѣздока въ кавалерійскомъ дѣлѣ, достаетъ едва на три недѣли, и тогда замѣняютъ ихъ свѣжими лошадьми, забираемыми тоже въ господскихъ мызахъ. Неудивительно, что мы, при всей немногочисленности кавалеріи, уже теперь ощущаемъ недостатокъ въ хорошихъ лошадяхъ, и вскорѣ придется брать подъ кавалерію рабочихъ лошадей, непригодныхъ для таковой службы. Та же неопытнось, та же небрежность замѣтны и въ обращеніи съ оружіемъ, которое приходится пріобрѣтать чуть не на вѣсъ золота, или окупать слезами и страданіями тѣмь изъ насъ, которыхъ захватываетъ при доставкѣ оружія врагъ нашъ Случается, что оружіе наши войска совсѣмъ теряютъ или промѣниваютъ. Лагерное хозяйство у насъ въ самомъ плачевномъ состояніи. Народъ нашъ не прочь отъ пожертвованій,—есть лица которыя готовы нести на алтарь отечества все свое достояніе, но при всемъ томъ онъ не можетъ равнодушно смотрѣть на такую безпечность и неурядицу въ лагерномъ хозяйствѣ. Если лишнія траты будутъ въ такой же мѣрѣ продолжаться, то мы не будемъ имѣть возможности собрать тѣ припасы которые намъ необходимы, и которые уже назначены къ доставленію по принадлежности, и край нашъ въ конецъ обѣднѣетъ.“

Нельзя не согласиться со справедливостью фактовъ и вѣрностью посылокъ разсматриваемой записки. Дѣйствительно, край скоро въ конецъ обѣднѣетъ. Появленіе самой записки отчасти можетъ служить тому доказательствомъ, потому что только крайность могла побудить беззащитныхъ помѣщиковъ жаловаться жонду на грабежъ повстанцевъ.

Продѣлки мелкихъ шаекъ развиваются все болѣе и болѣе; помѣщики и горожане нѣкоторыхъ городовъ начинаютъ уже просить, какъ милости, водворить въ ихъ мѣстахъ жительства военныя команды.

Далѣе слѣдуетъ въ запискѣ переходъ къ главному предмету ея содержанія: къ антагонизму между военными и гражданскими властями.

„Легко объяснить, говоритъ записка, водворившійся въ послѣднее время антагонизмъ между военными и гражданскими властями. Военныя власти безпрестанно требуютъ доставленія имъ оружія, аммуниціи, лошадей, обмундированія и пр., каковое домогательство не всегда можно исполнить, а между тѣмъ не берутъ и даже теряютъ находящіяся у нихъ въ отрядѣ вещи; претерпѣвая недостатокъ въ томъ или другомъ по своей же винѣ, они въ томъ обвиняютъ гражданское начальство. Съ другой стороны, гражданскія власти не всегда правы въ своихъ требованіяхъ отъ отрядныхъ начальниковъ. Во время войны потери и бѣдствія неизбѣжны. Жаль ружей захваченныхъ непріятелемъ, жаль многаго, но болѣе всего жаль лошадей, гибнувшихъ отъ усиленныхъ переходовъ; жаль многаго, но болѣе всего жаль проливаемой нашимъ народомъ благородной крови. Что̀ дѣлать? Такова война,—*она не создаетъ, но все губитъ, уничтожаетъ.* Люди не военные не понимаютъ этого, и видя въ развалинахъ все то что̀ они воздвигали съ такимъ трудомъ и издержками, приходятъ въ отчаяніе и клянутъ вождей и ратниковъ своихъ.... Въ нѣкоторыхъ случаяхъ гражданскія власти правы. Наши отрядные начальники большею частію или вовсе не были въ военной службѣ или не долго служили и изучали военное дѣло, и потому мало съ нимъ ознакомлены; при томъ они рѣдко обладаютъ военными способностями, а потому часто дѣлаютъ непростительныя ошибки и позволяютъ разбивать себя тогда, когда представлялась полная возможность одержать побѣду. Что̀ же дѣлать? Повторяемъ вопросъ. Наполеоны не родятся,, какъ грибы послѣ дождя.... Положеніе нашихъ войскъ таково, что рекрутъ-офицеръ обучаетъ рекрута-солдата, иногда даже подъ выстрѣлами непріятеля. Безъ сомнѣнія такое положеніе очень затруднительно, и его надобно принять во вниманіе, а потому не слѣдуетъ быть слишкомъ взыскательнымъ, но должно стараться исправлять ошибки, не сѣтуя, не жалуясь на несчастія, ибо подобныя жалобы ни къ чему не пригодятся. Сколь легко подвергнуть критическому разбору проигранное дѣло, столь трудно разчитать заранѣе всѣ шансы боя. Совѣтуемъ гражданскимъ властямъ (власти эти составляютъ всѣ тѣ которые служатъ отечеству безъ оружія въ рукахъ) вооружиться большимъ терпѣніемъ. Каждому понятно, какъ больно поселянину лишиться жеребенка, котораго онъ холилъ и лелѣялъ три-четыре года; но повторяемъ *войско не производитъ, не создаетъ, но губитъ и уничтожаетъ.* Для избѣжанія бо̀льшихъ потерь одно спасеніе: подвергаться меньшимъ.“

Затѣмъ въ запискѣ рекомендуется всѣмъ могущимъ носить оружіе, немедленно вооружиться; а остальнымъ же совѣтуютъ неусыпною дѣятельностію предовращать потерю военныхъ силъ или ослаблять значеніе этихъ потерь. Первый шагъ къ успѣшной дѣятельности, по мнѣнію автора записки, будетъ сдѣланъ тогда, когда военныя и гражданскія власти сдѣлаются болѣе разсудительными и менѣе взыскательными.

Учрежденіе полномочныхъ коммиссаровъ, насколько можно судить по фактамъ за октябрь, только послужило къ развитію системы грабежей казеннаго и частнаго имущества. Этимъ учрежденіемъ парализованы дѣйствія „гражданскихъ властей“ жонда, высказавшихъ неудовольствіе по поводу безпорядковъ въ краѣ производимыхъ воинами жонда. Деспотизмъ жонда, согласно съ его желаніемъ, теперь усиливается въ провинціяхъ.

Вмѣстѣ съ декретомъ о полномочныхъ коммиссарахъ, въ № 10 *Niepodległości* помѣщенъ еще декретъ о займѣ и возваніе, обращенное по этому случаю къ народу. Декретъ этотъ не скоро однако возымѣетъ свое дѣйствіе, такъ какъ всѣ облигаціи займа, росписки, квитанціи, какъ извѣстно, захвачены полиціей. Кромѣ того, въ газетѣ напечатанъ новый декретъ, которымъ, по представленію департамента финансовъ, учреждается особая контрольная палата. Мы не перепечатываемъ этотъ декретъ только потому, что онъ занимаетъ цѣлый столбецъ революціонной газеты. Обязаности контрольной палаты всѣмъ извѣстны, въ декретѣ онѣ изложены человѣкомъ знающимъ дѣлопроизводство. Контрольная палата отъ нашего государственнаго контроля будетъ отличиться главнымъ образомъ тѣмъ что будетъ повѣрять расходы немедленно по полученіи жондомъ отъ революціонныхъ агентовъ ежемѣсячныхъ рапортовъ со счетами издержекъ, что̀ очень естественно, такъ какъ дни жонда сочтены, а потому отсрочивать повѣрку счетовъ до конца года не приходится. Изъ другихъ особенностей декрета мы приведемъ еще то, что контрольная палата обязана завѣдывать и счетами доставляемыми изъ польскихъ провинцій находящихся внѣ границы „русскаго захвата“; только счеты эти не будутъ подвергаться предварительному разсмотрѣнію департамента финансовъ. Контрольной палатѣ дано право входить съ представленіями въ жондъ народовый. Декретъ касательно ея устройства постановленъ на засѣданіи жонда народоваго въ Варшавѣ, 16-го октября н. с.

Изъ мелкихъ объявленій жонда, опубликованныхъ въ *Неподлеглости*, обращаетъ на себя вниманіе объявленіе о томъ, что вскорѣ въ Парижѣ на французскомъ языкѣ будетъ издаваться періодическое изданіе, посвященное польскимъ интересамъ. Странное увѣдомленіе! Неужели еще мало Полякамъ тѣмъ парижскихъ газетъ, которыхъ усердіе къ польскому дѣлу поистинѣ замѣчательно?

VIII.

ПРОГРАММА ПОЛЬСКАГО ВОЗСТАНІЯ, СОСТАВЛЕННАЯ 1-го МАРТА 1861 ГОДА.

Въ № 247 „московскихъ вѣдомостей.“

Только что получили мы интересный документъ, относящійся къ польскому возстанію, найденный въ бумагахъ графа Замойскаго. Это проектъ за подписью Лудвига Мѣрославскаго отъ 1-го марта 1861 года. Выше, въ передовой статьѣ этого №, сказано нами нѣсколько пояснительныхъ словъ о документѣ, текстъ котораго въ переводѣ предлагаемъ здѣсь вполнѣ:

„1. Пролетѣть чрезъ Варшаву, съ цѣлію получить основательныя свѣдѣнія о духѣ и направленіи манифестаціи 25 февраля, относительно состоявшагося постановленія Земледѣльческаго Общества о надѣлѣ крестьянъ землей (uwłaszczenie). Надѣлъ этотъ принять исходнымъ пунктомъ всѣхъ будущихъ приготовленій къ народному возстанію, а массы, надѣленныя, по этому священному постановленію, землей, въ вѣчную ихъ собственность, считать фундаментомъ возрождающейся Рѣчи Посполитой. Въ проѣздъ къ самымъ отдаленнымъ восточнымъ границамъ Польши, распространять благую вѣсть, что Земледѣльческое Общество, заботясь о народѣ, *приказало*, * 24 февраля, помѣщикамъ всѣхъ безъ исключенія провинцій, чтобъ они отдали поселянамъ въ ихъ собственность, по добровольному условію, всю воздѣлываемую ими донынѣ землю. Не допускать никакихъ по этому предмету разсужденій и объявлять о немъ лаконически, какъ о фактѣ совершившемся. Чтобы подчиненіе всѣхъ провинцій таковому приказанію столицы было утверждено правительствомъ, землевладѣльцы Литвы и Руси отправятъ немедленно депутаціи въ Петербургъ, которыя совершенно сольются тамъ съ депутаціей варшавскою и будутъ слѣпо дѣйствовать въ смыслѣ ея требованій. Не раздѣлятъ насъ утѣснители, если со временемъ сами мы не раздѣлимся. Написать и напечатать по-русски прокламаціи, возвѣщающія народу означенное варшавское благодѣяніе, и такъ разчитать условія и плату помѣщикамъ, чтобы во всякомъ случаѣ благодѣяніе это во много разъ превышало постановленія петербургскихъ указовъ. Если Царь, что однако трудно допустить, немедленно на все согласится, то распространять въ народѣ слухъ, что онъ устрашенъ и покоренъ волею Варшавы. По этому случаю устраивать народныя торжества, при шумныхъ и многолюдныхъ сборищахъ народа, которыя должна собирать шляхта; она же обязана руководить народомъ, безъ малѣйшаго вмѣшательства поповъ и чиновниковъ. Затѣмъ немедленно, откро-

* Всѣ подчеркнутыя слова — подчеркнуты въ оригиналѣ.

венно, съ полною готовностью, безъ малѣйшихъ колебаній, хотя бы съ величайшимъ ущербомъ для себя, слѣдуетъ ввести въ жизнь варшавское постановленіе, не ожидая, чего Боже сохрани, подробныхъ распоряженій изъ Петербурга.

„Еще лучше будетъ положеніе шляхты, если Царь совершенно откажется дать указъ утверждающій варшавское постановленіе, или оттянетъ окончательное утвержденіе до той минуты, когда будутъ окончены наши приготовленія къ возстанію.

„2. Поручить капитулу варшавскаго движенія неутомимо занимать вниманіе Европы газетными корреспонденціями и депутаціями къ правительствамъ Французскому и Англійскому. Пусть, съ одной стороны, общественное мнѣніе западныхъ массъ постоянно будетъ удерживаемо въ лихорадочномъ любопытствѣ, и въ ожиданіи съ каждымъ разомъ болѣе поразительныхъ явленій польской жизненности и русскаго безсилія. Для этого посылать во всѣ журналы, нѣмецкіе и французскіе, англійскіе и италіянскіе, извѣстія, хотя бы и выдуманныя (sic), о подземныхъ потрясеніяхъ въ Россіи, подрывающихъ царское правительство; объ окончательномъ разрывѣ между боярами, мужиками и чиновниками, въ особенности же о жалкомъ состояніи Россіи въ отношеніяхъ финансовомъ, военномъ и административномъ, и о распаденіи цѣлаго механизма Петра Великаго подъ вліяніемъ мстительной *польской идеи.* Надобно убѣдить свѣтъ, что никто, кромѣ однихъ Поляковъ, не можетъ побѣдить царизма. Съ другой стороны, слѣдуетъ сильно докучать Англійскому и Французскому правительствамъ, и посылать къ нимъ изъ Варшавы подложныя жалобы, какія будто бы посылались въ Петербургъ и тамъ не были уважены. Надобно замѣтить, что эти депутаціи сначала ничего не достигнутъ; но это не должно охлаждать ихъ рвенія, потому что главнѣйшая наша цѣль заключается въ томъ чтобы заставить эти правительства скомпрометтироваться предъ Россіей, и потомъ, чтобы самимъ намъ пріобрѣсти право жаловаться предъ свѣтомъ на ихъ равнодушіе. Сообщается по секрету соотечественникамъ, что это совѣтъ людей хорошо ознакомленныхъ съ тюильрійскою политикой, и подражаніе Италіянцамъ, которые, надоѣдая въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ своимъ патріотизмомъ, сокрушили всѣ преграды дипломатіи, убѣдили Французскаго императора сдѣлать то, чего онъ никогда не хотѣлъ и о чемъ никогда даже не думалъ, и заставили Французское правительство, волею-неволею, оказать помощь ихъ освобожденію. Но Боже сохрани употреблять для этого эмигрантовъ, потому что это доставило бы западнымъ правительствамъ, — которымъ не на руку польское движеніе, — самую лучшую отговорку къ отказу отъ всякихъ сношеній съ этимъ движеніемъ. Болѣе всего падлежитъ избѣгать интригановъ отеля Ламберъ (Чарторыйскихъ), выходцевъ изъ края, истершихся совершенно во всѣхъ министерскихъ переднихъ за-границей, и сдѣлав-

шихся посмѣшищемъ для всѣхъ, нерасположенныхъ къ нашему дѣлу. Послы изъ края должны также остерегаться слишкомъ близкаго доступа къ Тюильри, гдѣ они легко могутъ быть разгаданы: но взамѣнъ того они должны стараться сблизиться съ *Пале-Роялемъ* (резиденція принца Наполеона), изъ котораго и получать всякую помощь и инструкціи. Необходимыя въ этомъ случаѣ наставленія и объясненія дастъ депутатъ (delegowany) G. L. M. Повторяемъ, что означенныя депутаціи не должны ожидать отъ жалобъ своихъ иного результата, кромѣ проложенія на будущее время пути отъ инсуррекціонной Польши къ западной политикѣ, и *запуганія* Русскихъ и Нѣмцевъ, что правительства Французское, Англійское и Италіянское состоятъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ польскимъ движеніемъ. Намъ же приходится удовольствоваться тѣмъ, что Италіянцы, Венгерцы и всѣ народности расторгающія австрійскія цѣпи, *всякою варшавскою манифестаціей* каждый разъ тѣснѣе съ нами связываются. Въ этомъ отношеніи состоялось полное соглашеніе между Мѣрославскимъ, Гарибальди и Клапкою.

„3. Внутри края удерживать сколь возможно долѣе агитаціонную пропаганду на степени чисто-экономическихъ реформъ, не допускать, всѣми силами, вооруженнаго возстанія до тѣхъ поръ, пока шляхетскіе трибуны не доведутъ всего народа восточныхъ провинцій до одинаковой съ мазурскимъ народомъ степени патріотическаго настроенія. На этомъ пути ожидать наступательныхъ дѣйствій со стороны московскаго войска, и какъ только таковыя начнутся, въ какой бы степени зрѣлости ни застали они возстаніе, безъ малѣйшаго колебанія пристать на жизнь и на смерть къ народнымъ массамъ, не отставать отъ нихъ до окончательнаго и славнаго освобожденія Рѣчи Посполитой, схватить и увлечь ихъ съ собою, куда потребуетъ отчаянная борьба съ утѣснителями.

„Каждый долженъ предвидѣть, неустранимые никакою дальновидною политикой, гибельные геростратическіе и даже гайдамацкіе элементы, какіе будутъ вызваны этимъ агитаціоннымъ періодомъ и порождены осадками растлѣннаго долгою неволей общества; но вмѣстѣ съ тѣмъ и обязанностью каждаго должно быть успокоеніе этихъ элементовъ практическими жертвами въ большихъ размѣрахъ и услажденіемъ народной доли по мѣрѣ возможности и силъ; особенно же слѣдуетъ излѣчить общество дисциплиною, необходимою для военныхъ приготовленій, потому что этой пробы никакой лжетрибунъ не выдержитъ. Впрочемъ, неизлѣчимымъ демагогамъ нужно открыть клѣтку для полета за Днѣпръ: пусть тамъ распространяютъ казацкую гайдамачину противъ поповъ, чиновниковъ и бояръ, увѣряя мужиковъ, что они стараются удержать ихъ въ крѣпости. Должно имѣть въ готовности полный запасъ смутъ и излить его на пожаръ, зажженный уже во внутренности Москвы. Вся агитація *малороссіянизма* пусть переносится за Днѣпръ; тамъ

обширное Пугачевское поле для нашей запоздавшей числомъ *Хмѣльничевщины.* Вотъ въ чемъ состоитъ вся наша панславистическая и коммунистическая школа! Вотъ весь польскій *герценизмъ*! Пусть онъ издали помогаетъ польскому освобожденію, терзая сокровенныя внутренности царизма. Это достойное и легкое ремесло для *полу-Поляковъ* и *полу-Русскихъ,* наполняющихъ нынѣ всѣ ступени гражданской и военной іерархіи въ Россіи! Пусть себѣ замѣняютъ вдоль и поперекъ анархіей русскій царизмъ, отъ котораго наконецъ освободится и очистится сосѣдняя намъ московская народность. Пусть обольщаютъ себя девизомъ, что этотъ радикализмъ послужитъ „*для вашей и нашей свободы*“: перенесеніе его въ предѣлы Польши будетъ считаться измѣною отчизнѣ и будетъ наказываться смертію, какъ государственная измѣна. Внутри границъ нашихъ все нетерпѣніе радикализма должно ограничиваться приготовленіями къ возстанію: всѣми проходами по границѣ должно ввозить въ край порохъ, хорошее оружіе, одноствольныя охотничья ружья, — но не двустволки, — и если можно штуцера, а равно всякія хозяйственныя желѣзныя орудія; всѣ желѣзныя фабрики, какія только находятся въ польскихъ рукахъ, приспособлять въ предусмотрѣніи войны; заготовлять вездѣ принадлежности для кавалеріи и обоза, такъ чтобы все было въ готовности по первому востребованію. Между тѣмъ, должно изготовляться и распредѣляться по ремесламъ заблаговременно, въ безпрерывномъ ожиданіи импровизованной войны; при чемъ имѣть въ виду, что шляхта охотнѣе готовится для службы въ кавалеріи, мѣщане и лѣсное народонаселеніе къ службѣ стрѣлковой, а крестьянская туча для косинерской. Всѣхъ ихъ надобно имѣть подъ особымъ покровительствомъ и окружать всею заботливостію. Далѣе: ученики техническихъ заведеній должны поступать въ инженерныя войска и артиллерію, Поляки Моисеева вѣроисповѣданія для работъ въ швальняхъ (!!) и т. д. Пусть при этомъ нетерпѣливый патріотизмъ хорошо уразумѣетъ, что такая дѣятельная и приготовительная проволочка времени намъ необходима во всѣхъ отношеніяхъ, какъ для того чтобы снова склонить народъ, особенно литовскій, русскій и галиційскій, къ прежнему довѣрію и подчиненію шляхтѣ, отъ которой онъ отвыкъ уже подъ вліяніемъ долгой московской и австрійской неволи, такъ и для матеріальнаго его вооруженія, и наконецъ, для того чтобы дождаться одного изъ двухъ утѣшеній въ близкомъ будущемъ: внѣшней войны или возмущенія въ Россіи, — а дай Богъ того и другаго вмѣстѣ.

„4. Только такой счастливый моментъ стеченія благопріятныхъ обстоятельствъ внутри и внѣ края можно почитать сигналомъ къ одновременному на всей польской землѣ востанію. Имѣя однакоже въ виду, что нѣкоторыя провинціи находятся въ исключительныхъ условіяхъ и могутъ составлять исключеніе изъ общаго правила, — должно вести возстаніе въ слѣдующемъ порядкѣ:

„а) Взволнованныя предыдущею экономическою агитаціей массы сельскаго народонаселенія, вооруженныя чѣмъ попало, подъ непремѣннымъ предводительствомъ шляхты, сбѣгаются отвсюду въ уѣздный городъ, неожиданнымъ нападенімъ истребляютъ въ немъ гарнизонъ утѣснителя, и немедленно баррикадируютъ улицы и обращаютъ въ *блокгаузы* строенія, устраивая изъ города укрѣпленный острогъ.

б) Начальники отдѣляютъ, какъ можно скорѣе, изъ всего сброда, самыхъ лучшихъ людей, подъ названіемъ *перваго набора*, снабжаютъ ихъ лучшимъ оружіемъ, особенно холоднымъ, и продовольствіемъ дня на три, и уводятъ ихъ въ условленный воеводскій или губернскій лагерь, избѣгая, сколь возможно, встрѣчи съ непріятелемъ, до тѣхъ поръ пока всѣ наборы не стекутся въ одинъ отрядъ, подъ одно начальство. Имѣя въ виду, что по крайней мѣрѣ половина огнестрѣльнаго оружія останется въ уѣздныхъ острогахъ при резервахъ, начальники воеводскихъ лагерей должны главнымъ образомъ разчитывать на кавалерію и косинеровъ; если притомъ безпрестанно, съ неутомимымъ усердіемъ и на каждомъ привалѣ, они будутъ пріучать пѣшихъ людей къ искусному употребленію оружія, а уланъ къ пренебреженію непріятельскимъ огнемъ, развивая въ нихъ стремленіе къ скорѣйшей съ нимъ встрѣчѣ и атакѣ его на лету, то войско будетъ достаточно образовано. Надо учить косинеровъ ложиться на землю подъ пушечнымъ огнемъ, и атаковать бѣгомъ подъ огнемъ ружейнымъ. Все оружіе, какое есть, должно находиться при ротахъ стрѣлковъ, которыя не должны быть отдѣляемы отъ косинерскихъ батальйоновъ ни въ какомъ строю ни на одно мгновеніе, кромѣ только тѣхъ случаевъ, когда стрѣлки разсыпаются, и то въ виду косинеровъ; при угрожающей же атакѣ со стороны непріятеля, стрѣлкамъ прятаться въ косинерскія каре, какъ въ редуты изъ палисадовъ, и изъ третьей шеренги, надъ головами поставленныхъ на колѣни косинеровъ, стрѣлять хладнокровно, допустивъ на самое близкое разстояніе. Необходимый въ каждомъ возстаніи обозъ устанавливать въ таборы, подобные прежнимъ казацкимъ, польскимъ и чешскимъ. Во время боя устраивать эти таборы при резервахъ, въ родѣ подвижныхъ укрѣпленій, а въ случаѣ потери сраженія, до тѣхъ поръ не начинать съ ними отступленія, пока какимъ-нибудь мѣткимъ со стороны нашей наступательнымъ движеніемъ непріятель не будетъ, хоть на нѣкоторое время, отъ нихъ отвлеченъ.

„с) Отряду, подученному уже во время маршей, которые предшествовали его общему сбору, и выученному окончательно въ теченіи нѣсколькихъ дневокъ въ лагерѣ, выступать, смотря по обстоятельствамъ, или противъ ближайшаго непріятельскаго отряда, или въ губернскій городъ.

„Но на этомъ моментѣ инсуррекціонной дѣятельности должны остановиться наши предварительныя инструкціи, потому что этотъ моментъ мѣстнаго возстанія необходимо долженъ соотвѣтствовать моменту готовности внѣшняго легіона, который поспѣшитъ придти на помощь возстанію.

„5. Внутреннія волненія не только не должны развлекать народъ и препятствовать поддержкѣ матеріальными и нравственными средствами этой арміи, формирующейся внѣ края, но напротивъ, этотъ близкій якорь спасенія слѣдуетъ считать самымъ прочнымъ основаніемъ всего дѣла. Поэтому, пусть особо назначенные на этотъ священный предметъ капиталы нигдѣ не зацѣпляются, подъ предлогомъ болѣе необходимыхъ для внутреннихъ работъ надобностей, а доходятъ вовремя до центральной кассы легіона, потому что внѣшнія дѣла служатъ самымъ сильнымъ рычагомъ для всей нашей справы, и дай Богъ чтобъ они не захватили насъ врасплохъ, среди гибельной нерѣшительности.

„NB. Въ настоящемъ положеніи дѣлъ народъ не долженъ дозволять врагу ни рекрутскаго набора, ни насильственнаго обезоруженія: переговоры съ московскимъ правительствомъ могутъ доставить много краснорѣчивыхъ противъ этого аргументовъ; но еслибъ они не помогли настоящему капитальному пункту, то насиліе надобно будетъ отразить насиліемъ.

„Лудвигъ Мѣрославскій."

IX.

ПОДЛОГЪ ГАЗЕТЫ *OPINION NATIONALE.*

Сообщаемъ упомянутое въ замѣткѣ предыдущаго нумера письмо нашего корреспондента, г. Щербаня, къ издателю газеты *Le Nord.* Изъ этого письма читатели ближе ознакомятся съ безчестнымъ подлогомъ, который нашелъ себѣ мѣсто въ парижской газетѣ *Opinion Nationale.*

Парижъ, Пасси, 16-го ноября.

„...Я знаю, что въ польскомъ вопросѣ истину удерживаютъ на днѣ колодезя люди весьма искусные, и что поэтому очень трудно вытащить ее оттуда; мнѣ извѣстно, что почти никогда возраженія противъ клеветъ возводимыхъ на Россію не успѣваютъ ни поколебать жалкое мужество поборниковъ польскаго дѣла, ни разсѣять предубѣжденія парижской журналистики. Тѣмъ не менѣе, я не исполнилъ бы своего долга, въ качествѣ русскаго журналиста, еслибы не возразилъ противъ новой лжи, пущенной въ оборотъ одною вечернею газетой и составленной съ помощью искаженной выписки изъ *Московскихъ Вѣдомостей*, съ которыми я состою въ сношеніяхъ. Поэтому, прошу васъ удѣлить мѣсто въ вашемъ журналѣ слѣдующимъ строкамъ:

„Вотъ что́ напечатано въ *Opinion Nationale*, 16-го ноября:

„Въ нумерѣ 18-го (30-го) октября *Московскихъ Вѣдомостей помѣщенъ „рисунокъ, который мы въ точности передаемъ, вмѣстѣ съ объяснительнымъ къ нему текстомъ.* Корреспондентъ, доставившій намъ эту вырѣзку „изъ *Московскихъ Вѣдомостей*, говорилъ слѣдующее въ письмѣ, при „которомъ приложена эта посылка:

„Препровождаю вамъ вырѣзку изъ *Московскихъ Вѣдомостей. Звѣрское* „*свойство факта, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, такова, что я счелъ* „*нужнымъ приложить къ моему письму нѣкотораго рода свидѣтельству-* „*ющій документъ, который, можетъ-быть, вамъ не дурно будетъ сберечь,* „такъ какъ могутъ найтись люди столько упрямые, „что усомнятся, что не повѣрятъ помѣщенію въ рус- „скомъ журналѣ препровождаемаго при семъ рисун- „ка и текста, которымъ онъ объясняется. Переводъ этого „текста вы можете поручить кому-нибудь провѣрить, но я пытался „передать его, по возможности, буквально.“

„Затѣмъ слѣдуетъ рисунокъ изображающій кинжальчикъ длиною въ 4 сантиметра, съ рукоятью въ видѣ креста и съ копьеобразнымъ остріемъ, „котораго русскій подлинникъ, прибавляетъ *Opinion Nationale*, находится у насъ въ рукахъ.“ Въ этомъ переводѣ сказано:

„Нашимъ читателямъ уже извѣстно, что отчаяніе вынуждаетъ „польскихъ патріотовъ нападать на нашихъ солдатъ и пора- „жать ихъ кинжалами. Здѣсь мы представляемъ имъ очеркъ новаго ору- „жія, которое городовые стражи употребляютъ для „защиты себя отъ своихъ неустрашимыхъ против- „никовъ. Орудіе этого рода было роздано часовымъ, окру- „жающимъ монастырь Бернардинцевъ: солдатамъ, „помѣщеннымъ въ домѣ г. Грабовскаго, вручено „нѣсколько сотенъ такихъ кинжаловъ и наконецъ „ими снабдятъ и жандармовъ.

„Приложенный при семъ рисунокъ изображаетъ новое оружіе въ „настоящей его величинѣ: часть А. В. С. плоская, очень тонкая, съ „небольшими зубцами въ видѣ пилы; ребра АВ и С тщательно наточены; „часть BD составляетъ цилиндръ, также усѣянный зубчиками. Эти „*зубчики наполнены* стрихниномъ, *который тщательно разведенъ въ гуми-* „*арабикѣ.* Самая незначительная рана, нанесенная этимъ страшнымъ „орудіемъ, очевидно смертельна, тѣмъ болѣе что его поворачиваютъ въ „ранѣ, и потому вынуть кинжалъ нельзя, не расширивъ раны.“

„Текстъ“, говоритъ въ заключеніе *Opinion Nationale*, „слишкомъ „ясенъ, и не нуждается въ комментаріяхъ, и читатели наши сами сумѣютъ „*заклеймить позоромъ эту утонченную жестокость Русскаго правитель-* „*ства, которое даетъ въ руки своимъ агентамъ оружіе дикарей, оружіе* „*отравленное.*“

„Когда читаешь подобныя вещи, то необходимо имѣть нѣкоторую силу воли, чтобы принудить перо свое къ спокойному возстановленію истины. Какъ, спросите вы, ужели переводъ этотъ искаженъ? Да, Боже мой, да! сто разъ, тысячу разъ да! Этотъ переводъ, сопровождаемый „уликою“, и „русскій подлинникъ“ который въ рукахъ у *Opinion Nationale*, этотъ „буквальный“ переводъ, который *Opinion Nationale* могъ

„провѣрить“,—просто-на-просто новый подлогъ, который должно присоединить къ списку фальшей, совершенныхъ защитниками польскаго дѣла.

„Честные люди всѣхъ націй и всѣхъ партій полагали, что *катихизисъ генерала Анненкова*, и особенно пресловутая *тайная воля царя*, достигли крайняго предѣла гнусностей этого рода и что невозможно было уже придумать что-либо еще болѣе гнусное. Пусть же разувѣрятся честные люди! Искусники революціоннаго дѣла одарены большею ловкостью чѣмъ можно было себѣ вообразить; для нихъ бездѣлица—при случаѣ превзойти самихъ себя, и то мѣсто которое напечатано въ *Opinion Nationale* въ видѣ буквальнаго перевода служитъ достаточнымъ доказательствомъ, что они умѣютъ держаться на высотѣ своего искусства.

„Позвольте мнѣ представить здѣсь въ истинномъ видѣ упомянутое мѣсто изъ *Московскихъ Вѣдомостей.* Я подчеркиваю два раза искаженныя строки, *) прошу васъ покорнѣйше сличить ихъ съ переводомъ помѣщеннымъ въ *Opinion Nationale:*

„Читателямъ уже извѣстно, что отчаянные головорѣзы бросаются съ кинжалами на русскихъ солдатъ. Мы можемъ представить здѣсь чертежъ того новаго оружія, которое „народная стража“, эта секта убійцъ, припасла для своего гнуснаго дѣла. Оружіе такого образца было найдено въ Бернардинскомъ монастырѣ въ числѣ нѣсколькихъ сотъ штукъ; въ домѣ Грабовскаго такихъ копій найдено цѣлые мѣшки; наконецъ съ ними попадаются жандармы-рѣзуны. Чертежъ представляетъ копье въ настоящую его величину; часть ABC плоская, тонкая, иззубренная, а ребра AB и AC чрезвычайно острыя; часть BD цилиндрическая и также забчатая. По зазубринамъ копье намазано стрихниномъ, разведеннымъ въ гумми-арабикѣ. Оружіе это убійца втыкаетъ въ шею, поворачиваетъ его тамъ и оставляетъ въ тѣлѣ. Вынуть подобный инструментъ изъ раны нельзя безъ того чтобы не расширить ея.

„При такомъ настроеніи *жонда* необходимо озаботиться мѣрами для личной безопасности воинскихъ полицейскихъ чиновъ. Вслѣдствіе того графъ Бергъ, 30-го сентября, разрѣшилъ классным чиновникамъ состоящимъ при штабахъ и войскахъ носить шашки вмѣсто присвоенныхъ имъ шпагъ. Часть полицейскихъ чиновъ получили пистолеты.“

„Вы прочли? Что вы скажете объ этой продѣлкѣ? Переводъ, сообщенный въ *Opinion Nationale*, заставляетъ *Московскія Вѣдомости* говорить совершенно противное тому что онѣ говорятъ. Польскіе *жандармы-вѣшатели* убиваютъ отравленнымъ оружіемъ, которое *Opi-*

*) Эти строки напечатаны съ разбивкой.

nion Nationale очень вѣрно обозначаетъ названіемъ „оружія дикарей“; и на Русскихъ хотятъ обратить всю гнусность этихъ убійствъ! Вы поймете, что я не скажу ни слова этому корреспонденту, дошедшему до низости фальсификатора. Но да позволено мнѣ будетъ обратиться съ замѣчаніемъ къ *Opinion Nationale.* Зачѣмъ эта почтенная газета становится органомъ отъявленныхъ негодяевъ безъ совѣсти и чести? Зачѣмъ она на столбцахъ своихъ даетъ мѣсто самой безстыдной клеветѣ?

„*Opinion Nationale*, скажутъ, введена была въ заблужденіе. Я вижу это ясно. Говоря откровенно, я хорошо знаю, люблю и уважаю Францію, и не хочу считать французскаго журналиста способнымъ къ подобнымъ продѣлкамъ. Но почему же *Opinion Nationale* позволила ввести себя въ заблужденіе? Не потому ли, что она довѣрилась „уликѣ“, присоединенной къ посланію ея корреспондента, и что, въ честности своей, она не могла понять возможности столь наглаго обмана? Прекрасно; но послѣ того какъ была напечатана *тайная воля царя*, слѣдовало бы принимать нѣкоторыя предосторожности противъ сообщеній получаемыхъ отъ польскихъ „патріотовъ“.

„Прежде напечатанія мнимаго перевода изъ *Московскихъ Вѣдомостей*, необходимо было провѣрить переводъ, тѣмъ болѣе, что къ нему приложенъ былъ оригиналъ. „*Opinion Nationale* не знаетъ по-русски.“ Тѣмъ хуже для нея. Чего не знаешь, о томъ молчи. *Opinion Nationale* поступила слишкомъ опрометчиво. Я надѣюсь, что теперь, когда этому почтенному журналу извѣстна уже истина, то онъ исправитъ свою ошибку Я надѣюсь, что *Opinion Nationale* поспѣшитъ перепечатать это исправленіе текста, и очистить себя предъ глазами своихъ читателей отъ сообщничества въ обманѣ. Но если она этого не сдѣлаетъ.... Боже мой, если она этого не сдѣлаетъ, земля попрежнему будетъ обращаться около своей оси, но русскимъ журналистамъ дозволено будетъ не вѣрить добросовѣстности, съ какою газета *Opinion Nationale* печатаетъ свои корреспонденціи.

„*Н. Щербань*,

„сотрудникъ *Московскихъ Вѣдомостей.*“

X.

ПИСЬМО ВАРШАВСКАГО КОРРЕСПОНДЕНТА ВЪ № 248 „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“.

6-ГО НОЯБРЯ.

Революціонное время — революціонные порядки. Мы здѣсь живые свидѣтели непрерывнаго ряда перемѣнъ въ личномъ составѣ высшихъ государственныхъ установленій.

Давно ли въ замкѣ обитало семейство Великаго Князя, бывали выходы, воскресные рауты, поѣздки въ Лазенки? А теперь имущество

Августѣйшаго брата Государя лежитъ въ залахъ упакованное, въ замкѣ водворилась тишина, и только дѣятельная работа по усмиренію возстанія привлекаетъ правительственныя лица въ знакомыя имъ помѣщенія, въ которыхъ уже не встрѣчаютъ они многихъ. Комендантъ замка, штабсъ-капитанъ Вжесніовскій произведенъ въ капитаны и уволенъ въ 11-ти мѣсячный отпускъ; адъютанты Великаго Князя также по большей части отправились за границу; директоръ дипломатической канцеляціи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Тенгоборскій назначенъ гофмейстеромъ ко двору Великаго Князя; гофмейстеръ Д. Н. Набоковъ въ Петербургѣ. Велёпольскіе за границей — уволены отъ всякихъ должностей...

Мысли эти пришли намъ въ голову по поводу пріема въ замкѣ, 3 (15) ноября, графомъ Бергомъ поздравленій по случаю назначенія его намѣстникомъ.

Въ короткое время графъ Бергъ успѣлъ перемѣнить порядокъ вещей въ Варшавѣ и подчинить ее безусловному повиновенію. Заслуга эта велика—если вспомнить, что примѣръ столицы обязателенъ для провинціи. Мы очень довольны тѣмъ, что русское общество оцѣнило усилія графа и начало заявлять ему чувства своей признательности. Первый шагъ сдѣлало Харьковское дворянство, и телеграмма полученная графомъ перепечатана изъ *Московскихъ Вѣдомостей* во *Всеобщемъ Дневникѣ*, отъ 4-го ноября. Пусть знакомятся Поляки съ истиннымъ настроеніемъ общественнаго мнѣнія Россіи! Съ этою же цѣлію офиціальная газета перепечатала и передовыя статьи *Московскихъ Вѣдомостей:* о тронной рѣчи Наполеона III и о депешѣ лорда Росселя.

Высочайшими указами, отъ 27-го октября, назначены: бывшій августовскій гражданскій губернаторъ Корытковскій членомъ государственнаго совѣта Царства Польскаго; графъ В. Д. Остенъ-Сакенъ въ должность директора дипломатической канцеляріи. Тѣмъ же указомъ уволенъ отъ должности предсѣдатель польскаго банка Александръ Лясскій. Надобно замѣтить, что г. Лясскій былъ только номинальнымъ предсѣдателемъ; онъ все время прожилъ за границей, и не рѣшился вступить въ должность, вслѣдствіе неоднократныхъ угрозъ центральнаго комитета. Говорятъ, что онъ человѣкъ большаго ума, благонамѣренный, и что онъ былъ опасенъ для революціонной партіи.

Уличныя убійства,—дай Богъ въ добрый часъ сказать,—кажется, въ Варшавѣ прекратились. Конфискація домовъ Замойскаго, Европейскаго отеля и палаца Бланка (по покушенію на жизнь генерала Трепова), показали разбойникамъ, что не только убійство, но и всякое на него покушеніе, обходится не дешево, и что графъ Бергъ не шутитъ. Нѣкоторые изъ красныхъ, въ оправданіе свое, говорятъ, будто бы императоръ Наполеонъ строго выговаривалъ за произведенныя убійства парижскому польскому комитету и даже пригрозилъ: убійства-де вредятъ

польской справѣ. Въ какой степени это справедливо—трудно рѣшить намъ; извѣстно только изъ рапортовъ Жихлинскаго, что онъ въ Варшавскомъ уѣздѣ имѣетъ 300 человѣкъ жандармовъ-рѣзуновъ, поступившихъ въ его кавалерію. Рапортъ этотъ очень интересенъ; доставленъ войсками по отнятіи его у одного изъ мятежниковъ. Замѣчательно то, что Жихлинскій старается привести въ порядокъ оружіе, потому что оно очень пострадало *отъ лежанія въ теченіе мѣсяца въ землѣ и трехъ недѣль въ водѣ, безъ герметическихъ ящиковъ.*

9 (21) ноября, по приговору полеваго военнаго суда, будетъ повѣшенъ на гласисѣ цитадели сынъ музыкальнаго учителя Піотровскій; онъ же членъ народоваго жонда и „организаторъ города", то-есть производитель набора въ шайки въ городѣ Варшавѣ. Похожденія его въ приговорѣ описаны общими мѣстами, а между тѣмъ онъ принадлежалъ къ числу важныхъ членовъ организаціи. Печать свою и бланкеты онъ хранилъ у двухъ дѣвицъ, жившихъ на Краковскомъ предмѣстьи; эти доказательства его званія захвачены полиціей. Участницы подвергнутся также заслуженному наказанію.

Вотъ и еще одинъ членъ жонда! И кто же? Все изъ того класса который всего менѣе имѣетъ правъ присвоивать себѣ управленіе краемъ. Бобровскій, убитый на дуэли въ Познани—студентъ Кіевскаго университета; Франковскій, повѣшенный въ Люблинѣ — ученикъ Варшавской гимназіи; Трушинскій, разстрѣлянный въ Варшавѣ—студентъ медицинскаго факультета Главной Школы; Абихтъ, повѣшенный въ Варшавѣ—безпріютный бродяга; Шварцъ, сосланный въ рудники, также не имѣлъ опредѣленныхъ занятій; Штейнгреберъ, бѣжавшій начальникъ жандармовъ-рѣзуновъ—студентъ здѣшней Главной Школы! И эти люди получили возможность присвоить себѣ право грабить, рѣзать и вѣшать народъ во имя отвлеченной идеи!

Со стороны красныхъ начинается теперь агитація особаго рода. Они начали нанимать шпіоновъ и подсылать ихъ къ правительственнымъ лицамъ съ ложными доносами на умѣренныхъ, съ тѣмъ чтобы возстановить послѣднихъ противъ правительства. Но злая выходка разгадана и не имѣла послѣдствій.

Патріотизмъ жандармовъ-вѣшателей на провинціи дошелъ до того, что, при разграбленіи почтъ, письма съ русскими адресами или истребляются, или русскія надписи зачеркиваются и взамѣнъ ихъ прописываются красными чернилами тѣ же адресы по-польски.

Ксендзъ Францисканскаго ордена, приводившій къ присягѣ убійцъ генерала Трепова въ сараѣ г-жи Нарвонъ, называется Леономъ Годлевскимъ. По арестованіи Аммера, онъ немедленно бѣжалъ съ сыномъ г-жи Нарвонъ, Феликсомъ.

Изъ Радома сообщаютъ, что тѣло атамана Чаховскаго привезено въ этотъ городъ; цѣлый день разнаго рода люди собирались на поклоненіе

ему, а 27-го октября оно, по распоряженію военнаго начальника Радомскаго отдѣла, отдано помѣщику Чарнецкому, для отвоза къ роднымъ въ деревню. Распоряженіе такого рода возбуждаетъ неудовольствіе, тѣмъ болѣе что оно принято не въ первый разъ. Въ сентябрѣ, въ Радомѣ, позволено было похоронить торжественно, въ присутствіи цѣлаго города, тѣло убитаго мятежника Фоскевича, который служилъ въ нашей кавалеріи, бѣжалъ въ шайки, и умирая, успѣлъ ранить выстрѣломъ изъ револьвера двухъ нашихъ офицеровъ. За подобныя похороны сдѣлано было замѣчаніе. Еслибы Фоскевичъ и Чаховскій попались въ руки живыми, то были бы повѣшены и лишены погребенія; особенно Чаховскій,—этотъ извѣстный извергъ. Между тѣмъ мѣстное начальство дозволяетъ поклоняться тѣлу и разрѣшаетъ хоронить его въ семейной гробницѣ. Можно себѣ представить, какая тамъ въ деревнѣ устроится манифестація! Такія дѣйствія, разумѣется, не служатъ къ успокоенію страстей, а напротивъ даютъ поводъ считать подобныхъ Чаховскому злодѣевъ мучениками церкви и отечества.

Въ прежнихъ извѣщеніяхъ о различныхъ происшествіяхъ было упомянуто, что 2-го іюля, 12 вооруженныхъ мятежниковъ увезли съ собою бургомистра мѣстечка Пилицы, Олькушскаго уѣзда, Довбара; радомскій губернаторъ въ донесеніи своемъ пренаивно присовокупилъ, что Довбаръ въ лѣсу *умеръ*. Теперь получено донесеніе отъ военныхъ властей, въ которомъ излагается, какъ онъ *умеръ*. За то что Довбаръ спряталъ отъ мятежниковъ казенную сумму, ему отрѣзали носъ, уши и живаго зарыли въ землю, потомъ выкопали и уже мертваго повѣсили. Тогда въ окрестностяхъ Олькуша злодѣйствовалъ Чаховскій. Послѣ Довбара осталась жена и *десять* дѣтей. Графъ Бергъ приказалъ назначить семейству *двойную* эмеритуру и кромѣ того единовременное пособіе въ большомъ размѣрѣ.

Открытіе училища для русскихъ дѣтей отложено до завтрашняго дня. Это первое *русское* училище въ Польшѣ, и притомъ основанное на русскія деньги. Желательно только, чтобы оно было поддержано, и потому еще разъ обращаемся къ русской публикѣ съ просьбою поддержать это первое русское училище.

Объявленіе объ открытіи училища гласитъ такъ:

„Съ разрѣшенія намѣстника Царства Польскаго, генералъ-адъютанта графа Берга, ноября 7-го, въ 12 часовъ дня, имѣетъ быть открытіе Русской элементарной школы, на Мазовецкой улицѣ, въ домѣ Красинскихъ, въ квартирѣ № 3.

„Родители симъ приглашаются представить дѣтей своихъ въ означенный день, къ 10-ти часамъ утра, въ упомянутую выше квартиру.“

Въ № 261 *Dziennika Powszechnego*, отъ 2-го ноября, помѣщена слѣдующая замѣтка:

„Въ Варшавѣ появилась въ послѣднее время новаго рода промышленность, основанная на несчастіи ближняго, — факторство для освобожденія изъ цитадели арестованныхъ въ ней преступниковъ. Факторствомъ этимъ занимаются нѣкоторыя дамы, выманивая отъ семействъ арестованныхъ деньги, подъ лживымъ предлогомъ, будто бы въ Варшавѣ, при хожденіи по дѣлу, надобно оплачивать каждый шагъ; между тѣмъ, выманенныя такимъ образомъ деньги самымъ безстыднымъ образомъ обращаютъ въ собственную пользу.

„Примѣровъ было много. На этотъ разъ можно привести два.

„Случалось, что Его Императорское Высочество Намѣстникъ, по влеченію собственнаго сердца, возвращалъ въ лоно семействъ политическихъ преступниковъ, не только содержавшихся въ цитадели, но и такихъ, о которыхъ состоялись уже судебные приговоры.

„Матери знаютъ, что кромѣ нѣсколькихъ слезъ чувства, старанія ихъ въ этихъ случаяхъ ничего имъ не стоили.

„Однакоже, милости эти увеличили агитацію факторокъ и довели до того, что, при настоящихъ обстоятельствахъ, помилованіе уже никому не оказывается.

„Въ іюлѣ мѣсяцѣ одному изъ политическихъ преступниковъ удалось переслать изъ цитадели письмо къ матери въ Велюнь, чрезъ г-жу Сендзиміръ, проживающую въ Варшавѣ. Молодой человѣкъ, между прочимъ, писалъ: „Прошу васъ, матушка, не предпринимайте никакихъ стараній обо мнѣ, потому что всѣ ваши усилія не поведутъ ни къ чему и деньги ни на что не послужатъ: ежели кто не виноватъ, то его освобождаютъ безъ всякихъ ходатайствъ; если же кто виноватъ, то не помогутъ старанія даже самыхъ высшихъ сановниковъ“. Г-жа Сендзиміръ, вѣроятно не подозрѣвая содержанія письма, пріобщила къ нему свое, и вмѣстѣ отправила къ матери арестованнаго. Описывая какимъ образомъ она вела корреспонденцію съ упомянутымъ молодымъ человѣкомъ, какъ разговаривала съ нимъ пантомимою сквозь окошко и т. п., она настаивала, чтобы мать, какъ можно скорѣе и какъ можно болѣе присылала ей денегъ, „потому что здѣсь каждый шагъ надобно оплачивать“; тѣ же, которыя она получила, она будто бы израсходовала всѣ и даже нѣсколько рублей задолжала. При этомъ высчитывала генераловъ, съ которыми будто бы была знакома и которымъ нужно заплатить, и въ заключеніе присовокупила, что подала Великому Князю Намѣстнику прошеніе объ освобожденіи Леона, назвавъ себя теткою его, и что слезами своими умѣла расчувствовать всѣхъ.

„По справкѣ въ дѣлахъ оказалось, что прошеніе г-жой Сендзиміръ вовсе подаваемо не было.

„Оба означенныя письма были, офиціальнымъ путемъ, представлены Его Высочеству, слѣдствіемъ чего было то, что свиданіе съ полити-

ческими преступниками въ цитадели и впускъ въ нее воспрещены безусловно.

„Въ послѣднее время явилась новая подобнаго же рода патріотка.

„Нѣкая Елена Борткевичъ, называющая себя вдовою полковника какихъ-то войскъ, справедливо или нѣтъ, неизвѣстно,— начала факторское поприще свое съ хожденія по дѣлу Абихта, и не разъ выпрашивала себѣ дозволеніе у высшихъ властей на свиданія съ нимъ. Въ послѣдствіи приводила неоднократно въ учрежденную при Его Высочествѣ Намѣстникѣ особую канцелярію, по дѣламъ военнаго положенія, разныхъ просительницъ объ освобожденіи ихъ родственниковъ, и прошенія ихъ имѣли разный успѣхъ.

„Это было приписываемо чистымъ патріотическимъ ея чувствамъ.

„Когда факторство,—по причинѣ большаго числа писемъ, подобныхъ писанному г-жой Сендзиміръ и забранныхъ войсками при истребленіи мятежническихъ лагерей,—сдѣлалось уже слишкомъ явнымъ, намѣстникъ безусловно запретилъ принимать прошенія о помилованіи, тѣмъ болѣе, что всякому подсудимому открыто поле для собственной защиты и представленія фактовъ очищающихъ его отъ обвиненія. Казалось тогда, что факторское поприще г-жи Борткевичъ пресѣклось.

„Однако, нѣсколько дней тому назадъ, госпожа эта привела въ особую канцелярію мать арестованнаго въ цитадели помѣщика Скуржевскаго и еще какую-то его родственницу. За отсутствіемъ директора, генерала Рожнова, я, какъ помощникъ его, принялъ дамъ и объявилъ имъ, что дѣло Скуржевскаго нисколько не касается особой канцеляріи, такъ какъ въ ней не производится ни слѣдствій, ни судовъ, и она не постановляетъ приговоровъ, а для этого существуютъ военно-слѣдственныя и военно-судныя коммиссіи.

„На другой день или позднѣе, эти самыя дамы, но уже безъ факторки, снова пришли ко мнѣ, и я объявилъ имъ то же самое.

„Наконецъ, 12-го ноября н. ст. г-жа Скуржевская пришла ко мнѣ съ вопросомъ: „достаточно ли будетъ *на расходы* тѣхъ 2.000 злотыхъ, которые дала мнѣ г-жа Борткевичъ, или еще надобно сколько-нибудь добавить?

„Очень естественно, что я этимъ оскорбился и въ горячности вѣроятно я могъ сказать что-либо такое что̀ могло обидѣть столь достойную особу, какъ г-жа Скуржевская, въ чемъ искренно прошу у ней извиненія.

„Между тѣмъ, г-жа Скуржевская объяснила мнѣ, что она вполнѣ убѣждена въ мошенничествѣ г-жи Борткевичъ, такъ какъ я съ перваго разу сказалъ, что дѣло Скуржевскаго не относится до особой канцеляріи,—и что она только хотѣла отъ меня услышать подтвержденіе этого убѣжденія.

„Для избѣжанія подобной клеветы, я не принимаю вовсе просителей въ моей квартирѣ; но какъ я не могъ этого избѣжать въ канцеляріи, то нынѣ сдѣлано директоромъ оной распоряженіе о безусловномъ запрещеніи входа въ канцелярію.

„Заявляю эти два факта, съ просьбою о перепечаткѣ ихъ въ другихъ газетахъ,—не съ цѣлію оправдываться въ виду безчестнаго поступка г-жи Борткевичъ: доброе имя мое достаточно упрочено во мнѣніи тѣхъ особъ съ которыми я имѣю честь быть знакомымъ, но для того чтобы названныя факторки подверглись презрѣнію въ тѣхъ кругахъ въ которыхъ онѣ приняты, и чтобы предостеречь тѣ семейства которыя находятся въ положеніи г-жи Скуржевской, дабы онѣ не давали ни малѣйшей вѣры факторкамъ, потому что ихъ старанія не могутъ увѣнчаться никакимъ успѣхомъ: единственная ихъ цѣль выманивать деньги въ собственную пользу.

„Помощникъ директора особой канцеляріи по дѣламъ военнаго положенія

„майоръ фонъ-Роткирхъ.“

Намъ остается прибавить, что ни одна польская газета не воспользовалась приглашеніемъ перепечатать эту замѣтку.

XI.

ИЗЪ ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО ПО ПРЯМЫМЪ ИЗВѢСТІЯМЪ, ВЪ № 246 „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“.

11-го ноября.

Спѣшимъ подѣлиться съ читателями пріятною новостію или по крайней мѣрѣ пріятнымъ слухомъ. Мы получили разомъ нѣсколько писемъ извѣщающихъ, что и Польша начала подавать вѣрноподданнѣйшіе адресы. Эти извѣстія идутъ изъ отдѣла Варшавско-Бромбергской желѣзной дороги; въ другихъ мѣстахъ тоже составлено нѣсколько адресовъ. Жители уѣздовъ Влоцлавскаго, Кутненскаго и др. сами ловятъ повстанцевъ и организаторовъ, и представляютъ ихъ военнымъ властямъ. Это еще важнѣе чѣмъ адресы, особенно если примѣру этихъ уѣздовъ послѣдуютъ и другіе изъ тѣхъ губерній которыя подчинены графу Бергу.

Въ ожиданіи адресовъ, вызванныхъ „пожарами, конфискаціями и висѣлицами“ революціонныхъ властей, намъ присылаютъ изъ Варшавы текстъ адресовъ другаго рода,—адресовъ поднесенныхъ *жонду народовому*. Польскіе мятежники, принявъ за основаніе своихъ дѣйствій обманъ, обманъ и обманъ, рѣшились адресамъ противопоставить также адресы. И вотъ въ „чрезвычайномъ прибавленіи къ № 111 *Неподлеглости*“ опубликованы адресы, будто бы присланные *жонду* изъ „воеводствъ“

Витебскаго, Виленскаго, Ковенскаго, Гродненскаго и „Инфляндскаго". Первый, если вѣрить *жонду*, имѣетъ 17.610 подписей, второй—89.315, третій—96.432, четвертый—46.289, пятый—29.372; а всего—279.018. Каково! Но еслибъ и было справедливо то въ чемъ хочетъ увѣрить Россію *жондъ народовый*, еслибы вѣрноподданнѣйшіе адресы литовскихъ губерній и были подлою ложью, то эти адресы будто бы поданные жонду едвали возможны, когда въ Литвѣ за ксендзами и шляхтою присматриваетъ зоркій глазъ. Въ дѣйствительности подписей, по увѣренію жонда, ручается „гражданское управленіе" каждаго воеводства. А между тѣмъ, кто поручится, что въ настоящее время существуютъ самыя эти „управленія"? *Часъ*, напечатавъ первые четыре адреса, помѣстилъ послѣдній, отъ „Инфлянтовъ польскихъ" въ № 265, отъ 19-го ноября, предпославъ ему высокопарное вступленіе, первыми словами котораго онъ самъ произноситъ надъ собою приговоръ: „Дѣянія міра", гласитъ вступленіе, „на каждой страницѣ своей представляютъ то утѣшительное явленіе, что ложь и варварство производятъ всегда результаты противные „предположеннымъ цѣлямъ." Совершенно справедливо, особенно по отношенію къ *Часу*, который не затруднился переиначить даже тотъ самый адресъ, который вызвалъ въ немъ такія сужденія. Дѣйствительно, „инфляндскій" адресъ, сочиненный, какъ мы полагаемъ, въ Варшавѣ, начинается словами: „*третье* столѣтіе истекаетъ съ того времени какъ Инфлянты слились съ Польшей". *Часъ*, издающійся въ Краковѣ, начинаетъ этотъ адресъ такъ: „*Четвертое* столѣтіе" и пр.

8-го ноября привезенъ въ Варшаву извѣстный атаманъ Жихлинскій, захваченный со всѣмъ его штабомъ. Онъ однако отказывается отъ этой фамиліи, и называетъ свою настоящую.

При разсмотрѣніи бумагъ захваченныхъ въ одной изъ открытыхъ подпольныхъ типографій, узнали по почерку нѣкоторыхъ членовъ революціоннаго трибунала. По этому случаю арестованы: три патрона Варшавскаго уголовнаго суда, одинъ меценасъ, одинъ адвокатъ, и два изъ низшихъ чиновниковъ того же суда; всего 7 человѣкъ. Надъ ними наряжена слѣдственная коммиссія изъ довѣренныхъ лицъ. Всю тайну раскрылъ слѣдственный приставъ Сущинскій, весьма полезный дѣятель, на котораго слѣдовало бы обратить большее вниманіе.

Варшавскаго Бернардинскаго монастыря настоятель Зеферинъ Зарембскій и ксендзъ Юліанъ Мисинскій оказались виновными въ укрывательствѣ въ саду своемъ, закопанными въ землѣ, оружія и обмундированія, предназначеннаго для мятежниковъ; далѣе въ укрывательствѣ тайнаго типографскаго станка, принадлежащаго народовому жонду, въ укрывательствѣ пяти человѣкъ польскихъ жандармовъ-вѣшателей, разыскиваемыхъ полиціею, которыхъ ксендзы предназначили къ отправленію въ банды. За эти преступленія ксендзы Зарембскій и Мисинскій сосланы на жительство въ отдаленныя губерніи Имперіи. Къ этому дѣлу оказался

прикосновеннымъ ксендзъ Константинъ Гвоздевскій, знавшій о зло-умышленныхъ дѣйствіяхъ своихъ товарищей, но не донесшій о томъ начальству. Гвоздевскій заключенъ на 6 мѣсяцевъ въ каземат Ново-георгіевской крѣпости.

Часъ продолжаетъ лгать о всякихъ насиліяхъ и варварствахъ, будто бы совершаемыхъ въ Варшавѣ, по поводу небывалыхъ арестовъ за ношеніе траура. Но Польки такъ охотно сбросили *жалобу,* что до сихъ поръ не было ни одного случая арестованія и взысканія штрафа за трауръ. Вѣроятно поэтому полиція смотритъ снисходительно на черныя вуали, зонтики, перчатки и пр., донашиваемые изъ прежняго запаса, которые еще иногда попадаются. По поводу вымышленныхъ жестокостей за ношеніе траура, *Часъ* говоритъ что у Москалей: „Молитва—въ колокольномъ звонѣ, покорность—въ поклонахъ, жизнь—въ грабежѣ, добродѣтель—въ воровствѣ".

Въ томъ же № 266 *Часа* объявлено, что въ Люблинской губерніи народовая жандармерія упразднена.

XII.

Изъ царства польскаго по прямымъ извѣстіямъ, въ № 251 „Московскихъ Вѣдомостей".

11-го ноября.

Кто прочтетъ адресы литовскихъ „воеводствъ" будто бы подданные польскому жонду, тотъ испытаетъ особаго рода впечатлѣніе, которое приходится ощущать въ томъ случаѣ, когда случается просматривать нѣсколько упражненій на заданную тему, написанныхъ однимъ и тѣмъ же лицомъ по заказу. Не одно тождество мыслей замѣчается въ адресахъ, въ нихъ поражаетъ и удивительное сходство формъ, которыми эти мысли выражаются. Во всѣхъ адресахъ можно найти, что „обыватели" „свидѣтельствуютъ предъ Богомъ, народомъ и Европой"; во всѣхъ адресахъ, совершенно одинаково, отвергается всякій союзъ и единеніе (sprzymierzenie) съ Москвой, и наконецъ признается „единою законною властію" знаменитый жондъ.

По частностямъ изложенія адресы можно распредѣлить на двѣ группы: одна заражена страстью разъяснять свои историческія судьбы, другая обходится безъ этого пріема. Къ первой группѣ принадлежатъ воеводства: Витебское и Инфляндское; историческое изложеніе имъ дѣйствительно должно принести большую пользу: теперь западная Европа пойметъ, что эти воеводства несомнѣнно слѣдуетъ присоединить къ Польшѣ, и очевидно адресъ возстановитъ такимъ путемъ историческія права народа. Вниманію Европы рекомендуется, что воеводства Витебское и Инфляндское, независимо отъ тѣснаго соединенія своего съ

Польшей въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ, еще такъ недавно, въ 1861 самымъ торжественнымъ образомъ поклялись въ томъ, что составляютъ нераздѣльную часть Польши. Эта торжественная клятва принесена была въ Алексотѣ и Городлѣ, куда собрана была толпа народа, руководимая революціонерами прибывшими изъ разныхъ угловъ Россіи и Царства. Тамъ были и „депутаты" Пскова, Чернигова, Смоленска. Стало-быть мы должны съ прискорбіемъ сознаться, что и эти русскіе города по неотъемлемому праву принадлежатъ теперь Польшѣ: депутаты ихъ добровольно подписали актъ соединенія съ Короной, наравнѣ съ депутатами Витебскаго и Инфляндскаго воеводствъ! Вся комедія эта происходила въ присутствіи генерала Хрущова съ войскомъ, и только неполученіе рѣшительныхъ распоряженій изъ Варшавы намѣстника не позволило русскимъ солдатамъ захватить и всѣхъ депутатовъ, и тотъ актъ который они подписали. Очевидцы разказываютъ, что собранная толпа со страхомъ подвигалась впередъ въ виду войска. Но процессія была допущена, актъ подписанъ, и европейскія газеты долго трубили объ этомъ замѣчательномъ доказательствѣ приверженности къ Польшѣ тѣхъ областей, которыя когда-либо вкусили прелесть ея владычества. Итакъ, повторяемъ, права Витебскаго и Инфляндскаго воеводства на соединеніе съ Польшей очевидны, и было бы крайнею несправедливостію, еслибы Европа не пошла войной въ защиту ихъ.

Нужно еще принять во вниманіе и то, что Витебское воеводство первое подало примѣръ поднесенія жонду адреса и составило его еще 29 августа, тогда какъ даже Виленское помѣтило свой адресъ только 13 сентября.

Къ другой группѣ относятся воеводства: Виленское, Ковенское и Гродненское. Имъ не зачѣмъ было входить въ историческія разъясненія; западная Европа и безъ того знаетъ, что они составляютъ неотъемлемую часть Литвы. Да притомъ, къ чему тутъ послужатъ историческіе факты въ виду адресовъ, подписанныхъ огромнымъ числомъ обывателей? Виленскій адресъ подписали 89.315 человѣкъ, ковенскій—96.342, гродненскій—46.289. Кромѣ того, подписи еще продолжаютъ приниматься, и исполнительный отдѣлъ Литвы не хвастается адресами, не выставляетъ ихъ на показъ, но только считаетъ возможнымъ „не скрывать ихъ болѣе въ настоящую минуту". Чтобъ оцѣнить вышеприведенныя числа нужно знать, что во всей Виленской губерніи неподатнаго сословія всѣхъ вѣроисповѣданій считается 53.996 человѣкъ мужскаго пола, а въ Ковенской—всѣхъ сословій, кромѣ крестьянъ, 99½ тысячъ. Итакъ, единодушіе удивительное! Надобно полагать, что отцы подписывались за дѣтей, ксендзы за духовныхъ сыновъ своихъ—крестьянъ, нельзя наконецъ сомнѣваться, что въ подпискѣ участвуютъ и женщины отчего въ самомъ дѣлѣ лишать женщинъ политическихъ правъ?—и грудные младенцы. Повторяемъ, единодушіе такъ велико,

что оно далеко превзошло то съ которымъ „обыватели“ принимали участіе въ возстаніи.

Но читатели, быть-можетъ, пожелаютъ сами ознакомиться съ содержаніемъ документовъ, которые несомнѣнно будутъ имѣть большое вліяніе на рѣшеніе участи Литвы. И потому мы приведемъ въ возможно близкомъ переводѣ три слѣдующіе адреса:

Жонду Народовому.

(Отъ обывателей воеводства Витебскаго).

Мы нижеподписавшіеся, обыватели Витебскаго воеводства, понуждаемые насиліемъ и коварствомъ московскаго правленія къ подачѣ вѣрноподданическаго адреса царю, свидѣтельствуемъ симъ предъ Богомъ, своею страной и Европой: что мы отъ отцовъ и предковъ нашихъ Поляки, и желаемъ чтобы дѣти и потомки наши на вѣки оставались Поляками, что всякій союзъ и единеніе съ москвою—мы отвергаемъ; что несемъ и впредь нести готовы въ жертву для любезнаго отечества нашего Польши послѣннее имущество, утрату самыхъ дорогихъ особъ и пролитой крови. Бѣлая Русь, какъ и иныя Руси, составляла часть средневѣковой и еще языческой Литвы. Въ 1413 году, волею абсолютнаго ея князя Владислава Яггелы, или лучше волей Божіею, хотѣвшею даровать тому краю святую вѣру, Литва соединена была съ Польшей. По прошествіи 150 лѣтъ, въ 1569 году, въ городѣ Люблинѣ Литва соединилась съ Польшей добровольно, узами братства и свободы, при правленіи послѣдняго Яггелона—Сигизмунда-Августа, который для этого соединенія отрекся отъ абсолютной и наслѣдственной власти въ Литвѣ. Съ тѣхъ поръ прошло три столѣтія, въ теченіе коихъ Литва, раздѣляя съ Польшей свободу, славу и наконецъ злую долю, слилась съ нею въ одинъ народъ Польскій. Въ 1861 году, въ годину нашего возрожденія, произошло третье самое торжественное соединеніе Литвы съ Короной въ Алексотѣ и Городлѣ. Адресъ царскій домогается, чтобы мы отреклись отъ этихъ фактовъ, чтобы мы назвали себя Россіянами, чтобы мы прокляли братій и сыновъ нашихъ, убитыхъ и казненныхъ, заточенныхъ въ крѣпостяхъ и сосланныхъ въ Сибирь.

И кому нуженъ адресъ и протестъ? Въ указѣ Муравьева, налагающемъ контрибуцію на всѣхъ, безъ исключенія, землевладѣльцевъ, сказано: „въ наказаніе за участіе въ возмущеніи“. Указъ этотъ Александръ II утвердилъ, и слѣдовательно всѣхъ насъ призналъ мятежниками, и тѣмъ самымъ Поляками. Съ другой стороны, для чего требуютъ отъ насъ протеста словеснаго, когда мы протестуемъ кровью и страданіями?

Извѣстно какимъ способомъ составляются адресы: у насъ сосланы почти всѣ предводители дворянства; а мѣста ихъ заняли москали или

измѣнники по назначенію правительства, и такой предводитель при помощи военнаго начальника, устрашеніемъ или коварствомъ, вымогаетъ нѣкоторое количество подписей, и вотъ готовъ адресъ, имѣющій осудить предъ свѣтомъ наше дѣло.

Тѣмъ не менѣе мы, въ упованіи на Бога и святость нашего дѣла, не уклоняемся ни на шагъ отъ пути обязанностей и преданности дѣлу, протестуя противъ зложелательства нашихъ фальшивыхъ пріятелей, въ упованіи что все достойное и истинно-христіанское въ Европѣ на нашей сторонѣ; и нашего дѣла, хотя бы только въ моральномъ смыслѣ, не покинемъ.

29-го августа (10-го сентября).

Слѣдуютъ подписи 17.610 обывателей засвидѣтельствованныя гражданскимъ управленіемъ вышепоименованнаго воеводства.

Въ томъ же духѣ написанъ и адресъ Инфляндъ. Интересно въ немъ только то сожалѣніе, съ которымъ адресъ относится къ Ригѣ, отставшей отъ утвержденнаго клятвой единства съ Польшей. Подписей здѣсь 29.372; время составленія адреса 29-го октября.

Далѣе помѣщаемъ ковенскій и виленскій адресы.

Жонду Народовому.

(Отъ обывателей Ковенскаго воеводства).

Мы, обыватели Ковенскаго воеводства, подвергнутые всей жестокости властей наѣзжаго правительства,—которыя, распространяя по нашему краю опустошенія и убійства, хотятъ насъ принудить къ подачѣ царю адреса, чрезъ что́ мы должны отречься отъ своей народности и осудить тысячи братьевъ и сыновъ нашихъ, сражающихся съ врагомъ или страдальчески погибающихъ въ тюрьмахъ за свободу и вѣру народа,—симъ торжественно, предъ Всевышнимъ Богомъ, предъ народомъ и всѣми націями и правительствами Европы, признаемъ и заявляемъ: что считаемъ подъятую противъ наѣзда войну — святою, справедливою и необходимою, что отвергаемъ всѣ власти наѣзда, навязанныя намъ незаконно и насильно: что всякое единеніе, общность и союзъ съ Москвой безусловно отклоняемъ, пока хотя одинъ непріятель останется на землѣ нашей; а какъ по добровольному соглашенію всѣхъ земель нашихъ съ Польшей, составляли мы съ нею одно нераздѣльное политическое тѣло, такъ и впредь хотимъ пребывать въ неразрывномъ единствѣ подъ управленіемъ собственнаго польскаго народоваго жонда. Того ради всякіе акты, составленные по повелѣнію московскихъ властей, всякіе адресы царю, какъ не исходящіе отъ свободной нашей воли, а вынужденные жесточайшимъ преслѣдованіемъ, направленнымъ противъ отдѣльныхъ лицъ, — незаконны, не имѣютъ значенія и ни въ чемъ обязывать насъ не могутъ.

Настоящее заявленіе наше представляемъ жонду народовому, котораго одного признаемъ нашею законною властію и увѣрены, что правительства и народы Европы будутъ составлять свое сужденіе не по заготовленнымъ Муравьевымъ адресамъ, но по жертвамъ нами понесеннымъ, по богатырскимъ подвигамъ нашихъ бойцовъ, до сихъ поръ сражавшихся за Польшу, и своею кровію намѣчающихъ ея границы; мы же, въ надеждѣ на святость нашего дѣла и помощь праведнаго Бога, готовы всѣмъ пожертвовать для возстановленія дорогаго нашего отечества—единой, цѣлой и независимой Польши.

18-го (10 го) сентября.

Слѣдуютъ подписи 96.432 обывателей, засвидѣтельствованныя гражданскимъ управленіемъ вышепоименованнаго воеводства.

Жонду Народовому.

(Отъ обывателей воеводства Виленскаго).

Среди кровавой съ Москвою борьбы за независимость, въ которой всѣ слои литовскаго общества принимаютъ геройское участіе, бывшій предводитель дворянства (маршалокъ) Виленскаго воеводства приготовилъ адресъ московскому царю съ выраженіемъ отъ дворянства вѣрноподданническихъ чувствъ, послѣ чего московскія власти обратились къ дворянству съ вызовомъ, чтобъ они своими подписями утвердили безчестный актъ:

Благородные мужи въ отклоненіе подписи обрекли себя на потерю имѣнія и изгнаніе въ Сибирь, или на мученическую смерть и дали уже достаточное свидѣтельство свѣту, какія средства употребляетъ Москва для вымогательства подписей: невинная кровь, пролитая ими, и безграничныя жертвы, съ одной стороны, сдѣлали очевиднымъ, до какой степени Москва сама чувствуетъ себя лишенною всякой законной опоры на Литвѣ, и какъ, за недостаткомъ истиннаго права, она жаждетъ вытребовать себѣ вымышленное, но даже и такого не можетъ получить иначе какъ самымъ дикимъ насиліемъ; съ другой стороны, у адреса и подписей, вымученныхъ военною силой, угрозами, висѣлицей и Сибирью, угрозами убійства и поджигательства или заключеніемъ въ тюрьму отнято всякое значеніе, какое бы они имѣть могли.

Но душѣ польской, въ которой привязанность къ родинѣ стала религіей, больно даже терроризмомъ вызванное кажущееся отступничество отъ отечественнаго дѣла. Поэтому мы, нежеподписавшіеся, обыватели Виленскаго воеводства, какъ тѣ которые были вынуждены свирѣпымъ насиліемъ Москвы къ подписанію ненавистнаго акта, такъ и тѣ которые еще не были подвергнуты столь страшному испытанію, протестуемъ симъ противъ духа и буквы поданнаго адреса; отъ подписей нашихъ, какъ вымученныхъ отъ насъ насиліемъ, отрекаемся и объяв-

ляемъ ихъ недѣйствительными: всякій союзъ или единеніе съ наѣзжею Москвой, какъ противные духу нашего народа и несогласные съ развитіемъ нашей цивилизаціи и потребностями края, отвергаемъ; нашей вѣрности Польшѣ, съ которою соединены мы никогда нерасторжимою связью, утвержденною присягой отцовъ нашихъ въ Городлѣ и Люблинѣ и укрѣпленною пятивѣковою жизнію съ Польшей, общими съ нею блаженствомъ и счастіемъ, равно и общею горькою долей, вновь даемъ клятву; для служенія той любезной намъ независимости, жонду народовому, единой власти которую почитаемъ за истинную, отдаемъ въ распоряженіе насъ самихъ, наше имущество и кровь, и дѣлая такое заявленіе наше предъ Богомъ, единымъ въ Святой Троицѣ, предъ собственною страной и Европой, свидѣтельствуемъ въ томъ собственноручными подписями.

13-го (25-го) сентября 1863 года.

Слѣдують подписи 89.315 обывателей, засвидѣтельствованныя гражданскимъ управленіемъ вышепоименованнаго воеводства.

Мы съ цѣлію отнесли къ концу адресъ Виленскаго воеводства. Онъ болѣе другихъ поражаетъ своею откровенностію. Онъ прямо говоритъ что въ числѣ подписавшихся есть господа которые приложили свою руку и къ адресу подданному Государю. Этою откровенностію виленское дворянство постановлено въ чрезвычайно двусмысленное положеніе, и долгъ и честь виленскихъ дворянъ обязываютъ ихъ, кажется, принять нѣкоторыя мѣры для доказательства подложности адресовъ напечатанныхъ въ прибавленіи къ № 10 *Неподлеглости*. Мы почти убѣждены, что они прочтутъ адресъ въ первый разъ въ газетахъ, что они не читали его въ рукописи. Тѣмъ не менѣе отдѣлываться молчаніемъ имъ будетъ едва ли удобно, и они вѣроятно поспѣшатъ принять свои мѣры противъ документа, утверждающаго что есть на адресахъ жонду подписи лицъ приложившихъ руку и къ адресу Государю Императору съ изъявленіемъ покорности и просьбою о помилованіи.

XIII.

ПИСЬМО ВАРШАВСКАГО КОРРЕСПОНДЕНТА ВЪ № 252 „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“.

13-го ноября.

Появившіеся плакаты служатъ однимъ изъ явныхъ доказательствъ труднаго положенія въ которомъ находится теперь жондъ и его агенты. Такъ по Варшавѣ былъ разбросанъ листокъ отъ 12-го ноября въ которомъ жондъ глухо объявляетъ, „что онъ нашелся вынужденнымъ предпринять реорганизацію въ администраціи столич-

наго города Варшавы и цѣлаго края“. Въ этихъ словахъ заключается сущность плаката, дальнѣйшихъ подробностей никакихъ. *Часъ* въ своемъ № 269 также приводитъ только эти слова. Взамѣнъ того плакатъ исполненъ пустословія и нелѣпыхъ надеждъ на близкій успѣхъ „святой справы“. Изъ необходимости преобразованія слѣдуетъ однако то, что настоящая организація разстроилась. Подтвержденіемъ тому служитъ и № 28 „Дневнаго приказа начальника города“ отъ 19-го ноября н. ст. Собственно говоря въ этомъ приказѣ нѣтъ никакого приказа, а только усердныя хлопоты доказать, что жондъ существуетъ, и что дѣла идутъ прекрасно. Въ 1-мъ пунктѣ помѣщено „по волѣ жонда народовего“ опроверженіе слуха о томъ, что жондъ намѣренъ распустить свое войско и отказаться отъ вооруженнаго возстанія. И въ самомъ дѣлѣ, возможно ли отказаться отъ борьбы, когда „силы Москвы подкопаны въ основаніи“, „когда Москва переживаетъ свои послѣднія минуты“, „когда возстаніе въ полномъ разгарѣ на всемъ пространствѣ“, когда, наконецъ, на основаніи точныхъ и не подлежащихъ сомнѣнію офиціальныхъ рапортовъ, въ полѣ никогда еще не было такой ратной силы съ самаго начала возстанія“. При такомъ положеніи дѣла „слѣдуетъ считать прекращеніе борьбы измѣной и пагубою для страны“; а что касается до распространенія слуховъ о такомъ намѣреніи жонда, то такое дѣйствіе прилично только московскимъ агентамъ.

Не мало сердится жондъ и на корреспондентовъ заграничныхъ газетъ, которые „по непонятной небрежности или изъ зложелательства“ оглашаютъ дурно подслушанные факты, относящіеся до внутренняго устройства организаціи, или приписываютъ нѣкоторымъ лицамъ дѣйствія компрометтирующія ихъ предъ властію. Такого рода поступки не будутъ прощены никому изъ польскихъ уроженцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ обращеніе къ совѣсти публицистовъ заграничныхъ газетъ: „соотвѣтствуетъ ли назначенію, чести и значенію печати обращеніе газетъ въ органы доноса?“ Наконецъ, въ 6 пунктѣ приказа объявляется, что печати съ надписью: „Управленіе начальника города, отдѣлъ...“ отмѣнены по волѣ жонда, и за тѣмъ приказы этихъ административныхъ управленій будутъ отмѣчаться печатью начальника города.

Всѣ эти распоряженія явно свидѣтельствуютъ, что организаціи мятежа не здоровится. Уличныя убійства въ Варшавѣ прекратились; жандармы-рѣзуны подбрасываютъ свои кинжалы куда могутъ, и полиція собрала уже значительное число ихъ; на провинціяхъ жандармы-вѣшатели упраздняются и вступаютъ въ составъ шаекъ. Изъ длиннаго списка убійствъ, о которыхъ получены донесенія, послѣднее произведено 28-го октября. Сейчасъ получено извѣстіе, что въ окрестностяхъ Лодзи, шайка жандармовъ-вѣшателей повѣсила своего атамана Савицкаго, извѣстнаго изверга, привезла его тѣло ночью въ мѣстечко, заставила ксендза похоронить тѣло и подписать какое-то духовное завѣ-

щаніе, составленное будто бы покойнымъ, дала письменные приказы бургомистру и ксендзу хранить все въ тайнѣ,—и разошлась. Однако эти приказы попали въ руки войскъ, и представлены въ Варшаву.

Короче, дѣла идутъ гораздо приличнѣе прежняго. Въ виду такого положенія умѣренные Поляки того мнѣнія, что теперь милостивый манифестъ былъ бы весьма кстати. При этомъ Поляки прибавляютъ, что многіе потому не являются съ повинною, что не убѣждены въ помилованіи. Но здѣшніе Русскіе находятъ, что манифестъ, послѣ всего происшедшаго, былъ бы не совмѣстенъ съ достоинствомъ нашего правительства; что народъ уже разъ отвергъ амнистію, что край и безъ того успокоится, доказательствомъ чему служатъ нѣкоторыя мѣстности Калишскаго и Августовскаго военныхъ округовъ. Хотя *Часъ* и начинаетъ кричать, что Баклановъ (самоѣдъ, какъ называетъ его *Часъ*) и князь Витгенштейнъ вынуждаютъ адресы огнемъ и мечомъ, но мѣстные жители этого не чувствуютъ, и спрашиваютъ: „Почему же побѣдоносные чуфцы „польскіе не помѣшаютъ подписи адресовъ? Гдѣ же эти побѣдители, „истребившіе столько сотъ тысячъ москвы?“

Теперь слѣдуетъ, кажется, заботиться о томъ, какъ бы упрочить дальнѣйшее успокоеніе края, не потакая измѣнникамъ и требуя отъ раскаивающихся, чтобъ они не адресы писали, а дѣйствовали какъ прилично вѣрноподданнымъ. Назначеніе преданныхъ правительству губернаторовъ, возстановленіе дисциплины въ деморализованномъ чиновничествѣ, измѣненіе отношеній къ духовенству съ цѣлью побудить его къ снятію траура въ церквахъ, вотъ мѣры которыя предстоятъ въ ближайшемъ будущемъ. Но этого еще мало. Глаза всѣхъ устремлены теперь на Н. А. Милютина и его сотрудниковъ, изъ коихъ г. Арцимовичъ отправился недавно въ Петербургъ.

Рѣшеніе крестьянскаго дѣла, вотъ задача которую предстоитъ рѣшить русскому правительству въ Польшѣ, и чѣмъ скорѣе и вѣрнѣе она будетъ рѣшена, тѣмъ правильнѣе будетъ положеніе русскаго правительства въ Польшѣ. Н. А. Милютинъ дѣятельно работаетъ надъ этимъ трудомъ. Указъ императора Николая I, изданный въ 1848 году, привязалъ мужиковъ къ правительству. Но личная свобода безъ земли для крестьянина недостаточна. Исправить положеніе несчастныхъ хлоповъ и въ этомъ отношеніи, вотъ обязанность нашего правительства въ Польшѣ.

XIV.

ПИСЬМО ИЗЪ ЖИТОМІРА, ВЪ № 252 „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“.

7-го ноября.

Послѣ подавленія мятежа на Волыни, очень многіе Русскіе изъ нашего чиновнаго круга, смотрящіе поверхностно на дѣло польскаго возстанія, усвоили себѣ совершенно ложный взглядъ на дѣйствительное

положеніе нашего края. Они, очевидно, не принимаютъ въ соображеніе тѣхъ обстоятельствъ при которыхъ возстаніе появилось, возрасло и, за неимѣніемъ другаго исхода, перешло въ чувство затаенной ненависти ко всему русскому. Нашлись даже такіе, которые, забывъ что наши интересы противоположны польскимъ, заодно съ Поляками, порицаютъ мѣры принятыя въ Литвѣ для подавленія мятежа. Это люди такъ-называемаго примирительнаго направленія.

Вѣренъ ли такой взглядъ? и можемъ ли мы надѣяться, идя другимъ путемъ къ примиренію враждебныхъ между собою элементовъ русскаго и польскаго, что мы скорѣе и вѣрнѣе достигнемъ цѣли нежели на Литвѣ? Отвѣчать на этотъ вопросъ не трудно. Стоитъ только обратить серіозное вниманіе на образъ жизни и поведеніе шляхты, чтобы придти къ полному убѣжденію, что между русскими и польскими жителями Волыни лежитъ цѣлая пропасть раздѣляющая ихъ, что кажущаяся тишина происходитъ не отъ нравственныхъ причинъ, а есть результатъ преобладанія на нашей сторонѣ физической силы, и что эта тишина очень похожа на ту которая обыкновенно предшествуетъ бурѣ. Людей умѣренныхъ, съ трезвою мыслію и здоровою душой, между нашими Поляками немного, да и тѣ держатъ себя какъ-то въ сторонѣ.

Казалось бы, что назидательный урокъ, полученный польскими патріотами отъ той самой черни, которую они презирали, которую называли быдломъ (скотомъ), долженъ вразумить ихъ о неосуществимости ихъ затѣй, и что́ же? Ослѣпленіе не проходитъ, надежды не покидаютъ малочисленную массу Поляковъ, вѣра въ иноземную помощь не ослабляется, кошельки для народной офяры раскрываются, и трауръ—этотъ символъ возмущающаго упрямства—кажется, получилъ право гражданства, благодаря скромности или правильнѣе потворству нашей полиціи.

Послѣдователи примирительнаго направленія видятъ спицу въ чужомъ глазѣ, а въ своемъ не замѣчаютъ бревна. Они говорятъ, что въ западной Руси, пламень мятежа хотя и потушенъ, но пожарище тлѣетъ и его нельзя заглушить жестокими мѣрами. Объ адресахъ литовскихъ дворянъ наши польскіе чиновники отзываются, что они вынуждены, и на заявленія ихъ можно полагаться до тѣхъ поръ, пока надъ головою этихъ дворянъ будетъ висѣть мечъ или стоять висѣлица. Мы, пожалуй, готовы согласиться, что настоящее положеніе дѣла въ западныхъ губерніяхъ далеко еще отъ нормальнаго состоянія; мятежъ хотя и подавленъ, но брошенная искра можетъ произвести еще пожаръ на почвѣ обильной горючими матеріалами. Совершенно успокоить край можетъ только постоянная бдительность и зоркость законной власти, неутомимое преслѣдованіе самыхъ малѣйшихъ заявленій польскаго сепаратизма и ослабленіе матеріальныхъ средствъ и той части населенія которая давала пищу возстанію. Трудность дѣла неизмѣрима; за то надобно удивляться и тѣмъ результатамъ, къ которымъ, въ короткое время,

привели такъ-называемыя на польскомъ языкѣ безчеловѣчныя мѣры въ томъ краѣ.

У насъ въ юго-западномъ краю дѣла не было и на десятую часть въ сравненіи съ литовскими губерніями, а можемъ ли мы похвалиться побѣдою надъ врагомъ и успокоиться на лаврахъ? Мы достигли полнаго разобщенія съ Поляками; они избѣгаютъ всякихъ сношеній съ нами, и въ душѣ презирая насъ, браня нашу администрацію и судъ, крѣпко держатся на должностяхъ и получаютъ приличное содержаніе отъ правительства, которое ненавидятъ; съ жадностію слѣдятъ за всѣмъ что́ у насъ предпринимается; узнаютъ преждевременно о секретныхъ распоряженіяхъ начальства и стараются всѣми силами противодѣйствовать имъ; не скрываютъ своего сочувствія къ революціонному дѣлу и роскошно угощаютъ повстанцевъ, которыми переполнены тюрьмы; употребляютъ всѣ способы, чтобы разочаровать крестьянъ въ благихъ намѣреніяхъ русскаго правительства, и пользуясь промахами юрисдикціи, освободившей изъ-подъ ареста нѣсколькихъ подозрительныхъ лицъ, которыхъ крестьяне связанными представили начальству, стараются всячески убѣдить крестьянъ въ томъ, что для нихъ было бы полезнѣе дѣйствовать заодно съ Поляками противъ русскихъ властей, и еслибы не подоспѣло распоряженіе правительства о прекращеніи обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ, то при бездѣйствіи нашей полиціи, на половину польской, Богъ знаетъ какой бы оборотъ приняло дѣло мятежа.

Нѣтъ, мы нисколько не побѣдили врага, а напротивъ даемъ ему время усиливаться, дѣйствовать болѣе осторожно и скрытно. Нашею оплошностію и равнодушіемъ, мы ободряемъ пріунывшую польскую партію, и положеніе наше нисколько не улучшилось послѣ той легкой побѣды, которая, по всей справедливости, принадлежитъ исключительно крестьянамъ. Мы и до сихъ поръ продолжаемъ борьбу съ трауромъ и никакъ не можемъ осилить даже этого противника. Литовское дворянство заявило свое раскаяніе адресами, можетъ-быть и фарисейскими, объ источникѣ побужденія ихъ мы не беремся судить, а наше дворянство, пользуясь всѣми правами русскихъ дворянъ, продолжаетъ упорствовать въ молчаніи. Повторяемъ, это ли побѣда? Житоміръ объявленъ на военномъ положеніи уже третій годъ, но это нисколько не воспрепятствовало отцамъ и матерямъ—польскимъ патріотамъ,—выслать своихъ дѣтей до *лясу* въ минувшемъ апрѣлѣ мѣсяцѣ. На улицахъ города и до сихъ поръ попадаются только мрачныя лица и косые взгляды, производящіе непріятное впечатлѣніе на русскихъ людей. Посторонній наблюдатель сейчасъ бы замѣтилъ въ Житомірѣ два враждебные лагеря. Гдѣ только раздадутся звуки музыки, тамъ смѣло можно сказать нѣтъ польской души; какъ отъ чумы бѣгутъ Поляки отъ всѣхъ городскихъ увеселеній. Театръ пустъ, и актеры,—которые всѣ Поляки,—чтобы не умереть

съ голоду, вынуждены разучивать роли на *бараньемъ* языкѣ, то-есть русскомъ.

Что́ же дѣлаемъ мы, Русскіе, при видѣ такихъ настойчивыхъ стремленій польскаго элемента, во что̀ бы ни стало, поддерживать упадающій по временамъ духъ шляхты и укрѣпить въ немъ силы для новыхъ подвиговъ ожесточенной борьбы? Принимаемъ ли мы какія-либо серіозныя мѣры къ противодѣйствію нашимъ сосѣдямъ, людямъ опаснымъ, всегда готовымъ разыграть намъ комедію въ родѣ Варѳоломеевой ночи? Почти что нѣтъ. Мы поговоримъ, потолкуемъ между собою, иногда краснорѣчиво; да на томъ и кончимъ. Да и зачѣмъ намъ ломать голову, когда мы привыкли изъ колыбели къ тому, чтобы за насъ думало правительство? На словахъ-то мы куда какъ предпріимчивы и страшны, а придется приступить къ дѣлу, подталкиваемъ другъ друга и ждемъ примѣра свыше. Видно, что мы или не увѣрены въ своихъ силахъ, или страшимся борьбы, которая вывела бы насъ изъ этой милой намъ апатіи.

Правда, у насъ есть общественная сила, которой существованія мы прежде и не подозрѣвали; у насъ есть точка опоры, которой мы прежде не искали—это русскіе крестьяне, которые, благодаря сложившейся исторической необходимости, сохранили неприкосновенными языкъ и вѣру, эти драгоцѣнные памятники русской народности; но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что нашъ простолюдинъ, едва сбросившій оковы ненавистнаго ему ига, крайне не развитъ:—онъ не въ состояніи выдержать борьбы съ пропагандой, имѣющею искусныхъ представителей. Правда, онъ питаетъ вѣковую вражду къ своимъ угнетателямъ-панамъ, но не она ли была единственною силой руководившею крестьянъ, принявшихъ такое горячее участіе въ подавленіи мятежа? Сознаніе о себѣ какъ о народности чуждой польской націи, чувство долга и народной чести, въ простомъ быту крестьянина, представляются въ какомъ-то неясномъ очеркѣ. Наша сила еще не воздѣланное поле, на которомъ вмѣстѣ съ пшеницей могутъ возрастать и плевелы. Поэтому, первымъ нашимъ дѣломъ должно быть систематическое развитіе русской народной жизни на Волыни. *Московскія Вѣдомости* можно сказать безпрестанно и настойчиво заявляютъ о необходимости возможно скорѣйшаго водворенія въ западномъ краѣ Русскаго элемента путемъ пріобрѣтенія отъ казны и отъ Поляковъ земель и рекомендуютъ средства, которыя дѣйствительно облегчили бы покупку имѣній въ западныхъ губерніяхъ Россіи Русскими: дворянствомъ, купечествомъ и другими сословіями; но какъ извѣстно до сихъ поръ къ предлагаемымъ мѣрамъ не приступлено; а между тѣмъ время проходитъ, а съ нимъ вмѣстѣ, пожалуй, остынетъ и энергія. Крестьяне будутъ гибкимъ матеріаломъ въ рукахъ ловкихъ людей. Намъ нужно развить въ нихъ понятіе о единствѣ русской народности, показавъ имъ наглядно прочную связь Юга съ Сѣверомъ; если эта связь, сохраняемая преданіями,

ослабнетъ, если мы, попрежнему, предадимся покою, то можемъ потерять уже навсегда милліоны людей, составляющихъ нашу силу покамѣстъ физическую, а въ послѣдствіи и нравственную. Ненавистное чувство крестьянъ къ панамъ, бывшимъ ихъ угнетателямъ, можетъ, со временемъ, изгладиться и уступить мѣсто проискамъ тѣхъ же пановъ, которые лишась въ крестьянахъ своей рабочей силы, не будутъ болѣе имѣть личнаго интереса прибѣгать къ посредничеству полицейской власти для расправы съ крестьянами и постараются, безъ всякаго сомнѣнія, сойтись съ ними на весьма выгодныхъ для обѣихъ сторонъ условіяхъ.

Наше православное духовенство, въ особенности сельское, было до сихъ поръ единственнымъ хранителемъ и оплотомъ русской народности на югѣ Россіи. Оно вынесло на своихъ плечахъ чистоту православнаго ученія, и будучи лишено всѣхъ средствъ не только защиты правъ своихъ, но и самаго существованія, устояло въ борьбѣ съ врагомъ несравненно сильнѣйшимъ и опаснѣйшимъ, іезуитизмомъ, и запечатлѣвъ мученическими подвигами эту отчаянную борьбу за вѣру и народность, по всей справедливости, заслуживаетъ самой искренней благодарности отъ всѣхъ Русскихъ и пріобрѣло неотъемлемое право на то, чтобы мы позаботились объ улучшеніи его быта. Ежели гдѣ, то у насъ духовенство должно пользоваться и тѣмъ нравственнымъ уваженіемъ, какое свойственно этому сану. Само собою разумѣется, что при другой обстановкѣ, при благопріятныхъ условіяхъ жизни, появятся въ средѣ его лица съ высокими нравственными качествами, вліяніе которыхъ на массу будетъ самое благотворное.

Возвращаясь къ тому, что на Волыни и во всемъ юго-западномъ краѣ необходимо усилить русскій элементъ водвореніемъ здѣсь крупныхъ землевладѣльцевъ, намъ кажется, что для пользы дѣла будетъ все равно кто будутъ эти землевладѣльцы: Великороссіяне или Малороссы, лишь бы вельможная шляхта почувствовала, что она тутъ въ гостяхъ, а не у себя дома. Тогда и наши русскіе туземцы съ шляхетными взглядами и привычками, совершенно забывшіе русскую рѣчь, выйдутъ изъ своего фальшиваго положенія. Грустно, если мы не воспользуемся, какъ можно скорѣе, нашимъ вѣковымъ правомъ на этотъ край и благопріятствующими обстоятельствами, и будемъ заниматься только сочиненіемъ проектовъ. Кстати, мы слышали, что у насъ составляется братство съ цѣлію развить и укрѣпить русскую народность. Проекта устава мы не читали. Говорятъ, было составлено два, изъ коихъ одинъ написанъ юристомъ, но онъ отличается болѣе теоретическими достоинствами и оставленъ по неудобству примѣненія его къ дѣлу. Трудно сдѣлать первый шагъ, но если мы станемъ на твердую почву, тогда силы наши возрастутъ. Колебанія, нерѣшительность—вотъ наша язва.

К.

P. S. Только что мы окончили это письмо, какъ узнаемъ, что на дняхъ въ Житомірѣ, по произведенному въ домахъ нѣкоторыхъ лицъ обыску, найдены свѣже-заготовленные разные костюмы, вѣроятно, для лицъ принадлежащихъ къ организаціи narodowey (народной), приказъ за печатью начальника города Житоміра (Naczelnika miasta), говорятъ напечатанный въ Кіевѣ, и нѣсколько нумеровъ подпольныхъ журналовъ: Walka и Praca, издаваемыхъ въ Кіевѣ и въ Подольской губерніи (na Padolu). Въ чемъ заключается содержаніе этихъ интересныхъ для насъ документовъ, покамѣстъ неизвѣстно, потому что всѣ подобныя открытія въ Житомірѣ облекаются величайшимъ секретомъ, тогда какъ многое что́ дѣлается по секрету весьма скоро узнается тѣми кому вовсе объ этомъ не слѣдовало бы знать.

Эти послѣднія открытія не служатъ ли подтвержденіемъ сейчасъ высказанныхъ нами предположеній, что на Волыни дѣла далеко не въ лучшемъ видѣ чѣмъ въ Литовскихъ губерніяхъ?

К.

XV.

ИЗЪ ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО ПО ПРЯМЫМЪ ИЗВѢСТІЯМЪ, ВЪ № 255 „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“

16-го ноября.

Въ настоящую минуту весь интересъ сосредоточивается на арестахъ, слѣдственныхъ дѣлахъ и судебныхъ приговорахъ. Мы сообщимъ читателямъ нѣкоторыя, дошедшія до насъ свѣдѣнія по этимъ предметамъ. Помѣщикъ д. Воля-Віонзова, Сѣрадзскаго уѣзда, Эдуардъ-Эмиліанъ-Юліанъ *Прондзынскій*, 24-хъ лѣтъ, по произведенному надъ нимъ полевому военному суду и по собственному сознанію, оказался виновнымъ въ принадлежности къ мятежнической организаціи, возбудившей настоящее возстаніе въ Царствѣ Польскомъ и извѣстной подъ названіемъ „народоваго жонда“,—въ которой онъ какъ до мятежа, такъ и во время онаго, былъ однимъ изъ *главныхъ дѣятельныхъ и вліятельныхъ членовъ,* такъ какъ еще въ 1858, 1859 и 1860 годахъ, находясь на воспитаніи въ Парижѣ, имѣлъ тѣсныя связи со всѣми польскими эмигрантами-революціонерами, участвовалъ денежными складками въ открытіи польскаго клуба для чтенія и поддержанія революціонной газеты (*Przegląd stanowisk Polskich*, взглядъ на польское положеніе) и во всѣхъ польскихъ манифестаціяхъ; былъ однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ этого журнала, сочинителемъ разныхъ революціонныхъ изданій и членомъ революціонно-демократической партіи; послѣ, возвратясь, въ 1861 году въ Царство Польское, участвовалъ въ образовавшихся тогда въ Калишскомъ „воеводствѣ“ политическихъ обществахъ, былъ депутатомъ и

представителемъ для повѣрки дѣйствій выбраннаго ими повѣреннаго, (*Męża Zaufania*); потомъ, уѣхавъ въ Парижъ, издалъ тамъ революціонную брошюру, подъ заглавіемъ *Соціальный вопросъ въ отношеніи къ польскому дѣлу*; наконецъ, вторично возвратясь, въ февралѣ сего года, въ Царство *съ твердымъ намѣреніемъ содѣйствовать развитію мятежа*, участвовалъ въ собраніяхъ такъ-называемаго *Воеводскаго Общества*, которое меморіаломъ своимъ вызывалъ присоединиться къ мятежу; въ апрѣлѣ принялъ на себя должность секретаря мятежническаго начальника Калишскаго воеводства, съ правомъ сноситься его именемъ со всѣми мятежническими властями, и исполняя эту должность, кромѣ того, занялъ и отослалъ за границу, на покупку оружія для мятежниковъ, 15 т. р. с. и содержалъ въ своемъ имѣніи, около мѣсяца, мятежническую типографію, печатавшую разныя возмутительныя произведенія агитаторовъ.

Полевой военный судъ, за преступленія эти, относя Прондзынскаго къ 1-й категоріи мятежниковъ, на основаніи 96, 175, 196 и 605 стт. 1 кн. Воен. Угол. Устава, приговорилъ: по лишеніи дворянскаго достоинства и всѣхъ правъ состоянія, казнить смертію, разстрѣляніемъ. Но принимая во вниманіе, что Прондзынскій, добровольнымъ и чистосердечнымъ сознаніемъ, указалъ всѣхъ лицъ входившихъ въ составъ Калишской мятежнической организаціи, не пощадивъ даже роднаго своего брата,—чѣмъ прервалъ окончательно всякую связь съ революціонерами, и при сознаніи просилъ милосердія правительства, по уваженію искреннему его раскаянію,—полевой военный судъ полагалъ смягчить ему мѣру наказанія, о чемъ и представилъ благоусмотрѣнію высшей власти.

Генералъ-адъютантъ графъ Бергъ конфирмовалъ $^{14}/_{16}$ ноября: *Прондзынскаго, по уваженію къ изложенному въ докладѣ полеваго аудиторіата, вмѣсто смертной казни, послать, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, въ Сибирь, на поселеніе*. Приговоръ этотъ приведенъ въ исполненіе.

Уволенный отъ службы въ 1858 году изъ Олонецкаго пѣхотнаго полка съ чиномъ подпоручика, служившій въ послѣдствіи въ управленіи начальника Ловичскаго уѣзда, Евгеній Добровольскій, по произведенному надъ нимъ полевому суду и собственному сознанію, оказался виновнымъ въ томъ, что, оставивъ въ февралѣ мѣсяцѣ самовольно мѣсто служенія, поступилъ сперва въ шайку Лангевича, а по истребленіи ея въ шайку Зейфрида, потомъ самъ сформировалъ отдѣльную шайку изо 150 человѣкъ, въ томъ числѣ 60 конныхъ, и принялъ надъ нею начальство; когда же въ маѣ мѣсяцѣ и эта шайка была разбита, то присоединился со своею кавалеріей къ шайкѣ Скавронскаго, потомъ намѣревался уйти за границу съ подложнымъ паспортомъ, но былъ схваченъ казаками, причемъ найдено у него много возмутительныхъ сочиненій и бумагъ. Полевой военный судъ приговорилъ Добровольскаго къ смертной казни

разстрѣляніемъ. Приговоръ этотъ исполненъ во рву цитадели 15 ноября въ 10 часовъ утра.

Въ Ломжѣ, по приговору полеваго военнаго суда, повѣшены 26 октября Ушинскій и Доменикъ. Они были революціонными жандармами.

Въ Варшавѣ съ 14 ноября приказано жителямъ выходить съ фонарями съ пяти часовъ, по случаю наступленія раннихъ вечеровъ; вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлано облегченіе относительно безусловнаго воспрещенія выходить на улицу: разрѣшено ходить не до 9-ти, а до 10-ти часовъ ночи.

Изъ распоряженій жонда появилось на крошечномъ лоскуткѣ бумаги объявленіе начальника города отъ 25 ноября слѣдующаго содержанія:

Начальникъ города Варшавы.

„По случаю приближающагося тиража 5-го класса классной лотереи, симъ въ послѣдній разъ припоминается всѣмъ антрепренерамъ, коллекторамъ и участвующимъ въ игрѣ въ лотерею, что, согласно съ декретомъ жонда народоваго, послѣ розыгрыша 102 и послѣдней на Польской землѣ классной лотереи, таковая упраздняется и какъ принятіе ея на откупъ, такъ и продажа какимъ бы то ни было образомъ билетовъ, равно и покупка оныхъ безусловно воспрещаются. Ослушники таковой воли жонда народоваго будутъ подвергнуты строжайшей отвѣтственности.“

(М. П.)

Розыгрышъ 5-го класса начнется 25-го ноября (7-го декабря).

Изъ мелкихъ извѣстій наиболѣе выступаетъ смерть епископа Люблинской епархіи Пеньковскаго. Онъ умеръ 10-го ноября въ Люблинѣ послѣ продолжительной болѣзни. Личность эта при настоящихъ безпорядкахъ была весьма безцвѣтная, и далеко отставала отъ бискупа сѣверной части Люблинской губерніи (Подлясья) Шиманьскаго. Послѣдній заявилъ себя еще паннихидой по Косцюшкѣ, совершенною въ варшавскомъ каѳедральномъ костелѣ $^{3}/_{15}$ ноября 1861 года. Впрочемъ Шиманьскій до сихъ поръ не получалъ замѣчаній за свои дѣйствія.

Въ предыдущемъ письмѣ нашего варшавскаго корреспондента упомянуто о томъ, что мятежники убили одного изъ своихъ предводителей. Мы имѣемъ теперь болѣе полныя извѣстія объ этомъ случаѣ. Четверо неизвѣстныхъ, хорошо одѣтыхъ, привезли 7-го ноября на кладбище м. Стрѣлкова, Люблинскаго уѣзда, повѣшеннаго ими атамана шайки—Савицкаго, съ веревкою на шеѣ; они вызвали приходскаго ксендза, заставили его подписать какое-то духовное завѣщаніе, составленное будто бы покойнымъ, и похоронить его тѣло; потомъ, вручивъ бургомистру приказъ, удалились неизвѣстно куда. Происшествіе это было въ самую полночь. Приказъ, врученный бургомистру, слѣдующаго содержанія:

„Гражданину Зыгру.

„Если ты, гражданинъ, сдѣлаешь по дѣлу Савицкаго хотя одинъ шагъ на сторону москвы, или какимъ бы то ни было образомъ осмѣлишься обнаружить, что ты не истинный Полякъ, то будешь какъ соучастникъ его наказанъ такимъ же образомъ.

„Сообщи то же самое ксендзу Плищаку и гражданину Лукѣ Янушкевичу.

„19 ноября 1863. Довудца 4-го отряда.“

Варшавскому правительству приходится бороться не только съ дѣйствительностію, но и съ мнимыми происшествіями, повѣствованія о которыхъ распространяются для возбужденія Поляковъ и общественнаго мнѣнія Европы.

Всѣмъ извѣстно, что снятіе траура въ Варшавѣ обошлось безъ всякихъ приключеній. Тѣмъ не менѣе въ *Часѣ* непрерывно говорится о дерзкомъ обращеніи полицейскихъ солдатъ и офицеровъ; а въ приказѣ „Начальника города“ за № 28 представленъ общій очеркъ безчинствъ произведенныхъ офицерами въ первый день срока снятія траура, при чемъ сказано, что въ этотъ день было арестовано женщинъ 987 и арестовано тѣмъ болѣе несправедливо, что платья ихъ не имѣли ничего трауpнаго; 30 дѣвицъ пострадали за черныя платья въ самомъ костелѣ Паулиновъ. Всѣ эти свѣдѣнія начальника города конечно совершенно несправедливы.

Между тѣмъ за границей распущенъ былъ слухъ о высѣченной будто бы беременной женщинѣ, и французскія газеты сильно огорчились этимъ вымышленнымъ варварствомъ. Для опроверженія этого слуха въ варшавской официальной газетѣ напечатана слѣдующая замѣтка:

„Заграничная печать, почерпая извѣстія о событіяхъ въ Царствѣ Польскомъ изъ *Часа* и другихъ польскихъ газетъ, издаваемыхъ въ Краковѣ, Лембергѣ и Познани, все болѣе и болѣе дѣлается органомъ самой безстыдной лжи. Хотя упомянутыя польскія газеты запрещены въ Царствѣ, но тѣмъ не менѣе онѣ тайно проникаютъ въ край, какъ всѣ вообще революціонныя изданія, и распространяютъ ложныя извѣстія, въ виду которыхъ не представляется возможнымъ молчать. Поэтому мы отнынѣ открываемъ столбцы нашей газеты не для опроверженія безсмысленныхъ нелѣпостей, это былъ бы слишкомъ долгій и обременительный трудъ, но для категорическихъ отъ времени до времени разъясненій и представленія фактовъ въ истинномъ свѣтѣ. Мы не всегда будемъ указывать на газеты распространяющія ложныя свѣдѣнія, такъ какъ по большей части всѣ они фабрикуются въ *Часѣ* и другихъ польскихъ газетахъ, откуда заимствуются заграничными газетами.

„На этотъ разъ указываемъ на слѣдующіе примѣры:

„Ложь, что будто бы беременная женщина, жена варшавскаго обывателя, который, разумѣется, не названъ по фамиліи, потому что было

бы нетрудно уличить во лжи, была подвергнута тѣлесному наказанію, за отступленіе отъ правилъ о ношеніи траура! Взысканіе въ подобныхъ случаяхъ ограничивается проведеніемъ ночи подъ арестомъ, если лицо не обвиняется въ чемъ-либо другомъ.

„Ложь, что будто бы женщины высылаются во внутреннія губерніи Имперіи безъ всякаго суда и слѣдствія! Женщины, которыя подверглись подобной участи, были обвинены и уличены въ революціонныхъ козняхъ. Такъ напримѣръ г-жа *Розалія Валишевская* предсѣдала въ революціонномъ женскомъ комитетѣ, который имѣлъ совершенно другую цѣль, а не помощь семействамъ убитыхъ повстанцевъ. Ложь, что будто бы дочерямъ этой госпожи, умолявшимъ о помилованіи матери, данъ былъ отвѣтъ, что мать ихъ, еслибъ имѣлись положительныя доказательства ея вины, была бы подвергнута пыткѣ! Никакой пытки не существуетъ ни въ Имперіи, ни въ Царствѣ, и ни одинъ военный судъ не имѣетъ права употреблять и не употребляетъ пытки.

„Ложь, что, какъ говоритъ *La Patrie*, двѣ женщины приговорены были въ Варшавѣ къ смертной казни черезъ отсѣченіе головы! Изъ этихъ женщинъ, которыхъ называетъ парижская газета, одна *графиня Ледуховская*, родственница папскаго нунція въ Брюсселѣ, никогда не была арестована ни въ Варшавѣ, ни въ Царствѣ, а другая, которую *Patrie* не называетъ по фамиліи, сестра фелиціянка *Текла Трахановская* весьма серіозно скомпрометтирована, но процессъ ея еще не конченъ. Она была дѣятельнѣйшимъ членомъ революціонной организаціи, называющей себя *жондомъ народовымъ*. У ней найдена тайная типографія революціонной организаціи и значительное количество революціонныхъ изданій, которыя она сама разсылала по всему краю. Но важнѣе всего, что Трахановская, служа шпіономъ революціонной организаціи, указывала на лица извѣстныя своею преданностью законному правительству, отдавая ихъ, такимъ образомъ, въ жертву кинжаламъ революціонныхъ трибуналовъ.

„Сестры близнецы *Флейшеръ*, нѣсколько недѣль тому назадъ, освобождены изъ подъ ареста; слѣдовательно ложно, что, какъ сообщала *Breslauer Zeitung*, въ минуту воображаемой высылки ихъ въ Имперію, отказано было отцу ихъ въ сообщеніи, куда именно онѣ должны быть отправлены на жительство. Ложь, что будто бы повивальная бабка *Аполлонія Байль*, у которой найденъ былъ типографскій станокъ, подвергнута была телесному наказанію розгами и что при 50 ударѣ умерла! Г-жа Байль совершенно здорова и ожидаетъ окончанія своего дѣла. Ложь и то, что будто бы предоставлено ей было на выборъ смертная казнь, если не откроетъ владѣльца типографіи, или 1.000 р. если укажетъ его. Г-жа Байль уже указала на него, и полиція разыскиваетъ виновнаго. Ложь, что полиція, убѣдившись что въ покушеніи сторожа ветеринарной школы на жизнь ветеринарнаго врача Зелинскаго не было

никакихъ политическихъ причинъ, ограничилась наказаніемъ виновнаго нѣсколькими ударами. Преступникъ — по фамиліи *Долецкій* — преданъ суду, для поступленія съ нимъ по уложенію объ уголовныхъ и исправительныхъ наказаніяхъ.

XVI.

ПИСЬМО ВАРШАВСКАГО КОРРЕСПОНДЕНТА ВЪ № 258 „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ".

20-го ноября.

Чувствую, что съ нѣкотораго времени мои сообщенія сдѣлались довольно сухи и безцвѣтны. Но что̀ же дѣлать, когда въ Варшавѣ теперь такая тишина и такой застой въ новостяхъ, что ее можно сравнить съ балаганомъ въ ночное время, въ которомъ комедіанты, утомившись сальто-морталями, спятъ крѣпкимъ сномъ. Одинъ только сторожевой песъ этого балагана, *Czas*, лаетъ на встрѣчнаго и поперечнаго, мѣшая спать комедіантамъ, которымъ опротивѣли тяжелые и неестественные труды. Порою послышится изъ-подъ земли голосъ „начельника мяста", но такъ глухо, что тотчасъ же умираетъ въ ночной тишинѣ. Въ существованіе въ Варшавѣ пана „начельника мяста" какъ-то не хочется уже вѣрить, тѣмъ болѣе что недавно на Сосновицкой таможнѣ въ вагонѣ, шедшемъ изъ-за границы въ Царство, найдено въ подушкѣ между пружинами до трехъ десятковъ экземпляровъ послѣдняго приказа „начельника мяста" (№ 28), которые, какъ отсюда заключать должно, печатаются за границей, а не въ Варшавѣ, гдѣ каждый типографскій станокъ подъ надзоромъ и гдѣ тайныя типографіи всѣ открыты. Хотя страхъ терроризма еще не совсѣмъ прошелъ, особенно на провинціи, но сдѣлано уже многое для подавленія мятежа. Поляки сами начинаютъ смѣяться надъ бывшимъ „начельникомъ" въ каррикатурѣ, ими же сочиненной. Въ ней изображенъ кротъ, который изъ-подъ земли говоритъ стаду барановъ, оберегаемому собакой: „Не слушайтесь собаки, а слушайтесь меня: я вашъ защитникъ и покровитель".—„Да гдѣ же ты?" спрашиваютъ овцы. „Тише! отвѣчаетъ кротъ, неравно собака услышитъ и пожалуй найдетъ меня; тогда вы останетесь беззащитными." Если это и не остроумно, то чрезвычайно характеристично, относится какъ къ „начельнику мяста", такъ и къ „народовому жонду".

Варшавскій римско-католическій духовный капитулъ, не зная какъ вывернуться изъ щекотливаго и обманчиваго положенія, въ которое самъ поставилъ себя костельнымъ трауромъ, пустился на шутки: подалъ оберъ-полицеймейстеру объявленіе, въ которомъ, изъясняя, что по каноническимъ правиламъ, во время церковнаго траура, дозволяется въ годовые праздники звонить, проситъ *разрѣшенія* на производство

колокольнаго звона 9-го декабря н. ст. въ праздникъ „Непорочнаго зачатія Св. Дѣвы“. Натурально, правительство наше, какъ не *приказывало* прекращать звонъ, такъ не имѣло надобности и давать разрѣшеніе на возобновленіе его. Коль скоро ксендзы сдѣлали изъ своей религіи оружіе политики, то пусть сами и разчитываются съ народомъ. Повидимому, народъ уже понялъ, что не правительство, а ксендзы оскорбляютъ религію, приводя къ присягѣ на убійства и проповѣдывая вообще кровопролитіе. Не разъ случается слышать отъ конвойныхъ офицеровъ, сопровождавшихъ транспорты плѣнныхъ, что бывшіе повстанцы при проѣздѣ мимо какого-нибудь кляштора проклинаютъ ксендзовъ. Закрытіе костеловъ въ 1861 году и продолжающійся до сихъ поръ костельный трауръ произвели на простонародіе дѣйствіе противное тому на которое разчитывали ксендзы.

Въ дополненіе прежнихъ извѣстій относительно покражъ народовымъ жондомъ денегъ изъ главнаго казначейства, могу теперь сообщить, изъ вѣрнаго источника, что украдено менѣе чѣмъ было объявлено. Кредитное земское общество уже два раза объявило, что украденные заставные листы на 3.018.000 считаются недѣйствительными, и что по истеченіи двухъ лѣтъ со дня публикаціи будутъ выпущены новые заставные листы. А потому всю потерю при покражѣ можно полагать въ 471.000 р., но и она можетъ быть по большей части пополнена изъ разныхъ источниковъ, имѣющихся въ виду, не считая даже имѣній прикосновенныхъ къ покражѣ лицъ.

Точно также, если не ошибаемся, графъ Бергъ приметъ мѣры, чтобы разграбленныя отъ начала мятежа въ разныхъ мѣстахъ деньги, на сумму 807.653 рубля, были пополнены на счетъ виновныхъ.

Члены мятежной организаціи продолжаютъ попадаться въ руки правительства. Недавно военнымъ полевымъ судомъ опредѣлены смертные приговоры двумъ важнымъ агентамъ народоваго жонда: Богушу и Равичу. Помѣщикъ Варшавской губерніи, Гостынинскаго уѣзда, деревни Нивки, Андрей Богушъ, 38 лѣтъ, задержанъ былъ военнымъ отрядомъ въ деревнѣ Кротошинѣ, Влоцлавскаго уѣзда; по произведенному надъ нимъ полевому уголовному суду онъ оказался виновнымъ въ принятіи на себя званія революціоннаго „гражданскаго организатора Равскаго уѣзда“ и въ храненіи у себя бумагъ возмутительнаго содержанія, съ которыми и былъ пойманъ; въ захваченныхъ при немъ бумагахъ революціоная власть въ Варшавской губерніи для поддержанія мятежа въ Царствѣ перечисляетъ начальникамъ бандъ готовыя и приготовляемыя къ тому средства, и между прочимъ поручаетъ подателю бумагъ, равскому гражданскому организатору, лично сообщить начальникамъ измѣнническій планъ относительно города Лэнчицы, и получить отъ нихъ отвѣты. При допросахъ Богушъ упорно запирался во всемъ, и доказывалъ, что отобранныя бумаги, содержаніе которыхъ ему неизвѣстно,

были будто бы переданы ему *неизвѣстнымъ* лицомъ въ деревнѣ Ольгоновѣ, въ бытность его у жены его брата, бѣжавшаго за границу; но объясненіе это оказалось лживымъ. Полевой военный судъ, признавая помѣщика Богуша виновнымъ въ томъ, что онъ былъ дѣйствительнымъ членомъ мятежнаго жонда, съ исполнительною властію, приговорилъ его къ смертной казни разстрѣляніемъ. Приговоръ этотъ приведенъ былъ въ исполненіе въ городѣ Влоцлавкѣ $^{12}/_{24}$ ноября въ 9 часовъ утра. Другой преступникъ, помѣщикъ Люблинской губерніи, Сѣдлецкаго уѣзда, деревни Грохова, Владиславъ Равичъ, 32 лѣтъ, по произведенному надъ нимъ полевому уголовному суду оказался виновнымъ: въ добровольномъ принятіи на себя обязанности революціоннаго начальника „Подлясскаго воеводства“, состоявшаго изъ уѣздовъ: Сѣдлецкаго, Бѣльскаго, Радзынскаго, Луковскаго и Станиславскаго, въ храненіи въ канцеляріи своей революціонныхъ печатей и разнаго рода письменныхъ распоряженій такъ-называемаго „революціоннаго жонда“, въ передачѣ таковыхъ къ исполненію, чрезъ революціонныхъ начальниковъ уѣздовъ, по всѣмъ частямъ воеводства, и наконецъ, въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ тѣмъ же жондомъ. Такія дѣйствія помѣщика Равича подтверждаются, кромѣ собственнаго его сознанія, имѣющеюся при дѣлѣ обширною революціонною перепиской по разнымъ отраслямъ, часть которой, какъ показываетъ Равичъ, оставлена была ему предмѣстникомъ его Краковымъ, а остальная получалась имъ непосредственно отъ разныхъ членовъ революціонной организаціи. За преступленія эти полевой военный судъ приговорилъ помѣщика Равича къ смертной казни, чрезъ повѣшеніе. Съ имѣній же его, состоящихъ изъ двухъ фольварковъ и 8 деревень, стоимость которыхъ простирается до 150.000 р. с., судъ рѣшилъ взыскать денежный штрафъ по особенному распоряженію Приговоръ этотъ приведенъ въ исполненіе въ Стрѣльцахъ, 9-го ноября въ 11 часовъ утра.

Высочайшими именными указами, отъ 11-го ноября, назначены: сенаторъ тайный совѣтникъ Арцимовичъ—членомъ совѣта управленія Царства, съ оставленіемъ въ званіи сенатора, и вице-предсѣдателемъ государственнаго совѣта Царства; директоръ департамента государственныхъ имуществъ и лѣсовъ въ правительственной коммиссіи финансовъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Борженцкій—постояннымъ членомъ государственнаго совѣта Царства; вице-директоръ государственныхъ имуществъ и лѣсовъ, Игнатій Домбровскій—исправляющимъ должность директора департамента.

Изъ Опатова, Радомской губерніи, получено довольно непріятное донесеніе о томъ, что 13 (25) ноября шайка мятежниковъ воспользовалась выступленіемъ изъ Опатова войскъ, напала на городъ, разграбила казначейство, унесла 6.000 р. с., и захватила нѣсколькихъ солдатъ, оставшихся при войсковыхъ тяжестяхъ. Нельзя не пожалѣть, что

уѣздный городъ былъ очищенъ войсками. *Czas* уже нѣсколько дней превозноситъ эту громадную побѣду, и въ № 275 приводитъ подлинный рапортъ „начальника силъ збройныхъ воеводствъ Краковскаго и Сандомірскаго, генерала Босака“ (сколько извѣстно, это псевдонимъ графа Гауке); скрѣпленный „начельникомъ штабу и начельникомъ силъ збройныхъ воеводства Краковскаго, полковникомъ Хмѣлинскимъ“, и „официеромъ ордонансовымъ поручникемъ Авейде“. Босакъ доноситъ, что онъ имѣлъ 210 кавалеристовъ, и что атака удалась „зупѐлне“: взято 35.000 злотыхъ изъ городской кассы, и захвачено 5 жандармовъ; кромѣ того, *уничтоженъ* московскій пикетъ при въѣздѣ изъ 4-хъ солдатъ и 3-хъ казаковъ; пѣхотная же рота спряталась въ Ратушѣ и потому не могла быть атакована. Словомъ, грабежъ совершенъ былъ храбро, а когда узнали, что Москали близко, то „цофнулись въ найвенкшымъ поржондку до лясу“.

Dziennik Powszechny при новой редакціи сдѣлался очень интересною газетой и читается Поляками; при безцвѣтности и безжизненности прочихъ польскихъ газетъ, офиціальный *Дневникъ* очень выдается своимъ составомъ. Опроверженіе *Дневникомъ* ложныхъ извѣстій, распускаемыхъ революціонною журналистикой, представляетъ несомнѣнную пользу. Обличенный во лжи, *Часъ* въ № 275 отозвался о *Дневникѣ* слѣдующимъ образомъ: „вѣроятно, читателямъ извѣстенъ анекдотъ о сумашедшемъ, которому казалось, что за исключеніемъ его весь свѣтъ сошелъ съ ума; на этого сумашедшаго похожъ органъ московскаго правительства въ Варшавѣ, *Dziennik Powszechny*“. Этотъ отзывъ очень хорошо можетъ быть приложенъ къ *Часу*, который, несмотря на опроверженіе *Дневника*, продолжаетъ увѣрять, что ложные факты, выставленные его варшавскимъ корреспондентомъ, вѣрны. Прошу покорно, какой авторитетъ варшавскій корреспондентъ *Часа!*

Вотъ новый обращикъ гнусной лжи безсовѣстнаго *Часа*, перепечатанный и въ *Дневникѣ:* „Состоящій при военномъ начальникѣ князѣ Витгенштейнѣ, ротмистръ Шварцъ, отыскивая повстанцевъ, укралъ у одной помѣщицы все ея серебро и драгоцѣнности, а когда отъ него потребовали возврата украденнаго, то Шварцъ не отдалъ, сказавъ, что онъ долженъ подѣлиться съ княземъ Витгенштейномъ“.

Удивительно, если редакторъ *Часа* не подвергнется наказанію за это публичное оскорбленіе чести. Военнымъ, конечно, не время судиться съ *Часомъ*, но Русскіе живущіе въ Вѣнѣ могли бы принять это дѣло къ сердцу и осадить клеветниковъ, призвавъ ихъ къ суду.

XVII.

Письмо варшавскаго корреспондента въ № 260 „Московскихъ вѣдомостей“.

(23-го ноября).

Жондъ не рѣшается еще совсѣмъ оставить политическія убійства. Вчера трое тайныхъ убійцъ бросились на кондуктора Варшавско-Вѣнской желѣзной дороги Николая *Жиленко* (Русскій), и нанесли ему ударъ въ голову, но уже не кинжаломъ, а топоромъ, послѣ чего, бросивъ топоръ, вскочили въ извощичью коляску (дружку) и быстро уѣхали. Извощикъ, вѣроятно бывшій въ заговорѣ, не хотѣлъ остановиться, когда солдатъ, прикомандированный къ полиціи, его задерживалъ, угрожая штыкомъ лошадямъ. Однако извощикъ потомъ схваченъ по № экипажа, который часовой успѣлъ замѣтить. Жиленко не убитъ однако же, но раненъ, съ поврежденіемъ лобной кости.

Спрашивается: какую пользу видятъ эти люди въ убійствѣ? Если они убьютъ одного кондуктора, то на мѣсто его готовы тысячи. Неужели этимъ способомъ они хотятъ *отучить* насъ служить въ Польшѣ? Неужели они хотятъ, чтобы мы были измѣнниками своему отечеству въ пользу польской *ойчизны?*

Сегодня Н. А. Милютинъ откланивался у графа Берга, а завтра съ легкимъ поѣздомъ ѣдетъ въ Петербургъ. Въ бытность свою въ Царствѣ, Н. А. Милютинъ собралъ огромное количество матеріаловъ по крестьянскому вопросу; въ частыхъ поѣздкахъ по краю онъ изучилъ предметъ на мѣстѣ, и можно надѣяться, что теперь примется за разработку крестьянскаго вопроса, не терпящую отлагательства.

Въ доказательство шаткости правилъ, опредѣляющихъ нынѣ поземельныя права крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ, можно бы привести много примѣровъ. Помѣщики въ особенности притѣсняли крестьянъ въ 1862 когда, видѣли, что масса сельскаго населенія, вопреки ожиданій выраженныхъ Мѣрославскимъ въ извѣстной его программѣ, не даетъ себя двинуть на „свентую справу“. Въ прошломъ и въ 1861 году, намѣстники были забрасываемы жалобами крестьянъ на беззаконныя притѣсненія ихъ помѣщиками. Многіе изъ вліятельныхъ крестьянъ, не сочувствующихъ справѣ, были, безъ всякихъ разсужденій, буквально выброшены изъ усадебъ въ поле, съ тою *частію* пожитковъ, какую угодно было помѣщику оставить несчастному. Эти несчастные проводили осень и зиму въ лѣсу, въ землянкахъ, *впредь до рѣшенія дѣла*, которое мятежныя гражданскія власти, разумѣется, никогда не рѣшали. Жалобамъ этимъ положили конецъ въ нынѣшнемъ году жандармы-вѣшатели, умерщвляя тѣхъ кто осмѣливался когда-то жаловаться *наѣзжему правительству*. Такимъ образомъ, солидарность дѣйствій чинов-

ничества и вѣшателей, въ отношеніи крестьянъ, весьма похожа на „сердечное согласіе". — Въ нынѣшнемъ году, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, военные начальники успѣли открыть также много злоупотребленій власти помѣщиковъ. Такъ напримѣръ Олькушскаго уѣзда, въ деревнѣ Ляски, принадлежащей помѣщику *Мигельскому*, въ деревняхъ Блендовой-Кузницѣ и Нѣговоницѣ, принадлежащихъ помѣщику *Рогацкому*, крестьянамъ, несмотря на ихъ просьбы, не сдаютъ пустошей, которыми не пользуются помѣщики. Войтъ гмины *Лъэнтовскій* не могъ дать никакого объясненія по поводу беззаконныхъ дѣйствій помѣщиковъ и потому арестованъ. Въ Равскомъ уѣздѣ, владѣлецъ д. Рогова, *Пацеръ*, сдѣлалъ еще лучше: онъ въ нынѣшнемъ году перенесъ всѣ крестьянскія усадьбы съ удобной обработанной на берегу рѣки мѣстности, на мѣста песчаныя, безводныя, въ верстѣ отъ рѣки, а обработанною ими землею завладѣлъ самъ — и притомъ безъ соблюденія хотя бы наружной формы законнаго порядка. Крестьяне пробовали рыть на новомъ мѣстѣ колодцы, но не доискались воды. Вмѣсто огородовъ, они получили землю пустопорожнюю, гористую и покрытую обрывами. По докладѣ объ этомъ дѣлѣ, графъ Бергъ, 18-го (30-го) ноября, приказалъ предложить помѣщику Пацеру вознаградить крестьянъ за понесенныя ими потери и устроить при новыхъ ихъ жилищахъ колодцы на его счетъ или же перевесть крестьянъ на прежнія мѣста, съ тѣмъ чтобъ это не причинило имъ никакихъ новыхъ убытковъ, наблюсти за исполненіемъ и представить отъ крестьянъ, чрезъ помѣщика, подписку, засвидѣтельствованную начальникомъ уѣзда, что они новымъ распоряженіемъ остались довольны.

Подобныхъ примѣровъ много; только трудно ихъ узнавать, потому что крестьяне боятся жаловаться, а прежнія просьбы гражданское начальство держитъ подъ спудомъ.

— 22-го ноября (4-го декабря) во Влоцлавкѣ, по приговору полевого военнаго суда, разтрѣлянъ жандармъ-вѣшатель Константинъ *Бляховскій*—дезертиръ изъ нашихъ войскъ. Онъ поступилъ въ рекруты въ Варшавѣ, но вскорѣ бѣжалъ въ Пруссію, гдѣ прожилъ 14 лѣтъ; въ прошломъ году былъ переданъ намъ Прусскимъ правительствомъ, но въ февралѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года, во время пересылки его въ Варшаву, былъ отбитъ мятежниками у крестьянъ его сопровождавшимъ и поступилъ въ банды. Потомъ, принявъ на себя обязанность жандарма-вѣшателя, вербовалъ въ шайки и забиралъ насильно много людей. Въ убійствахъ, разумѣется, не признался.

— На этихъ дняхъ пришли къ одному изъ генераловъ три дамы хлопотать о своихъ родственникахъ, содержащихся въ цитадели, и когда генералъ отвѣтилъ, что помочь не въ состояніи, то одна изъ нихъ лишилась чувствъ и получила спазмы; вслѣдъ за нею случилось то же съ другою, а отъ нихъ не отстала и третья. Генералъ испугался, едва при

помощи служанокъ успѣлъ привести этихъ дамъ въ чувства и потомъ обѣщалъ имъ горячее свое участіе. Дамы вышли отъ него и тутъ же въ сѣняхъ подняли хохотъ, хвалясь одна предъ другою ловкостью сыгранной комедіи. Генералъ узналъ объ этомъ, и едва ли теперь повѣритъ слезамъ *чувствительныхъ* Полекъ.

XVIII.

ИЗЪ ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО ПО ПРЯМЫМЪ ИЗВѢСТІЯМЪ, ВЪ № 261 „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ".

Изъ извѣстій о военныхъ дѣйствіяхъ видно, что въ Люблинскомъ военномъ округѣ подавленіе мятежа значительно отстало отъ остальныхъ округовъ. Люблинское и Подляское „воеводства" служатъ повстанцамъ лучшимъ поприщемъ для пріобрѣтенія извѣстности и чиновъ, не рискуя заплатить за мгновенную удачу неизбѣжнымъ пораженіемъ. До настоящей минуты большія шайки еще водятся въ Люблинской губерніи, и притомъ только въ ней одной; знаменитые генералы Крукъ, Валигурскій, ихъ помощники: Крысинскій, Козловскій, Руцкій и проч. даютъ матеріалъ революціонной журналистикѣ для прославленія живучести „повстанія". И въ самомъ дѣлѣ, несмотря на близость зимы и холода, шайки разгуливаютъ по Люблинской губерніи, нападаютъ даже на наши отряды; проходятъ около самаго губернскаго города, и производятъ въ немъ тревогу. Причина такого хода дѣлъ заключается, конечно, въ особыхъ условіяхъ борьбы, требующихъ не столько военныхъ соображеній, сколько искусства управленія. Пространство и народонаселеніе—вотъ два элемента которыми слѣдуетъ руководствоваться при усмиреніи мятежа. Здѣсь не можетъ быть ни рѣшительной побѣды, ни полнаго пораженія; разбѣгающіяся при преслѣдованіи шайки, съ цѣлію собраться вновь при первомъ удобномъ случаѣ, конечно, мало походятъ на регулярное войско. Какъ успѣхъ, такъ и неудача, здѣсь гораздо менѣе замѣтны, и зависятъ главнымъ образомъ отъ управленія. Въ послѣднемъ отношеніи Люблинскій военный округъ находился въ самомъ невыгодномъ положеніи. Почти милліонное населеніе раскинуто на пространствѣ 536 кв. миль; отсутствіе желѣзныхъ дорогъ и большіе сплошные лѣса, наконецъ длинное протяженіе галиційской границы на одной, и охраненіе важнаго сообщенія съ Брестомъ на другой оконечности округа— все это соединилось для затрудненія управленія страной, а слѣдовательно и усмиренія мятежа. Въ такомъ положеніи не находится ни одинъ военный округъ Царства; всѣ они имѣютъ и меньше протяженіе, и близки къ желѣзнымъ дорогамъ, и наконецъ близки къ Варшавѣ. Весьма естественно, что для удобства управленія необходимо было раздробить Люблинскій военный округъ.

Еще до начала мятежа предполагалось раздѣлить Царство, вмѣсто пяти существующихъ, на восемь губерній, и если такое дѣленіе вызывалось потребностями мирнаго времени, то тѣмъ болѣе оно получаетъ значеніе при управленіи страной находящеюся на военномъ положеніи.

По всѣмъ вышеизложеннымъ причинамъ нельзя не признать въ высокой степени цѣлесообразнымъ учрежденіе особаго военнаго отдѣла Сѣдлецкаго, объявленное въ приказѣ войскамъ въ Царствѣ расположеннымъ, отъ 15-го ноября. Новый отдѣлъ составленъ изъ Сѣдлецкаго, Бѣльскаго и сѣверной части Радзынскаго уѣздовъ до рѣки Тршна, отходящихъ отъ Люблинскаго военнаго отдѣла, и изъ Станиславовскаго уѣзда Варшавской губерніи. Военнымъ начальникомъ Сѣдлецкаго отдѣла назначенъ генералъ-лейтенантъ Манюкинъ, начальникъ 2-й пѣхотной дивизіи, и на обязанность его возложено храненіе шоссе, отъ Бреста до границъ Варшавскаго уѣзда, и конвоированіе по этому тракту транспортовъ и денежныхъ суммъ. Припомнимъ, что Брестъ-Литовскъ до сихъ поръ служитъ центромъ коммиссаріатской части войскъ въ Царствѣ Польскомъ, и что перерывъ сношеній съ Брестомъ въ началѣ возстанія повлекъ за собою много неудобствъ. Конечно, съ учрежденіемъ интендантствъ по военно-окружной системѣ, неудобства эти едва ли повторятся въ большихъ размѣрахъ.

Одновременно съ учрежденіемъ главнаго Сѣдлецкаго отдѣла организованы еще частные военные отдѣлы: одинъ изъ Радызынскаго и Луковскаго уѣздовъ, Люблинской губерніи, а другой Ловичско-Равскаго уѣздовъ, Варшавской губерніи; начальникомъ перваго отдѣла назначенъ генералъ-майоръ Дрейеръ, а втораго—полковникъ Дохтуровъ. Учрежденіе частныхъ военныхъ отдѣловъ значительно облегчаетъ ближайшій надзоръ за ходомъ дѣлъ въ военномъ и административномъ отношеніяхъ, и способствуетъ болѣе успѣшному производству на мѣстѣ слѣдственныхъ и военно-судныхъ дѣлъ надъ политическими преступниками.

По случаю неурожая въ настоящемъ году фуража и значительнаго числа войскъ расположенныхъ въ Царствѣ, положено собрать по реквизиціи отъ жителей до 70.000 четвертей овса и до 700.000 пудовъ сѣна. Войска расположенныя въ Варшавѣ продовольствуются фуражомъ доставляемымъ изъ Имперіи.

Въ подчиненной генералу Муравьеву Августовской губерніи всѣмъ обывателямъ ея предписано проживать на мѣстахъ. Съ цѣлію уменьшить передвиженія помѣщиковъ для служенія мятежу, графъ Бергъ издалъ 9-го ноября, за № 6408, слѣдующій циркуляръ:

„Признавая справедливымъ распространить мѣру денежнаго оштрафованія на движимое имущество и недвижимыя имѣнія тѣхъ изъ принимавшихъ участіе въ революціонной организаціи и вооруженномъ мятежѣ лицъ, которыя по преступнымъ цѣлямъ, или боясь отвѣтственности по законамъ, оставили мѣста постояннаго пребыванія своего и бѣ-

жали за границу, или скрываются въ краѣ, я предлагаю вамъ (начальникамъ отдѣловъ) принять непремѣннымъ правиломъ объявлять, чрезъ родственниковъ или управителей и повѣренныхъ таковыхъ лицъ, вызовъ ихъ на мѣста жительства, назначая для сего: находящимся за границей шестидесяти, а для пребывающихъ въ краѣ сорокадневные сроки. Если же виновные къ означенному сроку не явятся, то движимое имущество ихъ обращать на пополненіе опредѣленнаго денежнаго штрафа.“

По свѣдѣніямъ полученнымъ изъ Ломженскаго уѣзда, подчиненнаго генералу Муравьеву, въ уѣздѣ установлены военные станы, изъ жителей образована милиція, насильно взятые въ шайки возвращаются изъ лѣсовъ и приводятся къ присягѣ. Словомъ, повторяется та же исторія, что̀ и въ Литвѣ. Этотъ фактъ рекомендуется нами вниманію лицъ утверждавшихъ краснорѣчивымъ слогомъ что въ Польшѣ мы не можемъ съ успѣхомъ употребить мѣры тождественныя съ тѣми которыя приняты на Литвѣ.

X.

ДЕКАБРЬ.

I.

ПЕРЕДОВАЯ СТАТЬЯ ВЪ № 262 „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“.

Безъ сомнѣнія, наши читатели со вниманіемъ прочтутъ помѣщаемую ниже * характеристику императора Наполеона III (изъ лондонскаго «Экономиста»), и основанныя на его характерѣ и его отношеніяхъ предположенія о томъ, какъ будетъ онъ дѣйствовать въ различныхъ возбужденныхъ теперь вопросахъ. Основная мысль этой статьи заключается въ томъ, что императоръ Французовъ есть вѣнчанный демократъ Европы, сознающій за собою задачу и обязанность повсюду содѣйствовать торжеству демократическихъ началъ революціи 1789 года, убѣжденный въ томъ, что окончательною формой правленія повсемѣстно будетъ та самая которая господствуетъ теперь во Франціи, то-есть, если можно такъ выразиться, демократическая монархія, или, иначе, почти безграничная власть одного лица, воплощающаго въ себѣ чувствованія и желанія народныхъ массъ и только въ массахъ ищущаго и находящаго себѣ опору. Между Наполеономъ III и демократическими партіями всѣхъ странъ Европы существуетъ, такимъ образомъ, какъ бы взаимное обязательство, которое онъ самъ заинтересованъ строго выполнять, чтобъ обезпечить въ Европѣ торжество тѣмъ началамъ на которыя опирается его династія. Но степень выполненія этого обязательства ограничивается, съ одной стороны, свойствами французской націи, которая

* Въ томъ же № *Моск. Вѣд.*

очень любитъ славу, но столько же любятъ и деньги, и готова на всѣ войны лишь бы онѣ не были черезчуръ опасны и трудны и могли бы быть ведены не съ помощью новыхъ налоговъ, а съ помощью внутреннихъ займовъ, и непремѣнно за высокіе проценты. Съ другой стороны, въ самомъ характерѣ Наполеона III нѣтъ ни малѣйшей наклонности къ рискованнымъ предпріятіямъ; напротивъ, и по медлительной своей натурѣ, и по привычкѣ, онъ заботится прежде всего о томъ, чтобы каждый шагъ его былъ какъ можно болѣе вѣренъ и безопасенъ, и постоянно расположенъ откладывать какъ можно далѣе всякое рѣшеніе, отъ котораго уже нельзя было бы отступиться.

Вотъ почему, по мнѣнію лондонскаго *Экономиста*, въ настоящее время наиболѣе смущаетъ его такъ-называемый польскій вопросъ, который при первой энергической попыткѣ къ насильственному разрѣшенію его такъ легко можетъ вовлечь Францію въ борьбу съ цѣлою Европой. Положеніе, въ самомъ дѣлѣ, чрезвычайно затруднительное, и выхода изъ него, по словамъ того же журнала, императоръ Наполеонъ ждетъ не отъ собственной своей воли, а отъ стеченія какихъ-либо благопріятныхъ случайностей.

Но, если не ошибаемся, предлагая созваніе общеевропейскаго конгресса, императоръ Наполеонъ именно имѣлъ въ виду вызвать эти случайности, благопріятныя для разрѣшенія польскаго вопроса согласно съ желаніями Франціи. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что онъ именно разчитывалъ на возможность компрометтировать Россію въ глазахъ Англіи, а Англію въ глазахъ Россіи, когда дѣло на этомъ конгрессѣ зашло бы о Восточномъ вопросѣ и о постановленіяхъ Парижскаго трактата 1856 года, такъ противоестественно обезоружившихъ Россію на Черномъ Морѣ. Онъ могъ ошибиться въ этихъ разчетахъ; но вѣдь несомнѣнно, что Франція сдѣлала съ своей стороны все, чтобы возгорѣлась европейская война.

Конгрессъ не состоялся, по крайней мѣрѣ не долженъ состояться (хотя что̀ касается до формальнаго отказа со стороны Англійскаго правительства,—мы признаемся, не совсѣмъ увѣрены въ его искренности), и Франція попрежнему поставлена

лицомъ къ лицу со всѣми затрудненіями, созданными собственною ея политикой въ польскомъ вопросѣ. Какъ она выйдетъ изъ этихъ затрудненій, это—вопросъ, который наиболѣе занимаетъ умы въ настоящее время.

Revue des deux Mondes, въ своей политической хроникѣ отъ 1-го декабря, указываетъ на три возможные выхода, и самымъ удобнымъ изъ нихъ еще и теперь считаетъ войну изъ-за Польши, войну, въ которую Австрія была бы вовлечена, отчасти по принужденію, отчасти уступая убѣжденіямъ, и въ которой Англіи пришлось бы принять потомъ участіе, такъ какъ, по мнѣнію *Revue des deux Mondes*, въ войнѣ съ Россіей невозможно было бы не начать дѣйствій противъ насъ въ Черномъ Морѣ, а слѣдовательно, легко было бы вынудить Англію вмѣшаться въ дѣло. Упрекая Французское правительство въ томъ, что оно постоянно старалось выказать, будто бы въ польскомъ вопросѣ оно не болѣе заинтересовано чѣмъ Австрія или Англія и будто бы оно не расположено къ бо́льшимъ пожертвованіемъ для его разрѣшенія, упомянутый журналъ считаетъ и теперь свой планъ удобоисполнимымъ, и видитъ въ войнѣ изъ-за Польши самые серіозные залоги успѣха и славы. Но французскій журналъ забываетъ, что Парижскій трактатъ 1856 закрылъ Черное Море для всѣхъ военныхъ судовъ, и что, для выполненія одной части означеннаго плана, Франціи пришлось бы начать съ самаго возмутительнаго нарушенія Парижскаго трактата, какое когда-либо бывало въ исторіи, и которое было бы равносильно вызову, брошенному въ лицо самой Англіи. Если Англія не расположена начинать общую европейскую войну по Восточному вопросу, и не намѣрена сама попытаться захватить Константинополь и Дарданеллы въ свои руки, то для нея, очевидно, никакая другая комбинація не можетъ быть выгоднѣе и удобнѣе сохраненія Турецкой имперіи, а угрожать Россіи со стороны Турціи и въ Черномъ Морѣ значило бы именно подвергать существованіе Турціи величайшей опасности. Какъ ни усилилось въ послѣднее время вліяніе Франціи въ Константинополѣ, однакожь въ этомъ случаѣ вліяніе Англіи, безъ сомнѣнія, пересилило бы, и Турція,

вѣроятно, не рѣшилась бы ни сама угрожать Россіи, ни дать пропускъ французскому флоту. Словомъ, вовлечь Англію и Россію въ войну между собою, противъ собственной ихъ воли, дѣло вовсе не такъ легкое, какъ кажется французскому публицисту. Не хитростями французской дипломатіи и не польскимъ вопросомъ будетъ возбуждена всеобщая европейская война, если ей суждено быть. Она возможна только въ томъ случаѣ, если Англія, пользуясь громадностью своихъ теперешнихъ вооруженій, дѣйствительно замышляетъ что-нибудь недоброе въ Мраморномъ морѣ.

Что же касается до Австріи, то Франція, пожалуй, можетъ отнять у нея Венецію съ четыреугольникомъ, не вызывая общеевропейской войны (хотя это дѣло вовсе не легкое); но война съ Россіей можетъ стоить ей Галиціи, можетъ оторвать отъ нея Венгрію, и окончиться совершеннымъ распаденіемъ имперіи Габсбурговъ, и въ лучшемъ случаѣ подвергнетъ ее всѣмъ возможнымъ опасностямъ и пожертвованіямъ, нисколько не упрочивъ за нею обладанія Венеціей. Было бы дѣйствительно чудомъ еслибъ Австрія, положась только на Францію, безъ всякой поддержки со стороны Англіи, отважилась на войну съ Россіей.

Другой выходъ, на который указываетъ *Revue des deux Mondes*, заключался бы въ томъ, чтобы Франція отказалась отъ разрѣшенія польскаго вопроса, и постановила себѣ задачей содѣйствовать, въ случаѣ надобности и удобства—даже войною, разрѣшенію всѣхъ европейскихъ вопросовъ вообще, въ духѣ началъ 1789 года и пользуясь началомъ національностей, какъ революціоннымъ средствомъ. Это планъ широкій и смѣлый. Франція стала бы, черезъ то, вѣчно пылающимъ центромъ революціонной политики; но пламя ея могло бы охватить и пожрать нынѣшнюю правительственную систему самой Франціи. Если вѣрно то что̀ говоритъ *Экономистъ* о личномъ характерѣ Наполеона III, онъ никогда на подобный планъ не рѣшится.

Третій выходъ представляетъ политика бездѣйствія и выжиданія, до тѣхъ поръ пока какая-либо настоятельно и непо-

средственно касающаяся Франціи необходимость не принудила бы ее дѣйствовать. Послѣ громкихъ и энергическихъ заявленій императора, такая политика кажется для *Revue des deux Mondes* едва ли возможною; да и Франція подчинилась бы ей съ крайнимъ неудовольствіемъ, которое побудило бы ее очень скоро искать вознагражденія за свои внѣшнія неудачи въ своей внутренней политической, то-есть революціонной, жизни, и тогда Франція не замедлила бы вступить на указанный выше путь политики революціонной.

Не знаемъ, который изъ трехъ указываемыхъ въ *Revue des deux Mondes* путей приметъ политика Франціи,—но политика самого этого журнала обрисовывается довольно явственно. Оппозиціонныя партіи начинаютъ поднимать голову. Имъ желательно, чтобы Наполеонъ III завлекся въ войну: онѣ не безъ основанія разчитываютъ, что ненавистной имъ династіи тогда не сдобровать.... Недовольство, тревога и предчувствіе грядущихъ потрясеній овладѣло всѣми во Франціи, и въ самомъ законодательномъ сословіи обнаруживаются многознаменательныя колебанія: члены преданнаго имперіи большинства нерѣдко дѣйствуютъ заодно съ оппозиціей; при повѣркѣ выбора г. Жокура противъ правительственнаго кандидата составилось почтенное меньшинство въ 80 человѣкъ,—и нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что большинство совсѣмъ распадется. Почва начинаетъ, такимъ образомъ, слегка колебаться подъ ногами императорскаго правительства.

II.

ПЕРЕДОВАЯ СТАТЬЯ ВЪ № 264 „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“ (4 ДЕКАБРЯ).

Говорятъ, что мы варвары. Какіе мы варвары? Мы философы и пророки. Нашъ старый Хемницеръ сложилъ объ насъ басенку. Кто не знаетъ его Метафизика? «Веревка вещь какая?» вопрошаетъ онъ, сидя въ ямѣ, и углубляется въ метафизику этого вопроса, вмѣсто того чтобъ ухватиться за веревку обѣими руками. Кто не знаетъ роковой дилемы, кото-

рая постигаетъ у насъ «умныхъ» людей, по мнѣнію стараго плута-городничаго, за которымъ спрятался Гоголь? Кто наконецъ не помнитъ траги-комическаго пассажа, который случился недавно съ однимъ изъ метафизиковъ въ русской литературѣ? Но ни старыя басни, ни новые примѣры не дѣйствуютъ на насъ.

Въ *Русскомъ Инвалидѣ* за прошлый мѣсяцъ напечатаны двѣ статьи г. Гильфердинга, подъ заглавіемъ: «Положеніе и задача Россіи въ Царствѣ Польскомъ». *Русскій Инвалидъ*—газета заслуживающая полнаго уваженія и сочувствія, и принадлежащая къ самымъ лучшимъ исключеніямъ изъ петербургской журналистики; г. Гильфердингъ—писатель искусно владѣющій перомъ, много занимавшійся славянскими древностями, и, безъ всякаго сомнѣнія, одушевленный наилучшими намѣреніями. Къ сожалѣнію, съ его трактатомъ случилась престранная исторія: выдержки изъ этихъ статей, вскорѣ по ихъ появленіи, облетѣли европейскую журналистику и были съ живѣйшими одобреніями перепечатаны въ органахъ самыхъ непріязненныхъ русскому дѣлу.

Искусственно возбужденныя, фальшивыя симпатіи европейской журналистики къ польскимъ притязаніямъ, начинавшія потухать, неожиданно нашли себѣ новую пищу. «Должно-быть, замѣчаетъ газета *Daily News*, въ Петербургѣ водворилась теперь самая безусловная свобода печати, если такія воззрѣнія могутъ появляться въ ней; а не то остается думать что Русское правительство совершенно измѣнило свою политику по польскому вопросу.» Англійская газета, привыкшая къ полной свободѣ мнѣній, тѣмъ не менѣе удивляется той «безусловной» свободѣ, о которой, какъ ей кажется, свидѣтельствуютъ воззрѣнія г. Гильфердинга. За границей всѣ увѣрились, что общественное мнѣніе въ Россіи настроено самымъ патріотическимъ образомъ; до сихъ поръ всѣ были убѣждены, что за исключеніемъ какихъ-нибудь потерянныхъ головъ, *полу-Поляковъ* и *полу-Русскихъ*, по выраженію Мѣрославскаго, никто въ Россіи не допускаетъ и мысли о нарушеніи государственной цѣлости Русской державы, и что всѣ классы

народа съ безпримѣрнымъ въ исторіи единодушіемъ готовы стать на ея защиту. Теперь иностранному наблюдателю вдругъ показалось противное, — показалось что русское общество, въ душѣ своей, сочувствуетъ тѣмъ требованіямъ которыя недавно предъявлялись къ Россіи и которыя заставили ея правительство вооружаться; этого мало: оказывается что въ сущности общественное мнѣніе въ Россіи идетъ гораздо далѣе чѣмъ даже требованія трехъ державъ. Въ иностранныхъ газетахъ съ торжествомъ выписываютъ изъ статей г. Гильфердинга тѣ строки въ которыхъ заявляется что Русскій народъ съ «восхищеніемъ» рукоплескалъ бы возстановленію политической независимости Царства Польскаго. Англійскія газеты, при всей своей свободѣ, или, лучше сказать, въ силу своей свободы, очень естественно не могутъ понять, чтобы гдѣ бы то ни было, въ одномъ изъ самыхъ уважаемыхъ и распространенныхъ органовъ печати, могло такъ фальшиво истолковываться народное чувство страны; иностранцамъ остается видѣть въ этихъ увѣреніяхъ внезапно прорвавшееся истинное народное чувство, истинное общественное мнѣніе въ Россіи. Нашимъ недоброжелателямъ тѣмъ пріятнѣе эти откровенія что они соединяются съ весьма добродушнымъ сознаніемъ превосходства польской народности предъ русскою. На той сторонѣ, по сказанію русскаго писателя, цивилизація проникнутая европейскимъ духомъ, на той сторонѣ высокообразованные паны,—а здѣсь солдатъ и мужикъ, плебеи человѣчества. Никто изъ иностранцевъ не обязанъ же знать что, по метафизикѣ нѣкоторыхъ русскихъ философскихъ школъ, плебейство есть великая сила, и что славянскому роду предписано чуждаться европейской цивилизаціи. Чего же лучше, думаютъ иностранцы, если сами Русскіе сознаютъ какъ несправедливо подчинять высшую цивилизацію низшей, аристократовъ европейской цивилизаціи владычеству мужичья и солдатства? При такомъ самосознаніи Русскаго народа, было бы дѣломъ высшей справедливости не только отдѣлить Царство Польское отъ Россіи, но и возстановить старую Польшу; еще послѣдовательнѣе было бы подчинить всю эту плебейскую

массу человѣчества тому типу высшей цивилизаціи, представителями которой являются польскіе патриціи. На европейской картѣ, вмѣсто нынѣшней Европы, появилась бы Польша съ подвластными ей землями, и это было бы вполнѣ согласно съ законами высшей справедливости, которая прежде всего требуетъ чтобы низшее подчинялось высшему.

Намъ очень прискорбно что наши иностранные оцѣнщики могутъ дѣлать такія заключенія, ссылаясь на наши же собственныя признанія. Мы вполнѣ раздѣляемъ чувство побуждающее редакцію столь уважаемой нами газеты, какъ *Русскій Инвалидъ*, съ негодованіемъ отвергать подобныя толкованія въ иностранной журналистикѣ. Но мы не можемъ совершенно согласиться съ нею въ направленіи ея обвиненій; мы не можемъ возлагать всю отвѣтственность на нашихъ иностранныхъ недоброжелателей. Намъ кажется что существенную долю отвѣтственности должны мы принять на себя самихъ. Главною виной того злоключенія которому подверглись разсужденія г. Гильфердинга было не что̀ иное какъ наша метафизика и духъ пророчества, который не допускаетъ нашихъ мыслителей смѣшиваться съ толпою, и возводитъ ихъ на уединенныя высоты созерцанія.

Еслибы г. Гильфердингъ, приступивъ прямо къ дѣлу, и ограничился только тѣмъ что̀ написано въ концѣ его разсужденія о польскомъ вопросѣ и въ чемъ собственно заключается сущность вопроса, то вышла бы статья небольшая, но дѣльная. Никакихъ завитковъ метафизической мудрости не было бы въ ней, но въ этомъ состояло бы ея положительное достоинство, и она не могла бы подать поводъ ни къ какимъ лжетолкованіямъ. Мысль которую высказалъ г. Гильфердингъ въ заключеніи своихъ статей есть мысль вполнѣ здравая и вполнѣ согласная съ воззрѣніями уже установившимися въ нашей публикѣ. Г. Гильфердингъ пришелъ къ тому убѣжденію что Царство Польское не только не можетъ быть отдѣлено отъ Россіи, но напротивъ должно тѣснѣе чѣмъ когда-либо быть соединено съ нею. Въ этомъ, совершенно здравомысленно, г. Гильфердингъ видитъ единственный способъ къ разрѣшенію

польскаго вопроса, разрѣшенію столько же благопріятному для польскихъ народонаселеній, сколько и для Россіи. Въ образецъ того положенія въ какомъ должны находиться польскія губерніи онъ беретъ губерніи Остзейскія, которыя въ политическомъ отношеніи ничѣмъ не разнятся отъ другихъ губерній Россійской Имперіи, но не подвергаются ни малѣйшимъ стѣсненіямъ ни въ вѣроисповѣданіи, ни въ языкѣ, ни въ особенностяхъ юридическаго быта. Ничего не можетъ быть основательнѣе такого взгляда, и можно пожалѣть только о томъ что авторъ высказываетъ его съ какою-то странною натугой, какъ будто бы онъ вынесъ этотъ взглядъ изъ какихъ-то неизслѣдимыхъ пропастей премудрости, или какъ будто бы онъ добылъ его съ ожесточеннаго боя противъ тьмы предразсудковъ и недоразумѣній. Къ изложенію этого вѣрнаго взгляда онъ приступаетъ отмахиваясь отъ какого-то воображаемаго мнѣнія, которое будто бы требуетъ такого соединенія польскихъ губерній съ остальными русскими владѣніями которое должно силою отнять у нихъ всѣ особенности ихъ быта и, вопреки существеннымъ различіямъ въ религіи, законахъ и обычаяхъ, подвести ихъ подъ всеумерщвляющій уровень административнаго и юридическаго однообразія. Нигдѣ, сколько намъ извѣстно, подобное мнѣніе не высказывалось. Если киргизскія и башкирскія орды живутъ у насъ безъ препятственно по своимъ обычаямъ и вѣрованіямъ, то можно ли ожидать чтобы въ польскихъ губерніяхъ потребовалось измѣнять существующія тамъ узаконенія и обычаи? Государственное единство не значитъ мертвое однообразіе частей; полное государственное единство совмѣстимо съ полною свободой и самостоятельностью частей, лишь бы только эта самостоятельность не заключала въ себѣ фальшиваго стремленія образовать особое государственное тѣло. Извѣстно что въ одномъ и томъ же городѣ Лондонѣ, на такихъ-то улицахъ законъ требуетъ равномѣрнаго раздѣла имѣнія между сыновьями, а на другихъ имѣніе, по закону, поступаетъ безраздѣльно къ старшему сыну. Вотъ какое юридическое разнообразіе можетъ быть допущено не только въ одномъ и томъ же государствѣ, но даже въ

одномъ и томъ же городѣ. И однако Соединенное Королевство, какъ извѣстно, есть одно политическое цѣлое,—одно, при полномъ господствѣ мѣстнаго самоуправленія, при полной свободѣ вѣроисповѣданій и гражданскаго быта, при полномъ разнообразіи юридическихъ формъ. И именно чѣмъ неприкосновеннѣе и безспорнѣе бываетъ государственное единство, тѣмъ большею самостоятельностію и льготами могутъ пользоваться разнообразные элементы составляющіе государственную область. Напротивъ, гдѣ государственное единство колеблется, гдѣ оно подвергается сомнѣнію, гдѣ въ частяхъ поддерживаются символы политической отдѣльности, тамъ, въ силу реакціи, возникаетъ стѣсненіе законной свободы и органической самостоятельности частей. Вотъ почему, столько же въ интересѣ частей, сколько и въ интересѣ цѣлаго, требуется, чтобы прежде всего было упрочено государственное единство. Чѣмъ прочнѣе государственное единство, тѣмъ лучше частямъ, тѣмъ бо́льшая можетъ быть предоставлена имъ самостоятельность. Весь вопросъ заключается только въ томъ чтобы для блага какъ цѣлаго, такъ и частей духъ политическаго сепаратизма нигдѣ не могъ возникнуть и ни въ чемъ не могъ находить себѣ пищи. Въ этомъ отношеніи опасенъ и вреденъ всякій символъ возбуждающій въ умахъ призракъ политической отдѣльности. Требуется безпощадно раздѣлаться съ этимъ призракомъ, а все что̀ за тѣмъ останется, то можетъ и должно быть вполнѣ признано и уважено.

Но возвратимся къ статьямъ г. Гильфердинга. Спрашивается: какимъ образомъ, при здравомъ и правильномъ взглядѣ на рѣшеніе польскаго вопроса, согласномъ какъ съ интересами Россіи, такъ и съ интересами польскихъ народонаселеній, г. Гильфердингъ могъ, въ тѣхъ же самыхъ статьяхъ, высказать мнѣнія которыя такъ понравились нашимъ недоброжелателямъ? Какимъ образомъ? Очень легко! На это есть у насъ метафизика, на это есть у насъ такъ-называемое славянофильство, на это есть у насъ даръ пророчества. Автору статей недостаточно было найти одну вѣрную точку зрѣнія на предметъ, которая соотвѣтствовала бы предмету и удовлетворяла бы здравому

смыслу: это было бы слишкомъ просто и обыкновенно. Онъ предположилъ взглянуть на вопросъ съ двухъ точекъ зрѣнія; онъ вознамѣрился сначала взглянуть на него при свѣтѣ высшей правды, а потомъ снизойти въ темную область «князя міра сего». Съ точки зрѣнія высшей правды оказалось что намъ слѣдуетъ отдѣлить отъ себя Польшу, ибо въ скрижаляхъ вѣчной правды, прочитанной почтеннымъ авторомъ, написано: да не властвуетъ одинъ народъ надъ другимъ. Здѣсь-то, на этой-то высотѣ умозрѣнія, авторъ и заявлялъ о томъ «восхищеніи» съ какимъ Русскій народъ рукоплескалъ бы возстановленію независимой Польши. Но посреди этихъ восторговъ, онъ вспоминаетъ что дѣла рѣшаются не здѣсь, не на высотахъ высшей справедливости, а въ низменной области, гдѣ господствуетъ князь міра сего. Высшая правда—высшею правдой; но есть еще политическія обстоятельства, и есть еще историческое развитіе. Г. Гильфердингъ вспоминаетъ объ этихъ обстоятельствахъ и спускается на землю. Здѣсь дѣло представляется совсѣмъ въ другомъ видѣ. Предъ лицомъ высшей правды были правы польскіе сепаратисты; правы также и державы понуждавшія насъ уступить ихъ притязаніямъ. Но предъ трономъ князя міра сего правою оказывается Россія, не соглашаясь на эти притязанія. Такъ какъ дѣла рѣшаются въ области міра сего, то положеніе Россіи, пожалуй, выгоднѣе чѣмъ положеніе противниковъ. Но удерживая свою выгодную позицію, Русскій народъ долженъ предоставить своимъ противникамъ весь свѣтъ падающій на нихъ съ высотъ вѣчной правды. Почтенный авторъ не разчелъ что народы живутъ на землѣ, среди земныхъ обстоятельствъ, что они порожденіе исторіи и политическихъ обстоятельствъ, и что въ разгнутой имъ книгѣ вѣчной правды не можетъ быть такого устава въ силу котораго каждая народность должна непремѣнно составлять особое государственное тѣло. Еслибы г. Гильфердингъ не возносился въ надземную область высшей правды, то въ его статьяхъ все обстояло бы благополучно, въ нихъ не нашлось бы поживы для нашихъ недоброжелателей, и ему не довелось бы противо-

рѣчить себѣ слѣдующимъ, весьма страннымъ и неудобопонятнымъ образомъ:

Взглянувъ на польское дѣло съ двухъ точекъ зрѣнія и продолжая писать свою статью, г. Гильфердингъ пришелъ къ убѣжденію что польскій патріотизмъ основанъ на лжи, что такъ-называемая польская національность, заключающаяся въ шляхетскихъ классахъ, есть трупъ разлагающійся и смердящій; что если между народонаселеніями польскаго языка есть какой-либо жизненный элементъ, изъ котораго можетъ что-либо выйти, то этотъ жизненный элементъ заключается единственно въ крестьянахъ, хотя польскіе крестьяне ничѣмъ еще не доказали имѣютъ ли они въ себѣ зачатки какой-либо новой народной жизни, тѣмъ болѣе что они легко перерабатывались и перерабатываются въ Нѣмцевъ. Размышляя о судьбахъ этого бѣднаго польскаго крестьянства, авторъ считаетъ несправедливымъ и невозможнымъ отдать его подъ власть польской народности: это значило бы, какъ убѣждается г. Гильфердингъ, приносить живое въ жертву гніющему трупу. Авторъ вспоминаетъ что эта шляхетско-польская народность уже давнымъ-давно умерла и что если Польша такъ легко подверглась раздѣлу, то произошло это потому что она уже и тогда была не живымъ, а мертвымъ тѣломъ. Онъ справедливо заявляетъ что въ этомъ раздѣленіи Польши, которымъ наши враги попрекаютъ насъ, называя его преступленіемъ, отнюдь не было ничего несправедливаго, ибо тѣло переставшее жить само собою предается разложенію.

Куда же мы зашли и въ какой области мы находимся? На высотахъ ли мы вѣчной правды или въ предѣлахъ князя міра сего? По уставамъ высшей правды, Россія должна была бы съ восхищеніемъ отдѣлить отъ себя Польшу при первой возможности; по закону міра сего, Россія отнюдь не должна этого дѣлать. И что̀ же? На повѣрку оказывается что еслибы Россія отдѣлила Польшу, то она совершила бы величайшую несправедливость: она отдала бы живое во власть разлагающемуся трупу шляхетско-польской національности. Выходитъ что князь міра сего гораздо правдивѣе той высшей правды которую

созерцалъ авторъ въ началѣ. Высшая правда повелѣвала самое беззаконное дѣло; она предписывала принести живыхъ людей въ жертву трупу, за тѣмъ чтобы Россія могла, въ лицѣ своихъ пророковъ, съ гордостію взирать въ глаза своимъ клеветникамъ; но суровый князь міра сего возбраняетъ ей это суетное удовольствіе; правосудный и милосердый, онъ не хочетъ чтобы живые люди изнывали и гибли подъ властью мертвой національности. Вотъ какія выходятъ неудобопонятныя странности!

Совершивъ эти обороты, побывавъ на горахъ и въ пропастяхъ, г. Гильфердингъ приходитъ въ заключеніе къ тому практическому взгляду на рѣшеніе польскаго вопроса о которомъ говорили мы выше.

Теперь спрашивается, кого должны мы винить въ тѣхъ ложныхъ толкованіяхъ къ которымъ подавала поводъ статья г. Гильфердинга въ иностранной журналистикѣ? Можемъ ли мы требовать чтобы иностранецъ, хотя бы даже и безпристрастно настроенный, могъ свести конецъ съ концемъ въ этихъ глубокомысленныхъ разсужденіяхъ, въ которыхъ путается и русскій читатель? Иностранные журналисты удовольствовались созерцаніемъ вѣчной правды показанной русскимъ публицистомъ, и не сочли за нужное послѣдовать за нимъ далѣе въ темную область князя міра сего. Винить ли ихъ за это? Они подкараулили пророка на горнихъ высотахъ, гдѣ земныя очи его смежились,—подкараулили, и взяли свое. За что̀ же винить ихъ?

III.

Передовая статья въ № 265 „Московскихъ Вѣдомостей“ (4 декабря).

Въ настоящее время читателямъ нашимъ уже извѣстна сущность почти всѣхъ отвѣтовъ на приглашеніе къ конгрессу. Одна только Англія поспѣшила прямо и рѣшительно отвергнуть это приглашеніе, находя что оно скорѣе можетъ повести къ новымъ замѣшательствамъ чѣмъ устранить тѣ которыя уже теперь существуютъ. Но за то, и съ другой стороны,

Французское правительство можетъ похвалиться полнымъ и безусловнымъ согласіемъ на конгрессъ только королей Италіянскаго и Греческаго. Оба становятся, болѣе или менѣе явно, на шаткую почву такъ-называемаго начала національностей, въ силу котораго націи, или, лучше сказать, люди одного и того же языка и происхожденія, гдѣ бы они ни жили и какъ бы ни были различны ихъ историческія судьбы, должны составлять особое, независимое и единое государство, и напротивъ, ни въ одномъ государствѣ не должны соединяться народы различнаго языка и происхожденія, какъ будто бы понятія: «государство» и «народъ» совпадаютъ между собою, чего, однакоже, не было и нѣтъ ни въ дѣйствительности, ни въ теоріи. Итакъ, становясь на эту шаткую почву, одинъ изъ нихъ (король Викторъ-Эммануилъ) прямо провозглашаетъ что тревожное состояніе Европы будетъ усиливаться до тѣхъ поръ пока европейскія отношенія не утвердятся на основаніи начала національностей; другой (король Эллиновъ), болѣе скромный, ожидаетъ отъ императора Французовъ защиты не только начала національностей, но и правъ и интересовъ христіанъ Востока, совершенно забывая что одинъ изъ самыхъ существенныхъ и жизненныхъ интересовъ христіанъ Востока— ихъ греко-восточное православіе—не имѣетъ болѣе опаснаго противника чѣмъ императоръ Французовъ; но интересы православія на Востокѣ, очевидно, еще мало знакомы вновь избранному протестантскому королю Эллиновъ.

Полное же согласіе на конгрессъ далъ и папа; но въ пышной и туманной рѣчи его по этому предмету заключаются, въ сущности, такія условія которыя должны бы совсѣмъ запугать короля Италіянскаго, еслибъ онъ хоть въ десятую долю имѣлъ такую же вѣру, какъ папа, въ возможность ихъ осуществленія посредствомъ конгресса. Тогда какъ король Викторъ-Эммануилъ требуетъ отъ конгресса утвержденія европейскихъ отношеній на основаніи началъ національности и свободы, папа Пій IX ожидаетъ отъ того же самаго конгресса возстановленія нарушенныхъ правъ, между которыми первое мѣсто отводитъ правамъ римскаго престола на Романью и Легатства, правамъ съ которыми рѣ-

шительно несовмѣстно національное единство Италіи, и заранѣе протестуетъ противъ либеральныхъ стремленій нѣкоторыхъ, какъ онъ выразился, частей или фракцій народовъ, а единственный путь къ спасенію изъ нынѣшнихъ политическихъ смутъ усматриваетъ въ католическомъ вѣроученіи и въ его примѣненіи къ практикѣ. Самъ императоръ Французовъ, при всей своей ловкости, отказался бы отъ попытки примирить и согласить между собою такія противоположныя требованія этихъ высокихъ гостей своихъ. А тутъ къ нимъ присоединился бы еще императоръ Францъ-Іосифъ, который заранѣе объявляетъ о своемъ желаніи чтобы были «устранены опасныя, почти неразрѣшимыя проблемы, которыя, возникнувъ неожиданно, могли бы только вызвать новыя замѣшательства, ни мало не устраняя прежнихъ.» Нужно ли говорить что императоръ Францъ-Іосифъ вовсе не держится начала національности, и подъ этими опасными, почти неразрѣшимыми проблемами прежде всего разумѣетъ вопросъ о Венеціи, которою такъ хотѣлось бы овладѣть Италіи? Сведите, сверхъ того, между собою Грецію и Турцію, Данію и Германію, и т. д., и вы увидите, какую удивительную разноголосицу имѣлъ въ виду затѣять Наполеонъ III, и сколько неправды заключается въ завѣреніяхъ газеты *La France* что хотя ни одного изъ нынѣшнихъ европейскихъ вопросовъ, въ отдѣльности, нельзя разрѣшить мирнымъ путемъ, но что всѣ разомъ они будто бы допускаютъ такое рѣшеніе. Мы приводимъ статью газеты *La France* только въ видѣ примѣра, какъ еще хлопочутъ во Франціи о томъ чтобъ убаюкать общественное мнѣніе насчетъ возможности и удобоисполнимости задуманнаго ея императоромъ плана.

Средину между прямымъ отказомъ Англіи и полнымъ согласіемъ Италіи и Греціи занимаютъ отвѣты всѣхъ другихъ державъ, заключающіе въ себѣ такъ-называемое согласіе въ принципѣ. Эти отвѣты могутъ быть раздѣлены на четыре категоріи. Одни изъ нихъ предъявляютъ требованіе предварительной программы, согласія всѣхъ другихъ державъ, и болѣе или менѣе явно протестуютъ въ пользу трактатовъ 1815 года. Таковъ, между прочимъ, отвѣтъ Россіи, въ которомъ хотя и не упо-

минаются прямо эти трактаты, но говорится о необходимости уважать всѣ существующія права. Другіе требуютъ предварительной программы, изъемля изъ нея вопросы до нихъ касающіеся, и въ пояснительныхъ депешахъ, по крайней мѣрѣ, протестуютъ въ пользу трактатовъ 1815. Таковы отвѣты Австріи и отчасти Швейцарскаго Союза. Третьи довольствуются только протестомъ въ пользу трактатовъ 1815. Таковъ именно отвѣтъ Пруссіи, которая такимъ образомъ назначаетъ для конгресса самыя тѣсныя рамки. Четвертые подчиняютъ свое согласіе только согласію другихъ державъ; таковы отвѣты всѣхъ второстепенныхъ государствъ. Наконецъ, совершеннымъ особнякомъ стоитъ отвѣтъ папы, который, какъ сказано, соглашается на конгрессъ, заранѣе поставляя ему цѣлью—повсемѣстное торжество католицизма и возстановленіе утраченныхъ правъ римскаго престола.

Въ такомъ положеніи, казалось бы, не остается ничего болѣе какъ отказаться отъ мысли о конгрессѣ и сознаться въ новой неудачѣ. Не тутъ-то было: преданные императорской системѣ французскіе журналы продолжаютъ трубить о конгрессѣ, и о согласіи на него всѣхъ державъ, кромѣ Англіи, и повидимому не теряютъ надежды склонить къ нему и послѣднюю. Французскій сенатъ въ своемъ адресѣ выражаетъ не только сочувствіе этому плану, но и считаетъ его удобоисполнимымъ, замѣчая что «можетъ-быть исключительное положеніе Англіи дозволяетъ ей менѣе императора Французовъ интересоваться опасностями настоящаго положенія дѣлъ», и заключая тѣмъ что страна, что̀ бы ни случилось, признаетъ въ планѣ императора собственное свое дѣло. Наконецъ въ иностранныхъ газетахъ передаются слухи о намѣреніи императора Наполеона отправить довѣренное лицо въ Петербургъ, съ тѣмъ чтобы склонить Россію въ пользу обширныхъ замысловъ повелителя Франціи; говорятъ еще о видахъ на выходъ въ отставку лорда Росселя, который въ совѣтѣ британскихъ министровъ оказался наиболѣе враждебнымъ предположенному конгрессу, и о замѣнѣ его лордомъ Кларендономъ, который болѣе благопріятствуетъ союзу съ Франціей: такимъ образомъ надѣются и Англію завербовать въ пользу конгресса.

Очень знаменательно что въ то самое время какъ вновь возникли слухи о министерскомъ кризисѣ въ Англіи, о замѣнѣ графа Росселя, будто бы компрометтировавшаго себя въ дѣлѣ между Германіей и Даніей, лордомъ Кларендономъ, начался, повидимому, уже настоящій министерскій кризисъ въ Австріи. Этотъ кризисъ не состоитъ въ связи со знаменитымъ засѣданіемъ палаты депутатовъ 4-го декабря, о которомъ мы въ свое время отдали отчетъ нашимъ читателямъ: въ этомъ засѣданіи удары щедрою рукой были наносимы графу Рехбергу и его колебаніямъ между Россіей и западными державами, къ которымъ, по мнѣнію ораторовъ, надлежало бы тѣснѣе примкнуть Австріи, а между тѣмъ, по новѣйшимъ слухамъ, въ отставку долженъ выйти не графъ Рехбергъ, а государственный министръ фонъ-Шмерлингъ; графъ же Рехбергъ будто бы имѣетъ въ виду тѣснѣе сблизить Австрію съ Россіей.

Въ отношеніи къ вопросу о конгрессѣ Россія, очевидно, не заинтересована столько какъ Австрія: не состоится конгрессъ, тѣмъ лучше; состоится конгрессъ, онъ не въ силахъ будетъ ни принять, ни еще менѣе привести въ исполненіе какія бы то ни было рѣшенія враждебныя для Россіи. Истинная сила Россіи заключается не въ какихъ бы то ни было внѣшнихъ союзахъ или политическихъ комбинаціяхъ, а въ крѣпости ея внутренняго государственнаго союза, которая значительно возрасла благодаря польскому мятежу и вызывающимъ притязаніямъ трехъ соединившихся противъ насъ державъ: все дѣло, вся задача нашей политики состоитъ въ томъ чтобы сберечь и упрочить навсегда за Россіей этотъ новый прибытокъ силы, это такъ мощно пробудившееся сознаніе единства Русской земли и полнаго единомыслія ея съ ея Государемъ.

IV.

ПЕРЕДОВАЯ СТАТЬЯ ВЪ № 267 „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“ (7 ДЕКАБРЯ).

Въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*, въ № 59, напечатана статья о положеніи дѣлъ въ нашемъ юго-западномъ краѣ, то-есть въ губерніяхъ: Кіевской, Волынской и Подольской. Особенный

интересъ этой статьѣ придаетъ имя ея автора, г. Гессе, кіевскаго гражданскаго губернатора. Статья имѣетъ своимъ предметомъ, вопервыхъ, оправдать администрацію того края отъ нареканій которымъ будто бы она подвергается въ публикѣ; вовторыхъ, представить на видъ необходимость нѣкоторыхъ мѣръ, для того чтобъ окончательно изгнать польскій духъ изъ этого края, по преимуществу православнаго и русскаго. Что касается до этой второй части статьи г. Гессе, то она заслуживаетъ во всѣхъ отношеніяхъ полнаго сочувствія, какъ по вѣрности высказанныхъ въ ней взглядовъ, такъ равно по духу и направленію предлагаемыхъ авторомъ мѣръ. Намъ тѣмъ пріятнѣе заявить это что въ нашей газетѣ постоянно, съ особенною настойчивостію, говорилось о необходимости этихъ самыхъ мѣръ. Мы писали съ полнымъ убѣжденіемъ, повинуясь чувству долга лежащаго на каждомъ Русскомъ, которому доводится теперь говорить объ общественныхъ дѣлахъ; но мы высказывали наши мнѣнія безо всякихъ притязаній, мы высказывали ихъ какъ люди стоящіе въ сторонѣ отъ дѣлъ и которымъ многое можетъ быть неизвѣстно или извѣстно не вполнѣ. Голосъ же г. Гессе есть авторитетъ очень важный, и мы не можемъ не радоваться что наконецъ такой голосъ раздался и что онъ подтверждаетъ во всей силѣ наши предположенія. Г. Гессе находитъ, что одною изъ самыхъ необходимыхъ и существенныхъ мѣръ въ юго-западномъ краѣ было бы измѣненіе личнаго состава землевладѣльческихъ классовъ. «Необходимо», говоритъ онъ, «стараться чтобы на земляхъ «нашего края сколь можно болѣе селились помѣщики рус«скаго происхожденія; для этого необходимо содѣйствіе пра«вительства ссудами подъ залогъ покупаемыхъ земель, и ссуды «эти должны быть усиленныя, съ разсрочкою на 50 и болѣе «лѣтъ; за то покупщикъ земли обязанъ дать подписку чтобы «купленная имъ съ такими льготами земля не могла быть «иначе имъ переуступаема или продаваема какъ православ«ному Русскому. Правительство само можетъ покупать имѣнія «съ аукціона (вообще аукціонныя продажи должны происхо«дить въ столицахъ, а не на мѣстахъ: русскимъ покупателямъ

«было бы болѣе удобства) и переуступать ихъ потомъ рус-
«скимъ помѣщикамъ на вышеизложенныхъ правилахъ, и на-
«конецъ давать эти земли въ вознагражденіе за службу до-
«стойнымъ мѣстнымъ чиновникамъ, что̀ конечно привлекло бы
«въ нашъ край множество Русскихъ, которыхъ такъ мало въ
«Волынской и Подольской губерніяхъ... За политическіе про-
«ступки, обнаруживающіе преданность польскимъ стремленіямъ
«и неуваженіе къ Русскому правительству, по переселеніи
«этихъ лицъ въ отдаленныя или неотдаленныя губерніи, опре-
«дѣлить срокъ на продажу имѣній, а въ случаѣ непродажи
«оцѣнивать ихъ и выдавать деньги изъ казны, съ тѣмъ чтобы
«выселяемый не имѣлъ права пріобрѣтать недвижимое имѣніе
«въ западномъ краѣ. Кромѣ того, за политическіе проступки
«виновные могутъ быть переселяемы въ Царство Польское
«или за границу, но всегда съ потерею права имѣть земли
«въ западныхъ губерніяхъ, съ передачею ихъ по оцѣнкѣ въ
«руки правительства или, по вольной продажѣ, лицу право-
«славному... Секвестрованныя (конфискованныя?) имѣнія раз-
«дать Русскимъ, а если правительство, по особенному вели-
«кодушію, не захочетъ обижать наслѣдниковъ, то пусть за-
«платитъ имъ умѣренную цѣну, но не возвращаетъ имъ
«имѣнія... Всѣхъ судебныхъ слѣдователей замѣнить Русскими:
«они большею частію Поляки и находятся по своему служеб-
«ному положенію въ самомъ близкомъ соприкосновеніи съ
«народомъ.» Выставивъ на видъ необходимость этихъ и по-
добныхъ мѣръ, авторъ говоритъ далѣе: «Нужна правитель-
«ственная система въ дѣйствіяхъ — неумолимая, открытая,
«прямая, русская, честная.»

Чего же болѣе? Кто изъ Русскихъ желающихъ блага оте-
честву не успокоился бы вполнѣ при такихъ условіяхъ? Наша
газета постоянно высказывала именно то что̀ съ полнымъ
авторитетомъ подтверждаетъ теперь почтенный авторъ цито-
ванной статьи. «Если мы,» говоритъ онъ, «не обрусимъ нашъ
«западный край въ 15 или 20 лѣтъ, то можетъ-быть должны
«будемъ понести неисчислимыя бѣдствія: настоящіе годы
«намъ слѣдуетъ употребить на уничтоженіе или по крайней

«мѣрѣ на ослабленіе польскаго начала до послѣдней крайности, «не пренебрегать ничѣмъ и не обращать вниманія на иностранные журналы, если они будутъ честить насъ всѣми «варварскими принадлежностями народа дикаго, грубаго, не«вѣжественнаго. Все это Поляки пустятъ въ ходъ, чтобъ уси«лить свою народность въ краѣ и удерживать польское на«правленіе въ прежней силѣ.» Что̀ еще сильнѣе этого? Мы по крайней мѣрѣ ничего не сказали сильнѣе этихъ словъ. Такъ, слѣдуетъ положить конецъ польскому духу въ этомъ краѣ, и всѣ средства нашего правительства и общества должны быть направлены къ этой цѣли. Пусть говорятъ объ насъ что̀ угодно; пусть наши благопріятели честятъ насъ варварами и дикарями: въ дѣйствительности, мы оказываемся дикарями и варварами именно тогда когда обращаемъ на это вниманіе и когда въ нашихъ дѣйствіяхъ соображаемся не съ собственнымъ разумомъ, а съ чужими толками.

Но авторъ не ограничивается изложеніемъ тѣхъ мѣръ или тѣхъ условій которыя теперь необходимы въ юго-западномъ краѣ. Онъ, какъ мы замѣтили выше, имѣлъ еще въ виду представить апологію нынѣшняго управленія этимъ краемъ. Онъ заявляетъ что «мѣстныя сплетни и интриги находятъ «въ лучшихъ нашихъ изданіяхъ средство раздражать обще«ственное мнѣніе и класть преступную тѣнь на людей обре«мененныхъ заботами о спокойствіи края.» Мы не относимъ себя къ лучшимъ изданіямъ, но сколько мы знаемъ, лишь въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, да еще въ *Днѣ*, помѣщались статьи представляющія въ неблагопріятномъ свѣтѣ ходъ дѣлъ въ нашемъ юго-западномъ краѣ. Однако мы не только были далеки отъ всякаго желанія раздражать общественное мнѣніе, не только не желали бросать преступную тѣнь на мѣстныя власти, но, какъ теперь оказывается, говорили именно то самое, только съ меньшею силой и меньшимъ авторитетомъ, что̀ и г. Гессе. Все что̀ находитъ онъ нужнымъ, то самое находили нужнымъ и мы; чего опасается онъ, того опасались и мы. Желанія которыя высказываетъ онъ и желанія которыя высказывали мы относительно хода дѣлъ въ юго-западномъ

краѣ совершенно совпадаютъ; та же точка зрѣнія, то же убѣжденіе въ необходимости безотлагательнаго, энергическаго, *неумолимаго*, какъ онъ выражается, принятія однѣхъ и тѣхъ же практическихъ мѣръ. Словомъ, о ходѣ дѣлъ въ юго-западномъ краѣ мы ничего не сказали чего не сказалъ бы самъ г. Гессе, и не сказалъ бы гораздо сильнѣе чѣмъ мы. Значитъ, если на что-либо падаетъ тѣнь, то она падаетъ не отъ словъ нашихъ, а отъ самихъ обстоятельствъ, которыя такъ рельефно характеризуются г-мъ Гессе. Мы не давали хода никакимъ сплетнямъ, а заявляли тѣ самые факты какіе заявляетъ и г. Гессе. Если его статья должна служить апологіей хода дѣлъ въ юго-западныхъ губерніяхъ, то и наши статьи могутъ съ неменьшимъ правомъ считаться такою же апологіей. Значитъ, мы только отдавали должную справедливость, и стало-быть въ сущности защищать нечего и не отъ кого. Г. Гессе находитъ что въ Москвѣ, гдѣ онъ пробылъ нѣсколько дней проѣздомъ, общественное мнѣніе сильно предубѣждено противъ хода дѣлъ въ юго-западномъ краѣ, и присовокупляетъ «что «раздраженіе русскаго общества въ Кіевѣ едва ли не силь-«нѣе чѣмъ въ Москвѣ». Это послѣднее показаніе очень интересно: оно подтверждаетъ несомнѣннымъ образомъ то что̀ неоднократно заявляли мы въ нашей газетѣ на основаніи получаемыхъ нами извѣстій. Наши извѣстія о сильномъ раздраженіи русскаго общества въ Кіевѣ, стало-быть, не сплетни: они оказываются совершенно вѣрными. Мы теперь съ достовѣрностію знаемъ что если въ Москвѣ смотрятъ неблагопріятно на ходъ дѣлъ въ западномъ краѣ, то въ Кіевѣ смотрятъ еще неблагопріятнѣе; что если въ Москвѣ общественное мнѣніе раздражено, то въ Кіевѣ оно раздражено еще сильнѣе. Молву уподобляютъ снѣжному кому, который тѣмъ болѣе растетъ чѣмъ далѣе катится. Если бы неблагопріятное мнѣніе о ходѣ дѣлъ въ юго-западномъ краѣ проистекло изъ выдумокъ, то предубѣжденія и преувеличенія были бы, по всему вѣроятію, гораздо значительнѣе въ Москвѣ чѣмъ въ Кіевѣ. Но мы видимъ что выходитъ наоборотъ: мы находимъ что русское (именно русское, а не польское общество) въ Кіевѣ болѣе

раздражено чѣмъ гдѣ-нибудь въ Россіи. Нельзя же не обратить никакого вниманія на это бѣдное русское общество, по крайней мѣрѣ въ Кіевѣ, гдѣ оно имѣетъ столько причинъ и поводовъ скорбѣть и раздражаться. Кіевъ колыбель Россіи, Кіевъ связанный съ нашими драгоцѣннѣйшими историческими воспоминаніями, — Кіевъ подвергается вопросу и спору,—въ Кіевѣ съ наглостію предъявляются враждебныя Россіи притязанія горстью Поляковъ,—предъявляются въ то время когда Россія считаетъ себя могущественнымъ государствомъ, великою европейскою державой, и когда ея правительство имѣетъ въ своемъ полномъ распоряженіи всѣ силы и средства многочисленнѣйшаго въ Европѣ народа,—народа цѣльнаго, единодушнаго, готоваго на всякія пожертвованія, на всякую борьбу за цѣлость и нерушимость своей государственной области...

Сколько намъ извѣстно, въ нашей печати не раздавалось еще ни одного голоса который требовалъ бы чтобы мѣстныя власти прибѣгали къ «несправедливымъ жестокостямъ». Требуется не жестокость,—требуется только водвореніе того порядка вещей, котораго желаетъ, столько же какъ и всѣ русскіе люди, почтенный авторъ разбираемой нами статьи. Раздраженіе происходитъ не отъ того чтобъ общество жаждало какихъ-нибудь крутыхъ и жестокихъ мѣръ: кому онѣ нужны? кто можетъ находить удовольствіе въ казняхъ? Ни въ Москвѣ, ни въ Кіевѣ, конечно, никто не желаетъ этихъ ужасныхъ послѣдствій пагубнаго положенія дѣлъ. Но потому-то самому, что ничье естественное чувство не можетъ желать кровопролитія и казней, потому то самому общество волнуется и раздражается, видя что тотъ духъ, тотъ порядокъ вещей, то положеніе дѣлъ противъ которыхъ такъ энергически свидѣтельствуетъ почтенный авторъ статьи, и которые неизбѣжно должны вести къ самымъ плачевнымъ послѣдствіямъ,—еще продолжаютъ свое существованіе въ юго-западномъ краѣ, въ томъ краѣ гдѣ всего менѣе могутъ они имѣть мѣсто. Еще понятны польскія притязанія въ Варшавѣ, до нѣкоторой степени они понятны даже въ Вильнѣ; но въ Кіевѣ... въ Кіевѣ...

Не естественно ли русскому чувству оскорбляться и возмущаться, видя что Поляки въ юго-западномъ краѣ (мы черпаемъ не изъ какихъ-либо апокрифическихъ извѣстій, мы заимствуемъ изъ самаго достовѣрнаго источника, и продолжаемъ нашу рѣчь словами г-на Гессе)—«здѣшніе Поляки, зная свое «матеріальное безсиліе, стремятся всѣми возможными путями къ пріобрѣтенію вліянія на здѣшнее народонаселеніе; состав«ляются планы какъ дѣйствовать въ этомъ духѣ; ихъ на«правляютъ заграничные польскіе комитеты, отъ которыхъ «получаются наставленія, воззванія, руководства; они съ пол«нымъ сочувствіемъ готовы жертвовать всѣмъ къ возстанов«ленію старой Польши; и мущины и женщины въ этихъ ви«дахъ работаютъ усердно во всѣхъ слояхъ своего польскаго «общества.»

Мы спрашиваемъ: можно ли оставаться равнодушнымъ и спокойнымъ зрителемъ такого положенія дѣлъ,—и гдѣ же?— въ самомъ Кіевѣ! Г. Гессе менѣе всякаго другаго остается равнодушнымъ при видѣ такого порядка вещей; онъ говоритъ далѣе,—и мы съ полнымъ сочувствіемъ выписываемъ его слова: «если только правительство будетъ къ этому «равнодушно, будетъ смотрѣть снисходительно на прояв«леніе и развитіе здѣсь польской народности, то нѣтъ со«мнѣнія, что мало по малу край здѣшній будетъ ополячи«ваться, а Поляки настоятельнѣе и сильнѣе будутъ идти къ «своей цѣли, хотя они составляютъ малую часть общаго на«селенія. Но какъ классъ образованный, имѣющій связь и съ «Польшей, и съ чужими краями, при ихъ патріотическихъ и «политическихъ стремленіяхъ, послѣдствія могутъ быть не «безопасны».

Послѣдствія могутъ быть не безопасны! Вотъ что̀ говоритъ намъ лицо имѣющее въ этомъ вопросѣ всю силу авторитета. «Самое главное опасеніе,» говоритъ г. Гессе, «есть то чтобы «Поляки не увлекли часть сельскаго населенія на свои поли«тическіе виды».

Вотъ до чего доходитъ дѣло! Мудрено ли что русское общество раздражено и очень сильно раздражено? Было

бы крайне странно еслибъ оно не было раздражено. Оно обнаружило бы неслыханное безсмыслiе и возмутительную апатiю еслибъ оставалось равнодушнымъ при возможности такихъ опасенiй,—опасенiй очень серiозныхъ, какъ свидѣтельствуетъ г. Гессе, которому положенiе края должно быть извѣстно лучше чѣмъ кому-нибудь другому. Не такъ давно, недѣли двѣ тому назадъ, мы заявляли то же самое о польскихъ проискахъ въ юго-западномъ краѣ,—и вотъ теперь мы видимъ что данныя на которыхъ мы основывались были какъ нельзя болѣе вѣрны.

Наконецъ не служатъ ли слѣдующiя слова г. Гессе самымъ лучшимъ выраженiемъ для того чувства которое болѣзненно отзывается и въ Москвѣ, и въ каждомъ уголкѣ нашей Руси, въ каждомъ бьющемся русскомъ сердцѣ? «Поляки пошли впе-«редъ», говоритъ авторъ, «и не безъ нашей помощи: эту «помощь оказали мы имъ въ дозволенiи проподаванiя поль-«скаго языка, въ дозволенiи размножать католическiе костелы, «а главное допущенiемъ неурядицы въ учебныхъ заведенiяхъ, «гдѣ молодые люди польскаго происхожденiя, не уважая ни-«какихъ властей, обнаруживали явно свои непрiязненныя чув-«ства ко всему русскому, съ полнымъ влеченiемъ ко всѣмъ «варшавскимъ безпорядкамъ: Въ польскомъ ихъ кружкѣ такое «было дурное, вредное направленiе, что оно представило *си-«стематически образованныхъ* нами враговъ себѣ »

Итакъ, еще разъ, мы видимъ что нѣтъ ни малѣйшаго разногласiя между показанiями г. Гессе и тревогами общественнаго мнѣнiя въ Кiевѣ и Москвѣ. Г. Гессе представляетъ на видъ именно тѣ самыя обстоятельства которыя не могутъ не задѣвать глубоко нашего народнаго чувства, и въ самой оцѣнкѣ этихъ обстоятельствъ онъ совершенно сходится съ общественнымъ мнѣнiемъ. И однако же, по какому-то непонятному для насъ противорѣчiю, онъ считаетъ нужнымъ протестовать противъ общественнаго мнѣнiя и противъ нѣкоторыхъ изданiй, и сѣтуетъ на ихъ излишнiя увлеченiя. Онъ успокоиваетъ насъ тѣмъ что въ настоящее время въ юго-западномъ краѣ нѣтъ открытаго мятежа. Боже! чтó было бы, еслибъ

открытый мятежъ былъ еще возможенъ,—и гдѣ же?—въ Кіевѣ?—и когда же?—теперь, когда мятежъ давнымъ давно сломленъ въ Вильнѣ, когда онъ почти сломленъ въ самой Варшавѣ. Русское общество въ Кіевѣ должно хранить самое спокойное настроеніе духа и считать себя счастливымъ и благословлять свою судьбу, потому только что банды повстанцевъ не осаждаютъ теперь Кіева! До сихъ поръ можно было удивляться тому какъ дѣла дошли до того что Поляки въ самомъ Кіевѣ возымѣли дерзкую мысль дѣйствовать вооруженною рукою; теперь намъ совѣтуютъ радоваться, и быть спокойными, и не раздражаться, и не увлекаться, въ той увѣренности что открытаго мятежа въ настоящее время нѣтъ и не предвидится въ Кіевскомъ генералъ-губернаторствѣ.

Чтó же однако? Хорошо и то что нѣтъ по крайней мѣрѣ открытаго мятежа. Хорошо по крайней мѣрѣ что юго-западный край наконецъ обезпеченъ отъ всякихъ сюрпризовъ. Пусть, въ самомъ дѣлѣ, польскія барыни носятъ свой трауръ, хорошо по крайней мѣрѣ и то что еслибы какая-нибудь шальная банда ворвалась сюда изъ Галиціи, то она была бы разомъ уничтожена, и благодаря установившемуся порядку вещей въ юго-западномъ краѣ, отъ подобной случайности отнюдь не могъ бы вспыхнуть туземный мятежъ. Можно по крайней мѣрѣ успокоиться на той мысли что еслибы Россія вовлечена была въ войну и открылись военныя дѣйствія, то, благодаря утвердившейся въ юго-западномъ краѣ системѣ и принятымъ мѣрамъ, мѣстные враждебные намъ элементы не могутъ и подумать объ открытомъ мятежѣ. Увы! мы не можемъ имѣть даже и этой увѣренности. Вотъ чтó за одинъ разъ и даетъ намъ, и отнимаетъ у насъ почтенный авторъ: «Объявляю положительно,» говоритъ г-нъ Гессе, «что въ Кіевской губерніи не произойдетъ болѣе никакого польскаго движенія и «никакого безпорядка, могущаго возбудить какія бы то ни «было опасенія. Все будетъ тихо и мирно до тѣхъ поръ «пока не придутъ къ намъ шайки изъ другихъ мѣстъ, или «съ объявленіемъ войны не начнутся военныя дѣйствія.»

Какъ это утѣшительно! Какъ это успокоительно! Особенно—послѣднее обстоятельство.

Г. Гессе говоритъ что польскіе обыватели и помѣщики въ Кіевѣ въ настоящее время соблюдаютъ большую осторожность и стараются быть любезными и вѣжливыми; но онъ же свидѣтельствуетъ что тѣмъ дѣятельнѣе работаютъ они въ тайнѣ, и тѣмъ враждебнѣе расположены къ Россіи. Г. Гессе свидѣтельствуетъ что въ краѣ все спокойно, что тамъ нѣтъ, да и прежде не было, никакихъ жандармовъ-вѣшателей; но онъ же свидѣтельствуетъ что благоразумнѣйшіе, умѣреннѣйшіе и пріязненно расположенные къ Россіи люди изъ Поляковъ не смѣютъ высказываться и принуждены скрывать свои мнѣнія. Г. Гессе свидѣтельствуетъ что нѣтъ никакой надобности прибѣгать въ Кіевѣ къ какимъ-либо чрезвычайнымъ мѣрамъ; но онъ же свидѣтельствуетъ что полицейскій судъ, учрежденный въ Кіевѣ, оказывается совершенно недѣйствительнымъ, «не соотвѣтствуетъ обстоятельствамъ, и не уничтожаетъ по-«литическихъ заявленій, а напротивъ даетъ еще поводъ къ «продолженію ихъ».

Польскія барыни до послѣдняго времени не снимали тамъ траура, когда не только въ Вильнѣ, но даже въ Варшавѣ не было уже и помина о траурѣ,—и только теперь начинаютъ онѣ снимать его, и единственно потому что въ польской, потаенно-выходящей газетѣ, *Валька*, предписано отложить эти знаки, ставшіе излишними теперь, когда пришлось отказаться отъ нихъ и въ самой Варшавѣ.

Г. Гессе свидѣтельствуетъ что еслибы кіевскія власти молвили только слово, то со всѣхъ сторонъ посыпались бы вѣрноподданническіе адресы отъ тамошнихъ Поляковъ. Но онъ находитъ это излишнимъ. «Не знаю», говоритъ онъ, «въ ка-«кой степени можно полагаться на искренность литовскихъ «адресовъ... Начальство наше», продолжаетъ онъ, «положи-«тельно не хочетъ руководить въ этомъ случаѣ Поляками, дабы «они не могли сказать въ послѣдствіи что этотъ актъ былъ «вынужденъ и вызванъ правительствомъ, стало-быть не за-«ключаетъ въ себѣ никакого нравственнаго обязательства....

«Я даже не думаю чтобы для польскихъ адресовъ наступило «время: еще общее броженіе слишкомъ сильно, еще надежды «на вооруженное вмѣшательство иностранныхъ державъ не «охладѣли и подземныя работы революціонеровъ съ ихъ спо-«собами устрашенія слишкомъ ощутительны».

Мы считаемъ не лишнимъ припомнить здѣсь нашимъ читателямъ напечатанное на дняхъ въ нашей газетѣ письмо полковника Новоселова, бывшаго уѣзднаго начальника въ Шавляхъ. Онъ подробно описываетъ весь процессъ составленія адреса въ этомъ уѣздѣ Ковенской губерніи. Тамошніе польскіе помѣщики просили у него разрѣшенія собраться для составленія вѣрноподданническаго адреса,—и онъ уступилъ только настоятельнымъ требованіямъ ихъ. Собравшіеся въ городѣ дворяне неоднократно отправляли къ нему депутацію съ просьбой чтобъ онъ лично присутствовалъ при ихъ сужденіяхъ и при составленіи адреса,—но каждый разъ онъ рѣшительно отказывался отъ всякаго участія въ составленіи адреса, предоставляя имъ самимъ все это дѣло, къ которому никто не вызывалъ ихъ, а тѣмъ менѣе принуждалъ. Искренно ли поступали Шавельскіе дворяне? Кто ихъ знаетъ? Искренно ли вообще изъявляли польскіе помѣщики и духовенство литовскихъ и бѣлорусскихъ губерній свои вѣрноподданническія чувствованія? Искренно ли они желаютъ, какъ пишутъ въ своихъ адресахъ, составлять часть Россійской Имперіи? Гдѣ тотъ сердцевѣдецъ который могъ бы дать намъ положительный отвѣтъ на это! Мы не сердцевѣдцы, однако думаемъ что огромное большинство всѣхъ этихъ людей не желали бы считать себя русскими гражданами, еслибъ это предоставлено было на ихъ добрую волю: по всему вѣроятію, они пожелали бы лучше быть гражданами возобновленной старой Польши, еслибъ это было предоставлено имъ на выборъ. Вопросъ заключается вовсе не въ томъ, искренно или неискренно желаютъ польскіе обыватели и помѣщики Ковенской или Виленской губерній принадлежать къ составу Русскаго государства, а въ томъ, что у нихъ отнимается возможность разумно желать противнаго. Судьба государственной территоріи не

можетъ зависѣть отъ мечтаній или фантазій той или другой части ея народонаселенія. Весь вопросъ заключается въ томъ, слѣдуетъ ли давать ходъ этимъ фантазіямъ, съ тѣмъ чтобы потомъ подвергать самымъ пагубнымъ послѣдствіямъ ихъ виновниковъ; или же, напротивъ, слѣдуетъ не давать поблажки фантазіямъ, съ которыми невозможна ни малѣйшая сдѣлка, слѣдуетъ поставить людей въ такое положеніе чтобъ они сами почувствовали ихъ несбыточность и сами должны были отказаться отъ нихъ, хотя бы и съ глубокимъ прискорбіемъ? Есть въ мірѣ необходимости, которымъ люди должны подчиняться волею или неволею, и чѣмъ прямѣе и рѣшительнѣе заявляются требованія такихъ необходимостей, тѣмъ конечно лучше и справедливѣе.

Если въ Кіевѣ Поляки и до сихъ поръ не чувствуютъ необходимости заявить себя русскими гражданами, если тамъ можетъ вспыхнуть мятежъ при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ на русской границѣ, то нечего удивляться что русское общество въ Кіевѣ не веселится, не радуется, и что въ Москвѣ не безъ горькаго чувства помышляютъ о Кіевѣ и о Кіевскомъ генералъ-губернаторствѣ.

V.

ПЕРЕДОВАЯ СТАТЬЯ ВЪ № 270 „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“ (12 декабря).

Ни въ дѣйствительности, ни по конституціи политическія собранія Франціи не имѣютъ большаго значенія; но почва Франціи до такой степени изрыта и подкопана безпрерывными переворотами, до такой степени «обманчивая кора пепла» скрывающая подъ собой революціонный огонь тонка во Франціи, что тамошнія политическія собранія, сами по себѣ ничтожныя и состоящія изъ креатуръ правительства, могутъ по временамъ не на шутку пугать полновластнаго повелителя этой страны и имѣть серіозное вліяніе на его политику.

Это вліяніе какъ въ законодательномъ сословіи, такъ и въ сенатѣ можетъ быть оказано только въ двухъ случаяхъ: во-

первыхъ, при обсужденіи отвѣтнаго адреса на тронную рѣчь, и вовторыхъ, въ сенатѣ—при преніяхъ по поводу частныхъ прошеній, если эти прошенія имѣютъ значительную политическую важность, а въ законодательномъ сословіи—при преніяхъ о бюджетѣ.

Какое же заключеніе можно вывести изъ преній объ адресѣ въ сенатѣ, о которыхъ мы въ послѣднее время отдаемъ постоянный отчетъ нашимъ читателямъ? Во французскомъ сенатѣ какъ будто бы вѣетъ совершенно новымъ духомъ; почти неограниченная власть императора какъ бы утратила свое парализующее дѣйствіе, какъ будто бы не производитъ уже она прежняго обаянія, и почтенный, несмотря на всю свою эксцентричность, маркизъ Буасси д'Англà осмѣлился уже прямо предостерегать Наполеона III отъ пагубнаго вліянія тѣхъ царедворцевъ которые его окружаютъ, «всегда колѣнопреклоненные и всегда съ протянутою рукой». Онъ возставалъ противъ этой явной несообразности, въ силу которой неограниченный властелинъ Франціи признается по конституціи отвѣтственнымъ, тогда какъ министры, въ силу той же конституціи, не подлежатъ никакой отвѣтственности; онъ порицалъ въ сильныхъ и энергическихъ выраженіяхъ и Мексиканскую экспедицію, и политику правительства въ польскомъ вопросѣ, — политику, которая разорвала дружественныя отношенія къ Россіи и грозитъ Франціи европейскою коалиціей. Другой ораторъ, еще такъ недавно пользовавшійся полнымъ довѣріемъ императора, виконтъ де-Лагероньеръ въ самыхъ рѣзкихъ и сильныхъ выраженіяхъ высказался противъ вмѣшательства правительства въ народные выборы, противъ слишкомъ ограниченнаго круга сношеній между правительствомъ и законодательными палатами, противъ подчиненія журналистики произвольной власти министра внутреннихъ дѣлъ и департаментскихъ префектовъ или губернаторовъ. Въ заключеніе своей рѣчи, доказавъ невозможность войны изъ-за Польши и сославшись на авторитетъ Наполеона I, онъ замѣтилъ что только военная слава можетъ вознаградить Францію за лишеніе свободы. Франція можетъ быть только или свободною страной, или страной

вѣчно воюющею и не дающею никому покоя, сказалъ виконтъ де-Лагероньеръ, вѣроятно не замѣчая что эта самая дилемма обличаетъ фальшивость французскаго понятія о свободѣ.

Но какъ бы то ни было, виконтъ де-Лагероньеръ полагаетъ что Франціи предстоитъ или ступить на путь свободнаго внутренняго развитія, или поднять свою руку на всѣхъ и воздвигнуть руки всѣхъ противъ себя. Если положиться на помѣщаемую ниже рѣчь государственнаго министра Руэ, то нечего еще думать объ «увѣнчаніи политическаго зданія Франціи»: по мнѣнію этого министра, она и теперь уже пользуется полною свободой, такъ что свобода и имперія кажутся ему тождественными понятіями, и даже системѣ административныхъ взысканій въ отношеніи къ журналамъ находитъ онъ оправданіе въ существованіи всеобщей подачи голосовъ и въ огромной важности какую при этомъ условіи можетъ имѣть всякая перемѣна въ настроеніи общественнаго мнѣнія. Если такъ, если никакихъ уступокъ не будетъ внутри Франціи, то, значитъ, она готова ринуться во всѣ возможныя войны и прежде всего въ войну изъ-за Польши? Ничуть не бывало: изо всѣхъ до сихъ поръ произнесенныхъ рѣчей очевидно что дѣло Польши далеко не такъ популярно во Франціи, какъ требованія внутреннихъ уступокъ. Г. Буасси д'Англа даже прямо утверждалъ что польская война была бы вовсе не популярна во Франціи, и что ея желаютъ только враги императора и имперіи. Г. де-Лагероньеръ указываетъ на всю несообразность требовать парламентскаго образа правленія для Польши и находитъ его негоднымъ для Франціи. Наконецъ, въ засѣданіи 17-го декабря, маркизъ де-Ларошжакленъ вооружился всею силою рѣчи чтобы доказать что не можетъ быть ничего безчеловѣчнѣе въ отношеніи къ Полякамъ, какъ возбуждать въ нихъ надежды на дѣятельное вмѣшательство Франціи и подстрекать ихъ такимъ образомъ къ напрасному кровопролитію, что возстаніе Поляковъ никакъ нельзя считать національнымъ возстаніемъ, такъ какъ и масса населенія, и значительная часть высшаго класса держится въ сторонѣ отъ него, такъ какъ шайки вооруженныхъ мятежни-

ковъ являются большею частью изъ Галиціи и изъ Познани и состоятъ нерѣдко изъ сброда революціонеровъ всѣхъ странъ Европы, и такъ какъ сами вожди этихъ шаекъ—дѣло безпримѣрное въ исторіи національныхъ войнъ—боятся выступать подъ собственными своими именами, и скрываются подъ вымышленными прозвищами. Онъ указывалъ на то что такъ-называемое національное польское правительство дѣйствуетъ самою возмутительною ложью, обманомъ, клеветой, и что Французское правительство не исполнило своего долга, не опровергнувъ слуха о возможности сношеній между нимъ и этимъ потаеннымъ комитетомъ. Онъ поставлялъ на видъ что дѣло европейскаго мира и порядка ничего не выиграло бы отъ возстановленія Польши, такъ какъ между вождями ея не рѣшенъ даже вопросъ, будетъ ли она монархіей или республикой, вопросъ который отложенъ на время ради устраненія внутреннихъ несогласій, которыя неминуемо возникли бы въ послѣдствіи; дѣло же католицизма неминуемо проиграло бы, такъ какъ въ войнѣ изъ-за Польши Франція имѣла бы одного лишь союзника въ королѣ Италіянскомъ, который ополчился бы не прежде какъ выговоривъ себѣ обладаніе Римомъ и уничтоженіе свѣтской власти папы. Ораторъ заключилъ свою замѣчательную рѣчь словами: «Можно сожалѣть о Польшѣ; но Францію не должно приносить въ жертву никакой національности».

Такимъ образомъ сенатъ Французской имперіи, до сихъ поръ, высказался рѣшительно противъ всякой войны изъ-за Польши устами своихъ ораторовъ: Буасси-д'Англà, генерала Жемо, виконта де-Лагероньера, маркиза де-Ларошжаклена. И только одинъ голосъ возвысился въ пользу войны, голосъ графа Сегюра-д'Агессо, который, въ своемъ порицаніи образа дѣйствій генерала Муравьева и графа Берга, къ великому нашему прискорбію, имѣлъ возможность сослаться на мнѣніе и прочесть письма какого-то Русскаго, «принадлежащаго къ одной изъ знатнѣйшихъ фамилій въ Петербургѣ и проживающаго въ Парижѣ». Что̀ дѣлать? въ семьѣ не безъ урода, а одною изъ величайшихъ уродливостей нашихъ до сихъ поръ было полное равнодушіе ко всѣмъ отечественнымъ интересамъ и готовность

отрекаться отъ нихъ ради того только чтобы прослыть между иностранцами человѣкомъ либеральнаго образа мыслей. Уже не въ первый разъ видимъ мы доказательства того что эта презрѣнная черта уцѣлѣла даже въ такую пору когда предъявлены были притязанія противъ единства, цѣлости и чести Русской земли.

Когда и между Русскими находятся такіе пропащіе люди, что̀ жь удивительнаго, если иностранцы, какъ генералъ Жемо, какъ самъ маркизъ де-Ларошжакленъ, все еще держатся того мнѣнія что стоило бы только императору Наполеону дружественно обратиться къ великодушію нашего правительства, и всѣ возможныя права и преимущества посыпались бы на Польшу и подняли бы ее высоко надъ Россіей?

Какъ бы то ни было, сенатъ, повторяемъ еще разъ, высказался противъ всякой войны изъ-за Польши. Какія бы усилія ни предпринимало Французское правительство чтобы состоялся хотя не полный конгрессъ, усилія эти не увѣнчаются успѣхомъ, и единственный возможный выходъ для императора Наполеона заключается въ принятіи какихъ-нибудь мѣръ по внутренней политикѣ. Что̀ бы ни говорилъ г. Руэ о превосходствѣ той формы правленія по которой самъ глава государства подлежитъ отвѣтственности, и слѣдовательно узаконяется революція, что̀ бы ни говорилъ онъ въ пользу сочетанія бюрократіи со всеобщею подачей голосовъ и цѣлою іерархіей представительныхъ собраній, повидимому надобно ожидать какихъ-нибудь важныхъ измѣненій въ этой восхваляемой имъ правительственной системѣ Франціи. Слова г-на Руэ тѣмъ менѣе имѣютъ значенія что императоръ любитъ выставлять себя самымъ либеральнымъ человѣкомъ изо всѣхъ государственныхъ дѣятелей Франціи. Благодаря г-на Руэ за его рѣчь въ сенатѣ, онъ можетъ-быть благодарилъ его за предоставленный себѣ случай опередить своихъ министровъ и удивить Францію. Но возможно ли дѣйствительное развитіе политической свободы въ странѣ которой устройство основано на фикціи всеобщей подачи голосовъ?

VI.

передовая статья въ № 272 „Московскихъ Вѣдомостей“ (13 декабря).

Нельзя сказать чтобы польскому дѣлу очень посчастливилось во французскомъ сенатѣ. Какая разница въ сравненіи съ засѣданіями этого почтеннаго собранія нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ! Вчера наши читатели прочли прекрасную рѣчь маркиза де-Ларошжаклена; сегодня прочтутъ они не менѣе интересную рѣчь сказанную барономъ Дюпеномъ *). Правое дѣло за которое они говорили вознаградило обоихъ ораторовъ замѣчательными достоинствами которыми отличаются ихъ рѣчи высотою и ясностью взгляда, силою доводовъ и убѣдительностію изложенія. Но если когда-либо неправое и фальшивое дѣло само карало себя въ лицѣ своихъ защитниковъ, то это случилось съ первымъ президентомъ, Бонжаномъ.

Въ рѣчи г. Бонжана, о которой мы хотимъ поговорить здѣсь подробнѣе, долженствовала быть сосредоточена главная сила всей аргументаціи, сколько еще остается ея въ запасѣ у защитниковъ польскаго дѣла; на нее повидимому разчитывалось какъ на послѣднее усиліе, въ ней собрано все что во французскомъ сенатѣ можно было сказать въ пользу польскаго дѣла,— и вотъ, все что въ ней сказано есть coup de grâce для этого несчастнаго дѣла. То дѣло можетъ считать себя погибшимъ которому остается защищаться такими средствами какими защищалъ польское дѣло г. Бонжанъ, со всею софистикой французскаго адвоката, со всѣми аргументами полученными изъ первыхъ рукъ отъ польскихъ патріотовъ, руководящихъ возстаніемъ изъ Парижа. Къ чести французскаго сената надобно сказать что рѣчь г. Бонжана слушалась съ явными знаками нетерпѣнія, которые свидѣтельствовали и о полномъ равнодушіи собранія къ этому дѣлу, и о безуспѣшности маневровъ употребленныхъ въ его пользу. А все-таки нельзя не подивиться что въ почтенномъ политическомъ собраніи, посреди Европы, во

*) Въ томъ же № „*Московскихъ Вѣдомостей*“.

Франціи, которая любитъ ставить себя во главу европейской цивилизаціи, ораторъ пользующійся кредитомъ, одинъ изъ значительнѣйшихъ членовъ французской магистратуры, могъ разчитывать на эффектъ риторства, поражающаго столько же своимъ дурнымъ вкусомъ, сколько и безсмысліемъ. Г. Бонжанъ нашелъ возможнымъ прибѣгнуть къ самому чудовищному эффекту. Олицетворяя Польшу, онъ сравниваетъ эту созданную его воображеніемъ фигуру—съ кѣмъ же?—со Спасителемъ, а генерала Муравьева—съ Пилатомъ!... Г. Бонжанъ свидѣтельствуетъ о своемъ истинномъ почтеніи и совершенной преданности христіанской религіи; онъ объявляетъ себя защитникомъ великихъ началъ управляющихъ человѣческою жизнію, и во имя ихъ защищаетъ польское дѣло; онъ съ огорченіемъ говоритъ о г. Ренанѣ, съ негодованіемъ о г. Прудонѣ, который имѣетъ дерзость кощунствовать надъ польскимъ дѣломъ вмѣстѣ съ другими священными предметами. Но мы не думаемъ чтобы самыя ожесточенныя нападенія на священные предметы могли такъ оскорблять ихъ, какъ лицемѣрное злоупотребленіе ими. Нельзя безъ омерзѣнія читать тѣ фразы французскаго ритора въ которыхъ онъ тономъ умиленнаго чувства и искренняго убѣжденія распространяется о тождествѣ Польши, приносящей себя въ жертву за европейскую цивилизацію, со Спасителемъ міра, умершемъ на крестѣ. «Въ первый разъ», такъ говорилъ онъ, «замѣтьте это—въ первый разъ во французскомъ поли«тическомъ собраніи дѣло доходитъ до грустной необходимости «защищать Польшу. Что жь, мм. гг.? Въ наше время, когда «великій образъ, который, по одному справедливому и удач«ному выраженію, прошелъ по землѣ *какъ душа безтѣлесная*,— «въ наше время когда этотъ строгій образъ Христа былъ «превращенъ въ какого-то граціознаго демократа, въ какого-то «революціонера, любителя праздниковъ и веселій... по какому «праву Поляки могли бы жаловаться что и ихъ также назы«ваютъ революціонерами и мятежниками? Христосъ умеръ за «спасеніе души человѣческой; Польша умираетъ сію минуту «за цивилизацію западную.... Между жертвою Пилата и жерт«вами Муравьева, мм. гг., вотъ новое сходство. (Сенаторы не

ожидали такой чудовищной выходки; въ залѣ поднялся шумъ, раздались протестаціи; чей-то голосъ воскликнулъ: «что за сравненіе!») «Что касается до меня,» продолжалъ ораторъ, «я «скажу автору (Ренану): ахъ! не употребляйте во зло вашего «таланта на похищеніе у меня вѣры, во имя которой, въ ту «послѣднюю минуту которая, при моихъ лѣтахъ, не заставитъ «долго ждать себя, мнѣ принесутъ утѣшительное слово: *Азъ «есмь воскресеніе и животъ*; а тѣмъ которые оскорбляютъ «Польшу я буду отвѣчать: ахъ! не отнимайте у меня вѣры «во всемогущество правды и справедливости; а справедливость, «по выраженію Брута, будетъ пустымъ словомъ, если Польша «не займетъ рано или поздно своего мѣста между христіан- «скими націями, которымъ она всегда служила преданною за- «щитницей.»

Г. Бонжанъ напомнилъ о своихъ лѣтахъ. Какъ жаль что эта добрая мысль о лѣтахъ не спасла его отъ жалкой риторики, оскорбляющей не только высшее нравственное чувство, но и чувство простаго приличія и здравый смыслъ!

Г. Бонжанъ не хочетъ видѣть въ Полякахъ революціонеровъ, а въ польскомъ дѣлѣ—мятежъ. За Россіей не признаетъ онъ никакихъ правъ—не только на герцогство Варшавское, но и на всѣ провинціи входившія въ составъ старой Польши: «Поляки мятежники!» восклицаетъ онъ: «Но мятежъ предполагаетъ законную власть, а кто осмѣлится сказать что Россія имѣетъ законное право на Польшу? Въ чемъ она могла почерпнуть его?...» Онъ не признаетъ ни трактатовъ, ни историческихъ правъ, ни правъ завоеванія; слѣдовательно, заключаетъ онъ, Поляки—не мятежники, не революціонеры, и оказывается, что роль мятежниковъ и революціонеровъ играютъ Русскіе. Если Поляки въ прежнія времена вели себя буйно и анархически, то въ настоящее время своею покорностію тайному «національному правительству» они совершенно искупаютъ вину своихъ предковъ и являютъ себя вполнѣ готовыми къ политической самостоятельности! Хотя эта дурная шутка и возбудила ропотъ въ собраніи, однако ораторъ, не унывая, продолжалъ развивать свой тезисъ. Онъ подобралъ нѣсколько компрометтиро-

ванныхъ именъ въ возстаніи лицъ изъ польской знати и польскаго духовенства: графа Андрея Замойскаго, епископа Бялобжескаго, архіепископа Фелинскаго и проч. и проч., и съ торжествомъ обращаясь къ собранію, вопрошаетъ: «Это ли революціонеры?» Какъ будто дѣйствовать революціонными средствами не значитъ быть революціонерами,—какъ будто взаимный обманъ на которомъ основано польское дѣло сколько-нибудь его оправдываетъ,—какъ будто титулы князей и графовъ оправдываютъ ихъ измѣну,—какъ будто католическому духовенству ново участвовать въ политическихъ заговорахъ и давать благословеніе на убійства,—какъ будто интрига и преступленіе становятся чище и лучше когда они соединяются со злоупотребленіемъ религіознаго авторитета,—какъ будто тайныя или явныя усилія ниспровергнуть существующій порядокъ вещей, который г. Бонжанъ можетъ считать беззаконнымъ, но который тѣмъ не менѣе считаетъ себя вполнѣ законнымъ, и въ законности котораго не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія пока существуетъ Русская держава, какъ будто заговоръ организованный съ помощію самыхъ темныхъ интригъ для раздробленія государственной области, признанной и уважаемой цѣлымъ міромъ, не есть мятежъ,—какъ будто попытки захватить власть въ свои руки не есть революція,—какъ будто Наполеонъ III поклонился бы французскимъ баронамъ и графамъ или прелатамъ католической церкви еслибъ они вздумали производить волненіе во Франціи въ пользу старшей или младшей линіи Бурбоновъ,—какъ будто титулъ принца спасъ самого Лудовика-Наполеона отъ прискорбнаго заключенія въ крѣпости за его попытку возмутить Францію!

Г. Бонжанъ жертвуетъ Мѣрославскимъ; онъ не отрицаетъ подлинности документа, за подписью Мѣрославскаго,—документа найденнаго въ кабинетѣ графа Замойскаго при обыскѣ его дома и впервые появившагося въ нашей газетѣ. Предъ собраніемъ къ которому обращался г. Бонжанъ было бы трудно защищать этотъ документъ, и ораторъ поспѣшилъ заклеймить его позорнымъ эпитетомъ, и прочелъ письмо полученное имъ, предъ засѣданіемъ, отъ князя Чарторыйскаго, который просилъ

его извѣстить сенатъ что національное правительство уволило г. Мѣрославскаго отъ занимаемой имъ должности. Таково польское дѣло: во французскомъ сенатѣ Чарторыйскій, черезъ Бонжана, казнитъ Мѣрославскаго, и въ какомъ-нибудь демократическомъ клубѣ Мѣрославскій не замедлитъ совершить экзекуцію надъ Чарторыйскимъ.

Чтобы представить въ надлежащемъ свѣтѣ чистоту польскаго дѣла, г. Бонжанъ развилъ свитокъ невѣрныхъ извѣстій, будто бы распространяемыхъ о немъ Русскимъ правительствомъ. И что́ же? Защищая дѣло, основанное на клеветахъ и темныхъ интригахъ, на лжи самой безстыдной, многократно изобличенной и уронившей повсюду его кредитъ, г. Бонжанъ упрекаетъ Русское правительство за нѣкоторыя неточности въ извѣстіяхъ, которыя оно само же немедленно исправляло. Монсиньйоръ Фелинскій посланъ на житье въ Ярославль; первоначально въ телеграммѣ сказано что онъ отправился туда безъ жандармовъ, съ однимъ своимъ капелланомъ, а въ послѣдующемъ сообщеніи правительство дополнило что ему сопутствовалъ полковникъ. И въ подобныхъ-то стараніяхъ Русскаго правительства исправить всякую неточность въ выходящихъ отъ него извѣстіяхъ французскій юристъ вздумалъ искать основаній для обвиненія въ недобросовѣстности и лживости показаній!

Оратору очень хотѣлось потрясти почтенное собраніе, которому, видимо, надоѣла его риторика, повѣствованіями о тѣлесныхъ наказаніяхъ, будто бы претерпѣнныхъ отъ Русскаго правительста польскими дамами; но всѣ эти повѣствованія, къ несчастію г. Бонжана, были опровергнуты, и ему ничего болѣе не оставалось какъ припомнить старую басню о минскихъ монахиняхъ, которыя будто бы, во времена возсоединенія уніи, подвергались сѣченію по два раза въ недѣлю, въ продолженіи семи лѣтъ, для отторженія ихъ отъ католической церкви. Г. Бонжанъ не зналъ что эти сѣченыя монахини давно уже поступили въ область миѳовъ; за то можно съ увѣренностію сказать что послѣ засѣданія французскаго сената никакой новый Бонжанъ не заведетъ болѣе рѣчи объ этихъ монахиняхъ.

Г. маркизъ де-Ларошжакленъ окончательно похоронилъ эту исторію; онъ потребовалъ слова, и далъ слѣдующее показаніе: «Я былъ виноватъ,» сказалъ онъ, «что въ прошломъ году «повѣрилъ этой исторіи, которой коснулся сейчасъ г. Бонжанъ. «Я постарался собрать объ этомъ дѣлѣ самыя положительныя «свѣдѣнія, и князь Радзивилъ, лицо носящее одно изъ знаме- «нитѣйшихъ польскихъ именъ, опровергъ самымъ рѣшитель- «нымъ образомъ всю эту исторію. По разказу, этотъ монастырь, «гдѣ будто бы сѣкли монахинь, находится въ его имѣніи. И «что́ же? Этого монастыря никогда не существовало. Добрые «люди, духовныя лица, самъ святѣйшій отецъ, вся Европа «были обмануты интриганткой. Эта недостойная женщина «подверглась наконецъ полному изобличенію. Полякъ, католикъ, «владѣлецъ тѣхъ мѣстъ гдѣ будто бы происходили всѣ эти «ужасы, торжественно объявляетъ ложью всѣ эти разказы.»

Но главная сила аргументаціи защитника польскихъ правъ на участіе и сочувствіе Европы сосредоточилась на томъ доводѣ, что мы, Русскіе,—азіятская орда, чуждая Европѣ, а Поляки—представители европейской цивилизаціи. Это не ново, это уже всѣмъ надоѣло, и потому г. Бонжанъ постарался дать своему блюду новую приправу. Онъ вздумалъ попугать французскихъ сенаторовъ коммунизмомъ, который будто бы Россія таитъ въ своихъ нѣдрахъ и угрожаетъ имъ Европѣ. Въ этомъ-то онъ видитъ нашу азіятскую натуру; онъ видитъ ея признаки еще въ томъ что наше общество не представляетъ никакой организаціи, никакой іерархіи, никакихъ аристократическихъ элементовъ. Онъ находитъ совершенно вѣрнымъ изрѣченіе, приписанное имъ, конечно безо всякихъ основаній, одному значительному лицу: «Въ Россіи нужны только двѣ вещи: царь на верху и крестьяне внизу.» Онъ съ ужасомъ представляетъ на видъ что Россія есть всепоглощающее государственное начало: «въ Россіи, говоритъ онъ, государство есть все, личность—ничто.» Если въ прежнее время на Россію указывали какъ на державу военную и страшились ея честолюбивыхъ и завоевательныхъ замысловъ, то теперь, благодаря г. Бонжану, точка зрѣнія должна нѣсколько измѣниться: опасность заклю-

чается уже не въ завоевательныхъ полчищахъ, которыми Россія можетъ наводнить Европу, а въ коммунизмѣ, соціализмѣ и демократіи, въ революціонныхъ элементахъ, которыми Россія не преминетъ заразить Европу, если между ними не станетъ Польша. Вотъ къ какимъ аргументамъ прибѣгаютъ теперь защитники польскаго дѣла. Но не забавно ли что въ самомъ Парижѣ, гдѣ процвѣтали всѣ знаменитости коммунизма и соціализма, гдѣ разыгрывались февральскія событія,—во Франціи, гдѣ ученіе о государственной централизаціи доведено до послѣдней крайности, гдѣ общество превращено въ прахъ, гдѣ демократія возводится въ идеалъ, гдѣ между верховною властью и народомъ дѣйствительно нѣтъ никакихъ посредствующихъ общественныхъ силъ, а есть только префекты и меры,—во Франціи, гдѣ вырабатывались всѣ эти дурныя ученія, поражавщія ее бѣдствіями, дѣйствительно отравившія весь Европейскій материкъ, сгубившія и у насъ не одно поколѣніе молодыхъ силъ,—не забавно ли что французскій сенаторъ все это зло принадлежащее Франціи приписываетъ Россіи и видитъ въ немъ признакъ азіятской породы? Эти полчища дикарей, дравшіяся на парижскихъ улицахъ подъ краснымъ знаменемъ, провозглашавшія уничтоженіе собственности и расторженіе всѣхъ нравственныхъ и матеріальныхъ связей которыми держится человѣческое общество,—эти полчища, возстававшія противъ всѣхъ правъ и интересовъ выработанныхъ долгимъ трудомъ исторіи, и грозившія, какъ съ ужасомъ вопили сами Французы, погубить европейскую цивилизацію,—развѣ эти полчища были напущены Россіей, развѣ они—не порожденіе французской почвы? За что̀ же г. Бонжанъ хочетъ тѣснить насъ къ Уралу? Въ Россіи многое не установилось, многое еще не выработалось, многое еще находится въ неопредѣленномъ состояніи, а главное—многое еще не выяснилось, многое еще закрыто туманомъ недоразумѣній, многое остается въ бездѣйствіи, благодаря тѣмъ фальшивымъ обольщеніямъ которыми болѣе всѣхъ снабжала насъ Франція. Но въ народныхъ нѣдрахъ Россіи нѣтъ, слава Богу, ничего похожаго на тѣ элементы разложенія которыми такъ обильна Франція, и

которыя бросаютъ ее изъ одной революціи въ другую. Наша сельская община не имѣетъ ничего соотвѣтственнаго тѣмъ чудовищнымъ ученіямъ объ общности имуществъ, которыми славится Франція. Въ Русскомъ народѣ инстинктъ собственности столько же силенъ какъ и во всѣхъ другихъ историческихъ народахъ; съ развитіемъ ея гражданскихъ учрежденій, это великое основное право пріобрѣтаетъ все бо́льшія и бо́льшія обезпеченія, все большее и большее значеніе; съ каждымъ шагомъ на пути предпринятыхъ въ Россіи реформъ, она все болѣе и болѣе ограждается отъ тѣхъ анти-общественныхъ элементовъ которыми Франція отравляетъ Европу. Подъ кажущимся мертвымъ однообразіемъ нашего общественнаго порядка таятся всѣ элементы самой здоровой и плодотворной организаціи. Формула: «Государство все, а личная инціатива— ничто», есть французская формула, и пусть Франція остается при ней; пусть она остается при своей демократіи, при господствѣ массъ, при печальномъ suffgare universel: Россія не позавидуетъ ей въ этомъ печальномъ наслѣдіи ея издавна ведущейся правительственной системы и ея революцій.

Г. Бонжанъ находитъ что русскія власти, усмиряя польскій мятежъ, дѣйствуютъ по программѣ Прудона. Онъ прибереrъ къ концу своей рѣчи только обзоръ тѣхъ истязаній которымъ русскіе Пилаты подвергаютъ Польшу,—эту мученицу созданную его риторикой. Онъ, какъ кажется, имѣлъ въ виду произвести впечатлѣніе не столько на членовъ французскаго сената, сколько на русскихъ либераловъ, въ родѣ цитованнаго г. Сегюромъ д'Агессо; онъ рисуетъ мрачными красками секвестраціи, которымъ подвергаются имѣнія польскихъ пановъ замѣшанныхъ въ мятежѣ, который клонится, по сознанію самого г. Бонжана, ни болѣе ни менѣе какъ къ тому чтобы раздробить Русское государство. Онъ упрекаетъ русскія власти въ Вильнѣ въ страшномъ соціализмѣ, за то что онѣ стараются поднять духъ преданнаго Россіи сельскаго люда и ослабить поземельное значеніе пановъ, признаваемыхъ самимъ адвокатомъ за непримиримыхъ враговъ русскаго владычества. Но адвокатъ упустилъ изъ виду одно обстоятельство:

прежде чѣмъ русскія власти приступили къ подавленію мятежа, въ то время когда русскіе солдаты были командируемы въ села для приведенія крестьянъ въ повиновеніе панамъ, которые формировали шайки въ лѣсахъ,—въ то время польское «національное правительство, долженствующее спасти Европу отъ русскаго коммунизма», издало декретъ, которымъ отдавались крестьянамъ даромъ земли принадлежащія по праву собственности помѣщикамъ; точно также какъ агенты этого «правительства» пытались фальшивыми царскими грамотами и разными другими продѣлками произвести соціальныя волненія на отдаленномъ востокѣ Россійской Имперіи.

Только безсмысленныхъ варваровъ можно ловить на удочку пышныхъ фразъ; но риторы подобные г. Бонжану напрасно хлопочутъ: не такіе же мы варвары, какъ онъ думаетъ, и русскія власти не обратятъ ни малѣйшаго вниманія на его выходки. Энергическія мѣры, которыя принимаетъ наше правительство къ пресѣченію мятежа, не унижаютъ, а возвышаютъ его достоинство. Гдѣ же и когда обходились безъ чрезвычайныхъ мѣръ для подавленія мятежей? Въ какихъ же странахъ мятежъ подавлялся либеральными мѣрами? Не во Франціи ли? Кто изъ французскихъ сенаторовъ имѣлъ бы духъ посовѣтовать русскимъ властямъ поступать такъ какъ поступало нынѣшнее Французское правительство въ 1851 году, и поступало не противъ мятежа, но противъ защитниковъ существовавшаго тогда законнаго порядка? Кто не помнитъ этихъ ужасныхъ, потрясающихъ сценъ, которыя еще недавно были возобновлены въ памяти Европы энергическимъ перомъ англійскаго писателя, г. Кинглека,—кто не помнитъ этихъ безпощадныхъ избіеній невиннаго люда въ окнахъ домовъ и на улицахъ? Такъ дѣйствовало нынѣшнее Французское правительство, замыслившее насильственный переворотъ, и дѣйствовало, повторяемъ, не только противъ людей оказывавшихъ сопротивленіе, но противъ людей не знавшихъ въ чемъ дѣло, противъ женщинъ и дѣтей, которыя случайно подвертывались подъ пулю и штыкъ солдатъ, заранѣе подготовленныхъ виномъ къ этимъ подвигамъ. Вотъ какъ дѣйствовала Французская

имперія при своемъ водвореніи! Такъ ли дѣйствовали русскія власти въ Варшавѣ противъ тѣхъ толпищъ которыя на улицахъ плевали русскимъ солдатамъ въ лицо? Конечно, не въ излишней энергіи можно упрекать здѣсь законную власть, охранявшую порядокъ; равно какъ не въ недостаткѣ энергіи можно упрекать нынѣшнее Французское правительство когда оно задумало насильственно измѣнить существовавшій порядокъ вещей.

Еще разъ, къ чести французскаго сената, слѣдуетъ замѣтить что въ этой части своихъ разглагольствованій ораторъ былъ безпрестанно прерываемъ и, между прочимъ, ему напомнили что чрезвычайныя мѣры къ которымъ Русское правительство прибѣгаетъ для подавленія мятежа—дѣло очень естественное въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, и что тѣ же самыя мѣры, о которыхъ ораторъ распространялся съ поддѣльнымъ ужасомъ, принимаются нынѣшнимъ Италіянскимъ правительствомъ въ Сициліи. Да развѣ Франція не находится еще и теперь подъ дѣйствіемъ чрезвычайныхъ мѣръ? Развѣ Французское правительство не принимало мѣръ такъ-называемой общественной безопасности, развѣ оно не переселяло съ мѣста на мѣсто безо всякаго суда и слѣдствія подозрительныхъ людей, развѣ оно не лишало ихъ отечества, развѣ оно не ссылало ихъ въ Кайенну? Если Франція, по мнѣнію г-дъ Бонжановъ, стоитъ во главѣ европейской цивилизаціи, если тѣ же самые г-да Бонжаны готовы расточать ѳиміамъ тѣмъ «спасительнымъ» мѣрамъ которыми утвердилась нынѣшняя имперія во Франціи, вслѣдствіе насильственнаго переворота,—то какое же низкое мнѣніе должны имѣть эти господа о русскихъ либералахъ, надѣясь доказать имъ что правительство законное и безспорное не должно дѣйствовать со всевозможною энергіей на защиту правъ своего народа, а слабодушно жертвовать ими, измѣнять своему священнѣйшему долгу. Если какое-либо правительство когда-либо имѣло право прибѣгать въ чрезвычайныхъ обстоятельствамъ къ чрезвычайнымъ средствамъ, то для Русскаго правительства въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, предъ лицомъ польскаго мятежа,—это уже не просто право,—это обязанность.

VII.

передовая статья въ № 273 „Московскихъ Вѣдомостей“ (15-го декабря).

«Мы думали что истощился уже запасъ жестокостей Русскаго правительства. Но мы ошиблись.» Такъ начинается варшавская корреспонденція въ парижской газетѣ *Le Temps*, отъ 21-го декабря. Со своей стороны, мы тоже можемъ сказать: «Мы думали что истощился уже запасъ клеветъ на Русское правительство. Но мы ошиблись.» Дѣйствительно, послѣ чудовищнаго подлога въ *Opinion Nationale*, съ которою сотрудникъ нашъ, Н. В. Щербань, вѣроятно, уже началъ теперь отъ нашего имени судебное дѣло, намъ казалось что нельзя было идти далѣе въ жондофильской изобрѣтательности; но, еще разъ, мы ошиблись. Для клеветы и наглыхъ выдумокъ не существуетъ, какъ видно, никакихъ предѣловъ. Насъ не удивляли извѣстія въ родѣ того которое сообщено въ газетѣ *Wanderer*, отъ 19-го декабря, а именно что Русское правительство арестовываетъ будто бы систематически всѣхъ польскихъ ксендзовъ, и что когда капуцинъ Клепацкій спросилъ о причинѣ своего ареста, то, вмѣсто отвѣта, ему дано было 20 ударовъ плетьми. Подобныя извѣстія не могутъ уже никого удивить; они совершенно въ порядкѣ вещей; подобныя выдумки цѣлыми роями кишатъ въ каждомъ нумерѣ закупленныхъ Поляками иностранныхъ газетъ. Но вотъ нѣчто новенькое. Корреспондентъ газеты *Le Temps*, къ письму своему изъ Варшавы, отъ 8-го декабря, изъ котораго мы привели выше начальныя строки, прилагаетъ нѣсколько совершенно достовѣрныхъ будто бы выдержекъ изъ корреспонденціи одной ссыльной Польки, на пути въ Сибирь, изъ Москвы и Нижняго Новгорода. Между многими невѣроятнѣйшими и нелѣпѣйшими выдумками, Полька эта будто бы пишетъ изъ Москвы, отъ 26-го ноября, слѣдующее: «На пути изъ Петербурга въ Москву, по желѣзной дорогѣ, одна ссыльная умерла въ вагонѣ; тѣло ея было выброшено въ дверцу вагона, причемъ поѣздъ продолжалъ свой путь, даже не остановившись.» Нѣтъ ничего мудренаго что варшавскій

корреспондентъ, въ интересѣ возстанія, сочинилъ это извѣстіе и дѣйствительно сообщилъ его въ газету; со стороны варшавскаго корреспондента парижской газеты понятенъ такой поступокъ, такая наглая выдумка; но какъ могла газета *Le Temps*, послѣ столькихъ опытовъ и приключеній бывшихъ съ французскою журналистикой, допустить на свои страницы такую нелѣпую сказку? Вѣдь и съ извѣстіями изъ Мадагаскара обходятся въ европейской журналистикѣ осторожнѣе, и о воскресеніи Радамы II говорятъ съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ. Газета *Le Temps* проповѣдуетъ теперь крестовый походъ противъ Россіи.... изъ особеннаго рода доброжелательства къ своему императору, котораго ей непремѣнно надо вовлечь въ войну. Она ухватилась за сказку со странною поспѣшностью. Но надобно сказать правду: варшавскій корреспондентъ ея постарался довольно тонкимъ манеромъ придать достовѣрность мнимымъ выдержкамъ которыя онъ приводитъ. Такъ, въ другомъ письмѣ этой ссыльной, или какъ корреспондентъ заставляетъ ее называть себя, каторжной Польки, уже изъ Нижняго Новгорода онъ заставляетъ ее говорить слѣдующее: «Намъ позволяютъ писать отсюда; но всѣ письма наши просматриваются предварительно въ полиціи.» Не дается ли этими словами почувствовать что и сказка о выброшенномъ изъ вагона мертвомъ тѣлѣ была, значитъ, просмотрѣна русскою полиціей и оставлена въ письмѣ, какъ достовѣрная?

VIII.

ПЕРЕДОВАЯ СТАТЬЯ ВЪ № 274 „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“ (16-ГО ДЕКАБРЯ).

Читатели найдутъ ниже, подъ рубрикой *Франція* *, полный текстъ отвѣта произнесеннаго императоромъ Французовъ на сенатскій адресъ. Императоръ слегка даетъ почувствовать своему первенствующему политическому собранію что ему было не совсѣмъ пріятно разногласіе обнаружившееся въ рѣчахъ

* Въ томъ же нумерѣ *Моск. Вѣд.*

французскихъ сенаторовъ, хотя оно и было потомъ вознаграждено полнымъ единодушіемъ поданныхъ ими голосовъ по вопросу объ адресѣ. Сдѣлавъ сенату этотъ легкій выговоръ, облеченный въ форму любезнаго комплимента, императоръ спѣшитъ перейти ко внѣшней политикѣ. Здѣсь ему предстояло высказаться о томъ, въ какой степени вѣрно понялъ сенатъ тронную рѣчь. Читатели помнятъ что эта рѣчь допускала два противоположныя толкованія, миролюбивое и воинственное. Безпристрастный читатель принужденъ былъ склониться на сторону послѣдняго изъ этихъ двухъ толкованій, и на ту же сторону склонилась биржа, существо, какъ извѣстно, особенно чуткое къ подобнымъ вещамъ. Но сенатъ, по собственному ли побужденію, или по намеку сдѣланному свыше, предпочелъ толковать тронную рѣчь императора въ самомъ миролюбивомъ смыслѣ. Интересно было знать чтò скажетъ на это самъ Наполеонъ III, возстановитъ ли онъ устраненную сенатомъ двусмысленность тронной рѣчи, или оставитъ дѣло въ томъ видѣ какъ разъяснилъ его сенатъ и утвердитъ своимъ словомъ миролюбивое толкованіе своихъ намѣреній. Императоръ высказался какъ нельзя яснѣе; онъ высказался съ тою же опредѣленностью, съ какою были сказаны въ Бордо знаменитыя слова: Имперія *есть миръ*. Не менѣе опредѣленныя, теперешнія слова его вышли еще ярче. «Воевать въ Европѣ значитъ вести междуусобную войну; эту истину завѣщалъ мнѣ глава моей фамиліи». Вотъ какое эффектное выраженіе пріискалъ Наполеонъ III для своего теперешняго миролюбиваго настроенія, и вотъ на какой сильный авторитетъ онъ сослался. Еслибы квакеру могло не показаться зловѣщимъ упоминаніе о Наполеонѣ I среди мечтаній о водвореніи мира между европейскими народами, то отвѣтъ сенату былъ бы навѣрно признанъ документомъ совершенно заслуживающимъ одобренія отъ друзей мира. Они могли бы упрекнуть императора развѣ только за излишнюю довѣрчивость къ людямъ. «Благо есть единственная цѣль моихъ стремленій», говоритъ онъ; но когда онъ высказываетъ надежду что идея вѣчнаго мира, кажущаяся теперь утопіей, можетъ осуществиться завтра, то онъ очевидно

заходитъ слишкомъ далеко въ своей готовности судить по себѣ обо всѣхъ людяхъ.

Но оставимъ квакеровъ и посмотримъ, что̀ скажутъ на императорскую рѣчь скептики не вѣрящіе въ возможность вѣчнаго мира даже между цивилизованными европейскими державами. Скептики извлекутъ изъ рѣчи Наполеона III то практическое заключеніе что мысль о конгрессѣ, несмотря на всѣ неудачи, еще не оставлена въ Тюильри. Это заключеніе повидимому не подлежитъ сомнѣнію. Оно подтверждается и обнародованнымъ одновременно циркуляромъ французскаго министра иностранныхъ дѣлъ, г. Друэнъ-де-Люиса, по вопросу о конгрессѣ. Этотъ циркуляръ написанъ почти за двѣ недѣли до отвѣтной рѣчи 21 декабря. Онъ разбираетъ возможныя послѣдствія императорскихъ писемъ къ государямъ Европы отъ 4-го ноября. Могло случиться, говоритъ г. Друэнъ-де-Люисъ, что всѣ державы изъявили бы намъ свое согласіе. Тогда состоялся бы конгрессъ, и въ Европѣ была бы создана истинная Аркадія. Но этой счастливой случайности не суждено было обрадовать Европу и прославить Францію. Англія отказалась отъ конгресса, и онъ состояться не можетъ. Тѣмъ не менѣе Франція не отказывается отъ попытокъ облагодѣтельствовать человѣчество. Если нельзя добиться общаго европейскаго конгресса, то можно устроить частный конгрессъ. Этотъ частный конгрессъ не можетъ касаться всѣхъ европейскихъ вопросовъ; онъ не можетъ имѣть значенія верховнаго суда надъ европейскими государствами, но тѣмъ не менѣе г. Друэнъ-де-Люисъ полагаетъ что онъ могъ бы служить къ умиротворенію Европы, и цѣль французскаго циркуляра состоитъ въ томъ чтобы сообщить державамъ изъявившимъ условное или безусловное согласіе на участіе въ конгрессѣ что Франція не только не отказывается отъ своей мысли, но считаетъ даже нужнымъ указать на средства которыя могутъ устранить колебанія державъ, лишь условно согласившихся на мысль предложенную Франціей. Это средство заключается въ предварительныхъ конференціяхъ, на которыхъ министры иностранныхъ дѣлъ условились бы о вопросахъ

долженствующихъ подлежать обсужденію будущаго конгресса государей.

Итакъ, мысль о конгрессѣ государей не оставлена: оставлена только мысль объ общемъ европейскомъ конгрессѣ. Въ замѣнъ его предполагается устроить частный конгрессъ. Но какъ бы въ вознагражденіе первоначальной мысли за то умаленіе которому она подверглась, предполагаемый частный конгрессъ называется уже прямо конгрессомъ, тогда какъ первоначально-проектированное общее европейское судилище тронная рѣчь называла болѣе скромнымъ именемъ конференціи. Убыль слѣдовательно только въ количествѣ, а въ качествѣ оказывается даже прибыль. Но еще интереснѣе что прибыль оказывается и въ общемъ сочувствіи. Мы не говоримъ уже о томъ что отвѣтъ императора Французовъ произвелъ благопріятное впечатлѣніе на парижской биржѣ и заслужилъ общее одобреніе парижскихъ журналовъ. Мы только упомянемъ, что особенно восхищается имъ газета *Presse*. «Государь, восклицаетъ г. Эмиль де-Жирарденъ, — пусть только три, даже два государя откликнутся на вашъ призывъ, — примите ихъ, соединитесь съ ними, вступите въ переговоры, — положите благотворное сѣмя, и сѣмя это, оплодотворенное гласностью во всѣхъ странахъ, возраститъ и принесетъ плоды въ умахъ всѣхъ народовъ». Но чрезвычайно интересно что и англійскія газеты отзываются съ одобреніемъ о предположеніи созвать частный конгрессъ. «Общій конгрессъ, говорятъ Англичане, вещь невозможная и опасная, а частный конгрессъ—другое дѣло. Противъ частнаго конгресса мы ничего не имѣемъ».

Настойчивость Франціи на мысли о конгрессѣ — не малая загадка. Какой, повидимому, можетъ быть прокъ въ конгрессѣ, если въ немъ навѣрное не будутъ участвовать Англія и Австрія (Австрія объявила что она не пойдетъ на конгрессъ безъ Англіи)? Такой конгрессъ былъ бы или ничто, или онъ долженъ бы превратиться въ союзъ противъ Англіи и Австріи; но можно ли теперь создать такой союзъ? И еслибы что-нибудь подобное считалось возможнымъ, то развѣ англійская печать не забила бы уже давно тревогу? А такъ какъ англій-

ская печать относится очень благодушно къ теперешнимъ планамъ императора Наполеона, то слѣдуетъ что подобной опасности не предвидится. Если угодно, можно скорѣе подозрѣвать, что переговоры о конгрессѣ ведутся не серіозно, что за ними скрывается ловушка, разставляемая не безъ вѣдома англійской политики, или по крайней мѣрѣ не безъ вѣдома ея шефа, лорда Пальмерстона, великаго мастера проводить людей всякими штуками, тѣмъ что по-англійски зовется *humbug*. Въ пользу подобнаго предположенія говоритъ, повидимому, та быстрота съ которою англійскій кабинетъ отказался отъ участія въ конгрессѣ. Въ такомъ случаѣ кажущееся взаимное охлажденіе Франціи и Англіи было бы комедіей, и какъ скоро частный конгрессъ приближался бы къ осуществленію, Англія, сославшись на измѣнившіяся обстоятельства, изъявила бы готовность принять въ немъ участіе, а вслѣдъ за Англіей примкнула бы къ конгрессу и Австрія. Такъ какъ въ конференціяхъ министровъ иностранныхъ дѣлъ не участвовали бы ни Англія ни Австрія, то вопросы восточный и италіянскій пришлось бы устранить изъ программы конгресса; иначе конгрессъ принялъ бы характеръ союза противъ Англіи и Австріи, чего никто не хочетъ. А когда конференціи рѣшили бы не касаться на конгрессѣ вопросовъ восточнаго и италіянскаго, то ни Австрія, ни Англія не имѣли бы причины уклоняться отъ участія въ конгрессѣ. Это была бы штука довольно хитрая и кончилась бы она тѣмъ что конгрессъ занялся бы почти однимъ польскимъ вопросомъ. Но трудно предполагать чтобы подобная штука могла имѣть успѣхъ: она слишкомъ прозрачна. Теперешній глава Французскаго государства несомнѣнно очень ловкій человѣкъ; не менѣе несомнѣнно и то, что очень ловокъ и глава англійскаго кабинета; но простой ловкости было бы мало, была бы нужна болѣе нежели человѣческая ловкость чтобы побудить какую бы то ни было великую державу къ участію въ предпріятіи, которое есть или пуфъ, или враждебная ему интрига. Что́ же, остается подумать о проектѣ частнаго европейскаго конгресса? Неужели правы тѣ которые весь этотъ планъ объясняютъ тѣмъ что императоръ Наполеонъ,

при всемъ своемъ практическомъ тактѣ, при всей своей несомнѣнной ловкости и хитрости, есть въ сущности утопистъ, подъ часъ увлекающійся самыми несбыточными мечтами? Увѣряютъ что временное превращеніе воинственнѣйшаго изъ европейскихъ государей въ поборника квакерскихъ идей вовсе не маска, надѣтая умышленно, чтобы морочить добрыхъ людей. Говорятъ что въ миролюбіи осънившемъ теперь императора Французовъ есть много искренняго, какъ и вообще въ его натурѣ есть наивныя черты, которыя собственно и даютъ ему власть надъ умами своего времени. Онъ, говорятъ, уже довольно стяжалъ военной славы; послѣднія воинственныя предпріятія — Мексиканская экспедиція и дипломатическій походъ противъ Россіи — были менѣе удачны чѣмъ прежнія; финансы Франціи разстроены, и дѣло наконецъ должно дойти до значительнаго увеличенія налоговъ, а это опасно для будущности династіи. Все это, говорятъ, достаточно объясняетъ, какъ могъ найти на императора Французовъ стихъ миролюбія. Но если со всѣмъ этимъ и согласиться, все-таки не будетъ понятно, почему миролюбивое настроеніе выразилось проектомъ конгресса, а не другими дѣйствіями, прямѣе ведущими къ цѣли. Императору Французовъ должно быть очень хорошо извѣстно, кто виновникъ теперешняго тревожнаго состоянія Европы, кѣмъ было прервано мирное преуспѣяніе европейскихъ государствъ, кто принудилъ народы Европы къ обременительнымъ расходамъ на небывалыя доселѣ вооруженія. Франція и ея императоръ, дѣйствительно, могутъ облагодѣтельствовать человѣчество, потому что ни отъ кого, какъ отъ нихъ, зависитъ европейскій миръ. Франція совершенно безопасна отъ наступательныхъ дѣйствій какой бы то ни было другой державы. Если другія державы вооружаются, то вооружаются для обороны. Одна Франція вооружается для наступательныхъ дѣйствій, а потому французскія вооруженія требуютъ отъ всѣхъ державъ соотвѣтственныхъ вооруженій, какъ крайней необходимости. Итакъ, если дѣйствительно на императора Французовъ нашелъ стихъ миролюбія, если дѣйствительно Франція хочетъ явиться благодѣтельницей человѣчества,

то стоитъ только уменьшить французскую армію, и можно стяжать благодарность всей Европы. Но Франція не прибѣгаетъ къ этому простому и совершенно безопасному для нея средству. Французское правительство не жалѣетъ своихъ финансовъ, оно заключаетъ заемъ въ 300 милліоновъ франковъ, и оставляетъ за собой право выпустить сверхъ того на 250 милліоновъ франковъ билетовъ государственнаго казначейства. Оно хочетъ быть готово къ нападенію на своихъ сосѣдей, ближнихъ и дальнихъ, и угрожая имъ войной, побуждать, а при случаѣ — и принуждать ихъ къ миролюбію.

Предложеніе конгресса заключаетъ въ себѣ двѣ стороны: упрочить миръ Европы — вотъ заявленная цѣль конгресса; а заявленное средство достигнуть этой цѣли заключается въ томъ чтобы въ состояніи Европы были произведены перемѣны. Мы въ правѣ заключить, что если цѣль очень нравится императору Наполеону, то не менѣе нравится ему и средство. Прежде, по всему вѣроятію, имѣлись въ виду территоріальныя перемѣны; теперь можетъ-быть мысль о нихъ оставлена, но перемѣны въ политическихъ комбинаціяхъ безспорно входятъ въ планы при настойчивомъ требованіи конгресса. Мы не очень вѣримъ тому чтобы Наполеонъ III такъ нуждался въ союзѣ съ Россіей, какъ полагаютъ иные. Заявленія дружбы не могутъ имѣть большаго вѣса когда сопровождаются вымогательствомъ или вымаливаніемъ уступокъ. Теперь не время для тѣсныхъ союзовъ между великими державами, и Наполеонъ III, конечно, очень хорошо понимаетъ это. Но въ проектъ конгресса можетъ и не входить разчетъ на великія державы. Отмѣтимъ оригинальную особенность послѣднихъ дипломатическихъ дѣйствій Франціи. Вмѣстѣ съ Англіей и Австріей, она предлагала намъ конференціи по польскому вопросу, въ которыхъ участвовали бы всѣ державы подписавшія Вѣнскій трактатъ. Россія отказалась отъ подобныхъ конференцій, и Франція, предлагая конгрессъ, имѣла въ виду этотъ отказъ. Она предложила всеобщій конгрессъ, въ которомъ участвовали бы всѣ государства, первостепенныя, второстепенныя и третьестепенныя. Демократическая Франція сдѣлала такимъ образомъ

попытку демократизовать международныя отношенія. Конгрессъ, ею предложенный, это—своего рода *suffrage universel,* и нельзя не предполагать что мелкимъ государствамъ будетъ лестно вниманіе которое оказалъ имъ могущественный властитель Франціи. До сихъ поръ, когда говорилось о Европѣ, то разумѣлись пять державъ. Остальныя государства заботились о своихъ домашнихъ дѣлахъ, а теперь всѣ они приглашены къ высшей заботѣ объ интересахъ Европы. Эта оригинальная демагогія, примѣненная къ международному праву, не можетъ остаться безъ послѣдствій, и мы уже видимъ, что по крайней мѣрѣ въ Германіи мелкія государства поднимаютъ голову выше прежняго.

Читателямъ извѣстно письмо короля Баварскаго, напечатанное въ № 273 *Московскихъ Вѣдомостей.* Оно произвело въ Германіи потрясающее впечатлѣніе. Саксонія, повидимому, присоединилась къ Баваріи; по крайней мѣрѣ г. фонъ-Бейстъ находится теперь въ Мюнхенѣ, и старыя губительныя для Германіи фантазіи о нѣмецкой тріадѣ ожили снова. А кто не знаетъ что нѣмецкая тріада есть не что́ иное какъ подчиненіе среднихъ и мелкихъ нѣмецкихъ государствъ покровительству Франціи? Баварія уже приняла положеніе въ сущности враждебное Пруссіи и Австріи. Опираясь на общественное мнѣніе благопріятствующее имъ по шлезвигъ-гольштейнскому вопросу, среднія нѣмецкія государства надѣются стать во главѣ націи и сдѣлаться ея руководителями, присвоивъ себѣ значеніе принадлежащее по праву первенствующимъ нѣмецкимъ державамъ. Къ нимъ примкнули уже всѣ элементы находящіеся въ броженіи, и едва успѣлъ пройти мѣсяцъ по смерти Датскаго короля, а нѣмецкое патріотическое движеніе уже успѣло принять революціонный оттѣнокъ. Со временъ такъ-называемаго предварительнаго парламента (Vorparlament) Франкфуртъ не видалъ такого многочисленнаго и такого бурнаго и вмѣстѣ нелѣпаго собранія, какъ съѣздъ депутатовъ разныхъ нѣмецкихъ палатъ собравшихся 21 декабря по поводу шлезвигъ-гольштейнскаго вопроса. Этотъ съѣздъ состоялъ изъ 492 депутатовъ, въ томъ числѣ только 57 человѣкъ изъ

Пруссіи и Австріи, всѣ остальные изъ среднихъ и мелкихъ государствъ Германіи. Рѣчи которыя тутъ говорились не рѣдко впадали въ революціонный тонъ. Въ противность предостереженіямъ и протестамъ благоразумныхъ людей, съѣздъ, собраніе самозванное, выбралъ постоянную коммиссію для какого-то дѣйствованія въ пользу правъ герцогствъ и герцога Аугустенбурскаго. Эта коммиссія, учрежденіе не находящееся въ связи ни съ какимъ законнымъ правительствомъ, состоитъ изъ 36 членовъ, и къ довершенію удовольствія, большинство ея—литераторы и ученые. Такіе политики, въ такомъ оригинальномъ положеніи находящіеся, конечно, могутъ дѣйствовать только въ руку Франціи, хотя и будутъ бушевать противъ нея въ своихъ рѣчахъ. Они никогда не достигнутъ чего хотятъ, а политической самостоятельности Германіи нанесутъ чувствительную рану и помогутъ Франціи наказать и Пруссію и Австрію за мечты объ упроченіи германскаго единства.

Для подобныхъ политическихъ комбинацій очень стóитъ, если не созывать, то по крайней мѣрѣ предлагать конгрессъ. При несчастномъ положеніи Германіи, эти комбинаціи могутъ быть осуществлены безъ большихъ усилій, если не встрѣтятъ серіозныхъ препятствій со стороны великихъ державъ. Сейчасъ полученная телеграфическая депеша передаетъ слухъ о предстоящей европейской конференціи по датско-германскому столкновенію. Этотъ слухъ подаетъ надежду на успокоеніе нѣмецкаго патріотизма и на возвращеніе нѣмецкихъ второстепенныхъ государствъ къ той роли которая имъ принадлежитъ и которой важность, для блага Германіи, должна постепенно уменьшаться, а никакъ не увеличиваться.

IX.

ВТОРАЯ ПЕРЕДОВАЯ СТАТЬЯ ВЪ ТОМЪ ЖЕ НУМЕРѢ „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“.

10-го декабря, въ Варшавѣ, на углу Краковскаго Предмѣстья и Королевской улицы, было сдѣлано одно изъ тѣхъ подлыхъ кинжальныхъ покушеній, которыя характеризуютъ

нынѣшній польскій мятежъ. Покушеніе было направлено противъ майора фонъ-Роткирха, служащаго помощникомъ директора канцеляріи по дѣламъ военнаго положенія, и слава Богу не совсѣмъ удалось: г. фонъ-Роткирхъ остался живъ и, какъ увѣряютъ, раны полученныя имъ незначительны. Польскій подземный *жондъ*, какъ видно, не ошибается въ выборѣ жертвъ для своихъ наемныхъ убійцъ. На этотъ разъ онъ выбралъ человѣка который принадлежитъ къ числу лучшихъ и честнѣйшихъ русскихъ дѣятелей въ Варшавѣ. Дѣла въ Варшавѣ давно пошли бы иначе, еслибы законная администрація въ Царствѣ Польскомъ вся состояла изъ такихъ людей какъ г. фонъ-Роткирхъ, съ его добросовѣстностью и патріотизмомъ. Мы имѣемъ достаточныя основанія сказать это о г. фонъ-Роткирхѣ, и говоримъ съ полнымъ убѣжденіемъ. Мы утѣшаемъ себя тѣмъ что раны полученныя имъ не будутъ имѣть серіозныхъ послѣдствій для его здоровья, и что вскорѣ онъ снова вступитъ въ свою должность въ Варшавѣ, откуда заговорщикамъ такъ хотѣлось выпроводить его. Застращать такихъ людей, какъ г. фонъ-Роткирхъ, тайнымъ убійцамъ не удастся; людей извѣстнаго закала подобныя покушенія возбуждаютъ лишь къ большей энергіи и рѣшимости. Подобныя покушенія не переведутъ честныхъ дѣятелей у насъ, а напротивъ усилятъ и размножатъ ихъ. Своими угрозами и нападеніями убійцы только явственнѣе отличатъ тѣхъ кто имъ истинно опасенъ въ числѣ агентовъ законной власти...

Мы послали телеграмму въ Варшаву и съ нетерпѣніемъ ждемъ извѣстій о состояніи здоровья г. фонъ-Роткирха; а теперь сообщимъ нѣсколько подробностей о покушеніи извлеченныхъ изъ варшавской корреспонденціи *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей,* отъ 10-го декабря:

«Сегодня раненъ кинжаломъ двумя ударами, въ голову и лѣвое плечо, помощникъ директора особой канцеляріи по дѣламъ военнаго положенія при намѣстникѣ Царства Польскаго, майоръ фонъ-Роткирхъ. Покушеніе совершено въ десять часовъ утра, на углу Краковскаго предмѣстья и Крулевской улицы, въ десятомъ циркулѣ, близь дома подъ № 411,

принадлежащаго обывателю Гродзицкому. Это произошло почти предъ окнами моей квартиры. Надо замѣтить что майоръ Роткирхъ живетъ на Новомъ Свѣтѣ, въ бывшемъ домѣ Андрея Замойскаго. Оттуда онъ ежедневно ходилъ по Краковскому Предмѣстью въ канцелярію, находящуюся въ Королевскомъ За́мкѣ. Революціонеры давно уже ненавидѣли майора Роткирха и, вѣроятно, выслѣдили, когда онъ проходитъ на службу, и рѣшились въ это время убить его. Майоръ Роткирхъ хорошо зналъ что за нимъ слѣдятъ и постоянно ходилъ съ казакомъ. Сегодня утромъ, когда онъ по Краковскому Предмѣстью подходилъ къ дому Бейера (который еще строится), два какіе-то господина нагнали его, и въ это время одинъ изъ нихъ ударилъ майора Роткирха сперва въ голову, а потомъ въ лѣвое плечо. Удары были мгновенные, а потому нечувствительные, и затѣмъ убійца бросился спасаться бѣгствомъ. Непонятно, какимъ образомъ казакъ, шедшій за г. Роткирхомъ, не обнажилъ противъ убійцы оружія? Вѣроятно, неожиданное нападеніе, и притомъ днемъ, ошеломило его. Майоръ Роткирхъ съ казакомъ сейчасъ же бросились за убійцей, который вскочилъ калиткою во дворъ дома Гродзицкаго. Зданіе Гродзицкаго принадлежитъ къ числу самыхъ огромныхъ домовъ въ Варшавѣ. При немъ два двора и два сада. Убійца хорошо былъ знакомъ со всѣми ходами дома; это ясно видно изъ того, какимъ образомъ онъ бѣжалъ. Онъ вскочилъ во дворъ, потомъ перебѣжалъ въ другой, обѣжалъ здѣсь вокругъ находящагося сада и затѣмъ вскочилъ въ увеселительный садикъ (ogród spacerowy), и оттуда вошелъ въ маленькія сѣни, гдѣ была поставлена небольшая лѣстница на чердакъ (одноэтажнаго маленькаго домика); этою лѣстницей убійца поднялся на верхъ, вылѣзъ чрезъ слуховое окно на крышу и съ нея соскочилъ въ огромный садъ Красинскихъ, гдѣ уже и скрылся. Уже на чердакѣ онъ бросилъ свой кинжалъ, чтобъ его не узнали, и выскочилъ въ садъ Красинскихъ безо всякаго оружія. Окровавленный кинжалъ взялъ съ собою майоръ Роткирхъ.

«Майора Роткирха революціонеры давно не любили. Во *Всеобщемъ Дневникѣ* онъ часто изобличалъ всѣ гнусные поступки членовъ революціонной партіи. Кромѣ того, по своему мѣсту по службѣ, онъ очень часто имѣлъ сношенія съ Поляками (просители постоянно обращались къ нему) и не исполнялъ ихъ незаконныхъ просьбъ. Все это не могло не быть извѣстнымъ народному правленію, которое и приговорило его къ смерти. Недавно еще онъ получилъ отъ жонда приказаніе непремѣнно оставить Польшу и Литву и удалиться куда-нибудь въ Россію. Записку эту онъ получилъ вотъ какимъ образомъ. Однажды когда онъ только что вышелъ изъ своей квартиры (вѣроятно за этимъ слѣдили агенты народнаго правленія), въ его комнаты входитъ какой-то статскій господинъ и подаетъ записку служанкѣ, съ тѣмъ чтобъ она передала ее своей госпожѣ. Вчера майоръ Роткирхъ показывалъ мнѣ эту записку. Она напечатана, и въ ней сказано чтобъ обыватель Роткирхъ оставилъ предѣлы Царства Польскаго и Литвы въ самый короткій срокъ. Записка была величиною меньше шестнадцатой доли листа бумаги и внизу приложена печать. Вчера еще г. Роткирхъ смѣялся надъ этою запиской, и разумѣется, никогда не думалъ повиноваться требованію народнаго правленія.

«Большинство убѣждено въ томъ что это покушеніе (какъ и убійство Желенко) выходка со стороны народнаго правленія, заключающаяся въ томъ чтобы постоянно держать народъ въ страхѣ и не дать ему возможности опомниться и подумать объ изъявленіи покорности правительству.

«Раны нанесенныя г. Роткирху, къ счастію, незначительныя. Онъ, послѣ происшествія этого, прошелъ въ канцелярію и потомъ возвратился домой, гдѣ ему сдѣлали перевязку. Извѣстіе о намѣреніи убить его мгновенно разнеслось по городу и всѣми Русскими было принято съ огорченіемъ и негодованіемъ.

Огрудокъ въ домѣ Гродзицкаго, черезъ который скрылся убійца, содержала какая - то Ясницкая, которая со всею

прислугой буфета и поваромъ арестована. Домикъ черезъ чердакъ котораго скрылся убійца занимала Ясницкая. Сторожъ также арестованъ. Всѣ эти лица будутъ преданы военному суду. Насчетъ дома Гродзицкаго пока еще не сдѣлано никакого распоряженія.»

X.

Передовая статья въ № 276 „Московскихъ Вѣдомостей“ (18-го декабря).

Съ польскимъ дѣломъ Франціи не посчастливилось. Оно было главною причиной нынѣшнихъ затрудненій императора Французовъ, которыми и объясняются разнорѣчивые слухи то о сближеніи Франціи съ Россіей и заключеніи союза франко-италіяно-русскаго, противъ Австріи, или союза франко-прусско-русскаго, также противъ Австріи; то, наоборотъ, о возобновленіи Священнаго Союза противъ Франціи. Польскій вопросъ ставитъ и журналистику французскую въ самое странное положеніе. Парижскія газеты то и дѣло попадаютъ въ какую-нибудь исторію: либо завѣдомо обманываютъ другихъ, либо сами даются въ обманъ, но безъ исторіи не обходится почти ни одинъ день; «историческая журналистика», сказалъ бы нашъ Гоголь. Въ № 273 *Московскихъ Вѣдомостей* мы говорили о наглой выдумкѣ сообщенной варшавскимъ корреспондентомъ газеты *Le Temps*. Теперь та же газета попала снова въ просакъ, если только не допускать здѣсь сознательнаго обмана. Сенаторъ Бонжанъ, въ засѣданіи 18-го декабря, говоря о Польшѣ, волей-неволей долженъ былъ помянуть объ извѣстномъ документѣ за подписью Мѣрославскаго, найденномъ въ кабинетѣ графа Андрея Замойскаго, и прочелъ письмо полученное имъ, предъ засѣданіемъ, отъ князя Чарторыйскаго, который просилъ его извѣстить сенатъ, что польское «національное правительство» уволило Мѣрославскаго отъ занимаемой имъ должности «организатора польскихъ военныхъ силъ». Слухи объ этомъ великомъ событіи ходили ужъ и прежде,

вскорѣ послѣ появленія въ свѣтъ упомянутаго документа, столь поучительнаго гг. Герцену и К° и вообще нашимъ нигилистамъ, которые съ большимъ усердіемъ работали по программѣ Мѣрославскаго, не подозрѣвая что польскій агитаторъ предназначалъ имъ веревку на шею какъ достойную награду за ихъ подвиги.

Мѣрославскій, повидимому, не зналъ или не хотѣлъ знать объ этомъ увольненіи. Онъ поспѣшилъ опровергнуть извѣстіе сообщенное французскому сенату г-мъ Бонжаномъ и помѣстилъ въ газетѣ *Temps* цѣлый архивъ документовъ. Вопервыхъ, онъ сослался на 9-й пунктъ полученныхъ имъ отъ польскаго тайнаго правительства инструкцій, въ силу котораго «организаторъ не можетъ быть смѣщенъ съ своей должности прежде чѣмъ доведетъ до конца данное ему порученіе и сочтетъ удобнымъ выступить въ походъ во главѣ хотя части организованнаго имъ войска». Вовторыхъ, г. Мѣрославскій приводитъ письмо князя Чарторыйскаго къ «коммиссару національнаго правительства при главномъ организаторѣ польскихъ военныхъ силъ» (къ нѣкоему Грабовскому), отъ 16-го ноября, въ которомъ дипломатическій агентъ *жонда народоваго* положительно утверждаетъ что *жондъ* вовсе не помышляетъ объ увольненіи Мѣрославскаго. Наконецъ къ письму г. Мѣрославскаго приложено удостовѣреніе начальника его штаба Крацкевича, что *до 20-го декабря* не было получено отъ *жонда* никакого извѣщенія объ увольненіи «организатора». Мы просимъ читателей обратить вниманіе на числа: въ нихъ заключается вся сущность этого куріознаго факта. Письмо г. Мѣрославскаго въ редакцію *Temps* подписано *21-го декабря*. Документы помѣщены въ газетѣ *Le Temps 24-го декабря*, а на другой же день *25-го декабря* эта газета должна была дать у себѣ мѣсто письму князя Чарторыйскаго къ г. Грабовскому, *отъ 19-го декабря*, гдѣ сказано что по депешѣ жонда, *отъ 9-го декабря*, полученной княземъ Чарторыйскимъ *два дня тому назадъ*, генералъ Мѣрославскій дѣйствительно уволенъ отъ должности «организатора». Тутъ что ни число, то подарокъ.

Мѣрославскій двѣнадцать дней не знаетъ о своемъ увольненіи, которое рѣшено было будто бы 9-го декабря; ***21-го декабря*** онъ ничего не знаетъ о письмѣ отправленномъ къ состоящему при немъ коммиссару еще *19-го числа*, вслѣдствіе чего преспокойно продолжаетъ бить по карманамъ доброхотныхъ дателей и увлекать молодежь на предпріятіе, которымъ онъ уже больше не управляетъ! Но что̀ еще удивительнѣе, Чарторыйскій получаетъ депешу объ увольненіи Мѣрославскаго *17-го декабря*, 18-го числа сообщаетъ ее сенатору Бонжану, а самого Мѣрославскаго не считаетъ нужнымъ извѣщать о ней до *19 числа*! Очень вѣроятно что Мѣрославскій не обратитъ ни малѣйшаго вниманія на увольненіе, о которомъ его теперь извѣстили, и будетъ себѣ преспокойно организовать «военныя силы Польши» и собирать денежныя пожертвованія. Событія очень скоро подтвердили, если только эти жалкія продѣлки можно назвать событіями, замѣчаніе мимоходомъ сдѣланное въ № 272 *Московскихъ Вѣдомостей*, что «если во французскомъ сенатѣ Чарторыйскій, черезъ Бонжана, казнитъ Мѣрославскаго, то Мѣрославскій, въ какомъ-нибудь демократическомъ клубѣ, не замедлитъ совершить экзекуцію надъ Чарторыйскимъ».

А вотъ теперь является еще третій экзекуторъ, который казнитъ и того, и другаго, и еще третьяго. Мы говоримъ о недавно вышедшей брошюрѣ г. Владислава Мицкевича, гдѣ главными врагами польскаго отечества называются Велёпольскій, Чарторыйскій и Мѣрославскій. Но передавая читателямъ эти куріозы, мы не можемъ воздержать въ себѣ грустное чувство.

Въ самомъ дѣлѣ, не грустно ли видѣть какъ часто люди хотятъ непремѣнно быть тѣмъ, чѣмъ не дано имъ быть, расточаютъ свои силы въ безплодныхъ стремленіяхъ и наконецъ приносятъ кровавыя жертвы идеѣ, отъ которой они сами же немедленно отступились бы, еслибъ она вдругъ осуществилась предъ ними и показала имъ свое лицо. Польская шляхта бьется изо всѣхъ силъ чтобы возстановить польское государ-

ство: сколько бѣдствій, сколько страданій, сколько даромъ истраченныхъ силъ, сколько пролитой крови, сколько погибшихъ поколѣній! А между тѣмъ, еслибы вдругъ, въ силу необыкновенныхъ обстоятельствъ, осуществились эти домогательства, и польской шляхтѣ было бы отдано польское государство,—можно съ увѣренностію сказать что эта же самая шляхта, эти же самые патріоты, собственными руками разрушили бы въ конецъ и разнесли бы свое государство. Государственное начало, какого бы то ни было свойства, и польская шляхта—также мало совмѣстимы какъ огонь и вода. Ничто такъ не враждебно инстинктамъ польской шляхты какъ государственное начало,—и вотъ ему-то однако она приноситъ свои кровавыя жертвы, домогаясь пріобрѣсти то чего сдержать она и не сумѣетъ и не захочетъ. Не даромъ говорятъ что гдѣ сойдутся два Поляка, тамъ явятся по крайней мѣрѣ три партіи. Оставьте ихъ однихъ между собою, и они, какъ зубы дракона, примутся истреблять другъ друга. Вотъ и теперь: они затѣяли возстаніе, составили свое правительство, и уже сколько междуусобій, сколько раздоровъ за власть! Вспомните этого несчастнаго калифа на часъ, этого Лянгевича, посмотрите на этихъ двухъ героевъ польскаго дѣла, этихъ двухъ столповъ его, аристократическаго и демократическаго, князя Чарторыйскаго и г. Мѣрославскаго, посмотрите, какъ они грызутся между собою; вспомните также о маркизѣ Велёпольскомъ, на жизнь котораго неоднократно дѣлалось покушеніе въ Варшавѣ, несмотря на всѣ столь очевидныя заслуги его.

Преинтересное, хотя и весьма грустное явленіе составляетъ упомянутая брошюра, изданная г. Владиславомъ Мицкевичемъ, сыномъ знаменитаго поэта, который, какъ извѣстно, подъ конецъ своей жизни, подъ вліяніемъ тѣхъ же польско-патріотическихъ идей, впалъ въ совершенное умопомѣшательство. Брошюра называется именами трехъ патріотовъ: *Czartoryski, Wielopolski et Mierosławski*. Г. Владиславъ Мицкевичъ является особою партіей, и бичуетъ и Чарторыйскаго, и Мѣрославскаго,

и Велёпольскаго, какъ вмѣстѣ, такъ и порознь, бичуетъ какъ злѣйшихъ враговъ общества. Если ужь и теперь, когда еще ровно ничего нѣтъ, является столько ожесточенныхъ другъ противъ друга партій, то чего ожидать еслибъ этимъ патріотамъ было и въ самомъ дѣлѣ что́ дѣлить между собою? Мѣрославскій, Велёпольскій, Чарторыйскій, безспорно, самыя главныя имена между польскими патріотами; и вотъ эти самые видные изъ польскихъ патріотовъ, наиболѣе выдавшіеся, наиболѣе значительные, оказываются, по мнѣнію четвертой партіи, самыми дурными людьми въ польскомъ народѣ. Г. Владиславъ Мицкевичъ не огорчается этимъ; онъ восклицаетъ: «гдѣ же «такой народъ который не имѣлъ бы въ своихъ нѣдрахъ по «крайней мѣрѣ трехъ дурныхъ человѣкъ?» Онъ не оспариваетъ у нихъ только одного качества: ловкости, называемой въ просторѣчіи надувательствомъ. «Возстановленіе Польши», говоритъ г. Владиславъ Мицкевичъ, «встрѣчаетъ себѣ препят-«ствіе въ фамиліи Чарторыйскаго, въ маркизѣ Велёпольскомъ «и въ генералѣ Мѣрославскомъ, которыхъ можно назвать тремя «казнями, посланными на нашъ народъ. Чарторыйскій страшно «ненавидитъ Мѣрославскаго, а Мѣрославскій Чарторыйскаго. «И тотъ, и другой терпѣть не могутъ Велёпольскаго, а Ве-«лёпольскій клянетъ ихъ обоихъ. Между тѣмъ каждый изъ нихъ «толкуетъ о соединеніи, и говоритъ: если бы только Поляки «поняли необходимость дѣйствовать въ единствѣ со мною, то «я спасъ бы Польшу. Но политика и того, и другаго, и третьяго «разрушаетъ всякое единство, ибо основывается на эгоизмѣ. «Отъ каждаго Поляка Мѣрославскій прежде всего требуетъ «признать публично его диктатуру; Чарторыйскій тайно спо-«собствовать воцаренію его династіи; Велёпольскій дать руча-«тельство партіи порядка. Велёпольскій думаетъ о своей кастѣ «Чарторыйскій о своей фамиліи, Мѣрославскій о себѣ». Любопытно было бы знать, о чемъ по мнѣнію каждаго изъ этихъ трехъ мужей, характеризуемыхъ г. Мицкевичемъ, думаетъ онъ самъ? Изъ его брошюрки мы по крайней мѣрѣ узнаемъ, какъ по его мнѣнію слѣдуетъ дѣйствовать: по его мнѣнію, надобно

рѣшительно отказаться отъ всякой иностранной помощи, провозгласить: Polonia farà da se, спуститься въ какія-то глубины Польскаго народа, проникнуться тамъ энтузіазмомъ и продолжать открытый мятежъ во что̀ бы то ни стало.

Но пусть эти господа думаютъ что̀ хотятъ. Каждый изъ нихъ, какъ они сами другъ друга укоряютъ, имѣетъ свои исключительные виды, каждый домогается своей какой-нибудь цѣли: кто хочетъ быть диктаторомъ, кто прямо сѣсть на тронъ, всѣ обманываютъ или другъ друга, или самихъ себя, и самые добросовѣстные могутъ быть признаны такими только въ качествѣ сумасбродовъ. Но не грустно ли подумать что множество людей называющихъ себя Поляками, между которыми есть столько умныхъ, дѣльныхъ и здравомыслящихъ, должны становиться игрушкою интригъ и матеріаломъ для осуществленія сумасбродствъ всякаго рода? Не грустно ли думать что у столькихъ людей, изъ рода въ родъ, отравляется все нравственное существованіе фальшивымъ польскимъ патріотизмомъ, что столько приносится жертвъ во имя мертваго дѣла гальванизируемаго интригами и сумасбродствами? Не столько даже для Россіи, сколько для этого множества людей должно желать чтобъ они могли выйти изъ этого недостойнаго и губительнаго положенія, отказавшись отъ невозможнаго польскаго государства,—этой *contradictio in adjecto*.

XI.

Передовая статья въ № 277 „Московскихъ Вѣдомостей" (20 декабря).

Законодательное сословіе Франціи слушало на дняхъ оригинальнаго дебютанта. Г. Тьеръ, бывшій президентъ совѣта министровъ, блистательный ораторъ, вождь блаженной памяти лѣвой стороны въ палатѣ депутатовъ, явился новичкомъ въ законодательное сословіе и сказалъ свою пробную рѣчь. Это была настоящая *maidenspeech;* маститый ораторъ былъ скроменъ какъ красная дѣвица, и если подпускалъ шпильки,

то самыя маленькія. Президентъ законодательнаго сословія, видя такую благовоспитанность, позволилъ себѣ даже немного пошколить опытнаго бойца минувшихъ временъ, и г. Тьеръ благодушно выслушалъ совѣтъ стоять прямо (мы не шутимъ), а не оборачиваться въ одну сторону, потому что въ этомъ случаѣ многимъ членамъ трудно разслушать говорящаго. Завзятые орлеанисты порицаютъ г. Тьера за то что онъ рѣшился вступить на политическое поприще при теперешнихъ обстоятельствахъ, но умѣренные орлеанисты считаютъ появленіе г. Тьера на трибунѣ великимъ для себя праздникомъ. Хорошъ однако праздникъ! Человѣкъ, руководившій нѣкогда значительною парламентскою партіей, едва набралъ 18 человѣкъ чтобы подписать предложенную имъ поправку, совершенно разумную и до того умѣренную что само правительство въ сущности соглашается съ нею во всѣхъ пунктахъ, а когда дѣло дошло до подачи голосовъ, то онъ самъ находитъ нужнымъ воздержаться, и въ пользу его поправки оказывается всего-на-все 14 человѣкъ. По парламентскимъ понятіямъ, это совершенное пораженіе, и со стороны *Journal des Débats*, конечно, большая дружба, когда онъ старается убѣдить своихъ читателей что въ этомъ пораженіи заключается полнѣйшая побѣда, да еще какая?—нѣчто въ родѣ Цезаревской: *пришелъ, увидѣлъ и побѣдилъ!* Правительство объявило, говоритъ *Journal des Débats*, что оно совершенно согласно съ г. Тьеромъ; оно говорило въ коммиссіи просто подъ диктовку г. Тьера, подчинялось ему безъ борьбы: какъ же это не побѣда? На это можно однакоже замѣтить что еслибы г. Тьеръ видѣлъ въ этомъ образѣ дѣйствій правительства свою побѣду, хотя бы только и нравственную, которой такъ радуется *Journal des Débats*, то почему онъ не объявилъ въ засѣданіи что не настаиваетъ больше на поправкѣ и удовлетворяется объясненіями правительства? Нѣтъ, что̀ ни говори *Journal des Débats*, а побѣды тутъ не было никакой, и еслибы г. Тьеръ въ двѣнадцать лѣтъ политическаго бездѣйствія не отвыкъ отъ роли предводителя партіи, то ему было бы трудно найтись въ положеніи полководца безъ войска.

Кто не орлеанистъ, тому нѣтъ особенной причины смотрѣть съ нѣжною симпатіей на это павшее величіе. Когда г. Тьеръ и люди его сорта стояли во главѣ политическихъ партій французскаго парламента, Франція не имѣла ни малѣйшей причины видѣть въ нихъ своихъ благодѣтелей. Они говорили очень краснорѣчиво, они рисовались очень эффектно на французской трибунѣ, но они не оказали своему отечеству такихъ услугъ, которыя забыть было бы невозможно или по крайней мѣрѣ несправедливо. Францію нельзя упрекать въ неблагодарности, если она не очень огорчилась тѣмъ что эти знаменитые ораторы потеряли возможность служить ей, и если она довольно равнодушно смотритъ теперь на человѣка нѣкогда популярнаго и вліятельнаго, а нынѣ довольствующагося положеніемъ члена оппозиціи состоящей изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ и считающей всего на все 36 человѣкъ. Г. Тьеръ вѣроятно и самъ не сѣтуетъ на Францію, но едва ли онъ смотритъ безъ горькаго чувства на свои отношенія къ бонапартизму. Изо всѣхъ политическихъ людей іюльской Франціи онъ былъ самый ярый бонапартистъ. Онъ перенесъ прахъ Наполеона I съ острова Св. Елены; онъ всѣми силами поддерживалъ кандидатуру Лудовика-Наполеона на президентство Французской республики, и еслибы не онъ, то очень можетъ-быть что Наполеонъ III не сидѣлъ бы на тронѣ. А теперь г. Тьеръ—опасный человѣкъ...

Но г. Тьеръ не злопамятенъ. Въ блестящее время политической карьеры онъ былъ рѣдко справедливъ къ правительствамъ, на которыя нападалъ въ качествѣ предводителя оппозиціи. Въ его придиркахъ и нападкахъ почти всегда слышался фальшивый тонъ; онъ любилъ обращаться къ слѣпымъ страстямъ и дѣлать человѣческое неразуміе орудіемъ для своихъ властолюбивыхъ видовъ. Лѣта ли, опытъ ли послѣднихъ лѣтъ, или желаніе отплатить добромъ за зло, но къ правительству Наполеона III, унизившему его, г. Тьеръ много справедливѣе чѣмъ былъ къ правительству Лудовика-Филиппа. Въ теперешней рѣчи нѣтъ раздраженія и видно желаніе опираться только на истину. Тѣ слова въ которыхъ онъ коснулся

вопроса о мирѣ и о вліяніи Франціи на европейскій миръ— золотыя слова. О размѣрахъ той войны въ которую недоброжелатели императора Французовъ хотятъ вовлечь Францію нельзя выразиться эффектнѣе и вѣрнѣе. «Приготовляйтесь жертвовать, сказалъ г. Тьеръ, не сотнями, а тысячами милліоновъ франковъ; приготовляйтесь жертвовать цѣлыми поколѣніями; война будетъ продолжительная, и едва ли доживетъ до конца ея кто-либо изъ теперешнихъ членовъ законодательнаго сословія.» Вотъ что̂ сказалъ г. Тьеръ, и какъ ни старается газета *Le Temps* увѣрить, что тутъ вовсе не разумѣлась война за Польшу, но никакое толкованіе не можетъ затмить смысла этихъ энергическихъ и ясныхъ словъ. Они тѣмъ болѣе дѣлаютъ чести, что г. Тьеру, какъ орлеанисту, было особенно трудно сказать ихъ. Ими онъ отдѣлилъ себя отъ тѣхъ людей своей партіи которые употребляютъ всѣ усилія чтобы натолкнуть императора Французовъ на какое-нибудь рискованное предпріятіе. *Revue des deux Mondes*, *Journal des Débats*, *Temps* дѣлаютъ все возможное чтобы возбудить страсти. Г. Тьеръ показалъ почтенную гражданскую честность, высказавшись такъ какъ онъ высказывался. Онъ подалъ примѣръ политической добросовѣстности. Онъ отринулъ злокозненную политику своихъ собратій.

Засѣданіе законодательнаго сословія 24-го декабря выяснило много интересныхъ вещей. Императоръ Наполеонъ долженъ быть очень доволенъ этимъ засѣданіемъ въ томъ отношеніи что оно раскрыло внутреннія несогласія въ оппозиціи. Эти несогласія обнаружились повидимому неожиданно и для самой оппозиціи, по крайней мѣрѣ они совершенно озадачили журналистовъ орлеанской партіи, считающихъ для себя выгоднымъ стоять за польское дѣло и поджигать французскую публику и Французское правительство къ войнѣ съ Россіей. Планы этихъ господъ претерпѣли такое крушеніе что и мы, Русскіе, можемъ назвать его для себя неожиданнымъ. Сильныя слова сказанныя въ пользу мира не однимъ г. Тьеромъ, но и г-мъ Пикаромъ, кольнувшимъ по этому поводу своихъ ***нетерпѣливыхъ*** товарищей, и г-мъ Олливье, объявившимъ себя

«прямо, рѣшительно и во всеуслышаніе» противъ войны за Польшу, должны были вызвать возраженіе со стороны всѣхъ тѣхъ кто дѣйствительно хочетъ войны. И что̀ же? Кто возражалъ гг. Тьеру, Пикару и Олливье? Возражали только двое, и эти двое—издатели двухъ газетъ *Siècle* и *Patrie*, уже давно заручившихся всѣмъ интересамъ польскаго возстанія. Возражали только гг. Геру и Гавенъ, и кромѣ этихъ депутатовъ-журналистовъ никто не возвысилъ голоса. Никогда еще истина не выходила такъ явно наружу, какъ въ этотъ разъ. Движеніе въ пользу польскаго возстанія оказывалось чисто журнальнымъ движеніемъ.

Журналы партіи орлеанистовъ требуютъ войны за Польшу, но вотъ выступаетъ первенствующій человѣкъ этой партіи, не имѣющій спеціальныхъ побужденій, которыми условливается во Франціи направленіе большей части журналовъ, и что̀ же говоритъ онъ? Онъ отступается отъ журналистовъ своей партіи и оставляетъ ихъ однихъ ратовать за войну. Журналы демократическіе также вопятъ за Польшу, но вотъ два представителя этой партіи говорятъ—въ пользу мира. Никто изъ другихъ членовъ этой партіи не протестуетъ противъ гг. Пикара и Олливье; только два журналиста изливаютъ свое негодованіе.

Почему французскіе журналы такъ горячо сочувствуютъ польской справѣ,—кто этого не знаетъ? Для нашихъ читателей это конечно не тайна, какъ не тайна и для самихъ Поляковъ. Но какъ мало соотвѣтствуютъ эти журнальные крики дѣйствительнымъ взглядамъ и видамъ французскаго общества, объ этомъ нельзя было составить себѣ полнаго понятія до засѣданія законодательнаго сословія 24-го декабря. Выборные представители должны дорожить мнѣніемъ своихъ избирателей, и если бы мысль о войнѣ была хоть сколько-нибудь популярна во французскомъ обществѣ, то гг. Геру и Гавенъ не оказались бы единственными возражателями противъ гг. Тьера, Пикара и Олливье.

XII.

ПЕРЕДОВАЯ СТАТЬЯ ВЪ № 280 „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ" (23 ДЕКАБРЯ).

Русскій Инвалидъ изъявилъ желаніе находиться въ добрыхъ отношеніяхъ къ намъ, и вести съ нами бесѣду для разъясненія общественныхъ вопросовъ. Мы очень рады этому; намъ пріятно что его полемическое раздраженіе, нечаянно и безъ умысла вызванное нами, оказалось кризисомъ скоротечнымъ. Этотъ кризисъ ознаменованъ въ *Русскомъ Инвалидѣ* полемикой между его редакціей и однимъ изъ сотрудниковъ, предметомъ которой были мы, а поводомъ была замѣтка наша о статьѣ г. Гильфердинга по польскому вопросу. Дѣло шло о разъясненіи весьма важнаго вопроса. Редакція находила что мы, въ нашихъ сужденіяхъ о статьѣ г. Гильфердинга, руководствовались желаніемъ показать какіе-то наши полемическіе таланты; самъ же г. Гильфердингъ, ограждая насъ отъ нареканія въ подобномъ суетномъ побужденіи, объяснялъ нашъ поступокъ тѣмъ обстоятельствомъ что *Московскія Вѣдомости* суть миѳическое чудище, стрегущее царство тѣней, адскій песъ, только о двухъ зѣвахъ: «чудище, обло, озорно, двузѣвно и лаяй»! восклицаетъ онъ, повторяя извѣстный стихъ изъ *Телемахиды*. *Московскія Вѣдомости*, по объясненію г. Гильфердинга, намѣревались заѣсть его за то что онъ отважился коснуться предметовъ стрегомыхъ этимъ озорнымъ и лающимъ чудищемъ. Вотъ какіе споры и разъясненія шли недавно въ *Русскомъ Инвалидѣ* между редакціей и ея сотрудникомъ! Если намъ будетъ позволено сказать наше мнѣніе, то, намъ кажется, въ этомъ состязаніи пальма осталась за сотрудникомъ. Отзывъ г. Гильфердинга, во многихъ отношеніяхъ, удовлетворительнѣе отзыва самой редакціи; статейка г. Гильфердинга объ насъ исполнена искренности, а искренность извиняетъ многое; онъ почувствовалъ себя обиженнымъ, огорченнымъ, раздраженнымъ, и прямодушно выразилъ свое чувство, назвавъ насъ собакою о двухъ головахъ. Тутъ нѣтъ никакой двусмысленности, никакой темноты, все чисто и ясно. Г. Гильфердингъ излилъ свое

чувство, облегчилъ себя, и значитъ—сдѣлалъ дѣло: *dixit et levavit animam*. Но мы рѣшительно не понимаемъ тактики которой слѣдовала сама редакція въ своемъ отзывѣ о нашемъ поступкѣ. Мало того что она обвинила насъ въ суетномъ побужденіи; изъ ея отзыва слѣдуетъ что мы приписали г. Гильфердингу то чего онъ будто бы не говорилъ, или лучше сказать, то что̀ онъ отрицалъ и оспаривалъ какъ противное ему мнѣніе. Мы рѣшительно не понимаемъ какимъ образомъ можно такъ странно свидѣтельствовать о дѣлѣ которое у всѣхъ предъ глазами, о статьѣ которая напечатана въ столбцахъ той же газеты. Редакція *Русскаго Инвалида* говоритъ о своемъ уваженіи и сочувствіи къ нашей газетѣ: возможно ли было бы сочувствовать такой газетѣ которая не только искажаетъ чужія мнѣнія, но оспаривая другихъ, приписываетъ имъ то чего они не говорили и что̀ даже они сами оспаривали? Мы не хотѣли отвѣчать на такое смѣлое утвержденіе *Русскаго Инвалида*, предоставляя его суду его собственныхъ читателей. Лишь теперь, когда онъ смягчился, когда онъ выразилъ желаніе бесѣдовать съ нами о разныхъ предметамъ толково и добросовѣстно, прежде чѣмъ заведемъ съ нимъ рѣчь о чемъ-либо другомъ, разъяснимъ это куріозное дѣло, въ надеждѣ на благосклонное вниманіе *Русскаго Инвалида*.

Мнѣніе подхваченное иностранною журналистикой въ статьѣ г. Гильфердинга было высказано авторомъ какъ его собственоная мысль, а не какъ чужая, которую будто бы онъ оспаривалъ. Онъ утверждалъ отъ себя что Русскіе съ восхищеніемъ стали бы взирать на отдѣленіе Польши, и что этого требуетъ высшая справедливость, которая не хочетъ чтобъ одинъ народъ находился въ зависимости у другаго. Мы знаемъ также что авторъ не ограничился однимъ этимъ взглядомъ; онъ принялъ къ свѣдѣнію и требованія «князя міра сего»; онъ объявилъ что Россія, при всемъ своемъ желаніи, теперь не можетъ отдѣлить отъ себя Польшу. Развивая далѣе вопросъ, онъ пришелъ еще къ тому мнѣнію что Россія не должна и помышлять объ этомъ, ибо отдѣлить Польшу значило бы отдать ея деревенскія народонаселенія, въ которыхъ таятся, можетъ-быть, зачатки

свѣжей жизни, во власть шляхты, которая есть гніющій и разлагающійся трупъ. Все это было высказано г. Гильфердингомъ одно за другимъ какъ его собственныя мнѣнія.

Все разсужденіе г. Гильфердинга о польскомъ вопросѣ могло бы быть раздѣлено на нѣсколько частей. Въ одной возвѣщается съ убѣжденіемъ что Польша должна быть отдѣлена отъ Россіи, въ силу требованій высшей справедливости; вторая часть посвящена подробному и обстоятельному доказательству что Россія ни въ какомъ случаѣ не должна отдѣлять отъ себя этотъ край, еслибы даже и дозволялось это ея собственными интересами. Третья часть распадается на двѣ главы, изъ которыхъ въ первой доказывается что бытъ въ Польскомъ Царствѣ долженъ быть глубоко измѣненъ, и всѣ особенности его должны быть радикально нарушены; во второй же главѣ съ неменьшимъ убѣжденіемъ доказывается, что Царство Польское, входя въ составъ Россійской Имперіи, должно сохранять неприкосновенными всѣ свои особенности, по образцу Остзейскихъ губерній. Всѣ эти воззрѣнія излагаются авторомъ не только съ полнымъ безпристрастіемъ, но, повидимому, и съ равнымъ убѣжденіемъ. Онъ какъ бы предоставляетъ каждому выбирать изъ его разсужденій что̀ кому по нраву. При широтѣ воззрѣнія, ничѣмъ не уступающей извѣстному философскому принципу абсолютнаго тождества, онъ согласенъ и съ тѣми кто требуетъ отторженія польскаго края отъ русской государственной области, освящая ихъ требованія уставами высшей правды; онъ согласенъ и съ тѣми кто утверждаетъ что такимъ актомъ Россія совершила бы величайшую несправедливость, и что она отнюдь не должна этого дѣлать. Далѣе, авторъ присоединяется къ тѣмъ которые считаютъ необходимымъ измѣнить всѣ существующія въ Царствѣ Польскомъ отношенія, сильною рукой выдвинуть крестьянство и кореннымъ преобразованіемъ его быта поставить его не только въ независимость, но и въ нѣкоторый антагонизмъ со шляхтой,—и предупреждая желанія мыслящихъ такимъ образомъ людей, авторъ указываетъ даже на общинное землевладѣніе; но это не мѣшаетъ автору присоединиться съ полнымъ убѣжденіемъ также и къ тѣмъ которые находятъ что

польскій край не долженъ терять своихъ административныхъ, юридическихъ и бытовыхъ особенностей,—и предупреждая желанія мыслящихъ въ этомъ тонѣ людей, авторъ предлагаетъ взять въ образецъ положеніе Остзейскихъ губерній, входящихъ въ составъ Россійской Имперіи, но удерживающихъ всѣ особенности своего быта, такъ что и самый крестьянскій вопросъ былъ разрѣшенъ тамъ совершенно на иныхъ, чѣмъ въ остальной Россіи, основаніяхъ. Вотъ чтò называется: «всѣмъ сестрамъ по серьгамъ.»

Но мы оставляли статьи г. Гильфердинга безъ вниманія; мы не считали нужнымъ подвергать ихъ критикѣ, или выставлять на видъ странности которыя въ нихъ заключались. Мы не чувствовали къ тому ни малѣйшаго побужденія. Мало ли странностей появляется вездѣ, а особенно въ нашей литературѣ? И только спустя нѣкоторое время мы сочли не совсѣмъ лишнимъ обратить на нихъ вниманіе. Чтó же насъ побудило къ тому? Намъ совѣстно повторять этотъ вопросъ: какой интересъ можетъ имѣть публика въ анализѣ побужденій заставившихъ тотъ или другой журналъ обратить вниманіе на то или другое явленіе въ печати? Тѣмъ не менѣе, этотъ важный вопросъ занималъ всю петербургскую журналистику, и, какъ мы сейчасъ видѣли, послужилъ предметомъ для оживленныхъ объясненій въ столбцахъ *Русскаго Инвалида* между его редакціей и самимъ г. Гильфердингомъ. *Русскій Инвалидъ* особенно былъ озадаченъ вопросомъ: почему мы заговорили о статьяхъ г. Гильфердинга не тотчасъ по ихъ появленіи въ свѣтъ, а спустя нѣкоторое время? Это обстоятельство кажется *Русскому Инвалиду* очень загадочнымъ. Мы благодаримъ за честь которую онъ оказываетъ намъ, анализируя оттѣнки нашихъ чувствованій и возводя въ вопросъ наши побужденія. Но вопросъ рѣшается такъ просто что не стоило и задавать его. *Русскому Инвалиду* стóило бы только вспомнить, что не одни мы, но и самъ онъ долженъ былъ заговорить о статьѣ, напечатанной въ его собственныхъ столбцахъ, и что онъ долженъ былъ заговорить о ней въ одно время съ нами. Мы коснулись ея по тому же самому поводу который заставилъ и редакцію

Русскаго Инвалида вступить о ней въ объясненія. Такъ какъ статья г. Гильфердинга умѣла совмѣстить въ себѣ самыя противоположныя воззрѣнія, то ею поспѣшили воспользоваться наши заграничные друзья, особенно благодаря тому что она появилась въ официальномъ журналѣ. Тѣ части статьи гдѣ развивалась теорія высшей правды были подхвачены иностранною журналистикой, равно какъ характеристическіе отзывы о Русскихъ какъ о плебеяхъ человѣчества. Когда такимъ образомъ статья, напечатанная въ *Русскомъ Инвалидѣ*, сдѣлалась предметомъ всесвѣтной огласки, когда въ разныхъ иностранныхъ журналахъ появленіе этой статьи объяснялось кореннымъ измѣненіемъ русской политики или русскаго общественнаго мнѣнія, тогда и мы сочли нелишнимъ сказать о ней два-три слова. Поводъ этотъ былъ указанъ нами въ нашей замѣткѣ, и поводъ этотъ достаточно объяснилъ наши побужденія. Г. Гильфердингъ жалуется что «чудище» *Московскихъ Вѣдомостей* намѣревалось «заѣсть» его. Странный вкусъ у этого чудища! Но по вычисленію *Русскаго Инвалида* цѣлыя три недѣли это чудище не трогалось съ мѣста. Оно вспомнило почтеннаго г. Гильфердинга въ ту только минуту, когда и редакція *Русскаго Инвалида* была вынуждена вспомнить о немъ. И что̀ же мы сдѣлали? Что̀ мы сказали? Мы отдали справедливость *Русскому Инвалиду* въ его направленіи; мы отозвались о г. Гильфердингѣ и даже о статьѣ его возможно лучшимъ образомъ. Мы были далеки отъ всякаго желанія компрометтировать эту статью въ чьемъ бы то ни было мнѣніи, напротивъ, мы старались выставить на видъ ея лучшую сторону; ея казовый конецъ; мы не касались всѣхъ заключающихся въ ней несообразностей и обратили вниманіе только на то что̀ подало поводъ къ ложнымъ толкамъ. Мы старались объяснить странность подавшую поводъ къ толкамъ не какими-либо обидными для личности г. Гильфердинга предположеніями, а причинами общаго свойства. Причины эти мы находили и находимъ въ свирѣпствующей посреди нашихъ литераторовъ эпидеміи благовѣстительствовать и пророчествовать. Мы вмѣнили его погрѣшности не столько лично ему, сколько общему злу, за

которое онъ конечно отвѣтствовать не можетъ, но въ которомъ и упорствовать тоже не слѣдуетъ.

Серіозное зло заключается не въ тѣхъ или другихъ мысляхъ или оттѣнкахъ мыслей, которыя проповѣдываются нашими метафизиками, а въ этомъ разстройствѣ воображенія, побуждающемъ ихъ видѣть въ себѣ какія-то трансцендентальныя свойства и говорить обо всемъ съ какимъ-то неестественнымъ напряженіемъ и натугою. Всякій изъ этихъ метафизиковъ считаетъ себя призваннымъ къ провозглашенію великой мудрости, всякій вѣщаетъ такъ, какъ будто бы призванъ положить начало новой религіи на землѣ; всякій хлопочетъ о томъ чтобы какъ-нибудь разительнѣе доказать свое презрѣніе къ здравому смыслу. У всѣхъ на языкѣ высшая правда; всѣ восходятъ къ первоначальнымъ причинамъ, и считаютъ своимъ долгомъ прозрѣвать въ будущее. А потому у насъ очень часто самыя разнородныя воззрѣнія въ сущности ничѣмъ между собою не разнятся, и равномѣрно служатъ органомъ одного и того же никуда не годнаго духа пустословія. Не отдѣльныя воззрѣнія, ни ученія разнаго свойства, которыя проповѣдываются нашими метафизиками, слѣдуетъ оспаривать: всѣ эти ученія, съ тѣмъ или другимъ оттѣнкомъ, ровно ничего не значатъ; во всѣхъ этихъ ученіяхъ нѣтъ ничего серіознаго: серіозное зло заключается въ ихъ общемъ источникѣ, въ этомъ духѣ самообольщенія, пустословія и напыщенности. Тема которой мы коснулись въ послѣднихъ строкахъ—очень обильна: только теперь намъ некогда развивать ее, тѣмъ болѣе что мы, къ сожалѣнію, увѣрены что литература наша не разъ представитъ намъ случай коснуться этой грустной темы. Но мы не можемъ не указать на одну забавную черту нашихъ метафизиковъ и благовѣстителей. Они, въ самомъ дѣлѣ, считаютъ себя глубокими мыслителями и пророками, и ироническіе отзывы о нихъ эти господа добродушно принимаютъ за кощунство надъ человѣческимъ разумомъ, и воображаютъ что въ ихъ лицѣ подвергаются осмѣянію всѣ когда-либо жившіе учители мудрости. Добрые люди, они въ самомъ дѣлѣ причисляютъ себя къ лику Платоновъ и Аристотелей....

Мы очень рады бесѣдовать съ *Русскимъ Инвалидомъ* о предметахъ общаго интереса и привѣтствуемъ его намѣреніе не руководствоваться ничѣмъ инымъ, кромѣ желанія добросовѣстно и тщательно способствовать ихъ разъясненію. Темой для бесѣды *Русскій Инвалидъ* предлагаетъ вопросъ о казенныхъ изданіяхъ.

Русскій Инвалидъ троекратнымъ «да» выражаетъ свое полное сочувствіе основнымъ положеніямъ нашей замѣтки о казенныхъ изданіяхъ; но соглашаясь съ нами въ началахъ, онъ приходитъ къ результатамъ совершенно противоположнымъ. «Именно потому», говоритъ онъ, «что интересы нашего пра«вительства вполнѣ совпадаютъ съ интересами нашего госу«дарства, казенныя политическія изданія и могутъ существо«вать у насъ въ томъ видѣ, въ какомъ они существуютъ, то«есть, не прикрываясь личиною самостоятельности, какъ это «дѣлаютъ полуофиціальныя газеты во Франціи.»

Но въ томъ-то и бѣда что наши казенныя изданія, такъ какъ они есть, суть изданія полуофиціальныя; будь они изданія чисто офиціальныя, не было бы никакого вопроса, никакого спора. Кто когда-либо оспаривалъ необходимость чисто офиціальныхъ изданій? Кто когда-либо считалъ излишнимъ публикацію указовъ, правительственныхъ распоряженій, министерскихъ циркуляровъ? Кто когда-либо ополчался противъ такихъ изданій, какъ напримѣръ *Сенатскія Вѣдомости*? Но въ томъ-то и дѣло, что наши казенныя изданія не всѣ имѣютъ такой характеръ, какъ *Сенатскія Вѣдомости*; въ томъ-то и дѣло что наши казенныя изданія *полуофиціальныя*, въ точномъ смыслѣ этого слова, а не просто офиціальныя. Вотъ, напримѣръ, *Биржевыя Вѣдомости*: эта газета состоитъ изъ двухъ частей: офиціальной и неофиціальной; наполовину оно есть изданіе офиціальное, наполовину неофиціальное. Чѣмъ же это изданіе выходитъ въ результатѣ? Оно, очевидно, выходитъ изданіемъ полуофиціальнымъ. Во Франціи полуофиціальныя изданія суть изданія *офиціозныя*; это газеты издаваемыя частными лицами, которыхъ правительство снабжаетъ деньгами (не всегда впрочемъ казенными), а у насъ неофиціальныя, то-есть, частныя

мнѣнія издаются на казенныя деньги или на счетъ приписныхъ читателей? Что̀ лучше, мы не рѣшаемъ; но сущность дѣла остается та же самая: какъ тамъ такъ и тутъ официіальными средствами препровождаются въ публику мнѣнія не имѣющія офиціальнаго характера. Во Франціи такое положеніе дѣлъ требуется особыми обстоятельствами, въ которыхъ находится тамъ правительство. *Русскій Инвалидъ* согласенъ что наше правительство находится въ иныхъ обстоятельствахъ, но потому-то самому, говоритъ онъ, казенныя политическія изданія и должны существовать у насъ въ такомъ видѣ, въ какомъ они существуютъ, *Русскій Инвалидъ* даетъ нашимъ казеннымъ политическимъ изданіямъ совершенно неожиданное значеніе. Онъ видитъ въ нихъ не просто газеты, но одно «изъ важныхъ и всегда сподручныхъ средствъ управленія».

Къ сожалѣнію, мы должны сказать откровенно, эта прекрасная теорія казенныхъ политическихъ изданій основана на ошибкѣ, которую нашъ собесѣдникъ и самъ легко усмотритъ, если захочетъ провѣрить высказанныя имъ мысли. Правительство можетъ признавать и не признавать общественное мнѣніе; но общественное мнѣніе есть общественное мнѣніе; оно есть то что̀ оно есть, и въ немъ выражается не правительство, а общество. Нашъ почтенный собесѣдникъ думаетъ что существующій теперь журнальный порядокъ ведется у насъ изстари. Нѣтъ, назадъ тому лѣтъ восемь, у насъ не было никакихъ политическихъ изданій, ни казенныхъ, ни частныхъ; и объ общественномъ мнѣніи, какъ о дѣйствующей силѣ, не было и рѣчи. Въ ту пору не могло быть существеннаго различія между офиціальными, полуофиціальными и неофиціальными политическими изданіями. *Московскія Вѣдомости* обязаны были перепечатывать политическія извѣстія изъ петербургскихъ газетъ, а тѣ получали ихъ изъ рукъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Еще менѣе допускалось выраженіе какихъ-либо мнѣній о предметахъ внутренней политики. Вопросъ о характерѣ изданія является не прежде какъ съ пробужденіемъ общественнаго мнѣнія. Слѣдуетъ ли желать чтобъ общественное мнѣніе у насъ существовало и дѣйствовало—это вопросъ особый; но

оно существуетъ, оно дѣйствуетъ, вліяніе его повсюду сказывается, и стало-быть надобно желать чтобъ оно было истина, а не фальшь.

По мнѣнію *Русскаго Инвалида*, наши казенныя политическія изданія существуютъ у насъ въ интересахъ цѣлаго государства, цѣлаго народа, ибо посредствомъ этихъ изданій каждое правительственное вѣдомство можетъ управлять общественнымъ мнѣніемъ и руководить его путемъ разумнаго убѣжденія. Имѣя въ виду столь важную цѣль, *Русскій Инвалидъ* изъявляетъ желаніе чтобы число такихъ изданій у насъ размножилось, и чтобы каждое вѣдомство вооружилось своимъ органомъ для разумнаго убѣжденія публики, или по крайней мѣрѣ одно такое изданіе могло служить органомъ для нѣсколькихъ управленій. Намъ кажется что желаніе нашего почтеннаго собесѣдника уже достаточно исполнено и что ему въ этомъ отношеніи желать болѣе нечего.

Имѣя въ своемъ распоряженіи казенныя изданія, лица стоящія во главѣ центральныхъ управленій могутъ, по теоріи нашего почтеннаго собесѣдника, обсуждать и такіе вопросы которые выходятъ за предѣлы ихъ вѣдомства. «Обсуждая вопросы «общегосударственные, говоритъ онъ, должны ли они (лица «стоящія во главѣ центральныхъ управленій), тамъ гдѣ этого «не требуетъ общая польза, ограничиваться лишь офиціаль-«нымъ заявленіемъ своихъ мнѣній? Не лучше ли могъ бы выяс-«ниться каждый вопросъ, еслибы, сверхъ того, свободное и «полное развитіе этихъ мнѣній, гдѣ это возможно, пред-«оставлялось ими состоящимъ въ ихъ вѣдѣніи газетамъ?»

Какъ не пожелать, чтобы лица стоящія во главѣ центральныхъ управленій не ограничивались одною офиціальною дѣятельностью? Напрасно *Русскій Инвалидъ* думаетъ, будто мы желаемъ устранить правительственныя лица отъ литературы. Кому можетъ придти въ голову мысль что живое лицо, становясь правительственнымъ дѣятелемъ, вслѣдствіе этого теряетъ и потребность, и право заниматься предметами которые его интересуютъ? *Русскій Инвалидъ* считаетъ нужнымъ увѣрить насъ что отдѣльныя правительственныя лица у насъ не тра-

тятъ своего времени на упражненіе въ литературѣ; онъ увѣряетъ насъ что у насъ правительственныя лица, также какъ и въ Англіи, занимаются исключительно правительственными дѣлами. Но увѣряя насъ въ этомъ, не слишкомъ ли много онъ доказываетъ? Ему должно быть извѣстно слѣдующее логическое правило: кто доказываетъ больше чѣмъ должно, тотъ ничего не доказываетъ. Въ Англіи, на которую онъ сослался, правительственныя лица, напротивъ, очень охотно занимаются литературой; они находятъ досугъ для этихъ занятій среди своихъ правительственныхъ заботъ, и за это никто на нихъ не сѣтуетъ. Правительственное лицо не становится существомъ отвлеченнымъ, поступая на правительственную чреду; оно все-таки остается живымъ лицомъ, членомъ общества, членомъ своего народа; живетъ оно какъ живутъ всѣ люди, и какъ всѣ люди можетъ имѣть и имѣетъ свои личныя мнѣнія. Въ правительственномъ лицѣ не все—правительство; пользуясь своимъ досугомъ, правительственное лицо можетъ и книги писать, и руководить сочувственнымъ ему журналомъ. Чѣмъ ближе къ сердцу государственные дѣятели принимаютъ общественные интересы, чѣмъ чаще они высказываютъ свое мнѣніе о разныхъ предметахъ, чѣмъ болѣе принимаютъ они участіе въ литературѣ, тѣмъ лучше, тѣмъ болѣе пользы для общества и для литературы. Можно ли отрицать у правительственнаго лица право имѣть свое мнѣніе, право на которое претендуютъ всѣ прочія лица? Можно ли желать чтобы правительственное лицо наглухо замыкалось въ официальной сферѣ, и никогда не пользовалось досугомъ, чтобы дѣйствовать на общую пользу и другими путями, кромѣ путей официальныхъ?

Но что̀ же изъ этого слѣдуетъ? То ли что и неофиціальная дѣятельность правительственнаго лица должна имѣть официальный характеръ? То ли что его свободное, лично принадлежащее ему мнѣніе о разныхъ предметахъ, начиная отъ новой піесы поставленной на сценѣ и кончая народными началами, о которыхъ хлопочетъ г. Гильфердингъ, должно быть издаваемо въ свѣтъ на казенныя деньги, или обязательно предлагаться читателямъ? Правительственное лицо можетъ быть несогласно

со своими товарищами по многимъ предметамъ государственнаго интереса: слѣдуетъ ли изъ этого что и эти мнѣнія также должны издаваться на казенный счетъ или имѣть обязательныхъ читателей? Правительственныя лица могутъ наконецъ находиться въ борьбѣ и антагонизмѣ со своими товарищами, такими же государственными дѣятелями: слѣдуетъ ли обращать казенныя средства на поддержку частныхъ мнѣній того или другаго лица, которое хотя и занимаетъ какой-либо официальный постъ, но завтра можетъ уступить свое мѣсто другому? Если правительственное лицо, какъ и всякое другое лицо, можетъ имѣть свои частно принадлежащія ему мнѣнія, если за нимъ должна быть въ полной мѣрѣ признана умственная свобода, то нормальное ли дѣло чтобы тѣ или другія воззрѣнія, хотя бы и очень почтенныя, но тѣмъ не менѣе свободныя и стало-быть зависящія отъ случайностей образованія и личнаго развитія, не изъятыя, какъ и все свободное, отъ ошибокъ и увлеченій, проводили и защищали себя на казенный счетъ? Мы никакъ не думаемъ чтобы теорія изложенная въ *Русскомъ Инвалидѣ* могла быть принята въ какой бы то ни было цивилизованной странѣ. Что она не принимается нашими государственными людьми, доказательство тому мы видѣли недавно: Министерство Финансовъ объявляло всенародно что оно отвѣтствуетъ только за официальныя сообщенія, а отнюдь не за тѣ мнѣнія которыя печатаются въ неофиціальномъ отдѣлѣ его газеты. Можетъ ли *Русскій Инвалидъ* въ свою очередь сказать что та самая статья его о которой теперь идетъ рѣчь должна была непремѣнно явиться на казенный счетъ, или что статейка г. Гильфердинга о двузѣвномъ чудищѣ должна была также явиться на казенный счетъ, въ интересахъ государства, или что эти интересы требуютъ развитія теоріи о плебействѣ Русскаго народа, или той теоріи, напримѣръ, которою недавно попрекалъ насъ сенаторъ Бонжанъ, и которая, дѣйствительно, имѣетъ у насъ не мало приверженцевъ?

Свободное обсужденіе общественныхъ вопросовъ можетъ быть плодотворно только тогда, когда въ сферѣ мнѣній, равно

дозволительныхъ, ни одному не дается казеннаго пособія или правительственной привилегіи; въ противномъ случаѣ, въ дѣло будетъ внесена ложь, а ложь, какъ извѣстно, къ добру не ведетъ. Лучше вовсе не допускать свободнаго обсужденія вопросовъ, нежели создавать фальшивый призракъ общественнаго мнѣнія.

Теорія которую предлагаетъ *Русскій Инвалидъ* не имѣетъ смысла въ примѣненіи къ Россіи стараго времени, которая не знала никакихъ политическихъ изданій и не допускала ни свободнаго обсужденія вопросовъ, ни общественнаго мнѣнія. Что же касается до Россіи нынѣшней, до Россіи обновляющейся, то мы не думаемъ чтобъ эта теорія могла для нея годиться. Теперь болѣе чѣмъ когда-либо различается у насъ интересъ государственный отъ интереса частнаго, официальное отъ неофиціальнаго, свободное отъ обязательнаго; съ каждымъ новымъ шагомъ нашей гражданственности, это различіе должно пріобрѣтать и бо̀льшую силу и бо̀льшую ясность; вмѣстѣ съ тѣмъ и казенныя средства будутъ становиться все опредѣлительнѣе въ своемъ назначеніи. Правительственныя лица нашего времени (въ этомъ мы въ свою очередь можемъ увѣрить *Русскій Инвалидъ*) явственно различаютъ собственныя деньги отъ казенныхъ. Они никакъ не примутъ теоріи *Русскаго Инвалида,* и никакъ не будутъ защищать свое личное мнѣніе или поддерживать свое личное положеніе ни казенными, ни вообще чужими средствами. Если у насъ есть казенныя изданія съ неофиціальнымъ отдѣломъ, то они существуютъ не вслѣдствіе теоріи изложенной въ *Русскомъ Инвалидѣ,* существуютъ не по принципу, а какъ случайный фактъ оказавшійся подъ рукою, который рано или поздно измѣнитъ свой характеръ.

Но возвратимся къ теоріи изложенной въ *Русскомъ Инвалидѣ.* Онъ приписываетъ, какъ мы видѣли, нашимъ казеннымъ политическимъ изданіямъ двоякое значеніе. Вопервыхъ, посредствомъ этихъ изданій правительственныя лица, каждое въ своемъ вѣдомствѣ, должны дѣйствовать на общественное мнѣніе путемъ разумнаго убѣжденія. Вовторыхъ, посредствомъ этихъ

изданій правительственныя лица могутъ на общую пользу проводить свое мнѣніе относительно предметовъ выходящихъ изъ сферы спеціальнаго вѣдомства, и защищать его, насколько, по выраженію *Русскаго Инвалида,* въ этихъ мнѣніяхъ окажется внутренней правды,—значитъ мнѣнія необязательныя, и подлежащія спору. *Русскій Инвалидъ* заключаетъ: «По вопросамъ «перваго рода наши газеты, состоящія при отдѣльныхъ вѣ«домствахъ, по своему значенію, могутъ быть сравниваемы «съ центральными правительственными органами, какіе су«ществуютъ во Франціи, Австріи и т. д. По вопросамъ же «другаго рода, онѣ очевидно ближе всего подходятъ къ полу«офиціальнымъ газетамъ или къ журнальнымъ органамъ того «и другаго министра, какіе существуютъ, напримѣръ, въ Ан«гліи, и статьи ихъ нисколько не заручаютъ самого прави«тельства въ пользу того или другаго изъ высказанныхъ ими «мнѣній». Все это было бы прекрасно, но къ сожалѣнію все это ошибочно. Мы приглашаемъ автора статьи обратиться къ любому образованному Англичанину, и онъ объяснитъ ему, что въ Англіи нѣтъ положительно ни одной полуофиціальной газеты, и быть ничего подобнаго не можетъ. Если тотъ или другой англійскій министръ находится въ связяхъ съ тою или другою газетой, то эти связи не имѣютъ ни малѣйшаго офиціальнаго свойства. Англійскія газеты служатъ только органомъ той или другой партіи, которая ихъ и поддерживаетъ. Поддержка эта состоитъ въ томъ что эту газету выписываютъ и читаютъ люди одного съ нею мнѣнія. Чтобъ имѣть возможность существовать, газета въ Англіи должна опираться на какую-нибудь группу общественныхъ интересовъ; но ни одного пенни казенныхъ денегъ не пойдетъ на ея поддержку.

Русскій Инвалидъ не допускаетъ, какъ онъ выражается, центральныхъ правительственныхъ органовъ; онъ говоритъ съ полнымъ авторитетомъ, что какъ бы кто ни ратовалъ въ пользу созданія подобнаго органа, всѣ усилія къ тому будутъ напрасны. У насъ, говоритъ онъ, нѣтъ англійскихъ премьеровъ, которые могли бы давать направленіе такимъ газетамъ. Но англійскіе премьеры никогда этимъ дѣломъ не занимаются.

Лондонская Газета, которая соотвѣтствуетъ тому что́ *Инвалидъ* называетъ центральнымъ органомъ, ни въ какомъ направленіи не нуждается; она не заключаетъ въ себѣ ничего кромѣ офиціальныхъ документовъ. *Русскій Инвалидъ* находитъ что такое содержаніе безцвѣтно. Что́ дѣлать? Правительство даетъ своимъ актамъ только одинъ свойственный ему цвѣтъ. Въ подобномъ изданіи нѣтъ, конечно, поприща для фантазіи, нѣтъ ни руководящихъ статей, ни фельетоновъ, ни метафизики, ни пророчествъ; но тамъ могутъ встрѣтиться свѣдѣнія въ высшей степени интересныя и важныя для всѣхъ и каждаго въ государствѣ.

Мы искренно желаемъ войти въ мысль *Русскаго Инвалида* и съ удовольствіемъ соглашаемся съ нимъ что правительственныя лица могутъ и офиціально дѣйствовать путемъ разумнаго убѣжденія. «У насъ, говоритъ онъ, какъ и вездѣ, правительственныя мѣры и распоряженія могутъ подвергаться ложному истолкованію, могутъ возбуждать ни на чемъ не основанныя опасенія. Разъясненіе свойства, значенія и ожидаемыхъ послѣдствій такихъ мѣръ, съ изложеніемъ тѣхъ обстоятельствъ и условій которыя ихъ вызвали, лежитъ прямо на обязанности правительственныхъ органовъ журналистики, и безъ различныхъ неудобствъ не могло бы быть ни поручено, ни навязано частнымъ изданіямъ. Каждое вѣдомство располагаетъ въ этомъ отношеніи множествомъ различнаго рода данныхъ, выборка и разработка которыхъ можетъ-быть поручаема только принадлежащимъ къ нему довѣреннымъ лицамъ».

Чего же лучше? Кто же будетъ это оспаривать? Если требуется разъясненіе той или другой правительственной мѣры, истолкованіе того или другаго правительственнаго распоряженія, то правительство, конечно, не упуститъ этого изъ виду. Но правительственныя разъясненія и истолкованія должны имѣть и правительственную силу; они должны носить на себѣ офиціальный, обязательный характеръ. Такого рода разъясненія и истолкованія должны или прямо истекать отъ правительственнаго лица, или совершать тотъ ходъ который уста-

новленъ для правительственнаго дѣлопроизводства. Такіе документы пишутся спеціальными лицами находящимися у дѣлъ. Правительственные документы могутъ отличаться всевозможными литературными достоинствами, правильностію, чистотою и изяществомъ изложенія, равно какъ и убѣдительностію доводовъ; всѣ эти качества нисколько не противорѣчатъ офиціальному характеру подобныхъ документовъ. Депеши князя Горчакова отличаются высокимъ литературнымъ достоинствомъ; но въ нихъ каждое слово есть слово правительства и за каждое слово отвѣчаетъ цѣлая Россія. Во всякомъ правительственномъ документѣ, клонящемся къ разъясненію принятыхъ или принимаемыхъ мѣръ, все должно быть строго взвѣшено, и за каждое слово должно отвѣчать правительственное лицо, а не какой-либо анонимный писатель. Только въ такомъ случаѣ разъясненія выходящія отъ правительства могутъ достигать своей цѣли, а при смѣшеніи офиціальнаго съ неофиціальнымъ, правительственнаго съ неправительственнымъ, они въ большей части случаевъ будутъ гораздо болѣе вредны чѣмъ полезны.

Вопросъ, что̀ лучше для подобныхъ правительственныхъ сообщеній, одинъ ли центральный органъ или нѣсколько спеціальныхъ органовъ, насъ не касается. Что̀ удобнѣе, что̀ дешевле для казны, что̀ доступнѣе для публики, то вѣроятно и лучше. Центральный ли органъ, спеціальные ли органы, они должны быть органами чисто офиціальными, а отнюдь не полуофиціальными, то-есть не содержать въ себѣ ничего неофиціальнаго, никакихъ передовыхъ статей, никакихъ фельетоновъ, никакой метафизики и никакихъ пророчествъ. Весь вопросъ заключается только въ этомъ.

Русскій Инвалидъ говоритъ что почти всѣ наши политическія изданія суть изданія казенныя. Казенныя ли, частныя ли, надобно только чтобъ они не представляли фальшивой и опасной смѣси казеннаго съ частнымъ. Нашъ собесѣдникъ упоминаетъ намъ, что и мы—казенное изданіе, и что ратуя противъ казенныхъ изданій, мы ратуемъ противъ принципа собственнаго существованія. Тѣмъ лучше! Зачѣмъ же намъ

выгораживать себя? Однако *Русскій Инвалидъ* изъявилъ желаніе вести съ нами бесѣду съ цѣлію добросовѣстнаго разъясненія вопроса: зачѣмъ же пытается онъ затемнить и запутать его? *Московскія Вѣдомости*, какъ рента, принадлежитъ университету; въ этомъ смыслѣ *Московскія Вѣдомости*—изданіе казенное. Но онѣ поступили въ безконтрольное и полное владѣніе своихъ нынѣшнихъ издателей, и теперь въ ихъ изданіи нѣтъ ничего казеннаго. Нашъ собесѣдникъ говоритъ о *Московскихъ Вѣдомостяхъ* прежняго времени и о *Московскихъ Вѣдомостяхъ* нынѣшнихъ какъ объ одномъ и томъ же изданіи. Но основательно ли это? Ему не можетъ не быть извѣстно что между нынѣшними *Московскими Вѣдомостями* и прежними нѣтъ ни малѣйшей солидарности. Но, лукаво замѣчаетъ нашъ собесѣдникъ, нынѣшніе издатели *Московскихъ Вѣдомостей* пользуются привилегіей, принадлежащею этому изданію: эта привилегія—казенныя объявленія, которыя сами по себѣ даютъ болѣе или менѣе значительный доходъ и сверхъ того могутъ привлекать подписчиковъ. Но собесѣдникъ нашъ очень хорошо знаетъ что *Московскія Вѣдомости* поступили въ руки нынѣшнихъ владѣльцевъ не даромъ: редакція *Русскаго Инвалида* могла бы легко справиться объ обстоятельствахъ этой передачи. Чтó *Московскія Вѣдомости* дали университету, то за ними и осталось; но этого мало: университетъ получаетъ теперь почти вдвое противъ прежняго. Нынѣшнее изданіе *Московскихъ Вѣдомостей* не только не пользуется сборомъ съ казенныхъ объявленій, но не пользуется сборомъ и съ той массы подписчиковъ которые въ прошломъ году поддерживали это изданіе. Дѣло для *Русскаго Инвалида* можетъ-быть станетъ яснѣе, если мы скажемъ ему, что изданіе нашей газеты было бы совершенно невозможно, еслибъ оно осталось при томъ числѣ подписчиковъ какое было въ прошломъ году. Въ прошломъ году газета имѣла около 7.500 годовыхъ подписчиковъ, а для того чтобы уплачивать университету гарантированную сумму и вести изданіе, необходимо по крайней мѣрѣ девять тысячъ подписчиковъ. Это можетъ засвидѣтельствовать нашему собесѣднику всякій свѣдущій въ дѣлѣ человѣкъ. *Московскія Вѣдомости* были

пріобрѣтены нынѣшними владѣльцами съ публичныхъ торговъ, и еслибы можно было безъ крайняго риска предложить за нихъ болѣе, то конкурренты, которыхъ явилось не мало, не упустили бы это сдѣлать.

Если *Московскія Вѣдомости* могутъ продолжать свое существованіе, и если онѣ имѣютъ успѣхъ, то этимъ онѣ не обязаны ничему казенному, никакой привилегіи. Намъ очень пріятно что редакція *Русскаго Инвалида* такъ интересуется нашими дѣлами и нашими успѣхами. Но если этотъ вопросъ такъ интересуетъ ее, то она легко могла бы справиться объ обстоятельствахъ нашего изданія повѣрнѣе. Люди близко знакомые съ этими обстоятельствами объяснили бы ей, чѣмъ и какою цѣной покупается замѣчаемый *Русскимъ Инвалидомъ* успѣхъ нашей газеты.

Точно также неосновательно мнѣніе, будто въ Москвѣ, при *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, не могло бы существовать другое политическое изданіе. *Русскій Инвалидъ* ссылается на опытъ, а опытъ показываетъ противное. При *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, въ Москвѣ, существовалъ *Русскій Вѣстникъ* съ *Современною Лѣтописью*, изданіе частное и имѣвшее полный успѣхъ. *Современная Лѣтопись* была газетой еженедѣльною, но нѣтъ никакого сомнѣнія что еслибъ она превратилась въ ежедневную газету, то ея успѣхъ не могъ бы отъ того уменьшиться.

XIII.

ПЕРЕДОВАЯ СТАТЬЯ ВЪ № 281 „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“ (25 ДЕКАБРЯ).

Вотъ что̀ значитъ петербургская атмосфера! Мы сейчасъ прочли въ газетѣ *Times* послѣднее изъ двухъ писемъ ея корреспондента о польскомъ возстаніи посланныхъ изъ Петербурга. Этотъ корреспондентъ, по всѣмъ признакамъ, есть тотъ же самый которыя уже писалъ въ эту газету изъ разныхъ мѣстъ о томъ же предметѣ, изъ Кракова, изъ Познани, изъ Львова, изъ Варшавы. Онъ писалъ съ театра событій, съ польскихъ мѣстъ, и часто прямо подъ диктовку Поляковъ. Письма его, конечно, не отличались доброжелательствомъ къ

Россіи; но въ нихъ было замѣтно желаніе сохранить нѣкоторое безпристрастіе въ оцѣнкѣ фактовъ. Да и какого особеннаго доброжелательства къ Россіи можно ожидать отъ чужаго человѣка, особенно въ то время, когда Россія, по общему мнѣнію, находилась въ крайнемъ уничиженіи и готова была развалиться не только отъ крѣпкаго толчка, но и отъ громкаго крика? Корреспондентъ англійской газеты былъ часто и несправедливъ и рѣзокъ въ своихъ отзывахъ о Русскихъ, и очень часто радовался случаю сказать доброе слово о польскихъ мятежникахъ. Но вообще въ этихъ письмахъ не чувствовалось особенно дурнаго духа. Это были сужденія человѣка чужаго, посторонняго, холодно разбиравшаго дѣло, представлявшаго его иногда въ смыслѣ благопріятномъ для нашихъ противниковъ. Вообще же его очерки, дѣланные на мѣстахъ, обрисовали въ главныхъ чертахъ польское возстаніе какъ дѣло безнадежное и напрасное. Всѣ характеристическія черты польскаго дѣла, отражавшіяся въ письмахъ корреспондента, свидѣтельствовали съ особенною силою, даже противъ его воли, о невозможности политическаго существованія для польской народности и о тщетѣ гальваническихъ возбужденій которымъ она подвергается. Но вотъ тотъ же человѣкъ прибылъ въ Петербургъ и пишетъ изъ русской столицы, гдѣ, казалось бы, должны быть сосредоточены всѣ живые интересы и чувствованія Русскаго народа. Среда непремѣнно оказываетъ вліяніе на наблюдателя; волею или неволею онъ находится подъ ея впечатлѣніемъ и подчиняется господствующему въ ней духу. Иностранный наблюдатель, о которомъ мы говоримъ, смотрѣлъ на польское возстаніе изъ разныхъ мѣстъ и стало-быть съ разныхъ точекъ зрѣнія,—и что̀ же? ни одна изъ этихъ точекъ зрѣнія не представила ему такой неблагопріятной въ русскомъ смыслѣ перспективы, какъ петербугская точка зрѣнія. Ничего нельзя представить себѣ хуже того духа который сказывается въ письмахъ англійскаго корреспондента о польскомъ возстаніи съ береговъ Невы. Все это ничтожество, все это растлѣніе, весь этотъ безсмысленный и презрѣнный лжелиберализмъ особаго рода, состоящій въ

измѣнѣ своему народу, въ пренебреженіи къ его живымъ интересамъ и требованіямъ, и въ рабскомъ трепетѣ предъ чужимъ мнѣніемъ, все это такъ и повѣяло на насъ изъ двухъ прочтенныхъ нами въ газетѣ *Times* петербургскихъ корреспонденцій о польскомъ возстаніи. Для того чтобъ уязвить русское народное чувство, для того чтобъ оскорбить, взволновать и болѣзненно раздражить его, не нужно осыпать Россію и Русскихъ укоризнами и бранью; нужно только зачерпнуть изъ петербургской среды разныхъ сужденій и передать ихъ въ надлежащей обстановкѣ. Это всего дѣйствительнѣе. Духъ тлѣнія, который дышетъ въ этомъ петербургскомъ такъ-называемомъ либерализмѣ, и котораго пагубныя дѣйствія становятся все ощутительнѣе внутри Россіи, — вотъ намъ укоръ, вотъ наше зло. Что̀ бы кто ни говорилъ въ этомъ духѣ, въ чемъ бы ни оказывался этотъ духъ, все болѣзненно сожметъ самый источникъ жизни въ нашемъ обществѣ, все почувствуется какъ самая горькая обида. Что̀ значатъ для здороваго, свѣжаго и сильнаго народа чьи бы то ни было отзывы? Что̀ значатъ для умныхъ и дѣльныхъ людей, способныхъ чувствовать собственное достоинство, сплетни и пересуды окружающей среды? Но когда въ зеркалѣ, которое намъ подставятъ, отразится нашъ собственный позоръ, тогда всякій, кто бы какой ни былъ комплексіи, почувствуетъ и боль и уничтоженіе, и невольно возненавидитъ ни въ чемъ неповинное зеркало.

Въ петербургскихъ письмахъ англійскаго корреспондента явственно чувствуются два элемента, которые очень часто совсѣмъ между собою не вяжутся и остаются въ безсмысленномъ сопоставленіи: остатокъ его собственнаго здраваго смысла и духъ окружающей среды. Гдѣ онъ говоритъ подъ вліяніемъ собственнаго смысла и своихъ прежнихъ наблюденій, тамъ хоть сколько-нибудь проглядываютъ истинные очерки дѣла; но они мгновенно исчезаютъ въ туманѣ и безсмыслицѣ петербургскихъ воззрѣній, въ презрѣнныхъ сплетняхъ и лжетолкованіяхъ. Надъ всѣмъ владычествуетъ грубѣйшее чувство озлобленія къ одному изъ нынѣшнихъ государственныхъ

дѣятелей нашихъ, который виноватъ только въ томъ что честно исполнилъ свой долгъ, и сталъ за это предметомъ ожесточенной брани со стороны враговъ Россіи и предметомъ уваженія своихъ согражданъ, которые спѣшили поддержать его своими заявленіями. О чемъ бы корреспондентъ ни заговорилъ, онъ непремѣнно собьется на какую-нибудь ругательную выходку противъ генерала Муравьева. Во всемъ такъ и слышится духъ петербургскаго фальшиваго либерализма. Политическіе интересы и общественные вопросы въ этой средѣ мельчаютъ и теряются въ сплетняхъ и интригахъ, и корреспондентъ невольно поддается имъ, и пишетъ подъ ихъ диктовку вещи уже хорошо намъ знакомыя. Онъ наивно думаетъ, что имѣетъ дѣло съ настоящими русскими людьми, и притомъ истинно либеральными и просвѣщенными, не подозрѣвая того что этихъ людей, жертвъ собственной глупости или чужаго обмана, онъ не могъ бы не презирать, еслибъ они представились ему на собственной его почвѣ, въ знакомой ему обстановкѣ, гдѣ онъ могъ бы увидѣть и испробовать на дѣлѣ смыслъ и силу ихъ фразъ. Мы такъ и видимъ какъ разные кружки, состоящіе изъ людей подобныхъ тому русскому либералу который недавно подавалъ жалобу одному французскому сенатору на свое отечество,—мы такъ и видимъ какъ эти кружки овладѣваютъ пишущимъ пришельцемъ, и дѣлаютъ его своимъ адвокатомъ и органомъ. Они подбираютъ ему анекдотцы, они сообщаютъ ему матеріалъ для острословія, они искажаютъ факты, они крадутъ для него изъ правительственныхъ архивовъ бумаги и выписываютъ изъ нихъ что̀ окажется пригоднымъ для приправы ихъ сообщеній. Даже нашъ университетскій обѣдъ, въ честь выборнаго ректора, послужилъ пригоднымъ матеріаломъ: этотъ обѣдъ представленъ корреспонденту какъ политическая демонстрація для изъявленія сочувствія генералу Муравьеву и графу Бергу,— и что̀ всего забавнѣе, пятеро или шестеро профессоровъ, не принимавшихъ участія въ этомъ обѣдѣ случайно или по причинамъ не имѣющимъ ничего общаго съ тостами въ честь обоихъ государственныхъ дѣятелей,—тостами вовсе не нахо-

дившимися въ программѣ праздника и провозглашенными экспромптомъ, — выставлены какъ люди противоположныхъ въ этомъ отношеніи политическихъ взглядовъ и протестовавшіе противъ демонстраціи. Корреспондентъ, исчисляя этихъ протестантовъ, находитъ не лишнимъ замѣтить даже, что они представляютъ собою *Русскій Вѣстникъ* и *Московскія Вѣдомости*, при чемъ онъ съ сожалѣніемъ замѣчаетъ что *Московскія Вѣдомости* тѣмъ не менѣе принадлежатъ съ нѣкоторыхъ поръ къ самымъ горячимъ поклонникамъ «литовскаго архангела». Это милое bon mot, которое очень понравилось его неразборчивому остроумію и которымъ онъ такъ и сыплетъ въ своихъ письмахъ, сообщено ему его петербургскими друзьями, разказавшими ему что генералъ Муравьевъ отъ нѣкоторыхъ грубыхъ поклонниковъ своихъ, которые водятся и въ Петербургѣ, получилъ образъ Архангела Михаила. Корреспондентъ понялъ это такъ, что поклонники генерала Муравьева этимъ дѣйствіемъ хотѣли поставить его наряду съ Архангеломъ Михаиломъ, а петербургскіе друзья утвердили его въ этой мысли, и онъ наивно разказываетъ объ этой апоѳеозѣ, угощая свою публику нелѣпостію, за которую она конечно не поблагодарила бы его, еслибъ узнала въ чемъ дѣло. Нѣкоторые петербургскіе кружки успѣли посвятить его во всѣ свои дрязги, которыя онъ пренаивно разказываетъ. Онъ даже разказываетъ исторію одного стихотворенія и съ ироніей отзывается объ его авторѣ какъ о русскомъ Ювеналѣ. Печальное возмездіе! Стихотвореніе, которое доведено до свѣдѣнія новоприбывшаго великаго судьи русскихъ національныхъ интересовъ, присланнаго иностранною газетой, уже давно облетѣло Россію и съ сочувствіемъ прочтено всѣми. Болтовня журнальнаго корреспондента не поправитъ дѣла и не изгладитъ этого стихотворенія изъ памяти русскихъ людей.

Иногда, какъ мы уже замѣтили, посреди этихъ сплетень и дрязгъ, природный здравый смыслъ пробуждается въ Англичанинѣ, и онъ, спрашивая себя о причинѣ непонятныхъ ему явленій, подходитъ довольно близко къ истинѣ. Ему приходитъ на мысль чувство гордой, исполненной достоинства

націи, раздраженной наглымъ иностраннымъ вмѣшательствомъ въ ея дѣла и грубыми угрозами, которыми надѣялись запугать ее. Этимъ чувствомъ корреспондентъ можетъ, безъ сомнѣнія, объяснить многое въ нашихъ общественныхъ явленіяхъ; но ему слѣдуетъ прежде всего взвѣсить истинную силу этого чувства и понять что оно спасло Россію отъ того тлетворнаго лжелиберализма, который такъ плѣнилъ его на невскихъ берегахъ, и въ которомъ онъ видитъ что́-то хорошее, тогда какъ въ немъ-то и есть нашъ позоръ. Россіи страшны не внѣшніе враги и не иностранные корреспонденты съ ихъ сужденіями и отзывами: ей ненавистна и опасна эта внутренняя язва, противъ которой остается одно средство—могущественное заявленіе народнаго духа.

Недавно, когда Россія находилась въ незаслуженномъ уничиженіи, когда въ ея предѣлахъ пожаромъ разлился мятежъ, изумивъ все русское общество, ничего не подозрѣвавшее въ своемъ затишьѣ и полуснѣ, когда посреди Русскаго народа вдругъ невѣдомо откуда взялась какая-то безсмысленная ре-революціонная организація, когда наконецъ вся Европа ополчилась на насъ, и враги Россіи ждали съ часу на часъ, вотъ-вотъ она рушится сама собою,—что̀ спасло Россію отъ этого кошмара, что̀ оживило, что̀ подняло ее, что̀ заставило ее крѣпко почувствовать свои государственныя границы, что̀ снова пріобрѣло ей, не фальшивое, а истинное уваженіе Европы, что̀ заставило Россію почувствовать въ себѣ источникъ новыхъ силъ, начатки новой жизни и великаго плодотворнаго развитія? — этотъ ли лжелиберализмъ, который былъ готовъ великодушно жертвовать единствомъ и цѣлостію своего отечества; который готовъ былъ преклоняться предъ всякимъ безуміемъ и всякою глупостью, лишь бы только они заявляли себя достаточною наглостію и нахальствомъ; который губилъ бѣдную молодежь, кокетничая съ нею и привѣтствуя гимназистовъ въ качествѣ передовыхъ мудрецовъ и преобразователей; который отзывъ иностранца ставитъ выше народнаго чувства своей страны? Нѣтъ, теперь нельзя ошибаться; теперь и слѣпой видитъ въ чемъ дѣло. Съ фальшивымъ либе-

рализмомъ мы покончили. На эту удочку насъ теперь не поймаютъ. Безвозвратно прошли тѣ времена, когда можно было дурачить цѣлое общество студентскими демонстраціями на улицахъ. Назадъ тому года два съ небольшимъ, также корреспондентъ газеты *Times* изъ Петербурга разказывалъ эпонею этихъ демонстрацій, безсознательно служа орудіемъ интриги противъ одного изъ правительственныхъ лицъ, котораго осыпали всевозможными ругательствами и клеветами. Чтȏ было возможно тогда, того теперь не повторится. Твердая, ничѣмъ несовратимая, національная политика внутри и внѣ,— вотъ наше спасеніе. Только на наши народныя силы можемъ мы благонадежно опереться и въ нашемъ консерватизмѣ, и въ нашемъ либерализмѣ.

Намъ было пріятно прочесть въ письмѣ петербургскаго корреспондента англійской газеты непохвальный отзывъ объ одной запискѣ нашего Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Людямъ понимающимъ дѣло вообще не можетъ не быть пріятно, что тѣ петербургскіе круги, съ точки зрѣнія которыхъ корреспондентъ смотритъ на наши дѣла, повидимому, недовольны нѣкоторыми воззрѣніями нашихъ правительственныхъ лицъ. Это добрый признакъ. Жаль только что корреспондентъ иногда безобразно группируетъ самыя разнородныя имена...

XIV.

ПЕРЕДОВАЯ СТАТЬЯ ВЪ № 283 „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ" (30-ГО ДЕКАБРЯ).

Стȏитъ обратить вниманіе на тактику къ которой прибѣгаютъ вольные и невольные, сознательные и безсознательные враги Россіи, стараясь смутить и сбить съ пути политику нашего правительства. Сначала надѣялись запугать насъ; теперь хотятъ застыдить насъ. Прежде предполагалось въ насъ чувство крайняго безсилія; теперь въ основаніе разчета берется увѣренность въ нашемъ несмысліи. До сихъ поръ интрига хлопотала о томъ чтобы изолировать наше правительство и возмутить противъ него общество, теперь,

наоборотъ, та же интрига хлопочетъ о томъ чтобы внушить правительству презрѣніе къ общественному мнѣнію своей страны и оторвать его отъ національныхъ основъ, на которыхъ только оно и можетъ быть сильно.

Возвращаемся на два слова къ петербургскому корреспонденту газеты *Times*. Корреспондентъ старается представить въ смѣшномъ видѣ мнѣнія и предположенія которыя будто бы ходятъ въ русской публикѣ. Еслибъ этотъ корреспондентъ въ своихъ упрекахъ и наставленіяхъ намъ ссылался на авторитетъ Поляковъ и говорилъ отъ ихъ имени или вообще отъ имени враговъ Россіи, то мы не имѣли бы причины сѣтовать на него. Онъ вовсе не обязанъ говорить въ интересѣ Россіи и ничто не препятствуетъ ему осыпать насъ всевозможными упреками и стараться сбить насъ съ толку. Нѣтъ сомнѣнія что у Россіи есть враги, и всякій кому это угодно можетъ принимать ихъ сторону. Но корреспондентъ ссылался на людей которыхъ онъ имѣетъ наивность называть истинными русскими патріотами. По мнѣнію этихъ-то, будто бы истинныхъ патріотовъ, Русское правительство компрометтируетъ себя заботами о подавленіи мятежа клонящагося къ раздробленію государства, а тѣ русскіе люди которые поддерживаютъ правительство въ его заботахъ о сохраненіи единства и цѣлости государства суть, за ничтожнымъ исключеніемъ, все русское общество весь Русскій народъ. Русскому народу нечего хлопотать о томъ чтобы не уронить себя въ чьемъ-либо мнѣніи: ему надобно заботиться только о томъ чтобы не уронить себя въ своемъ собственномъ мнѣніи. Лишь бы между имъ и его правительствомъ было полное единство и согласіе въ интересахъ и видахъ,—до мнѣнія остальнаго міра онъ не имѣетъ ни малѣйшей надобности. Остальному міру предоставляется согласить свои взгляды на русскія дѣла со взглядомъ на нихъ самого Русскаго народа. Если остальной міръ этого не хочетъ, тѣмъ хуже для него: онъ останется при взглядахъ неправильныхъ и ошибочныхъ.

Но русскіе люди, выдающіе себя за патріотовъ и ищущіе себѣ опоры не во мнѣніи самой Россіи, а во мнѣніи

иностранцевъ, или даже прямо отъявленныхъ враговъ Россіи,— самые худшіе изъ враговъ. Это внутренніе враги наши или ихъ орудія. Въ этихъ-то людяхъ наше истинное безславіе, мы можемъ утѣшать себя только тѣмъ что число такихъ людей ничтожно въ общей массѣ Русскаго народа.

Съ точки зрѣнія этихъ господъ, неожиданно возведенныхъ въ званіе русскихъ патріотовъ, слѣдуетъ или вовсе не подавлять мятежа, имѣющаго своею заявленною цѣлію раздробленіе Россіи, или принимать противъ него такія мѣры которыя не подавляли бы его, а напротивъ давали бы ему только большее развитіе и обезпечивали бы его конечный успѣхъ. Всякая мѣра принимаемая не для вида только, но для дѣйствительнаго подавленія мятежа, провозглашается ими варварствомъ и свирѣпствомъ, компрометтирующими Россію. Пусть льется кровь, лишь бы только мятежъ не прекращался. Пусть сотнями и тысячами бьютъ бѣдныхъ, силою собранныхъ по лѣсамъ повстанцевъ, лишь бы только жандармы-вѣшатели могли съ полною безопасностію и удобствомъ вербовать ихъ по городамъ и селамъ съ помощію плетей, петли и ножа. Пусть, пожалуй, ловятъ мелкихъ агентовъ революціонной организаціи, лишь бы только не разстраивать этой организаціи, не налагать руки на главныхъ виновниковъ мятежа и не перехватывать у нихъ средствъ, потому что все это оказывается варварствомъ и свирѣпствомъ.

Насъ упрекаютъ въ варварствѣ. Пусть такъ. Но почему же мы непремѣнно обязаны поступать лучше чѣмъ поступала Англія въ Ирландіи и Индіи, чѣмъ поступала Франція для подавленія своихъ внутреннихъ волненій, чѣмъ поступала Австрія въ Италіи, Венгріи и наконецъ въ Галиціи? Мы далеко не поступаемъ такъ безпощадно, какъ нерѣдко поступали въ подобныхъ обстоятельствахъ эти государства; ничего похожаго на галицкую рѣзню у насъ, слава Богу, не было. Мы очевидно менѣе варвары, чѣмъ цивилизованныя націи, если должно назвать варварствомъ подавленіе мятежа, который грозитъ опасностію государству и поддерживается происками другихъ державъ. Вездѣ въ подобныхъ бѣдственныхъ обстоятельствахъ лилась кровь; вездѣ

принимались мѣры къ тому чтобъ обезсилить революціонную организацію, подорвать ее въ основаніи, разстроить ее, освободить и обезпечить отъ ея терроризаціи мирныя народонаселенія. Никакое правительство, имѣющее сколько-нибудь силы и не потерявшее смысла, не останется сложа руки предъ развитіемъ зла, которое угрожаетъ опасностію государству; всякое правительство обязано принимать всевозможныя мѣры для исполненія этой первѣйшей обязанности своей. Не грубая ли насмѣшка—говорить намъ въ глаза что польское движеніе не можетъ быть удовлетворено никакими сдѣлками, что оно подожжено съ тою цѣлію чтобы раздробить Россію, что всякая уступка не успокоитъ и не умиротворитъ, а только еще болѣе обнадежитъ и усилитъ его,—и въ то же время убѣждать насъ не принимать энергическихъ мѣръ къ его пресѣченію, и осыпать укоризнами народъ за то что онъ не хочетъ терпѣть въ своихъ нѣдрахъ зло, отравляющее его организмъ и служащее опорой для враждебныхъ противъ него замысловъ?

Но допустимъ что другіе народы, болѣе насъ цивилизованные, умѣли бы подавить то же самое зло другими лучшими средствами; въ такомъ случаѣ намъ остается только пожалѣть что мы менѣе другихъ цивилизованы, а между тѣмъ, за неимѣніемъ лучшихъ средствъ, употреблять покуда тѣ какія есть у насъ подъ руками. Русская полиція дѣйствуетъ дурно, русскіе суды дѣйствуютъ дурно, русскія власти дѣйствуютъ дурно... Положимъ такъ; положимъ что все это дурно: но что̀ жь дѣлать? кто же въ этомъ виноватъ? Развѣ есть возможность создать *ad hoc*, именно для потушенія мятежа, и лучшую полицію, и лучшее устройство судовъ, и лучшую организацію властей, и лучшую систему правительственныхъ мѣръ? Положимъ что во всѣхъ этихъ улучшеніяхъ мы нуждаемся. Но что̀ же изъ этого слѣдуетъ?

Мы конечно нуждаемся въ существенныхъ улучшеніяхъ. Но какое же право имѣемъ мы возлагать отвѣтственность за несовершенство нашихъ порядковъ на мѣстныя власти, поставленныя для подавленія мятежа? Чѣмъ же виноваты онѣ что,

призванныя дѣйствовать, онѣ употребляютъ въ дѣло тѣ средства какія имъ даны? Зависитъ ли отъ нихъ улучшеніе общегосударственной системы? Мѣстныя власти могутъ дѣйствовать съ большею или меньшею вѣрностію своему долгу; но онѣ могутъ дѣйствовать только въ предѣлахъ общегосударственной системы, и только тѣми средствами которыя она даетъ имъ.

Спросите у этихъ лжелибераловъ, — у этихъ «русскихъ патріотовъ», по мнѣнію корреспондента, — спросите у нихъ: какую посовѣтовали бы они принять органическую мѣру для того чтобы справиться съ мятежомъ? Они посовѣтуютъ сдѣлать ему уступки, они посовѣтуютъ войти въ сдѣлку съ революціей, они готовы будутъ согласиться на оттѣсненіе Россіи, пожалуй, до самаго Урала. Они посовѣтуютъ все, но они никогда не подумаютъ о томъ чтò могло бы соединить внутреннею связью всѣ части Русскаго государства. Они будутъ ругать правительство (и какъ часто эти ругатели принадлежатъ сами къ правительственной организаціи!), они будутъ составлять конституціи для мальчишекъ въ школѣ, они будутъ кокетничать со всевозможнымъ сумасбродствомъ, они готовы будутъ поощрять всякія попытки къ разрушенію государственныхъ, общественныхъ и народныхъ основъ; но именно потому-то они и далеки отъ того чтобъ уважать законныя права и интересы, чтобы почтить общественныя силы и признать за ними надлежащее значеніе и вліяніе. Они готовы будутъ эманципировать всякую глупость, всякую нечистоту; но имъ и въ голову не придетъ мысль объ эманципаціи общества въ его органическихъ силахъ. Они охотно дадутъ права ребенку предъ отцомъ, ученику предъ учителемъ, преступнику предъ честнымъ человѣкомъ, но они не поймутъ, какія права или какую свободу можетъ напримѣръ церковь въ своей общественной дѣятельности,—и они скажутъ, что церковь надобно держать въ ежевыхъ рукавицахъ, а если можно, то и совсѣмъ кассировать этотъ ненужный институтъ;—они не поймутъ, какимъ образомъ русскій землевладѣлецъ можетъ имѣть какія-либо права, соотвѣтственныя

его общественному положенію;—они не поймутъ, какимъ образомъ наша промышленность и торговля могутъ нуждаться въ твердомъ кредитѣ, а каждая честная дѣятельность въ законномъ обезпеченіи. Эти люди присоединятъ свой голосъ къ врагамъ Россіи въ порицаніи всѣхъ тѣхъ мѣръ которыя клонятся къ нѣкоторому обезпеченію крестьянина на польской землѣ,—и за это въ польскомъ помѣщикѣ, который вмѣстѣ съ тѣмъ есть и мятежникъ, злоумышляющій противъ Россіи, они готовы видѣть несчастную жертву варварскаго правительства, дѣйствующаго революціонными средствами. Но русскаго помѣщика, который былъ главнымъ орудіемъ государственной жизни Россіи, они были бы готовы затравить всѣми собаками; съ русскимъ помѣщикомъ эти люди считаютъ своимъ долгомъ какъ можно менѣе церемониться. Обязательный выкупъ допущенъ правительствомъ въ тѣхъ губерніяхъ гдѣ землевладѣльческій классъ состоитъ изъ Поляковъ. Наши лжелибералы негодуютъ на мѣстныя власти, которыя приводятъ эту мѣру въ исполненіе, и корреспондентъ пишущій подъ ихъ диктовку называетъ это соціальною революціей; но тѣ же лжелибералы были бы готовы рукоплескать этой мѣрѣ, еслибъ она примѣнялась къ русскому помѣщику, и не замедлили бы привести ее въ исполненіе, еслибъ это отъ нихъ зависѣло. На польской почвѣ они партизаны всѣхъ дворянскихъ привилегій, они горячіе защитники принципа собственности; но на русской почвѣ они отъявленные демократы, и готовы видѣть въ соціализмѣ и коммунизмѣ высшую мудрость и высшую форму человѣческихъ общест въ Отчего это? Отъ того что нашъ лжелиберализмъ, который такъ плѣнилъ петербургскаго корреспондента лондонской газеты, есть сознательный или безсознательный, но во всякомъ случаѣ злѣйшій врагъ Русскаго народа и Русскаго государства. И на русской, и на польской почвѣ онъ хватается именно за то, что̀ всего дѣйствительнѣе можетъ вредить Россіи.

Тѣ общія мѣры которыя принимаются въ провинціяхъ охваченныхъ польскимъ мятежомъ безо всякаго сомнѣнія не могутъ назваться нормальными. Контрибуція падающая на правыхъ и виноватыхъ, на мятежниковъ и немятежниковъ, на Поляковъ

и Русскихъ, не есть конечно нормальная мѣра; при другихъ условіяхъ, по всему вѣроятію, можно было бы избѣжать ея. Мы позволяли себѣ не разъ высказывать мнѣніе что обязательный выкупъ не есть такая мѣра безъ которой нельзя было бы обойтись при другихъ обстоятельствахъ. Но можно ли осуждать наше правительство за принятіе этой мѣры среди тѣхъ обстоятельствъ которыя ее вынудили? Петербургскій корреспондентъ газеты *Times* пишетъ, что для противодѣйствія революціи, какъ онъ выражается, національной и политической, Русское правительство прибѣгло къ революціи соціальной. Точь въ точь то же самое писали намъ нѣкоторые польскіе господа, о чемъ въ свое время и заявляли мы въ нашей газетѣ! Но не польскій ли революціонный *жондъ* съ самаго начала поспѣшилъ объявить что помѣщичьи земли находящіяся въ пользованіи крестьянъ должны поступить имъ въ собственность, и не только въ силу выкупа, но все даромъ? Лянгевичъ, провозглашенный диктаторомъ, торжественно подтвердилъ это распоряженіе, и его манифестъ извѣстенъ европейской публикѣ. ,Мы очень хорошо знаемъ что все это было не болѣе какъ обманъ для уловленія польскихъ крестьянъ. Но тѣмъ хуже если это обманъ: польскіе помѣщики, которые повиновались «жонду народовому» и были главными двигателями возстанія, должны по всей справедливости понести всю тяжесть этого обѣщанія, которымъ они хотѣли обмануть народъ. Извѣстно также что польскіе революціонные агенты замышляли пустить въ ходъ тотъ же обманъ на всемъ пространствѣ Россійской Имперіи и фальшивыми грамотами поджечь повсюду сельскій людъ къ соціальному возстанію. И эту-то безсовѣстную интригу, которая не отступала ни предъ какими средствами, хотятъ представить какъ чисто-національное движеніе!

Но во всякомъ случаѣ отвѣтственность за общія мѣры не можетъ падать на мѣстныя власти, которыя приводятъ ихъ въ исполненіе. Контрибуція и обязательный выкупъ—мѣры центральнаго правительства, и онѣ приняты не въ одномъ сѣверо-западномъ краѣ, но точно также и въ юго-западномъ.

Намъ всегда казалось, что главною заботой въ западномъ краѣ должно быть измѣненіе состава землевладѣльческихъ классовъ, и что наиболѣе вѣрнымъ средствомъ для этой цѣли могутъ послужить не столько какія-либо общія мѣры, сколько принудительная продажа имѣній принадлежащихъ наиболѣе компрометтированнымъ лицамъ. Такая мѣра падала бы преимущественно на голову виновныхъ; но она и самихъ виновныхъ не разоряла бы въ конецъ. Она возвращала бы имъ цѣнность ихъ имѣній, хотя бы и съ ущербомъ, на который они не имѣютъ ни малѣйшаго права сѣтовать; и въ то же время она освободила бы край отъ преобладанія враждебнаго Россіи элемента и избавила бы его отъ печальнаго антагонизма между высшими и низшими классами, между дворянами-землевладѣльцами и крестьянствомъ. Пока землевладѣльческіе классы въ западномъ краѣ будутъ преимущественно состоять изъ Поляковъ, правительство по необходимости должно будетъ поддерживать антагонизмъ между ними и крестьянствомъ. Можетъ ли оно не желать чтобъ интересы крестьянъ, православныхъ и русскихъ, не были въ антагонизмѣ съ интересами польскихъ пановъ, враждебно расположенныхъ къ Россіи?

Самая радикальная мѣра противъ всякихъ покушеній на единство и цѣлость государства есть, конечно, возвышеніе національности которая создала его и которою оно держится. Какія бы энергическія мѣры ни принимались противъ зла, онѣ могутъ только временно пресѣкать его развитіе, но не искоренятъ его, если всѣ наши заботы не будутъ направлены на то, чтобъ оживить и возвысить общественныя силы нашего народа. Только при этомъ условіи могутъ окончательно прекратиться попытки сепаратизма, — только при этомъ условіи между всѣми частями государства возникнетъ неразрывная связь,—только при этомъ условіи, предупреждающемъ зло, мы будемъ избавлены отъ грустной необходимости пресѣкать его развитіе энергическими мѣрами.

Въ заключеніе мы не можемъ не обратить вниманіе читателей на важное замѣчаніе, появившееся въ *Journal*

de S.-Pétersbourg по поводу сепаратистическихъ стремленій, которыя не замедлили оказаться въ Финляндіи. Мы не можемъ не порадоваться этому рѣшительному голосу противъ увлеченій, не обѣщающихъ ничего хорошаго въ будущемъ. Эта замѣтка въ *Journal de S.-Pétersbourg* совершенно подтверждаетъ все что́ такъ часто высказывалось нами по этому предмету.

Мы заключаемъ истекающій годъ изъявленіемъ благодарности нашимъ читателямъ, которые выраженіемъ своего сочувствія подкрѣпляли насъ въ нашей дѣятельности и теперь напутствуютъ насъ на дальнѣйшій трудъ. Эти сотни писемъ, которыя приходятъ къ намъ со всѣхъ концовъ Россіи отъ людей всѣхъ классовъ и званій, мы сохранимъ какъ дорогое свидѣтельство что дѣятельность наша была не безплодна, и что она дѣйствительно была органомъ русскаго общественнаго мнѣнія. Никогда еще, сколько мы знаемъ, между газетой и обществомъ не устанавливалась такая несомнѣнная связь, какая въ настоящемъ году соединяла *Московскія Вѣдомости* съ ихъ читателями.

Мы были бы не въ состояніи отвѣчать на каждое изъ этихъ заявленій; но мы не можемъ не упомянуть о нѣкоторыхъ полученныхъ нами коллективныхъ письмахъ. Мы благодаримъ дворянъ Пензенскаго уѣзда, и чувствуемъ всю силу нравственнаго обязательства, которое возлагаютъ на насъ ихъ добрыя пожеланія; мы благодаримъ также дворянъ разныхъ уѣздовъ Рязанской губерніи, которые подписались подъ общимъ заявленіемъ, хотя мы никакъ не считаемъ себя въ правѣ принять и въ сотой долѣ силы тѣ выраженія которыми имъ угодно было почтить насъ. Но мы обязаны привести нѣкоторыя строки изъ письма полученнаго нами отъ жителей Полтавы разныхъ званій и общественныхъ положеній; заявленіе это важно, какъ свидѣтельство о томъ взглядѣ какимъ смотрятъ на затѣи украйнофильства въ самомъ центрѣ нашей благодатной Малороссіи. Выписываемъ слѣдующія строки изъ полтавскаго письма.

«.....Какъ граждане города Полтавы вдвойнѣ благодаримъ васъ за отзывы объ украйнофилахъ, жалкія попытки кото-

рыхъ хотя и не могли имѣть серіозныхъ послѣдствій, тѣмъ не менѣе могли быть орудіемъ вредной интриги и незаслуженнымъ поруганіемъ надъ языкомъ, исторіей и настоящими потребностями Малороссіянъ, этого кроткаго и вѣрнаго народа. Позвольте же присоединить и нашъ слабый голосъ къ могучему голосу всей русской великой семьи, которая въ словѣ вашемъ встрѣчаетъ самое вѣрное выраженіе ея дѣйствительныхъ нуждъ.» (Слѣдуютъ семьдесятъ двѣ подписи.)

ПИСЬМА КОРРЕСПОНДЕНТОВЪ МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ.

I.

ПИСЬМО ВАРШАВСКАГО КОРРЕСПОНДЕНТА ВЪ № 265 „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ".

27-го ноября (9-го декабря).

Вчера, по случаю праздника Непорочнаго Зачатія Пресвятыя Дѣвы въ Варшавскихъ костелахъ начался звонъ, который будетъ продолжаться цѣлую *октаву*, то-есть восемь дней. Вмѣстѣ съ тѣмъ, траурная служба въ костелахъ на это время также отложена. Варшавскій викарный епископъ Павелъ Ржевусскій счелъ долгомъ предупредить правительство о такомъ рѣшеніи капитула, причемъ увѣдомилъ, что на основаніи каноническаго права (они все тычутъ въ глаза своимъ каноническимъ правомъ, какъ будто бы оно какая-то абракадабра) установленный 10-го іюля сего года трауръ не будетъ соблюдаться, и богослуженіе совершится обычнымъ порядкомъ, т.-е. съ колокольнымъ звономъ, пѣніемъ и игрою на органахъ, въ нижеслѣдующіе дни: 1) Непорочнаго Зачатія Пресвятыя Богородицы, 26-го ноября (8-го декабря), начиная съ вечерни наканунѣ этого праздника, въ продолженіе восьми дней; 2) Рождества Христова, въ теченіе двухъ дней, 13-го (25-го) и 14-го (26-го) декабря, съ первою вечерней и архіепископскимъ богослуженіемъ; 3) два дня Пасхи, съ литургіей въ великую субботу и всенощною; 4) Сошествія Св. Духа, два дня; 5) Тѣла Христова, въ теченіе восьми дней; 6) Успенія Пресвятыя Богородицы. Такимъ образомъ капитулъ составилъ себѣ расписаніе на цѣлый годъ, и косвеннымъ образомъ далъ понять что намѣренъ держаться церковнаго траура неопредѣленное время.

Появился новый приказъ начальника города за № 29, вышедшій *только вчера*, слѣдовательно печатается этотъ листокъ въ Варшавѣ. Содержаніе его слѣдующее:

Дневной приказъ начальника города.

„Въ день 21-го ноября претерпѣлъ мученическую смерть на висѣлицѣ Іосифъ Піотровскій, гражданинъ, о которомъ нельзя довольно сожалѣть; велики заслуги его въ трудахъ на избавленіе отечества, которые онъ до самаго конца выполнялъ съ совершеннымъ самоотреченіемъ, съ неограниченною преданностію, любовію и твердостію. Честь его памяти! Спустя шесть дней, во рву цитадели былъ разстрѣлянъ одинъ изъ храбрыхъ защитниковъ отчизны, Евгеній Добровольскій, бывшій начальникъ отдѣла въ Гостынскомъ уѣздѣ; въ провинціи почти ежедневно совершаются приговоры и смертныя казни, такъ какъ безчисленныя вѣшающія слѣдственныя коммиссіи точно исполняютъ полученный ими приказъ: оторвать отъ лона польской родины возможно большее число жертвъ, безъ различія сословія, возраста и вѣроисповѣданія. Край и народное дѣло несутъ такія утраты вслѣдствіе смерти наилучшихъ и избранныхъ гражданъ, вслѣдствіе смерти тѣхъ лицъ которые свою собственную жизнь цѣнили всего менѣе;—но польскія нивы обильны преданностію дѣлу, и на мѣстѣ прежнихъ бойцовъ за святое дѣло оторванныхъ отъ лона становятся немедленно новые. И москва видитъ! что ни висѣлица, ни пуля, ни кнутъ, подъ которые охотно идутъ на смерть даже ея родные сыны, напримѣръ шляхетный Минаевъ, ни рудники, ни арестантскія роты, ссылки и конфискаціи, не склоняютъ на ея сторону побѣды. И вотъ она рѣшается обратиться къ ужасной тактикѣ, тактикѣ, которую только варварство въ состояніи присовѣтовать, а бѣшенство выполнять. Съ одной стороны, она старается обезлюдить край отъ всѣхъ стихій которыя почему-либо могутъ быть заподозрѣны во вліяніи, съ другой, хочетъ привить моральную порчу въ чистыхъ и невинныхъ сердцахъ дѣтей.

„Для достиженія первой изъ вышеупомянутыхъ цѣлей, москва прибѣгла къ повальной ссылкѣ болѣе извѣстныхъ обывателей и обывательницъ, безъ малѣйшаго повода или слѣда, безъ представленія даже комедіи суда или приговора. Нѣсколько дней цѣлые поѣзды съ жертвами этой сатанинской политики отъѣзжаютъ въ глубь московскихъ земель, съ жертвами навербованными изъ среды самыхъ спокойныхъ обывателей, единственною виною которыхъ въ глазахъ москвы представляется то что они Поляки.

„Другая цѣль москвы,—распространеніе въ молодомъ поколѣніи моральной порчи,—слишкомъ нагла для того чтобы могла имѣть какія-либо послѣдствія. Ничего не достигнутъ, кромѣ униженія москвы въ глазахъ свѣта, никакіе комитеты русскихъ дамъ, имѣющіе цѣлію распространеніе народности, языка и вѣроисповѣданія москалей,—комитеты, въ которыхъ подъ предсѣдательствомъ дочери Муравьевыхъ собираются жены тѣхъ которые наводняютъ край нашъ убійствами и пожарами,

ничего не сдѣлаетъ никакая безплатная московская школа, а народъ польскій и его жондъ не допустятъ, чтобъ убійственная пропаганда порчи, предпринятая москвою въ такъ-называемомъ Александрійско-Маріинскомъ институтѣ на улицѣ Вейской, могла достигнуть своей цѣли.

„Но въ недавнее время въ помянутый институтъ присланы по рекомендаціи принца Ольденбургскаго двѣ „москевки", фонъ-Дезенъ и Венедиктова, которыя въ должности классныхъ дамъ обязаны перенести туда начала Смольнаго Монастыря, пользующагося даже въ Петербургѣ дурною славой, и получили привилегію входить во всякое время въ спальни дѣвицъ.

„Родители воспитанницъ института, въ заботѣ о чести и будущности своихъ дочерей, поспѣшили туда съ цѣлію взять ихъ изъ мѣста испорченнаго пропагандой. Москва и тутъ употребила силу. Распоряженіемъ московской коммиссіи духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія отъ 20-го ноября за № $^{8444}/_{15149}$ запрещено брать воспитанницъ изъ института, причемъ имъ даже не позволено посѣщать дома родительскіе, что до тѣхъ поръ было въ обычаѣ по праздникамъ. Сообщаемъ эти факты, позорящіе московскую исторію, многократно оскверненную на каждой ея страницѣ."

Варшава, 7-го декабря 1863 года. (М. П.)

Новый *приказъ* не содержитъ въ себѣ никакого приказа. Это просто листокъ происшествій, степень достовѣрности которыхъ не мѣшаетъ разъяснить. Въ приказѣ говорится о „шляхетномъ Минаевѣ", будто бы погибшемъ за польскую справу. Изъ прежнихъ писемъ читателямъ извѣстно что при арестованіи писаря III округа корпуса жандармовъ Трояновскаго задержано было нѣсколько писарей другихъ военныхъ управленій, и въ числѣ ихъ писарь наградпаго отдѣленія штаба, Минаевъ, человѣкъ лѣтъ 50-ти, малаго роста, толстый, съ короткою шеей. Писарей этихъ задержали, потому что Трояновскій запуталъ ихъ своими показаніями; когда онъ былъ уличенъ во лжи, то писарей отпустили на свободу. Эта участь постигла бы и Минаева, также невинно оклеветаннаго, еслибы въ самый день ареста не поразилъ его апоплексическій ударъ, происшедшій, быть-можетъ, отъ испуга; врачебныя пособія не помогли, и Минаевъ на другой день умеръ, что и подало поводъ Полякамъ говорить что онъ забитъ кнутомъ. Но изъ вышесказаннаго слѣдуетъ что смерть Минаева лежитъ на совѣсти Трояновскаго, находящагося теперь подъ судомъ. Что касается нападокъ приказа на русскихъ дамъ и на институтъ, то какъ Поляки ни чернили бывшій Пулавскій институтъ, все-таки онъ признавался лучшимъ учебнымъ заведеніемъ для дѣвицъ, и сами они наперерывъ хлопочутъ о помѣщеніи дочерей своихъ въ институтъ, весьма недавно переведенный въ Варшаву.

Здѣсь получено извѣстіе о запрещеніи *Часа.* Чего только нѣтъ въ послѣднихъ его нумерахъ! Больно достается всѣмъ правительствамъ, и

особенно Австрійскому. А сколько побѣдъ польскихъ „зуховъ“ надъ москалями; сколько надеждъ, сколько заботъ о поддержаніи возстанія до весны! Никогда еще ложь не лилась такъ плавно, такъ гармонически. Истинно лебединая пѣснь.

Завтрашняго числа, на площади предъ Европейскою гостиницей, въ 10 ч. утра, будетъ повѣшенъ кондитерскій прикащикъ, дворянинъ Эмиліанъ Ходановскій, за убійство въ означенной гостиницѣ, 23-го сентября, иностраннаго доктора Бертольди-Германи. Онъ принадлежалъ къ организаціи жандармовъ-вѣшателей и убилъ доктора по приговору революціоннаго трибунала. Другихъ соучастниковъ преступленія Ходановскій не указалъ. Въ *Офиціальной Газетѣ* объявлено также что послѣзавтра (29-го ноября) будетъ разстрѣлянъ на гласисѣ цитадели унтеръ-офицеръ окружнаго арсенала западнаго крѣпостнаго артиллерійскаго округа, дворянинъ Викентій Пршедвоевскій, за подговоръ нижнихъ чиновъ того же арсенала къ принятію участія въ мятежѣ, распространеніе между ними съ этою цѣлью революціонныхъ сочиненій, собраніе ихъ у себя для принесенія присяги на вѣрность мятежу, каковую присягу выполнилъ и самъ, вступивъ въ революціонную организацію, и наконецъ за выдѣлку для мятежниковъ особаго рода желѣзныхъ нагрудниковъ (панцырей).

14-го (26-го) ноября, въ Сѣдльцахъ, по приговору полеваго военнаго суда разстрѣлянъ канониръ конно-батарейной № 3 батареи Винцентій *Якубчикъ* (католикъ), за побѣгъ изъ службы и поступленіе въ шайку мятежниковъ. 19-го ноября (1-го декабря) тамъ же, по приговору полеваго военнаго суда, разстрѣляны: отставной унтеръ-офицеръ Михайло *Кротюкъ* (католикъ), за вступленіе въ шайку и исполненіе въ ней должности фельдфебеля, и рядовые пѣхотныхъ полковъ: Костромскаго Максимъ *Герасимовъ* (православный); Псковскаго генералъ-фельдмаршала князя Кутузова-Смоленскаго Иванъ *Коржовъ* (православный) и младшій канониръ конно-батарейной № 3 батареи Василій *Латышевъ* (православный), за побѣгъ изъ своихъ командъ въ мятежническія шайки по разбитіи которыхъ были взяты въ плѣнъ. Наконецъ въ Сѣдльцахъ повѣшенъ однодворецъ *Барковскій* (католикъ), за нахожденіе въ теченіе 4 мѣсяцевъ въ мятежнической шайкѣ, участіе въ сраженіяхъ противъ нашихъ войскъ, разстрѣляніе вмѣстѣ съ прочими мятежниками, по приговору своего атамана, лакея Яна *Томашевскаго*, бѣжавшаго изъ шайки и потомъ ими пойманнаго,—и за покушеніе бѣжать изъ Бяльскаго тюремнаго замка, съ подговоромъ къ тому и прочихъ арестантовъ.

„Іудино лобзаніе“ прилагается теперь весьма часто на практикѣ въ Польшѣ. Вотъ примѣръ, заимствованный изъ донесенія войта гмины Росцишева, Млавскаго уѣзда: 26-го октября (7-го ноября) за войскомъ шелъ отсталый русскій солдатъ въ полной аммуниціи. Къ нему пристали два молодые человѣка, прилично одѣтые, зашли съ нимъ въ корчму,

пили водку, и безпрестанно *цѣловались*. Послѣ того вмѣстѣ вышли, а чрезъ часъ солдатъ найденъ въ кустахъ заколотый штыкомъ. Ни ружья, ни аммуниціи при немъ уже не было.

II.

ИЗЪ ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО ПО ПРЯМЫМЪ СВѢДѢНІЯМЪ, № 266 „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ".

Арестъ 15-ти человѣкъ, произведенный 25-го ноября въ зданіи Варшавско-Вѣнской желѣзной дороги, оказывается очень серіознымъ. Полицеймейстеръ майоръ Берхманъ получилъ порученіе задержать нѣкоторыхъ лицъ, принадлежащихъ къ техническому отдѣленію дороги, а также и всѣхъ постороннихъ, которыхъ онъ застанетъ въ этомъ отдѣленіи въ 10 часовъ утра, такъ какъ по дошедшимъ до начальства свѣдѣніямъ въ этотъ часъ отдѣленіе это навѣщаютъ много лицъ принадлежащихъ къ организаціи. Порученіе было исполнено: майоръ Берхманъ арестовалъ и сдалъ въ слѣдственную коммиссію секретаря техническаго отдѣленія, Стрыцкаго, апликанта того же отдѣленія, счетчика контрольнаго отдѣленія, референта, а также и пять постороннихъ лицъ, бывшихъ въ то время въ техническомъ отдѣленіи: одного подмастерья портныхъ дѣлъ, одного офиціалиста, одного механика, одного провинціальнаго чиновника, и наконецъ одного студента Варшавской Главной Школы. При обыскѣ у Стрыцкаго найдены были такого рода документы которые заставляютъ полагать что онъ находится въ весьма близкихъ отношеніяхъ съ жондомъ, а потому майоръ Берхманъ счелъ полезнымъ для производства слѣдствія задержать и остальныхъ пятерыхъ чиновниковъ того же техническаго отдѣленія. Въ самомъ дѣлѣ, одни адресы конвертовъ могутъ дать понятіе о важности произведеннаго ареста; у Стрыцкаго найдены пакеты, запечатанные печатью статсъ-секретаря жонда, со слѣдующими надписями:

1. Уполномоченному коммиссару забранной Австріею провинціи.
2. Правительственному коммиссару народнаго долга въ Парижѣ.
3. Чрезвычайному коммиссару провинцій забранныхъ Россіей.
4. Ксендзу канонику Котковскому.
5. Дипломатическому агенту въ Парижѣ.
6. Главному военному начальнику русскихъ земель.
7. Дипломатическому агенту въ Италіи Н. Орденгѣ.
8. Уполномоченному коммиссару Хроминскому.
9. Народному правительству по военному отдѣленію, въ Варшавѣ.

Послѣдній пакетъ запечатанъ десятигрошевою польскою монетой; можно предполагать что онъ принадлежитъ къ числу входящихъ, тогда какъ остальные пакеты къ числу исходящихъ конвертовъ.

У Стрыцкаго кромѣ того найдены еще не запечатанными экземпляръ газеты *Неподлеглость*, три экземпляра объявленій къ народу, паспорты, отпускные билеты и т. п.

Въ руки правительства продолжаютъ попадаться революціонные агенты. Въ Яновѣ задержанъ организаторъ графъ Лубинскій. Во Млавскомъ уѣздѣ; близь м. Хоржель, 8-го ноября, арестованъ ксендзъ Кочетковскій, занимавшійся провозомъ оружія, 9-го ноября, при истребленіи шайки вѣшателей въ д. Цикъ, Остроленкскаго уѣзда, тяжело раненъ организаторъ Остроленкскаго уѣзда ксендзъ Іосифъ Лубинскій изъ м. Говорова; при этомъ у него отбиты всѣ бумаги по управленію мятежомъ, но самъ онъ успѣлъ уйти въ Пруссію. 14-го ноября пойманъ и доставленъ въ Done Конинъ находившійся въ шайкѣ Тачановскаго въ званіи поручика, атаманъ вѣшателей, прусскій подданный Беньковскій; 18-го ноября въ д. Линке, Липновскаго уѣзда, пойманы два жандарма-вѣшателя Зергеръ и Рейдфлейшъ. Кромѣ того въ уѣздѣ схвачено въ послѣднее время 48 другихъ мятежниковъ. 20-го ноября въ Сувалкахъ повѣшены жандармы-вѣшатели: Петровскій, Яскольдъ и Хонесто.

Жихлинскій, уличенный повстанцами, говорятъ, сознался наконецъ что дѣйствительно вѣшалъ подъ этимъ именемъ; самъ же онъ называется Езерскимъ.

Въ Варшавѣ появился № 11 *Неподлеглости*, отъ 10-го ноября. Изъ статей въ немъ помѣщенныхъ обращаютъ на себя вниманіе два посланія генерала Крука, одно къ городскимъ и сельскимъ жителямъ, а другое къ духовенству, о внесеніи чрезвычайнаго налога. Но самымъ интереснымъ „офиціальнымъ“ документомъ слѣдуетъ признать выговоръ литовскому духовенству за его посланіе къ народу, прочитанное въ костелахъ. Вотъ переводъ этого куріознаго и вмѣстѣ поучительнаго произведенія революціоннаго жонда, съ исключеніемъ нѣкоторыхъ совершенно непристойныхъ фразъ:

Жондъ Народовый.

Исполнительный отдѣлъ на Литвѣ. Римско-католической консисторіи.

„Въ своемъ № 106 *Виленскій Курьеръ* опубликовалъ посланіе Виленской римско-католической консисторіи къ духовенству и вѣрному народу, а 22-го сентября оно было прочитано во всѣхъ костелахъ города Вильна. Въ посланіи этомъ наисвятѣйшая борьба противъ самаго дикаго насилія названа *мятежомъ*, подвижники борьбы, несущіе жизнь свою въ жертву за вѣру и вольность—*преступниками и людьми безпорядка*.............. низкое подчиненіе насилію и слитіе со схизматическою Россіей въ одно нераздѣльное цѣлое признается за обязанность *истекающую изъ предписаній святой религіи*. Въ самомъ дѣлѣ прелаты!.... Трудно было

въ болѣе краткихъ выраженіяхъ заключить столько богохульства!.... и никогда вторая заповѣдь Господня: „Не пріемли имени Господа Бога твоего всуе“ не была болѣе торжественно нарушена и притомъ тѣми которые обязаны быть хранителями Господнихъ заповѣдей.

„Исполнительный отдѣлъ, единственная законная власть на Литвѣ, знаетъ жителей края лучше нежели могутъ знать ихъ наѣзжія власти, знаетъ слѣдовательно и васъ, прелаты, имѣвшихъ несчастіе подписать посланіе. Вы могли обмануть московскихъ палачей, но не жондъ народовый. Отдѣлъ видитъ что тонъ посланья не выражаетъ вашихъ чувствъ, потому что вы любите Бога и отечество; но отдѣлъ не можетъ не видѣть въ поступкѣ вашемъ преступной слабости, которая васъ довела до того что вы подчинились насилію врага, что измѣнили своему сердцу и что эту измѣну приказали огласить въ храмахъ Божіихъ, мѣстахъ посвященныхъ вѣковѣчной правдѣ. Отдѣлъ не можетъ не обратить вашего вниманія на печальныя послѣдствія этого несчастнаго шага.

„Согласно съ вами и съ высшею правдой признаемъ, что „должно-быть число грѣховъ нашихъ превзошло всякую мѣру“, когда Богъ лишилъ пастырей своихъ духа самоотверженія. Ничего не значатъ всякія страданія, убійства и пожары, которые распространяются москалемъ въ нашей странѣ,—но слабость тѣхъ которые обязаны быть образцами твердости, непоколебимости и самоотреченія, но соблазнъ идущій сверху, но упадокъ духа—вотъ боль, самая жестокая сравнительно съ прочими.

„Вглядитесь, прелаты, кого назвали вы *преступниками и людьми безпорядка;* вы назвали тѣхъ которымъ за нѣсколько дней намѣстникъ Христа сказалъ: „O Poloni, Poloni, vos generosi estis, vobis debetur victoria“ *.— Кого призываете вы къ сложенію оружія? Народъ, который посланъ, по словамъ того же намѣстника Христа: „биться за вѣру и служить оплотомъ христіанства“. Съ кѣмъ хотите слить край чисто-католическій въ *одно нераздѣльное цѣлое?* Съ наѣздомъ раскольническимъ. И взываете вы къ намъ такимъ образомъ въ то время, когда по волѣ главы католической церкви изъ всякой католической груди возносятся къ Богу умилостивительныя молитвы объ избавленіи Польши и объ уничтоженіи и истребленіи тѣхъ еретиковъ, которыхъ вы объявляете нашими законными господами!

„Такое противорѣчіе посланія вашего съ истинною вѣрой и привязанностію вашею и сужденіемъ главы церкви не служитъ ли соблазномъ? Хорошо ли это, что вѣрный народъ слышитъ изъ устъ вашихъ рѣчи, о которыхъ знаетъ, что онѣ произносятся неискренно, хорошо ли то, что онъ слышитъ такой обманъ, объявляемый вами съ высоты каѳедръ, этихъ мѣстъ вѣчной правды? Привыкнувъ относиться легкомысленно къ словамъ вашимъ, онъ со временемъ не сумѣетъ отличить правды отъ лжи.

* О Поляки, Поляки! Вы великодушны! Васъ ожидаетъ побѣда.

„Вы говорите, что, будучи схвачены наиужаснѣйшимъ насиліемъ какъ бы желѣзными тисками, вы должны были избирать между изданіемъ этого посланія или привлеченіемъ жесточайшихъ преслѣдованій на церковь, что изъ двухъ золъ избрали меньшее. Мудрость этого свѣта, которая называетъ письмо вздоромъ, присовѣтовала вамъ такое рѣшеніе, а не наука Христа. Пусть люди этого свѣта управляются увертками дипломатіи. Вамъ, капланы, которые должны быть для насъ вѣрными представителями Христа, единственно пристойно управляться правдой, и никогда не выбирать зла, даже малѣйшаго, потому что каждое, хотя и ничтожное, поперечитъ Божьему закону, потому что не слѣдуетъ даже для спасенія цѣлаго свѣта сотворить и единую ложь; ибо мы сильны обѣщаніемъ божественнаго Избавителя нашего, что „пребудетъ съ нами до скончанія вѣка". Далеко слѣдовательно должна быть отъ васъ всякая временная боязнь и мірская осторожность, когда исполняете священныя ваши обязанности. Вы имѣли возвышенные, святые примѣры тому въ исторіи церкви, даже въ благочестивыхъ дѣяніяхъ церкви польской. Почему не хотѣли вы идти по слѣдамъ архипастырей варшавскихъ? Почему прекрасный примѣръ вашего собственнаго пастыря не возбудилъ въ васъ такой твердости? Почему издаете посланіе, въ которомъ онъ далъ отказъ?

„Почетные прелаты! Да не оскорбитъ васъ то, что свѣтскіе люди осмѣлились выставить вамъ заблужденіе ваше. Spiritus Dei spirat ubi vult. Вѣрьте, что все что̀ мы выразили исходитъ изъ глубокой любви нашей къ церкви. Вы впали въ заблужденіе какъ люди, мы хотѣли бы видѣть въ васъ ангеловъ. Представляя собою главное народное управленіе Литвы, мы обязаны были выставить вамъ исполненное вами зло, и призвать васъ къ немедленному принятію мѣръ чтобы исправить его. Вы имѣете къ тому средства и многочисленные пути. Полагаемся на вашу совѣсть и патріотизмъ, что вы употребите всѣ средства къ уничтоженію вредныхъ вліяній посланія, ибо знаемъ глубину сердца вашего въ другомъ и лучшемъ видѣ нежели тотъ призрачный, въ которомъ вы захотѣли его выставить. Полагаемся на это, и поручаемъ дѣло отечества молитвамъ и благословеніямъ вашимъ.

„Печать исполнительнаго отдѣла въ Литовскихъ провинціяхъ.

„За вѣрность оригиналамъ:

„Секретарь Литовской провинціи при Жондѣ Народовомъ въ Варшавѣ.„

Слова папы послужили такимъ образомъ къ смущенію Поляковъ; этими словами поджигаютъ теперь несчастную націю въ ея роковой борьбѣ. Каждое слово папы и Наполеона цѣнятся за чистую монету. Недавно распространили чрезвычайнымъ прибавленіемъ къ *Неподлеглости* рѣчь Наполеона законодательному собранію и извлеченіе изъ *Желтой Книги*.

III.

ПИСЬМО ВАРШАВСКАГО КОРРЕСПОНДЕНТА ВЪ № 267 „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ".

30-го ноября.

За послѣдніе дни объявлены правительствомъ слѣдующія распоряженія. Постановленіемъ Совѣта отъ 27-го ноября, въ видахъ усиленія средствъ на содержаніе варшавской полиціи въ новомъ ея составѣ, установлены временно, до сбора необходимаго капитала, въ пользу городской кассы Варшавы, съ 1-го декабря, сверхъ установленной платы слѣдующія экстраординарныя подати: съ заграничныхъ паспортовъ по 5 р. с., и за гербовую бумагу по 1 р. с., итого 6 р. с. Съ паспортовъ въ Имперію по 1 р. с., съ паспортовъ внутрь края по 30 к. с. Паспорты внутрь края и въ Имперію должны выдаваться въ провинціяхъ на гербовой бумагѣ вдвое высшаго достоинства. При этомъ допущены исключенія въ пользу иностранцевъ, военныхъ раненыхъ, нижнихъ чиновъ и т. п. Далѣе: съ ведра водки въ 78^0 будетъ взиматься по 13 к. с., съ ведра рому мѣстнаго издѣлія—24 к.; съ ведра портеру и крѣпкихъ пивъ—3 к.; съ ведра баварскаго пива ординарнаго, то-есть шляхетскаго и полпива—по 1 к. с. Съ содержателей шинковъ по 10 р. с., съ продавцовъ ординарнаго пива—по 5 р. с. въ годъ.

Высочайшимъ именнымъ указомъ 6-го ноября, плоцкій гражданскій губернаторъ Доминикъ Дзѣвановскій назначенъ временнымъ на 1863 годъ членомъ государственнаго совѣта Царства. Такимъ образомъ только въ Варшавской и Радомской губерніяхъ остаются еще губернаторы временъ Велёпольскаго.

Варшавскій оберъ-полицеймейстеръ двумя приказами отъ 28-го ноября объявляетъ: 1) что каждый владѣлецъ дома, жилецъ, содержатель какого бы то ни было заведенія, въ случаѣ сокрытія у себя уличнаго убійцы, или дозволенія скрыться чрезъ занимаемое имъ помѣщеніе, и незадержаніе преступника, будетъ подвергнутъ строжайшей отвѣтственности лично и всѣмъ своимъ имуществомъ, и 2) чтобы владѣльцы домовъ, по случаю наступившей зимы, непремѣнно устроили при воротахъ будки съ желѣзными печами для дворниковъ, и снабдили послѣднихъ теплою одеждой.

Русское общество возмущено новою недостойною продѣлкой членовъ аристократическаго польскаго общества. Выходка эта изложена слѣдующимъ образомъ въ офиціальной газетѣ:

„Офицеръ Кіевскаго гренадерскаго полка Н. Богдановъ имѣлъ порученіе арестовать князя Ивана Любомірскаго и доставить его въ X павильйонъ; по обязанности всякаго помогать ближнему въ несчастіи, офицеръ этотъ по мѣрѣ силъ старался успокоить жену князя, возилъ къ нему бѣлье и другія дозволенныя вещи въ цитадель, куда жена его

не могла ѣздить безъ особаго позволенія генералъ-адъютанта барона Корфа, наконецъ выхлопоталъ для княгини Маріи Любомірской паспортъ въ Россію впредь до водворенія спокойствія въ краѣ. На другой день послѣ ея отъѣзда явился на квартиру поручика Богданова управляющій домомъ графа Августа Замойскаго и предложилъ ему 150 р. с., сказавъ что княгиня Марія Любомірская и графъ Августъ Замойскій приказали отдать эти деньги Богданову и благодарить его за труды. Фактъ этотъ показываетъ что графъ Замойскій, хотя и человѣкъ очень зрѣлыхъ лѣтъ и отецъ взрослыхъ дочерей, еще далеко не зрѣлъ въ отношеніи опытности и знанія людей. Подобный поступокъ, котораго не могло бы позволить себѣ благовоспитанное десятилѣтнее дитя, былъ бы извинителенъ только простолюдину не разумѣющему иного способа благодарности кромѣ денежной платы; но нельзя простить его графу Августу Замойскому, который конечно не безъ злаго намѣренія и предвидя послѣдствія захотѣлъ поблагодарить за услуги деньгами. Графъ Замойскій желалъ унизить Богданова, а въ лицѣ его и всѣхъ его товарищей, платою деньгами, какъ какому-нибудь поденщику, за услуги, за которыя не слѣдовало бы платить оскорбленіемъ чести. Графъ Августъ Замойскій даже не потрудился самъ пріѣхать къ поручику Богданову, чтобы поблагодарить его лично. Визитъ этотъ не унизилъ бы, кажется, его графскаго достоинства, тѣмъ болѣе что офицеръ бывалъ у него нѣсколько разъ въ день, когда хлопоталъ о паспортѣ для его племянницы, княгини Маріи Любомірской; но графъ Августъ Замойскій поручилъ управителю своему сдѣлать разчетъ и заплатить за услугу. *Грабя* Августъ Замойскій забылъ, что русскіе офицеры,—хотя не *грабіовъ* и не *ксіонжента*—тѣмъ не менѣе истинные *дворяне русскіе*, и если не имѣютъ быть-можетъ такихъ богатствъ какъ онъ,—то ни въ какомъ случаѣ не протянутъ къ нему руки за милостынею. Августъ Замойскій забылъ что благородные люди, за подобныя оскорбленія, могутъ требовать благороднаго удовлетворенія; не мѣшало бы ему помнить, что онъ отецъ семейства... “

Очень можетъ быть, что послѣдствіемъ услуги г. Богданова будетъ объявленіе въ заграничныхъ газетахъ о томъ, какъ офицеръ грабительскаго наѣзда Богдановъ не принялъ 150 р. сер. по незначительности суммы. Князь и княгиня Любомірскіе живутъ теперь въ Россіи; они спокойны совѣстью, отблагодарили за услуги.

По извѣстіямъ изъ Люблинскаго военнаго отдѣла, отъ 18-го ноября, въ послѣднее время появилось тамъ значительное число конныхъ шаекъ, перешедшихъ изъ Литвы. По показанію одного захваченнаго въ плѣнъ капелана шайки, ксендза люблинскаго Доминиканскаго монастыря, бывшаго въ одиннадцати сраженіяхъ и исходившаго все Царство Польское, для дѣйствій мятежниковъ по мѣстнымъ обстоятельствамъ самая выгодная губернія—Люблинская, и нужно много труда и умѣнья,

чтобъ уничтожить шайки, которыя тѣмъ упорнѣе что Литовцы, составляющіе ихъ, боятся возвратиться на родину.

Изъ частныхъ случаевъ наиболѣе возмутительны слѣдующіе: 16-го ноября, въ 4 верстахъ отъ Гуры-Кальваріи найденъ повѣшеннымъ неизвѣстный человѣкъ, въ которомъ войска узнали того крестьянина который указалъ имъ Жихлинскаго. Дорого стоило ему это показаніе: не мѣшало бы войскамъ принимать мѣры къ охраненію подобныхъ лицъ. 11-го октября, въ оврагѣ близь города Плоцка найденъ заколотый штыкомъ рядовой Муромскаго пѣхотнаго полка Василій Рейковъ. Подозрѣніе падаетъ на женщину, Эмилію Нарбецкую, которая находилась подъ покровительствомъ войскъ и жила въ казармахъ; она отправилась съ Рейковымъ въ лѣсъ, и объяснила потомъ, что убійство совершилъ неизвѣстный человѣкъ; при убитомъ не найдено ни ружья, ни денегъ; Нарбецкая арестована.

Выходящая во Львовѣ Gazeta Narodowa сообщаетъ слѣдующія извѣстія: „Польскій полковникъ Аладаръ за бѣгство въ Галицію и оставленіе своего отряда и майоръ Сенкевичъ (настоящая фамилія Герличъ) за возмущеніе отряда приговорены польскимъ военнымъ судомъ (?) къ смертной казни. Послѣднему дозволено однако подать на аппелляцію. Маурецкій принялъ начальство надъ отрядомъ послѣ Руцкаго, но принужденъ былъ распустить его за недостаткомъ воинскаго духа. Юноша принялъ начальство надъ отрядами Зарембы и Врублевскаго; Крысинскій, раздѣлившій свой отрядъ на мелкія банды послѣ сраженія у Хелма, 21 прошлаго мѣсяца, и Калзовскій, понесшій въ томъ же сраженіи большія потери, организовали вскорѣ послѣ того вновь свои отряды“.

Часъ продолжаетъ еще существовать. Въ своемъ № 283 отъ 11-го декабря н. ст. онъ помѣстилъ слѣдующее объявленіе *отъ редакціи:* „Вслѣд„ствіе постановленія императорско-королевскаго мѣстнаго суда въ Кра„ковѣ, по предложенію императорско-королевскаго прокурора, отъ 3-го „декабря за № 19.861, о запрещеніи на три мѣсяца, и вслѣдствіе апел„ляціи, поданной противъ этого постановленія въ высшую инстанцію „редакція *Часа* объявляетъ почтеннымъ подписчикамъ своимъ, что даже „въ томъ случаѣ, когда упомянутое судебное постановленіе будетъ „признано вошедшимъ въ законную силу, гг. подписчики ничего не по„теряютъ и не перестанутъ получать ежедневную политическую газету, „какъ въ текущемъ кварталѣ, такъ и впредь“. Посмотримъ чѣмъ удовлетворитъ *Часъ* своихъ подписчиковъ: появится ли онъ въ какой-либо новой формѣ, или начнетъ высылать одну изъ существующихъ газетъ родственныхъ ему по направленію?

IV.

ПИСЬМО ВАРШАВСКАГО КОРРЕСПОНДЕНТА ВЪ № 268 „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“.

4 (16) декабря 1863 года.

Важнѣйшая новость въ Царствѣ—та, что на доходъ духовенства наложена контрибуція, хотя и небольшая въ сущности, только 12% въ годъ. Ксендзы нисколько не пострадаютъ отъ контрибуціи, но она сдѣлаетъ военное положеніе хоть сколько-нибудь для нихъ чувствительнымъ. Заплативъ 12%, они могутъ взять съ прихожанъ 60%. Пресѣчь это есть одно средство, но оно, при настоящихъ обстоятельствахъ, едва ли можетъ быть введено въ дѣйствіе; теперь не до него. Средство это: поставить духовенство въ такія отношенія къ прихожанамъ, въ какихъ находится оно во Франціи, то-есть передать всѣ метрическія книги мѣстнымъ мерамъ (бургомистрамъ и войтамъ гминъ), съ тѣмъ чтобы прихожане обращались для брака, крещенія и погребенія не къ ксендзу, а къ мѣстной гражданской власти, которая давала бы записку къ ксендзу объ исполненіи такой-то требы.

Вотъ переводъ протокола совѣта управленія, объявленнаго во *Всеобщемъ Дневникѣ*, отъ 2-го (14-го) декабря 1863 года, № 285.

„Намѣстникъ Царства объявилъ совѣту управленія слѣдующее:

„Имѣя въ виду, что римско-католическое духовенство латинскаго исповѣданія въ Царствѣ Польскомъ не содѣйствуетъ успокоенію мѣстнаго народонаселенія, а напротивъ, поведеніемъ своимъ поддерживаетъ въ немъ враждебное настроеніе противъ законнаго правительства, и что затѣмъ справедливость требуетъ, чтобъ оно изъ средствъ своихъ поддерживало источники предназначенные для водворенія общественнаго спокойствія въ краѣ, я постановляю: наложить на означенное духовенство, на время существованія военнаго положенія, денежную контрибуцію, имѣющую взиматься на нижеизложенныхъ основаніяхъ:

„1. Контрибуція, упомянутая выше, должна быть взыскиваема съ римско-католическаго духовенства латинскаго исповѣданія, въ размѣрѣ 12 проц. въ годъ:

„a) Съ того чистаго дохода, въ вѣдѣніи духовенства состоящаго, съ котораго казна Царства, на основаніи росписи податей, утвержденной на 1864 годъ, имѣетъ право собирать подати духовной жертвы (podatek ofiary duchownei).

„b) Съ капиталовъ получаемыхъ наличностію духовенствомъ изъ казны Царства; по росписи уплатъ, утвержденной на 1864 годъ, за исключеніемъ капиталовъ предназначенныхъ:

„1) Для духовной академіи.

„2) На семинаріи.

„3) Для эмеритовъ и демеритовъ.

„4) На школы, больницы и pobozne obligacie.

„5) На исправленіе костеловъ.

„6) На присоединеніе къ обще-духовному капиталу въ Польскомъ Банкѣ.

„7) На содержаніе агента при Императорско-Россійской легаціи въ Римѣ, для духовныхъ дѣлъ.

„8) На выписку книгъ духовнаго содержанія.

„9) На содержаніе института Св. Леонарда въ Ловичѣ.

„10) На общіе экстраординарные расходы.

„11) На уплату процентовъ съ капиталовъ помѣщенныхъ на кагалахъ,— предъ 1831 годомъ выплаченныхъ и въ томъ же году истраченныхъ.

„II. Сборъ контрибуцій начать съ 20-го декабря 1863 (1-го января 1864 г.) и окончить въ концѣ того мѣсяца въ которомъ будетъ снято военное положеніе въ краѣ.

„III. Сборъ этотъ долженъ послѣдовать:

а) Отъ дохода, означеннаго въ 1-й статьѣ подъ лит. а, въ тѣ самые сроки въ которые духовная жертва собирается и одновременно съ этою жертвой.

„b) Отъ капиталовъ, въ той же статьѣ подъ лит. *b* означенныхъ, вычетомъ контрибуціи при самой выплатѣ.

„IV. Если, по снятіи военнаго положенія, окажется, что контрибуція взыскана за время въ которомъ военное положеніе было уже снято, то таковая, считая съ того мѣсяца въ которомъ снятіе наступитъ, будетъ возвращена тому кому будетъ слѣдовать.

„V. Собранной контрибуціи будетъ дано назначеніе намѣстникомъ Царства и потому ей должно вести отдѣльный контроль.“

„Совѣтъ управленія, для приведенія въ исполненіе таковаго постановленія намѣстника Царства, сдѣлалъ соотвѣтственныя распоряженія по правительственнымъ коммиссіямъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и финансовъ“.

Къ несчастію, я долженъ извѣстить васъ опять о трехъ смертныхъ случаяхъ. 1) Мятежники повѣсили гдѣ-то въ Варшавѣ или окрестностяхъ ея, секвестратора Варшавскаго уѣзда *Прессера*. Мы ничего не знали бы объ этомъ, еслибы террористы сами не объявили объ этомъ въ своемъ новомъ плакатѣ. 2) 1-го (13-го) декабря, на улицѣ Вальцовъ, въ 7 ч. утра, найденъ неизвѣстный человѣкъ, убитый ударомъ кинжала въ правую сторону груди. Полиціи на этотъ разъ на улицѣ по обыкновенію не случилось, и тѣло лежало на тротуарѣ почти до полудня. Правда что улица эта малолюдна, и начальство туда не показывается. Кто такой убитый—неизвѣстно до сихъ поръ. Полиція говоритъ, будто это *не политическое* убійство. Дай Богъ, чтобы кинжалъ пересталъ быть орудіемъ польской политики. Догадываются что человѣкъ зарѣзанный на улицѣ Вальцовъ былъ писаремъ у мецената (адвоката)

Хицинскаго, высланнаго въ Россію, и назывался *Маркевичемъ*,—такъ объявлено и во *Всеобщемъ Дневникѣ*. 3) 3-го (15-го) декабря, на улицѣ Солецъ, подъ бревнами, найдено тѣло неизвѣстнаго человѣка въ нищенской одеждѣ. Вѣроятно, и это убійство *не политическое*, и нищій самъ накатилъ на себя бревна.

Упомянутый мною выше новый революціонный плакатъ называется: *Извѣстія и Распоряженія Полиціи Народной*, № 1, *годъ первый* (?!) Онъ вышелъ въ четвертку въ одномъ листкѣ мелкой печати, вмѣсто Приказа *Начальника мяста*. Стало-быть, есть надежда, что панъ *начельникъ* или арестованъ, или утекъ. Въ *Извѣстіяхъ* не отдается уже никакихъ приказовъ, а только заявляются сплетни съ мостовой.

V.

ИЗЪ ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО, ПО ПРЯМЫМЪ СВѢДѢНІЯМЪ, ВЪ № 270 „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ"

4-го декабря.

Послѣднія извѣстія изъ Царства довольно благопріятны; уничтоженіе шайки Хмѣлинскаго съ ея предводителемъ, усмиреніе „Августовскаго воеводства", возстановленіе довѣрія крестьянъ къ силѣ правительства, выразившееся въ организаціи крестьянскихъ карауловъ и даже милиціи въ различныхъ пунктахъ, все это позволяетъ надѣяться что сила мятежа сокрушена, и что скоро онъ выродится окончательно въ мелкое разбойничество. Мы получаемъ изъ нѣкоторыхъ мѣстностей Царства сообщенія что умѣренные Поляки составили даже адресы Государю съ выраженіемъ покорности, и что теперь идетъ на самой западной окраинѣ Царства подписка этихъ адресовъ. Изъ Ченстохова прислали намъ копію адреса, который на дняхъ тамъ подписывался. „Теперь, сказано въ этомъ адресѣ, когда энергическими дѣйствіями „сильной военной диктатуры возстановлена личная безопасность, по „крайней мѣрѣ настолько что мы не страшимся уже кинжала тайнаго „убійцы, мы можемъ заявить предъ Тобою, нашимъ законнымъ Государемъ и Повелителемъ, что между нами очень мало такихъ которые „сочувствуютъ замысламъ агитаторовъ, и что большинство питаетъ къ „ихъ предательскимъ дѣйствіямъ, вслѣдствіе коихъ уже десять мѣсяцевъ льется кровь въ нашемъ несчастномъ краѣ, полное отвращеніе." Подача адресовъ, конечно, имѣетъ значеніе: въ нихъ слѣдуетъ видѣть признакъ того что обстоятельства вынуждаютъ наконецъ разумнѣйшую часть населенія отречься отъ мятежа. Мы должны прибавить что русскія власти нисколько не содѣйствуютъ составленію адресовъ, и, напротивъ, даже не подаютъ надежды что адресы будутъ приняты и доведены до Высочайшаго свѣдѣнія.

Между тѣмъ „народовая полиція" все еще существуетъ въ Варшавѣ, и до сихъ поръ теряется въ изобрѣтеніи особыхъ изданій, которыми бы доводились до свѣдѣнія публики убійства кинжальниковъ. Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ того новаго листка, о которомъ упоминаетъ нашъ варшавскій корреспондентъ въ своемъ послѣднемъ письмѣ:

„...4-го с. м. между 6 и 7 часами вечера на углу улицы Кручей и Іерусалимской Аллеи имѣлъ быть приведенъ въ исполненіе приговоръ сокращеннаго суда надъ Николаемъ *Жиленко* *, оберъ-кондукторомъ Варшавско-Вѣнской желѣзной дороги, уличеннымъ въ измѣнѣ и начальствованіи шпіонами. На крикъ его, исполнители правосудія (?), нанеся ему двѣ раны и видя бѣгущаго дозорцу *Кипана*, успѣли спастись бѣгствомъ..."

„...27-го ноября, на основаніи приговора революціоннаго трибунала, исполнена смертная казнь повѣшеніемъ надъ секвестраторомъ начальника Варшавскаго уѣзда *Прессеромъ*, за то что онъ занимался экзекуціею податей, самъ хлопоталъ о полученіи мѣста секвестратора, а также за шпіонство, на что̀ онъ имѣлъ особенное письменное дозволеніе отъ Корфа."

„...Какъ доказательство, на какомъ фундаментѣ основывается то что̀ на языкѣ *Всеобщаго Дневника* называется справедливостію московскихъ судовъ, можетъ послужить краткій очеркъ дѣла г-жи *Шимовой*, московской развратницы, которая несмотря на заботливость наѣзда объ общественной нравственности, была употреблена орудіемъ политическаго преступленія. Извѣстная эта интриганка, привлеченная въ Варшаву гамбургскою полиціей, за неисчислимыя мошенничества, была арестована въ Ратушѣ, а дѣло ея отдано было въ исправительный судъ. Для веденія этого дѣла былъ назначенъ ассессоръ Лютостанскій, который, при производствѣ его, выказалъ всю совѣстливость и энергію, какихъ требовали преступленія обвиненной. На неоднократныя требованія исправительнаго суда о присылкѣ развратницы, которая должна была давать отвѣты изъ слѣдственной тюрьмы, С.., слѣдственный приставъ, отвѣчалъ что правительство имѣетъ свои виды въ задержаніи ея въ полицейскомъ арестѣ, между политическими преступниками, и вмѣстѣ съ тѣмъ, потребовалъ отъ Лютостанскаго присылки дѣла о Шимовой, присовокупивъ что она невинна. Ассессоръ воспротивился этой подлости — и чрезъ нѣсколько дней схваченъ изъ дому и заключенъ въ цитадель.

„Такъ какъ трудно было осудить чиновника за исполненіе своихъ обязанностей, то слѣдователь С... помогъ своему горю слѣдующимъ образомъ: призвалъ къ себѣ жида преступника, Рафала К..., который за разныя преступленія неоднократно сидѣлъ въ уголовной тюрьмѣ,—и

* Жиленко—Русскій.

давъ ему 15 р. сер., велѣлъ сдѣлать показаніе, будто бы Лютостанскій, какъ членъ организаціи, подговаривалъ его, К..., доносить ему о лицахъ приверженныхъ къ правительству, т.-е. о шпіонахъ. Показаніе это посѣдѣвшій въ преступленіяхъ К... сдѣлалъ немедленно. Такимъ образомъ, на Лютостанскомъ тяготѣетъ теперь такъ-называемое государственное преступленіе, обвиненіе, говоря по правдѣ, довольно дешево добытое.

„Ясно что намъ нечего завидовать братьямъ Литвинамъ и что система купленныхъ свидѣтелей Муравьева у насъ прекрасно будетъ акклиматизироваться.

„Подробности этого преступнаго дѣла вскорѣ будутъ объявлены ко всеобщему свѣдѣнію."

Мы перепечатываемъ съ цѣлію слова листка о Шимовой отъ начала до конца, чтобы показать, что на обвиненія, самыя рѣзкія и неприличныя, тайные убійцы не скупятся. Читатель, разумѣется, понимаетъ до какой степени слѣдуетъ вѣрить подобнымъ обвиненіямъ. Мы представимъ здѣсь только нѣкоторыя полученныя нами разъясненія къ дѣлу Шимовой. И въ мирное время иногда выдаются особыя личности, которыя изъ личныхъ выгодъ занимаются ложными доносами; нечего и говорить что политическія волненія открываютъ такимъ сомнительнымъ персонамъ широкое поприще для ихъ безчестной дѣятельности. Во время настоящаго возстанія обстоятельства особенно выдвинули таинственнаго доктора Германи, котораго русская полиція не оставляетъ безъ обыска, а революціонный жондъ лишаетъ жизни. Къ числу подобныхъ личностей слѣдуетъ отнести и Шимову. Исторія этой женщины чрезвычайно темная и запутанная; для разъясненія дѣла назначена особая военно-слѣдственная коммиссія подъ предсѣдательствомъ генерала Краснокутскаго. По слѣдующимъ фактамъ можно до нѣкоторой степени судить о личности Шимовой. Она явилась въ Варшаву въ прошломъ году, называя себя графиней Леонтиной Шимовой, урожденною княжной М..... изъ Москвы, вдовою полковника, убитаго на Кавказѣ. У одной вдовы Польки она выпросила указать ей кого-нибудь кто бы могъ призрѣть ее, пока мать пріѣдетъ изъ Петербурга и привезетъ ей паспортъ, взамѣнъ потеряннаго въ Гамбургѣ, откуда она пріѣхала по паспорту своей служанки Марьи Андреевой. Полька пріютила ее у одного русскаго офицера при дѣтяхъ его; начала она съ того что взяла у офицера 800 р. с. и пошла мотать ихъ. Затѣмъ пріѣхалъ изъ Москвы офицеръ Ш. и подъ видомъ родственника нанялъ ей квартиру, жилъ съ нею, оставилъ ей не мало денегъ; потомъ опять пріѣхалъ и опять наградилъ. Не мѣшаетъ замѣтить что Шимова слыветъ за красавицу. По отъѣздѣ Ш. она познакомилась съ однимъ живописцемъ. А мать все не пріѣзжала, и только прислала двѣ депеши, изъ которыхъ одна извѣщала о высылкѣ 18.000 р. с., а въ другой предлагался

вопросъ: „какъ теперь поступить съ твоими 300.000 р. с.?“ Эти депеши дали Шимовой возможность надѣлать долговъ на нѣсколько десятковъ тысячъ. Называясь Русскою, она однакоже каждый день ходила въ Капуцинскій костелъ, гдѣ слезно и горячо молилась, и каждую недѣлю исповѣдывалась и пріобщалась. Этимъ она очаровала капуциновъ, особенно одного,—который началъ ее навѣщать; Шимова не скрыла отъ него депешъ, формально записала въ пользу капуциновъ 30 т. р., но просила взамѣнъ достать ей 6 тысячъ, которыя и получила. Вскорѣ капуцинъ увидѣлъ обманъ, потребовалъ денегъ, но графиня расплакалась и упала въ обморокъ, а потомъ отправилась къ монсиньйору Фелинскому съ жалобой что капуцинъ хотѣлъ изнасиловать ея служанку. Фелинскій также повѣрилъ графинѣ, и капуцинъ былъ сосланъ. Но на этомъ мѣстѣ начинается переломъ въ этой исторіи. Гамбургская полиція обратилась въ Варшаву съ просьбой объ арестованіи Шимовой за долги; при арестѣ она оказалась безпаспортною и была помѣщена въ полицейскую тюрьму, а дѣло ея перешло въ исправительный судъ въ руки адвоката Лютостанскаго. Шимова жалуется высшей власти на веденіе дѣла, указываетъ на офицеровъ знающихъ ее и ея родню; но жалобы оказываются несправедливыми, а офицеры отрекаются отъ знакомства. Но находясь подъ арестомъ, Шимова имѣла однако успѣхъ: ею были очарованы слѣдственный приставъ С. и адвокатъ исправительнаго суда В. Когда агитація дѣйствовала на судей, чтобъ они постановили приговоръ о публичномъ клейменіи Шимовой у позорнаго столба на Старомъ Мѣстѣ, дабы потомъ огласить что русскую княжну за мошенничество клеймили, то В., бывшій студентъ Петербургскаго университета, желая избавить свою красавицу отъ позора, сдѣлалъ показаніе что онъ принадлежитъ къ организаціи, и что къ поступленію въ члены организаціи его побудило желаніе узнать объ участи Шимовой. Онъ былъ арестованъ, а дѣло Шимовой приняло политическій оттѣнокъ, и *Часъ* протрубилъ что Русское правительство „избрало одну изъ знатныхъ сво„ихъ княженъ, и приказало ей войти въ преступныя связи съ однимъ „изъ членовъ жонда, чтобы вывѣдать отъ него всѣ тайны“. Между тѣмъ сдѣланъ былъ Евреемъ К. доносъ на Лютостанскаго, будто онъ подговаривалъ его пристать къ организаціи, и Лютостанскій былъ арестованъ. Вслѣдъ затѣмъ и С. арестованъ. Дѣло запуталось еще болѣе. Слѣдственная коммиссія, вѣроятно, разъяснитъ истину.

Впрочемъ, въ Царствѣ Польскомъ постоянно приходится слышать отъ Поляковъ о *зупелной невинности* лицъ состоящихъ подъ судомъ и слѣдствіемъ. Такъ недавно помѣщица дер. Ольбенцина, Замосцьскаго уѣзда, г-жа Гинтовтъ, хлопотала объ освобожденіи своего мужа изъ-подъ ареста въ Яновѣ, какъ *зупелне невиннаго*. По справкѣ оказывается, что Гинтовтъ еще въ февралѣ просилъ предать военному суду 14 своихъ крестьянъ *за покушеніе на его жизнь*, которое, какъ оказалось, заключалось

въ отказѣ вступить въ шайки; поэтому просьба Гинтовта осталась безъ послѣдствій. Тогда онъ самъ арестовалъ этихъ крестьянъ, и когда получилъ приказъ освободить ихъ, то позвалъ шайку вѣшателей, которая пятерыхъ повѣсила, а остальныхъ жестоко истязала. Вотъ образецъ зупелной невинности!

Часъ все еще продолжаетъ появляться. Настоящее положеніе дѣлъ его утѣшаетъ: „Если конгрессъ не состоится, то это будетъ *бардзо* „*добже* для Поляковъ, потому что Наполеонъ навсегда прильнетъ къ „нимъ, какъ къ единственнымъ своимъ союзникамъ!" Нѣсколько нумеровъ тому назадъ *Часъ* восхищался тѣмъ, что конгрессъ состоится и что это будетъ *бардзо добже* для Польши.

Высочайшимъ указомъ, отъ 19-го ноября, непремѣнный членъ государственнаго совѣта Царства Леонъ Дембовскій назначенъ главнымъ директоромъ предсѣдательствующимъ въ правительственной коммиссіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Въ тотъ же день уволены вовсе отъ службы директоры департаментовъ: промышленности и искусствъ ст. сов. Лущевскій и неокладныхъ доходовъ д. ст. сов. Мушинскій.

Лущевскій и Мушинскій вмѣстѣ съ тѣмъ высланы въ Россію на жительство за явное сочувствіе мятежу. Лущевскій былъ камергеромъ нашего двора, но въ 1861 году былъ уволенъ въ отставку: его скомпрометтировала дочь, извѣстная писательница-импровизаторка, принимавшая горячее участіе во всѣхъ манифестаціяхъ, несшая впереди процессій на подушкахъ „польскую корону", терновые вѣнцы и сломанный крестъ; она же сочиняла революціонные гимны и пасквильные стихи на правительство. Маркизъ Велёпольскій назначилъ однако Лущевскаго въ должность директора департамента.

VI.

ПИСЬМО ВАРШАВСКАГО КОРРЕСПОНДЕНТА ВЪ № 271 „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ", 13-ГО ДЕКАБРЯ.

7-го (19-го) декабря 1863 года.

Вчера въ 11 ч. утра, по случаю высокоторжественнаго дня тезоименитства Государя Наслѣдника Цесаревича, у намѣстника былъ пріемъ генераловъ, штабъ-и оберъ-офицеровъ и высшихъ гражданскихъ сановниковъ. По выходѣ графа Берга, составлена была телеграмма отъ имени войскъ, съ поздравленіемъ Его Высочества, прочитана вслухъ и отправлена на телеграфъ. Изъ замка намѣстникъ отправился на богослуженіе въ православный соборъ и оттуда въ Лазенки на праздникъ гвардейской артиллеріи. Въ 4 часа былъ у его сіятельства большой обѣдъ. Вечеромъ въ русскомъ клубѣ данъ былъ балъ, на которомъ русская

семья веселилась до 5 часовъ утра. Казенныя зданія были иллюминованы и особенно зданіе главнаго штаба (домъ Скворцова), между обоими крыльями котораго, на колоннадѣ, ведущей въ Саксонскій садъ, красовался огромный вензель Его Высочества Наслѣдника въ огненныхъ фестонахъ и лучахъ. Въ театрѣ дано было безплатное представленіе, окончившееся русскимъ народнымъ гимномъ, исполненнымъ всѣми артистами и артистками здѣшней оперы. Многіе магазины были заперты во весь день, — безо всякаго къ тому принужденія со стороны полиціи.

Колокольный звонъ, съ истеченіемъ октавы, снова затихъ въ костелахъ до Рождества. Благоразумные Поляки ропщутъ на заступающаго мѣсто монсиньйора Фелинскаго, епископа Ржевусскаго, за эту церковную манифестацію: лишая жителей городовъ и селъ вѣками освященнаго употребленія органовъ, пѣнія и колокольнаго звона, онъ предполагалъ что народъ этого не потерпитъ, взвалитъ это *ужасное притѣсненіе религіи* на правительство и возстанетъ поголовно: между тѣмъ, папа горячо вступится *за религію*, т.-е. за Поляковъ, и правительство будетъ принуждено возвратить монсиньйора Фелинскаго; если же не возвратитъ, то будетъ еще лучше для мятежа. По слухамъ, прелатъ Ржевусскій теперь болѣе всѣхъ агитируетъ и изготовилъ какой-то тайный циркуляръ ко всѣмъ ксендзамъ. Это похоже на правду, похоже на Ржевусскаго. Контрибуція на духовенство еще болѣе его раздражила.

Говорятъ что образовался новый *жондъ народовый*, но уже изъ однихъ чиновниковъ: правительственныхъ коммиссій, губернскихъ правленій, желѣзныхъ дорогъ и т. п. Все высокопарное пустословіе новой прокламаціи этого жонда отъ 15-го декабря, вся напыщенная фразеологія приводится къ одному знаменателю; „народъ, дай *пиніондзы*!“ Сколько милліоновъ всѣ эти *жонды* уже высосали, и гдѣ эти милліоны! Піявки насосались, живутъ за границей въ роскоши, и уступили свое мѣсто другимъ піявкамъ лѣчащимъ Польшу отъ воспаленія.

Въ провинціяхъ образовался новый родъ агитаціи, но уже во вредъ себѣ, во вредъ собственной статистикѣ края, во вредъ фамильнымъ связямъ и отношеніямъ по наслѣдству. Чтобы не дать Москалямъ возможности повѣрить расположенныхъ по квартирамъ повстанцевъ, и узнать, кто на-лицо и кто въ шайкѣ, кочующія шайки нападаютъ на канцеляріи бургомистровъ и войтовъ гминъ и жгутъ всѣ этого рода книги (księgi ludności). Отъ всѣхъ начальниковъ края получаются ежедневныя донесенія объ этой варварской мѣрѣ, принятой мятежниками. Вотъ мѣрило цивилизаціи польскаго возстанія. Сколько теперь наплодится самозванцевъ, сколько возникнетъ путаницы и затрудненій, сколько людей потеряютъ право наслѣдства!

VII.

ИЗЪ ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО, ВЪ № 275 „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ".

Жондъ еще существуетъ, и существуетъ въ Варшавѣ или въ весьма близкомъ отъ нея разстояніи. Несмотря на потери, понесенныя имъ въ послѣднее время, онъ все еще имѣетъ смѣлость писать и возможность печатать прокламаціи. Послѣдняя, отъ 15-го декабря н. с., появившаяся (въ Варшавѣ) на другой же день, представляетъ одинъ изъ самыхъ куріозныхъ образчиковъ того хвастовства, которымъ славятся „эти постоянные защитники человѣчества и цивилизаціи."

Жондъ Народовый.
Народу.

„Соотчичи!

„Почти 11 мѣсяцевъ выдерживаемъ мы борьбу съ безпримѣрнымъ варварствомъ и злобою враговъ, которые усвоили себѣ орудія цивилизаціи только для того, чтобы ими совершать истребленіе защитниковъ права и справедливости.

„Неутомимая борьба наша поколебала въ основаніи своемъ наѣздничье господство Москвы, и доказала что это господство у насъ невозможно, что оно до времени можетъ держаться только разбоемъ, грабежомъ и обезлюдненіемъ страны.

„Общій голосъ правительствъ и народовъ призналъ, что москва нарушила трактаты, которые приковали насъ къ ея разбойничьему господству и были его условіемъ. Совѣсть человѣчества, органомъ наимогущественнѣйшаго монарха Европы, признала, что права наши записаны въ исторіи и трактатахъ."

„Кровью богатырей нашихъ, неисчислимыми пожертвованіями народа, достигли мы такого признанія.

„Но злодѣяніе, причиняемое намъ врагами нашими, еще держится съ нагло вызывающимъ челомъ, и непрерывно стремится къ увѣковѣченію зла, къ достиженію тріумфа, основаннаго на истребленіи польскаго народа и на подчиненіи свѣта своему игу.

„Наступила минута, предреченная величайшимъ воителемъ нашего вѣка, въ которую Европа постановлена между свободой и неволей, между тріумфомъ справедливости и сатурналіями деспотизма.

„Защищая святыя права нашей отчизны, мы въ народныхъ возстаніяхъ нашихъ стремились и стремимся къ тому, чтобы были удовлетворены справедливыя требованія народовъ, чтобъ установился порядокъ, основанный на правильномъ пониманіи интересовъ правителей и управляемыхъ. Эта цѣль не будетъ достигнута Европой до тѣхъ поръ пока Польша не добьется справедливости.

„Злодѣйство учиненное нашему отечеству было причиной многочисленныхъ потрясеній въ Европѣ; и только справедливое разрѣшеніе польскаго вопроса можетъ открыть эру истиннаго движенія къ цивилизаціи и миру.

„Вѣрные вѣковѣчному нашему лозунгу, защитѣ человѣчества и цивилизаціи, мы открываемъ эту эру струями польской крови.

„Наше прошедшее и настоящее, общность интересовъ матеріальныхъ и моральныхъ, неразрывно связываютъ насъ съ западомъ Европы.

„Святость нашего дѣла, его европейское значеніе, неисчерпаемое самопожертвованіе народа и справедливость Бога, пекущагося о судьбахъ народовъ,—вотъ залоги нашего тріумфа.

„Только постоянное слѣдованіе по однажды избранному пути повстанческой борьбы можетъ обезпечить намъ столь желаемую нами и столь дорого оплачиваемую побѣду.

„Народъ это понимаетъ и съ этою цѣлію ежедневно приноситъ самыя лучшія свои силы на алтарь отечества и человѣчества, ежедневно доказываетъ, что предпочитаетъ истребленіе неволѣ.

„Не имѣемъ надобности возбуждать его къ пожертвованіямъ, самымъ возвышеннымъ образцамъ которыхъ мы ежедневно бываемъ свидѣтелями.

„Задача народоваго жонда состоитъ въ томъ, чтобъ этимъ пожертвованіямъ дать направленіе и дѣйствительный успѣхъ.

„Помня великую отвѣтственность свою предъ Богомъ и народомъ, жондъ народовый совѣстливо исполняетъ свою задачу.

„Жондъ народовый сталъ выраженіемъ единства народа, его политической силы и порядка, органомъ его воли — доставить странѣ независимость.

„Неисчислимыя страданія народа сложились для утвержденія этого установленія, которое не остановится въ своемъ трудѣ, пока не доставитъ независимости отчизнѣ, или пока хотя одинъ Полякъ останется въ польской землѣ.

„Уравненіемъ правъ всѣхъ обывателей, безъ различія сословій и вѣроисповѣданія, обращеніемъ крестьянъ въ собственниковъ, жондъ народовый положилъ прочныя основы предстоящему быту отечества. Основанія эти будутъ совѣстливо и во всей широтѣ ихъ примѣнены къ дѣлу жондомъ народовымъ.

„У насъ власть служитъ не предметомъ честолюбиваго искательства, но дѣломъ самопожертвованія. Опираясь на общую волю народа, жондъ народовый высоко держитъ хоругвь народа, пока не обезпечитъ ей побѣды.

„Различіе отдѣльныхъ мнѣній исчезаетъ въ виду великой, общей всѣмъ намъ цѣли — единой, цѣлой, независимой Польши, Литвы и Руси.

„Великость цѣли требуетъ великихъ жертвъ. Когда жондъ народовый потребуетъ ихъ для пользы святѣйшаго дѣла, то онъ увѣренъ, что не встрѣтитъ отказа.

„Жондъ народовый направляетъ всѣ свои усилія къ надлежащему полезному употребленію пожертвованій для пользы отечества.

„Во имя Бога, съ непоколебимою надеждой на будущее, приготовляемся мы къ дальнѣйшей борьбѣ.

„Въ твердости лежитъ избавленіе!

„Дано въ Варшавѣ 15-го декабря 1863 года. (М. П.)“

Старая пѣсня о „цѣлой, единой, нераздѣльной Польшѣ, Литвѣ и Руси“ повторяется снова. Революціонеры продолжаютъ подъ вліяніемъ этой пѣсни губить свой край, утѣшая своихъ соотечественниковъ, что 11-ти мѣсячная борьба привела къ великому результату: нѣсколькимъ двусмысленнымъ словамъ Наполеона III. Нѣтъ сомнѣнія что результатовъ было бы побольше, если была бы правда что у польскихъ заговорщиковъ власть служитъ не предметомъ честолюбиваго искательства, а дѣломъ самопожертвованія.

Чтобы побудить землевладѣльцевъ удостовѣриться на мѣстѣ что есть всему предѣлъ, графъ Бергъ приказалъ всѣмъ скрывающимся въ Варшавѣ изъ этого сословія лицамъ выѣхать въ ихъ помѣстья, съ обязанностію не выѣзжать оттуда никуда безъ особаго разрѣшенія военнаго начальника. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ это выселеніе требовалось и жондомъ, грозившимъ смертію за ослушаніе. Онъ находилъ болѣе удобнымъ дѣйствовать на землевладѣльцевъ въ глуши ихъ помѣстьевъ. Тогда *Часъ* не имѣлъ ничего противъ такой мѣры, но теперь, когда мѣра эта приводится въ исполненіе по распоряженію нашего правительства, *Часъ* старается заклеймить ее варварскою.

Кстати. Судьба *Часа* рѣшена: онъ запрещенъ на три мѣсяца. Но въ сущности это запрещеніе ничего не значитъ. Подписчики продолжаютъ получать новый *Часъ*, того же направленія, съ тѣми же ругательствами надъ Россіей, даже съ тою же самою внѣшностію. Все различіе въ томъ, что на мѣсто слова *Часъ* поставлено *Chwila* (Моментъ), а вмѣсто № 287 — № 1 отъ 18-го декабря.

Убитый 1-го декабря въ Варшавѣ, на улицѣ Вальцовъ, человѣкъ, какъ оказалось, сынъ архитектора Козубовскаго. Причина убійства неизвѣстна, а убійцы еще не найдены.

По приговорамъ полевыхъ военныхъ судовъ, присуждены къ смертной казни: чрезъ повѣшеніе—австрійскій подданный, начальникъ мятежническихъ силъ Велюньскаго уѣзда Шустеръ-Шустерскій, чрезъ разстрѣляніе—рядовой 4-й артиллерійской бригады легкой № 3-й батареи Сафоновъ и казачьяго № 31-го полка казакъ Коньковъ, за побѣгъ въ шайки.

VIII.

ИЗЪ ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО, ПО СВѢДѢНІЯМЪ ДО 20 ДЕКАБРЯ, ВЪ № 282 „МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“.

Политическое разбойничество со всѣми его послѣдствіями—вотъ наслѣдство передаваемое 1863 годомъ новому, въ Варшавѣ уже наступившему. Политическія убійства, грабежъ, уводъ въ шайки, порчи телеграфовъ, остановка почтъ, уничтоженіе обывательскихъ книгъ въ канцеляріяхъ гминныхъ войтовъ, и тому подобные подвиги жандармовъ-вѣшателей, продолжаются непрерывно. Въ какой мѣрѣ всѣ эти злодѣянія будутъ способствовать возрожденію края и образованію „единой цѣлой и независимой Польши, Литвы и Руси“, это, можно думать, тайна даже для революціонеровъ, но что они ведутъ къ разоренію края, это не подлежитъ сомнѣнію. Бѣдность, мало того, нищета, и всѣ ея пагубныя послѣдствія начинаютъ уже обнаруживаться. Въ Литвѣ онѣ чувствуются преимущественно польскою „интеллигенціей“; намъ сообщаютъ что въ Ковнѣ многія семейства бывшихъ зажиточныхъ помѣщиковъ просятъ милостыню,—картина весьма печальная, неизбѣжный результатъ „офяръ“ и секвестровокъ; но по крайней мѣрѣ въ Литвѣ огромное большинство населенія, крестьяне, освобожденные отъ пановъ обязательнымъ выкупомъ, свободные отъ рекрутскаго набора, скоро избавятся отъ лишеній, произведенныхъ волненіями въ краѣ, и видятъ предъ собою лучшее будущее. Но въ Царствѣ Польскомъ тяжела участь и помѣщиковъ, и городскаго населенія, и крестьянъ. Облегченіе участи крестьянскаго населенія, только еще проектированное, должно воспослѣдовать въ возможно ближайшемъ времени для того чтобы предупредить зло. Крестьянскій вопросъ въ Царствѣ уже значительно разработанъ.

Почему разбойничество держится такъ упорно, и въ чемъ оно черпаетъ свои силы, это вопросъ, который разрѣшается исторіей возстанія. Семь мѣсяцевъ революціонная организація дѣйствовала, по извѣстнымъ русской публикѣ причинамъ, довольно свободно; въ семь мѣсяцевъ она успѣла расшириться и окрѣпнуть, освоиться съ возложенными на нее обязанностями, и получить такую живучесть, что потребуется не мало времени и усилій для прекращенія такого печальнаго хода дѣлъ. Въ теченіи семи мѣсяцевъ правительство руководствовалось правиломъ: неизмѣнно сохранять всѣ политическія права націи и подвергать наказанію только тѣхъ лицъ которыя, такъ-сказать, имѣли несчастіе попасть въ руки правосудія съ поличнымъ. Нельзя сказать чтобы такая политика была исключительно политикой чувства; она основывалась и на томъ разчетѣ, что Поляки оцѣнятъ либерализмъ власти. Разчетъ оказался невѣр-

нымъ, а политика руководимая одними чувствами, впрочемъ весьма почтенными, конечно, не можетъ имѣть мѣста тамъ гдѣ нельзя разчитывать на взаимность. Повторилась старая исторія: въ 1830 году бунтъ въ Варшавѣ могъ быть подавленъ въ самый его первый день, и притомъ польскими войсками, оставшимися вѣрными великому князю Константину Павловичу; но нѣкоторые приближенные успѣли убѣдить великаго князя, что движеніе на варшавскихъ улицахъ фальшивое, возбужденное нелѣпымъ слухомъ о томъ что войска грабятъ дома и убиваютъ жителей, и что появленіе войскъ можетъ раздражить населеніе и даже вызвать кровопролитіе. Великій князь, несмотря на настойчивыя предложенія нѣкоторыхъ польскихъ генераловъ, подчинился политикѣ чувства, и чрезъ нѣсколько дней поставленъ былъ въ прискорбную необходимость разрѣшить отъ присяги вѣрные ему польскіе полки. Какое потомъ возникло кровопролитіе, о томъ извѣстно всѣмъ имѣющимъ понятіе о кампаніи 1831 года.

Съ августа мѣсяца политика правительства въ Царствѣ нѣсколько измѣнилась. Сохраненіе политическихъ правъ дарованныхъ Царству въ 1861 и 1862 на время военнаго положенія не считается обязательнымъ. Конечно, и послѣ возстановленіе этихъ правъ не мыслимо въ томъ случаѣ, если отношеніе Царства къ Россіи рѣшено будетъ установить на основаніяхъ болѣе раціональныхъ, способныхъ успокоить край служащій теперь открытымъ поприщемъ для революціонеровъ. Впрочемъ, до сихъ поръ измѣненія въ управленіи дѣлаются только на время военнаго положенія, и разчитаны такимъ образомъ, чтобы сословія поддерживающія возстаніе путемъ лишеній приведены были къ желанію отмѣны военнаго положенія, и слѣдовательно усмиренія края. Такъ какъ чиновничество и духовенство особенно содѣйствовали мятежу, то они и подверглись слѣдующимъ непріятностямъ: чиновничество теряетъ свой чисто-польскій составъ, а духовенство подвергается денежнымъ взысканіямъ изъ его доходовъ.

Не мало вниманія слѣдуетъ обращать на личный составъ управленія. Разбойничество потому имѣло успѣхъ что ему сочувствовали чиновники. Теперь, по крайней мѣрѣ, управленіе полиціей сосредоточено въ рукахъ Русскихъ—генералъ-полицеймейстеру даны обширныя права министра. Въ его вѣдѣніе перешла и варшавская полиція, что повлекло за собой перемѣну оберъ-полицеймейстера: генералъ-майоръ Левшинъ перешелъ въ аудиторіатъ, а его мѣсто занялъ полковой командиръ Орловскаго пѣхотнаго полка полковникъ баронъ Фридрихсъ. Изъ другихъ перемѣнъ въ личномъ составѣ нельзя не подчеркнуть назначенія, 21 декабря, генералъ-лейтенанта Шуберскаго начальникомъ управленія путей сообщенія въ Царствѣ, на мѣсто инженеръ-генералъ-майора Кербедза, который остается пока членомъ совѣта главнаго управленія путей сообщенія.

Эта перемѣна была неминуемымъ послѣдствіемъ тѣхъ открытій которыя произведены полиціей въ управленіи Варшавско-Вѣнской желѣзной дороги. Надзоръ генерала Кербедза за его подчиненными оказался весьма слабымъ; какъ искусный инженеръ, онъ способенъ принести болѣе пользы занимаясь въ Петербургѣ технической стороной своей спеціальности. Изъ дальнѣйшихъ перемѣнъ мы отмѣтимъ еще назначеніе генералъ-майора Фельшау радомскимъ гражданскимъ губернаторомъ на мѣсто г. Піонтковскаго. Затѣмъ изъ гражданскихъ губернаторовъ временъ маркиза Велёпольскаго остается только одинъ варшавскій, г. Лащинскій.

Налогъ на римско-католическое духовенство, опредѣленный постановленіемъ намѣстника, отъ 29 ноября, для главныхъ представителей церкви увеличенъ въ размѣрѣ новымъ постановленіемъ намѣстника отъ 17 декабря.

Другимъ распоряженіемъ графа Берга предписано налагать секвестръ на имѣнія помѣщиковъ участвующихъ въ революціонной организаціи; до сихъ поръ эта мѣра не примѣнялась, а между тѣмъ обнаружилось, что бо̀льшая часть доходовъ съ имѣній даже осужденныхъ агентовъ мятежа продолжала поступать въ распоряженіе жонда.

Изъ частныхъ распоряженій, относящихся преимущественно къ прекращенію разбойничества, можно упомянуть о занятіи возможно-бо̀льшаго числа пунктовъ войсками, и о контрибуціяхъ, налагаемыхъ на жителей городовъ въ томъ случаѣ, когда они не предотвратили убійства или грабежа, имѣя къ тому полную возможность. Сюда же относится и слѣдующій приказъ графа Берга, отъ 12 декабря:

„Съ самаго начала мятежа въ Царствѣ Польскомъ, злоумышленники съ особенною дерзостію нападали на почты, грабили казенную и частную корреспонденціи, а нерѣдко и значительныя суммы; причемъ виновные почти никогда не были открываемы, что̀ явно показываетъ что этому гнусному дѣлу потворствуютъ не только мѣстные жители, но и гражданскія власти.

„А потому предписывается грабителей почтъ, въ случаѣ поимки ихъ, немедленно предавать полевому военному суду, и, постановивъ приговоръ по всей строгости законовъ, публиковать оный. При этомъ мѣстное начальство подвергать строгой отвѣтственности, и на жителей которые не способствовали поимкѣ преступниковъ налагать контрибуцію."

Дѣйствіе всѣхъ этихъ мѣръ окажется въ будущемъ. Приняты мѣры къ болѣе частному размѣщенію войскъ; для прекращенія злодѣйствъ, власти прибѣгаютъ къ контрибуціямъ, что̀ по свидѣтельству офицеровъ существенно помогаетъ дѣлу.

Перечисленіе всѣхъ злодѣйствъ совершенныхъ за послѣднее время заняло бы слишкомъ много мѣста въ газетѣ; поэтому можно ограничиться нѣкоторыми цифрами и указаніемъ наиболѣе интересныхъ случаевъ.

За первые десять дней декабря получено было правительственною коммиссіей внутреннихъ дѣлъ извѣстіе о 22 убійствахъ, и о расхищеніи 7.523 рублей въ 9 городахъ, преимущественно Радомской и Люблинской губерній. По 10 декабря, официальная цифра убитыхъ доходитъ до 832, а заграбленныхъ казенныхъ суммъ до 817.040 рублей.

Всякое показаніе сдѣланное войскамъ отплачивается убійствомъ. 19 сентября въ мѣстечкѣ Дубенки, Люблинскаго уѣзда, повѣшенъ мѣщанинъ Павелъ Гржибовскій, указавшій казакамъ Еврея поставлявшаго для бандъ продукты; 10 октября повѣшенъ житель деревни Камеръ-Олькушскаго уѣзда, Францишекъ Срока, за открытіе войскамъ склада мятежническаго оружія; 17 октября уведены въ лѣсъ и повѣшены бургомистръ мѣстечка Островца, Опатовскаго уѣзда, Яницкій и администраторъ Паневскій; вѣшатель захваченъ; 27 октября, изъ мѣстечка Лысобоки, Радзынскаго уѣзда, взяли бургомистра Дембинскаго и повѣсили за мѣстечкомъ; 28 октября, шайка увела съ собою бургомистра мѣстечка Коденъ, Бяльскаго уѣзда, Тарковскаго; 17 ноября привезено въ городъ Опатовъ тѣло тамошняго Еврея Іода Эйхгорнъ, повѣшеннаго въ лѣсу деревни Осѣценки, на пути изъ Опатова въ Сташовъ, съ квитанціями въ поставленномъ для войскъ провіантѣ и письмами къ офицерамъ; этого преступленія было достаточно для повѣшенія Эйхгорна; 17 ноября, въ деревнѣ Млоде-Шабле, Ломжинскаго уѣзда, ночной сторожъ Шабловскій, 70лѣтній старикъ, замѣтивъ приближавшагося мятежника, поднялъ тревогу, но мятежникъ успѣлъ скрыться; на другой день въ деревню пришла шайка и повѣсила старика. 20 ноября въ гминѣ Хелмно, Лъэнчинскаго уѣзда, найдено тѣло повѣшеннаго человѣка съ безграмотною надписью на груди: „Русскій шпіонъ, который „приводилъ на насъ. Для привѣтствія встрѣчаемъ твоимъ приговоромъ.“ 21 ноября въ деревнѣ Рыбчевицахъ, Красноставскаго уѣзда, проходившая шайка арестовала двухъ крестьянъ, Мартына Дробина и Войцѣха Войтика, и увезла ихъ съ собою; крестьяне эти въ началѣ возстанія помогали арестовывать дворовыхъ официалистовъ и отправлять ихъ въ Люблинъ. Военный начальникъ объявилъ владѣльцу имѣнія что если эти крестьяне не воротятся, то съ него будетъ взыскано контрибуціи 400 р. сер.

Какимъ образомъ формировалась шайка Хмѣлинскаго, наводившаго ужасъ въ Радомской губерніи своею дерзостію, могутъ объяснить слѣдующія данныя. 9 ноября, мятежники увели насильственнымъ образомъ изъ мѣстечка Дамшице, Кѣлецкаго уѣзда, семь человѣкъ; 10 ноября четырехъ крестьянъ изъ двухъ деревень Мѣховскаго уѣзда; 11 ноября, въ гминѣ Опатовѣ произведенъ насильственный наборъ и уведено 28 мѣщанъ; того же числа, изъ деревни Кшовице, Опатовскаго уѣзда, шайка увела 4 крестьянъ; 14 ноября, во всѣхъ мѣстечкахъ и гминахъ Сандомирскаго уѣзда, не занятыхъ войсками, произведенъ насильственный

наборъ; того же числа шайка изъ 40 человѣкъ, напавъ на городъ Бодзентынъ, Опочинскаго уѣзда, увела по насильственному набору 15 мѣщанъ; 15 ноября, такая же шайка увела изъ мѣстечка Кунова, Опатовскаго уѣзда, 28 мѣщанъ; того же числа изъ деревни Мніова, Опочинскаго уѣзда, мятежники увели насильно въ шайки 7 крестьянъ. Такимъ-то путемъ собрался отрядъ защитниковъ святаго дѣла.

Всѣ эти явленія объясняются только терроромъ, тѣмъ терроромъ, который позволилъ, 5 октября днемъ, семи мятежникамъ въ городѣ Згержѣ, имѣющемъ 12тысячное и по большинству нѣмецкое населеніе, взять трехъ Нѣмцевъ, одного изъ нихъ повѣсить, а двухъ увести. Чтобы пробудить нѣсколько населеніе, чтобъ отнять возможность открытаго, безнаказаннаго убійства, налагаются теперь контрибуціи, своего рода круговая порука за охраненіе безопасности каждаго изъ жителей. Такъ на городъ Згержъ за вышеприведенное убійство наложена чрезвычайная контрибуція въ 10 тысячъ р. сер., съ тѣмъ чтобы таковая была внесена не далѣе какъ въ три дня. Въ Ломжинскомъ уѣздѣ шайка отъ 7 до 10 человѣкъ въ д. Бржостахѣ Талькахъ убила выстрѣлами изъ ружей отставнаго солдата Крушевскаго и крестьянина Врублевскаго; въ убійствѣ этомъ принималъ участіе шляхтичъ Янковскій. По этому случаю военный начальникъ приказалъ: домъ Янковскаго съ хозяйствомъ сжечь, а имущество отдать семействамъ убитыхъ; съ помѣщика Кержановскаго взыскать штрафу 500 р. сер.; войта гмины и солтысовъ отправить въ острогъ, а на окрестныхъ жителей 5верстнаго разстоянія наложить контрибуцію по 10 р. съ дома. Такими рѣшительными мѣрами убійства выводятся изъ практики, и населеніе, боясь что его накажутъ рублемъ, начинаетъ помогать войскамъ въ поимкѣ мятежниковъ. 24 ноября, вслѣдствіе объявленія военнымъ начальникомъ войту гмины Косаржева, Люблинскаго уѣзда, что на него будетъ наложенъ денежный штрафъ, если мятежники не возвратятъ захваченныхъ ими женъ крестьянъ, находящихся подъ покровительствомъ войскъ, мятежники возвратили ихъ; но при этомъ случаѣ также не обошлось безъ жестокости: наказали крестьянина Густава Францишка 200 ударами плетей, отчего тотъ на другой день умеръ.

Существенный очередной вопросъ въ настоящую минуту: какой видъ приметъ возстаніе съ весною? Есть основанія предполагать что революціонная партія продолжаетъ свои приготовленія къ борьбѣ, и что повстанцы только на зимнее время обратились въ мирныхъ жителей. Отряды войскъ, разсылаемыхъ съ военно-административною цѣлію, подходя къ селенію или мѣстечку, внезапно окружаютъ его и начинаютъ производить повѣрку жителей по спискамъ, имѣющимся въ канцеляріяхъ гминныхъ войтовъ. Этотъ пріемъ былъ бы конечно излишенъ, еслибы можно было хотя нѣсколько полагаться на городскую и земскую полицію; но довѣряться ей, при настоящемъ ея составѣ, рѣшительно

невозможно. Недавно, $^{18}/_{30}$ ноября обнаруженъ слѣдующій куріозный фактъ: владѣлецъ деревни Дембова Клода, Радзынскаго уѣзда, онъ же и войтъ гмины, Нѣдзельскій, уже болѣе 4 мѣсяцевъ какъ бѣжалъ въ Галицію, а всѣ бумаги исходившія изъ той гмины были съ фальшивыми подписями. Вслѣдствіе этого на имѣніе наложена контрибуція въ 1% съ гипотечной стоимости. Понятно что при такой земской полиціи повѣрка жителей войсками положительно необходима, и мѣра эта очень не нравится повстанцамъ. Чтобъ отнять возможность узнать кто изъ жителей ушелъ въ шайки, и нѣтъ ли между населеніемъ расквартированныхъ повстанцевъ, мятежники прибѣгли къ варварскому средству— сожженію „книгъ народонаселенія“ (księgi ludnosci), чѣмъ затруднится въ послѣдствіи рѣшеніе дѣлъ возникающихъ по имѣніямъ. Такимъ образомъ кочующими шайками въ послѣднее время сожжены книги, 19-го ноября въ гминахъ Клочевъ, Турковецъ и Сѣрокомли, Луковскаго уѣзда; 20-го ноября—въ мѣстечкахъ Барановѣ и Миховѣ, Люблинскаго: и въ деревнѣ Уленжъ Гурный, Луковскаго уѣзда; 21-го ноября въ гминѣ Дронжнево, того же уѣзда. Неустройству полиціи слѣдуетъ также приписать бѣгство изъ-подъ ареста, 27-го ноября, жандарма-вѣшателя Беньковскаго, пойманнаго 14-го ноября и доставленнаго въ городѣ Копинъ. Вообще устройство городской и земской полиціи стоитъ теперь на очереди, и конечно начнется смѣною войтовъ гминъ и назначеніемъ новыхъ по выбору крестьянъ, какъ это уже сдѣлано въ Августовской губерніи.

ДѢЛО *МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ* ПРОТИВЪ *OPINION NATIONALE* СЪ БРАТІЕЙ.

(въ № 272 „московскихъ вѣдомостей.“)

I.

Парижъ, 18-го декабря.

Читатели знаютъ что газета *Opinion Nationale* помѣстила на своихъ страницахъ фальшивый переводъ одной изъ варшавскихъ корреспонденцій *Московскихъ Вѣдомостей*, извращающій смыслъ корреспонденціи совершенно въ противную сторону; имъ извѣстно также что когда подлогъ былъ открытъ и заявленъ, то вмѣсто исправленія своей ошибки посредствомъ напечатанія подлиннаго текста, этотъ журналъ объявилъ что подложный переводъ былъ доставленъ ему русскими агентами, съ цѣлью дать Россіи возможность и удовольствіе обличить *Opinion Nationale* во лжи... Въ намекѣ заключается клевета, но клевета вообще на Русскихъ и на агентовъ Русскаго правительства въ особенности. Можно ли, слѣдуетъ ли и стóитъ ли позвать *Opinion Nationale* къ отвѣту за эту клевету,—судить объ этомъ не мое дѣло. Что́ же касается *Московскихъ Вѣдомостей*, то, какъ читатели помнятъ, онѣ рѣшились серіозно отнестись къ коснувшемуся ихъ факту и, хотя бы то путемъ судебнаго преслѣдованія, добиться отъ *Opinion Nationale* помѣщенія подлиннаго текста своей корреспонденціи. Формальною довѣренностью издатели *Московскихъ Вѣдомостей* поручили истребовать удовлетвореніе отъ *Opinion Nationale* нижеподписавшемуся. Такъ какъ весь этотъ случай не столько частное дѣло газеты съ газетой, сколько общая тяжба русскихъ людей съ „доброжелателями“ польскаго возстанія, то помимо интереса всегда связаннаго съ „казусами“ и вообще, по самой сущности настоящаго казуса, кажется, умѣстно представлять публикѣ отчеты о ходѣ дѣла.

Задача моя, какъ я ее понялъ, главнымъ образомъ заключается въ томъ чтобы, какъ сказано выше, не мытьемъ такъ катаньемъ, не добромъ такъ судомъ принудить *Opinion Nationale*, главнаго виновника, къ помѣщенію рядомъ съ подлогомъ подлиннаго текста корреспондеціи *Московскихъ Вѣдомостей* въ сопровожденіи нѣкоторыхъ объясненій. При ближайшемъ разсмотрѣніи къ этому присоединяется еще то обстоятельство,

что не одинъ лишь этотъ журналъ даетъ *Московскимъ Вѣдомостямъ* право требовать удовлетворенія. Кромѣ него, *Patrie* перепечатала подлогъ и тоже не помѣстила у себя исправленнаго текста, а только упомянула о фактѣ исправленія, выразивъ притомъ недовѣріе къ разказу корреспондента *Московскихъ Вѣдомостей; Siècle* хотя подлога не помѣщалъ, но, на основаніи его, говорилъ, ссылаясь на *Московскія Вѣдомости,* что Русскіе вооружены въ Варшавѣ отравленными кинжалами, и потомъ, когда обманъ былъ изобличенъ, говоря объ изобличеніи, тоже отнесся къ подлинной корреспонденціи съ недовѣріемъ; *France* подлога не заимствовала, на немъ никакихъ выводовъ не строила, напротивъ, отмѣтила его опроверженіе, но при этомъ опять-таки и она высказала къ подлинной корреспонденціи недовѣріе: слѣдовательно и эти три газеты было желательно пригласить къ напечатанію объясненія,— двѣ послѣднія съ протестомъ противъ недовѣрія, первую, кромѣ того, и съ подлиннымъ текстомъ.

По духу и по буквѣ французскаго гражданскаго права, судебному дѣйствію должна предшествовать попытка получить мирнымъ путемъ удовлетвореніе. Въ чисто-гражданскихъ претензіяхъ судебный искъ даже не можетъ быть начатъ, прежде чѣмъ попытка соглашенія у мироваго судьи не оказалась тщетною. Въ журнальномъ дѣлѣ, подобномъ настоящему, которое можно вести и гражданскимъ путемъ и уголовнымъ (собственно исправительнымъ), нѣтъ обязанности непремѣнно исчерпывать мирныя средства, и можно прямо начать съ офиціальнаго приглашенія, *sommation par huissier*, тѣмъ болѣе что это еще не есть позывъ къ суду, а только предварительный актъ, который можетъ быть поставленъ на одну доску съ приглашеніемъ *en conciliation* къ мировому судьѣ. Но это уже офиціальный актъ, уже какъ бы открытіе враждебныхъ дѣйствій, средство заручиться числомъ, срокомъ: принято прибѣгать къ нему не иначе какъ послѣ совершенно *частной* попытки мирнаго исхода. Поэтому, *первый* шагъ въ настоящемъ дѣлѣ долженъ былъ состоять въ *частной* посылкѣ четыремъ газетамъ объясненій, помѣщенія которыхъ желаютъ *Московскія Вѣдомости.* Шагъ этотъ сдѣланъ вчера. Объясненія посланы въ формѣ писемъ. При составленіи послѣднихъ надобно было имѣть въ виду вопервыхъ вообще отношенія данной газеты къ Россіи, вовторыхъ—роль которую каждая изъ нихъ играла въ распространеніи подлога, и выраженія въ которыхъ та или другая заявила въ послѣдствіи свое недовѣріе къ *Московскимъ Вѣдомостямъ. France*—вѣрно или невѣрно она относится къ русскимъ интересамъ, это другой вопросъ—злобы къ Россіи не питаетъ, злостныхъ предубѣжденій противъ нея не имѣетъ, иногда даже вступается за насъ. *Siècle* оретъ постоянно противъ насъ не столько по ненависти, сколько по.. какъ бы выразиться мягче?.. по невѣдѣнію. *Patrie* насъ не терпитъ; это польскій органъ. Наконецъ *Opinion Nationale*, архи-польскій

листокъ, желалъ бы насъ скушать, какими бы то ни было путями. Это вообще. Въ частности, *France* подлога въ оборотъ не пускала, напротивъ, заговорила о немъ лишь для того чтобъ отмѣтить изобличеніе, и если выразила недовѣріе къ *Московскимъ Вѣдомостямъ*, то сдѣлала это, какъ читатель увидитъ ниже изъ постройки ея отзыва, болѣе для того чтобы написать громкую заключительную фразу, чѣмъ для выраженія дѣйствительнаго сомнѣнія. *Siècle* подлога не перепечатывалъ, за то сомнѣніе выразилъ, въ простотѣ души, довольно рѣзко. *Patrie* недовѣріе оказала довольно неопредѣленно, но перепечатала подлогъ цѣликомъ. Роль *Opinion Nationale* извѣстна. Сообразно съ этимъ, въ письмахъ *я нарочно* старался, проводя общій мотивъ, сдѣлать какъ можно болѣе видными весьма значительные оттѣнки.

Вотъ самыя письма въ русскомъ переводѣ:

1.

Господину главному редактору газеты

LA FRANCE.

М. г.,

У васъ безъ сомнѣнія еще въ памяти исторія той дерзкой басни которая была недавно пущена въ ходъ газетой *Opinion Nationale*. Посредствомъ поддѣлки текста *Московскихъ Вѣдомостей*, эта басня приписывала Русскимъ употребленіе отравленнаго оружія, приготовленнаго для облегченія агентовъ *польскаго* революціоннаго „правительства“ въ ихъ подвигахъ. „*Въ Варшавѣ открыли въ двухъ мѣстахъ складъ отравленныхъ стрихниномъ кинжаловъ, которыми дѣйствуютъ польскіе жандармы-вѣшатели*“ разказывали *Московскія Вѣдомости*; „*Русское правительство роздало въ Варшавѣ своимъ агентамъ кинжалы, отравленные стрихниномъ*“, перевела *Opinion Nationale*.... Благодаря протесту послѣдовавшему тотчасъ же и встрѣтившему въ нѣкоторыхъ значительныхъ органахъ парижской журналистики добровольное содѣйствіе *, въ этотъ разъ обману не удалось пустить корни, несмотря на недостатокъ въ *Opinion Nationale* готовности исправить свою ошибку, истинный текстъ *Московскихъ Вѣдомостей* былъ быстро возстановленъ, по крайней мѣрѣ въ глазахъ нѣкоторой части публики,—и ваша уважаемая газета находилась въ числѣ обратившихъ вниманіе на казусъ и заявившихъ опроверженіе сочиненнаго подлога. Меньшаго и нельзя было ожидать отъ вашего безпристрастія и вашей прямоты.

* Нѣкоторыя газеты: *Moniteur*, *Constitutionnel*, *Nation*, хотя и не дались въ поставленную газетой *Opinion Nationale* ловушку, то-есть не заимствовали изъ нея фальшиваго текста *Московскихъ Вѣдомостей*, но тѣмъ не менѣе перепечатали изъ газеты *Nord* переводъ возстановляющій подлинникъ.

Къ несчастію, упоминая, въ нумерѣ 22-го ноября, о достойномъ сожалѣнія случаѣ, который я привожу вамъ сегодня на память, *La France* сочла нужнымъ высказать слѣдующее размышленіе:

„....Изъ уваженія къ человѣчеству, мы не хотимъ вѣрить ни одному изъ этихъ разказовъ! И несмотря на ужасы удручающей Польшу междуусобной войны, мы отвергаемъ мысль, чтобы какая-нибудь изъ двухъ сторонъ могла прибѣгать къ столь варварскимъ средствамъ.“

Сочувствіе къ польскому дѣлу, которое по недоразумѣнію такъ популярно въ либеральной и демократической Франціи, не привело васъ, м. г., къ слѣпой и систематической ненависти относительно Россіи. Поэтому, я нравственно убѣжденъ что приведенныя строки выражаютъ инстинктивное чувство отвращенія которое овладѣваетъ всякимъ честнымъ человѣкомъ, когда картины дикаго звѣрства оскверняютъ его воображеніе и возмущаютъ его совѣсть,—а не сомнѣніе въ разказѣ русской газеты. Но иной можетъ и не раздѣлять этого взгляда; вашей мысли можетъ быть дано и другое толкованіе, и если оставить на минуту въ сторонѣ чисто отвлеченное значеніе вашихъ словъ, какую идею должны они породить въ умахъ вашихъ читателей, какъ не слѣдующую: „Разказъ *Московскихъ Вѣдомостей* такъ же ложенъ, какъ и переводъ *Opinion Nationale*. *Московскія Вѣдомости* пустили въ оборотъ ложное извѣстіе, онѣ разказываютъ выдуманные факты, онѣ говорятъ о фантастическомъ оружіи, онѣ рисуютъ никогда не существовавшіе кинжалы,—словомъ, и онѣ также сочиняютъ фальшь.“

Имѣя въ виду возможность подобнаго толкованія, вы поймете, м. г. что *Московскія Вѣдомости* не могутъ допустить отзывъ, какъ бы заключающій въ себѣ опроверженіе, и представляющій тѣмъ бóльшую важность, что относясь къ *Московскимъ Вѣдомостямъ* съ недовѣріемъ, онъ набрасываетъ на нихъ подозрѣніе не просто въ *напечатаніи*, но въ *сочиненіи* ложнаго извѣстія,—сочиненіи умышленномъ, ухищренномъ, даже иллюстрированномъ, и которое, еслибъ оно дѣйствительно имѣло мѣсто, унизило бы *Московскія Вѣдомости* до уровня фальсификаторовъ, съ которыми эта газета борется въ польскомъ вопросѣ.

Не удивляйтесь же, м. г., что *Московскія Вѣдомости* протестуютъ противъ размышленій вашей уважаемой газеты и подтверждаютъ разказъ, который съ перваго взгляда показался вамъ невѣроятнымъ. Да, склады отравленныхъ кинжаловъ, предназначенныхъ польскимъ жондомъ для убійства Русскихъ и вообще гражданъ преданныхъ Россіи, были открыты въ Варшавѣ. Это фактъ. *Московскія Вѣдомости*, которыя никогда не печатаютъ ничего сомнительнаго, знаютъ о немъ изъ совершенно достовѣрнаго источника и удостовѣряютъ въ его справедливости. Помимо этого свидѣтельства—отстранить которое никто не въ правѣ—чтобъ убѣдиться въ истинѣ разказа *Московскихъ Вѣдомостей* вамъ достаточно будетъ, м. г., припомнить употребляемыя „національ-

нымъ“ жондомъ средства *вліянія*, равно какъ офиціально извѣстную цифру *восемьсотъ двадцати одного* лица, разнообразнымъ способомъ измѣннически умерщвленныхъ жандармами-вѣшателями съ февраля мѣсяца по 16-е ноября. Что и говорить: отравленный кинжалъ—ужасное орудіе; но оно нисколько не расходится съ общимъ образомъ дѣйствій „національнаго правительства“, которое—какъ извѣстно изъ офиціальныхъ донесеній—разрѣзываетъ своимъ противникамъ животъ или зарываетъ ихъ живыми въ землю.

Имя часто составляетъ гарантію. Когда газета имѣетъ честь называться *Франціей*, можно довѣриться ея прямотѣ. Поэтому я впередъ благодарю васъ за гостепріимство, которое, я увѣренъ, это письмо найдетъ въ вашихъ столбцахъ, и прошу васъ, м. г., принять увѣреніе въ моемъ искреннемъ уваженіи.

2.

Господину главному редактору газеты

SIECLE.

М. г.,

Обманутый ловкою фальшью, которую газета *Opinion Nationale* имѣла вѣтренность распространить въ публикѣ, *Siècle* упомянулъ о статьѣ *Московскихъ Вѣдомостей*, по которой русскіе солдаты въ Варшавѣ будто бы вооружены отравленными кинжалами. Когда немедленный протестъ возстановилъ истинный текстъ *Московскихъ Вѣдомостей*, ваша почтенная газета—я счастливъ что могу отдать ей справедливость въ этомъ отношеніи—не уклонилась отъ исправленія своихъ словъ и, заявляя о невѣрности мнимаго „перевода“, признала, что не *русскимъ* солдатамъ приписывали *Московскія Вѣдомости* употребленіе отравленныхъ кинжаловъ, а *польскимъ* жандармамъ-вѣшателямъ.

Къ несчастію, вотъ какія слова газета *Siècle* сочла нужнымъ прибавить къ своей замѣткѣ:

„Это—новая клевета, увеличивающая число клеветъ, на которыя такъ щедры органы Петербургскаго кабинета.“

Позвольте мнѣ, м. г., именемъ *Московскихъ Вѣдомостей*, отвѣчать на эти строки.

Начну съ того, что ваша газета сильно ошибается, если видитъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* изданіе *офиціальное*. *Московскія Вѣдомости* не находятся ни отъ кого въ зависимости, кромѣ совѣсти своей редакціи. Если же выраженіемъ „органъ Петербургскаго кабинета“ *Siècle* приписываетъ *Московскимъ Вѣдомостямъ* характеръ не *офиціальный*, а *офиціозный*,—онъ опять очень ошибается. Офиціозная журналистика не въ русскихъ нравахъ. Это до такой степени справедливо, что русскій

языкъ не имѣетъ даже слова для выраженія эпитета „*офиціозный*", „*офиціозная*" (*officieux*, *officieuse*). Какъ бы то ни было, объявляю вамъ формально, что *Московскія Вѣдомости* ищутъ чести быть органомъ общественнаго мнѣнія своей страны, но никогда не были органомъ никакого кабинета, ни Петербургскаго, ни какого другаго. Очень сожалѣю, м. г., что *Siècle* не знаетъ столь важныхъ подробностей относительно иностранныхъ газетъ о которыхъ онъ разсуждаетъ.

Еще болѣе сожалѣю, что ваша почтенная газета бросаетъ въ *Московскія Вѣдомости* столь серіознымъ обвиненіемъ, какъ обвиненіе въ *клеветѣ*. Наскоро, не роясь въ памяти—и помимо тѣхъ военныхъ извѣстій, о которыхъ серіозные люди уже не говорятъ болѣе — я могу привести вамъ съ полдюжины *вопіющихъ подлоговъ*, изобличенныхъ предъ всею Европой, которыхъ сочиненіе или распространеніе падаетъ на польскіе органы: *Секретная царская воля*, *Катехизисъ генерала Анненкова*, *Фальшивый указъ Сената*, *Фальшивые манифесты императора Александра*, *Фальшивое письмо императора Наполеона III*, вотъ, не говоря о фальшивомъ текстѣ *Московскихъ Вѣдомостей*, краткій послужной списокъ польской журналистики. Можете ли вы указать и *доказать* хоть *одинъ* подобный фактъ, которымъ провинилась бы журналистика русская? слѣдовательно, можете ли вы серіозно признавать за собою право обзывать разказъ *Московскихъ Вѣдомостей* „клеветою, увеличивающею число другихъ клеветъ"?

Не удивляйтесь же, м. г., что *Московскія Вѣдомости*, которыхъ издатели, гг. Катковъ и Леонтьевъ, считаютъ себя оскорбленными въ чести своего изданія и въ своей личной чести, не удивляйтесь, что *Московскія Вѣдомости* протестуютъ противъ обвиненія вашей газеты и, вмѣстѣ съ тѣмъ, удостовѣряютъ въ полнѣйшей достовѣрности своего извѣстія. Агенты польскаго „національнаго правительства" измѣннически убиваютъ, въ Варшавѣ и въ иныхъ мѣстахъ, какъ Русскихъ, такъ и тѣхъ изъ Поляковъ которые не хотятъ склонить голову предъ революціоннымъ терроризмомъ. Всякія средства для нихъ хороши, лишь бы истребить упрямцевъ и подозрительныхъ: ножъ, веревка, огонь, зарываніе живымъ въ землю. Въ послѣднее время они дошли до того что прибѣгли къ отравленнымъ кинжаламъ, которыхъ большое количество было найдено въ Бернардинскомъ монастырѣ и въ домѣ Грабовскаго. Это фактъ, который извѣстенъ *Московскимъ Вѣдомостямъ* изъ вѣрнаго источника, который *Московскія Вѣдомости* подтверждаютъ вамъ во всемъ его политическомъ и нравственномъ значеніи, и который, въ виду столь положительнаго утвержденія, никто не въ правѣ называть клеветою.

Каковы бы ни были ваши симпатіи и ваши антипатіи, долгъ безпристрастія одержитъ, я увѣренъ, верхъ надъ вашими чувствами, и вы

найдете справедливымъ открыть этимъ строкамъ столбцы вашей почтенной газеты. Въ этомъ-то убѣжденiи прошу васъ напечатать вполнѣ это письмо въ ближайшемъ нумерѣ *Siècle* и принять увѣренiе въ моихъ отличнѣйшихъ чувствахъ.

III.

Господину главному редактору газеты

PATRIE.

М. г.,

Газета *Patrie* помѣстила вслѣдъ за *Opinion Nationale* поддѣльный переводъ одного отрывка *Московскихъ Вѣдомостей*, и хотя немедленно во многихъ изданiяхъ появилось исправленiе текста, но такъ какъ ваша газета уклонилась отъ его перепечатки, то ея читатели остаются подъ впечатлѣнiемъ подлога, который приписываетъ Русскимъ употребленiе въ Варшавѣ отравленныхъ кинжаловъ. Правда, по обнародованiи опроверженiя, *Patrie* сказала о послѣднемъ нѣсколько словъ въ своемъ нумерѣ 20-го ноября: но, очевидно, простаго упоминанiя недостаточно для того чтобъ изгладить изъ ума публики всѣ слѣды клеветы, которую пытались распространить. Во всякомъ случаѣ, этого недостаточно для газеты, слова которой были такъ нагло извращены. Поэтому вы не откажетесь, м. г., дать истинѣ болѣе широкое удовлетворенiе.

Вотъ что́ было выдано за „переводъ“ изъ *Московскихъ Вѣдомостей* (*Слѣдуетъ текстъ подлога*).

Вотъ подлинный текстъ *Московскихъ Вѣдомостей:*

(*Слѣдуетъ дѣйствительный переводъ обезображенной корреспонденцiи.*)

Московскiя Вѣдомости просятъ васъ, м. г., представить вашимъ читателямъ оба текста, равно какъ и предшествующiя имъ строки.

Но это еще не все.

Обозначая, въ нумерѣ 20-го ноября, тотъ смыслъ, въ которомъ долженъ быть исправленъ обнародованный ею предъ тѣмъ фальшивый переводъ, *Patrie* произнесла надъ разказомъ *Московскихъ Вѣдомостей* слѣдующiй приговоръ:

„....Мы отнюдь не можемъ вѣрить этому разказу.“

Не скрою отъ васъ, м. г., что издатели *Московскихъ Вѣдомостей*, гг. Катковъ и Леонтьевъ, считаютъ такой отзывъ посягательствомъ на честь ихъ изданiя, равно какъ на ихъ личную честь.

Дѣйствительно, въ настоящемъ случаѣ сказать, что *Patrie* отнюдь не можетъ вѣрить разказу *Московскихъ Вѣдомостей*, значитъ сказать, что *Московскiя Вѣдомости*, передавая то что̀ они передаютъ и сопровождая свой разказъ рисункомъ, нарочно *выдумываютъ* ложное извѣстiе и лукаво рисуютъ *никогда не существовавшую* вещь. Короче, это значитъ сказать, что *Московскiя Вѣдомости* совершаютъ *подлогъ*.

Московскія Вѣдомости протестуютъ противъ подобныхъ намековъ и въ то же время подтверждаютъ вамъ полнѣйшую точность разказа, вѣрить которому *Patrie* считала невозможнымъ. Агенты польскаго „національнаго“ правительства измѣннически убиваютъ въ Варшавѣ и въ иныхъ мѣстахъ Русскихъ и тѣхъ изъ Поляковъ, которые не хотятъ склонить голову предъ революціоннымъ терроризмомъ. Всякія средства для нихъ хороши, лишь бы истребить упрямцевъ и „подозрительныхъ“: ножъ, веревка, огонь, зарываніе живымъ въ землю. Въ послѣднее время они дошли до того что прибѣгли къ отравленнымъ кинжаламъ, которыхъ большое количество было найдено въ Бернардинскомъ монастырѣ и въ домѣ Грабовскаго. Это фактъ, который извѣстенъ *Московскимъ Вѣдомостямъ* изъ вѣрнаго источника, который *Московскія Вѣдомости* подтверждаютъ вамъ во всемъ его политическомъ и нравственномъ значеніи и который, въ виду столь положительнаго утвержденія, никто не въ правѣ отвергать какъ выдумку.

Я понимаю, м. г., что очень непріятно быть вынужденнымъ помѣстить подобныя вещи въ столбцахъ газеты, которая, какъ ваше изданіе, привыкла считать Русскихъ разбойниками, а Поляковъ мучениками. Но *Московскія Вѣдомости* не виноваты, что польскій жондъ, упорствуя въ своемъ гнусномъ образѣ дѣйствій, доходитъ до вооруженія своихъ агентовъ отравленными кинжалами. Съ другой стороны, не *Московскія Вѣдомости* слѣдуетъ упрекать въ томъ, что *Opinion Nationale* дала фальшивый переводъ текста *Вѣдомостей* и что, перепечатавъ подлогъ, не перепечатывая поправки, наконецъ выражая къ разказу *Московскихъ Вѣдомостей* оскорбительное сомнѣніе, *Patrie* ставитъ эту газету въ необходимость требовать помѣщенія настоящаго письма и налагаетъ на себя обязанность принять его въ свои столбцы.

Долгъ безпристрастія одержитъ въ васъ, я увѣренъ, верхъ надъ предубѣжденіемъ. Вы докажете это, помѣстивъ вполнѣ мое письмо въ ближайшемъ нумерѣ вашей газеты. Въ этомъ-то убѣжденіи прошу васъ, м. г., принять выраженіе моихъ отличнѣйшихъ чувствъ.

4.

Господину главному редактору газеты

OPINION NATIONALE.

Въ нумерѣ 16-го ноября, *Opinion Nationale* помѣстила переводъ отрывка изъ *Московскихъ Вѣдомостей*, извѣщавшій что Русскіе вооружились будто бы въ Варшавѣ отравленными кинжалами. Вашъ мнимый переводъ былъ не что̀ иное какъ *подлогъ*.

Не мое дѣло доискиваться, какимъ образомъ ПОДЛОГЪ могъ быть выданъ за БУКВАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОДЪ, когда, по собственному свидѣ-

тельству *Opinion Nationale*, вы „имѣли въ рукахъ“ русскій текстъ. Но я хочу поставить на видъ, что какъ только я прочелъ вашъ „переводъ“, я протестовалъ и помѣстилъ въ газетѣ *Le Nord* исправленіе текста, выражая надежду видѣть послѣднее перепечатаннымъ въ *Opinion Nationale*.

Многія парижскія газеты, хотя прямо не заинтересованныя въ вопросѣ, тѣмъ не менѣе помогли его разъясненію и по собственному побужденію поспѣшили заявить случай и возстановить, сообразно моему исправленію, истинный текстъ *Московскихъ Вѣдомостей*. Но журналъ *Opinion Nationale*, первый виновникъ распространенія подлога, уклонился. Когда дѣло шло о нападкѣ на Россію, ваша газета простерла любовь къ гласности до того, что снабдила одно вечернее изданіе своими политипажами *); когда понадобилось возстановить истину, *Opinion Nationale* разомъ обратилась въ скромность.

А, между тѣмъ, вотъ какъ я ставилъ вопросъ въ концѣ помѣщеннаго въ газетѣ *Nord* письма: „Пріятно думать, что теперь, когда ей извѣстна истина, почтенная газета поправитъ свою ошибку. Надѣюсь, что *Opinion Nationale* поспѣшитъ какъ можно скорѣе перепечатать исправленіе текста, и такимъ образомъ очиститъ себя, въ глазахъ своихъ читателей, отъ невольнаго сообщничества въ подобномъ обманѣ. Если она этого не сдѣлаетъ... да будетъ позволено русскимъ журналистамъ отнынѣ впредь сомнѣваться въ добросовѣстности *Opinion Nationale* при помѣщеніи ея корреспонденцій.“

Opinion Nationale этого не сдѣлала.

Поступить иначе было бы не только болѣе безпристрастно, но и болѣе ловко. Возстановить текстъ извращеннаго отрывка значило бы не только доказать свою справедливость и уничтожить всякую солидарность между фальсификаторами и газетой, имѣвшею несчастье сдѣлаться ихъ жертвою, но это значило бы утвердить свой политическій авторитетъ, законное достояніе того, кто умѣетъ исправлять свои промахи.

Opinion Nationale не захотѣла этого.

Полическая репутація и авторитетъ *Opinion Nationale* не составляютъ для *Московскихъ Вѣдомостей* предмета заботы. Но для нихъ важно видѣть свой подлинный текстъ въ тѣхъ самыхъ столбцахъ которые послужили пристанищемъ тексту подложному, свой настоящій разказъ— предъ глазами той самой публики которая прочла разказъ искаженный. *Московскія Вѣдомости* имѣютъ право: онѣ намѣрены воспользоваться своимъ правомъ,—хотя бы для того, чтобы заставить *Opinion Nationale* собственными руками разорвать завѣсу, которая за *косиньерами* скрываетъ *фальсификаторовъ*.

*) *Opinion Nationale* сообщала газетѣ *Patrie* готовую доску рисунка кинжала.

Вотъ что́ было выдано въ вашей газетѣ за „возможно буквальный“ переводъ отрывка изъ *Московскихъ Вѣдомостей*, котораго русскій текстъ, какъ завѣряла *Opinion Nationale*, „она имѣла“ предъ глазами.

(*Слѣдуетъ текстъ подлога.*)

Вотъ что́ было дѣйствительно помѣщено въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*.

(*Слѣдуетъ настоящій переводъ искаженной корреспонденціи.*)

Московскія Вѣдомости приглашаютъ васъ, м. г., напечатать вполнѣ это письмо въ ближайшемъ нумерѣ вашей газеты.

Примите увѣреніе въ моихъ отличныхъ чувствахъ.

Всѣ письма подписаны мною въ качествѣ „сотрудника и представителя“ *Московскихъ Вѣдомостей*. Въ образѣ доставленія ихъ въ редакціи подлежащихъ газетъ мнѣ казалось умѣстнымъ сохранить такіе же оттѣнки, какъ въ ихъ содержаніи; поэтому въ редакцію *France* я отнесъ письмо лично, со своею карточкой; другимъ просто отослалъ ихъ по городской почтѣ (страховыми, №№ 763, 764 и 765, съ извѣщеніемъ о полученіи, *avis de réception*). Мнѣ очень хотѣлось выдѣлить *Opinion Nationale* и изъ этой группы и послать ей прямо офиціальное приглашеніе, *sommation par huissier*. Это можно было бы сдѣлать относительно *Opinion Nationale* тѣмъ съ бо́льшимъ основаніемъ, что недавно *Temps* получилъ такимъ образомъ, отъ компаніи Суэзскаго перешейка, прямую соммацію, безъ предварительнаго частнаго обращенія, и сама *Opinion Nationale*, выражая свою радость тому что *Temps* будто бы побѣжденъ въ своихъ собственныхъ столбцахъ, не нашла рѣзкаго образа дѣйствій компаніи неприличнымъ. „Чего вы не осудили относительно другихъ, на то не претендуйте и въ примѣненіи къ вамъ самимъ“, можно бы отвѣчать *Opinion Nationale* въ случаѣ рекриминацій. Но вообще, особенно же когда дѣйствуешь не въ слишкомъ-то расположенной къ дѣлу средѣ, лучше и благоразумнѣе имѣть на своей сторонѣ не только право, но и самую строгую умѣренность и вѣжливость.

Что́ касается до дальнѣйшей судьбы писемъ, то предсказывать ее нельзя, но мое личное мнѣніе, подтверждаемое отзывами тѣхъ съ кѣмъ я говорилъ объ этомъ предметѣ, таково: *France* напечатаетъ свое, *Siècle* сдѣлаетъ о своемъ упоминаніе и дастъ выдержки, а можетъ-быть тоже напечатаетъ; *Patrie* и особенно *Opinion Nationale* заключатся въ величественное молчаніе; послѣдній журналъ быть-можетъ выкинетъ какую-нибудь новую штуку. Въ такомъ случаѣ, подождавъ дня два, пойдетъ офиціальное приглашеніе, за которымъ послѣдуетъ процессъ. Если будетъ процессъ, а относительно *Opinion Nationale* его непремѣнно должно ожидать, это не бѣда. Выиграть его представляется большая вѣроятность. Законъ формально обязываетъ періодическія изданія помѣщать отвѣты затронутыхъ ими лицъ, если въ отвѣтахъ не заключается прямаго оскорбленія изданію; а въ посланныхъ письмахъ нѣтъ

никакой обиды. Во всякомъ случаѣ, процессъ доставитъ возможность открыть французскому общественному мнѣнію тѣ стороны польскаго вопроса, которыя такъ старательно отъ него скрываютъ. Чѣмъ берутъ Поляки предъ Европой? Чѣмъ они ввели ее въ заблужденіе и пріобрѣли ея симпатіи? Тѣмъ, что съ давнихъ поръ каждый изъ разсѣянныхъ по европейскимъ странамъ Поляковъ, не упуская ни малѣйшаго случая, и словомъ, и дѣломъ, и перомъ, и языкомъ, ополчается на Россію. Русскаго же голоса въ Европѣ до сихъ поръ не было слышно. Говорю о голосѣ частныхъ людей, ибо офиціальному не хотятъ вѣрить. Теперь представляется случай нѣсколько вознаградить себя за долгое молчаніе и конечно слѣдуетъ имъ воспользоваться. Процессъ можетъ произвести впечатлѣніе. Пренія, отчеты въ газетахъ, особая судебная записка, которая будетъ напечатана и распространена, все это не останется безъ слѣда, раздастся конечно не въ одной Франціи, но путемъ журналистики отзовется, безъ сомнѣнія, и въ другихъ странахъ.

Но о процессѣ до другаго раза.

Н. Щербань.

II.

Парижъ 25-го декабря.

Какъ и слѣдовало ожидать, *Opinion Nationale* отличилась новою выходкой. Посланнаго ей 17-го числа письма она не помѣстила, а вотъ что́ напечатала въ нумерѣ 20-го декабря, за подписью секретаря редакціи:

„Читатели быть-можетъ помнятъ, что въ прошломъ мѣсяцѣ мы были жертвою *русской мистификаціи. Услужливый корреспондентъ* доставилъ намъ, въ подлинникѣ, отрывокъ изъ *Московскихъ Вѣдомостей,* со сдѣланнымъ имъ переводомъ, изъ котораго выходило, что Русскіе употребляютъ въ Варшавѣ отравленное оружіе, котораго вышесказанныя *Вѣдомости* давали образецъ.

„ Сила въ томъ, что переводъ былъ не вѣренъ и что, по словамъ *Московскихъ Вѣдомостей*, не Русскимъ, а Полякамъ принадлежало изобрѣтеніе и употребленіе этого гнуснаго оружія.

„Распознавъ разставленныя намъ сѣти, мы напечатали, 20-го ноября, необходимую поправку.

«*Но шуточка до того понравилась, что теперь хотятъ повторить ее или продлить.* Нѣкій г. Щербань, называющій себя сотрудникомъ и представителемъ *Московскихъ Вѣдомостей* и живущій... въ Пасси, пишетъ намъ длинное письмо, въ которомъ читаетъ намъ наставленія и жалуется на то что мы не напечатали самаго текста *Московскихъ Вѣдомостей*, извращеннаго нашимъ услужливымъ корреспондентомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ требуетъ отъ насъ помѣщенія его посланія.

„Мы имѣемъ нѣсколько причинъ чтобы не удовлетворять его требованію.

„Вопервыхъ — *ошибка* на которую онъ жалуется *исправлена въ Opinion Nationale 20-го ноября.*

„Вовторыхъ, если эта ошибка и могла повредить доброй славѣ Русскихъ и ихъ репутаціи какъ кроткихъ людей, то *она не причиняетъ никакого вреда Московскимъ Вѣдомостямъ* вообще и г. Щербаню въ частности, который имѣетъ не болѣе правъ возвращаться къ этому предмету, какъ и всякій другой изъ его соотечественниковъ.

„Втретьихъ, *разъ уже обманутые* русскимъ переводомъ, котораго мы не могли провѣрить, мы вовсе не желаемъ помѣщать второй переводъ, *провѣрить который мы также не въ состояніи*, и который можетъ вызвать новыя требованія объ исправленіи.

„*Таковы соображенія* побуждающія насъ отказаться и отъ присланнаго намъ перевода и отъ *уроковъ нравственности и прямоты*, которыми награждаетъ насъ почтенный сотрудникъ *Московскихъ Вѣдомостей*"

Самый фактъ отвѣта есть со стороны *Opinion Nationale* порядочный промахъ. Рѣшившись не помѣщать письма, *Opinion Nationale* должна была заключиться въ строгое молчаніе, отказать себѣ въ удовольствіи журнальной полемической бесѣды, словомъ—выжидать. Но нѣтъ, вѣроятно подмываемая желаніемъ выкинуть еще какую-нибудь штуку, она не выдержала характера, и пустилась съ противникомъ въ объясненія? Уже само-по-себѣ въ ея положеніи это неумѣстно, ибо прибавляетъ лишнюю черту къ разъясненію вопроса, который ей гораздо выгоднѣе оставлять въ туманѣ. А тутъ еще измѣнилъ голосъ. Въ тонѣ отвѣта ясно слышится и раздраженіе, и боязнь сказать какую-нибудь неосторожность. *Opinion Nationale* очевидно очень прогнѣвалась и въ то же время старается замаскировать свой гнѣвъ. Не нужно было выдавать этихъ ощущеній.

Но это общіе, такъ-сказать, *нравственно-литературные* промахи. Въ отвѣтѣ заключается, кромѣ того, нѣсколько еще болѣе крупныхъ, и для насъ еще болѣе важныхъ, *юридическихъ* ошибокъ. *Вопервыхъ*, *Opinion Nationale* вновь поетъ про «*русскую мистификацію*», вновь сворачиваетъ на Россію доставленіе ей фальшиваго перевода, то-есть возобновляетъ поводъ требовать, чтобъ она или доказала свои рѣчи, или поплатилась за клевету. Судебнаго преслѣдованія въ этомъ отношеніи ожидать трудно, потому что, внѣ данныхъ (служебныхъ) случаевъ, диффамація, по французскимъ законамъ, доказательствъ не допускаетъ; слѣдовательно, процессъ поставилъ бы *Opinion Nationale* въ положеніе жертвы, также потому что Россія, въ лицѣ своихъ офиціальныхъ представителей, вѣроятно, сочла бы излишнимъ почтить заврашуюся газету тяжбой. Но если *Opinion Nationale* можетъ избѣжать, такимъ образомъ, суда, то кто поручится, что не прихлопнутъ

ее за клевету офиціальнымъ приглашеніемъ пояснить и доказать свои слова, или торжественно отъ нихъ отречься?

Вовторыхъ, Opinion Nationale упоминаетъ въ своемъ отвѣтѣ мое имя, другими словами, затрогиваетъ меня лично, и даетъ мнѣ лично право отвѣчать ей на ея собственныхъ страницахъ. Понятно, что я не премину, въ первую досужую минуту, „наградить“ почетную газету моими соображеніями о ея намекахъ, о ея взглядахъ, о ея дѣятельности вообще, и если она откажется принять мое „посланіе“, особымъ ли процессомъ, или путемъ безпристрастныхъ органовъ здѣшней журналистики, я дамъ своему письму какъ можно бо́льшую гласность.

Втретьихъ и *вчетвертыхъ*... Но чтобы двѣ слѣдующія ошибки, касающіяся требованія *Московскихъ Вѣдомостей,* были понятнѣе, надобно обратиться къ законодательной сторонѣ вопроса. Получивъ довѣренность *Московскихъ Вѣдомостей* на веденіе дѣла, я тотчасъ обратился за совѣтомъ къ адвокату, и по здѣшнему обычаю, въ отвѣтъ на рядъ предложенныхъ вопросовъ, взялъ отъ него обстоятельную письменную консультацію. Извлекаю изъ этой консультаціи нѣкоторыя мѣста, необходимыя для ясности дальнѣйшаго изложенія:

„....Вотъ текстъ различныхъ установляющихъ право отвѣта законовъ:

«*Законъ 25 марта 1822, ст. 11.* Собственники или издатели всякой газеты, или всякаго періодическаго изданія, *обязаны помѣстить,* въ теченіи трехъ дней со времени полученія, или въ самомъ ближайшемъ нумерѣ, если нумеръ выйдетъ позже трехдневнаго срока, *отвѣтъ всякаго лица, названнаго или обозначеннаго газетой или изданіемъ* (*la réponse de toute personne nommée ou désignée dans le journal ou l'écrit périodique*), подъ страхомъ пени (*amende*) отъ 50 до 500 франковъ, независимо другихъ пеней и проторей и убытковъ (*dommages-intérêts*), которыя вызвавшая отвѣтъ статья можетъ повлечь за собой. Помѣщеніе отвѣта должно быть безплатно; отвѣтъ можетъ быть вдвое длиннѣе вызвавшей его статьи.

„*Законъ 9-го сентября 1835, ст. 17.* Предусмотрѣнные 11-ю статьей закона 25 марта 1825 отвѣты и поправки должны быть помѣщены въ нумерѣ слѣдующемъ за днемъ полученія; помѣщены безъ малѣйшаго измѣненія (*intégralement*), и безплатно, подъ страхомъ установленныхъ вышесказаннымъ закономъ пеней. Впрочемъ если отвѣтъ превышаетъ болѣе чѣмъ вдвое вызвавшую его статью, то излишекъ долженъ-быть оплаченъ по тарифу объявленій.

„*Законъ 27 іюля 1849, ст. 13 in fine.* Помѣщеніе предусмотрѣнныхъ 11-ою статьей закона 25 марта 1822 отвѣтовъ и поправокъ должно быть безплатно, если эти послѣднія не превышаютъ вызвавшую ихъ статью болѣе чѣмъ вдвое; въ противномъ случаѣ помѣщеніе оплачивается лишь за излишнія его строки.

„*Законъ 9 сентября 1835, ст. 17* отмѣненъ декретомъ 6 марта 1848 припоминаемъ его лишь для того, чтобы видѣть полное развитіе мысли законодателя, ходъ которой не излишне имѣть предъ глазами.

„Духъ этого законодательства ясенъ. Законъ имѣлъ въ виду защитить гражданъ отъ нападокъ или даже просто отъ злоупотребленій печати. Журналистъ который говоритъ о данномъ лицѣ долженъ дать ему возможность опровергнуть обвиненія или слова которыя это лицо принять не можетъ. Средство обороны то же что̀ и средство нападенія. Та же самая гласность, которая составляетъ главную причину жалобы (*du grief*), должна быть существеннымъ элементомъ удовлетворенія. Тѣ же читатели, къ которымъ обращена статья газеты, должны прочесть и ректификацію. Мысль законодательства заключается въ томъ, чтобы установить равновѣсіе между журналистомъ и его противниками. Это одинъ изъ видовъ приложенія принципа законной обороны. Это, вмѣстѣ съ тѣмъ, лучшая узда для злоупотребленій печатнымъ словомъ. Право отвѣта представляетъ ту двойную выгоду что оно удерживаетъ заносчивыя перья и, вмѣстѣ, даетъ достаточное удовлетвореніе затронутымъ лицамъ.

„Такое значеніе законодательства достаточно указываетъ что его должно истолковывать въ смыслѣ самомъ благопріятномъ для права отвѣта. Въ случаѣ надобности вмѣшается судъ и сломитъ упрямство журналиста, который вздумалъ бы подъ разными предлогами увертываться отъ своей обязанности. Всѣ судебныя рѣшенія проникнуты строгостью къ такимъ упрямцамъ.

„Первый вопросъ, который является при истолкованіи права отвѣта, заключается въ томъ, обязательно ли постановленіе 2-й статьи закона 25-го марта 1822 въ отношеніяхъ между газетой и газетой? Это пунктъ спорный, и можно привести нѣсколько рѣшеній которыя отказались приложить законъ 1822 къ отношеніямъ газетъ между собою. Было замѣчено, что газеты, въ полемикѣ, снабжены равнымъ орудіемъ и одинаково располагаютъ гласностью своихъ столбцовъ для отвѣта своему противнику. Но такое мнѣніе не составляетъ вообще принятаго мнѣнія. Буква 11-й статьи, а духъ ея еще болѣе чѣмъ буква, не допускаютъ никакихъ ограниченій. Возразятъ ли, что слова закона *всякое лицо* (*toute personne*) не могли имѣть въ виду газету, существо отвлеченное? Но главный редакторъ или издатель, на которомъ лежитъ вся нравственная отвѣтственность за газету, безъ сомнѣнія, затронутъ вмѣстѣ съ нею; по закону 1822 года, *называя* газету достаточно *обозначаютъ* ея издателя; защита лежитъ тутъ въ его интересахъ и отвѣчать онъ имѣетъ полнѣйшее право... Право это еще полнѣе и еще очевиднѣе, если дѣло идетъ объ иностранной газетѣ. Относительно одноземельныхъ (французскихъ) органовъ еще можно допустить чтобъ они вѣдались промежъ собою на страницахъ своихъ

собственныхъ изданій. Но и тутъ уже трудно видѣть равенство оружія, если изданія стоятъ подъ различными политическими знаменами, слѣдовательно не могутъ имѣть однихъ и тѣхъ же читателей; и тутъ уже отвѣтъ не появившійся въ вызвавшей его газетѣ теряетъ всякую дѣйствительность, ибо не доходитъ до того кто, прочитавъ статью, остается подъ ея вліяніемъ, если не прочтетъ на нее отвѣта... Что же, если отвѣчающая газета есть газета иностранная, издаваемая внѣ Франціи, на иностранномъ языкѣ, слѣдовательно поставленная въ самыя невыгодныя условія относительно распространенія ея между французскою публикой? Очевидно, что и клеветѣ, и намекамъ, и всякимъ нападкамъ было бы предоставлено слишкомъ широкое поле, еслибъ иностранная газета не могла помѣстить свой отвѣтъ въ томъ самомъ изданіи которое распространило въ публикѣ затронувшую ее статью..

„....Право отвѣта, какъ мы уже сказали, должно быть понимаемо въ самомъ обширномъ смыслѣ. Кто отвѣчаетъ, тотъ лишь одинъ судья нанесенному его интересамъ ущербу, равно какъ умѣстности (*opportunité et convenance*) отвѣта. Газета не можетъ отказаться отъ помѣщенія подъ предлогомъ, что отвѣтъ полонъ длинныхъ, ненужныхъ обстоятельствъ или даже неточностей. Достаточно чтобъ отвѣтъ не былъ очевидно чуждъ предмету вызвавшей его статьи, чтобы въ основаніи его находилось какое-нибудь уловимое побужденіе, хотя бы то побужденіе самолюбія, наконецъ, чтобы въ немъ не заключалось такихъ вещей напечатаніе которыхъ подвергло бы помѣстившее ихъ изданіе отвѣтственности предъ закономъ. Въ случаѣ отказа въ помѣщеніи, судъ разсмотритъ его правильность и одобритъ его лишь въ такомъ случаѣ, если отвѣтъ содержитъ въ себѣ что-либо противное общественной нравственности, законамъ, законнымъ интересамъ или чести третьяго лица; или заключаетъ въ себѣ обиду, оскорбленіе или диффамацію журналиста въ изданіе котораго онъ присланъ. Понятно что журналистъ не обязанъ печатать у себя направленныхъ противъ него оскорбленій, но внѣ этой черты онъ обязанъ помѣстить на своихъ столбцахъ доставленный отвѣтъ, какъ бы горячи и сильны ни были его выраженія, если вызвавшая отвѣтъ статья оправдываетъ энергію и горячность. Требуется только чтобъ отвѣтъ сохранилъ умѣренность (*modération*) въ тонѣ. Все сказанное о нравственномъ объемѣ права отвѣта составляетъ какъ бы сущность многочисленныхъ судебныхъ рѣшеній по этому предмету. Въ особенности можно указать на рѣшенія кассаціоннаго суда 21-го сентября 1829,—24-го августа 1832,—26 го мая 1841,—29-го января 1832;—20-го іюля 1856,—11-го января 1860, и т. д.

„Должно прибавить, что кассаціонный судъ не признаетъ за судомъ первой инстанціи и аппелляціонными палатами качества верховныхъ рѣшителей судебъ отвѣта. Кассаціонный судъ оставляетъ за собою послѣднее слово этого щекотливаго разсмотрѣнія, *cette apréciation*

délicate, ибо видитъ въ подобномъ дѣлѣ не вопросъ о фактѣ, который не подлежалъ бы его компетентности, но истолкованіе закона, подпадающее подъ его контроль. Такъ въ особенности указано рѣшеніемъ 21-го января 1860. Слѣдовательно, въ случаѣ отказа, отвѣчающія лица могутъ восходить съ своимъ требованіемъ до самой верхушки судебной іерархіи..."

„...Еслибы судъ не призналъ справедливымъ предписать помѣщеніе отвѣта, какъ написаннаго въ крайнихъ выраженіяхъ (*conçue en termes excessifs)*, то не его дѣло исправлять отвѣтъ. „Въ такомъ случаѣ судъ ограничился бы отказомъ отвѣтчику, что однако же не уничтожило бы его права. Не получивъ еще матеріальнаго приложенія, право отвѣта не было бы исчерпано искомъ и убито отказомъ, но въ цѣлости осталось бы за отвѣчающимъ лицомъ, въ волѣ котораго было бы представить свой отвѣтъ въ смягченной редакціи и вновь требовать помѣщенія..."

Если читатель просмотрѣлъ со вниманіемъ сейчасъ цитованныя строки консультаціи, то онъ ясно видитъ, въ чемъ заключается юридическій узелъ вопроса, и, если *Opinion Nationale* уже рѣшилась не помѣщать письма и непремѣнно хотѣла, не дожидаясь суда, печатно мотивировать свой отказъ,—на какомъ фундаментѣ эта газета должна была бы построить свой отвѣтъ. Чтобы поставить себя если не на твердую, то по крайней мѣрѣ на юридическую почву, *Opinion Nationale*, должна была отвѣтить, что она не признаетъ за *Московскими Вѣдомостями* права отвѣта, такъ какъ *Московскія Вѣдомости* не *лицо*, а *газета*; что кромѣ того, она считаетъ присланное письмо *обиднымъ*, *оскорбительнымъ* для своей чести. Обѣ отговорки были бы неосновательны и судъ конечно не принялъ бы ихъ, ибо хотя *Московскія Вѣдомости* дѣйствительно *газета*, но газета представляетъ собой *лица*, слѣдовательно, по здравому истолкованію закона, *Московскимъ Вѣдомостямъ* вполнѣ принадлежитъ право отвѣта, тѣмъ болѣе, что эта газета иностранная; съ другой стороны, посланное письмо, каково бы ни было его значеніе для *Opinion Nationale*, по смыслу самаго дѣла, какъ извѣстно, не заключаетъ въ себѣ ничего оскорбительнаго. Но хотя и неосновательные, *такіе* доводы все-таки имѣли бы серіозную внѣшность, легальный видъ; они могли бы быть мотивомъ для судебныхъ преній, могли бы составить главный пунктъ защиты и центръ усилій для нападенія, наконецъ стать существеннымъ предметомъ судебнаго истолкованія и судебной оцѣнки отъ первой инстанціи до кассаціоннаго суда. Вмѣсто того, какъ отозвалась *Opinion Nationale?* на какихъ „соображеніяхъ" основала она свой отказъ? На томъ что „*ошибка* уже *исправлена въ Opinion Nationale 20 ноября*". Но исправленіе послѣдовало не полное, со злыми намеками, и во всякомъ случаѣ, заключалось вовсе *не* въ отвѣтѣ *Московскихъ Вѣдомостей*, слѣдовательно

оно не лишаетъ ихъ права отвѣта. На томъ еще, что вызвавшая отвѣтъ статья *„не причиняетъ никакого вреда Московскимъ Вѣдомостямъ“*, но законъ обусловливаетъ право отвѣта не „причиненнымъ вредомъ“, а *упоминанiемъ имени, обозначенiемъ:* „...обязаны помѣстить.. отвѣтъ всякаго *названнаго* или *обозначеннаго* газетою лица“ (toute personne *nommée* ou *désignée*, говоритъ 11-я статья.) Наконецъ, *Opinion Nationale* основываетъ свой отказъ еще и на томъ, что *„разъ уже обманутая“* она не желаетъ помѣстить включенный въ письмо переводъ, *„провѣрить который она не въ состоянiи“*; но это совсѣмъ дѣтская увертка, ибо переводъ былъ уже напечатанъ кромѣ *Nord* и *Nation* въ *Constitutionnel Moniteur*, которые оба поручились въ его вѣрности; но и помимо того, посланное письмо не анонимъ, а за подписью и съ адресомъ, слѣдовательно, по журнальному обычаю, само по себѣ представляло достаточную гарантiю. Ну, какiе же это легальные мотивы отказа, и не постаралась ли *Opinion Nationale* заранѣе засвидѣтельствовать собственнымъ признанiемъ, что отказъ ея основанъ не на сознанiи ея правъ, и даже не на ошибочномъ толкованiи законодательства о ея правахъ, а просто на прихоти или на упрямствѣ, просто на нежеланiи?

Что касается редакцiи посланнаго письма — написаннаго совершенно умѣренно, но къ которому ничто не мѣшаетъ *Opinion Nationale* придраться—то своимъ отвѣтомъ эта газета выдала ему какъ бы патентъ въ юридической безукоризненности. Мало того что она не сослалась на его содержанiе или на его тонъ какъ на одну изъ причинъ отказа въ помѣщенiи, но характеризовала его, и своею характеристикой доказала что письмо не даетъ ей повода даже прикинуться обиженною. Это „урокъ нравственности и прямоты“, опредѣлила его *Opinion Nationale*. Никакъ не болѣе.

Понятно что на судѣ *Opinion Nationale* можетъ заговорить иныя рѣчи; можетъ притвориться что считаетъ письмо оскорбительнымъ, можетъ отрицать у *Московскихъ Вѣдомостей*, какъ у газеты, право отвѣта. Но „собственное свидѣтельство“ сейчасъ разобранной статьи значительно обезсилитъ эти аргументы. Въ самомъ дѣлѣ, если съ самаго начала *Opinion Nationale* тотчасъ не выставила впередъ хоть сколько-нибудь сносный резонъ, значитъ она его и не имѣла, значитъ она поступила по внушенiямъ единственно своего произвола: этого-то законъ и не хочетъ. Съ другой стороны, если почтенному, тяжеловато-глубокомысленному Нѣмцу нужны сутки, чтобы вдуматься въ *вицъ* и если онъ не раньше двадцати четырехъ часовъ разражается смѣхомъ отъ произнесеннаго предъ нимъ каламбура, изъ этого вовсе не слѣдуетъ чтобы всѣ душевныя движенiя вообще и чтобы обидчивость *Opinion Nationale* въ особенности тоже неотъемлемо обладали свойствомъ ретроспективности. „Я счелъ себя оскорбленнымъ.“ Зачѣмъ же

сейчасъ этого не сказали? „Тогда я не замѣтилъ.“ Оттого и не замѣтили что никакой тутъ обиды нѣтъ.

Итакъ, 20-го числа послѣдовалъ отказъ и надобно было открыть официіальныя дѣйствія. Привожу еще нѣсколько строкъ изъ консультаціи: „По закону 1822, въ ежедневномъ изданіи отвѣты должны быть напечатаны въ теченіе трехъ дней по ихъ доставленіи; болѣе строгій законъ 1835 отмѣнилъ, относительно этого вопроса, постановленіе 1822, и предписалъ помѣщеніе въ ближайшемъ нумерѣ. Но законъ 1835 отмѣненъ, а правила юридической интерпретаціи не позволяютъ принять въ руководство разъ отмѣненный пунктъ закона 1822; поэтому въ настоящее время *положительно* установленнаго срока для помѣщенія отвѣта не существуетъ. Въ большей части случаевъ трехдневный терминъ принимается однакоже за *maximum* ожиданія. Какими средствами заручиться этимъ терминомъ, то-есть какъ заявить доставленіе отвѣта по принадлежности, законъ не опредѣляетъ. Изъ этого должно заключить, что допускаются всевозможныя доказательства доставленія даже свидѣтельскія показанія. На практикѣ принято сперва посылать частное письмо, съ просьбою напечатать; въ случаѣ непомѣщенія—отправлять официіальное приглашеніе (*sommation par huissier*), и число въ которое оно сдѣлано составляетъ, относительно срока, достовѣрное судебное доказательство...“

Opinion Nationale потрудилась сама заявить о полученіи письма и формально отказать въ его помѣщеніи; слѣдовательно, послѣ ея отвѣта, не было уже надобности заручаться срокомъ и можно было бы прямо вчинать искъ безъ предварительнаго официіальнаго приглашенія. Но вотъ что говоритъ консультація: „Въ дѣлѣ между журналами, чтобы занять наиболѣе выгодную позицію и расположить къ себѣ общественное мнѣніе, лучше не сразу прибѣгать къ официіальнымъ мѣрамъ. Нравственно выгоднѣе истощить сперва всѣ внѣсудебные пути и средства и такимъ образомъ сложить на противника отвѣтственность въ искѣ. Рѣзкій образъ дѣйствій, конечно, не уничтожаетъ права; но онъ уменьшаетъ расположеніе къ послѣднему; всякимъ шагомъ въ этомъ отношеніи могутъ воспользоваться, чтобъ эксплуатировать его въ свою пользу.“

Поэтому я рѣшился, не начиная еще процесса, дать официіальное приглашеніе, тѣмъ болѣе что въ виду процесса слѣдовало облечь частно посланное письмо въ извѣстную легальную форму. 21-го числа письмо было передано избранному мною *huissier* *), и вслѣдъ затѣмъ, на

*) *Huissiers*— особые судебные чиновники; собственно не судебные, а состоящіе при кругѣ дѣйствій *(ressort)* суда; *officiers ministeriels* называетъ ихъ законъ. Чрезъ ихъ руки проходятъ и чрезъ ихъ посредство совершаются юридическіе акты: *sommation, citation, assignation, notification, signification* (приглашеній, объявленій, позывовъ и т. д.) Они же приводятъ рѣшенія суда въ исполненіе; они же при взысканіяхъ описываютъ имѣніе, и т. д. Это судебные пристава нашей будущей организаціи.

гербовой бумагѣ, окруженное извѣстными формулами, отнесено въ редакцію *Opinion Nationale*. Мнѣ же выдана съ акта узаконенная копія, для представленія въ судъ.

Официально посланное такимъ образомъ письмо—то же самое что̀ было прежде доставлено частнымъ образомъ, но съ нѣкоторыми легкими измѣненіями. Французское судопроизводство повѣренныхъ (*procureurs*) не знаетъ. То-есть, уполномоченный вести какое-нибудь дѣло не можетъ говорить, какъ у насъ, „такой-то по довѣренности такого-то", а долженъ дѣйствовать прямо отъ лица своего довѣрителя. Кромѣ того, по указанной выше еще не окончательно установившейся интерпретаціи закона 1822 года въ настоящемъ случаѣ желательно было, чтобы за *Московскими Вѣдомостями*, „газетой"—съ перваго же шага и даже внѣ судебныхъ объясненій, ясно были видны издатели—*лица*. „Чтобъ имѣть отпоръ на всякое толкованіе закона", говоритъ не разъ уже цитованная консультація, не мѣшаетъ рядомъ съ газетой показать и ея издателей. Сообразно съ этимъ, требованіе „черезъ пристава" поведено прямо отъ лица издателей *Московскихъ Вѣдомостей*.

Привожу еще отрывокъ изъ консультаціи. „Что до матеріальнаго объема отвѣта, онъ закономъ не ограниченъ. Можно сказать, что онъ опредѣляется скорѣе нравственными соображеніями, чѣмъ легальными. Законъ 1822 разрѣшилъ отвѣту быть вдвое длиннѣе вызвавшей его статьи, но законъ 1835 года и, послѣ него, 13 статья закона 27-го іюля 1849 допускаютъ отвѣты и еще пространнѣе. Но менѣе чѣмъ вдвое большій отвѣтъ обязателенъ *даромъ*, въ противномъ же случаѣ излишекъ противъ двойной нормы долженъ быть *оплаченъ*: условіе оплаты—достаточная узда для излишнихъ разглагольствованій отвѣта. Законъ 1835 установилъ было оплату по тарифу объявленій даннаго изданія; законъ 1849 года не помѣстилъ этого постановленія; слѣдовательно, вопросъ зависитъ отъ взгляда суда. Во всякомъ случаѣ, издержки въ этомъ отношеніи не могутъ превзойти тарифа постановленія 1835 года. Нѣкоторые юрисконсульты полагаютъ что плата за излишній объемъ отвѣта должна быть произведена прежде его напечатанія. Такое строгое мнѣніе нельзя считать обязательнымъ. Юриспруденція, постоянно благопріятствующая праву отвѣта, признаетъ, что отвѣчающій вовсе не обязанъ заранѣе представлять деньги, и что сперва долженъ быть помѣщенъ отвѣтъ, а потомъ уже произведены разчеты. (Такъ рѣшено въ Парижѣ, 16-го мая 1850,—въ Мецѣ 23-го мая 1850.)"

Такъ какъ посланное письмо, содержащее въ себѣ, кромѣ пояснительныхъ строкъ, фальшивый переводъ и его исправленіе, больше чѣмъ вдвое вызвавшей его статьи, то для избѣжанія придирокъ, „приставу" было поручено въ самомъ актѣ предложить, за излишекъ, такую плату какую *Opinion Nationale* считаетъ нужнымъ взять, примѣняясь къ своему тарифу объявленій....

26-го декабря.

Поразмысливъ хорошенько надъ офиціальнымъ приглашеніемъ и подумавъ надъ нимъ нѣсколько дней, въ сегодняшнемъ нумерѣ *Opinion Nationale* отозвалась на него слѣдующими строками:

„Гг. главные редакторы *Московскихъ Вѣдомостей* настаиваютъ, чтобы мы помѣстили *переводъ*, который они сообщаютъ намъ чрезъ судебнаго пристава,—переводъ отрывка, заимствованнаго нами изъ ихъ газеты и присланнаго намъ изъ Брюсселя въ невѣрной передачѣ. Хотя мы сами, и *по собственному побужденію*, уже исправили нашу ошибку, какъ только ее узнали, тѣмъ не менѣе уступаемъ настояніямъ *Московскихъ Вѣдомостей.* Впрочемъ, это для насъ естественный случай лишній разъ отмѣтить *лукавое искусство русскихъ агентовъ*, которые, доставивъ намъ завѣдомо невѣрный переводъ статьи *Московскихъ Вѣдомостей, доставляютъ этой газетѣ средство добиться исправленія (fournissent à ce journal le moyen d'obtenir une rectification.*)

„Вотъ переводъ, котораго помѣщенія отъ насъ требуютъ:“

(*Слѣдуетъ исправленный текстъ Московскихъ Вѣдомостей*).

Замѣчу прежде всего, что помѣщеніе исправленнаго текста есть уже маленькая побѣда. Въ началѣ, когда подлогъ былъ открытъ журнальнымъ путемъ, *Opinion Nationale* не захотѣла, какъ требовало безпристрастіе и чувство нравственнаго достоинства газеты, перепечатать исправленный переводъ. Оттого и завязалось дѣло, оттого и послано ей письмо, что она уклонилась отъ этого помѣщенія. И вотъ теперь она печатаетъ вызвавшій всю суматоху переводъ, да еще должна желать, чтобъ этимъ помѣщеніемъ все было покончено....

Замѣчу еще, какое тяжкое нравственное значеніе имѣетъ для этой газеты сегодняшнее помѣщеніе исправленнаго перевода. Къ *Opinion Nationale,* по правиламъ журнальнаго общежительства, обращаются съ просьбою объ исправленіи путемъ печати. Она не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія; къ ней обращаются съ деликатнымъ частнымъ письмомъ—она говоритъ: „не хочу!“ Но какъ только погрозили ей судебнымъ преслѣдованіемъ,—она полуудовлетворяетъ требованію, и даетъ полуудовлетвореніе послѣ того какъ сказала: „не дамъ никакого“, т.-е. отступаетъ.

Если послѣ этихъ предварительныхъ соображеній обратиться къ болѣе пристальному разбору статьи, вотъ что̀ открывается. Съ первыхъ же строкъ—неправильное завѣреніе. „Настаиваютъ чтобы мы помѣстили *переводъ*“, говоритъ *Opinion Nationale.* Читателю извѣстно что *переводъ* составляетъ лишь часть письма, въ которомъ кромѣ того заключается напечатанный въ *Opinion Natinale* фальшивый текстъ и нѣкоторыя объясненія. Настаиваютъ на помѣщеніи не *перевода* только, а *письма.* Какую нужно имѣть храбрость чтобы переиначивать дѣло,

когда, помимо другихъ соображеній, противъ переиначиванья есть свидѣтельство акта *huissier*, акта офиціальнаго, гербоваго, записаннаго въ надлежащую книгу надлежащаго мѣста.. Весело будетъ адвокату объяснять и защищать на судѣ всѣ эти вилянья.

Далѣе на сцену опять является „*лукавое искусство русскихъ агентовъ*". Удивительно „искусно" дразнить намеками, когда можно задразниться до процесса или до непріятнаго офиціальнаго сообщенія!

Наконецъ, въ послѣднихъ строкахъ, чистосердечная исповѣдь. Прежде *Opinion Nationale* увѣряла что *Московскимъ Вѣдомостямъ* не нанасено никакого вреда, слѣдовательно онѣ не могутъ требовать помѣщенія отвѣта; теперь же оказывается что *Московскія Вѣдомости* имѣютъ средство „добиться исправленія". Запишемъ это собственное признаніе. Послѣ него удобно будетъ этой газетѣ аргументировать въ пользу прежняго тезиса!

Opinion Nationale, по всей вѣроятности, почувствовала себя кругомъ неправою и, надобно полагать, помѣстила переводъ вопервыхъ для того чтобы попробовать „не отвяжутся ли" *Московскія Вѣдомости*, удовлетворившись этимъ помѣщеніемъ; вовторыхъ, чтобы на судѣ говорить: „да вѣдь мы напечатали, существенное напечатали". Но *Московскія Вѣдомости*, вѣроятно, „не отвяжутся", а судъ не можетъ слушать никакихъ рѣчей, кромѣ рѣчей закона, который предписываетъ полное помѣщеніе отвѣта и не удовлетворяется выхваченнымъ клочкомъ, да еще запрятаннымъ, какъ это сдѣлала *Opinion Nationale*, въ трущобу послѣднихъ столбцовъ внутренняго листа, тогда какъ вызвавшая отвѣтъ статья красовалась на первой страницѣ. Помѣщеніе перевода и предпосланныя ему строки не освобождаютъ отъ процесса, напротивъ удручаютъ *Opinion Nationale* бременемъ новыхъ нравственныхъ и юридическихъ промаховъ.

Впрочемъ, вслѣдствіе нѣкоторыхъ политическихъ соображеній, о которыхъ говорить пока не время, искъ лучше начать не сію же минуту, а послѣ небольшой паузы. Кстати же теперь праздники.

Siècle тоже отозвался на препровожденное къ нему частное письмо. Уклоняясь отъ его помѣщенія, эта газета отвѣчала такимъ образомъ.

„Парижскій представитель *Московскихъ Вѣдомостей* пишетъ намъ, „протестуя противъ эпитета *офиціальный*, который мы придали этому „изданію. *Московскія Вѣдомости* вовсе не офиціальная газета, и не „офиціозная. Въ русскомъ языкѣ нѣтъ даже слова офиціозный. Принимаемъ это возраженіе корреспондента; но наше безпристрастіе не простирается до того чтобы войти съ нимъ въ пренія относительно другихъ фактовъ, которые онъ утверждаетъ или отрицаетъ своимъ частнымъ авторитетомъ и о которыхъ общественное мнѣніе произнесло „окончательное рѣшеніе."

Другими словами, безпристрастіе *Siècle* не простирается до того чтобы напечатать перечисленіе польскихъ фальшей и приглашеніе указать и *доказать* хоть одинъ подобный фактъ со стороны Россіи. *Siècle* находитъ благоразумнѣйшимъ упомянуть объ одной сторонѣ письма, другія же пройти молчаніемъ. Мораль этой басни я изложу на дняхъ въ журнальной статьѣ, которою ему здѣсь отвѣчу. Относительно посланнаго письма, требовать ли его помѣщенія серіозными мѣрами, или махнуть на *Siècle* рукой, это будетъ зависѣть отъ хода главнаго дѣла съ *Opinion Nationale*, такъ какъ одновременно дѣйствовать противъ нѣсколькихъ противниковъ было бы, можетъ-быть, не совсѣмъ удобно. На всякій же случай, такъ какъ всѣ эти господа „преній" избѣгаютъ и отъ „частнаго" обсужденія вопросовъ прячутся, я надѣюсь имѣть возможность поразить ихъ официальными свидѣтельствами (о кинжалахъ). Свидѣтельства такого рода могутъ понадобиться и на судебныхъ преніяхъ. Процессъ съ *Opinion Nationale*, напримѣръ, не о кинжалахъ, а о помѣщеніи письма; но адвокатъ противника не упуститъ случая заподозрить мимоходомъ фактъ открытія кинжаловъ, и надобно имѣть чѣмъ привести если не его самого, то судъ къ убѣжденію въ вѣрности разказаннаго *Московскими Вѣдомостями* факта.

France и *Patrie* отмалчиваются. *France* можно бросить или раздѣлаться съ нею газетнымъ путемъ. Упорство *Patrie*, помѣстившей, подобно *Opinion Nationale*, фальшивый текстъ цѣликомъ, быть-можетъ, повлечетъ за собою официальное приглашеніе (*sommation*) съ его послѣдствіями.

Н. Щербань.

Библіотека [stamp, partly illegible]

BAYERISCHE STAATS-BIBLIOTHEK MUENCHEN

Другими словами, бельгійская *Sûreté* не преслѣдуетъ [illegible] чтобы задержать перевозчиковъ подложныхъ фальшивыхъ [illegible] и прессованія хотя одинъ подобный фактъ со стороны Россіи [illegible] выходитъ благоразумнѣйшимъ, [illegible] себѣ самой сторонѣ [illegible] другой же придти [illegible] Морли, этой басни я [illegible] журнальной статьѣ, которую [illegible] здѣсь [illegible]. Относительно послѣд[illegible] писемъ, требуется за его помѣщенія серьезныхъ мѣръ, [illegible] утъ на *Sûreté* рукой, что будетъ зависѣть отъ хода [illegible] *Opinion Nationale*, такъ какъ одновременно дѣйствовать [illegible] скольких противниковъ было бы, можетъ-быть, не [illegible]. На всякій же случай, такъ какъ всѣ эти послѣднія [illegible] и отъ „частнаго“ обсужденія [illegible] возможность поразить ихъ офиціальными свидѣтельствами (о [illegible]). Свидѣтельства такого рода могутъ понадобиться и въ судебныхъ преніяхъ. Процессъ съ *Opinion Nationale*, напримѣръ, [illegible] о [illegible] и о помѣщеніи письма; но [illegible] не упустить случая [illegible] фактъ [illegible], и надобно [illegible] привести если не его самого, то судъ къ убѣжденію въ вѣрности разсказаннаго Моніторомъ Бельгійскимъ факта.

Etoile и *Belge* [illegible]. Кромѣ [illegible] должно бросить взглядъ [illegible] съ [illegible] *Patrie*, [illegible] *Opinion Nationale*, [illegible] за собою офиціальное примѣчаніе ([illegible]) съ его [illegible].

Н. Щербовъ.

386
2640
24770
125 50

ALOIS KRUIS
BUCHBINDEREI
MÜNCHEN
SENDLINGERSTR. 10^{II}
TELEFON 26154

BSB Bayerische StaatsBibliothek

MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Katkov, Michail N.,

1863/64 god sobranie statej po pol▯skomu voprosu pomeščavšichsja v Moskovskich vedomostjach, Russkom vestnike i sovremennoj letopisi

Bd.: 2

1887

Polon. 133 y-2

urn:nbn:de:bvb:12-bsb11885827-5